

ИСТОРИЯ ГЕРМАНСКАГО НАРОДА

КАРЛА ЛАМПРЕХТА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТИ III и IV.

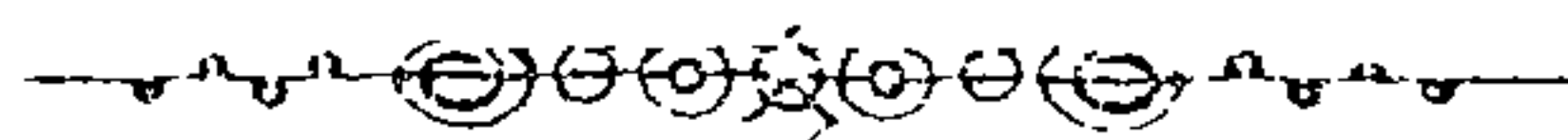

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

П. НИКОЛАЕВА.

Издание К. М. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій п., свой д
1895.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Введение.

Стран.

Три типическіе вѣка автономнаго національнаго развитія. Два періода средневѣковой исторіи Германіи. Первое появленіе денежнаго хозяйства въ городахъ, какъ существенная причина наступленія второго періода; его вліяніе на церковь, государство, общественную и духовную жизнь, особенно въ смыслѣ національнаго объединенія. Причина и способъ перехода отъ типической духовной жизни къ условной . . . 1 — 8

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Города и бюргеры въ эпоху Штауфеновъ.

I. Раннее развитіе нѣмецкой торговли.

Пассивная торговля первыхъ вѣковъ; торговля Фризовъ. Активная торговля съ 9 вѣка; торговые раіоны; открытіе международной западно-восточной торговли въ 12 вѣкѣ . . . . . 11—16

II. Появленіе денежнаго хозяйства и развитіе бюргерства.

Соціалистическій и индивидуалистическій періодъ крупныхъ экономическихъ эпохъ. Вторая половина среднихъ вѣковъ; соціалистическій періодъ денежнаго хозяйства: гильдіи и цехи . . . . . 16—18

III. Гильдіи.

Характеръ старой торговли. Гильдія, какъ товарищество провознаго промысла. Мѣстная гильдія на родинѣ, ея филиаціи за границей. Гильдія, какъ носительница общественныхъ правъ . . . . . 18—22

IV. Рынки.

Древность и характеръ рынковъ. Рынокъ, какъ торговое свободное

мѣсто, пользующееся благами королевскаго мира. Рыночный судъ, какъ судъ личной, а потомъ вещной общины. Развитие матеріальнаго городского права. Рыночный судъ и высшій судъ . . . . . 23—25

V. Города.

Отношенія рынковъ къ административному дѣленію франкскаго государства на округа и раздѣленіе общинъ-марокъ по округамъ. Отношеніе совѣта къ гильдіи и къ коллегіи шофеновъ, какъ судебному учрежденію . . . . . 25—30

VI. Владѣльцы рынковъ и городовъ.

Переходъ владѣнія рынками къ вельможамъ, въ особенности къ епископамъ. Расширеніе владѣнія рынкомъ во владѣніе городомъ. Развитие министеріальной администраціи во владѣльческихъ городахъ; переходъ отъ такой администраціи къ городскому патриціату. Вліяніе владѣльцевъ городовъ на города . . . . . 30—33

VII. Города и королевство.

Политическое вліяніе городовъ во второй половинѣ II вѣка. Города и первые изъ Штауфеновъ. Политическія симпатіи городовъ къ Англіи въ 13 вѣкѣ. Городская политика императора Фридриха II. Апогей политическаго значенія городовъ середины 13 вѣка . . . . . 33—36

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Измѣненіе условій землевладѣнія отъ 10 до 12 вѣка. Политика развитія территорій.

I. Хозяйственный прогрессъ отъ 9 до 12 вѣка. Колонизація Германіи.

Расчистка въ лѣсахъ; исторія лѣса до 13 вѣка; колонизація посредствомъ свободныхъ людей, заселеніе помѣстій. Воздѣлываніе земли въ общинахъ-маркахъ; спеціальныя культуры; упадокъ стараго строя. Общій обзоръ хозяйственныхъ измѣненій; появленіе поземельной ренты; значеніе крупныхъ помѣстій . . . . . 37—42

II. Реформа крупныхъ помѣстій.

Развитіе и упадокъ хозяйства въ крупныхъ помѣстьяхъ въ первый періодъ среднихъ вѣковъ; судьба управителей, какъ администраціи помѣстья; поземельное владѣніе превращается въ институтъ собиранія ренты. Появленіе болѣе свободныхъ отношеній крѣпостныхъ; утрата владѣльцами поземельной ренты, свободная аренда дворовыхъ имуществъ. Приобрѣтеніе помѣщичьими управленіями хозяйственной самостоятельности; эмансипація министеріаловъ и управителей; появленіе мелкихъ помѣстій (рыцарскихъ имѣній). Крупное помѣстіе окончательно становится институтомъ полученія ренты . . . . . 42—49

III. Полное развитіе помѣстной системы.

Стран.
 Приобрѣтеніе помѣстьями политическихъ правъ, выходящихъ изъ предѣловъ древней конституціи. Появленіе помѣщичьяго суда . . . . . 50—52

IV. Появленіе новыхъ зависимыхъ отношеній, соединеніе ихъ съ правами помѣщиковъ.

Исчезновеніе барщинныхъ крестьянъ. Крестьяне фогствъ. Устройство фогствъ въ помѣстьяхъ . . . . . 52—55

V. Начатки развитія территорій.

Помѣстье, какъ колыбель территоріи. Приобрѣтеніе помѣщиками дальнѣйшихъ общественныхъ правъ: политическаго права верховной власти и финансовыхъ правъ. Начатки територіальнаго управленія: мѣстное управленіе (низшіе суды, постройка бурговъ и вышіе суды). Центральное управленіе. . . . . 55—59

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политическія слѣдствія измѣнившагося общественнаго строя.

I. Общественное движеніе отъ 10 до 12 вѣка и общественная власть.

Роль королевской власти въ развитіи общественнаго разслоенія. Значеніе права франковъ. Автономно-политическій моментъ общественнаго развитія; появленіе сословій, ихъ развѣтвленія и ихъ равноправность, ихъ воздѣйствіе на государство . . . . . 60—66

II. Образованіе ленной системы; ея вліяніе на конституцію и особенно на королевскую власть.

Общая исторія ленной системы въ Германіи; особая натурально-хозяйственная окраска этой системы; появленіе бенефицій; появленіе наследственности леновъ; аристократическій характеръ учрежденія. Ленная система и княжеская власть; появленіе новаго высшаго дворянства около 1180 года, его характеръ, его вліяніе на королевскую власть . . 66—71

III. Министеріальное управленіе Штауфеновъ и его судьба.

Уничтоженіе епископскаго управленія королевствомъ. Созданіе Фридрихомъ I управленія королевствомъ министеріалами. Упадокъ этаго управленія при позднѣйшихъ Штауфенахъ, безнадежное будущее новой системы управленія (фогства) . . . . . 71—75

IV. Сущность королевской власти въ средніе вѣка.

Обязанности центральной власти; ея характеръ, ея воздѣйствіе. Политическія и моральныя опоры королевской власти; монархическое чувство, церковный универсализмъ. Преобразование конституціи королевства въ имперскую; государственно-правовыя вліянія ленной системы, упроченіе рейхстаговъ. Финансовыя затрудненія; непригодность стараго финансоваго управленія; растрата регалій; увеличеніе задолженности . . . . . 75—84

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Королевская власть при Штауфенахъ; возобновленіе стремленій къ созданію всемірной монархіи 1152—1197.

I. Первые годы царствованія Фридриха I, 1152—1155.

Стран.

Избраніе Фридриха; его личность. Обеспеченіе могущества дома Штауфеновъ, примиреніе съ Вельфами; усиленіе свѣтскихъ князей; независимое отношеніе къ куріи. Первый походъ въ Римъ; подложеніе дѣлъ въ верхней Италіи; коронованіе императора, отступленіе . . . 87—92

II. Императорская политика въ Ломбардіи, 1155—1158

Умиротвореніе Германіи и упроченіе отношеній; Австрія становится герцогствомъ, усиленіе могущества дома Штауфеновъ. Первая борьба съ куріей, Рейпальдъ Дассель. Ломбардская политика; возвращеніе регалій и другихъ королевскихъ правъ на основаніи ученій римскихъ юристовъ; Ронкальскія рѣшенія въ 1158 г. . . . . 92—98

III. Борьба противъ Ломбардіи и Александра III, пораженіе императора, 1158—1168.

Исполненіе Ронкальскихъ рѣшеній; противодѣйствіе Ломбардовъ. Возобновленіе борьбы съ куріей; выборъ антипапы; Александръ III противъ императора за Ломбардовъ. Подчиненіе Ломбардовъ. Борьба противъ папы; рейхстагъ въ Вюрцбургѣ; второй походъ въ Римъ; битва при Тускулумѣ; пораженіе нѣмецкаго войска; смерть Рейнальда Дасселя . . . . . 98—104

IV. Новая война съ Ломбардіей; соглашеніе съ папой; низверженіе Генриха Льва 1168—1180.

Политика въ Германіи; возстановленіе равновѣсія между свѣтскими и духовными князьями, усиленіе могущества дома Штауфеновъ. Возобновленіе ломбардской войны, битва при Левинно. Договоръ въ Ананіи; мирный конгрессъ въ Венеціи. Низверженіе Генриха Льва; увеличеніе могущества духовныхъ князей . . . . . 104—110

V. Универсальная политика въ 1180—1190 гг.

Соглашеніе съ Ломбардами. Констанцскій міръ. Попытка пріобрѣтенія Сициліи; послѣдняя борьба съ куріей; затрудненія на цижнемъ Рейнѣ. Третій крестовый походъ. Смерть Фридриха I . . . . . 110—115

VI. Универсальная политика Генриха VI.

Возвращеніе Генриха Льва; неудачная попытка завосванія Сициліи. Попытки упроченія и усиленія монархіи въ Германіи; возмущеніе Вельфовъ и нижне Рейнскихъ князей. Плѣненіе короля Ричарда Левинное Сердце. Подавленіе возмущенія князей; планы нѣмецкой конституціи; восточная политика. Смерть Генриха VI . . . . . 115—120

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитіе и сущность рыцарскаго общества.

I. Уклоненіе умственнаго развитія отъ религіозныхъ интересовъ.

Стран.

Устраненіе вопроса объ инвеститурѣ. Крестовые походы получаютъ свѣтскій характеръ; ихъ вліяніе въ этомъ направленіи. Обращеніе къ національному и уклоненіе отъ церковности; ереси, терпимость, секуляризація образованія; рыцарскій евдемонизмъ и фатализмъ. Отношеніе духовенства къ такому направленію; рыцарскій идеалъ; секуляризація юриспруденціи. Рыцарство и бюргерство. Единство образованія среди руководящихъ общественныхъ слоевъ; отношеніе этого образованія къ развитію духовной жизни Германія . . . . . 121—128

II. Начатки новаго общества.

Дворяне землевладѣльцы и министеріалы, *ordo equestris major* и *minor*. Сліяніе обоихъ, окончательное образованіе рыцарства. Новый идеалъ—геройство и любовь къ женщинѣ. Развитіе рода и семья съ 10 вѣка; положеніе женщины какъ подруги и царицы въ рыцарскомъ идеалѣ любви. Начатки рыцарскаго общества . . . . . 128—134

III. Французскія вліянія.

Общія заключенія объ исторіи рыцарства у народовъ, живущихъ на берегахъ Средиземнаго моря и у западно Европейцевъ. Первыя рецепціи съ запада до уничтоженія мистическаго направленія Бернарда Клервоскаго. Распространеніе вліянія французскаго придворнаго общества; вліяніе Прованса, Шампаньи, нижняго Рейна. Значеніе сѣверной Франціи и въ особенности Нидерландовъ; французско-нѣмецкая культура Фландріи и Брабанта. Направленіе французскаго вліянія съ нижняго Рейна къ югу и къ юговостоку. Средняя и сѣверная Германія свободны отъ французскаго вліянія . . . . . 134—141

IV. Характеръ рыцарскаго общества.

Общественныя слѣдствія героизма и любви къ женщинѣ. Нравственность и нравы. Самообладаніе, какъ сущность нравственно-приличнаго. Значеніе этикета; отношеніе его къ старой символикѣ. Глубокое нравственное міровоззрѣніе рыцарской жизни. Характеръ образованія. Рыцарское воспитаніе . . . . . 141—145

V. Эпоха упадка.

Служеніе женщинѣ становится чудачествомъ. Уничтоженіе героическаго идеала. Разрушеніе общественной жизни. Извращеніе умственныхъ, художественныхъ и поэтическихъ интересовъ. Экономическій, политическій и общественный упадокъ . . . . . 145—14

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Умственная культура эпохи Штауфеновъ.

I. Эстетическій характеръ образованія; условность міровоззрѣнія.

Стран.

Формы историческаго и систематическаго мышленія еще поэтическія. Истина и поэзія въ представленіи еще не различаются. Образованіе эстетично; идеаль его умѣренность (maße). Условность духовной жизни; отсутствіе индивидуалистическаго сознанія. Условное воспроизведеніе чловѣка и природы искусствомъ и поэзіей . . . . . 149—156

II. Переходъ отъ умственной жизни временъ Оттоновъ къ рыцарской культурѣ

Переходъ латинскаго возрожденія въ народное. Духовная поэзія на нѣмецкомъ языкѣ. Духовный матеріаль въ народно-нѣмецкой обработкѣ. Свѣтскій французскій матеріаль въ переработкѣ его духовенствомъ. Аналогичное развитіе живописи . . . . . 156 . 161

III. Начатки новой культуры.

Поэтическая дѣятельность странствующихъ поэтовъ. Преобразование героической пѣсни; ея переходъ въ Баварію и Австрію; она записывается въ формѣ придворной поэзіи. Народная лирика. Появленіе и первоначальныя формы придворной лирики . . . . . 161 . 165

IV. Расцвѣтъ рыцарской культуры: поэзія.

Французское вліяніе на нѣмецкую лирику. Рефлектирующая любовная поэзія. Вальтеръ Фогельвейде и позднѣйшіе лирики. Эпосъ: французское вліяніе и нѣмецкая переработка; ранніе эпические поэты: Генрихъ Вельдеке, Гартманъ Ауе, Годфридъ Страсбургскій и Вольфрамъ Эшенбахъ . . . . . 166 . 175

V. Расцвѣтъ рыцарской культуры: искусство.

Вопросъ о французскомъ вліяніи. Рисунки перомъ; переходъ къ рисункамъ тушью. Упадокъ орнаментальныхъ формъ и развитіе условныхъ формъ. Устраненіе гѣратическаго искусства въ книжной и стѣпной живописи. Пластика; скульптура въ восточной Лотарингіи . . . 175 - 179

VI Упадокъ.

Лирика: любовная поэзія, деревенская поэзія, народная пѣсня. Эпосъ: романъ приключеній, народный эпосъ, рифмованная хроника. Появленіе народнаго элемента и духовная литература . . . . . 179—183

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Распаденіе имперіи.

I. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV, 1198—1208.

Положеніе королевства при Фридрихѣ I и Генрихѣ VI. Политическія и общественныя условія въ первой половинѣ 13 вѣка. Двойное из-

браніе Филиппа и Оттона. Сближеніе Оттона съ куріей: успѣхи Иннокентія III въ Италіи; онъ высказывается въ пользу Оттона. Уменьшеніе значенія Оттона въ Германіи; усиленіе Филиппа. Убійство Филиппа. 184 — 190

II. Царствованіе Оттона, 1208—1215.

Упроченіе власти Оттона въ Германіи; переходъ на его сторону министеріаловъ Штауфеновъ. Походъ въ Италію, коронованіе императоромъ; стремленіе въ Сицилію; отлученіе отъ церкви. Отпаденіе князей въ Германіи; возвышеніе Фридриха II. Надежды на великій крестовый походъ: полная побѣда куріи . . . . . 190—193

III. Итальянская и универсальная политика Фридриха II, 1215—1231.

Смерть Иннокентія III. Регулированіе отношеній между Сициліей и Германіей. Генрихъ (VII) нѣмецкій король. Фридрихъ императоръ и король Сициліи. Привиллегія въ пользу духовныхъ князей. Отношенія къ куріи, организація Сициліи. затрудненія въ Ломбардіи, крестовый походъ 1228—1229 гг. . . . . 193 — 197

IV. Нѣмецкая исторія и политика въ 1220—1237 гг.

Управленіе Энгельберта Кельнскаго; вліяніе папы на нѣмецко-датскія отношенія; пизнерейнская политика Энгельберта, его смерть. Управленіе королевства свѣтскими князьями. Управленіе имперскихъ служащихъ; вмѣшательство Фридриха; княжескія привиллегіи 1231—1232 гг. Низложеніе короля Генриха. Имперскій миръ 1235. . . . . 197—203

V. Прекращеніе дома Штауфеновъ.

Ломбардская война, побѣда надъ папами; Фридрихъ достигаетъ апогея своего могущества Французскія вліянія; избраніе Иннокентія IV; соборъ въ Лионѣ, Генрихъ избранъ духовными князьями королемъ. Смерть Фридриха II, прекращеніе его рода . . . . . 203—208

VI. Уничтоженіе имперской конституціи 1246—1272

Король Генрихъ. Избраніе Вильгельма Голландскаго. Король Вильгельмъ и Рейнскій союзъ. Избраніе иностранныхъ королей; распаденіе Рейнскаго союза. Распаденіе старой имперіи . . . . . 208—212

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Обособленіе нѣмецкой народности во Фландріи и въ Голландіи отъ 10 до 13 вѣка.

I. Перемѣщенія центра тяжести нѣмецкой исторіи съ запада на востокъ.

Различіе нѣмецкой исторіи отъ исторіи другихъ европейскихъ націй. Періодъ перемѣщенія центра тяжести къ западу. Періодъ обратнаго движенія къ востоку. Конечный результатъ и его значеніе для дальнѣйшаго хода нѣмецкой исторіи . . . . . 215—219

II. Нѣмцы во Фландріи до конца 13 вѣка.

Стран.

Распаденіе герцогства нижней Лотарингіи; значеніе герцоговъ Брабантскихъ. Отношенія Фландріи къ Франціи и къ нѣмецкому королевству. Развитіе нѣмецкаго населенія Фландріи до появленія городовъ. Фландрія, какъ промышленное государство и главный центръ международной торговли на сѣверъ западной Европы въ 12 и 13 вѣкахъ. Политика и исторія графовъ Фландрскихъ до конца 13 вѣка. Условія страны въ первой половинѣ 14 вѣка . . . . . 220—229

III. Самостоятельное развитіе Голландіи до прекращенія дома ея старыхъ графовъ.

Голландія въ первое тысячелѣтіе нѣмецкой исторіи. Графъ Диркъ III пріобрѣтаетъ устья Рейна. Нападенія на западныхъ и восточныхъ Фризовъ; окончательное пріобрѣтеніе Зюдерзее въ 13 вѣкѣ. Внутренняя политика при королѣ Вильгельмѣ и Флорисѣ V; процвѣтаніе городовъ въ 13 вѣкѣ. Эпоха натурального хозяйства: колонизація болотъ. Прогрессъ заселенія страны до 11 вѣка; аналогія съ подобными же явленіями во Фландріи . . . . . 229—233

IV. Фландрія и Голландія, какъ очаги колонизаціонныхъ стремленій нѣмцевъ на востокъ.

Свободный характеръ колонизаціи болотъ въ Голландіи и Фландріи. Округа поселеній обладаютъ автономнымъ управленіемъ, особой церковной жизнью и особымъ судомъ. Отношенія колонистовъ къ государству. Моральныя и матеріальныя условія перенесенія формъ колонизаціи въ Германію . . . . . 233—236

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Германизація страны между Эльбой и Одеромъ.

I. Славянская культура; императорская политика 10—12 вѣка въ относительно Эльбскихъ славянъ.

Поселеніе славянъ въ прежнихъ германскихъ областяхъ востока. Политика Карла Великаго относительно славянъ; королевство Моравія во второй половинѣ 9 вѣка. Славянскія народности и культура при первыхъ нѣмецкихъ императорахъ. Славянская политика саксонскихъ и франконскихъ императоровъ . . . . . 237—245

II. Успѣхи территориальныхъ князей между Эльбой и Одеромъ въ 12 вѣкѣ.

Положеніе славянскихъ государствъ въ первой половинѣ 12 вѣка; дѣятельность Лотаря саксонскаго. Альбрехтъ Медвѣдь; основаніе марки Бранденбургъ. Графъ Адольфъ II Голштинскій. Генрихъ Левъ — завоеватель и государь колоній къ юго-востоку отъ Остзее . . . . . 245—250

III. Причины колонизаціи востока.

Распространеніе колонизаціонной области на всю Германію; обще

распространенность причинъ колонизации. Общественная причина: освобожденіе личности отъ оковъ стараго общиннаго хозяйства. Юридическая причина: появленіе свободной аренды, примѣненіе ея къ колонизации. Экономическая причина: увеличеніе размѣра гуфы при колонизации (королевская гуфа). Характеръ и настроеніе колонистовъ. 251—256

IV. Начатки колонизации метрополи и земель сорбовъ.

Воздѣлываніе земли во Фландріи и Голландіи. Нидерландцы—колонисты болотъ около Бремена и Гамбурга. Перенесеніе ихъ формъ колонизации въ другія страны и въ общее право. Завоеваніе и германизация страны сорбовъ въ 10—12 вѣкахъ. Появленіе нидерландскихъ и франконскихъ колонистовъ въ этой странѣ въ 12 вѣкѣ. Значеніе горной промышленности и городской жизни для позднѣйшей полной германизации страны . . . . . 256—260

V. Германизации Вагріи, Бранденбурга и Мекленбурга; колонизаторская дѣятельность Цистерціановъ.

Графъ Адольфъ II Голштинскій, первый колонизаторъ; Нидерландцы, Вестфальцы и Голштинцы въ Вагріи; основаніе Любека. Бранденбургъ: епископъ Ансельмъ Гавельбергскій, Альбрехтъ Медвѣдь. Характеръ колонизации деревень; судьба славянскаго населенія. Вѣкъ основанія городовъ. Страна къ востоку отъ нижней Эльбы до Шверина; переселенцы изъ Саксонии и Вестфалии. Премонстранты и Цистерціане: Цистерціане въ Силезіи и Поммераніи . . . . . 261—267

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Успѣхи нѣмцевъ на юго-востокѣ и на сѣверо-востокѣ вправо отъ Одера; исторія колонизации до начала 14 вѣка.

I. Нѣмецкое вліяніе и нѣмецкая колонизация въ Дунайскихъ земляхъ, въ Моравіи и въ Богеміи

Появленіе восточной марки на Дунаѣ. Каринтія и ея марки. Соединеніе восточной марки съ прежними каринтійскими марками: начатки Австріи. Австрійская культура въ 12 и 13 вѣкахъ. Нѣмцы въ Венгріи: Зибенбургенъ, Карпатскія земли (Зипсѣ); основаніе городовъ во второй половинѣ 12 вѣка. Богемія и Моравія: призывъ нѣмецкихъ бюргеровъ; нѣмцы въ деревняхъ богемской центральной низменности и въ горныхъ пограничныхъ деревняхъ . . . . . 268—275

II. Германизация Силезіи.

Силезія, какъ часть польскаго государства, находилась подъ вліяніемъ польской культуры. Начало нѣмецкаго вліянія со второй четверти 12 вѣка, политическая самостоятельность съ третьей четверти того же вѣка. Герцоги Болеславъ Долгій и Генрихъ Бородатый, какъ германизаторы. Упадокъ нѣмецкаго вліянія въ теченіи второй половины 13 вѣка, послѣ смерти Генриха II. Соединеніе Силезіи съ Богеміей. 275—280

III. Нѣмцы и Датчане до паденія Вальдемара; приобрѣтеніе Лифляндіи.*Стран*

Нѣмцы и древняя торговля на Остзее. Крупная нѣмецкая торговля со времени основанія Любека; обращеніе въ христіанство и германизация Лифляндіи. Усиленіе Даніи послѣ низверженія Генриха Льва; временное оттѣсненіе нѣмцевъ изъ Остзее; завоеваніе Эстляндіи, нападеніе на нѣмецкую Лифляндію. Битва при Борнгёведе (1227); паденіе Даніи; Лифляндія остается за нѣмцами . . . . . 280—285

IV. Завоеваніе Пруссіи.

Культура Пруссовъ. Миссіи среди нихъ. Призывъ нѣмецкаго ордена. Завоеваніе страны на берегахъ Вислы и Остзее. Соединеніе съ орденомъ лифляндскихъ рыцарей меча. Завоеваніе среднихъ прусскихъ провинцій. Завершеніе устройства государства нѣмецкаго ордена къ концу 13 вѣка не смотря на частыя возстанія. Приобрѣтеніе Поммераніи; перемѣщеніе столицы гроссмейстера въ Маріенбургъ . . . 285—293

V. Бранденбургъ при домѣ Асканіевъ; общественное и политическое развитіе Бранденбурга до 14 вѣка

Значеніе Бранденбурга послѣ распадненія герцогства Генриха Льва. Приобрѣтенія Асканіевъ въ 13 вѣкѣ. Внутреннее развитіе; положеніе маркграфа и его управленіе; затрудненія воинскаго строя; появленіе рыцарства; гнетъ его надъ крестьянами. Уничтоженіе свободы колонизаціи въ Бранденбургѣ и вообще на сѣверо-востокѣ . . . . . 293—301

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.**КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.****ГЛАВА ПЕРВАЯ.****Возстановленіе національной королевской власти.****I. Положеніе монархіи и императорской власти во второй половинѣ 13 вѣка.**

Сущность всемірно-историческаго развитія. Обая форма перехода античной культуры къ Германцамъ: Имперія и церковь. Имперія и церковь, какъ факторы нѣмецкаго національнаго единства; ихъ упадокъ съ 11 вѣка. Внутреннія силы національнаго объединенія: образованіе территорій, колонизация востока и развитіе городовъ . . . . . 307—312

II. Территоріи и князья въ срединѣ 13 вѣка.

Церковныя территоріи. Свѣтскія территоріи метрополіи. Свѣтскія территоріи колониальныхъ областей. Особенно значеніе Богеміи съ 13 вѣка. Король Оттокаръ II, какъ завоеватель и государь . . . . . 312—317

Ш. Избраніе короля Рудольфа; измѣненія въ имперской конституціи.

Стран.

Различные интересы при избраніи нѣмецкаго короля: нація, курія и князья. Кандидатура Рудольфа, его положеніе и его родъ. Избраніе Рудольфа. Коллегія курфюрстровъ, ея происхожденіе, одѣвка ея положенія по отношенію къ конституціи Германіи. Возвращеніе имперскихъ имуществъ, введеніе правъ курфюрстровъ на совѣщательный голосъ при нѣкоторыхъ изъ дѣйствій короля. . . . . 317—327

IV. Созданіе родоваго могущества Габсбурговъ. Рудольфъ и нѣмецкое королевство.

Отношенія Рудольфа къ папѣ. Борьба съ Оттокаромъ и смерть Оттокара. Устройство отношеній въ Богеміи, приобрѣтеніе Габсбургскимъ домомъ Австріи и Штиріи. Родовая политика въ Швабіи и Бургундіи. Положеніе дѣлъ въ нѣмецкомъ королевствѣ. Легенда объ императорѣ Фридрихѣ, лже-Фридрихи. Земскій миръ Рудольфа. Заботы о томъ, чтобы ему наследовалъ Альбрехтъ. Смерть и личный характеръ Рудольфа . . . . . 327—338

V. Царствованіе Адольфа Нассаусскаго.

Избраніе Адольфа, подкупы при выборахъ. Значеніе избранія для конституціи королевства. Стремленіе прибрѣсти родовую территорию въ Тюрингіи. Французская политика Адольфа. Заговоръ князей противъ него. Его погибель . . . . . 338—343

VI. Король Альбрехтъ; нѣмецкая корона, курія и Франція.

Избраніе Альбрехта. Начало его царствованія. Война съ рейнскими курфюрстрами, оригинальный результатъ ея благодаря папскому вліянію. Альбрехтъ и курія. Нѣмецкое королевство и Франція. Замѣлательства на востокъ. Усложненія въ силу вражды папства, едѣлавшагося французскимъ. Успѣхи и надежды нѣмецкой королевской власти. 343—349

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣдняя великая борьба между папствомъ и имперіей; Золотая Булла.

I. Церковь и папство въ концѣ 13-го и началѣ 14 вѣковъ.

Образованіе догмы и схоластика въ восточной и западной церквахъ. Значеніе схоластики для западной церкви и ея господство. Церковь, какъ юридическое учрежденіе, теократическая система. Положеніе папства послѣ погибели Штауфеновъ; отношенія папъ къ Анжуйскому дому, къ крестовымъ походамъ и къ Франціи. Бонифацій VIII и Филиппъ IV. Первые папы въ Авиньонѣ подъ вліяніемъ Франціи . . . 350—355

II. Императоръ Генрихъ Люксембургскій.

Франція и избраніе Генриха. Люксембургскій домъ. Личность Генриха. Приобрѣтеніе Богеміи. Намѣреніе Генриха получить император-

скую корону, папа и Франція. Положеніе Италіи. Походъ въ Римъ.
Смерть Генриха . . . . . 356—361

Ш. Двойные выборы 1314 года; первая борьба короля Людвига съ куріей.

Кандидатура Іоанна Богемскаго, избраніе Фридриха Австрійскаго и Людвига Баварскаго. Плѣнь Фридриха, родовая политика Людвига. Отношенія къ куріи, стремленія папъ къ господству надъ Италіей, столкновение съ Людвигомъ. Первый процессъ Іоанна XXII противъ Людвига. Апелляція Людвига въ Саксенгаузенъ; споръ о бѣдности и минориты при дворѣ Людвига. Низложеніе Людвига Іоанномъ XXII. Настроеніе въ Германіи. Отношенія Австріи къ папѣ и Франціи. Дѣйствія Людвига, отступленіе короля Фридриха. Новыя теоріи государственнаго церковнаго права и король Людвигоу: Марсилій падуанскій. Походъ въ Римъ. Коронаваніе. . . . . 362—372

IV. Дальнѣйшая борьба съ папствомъ; національное пробужденіе.

Положеніе Людвига по возвращеніи его изъ Италіи. Переговоры съ Іоанномъ XXII, планъ отреченія Людвига. Переговоры съ Бенедиктомъ XII. Перерывъ переговоровъ, союзъ съ Англіей, національное возбужденіе въ Германіи, союзъ курфюрстовъ въ Оберландахъ; рѣшенія въ Рензе и Франкфуртъ . . . . . 373—377

V. Последніе годы Людвига; начало царствованія Карла; Золотая Булла.

Новое униженіе Людвига предъ папой. Родовая политика Людвига. Возстаніе противъ Людвига, избраніе Карла IV. Его характеръ и начало царствованія; примиреніе съ Виттельсбахами, коронаваніе и Золотая Булла . . . . . 377—385

VI. Общій обзоръ періода отъ Рудольфа Габсбургскаго.

Королевство, имперія, курія и Франція. Характеръ нѣмецкой королевской власти этого періода; упадокъ исполнительной власти короля. Развитіе общественныхъ силъ въ Германіи; упадокъ дворянства. Виды будущаго . . . . . 385—390

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отдѣльныя государственныя образованія на границахъ нѣмецкаго королевства.

I. Общій обзоръ ихъ.

Различія въ развитіи областей периферіи королевства, съ одной стороны на сѣверъ и востокъ, съ другой стороны на юго-западъ и западъ. Характеръ культуры на сѣверо-востокъ Германіи и положеніе Швейцаріи и Фландріи . . . . . 391—394

II. Развитіе Швейцаріи до конца среднихъ вѣковъ.

Три лѣсные кантона: Ури, Швицъ и Унтервальденъ; ихъ перво-

начальныя отношенія къ графамъ Габсбургскимъ и ихъ непосредственная зависимость отъ имперіи. Развитие изъ нихъ Швейцарскаго союза. Присоединеніе къ союзу другихъ кантоновъ. Отдѣленіе отъ имперіи. Легенда о происхожденіи союза. Легенда и исторіографія . . . 394—400

III. Событія во Фландріи въ 14 вѣкѣ.

Общее политическое положеніе сѣверо-западной Германіи къ концу 13 вѣка. Фландрія и Брабантъ и ихъ отношенія къ союзнымъ государствамъ. Фландрія и нѣмецкія территоріи на сѣверо-востокъ и востокъ. Французское вліяніе во Фландріи до Англо-французской войны при Эдуардѣ III. Участіе Фландріи въ этой борьбѣ, Яковъ Артевельде. Филиппъ ванъ Артевельде. Присоединеніе Фландріи къ Бургундіи. Фландрія и нѣмецкая нація . . . . . 400—405

IV. Города сѣверной Германіи и ихъ торговля до конца 13 вѣка, начало Ганзы.

Старая торговля въ Англіи. Лондонская гильдія. Старая торговля на Балтійскомъ морѣ, значеніе Висби. Нѣмцы пріобрѣтаютъ берега Балтійскаго моря, основаніе Любека. Политика Любека до конца 13 вѣка; пріобрѣтеніе гегемоніи въ Балтійскомъ морѣ, крупное значеніе Остерлинговъ во Фландріи и въ Англіи . . . . . 405—411

V. Борьба князей изъ за власти надъ Балтійскимъ моремъ; побѣда Даніи при Вальдемарѣ Аттердагѣ.

Германскіе князья въ области Балтійскаго моря въ 13 вѣкѣ. Значеніе Даніи, Голштейна и Бранденбурга. Соперничество Бранденбурга и Даніи, побѣда Даніи при помощи городовъ. Возвышеніе Голштейна. Завоеваніе Даніи Голштинскимъ графомъ Гергардомъ. Ниспроверженіе власти Голштейна Вальдемаромъ при помощи городовъ. Увеличеніе могущества Вальдемара; владычество Даніи надъ моремъ. . . . . 411—417

VI. Мекленбургцы въ Швеціи; побѣда князей и городовъ надъ королемъ Вальдемаромъ; гегемонія городовъ.

Политическое положеніе скандинавскаго полуострова. Швеція, Готландъ, Шоненъ, и ихъ значеніе для нѣмецкихъ городовъ. Развитие союза городовъ. Первая борьба съ Вальдемаромъ. Измѣненія въ Швеціи, Альбрехтъ мекленбургскій — шведскій король. Коалиція нѣмецкихъ городовъ и князей противъ короля Вальдемара; миръ въ Штральзундѣ. Побѣда городовъ, пораженіе нѣмецкихъ князей . . . . . 417—425

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общественное и политическое развитіе бюргерскаго сословія до второй половины 14-го вѣка.

I. Конецъ господства родовъ

Стран.

Слѣдствія упадка соціальнаго вліянія центральной власти; происхожденіе борьбы между городомъ и деревней. Приобрѣтеніе городами самостоятельности посредствомъ борьбы патриціанскаго совѣта и его финансовыхъ переговоровъ съ старыми владѣльцами городовъ. Образованіе конституціи совѣта; городское управленіе. Упадокъ господства патриціанскихъ родовъ . . . . . 429—435

II. Происхожденіе цеховъ.

Древнія формы промысловой дѣятельности, промыслы домашніе и отхожіе. Промыслы крѣпостныхъ въ помѣстьяхъ. Происхожденіе рынковъ: свободные домашніе промыслы, появленіе самостоятельныхъ работниковъ. Начатки цеховъ. Характеръ древнихъ цеховъ; различіе ихъ товарищескаго типа отъ типа рыночныхъ товариществъ. Цехи наслѣдственны . . . . . 435—441

III. Цеховое движеніе и господство цеховъ.

Экономическое возвышеніе цеховъ, появленіе рабочаго капитала. Общественное возвышеніе цеховъ, укрѣпленіе и облагораживаніе цеховаго строя. Общественныя отношенія цеховъ, военное положеніе ремесленниковъ. Поводы къ политическому развитію цеховъ. Упадокъ господства родовъ. Періоды ихъ разложенія цехами. Характеръ новаго строя . . . . . 441—448

IV. Политическое и административное развитіе городовъ въ 14 вѣкѣ.

Характеръ городского управленія, городская община имѣетъ еще характеръ товарищества. Вліянія, выводящія общину за предѣлы этаго типа: финансы, созданіе особаго бюргерскаго права. Взаимныя отношенія городовъ, отношенія ихъ къ королевству и къ территоріямъ. Городъ и деревня; граждане, живущіе въ городѣ, дворяне—граждане, и приписные граждане . . . . . 448—454

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Городская жизнь и городское общество.

I. Внѣшняя жизнь города.

Описаніе городовъ. Ихъ укрѣпленія, воинская часть. Садовая культура предъ городскими воротами и внутри города. Города земледѣльческіе. Еврейскіе кварталы. Увеличеніе городовъ. Предмѣстья . . . . 455—45

II. Экономическія силы населенія.

Стран.

Попытки опредѣленія количества населенія и трудности такихъ попытокъ; составъ населенія. Колебанія въ числѣ жителей по отношенію къ измѣняющемуся значенію большихъ городовъ. Раздѣленіе по состояніямъ. Финансовая политика городовъ . . . . . 459—463

III. Жизнь бюргеровъ въ городахъ.

Улицы, уличная полиція, постройки, обычное состояніе улицъ. Санитарная полиція. Дома. Пожарная команда. Разнообразіе въ характерѣ построекъ, рынки. Роды торговли. Полиція для охраны спокойствія. Полиція нравовъ. Общественныя зданія; рыночная площадь. Городскія церкви . . . . . 463—472

IV. Городская организація промысловъ и торговли.

Промышленныя заведенія. Торговая политика. Право складовъ; склады. Содержатели гостинницъ и маклера. Купеческій домъ и торговля на площади. Промышленная политика. Городскіе вѣсы и мѣры. 472—476

V. Бюргерское общество.

Бюргерскіе дома. Строй семьи; вымираніе родового строя, появленіе семейнаго имущества и имущественной общности супруговъ, появленіе свободной опеки; характеръ новой семьи; имущественныя отношенія, власть главы дома, личные отношенія къ нему подвластныхъ людей (домочадцевъ). Товарищества: духовныя братства, свѣтскія братства. Общественныя формы, роскошь, моды . . . . . 476—484

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Умственная жизнь въ концѣ среднихъ вѣковъ.

I. Общій характеръ умственной жизни.

Различія въ образованіи отдѣльныхъ профессиональныхъ круговъ паціи: старое образованіе въ провинціяхъ, латинскія школы въ городахъ, университеты. Результаты бюргерскаго образованія: узость взглядовъ статистическихъ, географическихъ и историческихъ. Условность характеристики въ исторіографіи и въ портретной живописи. Юморъ. Образованіе прозвищъ и соціальныхъ типовъ. Страстность и безнравственность . . . . . 485—492

II. Религіозныя направленія.

Религіозность и суевѣрія низшихъ слоевъ народа. Бичеваніе и вообще религіозныя эпидеміи. Бюргерская мистика, ея происхожденіе, ея періоды: энтузіастическій и квіетистическій, ея успѣхи (Эккартъ, Таулеръ, Сузо, Рюйсбрѣкъ, Гроотъ, Тома Кемпійскій). Обмірщеніе центра королевства при преданности къ церкви . . . . . 492—502

III. Искусство: архитектура.

Отсутствіе любви къ литературѣ и особая любовь къ искусству.

Древнѣйшая нѣмецкая художественная архитектура. Романская архитектура и ея измѣненія; проблема свода. Переходный стиль. Готика: значеніе остроконечнаго свода для тектоники стиля, бѣдность орнаментики. Проникновеніе готики въ Германію, ея преобразование въ древнѣйшихъ зданіяхъ. Бюргерская готика 14 вѣка. . . . . 502—509

IV. Искусство: пластика и живопись.

Архитектура и родственные роды искусства. Пластика: эмансипація ея отъ архитектуры, переходъ къ живописному въ пластикѣ. Живопись: основныя черты художественно-эстетическаго развитія въ этой сферѣ отъ 14 до 17 вѣковъ (исторія контура, окраски, колорита и освѣщенія); миниатюры, иллюстраціи и стѣнная живопись 14 вѣка (школы Нюрнбергская, Пражская и Кельнская; мастеръ Вильгельмъ). 509—516

V. Литература.

Общая характеристика. Переживаніе старыхъ родовъ поэзіи въ измѣненной формѣ: миннезингеры и мейстерзингеры; рыцарскій шуточный романъ, народная пѣснь. Бюргерская поэзія: сатира (Бюендаль, Брантъ, Мурнеръ); драма (церковное ея происхожденіе, ея секуляризація и демократизированіе, бюргерская шуточная драма) . . . . . 518—522

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князья и территоріи въ концѣ среднихъ вѣковъ.

I. Образование территорій.

Четыре періода нѣмецкой конституціонной исторіи. Завѣты государства 6—13 вѣковъ послѣдующему періоду. Силы, создавшія территоріальную власть: помѣстная власть, защитительная власть фогтовъ, власть ленная. Приобрѣтеніе государственныхъ правъ. Церковная территоріальная власть . . . . . 523—527

II. Территориальное управленіе.

Военная власть: унадокъ ленной системы и ея воинскаго строя, постройка бурговъ, бургграфы и гарнизоны бурговъ, раздѣленіе территоріи на округа бурговъ. Появленіе бюрократіи: бургграфъ и амтманъ, бюрократическій характеръ должности амтмана. Самостоятельность амтмана, какъ управителя, неудачное развитіе бюрократіи въ отдѣльныхъ территоріяхъ. Другіе чиновники, кромѣ амтмана; шультгейссы и казначей (измѣненія въ судебномъ строѣ, судьба помѣстій въ финансовомъ отношеніи). Промежуточныя инстанціи между мѣстнымъ и центральнымъ управленіемъ. Центральное управленіе: тайные совѣтники, канцелярія, придворный судъ, финансовое управленіе. Попытки къ выдѣленію другихъ чиновниковъ изъ тайнаго совѣта: гофмейстеръ. . 527—539

III. Верховная территоріальная власть.

Ея развитіе: наследственность государственныхъ правъ вассаловъ.

дарованіе привилегій и кодифицированіе ихъ въ конституціяхъ 1220 и 1232 годовъ, недѣлимость территоріи и права наследованія старшаго сына. Верховная военная власть. Верховная судебная власть. Верховная финансовая власть: превращеніе помѣстныхъ, защитительныхъ и вассальныхъ повинностей въ непрямые налоги, образованіе регалій и поголовнаго налога (Bede) . . . . . 539—543

IV. Земскія сословія.

Участіе крестьянъ, вельможъ (господъ и прелатовъ), рыцарей и городовъ въ совѣщаніи о дѣлахъ князя. Полугосударственный характеръ этихъ сословій за исключеніемъ крестьянъ. Вліяніе этаго на развитіе земскихъ сословій. Поводы для политическаго объединенія сословій. Характеръ ихъ объединенія. Сословная конституція и управленіе. Фактическое значеніе сословій въ главнѣйшихъ изъ территорій. Слѣдствія совмѣстнаго существованія княжеской власти и власти сословій для историческаго развитія въ концѣ среднихъ вѣковъ, компромиссъ между этими двумя властями въ 16 вѣкѣ. Краткія замѣчанія о дальнѣйшей судьбѣ полугосударственной власти сословій . . . 543—554

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Королевская власть и борьба между князьями, дворянствомъ и городами во второй половинѣ 14 вѣка.

I. Политика Карла IV.

Взаимныя отношенія дворянства, князей и городовъ въ срединѣ 14 вѣка. Карлъ IV, какъ богемскій король. Отношенія къ Габсбургскому дому. Приобрѣтеніе Бранденбурга. Восточная политика: Силезія, Польша, Венгрія. Общій характеръ политики короля. Избраніе нѣмецкимъ королемъ Венцеслава . . . . . 557—562

II. Карлъ и общественныя противорѣчія въ Германіи.

Введеніе: отношенія соціальныхъ противорѣчій между собой и отношеніе къ нимъ имперской власти до Карла IV. Поведеніе Карла до 1370 года. Вмѣшательство въ отношенія Швабіи изъ за соображеній родовой политики. Паденіе королевскаго вліянія въ Швабіи; открытая вражда между городами и дворянствомъ . . . . . 562—566

III. Борьба между классами при королѣ Венцеславѣ.

Распространеніе вражды между классамъ во всѣхъ центральныхъ странахъ нѣмецкаго королевства: дворянскія общества, союзы швабскихъ и рейскихъ городовъ. Попытки короля Венцеслава къ посредничеству. Борьба между городами и дворянствомъ. Вмѣшательство Леопольда Австрійскаго и Венцеслава. Открытая вражда между горо-

дами и князьями. Новая попытка короля къ посредничеству: Гейдельбергское соглашеніе. Политика Венцеслава по отношенію къ евреямъ его переходъ на сторону городовъ. Начало борьбы между князьями и городами, побѣды Швейцарцевъ, пораженіе городовъ въ центрѣ Германіи. Егерскій земскій миръ. Монархія и федерализмъ . . . . . 566—574

IV. Политика Венцеслава и его низложеніе.

Отношеніе Венцеслава къ расколу въ церкви, онъ лавируетъ изъ за соображеній родовой политики. Нѣмецкая церковная политика курфюрстовъ: дѣла Майнца. Политика Венцеслава относительно Венгріи и Польши, вредное ея вліяніе на дѣла Германіи. Венцеславъ хочетъ отречься. Планы князей низложить короля. Внезапная энергія Венцеслава; дружественная по отношенію къ городамъ его политика. Низложеніе короля князьями и курфюрстрами, мотивы низложенія и его правовое значеніе. . . . . 575—580

V. Король Рупрехтъ и избраніе Сигизмунда.

Избраніе Рупрехта; его борьба изъ за признанія его королемъ. Походъ въ Италію. Марбахскій союзъ. Смерть Рупрехта. Избирательныя замѣшательства. Избраніе Сигизмунда . . . . . 580—585

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Соборы и Вѣнскій конкордатъ 1448 года.

I. Упадокъ церкви въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Финансовый упадокъ церковнаго строя въ Германіи: переходъ къ денежно-хозяйственному строю, система приходовъ. Обмирщеніе епископовъ. Оппозиція націи. Упадокъ папства, финансовая эксплуатація церкви куріей съ конца 13 вѣка. Начинаящаяся эксплуатація мірянъ. Оппозиція духовенства. Значеніе соборнаго движенія. . . . . 586—590

II. Начало соборнаго движенія.

Курія подъ давленіемъ французской короны и увеличеніе самостоятельности коллегіи кардиналовъ. Расколъ 1378 года и его ближайшія слѣдствія. Пизанскій соборъ; три папы. Папская и епископская церкви. Теорія Дитриха Нимскаго . . . . . 591—594

III. Сигизмундъ и Констанцскій соборъ.

Личность Сигизмунда. Сигизмундъ въ Италіи, созывъ Констанцскаго собора. Начало собора, подача голосовъ по націямъ, отрѣшеніе папы, первые теоретическіе успѣхи. Вопросы догматическіе, совѣщанія затягиваются. Попытка Сигизмунда воспользоваться соборомъ для цѣлей политическихъ не удается въ силу непригодности учрежденій нѣмецкаго королевства. Упадокъ значенія собора; Мартинъ V, конкордаты. 594—599

IV. Паденіе могущества Люксембургскаго дома, гусситское движеніе.

Созданіе и характеръ могущества Люксембургскаго дома. Распаденіе

Стран.

этого могущества на Сѣверѣ; потеря Бранденбурга и вліянія къ сѣверу отъ Рудныхъ горъ. Бракъ Альбрехта Австрійскаго съ послѣдницей люксембургскаго дома Елизаветой. Потеря Богемія; гусситское движеніе. Потеря Венгріи . . . . . 599—606

V. Нѣмецкая королевская власть; королевство и конецъ соборнаго движенія.

Попытки Сигизмунда произвести реформу при помощи городовъ; противодѣйствіе князей. Положеніе Сигизмунда въ Германіи въ тридцатыхъ годахъ 15 вѣка. Соборъ въ Базелѣ и императоръ Сигизмундъ. Уничтоженіе значенія собора и побѣда куріи. . . . . 607—612

VI. Какимъ образомъ король и князья воспользовались результатами соборнаго движенія.

Рѣшеніе вопроса во Франціи. Нейтральное положеніе князей въ Германіи, нарушеніе нейтралитета нѣкоторыми князьями и королемъ Фридрихомъ III. Переговоры Фридриха съ Евгеніемъ IV; негодованіе въ Германіи, почти безуспѣшныя попытки добиться уступокъ отъ куріи, Вѣпскій конкордатъ. Положеніе нѣмецкой королевской власти, территоріальныхъ князей и куріи и ихъ виды на будущее . . . . 612—617

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Паденіе вліянія Германіи за границей, внутреннее разложеніе.

I. Событія на юго-востокѣ Германіи до 1478 года и Габсбургскій домъ.

Родовое могущество Габсбурговъ до царствованія королей Альбрехта II и Фридриха III. Характеръ этихъ королей. Положеніе дѣлъ въ Австріи, почти постоянныя возстанія при Фридрихѣ; его отношенія къ находившимся подъ его опекой Сигизмунду Тирольскому и Владиславу Постуму. Потеря Богеміи, царствованіе Георга Подѣбрада. Потеря Венгріи, Матвѣй Корвинъ. Значеніе Венгріи въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ 15 вѣка . . . . . 618—624

II. Событія на западной границѣ, Бургундское государство до смерти Филиппа Добраго (1467 г.).

Происхожденіе Бургундскаго государства. Приобрѣтеніе Люксембурга, виды на Лотарингію. Отношенія къ Бургундіи Сигизмунда и Фридриха III. Арманьяки и швейцарская политика Габсбургскаго дома; битва при домъ св. Іакова на Бирсѣ. Отступленіе Арманьяковъ изъ Эльзаса, успѣхи Французовъ въ Лотарингіи. Борьба изъ за Зѣста, результаты ея для нѣмецко-бургундскихъ отношеній. Характеръ бургундскаго государства; его значеніе для исторіи нѣмецкаго сѣверо-запада. 624—632

III. Исторія центра Германіи отъ 1440—1486 года.

Стран.

Окончательное уничтоженіе равенства между городами и князьями. Неудачи попытки князей произвести государственную и церковную реформы. Реформаторскіе планы Подѣбрада въ 1463 году. Попытки мѣстныхъ реформъ. Последняя попытка императора произвести реакціонно-средневѣковую реформу. Окончательный упадокъ внѣшняго значенія Германіи: Швейцарія, Бургундія и Венгерія . . . . . 632—642

IV. Нѣмецкія земли при Балтійскомъ морѣ и Ганза до послѣднихъ десятилѣтій 15 вѣка.

Паденіе вліянія Ганзы и Скандинавія въ концѣ 14 и началѣ 15 вѣковъ; стремленіе нѣмецкаго ордена къ господству надъ моремъ. Упадокъ Ордена до 1466 года; отношенія Литвы и Польши къ нѣмцамъ. Борьба Ганзы съ королемъ Эрихомъ, утрата власти надъ Балтійскимъ моремъ. Трудное положеніе Ганзеатической торговли на Сѣверномъ морѣ—внутренніе раздоры. Ограниченіе Ганзеатическаго союза вендскими и саксонскими городами . . . . . 642—652

V. Паденіе Ганзы и нѣмецкаго вліянія въ областяхъ Балтійскаго моря.

Упадокъ торговли Ганзы на западѣ, востокѣ и сѣверѣ. Юргенъ Вуленверъ. Паденіе нѣмецкаго вліянія въ Скандинавіи . . . . . 652—656

ИСТОРИЯ
ГЕРМАНСКАГО НАРОДА.

К. ЛАМПРЕХТА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

В В Е Д Е Н І Е.

Тамъ, гдѣ благопріятная судьба даетъ націи возможность вести самостоятельную жизнь, имѣть свободное развитіе, исходящее изъ внутреннихъ силъ народности и доходящее до нормальной зрѣлости независимо отъ нарушающихъ вліяній всемірно-историческихъ воздѣйствій, тамъ обыкновенно можно различить три періода растущей культуры, которые можно по обычной терминологіи назвать древностью, средними вѣками и новымъ временемъ.

Древность охватываетъ періодъ, неопредѣленный по времени, часто занимающій цѣлыя тысячелѣтія; въ этомъ періодѣ народъ ведетъ жизнь рыбаковъ, охотниковъ и пастуховъ. Хозяйственная его дѣятельность основана всецѣло на правѣ перваго захвата, члены народности при постоянныхъ перемѣнахъ мѣстопробыванія легко пріобрѣтаютъ первыя необходимыя условія существованія: пищу и одежду, такъ какъ природа доставляетъ ихъ почти безъ помощи человѣческаго труда. Личность живетъ связанной родовымъ строемъ, подавляющимъ индивидуальность; народъ распадается на роды и племена, по большей части враждебные другъ другу. Высшая дѣятельность мышленія и художественнаго чувства еще вполне скована; ее можно назвать символической, такъ какъ всякое общее мышленіе ограничивается олицетвореніемъ своего содержанія, главнымъ образомъ олицетвореніемъ естественныхъ силъ, и такъ какъ каждое художественное воспроизведеніе чувствъ и воззрѣній направлено на непосредственное изображеніе этихъ чувствъ и воззрѣній черезъ посредство человѣческихъ движеній и человѣческаго говора, стало быть на абсолютное уподобленіе состоянія художника и воспроизводимаго имъ содержанія чувства.

Этотъ періодъ замѣняется при безпрепятственномъ нормальномъ развитіи вторымъ періодомъ, средними вѣками, когда до тѣхъ поръ непрерывно бродившія народныя массы становятся осѣдлыми, при первыхъ начаткахъ земледѣлія пріобрѣтаютъ отечество, дорогое для нихъ и находятъ время для духовной работы, чего раньше они не могли

имѣть при постоянной борьбѣ за существованіе. Постепенно ослабляются суровыя узы старыхъ родовыхъ отношеній; ихъ замѣняютъ мѣстныя связи, все еще очень тѣсныя и сильно связывающія личность, вначалѣ даже до полнаго отрицанія частной поземельной собственности; но все же формы становятся гораздо свободнѣе сравнительно съ естественными узами древности. Съ самостоятельностью личности въ хозяйствѣ и въ строѣ жизни вообще начинается переходъ къ высшимъ ступенямъ духовной жизни и въ обычаяхъ и въ правѣ. Религіозныя представленія, до сихъ поръ вполне антропоморфическія, начинаютъ просвѣтляться до представленія высшей причины или высшей судьбы; обязательныя отношенія между соплеменниками выражаются все еще въ точно опредѣленныхъ, рѣзко разграниченныхъ правовыхъ и обычныхъ группахъ. Сила эстетическаго чувства растетъ и доходитъ, если и не до полнаго еще натуралистическаго воспріятія чувственнаго міра, то, по крайней мѣрѣ, до художественной передачи чрезъ посредство орнамента и до условнаго, часто полнаго чрезвычайно сильно дѣйствующей красоты, изображенія въ пластическихъ произведеніяхъ и въ картинахъ.

Тогда снова начинается дальнѣйшее движеніе впередъ. Оно ведетъ къ новому времени; земледѣльческое хозяйство, которымъ до сихъ поръ занимались отдѣльно въ крестьянскомъ дворѣ въ деревнѣ или въ большомъ помѣстьи крупнаго поземельнаго собственника, которое въ каждой мѣстности удовлетворяло всѣмъ своимъ потребностямъ и производило само всѣ средства производства, покрывая всѣ потребности своими продуктами, начинаетъ давать излишки. Куда дѣвать ихъ? Появляются новыя, правильныя потребности, которыхъ уже невозможно удовлетворить непосредственно продуктами каждаго отдѣльнаго хозяйства, требуется уже обмѣнъ собственныхъ излишковъ на продукты иного происхожденія. Такимъ образомъ начинается правильная внутренняя торговля; прежнее изолированіе отдѣльныхъ хозяйствъ исчезаетъ; вмѣстѣ съ торговлей появляются и деньги, какъ общее орудіе обмѣна. Рядомъ съ торговлей для удовлетворенія новыхъ потребностей выступаютъ и промыслы; впервые народъ начинаетъ распадаться на слои, имѣющіе различныя занятія. Таковы начатки денежнаго хозяйства, замѣняющаго натуральное хозяйство средневѣковаго періода; когда развитіе денежнаго хозяйства дѣлается равноправнымъ или даже получаетъ перевѣсъ надъ существовавшими раньше аграрными хозяйственными силами, тогда соціально наступаетъ новая эпоха. Ростъ торговли ведетъ къ до сихъ поръ вполне неизвѣстной свободѣ передвиженія индивидуумовъ, старыя пространственно замкнутыя общественныя группы разрушаются, общественнымъ ферментомъ націи становятся не мѣстныя связи, а связи, вполне независимыя отъ различія въ профессіи. Тогда же проявляются и слѣдствія такого соціальнаго измѣненія въ духовной сферѣ. До сихъ

поръ связанное эстетическое воззрѣніе становится свободнымъ; поэзія создаетъ драму и сатиру и такимъ образомъ начинается индивидуалистическое воспроизведеніе и критика чувственнаго міра; искусство достигаетъ высшей ступени реалистическаго воспріятія и описанія; мышленіе доходитъ до истиннаго научнаго обладанія внѣшнимъ міромъ и начинаетъ заниматься высшими вопросами объ отношеніяхъ къ Богу міра и человѣка, объ отвѣтственности и сознаніи личности. Пробуждается индивидуализмъ медленно; изъ все болѣе и болѣе глубокаго проникновенія въ міръ явленій, изъ все болѣе и болѣе прочнаго господства надъ нимъ, рождается современная личность.

Если вышеописанныя указанія представляютъ абстрактный типъ всякаго великаго національнаго развитія, насколько его можно разсматривать стоящимъ въ сторонѣ отъ вліянія и воздѣйствія обусловливаемыхъ всемірною исторіей рецессій и возрожденій, то здѣсь будетъ умѣстнымъ поставить вопросъ: какой стадіи типическаго развитія достигъ нѣмецкій народъ въ срединѣ 12 вѣка, при исходѣ первой великой религіозной борьбы, при возвышеніи Гогенштауфеновъ?

Вѣкъ символической древности уже давно прошелъ; онъ доходитъ только до первыхъ столѣтій нашей достовѣрной исторіи и нашими знаніями о немъ мы обязаны — если не принимать во вниманіе результаты весьма трудныхъ заключеній изъ сохранившихся до болѣе поздняго времени остатковъ прошлаго — только сообщеніямъ римлянъ и грековъ. Вѣкъ символическаго мышленія всегда бываетъ не имѣющимъ исторіи; народы, также какъ и отдѣльные индивидуумы, переживаютъ свое дѣтство безсознательно.

Съ переходомъ къ средневѣковому періоду историческое преданіе обыкновенно облекается въ форму героической пѣсни, въ сагу, составленную изъ такихъ героическихъ пѣсней. У нѣмцевъ это случилось не раньше середины 3 вѣка по Р. Х.; въ это время сага называетъ намъ имя достовѣрно существовавашаго исторически короля. И это было своевременно, такъ какъ тѣ нѣмецкія племена, масса которыхъ позже образовала нѣмецкую націю, сдѣлали первыя попытки пріобрѣсти постоянную осѣдность и перейти окончательно къ земледѣлію.

Съ этого времени нѣмецкій средневѣковой періодъ тянется до начала 16 вѣка; только въ 15 вѣкѣ на нѣмецкой землѣ денежное хозяйство начинаетъ вполнѣ и повсемѣстно побѣждать хозяйство натуральное и пріобрѣтаетъ все преодолюющее вліяніе на образованіе государственной жизни въ имперіи и въ особенности въ территорияхъ, а также и на дальнѣйшее развитіе нѣмецкаго общества; только съ этого времени можно съ полной увѣренностью говорить о начинающемся индивидуализмѣ въ искусствѣ, о пробужденіи настоящей науки — и прежде всего только реформація принесла намъ

великое достояніе личнаго индивидуалистическаго благочестія и вмѣстѣ съ нимъ полный, на вѣки неизгладимый разрывъ съ средневѣковымъ духомъ.

Но періодъ, простирающійся болѣе, чѣмъ на тысячелѣтіе, отъ конца первобытной культуры періода древности до начала современнаго развитія, рѣзко распадается на двѣ половины. Переходный моментъ между этими половинами періода падаетъ какъ разъ на ту эпоху, до которой мы дошли въ нашемъ рассказѣ, на половину двѣнадцатаго столѣтія.

До этой эпохи господствуетъ еще сильнѣйшая ограниченность духовной жизни, что всего замѣтнѣе въ сферѣ искусства, ограничивающагося еще національной орнаментикой и не менѣе очевидно въ удивительныхъ формахъ набожности отъ десятаго до двѣнадцатаго вѣка—это такое духовное настроеніе, которое проявляется только въ типическомъ, а не въ индивидуальности умственнаго содержанія. До этой эпохи нація хотя уже отъ родовъ и переходитъ къ племенамъ и отъ племенъ къ общей государственной жизни, но это общее государство еще не имѣетъ настоящей національной окраски; въ своей идеѣ также, какъ и въ своей формѣ, оно основывается еще на принятіи чуждой, изъ высшей культуры римской имперіи заимствованной, формы; настоящими живыми группами націи остаются все еще племена; національное единство только внѣшнее и мысль о немъ никоимъ образомъ еще не сдѣлалась глубокимъ и неотъемлемымъ достояніемъ народнаго духа. Въ сферѣ народнаго хозяйства тоже еще стоятъ независимо другъ отъ друга отдѣльныя крестьянскія хозяйства и большія помѣстья; каждая община-марка также, какъ и каждое крупное помѣстье, еще составляетъ болѣе или менѣе обособленный кругъ, отдѣльное маленькое государство, съ судьбой котораго неразрывно связана судьба обывателя; общественное дифференцированіе происходитъ еще въ тѣсныхъ предѣлахъ формъ чисто натурального хозяйства.

При такихъ-то условіяхъ начинается въ срединѣ двѣнадцатаго вѣка все болѣе растущее броженіе; прежнія формы разрушаются и изъ нихъ вырастаютъ новыя, болѣе свободныя формы средневѣковой культурной жизни.

Движущая впередъ сила состояла въ первыхъ зачаткахъ денежнаго хозяйства, сначала только въ городахъ; ихъ появленіе, ихъ постепенный ростъ даетъ позднѣйшимъ вѣкамъ средневѣковаго періода со временъ Гогенштауфеновъ особенный, хотя все еще средневѣковой характеръ; до конца пятнадцатаго вѣка рамки средневѣковой жизни были уже совершенно разрушены.

Большія помѣстья отъ 8 до 10 вѣка, эти первыя большія организациі земледѣльческихъ силъ въ нѣмецкой исторіи, употребляли излишки своихъ продуктовъ для дальнѣйшаго воздѣлыванія земли

своей родины, стало быть для увеличенія ея территоріи и для прокормленія постоянно растушаго населенія. Въ концѣ концовъ въ высоко культурныхъ странахъ имперіи населеніе увеличилось настолько, что для его пропитанія было уже недостаточно одной земледѣльской дѣятельности. Крѣпостные и свободные начали толпами выселяться изъ деревень въ города, чтобы заняться все болѣе и болѣе начинавшими развиваться ремеслами.

Въ это же время крупные поземельные собственники дошли до предѣловъ распашекъ своихъ земель; они не могли ожидать увеличенія доходовъ отъ экстенсивнаго воздѣлыванія дѣвственной почвы, такъ какъ страна была сплошь заселена; такого увеличенія можно было ожидать только отъ интензивной обработки занятой земли и отъ лучшей организаціи сельскаго хозяйства. Увеличивающееся количество продуктовъ находило теперь сбытъ въ безконечно-быстро-растущемъ населеніи городовъ, задачей которыхъ съ этихъ поръ становится доставленіе деревнѣ лучшихъ земледѣльческихъ орудій и вообще промышленныхъ продуктовъ, необходимыхъ для улучшенія образа жизни.

Такимъ образомъ въ теченіе первой половины двѣнадцатаго вѣка начинается взаимодействіе городовъ и деревни; ремесла процвѣтаютъ; торговля чрезвычайно развивается; земледѣліе начинаетъ пользоваться удобствами, доставляемыми развитіемъ новыхъ отраслей промышленности.

Такія явленія имѣли громадныя послѣдствія. Въ политической сферѣ первыя столѣтія Имперіи были наполнены великой борьбой церковной и государственной властей; начался споръ объ инвеститурѣ, подобно лихорадкѣ охватившій все тѣло нѣмецкой націи послѣ усвоенія ею христіанства. Вормскій конкордатъ привелъ къ нѣкоторому соглашанію; но было очевидно, что это только перемиріе. Если оно и сохранилось до середины двѣнадцатаго вѣка, то это было только слѣдствіемъ побѣды религіозныхъ идей и надъ папствомъ и надъ имперіей, какъ это сдѣлалось очевиднымъ во время второго крестоваго похода. Вообще же не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что самымъ глубокимъ поводомъ раздора между государствомъ и церковью было ни что иное, какъ чрезмѣрное развитіе все вытѣсняющихъ, подавляющихъ одинаково и націю и церковь, религіозныхъ идей, воздѣйствіе всепобѣждающаго христіанскаго благочестія. Теперь же съ появленіемъ революціонныхъ зачатковъ денежнаго хозяйства эти идеи отступаютъ на задній планъ; вниманіе націи прежде всего устремляется на другіе, матеріальные интересы, интересъ къ церковному пропадаетъ; міръ (*Frou Welt*) побѣдилъ; даже служители церкви обмірщились; епископы сдѣлались имперскими князьями; аббаты жили вдали отъ своихъ монастырей и предоставляли другимъ исполнять ихъ обязанности; даже по отношенію къ куріи такой

приверженецъ ея, какъ Гергохъ Рейхерсбергъ могъ предложить вопросъ: не происходитъ ли ея названіе скорѣе отъ *сигор*, чѣмъ отъ *сига*.

Если экономическое движеніе освободило такимъ образомъ государей изъ дома Шгауфеновъ отъ той страшной власти религіозныхъ чувствъ, отъ которой почти погибли императоры Салійскаго дома, то такое движеніе не принесло пользы императорамъ 12 и 13 вѣковъ. Денежное хозяйство, благодаря развитію орудій обращенія, дорогамъ, почтовымъ сношеніямъ, деньгамъ и внутреннему миру, даетъ государственной власти гораздо большую возможность, чѣмъ въ эпоху изолированнаго существованія при господствѣ натурального хозяйства, централизовать страну, дѣйствовать повсемѣстно, дѣйствительно господствовать. Благодаря такому именно развитію экономической жизни французскіе и англійскіе короли 13 и 14 вѣковъ основали свои, болѣе или менѣе абсолютныя, монархіи. Мы увидимъ, какъ и почему это движеніе не принесло пользы нѣмецкой монархіи 12 и 13 вѣковъ. Не императоры воспользовались этимъ движеніемъ, а князья; оно помогло возстановить и усилить не единство національнаго государства, а отдѣльныя територіальныя государства.

И все же съ другой стороны начатки денежнаго хозяйства своимъ косвеннымъ вліяніемъ, на обходномъ пути соціальныхъ воздѣйствій, создали единство націи, если не государства. Если до сихъ поръ настоящими рамками національнаго расчлененія были племена, если рядомъ съ ними и ниже ихъ существовали только изолированныя организациі крупныхъ поземельныхъ владѣній, то теперь увеличивающійся торговый оборотъ, многочисленныя мѣстныя измѣненія въ положеніи значительнаго количества членовъ націи, правовыя отношенія торговли, распространявшіяся на всю область имперіи, все болѣе и болѣе сглаживали племенные границы и открывали крупнымъ поземельнымъ собственникамъ путь къ всенародному вліянію. Изъ измѣненія и разрушенія существующаго выросли новые, объединяющіе всю націю элементы. вмѣсто земледѣльческихъ сословій, всегда сохраняющихъ мѣстный, земляческій характеръ, появляется новое расчлененіе, не одного племени и не нѣсколькихъ племенъ, а цѣлой націи—расчлененіе по профессіи; рядомъ съ земледѣльцемъ становятся рыцарь, купецъ, ремесленникъ и они пользуются одинаковыми правами и одинаковымъ значеніемъ, живутъ ли они на югѣ или на сѣверѣ своей родины, осѣдлы они или имѣютъ только временное мѣсто-жительство.

При установленіи такихъ всеуравливающихъ отношеній начатки денежнаго хозяйства развивали въ противоположность до сихъ поръ партикуляристическимъ стремленіямъ понятіе и сознаніе объ единствѣ націи и въ тоже время своимъ вліяніемъ поддерживали развитіе територіальныхъ властей; какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нація,

какъ единое государство, была выбита изъ колеи, она была признана, какъ социальное единство и нѣмецкое сознаніе пробудилось теперь навсегда. Даже болѣе того: именно въ этотъ моментъ нація приступаетъ къ величайшему дѣлу, какое только она до сихъ поръ совершала, какъ цѣлое — къ колонизаціи теперь нѣмецкихъ странъ на среднемъ Дунаѣ и къ востоку отъ Эльбы. Въ отдѣльныхъ событіяхъ этого замѣчательнаго, болѣе двухъ вѣковъ продолжавшагося движенія участвовали всѣ нѣмецкія племена, даже племена, жившія на крайнемъ западѣ Германіи; и сѣверные и южные нѣмцы одинаково находили дорогу въ Лифляндію и въ Зибенбюргенъ, въ Силезію и въ Пруссію; колонизація нѣмецкаго востока была дѣломъ національнаго единства, подъ вліяніемъ денежнаго хозяйства впервые проявившагося практически, хотя и не на почвѣ государственности.

Въ духовной сферѣ первыя вліянія денежнаго хозяйства, все болѣе и болѣе дѣйствовавшія на національное существованіе отъ двѣнадцатаго до пятнадцатаго вѣковъ, были существеннымъ прогрессомъ, хотя полного разрыва съ средневѣковымъ строемъ еще и не было. Выигрышемъ было уже то, что формы типичнаго, далекаго отъ всякаго индивидуализма благочестія, формы благочестія десятаго-двѣнадцатаго вѣковъ отступили теперь на задній планъ. Этимъ очищалось мѣсто для новаго духовнаго настроенія, которое въ свою очередь обуславливалось измѣненіями въ сферѣ экономической и еще болѣе социальной.

Мы подробно расскажем, какъ въ теченіе двѣнадцатаго вѣка развилось рыцарство, какъ первое сословіе чисто національнаго высшаго образованія и какимъ образомъ съ его жизненнымъ направленіемъ болѣе или менѣе слились формы высшей духовной жизни единственнаго пока образованнаго общественнаго слоя. Такимъ образомъ впервые на нѣмецкой землѣ появилась истинно національная, распространенная повсемѣстно, умственно-живучая аристократія съ эстетическимъ образованіемъ. Прогрессъ народнаго хозяйства давалъ уже этой аристократіи возможность широкихъ и мирныхъ сношеній, дѣятельной общественной жизни при дворахъ и въ бургахъ.

Всѣ эти пріобрѣтенія послѣ упадка рыцарства въ концѣ тринадцатаго вѣка перешли, при этомъ еще увеличившись, къ высшимъ слоямъ бюргерскаго сословія. Города теперь несомнѣнно сдѣлались убѣжищемъ постояннаго и ненарушимаго мира; въ нихъ тѣснилась бюргерская аристократія, которая сначала была связана съ рыцарствомъ и послѣ его паденія и погруженія въ мелочныя условія мѣстнаго юнкерства сохранила доброе зерно стараго образованія и выростила его собственной умственной работой; неудивительно, что именно эта аристократія и образовала зачатокъ добраго гражданскаго общества.

Конечно, такое общество не отличалось еще умственной свободой

позднѣйшаго общества эпохи возрожденія; въ немъ еще строго господствовали приличіе и этикетъ; оно обращало вниманіе на внѣшность и изящество не меньше, чѣмъ рыцарское общество эпохи Гогенштауфеновъ.

Но именно такая условность бюргерскаго, а раньше рыцарскаго, общества была прогрессивнымъ элементомъ національной духовной жизни въ двѣнадцатомъ-пятнадцатомъ вѣкахъ. Если въ искусствѣ до сихъ поръ слѣдовали еще типическимъ воззрѣніямъ и подъ ихъ вліяніемъ дошли до воплощенія красоты внѣшняго міра только въ орнаментикѣ, то теперь видѣли этотъ внѣшній міръ и въ особенности міръ людей въ опредѣленно-понимаемыхъ его формахъ, въ представленіяхъ придворно рыцарскаго и моднаго бюргерскаго общества, въ формахъ придворной граціи или въ той безсознательной прелести, которую граждански-религіозное душевное настроеніе придаетъ сначала фигурамъ святыхъ, а потомъ и всему прекрасно-человѣческому. Въ поэзіи тоже появляются новые идеалы. Старые геройскія фигуры блѣднѣютъ, придворный рыцарь съ его *zucht* и *fuoge* становится условной схемой всѣхъ изображеній: въ лирикѣ пробуждается стремленіе къ томнымъ изображеніямъ и описаніямъ допускаемаго обществомъ любовнаго поклоненія женщинамъ рыцарскихъ круговъ. Такимъ образомъ появляется совершенно оригинальная и въ высшей степени условная духовная жизнь; она занимаетъ середину между типичностью прошлаго и рѣзкимъ индивидуализмомъ 16 вѣка. Но въ сущности она еще стоитъ на средневѣковой почвѣ; она заканчивается вѣкъ ограниченной, связанной духовной жизни, какъ высшее выраженіе, какое можетъ имѣть такая жизнь.

Однако довольно. Это духовное существованіе будетъ подробно изложено въ слѣдующемъ дальше рассказѣ; теперь достаточно указанія на его экономическія и политическія причины.

КНИГА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Города и бюргерство въ эпоху Гогенштауфеновъ.

I.

Не смотря на раннее соприкосновеніе нашего народа съ высшими культурами юга, въ немъ очень медленно пробуждалось сознаніе о денежной цѣнности поземельной собственности. Во времена Каролинговъ такого сознанія еще не было. Правда, уже тогда употребляли продолговатыя монеты, употребленіе которыхъ, можетъ быть, тогда же было заимствовано у нѣмцевъ славянами¹⁾; но все еще носили эти монеты съ собой въ неудобныхъ мѣшкахъ²⁾, и не привыкли еще смотрѣть на деньги, какъ на постоянное орудіе обращенія, какъ на измѣрителя хозяйственныхъ цѣнностей; каролингское законодательство нерѣдко угрожало наказаніемъ тѣмъ, которые отказывались принимать полную монету.

Какъ народное хозяйство еще не знало цѣнности денегъ, такъ и правовая жизнь не имѣла повода предоставлять даже самымъ простымъ формамъ торговаго оборота вліянія на ея развитіе. Еще не существовало спеціальнаго торговаго договорнаго права; обычнымъ договоромъ были купля—продажа и мѣна. Долги по договорамъ, хотя бы они и признавались судомъ, не могли быть взыскиваемы, потому что еще не существовало общественной власти для исполненія приговоровъ судовъ; каждый кредиторъ долженъ былъ самъ позаботиться о своемъ удовлетвореніи. Слѣдуетъ припомнить, что ручательство за

---

¹⁾ Старославянское: *penegu*, *penedze* происходитъ отъ нѣмецкаго „*pfennig*“. Слово: шиллингъ тоже перешло во многіе славянскіе языки. Эта глава была уже напечатана въ „Историческомъ журналѣ“ № 31, съ подробными доказательствами, въ формѣ многочисленныхъ примѣчаній.

²⁾ Старонѣмецкое *scazpfung* ср. старонорвежское *rungr*. Названіе кошель (börse) заимствовано изъ латинскаго—*burissa*.

долги у саксовъ, главнаго племени Ганзеатической области, кажется, было введено только актомъ франкскаго законодательства въ 782 г.¹⁾ и понятно, что до восьмого вѣка въ Германіи не могло существовать настоящей крупной торговли; натуральное хозяйство господствовало въ то время всецѣло.

Только спустя нѣсколько столѣтій національное сознаніе усвоило себѣ тотъ фактъ, что рядомъ съ исключительной хозяйственной дѣятельностью въ аграрной сферѣ медленно начинаютъ пріобрѣтать права, сначала торговля, а потомъ и промышленность; слово *choûfôn* еще обозначаетъ преимущественно *обмѣнивать* и напоминаетъ англо-саксонское слово «сеар—скотъ, торговое дѣло»; нѣмецъ 10 и 11 вѣковъ еще понимаетъ подъ словомъ *gelt* возмездіе, замѣну и только въ рѣдкихъ случаяхъ деньги²⁾; для него доходъ, владѣніе все еще *gitregidi*, —хлѣба.

Конечно и въ меровингскую и въ каролингскую эпохи торговля уже существовала. Правда, что дохристіанская, доисторическая торговля германцевъ съ странами, лежащими по берегамъ Средиземнаго моря также, какъ и позднѣйшія торговыя сношенія съ римлянами въ особенности на границахъ міровой имперіи, исчезли. Тѣмъ не менѣе въ Германіи въ теченіи многихъ вѣковъ оставались слѣды этой торговли и вообще римской культуры. Нѣкоторые восточные товары все еще шли по старому торговому пути грековъ чрезъ Марсель (и потомъ дальше чрезъ большія ярмарки Шампани) въ Германію; точно также, кажется, все еще не была забыта и старая торговая дорога, о которой упоминаютъ Страбонъ и Плиній, отъ береговъ Ганга къ берегамъ Каспійскаго моря и оттуда чрезъ русскую низменность до Балтійскаго моря. На Рейнѣ и на Дунаѣ тоже сохранился со временъ римлянъ извѣстный торговый оборотъ. На Дунаѣ Карлъ Великій пытался поддержать его прорытіемъ канала между Дунаемъ и Майномъ, а также войнами противъ Аваровъ. На Рейнѣ торговля должна была существовать, такъ какъ по верхнему его теченію воздѣлывались виноградники, а предъ его устьями ловились сельди. Но кромѣ этихъ естественныхъ условій рейнская торговля еще со временъ каролинговъ и саксонскихъ императоровъ поддерживалась воздѣйствіемъ римскихъ вліяній. Всѣ большіе средневѣковые города на Рейнѣ, за исключеніемъ Франкфурта и отчасти Базеля, стоятъ на почвѣ римской; а Франкфуртъ и Базель сдѣлались значительными городами только въ 13 и 14 вѣкахъ. Здѣсь вездѣ сохранились еще обломки римскихъ укрѣпленій; сохранились также и кой-какія техническія преданія въ искусствѣ и ремеслахъ. Но всѣ эти остатки рим-

1) *Cap. de part. Sar. § 27.*

2) Въ англосаксонскомъ оно никогда не обозначало деньги; какъ извѣстно *деньги* по англійски *money* (*moneta*).

скаго времени никоимъ образомъ не были вполне усвоены національной культурой. Тоже можно сказать и о торговлѣ, поскольку такая существовала. Это не была настоящая національная торговля, ее вели иностранцы. На югѣ ею занимались отчасти ломбардцы; еще и теперь существующія названія улицъ въ Регенсбургѣ: Унтервальхенъ и Рёмлингъ указываютъ на нихъ. Въ средней Германіи и на сѣверѣ торговцами являются въ особенности евреи; относительно Кельна несомнѣнно, что ихъ община пережила время римскаго паденія и сохранилась до среднихъ вѣковъ; въ Магдебургѣ еще въ десятомъ вѣкѣ понятія еврей и купецъ были равнозначущими.

На крайнемъ сѣверѣ, на берегахъ Сѣвернаго моря уже во времена Каролинговъ и даже раньше нѣмцы, наоборотъ, сами вели торговлю. Но саксовъ и въ особенности фризовъ заставляли идти на чужбину совсѣмъ не торговыя соображенія, а совсѣмъ другое, старо-германское настроеніе. «Нѣтъ на землѣ ни одного столь надменнаго чело-вѣка—говорится въ англосаксонскомъ стихотвореніи «*Мореходъ*»¹⁾—чтобы онъ не думалъ съ трепетомъ о морскомъ путешествіи. И однако въ морякѣ пробуждается стремленіе къ плаванію; онъ хочетъ видѣть далекія, чужія страны. Онъ не думаетъ ни объ игрѣ на арфѣ, ни объ веселыхъ пиршествахъ, ни о блажествѣ съ женщиной; онъ жаждетъ моря, рева волнъ. Близится весна, цвѣтутъ деревья, зеленѣютъ луга, а его духъ устремляется къ концу свѣта и съ непобѣдимой силой влечетъ его на смертный морской путь». Стремленіе къ приключеніямъ, старогерманская любовь къ странствованіямъ, смѣлость при сверхъчеловѣческихъ опасностяхъ — вотъ что проложило путь сѣверной торговлѣ. Такъ фризы ѣздили чрезъ море къ Норвегіи и къ ледяной Исландіи; съ ними попадали туда произведенія Германіи и странъ побережья Средиземнаго моря, а также и произведенія востока и обмѣнивались тамъ на произведенія сѣвера, въ особенности на мѣха и рыбу. Такая торговля требовала снова большой торговли съ югомъ; изъ *Wijk bij Durstede*, главнаго торговаго города на послѣднемъ и тогда важнѣйшемъ развѣтвленіи Рейна въ Нидерландахъ фризы плавали вверхъ по рѣкѣ; они селились въ Дюисбургѣ и Кельнѣ, въ Майнцѣ и Вормсѣ и проникали въ страну доярмарочнаго мѣста С. Денисъ. Изъ этой эпохи происходитъ наше названіе грубой шерстяной ткани фризомъ²⁾—это былъ главный вывозимый продуктъ сѣвера и это названіе проникло въ романскіе языки въ очень раннее время³⁾. На югѣ же вывозились льняныя ткани: *laken* и *linnen* — слова ниже нѣмецкія, очень рано принятыя и въ верхне нѣмецкомъ языкѣ. Какъ продукты ткачества приходили въ

1) Принадлежитъ позднѣйшей каролингской эпохѣ, *Thore Cod. Eton.*

2) Отъ старофризскаго — *frisle* — „волосы на головѣ“.

3) Французское — *frise*.

Германію съ сѣвера, такъ уже въ это раннее время нашей торговли къ намъ проникали нѣкоторыя естественные продукты съ юга; еще и теперь слова: wal-nuss и lamberts-nuss (сорта орѣховъ) напоминаютъ намъ о вельшскихъ, ломбардскихъ торговцахъ.

Кромѣ этой торговли къ концу каролингской экономической политики въ 9 вѣкѣ начинается развиваться энергично настоящая нѣмецкая торговля. Пространственно она сначала очень ограничена; большія рѣчныя долины и рѣчныя области составляли ея естественные округа; такъ существовала дунайская торговля, средоточіемъ которой былъ Регенсбургъ, такъ какъ большая торговая дорога въ Византію была заперта надолго со времени завоеванія Панноніи Венграми. Появилась торговля въ области Эльбы; однако и она была очень ограничена, такъ какъ ея связь съ торговлей на Балтійскомъ морѣ чрезъ Шлезвигъ не была вполне обезпечена и такъ какъ страна, могущая служить ей настоящей точкой опоры, была заселена еще мало развитыми славянами. Гораздо большаго развитія достигла торговля въ западныхъ областяхъ. Здѣсь существовала готовая торговая дорога — Рейнъ. Но эта рѣка имѣла значеніе только какъ путь въ долины; къ югу Альпы, не смотря на всѣ военные походы нѣмецкихъ императоровъ, все еще на долго закрывали дорогу торговымъ оборотамъ; только хорошо устроенная почта переходила ихъ вершины въ опредѣленное время. Рейнскій путь тоже не составлялъ настоящаго непрерывнаго торговаго пути. До эпохи императоровъ изъ салійскаго дома она распадалась на двѣ половины: нижнерейнскую дорогу и верхнерейнскую. На верхнемъ Рейнѣ средоточіями торговли были Цюрихъ и Констанцъ, Страсбургъ и Шпейеръ, Вормсъ и Майнцъ; оборотъ сосредоточивался естественно въ Майнцѣ, куда тянули также и Майнъ съ Вюрцбургомъ и вскорѣ потомъ Бамбергъ; такимъ образомъ Майнцъ сдѣлался главнымъ торговымъ городомъ области; съ десятаго вѣка онъ былъ однимъ изъ самыхъ большихъ городовъ имперіи, aurea Maguntia, prima regni Sedes. Однако, чѣмъ больше развивалась торговля виномъ, доходы съ которой уже позволяли прорыть пороги Binger Loch, тѣмъ болѣе верхнерейнская торговля сливалась съ нижнерейнской и тѣмъ болѣе Майнцъ долженъ былъ уступить свое торговое первенство Кельну.

Нижнерейнская торговая область, простиравшаяся отъ Дортмунда до Камбре, отъ Бингена и Трира до устьевъ рѣки и имѣвшая своимъ средоточіемъ Кельнъ, всегда имѣла особый характеръ. Рейнъ нижнимъ своимъ теченіемъ, а также и своимъ торговымъ соединеніемъ съ Маасомъ, такъ сказать, повелительно увлекалъ въ море, въ Фландрію и въ Англію. Остальныя области ранней нѣмецкой торговли были замкнутыми областями, областями существенно внутренней торговли, а здѣсь торговый потокъ выходилъ изъ узкихъ границъ материка и въ Лондонѣ онъ встрѣчался съ послѣдними струями

великаго восточнаго торговаго теченія, которое направлялось чрезъ Средиземное море и Гибралтарскій проливъ къ франко-германскому сѣверу. Нижнерейнская торговля въ раннюю императорскую эпоху была единственной международной торговлей Германіи, Кельнъ на Рейнѣ единственнымъ морскимъ городомъ имперіи. Эти сношенія начались въ очень раннюю эпоху; кельнскіе купцы съ полнымъ правомъ могли хвастаться покровительствомъ великаго императора Карла ихъ Лондонской торговлѣ; около 1000 года они служили посредниками въ постоянныхъ сношеніяхъ саксонской императорской фамиліи съ королевскими родами англосаксовъ; въ 11 и 12 вѣкахъ Кельнъ безспорно былъ первымъ торговымъ городомъ имперіи; въ Кельнѣ жилъ единственный крупный торговецъ нашей великой средневѣковой саги, добрый Гергардъ.

И именно въ двѣнадцатомъ вѣкѣ послѣ нѣкотораго застоя нѣмецкой торговли начинается около 1070 г. новое ея процвѣтаніе; нижнерейнская, и скоро послѣ нея и вся рейнская, торговля еще болѣе развивается и открываются блестящія надежды на выгодную торговлю въ сѣверныхъ моряхъ. Вслѣдствіе внутреннихъ безпокойствъ въ русскихъ государствахъ старый восточный торговый путь отъ Каспійскаго до Балтійскаго морей опустѣлъ; купцы Генуи и Венеціи не ограничились Средиземнымъ моремъ; уже въ 12 вѣкѣ въ Азовѣ существовало генуезское торговое консульство. Такимъ образомъ итальянскіе города, давно уже владѣвшіе своими дорогами къ востоку чрезъ Средиземное море, теперь сдѣлались единственными посредниками между Европой и произведеніями Персіи и Индіи. Эта торговля особенно поднялась съ крестовыми походами, съ основаніемъ христіанскихъ государствъ на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Восточные товары появлялись въ гаваняхъ Фландріи и Англіи все въ большихъ и большихъ количествахъ; нѣмецкому купцу приходилось переправлять ихъ дальше изъ этихъ гаваней внутрь Германіи и въ особенности въ тѣ страны на Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ, которыя находились теперь въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Германіей и которымъ былъ вполнѣ закрытъ доступъ восточныхъ произведеній чрезъ сухопутныя дороги. Такимъ образомъ создалось начало крупныхъ западо-восточныхъ торговыхъ отношеній, а къ нимъ присоединился и живой обмѣнъ англійскихъ, нѣмецкихъ и сѣверо-восточныхъ продуктовъ. Постепенно создавались торговые обороты нѣмецкой Ганзы; уже въ пѣснѣ Аннопа говорится объ *Sciechin unt Engelantin*, объ *Denemarkin*, объ *Vlanterin unt Biuzilanti*; въ лѣтописи маленькаго Вестфальскаго мѣстечка Медебахъ за 1165 г. упоминается о торговыхъ дѣлахъ граждавъ съ датчанами и русскими; вскорѣ кромѣ Тиля и Утрехта, Бремена и Любека въ морской торговлѣ съ востокомъ начинаютъ участвовать Кельнъ и Грöнингенъ, Мюнстеръ и Зёсть; въ

одномъ Дортмундскомъ актѣ 13 вѣка съ гордостью упоминается о *cives maricolae Tremonienses*.

Такимъ образомъ во второй половинѣ 12 вѣка Германія выходитъ изъ узкихъ границъ внутренней торговли; на сѣверѣ имперіи развивается международная торговля со всемъ западомъ и востокомъ, а также и съ сѣверогерманскими народами. Такую торговлю было невозможно вести безъ отдѣльной организаціи торговаго класса и вообще безъ организаціи промысловъ, безъ конституціонныхъ реформъ въ мѣстахъ новыхъ промысловъ, въ городахъ.

II.

Можно говорить или объ индивидуалистической или о социалистической окраскѣ экономическаго развитія, смотря потому, идетъ ли дѣло въ отдѣльныя эпохи объ экономической организаціи уже сильно развитыхъ, или только еще начинающихся развиваться экономическихъ силъ. Примѣръ для объясненія такого различія доставляетъ намъ первое тысячелѣтіе нашей національной исторіи. Въ началѣ эпохи натурального хозяйства земля была въ Германіи раздѣлена почти равномерно между членами народа; такимъ образомъ организація народнаго хозяйства была социалистической. Только съ шестого вѣка съ постепеннымъ индивидуализированіемъ правъ на землю эта система уступила мѣсто противоположной. Земля сдѣлалась теперь общественнымъ и политическимъ мѣриломъ могущества отдѣльныхъ личностей и такъ какъ эти послѣдніе воспользовались такимъ новымъ элементомъ личнаго могущества въ весьма различной степени, то и накопились чрезвычайно большія массы земель въ немногихъ рукахъ, тогда какъ большинство начало утрачивать прежнее право на землю. Но новое поземельное владѣніе вельможъ нуждалось въ новой организаціи и такой организаціей было связанное съ землей владычество; власть поземельныхъ собственниковъ и опредѣляла съ восьмого до одиннадцатаго вѣка характеръ нѣмецкаго народнаго хозяйства.

Подобнымъ же путемъ, какъ и эпоха натурального хозяйства, проходила и та новая эпоха національнаго хозяйства, которая началась развитіемъ торговли и промысловъ въ городахъ. Ея имѣющій общественное значеніе факторъ есть капиталъ; онъ занимаетъ положеніе, которое въ теченіе тысячи лѣтъ занимала земля, и становится общественной и политической силой новаго времени. Но и тутъ всѣ, вступившіе въ соприкосновеніе съ новымъ элементомъ, стремятся сначала къ равномерному пользованію его силами и слѣдствіями; законодательство средневѣковыхъ городовъ стремится привести, насколько это возможно, къ равномерному распредѣленію капитала среди всѣхъ обитателей города; оно, въ сущности говоря, признаетъ капиталомъ только рабочій капиталъ; въ экономической системѣ, пре-

слѣдуемой имъ, виднѣется социалистическая подкладка. Но и тутъ въ концѣ концовъ особенно съ 15 вѣка происходитъ индивидуализированіе капитала, какъ орудія могущества; его индивидуалистическая организація, его способность приносить проценты, давать ренту признается одновременно съ чрезмѣрнымъ его накопленіемъ въ рукахъ отдѣльныхъ личностей и съ лишеніемъ его большинства городскихъ жителей; за этимъ слѣдуетъ общественное раздѣленіе на предпринимателей и рабочихъ: съ 16 вѣка начинается индивидуалистическое развитіе, а съ этимъ вмѣстѣ и полное развитіе системы денежнаго хозяйства, сначала въ городахъ, а потомъ и въ деревняхъ.

Эти общія соображенія объ экономическомъ процессѣ развитія позволяютъ намъ по отношенію къ раннимъ ступенямъ развитія денежнаго хозяйства, а стало быть и по отношенію къ начаткамъ торговли, сдѣлать предположеніе, что сначала должна была существовать въ нѣкоторомъ родѣ социалистическая, препятствующая всякой личной разнузданности, организація новыхъ экономическихъ силъ.

Она, дѣйствительно, была характерной. Національная торговля первоначально была товарищеской въ томъ смыслѣ, что она уравнивала по возможности неодинаковыя индивидуальныя надежды на производство отдѣльныхъ лицъ; національная же промышленность по всей видимости была еще болѣе товарищеской; купеческія гильдіи и ремесленные цехи, эти общества ранняго развитія денежнаго хозяйства, невольно вызываютъ сравненіе съ аграрно-социалистическими общинами первобытной эпохи, съ общиной — маркой; всѣ они суть производительныя общества съ социалистической окраской, у всѣхъ ихъ одинаковая главная цѣль — обезпеченіе ихъ членовъ и ихъ семействъ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить и отличій между ними. Въ древнюю эпоху при образованіи общины-марки образованіе капитала было невозможнымъ; вслѣдствіе низкой ступени народнаго хозяйства никто не имѣлъ возможности обезпечить свое будущее и будущее своей семьи посредствомъ сбереженій или раздачи въ займы; отдѣльный человѣкъ вообще былъ не въ состояніи постоянно заботиться о себѣ; за него должно было заботиться государство. И общины-марки въ эпоху родовую, хотя сами онѣ и выросли на генеологической основѣ, были по существу формами государственными; онѣ образовывались и округлялись сверху, государствомъ; государство давало и обезпечивало имъ ихъ область, основу ихъ существованія. Внутри же этой области, принадлежавшей маркѣ, всѣ ея члены, по крайней мѣрѣ въ началѣ, состояли въ полномъ общеніи для производства.

Совершенно иначе образовались гильдіи и цехи. Такъ какъ каждая высшая хозяйственная ступень естественно свободно пользуется всѣми хозяйственными силами предыдущаго періода, то члены гильдій и цеховъ пользовались съ самаго начала почти полной личной собствен-

ностью городской земли; притомъ каждый самъ за себя велъ свое личное дѣло: торговлю или промыселъ; экономически они не были беззащитными и не пуждались ни въ какой высшей политической защитѣ. Сами собой, автономно, принципиально снизу, хотя бы случайно и пользуясь покровительствомъ и опекой государственныхъ властей, основывали они свои товарищества для регулированія торговли и промысловъ; принципиально они лишь настолько требовали государственной защиты и публичнаго признанія, по скольку они нуждались въ нихъ для проведенія въ жизнь своего идеала защиты и уравненія производства.

Въ этомъ различіи между системой общины-марки съ одной стороны и организаціей гильдій и цеховъ съ другой нельзя не видѣть громаднаго прогресса. Въ общинѣ-маркѣ отдѣльная личность еще подчинена государственному принужденію по отношенію къ выбору образа жизни и занятія, а за принужденіемъ государства стоитъ еще сильнѣе связывающая личность древняя первобытная сила рода; въ хозяйственныхъ же общинахъ развивающихся городовъ индивидуумъ лично свободенъ въ выборѣ своего призванія; общія основы своей жизни онъ вырабатываетъ самъ въ общемъ трудѣ съ сотоварищами по профессіи и если онъ и чувствуетъ себя еще неспособнымъ выдержать экономическую борьбу при неограниченной личной конкуренціи, то онъ требуетъ помощи государственной власти только для социалистическаго объединенія съ своими сотоварищами по профессіи, а не подчиняется постоянно ея принужденію, самъ не имѣя никакой личной воли.

III.

Самое древнее, въ теченіе долгаго времени можетъ быть единственное, бюргерское товарищество—это купеческая гильдія. Въ рамкахъ гильдіи вырастаютъ начатки національной торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ начатки бюргерства вообще.

Въ древности торговля въ Германіи велась самими купцами лично въ качествѣ крупныхъ развозныхъ торговцевъ или владѣльцевъ перевозимыхъ товаровъ; купецъ съ своимъ товаромъ ѣздилъ лично по странѣ отъ рынка къ рынку, обмѣнивалъ, продавалъ и покупалъ; отдѣльнаго дѣла перевозки товаровъ не существовало. Когда подобный торговый оборотъ сталъ обширнѣе, онъ долженъ былъ создать караванную торговлю. Купцы ѣздили вмѣстѣ одной дорогой, часто съ конвоемъ для защиты противъ грабительскихъ нападений изъ бурговъ или пиратовъ; они соединялись для торговыхъ поѣздокъ въ общества.

Таково происхожденіе купеческой гильдіи. Естественно предположить, что такая древнѣйшая временная форма гильдіи прежде всего

развились у саксовъ и главнымъ образомъ у фризовъ, первыхъ нѣмецкихъ племенъ, занимавшихся настоящей торговлей; у нихъ она была вдвойнѣ необходимой, какъ вслѣдствіе общаго транспорта разныхъ торговыхъ имуществъ на одномъ кораблѣ, такъ и вслѣдствіе особенныхъ опасностей морскихъ путешествій. По всей видимости подобнымъ же путемъ было организовано и старое купеческое сословіе на Рейнѣ и на Дунаѣ; но намъ извѣстны только слѣды такой старой организациі.

По самой сущности своей организациі караванное общество купцовъ не могло принадлежать къ какому нибудь отдѣльному сословію; въ немъ могли сходиться крѣпостные люди, ѣдущіе по порученію своихъ господъ, свободные и люди благороднаго происхожденія, и богатые и мелкіе розничные торговцы. Но въ началѣ должны были по численности преобладать торговцы по призванію, бывшіе осѣдлыми въ торговыхъ мѣстечкахъ и городахъ. Но эти послѣдніе вышли изъ среды богатыхъ крестьянъ, которымъ излишки ихъ земледѣльческихъ доходовъ позволяли перейти къ занятію торговлей или которымъ приходилось перейти къ новой профессіи вслѣдствіе постепеннаго превращенія ихъ полей въ застроенные городскіе участки; они выходили изъ свободныхъ крестьянъ, но считали въ своихъ рядахъ и потомковъ крѣпостныхъ людей или деревенскихъ несвободныхъ людей.

Во время путешествія общество по большей части выбирало старосту (альдермана); онъ заботился о безопасности путешествующихъ отъ грабительскихъ нападений; онъ по рѣшенію товарищей исполнялъ ихъ приговоры; онъ былъ отвѣтственнымъ лицомъ за удобство и спокойствіе избраннаго рынка.

По окончаніи поѣздки общество распадалось. Но чѣмъ правильнѣе предпринимались такія торговыя поѣздки изъ опредѣленнаго торговаго города, чѣмъ чаще составлялись такія временныя торговыя общества, тѣмъ болѣе товарищество должно было дѣлаться постояннымъ жизненнымъ элементомъ; уже въ очень раннюю эпоху временныя союзы для путешествія въ каждомъ городѣ должны были вести къ основанію постояннаго туземнаго общества живущихъ въ городѣ купцовъ. Это было второй ступенью развитія ранней средневѣковой купеческой гильдіи.

Постоянное общество сообразно общему характеру средневѣковаго товарищескаго права очень скоро повело къ полной общности въ жизни. Формально такія общества все еще по большей части составлялись на короткое время, но они постоянно возобновлялись. Между прочимъ они устраивали для своихъ членовъ общее богослуженіе, а стало быть и создавали общія надежды на будущую жизнь. Въ Дортмундѣ гильдія была названа по имени св. Рейнольда, патрона города, гильдіей Рейнольда. Гильдія заботилась также и объ тѣсномъ общеніи своихъ членовъ въ этомъ мірѣ посредствомъ праздниковъ и пир-

шествъ; первоначально слово гильдія обозначало «жертву, жертвенное пиршество, замкнутое общество»; саксонцы переводили это слово: *convivium*, а на Рейнѣ болѣе сообразно съ назначеніемъ гильдіи словомъ *fraternitas*.

Внутренняя организація гильдіи по большей части была приспособлена къ потребностямъ общественной жизни или даже проистекала изъ нихъ; рядомъ съ алдерманомъ, часто остававшимся и въ постоянной гильдіи въ качествѣ ея предсѣдателя, стояли обыкновенно нѣсколько гильдейскихъ членовъ, называемыхъ *шафнерами* (*börseherren*); они заботились объ устройствѣ общественныхъ празднествъ, служили во время ихъ; хранили сборы на праздничные расходы. Именно эта общественная сторона гильдіи сохранялась всего дольше, даже до такой эпохи, когда экономическое значеніе гильдіи давно уже исчезло; многіе гильдіи въ концѣ концовъ превратились въ простые клубы. Но въ прежнее время, повидимому, сохранялись всѣ старыя обычаи, съ которыми въ Зальцведелѣ праздновалось періодически возобновленіе гильдіи. Эти празднества продолжались четыре дня. Въ первый день послѣ избранія гильдейскихъ чиновниковъ происходитъ общій обѣдъ; въ торжественномъ шествіи выходящій въ отставку алдерманъ отправлялся къ вновь избранному съ вѣнкомъ въ одной рукѣ и съ полнымъ кубкомъ гильдіи въ другой; и то и другое онъ передавалъ торжественно своему наслѣднику. На третій день праздникъ достигалъ своего апогея; разодртые по праздничному члены сходились послѣ полудня въ танцевальной залѣ. Отсюда блестящее шествіе направлялось по улицамъ города; впереди шло духовенство, затѣмъ новый алдерманъ съ своей супругой съ вѣнками изъ красныхъ розъ на головахъ, потомъ неженатые и незамужнія сыновья и дочери гильдейскихъ членовъ, тоже съ вѣнками на головахъ, далѣе сами члены съ женами и достопочтенный совѣтъ гильдіи, и, наконецъ, бывшій алдерманъ съ супругой, также украшенные розами. Послѣ обхода города останавливались на площади стараго города; каждому изъ участниковъ праздника подавались два или три кубка вина, потомъ танцевали на площади. День заканчивался веселымъ обѣдомъ и вечерними танцами.

Если эту картину гораздо позднѣйшаго времени мы можемъ перенести въ старыя дни нѣмецкой купеческой гильдіи только гадательно, только съ значительной долей вѣроятія, то у насъ имѣются болѣе опредѣленныя извѣстія о серьезной дѣятельности гильдій того времени. Когда гильдія сдѣлалась постояннымъ учрежденіемъ торговаго города, то она прежде всего должна была позаботиться о регулированіи мѣстной торговли. Она старалась добиться облегченій и гарантій торговли, она создавала торговыя вѣсы и мѣру, строила амбары, склады, и поправляла дороги. Далѣе она должна была имѣть нѣкоторую полицейскую власть въ дѣлахъ торговаго оборота, она даже

судила въ вопросахъ о неправильной мѣрѣ, о невѣрныхъ вѣсахъ, о неправильныхъ четвертяхъ, о неправильной торговлѣ хлѣбомъ, вообще о всѣхъ мошенничествахъ въ торговлѣ; она стремилась имѣть надзоръ за дѣятельностью разныхъ промышленныхъ товариществъ, какъ за мѣнялами и банкирами, такъ и за ремесленными цехами. Она начинала создавать собственный кодексъ торговыхъ обычаевъ, она стремилась къ великой цѣли освобожденія поземельной собственности отъ феодальныхъ повинностей и къ созданію свободнаго торговаго договорнаго права. Наконецъ, она старалась монополизировать городскую торговлю въ пользу своихъ членовъ совершенно также, какъ члены марки съ пятого вѣка ограничивали пользованіе общинной землей постоянными жителями марки; она старалась даже о возможно болѣе широкомъ распространеніи своей монополіи въ окрестностяхъ своего города ¹⁾).

Кромѣ этихъ мѣстныхъ цѣлей гильдія не выпускала изъ виду и прежнихъ цѣлей своей предшественницы, временной гильдіи странствующихъ торговцевъ. Она, какъ и прежде, защищала караваны своихъ членовъ и вообще ихъ личность и имущество на чужбинѣ; для такой защиты въ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ образовались филиальныя гильдіи, состоявшія изъ присутствующихъ на мѣстѣ членовъ родной гильдіи и изъ разныхъ принятыхъ въ гильдію членовъ; такія филиальныя гильдіи должны были замѣнять своимъ членамъ родину. Такъ Кельнъ съ стародавнихъ временъ имѣлъ гильдію въ Лондонѣ, Гронингенъ въ Кельнѣ и Утрехтѣ и, вѣроятно, въ Рипенѣ и въ «пяти гаваняхъ» Англія; они могли рѣшать дѣла своихъ членовъ, если состояли не менѣе, какъ изъ шести «братьевъ»; аппеляція на ихъ рѣшенія предоставлялась гильдіи-матери; они составляли, такъ сказать, маленькій Гронингенъ на чужбинѣ.

Такія учрежденія давали гильдіи очень большую свободу и вліяніе. Такъ какъ люди желали быть дружески принятыми на чужбинѣ, желали найти тамъ второе отечество, то и были предупредительны къ иногороднимъ купцамъ, если они присоединялись къ туземной торговой и промышленной жизни; если они проживали въ качествѣ гостей въ чужомъ городѣ болѣе продолжительное время, то имъ позволяли, даже требовали отъ нихъ поступленія въ гильдію. Такое дружественное отношеніе получало награду въ дружбѣ къ родному городу иногороднихъ купцовъ. Такія отношенія должны были разрушать эгоизмъ туземнаго купечества, расширять его умственные и духовные горизонты. вмѣстѣ съ этимъ они много содѣйствовали

---

¹⁾ Такая торговая монополія называлась *ганзой*; такимъ образомъ для гильдіи ганза была тѣмъ же, чѣмъ цеховыя обязательства для цеха. Ганза Гронингена имѣла широкое распространеніе. Относительно Дортмунда см. Френедорфъ—*Dortmunder Statuten und Urteile*. LV.

однообразію организаціи гильдій всѣхъ городовъ, тѣмъ болѣе, что и вообще то всякая крупная торговля порождаетъ повсемѣстно одинаковыя учрежденія; мы не ошибемся, если признаемъ, что начатки купеческихъ гильдій, насколько онѣ были простыми мѣстными гильдіями, были вездѣ одинаковы.

Такое однообразіе образованія разрушалось связями гильдій съ высшей защитительной государственной властью. Передавая отдѣльнымъ гильдіямъ часть своей власти, давая имъ такимъ образомъ болѣе или менѣе общественныя права, государство ставитъ купеческую гильдію на третью ступень ея развитія.

Во времена Мервинговъ и при королѣ Пеппинѣ церковь и въ особенности епископы взяли на себя защиту торговыхъ интересовъ. Тогда появилось множество ярмарокъ, приходившихся на дни праздниковъ; остатки такого покровительства церкви можно видѣть въ томъ обстоятельстве, что и въ позднѣйшее время торговые суды засѣдали на церковныхъ дворахъ, на землѣ освященнаго церковью мира.

Но, вообще говоря, церковное покровительство со временъ нѣмецкой имперіи отступаетъ на задній планъ; уже при Карлѣ Великомъ оно замѣнилось покровительствомъ государства. Онъ оказывалъ покровительство какъ отдѣльнымъ купцамъ, такъ и купечеству отдѣльныхъ странъ; а Людовикъ Благочестивый создалъ для отдѣльныхъ купцовъ особое право, освободивъ ихъ отъ обязанности доказательства посредствомъ Божія суда. Саксонскіе государи со временъ Оттона Великаго оказывали покровительство уже цѣлымъ купеческимъ гильдіямъ; но такое покровительство главнымъ образомъ оказывалось купцу во время путешествія, къ чему присоединялось по большей части множество освобожденій отъ пошлинъ. Королевскія привилегіи получили болѣе широкое развитіе, когда купеческія гильдіи начали стремиться къ пріобрѣтенію полицейскихъ правъ въ своихъ городахъ или права исключительнаго торговаго оборота только для своихъ членовъ и вмѣсто того, чтобы просто узурпировать такіе права, добивались и иногда получали ихъ отъ государственной власти. Въ такомъ случаѣ гильдіи становились публичной рыночной, даже городской властью, если рынокъ и городъ совпадали. Такое развитіе гильдій въ тѣхъ городахъ, гдѣ члены гильдій были единственными полноправными гражданами, потому что они же были и единственными полноправными землевладѣльцами, должно было повести къ управленію торговыхъ городовъ гильдіей. Тамъ же, гдѣ существовалъ публичный рынокъ и гдѣ гильдія только путемъ узурпаціи могла достигнуть торговой монополіи, тамъ при извѣстныхъ условіяхъ должна была начаться борьба между гильдіями и господами общественнаго рынка — борьба, исходъ которой могъ быть очень разнообразенъ.

IV.

Развитіе купеческихъ гильдій въ главныхъ его чертахъ совершалось вполнѣ самостоятельно; за временной торговой гильдіей слѣдовала гильдія постоянная, мѣстная. Но эта послѣдняя въ своихъ дальнѣйшихъ стремленіяхъ по необходимости должна была войти въ отношенія съ государственной властью. А государственная власть и сама по себѣ давно уже была занята потребностями торговли; она создала рынокъ какъ свое собственное правое учрежденіе помимо случайнаго личнаго покровительства, оказываемаго ей отдѣльнымъ купцамъ.

Рыночныя мѣста въ Германіи не были особенно старымъ учрежденіемъ; слово рынокъ (Markt) заимствовано старымъ верхне-нѣмецкимъ языкомъ изъ латинскаго mercatus.

Временно рынки устраивались тамъ, гдѣ проходили въ правильные промежутки времени купеческіе караваны, на перекресткахъ большихъ военныхъ дорогъ, въ мѣстахъ поклоненія святымъ, а въ особенности на мѣстахъ прежней оживленной торговли и прежняго римскаго великолѣпія. При Карлѣ Великомъ появились пограничные рынки; императоръ изъ военныхъ соображеній запретилъ мѣстную торговлю на славянской и аварской границахъ и концентрировалъ пограничную торговлю въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Гамбургѣ и Бардевикѣ, въ Магдебургѣ и Эрфуртѣ, въ Регенсбургѣ и Лорхѣ на Дунаѣ.

Рынки, появившіеся такимъ образомъ, происходили по большей части передъ тѣмъ городомъ, по которому они назывались, на открытомъ полѣ; всего охотнѣе избирались мѣста между близъ протекающей рѣкой и городомъ, какъ, напр., въ Регенсбургѣ, въ Страсбургѣ и въ Кельнѣ; тутъ же позже устраивались и постоянныя рыночныя площади. Во время базаровъ въ такихъ мѣстахъ ставились соломенные шесты, что, вѣроятно, обозначало освобожденіе мѣста отъ власти частныхъ лицъ, временный переходъ его въ собственность короля и стало быть признаніе его находящимся подъ особымъ королевскимъ покровительствомъ, подъ защитой королевскаго мира. Мѣсто соломеннаго шеста часто заступало королевское знамя, развѣвавшееся подобно церковной хоругви на высокомъ крестѣ; отъ этого кажется и произошли столь распространенные кресты на рынкахъ. По обычаю нѣмецкаго права подставлятъ вмѣсто символовъ, сдѣлавшихся непонятными въ позднѣйшее, болѣе развитое время, свои многочисленныя символы, на крестъ начали вѣшать символы королевской власти: шляпу и щитъ, перчатку и мечъ; такъ, напр., въ Эшѣ на Зауерѣ въ Люксембургѣ во время ежегодной ярмарки на крестъ вѣшали деревянные мечъ и руку (ein hulzen schwert und ein

hulzen Hand); этотъ обычай объясняетъ такъ называемые «Роландовы столбы»; Роландъ по преданію былъ меченосцемъ Карла Великаго.

Задолго до такого измѣненія символовъ королевской власти и королевскаго правительства временные рынки во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ сдѣлались постоянными. Уже король Людвигъ далъ привилегіи постояннымъ рынкамъ, но преимущественно время ихъ появленія совпадаетъ съ первымъ расцвѣтомъ нѣмецкой имперіи; особенно государи изъ саксонскаго дома со времени Оттона I также, какъ раньше государи Салійскаго дома, создали множество постоянныхъ рынковъ.

Когда рынокъ становился постояннымъ, онъ получалъ определенное пространственное ограниченіе; онъ выдѣлялся изъ области управленія, выросшей изъ прежней чисто земледѣльческой культуры, какъ отдѣльный округъ; онъ образовалъ коммерческое свободное государство съ совершенно новымъ характеромъ. Всѣ купцы, въѣзжавшіе въ него, находились подъ особой защитой короля, пользовались привилегіей особаго королевскаго мира; такимъ образомъ особое покровительство короля, прежде оказываемое лично отдѣльнымъ купцамъ, стало достояніемъ цѣлаго сословія. Въ силу такого королевскаго мира всякое преступленіе, совершенное въ округѣ рынка, если оно имѣло связь съ торговлей, наказывалось кромѣ обыкновеннаго наказанія еще добавочнымъ штрафомъ въ 6 шиллинговъ; такое отдѣльное определеніе повело позже къ развитію настоящаго уголовного права Германіи. Наконецъ, вслѣдствіе того же королевскаго мира мѣстность пользовалась свободой отъ исполненія наказаній за преступленія, совершенныя внѣ ея предѣловъ, а также и отъ исполненія обязательствъ и договоровъ, заключенныхъ внѣ границы округа; королевскій миръ создавалъ такимъ образомъ права вольнаго города, т. е. право, на основаніи котораго обвинять купца рыночнаго округа или возбуждать противъ него искъ можно было только въ предѣлахъ этого округа.

Въ силу этихъ причинъ было необходимо учрежденіе особаго рыночнаго суда; появляется новое общественное судилище специально для торговыхъ дѣлъ—въ Германіи до тѣхъ поръ явленіе небывалое. Во главѣ рыночнаго округа стоитъ теперь общественный рыночный судья, котораго называютъ то шультгейсъ, то амтманъ; съ помощью купеческой общины или комитета *шоффеновъ* онъ создаетъ новое торговое право; это право прежде всего касается долговыхъ обязательствъ и рыночныхъ проступковъ, нечестнаго торга, нарушенія правилъ о мѣрахъ и вѣсѣ, дракъ и обнаженія меча во время базара.

Новый судъ сначала засѣдаетъ на рыночной площади; здѣсь на открытомъ мѣстѣ немедленно произносится приговоръ, здѣсь стоятъ кресло судьи и лавка шоффеновъ.

Новый судъ былъ прежде всего судомъ общины. Кромѣ купцовъ свободой рынка могли пользоваться и многіе другія лица, жившія въ округѣ, крестьяне и духовные, благородные или свободные землевладѣльцы или слуги; но всѣ они не были подчинены рыночному суду; новый судъ былъ созданъ только для купцовъ, для торгующихъ людей; сначала онъ касается только ихъ.

Но въ большихъ торговыхъ городахъ эта древнѣйшая стадія развитія очень скоро была пройдена. Въ нихъ въ узко опредѣленной, отнюдь не обнимающей всего города рыночной области фактически живутъ только одни купцы; купеческая община совпадаетъ съ реальной общиной рыночной области. Такимъ образомъ рыночный судъ дѣлается судомъ всѣхъ обывателей этой области—и тогда не только торговые дѣла, но и большинство дѣлъ подлежатъ его вѣденію. Очевидно, что въ такихъ случаяхъ обычное право разсматривается и развивается съ торговой точки зрѣнія — и прежде всего, конечно, право поземельной собственности. До сихъ поръ и въ рыночномъ округѣ вся земля, если на нее кто нибудь имѣлъ верховное право собственности, могла быть подданной или несвободной. Но такое положеніе дѣлъ было несогласимо съ полнымъ развитіемъ торговой профессіи и договорнаго права, несвободная поземельная собственность не могла быть разсматриваема, какъ товаръ. Такимъ образомъ первымъ прогрессомъ права рыночной общины было то, что поземельная собственность, которой купцы владѣли только въ качествѣ ленниковъ властелина города, начала признаваться свободной и не смотря на небольшую ренту и еще меньшія пошлины при переходѣ по наслѣдству и при продажѣ, которыя платились властелину, свободно переходила по наслѣдству и свободно продавалась. Такимъ образомъ въ рыночныхъ округахъ появляется новая свободная собственность; къ концу 11 вѣка она уже достаточно частое явленіе.

Потомъ для рыночной общины было очень важно сдѣлать свой судъ, который былъ равенъ судамъ обычнаго права, стало бытъ былъ низшимъ судебнымъ учрежденіемъ, высшей судебной инстанціей, которая вѣдала бы и уголовныя дѣла. Такія стремленія рыночныхъ общинъ имѣли успѣхъ, хотя и въ позднѣйшее только время, въ 13 вѣкѣ; своей цѣли онѣ достигли повсемѣстно, когда ихъ вліяніе распространилось на весь торговый городъ, къ которому онѣ принадлежали. Это событіе уже выводитъ торговую общину за узкіе предѣлы первоначальнаго рыночнаго мѣста и вводитъ ее въ исторію торговаго города, къ которому она принадлежала.

V.

Административное раздѣленіе меровинго-каролингской имперіи знало только земледѣльческіе округа; оно принадлежало вполнѣ эпохѣ на-

турального хозяйства. Округъ рынка былъ первымъ административнымъ округомъ вѣка денежнаго хозяйства, онъ внѣдрился въ старое окружное раздѣленіе и въ окружное устройство, какъ нѣчто чуждое и постороннее этой системѣ. Но такъ какъ онъ былъ очень малъ, такъ какъ онъ не удовлетворялъ всѣмъ существеннымъ условіямъ жизни торговцевъ, такъ какъ, наконецъ, существовало стремленіе къ расширенію его на весь торговый городъ, то отношенія къ старому строю должны были завязаться; они должны были усиливаться съ каждымъ годомъ.

При развитіи своихъ отношеній ко всему городу и къ его области рынокъ постепенно становился городомъ и устройство рынка замѣнялось первой формой настоящаго городского устройства.

Первоначальное раздѣленіе государства эпохи меровинговъ знало только графство (Gau) и сотни; начальникъ графства-графъ былъ политическимъ чиновникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ высшаго суда каждой сотни. Для города въ такомъ простѣйшемъ административномъ дѣленіи имѣла значеніе только сотня; ибо по большей части въ эпоху появленія городовъ права графовъ перешли къ сотнямъ, или по крайней мѣрѣ признавались перешедшими къ нимъ; сотня обыкновенно образовала самостоятельный высшій судъ, она даже часто распадалась на нѣсколько судебныхъ округовъ.

Подъ вѣденіемъ такого высшаго суда, сотеннаго или меньшаго, выдѣлившася изъ сотни, состоялъ и рыночный округъ; послѣ онъ былъ выдѣленъ изъ такого судебного округа. Рыночный округъ могъ теперь распространиться по крайней мѣрѣ на часть судебного, если не на цѣлый судебный округъ.

Но судебный округъ не былъ только правовой общиной; онъ обыкновенно обнималъ и хозяйственную общину, онъ былъ и округомъ марки-общины. Конечно, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ совпадалъ съ единой нераздѣльной маркой-общиной; чаще изъ большой марки общины съ ея высшимъ судомъ, съ ея собственностью на лѣса и луга выдѣлились мелкія марки-общины. Это были обыкновенно отдѣльныя деревни и среди нихъ и торговый городъ, въ которомъ находился рыночный округъ. Эти мѣста владѣли не только собственной, изъ большаго альменда (общей земли) прежняго судебного округа, т. е. большой судебной и хозяйственной общины, выдѣленной, землей, главнымъ образомъ лѣсомъ и лугомъ, но и пашнями, на которыхъ хозяйничали, какъ отдѣльные владѣльцы, обыватели.

Такимъ образомъ рыночный округъ могъ имѣть къ окрестнымъ земледѣльческимъ общинамъ слѣдующія отношенія: онъ имѣлъ долю въ общей собственности торговаго города, въ которомъ находился и во всей ея пашенной землѣ, или только въ общей собственности (въ лѣсахъ и лугахъ) этого города, или, наконецъ, въ общей соб-

ственности цѣлаго судебного округа. Возможно было, наконецъ, и то, что у рыночнаго округа не было совсѣмъ никакой доли.

Послѣдній случай былъ рѣдкостью и, по всей вѣроятности, сначала неслыханнымъ дѣломъ для большихъ рыночныхъ мѣстъ; во всякомъ случаѣ купцы нуждались въ лугахъ для своихъ стадъ. Но впоследствии въ періодъ основанія городовъ князьями и дворянами съ 12 и 13 вѣковъ попадались рыночные округа, неимѣвшіе никакихъ отношеній къ маркамъ; это были по большей части рыночные бурги, собственно говоря, скорѣе крѣпости, чѣмъ рынки. Но и у нихъ по большей части существовали свои общественныя земли, или скоро пріобрѣтались таковыя.

Тамъ, гдѣ рынки устраивались въ уже раньше существовавшихъ мѣстечкахъ, (эти послѣднія могли быть или простыми деревнями или коммерчески и промышленно развитыми мѣстечками), удержалась общность владѣнія—или только по отношенію къ общественнымъ землямъ или даже и къ пашеннымъ землямъ—между маркой и такими мѣстечками; въ послѣднемъ случаѣ должны были образоваться земледѣльческіе города.

Конечно, гораздо важнѣе вопросъ, какъ сложились отношенія въ тѣхъ торговыхъ мѣстахъ, которыя впоследствии сдѣлались большими городами.

Тутъ обыкновенно съ очень ранняго времени торговое мѣстечко распадалось на кварталы, каждый изъ которыхъ управлялся на манеръ деревенской марки-общины, и такимъ образомъ составлялъ отдѣльную общину; что подобные кварталы, вѣроятно, образовались генеологически, также какъ и деревенскія общины, поселеніемъ въ кварталѣ одного рода, это доказывается ихъ названіемъ *parages* (*родичи*) въ Мецѣ; таковыми отдѣльными кварталами-общинами были, напр., семь старыхъ приходовъ Кельна и общины (*Burschaften*) Зѣста и Дортмунда. Всѣ они образовали большую рыночную общину и по большей части—или одни или въ соединеніи съ нѣкоторыми, внѣ города лежащими, деревнями—высшій судъ; это послѣднее, главнымъ образомъ, со временъ государей изъ саксонскаго дома.

Въ такихъ широко распространенныхъ учрежденіяхъ выразилось вполне вліяніе постоянныхъ рынковъ со времени ихъ появленія; понятно, что отдѣльныя общины, увлекаемыя общимъ теченіемъ торговаго движенія, скоро погибли. Это имѣло своей причиной и то обстоятельство, что всѣ большіе города стремились къ пріобрѣтенію земледѣльской страны, лежащей далеко за ихъ стѣнами, къ пріобрѣтенію луговъ, необходимыхъ для ихъ все увеличивающихся стадъ, къ обезпеченію путешественниковъ и каравановъ на сосѣднихъ дорогахъ, къ устраненію укрѣпленныхъ мѣстъ вблизи города; впоследствии благодаря всѣмъ такимъ стремленіямъ городская область должна была сдѣлаться общей областью одного высшаго суда, цѣлымъ судебнымъ округомъ.

Понятны историческія послѣдствія подобныхъ событій. Эти слѣдствія могли быть столь же разнообразны, какъ и конституціонныя слѣдствія измѣненій въ теперешнихъ большихъ городскихъ общинахъ. Въ каждомъ изъ большихъ городовъ событія эти происходили не одновременно и не однообразно, а въ очень неправильныя промежутки времени и съ разнообразными уклоненіями отъ описаннаго выше типа.

Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты развитія можно признать типическими. Отдѣльныя общины могли примыкать къ строю рыночнаго округа при посредствѣ какъ полной свободы торговли въ рыночной области, которой онѣ пользовались, такъ и въ силу своего подчиненія рыночному суду, сначала по дѣламъ торговымъ. Полное сліяніе дѣлалось легко возможнымъ, какъ скоро отдѣльныя общины получали коммерческій характеръ и ихъ конституціонныя органы, геймбурги или бургомистры, должны были заниматься не столько земледѣльческими, сколько городскими дѣлами: записями переходовъ городскихъ земель изъ рукъ въ руки и т. п. А разъ такое сліяніе происходило, то уже не было рыночной общины, стоящей рядомъ съ отдѣльными общинами, а одна большая городская община, стоящая надъ слабыми остатками прежнихъ отдѣльныхъ общинъ.

Естественно, что такая большая община брала въ свои руки самостоятельное управленіе своими дѣлами. Сначала всѣ дѣла велись въ большихъ собраніяхъ всѣхъ гражданъ, какъ это намъ извѣстно, напр., относительно Магдебурга. Но естественно, что такой способъ веденія дѣлъ скоро самъ собою уничтожился; съ XIII вѣка даже большія деревенскія общины не могли справиться съ своими общинными дѣлами на своихъ сходкахъ, аналогичнымъ городскимъ собраніямъ гражданъ, а поручали ихъ присяжному комитету.

Точно также и въ городахъ во время XII и XIII вѣковъ образовались бюргерскіе комитеты, соотвѣтствующіе такимъ деревенскимъ комитетамъ; эти комитеты присягали предъ собраніемъ всѣхъ горожанъ въ добромъ веденіи городскихъ дѣлъ—таково было начало городского совѣта.

Первоначальная компетенція совѣта обуславливалась его происхожденіемъ; онъ былъ обязанъ всячески заботиться о благѣ города. Составлялся онъ выборами изъ членовъ наиболѣе выдающихся родовъ горожанъ; можетъ быть, бургомистры или геймбурги отдѣльныхъ общинъ считались его необходимыми членами. Занимался онъ только чисто городской администраціей, потому съ точки зрѣнія общественнаго права противъ него не могло быть возраженій; онъ не выходилъ изъ предѣловъ самостоятельности, предоставляемой нѣмецкимъ правомъ всякой общинѣ. Если онъ, напротивъ, пытался присвоить себѣ судебную власть,—что было естественно, особенно въ дѣлахъ городской полиціи,—то онъ уже переходилъ этимъ предѣлы своихъ

правъ, становился революціоннымъ органомъ; узаконить его стремленія могло только позволеніе короля или городского феодальнаго властелина, которому были переданы королевскіе права. Такимъ образомъ прочное развитіе городского устройства въ XII и XIII вѣкахъ было настолько же зависимо отъ содѣйствія короля или феодальнаго господина, насколько было зависимо отъ такого содѣйствія и развитіе конституціи марки въ X и XI вѣкахъ.

Но въ какихъ отношеніяхъ были органы рыночнаго устройства и еще болѣе древніе органы гильдій къ совѣту, какъ къ представителю городской общины?

Отвѣтъ на это мы можемъ получить только при разсмотрѣніи соціального развитія купеческаго сословія. Въ старое время каждый торговецъ считался купцомъ; крупная и мелкая торговля общественно еще не раздѣлялись. Мѣстная гильдія, кажется, въ принципѣ охватывала всѣхъ торговцевъ. Такое положеніе дѣлъ существовало въ X и XI вѣкахъ; но уже съ XII вѣка, особенно во второй его половинѣ, все очевиднѣе становится раздѣленіе крупной торговли отъ мелкой; интересы крупныхъ и мелочныхъ торговцевъ становятся различными; въ гильдіяхъ начинаются разногласія; по большей части мелкіе торговцы выходятъ изъ нихъ добровольно или вынуждаются къ выходу, гильдіи становятся товариществами крупныхъ купцовъ, цехами богачей. Какъ таковыя, онѣ уже не могутъ имѣть претензій, чтобы городская община признавала ихъ представительницами общихъ городскихъ интересовъ; онѣ не могутъ быть опасными соперницами для совѣта; только въ рѣдкихъ случаяхъ, обусловливаемыхъ особыми мѣстными обстоятельствами, онѣ дѣлаются иногда городскими представительницами и вытѣсняють совѣтъ.

Предѣльнаго пункта своего развитія рыночная конституція достигла въ учрежденіи особаго рыночнаго судьи. Если судья не собиралъ постоянной коллегіи шоффеновъ изъ купцовъ, какъ, напр., въ большинствѣ южнонѣмецкихъ городовъ нефранкскаго права, то Совѣтъ былъ единственнымъ органомъ, представителемъ городской общины; ему не приходилось тогда выдерживать никакой конкуренціи.

Совсѣмъ другое дѣло въ городахъ, гдѣ уже существовалъ судъ шоффеновъ. Здѣсь при постоянномъ самоизбраніи коллегіи шоффеновъ образовалось нѣсколько родовъ крупнаго купечества, имѣвшихъ право на избраніе въ шоффены; появился первый, извѣстный общественному праву, комерческій патриціатъ. Къ нему принадлежали, по крайней мѣрѣ отчасти, также и тѣ роды, которыхъ городская община должна была признавать пригодными быть членами совѣта; при этомъ было невозможно избѣжать конкуренціи между совѣтомъ и коллегіей шоффеновъ. Такая конкуренція должна была сказываться еще сильнѣе въ мѣстахъ, гдѣ рынокъ дѣлался городомъ и рыночный судъ потому сливался съ городскимъ высшимъ судилищемъ, какъ, напр., было по-

всей вѣроятности въ Кельнѣ. Здѣсь къ шофферамъ изъ купцовъ рыночнаго суда присоединялись первоначально крестьянскіе шофферы высшаго суда; эти послѣдніе только очень медленно, благодаря постоянному расширенію городовъ, отставали отъ своихъ крестьянскихъ занятій и начинали вести новую жизнь, какъ рентьеры или купцы; они жили разсыянными по всей городской области—все это было основаніемъ, чтобы городскія общины, не преслѣдовавшія, какъ общины рыночныя, исключительно коммерческихъ цѣлей, довѣряли имъ веденіе городскихъ дѣлъ.

Въ дѣйствительности во многихъ городахъ долгое время прежде чѣмъ образовался настоящій городской совѣтъ, дѣла вели такимъ именно образомъ составленныя коллегіи шофферовъ; это имѣло то удобство, что дѣлами управляли судьи, такъ что коллегія была обладательницей общественной власти, хотя вначалѣ и только въ предѣлахъ ея юрисдикціи; по отношенію къ нѣкоторымъ странамъ можно говорить о періодѣ сенатовъ шофферовъ; такой періодъ продолжался одно или два поколѣнія до развитія настоящихъ городскихъ совѣтовъ.

Но въ концѣ концовъ рядомъ съ коллегіей шофферовъ и выше ея долженъ былъ повсемѣстно образоваться совѣтъ; онъ образовался или посредствомъ внутренняго распадѣнія сената шофферовъ на коллегію шофферовъ и совѣтъ,—что легко могло случиться при раздорахъ родовъ, имѣвшихъ право на избраніе въ шофферы; или потому, что отдѣльные вновь разбогатѣвшія семьи искали удовлетворенія своему честолюбію въ званіи членовъ совѣта, а старыя, имѣвшіе право на избраніе въ шофферы роды, отказывали имъ въ доступѣ къ судебнымъ должностямъ; или, наконецъ, потому что сама городская община хотѣла учредить совѣтъ, какъ противовѣсъ чрезмѣрному могуществу коллегіи шофферовъ и по другимъ основаніямъ.

Такимъ образомъ XIII вѣкъ былъ вѣкомъ образованія совѣтовъ въ нѣмецкихъ городахъ; вездѣ изъ крупныхъ купеческихъ родовъ образовалось специально городское представительство; гильдія устарѣла и рыночная конституція въ ея первоначальной формѣ была забыта. За то теперь совѣтъ развиваетъ свою конституцію; во главѣ его, какъ его исполнительный органъ, становится бургомистръ; онъ расширяетъ свою юрисдикцію, онъ впервые въ Германіи становится судилищемъ съ формой аристократической; онъ, наконецъ, стремится къ полной свободѣ и самостоятельности города.

Но при этомъ онъ почти повсемѣстно наталкивается на энергическое сопротивленіе феодальныхъ владыкъ города.

VI.

Развитіе большинства рыночныхъ мѣстъ въ города, совершилось уже не подъ непосредственнымъ покровительствомъ короля, бывшаго,

однако, формально основателемъ рынка, а, стало быть, и городской свободы. Во времена саксонскихъ королей еще всѣ рынки считались королевскими; ихъ разрѣшеніе королевской властью еще не было забыто. Но въ силу передачи королевскихъ правъ отдѣльнымъ вельможамъ, они были по большей части въ рукахъ этихъ послѣднихъ, а рынки въ средоточіяхъ церковной жизни въ рукахъ аббатовъ и епископовъ.

Основанія такой передачи королевскихъ правъ вначалѣ были чисто финансовыя. Съ рынкомъ были соединены доходы съ пошлинъ, съ торговаго налога, съ монеты и съ рыночной площади; пользованіе всѣми такими доходами представлялось отдѣльнымъ вельможамъ. Сначала давались имъ именно только эти сборы, а рынокъ все таки оставался королевскимъ; такъ было при каролингахъ и эта практика сохранилась до середины X вѣка.

Оттонъ Великій началъ жаловать рынки и вмѣстѣ съ нимъ и рыночную юрисдикцію. Въ особенности такія необычныя милости доставались на долю епископовъ; сначала епископы Майнца и Кельна, а потомъ Магдебурга, Бремена, Шпейера и къ концу царствованія Оттона II большинство епископовъ уже были господами рынковъ своихъ резиденцій. При Оттонѣ III послѣдовали новыя пожалованія—именно монастырямъ, и главнымъ образомъ жаловалось право основанія новыхъ рынковъ; такія же пожалованія въ одиночку продолжались до третьяго десятилѣтія царствованія Генриха IV и даже позднѣе. При этомъ изъ извѣстныхъ намъ пожалованій этого періода девять десятыхъ приходилась на долю духовныхъ и только одна десятая на долю свѣтскихъ вельможъ—это была мѣра для усиленія вліянія духовенства въ имперіи; въ началѣ эта мѣра вполне соответствовала извѣстной внутренней политикѣ Оттона, который хотѣлъ возложить все управленіе имперіей на епископовъ.

Когда господство надъ рынкомъ перешло къ будущимъ имперскимъ князьямъ и въ особенности къ епископамъ, королевское вліяніе на конституціи пожалованнаго рынка все таки не вполне уничтожалась. Короли все еще продолжали смотрѣть на властелиновъ городовъ, какъ на своихъ представителей; съ судомъ, этимъ основаніемъ всей рыночной свободы, они поддерживали непосредственное, хотя только чисто формальное, отношеніе; они никогда не отказывались отъ своего права дарованія судъ его полномочія, да и вообще они вмѣшивались, въ особенности при личномъ присутствіи, въ развитіе рынка.

Но не смотря на все это, при общей слабости королевской власти развитіе рынковъ въ цѣломъ происходило подъ покровительствомъ и вліяніемъ властелиновъ рынка; потому оно получило вездѣ мѣстный, измѣнчивый въ фактическихъ подробностяхъ, характеръ. Даже тамъ, гдѣ не было никакихъ королевскихъ пожалованій, крупные землевладельцы рыночныхъ округовъ по большей части успѣвали захватить

въ свои руки господство надъ рынкомъ, количество чисто королевскихъ рынковъ сдѣлалось очень ограниченнымъ.

Въ значительныхъ рыночныхъ мѣстахъ при постепенномъ развитіи рынковъ въ города верховная власть вельможъ надъ рынкомъ превращалась въ верховную власть надъ всѣмъ городомъ; тѣмъ болѣе, что эти властелины рынка уже раньше успѣли завладѣть высшимъ судомъ въ торговомъ мѣстечкѣ; въ срединѣ XII вѣка городскіе властелины по большей части уже захватили въ свои руки всю верховную власть въ городѣ по отношенію къ суду и полиціи, къ пошлинамъ и монетѣ.

Они также сдѣлались уже давно и главной общественной силой въ городѣ. Въ десятомъ вѣкѣ шла сильная борьба, во время которой епископамъ удалось вытѣснить изъ торговыхъ мѣстъ вліятельныхъ окрестныхъ дворянъ; во время такихъ раздоровъ епископъ Шпейерскій Энгардъ былъ ослѣпленъ графами Вернеромъ и Конрадомъ. Послѣ побѣды надъ свѣтскимъ дворянствомъ противъ владыкъ рынковъ оставались только свободные люди, а также и та значительная часть населенія города, которая владѣла свободнымъ поземельнымъ имуществомъ.

Обложенныхъ феодальными повинностями земель (grundholde) считать было нечего, такъ какъ онѣ принадлежали или монастырямъ, т.е. подчиненнымъ епископамъ духовнымъ корпораціямъ, или были землями самого владыки рынка, епископа. Противъ же свободныхъ и противъ извнѣ приходящихъ элементовъ населенія у нихъ была въ рукахъ верховная власть надъ рынкомъ.

Администрація владыкъ рынка была по большей части очень разумна. Управление было естественно бюрократическимъ, управленіемъ министеріаловъ; только судья, которымъ долженъ былъ быть свободный человѣкъ, принадлежалъ по большей части къ окрестному дворянству, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ свободнымъ людямъ рыночнаго мѣста по выбору общины. Во всемъ же остальномъ распорядителями являлись слуги епископа; они управляли епископскими дворами въ городѣ и въ деревняхъ, и занимали должности завѣдующихъ монетнымъ дѣломъ и пошлинами, были торговыми смотрителями и низшими полицейскими судьями.

Такое развитіе рынковъ связывало ихъ судьбу въ большинствѣ мѣстностей, какъ напр. въ епископскихъ городахъ верхняго Рейна, съ социальнымъ развитіемъ бюрократіи. Когда служащіе, бывшіе когда то несвободными людьми, принадлежавшими владыкамъ земли или рынка, сдѣлались во времена Гогенштауфеновъ ихъ низшими вассалами, то они начали занимать свои должности уже не какъ слуги, а какъ ленники, и можно было предвидѣть, что скоро эти должности сдѣлаются наследственными. Наслѣдственность административныхъ функцій была характерной чертой эпохи натурального хозяйства и въ послѣдній

разъ она проявилась у сословія служащихъ, министеріаловъ, какъ сословія, происхожденіемъ своимъ обязаннаго этой эпохѣ; съ 13 вѣка министеріалы, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ, были уже не чиновниками своего государя, а властелинами въ предѣлахъ своей должности по принадлежащему имъ праву.

Такого невыгоднаго для себя развитія владыки рынковъ избѣжали только въ маленькихъ мѣстечкахъ и въ многихъ городахъ, основанныхъ съ 12 вѣка; герцогъ Бертольдъ Церингенскій уже въ 1120 г. вполне ясно понималъ дѣло, такъ какъ онъ въ своихъ опредѣленіяхъ для вновь основаннаго имъ Фрейбурга воспретилъ служащимъ пребываніе въ городѣ.

Но въ старыхъ городахъ, вродѣ Вормса и Страсбурга, богатые роды служащихъ сдѣлались наследственными въ своихъ должностяхъ; они соединились съ крупнымъ купечествомъ для образованія единого городского патриціата и какъ привыкшіе къ дѣламъ управленія начали въ соединеніи съ купеческими фамиліями борьбу противъ владычества епископовъ.

VI.

Мы не будемъ подробно говорить объ борьбѣ за освобожденіе этаго смѣшаннаго патриціата въ верхнерейнскихъ епископскихъ городахъ, также какъ и о болѣе ранней борьбѣ за освобожденіе чисто купеческаго патриціата другихъ городовъ. Судьбы Страсбурга съ одной стороны, и Кельна съ другой, во вторую половину 13 вѣка дали бы намъ типическія картины этой борьбы; но онѣ привели бы насъ уже къ эпохѣ полнаго развитія городскихъ республикъ, онѣ уже имѣютъ характеръ развитія позднѣйшихъ среднихъ вѣковъ.

Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить, что города уже въ цвѣтущую эпоху нѣмецкой имперіи приготовились къ тому, чтобы счастливо для себя выдержать эту борьбу. Вліяніе бюргеровъ проникло уже далеко за предѣлы чисто городской дѣятельности; оно не только въ сферѣ права уничтожило старыя границы между низшей и высшей юрисдикціей, вообще создало болѣе свободныя формы судоговоренія, помогло развитію уголовного права, видоизмѣнило наследственное право и право собственности; оно имѣло уже и политическій характеръ. Богатство и чувство солидарности, новая энергія и старое мужество обезпечивали молодому сословію бюргеровъ мѣсто въ совѣтѣ князей, городскихъ владыкъ, рядомъ съ духовенствомъ и дворянствомъ и заставляли его вторгаться въ сферу внутренней имперской политики.

Уже къ концу эпохи основанія римской имперіи нѣмецкой націи при императорѣ Генрихѣ III военно политическая сила городовъ оцѣнивалась однимъ изъ знатоковъ этаго дѣла удивительно высоко. Въ 1047 г. король Генрихъ I французскій снаряжался къ вторже-

нію въ рейнскую область въ то время, какъ Генрихъ III находился далеко въ Италиі, куда онъ отправился за императорскою короною—и вотъ тогда то епископъ Вазонъ Люттихскій замѣтилъ: пусть приходитъ король франковъ; бюргеры Майнца, Кельна, Люттиха и многихъ другихъ городовъ съумѣютъ его встрѣтить.

Программой для позднѣйшей имперской политики городовъ было слѣдующее: покой и миръ, защита императора и имперіи; съ такимъ лозунгомъ боролись бюргеры до конца штауфеновскаго періода.

Естественно, что въ страшную эпоху внутренней борьбы при Генрихѣ IV города въ первый разъ выступили для защиты государственной власти.

Вормсъ принимаетъ императора Генриха во время унизительныхъ дней Трибура въ 1076 г.; король награждаетъ за это гражданъ освобожденіемъ отъ королевскихъ пошлей въ Франкфуртъ, Боннардъ и Гаммерштейнъ на Рейнѣ, въ Дортмундѣ, Госларѣ и Энгернѣ. Любопытенъ тонъ манифеста объ этой привиллегіи: жители Вормса должны первые получить королевскую награду, такъ какъ они первые исполнили обязанности бюргеровъ.

Бюргеры наврядъ ли впрочемъ и пуждались въ королевскихъ увѣщаніяхъ: уже въ 1074 г. Кельнъ возсталъ противъ Аннона архіепископа, похитившаго короля въ Кайзервертерѣ; въ 1077 г. Майнцъ возстаетъ противъ Рудольфа, коронованнаго тамъ анти-императора. И это не было результатомъ заговора; въ обоихъ случаяхъ возстаніе вызывалось случайностью; было достаточно ничтожнаго повода, чтобы проявились недовольство купцовъ на безпокойныя времена и сознаніе бюргерами своей силы.

Когда императоръ Генрихъ вернулся въ 1077 г. изъ Италиі, Вормсъ сдѣлался точкой опоры для его дѣятельности; отсюда онъ велъ переговоры, здѣсь онъ собиралъ преимущественно городскія войска; бюргерство не стояло, какъ прежде, въ сторонѣ; оно рѣшительно стало на сторону законнаго государя. Рядомъ съ городами средняго Рейна, гдѣ Генриху удалось посадить на епископскія кафедры преданныхъ ему людей, въ королевской службѣ отличились Регенсбургъ, Аусбургъ, Вюрцбургъ, Госларъ; Кельнъ оставался вѣренъ старому, подавленному несчастіями императору до его смерти. Генрихъ награждалъ города въ послѣднее десятилѣтіе своего управленія провозглашеніемъ Божьяго мира.

Двѣнадцатое столѣтіе начинается тѣмъ совершенно безспорнымъ фактомъ, что бюргерское сословіе становится существеннымъ общественнымъ и политическимъ элементомъ націи; города въ смутномъ предчувствіи о враждѣ между центральной властью и князьями поддерживаютъ первую; они очень опредѣленно хотятъ дать мѣсто своимъ спеціальнымъ торговымъ интересамъ въ имперской политикѣ. При этомъ ихъ поведеніе отличается замѣчательнымъ достоинствомъ;

одинъ городской актъ 1178 г. говоритъ о превосходнѣйшихъ (egregii) бюргерахъ Кельна и Вердюна.

Вообще говоря, счастье благопріятствовало ихъ политической дѣятельности. Генрихъ V при всей изворотливости своей политики не могъ избѣжать вліянія бюргерства; при государяхъ изъ дома Гогенштауфеновъ городамъ принесло пользу ихъ враждебное отношеніе къ Лотарю. Они тогда считались исконными приверженцами Гогенштауфеновъ—и это было вѣрно. Шпейеръ при королѣ Лотарѣ былъ столицей опальныхъ Штауфеновъ. Еще высшей ступени политической самостоятельности достигло бюргерство къ концу 12 вѣка. Оно тогда вступило на путь развитія, уже не вполне замкнутого въ рамки безусловнаго политическаго подчиненія имперскимъ задачамъ. Руководителемъ городовъ на этомъ пути былъ Кельнъ. Британско-фландрская торговля поставила этотъ городъ въ близкія отношенія къ королевскому двору Англіи; онъ сдѣлался представителемъ особой англо-нѣмецкой политики, которая вторгалась въ сферу иностранной политики имперіи неоднократно, сначала въ концѣ царствованія Фридриха I, потомъ во время несчастной борьбы между королями Филиппомъ и Оттономъ и наконецъ въ двадцатыхъ годахъ 13 вѣка, при Фридрихѣ II.

Во внутреннихъ дѣлахъ могущество городовъ тоже сдѣлалось вскорѣ невыносимымъ для князей. Города уже стремились къ тому, чтобы подчинить своему вліянію деревни; для князей было необходимо противодѣйствовать имъ. Они добились помощи императора Фридриха II и его сына, короля. Имперское законодательство двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ 13 вѣка воспрещаетъ союзы городовъ, противится развитію функцій городскихъ совѣтовъ и вообще городской автономіи, пытается воспрепятствовать финансовой эксплуатаціи деревни со стороны городовъ законодательнымъ уничтоженіемъ всѣхъ рентъ, платимыхъ крестьянами владѣльцамъ изъ бюргеровъ, противится переселенію земледѣльческаго населенія въ округъ городовъ въ интересахъ города, старается устранить приливъ въ города деревенскаго населенія всяческими средствами, даже ограниченіемъ права свободнаго передвиженія въ самихъ деревняхъ.

Слѣдствіемъ всего этого была новая повсемѣстная борьба между городами и ихъ феодальными владыками; вопреки имперскимъ опредѣленіямъ не прекращаются попытки городскихъ союзовъ. Бюргерство въ концѣ концовъ побѣдило въ обоихъ отношеніяхъ, въ последнемъ оно побѣдило особенно быстро при упадкѣ имперіи. Въ срединѣ 13 вѣка появляется Рейнскій союзъ; города на короткое время фактически пріобрѣтаютъ почти всю имперскую власть и для нѣмецкаго бюргерства остается навсегда славнымъ то обстоятельство, что оно воспользовалось этимъ первымъ случаемъ, когда имѣло власть въ своихъ рукахъ, для того, чтобы возстановить спокойствіе, чтобы создать майнцскій земскій миръ 1235 г., бывшій важнѣйшимъ законо-

дательнымъ актомъ конца эпохи Штауфеновъ, послѣднихъ столѣтій среднихъ вѣковъ.

Въ саксонскихъ сагахъ Видукинда герой смѣется надъ своимъ противникомъ, что онъ подобно несчастному звѣрю, скрывающемуся въ горныхъ пещерахъ, скрывается за стѣнами своего города и не осмѣливается поднять свой свободный взоръ къ небу. А теперь, триста лѣтъ спустя, значительная часть нѣмецкаго населенія живетъ за этими осмѣянными когда то стѣнами; гордо и смѣло смотритъ теперь бюргеръ съ вершины своихъ башенъ на крестьянина, героя прошлаго времени. Это замѣчательно рѣзкое измѣненіе; оно обозначало начало быстрого прогресса, бывшаго можетъ быть для поколѣнія, жившаго въ 13 вѣкѣ, столь же страннымъ и необычнымъ, какъ для насъ, живущихъ въ XIX вѣкѣ, странно быстрое экономическое и соціальное движеніе нашихъ дней.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Измѣненія условій землевладѣнія отъ десятаго до двѣнадцатаго вѣка. Начатки развитія территорій.

I.

Заселеніе нѣмецкой земли Германцами происходило такимъ образомъ, что народныя группы занимали, гдѣ это было возможно, земли уже воздѣланныя. Недостатка въ такой землѣ не было какъ по лѣвой, такъ и по правой сторонѣ Рейна до самой Эльбы; какъ теперешнія нѣмецкія поселенія на когда то бывшей римской землѣ расположеніемъ домовъ, дворовъ и пашенъ указываютъ на потребности негерманскія, такъ и Вестфальская подворная система расселенія и разныя другія особенности среднегерманскихъ поселеній указываютъ на кельтовъ ¹⁾.

Конечно, при этомъ играли немаловажную роль и лѣсныя расчистки, но преобладающую роль они начали играть только послѣ вполне законченнаго поселенія народа въ пятомъ и шестомъ вѣкахъ. Тогда вновь нарождающіяся поколѣнія шли въ первобытные лѣса, жгли ихъ и чистили; въ седьмомъ, восьмомъ и девятомъ вѣкахъ начались первыя большія распашки въ дремучихъ лѣсахъ на горахъ.

Въ концѣ эпохи каролинговъ первобытная сила лѣса еще не была окончательно побѣжденной человѣкомъ. Лѣсъ продолжалъ еще служить неисчерпаемой, богатой сокровищницей націи:

Dem reichen walt es lützel schadet
Ob sich ein mann mit holze ladet,

(богатому лѣсу не повредитъ, что человѣкъ запасется деревомъ),

---

¹⁾ №№ I и II этой главы были уже напечатаны въ „Словарѣ Государственныхъ наукъ“, часть 4.

говорится въ одной пѣснѣ изъ временъ Фридриха II. Въ это время еще нигдѣ не было недостатка въ лѣсныхъ пустошахъ; даже въ позднѣйшее время нѣмецъ помнилъ о дикихъ силахъ лѣса; только въ концѣ четырнадцатаго вѣка начинаютъ жаловаться на недостатокъ лѣсовъ. Еще и теперь Германія изъ всѣхъ странъ съ развитой культурой самая богатая, какъ разнообразіемъ горныхъ красотъ, такъ и лѣсами; еще и теперь нашъ народъ рассказываетъ объ ужасахъ и прелестяхъ лѣснаго уединенія, которые заставляли прежнія поколѣнія создавать тысячи фигуръ нашей родной саги.

Такимъ образомъ еще во времена имперіи и особенно въ эпоху императоровъ салійскаго и штауфеновскаго домовъ наступилъ новый великій періодъ занятія и воздѣлыванія лѣсовъ.

Понятно, что этотъ второй и послѣдній періодъ воздѣлыванія лѣсовъ былъ очень отличенъ отъ перваго. Отъ 6 до 8 вѣка въ лѣсахъ селились главнымъ образомъ свободные общинники; молодые люди общины товариществами шли въ лѣсныя долины и искали тамъ себѣ новыхъ жилищъ. Такія заселенія еще и теперь не вполне прекратились; они продолжались и въ этомъ второмъ періодѣ къ востоку отъ срединныхъ германскихъ горъ, а также и въ Альпахъ.

Но вообще положеніе свободнаго человѣка при воздѣлываніи лѣсовъ въ этотъ періодъ было уже совершенно инымъ. Старыя общинныя отношенія въ деревнѣ уже давно распадались; въ сравненіи съ прежними временами хозяйство отдѣльныхъ крестьянъ сдѣлалось уже индивидуалистическимъ. Свободный въ своей родной деревнѣ сдѣлался гораздо самостоятельнѣе, потому и при новыхъ расчисткахъ онъ полагался только на собственныя силы и дѣйствовалъ по личнымъ своимъ планамъ. Подобно американскому скватеру проникалъ онъ въ чащу лѣса и строилъ себѣ одинокую хижину на расчищенной землѣ.

Такое движеніе напоминало собой пачало второго великаго періода заселенія страны отъ 9 до 11 вѣка. Естественно, что оно было неправильнымъ; въ немъ было нѣчто первобытно-насильственное, и потому то въ концѣ концовъ оно и было регулировано господствующими государственными и полугосударственными силами.

Короли, въ силу старой регалии на всю землю страны удержавшіе еще за собой принципиально собственность всѣхъ невоздѣланныхъ земель, теперь торжественно и формально провозгласили свое право собственности на всѣ еще сохранившіеся первобытные лѣса, въ особенности въ горныхъ странахъ. Такимъ образомъ государственными лѣсами сдѣлались Спессартъ, Франконскій лѣсъ, Арденны и Соонъ, Гагенау и Дрейейхъ; расчищать ихъ можно было только съ особаго королевскаго разрѣшенія.

Вскорѣ, однако, направленіе движенія отъ центральной власти перешло къ мѣстнымъ властямъ, къ герцогамъ и маркграфамъ, къ графамъ и епископамъ съ графскими правами; въ этомъ отношеніи также,

какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ, дѣятельность этихъ подчиненныхъ властей скоро заслонила собой значеніе короля. Уже въ первой половинѣ 11 вѣка прекращаются лѣсные доходы въ пользу имперіи; королевскія привилегіи на пользованіе лѣсами, раздаваемые вельможамъ, встрѣчаются еще въ концѣ этаго вѣка. Съ этой же поры право рубить лѣсъ, расчищать большіе лѣса признается правомъ вельможъ; инициатива короля уничтожается.

Естественно, что воздѣлываніе лѣсовъ въ этомъ второмъ періодѣ, при императорахъ салійскаго и штауфеновскаго домовъ, производится почти исключительно вельможами, т.е. крупными землевладѣльцами.

Тогда начинается экстенсивное хозяйничанье; въ теченіе трехъ вѣковъ расчищается чаща нашихъ лѣсовъ даже въ самыхъ недоступныхъ горныхъ странахъ; это было послѣднимъ крупнымъ поселенческимъ мѣропріятіемъ нашего народа на его родинѣ. Уже въ концѣ этаго періода, при послѣднихъ Штауфенахъ перешли мѣру естественно допустимаго въ этомъ отношеніи. Множество тогда основанныхъ мѣстечекъ, поселенныхъ на неплоднѣй почвѣ, вскорѣ исчезли; многіе пустыри, болотистые и луговые, ведутъ свое происхожденіе именно отъ неудавшихся поселеній той эпохи.

Развитіе земледѣльческой дѣятельности отъ 10 до 13 вѣковъ отнюдь не ограничивалось заселеніемъ участковъ первобытнаго лѣса. Рядомъ съ колонизаціей дѣвственныхъ странъ шло не менѣе усердное, хотя и менѣе выгодное, воздѣлываніе старой общинной земли.

Уже давно исчезло прежнее строгое регулированіе общиннаго воздѣлыванія земли всѣми дворами. По отношенію къ пашенной землѣ принудительная обработка еще сохранилась; всѣ владѣльцы дворовъ были принуждены въ извѣстной части поля воздѣлывать одинаковый хлѣбъ; это было слѣдствіемъ первоначальнаго расположенія полей, котораго нельзя было устранить даже въ настоящемъ столѣтіи.

Но такая обязательность регулируемой общиной, общей всѣмъ дѣятельности была теперь уже не столь всесторонней: для особенно дѣятельныхъ и способныхъ хозяевъ сдѣлалась возможной и самостоятельная обработка земли, самостоятельное распоряженіе своими посявами. Кто могъ теперь воспрепятствовать такому хозяину въ относительно мирную эпоху 10 - 12 вѣковъ, воздѣлывать какъ ему угодно часть общей земли марки, находившейся въ распоряженіи всякаго изъ членовъ деревенской общины? Если онъ устраивалъ здѣсь свой дворъ и заводилъ себѣ отдѣльное поле, то онъ могъ заниматься производствомъ энергичнѣе и свободнѣе другихъ его деревенскихъ сосѣдей.

Такимъ правомъ довольно часто пользовались зажиточные хозяева въ эпоху имперіи, особенно въ болѣе развитыхъ странахъ рѣчныхъ долинъ и въ богатыхъ плодородныхъ равнинахъ. Такимъ образомъ появились крупныя крестьянскія владѣнія на свободной землѣ марки;

такъ начались культуры конопли и льна, такъ устроились скотные дворы среди богатыхъ и хорошо вычищенныхъ луговъ и, въ особенности, процвѣло воздѣлываніе виноградной лозы на черноземной почвѣ Пфальца и на крутыхъ скалистыхъ терассахъ Рейна и Мозеля.

Хозяйственная энергія, захвативъ общинныя свободныя земли, отразилась и на воздѣлываніи старыхъ деревенскихъ полей. Обработка стала интенсивнѣй, вспашка глубже и старательнѣй; все болѣе и болѣе начали заботиться о поддержаніи и увеличеніи производительной силы земли посредствомъ унавоживанія. Почти повсемѣстно вводится трехпольная система. Старая экстензивная переложная система, когда у земли брали плодъ только чрезъ шесть—двѣнадцать и болѣе лѣтъ, когда не знали другого унавоживанія, кромѣ золы сгорѣвшей травы, сохранилась только на высотахъ средней возвышенности Германіи, на Альпахъ и въ болотистыхъ мѣстахъ сѣверо-запада въ Фрисландіи.

Въ старыхъ центрахъ земледѣлія теперь начинается энергическая дѣятельность и въ лучшихъ странахъ имперіи рушится старое полеводство. На Рейнѣ старые дворы съ своими первобытными хозяйственными приѣмами едва могли удержаться; въ 12-мъ вѣкѣ все увеличивающееся мобилизованіе земли раздробляетъ ихъ; они распадаются; когда-то считавшейся столь богатой и изобильной общей земли марки становится слишкомъ мало для потребностей всѣхъ жителей деревни.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долины верхняго Рейна, Мозеля и нижняго Рейна общины не разрѣшаютъ больше отдѣльнымъ своимъ членамъ завладѣвать частями своей общинной земли или позволяютъ завладѣвать лишь такимъ участкомъ земли, до границы котораго сильный мужчина можетъ добросить молотъ. Въ этомъ случаѣ снова оживаетъ старое символическое опредѣленіе мѣры земли и вмѣстѣ съ нимъ личное право завладѣнія землей въ предѣлахъ марки замѣняется снова старымъ коллективнымъ владѣніемъ. Теперь снова, какъ и въ старое время, приступаютъ къ передѣламъ полей и луговъ; въ прежнее время общая борьба противъ силъ дикой природы вынуждала къ созданію общины и къ общему пользованію землей, а теперь старыя формы съ новымъ содержаніемъ ожили, благодаря сильно развитымъ личнымъ интересамъ всѣхъ въ основательной и для всѣхъ равномерной эксплуатаціи послѣдней земли, остававшейся въ общемъ пользованіи.

Но черезъ четыре или пять поколѣній старые узы были совершенно разбиты личной конкуренціей. Уже во второй половинѣ 13 вѣка старыя общинныя земли въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ начали дѣлиться; вездѣ между общинами и ихъ членами начались споры о правахъ и о владѣніяхъ. Начинается полное распаденіе

старой общины—марки и всестороннее развитіе совершенно иныхъ экономическихъ силъ.

Дѣйствительно, колонизація отъ 10 до 13 вѣка вполнѣ измѣнила экономическое положеніе обитателей деревни. Въ эпоху каролинговъ на землю и на лѣсъ смотрѣли какъ на неисчерпаемое сокровище всей націи, также какъ на солнце, воздухъ и воду; теперь же все яснѣе становилось, что количество земли, занятой народомъ, ограничено. Земельный просторъ, когда то неизмѣримый, все болѣе ссуживался; прежде всего на Рейнѣ, въ Швабіи и въ Франконіи, позже въ Саксоніи, а наконецъ и въ Баваріи, Тиролѣ и Штиріи, приходилось устроиваться на ограниченномъ пространствѣ. Земля еще болѣе, чѣмъ прежде, стала казаться хозяйственной цѣнностью; цѣна ея постоянно возрастаетъ; кажется, что отъ девятаго до двѣнадцатаго вѣка она возросла въ двѣнадцать разъ, а позже до второй половины 13 вѣка такое возрастаніе съ нѣкоторой вѣроятностью можно считать въ 40%.

Если мы припомнимъ, что земля все еще считалась единственнымъ основаніемъ общественнаго и политическаго вліянія въ мнѣніи руководящихъ слоевъ народа,—хотя въ это время уже медленно появляются и другіе источники крупныхъ доходовъ—то мы поймемъ, какая горячая борьба должна была завязаться въ этомъ періодѣ исторіи изъ за права землевладѣнія.

Если экономическое развитіе сначала шло покойно, то это зависѣло отъ слабости центральной власти, отъ преобладающаго значенія крупныхъ землевладѣльцевъ уже въ эпоху каролинговъ, а также и отъ очень подавленнаго положенія земледѣльческаго населенія.

Только до конца владычества каролинговъ короли играли преобладающую роль, вліяли на раздѣленіе земли между членами народа посредствомъ раздачи своихъ королевскихъ лѣсовъ, посредствомъ соціального законодательства о крупныхъ помѣстьяхъ и посредствомъ защиты свободныхъ людей. Потомъ вліяніе королевской власти все болѣе и болѣе ослабѣвало; фискальная поземельная собственность, которая въ десятомъ вѣкѣ состояла еще исключительно изъ государственныхъ заказныхъ лѣсовъ и занимала по крайней мѣрѣ четвертую часть всей земли, также сильно уменьшилась.

Въ эпоху нѣмецкой имперіи господство переходитъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ. Считаютъ, что въ цвѣтущее время крупнаго землевладѣнія 9,000—18,000 моргеновъ въ рукахъ одного духовнаго лица было правиломъ, а 30,000 до 60,000 моргеновъ совсѣмъ не рѣдкимъ исключеніемъ; рассчитываютъ, что средняя величина мелкихъ помѣстій была по крайней мѣрѣ въ 3,000 моргеновъ, тогда какъ княжескія помѣстья далеко выходили за норму владѣнія духовенства; такъ что утвержденіе, что въ 11 и въ 12 вѣкахъ половина всей нѣмецкой земли была господской, не далеко отъ истины.

Но помѣстное землевладѣніе было дѣйствительною опасностью для націи только съ этой точки зрѣнія. Въ другихъ же отношеніяхъ въ его организациі, въ измѣненіяхъ его строя не только заключался коррективъ его чрезмѣрнаго распространенія, но въ его судьбахъ таилось освобожденіе крѣпостныхъ и возможность созданія новаго свободнаго землевладѣнія.

II.

Въ началу царствованія Оттоновъ крупное поземельное владѣніе достигло высшей точки своего развитія. Энергическая организациа императорскаго фискальнаго управленія, законодательное принужденіе къ правильному управленію помѣстьями, созданное капитуляріями каролинговъ по отношенію къ крупнымъ помѣстьямъ вельможъ, принесли свои плоды.

Во всѣхъ раскиданныхъ и очень разнообразныхъ владѣніяхъ поземельныхъ собственниковъ развилась однообразная система управленія. Если собственникъ владѣлъ гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ въ деревенской маркѣ многими дворами, онъ въ одинъ изъ нихъ сажалъ своего крѣпостного, особенно ему обязаннаго, и поручалъ ему, какъ управляющему (Meier), надзоръ за всѣми остальными дворами. По большей части разсѣянные по ближайшимъ деревнямъ дворы, принадлежавшіе одному землевладѣльцу, поручались надзору одного управляющаго.

Такимъ образомъ каждое крупное помѣстье распадалось на нѣсколько округовъ управленія, пространственно неограниченныхъ и состоящихъ изъ извѣстнаго количества дворовъ; такіе округа и составляли повсемѣстно низшія инстанціи помѣщичьяго управленія; только очень рѣдко въ ихъ завѣдываніи находились управленія большими лѣсами, обширными виноградниками, различными ремесленными заведеніями, соляными копами и другими тому подобными промыслами.

Управляющій, по большей части такой же крѣпостной, какъ и другіе крестьяне, собиралъ въ своемъ округѣ оброки; онъ же былъ и судьей въ дѣлахъ о владѣніи оброчниковъ; поля его барщиннаго двора воздѣлывались барщиннымъ трудомъ другихъ, подчиненныхъ ему, крестьянскихъ дворовъ. Такимъ образомъ онъ былъ сборщикомъ доходовъ натурального хозяйства помѣстья и его барщинный дворъ господскимъ сборнымъ пунктомъ продуктовъ натурального хозяйства.

Но съ другой стороны барщинный дворъ управляющаго долженъ былъ преслѣдовать и другую задачу, именно въ силу того, что онъ распоряжался трудомъ подчиненныхъ ему крестьянскихъ дворовъ; для того, чтобы эксплуатировать этотъ трудъ, ему было нужно больше земли сравнительно съ другими дворами. Потому барщинный

дворъ по размѣрамъ превосходилъ обыкновенную *туфу*, т. е. земельную мѣру обыкновеннаго крестьянскаго двора; запашекъ у него было больше сравнительно съ другими сосѣдными дворами. Но и при такомъ расширеніи барщиннаго двора земли его въ большинствѣ случаевъ было недостаточно, для примѣненія труда всѣхъ оброчныхъ крестьянъ было необходимо имѣть больше земли. Потому помѣщикъ расчищалъ деревенскій лѣсъ во всѣхъ маркахъ, къ которымъ принадлежали дворы его помѣстья, также какъ и многіе другіе члены марки. Такъ было въ наиболѣе развитыхъ частяхъ страны уже въ концѣ 9 вѣка.

Понятно, что такія расчистки, энергично производимыя помѣщиками, не ограничивались скромными рамками крестьянскаго хозяйства; жертвой такой дѣятельности пали огромныя лѣсныя пространства; появились необозримыя поля нашихъ рыцарскихъ помѣстій, называемыя пустошами (*Beunden*). Къ этимъ полямъ и была примѣнена барщинная работа крѣпостныхъ крестьянъ, они наполняли погреба и амбары барщиннаго двора и распоряженіе надъ воздѣлованіемъ такихъ пустошей давало управителю значеніе богатаго, хотя и крѣпостнаго крестьянина.

Дворъ управляющаго составлялъ единственное правильное хозяйственное управленіе помѣстья. Выше его и вышеупомянутыхъ спеціальныхъ управленій, въ очень большихъ и очень раскинутыхъ помѣстьяхъ, стояли еще высшіе помѣщичьи чиновники, называемые въ большей части мѣстностей *пробстами*; но вообще то надъ низшей администраціей помѣстья стояли непосредственно, самъ помѣщикъ и служащіе его дома: маршалъ, камергеръ или трухзесъ. Они составляли дворъ помѣщика; уже въ девятомъ и десятомъ вѣкахъ этотъ дворъ жилъ въ крѣпкомъ бургѣ въ срединѣ помѣщичьихъ владѣній.

Въ этотъ дворъ стекались излишки помѣщичьяго управленія, по большей части въ формѣ продуктовъ хозяйства; оттуда шли распоряженія къ отдѣльнымъ управляющимъ, какъ относительно господской юрисдикціи, такъ и относительно періодической доставки продуктовъ земледѣлія, скотоводства и крѣпостныхъ ремесленниковъ.

Каждое помѣстье поэтому необходимо должно было имѣть свою особую почту и особую транспортную систему. И та и другая, дѣйствительно, появились со времени 9 вѣка. Извѣстное числоgrundгольдеровъ (крѣпостныхъ крестьянъ) было обязано содержать лошадей и лодки для перевозки пословъ и писемъ: такіе возчики въ силу привычки къ своей службѣ составили впоследствии кадры всадниковъ и воиновъ въ рыцарскихъ войскахъ.

Транспортная служба была наложена на всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ; въ опредѣленное время они возили дрова изъ лѣсу, хлѣбъ и другіе продукты земледѣлія со двора управляющаго въ бургъ помѣ-

шика; зимой они совершали поѣздки въ ближайшія соляныя копи и привозили оттуда соль, или въ ближайшій большой городъ для продажи земледѣльческихъ продуктовъ и покупки товаровъ и произведеній ремесленниковъ.

Такимъ образомъ было устроено управленіе помѣстьями въ десятомъ вѣкѣ; такова была жизнь въ нихъ и распределеніе работъ сообразно сезону; такая хозяйственная дѣятельность составляла почти всю экономическую жизнь націи. Владѣніе и управленіе отдѣльнаго помѣщика были соединены тѣсными узами; въ оживленныхъ и высоко культивированныхъ частяхъ страны не рѣдко полдюжины или больше барщинныхъ дворовъ управляющихъ разныхъ помѣщиковъ находились въ одной деревнѣ.

Но уже съ 11 вѣка начинается упадокъ крупныхъ помѣстій, хотя нѣкоторые изъ духовныхъ орденовъ, въ особенности орденъ цистерціановъ, удержали институтъ даже въ 12 вѣкѣ въ цвѣтущемъ состояніи, хотя и въ измѣненной формѣ.

Было очевидно, что крупныя помѣстья по самой своей сущности не были настоящими хозяйственными учрежденіями. Высшее дворянство старалось пріобрѣтать большіе куски земли въ седьмомъ и восьмомъ вѣкахъ совсѣмъ не для того, чтобы организовать земледѣльческій промыселъ; оно основательно считало владѣніе землей единственнымъ средствомъ пріобрѣтенія власти и потому старалось завладѣть какъ можно большими земельными участками.

Это ему и удалось; того могущества, котораго ему не доставало, оно пріобрѣло при посредствѣ энергической колонизаціи отъ 11 до 13 вѣка. Цѣль его стремленій была достигнута; оно распоряжалось землей и ея труженниками; но въ его стремленія не входило расширение господства за предѣлы необходимостей жизни; оно стремилось къ положенію воина, носителя высшей культуры; оно не имѣло спеціально хозяйственныхъ интересовъ, которые выходили бы за предѣлы достиженія матеріальнаго обезпеченія такихъ цѣлей.

Потому то дворянство продолжало вести экстензивное хозяйство и сыграло уже свою экономическую роль, когда въ двѣнадцатомъ вѣкѣ была достигнута имъ высшая ступень расширенія его владѣній. Съ этого времени помѣстье становится простымъ приносящимъ ренту учрежденіемъ. Уже въ 11 вѣкѣ оно начинало, какъ въ устройствѣ своихъ крѣпостныхъ, такъ и въ своемъ управленіи принимать соотвѣтственное такому характеру направленіе.

Въ началѣ десятаго вѣка изъ классовъ несвободныхъ (литовъ) и свободныхъ поселянъ, жившихъ въ помѣстьяхъ, образовалось единое многочисленное сословіе крѣпостныхъ крестьянъ. Это сословіе, первоначально очень ограниченное въ своихъ правахъ, начало постепенно возвышаться со второй половины десятаго вѣка.

Естественнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія этого со-

словія крѣпостныхъ послужила сама организація помѣстій. Такъ какъ оброки и барщина крѣпостныхъ распредѣлялись по округамъ дворовъ управляющихъ, то каждый изъ крѣпостныхъ именно въ томъ округѣ управленія, къ которому онъ принадлежалъ, находилъ естественныя рамки своего общенія съ сотоварищами крѣпостными; каждый округъ соотвѣтствовалъ крѣпостной общинѣ поселянъ, каждый управительскій дворъ былъ центромъ крѣпостнаго суда, каждый управляющій предсѣдателемъ собранія барщинныхъ крестьянъ.

Такое консолидированіе крестьянъ въ общины скоро повело къ значительному прогрессу. Уже въ первой половинѣ девятаго вѣка крѣпостные никоимъ образомъ не были гарантированы отъ продажи безъ воздѣлываемой ими земли, а позже король Генрихъ I только въ качествѣ славянскаго государя распоряжался произвольно услугами и мѣстопробываніемъ своихъ воиновъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Но развитіе барщинной общины давало каждому изъ ея членовъ нѣкоторыя гарантіи; крѣпостные стали крѣпки землѣ; они могли выдѣляться изъ округа управленія и продаваться только вмѣстѣ съ своей землей; такимъ образомъ крѣпостное право въ настоящемъ смыслѣ этого слова установилось только въ началѣ 11 вѣка.

Это было громаднымъ прогрессомъ. Принципіально и еще болѣе фактически теперь были признаны личные права крѣпостныхъ. Теперь за нимъ признавалось и онъ самъ на сходкѣ барщинныхъ крестьянъ признавалъ за собой наследственное право на свой оброчный дворъ; онъ теперь могъ отстаивать свою благопріобрѣтенную собственность, теперь требованія помѣщика были ограничены небольшими податями и въ особенности передачей помѣщику лучшей части наследства: лучшей головы скота или лучшаго меду.

Благодаря всѣмъ этимъ измѣненіямъ образовалось представленіе, что крѣпостной человѣкъ также, какъ и свободный, обладаетъ извѣстными опредѣленными правами, ограничиваемыми имъ самимъ въ судѣ своихъ сотоварищей; его отношенія къ помѣщику все болѣе и болѣе ограничивались простыми поставками труда и повинностями и незначительной личной зависимостью, которая была довольно точно опредѣлена съ ея финансовой стороны и главнымъ образомъ лишала его права свободного передвиженія.

Но были ли крѣпостные на этой ступени развитія полезными членами и подданными помѣстья? Ихъ экономическое положеніе было теперь свободно и беззаботно. Они были почти полными хозяевами своего имущества и не смотря на относимую ими барщину, почти на половину господами своего времени и рабочей силы. Оброки были незначительны. Первоначально въ девятомъ и въ десятомъ вѣкахъ платимые ими оброки равнялись арендной платѣ за занимаемыя ими земли. Но рента возросла повсемѣстно отъ 9 до 11 и 12 вѣковъ, тогда какъ налоги, платимые крѣпостными, оставались прежними;

теперь они сдѣлались основной частью ихъ особаго права и они энергично защищали это право противъ всѣхъ попытокъ помѣщиковъ возвысить оброки. Слѣдствіемъ этаго было то, что уже съ начала 12 вѣка поземельные собственники никоимъ образомъ не выбирали съ своей собственности всей суммы поземельной ренты; экономически они несли убытки, тогда какъ крестьянинъ жилъ въ достаткѣ.

Было ли въ общественныхъ интересахъ помѣщика, чтобы крѣпостные экономически были почти свободны, а лично оставались въ зависимости отъ него? Мы видѣли, что общественное и правовое положеніе крѣпостныхъ возвышалось день ото дня, что они были готовы вырваться изъ узъ крѣпостничества.

Въ это то время, съ середины 12 вѣка, крѣпостные и помѣщики наиболее прогрессивныхъ частей страны нашли новыя, болѣе свободныя формы ихъ взаимныхъ отношеній. Крѣпостное право было или вполнѣ или отчасти, за исключеніемъ нѣкоторыхъ формальностей, уничтожено, право свободного передвиженія возстановлено, и прежній крѣпостной сидѣль на своей землѣ уже въ качествѣ свободного арендатора. Такимъ образомъ помѣщику удалось посредствомъ временной аренды, и до извѣстной степени и посредствомъ пожизненной или вѣчной аренды, снова получать свою ренту полностью и для него было возможно, въ особенности при краткосрочной арендѣ при всякомъ окончаніи срока ея, возвышать арендную плату соотвѣтственно средней высотѣ ренты. Крѣпостной же съ своей стороны получилъ права свободного крестьянина.

Понятно, что эти измѣненія тамъ, гдѣ они были частымъ явленіемъ, должны были необходимо повести къ полному упадку старой организациі помѣстій въ отношеніи чисто хозяйственномъ. Крѣпостные теперь сдѣлались свободными арендаторами, кто же долженъ былъ обрабатывать барщинныя поля и пустоши? Остававшіеся крѣпостными крестьяне не могли сдѣлать этого, такъ какъ и они выкупали теперь свои повинности, а въ особенности личныя услуги, деньгами.

Такимъ образомъ денежные доходы помѣщиковъ увеличивались, но въ эпоху преобладанія натурального хозяйства денежные доходы не могутъ замѣнить недостатка въ когда то столь многочисленныхъ несвободныхъ рабочихъ силахъ. Помѣщикамъ ничего не оставалось больше, какъ бросить обработку пустошей. Ихъ продавали или отдавали въ аренду, частію мелкимъ крестьянамъ, устроивавшимъ на разсѣянныхъ на большемъ пространствѣ поляхъ помѣстья мелкое хозяйство, а частію прежнимъ дворовымъ служащимъ, которые обрабатывали обыкновенно пустоши сообща, частію же управляющему.

Но продавая пустоши управляющему и дѣлая его такимъ образомъ самостоятельнымъ, по необходимости разрушали всю административную организацию помѣстья.

И это было неизбежностью; уже давно эта организация находилась въ упадкѣ; уже давно крестьяне не относили почтовой и транспортной повинности; нечего было пересылать, нечего и перевозить. Уже въ теченіе 11 вѣка помѣщичья служба и помѣщичье управленіе были поражены въ самомъ корнѣ.

Если оставить въ сторонѣ личную дѣятельность самого помѣщика, то очевидно, что съ десятаго вѣка помѣщичье управленіе находилось въ рукахъ крѣпостныхъ людей. Прежде, когда помѣщикъ оказывалъ покровительство своимъ поселянамъ, когда ему были нужны люди для надзора за собираніемъ своихъ доходовъ, въ его распоряженіи были вассалы, такъ какъ они жили при его дворѣ и составляли его личную свиту. Но такъ было только до конца девятаго вѣка. Съ этого времени вассалы удаляются отъ двора и живутъ въ деревняхъ, занимаясь собственнымъ хозяйствомъ въ своихъ владѣніяхъ.

Образовавшійся такимъ образомъ пробѣлъ въ помѣщичьемъ управленіи былъ заполненъ высшими служащими, министеріалами. Помѣщики всегда нѣкоторыя изъ низшихъ должностей при своемъ дворѣ замѣщали несвободными людьми; такіе же несвободные исполняли и разныя ремесленныя работы; это было особымъ родомъ примѣненія несвободнаго труда. Теперь крѣпостнымъ десятаго вѣка, наследникамъ прежнихъ несвободныхъ людей, попали въ руки и высшія мѣста въ администраціи помѣстья; лучшіе изъ нихъ получили дворы почтовые и дворы управляющихъ, изъ лошадныхъ поселянъ образовалась также и крѣпостная конница.

При такой перемѣнѣ административныхъ силъ помѣщичье управленіе достигло высшаго совершенства въ десятомъ вѣкѣ. Но понятно само собой, что новый классъ крѣпостныхъ служащихъ именно въ избранныхъ занятіяхъ увидалъ поводъ стремиться къ высшимъ цѣлямъ и, если возможно, къ полному освобожденію отъ крѣпостной зависимости. Уже въ силу простого факта военной службы этотъ классъ стоялъ гораздо выше остальной массы крѣпостныхъ; въ десятомъ вѣкѣ среди духовныхъ землевладѣльцевъ говорилось: *Servi, si non timent, timent* ¹⁾.

Такимъ образомъ началась постепенная эмансипація этого класса. Уже въ 11 вѣкѣ онъ постоянно выставляетъ притязаніе на определенное вознагражденіе за свои услуги въ формѣ особыхъ леновъ, называемыхъ служебными ленами и появленіе такихъ леновъ производитъ новый пробѣлъ въ системѣ помѣщичьяго управленія. Но позже, съ середины 12 вѣка, у всѣхъ служащихъ есть лены, они составляютъ одинъ изъ центровъ образованія новой общественной формации рыцарства; эти лены дѣлаются наследственными и въ эпоху Штауфеновъ владѣльцы ихъ вступаютъ въ обыкновенную ленную связь.

---

¹⁾ Рабы, если они не боятся, бунтуютъ. *Cas. S. Galli.*

Около 1200 г, они перестаютъ быть помѣщичьими управляющими.

Это измѣненіе имѣло громадное значеніе. Организациа помѣстнаго владѣнія дифференцировала классъ крѣпостныхъ; благодаря болѣе высокой дѣятельности, а также и въ силу близкой связи съ помѣщикомъ, изъ однородной массы крѣпостныхъ выдѣлились служащіе, какъ новый общественный слой; помѣстное владѣніе дѣйствовало въ этомъ отношеніи творчески. Но при исполненіи этой задачи оно утрачивало свою жизненность, теряло свой административный персоналъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность крупной экономической дѣятельности.

Нигдѣ это не проявляется съ болѣе очевидностью, какъ въ паденіи должности управляющаго.

Сначала крѣпостные управляющіе были абсолютно зависимыми слугами помѣщика, они доставляли двору все, что имъ было приказано. Но скоро эти доставки сдѣлались опредѣленными; трудность усчитыванія при натуральномъ хозяйствѣ и стремленіе управляющихъ къ самостоятельности одинаково вели къ такому результату. Такимъ образомъ каждый управляющій началъ смотрѣть на себя какъ на самостоятельнаго хозяина и распорядителя своимъ барщиннымъ дворомъ; онъ казался связаннымъ съ своимъ господиномъ только правильными, регулированными поставками; эти доставки разсматривались какъ рента; такимъ образомъ и для барщиннаго двора также, какъ и для крестьянскихъ дворовъ, на первый планъ выступала точка зрѣнія на помѣщика, какъ на простаго владѣльца ренты.

Такая экономическая эмансипація получала свое полное значеніе и содержаніе благодаря вышеописанному общественному дифференцированію. Управляющій въ качествѣ ленника своего господина былъ теперь владѣющимъ барщиннымъ дворомъ съ правомъ передавать его по наслѣдству; въ концѣ концовъ, особенно въ 13 вѣкѣ, онъ зачастую освобождался и отъ ленной обязанности.

Но даже и тамъ, гдѣ этого не случалось, энергичные управляющіе смотрѣли на себя какъ на господъ своего барщиннаго двора; они вдвое и втрое увеличили его объемъ, они насиліемъ или законными средствами завладѣли старыми помѣщичьими рощистями въ пустошахъ; въ оброчныхъ крестьянахъ они видѣли своихъ крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ старые дворы управляющихъ въ западной Германіи превратились въ рыцарскія имѣнія, появившіяся въ XIV вѣкѣ, точно они изъ земли выросли, а рядомъ съ рыцарскими имѣніями стояла барщинная община оброчныхъ людей въ качествѣ крѣпостныхъ этихъ имѣній; нерѣдко старыя помѣстья, особенно церковныя, къ ужасу своихъ владѣльцевъ, распадалась на множество мелкихъ рыцарскихъ имѣній.

Но и тамъ, гдѣ болѣе или менѣе сохранились старыя крупныя помѣстья, они благодаря исчезновенію прежняго административнаго

персонала, а также и въ силу постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ дворовъ, совершенно измѣнились въ смыслѣ экономическаго учрежденія.

Крупное помѣстье раньше было учрежденіемъ, въ которомъ помѣщикъ игралъ роль предпринимателя, хозяина, а теперь оно почти вполнѣ превратилось въ учрежденіе, дающее ренту. Еще въ десятомъ вѣкѣ прогрессъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ зависѣлъ отъ умѣнья и энергіи помѣщика, заселеніе и разработка родной земли въ XI и XII вѣкахъ были по большей части дѣломъ экономической энергіи помѣщиковъ. Но это было уже послѣднимъ ихъ усиленіемъ. Уже со второй половины XI вѣка помѣщики перестаютъ заниматься хозяйствомъ, они все болѣе и болѣе начинаютъ довольствоваться опредѣленными взносами управляющихъ и оброками крестьянъ; теперь предпринимателями, хозяевами становятся крестьяне и управляющіе, они получаютъ и барыши предпринимателя, а помѣщику остается только поземельная рента.

Съ такимъ раздѣленіемъ дохода земледѣлія начинается чреватое важными слѣдствіями развитіе; различіе между рентой и барышемъ предпринимателя появляется какъ разъ въ то время, когда рядомъ съ чисто земледѣльческой культурой появляется городское хозяйство.

Преобразование дѣлается уже замѣтнымъ въ срединѣ XI вѣка въ постоянно растущей децентрализациі стараго крупнаго помѣстья; на почвѣ этой децентрализациі министеріалы и крѣпостные, дворовые и поденные рабочіе, а также и свободные люди становятся все болѣе и болѣе независимыми экономически. Соотвѣтственно росту ихъ самостоятельности все болѣе ослабляются административныя связи крупныхъ помѣстій; въ XII вѣкѣ уничтожаются почтовая и транспортная повинности. За этимъ падаетъ и настоящее помѣщичье собственное хозяйство, только въ сферѣ скотоводства и луговодства оно еще дѣлаетъ въ рѣдкихъ случаяхъ нѣкоторые успѣхи.

Въ концѣ концовъ происходитъ полная ирростановка административной машины помѣстій; помѣщичья земля для помѣщиковъ становится просто средствомъ полученія ренты, дворы управляющихъ превращаются въ центры сбора ренты и въ благопріятныхъ случаяхъ въ фермы. Въ срединѣ XII вѣка уже устанавливается извѣстная опредѣленная цѣна поземельной ренты и при Штауфенахъ помѣстья начинаютъ вести самыя разнообразныя дѣла съ рентой.

Черезъ нѣкоторое время, около 1300 г., процессъ вполнѣ законченъ. Помѣстья уже вполнѣ учрежденія, приносящія ренту; создается цѣлая система собиранія ренты, не обращающая болѣе никакого вниманія на хозяйственныя задачи, на объектъ ренты; крупнаго хозяйства въ прежнемъ смыслѣ этого слова не существуетъ болѣе.

III.

Уже во времена каролинговъ крупныя помѣстья обладали болѣе или менѣе значительными политическими правами и это не только продолжалось въ эпоху нѣмецкой имперіи, но такое направленіе еще болѣе усилилось, до почти полнаго предоставленія наиболѣе благоприятствуемымъ помѣщикамъ государственныхъ правъ.

Такимъ образомъ чрезвычайно увеличились, какъ по своей распространенности, такъ и по своему правовому содержанію, иммунитеты, эти древнѣйшія королевскія пожалованія помѣщикамъ; уже къ концу царствованія каролинговъ ¹⁾ и самое позднее при Оттонахъ ²⁾ они расширились до понятія о совершенно самостоятельной судебной власти помѣщика; уже въ десятомъ вѣкѣ существовали помѣщичьи графства.

Еще важнѣе во многихъ отношеніяхъ были вліянія и результаты сеньората; уже къ концу девятаго вѣка его развитіе было закончено; онъ обезпечивалъ крупнымъ помѣщикамъ всѣ основанія будущаго господства, будущей верховной власти, если не въ определенной области, то надъ широко раскиданными крѣпостными дворами.

Наконецъ вассальная система, первоначально порожденная развитіемъ помѣстій, уже въ эпоху предшествующую нѣмецкимъ императорамъ опредѣляла развитіе общественнаго права далеко за предѣлы помѣстій и задавила старое государственное право германцевъ.

Но какъ бы велики ни были государственныя права помѣщиковъ въ концѣ эпохи каролинговъ, основы государственной конституціи еще не были поколеблены ими. Какими бы правами ни пользовались помѣщики, эти права все-таки считались или привилегіей или узурпаціей; помѣстное право принципиально было все-таки только исключеніемъ изъ общаго государственнаго права и стояло внѣ его, нисколько не мѣшая, тѣмъ болѣе не убивая органовъ настоящей государственной жизни.

Совсѣмъ иное дѣло во времена Оттоновъ и въ особенности при императорахъ изъ салійскаго дома. Помѣстная власть все болѣе замѣняла сначала автономныя, а потомъ и верховныя конституціонныя органы націи; она фактически, а на основаніи помѣщичьей теоріи и принципиально, сдѣлалась властью надъ маркой и графской судебной властью; поземельное владѣніе повсемѣстно переходило въ верховную власть надъ всѣми крѣпостными землямя.

Въ VIII и IX вѣкахъ на расширеніе и обогащеніе помѣстнаго хо-

¹⁾ Гейслеръ—Ursp. L.

²⁾ Видеке—Vogtei.

звѣйства смотрѣли какъ на самое вѣрнѣйшее пріобрѣтеніе національнаго хозяйства вообще. Деревенскіе дворы, принадлежавшіе помѣщику, по большей части были самыми богатыми изъ дворовъ деревни по инвентарю и по рабочимъ силамъ. Неудивительно, что помѣщикъ получилъ преобладающее вліяніе на свободную конституціонную жизнь марки-общины, къ которой принадлежали его крѣпостные дворы, не смотря на ихъ зависимое положеніе. Такое вліяніе увеличивалось съ каждымъ поколѣніемъ. Помѣщикъ имѣлъ возможность дѣлать гораздо большія расчистки лѣсовъ и луговъ сравнительно съ другими обитателями деревни; помѣщичьи пустоши были велики и хорошо огорожены. Тамъ, гдѣ для общей пользы было нужно улучшить или осушить общественную землю (Allmende), посадить пограничныя деревья, сдѣлать каменныя ворота, защищать страну—помѣщикъ являлся прежде всѣхъ; его силы неизмѣримо превосходили силы обыкновеннаго владѣльца двора и его интересы, опирающіеся на нѣсколько дворовъ, перевѣшивали интересъ отдѣльнаго дворовладѣльца.

Такимъ образомъ почти вездѣ, гдѣ только въ предѣлахъ одной марки не сидѣли нѣсколько враждующихъ другъ съ другомъ помѣщиковъ, создавалось основанное на болѣе крупныхъ сравнительно съ другими услугами могущество помѣстнаго владѣнія, оно дѣлалось все самостоятельнѣе и наконецъ въ 11 вѣкѣ начало имѣть притязанія не только на фактическое, но и на правовое господство надъ общей всѣмъ землей.

Тамъ, гдѣ помѣщику удавалось въ теченіе 12 вѣка вполнѣ провести въ жизнь такое притязаніе, онъ становился господиномъ марки и всѣ ея члены становились въ нѣкоторую зависимость отъ него; онъ практически пользовался этимъ отношеніемъ, требуя и получая оброки со всѣхъ принадлежащихъ къ маркѣ.

Образовалась цѣпь взаимныхъ правъ и обязанностей; старыя права марки-общины, этого послѣдняго прибѣжища старой германской свободы, были постепенно или совершенно уничтожены и продолжали влачить свое существованіе въ предсмертныхъ судорогахъ. Это было первымъ расширеніемъ помѣщичьихъ правъ за предѣлы крѣпостной земли, за предѣлы круга лично обязанныхъ людей, на цѣлые пространственно опредѣленные округа, низшія административныя дѣленія страны.

Понятно, что новое движеніе не остановилось въ предѣлахъ автономной единицы управленія. Деревенскія марки общины по большей части были и низшими судебными учрежденіями, онѣ составляли низшіе суды. Естественно, что помѣщикъ, уже и безъ того имѣвшій въ силу иммунитета право суда надъ своими крѣпостными, проникъ и въ этотъ низшій судъ, такъ какъ на практикѣ дѣла общины и дѣла судебныя, предоставленныя этой общинѣ, считались тождественными.

Такимъ образомъ во времена Штауфеновъ управляющій помѣщикъ въ большинствѣ странъ Германія былъ и судьей въ деревенскомъ низшемъ судѣ, а этотъ послѣдній превратился въ патримоніальный судъ; только пограничныя части имперіи: Фрисландія, Голштейнъ, Швейцарія и Тироль, вообще менѣе затронутыя процессомъ историческаго развитія, отчасти сопротивлялись этому движенію, къ центрѣ же имперіи оно находило слабое сопротивленіе въ неспособныхъ къ жизни остаткахъ стараго франкскаго общиннаго строя.

Параллельно этимъ приобрѣтеніямъ помѣщиковъ шло другое движеніе, распространявшееся на личностей, и на общины, которыя никоимъ образомъ не имѣли непосредственныхъ отношеній съ движеніемъ въ пользу развитія помѣщичьей власти.

IV.

Общественное движеніе отъ 7 до 12 вѣка во многихъ отношеніяхъ представляетъ однообразную картину. Многія изъ тѣхъ основаній перемѣщенія общественной власти, которыя появились еще во времена каролинговъ, продолжали дѣйствовать и при нѣмецкихъ императорахъ; но результаты, къ которымъ они привели, съ 10 вѣка принимаютъ постепенно направленіе въ сторону свободы.

Главной чертой этой эпохи былъ прежде всего постепенный упадокъ свободнаго общества первобытной германской жизни. Тяжесті военной службы и военного налога, непригодность и невыносимость судебного строя, строгія наказанія и большіе штрафы, широко распространенный обычай судебной конфискаціи (*Verfronung*), подкупность и потворство высшимъ классамъ судей оставались одинаковыми въ теченіе обѣихъ этихъ эпохъ; въ 10—12 вѣкахъ они даже увеличились; королевскій штрафъ увеличивается отъ 60 до 200 шиллинговъ (цѣна шиллинга, впрочемъ, пала).

Такимъ образомъ въ теченіе пяти вѣковъ свободные люди одинаково нуждались въ защитѣ, такъ какъ въ этомъ отношеніи первобытная конституція не помогала имъ больше противъ всѣхъ общественныхъ золъ. Но политическія измѣненія, порождаемыя такой потребностью въ защитѣ, въ началѣ десятаго вѣка имѣютъ совершенно иной, чѣмъ прежде, характеръ. Свободный человѣкъ временъ каролинговъ дѣлался вассаломъ или свободнымъ поселяниномъ, а свободный человѣкъ 10—12 вѣковъ былъ полусвободнымъ оброчнымъ человѣкомъ (*Vogteimann*).

Съ воцареніемъ Оттоновъ развилась верховная власть помѣщиковъ; свободные поселяне попали теперь подъ эту власть и положеніе ихъ ухудшилось. Одновременно вассальныя отношенія въ главныхъ своихъ формахъ сдѣлались чисто политическими; потому явилась настоятельная необходимость создать для ищущихъ защиты свободныхъ.

людей новыя формы подчиненія, тѣмъ болѣе, что и раньше середины десятаго вѣка государственная власть не могла воспренятствовать насиліямъ надъ этимъ классомъ.

Чрезвычайно любопытно, что новая норма общественнаго нижняго слоя, созданная сначала для свободныхъ, была основана на ихъ защитѣ помѣщиками и въ особенности помѣщиками, принадлежавшими къ духовному званію. Въ то время свободные массаи подчинялись, особенно въ Баваріи и въ Вестфалии, помѣщикамъ и обязывались предъ ними, безъ всякихъ однако имущественныхъ обязательствъ, лично. Они при этомъ совсѣмъ не имѣли въ виду попасть въ положеніе рабовъ; они хотѣли благодаря новымъ отношеніямъ избѣжать худшаго, такъ какъ теперь прежнимъ свободнымъ поселянамъ приходилось не лучше крѣпостныхъ. Они избѣгали брать у помѣщиковъ землю, такъ какъ это поставило бы ихъ въ отношенія съ барщиннымъ дворомъ и вмѣстѣ съ этимъ съ однородной массой крѣпостныхъ; они хотѣли быть обязанными только лично и непосредственно помѣщику за умѣренный взносъ воскомъ или какими нибудь другими продуктами земли. И дѣйствительно они достигли своей цѣли; они образовали отдѣльныя общины, стоящія въ сторонѣ отъ общинъ крѣпостныхъ крестьянъ; при такой формѣ личной службы они продолжали существовать до конца среднихъ вѣковъ и въ послѣдствіи исчезли въ массѣ новыхъ подданныхъ мелкихъ князей.

Самые лучшіе изъ свободныхъ людей уже въ десятомъ вѣкѣ и еще болѣе въ послѣдующее время, въ особенности въ бурную эпоху второй половины 11 вѣка, считали положеніе такихъ оброчныхъ людей недостойнымъ; они нашли рѣшеніе затрудненій въ защитѣ фогтовъ (*vogteilichen Schutz*) ¹⁾.

Подъ именемъ фогтства (*Vogtei*) въ началѣ среднихъ вѣковъ понимались самыя разнообразныя, чрезвычайно отличныя другъ отъ друга, отношенія. Общее всѣмъ этимъ отношеніямъ было относительно высокое общественное положеніе; человекъ, состоящій подъ защитой фохта (*Vogteimann*), принципиально не долженъ былъ утрачивать даже самой ничтожной части своей свободы. Такъ какъ отношенія зависимости въ эпохи натурального хозяйства всегда выражаются въ отношеніяхъ вещныхъ, и въ особенности въ уплатѣ оброковъ продуктами земледѣлія, то понятно само по себѣ, что свободные, отдаваясь защитѣ фогта, старались избѣжать именно такихъ платежей.

Въ прежнія времена это достигалось тѣмъ, что *Vogteimann* обѣщаль своему защитнику давать ему то, что онъ раньше какъ сво-

¹⁾ Понятно, что во всемъ послѣдующемъ нѣтъ рѣчи о церковномъ фогтствѣ. Хорошее изложеніе развитія этого института см. у Геффена: „*Die Krone und das Reichskirchengut*“.

бодный человек давал графу; въ позднѣйшее время, когда это сдѣлалось возможнымъ въ силу прогресса народнаго хозяйства, вознагражденіе за защиту фогта состояло въ денежной рентѣ.

Такимъ образомъ эти отношенія отнюдь не требовали отъ свободныхъ людей полнаго и исключительнаго повиновенія поземельному владѣльцу, хотя въ большинствѣ случаевъ на дѣлѣ выходило иначе. Въ городахъ отношенія защиты фогта были мало распространены; въ деревняхъ, напротивъ, въ теченіе 10—13 вѣковъ подъ такую защиту попало большинство свободныхъ людей, которымъ еще удалось сохранить свое положеніе во времена каролинговъ; и кому же могли отдаться эти свободные подъ защиту, какъ не руководящимъ классамъ деревни—помѣщикамъ?

Такимъ образомъ власть помѣщиковъ вышла за свои прежнія предѣлы, оброчные люди и состоящіе подъ защитой, группируясь вокругъ настоящаго ядра помѣстной власти, т. е. вокругъ крѣпостныхъ, увеличивали и безъ того уже сильное вліяніе крупныхъ помѣщиковъ. Въ скоромъ времени отдаваться подъ ихъ защиту начали уже не одни только отдѣльные лица; цѣлыя общины, цѣлыя товарищества мелкихъ собственниковъ искали защиты могущественнаго помѣщика; казалось, что все населеніе страны должно было добровольно сдѣлаться крѣпостнымъ.

И дѣйствительно въ нѣкоторыхъ странахъ это и совершилось; тамъ въ концѣ эпохи Штауфеновъ старая германская свобода, какъ элементъ сословнаго развитія, совершенно исчезла¹⁾; свободные люди, поселявшіеся въ странѣ и не становившіеся подъ защиту какого-нибудь мѣстнаго вельможи въ теченіе одного года и одного дня, считались на основаніи королевскаго права завладѣнія никому не принадлежащими вещами (Wildfangrecht) королевскими рабами²⁾.

Возможно ли было при подобномъ пониманіи дѣла сохранить прежнія представленія о защитѣ фогта? Не было ли въ интересѣ помѣщиковъ сліяніе новаго класса зависимыхъ людей съ старыми, съ классомъ крѣпостныхъ? И не являлось ли естественнымъ путемъ къ такому сліянію постепенный переходъ прежнихъ крѣпостныхъ въ сословіе людей, обязанныхъ платить ренту и лишенныхъ только свободы передвиженія и нѣкоторыхъ другихъ личныхъ правъ—переходъ, начавшійся съ 11 вѣка?

Явленіе, при которомъ въ концѣ девятаго и въ началѣ десятаго вѣковъ свободные поселяне, литы и несвободные слились въ одинъ классъ крѣпостныхъ, въ типическихъ своихъ чертахъ повторилось и въ 13 вѣкѣ. Крѣпостные и состоящіе подъ защитой все болѣе и

1) Относительно Мозеля и средняго Рейна см. Лампрехта „Deutsches Wirtschaftsleben“ 1.

2) Ср. Гримма и Шрёдера.

болѣе сливались; въ 1282 г. законодательство признаетъ одинаковость положенія состоящихъ подъ защитой людей и крѣпостнымъ.

Конечно, такіе состоящіе подъ защитой люди настолько же не дѣлались крѣпостнымъ въ старомъ смыслѣ этого слова, на сколько прежніе свободные поселяне не дѣлались въ десятомъ вѣкѣ несвободными. Собственно говоря, появился новый, существенно однородный классъ людей, которые съ устраненіемъ связывающей личной зависимости были обязаны платить своему господину ренту и подчиняться ему въ общественной жизни; однимъ словомъ, прежніе крѣпостные и новые, состоящіе подъ защитой люди находились теперь на пути къ тому, чтобы сдѣлаться подданными, а помѣщикъ къ тому, чтобы сдѣлаться государемъ.

У.

Власть крупнаго помѣщика, дѣйствительно, можно считать колыбелью позднѣйшей власти князя. Получивъ право защиты свободныхъ и право господства надъ маркой, эта власть приготовляла путь для развитія мѣстныхъ, отграниченныхъ территоріальныхъ властей; она же доставила и персоналъ для управленія территоріями; крѣпостной управляющій былъ предшественникомъ княжескаго бурграффа, амтманна и камергера.

Даже и внѣ сферы первоначальныхъ помѣщичьихъ интересовъ помѣщики изъ составныхъ элементовъ своей власти создавали элементы позднѣйшей территоріальной власти. Бурги и барщинные дворы, гуфы и пустоши съ начала царствованія Штауфеновъ массами раздавались сосѣднему мелкому дворянству¹⁾; они привлекали въ кругъ своего вліянія еще сохранившіяся общественныя силы деревни; вокругъ помѣстной власти, отношеній защиты (Vogtei) и господства надъ маркой (Markherrlichkeit), какъ вокругъ центра выросли ленныя отношенія, которыя въ позднѣйшее время должны были измѣниться въ отношеніи подданничества и государственной власти.

Но важнѣе всего было то обстоятельство, что помѣстная власть въ это время уже обладала значительными общественными правами; она была уже на половину властью государственной. Благодаря господству надъ маркой она завладѣла экономической автономіей свободныхъ общинъ, а также и судебной властью въ деревнѣ; фогтство и сеньорать давали ей распоряженіе всѣми политическими и даже личными гражданскими правами подданныхъ и, наконецъ, иммунитетъ отдавалъ въ руки помѣщиковъ и высшую судебную власть.

Тамъ, гдѣ иммунитетъ повелъ къ захвату всѣхъ правъ графа, было возможно, что изъ одного правового содержанія помѣщичьей

---

¹⁾ Лампрехтъ — *Wirtschaftsleben*, 1.

власти разовьется настоящая территориальная власть, потому что графъ искони былъ полномочнымъ представителемъ центральной власти; если его права переходили цѣликомъ въ руки частнаго землевладѣльца, то этотъ послѣдній дѣлался королемъ въ своей странѣ.

Но обычное развитіе было не таково; по большей части помѣщики пріобрѣтали важнѣйшіе государственные права инымъ путемъ и по другому поводу.

Предполагалось, что получить полную княжескую власть надъ страной имѣютъ право только графы, князья и помѣщики, которымъ графская власть вручена непосредственно самимъ королемъ, а не тѣ благородные и духовные землевладѣльцы, обладавшіе даже обширными иммунитетами, которые не могли доказать, что они обладаютъ непосредственными графскими правами. Такіе графскія права, получаемыя по большей части путемъ наслѣдованія крупными свѣтскими помѣщиками графской должности, а духовными помѣщиками путемъ королевскаго пожалованія, могли и соединяться въ нѣсколькихъ графствахъ и дѣлиться; въ ландграфствахъ военная и судебная власти, происхожденіе свое ведущія съ эпохи каролинговъ, а по своему объему далеко превосходящія тѣсныя предѣлы мѣстныхъ правъ графствъ, могли тоже наслѣдоваться. Во всякомъ случаѣ всѣ эти соединенныя, раздробленныя, пріобрѣтенныя покупкой или бракомъ графскія права составляли основу отношеній территориальной власти, распространявшейся на тѣ части страны, которыя состояли въ помѣщичьемъ владѣніи съ опредѣленной властью. Въ силу этихъ отношеній обладающій властью поземельный собственникъ (*Landesherrliche Grundherr*) ¹⁾ получалъ власть и надъ всѣми свободными людьми своего округа, въ силу ихъ онъ собиралъ войско или предписывалъ сборъ воинскаго налога, въ силу ихъ онъ былъ верховнымъ судьей въ странѣ.

Къ этимъ старымъ правамъ, военнымъ и судебнымъ, онъ присоединилъ и новыя права; онъ становится мировымъ судьей и посредникомъ въ спорахъ, что и составило основу будущаго высшаго судебного строя; противъ враждебныхъ и непокорныхъ дворянъ, а также и противъ центральной власти, онъ присвоиваетъ себѣ исключительное право на постройку бурговъ въ странѣ; такое право фактически онъ пріобрѣтаетъ въ концѣ 12 и въ началѣ 13 вѣковъ.

Одновременно съ этимъ внутреннимъ укрѣпленіемъ своей политической власти будущіе территориальные князья начинаютъ выставлять притязаніе на исключительное пользованіе высшими политическими правами прежнихъ свободныхъ людей; уже въ концѣ царствованія императоровъ изъ салійскаго дома они составляютъ единственную

---

¹⁾ Выраженіе: *Landesherr* въ техническомъ смыслѣ этого слова встрѣчается съ 1100 г. см. Лампрехта *Wirtschaftsleben*, 1.

жорпорацію для выбора короля, тогда какъ до этого времени кромѣ нихъ по крайней мѣрѣ хотъ упоминалось о народѣ.

Такимъ образомъ они присвоили себѣ всѣ права прежняго времени и при этомъ съумѣли отнять у имперіи всѣ права верховной власти, которыя могли быть имъ полезными, именно всѣ экономическія права наступающей эпохи денежнаго хозяйства.

Прежде всего они пользуются старой королевской регаліей на землю, поскольку эта регалія еще сохранилась:

Die fürsten twingent mit gewalt 1)
Velt steine, wazzer unde walt,

(князья насильственно завладѣли горами, водами и лѣсами)

только судоходныя рѣки еще остаются имперскими дорогами. Но въ особенности они стремятся захватить верховную власть имперіи надъ промыслами и торговлей; они довольно рано поняли значеніе такой власти; къ концу царствованія Штауфеновъ они почти вполнѣ лишили имперію этой власти и такимъ образомъ уничтожили финансовое будущее національнаго государства.

Тутъ дѣло прежде всего шло о королевской рыночной регаліи. Эта регалія съ давнихъ поръ разрушалась дарованіемъ королями привилегій и узурпаціями князей. Уже въ первой половинѣ 12 вѣка города основывались главнымъ образомъ князьями, какъ ихъ столицы и ограда ихъ могущества — и прежде всѣхъ строили города князья изъ Церингенскаго дома; чрезъ сотню лѣтъ (1231) власть надъ рынками настолько всецѣло находится въ рукахъ князей, что всѣ рынки и принадлежащіе къ нимъ дороги считаются благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, такъ что королю уже не позволялось строить конкурирующіе съ ними города и прокладывать конкурирующія дороги.

За властью надъ рынкомъ шло и право чеканить монету. Князья въ этой сферѣ ушли очень далеко отъ монетныхъ привилегій, даруемыхъ королями вельможамъ уже во второй половинѣ девятаго вѣка. Теперь они уже имѣютъ полное право на чеканку монеты въ своей территоріи и при императорѣ Фридрихѣ 11 они получаютъ такія права, что центральная власть въ ихъ странахъ не можетъ безъ ихъ разрѣшенія заводить новыя монетныя учрежденія.

Такимъ же образомъ къ князьямъ перешли и права пропуска и заставныя пошлины. По отношенію къ пошлинамъ, впрочемъ, сохранился ихъ старый государственный характеръ, по крайней мѣрѣ, настолько, что новыя таможи могли быть устраиваемы только имперіей, конечно, не безъ согласія князей и этимъ послѣднимъ воспрещалось собственной властью возвышать тарифъ.

---

1) Freidank, изданіе Гримма.

Вообще же въ концѣ царствованія Штауфеновъ разнообразныя верховныя права имперіи надъ торговыми оборотами существенную пользу приносили казначействамъ князей; территоріи получили почти неисчерпаемый, постоянно растущій источникъ экономическаго могущества. Не удивительно, что князья давно уже начали приступать къ организаціи новыхъ силъ и властей, сосредоточивавшихся въ ихъ рукахъ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего было необходимо старое помѣщичье управленіе, а также и нѣкоторые остатки графскаго управленія, сдѣлать легко работающимъ территоріальнымъ управленіемъ. Этого достигли посредствомъ энергическаго сліянія и расширенія дѣятельности помѣщичьихъ мѣстныхъ властей, посредствомъ преобразованія доселѣ чисто домашнихъ и хозяйственныхъ дворовыхъ учреждений въ настоящую центральную административную корпорацію и посредствомъ сперва грубаго, но все же весьма прогрессивнаго развитія понятія о бюрократіи въ современномъ смыслѣ этого слова.

Здѣсь было бы неумѣстно рассказывать въ подробностяхъ, что означало развитіе понятія о бюрократіи и какъ оно произошло. Въ эпоху Штауфеновъ это новообразование государственной жизни еще только намѣчается; но очертанія будущаго территоріальнаго административнаго организма намѣчаются уже довольно опредѣленно.

Уже давно управляющіе на помѣщичьихъ барщинныхъ дворахъ сдѣлались простыми сборщиками ренты и прежде всего судьями тѣхъ низшихъ судовъ, въ которыхъ сходились свободная община-марка и помѣщичья барщинная община деревни. Теперь судебныя округа и должностныя права этихъ управляющихъ—которыхъ теперь называютъ шультгейсами (Schultheissen) — расширились; территорія распадается на нѣсколько опредѣленныхъ низшихъ судебныхъ округовъ.

Надъ нѣсколькими барщинными дворами, особенно въ странахъ большихъ и важныхъ фогтовъ, уже и въ старое время стояли бурги для защиты господскихъ интересовъ и интересовъ крѣпостныхъ; теперь же князья начинаютъ строить ихъ систематически—графъ Люксембургскій уже въ 1140 г. владѣлъ больше, чѣмъ 35 такихъ бурговъ. Для ихъ защиты, а также и для надзора за подвластной страной въ нихъ сажался бургграфъ или амтманнъ съ отрядомъ конницы; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и судьей высшаго суда своего округа; пытались, гдѣ это было возможнымъ, сдѣлать его судебный округъ единственнымъ высшимъ судилищемъ въ странѣ.

Надъ новымъ мѣстнымъ управленіемъ при дворѣ князя существовала все болѣе и болѣе энергично работающая центральная канцелярія. Остатки старыхъ, теперь вполне устарѣвшихъ, а раньше занимавшихся только домашними дѣлами, придворныхъ должностей сдѣлались теперь простыми титулярными достоинствами; совѣтъ министріаловъ исчезаетъ, появляются тайные совѣтники, интересы

которыхъ благодаря реформированнымъ своевременно леннымъ отношеніямъ связаны съ личностью князя; въ нѣкоторыхъ территоріяхъ уже начинаютъ правильно издаваться княжескіе указы.

Понятно, что территоріи, устроенныя и управляемыя такимъ образомъ, должны были сдѣлаться постепенно самостоятельными государственными организмами, что онѣ выступили съ особыми цѣлями, особыми желаніями, спеціальными потребностями, что онѣ сдѣлались государственными индивидуумами въ расплывчатой и безсвязной массѣ имперскихъ сословій.

Очевидные признаки такого развитія проявляются уже въ 12 вѣкѣ; отдѣльныя территоріи являются уже экономическими единицами, съ особой экономической политикой; международныя соглашенія объ общей политической дѣятельности какъ въ имперскихъ, такъ и въ иностранныхъ вопросахъ дѣлаются уже обычнымъ явленіемъ.

Это было началомъ развитія, которое должно было разбить старую имперію. Оно съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подкапывало положеніе короля, центральной власти націи.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Политическія слѣдствія измѣнившагося общественнаго строя.

I.

Государственную власть съ ея правильными отправленіями въ жизни общественнаго тѣла можно сравнить съ центральнымъ нервнымъ аппаратомъ ¹⁾; государство должно сознательно руководить дѣятельностью общества. Соотвѣтственно подчиненнымъ животнымъ и рефлексивнымъ движеніямъ въ человѣческомъ тѣлѣ, въ обществѣ происходитъ масса подчиненныхъ движеній, происходящихъ безъ вмѣшательства высшей государственной власти, но они не должны играть преобладающей роли и общественная власть должна оставаться сознательной руководительницей національнаго развитія.

Королевская власть въ Германіи отъ десятаго до двѣнадцатаго вѣка не была такой руководительницей. Карль Великій имѣлъ, правда, глубокое сознаніе о высшихъ задачахъ общественной политики; онъ съ полнымъ сознаніемъ и съ временнымъ успѣхомъ вліялъ на общественную борьбу за существованіе въ пользу слабѣйшихъ слоевъ общества и пытался вести общественное развитіе по пути, наиболѣе выгодному для націи и для общественной власти; но Оттоны и императоры изъ Салійскаго дома объ этомъ мало заботились.

Они были отрѣзаны отъ непосредственнаго общенія съ создающимися слоями народа; отъ класса земледѣльцевъ раздѣляли ихъ помѣщики, а позже князья; а отъ бюргерства ихъ раздѣляли все болѣе и болѣе пробивающія себѣ самостоятельные пути конституція городскихъ совѣтовъ. Вліяніе королевской власти доходило до земледѣльческаго населенія только посредственно, проходя чрезъ среду крупнаго землевладѣнія и если это вліяніе было болѣе непосредственнымъ на населеніе городовъ, то оно совершенно извращалось благодаря республиканскому характеру городской жизни.

¹⁾ Шеффе—*Bau und Leben*. 1.

При подобныхъ условіяхъ короли могли вліять на общественную борьбу лишь посредствомъ проявленій политическаго могущества. Такъ, напр., они случайно ослабляли дворянство посредствомъ энергическихъ конфискацій ¹⁾, или наоборотъ покровительствовали ему, или отдѣльнымъ его членамъ, посредствомъ дарованія имъ государственныхъ правъ; такимъ же образомъ они, то въ качествѣ покровительствующей, то въ качествѣ задерживающей силы, вмѣшивались въ стремленія городскихъ общинъ сдѣлаться самостоятельными. Но къ низшимъ слоямъ народа они имѣли только такія отношенія, которыя предписывались имъ ихъ христіанской заповѣдью любви; они защищали сиротъ и вдовъ; они покровительствовали оставленнымъ; можетъ быть, ихъ дѣятельность въ этой сферѣ вызывалась воспоминаніемъ объ энергическихъ мѣрахъ Карла Великаго въ пользу бѣдныхъ ²⁾.

Короли принципиально поддерживали только одно сословіе провинціальныхъ служащихъ людей, министеріаловъ. Это было необходимо особенно въ виду военныхъ соображеній. Служащіе наполняли контингентъ имперскихъ вассаловъ. Только Конрадъ II, вообще изъ всѣхъ императоровъ этого времени наиболѣе способный къ глубокому пониманію своихъ задачъ, дѣйствовалъ въ этомъ направленіи энергично; онъ пытался сдѣлать владѣнія служащихъ наследственными. Эта попытка, правда, не имѣла успѣха; наследственность владѣній установилась путемъ обычая только чрезъ нѣсколько поколѣній послѣ смерти Конрада и только Генрихъ VI регулировалъ юридически сдѣлавшееся обычнымъ правило о наследованіи владѣній министеріаловъ.

При подобныхъ условіяхъ соціально объединяющимъ, связующимъ націю въ единое цѣлое моментомъ и притомъ моментомъ почти независимымъ отъ королей было только постепенно проникшее въ среду большинства нѣмецкихъ племенъ франкское право. Возбужденное этимъ моментомъ движеніе было почти всецѣло завѣщено Германіи каролингскимъ государствомъ и въ особенности Карломъ Великимъ. Карлъ сдѣлалъ франкское судопроизводство туземнымъ въ нѣмецкихъ областяхъ, за исключеніемъ только Фрисландіи, Баваріи и части Швабіи; было естественно, что за судоустройствомъ и судопроизводствомъ въ Германію проникло впоследствии и матеріальное франкское право. Дальнѣйшее распространеніе этого права кромѣ того поддерживалось потомъ постоянными поселеніями франковъ въ областяхъ другихъ германскихъ племенъ, а также и франкскимъ характеромъ общаго феодальнаго права въ имперіи. Такимъ образомъ

---

¹⁾ Изъ 238 пожалованій Оттона Великаго 26 состояли изъ конфискованныхъ имѣній ср. Inama—Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 2.

²⁾ Ср. Brésslau—Konrad II. 2.

правовая жизнь большинства нѣмцевъ сдѣлалась франкской; но въ Саксоніи, Тюрингіи, въ восточной и средней Франконіи сохранилось особое саксонское право и оно благодаря колонизаціи славянскаго востока и развитію Ганзы получило широкое распространеніе въ Богеміи, Польшѣ и Венгріи.

Если такимъ образомъ распространеніе франкскаго права не совпадало съ предѣлами распространенія нѣмецкой національности, то и въ смыслѣ внутренней жизни оно не настолько вліяло на всю жизнь націи, какъ это можно бы было полагать на основаніи существующихъ въ настоящее время представленій. Это была такая эпоха, когда не создавали своего особаго права ради того, чтобы сдѣлать возможнымъ или ускорить общественное развитіе; на право смотрѣли, какъ на выраженіе экономически, общественно и обычно существующаго; право не обладало еще могуществомъ пропаганды. Но оригинальность сословнаго развитія въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ состояла въ томъ, что такое развитіе происходило на основаніи особаго товарищескаго права; понятно само собой, что рецепція общаго права должна была оказаться невозможной или по крайней мѣрѣ безсильной именно въ силу развитія сословныхъ правъ. Благодаря этому обстоятельству уничтожалась и послѣдняя возможность вліять на общественное развитіе и на общественную борьбу въ направленіи объединенія; жизнь націи развивалась самостоятельно изъ самихъ глубинъ общественныхъ противорѣчій.

Но именно въ такую эпоху полнѣйшей слабости королевской власти само автономное развитіе націи вело ее къ настоящему, неразрывному единству.

Развитіе нѣмецкаго общества со временъ Меровинговъ существенно опредѣлялось различіями поземельнаго владѣнія; такимъ образомъ крупные поземельные собственники и крѣпостные крестьяне были основными и характерными общественными классами отъ восьмага до одиннадцатаго вѣковъ. Частное землевладѣніе было такимъ образомъ самымъ вліятельнымъ общественнымъ факторомъ.

Но все это измѣнилось въ послѣдніе годы царствованія императоровъ изъ Салійскаго дома и въ эпоху Штауфеновъ. вмѣсто различій поземельной собственности элементомъ сословнаго образованія сдѣлалось различіе призванія; вмѣсто помѣщика и крѣпостнаго крестьянина появляются рыцарь и крестьянинъ и рядомъ съ ними становится бюргеръ, какъ представитель новыхъ общественныхъ интересовъ.

Но какимъ образомъ такое новое раздѣленіе націи по призваніямъ и по труду могло существовать безъ одновременной организаціи труда? Различныя профессіи составляли, вѣдь, части цѣлаго; все болѣе развивающаяся торговля была посредницей между городомъ и деревней и годъ отъ году все болѣе и болѣе доказывала имъ необходимость ихъ взаимныхъ отношеній; только теперь впервые всѣ члены націи

сознали свои взаимныя связи; только теперь исчезли передъ объединяющими экономическими и общественными интересами всей націи старыя племенные противорѣчія.

Одновременно съ этимъ новое расчлененіе по профессіямъ получило общественный характеръ. Препжнее помѣстье было, такъ сказать, самостоятельнымъ маленькимъ государствомъ; довлѣя само себѣ экономически и соціально, оно и политически нуждалось въ центральной государственной власти только въ исключительныхъ случаяхъ; его крѣпостные вели почти вполнѣ обособленную жизнь. Новыя профессиональныя сословія имѣли другой характеръ. Такъ какъ бюргеры и крестьяне, духовные и рыцари нуждались другъ въ другѣ, то они все болѣе и болѣе были вынуждены понимать общественный характеръ ихъ частной дѣятельности; было неизбежно, что они признавали расчлененіе общества предметомъ общественнаго интереса. Конечно, для полнаго пониманія этихъ общественныхъ связей нужны были еще цѣлыя вѣка; эпоха нѣмецкой имперіи носила въ себѣ только смутное сознаніе о начаткахъ этихъ связей и сообразно этому развилось оригинальное сословное расчлененіе.

Общество старой, чисто помѣщичьей эпохи имѣло вполнѣ кастовой характеръ; отдѣльныя сословія въ правовомъ отношеніи рѣзко отдѣлялись одно отъ другого. Теперь вмѣсто такой кастовой связи еще не появилось положеніе вполнѣ свободныхъ классовъ, слагающихся на основѣ одинаковой профессіи, а средняя форма—соціальныя связи на основѣ равенства происхожденія. Всѣ лица одного призванія: рыцари, духовные, бюргеры, крестьяне считались теперь равными другъ другу по происхожденію, т. е. они хотя и не подлежали вполнѣ различнымъ законодательнымъ опредѣленіямъ, но все же въ силу нѣкоторыхъ правовыхъ различій въ сферѣ подсудности и частнаго права были раздѣлены одни отъ другихъ и признавались отдѣльными классами въ общественной іерархіи.

Такъ, напр., право на воинское привѣтствіе челоуѣкъ имѣлъ только со стороны равнаго ему по происхожденію или со стороны челоуѣка низшаго сословія; наши современники всего легче могутъ понять, что это за право, припомнивъ объ обычаяхъ нашей дуэли. Такимъ же образомъ бракъ во всей его силѣ могъ существовать только между людьми, принадлежащими къ одному сословію—и въ этомъ отношеніи старое право удержалось до сихъ поръ въ обычномъ понятіи о неравномъ бракѣ. Но такое понятіе о различіи происхожденіе шло еще дальше; напр. въ процессахъ челоуѣкъ, принадлежавшій къ низшему сословію, не могъ быть ни судьей, ни свидѣтелемъ или присяжнымъ; въ сферѣ обычая люди разныхъ сословій тоже строго отличались одинъ отъ другого ¹⁾).

¹⁾ Ср. Вольфрамъ Gregorius — а также употребленіе изрѣченія: ez an dem geslehte, an der geburte han.

Какимъ же образомъ образовались такія любопытныя отношенія? При старомъ сословномъ строѣ, основанномъ на землевладѣніи, основнымъ воззрѣніемъ было представленіе о естественномъ родствѣ всѣхъ членовъ одного сословія, хотя уже давно прошло то время, когда всѣ свободные люди, какъ единственное сословіе, могли сознавать свое родство въ предѣлахъ ихъ политическихъ союзовъ. Потому всякое право было связано съ происхожденіемъ; свобода и несвобода были даромъ или проклятіемъ происхожденія. Полнымъ выраженіемъ такой системы было чисто личное дѣйствіе матеріальнаго права свободныхъ людей въ различныхъ нѣмецкихъ племенахъ.

Этотъ древнѣйшій извѣстный намъ принципъ соціального образованія началъ колебаться только съ началомъ раздѣленія труда. Принятіе литовъ въ общественные союзы какъ въ древности, такъ и въ позднѣйшіе вѣка, допускалось на основаніи предположенія ихъ первоначальной принадлежности не къ нѣмецкой національности; но образованіе сословій помѣщиковъ и крѣпостныхъ заставляло отказаться отъ такого предположенія. Когда же появилось раздѣленіе на крестьянъ и бюргеровъ на основаніи дальнѣйшаго раздѣленія труда, свойственнаго періоду денежнаго хозяйства, то оно и вполнѣ исчезло; какимъ образомъ выборъ профессіи могъ лечь въ основаніи правъ по происхожденію?

Но дѣло въ томъ, что вмѣсто правовыхъ отношеній, основанныхъ на происхожденіи, никоимъ образомъ не появилась абсолютная свобода. Можно даже утверждать, что общественная борьба тѣмъ менѣе обуславливаетъ абсолютную свободу личности, чѣмъ выше стоитъ культура націи; для развитія, какъ въ области біологіи, такъ и въ исторіи, характерно то обстоятельство, что борьба за существованіе все болѣе и болѣе приводитъ къ общенію личностей. Въ исторіи чѣмъ выше культура народа, тѣмъ болѣе такое общеніе имѣетъ свободный характеръ, тѣмъ большая свобода предоставляется личности въ предѣлахъ общественнаго союза.

Именно въ направленію такого свободного развитія въ 11 и 12 вѣкахъ кастовыя, основанныя на происхожденіи, связи старыхъ сословій замѣнились общественнымъ, болѣе свободнымъ расчлененіемъ на новыя сословія, основанныя на профессіи. Но и такое общественное расчлененіе, если разсматривать его съ современной намъ точки зрѣнія, было относительно не свободнымъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно папоминало еще старое право по происхожденію. Сохранялись нѣкоторыя правовыя различія между сословіями; именно на этой почвѣ и образовалось ученіе о неравенствѣ по рожденію. Во второй четверти 13 вѣка для наиболѣе аристократической группы новаго сословнаго расчлененія, для рыцарства, снова возвратились къ прежней основѣ, къ праву по рожденію; такъ что въ этомъ отношеніи снова ожилъ старый принципъ сословнаго образованія; рыца-

ремь признавался только тотъ, кто происходилъ отъ трехъ поколѣній рыцарей, рыцарство сдѣлалось тождественно съ рыцарскимъ происхожденіемъ, рыцарская профессія основывалась на происхожденіи.

Понятно само собой, что при подобномъ ограниченіи личности предѣлами товарищескаго сословнаго права воздѣйствіе новой общественной эволюціи на государство не было такъ велико, какъ это можно бы было предположить. Правда, паденіе стараго общественнаго расчлененія повсюду породило небывалое развитіе личныхъ силъ — но онѣ на общественную власть имѣли мало вліянія; блестящій расцвѣтъ нашего искусства и поэзіи къ концу 12 вѣка, колонизація востока, основаніе сѣверной Ганзы, транзалпійская торговля были главнѣйшими результатами такого развитія личныхъ силъ.

Новыя сословія именно потому не получили болѣе сильнаго и непосредственнаго вліянія на государство, что каждое изъ нихъ развивало новое право на основѣ товарищеской связи; у крестьянъ появляются учрежденія ихъ поземельныхъ судовъ (*ländliche Weistümer*), у горожанъ ихъ торговое право и городскія конституціи, у рыцарей аристократическіе обычаи и семейное право низшаго дворянства. Но если новыя сословія составляли такимъ образомъ какъ бы государство въ государствѣ, то какимъ образомъ они могли вліять на королевскую власть и дать ей новое направленіе?

Тѣмъ болѣе сильнымъ и тѣмъ болѣе роковымъ для стараго государства было ихъ посредственное, непрямое дѣйствіе.

Въ девятомъ вѣкѣ понятіе о свободѣ было еще формально политическимъ; оно основывалось на политическихъ правахъ, на правѣ происхожденія вполне свободнаго человѣка, на правѣ на полную пеню (*vollen Wargeldes*), на свободномъ землевладѣніи по старому раздѣленію на гуфы, на правѣ и на обязанности службы въ войскѣ и судѣ; оно было, такъ сказать, осадкомъ политическаго развитія перваго тысячелѣтія нѣмецкой исторіи. Обо всемъ этомъ въ 12 вѣкѣ не было уже и рѣчи. Определенныя условія старой свободы исчезли; гораздо болѣе разностороннее образованіе сословій вообще не допускало болѣе прежняго формальнаго понятія о свободѣ. Теперь свободнымъ считался всякій, способный распоряжаться собой, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ и какого бы происхожденія не былъ; понятіе о свободѣ начало основываться не на формально политической, а на чисто экономической, матеріальной точкѣ зрѣнія, баварскіе акты часто упоминаютъ о *libera servitus* ¹⁾.

Такимъ образомъ государство было поставлено внѣ всякой связи съ образованіемъ понятія о свободѣ; оно утрачивало самую сущность своихъ прежнихъ отношеній къ отдѣльному полноправному члену

---

¹⁾ Ср. Инама—*Wirtschaftsgeschichte* 2. Бруна: *De bell. Saxi: libertus, quam nemo honus nisi cum anima simul amittit.*

націи. Уже въ 12 вѣкѣ князья начинаютъ образовывать новое понятіе о подданствѣ, какъ институтѣ государственнаго права изъ вышеупомянутаго понятія о свободѣ въ связи съ болѣе или менѣе положительной зависимостью отъ нихъ ихъ подчиненныхъ, а старое государство эпохи императоровъ, недостижимое и невидимое для населенія, начинаютъ исчезать подобно призраку.

II.

Въ виду такихъ потерь въ сферѣ соціальной королевская власть, казалось, могла возложить свои надежды на ленную систему, на ту сѣть получившихъ пожалованіе землями вѣрныхъ, которая со временъ каролинговъ охватывала весь государственный строй — на систему, которая въ другихъ государствахъ: во Франціи, въ Англіи, при посредствѣ смѣлаго и ловкаго пользованія королями ея принципіально разрушающими государство свойствами, сдѣлалась новой опорой монархической власти.

Въ Германіи фактически не возможно было воспользоваться и такимъ средствомъ.

И это не потому, что на нѣмецкой почвѣ ленная система развилась болѣе послѣдовательно и болѣе всеохватывающе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Еще въ 13 вѣкѣ особенно многочисленныя источники саксонскаго леннаго права доказываютъ, что на сѣверо-востокѣ имперіи ленная система не была вполне развитой, да и въ другихъ областяхъ въ это время еще не дѣйствовало положеніе: *nulle terre sans seigneur* французскаго леннаго права. Въ эту эпоху еще вездѣ въ имперіи существовали самостоятельныя аллодіальныя владѣльцы, земля которыхъ была свободной и не признавалась ничѣмъ леномъ или по любимому позднѣйшему выраженію, употребляемому для того, чтобы по крайней мѣрѣ принципіально ввести эти аллоды въ кругъ ленной системы, была леномъ, полученнымъ отъ солнца и только при позднѣйшихъ Штауфенахъ судьи низшихъ судовъ, до тѣхъ поръ бывшіе чиновниками въ старомъ смыслѣ этого слова, получали свои должности въ качествѣ леновъ.

Съ десятаго вѣка до конца эпохи Штауфеновъ идетъ медленное и постепенное превращеніе каролингскаго леннаго права въ формы позднѣйшаго времени среднихъ вѣковъ; только со времени Конрада II некняжескіе лены становятся наследственными, а со временъ Генриха IV уже и князья осмѣливаются отстаивать наследственность своихъ леновъ; но такая наследственность не сдѣлалась еще совершившимся фактомъ до Штауфеновъ; только при нихъ начинаютъ часто встрѣчаться женскіе лены, какъ, напр., въ Австріи со времени привилегіи 1156 г., но и въ это и въ позднѣйшее время от-

дѣльные частности леннаго права все еще напоминаютъ о прежде обычномъ переходѣ лена къ королю послѣ смерти вассала ¹⁾).

Такъ какъ ленная система въ Германіи развилась менѣе равномерно и болѣе медленно, чѣмъ въ другихъ странахъ и такъ какъ она не развилась до систематической догматики французскаго леннаго права, то она и давала королю менѣе возможности для поддержанія стремленій къ единству, чѣмъ какое либо иное ленное право.

Это зависѣло отъ особаго специфически натурально хозяйственнаго характера нѣмецкаго леннаго права, а также и отъ способа его примѣненія къ понятію о должности старой каролингской администраціи.

Болѣе важнымъ изъ этихъ двухъ моментовъ была чрезвычайно сильная натурально хозяйственная окраска нѣмецкаго леннаго права. Первоначально значительнѣйшей составной частью леннаго союза была вездѣ вассальность, т. е. непосредственное отношеніе вѣрности ленника къ государю; изъ такого отношенія развились отдѣльные ленныя обязанности при передвиженіяхъ двора и войска, при празднествахъ и судѣ, при совѣтѣ и сопровожденіи государя; только со временъ Оттоновъ вассальное отношеніе вѣрности начинаетъ отходить на второй планъ предъ бенефиціями, т. е. правомъ на пользованіе пожалованнымъ имуществомъ. Въ то время, какъ въ странахъ, гдѣ денежное хозяйство было введено уже въ эту раннюю эпоху, ленныя отношенія могли превратиться въ бенефиціи, въ Германіи, остававшейся страной натурального хозяйства, это было невозможнымъ; здѣсь земля и, самое большее, конкретное пользованіе ей еще долго оставались единственнымъ субстратомъ ленной вѣрности. Этотъ субстратъ постепенно становился наследственнымъ, потому то земля и считалась существенной частью ленныхъ отношеній и потому уже во второй половинѣ 11 вѣка понятіе о ленѣ утратило почти вполнѣ политическое значеніе и сдѣлалось понятіемъ экономическимъ. Общественное дифференцированіе пожалованныхъ слѣдовало бенефиціямъ, а не характеру и способу ленной службы; весь институтъ получилъ аграрно аристократическую окраску; вассаль, благородный (Edler) или князь и крупный помѣщикъ были понятіями почти совпадающими и въ концѣ концовъ разсматривались, какъ тождественныя. Слѣдствіемъ этого было то, что королевская ленная сѣть не распространялась за предѣлы аристократіи имперіи, не проникала въ глубины народа, что именно на пути ленныхъ отношеній непосредственная связь короны съ массой народа казалась недостижимой. Даже болѣе того. Именно важнѣйшія изъ леновъ были связаны съ прежними высшими должностями, съ герцогствами, съ мѣстами камеральныхъ пословъ (Kammerboten), съ графствами, прежніе

---

¹⁾ Ср. Шредера—R. G. Гомейера Ssp. II, част. 2.

обладатели которыхъ въ эпохи какъ каролингскую, такъ и меровингскую въ силу ихъ особаго отношенія къ королю причислялись къ дворянству. Остаткомъ такихъ отношеній было то, что король давалъ эти должности какъ пожизненный, а позже какъ наследственный ленъ только высшему дворянству; именно съ такой точки зрѣнія только аристократія имѣла право на непосредственную ленную вѣрность по отношенію къ государю и вслѣдствіе этого было возможнымъ, что графы соединяли въ своихъ рукахъ отъ десяти до пятнадцати графствъ въ качествѣ леновъ ¹⁾).

Правда, что такому воззрѣнію, ограничивающему ленныя отношенія короля исключительно сферой дворянства, измѣняли въ одномъ очень важномъ пунктѣ. Какимъ образомъ было возможно верховное командованіе короля надъ войскомъ вассаловъ — командованіе, всегда предполагающее возможность права прямой власти надъ низшими классами, надъ простыми солдатами?

Затрудненія, возбуждаемая подобнымъ вопросомъ, появляются со временемъ Генриха V и становятся опасными уже въ началѣ царствованія Фридриха I, потому что въ теченіе первой половины 12 вѣка старое, военное устройство, уже устарѣвшее при Оттонахъ, вполне было разрушено.

При послѣднихъ императорахъ изъ Салійскаго дома графы и князья призывали въ войско кромѣ контингента своихъ всадниковъ, которыхъ они доставляли коронѣ въ качествѣ ея ленниковъ, также и свободныхъ людей своего округа управленія — такъ было именно въ Швабіи и Саксоніи — и передъ битвой каждый воинъ приносилъ непосредственно королю старогерманскую присягу въ вѣрной помощи и въ защитѣ его дѣла до смерти. Потому и король имѣлъ право по собственной своей власти призывать къ походу и собственнымъ приказомъ собирать контингенты воиновъ.

Естественно, что такія права и обязанности не могли удержаться при дальнѣйшемъ развитіи ленной системы. Свободные, находившіеся подъ непосредственнымъ начальствомъ графа, казались подчиненными ему не только какъ солдаты, а и какъ вассалы; было возможно, что они подобно ленникамъ графа будутъ поставлены въ зависимое вассальное отношеніе къ нему. Такимъ образомъ даже и въ дѣлахъ военной службы королевская власть подвергалась опасности утратить постоянное, непосредственное отношеніе къ народной массѣ; въ войскѣ также, какъ и во всѣхъ другихъ житейскихъ сферахъ, только дворянство стояло лицомъ къ лицу съ королемъ.

Это было бы концомъ для королевской власти, и центральная власть, противясь такимъ стремленіямъ, боролась за свое существованіе.

---

1) Вайцъ — *Verfassungsgesch.* Впрочемъ, при этомъ графство до 13 вѣка не утратило своего должностнаго характера.

И дѣйствительно она послѣ многихъ битвъ удержала непосредственное отношеніе къ сохранявшимся еще, хотя и не особенно многочисленнымъ, свободнымъ людямъ, которыхъ она и призывала къ военной службѣ въ качествѣ второго класса королевскихъ вассаловъ. Именно такимъ путемъ Штауфены, и въ особенности Фридрихъ I, еще разъ добились широкаго и прямаго вліянія на военныя силы націи.

Кромѣ двухъ группъ высшаго дворянства и свободныхъ людей, составлявшихъ два первые класса войскового строя, такъ называемаго Heerschild, въ 12 вѣкѣ существовали конные слуги служащихъ людей. Состоя подъ защитой и властью благородныхъ землевладѣльцевъ, они первоначально не имѣли никакихъ владѣній, но уже въ 11 вѣкѣ начали получать служебные лены. Потомъ въ 12 вѣкѣ это сословіе значительно поднялось; его служебные лены были признаны настоящими ленами, оно стало въ полное наследственное вассальное отношеніе къ высшему дворянству; съ этого времени даже благородные и свободные часто переходятъ въ министеріалы. При подобныхъ обстоятельствахъ было не трудно служащихъ людей, бывшихъ уже издавна всадниками, объявить третьимъ классомъ войскового строя; корона стала въ опредѣленные отношенія къ третьей, даже важнѣйшей военной части націи.

Но на этомъ развитіе не остановилось. Въ южной Германіи при первыхъ Штауфенахъ среди сословія рыцарскихъ служащихъ людей образовалась новая общественная группа еще несвободныхъ рыцарей, бывшая, такъ сказать, повтореніемъ прежняго образованія сословія министеріаловъ; эта группа была введена въ военный строй какъ четвертый и послѣдній классъ.

Такимъ образомъ ленная система, бывшая столь роковой для конституціонной самостоятельности короны и для управленія имперіей, по крайней мѣрѣ въ военной сферѣ, бывшей когда то главнымъ поводомъ для ея развитія, давала королевской власти съ середины 12 вѣка новое положеніе, коренившееся въ національной жизни и въ социальныхъ явленіяхъ эпохи; именно эта система сдѣлала возможными блестящіе подвиги Фридриха I, его борьбу съ вельможами имперіи, съ папой и Ломбардами.

Но развитіе войскового строя было новымъ поводомъ къ оригинальному преобразованію высшаго дворянства и стало быть къ совершенно измѣнившемуся внутреннему положенію королевской власти.]

До сихъ поръ всѣ имперскіе князья, а также и высшее духовенство, какъ представители прежнихъ высшихъ имперскихъ должностей, были въ одномъ рангѣ; герцоги, маркграфы и пфальцграфы, графы и бургграфы, епископы, аббаты и аббатиссы всѣ одинаково считались князьями имперіи. При этомъ было совершенно безразлично, что одинъ классъ этого дворянства былъ подчиненъ другому—какъ,

напр., обыкновенно графы были подчинены герцогамъ — по своимъ отношеніямъ къ верховному главѣ государства они всѣ принципиально были одинаково благородными. Но въ войсковомъ строѣ, несмотря на теоретически одинаковыя отношенія всѣхъ воиновъ къ королю, было введено нѣкоторое соподчиненіе, смотря по большей или меньшей зависимости каждаго отъ непосредственнаго повелѣнія короля и такая зависимость совпадала съ общеизвѣстной іерархіей князей, свободныхъ господъ, служащихъ и несвободныхъ рыцарей.

Было естественнымъ примѣнить параллель между іерархическимъ подчиненіемъ и соотвѣтствующимъ ему различіемъ въ рангахъ и къ отношеніямъ сословія князей. Этому способствовали и другія обстоятельства. Множество менѣе сильныхъ князей, въ особенности многіе графы и всѣ бургграфы, въ началѣ 12 вѣка или даже раньше получали свои земли въ ленъ только отъ болѣе могущественныхъ изъ своихъ сотоварищей, особенно отъ герцоговъ, а не непосредственно отъ короля; старое административное отношеніе снова ожило въ новыхъ формахъ вассальной связи.

Эти высшіе ленники стояли къ давшимъ имъ лены князьямъ въ такомъ же отношеніи, какъ рыцарскіе служащіе, къ своимъ господамъ; понятно что они подвергались извѣстному пониженію въ рангѣ, какъ сословіе. Около 1180 г. прежнее княжеское дворянство распадается на низшій классъ и на высшій и только послѣдній удерживаетъ свое названіе князей. Это было чрезвычайно важнымъ событіемъ, ибо такое распаденіе класса князей произвело вмѣстѣ съ тѣмъ значительное измѣненіе въ отношеніяхъ между духовными и свѣтскими князьями.

Духовные князья, въ особенности епископы, со времени Вормскаго конкордата безспорно получали свои лены непосредственно отъ короля, такимъ образомъ они стояли на первыхъ ступеняхъ ленной системы и послѣ 1180 г. остались князьями. Совсѣмъ иное дѣло свѣтское высшее дворянство. Уже съ давнихъ временъ оно было вассалами князей; только немногіе изъ свѣтскихъ князей около 1180 г. получали свои лены непосредственно отъ короля — а именно: герцоги Баварскій, Швабскій, Саксонскій, Лотарингскій, Брабантскій, Каринтійскій, Богемскій, Штирійскій, пфальцграфы: Рейнскій и Саксонскій, маркграфы Брандербургскій, Мейссенскій и Лаузицскій, ландграфы Тюрингенскіе и графы Ангальтскіе; ихъ было всего шестнадцать противъ полсотни духовныхъ князей.

Понятно какому измѣненію должна была подвергнуться имперская политика въ силу такихъ измѣненій въ отношеніяхъ свѣтскихъ и духовныхъ князей при существовавшемъ тогда конституціонномъ значеніи князей. Вмѣсто прежней обширной коллегіи князей, какъ конституціонной совѣщательной коллегіи монарха, теперь появляется высшая, довольно ограниченная по своей численности аристократія,

которая уже тогда могла установить свое олигархическое правление, действительно и наступившее сто лѣтъ спустя при еще большемъ ограниченіи численнаго состава совѣта князей и превращеніи его въ коллегію курфюрстовъ.

Въ средѣ такой ограниченной высшей аристократіи духовные князья имѣли преобладаніе по числу своихъ голосовъ; политика Штауфеновъ, уже и раньше выдвигавшая на первый планъ духовенство, должна была сообразоваться съ такимъ новымъ положеніемъ дѣлъ.

III.

При новомъ привилегированномъ положеніи духовныхъ среди высшихъ сановниковъ имперіи Штауфены, и въ особенности Фридрихъ I, должны были снова пойти въ своей внутренней политикѣ по тому пути, который опредѣлялъ развитіе имперіи со временъ Оттона Великаго.

Но Оттонъ дѣлалъ епископовъ исполнителями настоящей королевской воли въ имперіи; онъ замѣнилъ ими разрушающуюся старо-каролингскую имперскую администрацію посредствомъ графовъ, Фридрихъ же не былъ въ такомъ положеніи, чтобы онъ могъ считать духовныхъ князей только замѣной устарѣвшихъ законныхъ органовъ имперскаго управленія; онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, если получилъ горячую поддержку высшаго духовенства, какъ противъсь разнымъ злоупотребленіямъ и центробѣжнымъ стремленіямъ свѣтскихъ князей, по крайней мѣрѣ во внѣшней политикѣ имперіи. Но о томъ, чтобы воспользоваться высшими сановниками церкви какъ администраторами, во времена Штауфеновъ нечего было и думать; какъ въ десятомъ вѣкѣ администрація графовъ пала жертвой развивающейся ленной системы, такъ и епископское управленіе имперіей погибло навсегда въ буряхъ борьбы за инвеституру въ концѣ 11 и началѣ 12 вѣковъ.

Слѣдствіемъ этого было то, что королевская власть утратила почти всѣ органы управленія, потому что единственные королевскіе чиновники, имѣвшіе какое либо значеніе, пфальцграфы, которымъ когда то король довѣрялъ охраненіе своихъ особыхъ интересовъ въ отдѣльныхъ герцогствахъ, въ срединѣ 12 вѣка или сдѣлались невліятельными или, наоборотъ, получили независимое положеніе.

Но во весь періодъ среднихъ вѣковъ управленіе вообще и въ особенности управленіе большихъ государствъ не имѣло того значенія, которое мы склонны приписывать ему теперь. Организующія попытки исходили по большей части отъ меньшихъ круговъ; какъ правовая и экономическая жизнь, такъ и регулированіе отношеній этой жизни протекали среди узкаго мѣстнаго горизонта; центральная власть вообще

вмѣшивалась мало, по большей части по чисто случайнымъ поводамъ. Тѣмъ не менѣе паденіе всѣхъ исполнительныхъ органовъ королевской власти въ областяхъ, сдѣлавшееся почти общимъ фактомъ около 1150 г., нужно считать однимъ изъ самыхъ опасныхъ признаковъ разложенія, въ которомъ оставилъ имперію король Конрадъ III. Фридрихъ I началъ перестройку въ сферѣ управленія и она удалась ему на столько же, какъ и реформа войска.

Дѣйствительная сила королевской власти всегда основывалась на энергическомъ пользованіи управленіемъ доменами; никто не видѣлъ этого яснѣе и не дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи энергичнѣе Карла Великаго. Основанное имъ особое управленіе фискальной собственности отличалось заботливымъ соподчиненіемъ органовъ и точностью расчетовъ сравнительно со всѣми другими помѣщичьими управленіями.

Это управленіе не исчезло съ каролингами, по крайней мѣрѣ въ Германіи. Въ девятомъ вѣкѣ его средоточіемъ былъ Ахенъ, а позже Регенсбургъ и Франкфуртъ; къ нему при Оттонахъ присоединилась цѣлая система Пфальцевъ, къ имуществамъ которыхъ принадлежали почти всѣ никѣмъ незанятыя земли Гарца. Такимъ образомъ появилось новое фискальное управленіе, которое въ 10 и 11 вѣкахъ все еще было гораздо лучше управленія крупныхъ помѣщиковъ.

Но и это управленіе не было пощажено общей судьбой помѣстныхъ владѣній 12 вѣка. Оно распалось и сдѣлалось субстратомъ ренты, изъ него развились новыя сословія: болѣе или менѣе свободные крестьяне, ремесленники, купцы, а также и министеріалы, какъ новое полусвободное сословіе рыцарскихъ и административныхъ служащихъ.

Но прежде, чѣмъ министеріалы, въ силу превращенія ихъ старыхъ служебныхъ имуществъ въ свободные лены, были совершенно потеряны для фискальнаго управленія, Фридрихъ I счумѣлъ воспользоваться ими еще разъ для созданія новаго королевскаго управленія. При пространственно ограниченномъ районѣ власти министеріаловъ это было возможно только потому, что король кромѣ имперскихъ служащихъ привлекъ на свою службу вездѣ существовавшихъ служащихъ церкви; они, какъ составляющіе въ нѣкоторомъ родѣ часть духовныхъ имуществъ, состояли до извѣстной степени, какъ и всѣ церковныя имущества, въ распоряженіи короля. Такимъ образомъ, церковь, которая раньше въ лицѣ епископовъ десятаго вѣка доставила королю персоналъ для его администраціи, еще разъ оказалась полезной для администраціи имперіи, хотя теперь въ лицѣ низшихъ ея членовъ.

Королю, конечно, все-таки не удалось снова покрыть всю имперію непрерывной и однообразной сѣтью мѣстныхъ представителей центральной власти. Церковные и королевскіе служащіе, даже взятые

вмѣстѣ, были распредѣлены въ имперіи слишкомъ неравномѣрно, въ большей части мѣстностей мѣстная автономія и княжеское управленіе пустили слишкомъ глубокіе корни. Кромѣ того, министріалы и сами по себѣ были не вполне пригодны для цѣлей управленія. Они все еще не обладали всѣми правами свободныхъ людей и потому не могли быть судьями. Ихъ дѣятельность долго ограничивалась военной службой, защитой страны, вообще простѣйшими задачами государственной власти. Но и при такой ограниченности своихъ функцій новое управленіе сдѣлало много хорошаго, въ особенности въ Швабіи и на верхнемъ Рейнѣ. Штауфены строили здѣсь на горныхъ вершинахъ свои бургы и сажали въ нихъ своихъ министріаловъ, скоро большая часть страны подлежала королевской защитѣ. Отсюда министріалы совершали свои смѣлые подвиги. Самыхъ блестящихъ представителей Фридрихъ увелъ съ собой въ Италію; они получили должности комиссаровъ въ завоеванныхъ и занятыхъ провинціяхъ и нѣкоторые изъ нихъ получали маркграфскія и герцогскія званія.

Оригинальность новаго управленія состояла именно въ этой чрезвычайной пригодности этого новаго сословія служащихъ для всѣхъ цѣлей, допускаемыхъ ихъ несвободнымъ состояніемъ. Но могла ли эта сторона министріальнаго управленія служить обезпеченіемъ и на будущее?

Еще въ 13 вѣкѣ встрѣчались случаи, когда служащихъ продавали или обмѣнивали; ихъ наследственные права и ихъ бракъ въ принципѣ еще зависѣли отъ рѣшенія господина. Но съ другой стороны давно уже такіе случаи считались недопустимыми. Во времена Генриха IV служащіе вообще считались занимающими средину между несвободными и крѣпостными, а во времена Фридриха I ихъ часто уже причисляютъ къ благороднымъ и свободнымъ. Одновременно ихъ прежнія служебныя имущества, первоначально достававшіяся имъ на основаніи такого же права, на основаніи котораго крѣпостные крестьяне получали свои дворы, гуфы, превращаются въ настоящіе лены — это было рѣшительнымъ поворотомъ въ судьбахъ сословія. Съ превращеніемъ служебныхъ имуществъ въ ленныя и для министріальнаго имущества появляется принципъ личнаго наследованія; такимъ образомъ на лицо имѣются всѣ моменты, которые должны были не только благопріятствовать, но даже въ непродолжительномъ времени неизбѣжно повести къ превращенію министріаловъ въ аристократическое сословіе, въ низшее дворянство.

При этихъ условіяхъ въ жизни скоро исчезаетъ различіе между рыцарскими слугами и благородными; уже около 1190 г. послѣ того, какъ свободные элементы массами были приняты — особенно въ Саксоніи — въ министріалы, благородные чувствовали необходимость ясно указать при посредствѣ рѣшенія имперскаго суда на различіе между

ними и служащими ¹⁾; во время имперскаго мира въ 1235 г. свободные крестьяне признаются низшими по сословію сравнительно съ министеріалами.

Естественно, что при такомъ измѣненіи положенія сословія не могъ удержаться прежній характеръ имперскаго министеріальнаго управленія; это было событіемъ, подобнымъ тому, когда графы были потеряны для имперіи въ качествѣ административныхъ чиновниковъ; центральная власть снова потерпѣла крушеніе въ силу того факта, что дарованное ей должностное служебное имущество превратилось въ рукахъ получившихъ пожалованіе чиновниковъ въ наследственное имущество, хотя и въ формѣ наследственнаго лена.

Но это произошло уже въ послѣдній разъ. Черты денежно-хозяйственнаго развитія становятся все яснѣе и опредѣленнѣе, появляется уже мысль не одарять болѣе чиновниковъ землей, какъ капиталомъ, доходы съ котораго составляли бы ихъ содержаніе, но вполнѣ или отчасти уплачивать имъ жалованье изъ центральной кассы—однимъ словомъ появляется мысль лишить ихъ распоряженія надъ субстратомъ получаемаго ими содержанія. вмѣстѣ съ этимъ уничтожается и невозможность, существующая во всякомъ феодальномъ строѣ — невозможность подчинить центральной власти чиновниковъ мѣстнаго управленія; впервые явилась возможность создать цѣлую армию чиновниковъ въ современномъ денежно-хозяйственномъ смыслѣ этого слова, хотя бы пока только въ зачаткахъ.

Но имперія не могла уже воспользоваться такимъ шансомъ. Ооздавъ твердое управленіе министеріаловъ изъ своихъ помѣстій, такъ сказать, изъ экономической крови своего собственнаго сердца, имперія была истощена въ финансовомъ отношеніи. Ея касса не была уже потомъ въ состояніи платить чиновникамъ жалованья. А кромѣ того у имперіи въ началѣ 13 вѣка уже совершенно не было територіальной основы для созданія новаго управленія. Земля въ имперіи была вся роздана, она составляла собственность князей и городовъ, графовъ и господъ; только мѣстами существовали еще округа, непосредственно принадлежащія имперіи. Вообще имперія также, какъ и всякое помѣстье, имѣла тамъ и сямъ разсѣянные отдѣльныя имущества и отдѣльныя помѣщичьи права (*hoheiten und rechten*) на куски земли и на дворы; она сдѣлалась (*Imperium in partibus*). Штрауфены уже со временъ Фридриха I, стремились устроить управленіе этими разрозненными кусками принадлежащихъ имперіи земель по современному способу, посредствомъ чиновниковъ. Такая задача должна была занимать въ особенности Фридриха II, основателя современнаго абсолютнаго государства въ Сициліи; и дѣйствительно онъ создалъ въ

---

¹⁾ MGLL, 2, 87 sp. 195 (1192) 216 (1209).

этой области постоянную систему имперскаго управленія, управленіе фогтовъ ¹⁾).

Но какъ уже было сказано, этимъ не создавалось новое имперское управленіе. Создано было только одно, да и то по большей части плохо функционирующее, управленіе отдѣльныхъ принадлежащихъ имперіи земель; въ Германіи созданіе управленія всей страны было дѣломъ городовъ и князей.

IV.

Какъ въ исторіи управленія, такъ и въ исторіи всего развитія отъ 10 до 13 вѣковъ замѣчается тотъ главный фактъ, что сила королевской власти все болѣе падала. Это паденіе началось не съ 13 вѣка; уже раньше его можно было считать неизбѣжнымъ въ силу всего государственнаго строя, оно задерживалось на нѣкоторое время только рядомъ блестящихъ правительственныхъ мѣръ, а также и личными усиліями многихъ замѣчательныхъ государей.

Нѣмецкая культура десятаго и слѣдующихъ вѣковъ не могла сама собой создать великую національную, центральную власть; она едва могла выносить такую власть, навязанную ей ранними событіями нѣмецкой исторіи и въ особенности присоединеніемъ Германіи къ франкскому міровому государству.

Строй королевской власти самъ по себѣ ни коимъ образомъ не былъ продуктомъ культуры той эпохи. Королевская власть въ своихъ основаніяхъ оставалась на почвѣ правовыхъ положеній мелкаго королевства племени 4—6 вѣковъ; какъ эти короли, такъ и нѣмецкій король въ началѣ среднихъ вѣковъ избирался господиномъ и государемъ, спасителемъ и защитникомъ (фогтомъ) своей родины; онъ клялся поддерживать право и преслѣдовать несправедливость, быть собирателемъ имперіи, не сдѣлать ее бѣднѣе; онъ былъ только опорой внутренняго мира и внѣшней славы; всѣ обязанности высшаго государственнаго искусства, заботы объ экономическомъ и духовномъ дальнѣйшемъ развитіи народа, всѣ истинныя національныя задачи оставались ему чуждыми.

Но еще хуже было то, что обязанности племеннаго королевства 4 — 6 вѣковъ могли быть исполняемы внутри племени королемъ съ такою ограниченной властью, но для большей имперіи исполненіе ихъ было невозможнымъ даже для наиболѣе энергичныхъ государей, потому что такія обязанности требовали совершенно личнаго, постояннаго и непосредственнаго вмѣшательства короля. Карлъ Великій во все время управленія проѣхалъ по крайней мѣрѣ 12,000

---

¹⁾ Подробности см. Ломпрехта — *Wirtschaftsleben*, 1. Шульте — *Mitt. des Instituts für österr. Geschichtsforschung* 7.

милъ для того, чтобы исполнить свои обязанности государа и великіе короли среднихъ вѣковъ въ Германіи тоже постоянно ѣздили изъ Пфальца въ Пфальцъ, отъ одного племени къ другому; никогда королевская власть не была соединена съ такими трудами. Но и лучшіе изъ королей все-таки не могли быть вездѣсущими, потому фактическое значеніе правъ, пользоваться которыми они могли только лично, должно было все падать. Привыкали смотрѣть на королевскія права, какъ на потенціальныя, только время отъ времени приводимыя въ исполненіе благодаря случайному присутствію особы короля; признавали различіе между принципиальнымъ и фактическимъ положеніемъ короля. Такъ, на примѣръ, король былъ и оставался принципиально высшимъ, даже единственнымъ судьей въ имперіи; въ мѣстѣ его пребыванія даже въ позднѣйшее время прекращалась дѣятельность всѣхъ судовъ, кромѣ его трибунала. И однако болѣе или менѣе независимо отъ короля развились институты божьяго мира, территоріальныхъ судилищъ, городской юрисдикціи; казалось, права короля существовали только затѣмъ, чтобы быть нарушаемы.

Въ виду такого положенія дѣлъ были бы необходимы твердое, хорошо работающее, повсюду дѣятельное королевское управленіе и разработка королевскихъ прерогативъ въ цѣльномъ и великомъ законодательствѣ для охраненія правъ королевской власти; только такимъ путемъ эта власть могла бы стать жизненной. Карлъ Великій хорошо понималъ это по отношенію къ Франкскому государству; кромѣ того еще не вполне исчезнувшая въ его время классическая традиція о великой административной системѣ Рима и его собственная законодательная дѣятельность позволили ему создать хорошо функционирующую королевскую администрацію.

Въ средніе вѣка въ Германіи дѣло обстояло иначе. Къ востоку отъ Богемскихъ горъ сохранились только очень смутныя воспоминанія о прежнемъ всеобъемлющемъ римскомъ управленіи, а вѣкъ натуральнаго хозяйства, бѣдный средствами сообщенія, изолировавшій личности и имущественныя отношенія, не позволилъ создать собственной крупной организаціи.

Такимъ образомъ не удержалась даже королевская административная система и законодательство 8 и 9 вѣковъ; капитуляріи въ 11 вѣкѣ были уже забыты. Карлъ Великій представлялся людямъ того времени очень туманно, какъ творецъ всякаго свѣтскаго права, также какъ Константинъ для нихъ былъ творцемъ церковнаго права. Но законодательство для всей націи какъ бы не существовало; племена снова стали носителями развитія обычнаго права. Это продолжалось до конца эпохи Штауфеновъ; при Фридрихѣ II имперское законодательство было нѣсколько болѣе дѣятельнымъ, но при этомъ законодательной инициативы было такъ мало, что самыя важныя мысли о новомъ строѣ имперской конституціи, появившіяся въ по-

ловинѣ 13 вѣка, были формулированы не дворомъ и не правильными законодательными инстанціями имперіи, а геніальнымъ авторомъ «саксонскаго зеркала»; таковы были идеи о курфюршерствѣ, объ устройствѣ войска, ученіе о рейнскихъ пфальцграфахъ, какъ о судьяхъ короля и т. п.

Еще неудовлетворительнѣе были рѣдкія проявленія королевской инициативы. Имперскіе законы и королевскіе указы распубликовывались весьма недостаточно; со временъ обработки капитуляріевъ Анзегисомъ не появлялось ни одного новаго сборника имперскихъ законовъ. Сборниковъ приговоровъ и рѣшеній придворнаго суда тоже не существовало; когда въ 1235 г. было произведено преобразование этого суда, долженъ былъ появиться такой сборникъ, но дѣло остановилось только на предположеніи. Чтобы имперская канцелярія вела даже регистры исходящихъ изъ нее актовъ, было, повидимому, дѣломъ неслыханнымъ; только по отношенію къ первой половинѣ 14 вѣка можно съ достовѣрностью утверждать о существованіи такого совершенно необходимаго порядка веденія дѣлъ.

Понятно само собой, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о регулированномъ центральномъ управленіи, которое энергично вмѣшивалось бы въ важные имперскіе вопросы и энергично воздействовало бы на мѣстное управленіе; администрація графовъ, епископовъ и служащихъ всегда была лишь несовершеннымъ средствомъ личнаго вліянія короля; придворный совѣтъ, какъ зародышъ будущаго управленія при посредствѣ министеріальныхъ инстанцій, появился только въ 14 вѣкѣ.

Правду сказать, отъ 10 до 13 вѣка и не было надобности въ такомъ строго опредѣленномъ руководствѣ центральной власти, по крайней мѣрѣ оно не было абсолютно необходимо для значенія королевской власти. Въ вѣка натурального хозяйства правообразование никогда не зависитъ отъ монархіи, представительницы всего общества; это даже невозможно, такъ какъ общество еще недостаточно развилось въ общественно-единое цѣлое, которое требовало бы государственнаго правоваго порядка. Въ такія эпохи правообразование происходитъ въ болѣе узкихъ кругахъ; семьи и классы, благородные роды и землевладѣльцы становятся законодателями и дѣйствуютъ для сословія и общества какъ создатели права. Потому королевская власть въ такія эпохи ограничивается простыми мѣрами поддержанія общаго мира между отдѣльными членами народа, и въ особенности между отдѣльными семьями и отдѣльными помѣстьями.

Во всякомъ случаѣ именно такимъ путемъ шла внутренняя политика нѣмецкихъ императоровъ отъ 10 до 13 вѣковъ; здѣсь развилось также особое право, отъ отдѣльныхъ уголовныхъ рѣшеній до нѣкотораго рода небольшихъ уголовныхъ законодательныхъ книжекъ. Усилія королевской власти въ этомъ отношеніи были весьма несо-

вершенными, только законодательство территориальных государств въ концѣ среднихъ вѣковъ обезпечило отдѣльнымъ странамъ имперіи настоящее мирное существованіе.

Тѣмъ не менѣе государство уже въ теченіи 10—13 вѣковъ опредѣлено высказывалось за абсолютное превосходство государственнаго мира сравнительно съ кровомщеніемъ, а стало быть и сравнительно съ враждой родовъ, съ воинственностью дворянства, съ военными столкновеніями крупныхъ помѣщиковъ. Майнцскій земскій миръ 1235 г., бывшій закончаніемъ такого развитія во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, позволяетъ междоусобную борьбу только въ случаѣ отказа въ правѣ и только послѣ предварительной своевременной аппеляціи. Но и такого результата достигнуть было возможно только при постоянной помощи церковнаго божьяго мира и потому онъ имѣлъ значеніе въ смыслѣ *lex imperfecta*... Всѣ такіе договоры, въ томъ числѣ и Майнцскій миръ, имѣли силу только для тѣхъ, кто имъ присягнулъ и при этомъ каждый, отказавшійся присягнуть, терялъ право на защиту мира и, стало быть, по праву впадалъ въ немирное состояніе.

Въ самомъ лучшемъ случаѣ такіе договоры, если имъ присягали дворяне цѣлой мѣстности, были частнымъ земскимъ миромъ; законодательство въ своихъ отдѣльныхъ опредѣленіяхъ стремилось къ общему имперскому миру, но фактически оно добилося его только къ концу среднихъ вѣковъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ и при болѣе чѣмъ умѣренныхъ успѣхахъ даже въ наиболѣе свойственной ей сферѣ дѣятельности, королевская власть должна была имѣть очень сильныя нравственныя и политическія опоры, чтобы не погибнуть даже раньше вымиранія рода Штауфеновъ.

И дѣйствительно, королевская власть уже въ десятомъ вѣкѣ была очень выдающейся исторически-политической силой, съ внѣшней стороны она создавалась только около этаго времени. Она не была просто королевской властью Оттоновъ, Салійцевъ или Штауфеновъ; она была институціей, которая выросла изъ конституціоннаго развитія націи втеченіе послѣдняго тысячелѣтія и которая теперь имѣла лишь тотъ недостатокъ, что пространственное распространеніе ея дѣятельности было черезъ чуръ велико по отношенію къ культурному развитію народа.

Понятно, что королевская власть имѣла очень глубокіе корни въ сердцахъ народа, не смотря на всѣ свои недостатки, съ того времени, когда пали старыя герцогскія власти, вначалѣ бывшія ея сильными соперницами. Ничто лучше не доказываетъ конституціонной прочности положенія государя, какъ тотъ фактъ, что въ теченіе трехъ столѣтій сохранялся компромиссъ между признаннымъ по имперскому праву свободнымъ выборомъ короля и наследственнымъ правомъ царствующаго рода. Хотя избирательное право всегда цѣ-

нили, какъ палладіумъ національной свободы ¹⁾, но королей всегда избирали изъ царствующаго рода до его вымиранія; при этомъ всѣ три королевскіе рода начало среднихъ вѣковъ были родственными одинъ другому по женской линіи. Такое прочно установившееся престолонаслѣдіе не смотря на избраніе королей должно казаться тѣмъ замѣчательнѣе, что въ началѣ среднихъ вѣковъ избирательный актъ не былъ ничѣмъ регулированъ, и, стало быть, престолонаслѣдію не помогаль какой либо благопріятствующій ему порядокъ избранія.

Кромѣ этой прочной опоры конституціонныхъ традицій націи королевская власть пользовалась еще защитой церкви. Церковь по самымъ своимъ внутреннимъ потребностямъ была единственной всемірной силой той эпохи, потому ея воззрѣніямъ наиболѣе соотвѣтствовала обширная имперія. Духовенство уже въ девятомъ вѣкѣ стояло за поддержаніе единства каролингской міровой имперіи; съ десятаго же вѣка оно постоянно поддерживало нѣмецкую имперію въ ея борьбѣ съ партикуляристическими стремленіями племенъ и ихъ герцоговъ.

Оно окружало королевскую власть всей святостью церковнаго освященія; при избраніи короля первымъ—по крайней мѣрѣ съ 12 вѣка—подаеть голосъ Майнцскій архіепископъ, котораго Видукиндъ называетъ *Pontifex maximus* Германіи; потомъ избраннаго, вмѣсто древняго германскаго поднятія на щитахъ, сажали на алтарѣ; формы коронованія были совершенно церковными, хотя съ правовой точки зрѣнія они имѣли совершенно германскій характеръ торжественнаго появленія короля во всей полнотѣ его имперской власти.

Въ веденіи имперскихъ дѣлъ королю тоже приходилось опираться на церковь; онъ былъ зависимъ отъ нея даже въ финансовомъ отношеніи. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ могъ облагать налогомъ епископіи и имперскія аббатства; епископы и аббаты принимали и содержали его въ своихъ городахъ, гдѣ онъ держаль свой дворъ; они были всегда готовы для придворной службы и для посольствъ. Даже болѣе того: съ десятаго вѣка духовенство доставляло постоянный персоналъ чиновниковъ для центрального управленія имперіей; король вездѣ управляль посредствомъ духовенства.

Естественно, что при подобномъ положеніи дѣлъ король все болѣе сближался съ церковью. Уже въ десятомъ вѣкѣ короли могли считать для себя разумной политикой массовое одареніе церковныхъ учрежденій лѣсами и пустошами; такъ какъ сами они были не въ состояніи при посредствѣ наличныхъ силъ своей собственной помѣстной администраціи организовать экономическую эксплуатацію своими крупными королевскими поземельными владѣніями, то они могли

---

¹⁾ Отто Фрейзингъ (*Gesta Frid.* 11) называетъ ее *Singularis praerogativa* нѣмцевъ.

считать благоразумнымъ привлечь къ этому церковь, хотя только по порученію короля и ради пользы королевства.

Но послѣ того, какъ подобными путями самыя важныя финансовыя силы королевской власти перешли къ церкви, въ 11 вѣкѣ произошелъ разрывъ между императоромъ и папой и въ теченіе нѣкотораго времени казалось, какъ будто королевская власть потеряла всѣ свои моральныя опоры. Но до такой крайности дѣло, однако, не дошло; въ Вормскомъ конкордатѣ пришли къ соглашенію, на основаніи котораго установилось новое, хотя и менѣе близкое дружественное отношеніе между церковью и государствомъ. Слѣдствіемъ Вормскаго конкордата было новое пониманіе финансоваго отношенія церкви къ имперіи; теперь больше, чѣмъ когда либо, привыкли считать епископовъ и аббатовъ вассалами имперіи, вполне подчиненными правамъ ленной системы. Это означало не только ослабленіе прежняго права королей распоряжаться церковнымъ имуществомъ, но и признаніе ленной системы единственной конституціонной связью имперіи; со времени Штауфеновъ національное государство впервые становится вполне феодальнымъ государствомъ.

Для королевской власти такое измѣненіе было чрезвычайно важно: оно запечатлѣло давно уже начавшееся развитіе королевской конституціи въ конституцію имперскую.

Королевская власть Меровинговъ была первоначально, если и не абсолютной, то самодержавной, властью по собственному праву. Таково же было принципиальное воззрѣніе и на нѣмецкую монархію; королевская власть казалась въ нѣкоторомъ родѣ личной собственностью государя — правомъ господства надъ отдѣльными частями имперіи, въ особенности надъ племенами; точка зрѣнія государственнаго права уступала точкѣ зрѣнія частнаго права.

Постепенное развитіе феодальнаго государства въ этомъ отношеніи было переходомъ къ лучшему, несмотря на распадненіе правъ государства. Король, отдавая фискальныя имущества, матеріальную основу своего государства, вельможамъ ради общественныхъ цѣлей, ради исполненія военныхъ или юридическихъ задачъ, этимъ самымъ признавалъ общественный характеръ этого имущества: появилось пониманіе отличія государственнаго права отъ частнаго, государства отъ семьи государя. Понятно само собой, что въ этомъ отношеніи феодальное воззрѣніе на обширныя церковныя имущества были огромнымъ прогрессомъ по сравненію съ прежней частноправовой точкой зрѣнія на нихъ какъ на частную собственность, состоящую подъ патронатомъ короля. Теперь все чаще стали отдѣлять понятія о королѣ и объ имперіи; національное государство понималось какъ нѣчто самостоятельное, необходимое и существующее помимо королевской власти; уже въ началѣ 13 вѣка князья высказываютъ положеніе, что король не долженъ отчуждать ни одного изъ имперскихъ

княжествъ; такимъ образомъ признается общественный, государственно-правовой характеръ территорій ¹⁾.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого измѣненія во взглядахъ было то, что теперь представителемъ имперіи считался не только одинъ король, но и самъ народъ, что король признавался только верховнымъ главой всѣхъ племенъ, а племена и ихъ князья, въ ихъ взаимной связи составляющіе цѣлую націю, являлись носителями идеи государства. Такая точка зрѣнія приводила къ представленію и необходимости общественнаго національнаго представительства, стоящаго рядомъ съ королемъ.

Старое народное собраніе, бывшее когда то собирательнымъ государствомъ, состоящимъ изъ всѣхъ способныхъ носить оружіе его членовъ, давно исчезло; оно могло существовать только въ мелкихъ, племенныхъ государствахъ первобытной эпохи; позднѣйшія народныя собранія (фолкетинги) меровингской и начала каролингской эпохъ, бывшія простыми правовыми фикціями первобытныхъ учреждений, съ самаго начала носили въ себѣ зародышъ упадка.

Карлъ Великій вмѣсто нихъ созывалъ болѣе или менѣе регулярно собранія потаблей; этотъ обычай сохранился и во время каролингскихъ энигоновъ и въ первыя столѣтія нѣмецкой имперіи подъ вліяніемъ саксонскаго господства, руководившагося во многихъ отношеніяхъ старыми конституціональными идеями, онъ даже развился до появленія новыхъ фиктивныхъ народныхъ собраній.

Но въ 11 вѣкѣ это участіе націи въ государственныхъ дѣлахъ снова прекращается—мѣсто народа занимаетъ рейхстагъ, состоящій изъ вельможъ, высшихъ сановниковъ, крупныхъ помѣщиковъ, князей. Однако только въ первый половинѣ 12 вѣка при окончательномъ развитіи ленной системы въ безформенной массѣ этого рейхстага появляются единство и оригинальная жизнь; имперскіе князья, какъ высшее воинское сословіе, дѣлаются теперь регулярными членами собранія; крупныя частныя услуги въ сферѣ національнаго развитія даютъ имъ теперь возможность, даютъ право, даже налагаютъ обязанность, помогать королю совѣтомъ и дѣломъ въ рѣшеніи задачъ общаго руководства націей. Новый рейхстагъ правильно функционируетъ уже при послѣднихъ Штауфенахъ; Фридрихъ XI высказывалъ открыто положеніе, что имперія по праву представлена, если при королевской особѣ на совѣтъ собирались князья имперіи ²⁾; рядомъ съ королевской властью становится такимъ образомъ новое основаніе для національной государственной жизни.

Королевская власть при такомъ новомъ развитіи могла бы удерживать всю прежнюю полноту своихъ правъ въ измѣненной формѣ,

¹⁾ MGLL, 2, 227, 1216.

²⁾ Huillard—Breholles, 2, 630.

если бы она была совершенно самостоятельна въ финансовомъ отношеніи и притомъ могущественна. Но объ этомъ не могло быть и рѣчи въ 12 и 13 вѣкахъ.

Старое финансовое управленіе короны, основанное и процвѣтавшее въ 10 вѣкѣ, совершенно пало. Оно также, какъ и современныя ему управленія всѣхъ помѣстій, основывалось на системѣ определенныхъ сборовъ; извѣстные сборы были издавна предназначены на извѣстныя цѣли и эти сборы не попадали въ руки центральныхъ учрежденій и даже, вѣроятно, не учитывались ими, а оставлялись въ рукахъ разъ навсегда назначеннаго сборщика.

Если такимъ образомъ цѣлый рядъ доходовъ съ теченіемъ времени утрачивался просто потому, что ихъ выпускали изъ виду, то тѣ изъ доходовъ, которые доходили до центральныхъ учрежденій, до двора, не увеличивались, а сравнительно съ увеличеніемъ цѣнъ на всѣ припасы уменьшались. Это зависѣло отъ того, что бюджеты продолжали составлять также, какъ они составлялись при системѣ натурального хозяйства. Доходы отдѣльныхъ доменовъ вычислялись не по ихъ дѣйствительной цѣнности въ данное время; ради кажущагося облегченія въ счетахъ на каждаго распорядителя домена накладывали определенную, очень умѣренную поставку, вродѣ ренты, такъ называемую «службу» (*servitium*). Слѣдствіемъ этого было то, что увеличеніе дохода доменовъ было бесполезно для короля; кромѣ того всякій изъ управляющихъ доменами платившій только определенную и незначительную повинность, становится болѣе или менѣе самостоятельнымъ, такъ какъ онъ разсматривалъ *servitium*, какъ наслѣдственную аренду, а на себя и на свою семью смотрѣлъ, какъ на наслѣдственнаго арендатора домена — и въ концѣ концовъ не малое количество доменовъ стало считаться собственностью управляющихъ и такимъ образомъ были совершенно отчуждены отъ имперіи.

При такой то устарѣлой финансовой системѣ королевская власть, не измѣняя ее, перешла отъ періода натурального хозяйства въ начинающійся въ 12—13 вѣкахъ періодъ хозяйства денежнаго; само собой понятно, что она потерпѣла большія финансовыя потери; хотя благодаря конфискаціи имуществъ, наслѣдству выморочныхъ имуществъ, завоеванію славянскихъ областей въ 10—12 вѣкахъ ея имущества значительно увеличились.

Корона могла бы выдти изъ такихъ затрудненій посредствомъ наслѣдственныхъ требованій, вызываемыхъ «милосердіемъ» (*Milte*) короля¹⁾, а при новыхъ задачахъ, ставимыхъ королю эпохой Штауфеновъ, посредствомъ разумной эксплуатаціи регалій, въ особенности торговой регаліи, находившейся еще пока въ рукахъ короля. Но ни

---

1) Ср. Ann. Quedlinburg 1000 г.: *regalibus officiis: regendo, indulgendo, largienda et remunerando.*

одинъ изъ Штауфеновъ не понялъ всей важности для короны этихъ регалій. Послѣ того, какъ прежніе короли раздали земли, Штауфены сначала въ формѣ отдѣльныхъ привилегій, а потомъ и законодательнымъ путемъ, беззаботно предоставили князьямъ эти регаліи, которыя именно въ 12 и 13 вѣкахъ при процвѣтаніи денежнаго хозяйства обѣщали приносить съ каждымъ годомъ все большіе и большіе доходы: пошлины, право проѣзда, право чеканки монеты и власть надъ рынками. Это было ограбленіемъ имперіи и ему немало обязана центральная власть своимъ полнымъ паденіемъ въ срединѣ 13 вѣка. Наоборотъ, король въ такое время, когда всякій проникательный хозяинъ изъ князей думалъ только о томъ, чтобы свои доходы превратить въ денежные, удержалъ, кромѣ вполнѣ старо-франкскихъ натуральныхъ сборовъ, только немногіе денежные сборы, которые или устарѣли, какъ, напр., сервиціи аббатствъ и монастырей; или почетные подарки князей или такіе сборы, которые считались ненавистными, вродѣ платы за назначеніе на должность и за дарованіе императорскаго лена.

Отъ всѣхъ такихъ несчастій корона могла бы еще спастись радикальнымъ средствомъ, а именно введеніемъ общаго имперскаго налога. И дѣйствительно, такой налогъ собирался Генрихомъ IV и королемъ Филиппомъ, хотя и довольно безуспѣшно, въ этомъ же направленіи составляли планы правильной налоговой системы Генрихъ V и Оттонъ IV. Но все это было безуспѣшно, единственное, чего удалось достигнуть, состояло въ довольно правильномъ обложеніи имперскихъ городовъ, настоящій же имперскій налогъ былъ введенъ только при королѣ Сигизмундѣ.

Въ этихъ неудачныхъ попыткахъ видѣли одно изъ главныхъ оснований паденія королевской власти и государства въ 13 вѣкѣ. Однако слѣдуетъ помнить, что къ такому результату привели государство не столько личныя ошибки королей, сколько общественное развитіе націи. Всякій общій налогъ нивелируетъ общество, а ходъ общественнаго развитія отъ 10 до 13 вѣка былъ аристократическимъ. Оно создавало отдѣльныя сословія и вновь созданныя сословія раздѣлило перегородками различнаго для cadaго изъ нихъ нрава. Какъ при этомъ было возможно даже для сильной королевской власти ввести равномерный налогъ, который считался бы тогда совершенно несправедливымъ? Именно потому, что нація вступила на путь общественнаго развитія, безъ руководства королевской власти, она отняла у этой власти всѣ финансовыя средства, необходимыя для ея воздѣйствія на это развитіе.

Потому то мы и видимъ, что короли, обладавшіе стремленіями къ великимъ подвигамъ и къ достиженію могущества, были, однако, не въ состояніи укрѣпить и расширить финансовыя основы монархіи. Впервые объ императорѣ Генрихѣ III, могущественнѣйшемъ изъ

императоровъ Салійскаго дома, мы слышимъ, что онъ заложилъ нѣмецкую корону, символъ власти ¹⁾. Это могло быть слѣдствіемъ временнаго затрудненія, но кромѣ подобныхъ чрезвычайныхъ мѣръ современъ Оттоновъ идетъ систематическое закладываніе церковныхъ имуществъ и отяготительныхъ принудительныхъ займовъ, — нѣмецкая королевская власть почти съ самаго начала расходуетъ всѣ свои силы.

Первоначально всѣ подобныя мѣры маскировались вмѣшательствомъ церкви, имущества которой всегда принадлежали имперіи — такъ уже каролинги раздавали церковныя имущества, какъ лены и Оттоны слѣдовали ихъ примѣру. Позже императоры изъ Салійскаго дома и особенно Штауфены рѣшились принимать отъ церкви лены или, на оборотъ, закладывать церквамъ непосредственно принадлежащія имперіи имущества; въ обоихъ случаяхъ дѣло шло ни о чемъ иномъ, какъ о болѣе или менѣе вынужденныхъ займахъ у церкви.

Когда потомъ церковь при послѣднихъ Штауфенахъ, особенно вслѣдствіе блестящей церковной политики папы Александра III, начала отказывать въ такихъ займахъ, королевская власть оказалась на краю пропасти; и только совершенно иная, гораздо болѣе скромная политика, которой слѣдовалъ осторожный Рудольфъ Габсбургскій, одинъ изъ величайшихъ финансистовъ на нѣмецкомъ престолѣ, помогла ей снова пробудиться для новой, болѣе скромной жизни.

Штауфены хозяйничали, какъ богатые государи, совершенно не сознавая, что матеріальная основа ихъ императорскаго сана колеблется; своими смѣлыми подвигами они чуть чуть не создали для нѣмецкой монархіи основаніе въ Италіи, внѣ предѣловъ родины, и существованіе такой основы легко могло бы преодолѣть отечественныя затрудненія.

---

¹⁾ Венкъ — Hessische Landesgeschichte, 3, 57.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Королевская власть при Штауфенахъ; возобновленіе стремленій къ созданію всемірной монархіи; 1152—1197.

I.

Царствованіе короля Конрада III было временемъ полного политическаго безсилія Германіи и высочайшаго торжества церкви; отношеніе аббата Клервосскаго св. Бернарда къ королю можно считать признакомъ того положенія, въ которомъ находилась Германія.

Въ срединѣ 12 вѣка положеніе дѣлъ измѣнилось. Со смертью Бернарда, 23 августа 1153 г., умеръ властелинъ вымирающаго міра; ему пришлось дожить до избранія Фридриха I, Штауфена, наслѣдника Конрада III и представителя новой, совершенно иначе настроенной эпохи. Религіозные вопросы благодаря политическому безсилію папства и религіозному истощенію мірянъ отступаютъ на задній планъ; въ исторической жизни занимаютъ выдающееся мѣсто интересы свѣтскіе; сильныя перемѣны въ сферѣ экономической и соціальной, о которыхъ мы говорили выше, начинаютъ повсюду приносить плоды въ формѣ болѣе свободныхъ государственныхъ мѣръ; въ сферѣ духовной появляются начатки первой національной, выразившейся въ поэтической формѣ, свѣтской культуры, въ рыцарскихъ пѣсняхъ и сагахъ. Это вѣкъ мірской жизни (*Frou Welt*)—и въ политическомъ отношеніи время Фридриха I и Генриха VI сильно отличается отъ времени Лотаря и Конрада III.

Конрадъ III, повидимому, передъ смертью отчаявался въ спасеніи имперіи, если бы не удалось найти наслѣдника, который съумѣлъ бы при посредствѣ энергической дѣятельности уладить такъ долго свирѣпствовавшую борьбу между Вельфами и Штауфенами; потому онъ и назначилъ королемъ Фридриха, герцога Швабскаго, правнука императора Генриха IV, двоюроднаго брата Генриха Льва; Фридрихъ,

происходившій изъ Салийскаго дома и родственникъ Вельфовъ, казалось, съ колебелами получилъ въ даръ господство и примиреніе.

Фридрихъ горячо взялся за дѣло; онъ привлекъ на свою сторону сѣверно-нѣмецкую отрасль дома Вельфовъ (болѣе могущественную вѣтвь этого дома), находившуюся тогда во враждѣ съ южными Вельфами. Представителями сѣверныхъ Вельфовъ былъ Генрихъ Левъ, которому Фридрихъ обѣщалъ вернуть герцогство Баварское. Такимъ образомъ онъ былъ единогласно избранъ 4 марта 1152 года во Франкфуртѣ, а черезъ пять дней коронованъ въ Ахенѣ.

Фридрихъ даже по своей внѣшности былъ настоящимъ сыномъ наступающей эпохи. У него не было импонирующаго вида и героической фигуры стараго императора Салийскаго дома — изящный, средняго роста, онъ былъ типичнымъ представителемъ рыцарскаго общества своего времени. По формамъ своего обращенія съ людьми и по свойствамъ характера онъ отвѣчалъ рыцарскимъ идеаламъ второй половины 13 вѣка; изящный, любезный, общительный, щедрый, обладавшій почетнымъ, нѣсколько авантюристскимъ, честолюбіемъ, рѣшительный въ совѣтѣ и въ дѣлѣ, онъ могъ бы служить образцомъ для героя романа Гартмана фонъ Ауе (Aue) или Вольфрама Эшенбаха.

Первые политическіе шаги новаго государя должны были быть направлены къ примиренію съ собой и къ привлеченію къ общей дѣятельности на пользу имперіи тѣхъ могущественныхъ княжескихъ родовъ, которые во время борьбы за инвенституру сдѣлались почти столь же могущественны, какъ и самъ король. Это было невозможно безъ одновременнаго упроченія могущества Штауфеновъ, король во второй половинѣ 12 вѣка могъ подчинить своей волѣ князей, только сдѣлавшись первымъ среди равныхъ (*primus inter pares*).

Фридрихъ консолидировалъ могущество Штауфеновъ, отдалъ герцогство Швабское своему находящемуся подъ его опекой двоюродному брату Фридриху Ротенбургскому, сыну и наслѣднику Конрада III; такимъ образомъ югозападный центръ имперіи фактически находился въ его рукахъ. Потомъ на крайнемъ юго-западѣ онъ привлекъ на свою сторону могущественный родъ Церингеровъ обѣщаніями относительно Бургундіи, а на югѣ и юго-востокѣ верхнегерманскихъ Вельфовъ, передавъ имъ нѣкоторые имперскіе лены въ Италіи, маркграфство Тусцію и наслѣдственныя имущества Матильды и герцогство Сполето. Еще важнѣе было то обстоятельство, что онъ удовлетворилъ короля Генриха Льва, передавъ ему 18 августа 1153 года герцогство Баварію, до тѣхъ поръ находившуюся въ рукахъ маркграфа Генриха Австрійскаго.

Естественно, что принеся такія крупныя жертвы, новый король склонилъ чашки вѣсовъ власти на сторону свѣтскихъ князей. Отъ нихъ онъ ожидалъ поддержки своей политики. При взаимодействіи

власти свѣтскихъ и духовныхъ князей это было униженіемъ для церкви и давало королю возможность держаться по отношенію къ куріи болѣе твердой политики.

Фридрихъ воспользовался обстоятельствами и вступилъ на тотъ путь, по которому въ лучшіе годы своего царствованія шелъ Лотарь въ борьбѣ съ церковью и паной. Онъ и не думалъ о томъ, чтобы немедленно отправиться въ Римъ и придти на помощь папѣ, тѣсному и даже едва терпимому въ Римѣ радикальнымъ движеніемъ и ослабленному неудачами второго крестоваго похода, какъ этаго хотѣлось наиболѣе ревностнымъ изъ епископовъ. Наоборотъ, онъ воспользовался положеніемъ папы, чтобы довести въ Германіи королевскія права относительно избранія епископовъ до крайнихъ на основаніи Вормскаго конкордата возможныхъ предѣловъ; когда въ Магдебургѣ происходили выборы архіепископа, онъ назначилъ на эту кафедру даровитаго государственнаго человѣка, преданнаго ему епископа Зейцскаго Вихмана и удержалъ его несмотря на всѣ протесты куріи. Это было громаднымъ успѣхомъ для короля: *exhinc non solum in secularibus, sed et in aecclesiasticis negotiis disponendis auctoritas principis plurimum crevit*—говоритъ Оттонъ Фрейзингъ¹⁾. И дѣйствительно теперь въ распоряженіе Фридриха кромѣ свѣтскихъ князей находилось большинство болѣе умѣренныхъ епископовъ, которые, какъ Арнольдъ II Кельнскій или Эбергардъ Бамбергскій по своему образованію примыкали къ благочестивой эпохѣ Бернарда Клервосскаго; изъ среды духовенства и свѣтскихъ князей начала составляться молодая партія, рекомендующая королю рѣзко выступить противъ куріи.

При подобныхъ условіяхъ Фридрихъ имѣлъ возможность разсматривать положеніе дѣлъ въ Италіи съ иной, не папистской точки зрѣнія. Въ Италіи Сицилія все еще была самымъ могущественнымъ государствомъ; король Вильгельмъ II, бывшій съ 1154 года наслѣдникомъ смѣлаго Рожера, управлялъ своей страной вполне самостоятельно и въ союзѣ съ Римскимъ сенатомъ часто рѣшалъ судьбу папства. Для нѣмецкаго короля такое положеніе дѣлъ было невыносимымъ даже въ томъ случаѣ, если бы онъ не хотѣлъ получить императорской короны и оно до извѣстной степени дѣлало интересы короля и папы одинаковыми.

Потому 23 марта 1153 года между куріей и Фридрихомъ въ Констанцѣ былъ заключенъ договоръ, по которому Фридрихъ обѣщался подчинить папѣ городъ Римъ, защищать достояніе Петра и отправиться въ Италію противъ Нормановъ и Византійцевъ, за что папа обѣщалъ возложить на короля императорскую корону, при томъ само по себѣ понятномъ условіи, что и курія съ своей стороны будетъ вести борьбу противъ Нормановъ и Грековъ.

1) Gesta 11. 10.

Но въ то время, какъ Фридрихъ устремилъ все свое вниманіе на Римъ и Сицилію, ему пришлось встрѣтить противодѣйствіе въ верхней Италіи.

Ломбардія съ ея богатыми плодородными равнинами, своей благоприятствующей торговымъ оборотамъ рѣчной сѣтью, своими прекрасными дорогами и каналами, всегда была очагомъ общественнаго развитія; уже при императорѣ Конрадѣ II тамъ происходило движеніе Вальвассоровъ, при императорѣ Генрихѣ IV возстаніе Патаріи.

Теперь Ломбардія была центромъ городского, денежно хозяйственнаго развитія. Уже давно въ большихъ городахъ Ломбардіи старые властелины городовъ, епископы, лишились власти; судъ и военное управленіе, въ особенности торговая регалии, рынки, монетное дѣло, пошлины перешли къ горожанамъ; въ городахъ создавалась самостоятельная власть въ лицѣ консуловъ. Кромѣ того города начали приобретать власть и надъ окрестными территоріями и стремились добиться свѣтской власти въ діоцезахъ епископовъ—вся страна шла по пути распаденія на рядъ городскихъ территорій.

Слѣдствіемъ этого было то, что ломбардская ленная система, основывающаяся на нѣмецкомъ владычествѣ, была разрушена. Провинціальное дворянство переселялось въ города или попадало въ кругъ городскихъ интересовъ, большія княжества, кромѣ одного маркграфства Монферратскаго, исчезли; о правахъ короля говорили, какъ о чемъ то устарѣломъ и дѣйствительно, кто изъ императоровъ послѣ Генриха III пользовался этими правами?

Но дѣло пошло даже дальше—развитіе городовъ достигло второй ступени. Большія городскія общины: Миланъ, Венеція, Павія не довольствовались болѣе завоеваніемъ сосѣдней территоріи, они старались подчинить себѣ и маленькіе самостоятельные города; ближайшею цѣлью развитія казалось раздѣленіе верхней Италіи на нѣсколько большихъ государствъ—городовъ.

Въ это то время небольшіе города въ виду захватовъ большихъ вспомнили о далекомъ итальянскомъ королѣ. Горожане Комо и Лоды доложили королю въ Констанцѣ о нападеніяхъ на нихъ Милана и просили у него помощи. Такимъ образомъ кромѣ Римскаго и Сицилійскаго вопросовъ предъ Фридрихомъ всталъ вопросъ о Ломбардіи. Но былъ ли онъ, дитя Германіи, остававшійся пока при системѣ натурального хозяйства, въ состояніи не только разрѣшить этотъ вопросъ, но даже понять его?

Въ октябрѣ 1154 г. Фридрихъ собралъ войско изъ 1400 рыцарей въ Аусбургѣ, съ нимъ онъ отправился къ сборному пункту при Кастельнуово ди Ронкаліа въ Ломбардіи, съ нимъ онъ хотѣлъ завоевать Италію. Въ Ронкаліи небольшіе города и ломбардскіе князья жаловались ему на новую политику большихъ городовъ. Фридрихъ принялъ ихъ сторону, возстановилъ законъ Лотаря о поддержаніи феодальной

системы въ Ломбардіи и объявилъ Миланъ опальнымъ. Онъ непонималъ всей глубины общественныхъ противорѣчій, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Но и ломбардскіе города не смотрѣли на мѣры Фридриха, какъ на результатъ принципіальнаго и обдуманнаго рѣшенія; они не возстали противъ него общими силами, допустили его короноваться въ Павіи, спокойно смотрѣли на его походъ на югъ, къ Риму.

Въ Римѣ положеніе Фридриха было иное. Папой съ 3 декабря 1154 г. былъ Адрианъ IV, дѣловитый англичанинъ, умѣвшій настолько держать въ рукахъ римскій республиканскій сенатъ Арнольда Бресчянскаго посредствомъ духовныхъ орудій интердикта, что Арнольдъ потерялъ часть своихъ приверженцевъ и долженъ былъ бѣжать. Фридрихъ, конечно, и не подумалъ войти въ соглашеніе съ сенатомъ и народомъ Рима, нищенски-хвастливо предлагавшимъ ему короноваться; онъ пожертвовалъ республикой и Арнольдомъ ради соглашенія съ Адрианомъ и 18 іюня 1155 г. получилъ отъ него корону.

Когда вскорѣ послѣ коронованія въ Римѣ вспыхнуло возстаніе, императоръ вмѣстѣ съ папой оставилъ городъ, отправился въ горы Албани и попытался приступить къ рѣшенію норманскаго вопроса. Это при малыхъ силахъ императора было уже черезъ чуръ смѣлымъ предпріятіемъ, даже въ войскѣ онъ встрѣтилъ сопротивленіе. Императору ничего больше не осталось дѣлать, какъ отправиться на сѣверъ; не съ особеннымъ торжествомъ дошелъ онъ до Анконы, тамъ его войско разошлось, хотя именно въ это время предложеніе греческой субсидіи подавало надежды на успѣхъ похода противъ нормановъ.

Оставаться въ Италиі было теперь невозможно для Фридриха, возобновеніе опалы Милана было простымъ юридическимъ символомъ проявленія его власти. Даже возвращеніе въ Германію чуть-чуть не было отрѣзано для него Веронцами; только мужество Оттона Вительсбахъ спасло его и его свиту, когда они производили опасную переправу по военной дорогѣ чрезъ разлившійся Эчь.

Нападеніе Веронцевъ доказывало, что Ломбарды совсѣмъ не признаютъ власть короля. Да и въ Римѣ спокойствіе не было восстановлено, папа въ концѣ-концовъ былъ вынужденъ примириться въ іюнѣ 1156 г. съ королемъ Сициліи и дать ему Сицилію и нижнюю Италію, какъ ленъ. Фридрихъ считалъ это нарушеніемъ Констанцскаго договора со стороны папы—это было вѣрно, но удалось ли ему самому исполнить тѣ условія, которыя Констанцскій договоръ ставилъ для пріобрѣтенія имъ императорской короны?

Первый походъ Фридриха въ Италію имѣлъ только внѣшній успѣхъ, такъ какъ онъ все-таки получилъ императорскую корону—но вообще походъ въ Римъ связалъ молодому королю руки, поставивъ предъ нимъ трудную задачу о господствѣ надъ Ломбардіей и не ме

иѣе трудный вопросъ объ опредѣленно формулированной, но трудно исполнимой итальянско-папской политикѣ.

II.

Итальянскія дѣла отразились въ Германіи измѣненіемъ прежде достигнутаго Фридрихомъ положенія. Казалось, что снова наступаютъ послѣдніе дни Конрада III; князья стремились къ упроченію своей территоріальной власти; на среднемъ Рейнѣ это повело къ кровавымъ битвамъ съ дворянствомъ; дворянство съ своей стороны начало собирать пошлины и грабить купцовъ — начиналась борьба всѣми противъ всѣхъ.

Возвратившійся императоръ былъ до крайности раздраженъ такими беспорядками, онъ вмѣшался въ дѣло съ энергіей, страшной для всѣхъ его современниковъ, наказавъ нѣкоторыхъ изъ преступниковъ и возстановивъ повсемѣстно прежнее положеніе дѣлъ; въ концѣ-концовъ онъ увѣнчалъ свою умиротворяющую дѣятельность общимъ имперскимъ миромъ: *pacem diu desideratam et antea toti terrae necessariam per universas regni partes habendam regia auctoritate indixit* ¹⁾.

Но было очевидно, что кромѣ этихъ общихъ мѣръ было необходимо болѣе прочное, сравнительно съ прежнимъ, обезпеченіе положенія королевской власти въ имперіи, если только король хотѣлъ добиться успѣха въ своей итальянской политикѣ. Прежде всего приходилось считаться съ свѣтскими князьями, приходилось покупать спокойствіе въ Германіи и дѣятельную ихъ помощь для итальянскихъ дѣлъ новыми уступками. Эти уступки и были сдѣланы, причемъ были улажены неудовольствія между Генрихомъ Львомъ и Генрихомъ Австрійскимъ. Этотъ послѣдній, какъ сказано, долженъ былъ уступить герцогство Баварію Вельфу; онъ не могъ забыть объ этой потерѣ до тѣхъ поръ, пока король въ вознагражденіе за нее не далъ ему его маркграфство Австрію съ неслыханными до этихъ поръ прерогативами. Австрія была сдѣлана 17 сентября 1156 г. совершенно независимымъ отъ Баваріи герцогствомъ; новому герцогу была вручена полная правительственная власть въ странѣ; его обязательства предъ имперіей, особенно въ вопросахъ военныхъ, были значительно уменьшены; страна была признана нераздѣльной и наслѣдство могло передаваться и по женской линіи.

Это было началомъ совершенно новой имперской политики, даже новой имперской конституціи. Въ этомъ случаѣ впервые, также какъ позже при паденіи Генриха Льва, старое племенное единеніе большого герцогства было окончательно разрушено ради образованія небольшой княжеской земли, средоточіемъ которой становилась наслѣд-

¹⁾ MGLL. 2, 110.

ственная царствующая династія, — имперія начинаетъ распадаться уже не на племенные герцогства и графства, и на княжескія территоріи.

Естественнымъ слѣдствіемъ такого измѣненія должно было быть то, что король еще больше, чѣмъ раньше, дѣлался только первымъ изъ князей; исчезли послѣднія остатки понятія о старыхъ герцогствахъ и графствахъ, какъ о должностяхъ. При подобныхъ условіяхъ король кромѣ своей королевской власти нуждался еще въ опорѣ крупной территоріальной власти; онъ впервые былъ вынужденъ пытаться добиться фактической княжеской власти въ своей имперіи.

Фридрихъ понялъ такое, въ то время еще смутно опредѣлившееся положеніе дѣлъ; онъ былъ основателемъ политики позднѣйшихъ нѣмецкихъ императоровъ, стремившихся къ увеличенію могущества своего дома. Въ 1156 г. онъ женился на Беатрисѣ, наслѣдницѣ верхней Бургундіи — это распространяло могущество дома Штауфеновъ отъ Швабскихъ горъ до Изера и ставило его во враждебныя отношенія съ Церингенскимъ домомъ, добивавшимся господства въ этой мѣстности. Вскорѣ послѣ этого Фридрихъ далъ своему сводному брату Конраду, которому достались въ наслѣдство имущества Салійцевъ близъ Вормса, рейнское пфальцграфство; оно составило нераздѣльное владѣніе съ наслѣдіемъ Салійцевъ и его центромъ сдѣлался основанный тогда бургъ и городъ Гейдельбергъ — это было началомъ позднѣйшаго курфюршерства Пфальцскаго. А въ то время, когда такимъ образомъ благодаря пфальцграфству Конрада сѣверная часть долины верхняго Рейна была подчинена вліянію Штауфеновъ, императоръ самъ захватилъ южную часть ея, между Бургундіей и Пфальцграфствомъ. Здѣсь онъ покупалъ одинъ бургъ за другимъ, здѣсь онъ пріобрѣталъ фогства, такъ что его господство распространилось отъ Швабскихъ горъ до Вагезовъ и до богатой системы бурговъ Пфальца. Такимъ образомъ весь верхній Рейнъ посредствомъ пріобрѣтенія различныхъ правъ сдѣлался постепенно достояніемъ Штауфеновъ, онъ вмѣстѣ съ Швабіей и отчасти верхней Бургундіей былъ теперь ареной, на которой разыгрывалась позднѣйшая драма исторіи императоровъ.

Въ то время, какъ императоры устраивались на юго-западѣ имперіи, страны на нижнемъ Рейнѣ вступали уже на путь совершенно особаго, зависимаго отъ Англій и отъ Фландріи, развитія, а на сѣверо-востокѣ среди борьбы съ славянами и колонизаціи ихъ земель создавались территоріальныя владѣнія Генриха Льва и Альбрехта Медвѣдя, — владѣнія, преслѣдовавшія совершенно новыя и оригинальныя задачи. Единство имперіи сохранялось лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что Фридрихъ пытался проявить свою королевскую власть и на дальнемъ востокѣ при посредствѣ энергическаго похода противъ поляковъ.

При подобныхъ условіяхъ, поворотъ въ итальянской политикѣ

императора долженъ былъ имѣть для единства имперіи роковыя послѣдствія. И однако этотъ поворотъ былъ неизбеженъ и начался еще при первомъ походѣ Фридриха въ Ломбардію и Римъ. А теперь поводомъ къ нему послужило отношеніе нѣмецкихъ князей къ королю. Чѣмъ болѣе Фридрихъ опирался на свѣтскихъ князей, тѣмъ болѣе молодое, честолюбивое меньшинство епископовъ стремилось къ тому, чтобы снова возбудить враждебныя отношенія между королемъ и куріей—только такимъ путемъ ихъ значеніе могло увеличиться и они могли противиться могуществу свѣтскихъ князей. А столкновение съ папой для нѣмецкаго государя обозначало необходимость постоянного вмѣшательства въ Итальянскія дѣла.

Руководителемъ честолюбивой партіи церковниковъ былъ Рейнальдъ Дассель, бывший съ весны 1156 г, канцлеромъ, фанатикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самовластный совѣтникъ Фридриха. Онъ занялъ положеніе, благопріятствующее его планамъ. Отношенія между императоромъ и папой становились все болѣе натянутыми. Уже давно взаимно упрекали другъ друга въ нарушеніи условій Констанцкаго договора—и дѣйствительно въ противность договору папа вступилъ въ соглашеніе съ Норманами, а императоръ съ Греками. Къ этому присоединились столкновения и въ Германіи. Апелляціи въ Римѣ настолько увеличились, что возбудили неудовольствіе высшаго духовенства и обратили на себя вниманіе императора; папскіе легаты все настоятельно выжимали папскіе налоги. Пропастъ между папой и императоромъ еще болѣе расширялась вслѣдствіе возбужденныхъ теперь теоретическихъ споровъ объ отношеніяхъ между папствомъ и имперіей вообще. Со времени уступокъ императора Лоторя курія привыкла смотрѣть на имперію, на нѣмецкую королевскую власть, какъ на подарокъ, дѣлаемый королямъ по волѣ папы. Ужъ съ 1152 г. папа Евгений III, въ посланіи къ нѣмецкимъ епископамъ заявилъ, что Фридрихъ призванъ Богомъ къ господству надъ имперіей, *pro servanda libertate ecclesiae* ¹⁾; при нѣмецкомъ дворѣ узнали о римскихъ заявленіяхъ, на основаніи которыхъ нѣмецкіе государи получаютъ короны Италіи и императорскую только какъ милостивый подарокъ папы.

При такомъ взаимномъ возбужденіи достаточно было самаго ничтожнаго повода, чтобы существующее недовольство превратилось въ ожесточенную вражду.

Въ октябрѣ 1157 г. Фридрихъ держалъ блестящее собраніе князей въ Безансонѣ. На это собраніе между прочимъ появилось и папское посольство подъ начальствомъ кардиналовъ Беригарда и Роланда Сиенскаго. Оно имѣло порученіе спросить императора, которому папа и раньше надоѣдалъ разными мелочными запросами, о судьбѣ архіепископа Лундскаго Эскилля; этотъ Эскильль погибъ въ Бургун-

¹⁾ Wibaldi. epp. 402, изд. Jaffe.

діи, приче́мъ императоръ, ненавидѣвшій этого архіепископа сѣвера, не обратилъ на этого особеннаго вниманія. Посольство передало Фридриху очень рѣзкое письмо папы, въ которомъ содержались отдѣльныя мѣста, напоминавшія о заслугахъ святаго престола предъ Фридрихомъ; такъ шла рѣчь о врученіи (*collatio*) ему императорской короны и папа дѣлалъ замѣчаніе, что онъ, несмотря на поведеніе Фридриха, будетъ очень очень радъ, если Фридрихъ получитъ отъ него еще большія, чѣмъ прежде, бенефиціи.

Рейнальдъ, который бызъ долженъ перевести на нѣмецкій языкъ латинскій оригиналъ этаго письма предъ императоромъ и князьями, перевелъ слово *beneficium*, которое могло обозначать и «благодѣяніе» и «ленъ», словомъ «ленъ»; латинское *conferre* (*collatio*) онъ перевелъ словомъ «подарить», тогда какъ оно могло означать и просто каноническій актъ возложенія короны—такимъ образомъ императоръ являлся ленникомъ куріи, получившимъ отъ нея подарки: двусмысленность папскихъ рѣчей сдѣлалась ясной. Возбужденіе среди князей, услыхавшихъ о такихъ поразительныхъ заявленіяхъ, было громаднымъ и еще болѣе увеличилось, когда кардиналъ Роландъ предложилъ вопросъ: отъ кого же другого императоръ получаетъ имперію, какъ не отъ папы? Оттонъ Виттельсбахъ бросился на летата съ обнаженнымъ мечемъ и только вмѣшательство самаго императора помѣшало ему изрубить его. Посольство было отпущено безъ отвѣта и появилось императорское окружное посланіе, мастерскимъ языкомъ излагающее слѣдующія положенія: императоръ получилъ власть надъ имперіей только отъ одного Бога посредствомъ избранія князей, онъ помазанникъ Божій; тотъ, кто считаетъ императорскую корону папскимъ леномъ, есть лжець и врагъ Христа.

Естественно, что открытый разрывъ съ папой повелъ прежде всего къ увеличенію значенія нѣмецкихъ епископовъ, потому что и папа и императоръ одинаково стремились всячески привлечь ихъ на свою сторону. Фридрихъ старался весной 1158 г. на собраніи въ Лаутернѣ, быть особенно обязательнымъ съ духовными князьями, папа послалъ имъ рѣзкое письмо о событіяхъ въ Безансонѣ и убѣждалъ ихъ требовать наказанія Оттона Виттельсбаха и Рейнальда Дасселя, котораго уже и раньше называлъ сатаной, сѣющимъ плевела.

Епископы приняли сторону императора. Они взяли Рейнальда подъ свою защиту, они указывали на фактическія противорѣчія папской и императорской политики и совѣтовали папѣ уступчивость, примиреніе. Но Рейнальдъ вѣроятно думалъ иначе; онъ съ радостью видѣлъ, что борьба послѣ посланія епископовъ къ папѣ обострилась, онъ надѣялся, что духовные князья займутъ теперь болѣе рѣшительное положеніе по отношенію къ императору: тогда вступился Генрихъ Левъ и рѣшилъ, что папа долженъ прислать императору извинительное письмо. Фридрихъ получилъ это посланіе въ іюнь

1158 г. на поляхъ Леха, гдѣ онъ уже собралъ свои войска для завоевательнаго похода противъ Ломбардіи; въ самую послѣднюю минуту свѣтскія князья помѣшали императору склониться на сторону епископовъ и отправиться на одновременную борьбу противъ Ломбардіи и папы.

Между тѣмъ отношенія въ Ломбардіи измѣнились въ неблагопріятную для императора сторону. Опальные Миланцы подчинили себѣ дружественную королю Павію, побѣдили маркграфа Монфератскаго и заключили направленный противъ нѣмцевъ союзъ съ Бресчией, Пiacенцей, Кремоной и Вероной; было очевидно, что нѣмцы должны были обладать огромными военными силами, чтобы побѣдить ихъ.

Фридрихъ отправился въ Италію; онъ собралъ огромное войско и двинулъ его чрезъ Альпы по пяти дорогамъ; когда къ нему присоединились итальянскіе вассалы и наемные солдаты городовъ Ломбардіи, остававшихся ему вѣрными, современники считали, что это войско состоитъ изъ ста тысячъ человѣкъ пѣхоты и конницы. Но походъ Фридриха имѣлъ особенно большее значеніе въ силу того обстоятельства, что руководящей его политической мыслью было не грубое завоеваніе Ломбардіи, а желаніе воспользоваться ея новой, денежно-хозяйственной культурой для цѣлей имперіи.

Уже давно романскія страны въ своемъ экономическомъ развитіи достигли такой ступени, которая давала возможность государямъ Сициліи, Италіи и Франціи и даже полуроманизированной Англіи дать ихъ государствамъ новую полуабсолютистскую окраску, отличную и противоположную старому феодальному строю. Въ этихъ странахъ новое фискальное управленіе было основано на по существу денежно-хозяйственномъ взиманіи пошлинъ и на торговой регалии вообще, а не на старыхъ земельныхъ доходахъ; оно давало центральной власти распоряженіе надъ значительными денежными суммами, и потому позволяло создать настоящую бюрократическую организацію, позволяло снова пріобрѣсти раньше утраченныя права государства. Нѣмецкій государь долженъ былъ теперь слѣдовать подобной же внутренней политикѣ по отношенію къ средней и верхней Италіи; Фридрихъ вполне сознательно, можетъ быть благодаря своему знакомству съ романскими образцами, вступилъ на новый путь; теперь онъ имѣлъ лучшія свѣденія о положеніи дѣлъ, чѣмъ во время своего перваго итальянскаго похода — онъ намѣревался организовать крупныя ломбардскія регалии.

При этомъ онъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что эти регалии по большей части перешли уже во владѣніе епископовъ, и отъ нихъ въ собственность городовъ. Противъ этого факта ему помогло сильное умственное движеніе въ верхней Италіи. При чисто формалистической системѣ, господствующей въ риторскихъ школахъ Италіи, юриспруденція всегда занимала почетное мѣсто, какъ часть

реторики. Къ концу же 11 вѣка она начинала занимать преобладающее положеніе среди другихъ отраслей реторики; ея матеріальная сторона замѣнила старую сферу грамматическихъ и діалектическихъ формальностей; образованіе юридическаго мышленія сдѣлалось главной задачей реторики и риторскія школы превратились въ школы права. При такой реформѣ школъ римская юридическая традиція все болѣе и болѣе освобождалась отъ связи съ лангобардскимъ и обычнымъ правомъ; Ирнерій (Irnerius) первый дѣлаетъ римское право предметомъ отдѣльнаго изученія и пытается представить его, какъ цѣльную замкнутую правовую систему. При такой измѣнившейся точкѣ зрѣнія старая теорія императорскаго абсолютизма, построенная со временъ Карла Великаго на книгѣ Августина *De civitate Dei* и на библейскомъ пониманіи, подверглась полной переработкѣ. Снова оживаетъ старый идеалъ абсолютизма послѣдняго времени римскихъ императоровъ, какъ онъ былъ выраженъ въ произведеніяхъ юристовъ — міру пришлось пережить одно изъ замѣчательнѣйшихъ возрожденій въ сферѣ государственнаго права.

Императоры давно уже поняли все значеніе этого движенія; еще Генрихъ IV поддерживалъ съ его представителями дружескія отношенія, а Фридрихъ I совершенно раздѣлялъ ихъ точку зрѣнія. На основаніи этой точки зрѣнія регалии, само собой понятно, были составной частью права императорской власти; было немыслимо, чтобы онѣ находились въ чьихъ нибудь рукахъ, кромѣ императора.

Опираясь на вліяніе общественнаго мнѣнія Италіи, раздѣлявшаго такую точку зрѣнія, Фридрихъ послалъ Рейнальда Дасселя и Оттона Виттельсбаха впередъ въ качествѣ императорскихъ комиссаровъ для взиманія ломбардскихъ регалій и для отстаиванія императорскихъ правъ вообще. Они были приняты довольно благосклонно; всѣ наиболѣе значительные города, кромѣ Милана, были къ нимъ предупредительны.

Вскорѣ послѣ этого въ странѣ появился и самъ Фридрихъ съ своимъ войскомъ. Онъ сразу обратился противъ мятежнаго Милана. Городъ былъ осажденъ и 8 сентября 1158 г. вынужденъ сдаться. Фридрихъ кромѣ тяжести униженія поставилъ ему условія, обезпечивающія быстрый успѣхъ его плановъ относительно Ломбардіи. Миланцы должны были передать ему ихъ область, лежащую внѣ города, они были обязаны построить императорскій пфальцъ, оба ихъ первые консулы должны были утверждаться императоромъ — однимъ словомъ Миланъ по своему значенію сравнивался съ другими городами Ломбардіи. Далѣе миланцы обѣщались передать Фридриху всѣ императорскія права и регалии; таково было заключеніе приготовленій для новой государственной конституціи верхней Италіи, выработанной Рейнальдомъ и Оттономъ.

Новый порядокъ дѣлъ былъ установленъ на Ронкальскомъ рейх-

стагъ въ ноябрѣ 1158 года. Отъ имени всѣхъ собравшихся князей архіепископъ миланскій провозгласилъ императора абсолютнымъ государемъ Ломбардіи: *Scias omneius populi in condendis legibus tibi concessum; tua voluntas jus est, sicuti dicitur: quod principi placuit, legis habet vigorem* ¹⁾. На основаніи такого положенія императоръ создалъ новую конституцію. Онъ еще разъ опубликовалъ ленный законъ Лотаря въ расширенной формѣ; всѣ феодальныя учрежденія, еще существующія, должны быть сохранены. Но новое направленіе выразилось въ томъ, что по его повелѣнію собраніе юристовъ и нотаблей изъ горожанъ высказалось за его право получить всѣ регалии, если только владѣльцы ихъ не будутъ въ состояніи доказать, что онѣ пожалованы имъ королями, а также и за его право назначать въ городахъ всѣхъ чиновниковъ императорскаго диска. Фридрихъ такимъ образомъ добился всего, чего онъ хотѣлъ и онъ увѣнчалъ свое дѣло обѣщавъ странѣ вѣчный миръ и уничтожилъ всѣ партикуляристическія стремленія отдѣльныхъ личностей и городовъ.

Если бы всѣ эти мѣры были исполнены, то нѣмецкій король сдѣлался бы властелиномъ государства, отчасти феодальнаго, а отчасти уже обладавшаго примитивнымъ денежно-хозяйственнымъ строемъ, что обезпечивало бы его кассѣ ежегодный доходъ въ 30,000 талантовъ ²⁾, Штауфены кромѣ нѣмецкихъ источниковъ своего могущества получали теперь владѣніе не менѣе важныхъ источниковъ могущества и въ Италиі; казалось, что было создано новое основаніе для новой міровой политики имперіи.

III.

Тотчасъ же послѣ рейхстага въ Ронкалья приступили къ проведенію принятыхъ рѣшеній. Императорскіе бурги были заняты нѣмцами и комиссары Фридриха объѣзжали страну, чтобы взять регалии въ императорское завѣдываніе и посадить въ городахъ императорскихъ чиновниковъ.

Но при этомъ оказались самыя разнообразныя затрудненія. Приморскіе города искали всякихъ поводовъ уклониться отъ исполненія приказовъ императора, и въ особенности торговая и сильная Генуя. Принципіально признавали императорскія требованія по отношенію къ регалиямъ, но просили объ освобожденіи отъ нихъ: вѣдь, не земля имперіи кормитъ горожанъ, а море; у имперіи нѣтъ флота, что бы защищать ихъ. Примѣръ Генуи имѣлъ дурное вліяніе, а къ тому же нѣмецкіе чиновники на столько же плохо понимали формы новаго

¹⁾ Inst. 1, 2, 6. См. это мѣсто у Rahewin, 4, 5.

²⁾ Rahewin, 4, 8. На наши деньги это равнялось 19½ мил. марокъ; ср. Лампрехта: „Deutsches Wirtschaftsleben“ ч. II, и Jahrbücher Конрада № 11.

денежно-хозяйственнаго управленія, насколько плохо понималъ ихъ и самъ Фридрихъ и благодаря ихъ неловкому, совершенно лишённому всякихъ бюрократическихъ познаній вмѣшательству симпатіи горожанъ оказались не на ихъ сторонѣ. Континентальные города, Пьяченца, Кремона, тоже оказывались ненадежными; особенно много затрудненій встрѣтилось прежде всего въ Миланѣ. Когда сообразно Ронкальскимъ рѣшеніямъ Рейнальдъ и Оттонъ Виттельсбахъ хотѣли посадить въ Миланѣ городскихъ чиновниковъ, граждане сослались на прежній отдѣльный договоръ, дававшій имъ право только представлять императору избранныхъ ими самими чиновниковъ, возмутились и принудили нѣмецкихъ комиссаровъ къ торопливому и позорному бѣгству изъ города. Фридрихъ былъ совершенно безоруженъ въ виду такихъ событій, такъ какъ онъ уже распустилъ большинство своихъ войскъ; когда онъ опять получилъ надежду на военную поддержку, то 6 апрѣля 1159 г. онъ снова объявилъ городъ состоящимъ въ имперской опалѣ. Мало этого—въ іюнѣ онъ объявилъ опальной и Кремону; страшно разгнѣванный, онъ хотѣлъ раздавить сопротивленіе горожанъ повсюду и тотчасъ же началъ осаду Милана и Кремоны.

А между тѣмъ его отношенія съ куріей снова ухудшились. Фридрихъ уже изъ Лехфельда, не смотря на посредничество Генриха Льва, отправился въ Италію съ твердымъ намѣреніемъ выставить свои старыя претензіи противъ папы; а блестящіе успѣхи въ Ломбардіи настолько же укрѣпили его въ этихъ планахъ, какъ и фанатическая ненависть Рейнальда противъ папства. Съ другой стороны и Андрианъ IV все съ большимъ и большимъ опасеніемъ смотрѣлъ на увеличеніе могущества нѣмцевъ въ Ломбардіи; онъ задавалъ себѣ вопросъ, не лучше ли будетъ укрѣпить положеніе папства посредствомъ политики, дружественной норманамъ и грекамъ.

При такомъ положеніи дѣлъ было достаточно ничтожнаго повода, чтобы снова возгорѣлась вражда между имперіей и папствомъ. Императоръ призвалъ итальянскихъ епископовъ, какъ владѣльцевъ имперскихъ церковныхъ имуществъ къ исполненію ими обязанностей васаловъ, онъ позволилъ, чтобы Ронкальскія рѣшенія были примѣнены къ отдѣльнымъ частямъ наслѣдія Матильды. Адрианъ жаловался на это въ неудобныхъ и раздраженныхъ выраженіяхъ и ставилъ различныя мѣстныя злоупотребленія на почву общихъ принциповъ; императоръ съ своей стороны отвѣчалъ ему рѣзкостями и упреками и тоже ставилъ вопросъ на принципіальную почву. Такая письменная прѣя продолжалась не долго; послѣ тщетныхъ попытокъ къ примиренію императоръ искалъ опоры для своего дѣла въ революціонномъ римскомъ населеніи, а папа искалъ союза съ норманами и поощрялъ Ломбардію къ сопротивленію; отношенія обострились до крайности;

Адрианъ хотѣлъ уже объявить императора отлученнымъ отъ церкви, но 1 сентября 1159 г. онъ скончался.

Выбрали двухъ папъ. Большинство кардиналовъ избрало подъ именемъ Александра III Роланда, кардинала легата на рейхстагъ въ Безансонѣ, а дружественное императору меньшинство, состоявшее въ концѣ концовъ только изъ трехъ кардиналовъ, избрало кардинала Октавіана подъ именемъ папы Виктора IV.

Фридрихъ взялъ на себѣ рѣшеніе этого раскола на созванномъ имъ синодѣ,—это былъ поступокъ, совершенно согласный съ традиціями прежнихъ энергическихъ императоровъ. Но прежде, чѣмъ синодъ собрался, Кремона, одна изъ главъ Ломбардскаго возстанія, пала 27 января 1160 года. Городъ былъ жестоко наказанъ; граждане были принуждены выселиться—они оставили свой родной городъ кучей развалинъ. Синодъ открылся въ Павіи 5 февраля. Исходъ его въ виду ужаса, возбужденнаго судьбой Кремоны, былъ несомнѣненъ; Викторъ IV былъ признанъ папой, и Александръ III отлученъ отъ церкви.

Но Александръ, человѣкъ съ сильнымъ, безстрашнымъ и свободнымъ отъ фанатизма характеромъ, бывшій однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ реалистовъ, когда либо сидѣвшихъ на престолѣ апостола Петра, совсѣмъ не считалъ своего дѣла потеряннымъ; онъ зналъ, что подъ защитой нормановъ онъ безопасенъ, онъ могъ надѣяться привлечь на свою сторону романскія государства; у него были приверженцы даже въ Германіи и потому 24 августа 1160 года онъ въ Апаньи объявилъ императора отлученнымъ отъ церкви.

Фридриху теперь было необходимо изолировать своихъ враговъ, отдѣлить папу отъ Ломбардіи и подчинить себѣ эту страну. Онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока Александръ не убѣжалъ 31 января 1162 г. во Францію, но въ особенности онъ со всей своей энергіей принялся за осаду Милана. *Victo Mediolano per Dei gratiam vicimus omnia* (побѣдивъ Миланъ, Божіей милостью побѣдимъ всѣхъ)—писалъ въ концѣ 1161 года императорскій нотаріусъ Буркгардъ ¹⁾—и этими словами онъ передаетъ настроеніе, господствовавшее при императорскомъ дворѣ. Наконецъ въ мартѣ 1162 г. гордый городъ палъ, Фридрихъ собственноручно сорвалъ знамя сопротивленія. И дѣйствительно съ завоеваніемъ Милана ломбардская война была закончена; императоръ праздновалъ блестяще и торжественно пасху въ своей вѣрной Павіи.

Оставалось только побѣдить папу. Это было, какъ вскорѣ оказалось, дѣломъ гораздо болѣе труднымъ. Александръ встрѣтилъ благопріятный пріемъ у романскихъ народовъ, а также и въ Англіи; отчасти вслѣдствіе національнаго соперничества съ Германіей Людо-

¹⁾ Sudendorf, Registr., 2, 138.

викъ VII и Генрихъ II объявили себя на тулузскомъ синодѣ въ срединѣ марта 1161 года вмѣстѣ съ французскимъ и англійскимъ духовенствомъ за враждебнаго нѣмцамъ папу и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ синода въ Павіи; въ эту эпоху расцвѣта могущества Штауфеновъ они присоединились къ гнѣвному вопросу Іоанна Салюсбюрійскаго: *Quis Teutonicos constituit iudices nationum* (кто сдѣлалъ Тевтоновъ судьями народовъ)? ¹⁾.

Нѣмецкая политика послѣ напрасныхъ попытокъ привлечь королей запада на сторону Виктора IV задалась теперь задачей заставить всѣхъ епископовъ имперіи, Италиі, Бургундіи и Германіи высказаться единогласно противъ Александра. Это произошло на соборѣ въ Долѣ осенью 1162 года. Добиться этого отъ нѣмецкихъ епископовъ удалось только тѣмъ, что имъ были сдѣланы существенныя уступки. А эти уступки имѣли слѣдствіемъ и дальнѣйшія уступки свѣтскимъ князьямъ, такъ какъ было необходимо поддерживать равновѣсіе между этими двумя факторами власти въ имперіи; именно въ это время Генрихъ Левъ безъ всякихъ препятствій со стороны императора положилъ основаніе своего колоніальнаго государства за Эльбой.

Чего же достигли въ концѣ концовъ? У нѣмецкаго духовенства начало исчезать стремленіе къ миру; въ виду воинственныхъ стремленій Рейнальда оно въ концѣ концовъ признало, что его могущество всего лучше будетъ обезпечено, если оно, не полагаясь вполнѣ ни на императора, ни на папу, будетъ служить посредникомъ между свѣтской и духовной властями. Таково было настроеніе, угрожавшее сдѣлаться господствующимъ въ Германіи въ то время, когда умеръ Викторъ IV (20 апрѣля 1164 г.), да и самъ императоръ, казалось, склонялся къ нему.

Тогда Рейнальдъ пытался упрочить свою политику неслыханнымъ самовластнымъ поступкомъ. Еще прежде, чѣмъ императоръ высказалъ свое мнѣніе, онъ велѣлъ избрать новаго анти-папу, Пасхалія III; такимъ образомъ расколъ въ церкви продолжался.

Рейнальдъ снова попытался привлечь королей на сторону своего папы. И на этотъ разъ это ему удалось. Генрихъ II англійскій, разсорившись изъ за Кларендонскихъ конституцій съ Томой Бекетомъ, архіепископомъ Кентербюрійскимъ, остававшимся вѣрнымъ Александру, весной 1165 года обязался признать Пасхалія III съ тѣмъ условіемъ, чтобы и императоръ окончательно и разъ навсегда высказался за этого папу.

Это условіе сдѣлалось въ рукахъ Рейнальда средствомъ удержать всѣхъ миролюбивыхъ и колеблющихся людей въ Германіи и прежде всего самого императора на пути его радикальной политики. На Вюрцбургскомъ рейхстагѣ 1165 года ему удалось невѣроятное дѣло: за-

¹⁾ Ер. изд. Giles 1, ст. 64.

ставить императора поклясться, что онъ никогда не признаетъ другаго папы, кромѣ Пасхалія или его наслѣдника. Даже болѣе того: онъ добился того, что императоръ потребовалъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ князей такой же клятвы, которую черезъ шесть недѣль должны были принести и всѣ его подданные подъ страхомъ потери леновъ, военной или духовной должности. За такимъ отчаяннымъ средствомъ, направленнымъ противъ свободы совѣсти, послѣдовало новое проявленіе враждебнаго папѣ настроенія; въ концѣ 1165 года торжественно праздновали перенесеніе костей Карла Великаго въ Ахенскомъ соборѣ и канонизацію свѣтскихъ теологовъ императорскимъ папой.

Рейнальдъ былъ столь же смѣлъ и рѣшителенъ и въ иностранной политикѣ. Генрихъ II Англійскій заставилъ Французовъ оставить ихъ ясно высказанную раньше защиту Александра III; этотъ послѣдній долженъ былъ оставить Францію и послѣ полного приключеній переѣзда на норманскомъ кораблѣ 23 ноября 1165 года возвратился въ Римъ. Для нѣмецкой политики это было очень важнымъ, даже рѣшительнымъ событіемъ; было необходимо снова двинуться въ Римъ противъ папы.

Для такого похода громадное значеніе имѣло положеніе дѣлъ въ Ломбардіи.

Въ началѣ 1166 года оно было совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ 1162 году послѣ завоеванія Милана. Императоръ Фридрихъ съ Миланомъ поступилъ столь же беспощадно сурово, какъ и съ Кремоной. Городъ былъ совершенно разрушенъ, дымъ горящихъ домовъ нѣсколько недѣль растилался по окрестнымъ полямъ. Жители были изгнаны и были поселены въ четырехъ мѣстечкахъ.

Эти варварства, по видимому, были систематичными. Фридрихъ хотѣлъ ввести въ странѣ организацію денежнаго хозяйства и города подчинить феодальной системѣ — это не удалось. Разгнѣванный сопротивленіемъ городовъ противъ его неудачныхъ попытокъ, императоръ, казалось, задался чудовищной мыслью вообще разрушить экономическую культуру населенія; онъ хотѣлъ, чтобы оно вернулось къ системѣ натурального хозяйства, еще господствующей въ Германіи; страна должна была послужить основой для развитія громаднаго императорскаго доминіальнаго хозяйства. Понятно само собой, что подобные планы неизбежно должны были возбудить упорное сопротивленіе, потому что они были несогласимы съ природой и исторіей страны. Было очевидно, что это сопротивленіе начнется тѣмъ болѣе скоро, что могущество Фридриха въ верхней Италиі вызывало зависть Византіи и Венеціи, Сициліи и Рима, такъ что уже въ 1164 году состоялась коалиція этихъ государствъ противъ итальянскихъ плановъ Фридриха.

Но пока въ это время, осенью 1166 года, Фридрихъ, казалось,

еще могъ рассчитывать на молчаливое повиновеніе ломбардовъ. Онъ въ четвертый разъ перешелъ Альпы; онъ гордо объявилъ, что цѣль его похода завоеваніе Рима и водвореніе Пасхалія III въ патримоніи св. Петра. Онъ быстро прошелъ Ломбардію, не слушая жалобъ горожанъ; въ январѣ 1167 года онъ осадилъ дружественную грекамъ Анкону, въ то время какъ Рейнольдъ съ другой частью войска спѣшилъ чрезъ Тоскану и занялъ Тиволи, городъ всегда враждебный римлянамъ. Римляне двинулись противъ этого смѣлаго нѣмецкаго отряда и осадили Тиволи—участъ нѣмцевъ, казалось, была рѣшена. Но тутъ появился архіепископъ Майнцскій Христіанъ съ войскомъ — это былъ одинъ изъ величайшихъ воиновъ и дипломатовъ Фридриха I; римляне попали между осажденными и вновь прибывшимъ войскомъ и 29 мая 1167 г. потерпѣли полное пораженіе.

Едва Фридрихъ услышалъ въ Анконѣ объ этомъ неожиданномъ счастиі, какъ сейчасъ же двинулся къ Ти́бру; 24 іюля онъ дошелъ уже до горы Маріо, и чрезъ нѣсколько дней Римъ былъ въ рукахъ нѣмцевъ. Нѣмцы 29 іюля зажгли церковь Маріи, близъ собора св. Петра, двери собора были разбиты и у гроба апостола началась битва. Александръ III былъ вынужденъ бѣжать.

Но за этими удивительными успѣхами послѣдовали не менѣе удивительныя неудачи.

Второго августа послѣ палящаго зноя въ Римской Кампаньи выпали бурные дожди, начались лихорадки, уже 3 августа смерть начала свирѣпствовать въ рядахъ нѣмцевъ. По современнымъ свидѣтельствамъ въ теченіе недѣли двадцать пять тысячъ воиновъ погибли отъ ужасной болѣзни; умерло много дворянъ, умирали епископы, умирали князья, 14 августа умеръ Рейнальдъ Дассель. Рука Господня опустилась надъ нѣмцами и ихъ государемъ, гонителемъ церкви — современники видѣли въ этомъ событіи не несчастіе, а наказаніе.

А въ тылу у нѣмцевъ началось возстаніе Ломбардіи, папскіе послы съ юга возбуждали населеніе и обнадеживали его помощью Александра и короля Сициліи. Уже 8 марта 1167 года Кремона, Бергамо, Бресція и Мантуя заключили союзъ противъ императорской системы управленія; въ концѣ апрѣля союзъ рѣшился на смѣлое дѣло — возвратить Миланцамъ развалины ихъ родного города. Союзъ городовъ расширялся съ поразительной быстротой, конечной его цѣлью былъ союзъ всѣхъ Ломбардскихъ городовъ. Онъ непосредственно выступилъ противъ императора; уже 18 августа Миланъ и Бергамо захватили Треццо, гдѣ хранилась императорская казна.

Фридрихъ видѣлъ, что Ломбардія погибла для него; но и при несчастіи онъ сохранилъ всю возвышенность духа, приличную императору; 21 сентября въ Павіи онъ объявилъ возмущшіеся города опальными. Во всякомъ случаѣ для него было уже большимъ счасти-

емъ и то, что онъ могъ весной 1168 года благополучно вернуться въ Германію.

IV.

Въ Германіи Фридрихъ встрѣтился снова съ недоразумѣніями между епископами и свѣтскими князьями, обыкновеннымъ сопутствующимъ явленіемъ энергической политики королей въ то время. Фридриху въ теченіе многихъ лѣтъ удавалось поддерживать извѣстное равновѣсіе между этими двумя группами князей въ ихъ вліяніи на корону, не осуждая при этомъ саму корону на безсиліе. Но это равновѣсіе было уничтожено благодаря все болѣе разгоравшейся борьбѣ противъ Папства. Было очевидно, что споръ можетъ быть оконченъ побѣдой имперіи только при поддержкѣ нѣмецкой церкви. Потому то для Фридриха было всего важнѣе расположеніе духовныхъ князей; во время второго римскаго похода архіепископы кельнскій и майнцскій окончательно выдвинулись на первый планъ въ политикѣ Германіи.

Рейнальдъ именно и стремился къ этому. Вскорѣ же послѣ начала послѣдняго итальянскаго похода онъ пытался направить все положеніе дѣлъ противъ Генриха Льва, какъ настоящаго представителя власти свѣтскихъ князей въ имперіи.

Генрихъ уже давно не только на востокѣ, за Эльбой, преслѣдовалъ энергично колоніальную политику, но и на западѣ онъ расширялъ основы своего саксонскаго герцогства и своихъ аллодіальныхъ владѣній на счетъ сосѣднихъ князей. Эти князья сѣвера, и въ особенности духовные, боялись его и Рейнальду было не трудно соединить ихъ въ союзъ противъ него, который въ концѣ концовъ и составилъ изъ большинства князей сѣверной Германіи, отъ графовъ Юлихскаго и Гельдернскаго до архіепископовъ Гамбургскаго, Бременскаго и Магдебургскаго. Этотъ союзъ напалъ на Генриха въ то время, какъ Фридрихъ боролся въ Италіи.

Первой задачей вернушагося домой императора было восстановленіе мира. Онъ энергично вступился въ пользу Генриха, въ пользу равновѣсія между епископами и свѣтскими князьями; въ іюнѣ 1169 г. ему, наконецъ, удалось на рейхстагѣ въ Гамбургѣ добиться мира. Кромѣ примиренія князей онъ настаивалъ на избраніи королемъ своего сына, Генриха, которому въ то время было только пять лѣтъ отъ роду—и дѣйствительно, 16 августа 1169 г. Генрихъ былъ коронованъ въ Ахенѣ.

Если эти событія несомнѣнно упрочивали королевскую власть въ Германіи, то кромѣ того для самаго Фридриха на этотъ разъ, какъ и прежде послѣ его возвращенія изъ Италіи, дѣло шло объ упроченіи могущества Штауфеновъ.

Вѣроятно, въ этомъ отношеніи ему на этотъ разъ помогли выве-

зенныя имъ изъ Италіи деньги. Онъ купилъ значительное количество помѣстій и леновъ въ Швабіи и на верхнемъ Рейнѣ; права государственной власти въ этихъ мѣстностяхъ было необходимо поддерживать и поземельными владѣніями. Поэтому Фридрихъ около этого времени прибрѣлъ владѣнія юго-нѣмецкихъ и итальянскихъ вельфовъ, захватилъ освободившееся герцогство Швабію и пытался ослабить все еще очень сильныя притязанія Церингеновъ на верхнюю Бургундію дарованіемъ одному изъ членовъ этого дома епископства Лютихскаго. Такимъ образомъ онъ сдѣлался фактическимъ властелиномъ на юго-западѣ Германіи и его прямое вліяніе распространялось и далѣе къ югу, до бургундскаго Прованса, владѣльцы котораго со времени борьбы за инвеституру почти всегда стояли на сторонѣ папы.

Всѣ эти измѣненія въ распредѣленіи могущества, усиленіе королевской власти, и въ особенности примиреніе Генриха Льва съ сѣверно-нѣмецкими епископами, повліяли послѣ смерти Рейнальда на нѣмецкую церковь въ такомъ направленіи, что болѣе умѣренная группа епископовъ, стремившаяся къ миру и согласію между папствомъ и имперіей, снова выступила на первый планъ.

Они надѣялись, что будутъ въ состояніи примирить императора съ Александромъ III, если только папа откажется отъ связей съ Ломбардіей; въ этомъ смыслѣ начали переговоры въ началѣ 1170 года. Но все было тщетно. Александръ III настаивалъ на томъ, чтобы въ переговорахъ участвовали и Ломбарды, онъ не хотѣлъ покидать своихъ соотечественниковъ; совершенно ясно было, что между борьбой папства противъ имперіи и борьбой итальянской національности противъ нѣмецкаго владычества существуетъ извѣстная связь, которая, впрочемъ, была замѣтна еще и во время борьбы за инвеституру.

Нѣмецкіе епископы поняли, что существуетъ только одно средство сближенія между папой и императоромъ—борьба и побѣда надъ Ломбардіей. Они поэтому были готовы поддерживать Фридриха въ верхней Италіи—снова началась война противъ городовъ.

Майнцскій архіепископъ Христіанъ въ 1171 году перешелъ черезъ Альпы. Онъ нашелъ, что отношенія не особенно благоприятны для прибытія императора. Теперь союзъ ломбардскихъ городовъ былъ очень прочнымъ, почти всѣ большіе города, отъ тридцати до сорока, присоединились къ нему и кромѣ нихъ по благословенію папы былъ основанъ новый городъ на р. Танаро, Александрія, созданіе недовольнаго императорскимъ управленіемъ населенія Пьемонта и долины верхняго теченія По. Но съ другой стороны большой союзъ государствъ на Средиземномъ морѣ: Сициліи и Рима, Греческой Имперіи и Венеціи, противудѣйствующій при второмъ походѣ императора на Римъ, теперь распался, хотя императоръ Мануиль все еще велъ съ Александромъ III переговоры о соединеніи двухъ императорскихъ ко-

ронъ, западной и восточной, въ одномъ его лицѣ ¹⁾). Торговое соперничество угрожало разрушить и союзъ ломбардскихъ городовъ, естественное соперничество Венеціи и Генуи и Пизы дѣлалось уже очень замѣтнымъ.

Въ эти отношенія вмѣшался Христіанъ. Онъ привлекъ на сторону нѣмцевъ Геную, за ней скоро послѣдовали Пиза, Лукка и Пистойя, вся Тусція была на сторонѣ императора, на западномъ берегу Италіи отъ Рима до оставшагося вѣрнымъ нѣмецкимъ интересамъ Монферата господствовали эти интересы.

При такихъ то условіяхъ, въ то время, какъ Христіанъ пытался привлечь на сторону императора и восточный берегъ Италіи, самъ Фридрихъ снова рѣшился вести лично борьбу противъ Ломбардіи. Онъ перешелъ чрезъ Монъ-Сенисъ въ Савойскую землю, разрушилъ Сузу, вступилъ въ Туринъ, собралъ вспомогательныя войска запада Италіи и направился противъ Александріи — этотъ папскій городъ долженъ былъ первый испытать тяжесть его карающей руки. Но городъ былъ укрѣпленъ, онъ защищался упорно, императору не удалось взять его до прихода Ломбардскаго войска. Въ срединѣ апрѣля 1175 года Фридрихъ былъ вынужденъ снять свой лагерь, чтобы пойти на встрѣчу ломбардамъ; онъ встрѣтилъ ихъ при Монтебелло близъ Павіи. Начались переговоры, такъ какъ ломбарды желали мира, и Фридриху при отступленіи на Вигевано ничего не оставалось бы больше, какъ распустить свое войско. Послѣ того, какъ ломбарды формально подчинились императору и униженно просили объ его милости, Фридрихъ рѣшился на значительныя уступки въ вопросѣ о регаліяхъ и о самостоятельности городского управленія; миръ казался несомнѣннымъ, комиссары обоихъ сторонъ должны были переговариваться о нѣкоторыхъ подробностяхъ, а еслибы они не пришли къ соглашенію, то эти вопросы должны были рѣшить консулы города Кремоны.

Но при обмѣнѣ комиссарами мнѣній переговоры начали затягиваться, такъ какъ ломбардцы настаивали на безопасности Александріи и на одновременномъ заключеніи мира съ Александромъ III — въ концѣ концовъ дѣло должно было рѣшить Кремона. Но ломбардцы не хотѣли рѣшенія Кремоны, они отвергли посредничество и нарушили перемиріе, они снова рѣшили готовиться къ войнѣ.

Фридрихъ видѣлъ себя такимъ образомъ вынужденнымъ къ рѣшительному военному походу на 1176 годъ, онъ началъ собирать нѣмецкіе контингенты. Духовные князья съ горячностью послѣдовали его призыву, но ихъ силы были недостаточны; прежде всего необходимо было воспользоваться силами свѣтскихъ князей. Но Фридриху пришлось тутъ испытать ужасное разочарованіе относительно пер-

---

¹⁾ «Vanitas vanitatum» — Doeberl: Monumenta Germ. selecta, 4, 199.

ваго изъ всѣхъ свѣтскихъ князей, относительно Генриха Льва. Тщетно онъ требовалъ, даже просилъ у гордаго Вельфа при личномъ свиданіи съ нимъ въ Кіавенна въ мартѣ 1176 года о помощи—Генрихъ Левъ отказалъ ему въ ней. Мотивы, заставившіе Генриха рѣшиться на такой шагъ, который могъ повести къ гибели Фридриха, остались не выясненными ¹⁾).

Фридрихъ возвратился въ Комо, сборный пунктъ нѣмецкаго войска; почти въ отчаяніи онъ рѣшилъ дать битву ломбардамъ противъ совета своихъ окружающихъ, не ожидая даже идущихъ къ нему на помощь войскъ. Битва при Леньяно 29 мая 1176 г., сначала довольно счастливая для него, кончилась полнымъ поражениемъ имперцевъ, самъ Фридрихъ, раненный, упалъ съ лошади и только счастье помогло ему пробиться и убѣжать въ Павію.

Битва при Леньяно доказала, что императоръ не въ состояніи завладѣть Ломбардіей съ помощью однихъ епископовъ. Невѣрность Генриха Льва доказывала всю безнадежность попытокъ завладѣть ей съ помощью свѣтскихъ князей. Оставался тогда одинъ исходъ: Фридрихъ долженъ былъ воспользоваться силами церкви, чтобы примириться съ Александромъ и при его посредничествѣ привлечь на свою сторону Ломбардію. Въ нѣмецкой церкви, дѣйствительно, проявлялась глубокая потребность въ примиреніи съ папой.

Фридрихъ обладалъ проницательностью государственнаго чловѣка, чтобы понять такое положеніе дѣлъ и энергіей самоотверженія, чтобы подчиниться ему. Еще осенью 1176 года архіепископы Христіанъ Майнцскій и Вихманъ Магдебурскій и вновь избранный епископъ Вормскій Конрадъ поѣхали изъ Вормса въ Ананьи, чтобы начать переговоры съ папой. Эти переговоры пришли къ желанной цѣли, поскольку дѣло шло о разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ между императоромъ и папой: Александръ III долженъ былъ быть признанъ законнымъ папой, императоръ долженъ былъ отказаться отъ государственной власти надъ патримоніей св. Петра и отъ владѣнія аллодіальными имуществами Матильды, Александръ же съ своей стороны долженъ былъ признать законными всѣ замѣщенія церковныхъ должностей, сдѣланныя во время раскола въ церкви. Императору пришлось сдѣлать значительныя уступки. Но за то въ противоположность желаніямъ папы ему удалось провести, чтобы ни Ломбардія, ни Сицилія не были включены въ условія этого предварительнаго мира; ему даже удалось, какъ теперь, такъ и въ позднѣйшихъ переговорахъ въ Феррарѣ, внушить своимъ раньше соединеннымъ противникамъ взаимное недоувѣріе и такимъ образомъ разъединить ихъ.

Необходимо было заключить окончательный миръ. Для этого лѣ-

---

¹⁾ Различныя догадки объ этомъ подробно изложилъ въ недавнее время Варрентраппъ — въ *Histor. Zeitschrift* № 11.

томъ 1177 г. въ Венеціи собрались многія изъ выдающихся людей того времени, отовсюда съѣхались послы; самъ Александръ III пріѣхалъ въ городъ Лагунъ, а императоръ находился вблизи города. Переговоры шли очень медленно, императоръ ставилъ требованія, выходящія далеко за предѣлы договора въ Ананьи, и старался въ то же время разрушить изолированный теперь союзъ Ломбардскихъ городовъ. Такая политика въ концѣ концовъ вынудила курію умѣрить ея требованія и окончательно отдѣлиться отъ союзниковъ, было заключено шестилѣтнее перемиріе императора съ Ломбардіей и миръ на пятнадцать лѣтъ съ Сициліей.

Эти успѣхи побудили императора быть требовательнѣе въ безконечномъ вопросѣ о собственности наслѣдія Матильды. Онъ хотѣлъ, чтобы эти владѣнія были отданы ему по крайней мѣрѣ на пятнадцать лѣтъ; чтобы устрашить папу, онъ передалъ управленіе сосѣдней съ Римомъ Тосканской маркой враждебному церкви министеріалу Конраду Люцельгарту, подошелъ къ Венеціи и вызвалъ тамъ народное движеніе въ свою пользу—конгрессъ начиналъ бояться за себя. Тогда вмѣшались нѣмецкіе епископы и это вмѣшательство обезпечило дѣло мира, прежнія соглашенія были ратифицированы, вопросъ о наслѣдіи Матильды былъ предоставленъ послѣдующему рѣшенію третейскаго суда. Императоръ 23 іюня 1177 г. на украшенной галерѣ подѣхалъ къ площади св. Марка, Александръ встрѣтилъ его на ступеняхъ церкви св. Марка, императоръ униженно палъ передъ нимъ ницъ и поцѣловалъ его ногу, папа поднялъ его и далъ ему поцѣлуй мира и апостольское благословеніе. Такая сцена повторилась и при торжественномъ объявленіи мира 1 августа—долго еще эти дни въ Венеціи сохранились въ памяти современниковъ, позднѣйшія поколѣнія приписывали этимъ событіямъ происхожденіе ежегодно происходившаго символическаго обрученія Дожа съ моремъ.

Исполненіе мирныхъ условій не встрѣтило никакихъ затрудненій. Въ Германіи назначенные анти-папами епископы остались на своихъ мѣстахъ, и въ Италіи Христіанъ Майнцскій съ торжествомъ привезъ папу въ Римъ.

Но вліяніе мира въ Германіи было очень значительнымъ и глубокимъ. Фридрихъ былъ теперь увѣренъ въ симпатіяхъ духовенства, никогда раньше онъ не господствовалъ столь неограниченно надъ духовными князьями. Было совершенно понятно, что онъ теперь основывалъ свою власть на ихъ поддержкѣ, тѣмъ болѣе что теперь онъ хотѣлъ наказать Генриха Льва, главу свѣтскихъ князей.

Историческія изслѣдованія не даютъ вполне несомнѣнныхъ свѣдѣній даже о важнѣйшихъ подробностяхъ процесса, начатаго Фридрихомъ вскорѣ послѣ его возвращенія противъ Генриха въ судъ князей; но почти несомнѣнно, что въ силу этого процесса Генрихъ на придворномъ собраніи въ Кайна въ 1179 году былъ объявленъ опаль

нымъ. Въ то время Фридрихъ находился въ такомъ положеніи, что могъ привести въ исполненіе этотъ приговоръ. Лѣтомъ 1180 г. онъ съ большимъ войскомъ появился на сѣверѣ отъ Гарца, захватилъ имперскія владѣнія и взялъ брауншвейгскіе бурги Льва. Тогда саксонскіе и баварскіе вассалы отпали отъ Генриха, онъ былъ лишенъ всякой помощи извнѣ и вынужденъ полагаться только на свои собственные силы—онъ перешелъ на сѣверъ въ предѣльныя области своихъ владѣній. Но императоръ послѣдовалъ за нимъ и туда. Лѣтомъ 1181 года произошли небывалыя событія: императоръ появился съ войскомъ на Эльбѣ, занялъ Рацебургъ и принудилъ Генриха бѣжать въ Стаде, онъ даже перешелъ въ колоніи и сдѣлалъ Любекъ, любимый городъ Генриха Льва, послѣ того какъ взялъ его приступомъ, свободнымъ имперскимъ городомъ.

Генрихъ долженъ былъ подчиниться въ виду такихъ успѣховъ императора, 27 ноября 1181 года онъ подчинился на собраніи князей въ Эрфуртѣ и униженно палъ къ ногамъ императора; Фридрихъ съ слезами на глазахъ поднялъ и обнялъ его. Онъ былъ изгнанъ изъ Германіи впредь до распоряженія императора, но его родъ остался владѣльцемъ брауншвейгскихъ и люнебургскихъ земель.

Паденіе Генриха повело къ полному измѣненію внутренняго положенія въ Германіи. Его лены при его опалѣ были отняты и розданы другимъ. Архіепископъ Кельнскій, Филиппъ, наслѣдникъ Рейнальда, получилъ новое герцогство Вестфалію, составившееся изъ областей саксонскаго герцогства къ югу отъ Липпе. Къ востоку отъ Везера всѣ епископы получили назадъ всѣ тѣ лены и фогства, которые раньше они должны были отдать Генриху. Остальная часть сѣвернаго государства Генриха была отдана Альбрехту Ангальтскому, сыну Альбрехта Медвѣдя, какъ значительно уменьшившееся по пространству герцогство саксонское. На югѣ, въ Баваріи, владѣнія Вельфовъ тоже были раздроблены. Штирія, уже давно пользовавшаяся нѣкоторой независимостью, сдѣлалась самостоятельнымъ герцогствомъ, тирольская область графовъ Андексъ получила названіе герцогства Меранъ; другія части страны были присоединены къ владѣніямъ Штауфеновъ. Все остальное получилъ пфальцграфъ Оттонъ Виттельсбахъ, родоначальникъ баварскаго королевскаго дома, какъ баварское герцогство, но и здѣсь всѣ захваченныя Генрихомъ церковныя лены были возвращены снова епископамъ.

Такимъ образомъ паденіе Генриха Льва было поводомъ къ полному перевороту во владѣніяхъ князей. Но этотъ переворотъ произошелъ въ томъ направленіи, въ которомъ уже раньше въ 1156 году произошло выдѣленіе Австріи; старыя племенные герцогства были невозможны теперь, вмѣсто нихъ образовались отдѣльныя, средней величины территоріи, и нѣкоторыя изъ нихъ получили названіе герцогствъ. Эти новыя территоріи вообще были не больше княжествъ епи-

скопъ; этимъ достигалось нѣкоторое уравненіе въ могущество свѣтскихъ князей съ духовными; теперь казалось невозможнымъ, чтобы въ будущемъ отдѣльные свѣтскіе князья господствовали какъ надъ другими свѣтскими князьями, такъ и надъ духовными. Но духовные князья и кромѣ того получили значительныя привилегіи, архіепископъ Кельнскій получилъ герцогство, большинство епископовъ благодаря возвращенію леновъ увеличили территоріи.

Если мы припомнимъ, что въ силу общественныхъ причинъ въ это же время измѣнилось понятіе о достоинствѣ князей и что такое измѣненіе, какъ мы видѣли выше, давало духовнымъ князьямъ численный перевѣсъ надъ свѣтскими, то будетъ очевидно, что Фридрихъ со времени 1180 года искалъ опоры для энергической имперской политики именно въ духовныхъ князьяхъ. Епископы вели его послѣднія войны, они давно уже были его дипломатами, они были причиной Венеціанскаго мира и ниспроверженія измѣнника Вельфа. Благодаря имъ, благодаря ихъ могуществу Фридрихъ былъ безспорнымъ властелиномъ въ Германіи. Это было подобіе прежней комбинаціи при Оттонѣ Великомъ и, какъ и тогда, она повела къ міровой итальянской политикѣ.

V.

Когда ломбардцы въ союзѣ съ Александромъ III кромѣ своей родины защищали міровые интересы церкви, они пользовались общей поддержкой, а теперь они стояли одинокими противъ нѣмецкаго государя. Они понимали свое положеніе тѣмъ болѣе, что Фридрихъ очень успѣшно начиналъ приобрѣтать себѣ союзниковъ среди дворянства верхней Италіи, потому они съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе склонялись къ заключенію мира. Въ концѣ 1182 года начались переговоры, и за ними послѣдовало заключеніе формальнаго и окончательнаго мира на Констанцскомъ рейхстагѣ 25 іюня 1183 года.

Миръ этотъ для Фридриха былъ побѣдой, такъ какъ ему удалось удержать свои финансовыя права въ Ломбардіи въ такомъ объемѣ, въ какомъ было невозможно и ожидать удержать ихъ послѣ несчастной битвы при Леньяно; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и торжествомъ для Ломбардіи, такъ какъ Фридрихъ отказался отъ превращенія городовъ въ старое феодальное государство, отказался отъ идеала создать единое Штауфеновское Ломбардское государство. Города были признаны какъ самостоятельныя, хотя въ извѣстныхъ отношеніяхъ и зависимыя отъ имперіи, государства и притомъ они сохранили свои союзныя отношенія другъ съ другомъ; среди феодальнаго государства они составляли какъ бы оазисы съ денежно-хозяйственнымъ, городскимъ строемъ. Каждый изъ городовъ въ вопросахъ своего внутренняго развитія былъ почти автономнымъ, по-

тому что они теперь приобрѣли почти полную независимость суда и регалій: кромѣ того каждый городъ имѣлъ право фактически взять въ свои руки все еще остававшіяся у императора фискальные права за годичную уплату императору 2.000 марокъ (на наши деньги около 600.000 марокъ)¹⁾. Связь городовъ съ имперіей обезпечивалась лишь присягой всѣхъ взрослыхъ горожанъ, имперскими повинностями содержанія дорогъ и мостовъ, доставкой провіанта и фуража при проходѣ императорскихъ войскъ и такъ называемыми добровольными дарами—кромѣ того, обязательствомъ представлять на утвержденіе императора ежегодно избираемыхъ городскихъ сановниковъ и аппелляціей на городскіе суды въ высшій имперскій судъ.

При такомъ конституціоннымъ союзѣ городская жизнь Ломбардіи разцвѣла могучимъ и свободнымъ цвѣтомъ, при чемъ и императоръ не утратилъ ничего изъ того, къ чему онъ сначала стремился, т.е. не утратилъ полученія все растущихъ доходовъ, потому и города и императоръ съ радостью пошли на такой компромиссъ и Миланъ, раньше столь сильно возбуждавшій гнѣвъ императора, скоро сдѣлался однимъ изъ его любимыхъ городовъ; Фридрихъ очень охотно и подолгу живалъ съ тѣхъ поръ въ этомъ, снова расцвѣтавшемъ городѣ.

Въ Германіи императоръ отпраздновалъ новое упроченіе своего господства надъ Ломбардіей и надъ своимъ отечествомъ блестящимъ праздникомъ опоясыванія мечемъ своихъ старшихъ сыновей Генриха и Фридриха; на этомъ праздники въ маѣ 1184 года на прекрасныхъ берегахъ Рейна, въ Майнцѣ и на противоположномъ берегу, съѣхались около 40.000 рыцарей. Предъ глазами современниковъ промелькнуло чисто сказочное великолѣпіе, въ теченіе трехъ дней происходили церковныя торжества и турниры, народныя увеселенія и серьезные переговоры—и долго еще странствующие труверы, Генрихъ Вельбеке, Гюйо Прованскій, рассказывали о неслыханномъ блескѣ этого императорскаго праздника.

За первымъ успѣхомъ въ Ломбардіи, за примиреніемъ съ Ломбардіей, послѣдовалъ и другой, болѣе важный, даже самый важный успѣхъ, какой только удалось добиться Штауфенамъ въ 12 вѣкѣ— а именно обрученіе короля Генриха съ Констанціей, наслѣдницей Сициліи и Апуліи, бывшей старше жениха на одиннадцать лѣтъ (24-го октября 1184 года).

Западные императоры, мечтавшіе о міровомъ владычествѣ, всегда стремились къ господству надъ нижней Италіей и надъ Сициліей; уже Карлъ Великій хотѣлъ приобрести эти страны для своей имперіи, по-

---

¹⁾ Если бы эти условія были исполнены всѣми городами, то доходы императора были бы гораздо больше, чѣмъ прежніе его доходы въ 15¹/₂ милліоновъ марокъ.

томъ Оттоны упорно боролись за нихъ, и Генрихъ III выставлялъ свои притязанія на феодальное господство надъ ними. Но этотъ драгоценный призъ достался чужестранцамъ, Норманнамъ. Эта нація, въ 9 вѣкѣ вмѣстѣ съ Магометанами угрожавшая христіанству запада, въ 11 вѣкѣ сдѣлалась его передовымъ бойцомъ противъ Сарациновъ Сициліи и ея князья пріобрѣли корону этимъ спорныхъ странъ подъ верховнымъ главенствомъ папъ. Но если самый характеръ норманскаго завоеванія, какъ борьба за вѣру, и давалъ папамъ фактическія права на верховную власть надъ норманскимъ государствомъ, исторически основанныя, правда, на подложныхъ актахъ Константина, то императоры никогда не признавали такихъ правъ. По ихъ мнѣнію Сицилія по праву принадлежала имперіи; даже такой слабый императоръ, какъ Конрадъ III, называлъ короля Рожера II Сицилійскаго *invasor imperii*. Понятно, что обрученіе Генриха, будущаго императора, съ Констанціей, возбудило въ имперіи новыя надежды и всѣ радовались, что къ прежнимъ, давно существовавшимъ правамъ имперіи на Сицилію теперь присоединяются новыя, пріобрѣтаемыя бракомъ.

И дѣйствительно, Штауфеновская политика могла сдѣлаться міровой только при надеждѣ пріобрѣсти Сицилію. Еще немного времени— и Штауфены кромѣ военныхъ силъ Германіи и финансовыхъ средствъ Ломбардіи будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи административныя, военныя и финансовыя средства Сициліи, этого перваго полицейскаго государства въ 12 и 13 вѣкахъ. Тогда всѣ другія государства Италіи могутъ занимать лишь подчиненное положеніе и міровая власть папы будетъ далѣе невозможной. Казалось, что папство должно было подлежать обратной эволюціи, возврату къ прежнему внѣшнему, а можетъ быть и внутреннему, положенію, въ какомъ оно находилось во времена Каролинговъ и Оттоновъ.

Скончавшемуся 3 августа 1181 года Александру III наследовалъ Люцій III—онъ находился всецѣло подъ давленіемъ такихъ соображеній. Но найти какія либо средства противъ этаго онъ не могъ; недовольный, почти враждебный, онъ выражалъ свое настроеніе разными мелочными придирками къ императору. Иначе дѣйствовалъ Урбанъ III, наследовавшій Люцію 25 ноября 1185 года. Онъ оспаривалъ права императора на регалии и на нѣкоторыя части имперскихъ церковныхъ имуществъ, когда епископскія кафедры оставались незанятыми, хотя право на регалии, по крайней мѣрѣ, въ Италіи могло считаться основаннымъ на старомъ обычаѣ, а въ Германіи правомъ, всегда и всѣми признаваемымъ; Урбанъ III требовалъ также, чтобы всѣ церковныя десятины изъ свѣтскихъ имуществъ были возвращены церкви, онъ высказался противъ института свѣтскихъ фогствъ при церквахъ, посредствомъ основанія или пріобрѣтенія которыхъ свѣтскіе владѣльцы пытались задержать все увеличивающійся ростъ богатства церквей; особенно съ того времени, когда латеранскіе соборы 1123 и 1139

годовъ и еще болѣе практическія мѣры Александра III лишили патронатъ мірянъ надъ церквами его прежняго значенія. Однимъ словомъ онъ всячески старался ослабить или разорвать узы, соединяющія государственную и церковную жизнь въ Германіи; его цѣлью было возбужденіе новой принципиальной борьбы, подобной борьбѣ за инвеституру. А для того, чтобы быть въ состояніи энергично вести эту борьбу, онъ искалъ дипломатической опоры у противниковъ императора, у англійскаго короля, родственника Генриха Льва, у архіепископа майнцаго, и въ особенности у архіепископа кельнскаго, Филиппа Гейнсберга.

До сихъ поръ Филиппъ былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ императора; за это императоръ послѣ низверженія Генриха Льва наградилъ его услуги созданиемъ и пожалованіемъ ему герцогства Вестфалии. По именно эта милость, которая должна была еще больше привязать Филиппа къ императору, и послужила поводомъ къ полному измѣненію въ положеніи дѣлъ.

Нижній Рейнъ всегда находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Англіей, онъ тяготѣлъ къ морскому берегу и къ заморскимъ странамъ. Это дѣлалось тѣмъ болѣе очевиднымъ, чѣмъ болѣе развивалась торговля; потому уже къ концу 12 вѣка въ этой мѣстности симпатіи къ Англіи боролись съ вѣрностью къ имперіи и Кельнъ, крупный центръ этой страны, открыто стоялъ на сторонѣ Англіи.

Филиппъ, сдѣлавшись архіепископомъ кельнскимъ и герцогомъ Вестфалии, мѣстности, тяготѣвшей къ Нижнему Рейну, не могъ противиться этому теченію: для него была возможной только дружественная Англіи политика. А англійская политика преслѣдовала въ Германіи цѣли, враждебныя императору, она ставила Филиппа въ близкія отношенія съ враждебными Фридриху государями Фландріи и Даніи, онъ вскорѣ сдѣлался передовымъ бойцемъ большаго сѣверозападнаго союза противъ Штауфеновъ. Папа тоже старался сблизиться съ этимъ союзомъ.

Императоръ энергично выступилъ противъ этихъ грозившихъ ему опасностей. Прежде всего онъ парализовалъ папскую политику въ Италіи, захватилъ владѣнія св. Петра и заперъ Урбана въ Веронѣ. Потомъ онъ выступилъ противъ стремленій куріи на церковной почвѣ. На рейхстагѣ въ Гельнгаузенѣ, въ концѣ ноября 1186 года, почти всѣ нѣмецкіе епископы, за исключеніемъ кельнскаго и его викаріевъ, единогласно осудили папскія притязанія; Люцію пришлось услышать такія слова: *ea, quae ad gravamen imperii facta dinoscontur... permutare faciatis*¹⁾. Спокойно и опредѣленно было высказано неслыханное противорѣчіе стремленій нѣмецкой церкви съ стремленіями папы.

Потомъ Фридрихъ обратился противъ сѣверозападной коалиціи. Онъ соединился съ Филиппомъ II французскимъ, который въ то время намѣревался напасть на Англію; въ 1187 г., казалось, должны были

1) Въ посланіи Вихмана Магдебургскаго и его викаріевъ. Doeberl, 4.

произойти крупныя событія — но два событія внезапно совершенно измѣнили положеніе дѣла.

20 октября 1187 года умеръ Урбанъ, а наслѣдники его были миролюбивы. Но въ особенности съ востока получилось печальное извѣстіе, наполнившее сердца всѣхъ западныхъ христіанъ стыдомъ и огорченіемъ—побѣдоносный походъ Саладина противъ латинскихъ государствъ Палестины закончился 3 октября 1187 года взятіемъ Іерусалима; на азіатскомъ континентѣ въ рукахъ христіанъ оставался только одинъ Тиръ.

Въ то время тысячи интересовъ, какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ, соединяли востокъ и западъ; не говоря уже о религіозномъ значеніи страны, въ которой протекла земная жизнь Господа, европейцы считали себя оскорбленными этимъ событіемъ. Для міроваго значенія Фридриха была чрезвычайно многознаменательнымъ то обстоятельство, что императоръ, не смотря на свой уже преклонный возрастъ, оказался энергичнымъ представителемъ общаго настроенія европейскихъ странъ. Въ то время, какъ папскіе послы проповѣдывали крестовый походъ въ старомъ стилѣ, хотя не съ старымъ вдохновеніемъ, императоръ по собственной инициативѣ въ Лазарево Воскресеніе 27 марта 1188 года созвалъ «придворное собраніе Іисуса Христа» (Hoftag Iesu Christi) въ Майнцѣ. На этомъ собраніи Филиппъ кельнскій подчинился императору, Генрихъ VI былъ назначенъ намѣстникомъ имперіи, другой сынъ императора Фридрихъ Швабскій и самый старый императоръ приняли крестъ для похода на востокъ. Потомъ Фридрихъ устроилъ дѣла имперіи, войдя съ Генрихомъ Львомъ въ соглашеніе о продолженіи изгнанія и урегулировавъ законами имперіи фактически существующее право князей вести другъ съ другомъ войны; въ 1189 году семидесятилѣтній старикъ выѣхалъ изъ Регенсбурга, чтобы вести на востокъ превосходно дисциплинированное войско, состоявшее по крайней мѣрѣ изъ двадцати тысячъ рыцарей.

Войско двинулось внизъ по Дунаю, въ Вѣнѣ его приняли съ торжествомъ, въ Гранѣ предупредительно, въ срединѣ августа оно прибыло въ Софію. Но тутъ оно встрѣтило затрудненія. Греческій императоръ Исаакъ Ангелъ боялся, что Фридрихъ намѣревается посадить на престолъ Византіи своего второго сына; нѣмцы пробились до Босфора насильственно и должны были считать себя счастливыми, что могли привѣтствовать своего стараго императора на берегу другой части свѣта. Потомъ начались общеизвѣстныя трудности похода по Малой Азіи и несмотря на дружественныя вначалѣ отношенія съ султаномъ Иконіи, имъ пришлось вынудить себѣ проходъ посредствомъ блестящей побѣды при Филомеліумѣ и счастливой битвы въ садахъ Иконіи (7 и 18 мая 1190 г.).

Такимъ образомъ величайшія изъ опасностей были побѣждены; еще нѣсколько дней для перехода чрезъ покрытыя снѣгами горы Тавра,

послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Киликіи—и войско 10 іюня стояло лагеремъ на зеленыхъ берегахъ Салефа. Но тутъ случилось неожиданное несчастіе. Императоръ, вѣроятно купаясь, а можетъ быть и просто при переѣздѣ въ очень холодной водѣ, утонулъ.

Послѣ смерти императора войско отчасти разошлось, и осталая часть его не могла достигъ намѣченной цѣли. Многіе изъ крестоносцевъ тотчасъ же возвратились на родину; остальное войско подъ предводительствомъ герцога Фридриха двинулось въ Сирію, многіе лѣтомъ 1190 г. перемерли въ Антиохіи отъ чумы, и незначительные остатки его прибыли въ Акконъ, гдѣ соединились съ только что прибывшими туда войсками англійскаго и французскаго королей. Предъ Аккономъ умеръ и герцогъ Фридрихъ 20 января 1191 года.

Таковъ былъ конецъ мудрыхъ и энергическихъ приготовленій Фридриха. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, какія именно цѣли преслѣдовалъ старый императоръ: не было ли у него другихъ соображеній, кромѣ соображеній религіозныхъ, чтобы пойти въ этотъ крестовый походъ? Во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній его подвигъ былъ достоинъ той міровой политики, на путь которой онъ вступилъ съ 1180 года. Эта политика, очевидно, ставила себѣ болѣе широкія задачи, чѣмъ тѣ, которыя преслѣдовали Оттоны; и онѣ нашли себѣ исполнителя, столь же геніальнаго, сколько беспощаднаго, въ сынѣ Фридриха, Генрихѣ VI.

VI.

Весной 1189 года императоръ Фридрихъ пошелъ къ святому гробу, а осенью того же года Генрихъ Левъ нарушилъ свое обѣщаніе не возвращаться на родину и пріѣхалъ изъ Англій. И немедленно же онъ сталъ во враждебныя отношенія съ королемъ Генрихомъ, слабое тѣло котораго скрывало въ себѣ энергическую душу, и попытался снова занять свое прежнее положеніе на сѣверовостокѣ имперіи. Онъ велъ войны и переговоры съ князьями территорій, сосѣднихъ съ его прежними владѣніями; уже въ концѣ осени 1189 года главныя части саксонскаго герцогства и колоніи до Любека были снова въ его рукахъ.

Но эти легкіе успѣхи были кратковременны. Король Генрихъ съ имперскимъ войскомъ двинулся противъ него; на Эльбѣ уже съ весны 1190 г. происходили волненія; за границей помощи найти было невозможно, такъ какъ англійскій король Ричардъ Львиное сердце въ согласіи съ Филиппомъ французскимъ приготовлялся къ крестовому походу, а въ самой Германіи король Генрихъ привлекъ на свою сторону стараго друга вельфовъ, Филиппа Гейнсберга. При посредничествѣ Филиппа въ іюль 1190 года король и герцогъ заключили предварительное перемиріе, по которому герцогъ удерживалъ свои наслѣдственные земли, а также и половину государственной власти надъ

Любекомъ, и обязывался срыть частью городъ Брауншвейгъ, и совершенно Лауенбургъ и отдать королю въ качествѣ заложниковъ обоихъ старшихъ своихъ сыновей, Генриха и Лотаря.

Такое разрѣшеніе недоразумѣній было очень выгодно для короля Генриха, потому что какъ разъ въ это время ему пришлось испытать тяжелыя непріятности, какъ супругу наслѣдницы Сициліи. 16 ноября 1189 года умеръ Вильгельмъ II, послѣдній изъ законныхъ норманскихъ государей Сициліи; предъ смертью онъ заставилъ дворянъ острова присягнуть королю Генриху и Констанціи, какъ законной наслѣдницѣ. Но бароны, не обращая вниманія на присягу, посадили на престолъ Танкреда, незаконнаго сына герцога Рожера, брата Констанціи, отъ графини Лечче и этотъ выборъ былъ утвержденъ папой, какъ сюзереномъ Сицилійской короны.

Генрихъ, у котораго было много дѣла въ Германіи, могъ послать въ Италію только своего прежняго воспитателя въ воинскомъ искусствѣ, храбраго маршала Генриха Кальдена. Маршалъ, одинъ изъ выдающихся людей имперіи, набралъ въ Англіи небольшое войско, но его дѣятельность была скоро прервана лихорадкой, свирѣпствовавшей въ нижней Италіи. Это было лѣтомъ 1190 года въ то время, когда императоръ Фридрихъ утонулъ въ Салефѣ — дѣла Штауфеновъ шли плохо какъ въ Италіи, такъ и на востокѣ.

Въ это время король Генрихъ освободился благодаря договору съ Генрихомъ Львомъ. Онъ тотчасъ же отправился въ Италію, уже въ началѣ 1191 года онъ вступилъ въ Римскую область и возмущивъ римлянъ противъ управленія куріи, заставилъ испуганнаго папу дать ему 15 апрѣля 1191 года императорскую корону. Потомъ онъ перешелъ границу своего королевства и началъ осаду важной крѣпости Неаполя. Но эта осада происходила лѣтомъ, страшныя лихорадки опустошали войско сѣверянъ, архіепископъ Филиппъ Гейнсбергъ умеръ, самъ императоръ былъ при смерти. 24 августа 1191 года пришлось сняться съ лагеря; походъ неудался. Генрихъ вернулся въ Германію, тамъ онъ прожилъ слѣдующіе годы, но никогда не забывалъ онъ, что высшая цѣль его политики состоитъ въ завоеваніи Сициліи.

Въ Германіи императоръ прежде всего старался привязать къ себѣ духовныхъ князей, бывшихъ въ лучшіе годы царствованія Фридриха самой вѣрной опорой императорской политики; но онъ сдѣлалъ это по своему, попытавшись сдѣлать епископовъ, насколько это было возможно, простыми слугами монархіи. А возможность эту давали ему выборы епископовъ, на которыя королевское вліяніе было при немъ очень сильно. При двойномъ выборѣ въ Люттихѣ онъ даже собственной властью далъ епископское званіе Лотарю Гоштадену, противникомъ котораго былъ кандидатъ на это званіе Альбертъ, происходившій изъ дома герцоговъ Брабантскихъ; епископы имперіи были вынуждены одобрить эту мѣру въ общемъ посланіи.

Къ несчастію Генриха вскорѣ послѣ этого, 24 ноября 1192 года, Альбертъ былъ убитъ нѣмецкими рыцарями и тотчасъ же распространился слухъ, что императоръ не безучастенъ въ этомъ насиліи; на нижнемъ Рейнѣ начались волненія. Это было началомъ возмущенія, въ которомъ вылилось все недовольство князей самовластными поступками молодого императора. Въ концѣ 1194 года нижнерейнскіе князья собрались въ Кельнѣ и герцогъ Генрихъ Брабантскій выступилъ кандидатомъ на королевскую корону. Потомъ возстаніе распространилось на югъ и на востокъ: къ нему примкнули архіепископъ майнцскій Конрадъ, ландграфъ тюрингенскій Германъ, Альбрехтъ мейсенскій и Оттокаръ богемскій. Возмущеніе охватило и вельфовъ, когда одинъ изъ бывшихъ заложниками сыновей Генриха Льва, Генрихъ, убѣжалъ въ Италію изъ подъ императорской стражи; повидимому, къ нему примкнули нѣкоторые изъ саксонскихъ князей; старые очаги движеній противъ императоровъ, нижній Рейнъ и Саксонія, снова подавали другъ другу руки, чтобы, какъ и прежде, бороться противъ южногерманскихъ, стремящихся завладѣть Италіей, императоровъ. Только неслыханное счастье спасло императора отъ такой опасности. Король Ричардъ Львиное Сердце на своемъ возвратномъ пути съ крестоваго похода въ Святую землю былъ принесенъ вѣтрами къ берегу Далмаціи. Вхатъ оттуда моремъ зимою 1192—1193 года показалось ему очень опаснымъ, такъ какъ онъ легко могъ быть выброшенъ на берега Франціи и попасть въ руки короля Филиппа, самаго непримиримаго изъ его враговъ. Потому онъ рѣшился переодѣтымъ пробраться въ сѣверную Германію, къ Генриху Льву и съ его помощью уѣхать въ Англію. Но этотъ авантюристскій планъ не удался; 21 декабря 1192 года Ричардъ былъ узнанъ около Вѣны и посаженъ своимъ смертельнымъ врагомъ, герцогомъ Леопольдомъ австрійскимъ, въ бургъ Дюренштейнъ на Дунаѣ.

Императоръ Генрихъ немедленно воспользовался этимъ случаемъ. Онъ захватилъ Ричарда и мастерски воспользовался имъ противъ заговора нижнерейнскихъ и саксонскихъ князей, угрожая съ одной стороны выдать Ричарда королю Франціи, Филиппу и такимъ образомъ подвергнуть нижнерейнскихъ мятежниковъ всѣмъ опасностямъ борьбы противъ соединенныхъ силъ Филиппа и имперіи, а съ другой добиваясь чрезъ Ричарда дружественныхъ отношеній съ вельфами. Такимъ образомъ ему путемъ одной дипломатіи удалось разъединить оба центра сопротивленія, южный Рейнъ и Саксонію, и, разъединивъ, снова подчинить ихъ имперіи.

Изъ переговоровъ съ Ричардомъ Генрихъ сумѣлъ извлечь одинъ вѣскій результатъ, имѣющій міровое значеніе. Ричардъ 2 февраля 1194 былъ, наконецъ, въ торжественномъ собраніи имперіи въ Майнцѣ отпущенъ, императоръ заставилъ его, указавъ ему на враждебное отношеніе Франціи, кромѣ прежняго обѣщанія уплатить выкупъ въ

10,000 марокъ, признать себя вассаломъ императора за свое англійское королевство — среди нѣмецкихъ замѣшательствъ послѣднихъ лѣтъ ярко выступала идея о міровой имперіи.

Теперь Генрихъ былъ въ состояніи снова перенести эту идею въ Италію, въ Сицилію, къ этой старой цѣли желаній всѣхъ императоровъ. Выкупъ Ричарда давалъ ему денежные средства; въ Германіи на Рейнѣ господствовало спокойствіе, Саксонскіе Вельфы окончательно примирились съ императоромъ, молодой Генрихъ Брауншвейгскій, сынъ Льва, приготовился отправиться съ императоромъ на югъ, а старый Левъ умеръ черезъ годъ послѣ торжественнаго примиренія съ нимъ въ Брауншвейгѣ, 6 августа 1195 года.

Походъ императора въ Италію былъ приготовленъ самымъ наилучшимъ образомъ. Генрихъ занялъ открыто враждебное положеніе противъ куріи, политики которой хотѣла во что бы то ни стало воспрепятствовать завоеванію Штауфенами Сициліи; возбудивъ другъ противъ друга союзы городовъ верхней Италиі, онъ создалъ этимъ положеніе мирнаго равновѣсія, не позволявшаго потомъ создать здѣсь старой противной императору партіи. Таково было положеніе дѣлъ, когда умерли одинъ за другимъ Рожеръ, сынъ Танкреда, и самъ Танкредъ. (Танкредъ 2 февраля 1194 г.) Сыну Танкреду Вильгельму, единственной отрасли королевскаго дома, было всего три года: королевство досталось Штауфенамъ.

Императоръ Генрихъ лѣтомъ 1194 г. прошелъ всю Италію, разрушилъ Салерно и завоевалъ Апулію, Генрихъ Кальденъ, разбилъ Сицилійцевъ при Катаніи и взялъ приступомъ Сиракузы. 20 ноябрю императоръ вступилъ въ замѣчательный дворецъ норманскихъ королей въ Палермо. Страна и династія, осмѣлившіяся сопротивляться императору, послѣ нѣкоторыхъ сначала оказанныхъ милостей, подверглись ужасному наказанію. Ослѣпляли, сажали на колъ, жгли, погребали живыми епископовъ, графовъ и бароновъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ увозили ихъ въ Германію и сажали въ императорскіе бургы; самого юнаго короля Вильгельма ослѣпили и увезли въ Гогенемсъ, а королеву Сибиллу въ Гогенбургъ въ Эльзасѣ. Генрихъ держалъ себя въ Сициліи какъ деспотъ — и его супруга послѣ девятилѣтняго бесплоднаго брака родила ему 26 сентября 1194 года сына, будущаго императора Фридриха II.

Генрихъ находился теперь на высотѣ могущества и счастья. Онъ освободился отъ отяготительной поддержки нѣмецкихъ князей, безъ которой ни на минуту не могъ обойтись его отецъ; не обращая вниманія на безсильнаго папу, онъ распоряжался судьбой своихъ государствъ. Въ лицѣ министріаловъ имперіи, для которыхъ теперь настало золотое время, онъ имѣлъ вѣрныхъ и всегда готовыхъ исполнять его распоряженія исполнителей его воли. Регентшей Сициліи онъ назначилъ свою супругу; рядомъ съ ней въ качествѣ намѣстника былъ

поставленъ имперскій министеріаль Конрадъ Урслингенъ, герцогъ Сполетскій. Въ средней Итали императоръ самовластно управлялъ патримоніей Св. Петра и имуществами Матильды, въ Римѣ онъ посадилъ императорскаго префекта города вопреки положительному отказу Фридриха I отъ этого права по Венеціанскому миру; брату своему Филиппу онъ отдалъ Тусцію и наслѣдіе Матильды. Имперскій служащій Марквардъ Анвейлеръ былъ назначенъ намѣстникомъ марки Апеннины, Романьи и Равенны, министеріаль Конрадъ Люцельгардъ сдѣланъ графомъ Молизе. Въ верхней Итали императоръ снова возбудилъ старое соперничество между Генуей и Пизой, и противопоставилъ союзу ломбардскихъ городовъ союзъ имперскихъ городовъ и маркграфовъ монфератскихъ—въ странѣ господствовало полное спокойствіе.

Императоръ вступилъ снова на нѣмецкую землю какъ властелинъ Итали и куріи какъ разъ въ то время, когда умеръ старый Генрихъ Левъ. Онъ привезъ домой замѣчательный планъ. Сдѣлавшись теперь императоромъ и государемъ Сициліи, полный одной мыслью о западной міровой имперіи, онъ для осуществленія этой мысли не могъ обойтись безъ Германіи; но соединить Германію съ Сициліей прочными узами была возможно только въ томъ случаѣ, еслибы первая изъ этихъ странъ сдѣлалась наслѣдственнымъ достояніемъ его дома. Онъ началъ переговоры съ князьями о томъ, чтобы прежнее избирательное нѣмецкое королевство замѣнить наслѣдственнымъ королевствомъ Штауфеновъ. Новой монархіи онъ приносилъ цѣнный подарокъ, Сицилію; свѣтскіе и духовные князья получили бы огромныя выгоды: уничтоженіе права конфискаціи, наслѣдственность леновъ по боковой и по женской линіямъ. Такія уступки сдѣлала во Франціи королевская власть своимъ вассаламъ и онѣ не помѣшали созданію сильной монархіи.

Въ апрѣлѣ 1194 года многіе князья были привлечены императоромъ на сторону его плановъ или устранены имъ, такъ что Генрихъ имѣлъ возможность открыто высказать свои намѣренія на рейхстагѣ въ Вюрцбургѣ; двадцать пять князей, обыкновенно избиравшихъ короля, должны были согласиться на его планы. Но въ Саксоніи и на нижнемъ Рейнѣ, на пограничныхъ земляхъ владѣчества Штауфеновъ, эти планы встрѣтили сопротивленіе; у Генриха были очень важныя дѣла въ Итали и медлить было для него невозможнымъ, ему пришлось удовольствоваться единогласнымъ избраніемъ въ короли его двухлѣтняго сына Фридриха, что практически на время казалось было равнозначительно созданію наслѣдственной королевской власти.

Еще до этаго избранія Генрихъ снова былъ въ Итали. Онъ составилъ планъ крестоваго похода для уничтоженія духовной власти папы и для того, чтобы ясно выразить идею о всемірной свѣтской власти западной имперіи. Онъ отправлялъ на своихъ корабляхъ цѣлыя толпы пилигримовъ изъ Апуліи въ Палестину, а самъ изъ Итали дѣ-

лалъ дипломатическіе приготовленія для своего личнаго появленія на востокѣ. Онъ потребовалъ дани отъ арабскихъ государей сѣверо-африканскихъ береговъ и отдалъ королю Амальриху Кипрскому, Боэмунду Антиохійскому, Льву армянскому ихъ государства какъ имперскіе лены; Въ Византію онъ отправилъ Генриха Кальдена съ требованіемъ отдать ему всю страну къ югу отъ Эпидавра и Тессалоники, какъ наслѣдіе нормановъ. Императоръ Алексѣй заплатилъ ему дань изъ сокровищъ церквей и императорскихъ гробницъ. Таковы были послѣднія приготовленія къ походу; лѣтомъ 1197 года въ Апуліи къ крестовому походу были уже готовы 10,000 воиновъ, въ сентябрѣ флотъ вышелъ въ море, съ каждымъ часомъ ждали отплытія императора.

Но Генрихъ 2 сентября 1197 года скончался въ Мессинѣ.

Глубокая горестъ охватила всѣхъ при этомъ извѣстіи. Генрихъ возстановилъ равновѣсіе между князьями, освободилъ отъ узъ общественныя силы средняго сословія, и еще болѣе, чѣмъ Фридрихъ, сдѣлалъ нѣмцевъ политически первенствующей націей запада; нѣмцы съ гордостью смотрѣли на безсиліе романскихъ націй. Германіи, казалось, предстояла великая будущность, она стремилась къ великой цѣли—и вдругъ у ней былъ отнятъ судьбой ведущій ее къ этой цѣли государь.

Мы понимаемъ трогательный плачъ современниковъ, бывшій тѣмъ болѣе горькимъ, что слѣдующимъ поколѣніямъ пришлось сдѣлаться свидѣтелями политическаго упадка Германіи. Но если мы посмотримъ на дѣло съ національной современной точки зрѣнія, то мы съ радостью должны отмѣтить этотъ внезапный перерывъ міровой политики Штауфеновъ. Уже Фридриху I, постоянно занятому его итальянскими планами, не удалось добиться упроченія его власти въ Германіи, что было бы возможно и дать вѣроятно, если бы тѣ попытки, которыя онъ дѣлалъ, при своемъ возвращеніи на родину, были болѣе постоянными; при дальнѣйшемъ же безпрепятственномъ развитіи политики Генриха нѣмецкая нація сдѣлалась бы рабой итальянской монархіи. Национальное значеніе Генриха состоитъ не въ его міровой политикѣ, а во второстепенныхъ вліяніяхъ этой политики, въ той гордости, которую еще и въ настоящее время она возбуждаетъ въ насъ, въ томъ, что она сохранила на вѣки свое мѣсто въ памяти націи, въ томъ направленіи, которое она дала жизни конца 12 вѣка, вѣка процвѣтающаго рыцарства и значительнаго умственнаго прогресса.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитіе и сущность рыцарскаго общества.

I.

Во время царствованія первыхъ Штауфеновъ столкновенія и задачи политическоя жизни эпохи Салійскихъ императоровъ были давно забыты. Теперь никому уже не было дѣла до отношеній между имперіей и папствомъ въ той формѣ, въ какой этотъ вопросъ представлялся шести поколѣніямъ императорской эпохи. Западно-христіанское міровоззрѣніе и благочестіе 10 вѣка, первыя реформы при Григоріи VII и новое мистическое благочестіе Бернарда Клервосскаго вызвали въ первой половинѣ 12 вѣка борьбу между церковью и государствомъ. Но теперь Германія утомилась этой борьбой; благодаря царствованію двухъ энергичныхъ и могущественныхъ государей національное мышленіе было направлено на мірскія задачи; только въ одной Италіи новое развитіе религіозной жизни должно было повести къ послѣдней и высшей ступени средневѣковаго благочестія, воплотившагося въ орденахъ нищенствующихъ монаховъ 13 вѣка, хотя у наиболѣе блестящихъ представителей этой формы благочестія, у св. Францииска Ассизскаго и его наслѣдниковъ благочестіе выходило уже за предѣлы средневѣковыхъ настроеній и вступило на путь откровенія личности, вступило уже въ сферу гуманистическаго возрожденія.

Въ нѣмецкой исторіи второй половины 12 вѣка и въ позднѣйшее время церковно-политическая борьба прошлаго отразилась только своимъ великимъ и непосредственнымъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ.

Но и крестовые походы получили другой характеръ. Фридрихъ I и Генрихъ VI въ своихъ предпріятіяхъ на востокъ преслѣдовали совсѣмъ не церковныя цѣли; для нихъ опредѣляющимъ моментомъ ихъ дѣйствій было стремленіе къ міровому владычеству, а не благочестивое желаніе овладѣть Святымъ Гробомъ. Два послѣдніе крестовые

похода скорѣе всего можно признать энергическимъ наступательнымъ движеніемъ противъ Ислама; и если бы ихъ не было, то серпъ луны гораздо раньше засіялъ бы на башняхъ храма св. Софіи; въ Палестинѣ нападали изъ за того, что были въ послѣдствіи вынуждены защищать подѣстѣнами Вѣны.

Какъ бы то ни было, но крестовые походы постепенно утратили свое религіозное вліяніе. Если вначалѣ они были самыми сильными возбуждателями аскетическаго благочестія, то позже они всего болѣе способствовали расширенію умственнаго горизонта народовъ Запада. На Востокъ ходили не только при большихъ крестовыхъ походахъ; тысячи путешественниковъ приходили въ земли Азіи, какъ пилигримы. Уже раньше крестовыхъ походовъ такія путешествія быстро увеличивались по своему количеству ¹⁾, и въ 12 и 13 вѣковъ они сдѣлались безчисленными. Благодаря имъ руководящіе классы нашей націи впервые получили широкіе взгляды на вселенную, они впервые замѣнили свои узкія знанія широкимъ, охватывающимъ знаніемъ, широкимъ міровоззрѣніемъ; не даромъ слово «*Rescke*» въ старомъ верхне-германскомъ языкѣ означало «воинъ-изгнанникъ», которому плохо приходилось внѣ его родины, и на средне-верхне-германскомъ языкѣ оно, напротивъ, означало «герой-чужестранецъ», который наслаждается всѣми удовольствіями бродячей жизни ²⁾.

Прежде всего эти новыя опыты крестовыхъ походовъ вліяли на религіозную сферу. До сихъ поръ римская церковь представлялась народамъ запада единственной, и внѣ ея не была мыслима никакая другая; еще Гросвита не отличала магометанъ отъ язычниковъ, и говорила объ нихъ какъ объ атеистахъ, совершенно также, какъ говорилось въ раннихъ пѣсняхъ о Карлѣ Великомъ объ испанскихъ сарацинахъ; а теперь должны были въ греческой церкви признать родную сестру римской, а также начали представлять себѣ религіозныя воззрѣнія и учрежденія магометанъ по образцу христіанскихъ ³⁾; и родная церковь не казалась уже людямъ едино-господствующимъ религіознымъ учрежденіемъ, охватывающимъ всю жизнь человѣка.

Такое умственное настроеніе должно было способствовать эмансипаціи національнаго мышленія отъ узъ религіознаго міросозерцанія, при чемъ націи одновременно съ этимъ благодаря своему экономическому и соціальному развитію начинаютъ дѣлаться едиными и отдѣленными одно отъ другаго тѣлами; не даромъ въ это время Валь-

---

1) Въ 8-мъ вѣкѣ извѣстно о шести такихъ путешествій, въ 9-мъ о двѣнадцати, въ 10-мъ о шестнадцати, а въ 11 вѣкѣ о 117. Ср. Röhricht въ *Raumers-Taschenbuch* V.

2) Также и готское слово *lais* указываетъ на значеніе: переселяться, странствовать; срав. *Geleise*.

3) Ср. напр. Вольфрама Эшенбаха: „Парсивиль“ 1,368: *se Baldac nement se ir babestrecht*.

теръ фонъ деръ Фогельвейде поетъ нашу первую національную пѣснь; не даромъ уже раньше этого времени патріотическая драма говоритъ о концѣ Римской Имперіи и о появленіи антихриста.

Такое направленіе приводило умы людей къ отчужденію отъ чисто-церковнаго; до сихъ поръ христіанство и церковь были вполне тождественны, христіанское мышленіе совпадало съ церковнымъ. Отчужденіе же отъ церковнаго вело къ разрыву съ единственнымъ, признаваемымъ всѣми авторитетомъ; революціонное мышленіе запада направилось противъ церкви раньше, чѣмъ противъ государства.

Являлась опасность, что отчужденіе отъ церкви поведетъ къ духовной гибели и къ нравственному упадку. Эту опасность люди 12 и 13 вѣковъ обозначали страннымъ для нихъ словомъ «zwivels» (сомнѣніе)¹⁾. Если это сомнѣніе появлялось у легкомысленныхъ людей, то оно вело къ дешевой ироніи надъ христіанскими учрежденіями и христіанскимъ мышленіемъ²⁾. Наоборотъ болѣе серьезныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичныхъ людей оно вело къ ереси, къ личному истолкованію христіанскаго мышленія. Они всегда начинали съ оппозиціи противъ римской іерархіи; соотвѣтственно ихъ враждебному церкви настроенію ихъ идеаломъ являлась народная церковь «чистыхъ», но они нерѣдко также выходили за предѣлы существующей догматики—явленіе, во время борьбы за инвеституру почти совершенное неизвѣстное въ Германіи. Такое явленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда представителями этаго настроенія были значительные, безстрашные люди, было для церкви тѣмъ опаснѣе, что въ то время еще никто не думалъ объ ограниченіяхъ свободы слова. Потому то новое духовное настроеніе выражалось въ совершенно безпрепятственной пропагандѣ; казалось, то начинается духовное блужденіе, полное отреченіе умовъ отъ узъ стараго типическаго благочестія, такъ что церковь въ первыя десятилѣтія 13 вѣка должна была вмѣшаться въ дѣло, воспротививъ свободное заявленіе мнѣній³⁾ и введя суды надъ еретиками.

Но подобными мѣрами нельзя было предотвратить того, что уже вполне совершилось въ царствованіи Фридриха I—а именно нельзя было предотвратить секуляризаціи умственной жизни руководящихъ классовъ общества; тутъ Froi Welt (міръ) окончательно побѣдилъ Ecclesia (церковь). Правда, дѣла внѣшняго благочестія продолжали увеличиваться, въ Баваріи въ 11 вѣкѣ было построено 24 новыхъ или старыхъ возобновленныхъ монастырей, а въ первой четверти 12 вѣка 57 монастырей; въ восточной Швабіи въ 11 вѣкѣ было построено 13, а въ 12-мъ 40 монастырей⁴⁾. Но такія внѣшнія дѣла

1) Вольфрамъ. Ср. также Berhtolt 1., 40, 20.

2) Ср. Gottfrieds Tristan 15737, 15747.

3) Ср. напр. stat. synod Trevir. 1227. Blattaun, 1

4) Ср. Инама—Wirtschaftsgeschich. 2, 132.

благочестія не могли обманывать никого относительно измененія религиозныхъ мнѣній дворянства. Въ этой средѣ теперь господствовали гуманныя возрѣнія и Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ осмѣливается въ своемъ «Персивалѣ» нарисовать картину церковной общины безъ папы и іерархіи; по его мнѣнію язычники могутъ быть спасены и это убѣжденіе выражается въ изрѣченіи:

Kristen Iuden Heiden
Sint ze Akers ungescheiden.

(Христіане, евреи и язычники — всѣ равны на кладбищѣ).

Для образованныхъ людей того времени нравственное значеніе человека выше формально-религіознаго — и уже въ концѣ 13 и началѣ 14 вѣковъ смѣлый политическій мыслитель выводитъ заключеніе, что и во внѣшней жизни на основаніи естественнаго и народнаго права евреи и язычники такіе же подданные христіанскаго императора, какъ и христіане ¹⁾.

Изъ этаго не слѣдуетъ, однако, чтобы руководящіе классы общества сдѣлались свободомыслящими. Они сохранили свое благочестіе, но это благочестіе не составляло уже всеохватывающей и основной идеи, оно не основывалось, какъ прежде, на страстномъ воспріятіи христіанскихъ нравственныхъ заповѣдей и вѣрованій, на безусловномъ, самоотверженномъ подчиненіи всѣмъ требованіямъ церкви. Благочестіе стало болѣе внутреннимъ, оно сдѣлалось не церковнымъ, а религиознымъ; оно отлично уживалось съ внѣшней роскошью и съ блестящей жизнью процвѣтающаго рыцарства. Оно утратило свой характеръ отреченія отъ міра и сдѣлалось жизнерадостнымъ: *naeme ich die Wal* — говоритъ братъ Берггольтъ — *das ich ein guot mensche waere und des himelriches sicher waere, so waere mir dise zit hie uf ertriche lieber zu leben, danne ze himelriche* (если бы выборъ былъ предоставленъ мнѣ, чтобы сдѣлаться хорошимъ человекомъ и попасть въ рай, то я предпочелъ бы лучше пожить на землѣ, чѣмъ въ раю). Если великій проповѣдникъ конца этаго періода высказываетъ подобныя мысли, то понятно само собой, что рыцарскій идеалъ блестящей эпохи Штауфеновъ не могъ быть инымъ, какъ христіански-понимаемымъ земнымъ и трансцендентальнымъ евдемонизмомъ; такъ и понималъ его Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ:

„Отъ неба требуетъ онъ прекраснѣйшихъ звѣздъ
А отъ земли высочайшихъ наслажденій“ ²⁾.

Съ такимъ міросозерцаніемъ тѣмъ легче должна была соединяться идея фатализма, вообще свойственная всякому воинскому сословію, а стало быть и рыцарству, что эта идея вполне соотвѣтствовала на-

1) Енгельбертъ Адмонтъ; ср. Kiezler: Widersacher. 167.

2) Ср. Ftitzsch: Wolfram von Eschenbachs Religiosität. Diss. Lips. 1892.

ціональному характеру и не противорѣчила детерминизму церковнаго ученія. И дѣйствительно, эта идея рядомъ съ евдемонизмомъ составляла основаніе рыцарскихъ воззрѣній ¹⁾; поговорка: *Got hat den gewalt, der mensch den wan* (у Бога власть, а у человѣка обманчивая мечта) была чисто рыцарской; и слово «*feige*» въ устахъ рыцаря сохраняло свое первобытно-германское значеніе: «въ силу неизбежной судьбы подлежащей смерти». Евдемонистическое и вмѣстѣ съ тѣмъ фаталистическое настроеніе ставило свободомыслящихъ людей конца 12 вѣка въ особое полуюмористическое отношеніе къ высшей власти, и въ особенности къ Богу. Становились съ ними въ нѣкотораго рода товарищескія отношенія; пытались устроить свои отношенія къ нимъ, какъ къ людямъ, только болѣе высокопоставленнымъ; такъ, напр. о Богѣ говорили, какъ о небесномъ императорѣ, «*himelkeiser*» ²⁾, или представляли его себѣ, какъ милостиваго феодальнаго властелина. Такимъ же образомъ смотрѣли и на святыхъ, и въ особенности на Дѣву Марію, и не всегда удавалось избѣжать полнаго превращенія такого круга идей въ формы чисто человѣческія, и даже черезъ чуръ человѣческія. Даже самому Богу дѣлались чисто прометеевскіе упреки, хотя и выраженные въ болѣе мягкой и любящей формѣ; такъ, напр., во второй книгѣ, приписываемой Гартману фонъ Аюе (*von Aue*) говорится:

Ob nu got nach dirre klage
und nach disem unmuote
mit deheinem guote
immer wil getroesten mich
deswar so sumet er sich
lat er mich truren in der jugent ³⁾

(Если Богъ выслушаетъ мою жалобу и неожиданнымъ даромъ утѣшить скорбь мою, то по истинѣ скажу такъ: пусть пошлетъ Онъ мнѣ эту скорбь въ юности).

Какъ же относилось теперь духовенство къ такой побѣдѣ свѣтскихъ идей надъ церковью? До сихъ поръ оно принадлежало къ руководящимъ классамъ общества, оно было даже самымъ высшимъ изъ нихъ. Произошло ли подобное же умственное измѣненіе и въ его средѣ?

Если мы сравнимъ такія фигуры, какъ св. Аннонъ во время царствованія Генриха IV и великій канцлеръ Рейнальдъ при Штауфенахъ, то для насъ будетъ несомнѣннымъ, что произошло необычайное измѣненіе (они оба были архіепископами кельнскими). Въ 11 вѣкѣ епископы были пастырями душъ и потому въ борьбѣ за инвеституру они по большей части стояли на сторонѣ папы; а въ 12 вѣкѣ они были духовными князьями и въ большинствѣ случаевъ были свѣтскими людьми и приверженцами императора. Вормскій конкордатъ опре-

¹⁾ Ср. напр. Hartmanns Erec. 5984.

²⁾ Erec. 132. Gute Frau 424.

³⁾ Ср. Gottfrieds Tristan 6785.

дѣлилъ ихъ положеніе въ ленной системѣ свѣтскихъ князей; они не менѣе, а даже болѣе, чѣмъ эти князья, руководили битвами и переговорами Фридриха I. Окруженные процвѣтающимъ сословіемъ церковныхъ служителей, богатые доходами съ помѣстій, не менѣе, чѣмъ во времена Оттона Великаго, занятые имперскими дѣлами, они слѣдвались опорой монархіи и по своей дѣятельности и вліянію людьми равными свѣтскимъ князьямъ. Такое положеніе высшаго духовенства повліяло и на низшее. Оно тоже получило извѣстное положеніе въ новомъ рыцарскомъ обществѣ; это было очевидно уже во время божія мира 1156 года ¹⁾, когда были ограничены исключительные права духовныхъ на защиту мира; рыцарство вполне равными себѣ признаетъ низшихъ духовныхъ лицъ уже въ концѣ 12 и въ началѣ 13 вѣковъ, когда Гартманнъ фонъ Ауе называетъ ихъ *die herren, die das ambet hant, das si die gotes e begant* ²⁾ (Тѣ люди, въ рукахъ которыхъ дѣлать добро).

Около этого времени низшее духовенство вполне входитъ въ сферу новыхъ общественныхъ и духовныхъ элементовъ свѣтской аристократіи. Оно присутствуетъ при турнирахъ; оно живетъ столь же роскошно, какъ и рыцарство; высшіе его представители принимаютъ въ качествѣ меценатовъ участіе въ развитіи національной поэзіи. У аббатавъ Сенъ Галлена былъ цѣлый хоръ монастырскихъ служекъ, распѣвавшій любовныя пѣсенки, а одинъ изъ аббатовъ даже самъ сочинялъ застольныя пѣсни; патріархъ Вольфгеръ Аквилейскій, бывшій епископъ пассаусскій, былъ покровителемъ Вальтера Фогельвейде; онъ, государственный челоуѣкъ и воинъ, довѣренное лицо какъ папѣ, такъ и императора, проводилъ дни своихъ досуговъ окруженный поэтами и художниками, расточалъ свои милости и нѣмецкимъ бродячимъ музыкантамъ и итальянскимъ пѣвицамъ, и даже бродячимъ попамъ, этимъ заблудшимъ сынамъ іерархіи, этимъ свободнымъ пѣвцамъ-полуязычникамъ.

Удивительно ли, что при подобномъ смѣшеніи съ новымъ образомъ жизни свѣтскихъ людей духовное развитіе духовенства получило рыцарскій характеръ? Принятіе латинскихъ словъ въ нѣмецкую рѣчь при посредствѣ духовенства продолжалось и въ 12 и въ 13 вѣкахъ— это было признакомъ еще живого вліянія спеціально церковнаго образованія. Но новая литература была уже рыцарской, свѣтской даже тогда, когда ея представителями являлись духовные. Около 1190 года тюрингенскій капелланъ Вернгеръ Ельмендорфъ излагаетъ въ стихотворной формѣ ученіе о добродѣтели, отличающееся совершенно свѣтскимъ характеромъ, а Томазинъ Цирклеръ, авторъ знаменитаго зерцала добродѣтели рыцарства, извѣстнаго подъ именемъ «*Welscher Gast*»,

¹⁾ LL. 2, 101 § 4.

²⁾ Egес. 6335.

былъ соборнымъ каноникомъ въ Аквилеѣ. Легендарная литература 13 вѣка тоже имѣла придворный характеръ; авторы легендъ почти всѣ находились подъ вліяніемъ Гартманна фонъ Ауе. Кромѣ того духовенство очень рано приняло участіе въ созданіи литературы франко-германскихъ любовныхъ романовъ; собственно говоря, оно ввело эту литературу въ Германію; чисто-свѣтскій характеръ этихъ произведеній нисколько не смущалъ его; Ульрихъ Зацковенъ, авторъ «Ланселота» съ его похотливыми и пошлыми женскими характерами, былъ по всей вѣроятности духовнымъ лицомъ ¹⁾).

Такимъ образомъ образованіе духовенства сдѣлалось свѣтскимъ, что впервые сдѣлало возможнымъ національное воздѣлываніе многихъ изъ важныхъ отраслей умственной жизни. Такова именно была сфера правообразованія. До 13 вѣка латинскій языкъ былъ юридическимъ языкомъ, міровымъ языкомъ церкви, а теперь онъ замѣняется нѣмецкимъ; «саксонское зеркало», первоначально написанное на латинскомъ языкѣ, распространяется по всей странѣ въ нѣмецкомъ переводѣ; вновь учрежденное въ 1235 году высшее имперское судилище замѣщается свѣтскими людьми; имперскій миръ того же года становится доступнымъ всѣмъ, такъ какъ онъ изложенъ оффиціально на нѣмецкомъ языкѣ. Развитие, начавшееся такими скромными фактами, было почти безпредѣльнымъ; съ этого времени становится возможнымъ созданіе единого правового сознанія всей націи, отличнаго отъ особенныхъ правъ племенъ; становится возможнымъ и появленіе общаго литературнаго языка, выдѣляющагося изъ сильно развѣтвившейся системы мѣстныхъ нарѣчій.

Возможно ли было, чтобы это новое умственное развитіе, бывшее результатомъ взаимодѣйствія жизненныхъ направленій духовенства, сдѣлавшагося свѣтскимъ сословіемъ, и свѣтскаго дворянства, осталось исключительнымъ достояніемъ этихъ двухъ сословій? Конечно, нѣтъ. Оно должно было охватить всѣ стремящіяся къ верху классы націи. Оно распространилось среди выдающихся гражданъ городовъ, среди крупнаго купечества, взявшаго на себя защиту своего родного, окруженнаго стѣнами города; такіе горожане жили по рыцарски, они нерѣдко искали родства посредствомъ браковъ съ дворянскими родами провинцій; изъ ихъ среды вышелъ Готфридъ Страсбургскій, сладострастный пѣвецъ придворной любовной иѣсни.

Такимъ образомъ создалось, хотя и не вполне равномерное, но въ существенныхъ своихъ чертахъ послѣдовательное, первое истинно національное свѣтское образованіе; впервые высшія сословія, начинавшія выдѣляться среди общественнаго броженія и общественнаго раздѣленія на отдѣльные слои, собрались во едино подъ знаменемъ общаго высшаго образованія. Такимъ образомъ было положено начало

¹⁾ Vogt im Pauls Grundriss I, 1, 275.

общему сознанию и одинаковому направленію мышленія всѣхъ, принадлежавшихъ къ народу; крестьянинъ оставался отсталымъ отъ этаго движенія съ своими устарѣлыми формами умственной культуры; потому то его жизнь, какъ чуждая рыцарскимъ слоямъ народа, могла изображаться въ поэтической формѣ и иногда прославлялась, а иногда, напротивъ, изображалась сатирически.

Но значило ли это, что умственное духовное единство націи было разрушено? Такое представленіе было бы чисто механическимъ. Даже единство личнаго, индивидуальнаго сознанія основывается только на нашемъ человѣческомъ представленіи. На самомъ же дѣлѣ существуетъ только множественность отдѣльныхъ психическихъ явленій, происходящихъ внутри индивидуума по большей части путемъ контрастовъ; и чѣмъ эти явленія разнообразнѣе, чѣмъ съ большей ясностью и энергіей они слѣдуютъ одно за другимъ, тѣмъ богаче представляется намъ духовное содержаніе личности. Связующее же эти явленія единство сознанія есть только результатъ заключенія человѣческаго мышленія. Тоже замѣчается и въ социальномъ организмѣ. Въ немъ мы тоже имѣемъ дѣло съ рядомъ принципиально другъ отъ друга независимыхъ явленій и въ немъ также богатство тѣмъ больше, культура тѣмъ выше, чѣмъ больше разнообразія и измѣненій; но и въ немъ также надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ явленій, надъ всѣми этими измѣненіями стоитъ непрерывно развивающееся сознаніе національнаго единства, непрерывно осуществляющагося движенія.

II.

Если и можно говорить о высшемъ обществѣ въ эпоху Штауфеновъ, какъ состоящемъ изъ поземельнаго дворянства и крупнаго бюргерства, изъ рыцарства и духовенства, то не слѣдуетъ забывать, что существеннымъ, постояннымъ основаніемъ этого общества было развитіе рыцарства. Рыцарство же прежде, чѣмъ оно получило общественное и умственное вліяніе, должно было пройти цѣлый рядъ ступеней развитія.

Такъ какъ вслѣдствіе общественныхъ и политическихъ измѣненій существованіе древне-германскаго народнаго войска было уже невозможнымъ, то главное мѣсто въ воинскомъ строѣ заняли землевладельческіе классы, крупные помѣщики; они ставили изъ своихъ крестьянъ пѣхотинцевъ и всадниковъ, причемъ главнымъ контингентомъ, находившимся подъ ихъ предводительствомъ, была конница. При полномъ упадкѣ стараго воинскаго строя во второй половинѣ 11 вѣка военныя силы націи состояли преимущественно изъ такихъ обязанныхъ нести феодальныя военныя повинности людей; помѣщики являлись теперь благородными и рыцарями, они выдѣлились какъ особый классъ, какъ *ordo equestris* (всадники).

Но въ это время общественное движеніе среди класса помѣщиковъ давно уже повело къ различію несвободной и крѣпостной службы и группа людей, обязанныхъ во время мира и войны нести службу, какъ всадники, выдѣлялась, какъ высшее сословіе служащихъ. Это сословіе уже въ 1134 году отчасти присоединялось, а отчасти противопоставлялось сословію помѣщиковъ, какъ *ordo equestris minor* ¹⁾.

Въ слѣдующія десятилѣтія оно получило новое развитіе. Его служебныя отношенія къ помѣщикамъ совершенно измѣнились въ отношенія вассальства, служебное имущество превратилось въ ленное, не рѣдко даже воспоминаніе о вассальной связи совершенно исчезло и министріаль былъ свободнымъ человѣкомъ, сидящимъ на вольной землѣ, мелкимъ помѣщикомъ. Это до значительной степени обуславливалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что благодаря все болѣе увеличивающемуся значенію сословія къ нему часто присоединялись свободные люди—такъ что при императорѣ Фридрихѣ I такое присоединеніе къ этому сословію было закрыто для крестьянъ и оставалось свободнымъ только для бюргеровъ.

При такомъ возвышеніи сословія конныхъ министріаловъ оно все болѣе и болѣе сливалось съ болѣе древней группой конныхъ дворянъ; въ 1134 году еще различали *ordo equestris major* и *ordo equestris minor*; а во время имперскаго мира 1156 года рыцарскій классъ появляется, какъ единый, и прежнее правовое различеніе между свободнымъ и рабомъ (*liber* и *servus*) замѣнено въ текстѣ имперскаго мира различіемъ между воиномъ и крестьяниномъ (*miles* и *rusticus*). Къ концу царствованія Фридриха I уже было несомнѣннымъ, что дворянское и служилое сословіе, какъ рыцари слились въ одно сословіе и только случайно какъ архаическое воспоминаніе появляется иногда прежнее отличіе ²⁾. Въ нѣкоторыхъ странахъ имперіи, какъ, на примѣръ, въ Австріи, среди рыцарскаго служилаго сословія появляется даже новое сословіе несвободныхъ рыцарей; это сословіе доставляло наемныхъ всадниковъ войскамъ Генриха VI, и еще болѣе королю Филиппу и Оттону и объ одномъ изъ его представителей Вольфрамъ рассказываетъ, что

Er bot sin dienest umbe guet
als nach vil dicke ein riter tuot ³⁾.

члены сословія, какъ наемники, не пользовались общественнымъ уваженіемъ.

Въ началѣ 13 вѣка рыцарское сословіе, состоявшее изъ министріаловъ и дворянъ, достигло полнаго развитія. Рыцарская про-

¹⁾ Böhmer-Acta imp. sel. 74 № 80.

²⁾ Такъ на примѣръ въ „бѣдномъ Генрихѣ“ Гартмана, въ которомъ отражается переживаніе представленій о прежнемъ общественномъ разслоеніи.

³⁾ „Парсиваль“ 1, 491. Ср. IV, 932; IV, 783.

Фессія регулировалась воспитаніемъ и профессиональной дѣятельностью оруженосца и рыцаря, установился принципъ равноправія по отношенію къ судебнымъ поединкамъ, военнымъ играмъ и турнирамъ, къ принятію въ монашескіе ордена и къ праву на высшіе церковные приходы; рыцаремъ могъ сдѣлаться только тотъ, кто по происхожденію могъ быть оруженосцемъ; рыцарская профессія сдѣлалась сословнымъ призваніемъ со всѣми признаками оригинальнаго расчлененія общества въ эпоху Штауфеновъ.

Но гораздо раньше, чѣмъ наступило такое окончательное развитіе, бывшее отчасти уже окаменѣніемъ этой общественной формации, рыцарство обладало высокими сословными идеалами, сила которыхъ давала имъ извѣстное умственное и духовное бытіе и создало первое истинное общество въ Германіи.

Для такого развитія имѣлись уже нѣкоторые зачатки въ прежнемъ общественномъ положеніи рыцарей. Они всегда были господами родной земли, на ней они охотились и ловили рыбу, на ней они защищали своихъ домочадцевъ и свое семейство, они крѣпко держали землю въ своихъ рукахъ; hochvart, благородство и внѣшній блескъ были цѣлью всѣхъ ихъ желаній; такія понятія, какъ скромность и простота, милосердіе и добросовѣстность были чужды имъ; даже слова, выражающія эти понятія, были введены только церковью.

Во время крестовыхъ походовъ, въ особенности со времени второго крестоваго похода, въ которомъ участвовали нѣмцы, военная профессія сдѣлалась почетной. До этого времени нѣмецкіе рыцари въ битвѣ иногда слѣшивались и дрались, какъ и ихъ отцы, пѣшими. Теперь умѣнье владѣть рыцарскимъ оружіемъ увеличилось; непрерывные походы Фридриха I и Генриха VI въ далекія страны юга много способствовали поддержанію такого умѣнья. Создалась профессія коннаго рыцаря и вмѣстѣ съ ней созданъ и идеалъ новаго воинскаго героизма, идеалъ настоящаго рыцарства. Въ полномъ своемъ блескѣ этотъ идеалъ достигался только съ большимъ трудомъ въ домашнихъ войнахъ, въ южныхъ странахъ, въ Италіи и на берегахъ сѣверныхъ морей; онъ достигался только при величайшей энергіи

Senft' unde ritterlicher pris
die missehellent alle wis
Und mugen vil übele samet gewesen ¹⁾;—
ez ist reht, daz uf der erde
der fruote nimmer werde
mit ganzem gemache ²⁾

говорили наши поэты, а Винсбекъ, тотъ баварскій рыцарь, который создалъ ученіе о добромъ рыцарствѣ, какъ его понималъ Воль-

¹⁾ „Тристанъ“ 4425.

²⁾ „Вторая книжечка“ (Zweites Büchlein) 11, 179.

Фрамъ Эшенбахъ, полагалъ, что рыцарь можетъ достигнуть своего идеала только въ особенно счастливыхъ случаяхъ:

Quot ritterschaft ist toppelspil
die saelde muoz des degenes pflegen ¹⁾.

(Рыцарство ловкая игра, при немъ не приходится складывать оружія).

Но не въ однихъ только высокихъ подвигахъ воинской профессіи состоялъ идеалъ рыцаря; для него выше ихъ стоялъ идеалъ любви къ женщинѣ. Любовь къ женщинѣ была оживляющимъ идеаломъ этой эпохи; она составляла средоточіе жизни высшихъ общественныхъ слоевъ, она давала духовной жизни полное содержаніе, полную окраску, объединяющій все характеръ.

Въ исторіи естественнаго строенія рода и семьи съ первыхъ вѣковъ племенной культуры все сильнѣе обозначался тотъ переворотъ, на который мы указывали раньше: родъ все болѣе замѣнялся семьей. Это было результатомъ какъ церковнаго, такъ и свѣтскаго развитія. Каноническія воспрещенія браковъ сначала руководились исчисленіемъ родства по германскому обычному праву ²⁾, но потомъ все болѣе отклонялись отъ него и были постепенно доведены отъ четвертаго до седьмаго колѣна — а это вело къ разложенію прежнихъ междуродовыхъ отношеній. Въ свѣтской сферѣ экономическаго развитія при окончательномъ завладѣніи народомъ своей родной землей права отдѣльной личности зависѣли все болѣе и болѣе отъ землевладѣнія, а не отъ племени, рода или рожденія ³⁾—такое измѣненіе тоже ослабляло значеніе рода. Потому совершенно понятно, что проповѣдники 13 вѣка жалуются на широко распространенное злоупотребленіе родственной присягой; идея сохранилась, а правовое значеніе рода уже находилось въ полномъ упадкѣ. Въ сферѣ обычая и нравовъ родовыя отношенія тоже приходили въ упадокъ. Въ пѣснѣ Нибелунговъ роды еще оплакивали мертвыхъ и считали ихъ помощниками во всякой нуждѣ ⁴⁾, но это было уже переживаніемъ; въ жизни такіе обычаи уже исчезли, семья была уже самостоятельной.

Тѣмъ не менѣе мы не должны представлять себѣ семью того времени свободной въ нашемъ смыслѣ этого слова. Не говоря уже о ея политическомъ значеніи, даже нравственное ея значеніе еще не было признано; церковь, которая въ этомъ дѣлѣ должна бы была сдѣлаться учительницей народа, благодаря своему аскетическому направленію видѣла въ бракѣ учрежденіе для удовлетворенія чувствен-

1) Winsbeke, 20, 9, ср. „Парсиваль“ Вольфрама IV, 294.

2) Ср. Фрейзенъ—Archiv für kath. Kirchenrecht, 56, 217.

3) Измѣненіе вполнѣ совершается тогда, когда признается право личной поземельной собственности. А это произошло въ 13 вѣкѣ. Ср. Schröder-Rechtsgeschichte 611.

4) Гильдебрандъ—Ges. Aufsätze und Vorträge, 51.

ныхъ, грѣховныхъ потребностей. По нѣмецкому обычаю бракъ все еще заключался не какъ союзъ любви, а какъ мѣра приличія и семейной политики ¹⁾; въ бракъ главными, если неисключительными моментами были внѣшнія свойства рода, тѣлесной красоты и богатства ²⁾. Этому соотвѣтствовала и крайняя несвобода во всѣхъ высшихъ отношеніяхъ брака; жена и дѣти считались просто домочадцами мужчины, онъ имѣлъ право суроваго тѣлеснаго наказанія и обязанность брачной вѣрности какъ по праву, такъ и по обычаю, связывала только женщину.

Понятно, что въ началѣ рыцарской эпохи, во все время 11 вѣка, общественныя отношенія ограничивались только отношеніями мужчинъ и, какъ всегда бываетъ при исключительно мужскихъ общественныхъ отношеніяхъ, въ обществѣ господствовалъ гетеризмъ.

Но въ теченіе 12 вѣка въ этомъ отношеніи произошла замѣчательная перемѣна. При первыхъ же воздѣйствіяхъ денежнаго хозяйства, въ особенности во всѣхъ мѣстностяхъ по Рейну и Дунаю, появилась возможность общенія, раньше доступнаго только для мужчинъ. Дороги стали оживленнѣе и безопаснѣе, появились почтовыя сношенія, появились и удобства въ путешествіи также, какъ и роскошь въ костюмахъ и домашній комфортъ. Отъ бурга до бурга, отъ одного пфальца до другого протянулись, такъ сказать, новыя нити общественнаго оборота; повсемѣстно рядомъ съ императорскимъ дворомъ процвѣтали многочисленныя княжескіе дворы и въ этой новой жизни участвовали уже не одни мужчины, а и женщины.

Женщина, какъ общественное существо, впервые вступила на путь развитія. Понятно, что подобное новое явленіе должно было повести къ необычайнымъ измѣненіямъ въ общественной жизни. Дѣвушки еще оставались пока внѣ общества, къ нему принадлежали только замужнія женщины. Но и онѣ, не смотря на свое новое соціальное положеніе, не выходили пока изъ своихъ прежнихъ умственныхъ и правовыхъ рамокъ. Онѣ не были творцами въ умственной, духовной сферѣ; лирическія изліянія рыцарской поэзіи, повидимому исходящія отъ женщинъ, на самомъ дѣлѣ написаны мужчинами. Онѣ не признавались еще равноправными мужчинамъ; у Гартманна женщина по отношенію къ ея супругу еще занимаетъ недостойное ея положеніе ³⁾. Она вліяла только, какъ женщина, какъ объектъ чувственнаго желанія, какъ искупительница въ дѣлѣ любви.

Любовныя стремленія рыцаря, до сихъ поръ удовлетворяемыя въ

---

¹⁾ Gurdrun, 8, 2. Ennen—Quellen z. Gesch. Stadt der Köln 11, 133, № 130, 1232.

²⁾ Ср. напримѣръ Гартманна — Erec. 6191, 6242. Scheurl — въ Herzogs Realencyklopädie, 4, 88. Фридбергъ — Das Recht der Eheschliessung. 103. Hiuschius—Kirchenrecht, 1, 33.

³⁾ Erec. 6520, 6576.

низшихъ сферахъ гинекея и въ средѣ крестьянства, направились теперь къ высшей, хотя по нашимъ понятіямъ и къ безнравственной цѣли — къ обладанію женой своего сотоварища рыцаря. И такія стремленія не ограничивались только идеальными пожеланіями, хотя въ концѣ концовъ имъ часто приходилось ограничиваться ими — но въ сущности-то они были направлены къ достиженію полного наслажденія.

Повидимому идеаль такой рыцарской любви къ женщинѣ уже давно появился въ Германіи; онъ былъ извѣстенъ нѣмцамъ уже въ 11 вѣкѣ и вполне образовался въ срединѣ 12 вѣка ²⁾. Въ эту раннюю эпоху онъ въ своей особой формѣ, повидимому, до извѣстной степени обуславливался тѣми узами дружбы, которыя въ различныхъ формахъ всегда сопровождали всякое развитіе нѣмецкой жизни и нѣмецкаго чувства и выразились въ множествѣ словъ, служащихъ въ нашемъ языкѣ для обозначенія понятія о близкихъ отношеніяхъ товарищества и дружбы — отъ готскаго слова *gajuko*, старо-верхне-нѣмецкаго *gimahn* средне-нѣмецкаго *gespan* до теперь еще употребляющихся словъ: *gesinde*, *gefährte*, *geselle*, *genosse* и новѣйшихъ: *kumpan* и *kamerad*.

Любящіе чувствовали себя участниками въ могущественномъ взаимномъ чувствѣ, которое заслуживалось мужчиной рыцарственнымъ настроеніемъ и рыцарственными подвигами. Такимъ образомъ любящіе проходили въ жизни, связанные любовью и вѣрностью, таинственностью и опасностями.

Но эта первая степень рыцарственной любви къ женщинѣ замѣнялась второй, высшей, при которой женщина являлась не равноправной подругой и спутницей мужчины, а стоявшей выше его, какъ царица, какъ владычица, какъ его личности, такъ и всѣхъ его помысловъ. Такое развитіе понятія о любви появлялось тогда, когда женщина была недоступна для желаній мужчины или отвергала ихъ ¹⁾.

Эта ступень развитія чувства любви характерна для времени разцвѣта рыцарскаго общества. Она порождала то рефлектирующее, полное самоотреченія и въ концѣ концовъ переходящее въ иронію надъ самимъ собой, настроеніе, въ тѣхъ блазирванный аристократическій тонъ, который отличаетъ рыцарство съ восьмидесятихъ годовъ 12 вѣка; при ея господствѣ появляются манерныя, изнѣженные формы придворно-условнаго общенія; ея вліяніе становится преобладающимъ не только

1) Это доказывается извѣстнымъ лирическимъ мѣстомъ въ *Ruodlieb* (около 1030 г.) и первой редакціей „Императорской хроники“ (1147).

2) Полное развитіе воззрѣнія о любви, какъ служеніи, кажется и въ Германіи обуславливалось провансальскими вліяніями, но отношенія между мужчиной и женщиной въ дѣлѣ любви измѣнились еще раньше, чѣмъ была введена чужестранная „любовная служба“ (*Liebesdienst*) Мейнлогомъ Зефлингомъ. Ср. Шерера—*Deutsche Studien*, 2.

по отношенію къ внѣшностямъ, но и по отношенію къ умственному направленію придворныхъ круговъ.

Но раньше, чѣмъ такое развитіе чувства любви могло войти какъ элементъ національной жизни, раньше, чѣмъ оно вышло изъ самихъ нѣдръ нѣмецкой души, оно получило извѣстную окраску, благодаря воспріятію соотвѣтственныхъ ему, но гораздо болѣе развитыхъ формъ французской рыцарской жизни, исторія которой была на пѣ-лыхъ два поколѣнія древнѣе нѣмецкой рыцарской жизни.

III.

Историческое развитіе классическихъ народовъ, и вообще народовъ, обитавшихъ на берегахъ Средиземнаго моря, шло такимъ путемъ, что отдѣльные народы, какъ восточные, такъ и греки и римляне, развивались не одновременно, а одни за другими. Слѣдствіемъ этого было то, что культурныя пріобрѣтенія, имѣвшія всемірно историческое значеніе, непрерывно увеличивались при унаслѣдованіи однимъ народомъ всего, что было истинно значительнымъ въ жизни другого. Такимъ образомъ общечеловѣческое содержаніе восточной культуры перешло къ грекамъ, а общечеловѣческое содержаніе греческой культуры къ римлянамъ.

Съ появленіемъ римской міровой имперіи этотъ процессъ измѣняется. Имперія вездѣ, куда только распространяется ея власть, разрушаетъ національности запада и такимъ образомъ создаетъ арену всемірной, а не національной культуры—той культуры, которая въ формѣ классической рецепціи переходитъ къ среднимъ вѣкамъ. Новыя націи отъ 8 до 16 вѣка усвоиваютъ не высшія пріобрѣтенія римской національной или греческо-национальной культуры, а культуру имперіи. Но сама имперія подчиняла восточную половину береговъ Средиземнаго моря не духовному, а только военному своему владычеству; тутъ господствовалъ греческій духъ. Но не обладая болѣе политической силой, онъ утратилъ свое содержаніе, получилъ міровую форму и вмѣстѣ съ тѣмъ новое, гораздо болѣе важное содержаніе—свободный и высоко развитый индивидуализмъ востока, христіанство.

Христіанство и императорско классическая культура были тѣми великими факторами, которые перешли къ народамъ среднихъ вѣковъ. Но они дѣйствовали на народы съ различной степенью силы. Первое возрожденіе императорской культуры приходится на эпоху каролинговъ, въ такое время, когда послѣдніе непосредственные остатки экономическихъ учрежденій древности начинаютъ вымирать; казалось, что матеріальное воздѣйствіе должно было замѣниться духовнымъ. Но при этомъ для того, чтобы поддержать, даже вновь

создать, важнейшее политическое учреждение классической эпохи, имперію, судьба классическаго возрожденія до извѣстной степени была связана съ судьбой этой политической идеи древности. Потому-то во время императоровъ Оттоновъ наступаетъ новое возрожденіе; для спеціальной сферы права оно наступаетъ снова въ вѣкъ императора Фридриха I — но во всемъ остальномъ вліяніе его не замѣчается; гуманизмъ 15 и 16 вѣковъ, исходящій изъ совершенно иныхъ началъ, имѣетъ только незначительное отношеніе къ средневѣковымъ возрожденіямъ; со времени 14 вѣка классическое преданіе идетъ чрезъ посредство иныхъ, ученыхъ сферъ ¹⁾).

Совершенно иными были воздѣйствія христіанства. Оно постепенно утратило свой характеръ воспринятаго культурнаго элемента, оно вошло въ плоть и кровь западныхъ народовъ и проникало все глубже; религіозное развитіе западной Европы совершилось при полномъ его усвоеніи.

Въ то время, какъ оба великіе культурные элемента, перешедшіе отъ народовъ, обитавшихъ на берегахъ Средиземнаго моря, къ германскимъ и романскимъ народамъ среднихъ вѣковъ, получили совершенно различное значеніе, еще большее измѣненіе произошло въ усвоеніи культурныхъ элементовъ вообще. Если народы береговъ Средиземнаго моря развивались не одновременно, то націи западноевропейской семьи народовъ шли въ своемъ развитіи въ главныхъ его чертахъ рука объ руку; они развивались на общей имъ основѣ христіанства и культуры древности. Слѣдствіемъ этого было то, что они вліяли другъ на друга совершенно иначе, чѣмъ древніе народы. Чѣмъ болѣе развивались ихъ культурные интересы, чѣмъ шире становилось ихъ взаимное общеніе, тѣмъ болѣе широкимъ дѣлалось и ихъ взаимодѣйствіе, тѣмъ болѣе міровое господство древняго времени должно было замѣняться переходомъ высшей точки достигнутой культуры и политической гегемоніи отъ одного народа къ другому и идеальными требованіями равновѣсія цивилизаціи и внѣшней силы.

Понятно само по себѣ, что для хода этого развитія былъ до чрезвычайности важенъ тотъ моментъ, когда первые начатки денежнаго хозяйства порождали болѣе сильный, чѣмъ раньше, взаимный обмѣнъ. Этотъ моментъ наступилъ въ 12 вѣкѣ и онъ давалъ руководящую роль той націи, которая имѣла счастье развиваться въ наиболѣе воздѣланной почвѣ древней римской культуры — французской націи. Въ то время, какъ германцы благодаря своему быстрому политическому объединенію въ 10 вѣкѣ еще въ теченіи цѣлаго вѣка оставались главной политической силой западной Европы и сохраняли

---

¹⁾ Ussing — Erziehung und Jugendunterricht bei den Griechen und Römern, 176.

свою власть надъ Италіей и отчасти надъ Бургундіей, изъ центра Франціи исходили безчисленные умственные, общественныя и художественныя вліянія; они распространялись по всѣмъ странамъ и давали англійской и итальянской, и въ особенности нѣмецкой, культурѣ полуфранцузскій отпечатокъ.

Во всякомъ случаѣ эти вліянія въ Германіи были не первыми. Уже въ доисторическую эпоху германскія племенные области снабжались произведеніями болѣе развитыхъ сосѣдей, Кельтовъ и даже нѣмецкая земля между Эльбой и теперешней западной границей по Рейну была когда-то въ рукахъ Кельтовъ и, конечно, германцы, заселяя ее, не могли избѣжать вліянія прежнихъ обитателей. Потомъ римляне вмѣстѣ съ кельтской Галліей подчинили себѣ и значительную часть германской земли и поставили ее подъ общее управленіе; это приблизило западную Германію къ романской культурѣ; въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ можно указать непосредственно дѣйствующіе слѣды этой связи; еще въ 11 вѣкѣ названіе этой рейнской Германіи, даже всей Германіи: Gallia или Galliae было обычнымъ; оно не вполне исчезло даже въ 12 и 13 вѣкахъ ¹⁾.

При подобныхъ условіяхъ легко понять ту близкую связь духовныхъ направленій, на которую мы указали въ развитіи нѣмецкаго и французскаго благочестія въ 10 вѣкѣ; понятно и вліяніе Кюни въ первой половинѣ 11 вѣка. Уже и тогда оказывалось, что французское направленіе въ религіозной сферѣ было если не болѣе глубокимъ, то болѣе могущественнымъ; оно въ соединеніи съ папствомъ почти побѣдило императорскую власть въ борьбѣ за инвеституру; тогда впервые романскія идеи остались побѣдителемъ надъ нѣмецкимъ могуществомъ.

Съ этого времени духовное преобладаніе Франціи все возрастаетъ. Парижъ становится цѣлью стремленій нѣмецкихъ студентовъ и его вліяніе растетъ тѣмъ болѣе, что философское мышленіе въ сферѣ церковно-религіозной существуетъ только у французовъ. Новое благочестіе, мистицизмъ Бернарда Клервосскаго, исходитъ тоже изъ Франціи; намъ извѣстно, какое громадное значеніе имѣло оно и для Германіи. Вмѣстѣ съ благочестіемъ и ученостью въ Германію проникаетъ и множество иныхъ культурныхъ элементовъ; искусство архитектуры и живописи получаетъ новое развитіе; роскошно-фривольная поэзія *вагантовъ* (бродячихъ поэтовъ) была въ Германіи французскаго происхожденія; а серьезная проповѣдь давно уже слѣдовала французскимъ образцамъ.

При такихъ условіяхъ появляется умственное и общественное вліяніе, все болѣе и болѣе воспринимаемое отъ Франціи въ особенности

---

¹⁾ Ср. Scheffer Boichorst въ Mitt. d. Instituts für Osterr. Geschichtsforschung 13, 108.

руководящими слоями нашего свѣтскаго общества, членами рыцарства и придворными; въ теченіи всего 12 вѣка они тѣмъ легче воспринимають это вліяніе, что считаютъ его въ сущности не чисто туземнымъ французскимъ, а классическимъ; по показанію стихотворенія «Морицъ-фонъ-Краонъ» рыцарство отъ грековъ перешло къ римлянамъ, пришло въ упадокъ при Неронѣ и снова возродилось у французовъ.

Общественное вліяніе Франціи сказалось уже очень давно, на него жалуется еще императоръ Генрихъ III ¹⁾. Оно, однако, проводилось въ жизнь въ силу разныхъ обстоятельствъ и усиліями разныхъ личностей; при Генрихѣ, напримѣръ, его супругой Агнесой Пуатье.

Съ началомъ крестовыхъ походовъ условія измѣняются. Подобно громадной народной волнѣ, идущей отъ береговъ западнаго моря, изъ Англіи и въ особенности изъ Франціи, все ослабляющейя по пути, и достигающей своей конечной цѣли, востока, малымъ ручейкомъ, крестовые походы въ культурномъ отношеніи имѣли, пожалуй, болѣе вліянія на восточныя страны западной Европы, чѣмъ на самый Востокъ. Они впервые внесли въ Германію, въ особенности во время второго крестоваго похода, полное усвоеніе рыцарскаго идеала, въ то время уже развитаго во Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о рыцарскомъ обществѣ.

Но кромѣ поражающихъ событій крестовыхъ походовъ еще успѣшнѣе дѣйствовали незамѣтныя обыденныя вліянія, при постоянно увеличивающемся оборотѣ ея каждымъ годомъ все болѣе и болѣе переходящія чрезъ франко-германскую границу. Такова была провансальская поэзія, проложившая себѣ дорогу въ Германію и соединенное съ этой поэзіей болѣе или менѣе ясное представленіе объ общественномъ положеніи южно-французскихъ женщинъ и объ ихъ вліяніи. Не только Рудольфъ Фенисъ (около 1190) въ Швейцаріи подражалъ провансальскимъ образцамъ; но и Фридрихъ фонъ-Гаузенъ (1190) и Ульрихъ фонъ-Гутенбергъ изъ Пфальца (около 1190) и тюрингенецъ Генрихъ Морунгенъ (около 1210) и Генрихъ фонъ-Вельдеке въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ подражали провансальцамъ; а Реймаръ Гагенау внесъ изъ Эльзаса искусство трабадуровъ въ Австрію уже около 1190 г. Тѣмъ не менѣе пока эти вліянія касались связанными съ извѣстнымъ временемъ и съ извѣстными личностями; одной изъ первыхъ представительницъ ихъ была, можетъ быть, Беатриса Бургунская, супруга императора Фридриха I; во всякомъ случаѣ они сказались позже и не имѣли раньше особенныхъ послѣдствій.

Изъ Шампани и Лотарингіи французское вліяніе проникало въ Гер-

---

¹⁾ Ср. Аббатъ Зигфридъ фонъ-Горце у Giesebrecht'a — Deutsche kaiserzeit ч. 2. докум. № 10, 1043.

манію также только временами и случайно. Только съ начала 12 вѣка завязались болѣе близкія отношенія между долиной Мозеля и валлонскимъ западомъ ¹⁾; и только въ Эльзасѣ въ это время замѣчаются слѣды вліянія французской архитектуры, а позже Генрихъ Глихезаръ (Glichezare) создаетъ свою «Reinhart Fûchs» по французскимъ пѣснямъ; но главными посредниками остаются Нидерланды и нижній Рейнъ, по лѣвому его берегу отъ Кельна, Фландрія и Брабантъ.

Страны между Рейномъ и Сеной отъ Кельна до Парижа всегда составляли замкнутую культурную область. Въ нѣдрахъ этой страны выросла франкская монархія, въ ней процвѣтала торговля и ея матеріальныя интересы привязывали ея къ Англіи. Хотя національныя противорѣчія уже начали становиться замѣтными, но всѣ эти страны еще были областью почти одинаковаго права и сходныхъ нравовъ. У сѣверныхъ французовъ еще продолжало господствовать нѣмецко-франкское государственное право, созданное тамъ монархіей Меровинговъ; въ особенности нѣмецкими были права землевладѣнія и именно изъ сѣверной Франціи франкское государственное право начало свое побѣдоносное шествіе въ Англію, Неаполь, Сицилію и на христіанскій востокъ.

Потому не было ничего удивительнаго, что въ сферѣ поэзіи и искусства замѣчается единство. Почти во всю эту эпоху замѣчается взаимодѣйствіе, доходящее почти до полнаго тождества, въ архитектоникѣ; романскій соборъ въ Турне принадлежитъ къ рейнскому стилю, въ основѣ архитектуры Кельнскаго собора лежатъ реминисценція о соборѣ Аміенскомъ. Не менѣе сильны должны были быть взаимодѣйствія и въ развитіи живописи; не безъ основанія Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ въ извѣстномъ мѣстѣ своего Парсивала называетъ рядомъ художниковъ изъ Кельна и Маастриха ²⁾. Но въ особенности ясно факты говорятъ за близкія отношенія въ сферѣ поэзіи; каролингскіе саги были извѣстны на нижнемъ Рейнѣ уже очень давно, раньше чѣмъ появились нѣмецкія ихъ обработки ³⁾; уже раньше середины 12 вѣка сѣверно-французская литература начинаетъ черпать матеріалъ изъ народныхъ нѣмецкихъ преданій на Маасѣ и нижнемъ Рейнѣ. Были обработаны сага о «рыцарѣ лебеда» (Schwanenritter) и рассказъ «Vier Neemskinder».

Средоточіемъ французско-нѣмецкихъ отношеній естественно должны были быть Фландрія и Брабантъ, центральныя области. Фландрія была политически составлена изъ французскихъ и нѣмецкихъ составныхъ частей, она представляла въ нѣкоторомъ родѣ микрокосмъ всей области между Рейномъ и Сеной. Дѣйствительно здѣсь французское

1) Лампрехта—Deutsches Wirtschaftsleben.

2) „Парсиваль“. 111, 1269. Ср. San Marte въ Germania, 9, 463.

3) Ср. Müllenhoff въ Zeitsch. für Deutsches Alterthum, 12, 355.

и нѣмецкое смѣшивались въ 12 и 13 вѣкахъ не меньше, чѣмъ въ настоящее время; среди остатковъ того времени встрѣчаются такіе латинско-французско-нѣмецкіе стихи:

Ego amo vos boven all die leven
Quant il voux plaga, sald y my trost geven 1).

(Люблю васъ больше жизни, соблаговолите утѣшить меня).

При брабантскомъ и фландрскомъ дворахъ среди фламандской среды уже рано встрѣчаются французскіе пѣвцы (жонглеры); къ нимъ въ концѣ 12 вѣка принадлежалъ Христіанъ изъ Труа и самъ герцогъ Брабантскій Генрихъ III сочинялъ какъ французскія, такъ и фламандскія пѣсни 2).

При такомъ взаимномъ проникновеніи нѣмецкой и французской культуръ французы съ середины 12 вѣка получаютъ преобладаніе. Ихъ общественное и умственное преобладаніе было столь значительнымъ, что въ нѣмецкихъ Нидерландахъ не могла развиться самостоятельная рыцарская культура, только Маерлантъ (Maerlant), писавшій съ 1260 года, создалъ особую нидерландскую литературу; всѣ раньше его писавшіе поэты изъ Фландріи, Брабанта и Голландіи были только переводчиками съ французскаго.

Изъ Нидерландъ вліяніе Франціи проникало неудержимо и въ центральныя области Германіи.

Живой потокъ сношеній всегда шелъ съ нижняго Рейна въ верхнюю Германію; онъ шелъ по рѣкѣ до Базеля и оттуда въ сторону; уже очень давно Кельнскіе купцы появлялись въ Баваріи и въ особенности на Дунаѣ, въ Регенсбургѣ. Съ ними матеріаль туземной поэзіи переходилъ въ Оберландъ; сага о «лебедѣ» изъ Клеве, сага о Зигфридѣ изъ Ксантена и рассказъ о Гудрунѣ, проникнутый настроеніемъ Нормановъ. Но въ этомъ потокѣ и французскій матеріаль проникалъ также на югъ и юго-востокъ: саги о каролингахъ, исторіи о Keineke Voss. И не одинъ только матеріаль переходилъ въ этомъ направленіи, а и сами поэты. Уже въ первой половинѣ 12 вѣка мы находимъ рейнскихъ поэтовъ въ Баваріи, сдѣлавшейся въ то время страной, гостепріимно принимавшей всѣхъ поэтовъ; они кромѣ чуждаго матеріала распространяютъ и технику французской поэзіи и вносятъ въ страну идеаль французскаго рыцарства и придворной жизни.

Но нигдѣ эти вліянія не нашли такой плодотворной почвы, нигдѣ, кажется, они не были столь плодотворными, какъ въ Австріи. Здѣсь, повидимому, съ старымъ потокомъ торговли съ запада соединяется еще другое вліяніе, непосредственно идущее изъ Фландріи. Австрія

1) Wackernagel—Altfran. Lieder und Leiche, 194.

2) Управлялъ въ 1247—1260.

въ 12 вѣкѣ была одной изъ наиболѣе важныхъ странъ, куда шла колонизація; то сильное движеніе, которое въ то время увлекало излишнее нѣмецкое населеніе запада къ колонизаціи теперешняго нѣмецкаго востока, привело фламандцевъ внизъ по Дунаю до Венгріи, а позже мозельскихъ франковъ еще далѣе, до самаго Зибенбюргена. Они имѣли большое вліяніе на общественную жизнь въ Австріи; здѣсь даже въ низшихъ сферахъ уже позже, въ первую половину 13 вѣка, считалось почетнымъ быть «фламандскимъ» и юный Гельмбрехтъ, желающій быть рыцаремъ, говоритъ съ отцомъ и сестрами, какъ будто онъ родился въ Брабантѣ.

Въ противоположность сильному усвоенію французскихъ элементовъ въ южной и западной Германіи сѣверная, средняя Германія и нижняя Германія были почти совершенно свободны отъ этой рецепціи.

Особенно въ Саксоніи очень долго сохранялось умственное расположение племенной эпохи, такъ какъ эта страна и въ политическомъ отношеніи была отсталой; здѣсь еще хранили старые политическіе и соціальныя завѣты, изъ которыхъ произошла сага о Гудрунѣ, какъ послѣдній отпрыскъ нашей героической саги; здѣсь въ противоположность дальнѣйшему образованію саги Нибелунговъ на Рейнѣ сохранялись строго эпическіе черты саги Тидрека (Thidrekssaga); не удивительно, что по народнымъ понятіямъ Верхнегерманіи здѣшній народъ считался дикарями ¹⁾. Такое умственное настроеніе было неблагоприятно проникновенію французскихъ нравовъ и культуры; долго оставались чуждыми даже верхне-германской литературѣ, происшедшей изъ французскихъ источниковъ; еще герцогъ Вильгельмъ Люнебургскій (1210 — 1212) приказалъ перевести «Григорія» — Гартманна латинскими стихами, чтобы имѣть возможность прочесть его и только ниже нѣмецкій рыцарь Бертольдъ фонъ Голле въ срединѣ 13 вѣка писалъ подъ вліяніемъ верхненѣмецко-французской поэзіи. Но вообще здѣсь продолжали имѣть главное вліяніе старые туземные бродячіе пѣвцы съ ихъ сагами и съ ихъ народной гномикой.

Этому нисколько не мѣшало то обстоятельство, что при дворѣ Вельфовъ и тюрингенскихъ ландграфовъ жили поэты, которые въ «романахъ приключеній», а потомъ и въ лирической поэзіи слѣдовали французскимъ образцамъ. Это были отдѣльные, единичные факты, какъ на Рейнѣ пребываніе Гюйо изъ Прованса (Guiot) и Доетсъ изъ Труа (Doetes) на имперскомъ праздникѣ 1184 года, или какъ врученіе императрицѣ Беатрисѣ Готье изъ Арраса стихотворенія: *She et Galeron* ²⁾; въ вопросѣ о французской рецепціи слѣдуетъ обращать вниманіе не на такіе отдѣльные факты, а на общее воспринятіе и

1) Ср. Gudrun 1520.

2) По новымъ изслѣдованіямъ послѣ 1167 г. ср. Förster-Roman. Bibliot. VII.

усвоеніе придворнаго и рыцарскаго идеала французовъ— а оно встрѣчается сначала только на западѣ, югѣ и юго-востокѣ.

Здѣсь съ середины 12 вѣка встрѣчаются уже турниры во французскомъ родѣ; названія всѣхъ рыцарственныхъ упражненій были французскими. Здѣсь же созданъ французско-нѣмецкій языкъ роскоши и моды; изъ французской рѣчи были заимствованы названія новыхъ тканей, платьевъ и танцевъ. Здѣсь позже рыцари и поклонники придворнаго общества писали свои стихи, употребляя французскія выраженія и галлицизмы для обозначенія всѣхъ утонченностей придворной жизни и этой модѣ слѣдовали не только офранцуженные поэты, вродѣ Готфрида Страсбургскаго, но и поэты съ нѣмецкимъ настроеніемъ, вродѣ Вольфрама фонъ Эшенбаха.

Даже обозначенія новой общественной жизни въ противоположность старой жизни земледѣльческаго дворянства было заимствовано изъ французскаго; *hövisch* и *tögrerlich*—это, вѣдь, простой переводъ съ давно образовавшихся во Франціи понятій: *courtois* и *vilain*, и слово *Tögrer* въ западно-нижне-нѣмецкой его формѣ *Tölpel* распространяется какъ обозначеніе грубости и неуклюжести дорыцарской эпохи ¹⁾. Такимъ образомъ французское мышленіе сдѣлалось туземнымъ въ жизни высшихъ слоевъ населенія въ западной и южной Германіи; оно переросло и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣнчало уже развившійся здѣсь отпрыскъ высшаго общества, порожденнаго туземными силами и до этихъ поръ бывшаго чисто нѣмецкимъ.

IV.

Довольно трудно опредѣлить, что въ умственной и общественной жизни эпохи Штауфеновъ выросло на нѣмецкой почвѣ и что было произведено вліяніемъ Франціи; какъ бываетъ при всякой крупной рецепціи, изъ чужого бралось только то, что при безпрепятственномъ ходѣ туземнаго развитія выросло бы и самостоятельно въ той же самой или подобной формѣ.

Во всякомъ случаѣ можно признать, что результатъ, рыцарское служеніе женщинъ, и въ Германіи имѣло существенно французскія формы. Результатомъ французскихъ вліяній были чрезмѣрная напряженность чувства, романтизмъ опасностей и приключеній, стремленіе къ чему то неопредѣленно-далекому, нервозное безпокойство и капризничая недѣятельность, которыя составляли отличительныя черты рыцарства въ Германіи въ концѣ 12 и въ началѣ 13 вѣковъ. Средоточіемъ стремленій рыцаря было соединеніе мужественной славы и женской любви, доходящее до неземнаго идеализма. Придворное общество не заботилось о славѣ послѣ смерти послѣ цѣлой жизни, пол-

---

¹⁾ Слово: *Warpen* тоже фламандская форма.

ной геройскихъ подвиговъ, какъ заботились когда то германскіе герои или позже духовные борцы, поэты и ученые; оно стремилось къ чувственной наградѣ въ объятіяхъ любви. Такимъ образомъ поклоненіе женщинамъ и военная гордость для него сливались воедино; женщины существовали только для радости:

Durch vröude vrouwen sint genant
Ir vröude ervröuwet elliu lant;
Wie wol er vröude kante,
Der sie erste vrouwen nante!

(Кто назоветъ радость, назоветъ и женщину; женщиной радуется вся земля; кто первый назоветъ ее женой, тотъ узнаетъ и радость).

И не смотря на это женщина по большей части, и даже никогда, не подавала рыцарю, воснѣвавшему ее, надежды на наслажденіе; она указывала ему на сладость томленія и отреченія. Поклоненіе женщинѣ превращалось въ культъ полубогини; для многихъ представлялось достаточной наградой слышать дружеское слово изъ прекрасныхъ устъ; многіе рыцари поклонялись даже женщинѣ, которая и не знала объ ихъ любви, и они съ полнымъ самоотреченіемъ руководились принципомъ: если я и люблю тебя, то что тебѣ до этаго?

Такое настроеніе рыцаря, предписываемое ему обществомъ, а не бывшее просто слѣдствіемъ болѣзненной сентиментальности отдѣльных личностей, вело къ невѣроятно головоломному погруженію въ любовныя чувства — какъ напр. къ сладкому «воспоминанію», къ Minne— оно вело также къ самымъ утонченнымъ анализамъ любовныхъ ощущеній, къ схоластикѣ любви, къ тяжеловѣснымъ размышленіямъ и разсужденіямъ о самыхъ тонкихъ оттѣнкахъ внутренней жизни, къ самому сухому анатомированію своего и чужого душевнаго состоянія. Въ такой дѣятельности проходила значительная часть мышленія рыцарскаго періода; поэзія получила благодаря этому совершенно условныя формы; высокое искусство унизилось въ концѣ концовъ до уровня простаго ремесла.

Такое душевное настроеніе усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что центрами новаго движенія сдѣлались самые большіе изъ княжескихъ дворовъ: императорскіе пфальцы и бурги вельфовъ, тюрингенскихъ ландграфовъ и австрійскихъ герцоговъ— а эти дворы должны были отличатся извѣстной изнѣженностью, извѣстной утонченной аристократичностью.

Новому настроенію соотвѣтствовалъ и новый кодексъ общественной жизни, а у серьезныхъ натуръ даже кодексъ нравственнаго существованія. При напряженности общественныхъ отношеній, при почти неисполнимыхъ требованіяхъ, поставляемыхъ рыцарю идеаломъ мужественныхъ добродѣтелей, этотъ кодексъ долженъ былъ имѣть условный характеръ. Потому нравственныя понятія изъ наполовину пра-

вовыхъ типическихъ понятій племенной эпохи сдѣлались условными; добродѣтелью называли теперь общественное приличіе, а нравственностью ученіе о немъ; о рыцарскомъ достоинствѣ говорятъ какъ о рыцарскомъ цехѣ, причемъ слово *цехъ* (*Zunft* отъ *geziemen*—приличествовать) нужно понимать въ смыслѣ приличія ¹⁾. Потому многіе поступки, которые по современнымъ понятіямъ безнравственны, считались только неприличными ²⁾.

Сушностью, зерномъ нравственно приличнаго было самообладаніе въ поведеніи въ обществѣ (*maze, zuht, scham, schoenen vuoge*). Прежде всего казалось необходимымъ подавленіе еще безсознательной страстности прежняго, находящагося еще подъ давленіемъ типической племенной культуры, времени. Въ то время еще были возможны такіе случаи, что король въ имперскомъ собраніи отъ гнѣва на противорѣчія своего наслѣдника падалъ въ обморокъ ³⁾, а теперь внѣшнее приличіе воспрещало всякую горячность душевныхъ движеній — настала эпоха утонченности чувствъ.

Такая условность прежде всего требовала развитія этикета. Во Франціи уже существовало цѣлое, сильно развитое ученіе о приличіяхъ; привѣтствія и прощальныя слова, прибытіе и отъѣздъ во французскомъ эпосѣ подлежатъ точному регулированію; въ «Тристанѣ» Готфрида по французскому образцу подробно излагаются правила двухъ родовъ привѣтствія, поклона и рѣчи ⁴⁾. Въ Германіи, повидимому, къ этому чужому ученію были сдѣланы еще нѣкоторыя прибавленія ⁵⁾. Старая символика права еще не исчезла ⁶⁾; въ Германіи какъ разъ въ это время, около 1230 г., она была въ послѣдній разъ изложена въ иллюстрированномъ «саксонскомъ зеркалѣ»; это прежде была символика руки; рука въ разныхъ ея положеніяхъ и поворотахъ обозначала самыя разнообразныя правовыя идеи. Естественно, что долженъ былъ произойти переносъ этихъ символическихъ движеній въ придворное общество, причемъ правовая символика, находившаяся тогда уже въ упадкѣ, должна была измѣнить свои закамѣнѣлыя формы изъ правовыхъ въ условно общественныя. Несомнѣнно, что рыцарскіе обычаи получили очень много именно изъ этого источника ⁷⁾.

1) Ср. „Тристанъ“ Готфрида 11164, 8008; „Парсиваль“ Вольфрама III. 193.

2) „Парсиваль“ III. 452.

3) Giesebrecht - Deutsche Kaiserzeit, II, докум. № 8, 1035. G. Alberon 18 около 1140 г.

4) „Тристанъ“ 11616.

5) Мы имѣемъ очень мало свѣдѣній объ этомъ вопросѣ, какъ и вообще о подробностяхъ рыцарскаго этикета. Можно вполне согласиться съ сожалѣніемъ объ этомъ Мейера (*Z. für deut. Philologie*, 24); только изслѣдованія въ этой области позволили бы различить чужое отъ туземнаго въ рыцарской культурѣ эпохи Штауфеновъ. Ср. Pfeiffer—*Freie Forschung*; и Гильдебранда—*Gesam. Aufsätze und Vorträge*.

6) Иначе смотритъ Heusler—*Institutionen*, 1.

7) Ср. „Gudrun“, Ерес—Гартмана. Но насколько тутъ французскаго вліянія?

Хотя такая утонченность въ общественной жизни для большинства людей той эпохи была существеннымъ дѣломъ, но она безсознательно, а для болѣе свободомыслящихъ людей и сознательно, приводила къ болѣе глубокимъ нравственнымъ понятіямъ. Эту связь двухъ явленій излагаетъ Готфридъ Страсбургскій въ превосходныхъ стихахъ:

Nu bedenke ritterlichen pris
und ouch dich selben, wer du sis;
din geburt und din edelkeit
si dinen ougen vür geleit:
wis diemüet und wis unbetrogen,
wis warhaft und wis wolgezogen
den armen, den wis iemer guot,
den richen iemer hochgemuot,
er unde minne elliu wip,
wis milte unde getriuwe
und iemer dar an niuwe ¹⁾).

(Теперь подумай о рыцарской наградѣ; вспомни, кто ты, вспомни о своемъ рожденіи и благородствѣ, начертанныхъ во взорахъ твоихъ: скромный, неспособный къ обману, всегда добрый съ бѣдными и гордый съ богатыми—онъ не только въ любви и съ женщинами, но и всегда вѣренъ и кротокъ и щедръ благотвѣніями).

Такое ученіе излагалось Вольфрамомъ Эшенбахомъ и Винсбеке на основаніи глубокаго убѣжденія и опредѣленнаго міровоззрѣнія. Винсбеке ясно указываетъ, что дѣло не въ томъ только, чтобы во время молчать и во время говорить, никогда не забывать вѣжливо кланяться и скромно уступать выше тебя поставленному человѣку; прежде всего необходимо сохранять свой щитъ чистымъ и незапятнаннымъ посредствомъ вѣрности, кротости, цѣломудрія и простодушія; высокорожденный только тотъ, кто обладаетъ истинной добродѣтелью.

Изъ внѣшняго, условнаго, а также и изъ болѣе глубокаго идеала рыцарской жизни вытекало стремленіе не къ знанію, не къ научному развитію, а къ развитію эстетическому. Сравнительно съ эпохой Каролингскаго и Оттоновскаго возрожденія въ идеалахъ воспитанія произошло рѣшительное измѣненіе. Въ то время обширныя свѣдѣнія были необходимымъ условіемъ высшаго образованія, они немилосердно вкладывались въ головы учениковъ, однообразное примѣненіе суровыхъ воспитательныхъ мѣръ подавляло всякую оригинальность характера и помогало созданію типичнаго въ умственной жизни. Мнѣніе рыцарскаго общества о значеніи простаго знанія было совершенно инымъ. Для рыцарской жизни не считались необходимыми даже самыя скромныя знанія; по общему признанію Вольфрамъ Эшенбахъ не умѣлъ ни писать, ни читать, а Готфридъ Страсбургскій въ такихъ словахъ рассказываетъ о нѣскольکو лучшемъ образованіи Тристана:

¹⁾ „Тристанъ“ 5023.

der buoche lere und ir getwanc
was siner sorgen anevanc ¹⁾).

(Книжное учение и мудрствованія были началомъ его огорченій).

Вообще мальчикъ до седьмого года оставался при матери въ родительскомъ домѣ, проводя время въ играхъ и свободныхъ прогулкахъ, наполняя свое юное сердце смутными идеалами здѣшней и загробной жизни, идеями о Богѣ и будущемъ своемъ рыцарскомъ существованіи. Потомъ онъ уходилъ изъ дому ко двору, чтобы въ качествѣ пажа изучать добрые нравы; въ близкомъ сожителствѣ съ чужой женщиной, которой онъ служилъ какъ пажъ, онъ изучалъ условныя требованія времени, обучался преданности женщинѣ и придворному величію; онъ прибрѣталъ въ такой школѣ только смутныя представленія о прошломъ своего народа и начатки христіанскаго ученія; все свободное время онъ посвящалъ тѣлеснымъ упражненіямъ, музыкѣ и иногда стихотворству. Наступали годы отрочества, когда онъ дѣлался оруженосцемъ рыцаря во время охоты и войны; подчиненный кому-нибудь изъ старыхъ придворныхъ слугъ, шенку или камергеру, онъ обучался искусству приличнаго поведенія въ кругу знатныхъ людей. Потомъ наступало совершеннолѣтіе, время посвященія въ рыцари, совершаемое обыкновенно во время праздниковъ или послѣ сраженія; юноша по большей части въ возрастѣ двадцати одного года, т. е. гораздо позже, чѣмъ его предки, вступалъ въ жизнь; онъ принадлежалъ къ придворному обществу; только оно и его аристократическіе интересы давали ему дальнѣйшее образованіе и его идеалами дѣлались великія фигуры саги и романа: Александръ, Артуръ и король Карлъ, Ерекъ и Ивейнъ, Тристанъ и Парсиваль.

У.

Жизнь при такихъ рыцарскихъ идеалахъ, руководимая энергіей духовной силы, могла несомнѣнно давать внутреннее удовлетвореніе и внушать сильное стремленіе къ высокимъ цѣлямъ. Такую жизнь вели Вольфрамъ Эшенбахъ и Вальтеръ Фогельвейде. У нихъ даже блѣдная условность поклоненія женщинѣ, благодаря вліянію чисто народнаго настроенія окрашивалась яркими красками. Вольфрамъ не знаетъ идеала выше брачной любви, а Вальтеръ умѣлъ найти конкретное выраженіе для почтительнаго служенія недоступной женской красотѣ:

Swa ein edelin shoene frouwe reine:
Wol gekleidet unde wol gebunden
dur kurzeweile zuo vil liuten gat,
hovelichen hohgemuot, niht eine,

¹⁾ „Тристанъ“ 2083.

umbe sehende ein wenic under Stunden,
alsam der Sunne gegen den Sternen stat—
der meie bringe uns al sin wnnder,
was ist da so wünneliches under,
als ir vil minnelicher lip
wir lazen alle bluomen stan
unde kafen an daz werde wip.

Но большинство поэтовъ того времени, а тѣмъ больше масса рыцарей, не были способны къ такой возвышенности тона. Если служеніе женщинѣ, какъ поэтическій мотивъ, пораждало болѣзненную сентиментальность, то въ дѣйствительной жизни оно тѣмъ болѣе вело къ совершеннѣйшей нелѣпости. Это должно было быть такъ даже въ томъ случаѣ, если бы формы такого служенія были чисто національными, и это случилось еще быстрѣе, потому что тутъ дѣло шло о судьбѣ только съ трудомъ выработанной, не вполне приведенной въ равновѣсіе съ національнымъ характеромъ культуры. И было большимъ счастьемъ, если несогласіе между воображаемымъ идеаломъ и дѣйствительностью сказывалось только въ сферѣ поэзіи, въ которой излагались не переживаемыя, а чисто условныя ощущенія:

ich han nach waue dicke wol gesungen
des mick anders niht bestuont,

какъ объявляетъ уже поэтъ болѣе ранней эпохи ¹⁾. Во времена упадка, со второго десятилѣтія 13 вѣка, противорѣчіе выступаетъ въ дѣйствительной жизни болѣе опредѣленно. Уже герои французско-нѣмецкаго романа эпохи процвѣтанія рыцарства, Ланселеть, Гавань, Ерекь, имѣютъ въ себѣ нѣчто донъ-кихотское; Ульрихъ Лихтенштейнъ въ своихъ чудаческихъ странствованіяхъ по Австріи и юго-востоку Германіи, — странствованіяхъ, отрицать историческую дѣйствительность которыхъ совершенно невозможно, — далеко превзошелъ эти образцы.

Приготовлялось еще худшее измѣненіе. Въ то время, какъ нелѣпости Лихтенштейна и другихъ господъ, на примѣръ тюрингенскаго рыцаря Вальдмана Заттельштедта, дѣлали практически невозможнымъ служеніе женщинѣ, другіе начали прямо осмѣивать это служеніе; за временемъ преувеличеннаго поклоненія женщинѣ наступило время насмѣшки и презрѣнія къ ней. Говорили о влюбленныхъ дуракахъ и женщинѣ часто приходилось выслушивать, что у ней дологъ волосъ, да коротокъ умъ. Не вполне подавленная страстная чувственность прежнихъ временъ снова выступаетъ наружу; она какъ и прежде ищетъ удовлетворенія въ низшихъ сферахъ, уже Готфридъ жалуется:

¹⁾ Реймаръ Гагенау (Burdach, 27).

Minne, aller herzen künigen
diu ist umb kouf gemeine 1).

(любовь — властительница сердець; ее не купишь за деньги).

Въ скоромъ времени въ Австріи увеличивается число связей придворныхъ рыцарей съ деревенскими дѣвками; вмѣсто приличнаго танца въ бургѣ занимаются веселыми плясками на лугахъ, мѣсто томныхъ желаній замѣняетъ страстная похоть и жгучее наслажденіе, мѣсто придворнаго поклона женщины наивный поцѣлуй дѣвушки.

Вмѣстѣ съ идеаломъ женщины былъ утраченъ и идеаль рыцарскаго мужества. Рыцарство или было обезображено мальчишескимъ стремленіямъ къ чудаческимъ приключеніямъ, или превращалось — хотя и рѣдко, и только у исключительныхъ натуръ — въ борьбу за сверхчувственные интересы; въ обоихъ случаяхъ оно теряло почву здоровой народности. Но это не препятствовало большинству рыцарства удерживать внѣшнія его формы, за исключеніемъ только служенія женщинѣ. Подобное измѣненіе было равнозначительно извращенію. Теперь вся жизнь рыцаря наполняется мелкими мѣстными интересами и занятіемъ охотой, ведущимъ къ чрезмѣрнымъ чувственнымъ наслажденіямъ; не смотря на сохраненіе внѣшнихъ общественныхъ формъ придворная жизнь исчезаетъ; дикія страсти и культъ пьянства царятъ теперь какъ нѣчто совершенно новое въ бургахъ, гдѣ раньше царило благородное общеніе. Женщины совершенно удаляются изъ общественной жизни; онѣ становятся ханжами, монахинями, не надѣвшиими монашескаго одѣянія. А въ средѣ мужчинъ снова водворяется пошлый гетеризмъ.

Могли ли при этомъ сохраниться благородныя формы придворной поэзіи и искусства? Замѣчательно красивая и простая одежда добраго времени Штауфеновъ постепенно уступаетъ мѣсто нелѣпостямъ моды, начинается вѣкъ безстыдно узкихъ платьевъ, вѣкъ длинныхъ остроконечныхъ башмаковъ, погремушекъ и колокольчиковъ, вѣкъ обнаженія мужчинъ и женщинъ до самаго пояса, вѣкъ вышитыхъ, пестрыхъ тканей 2). Въ литературѣ поэзія замѣняется прозой, а насколько поэзія сохранилась, то въ ней побѣждаетъ дидактика. Нѣкоторые изъ благородныхъ еще покровительствуютъ поэзіи, въ особенности вновь оживающей національной героической пѣснѣ, но они наврядъ ли были меценатами: «Der meister singen, gigen, sagen, daz hoert er gerne, und git in dar ümbe niht»,

(Трабадуры играютъ, поютъ, рассказываютъ — онъ охотно слушаетъ, но за это не награждаетъ).

говорить о Рудольфѣ Габсбургскомъ смѣлый поэтъ второй половины 13 вѣка.

1) „Тристанъ“, 12273.

2) Фальке—Höfische Gesellschaft, 167. Ср. Gregorius Гартмана, 3229.

Внѣшнія условія, если и не произвели, то ускорили этотъ умственный упадокъ. При сліянніи министеріаловъ и благородныхъ въ одинъ классъ рыцарства руководство новымъ сословіемъ, по крайней мѣрѣ въ сферѣ умственной жизни, все болѣе и болѣе переходило къ министеріаламъ, въ общественномъ отношеніи низшей группѣ рыцарей. Такимъ образомъ рыцарство было черезчуръ связано съ общественной судьбой министеріаловъ. А дальше мы увидимъ, что политическое значеніе служащихъ имперіи со второго десятилѣтія 13 вѣка быстро падаетъ, а съ уничтоженіемъ династіи Штауфеновъ и совершенно исчезаетъ. Развитие княжеской власти въ территоріяхъ тоже было неблагоприятнымъ фактомъ для министеріаловъ. Князья не могли признавать ихъ свободными, независимыми владѣльцами; они искали въ ихъ средѣ преданныхъ вассаловъ ранней эпохи существованія средневѣкового государства, или должностныхъ лицъ позднѣйшей эпохи среднихъ вѣковъ.

Въ теченіи 13 вѣка въ экономическомъ отношеніи тоже замѣчается упадокъ значенія министеріаловъ и древнихъ дворянскихъ родовъ. Всѣ они были землевладѣльцами и всѣ подверглись жестокой судьбѣ, постигшей мѣстныя учрежденія при развитіи денежнаго хозяйства— всѣ они обѣднѣли. Даже высшее дворянство, а тѣмъ болѣе члены простого рыцарскаго сословія, уже въ 13 вѣкѣ, а еще болѣе въ 14-мъ, мельчаютъ; у нихъ появляются мало аристократическія свойства жадности и скупости—экономическое оскудѣніе составляло дополненіе къ еще болѣе ужасному паденію въ духовной сферѣ.

Въ 14-мъ вѣкѣ, и даже въ 15-мъ не произошло никакого улучшенія положенія дѣль. Въ срединѣ 14 вѣка замѣчается, правда, незначительное измѣненіе; но оно порождаетъ только бессмысленный церемоніаль вмѣсто стараго этикета; оно порождаетъ педантическую геральдику, оно останавливается на формальностяхъ. Въ послѣдующее время у насъ въ Германіи при Карлѣ IV появляется бюрократическое дворянство, а при Сигизмундѣ дворянство на основаніи пожалованія орденомъ, тогда какъ во Франціи и въ Англіи рыцарство вслѣдствіе великихъ національныхъ войнъ 14 и 15 вѣковъ переживаетъ новый разцвѣтъ. Только съ появленіемъ первыхъ зародышей гуманизма было побѣждено вѣковое одичаніе средняго и низшаго дворянства Германіи. Появляются новые идеалы въ стремленіи къ образованію, къ благородной боевой службѣ, въ новомъ участіи въ художественной жизни націи; императоръ Максъ былъ послѣднимъ нѣмецкимъ рыцаремъ въ старомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ новомъ значеніи этого слова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Умственная культура эпохи Штауфеновъ.

I.

Если обратить вниманіе на научныя свѣденія и сумму идей, бывшихъ достояніемъ образованныхъ свѣтскихъ людей въ 12 и 13 вѣкахъ, то невольно приходишь въ удивленіе отъ незначительности этого интеллектуальнаго запаса. Изъ народныхъ преданій была извѣстна только незначительная часть тѣхъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ положеній, которая извѣстна теперь каждому въ годы нѣжнаго возраста; введенія и отдѣльныя нравственныя замѣчанія средневѣковыхъ эпическихъ поэтовъ содержатъ въ себѣ по большей части разсужденія объ такихъ отношеніяхъ, которыя кажутся намъ понятными сами по себѣ; какъ, напр., Готфридь Страсбургскій подробно развиваетъ положеніе, для насъ ничего не говорящее:

Swes des iht vor ougen hat
da mite der muot ze unmuoze gat,
daz entsorget sorgehaften muot
daz ist ze herzesorgen guot ¹⁾.

Люди того времени и сами сознавали незначительность объема своихъ традицій и потому такъ и дорожили передачей высшаго опыта культурнаго міра классическихъ народовъ. Таковъ именно смыслъ характернаго положенія въ Acta Murensia: Vita omnium spiritualium nominum sine libris nihil est (жизнь безъ книгъ для всѣхъ разумныхъ людей ничего не стоитъ) и еще во второй половинѣ 13 вѣка выраженія: buochisch и latinisch (книжный и латинскій) были для всѣхъ тождественны ²⁾. И насколько при этомъ держались за книгу, насколько были несамостоятельны передъ ней! Deist war, wan daz han ich gelesen ³⁾ т. е. это вѣрно, ибо я это читалъ—таково выраженіе,

¹⁾ „Тристанъ“ 81.

²⁾ Ср. напр., Бертольтъ, 1, 44.

³⁾ „Тристанъ“ 17900.

постоянно и при всякомъ случаѣ употребляемое образованными людьми эпохи Штауфеновъ.

Такой малый запасъ знаній, а стало быть и критическаго мышленія, естественно сильно мѣшалъ новому пріобрѣтенію опыта и научнаго матеріала; въ области исторіи, гдѣ увеличеніе знаній и расширеніе умственнаго кругозора благодаря непрерывному развитію представляется и болѣе легкимъ и естественнымъ, въ эпоху племенной культуры слѣдовали вполнѣ эпическому настроенію; уже въ концѣ 9 вѣка личность Карла Великаго даже въ преданіяхъ монастырской кельи ¹⁾ была окружена туманомъ сказаній и очень скоро этотъ туманъ достигъ громадныхъ размѣровъ; 10-й отчасти и 11-й вѣка знали народное историческое преданіе только въ формѣ саги. Подъ вліяніемъ возрожденія Каролинговъ и Оттоновъ появляется высокоразвитая исторіографія, въ которой уже въ 9 вѣкѣ замѣчается извѣстная доля критицизма, дошедшаго отъ второй половины 11 до 12 вѣка до значительной высоты, но эта исторіографія была латинской, а не національной; потому съ появленіемъ рыцарски-національнаго образованія она утратила умственную и въ особенности критическую самостоятельность. Среди рыцарскихъ же круговъ только въ 13 вѣкѣ появляется новая нѣмецкая исторіографія, развившаяся по существу на народной почвѣ; внутреннее ея содержаніе на половину анекдотическое и эпическое, а форма стихотворная.

Какимъ же образомъ при подобныхъ затрудненіяхъ даже въ сферѣ историческаго преданія могло быть подготовлено систематическое знаніе въ другихъ научныхъ дисциплинахъ? Даже для ближайшихъ національныхъ потребностей, для политическаго пониманія не было силъ. Цѣлыя поколѣнія замучились въ умственной работѣ, пока имъ удалось наконецъ въ борьбѣ за инвеституру различить понятіе церковнаго права отъ свѣтскаго; нѣкоторую неясность въ опредѣленіи королевской власти 12 и 13 вѣковъ и отграниченія ея отъ правъ свободныхъ людей и князей такъ и не удалось устранить; еще менѣе могли отличить государственную точку зрѣнія въ понятіи о королевской власти отъ точки зрѣнія частнаго права ²⁾. Можно ли было при этомъ думать о систематическомъ представленіи отдѣльных или общихъ правовыхъ отношеній, вообще о какой либо попыткѣ всесторонняго изслѣдованія какого нибудь свѣтскаго или экономическаго положенія?

И если и дѣлали попытки обобщенія, необходимаго для пріобрѣтенія хотя бы начатковъ научныхъ знаній, то это происходило не въ формѣ отвлеченія отъ многихъ отдѣльныхъ случаевъ, а такимъ образомъ, что какой нибудь отдѣльный случай дѣлали основаніемъ и пы-

¹⁾ Monachus Sangallensis, 883.

²⁾ Ср. Бернгейма въ Deut. Zeits. für Geschichtswissenschaft, 6 270.

тались дать ему окраску общаго случая, признавая его гипотетическимъ. Очевидно, что подобный методъ есть методъ поэта; поэзія становится такимъ образомъ формой мышленія, ей пользуются какъ средствомъ для созданія казуистическихъ типовъ. При посредствѣ такого метода пріобрѣтались свѣденія въ юриспруденціи и медицинѣ и въ практическихъ дисциплинахъ; неудивительно, что традиціонныя знанія въ этой сферѣ иногда прямо излагались въ поэтической формѣ. Исключительное положеніе по отношенію къ такому методу научнаго мышленія заняла только одна теологія. Она не могла ограничиваться отдѣльными опытами и ихъ казуистическимъ обобщеніемъ; ей было необходимо прибѣгать къ чисто логической дедукціи. Потому она, а вмѣстѣ съ ней и все философское мышленіе въ среднія вѣка, сдѣлалась игрой разума.

Жизнь эпохи, когда даже умственная дѣятельность получала поэтическую окраску и пользовалась поэтической формой, должна была быть насквозь проникнута поэзіей. И дѣйствительно, и знаніе и чувство націи въ 12 и въ 13 вѣкахъ имѣли совершенно поэтическія основы. Даже новыя формулы подчиненія жизни отдѣльнаго человѣка товарищескимъ отношеніямъ процвѣтающихъ въ то время общественныхъ профессій выражались въ стихотворной формѣ. Начиная отъ Винсбеке и Томазина Цирклера до народной гномики конца 13 вѣка господствовала широко развѣтвленная дидактика; она своими изрѣченіями управляла общественной жизнью также, какъ прежде, въ доисторическомъ обществѣ, господствовало формальное принужденіе юридическихъ формулъ.

Сама поэзія въ ту эпоху представлялась дѣйствительностью. Всѣ вѣрили въ дѣйствительность героевъ «круглаго стола», въ историческую дѣйствительность приключеній Энея, въ возможность превращеній Овидія; всякое сомнѣніе въ нихъ признавалось бы обществомъ преступленіемъ. Мало того: фантастичность этихъ сказокъ была недостаточной для той эпохи, жаждущей чудеснаго; было обычнымъ ссылаться предъ читателемъ на выдуманные источники для того, чтобы удовлетворить сразу и его поэтическимъ стремленіемъ и его жаждѣ истины и ничто не находило такого сочувствія, какъ такой матеріалъ, въ которомъ соединялись самыя разнузданныя фантазіи съ самыми конкретными и несомнѣнными представленіями, чудесное съ хорошо извѣстнымъ, невѣроятнѣйшія битвы съ такими мѣстами, какъ Вормсъ, Дортмундъ или Сѣстъ. Ничто яснѣе такой разнузданности фантазіи не доказываетъ, что образованіе въ эпоху Штауфеновъ не было научнымъ образованіемъ въ нашемъ смыслѣ слова, а образованіемъ эстетическаго міропониманія. Въ то время еще не шли рука въ руку съ знаніемъ, искусство захватывало все. Оно царило, какъ въ мірѣ идей, такъ и во внѣшней жизни; оно давало знанію поэтическую форму и

дѣлало поэзію дѣйствительностью; оно превращало ежедневную жизнь въ *hövescheit*, въ эстетически окрашенное существованіе.

Такимъ образомъ подъ воздѣйствіемъ искусства совершилось видоизмѣненіе стараго образа жизни аристократическихъ круговъ. Страстная подвижность прежняго времени, грубое проявленіе элементарнѣйшихъ чувствованій и настроеній въ жизни исчезли также, какъ въ скульптурѣ исчезло эксцентричное распредѣленіе членовъ; мѣсто всего насильственнаго и угловатаго замѣняетъ изящное и нѣжное. *Mäze*, т. е. способность при всякихъ обстоятельствахъ выражать свои ощущенія въ гладкой и изящной формѣ сдѣлалась идеаломъ какъ жизни, такъ и искусства; настоящая страсть въ ея элементарныхъ проявленіяхъ уже по мнѣнію стараго Реймара есть *arge site*, и Вольфрамъ убѣждаетъ.

Ob ir manheit kunnet tragen
So sult ir leit ze mazen klagen ¹⁾.

(мужественно выносите и благопристойно и умѣренно жалуйтесь)

Слѣдствіемъ такихъ новыхъ воззрѣній было полное измѣненіе національной личности; сущность прежняго настроенія измѣнилась; мѣсто чувствъ насильственной, типической страсти замѣняютъ условныя ощущенія, полныя полутоновъ, оттѣнковъ, мягкости, легко переходящей въ сантиментальность. Этому соотвѣтствуетъ и извѣстная уклончивость какъ въ сферѣ матеріальной, такъ и въ сферѣ нравственной. Запасъ выраженій для нравственной оцѣнки, раньше состоявшій только изъ грубыхъ и рѣзкихъ выраженій, безъ всякихъ оттѣнковъ, дополняется такими словами, какъ *milte* въ смыслѣ гуманности (вмѣсто прежняго значенія щедрости), или *tugent* — въ смыслѣ рыцарскаго сословнаго самосознанія (вмѣсто прежняго значенія пригодности). Въ поэзіи симптоматическое описаніе аффектовъ становится все болѣе утонченнымъ; у Генриха фонъ Вельдеке герои подъ вліяніемъ горячей любви еще только потѣютъ и дрожатъ, а Годфридъ Страсбургскій и Гартманъ фонъ Ауе избѣгаютъ уже подобныхъ неизящныхъ выраженій, у нихъ почти совершенно отсутствуютъ обычныя до того времени раздираніе одеждъ, расцарапываніе лица и вырываніе волосъ при описаніи аффектовъ²⁾. Но страстность чувственныхъ возбужденій прежняго времени вполне побѣждается при передѣлкѣ особенно рѣзкихъ типовъ народно-поэтическаго преданія въ типы свирѣпыя или комическіе. Такъ Гагенъ фонъ Тронегге становится страшной фигурой въ придворной пѣснѣ Нибелунговъ, а въ безпутномъ и воинственномъ монахѣ Ильзанѣ въ стихотвореніи «*Rosengarten*» въ нѣмецкой литературѣ появляется первый комическій старикъ.

1) „Парсиваль“ 11, 1027.

2) Ср. Roetteken въ *Zeits. f. deut. Altertum*, 34, 89.

Если всё такіа измѣненія были несомнѣннымъ прогрессомъ въ смыслѣ индивидуализированія народнаго духа, то все же нужно помнить, что они нигдѣ не выходили за границы условнаго, за предѣлы нѣсколько болѣе свободной формы старой типической душевной жизни. Самое лучшее доказательство этого состоитъ въ томъ фактѣ, что нигдѣ, за исключеніемъ самыхъ выдающихся, выше своего времени стоящихъ умственныхъ героевъ этого періода, не замѣчается индивидуальности умственнаго творчества.

Скульптура эпохи Штауфеновъ пользуется разъ найденнымъ удачнымъ мотивомъ, не обращая никакого вниманія на его творца; только такимъ образомъ и можно объяснить быстрое завершеніе иконографическаго канона. Въ научной сферѣ безъ всякихъ колебаній примѣняютъ чисто компилятивный методъ; ученые не сознаютъ еще себя индивидуальными творцами идей, а только членами, такъ сказать, комуннистическаго производительнаго общества. Ни одинъ писатель не стыдится присвоенія продуктовъ чужой фантазіи, ни одинъ строитель не стыдится присвоенія чужихъ плановъ; даже у поэтовъ мода предписываетъ ссылки на авторитеты.

Когда нѣтъ яснаго сознанія индивидуальнаго творчества, то и самосознаніе вообще должно находиться на довольно низкой ступени развитія. И дѣйствительно, человѣческую душу еще представляютъ себѣ также, какъ и въ 10 и въ 11 вѣкахъ, ареной воздѣйствія постороннихъ силъ, добрыхъ и злыхъ, сатаны и Бога. Это было старое церковное ученіе; монахъ Бертольтъ излагаетъ его въ такой формѣ, что послѣ рожденія каждаго ребенка дьяволъ избираетъ одного изъ своихъ аггеловъ, который и долженъ пытаться привлечь къ себѣ ребенка, а Богъ командируетъ къ нему ангела-хранителя и вся жизнь ребенка проходитъ подъ вліяніемъ этихъ двухъ совѣтниковъ ¹⁾. Въ другихъ сферахъ господствуютъ другія, не менѣе механическія представленія; по мнѣнію монахини Ава, напр., соотвѣтственно гораздо раньше развитымъ воззрѣніямъ, семь даровъ св. Духа сообщаются человѣку и порождаютъ въ немъ добродѣтели; по показанію первой книжечки Гартмана тѣло и сердце борются другъ съ другомъ: тѣло, какъ вмѣстилище чувствъ, а сердце, какъ вмѣстилище нравственныхъ, религіозныхъ и умственныхъ стремленій, и то и другое представляются личностями, одаренными чувствомъ и волей ²⁾, и они связаны только тѣмъ, что выше ихъ стоитъ душа, какъ внутренняя гармонія, предустановленная ради достиженія спасенія. Соотвѣтственно подобнымъ воззрѣніямъ въ понятіяхъ царила аллегоричность; желаніе и горячность, умъ и честь, злоба и раскаяніе, богатство и бѣдность, любовь и вѣрность олицетворялись и эти схематическія понятія представля-

1) Soester Zeits. 1882—83. Тоже воззрѣніе у Готфрида. „Тристанъ“ II, 339.

2) Muot, 945.

лись находящимися въ извѣстныхъ, почти математическихъ отношеніяхъ.

Понятно само собой, что такое умственное настроеніе исключало индивидуальное пониманіе чужой личности. Среди нашихъ историковъ 12 и 13 вѣковъ нѣтъ ни одного, обладавшаго даромъ описывать характеры; только Оттокаръ Штирійскій въ концѣ 13 и началѣ 14 вѣковъ обладалъ извѣстной способностью наблюденія характеровъ и ясной передачи своихъ наблюденій. Въ сферѣ искусства тоже напрасно было бы искать этой способности создавать портреты. Внѣшность передается условно вѣрно, какъ-то возрастъ, цвѣтъ волосъ и бороды и т. п., нѣкоторыя детали въ выраженіи лица — но дальше этого не идетъ художественная техника, ни рѣзьба на слоновой кости 11 вѣка, ни бронзовыя литыя изображенія на гробницахъ 12 вѣка, ни рисунки перомъ даже такой даровитой художницы, какъ рисовальщица въ *Notus deliciagum* Геррада Ландсперга. Только въ концѣ 13 вѣка появляются настоящіе портреты, какъ напр., короля Рудольфа и герцога Генриха Бреславскаго. Но даже въ началѣ 14 вѣка въ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ хотя бы и идеализированныхъ изображеній отдѣльныхъ поэтовъ, хотя ихъ костюмы и жесты изображены превосходно и индивидуально.

Эта черта многозначительна. Искусство и поэзія эпохи Штауфеновъ еще не дошли до характеристичнаго изображенія личностей, но за то они указываютъ на способность внѣшняго, условнаго изображенія дѣйствія. Потому въ нихъ очень ясно различается національность и сословные типы; напр., евреи нарисованы превосходно, славяне очень ясно и въ драмѣ объ антихристѣ нѣмцы и французы описаны очень вѣрно. Единственный крупный сатирикъ того времени Генрихъ Мелькъ гнѣвно борется противъ мірскихъ сословій (*Frou Welt*) и противъ жизни поповъ; ему отлично удается осмѣяніе ихъ обычныхъ грѣшковъ, онъ общественный, но отнюдь не индивидуальный сатирикъ. Но вообще поэзія вездѣ, гдѣ она творитъ, держится совершенно условныхъ идеаловъ, она создаетъ не по моледамъ, а по модѣ. Потому придворныя описанія характеровъ знаютъ только хорошія свойства своихъ героевъ; эти послѣдніе не изображенія, а образцы въ нравственномъ отношеніи, люди не этого міра, а міра условно идеальнаго; хорошо еще и то, если описаніе идетъ такъ глубоко. Часто же характеристика ограничивается подробнымъ изображеніемъ костюма и углубляется въ разныя мелкія, хотя и прекрасно изображенныя внѣшнія подробности.

Скульптура изображаетъ въ пространствѣ то, что описываетъ поэзія. Если оставить въ сторонѣ то обстоятельство, что она черпаетъ еще изъ не вполне утраченной сокровищницы старой символики движеній, то мы увидимъ, что она ограничивается постоянно возобновляемымъ воспроизведеніемъ установленнаго условнаго

идеала красоты. Постоянно однѣ и тѣже мягкія, на половину лишенныя мускуловъ и связокъ формы тѣла, тоже цвѣтущее тѣло, тѣже полныя бедра, тѣже плоскія ноги, тѣже круглыя головы, полныя нѣжной, любовной прелести, съ томными чувственно-влажными глазами, съ полными щеками и съ улыбающимся ртомъ, окруженныя волнами пышныхъ развѣвающихся волосъ. Соотвѣтственно общественному идеалу и модѣ того времени такой типъ красоты есть исключительно женственный и женскія фигуры удаются поэтому всего лучше; это искусство не строго, не глубоко и не возвышенно, оно только изящно и мило. Не даромъ ему особенно удаются изображенія летящихъ фигуръ, особенно ангеловъ; условность ихъ граціознаго стиля уничтожаетъ всѣ тѣ возраженія, которыя препятствуютъ реалистическому искусству изображать крылатыми безкрылыя человѣческія фигуры.

Такое направленія искусства и поэзіи отражается и въ пониманіи природы.

До эпохи Штауфеновъ природа для нашего народа была достаточно далека, какъ объектъ поэтическаго и художественнаго изображенія. Для старой героической саги впечатлѣнія, производимыя жизнью природы, были дѣломъ второстепеннымъ; быстрое движеніе разсказа воспрещало сагѣ какую-либо обрисовку сцены и отдѣльное описаніе природы съ цѣлями сравненія; даже въ придворныхъ редакціяхъ пѣсни о Нибелунгахъ и о Гудрунѣ почти не встрѣчается уподобленій. Искусство изображало орнаментально только тѣло животныхъ и растенія. Церковь тоже не была благопріятна чувственному изображенію природы, такъ какъ въ ней господствовало аскетическое направленіе христіанской набожности; тщетно Грабанусъ Маурусъ (Hrabanus Maurus) восклицалъ: *Deus est sanctus in omnibus operibus ejus* ¹⁾—Святъ Богъ во всѣхъ дѣлахъ его; только Рожеръ Бэконъ и Альбертъ Великій реабилитировали природу ²⁾.

Когда съ пробужденіемъ мірскаго настроенія (Frou Welt) подошли ближе къ природѣ, то все еще не охватывали ее во всей ея всеобщности. Никогда поэты, жившіе внѣ Германіи, не доходятъ до общей характеристики чужихъ ландшафтовъ, которые имъ удавалось видѣть; даже впечатлѣнія южной природы проходятъ для нихъ безслѣдно, Фрейданкъ, долго жившій въ Римѣ, изъ своего присутствія въ вѣчномъ городѣ умѣлъ извлечь только то замѣчаніе, что на дворцахъ тѣхъ, которые когда-то господствовали тамъ, растетъ трава.

Для общества эпохи Штауфеновъ природа нужна лишь постольку, поскольку она составляетъ сценарій; ея возвышенныя, но еще неясно рисующіяся формы, привлекаютъ рыцаря не болѣе, чѣмъ когда-то германцевъ; для него еще менѣе доступно эстетическое, основывающееся на чисто художественномъ наслажденіи, пониманіе цѣлаго,

¹⁾ De universo, 7.

²⁾ См. Алек. Гумбольта—„Космосъ“ 2.

свойственное позднѣйшему времени. Природа для тогдашняго общества только посредница въ тѣхъ общественныхъ наслажденіяхъ; которыя влекутъ изъ тѣсноты бурговъ въ луга, лѣса и поля; потому восхваляютъ весну и лѣто и ненавидятъ осень и зиму, потому всѣ описанія природы одинаковы по освѣщенному солнцемъ свѣтлому характеру ландшафтовъ, которые столь неподражаемо рисовали, какъ фонъ своихъ картинъ, старые фландрскіе мастера. Но даже и въ лѣтнемъ - то сезонѣ восхваляли только отдѣльныя подробности: теплый солнечный свѣтъ, свѣжее благоуханіе пробуждающейся земли, воздухъ мая, зеленый прохладный лѣсъ, щебещущихъ птичекъ, цвѣты, луга, рощи; требованія общественнаго существованія, требованія однообразнаго выраженія для любовнаго счастья и любовнаго страданія господствуютъ въ чувствахъ природы рыцарскаго общества.

Но даже и такія подробности рисовались предъ взорами художника только въ общихъ чертахъ; растительная орнаментика, хотя уже и болѣе блѣдная, еще процвѣтала и тѣмъ сильнѣе развивалась условная животная орнаментика. Возможно ли при этомъ было художественное пониманіе ландшафта на народной основѣ? Если въ какой-нибудь картинѣ и рѣшались изобразить ландшафтъ, то орнаментъ ставили рядомъ съ другимъ орнаментомъ, мимо орнаментальныхъ кустовъ и деревьевъ двигались орнаментальныя же животныя; объ естественныхъ краскахъ, о переднемъ, среднемъ и заднемъ планѣ, о перспективѣ вообще, не говоря уже о свѣтѣ и воздухѣ, не было и рѣчи. Въ то время человѣкъ еще не господствовалъ надъ природой ни матеріально, ни духовно; прошли многія поколѣнія, пока среда стала представляться ему какъ цѣлое; прошли цѣлыя вѣка, прежде чѣмъ онъ, мысля и творя, началъ господствовать надъ ней.

II.

Прогрессъ отъ культуры Оттоновскаго возрожденія до веселой поэтической и художественной жизни эпохи Штауфеновъ совершился не безъ замѣтныхъ переходовъ.

Уже въ первой половинѣ 11 вѣка возрожденіе эпохи Оттоновъ начинается падать. Итальянское свѣтское дворянство уже въ то время считалось гораздо болѣе свѣдушимъ, чѣмъ нѣмецкое; вскорѣ послѣ въ церковныхъ сферахъ въ Италіи появляется Петръ Даміани, во Франціи Ланфранкъ и Беренгаръ; нѣмецкое духовенство не могло выставить никого изъ своей среды, кто могъ бы стоять рядомъ съ ними; единственное, что процвѣтало подъ опекой нѣмецкаго духовенства, была церковная роскошь въ архитектурѣ.

При подобныхъ условіяхъ движеніе возрожденія, насколько оно еще продолжалось, начало все болѣе переходить къ народному. Уже въ

10 вѣкѣ появляются *Ecbasis cortivi* и пѣснь Вальтари (*Walthariliéd*), а теперь (на Тегернскомъ озерѣ около 1030 года) появляется *Ruodlieb*, латинское стихотвореніе очень смѣшаннаго рода, въ которомъ идутъ рядомъ, не сливаясь въ полное единство, мотивы изъ нѣмецкой героической саги и мотивы изъ широко распространеннаго цикла сказокъ и новеллъ; формы этого стихотворенія указываютъ на вліаніе странствующихъ пѣвцовъ, а нѣкоторые его детали уже возвѣщаютъ близость эпохи рыцарскаго общества: такъ, напр., въ немъ замѣчаются стремленіе къ приключеніямъ, условность въ сценаріѣ и нѣкоторыя черты, позволяющія предчувствовать будущее господство женщины.

И съ другой стороны тоже старое возрожденіе превратилось, если и не непосредственно въ національное, то, по крайней мѣрѣ, въ народное. Какъ умственный противовѣсъ странствующимъ пѣвцамъ и жонглерамъ появился сначала во Франціи, а потомъ и въ Германіи классъ *вагантовъ* и *голіардовъ*, комическій осадокъ религіозныхъ движеній 10-го и слѣдующихъ вѣковъ: путешествующіе ученики монастырскихъ школъ, убѣжавшіе члены духовенства, наслаждающіеся вольной жизнью бродя по всей странѣ, веселые пѣвцы латинскихъ задравныхъ и шутливыхъ пѣсенокъ, временами между дѣломъ писцы и учителя при дворахъ благородныхъ, а зимой съ притворнымъ покаяніемъ поселявшіеся въ сытыхъ монастырскихъ гостиницахъ. Эти пролетаріи возрожденія въ своихъ произведеніяхъ подражаютъ латиногреческимъ образцамъ; именно отъ нихъ, повидимому, они заимствовали виртуозность въ разработкѣ мотива о согласіи или противорѣчии естественнаго и любовнаго чувствъ. Но во всемъ остальномъ форма и языкъ ихъ сатиръ и похвальныхъ стихотвореній, пѣсенъ о странствіяхъ и любовныхъ пѣсенъ самостоятельны; у нихъ латинскій языкъ возрожденія сдѣлался самостоятельнымъ, органическимъ тѣломъ, обладающимъ способностью къ дальнѣйшему развитію. Да и по внутреннему своему содержанію эта поэзія, доходящая до 13 вѣка, имѣетъ совершенно оригинальный отпечатокъ; съ ненавистью противъ рыцарей, съ презрѣніемъ къ невѣжественнымъ мірянамъ она соединяетъ большую похотливость и чувственную полноту выраженія.

Естественно, что такая поэзія и ея представители внушали ужасъ оставшемуся вѣрнымъ своимъ обязанностямъ духовенству; оно заговорило о бродячихъ полахъ (*Vagi circulares*). Такъ какъ ваганты съ гордостью образованныхъ людей держались за латынь, то духовенство, избѣгая этого пришедшаго въ упадокъ возрожденія, начало заниматься нѣмецкимъ языкомъ, чтобы исполнять свои религіозныя обязанности на родномъ языкѣ. Уже въ 11 вѣкѣ оно выработало нѣмецкую часть литургіи, состоящую изъ проповѣди и слѣдующей за ней общей исповѣди, отпущенія и благословенія; а потомъ къ этому были присоединены символъ вѣры и молитва Господня на нѣмецкомъ

языкъ. Центральнымъ пунктомъ этой нѣмецкой части богослуженія было таинство исповѣди; въ кругѣ идей этого таинства духовенство и начало вліять на мірянъ въ свободной литературной формѣ. А такой формой могла быть только форма нѣмецкихъ стихотвореній.

Въ югозападной Германіи появились первыя изъ такихъ поэтическихъ произведеній; алеманскій священникъ Нокеръ написалъ мрачное *Memento mori*, рифмованную проповѣдь въ стилѣ монаховъ временъ реформации, призывавшую къ покаянію угрозой смерти; это былъ первый ростокъ поэтическаго направленія, съ тѣхъ поръ развивавшагося, пока оно не выразилось энергично въ сатирѣ Генриха Мелька.

Но духовная поэзія не остановилась только на такомъ матеріалѣ. Она обработала и другія части богослуженія; Эццо фонъ Бамбергъ, заимствуя матеріалъ изъ литургіи, написалъ свою восторженную пѣснь о чудесахъ божіихъ, кантату для празднованія церковной реформы, которая позже давала епископу Гунтеру Бамбергскому мужество и утѣшеніе при его путешествіи въ святую землю въ 1065 году ¹⁾.

Но если такимъ образомъ свободно относились къ требованіямъ, ставимымъ поэтической фантазіи Богослуженіемъ, то должны были вскорѣ перейти къ эпикѣ и этимъ удовлетворяли, конечно, національной потребности. Это, повидимому, прежде всего произошло въ Австріи; здѣсь были передѣланы въ форму эпическихъ нѣмецкихъ стихотвореній книги Бытія и Исходъ, старый и новыи завѣтъ и Ава, монахиня временъ императора Лотаря, написала стихотвореніе о страшномъ судѣ, о предметѣ, издавна особенно привлекавшемъ вниманіе нѣмцевъ ²⁾. Еще болѣе жизненно и заимствуя матеріалъ изъ богатой сокровищницы христіанскихъ легендъ, развилась нѣсколько позже духовная поэзія на Рейнѣ; уже въ первомъ произведеніи этаго рода, въ пѣснѣ о святомъ Анно, кельискомъ архіепископѣ, умершемъ въ 1075 году, проявилась любовь къ живому, современному и стремленіе къ непосредственному участию въ судьбахъ недавняго прошлаго народа. Тѣмъ не менѣе въ немъ сохраняются легендарныя черты, потому что великія историческія фігуры чрезвычайно быстро, чрезъ какое нибудь десятилѣтіе, уже облекались тогда въ глазахъ націи въ форму саги.

Въ сферѣ легендарной поэзіи духовенство уже значительно приблизилось къ чисто народному; было неизбѣжнымъ, что въ духовный матеріалъ было введено старое искусство странствующихъ пѣвцовъ; гіератическая серьезность не могла бороться съ національно эпическими формами. Духовные лица, бывшіе сначала проповѣдниками для народа, сдѣлались и его благосклонными совѣтниками и учителями

¹⁾ Но дѣйствительно ли *Cantilena de miraculis Christi* тождественна съ дошедшей до насъ? Ср. объ этомъ кромѣ Вильмана и Мейера еще Mettin—*Die Komposition des Ezzoleichs*, 1892 и Weidling—*Germania*, 37.

²⁾ Ср. Deering—*The anglosaxon poems on the judgment day* 1890.

во всяческой мудрости, тѣмъ болѣе, что тяжелые годы борьбы за инвеституру прошли и духовенство и народъ сошлись въ своемъ пониманіи свѣтскихъ дѣлъ современной культуры и имперіи. Такимъ образомъ рядомъ съ легендами, которыя писались тогда въ тонѣ поэзіи странствующихъ пѣвцовъ, появляется свѣтскій матеріаль всякаго рода, передача въ поэтической формѣ элементарныхъ свѣдѣній; появляется даже мелкая прозаическая литература съ подобными же дѣлями.

Въ то время, какъ духовенство пытается такимъ путемъ удовлетворить поэтическимъ и образовательнымъ потребностямъ націи, міръ (Frou Welt) все болѣе и болѣе пытается захватить умственное господство; въ первой половинѣ 12 вѣка образованіе рыцарскаго сословія и развитіе новыхъ общественныхъ идеаловъ становятся въ нѣкоторое противорѣчіе съ идеалами духовенства. Духовенство съ своими поэтическими стремленіями становится въ неловкое положеніе; вопреки его желаніямъ воскресаетъ старая героическая сага, какъ наиболѣе соответствующая новымъ возрѣніямъ и первыя начатки свѣтской любовной поэзіи дѣлаются неизбежными. Тогда нѣкоторые изъ членовъ духовенства, частію по собственному желанію, а частію поощряемые князьями, пытаются противиться развитію народной поэзіи тѣмъ, что обрабатываютъ чужой матеріаль въ формахъ нѣмецкаго эпоса. Такъ, напр., священникъ Конрадъ, находившійся въ службѣ Генриха Гордаго, перевелъ около 1130 года пѣснь о Роландѣ, главное стихотвореніе изъ круга французскихъ сагъ о Карлѣ, и почти въ то же время среднефранковскій священникъ Лампирехтъ переложилъ французскую пѣснь объ Александрѣ Альбериха Безансонскаго въ нѣмецкихъ стихахъ. Это было первымъ заимствованіемъ французскаго матеріала; рядомъ съ ними стоитъ болѣе древняя, еще раньше середины 12 вѣка законченная, форма нѣмецкой императорской хроники, стремившаяся, въ полномъ противорѣчій съ эпической народной пѣснію, излагать чисто историческую истину и искоренять всѣ ходячія басни.

Но это было напраснымъ трудомъ. Какъ въ 14 вѣкѣ клерики въ канцеляріяхъ посредствомъ секуляризаціи управленія приготавливали секуляризацію образованія, какъ въ 18 вѣкѣ піетисты приготовили поэзію чувства Клопштока, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкѣ Шиллера и Гете, такъ и послѣднія умственныя стремленія духовенства въ первой половинѣ 12 вѣка повели только къ расцвѣту народной поэзіи конца 12 и начала 13 вѣковъ.

Такія же явленія, какъ въ развитіи поэзіи, повидимому произошли и въ области искусства. При настоящемъ состояніи историческаго изслѣдованія это всего очевиднѣе въ сферѣ живописи. Старая техника рисунка тушью, которой обязаны своимъ происхожденіемъ прекраснѣйшія мініатюры 10 вѣка, въ 11 вѣкѣ пришла въ совершеннѣйшій упадокъ. На Рейнѣ, гдѣ отъ Рейхенау до Вельна процвѣтали

лучшія школы 10 вѣка, производство ихъ становилось все болѣе скуднымъ; далѣе къ востоку, въ южной и средней Германіи, гдѣ еще продолжали работать усердно, понижается цѣнность произведеній. Художники не держатся болѣе древне христіанскихъ образцовъ, какъ ихъ предшественники въ эпоху возрожденія; потому языкъ формъ и техника приходятъ въ упадокъ. Въ до сихъ поръ замкнутый циклъ изображеній изъ новаго завѣта, псалтиря или апокалипсиса все болѣе и болѣе проникаютъ новыя мотивы германскаго характера; создаются даже цѣлыя сцены, вызываемыя измѣнившейся чисто національно нѣмецкой силой воображенія. Традиція не даетъ болѣе художнику точки опоры; начинаютъ творить самостоятельно, какъ при эпической обработкѣ библейскаго матеріала въ области поэзіи.

Для всего этого теперь имѣлось и новое основаніе въ медленно происходившемъ прогрессѣ нѣмецкаго эстетическаго воззрѣнія. Это воззрѣніе еще въ 11 вѣкѣ ограничивалось сферой орнаментики, сферой, совершенно исчерпанной; но уже съ 9 вѣка дѣлались непрерывныя попытки условнаго завладѣнія сферой фигуръ, человѣческихъ формъ. Въ началѣ эти фигуры выходили довольно плоскими¹⁾; въ 10 вѣкѣ въ нихъ еще не было никакого стиля, хотя при изображеніи ихъ прибѣгали всегда къ самой легкой техникѣ, къ рисунку перомъ.

Въ концѣ 11 и въ началѣ 12 вѣковъ въ этомъ отношеніи произошло измѣненіе. Появился настоящій стиль изображенія эскизнаго; стараются въ этомъ наивномъ и свѣжемъ стилѣ передать извѣстныя представленія, иллюстрировать извѣстные тексты. На пергаментѣ набрасывались нѣкоторые штрихи, то энергичные, то нѣжные; оттѣнки отмѣчаются только развѣ въ выраженіи лица, а во всемъ остальномъ зрителю должна уже помочь его фантазія. Въ этихъ зачаткахъ новаго искусства преобладаетъ только интересъ къ человѣку, все остальное представляется неважнымъ, второстепеннымъ: какъ то архитектура, ландшафтъ и вообще вся обстановка; о перспективѣ еще пока нѣтъ и рѣчи; животный и растительный міры передаются болѣе или менѣе орнаментально и почти никогда не соблюдается надлежащей пропорціи между людьми и окружающими предметами. Таковы множество рисунковъ перомъ, появившихся преимущественно въ южной Германіи и на Рейнѣ.

Черезъ нѣсколько поколѣній техника и искусство развиваются далѣе до извѣстной полноты и до почти абсолютной вѣрности въ стилѣ линий; появляются уже развитая техника и нѣкоторая утонченность. При видѣ наиболѣе выдающихся памятниковъ неизбѣжно представляется вопросъ: не перешло ли уже въ это время искусство изъ рукъ

---

1) Ср. напр., несомнѣнно французскій Евангеліарій изъ Шартра первой половины 9 вѣка, Бастардъ—115. Головы тутъ еще постоянно en face, а носы въ профиль.

клериковъ въ руки свѣтскихъ людей? Одинъ изъ важнѣйшихъ цикловъ изображеній этого времени, сохранившійся, однако, только въ позднѣйшихъ копіяхъ ¹⁾, представляетъ иллюстраціи къ цѣснѣ о Роландѣ священника Конрада; былъ ли онъ ввезенъ вмѣстѣ съ текстомъ изъ Франціи, не смѣшиваются ли въ немъ нѣмецкое искусство и французское вліяніе? Наши свѣденія оставляютъ этотъ вопросъ въ его деталяхъ настолько же открытымъ, какъ и вопросъ о постепенно произошедшей въ 12 вѣкѣ секуляризаціи строительнаго искусства и о слѣдствіяхъ такой секуляризаціи относительно передачи строительныхъ и орнаментальныхъ мотивовъ. Несомнѣнно только одно, что и тутъ начинается тотъ переходъ къ народному, — можетъ быть отчасти и подъ вліяніемъ французскихъ элементовъ искусства, — который въ поэзіи въ срединѣ 13 вѣка привелъ къ полной эмансипаціи мірянъ.

III.

Съ господствомъ свѣтскихъ интересовъ въ сферѣ поэзіи прежде всего снова, еще раньше полнаго образованія рыцарскаго сословія, поднялось значеніе класса бродячихъ актеровъ и пѣвцовъ, этихъ прежнихъ носителей національной поэзіи. Происходя изъ крестьянъ и деклассированныхъ людей, теперь уже не учителя народа, а его забавники, они со времени полнаго усвоенія христіанства падали все ниже и ниже; давно уже многіе изъ нихъ жили и одѣвались милостыней ²⁾.

Теперь при появленіи *вагантовъ* имъ представилась возможность нѣкотораго духовнаго подъема; вмѣстѣ съ *вагантами* и съ низшимъ духовенствомъ имъ теперь случалось садиться за столъ князей ³⁾. Оба класса этихъ бродягъ обмѣнивались своими знаніями; рядомъ съ старыми формулами колдуновъ становятся рецепты изъ Галена, рядомъ съ тайнами эльфовъ и лѣшачихъ мистическія знанія «физиологуса», рядомъ съ строфами о Нибелунгахъ саги о Троянской войнѣ и объ Энеѣ. Эти бродяги сообщаютъ разносятъ новыя фантастическія воззрѣнія по востоку и западу, по югу и сѣверу; они прочитываютъ французскія и испанскія сказки, они слушаютъ индѣйскія сказочки въ Константинополѣ и на поляхъ малой Азіи.

Такимъ образомъ въ сокровищницѣ свѣденій странствующаго пѣвца собирается матеріалъ, позволяющій ему конкурировать съ поэзіей духовенства; тѣмъ болѣе, что министеріалы, члены этого сословія, при

---

¹⁾ Ср. Oechelhäuser — Die Miniaturen der. Univ. bibliot. zu Heidelberg 1 и Лампрехтъ Westdeutsche Zeits 7.

²⁾ О положеніи бродячихъ пѣвцовъ послѣ 1150 г., см. Шерера — Deutsche Studien, 1.

³⁾ „Пареваль“ — Вольфрама, 1.

повышеніи значенія администраціи съ середины 12 вѣка начинаютъ вообще сознавать себя выше стоящими въ обществѣ и тѣмъ болѣе, что сама нація требовала свѣтскаго матеріала и свѣтскаго же изложенія. Нужно было лишь извѣстное облагороженіе формъ рѣчи, нужно было только болѣе подробностей и пріятности въ описаніяхъ сравнительно съ старыми сагами, болѣе блестящее смѣшеніе національнаго и ученаго матеріаловъ для того, чтобы бродячіе пѣвцы стали выше духовенства въ области поэтической дѣятельности.

Это и произошло въ срединѣ 12 вѣка. Въ преданіи такое измѣненіе отмѣчается въ стихотвореніи о королѣ Ротгерѣ, написанномъ въ средней Франконіи, можетъ быть въ Баваріи, а также въ рейнской пѣснѣ о герцогѣ Эрнстѣ, этомъ вѣрно-невѣрномъ герцогѣ въ характерѣ котораго соединены историческія фигуры Ліудольфа, мятежнаго сына Оттона Перваго и герцога Эрнста II швабскаго, возмущавшагося противъ императора Конрада II. Высочайшаго своего развитія это направленіе достигло въ шуточныхъ эпахъ Оренделѣ изъ окрестностей Трира и Сальманѣ и Морольфѣ изъ южной рейпской Франконіи, изъ которыхъ особенно послѣдній отличается особенно комической шутливостью. Всѣ эти стихотворенія отличаются безвкусіемъ, но силой и пользуются мѣстными эффеками; изображенія еще формальны и типичны; придворная грація въ описаніяхъ еще отсутствуетъ.

При поднятій поэзіи бродячихъ пѣвцовъ до высоты этихъ эповъ борьба между пѣвцами и попами была закончена; теперь развитіе идетъ по пути появленія придворной свѣтской поэзіи. Бродячіе пѣвцы передали этой высшей ступени развитія, участвовать въ которой имъ удавалось развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, драгоценное наслѣдство, сокровище нашей родной героической пѣсни, сохранившееся и обезображенное преданіемъ, но скрывающее въ себѣ все-таки древнее золото великихъ взглядовъ и великихъ судебъ и сохранившееся именно благодаря имъ

Мы не имѣемъ ни одного свидѣтельства изъ эпохи Штауфеновъ, которое говорило бы о сохраненіи героической пѣсни въ рейнской Франконіи, на нижнемъ Рейнѣ и въ Вестфалии. Прежнія же поколѣнія, можетъ быть даже старшіе современники императора Фридриха I, должны были именно здѣсь сохранить саги о Зигфридѣ и бургундскихъ короляхъ, о Гудрунѣ, о Вальтерѣ и Гильдегунтѣ, о Гугдитрихѣ и Вольфдитрихѣ, даже сагу о Дитрихѣ въ ея различныхъ развѣтвленіяхъ; они именно должны были развить эти саги далѣе при сохраненіи старыхъ мотивовъ вѣрности, кровомщенія и братства крови. Съ увеличеніемъ сношеній въ 12 вѣкѣ старыя пѣсни проникли изъ франко-саксонской области на югъ и юго-востокъ, навѣрное переносимые странствующими пѣвцами и забытыя на старой родинѣ, получили новое отечество въ Баваріи и Австріи.

Здѣсь, въ этихъ странахъ, бывшихъ одинаково отдаленными и отъ

Оттоновскаго возрожденія и отъ французскихъ вліяній ¹⁾ рыцарской эпохи, старые матеріалы подверглись литературной обработкѣ. Въ строфахъ, развившихся постепенно посредствомъ медленнаго, въ подробностяхъ неизвѣстнаго процесса изъ системы германскихъ рифмъ, отдѣльныя пѣсни уже въ началѣ 11 вѣка слились въ большія, болѣе или менѣе другъ съ другомъ связанныя поэмы и прежде, чѣмъ бродячіе пѣвцы имѣли возможность дать содержанію комическое направленіе, онѣ уже появились въ кругу высшаго общества, въ то время развившагося въ рыцарское сословіе.

Здѣсь онѣ по образцу въ то время вполне развившихся нѣмецко-французскихъ романовъ, тѣхъ произведеній нашихъ величайшихъ мастеровъ конца 12 и начала 13 вѣковъ, которыя очень рано проникли и въ Австрію, подверглись обработкѣ, въ которой и сохранились до нашего времени. При этомъ была сохранена и обычная форма, а также и по отношенію къ содержанію были сохранены цѣлые циклы давно существовавшихъ пѣсенъ; главные же характеры въ ихъ дѣйствіяхъ, а также и окружающія ихъ отношенія представляются какъ наслѣдіе давно прошедшихъ временъ. Но весь этотъ матеріалъ, сохранившійся въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, былъ посредствомъ перемѣщенія и округленія его, слить въ одну массу, характеръ которой показываетъ ея придворное происхожденіе. Такъ, на примѣръ, рядомъ съ старымъ сокровищемъ эпическихъ формулъ и быстрымъ, бѣднымъ образами, теченіемъ разсказа въ древнѣйшихъ составныхъ частяхъ стоитъ широкая манера описаній рыцарскихъ романовъ, среди краткой древней рѣчи случайно встрѣчаются фразы придворнаго приличія—это похоже на то, какъ будто современный архитекторъ приспособилъ и дополнилъ развалины сѣдой древности для удобствъ современной жизни. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ потому замѣчается духъ романтическаго и именно такое противорѣчіе мышленія совершенно различныхъ эпохъ можетъ дѣйствовать на насъ, и дѣйствуетъ, особенно сильно и поэтически; но напрасно было бы искать въ нихъ свойствъ законченнаго художественнаго произведенія. Нѣкоторые изъ обработывавшихъ старыя саги обладали замѣчательной силой поэтическаго превращенія,—какъ, на прим., переработавшій сагу о Гудрунѣ, но все же имъ не удалось передѣлать старый матеріалъ въ духъ новой культуры.

Гораздо болѣе удачно шло развитіе лирики. Дѣйствительно, на короткое время удалось при помощи народной поэзіи создать высокую національную поэзію, полную добродѣтельной чистоты и опредѣленнаго стиля.

---

¹⁾ Въ Австрію обработка французскаго матеріала проникла только около 1215 — 1220 г. съ Ульрихомъ фонъ-Тюрлиномъ, но и то только, какъ случайное явленіе.

Рядомъ съ хоровой поэзіей первобытныхъ временъ искони существовала любовная пѣсня, какъ естественное выраженіе высочайшаго человѣческаго чувства. Древнія формы этой поэзіи мы можемъ найти въ наиболѣе чистомъ видѣ среди крестьянства 12 вѣка. Главными родами ея были плясовая пѣсня и любовная пѣсня, какъ выраженіе любовнаго желанія. Первоначально возникшіе въ формѣ импровизаціи, подобные цвѣтку, выростающему на лугахъ подѣ дѣйствіемъ солнечнаго луча, эти роды поэзіи уже тогда составляли сокровищницу издавна пріобрѣтенныхъ формъ и наиболѣе удачныя изъ произведеній этого рода были распространены повсемѣстно, Такова, на примѣръ, плясовая пѣсня:

Swaz hie gat umbe
daz sint allez megede
die wellent an man
alle disen sumer gan;

или извѣстная пѣсня любовнаго торжества: Du bist min, ich bin din—(я твоя, а ты мой) или страстная:

Chume chum geselle min
ich enbite harte din,
ich enbite harte din
Chume chum geselle min!
Suzer rosenvarwer munt
Chum unt mache mich gesunt;
Chum unt mache mich gesunt;
Suzer rosenvarwer munt!

(Иди, иди, мой другъ — я жду тебя давно; я жду тебя давно—иди, иди, мой другъ; сладкія алыя уста, придите, уврачуйте меня).

Это была лирика, полная глубины чувства и страсти и иногда полная юмора; при этомъ формы ея самыя простѣйшія, стихи безъискусственны, хотя и въ высшей степени музыкальны, метръ, кромѣ нѣкоторыхъ плясовыхъ, никогда не измѣняется.

Начинающаяся рыцарская культура не прямо приняла и развила далѣе эту лирику; только въ позднѣйшее время можно замѣтить ея непосредственное вліяніе. Но все же въ началѣ она удержала то отношеніе между любящими, какое было извѣстно при крестьянской культурѣ — ухаживающей стороной былъ не мужчина, а женщина, дѣвушка—для выраженія любовнаго желанія рыцарская культура воспользовалась эпической формой туземной героической пѣсни. Таковы были начатки древнѣйшей извѣстной намъ германской лирики — лирики англо-саксонской; и въ этой послѣдней лирико-элегическое настроеніе выражается въ монологахъ эпической формы. Но въ то время, какъ здѣсь самыя различныя типическія личности народной жизни: разбойникъ, морякъ, странникъ передаютъ лирическое настроеніе, древнѣйшія эпическія изліянія нѣмецкой рыцарской эпохи,

дошедшія до насъ въ строфахъ пѣсни о Нибелунгахъ подъ именемъ Кюрнбергера, говорятъ только о чувствахъ женщины. Женщина одиноко стоитъ на широкомъ лугу, ожидая возлюбленнаго и видитъ летящаго сокола: *so wol dir valke, das du bist!*

Это лирика, которая не рефлектируетъ и не анализируетъ; формы ея настроенія, ея тонъ еще эпическіе, она сохраняетъ типическія формы героической пѣсни даже и тогда, когда первоначальная оболочка разсказа отпадаетъ и женщина прямо и непосредственно обращается къ возлюбленному.

Родина этой поэзіи, процвѣтавшей въ срединѣ 12 вѣка, Австрія— та Австрія, о которой Вальтеръ говоритъ: *Ze Osterriche lernte ich singen unde sagen* (въ Австріи выучился я пѣть и говорить), тогда, какъ и теперь, страна радостнаго наслажденія жизнию, а въ 12 вѣкѣ кромѣ того страна разцвѣтающей, пустившей глубокіе корни нѣмецкой культуры, проходная страна для тѣхъ народныхъ массъ, которыя, полныя радостныхъ надеждъ, то шли на востокъ, какъ божіи воины, то селились на развалинахъ Венгрии, какъ завоевателя и пионеры нѣмецкой культуры.

Но эта придворная лирика не имѣла за собой будущаго. Отношеніе женщины, какъ стороны ухаживающей, желающей, при развитіи рыцарскаго общества очень скоро превратилось въ совершенно противоположное отношеніе; женщина стала царицей, а рыцарь служащимъ ей вассаломъ. Сначала, конечно, такое превращеніе произошло не въ формахъ условности той эпохи, которая находилась подъ вліяніемъ французскихъ представленій; женщина еще не считалась недостижимой полубогиней; любовь сохраняла еще сильно чувственный оттѣнокъ; она искала и находила сочувствіе; соотвѣтственно этому любовное служеніе создало лирику, твердо и опредѣленно стоящую на почвѣ дѣйствительности, описывающую факты настроенія и позволяющую отдѣльному поэту пѣть только немногіе годы—годы юности и дѣйствительно переживаемой любви. Въ такомъ именно родѣ, кромѣ другихъ баварскихъ рыцарей, писалъ бургграфъ Регенсбургскій. Онъ принадлежалъ, какъ и позднѣйшій бургграфъ Ритенбургскій, къ старому дворянскому роду, уже съ послѣдней трети 10 вѣка этотъ родъ обладалъ графской должностью; отецъ поэта былъ родственникомъ по браку историка Отто Фрейзинга, епископа Пассаускаго и герцоговъ Леопольда IV и Генриха II Австрійскихъ; его супруга, изъ рода Бабенберговъ, была внучкой императора Генриха IV. Какъ видите, лирика въ этой формѣ проникла въ высшія сферы народа на юго-востокъ страны.

Но это уже была послѣдней ступенью развитія чисто національной лирики; бургграфъ Ритенбургскій, одинъ изъ младшихъ сыновей регенсбургскаго бургграфа, находится уже подъ провансальскими вліяніями ¹⁾).

¹⁾ Ср. Шерера—*Deutsche Studien* 2. Burdach-Reimar.

IV.

Если сравнить безконечное количество сердечнымъ настроеній, которыя выражала лирика во время своего процвѣтанія при Штауфенахъ, съ скудостью мотивовъ французской и провансальской поэзіи 12 вѣка, поэзіи почти исключительно любовной, то мы не можемъ впасть въ ошибку и считать нѣмецкую лирику этого времени заимствующей свое содержаніе изъ чужихъ образцовъ или даже состоящей совершенно подъ чужими вліяніями. Матеріальное отношеніе существуетъ, — если не имѣть въ виду короткаго періода болѣе древняго заимствованія—лишь постольку, поскольку условный любовный идеалъ, развившійся въ Германіи и давшій лирикѣ существенное ея содержаніе, при образованіи его общественныхъ формъ отчасти находился подъ французскимъ вліяніемъ. Вообще же заимствованія нѣмецкой лирики ограничивались стихотворной формой и условностью выраженія. Но и тутъ чужое вліяніе дѣйствовало благотельно на туземное развитіе, также какъ классическое искусство въ эпоху каролинговъ повело къ очищенію нѣкоторыхъ формъ нѣмецкой орнаментики; было регулировано число слоговъ въ стихѣ, рифмы стали чище и правильнѣе распредѣлены, строфы раздѣлились на три части. При этомъ введеніе французскихъ музыкальных инструментовъ тоже не остались безъ вліянія на поэзію; въ нѣмецкой лирикѣ слово и музыка были еще нераздѣльными. Марнеръ еще въ 13 вѣкѣ говорилъ: *gedoene ane wart, daz ist ein toter galm*¹⁾).

(Звукъ безъ словъ—мертвая буква).

Не говоря о первомъ воспріятіи нѣкоторыхъ французскихъ элементовъ бургграфъ Ритенбургъ и въ другомъ болѣе глубокомъ смыслѣ стоитъ уже на порогѣ новаго развитія нашей лирики; онъ первый несчастный любовникъ рыцарскаго общества, онъ тщетно молить о высочайшей милости своей дамы, онъ чувствуетъ свое страданіе какъ поэтическій мотивъ. Потому онъ былъ провозвѣстникомъ той рефлектирующей любовной поэзіи, которая съ этого времени въ теченіи болѣе двухъ поколѣній составляетъ средоточіе лирической поэзіи.

Прежняя поэзія была наивной—въ энической или простѣйшей лирической формѣ небольшія, по большей части въ одну строфу, стихотворенія рассказывали о счастіи и страданіи любви. Новая же поэзія сантиментальна, она наблюдаетъ чувства, она погружается въ любовное томленіе, она культивируетъ грусть и наслаждается горемъ, она выливаетъ въ поэтическихъ образахъ мечтанія безконечныхъ часовъ и дней.

¹⁾ Hagen, 3.

Первобытныя формы исчезаютъ; *daz liet*, простая строфа не удовлетворяетъ больше, появляется *diu liet*, стихотвореніе, и оно состоитъ изъ изысканныхъ разговорныхъ формъ, антитезъ и парадоксовъ. Метафорическая поэзія исчезла, ея мѣсто замѣняетъ реторическая лирика.

Эта новая лирика развивается почти одновременно въ различныхъ странахъ Германіи; она вызывается туземнымъ развитіемъ общества, но моделируется французскимъ вліяніемъ; рядомъ съ баварцемъ бургграфомъ Ритенбургомъ стоитъ Генрихъ фонъ-Вельдеке ¹⁾ изъ окрестностей Маастриха, нѣсколько грубый, какъ ниже-франконецъ, притомъ немного неловкій и холодный, и смѣло анализирующій швейцарецъ Рудольфъ фонъ-Фенисъ (+ 1196). Но особеннаго развитія новая лирика достигла на среднемъ Рейнѣ. Здѣсь, кромѣ уроженца Пфальца, Ульриха Гутенберга, пишетъ стихи Фридрихъ фонъ-Гаузенъ, настоящій поэтъ, крупный, живой и не смотря на рефлексію образный, нѣсколько рѣзкій и страстный, однако выносившій свою несчастную любовь съ резиньяціей придворнаго. Фридрихъ Гаузенъ происходилъ изъ Нассау, но жилъ въ окрестностяхъ Вормса; уже около 1170 года онъ писалъ стихи и палъ во время крестоваго похода 1190 г. Онъ былъ близокъ къ императору Фридриху I и послѣдующему императору Генриху IV; можетъ быть онъ именно поощрялъ Генриха написать единственную сохранившуюся пѣсню

Ich grueze mit gezange die zuese ²⁾,

(Пѣснью привѣтствую милую).

и навѣрное его личныя отношенія къ Штауфенамъ много способствовали тому, что Штауфены сдѣлались покровителями нѣмецкой поэзіи, въ особенности въ послѣдующихъ поколѣніяхъ этого рода: король Филиппъ Швабскій, императоръ Фридрихъ II, Генрихъ VII, Конрадъ IV и Манфредъ Сицилійскій.

Реймаръ фонъ-Гагенау перенесъ новую сантиментальную лирику съ Рейна въ Австрію; уже раньше 1195 г. Реймаръ жилъ при Вѣнскомъ дворѣ, а въ 1190 году онъ, можетъ быть, сопровождалъ герцога Леопода VI въ крестовый походъ императора Фридриха. Реймара можно считать самымъ виднымъ представителемъ рефлектирующей лирики. Мягкая натура, замѣчательно способная углубляться въ жизнь чувства, онъ былъ, такъ сказать, созданъ для того, чтобы сдѣлаться поэтомъ настроенія; при этомъ у него не было недостатка въ нѣкоторой дозѣ тщеславія; онъ имѣлъ притязаніе быть *wert*, т. е. интереснымъ. Его стихотворенія переполнены придворными условно-

¹⁾ Ср. Burdach—Reimar.

²⁾ Minnes. Frühling, 5, 16. По мнѣнію Шерера—(Deutsche Studien, 2) оно понятно въ 1184 г.

стями несчастной любви, потому содержаніе ихъ часто безлично, безцвѣтно и безформенно; положенія также натянуты и часто извращены примѣсью механхолической мечтательности. Насколько отлична отъ этой лирики съ блѣдными мыслями поэзія Генриха Морунгена, единственнаго представителя условной лирики въ средней Германіи! Знатный и счастливый, буйный въ ненависти и въ любви, въ радости и въ гнѣвѣ, при этомъ полный шутливаго юмора и иногда неприкрытой чувственности, какъ по своей родинѣ — онъ жилъ въ Лейпцигѣ — такъ и по своей даровитости онъ занимаетъ особое положеніе среди родственныхъ ему поэтовъ; потому онъ скоро и былъ забытъ, онъ остался только во мракѣ саги, какъ Морингеръ.

Вообще этотъ періодъ рыцарской лирики не отличается сильными поэтическими индивидуальностями; кромѣ Генриха Морунгена можно назвать развѣ еще одного страстнаго Гартвика фонъ-Руте; большинство же поэтовъ, какъ личности, остаются въ предѣлахъ условнаго и составляютъ совершенную противоположность смѣлому, блестящему личными свойствами характеру трубадуровъ. Соціальное основаніе еще совершенно перевѣшиваетъ индивидуальное значеніе; поэтъ сознаетъ себя нераздѣльнымъ съ обществомъ; онъ сознаетъ себя, такъ сказать, тождественнымъ съ публикой, потому онъ не считается никоимъ образомъ особенно одареннымъ или гениемъ; только со временъ Клопштока, съ вѣка оригинальныхъ гениевъ, образуется такое сознаніе. Поэтъ оригиналенъ и стремится быть таковымъ не въ содержаніи своего настроенія, а во внѣшней его формѣ; въ то время какъ французы повторяютъ часто ту же форму строфы, нѣмецкій лирикъ ищетъ постояннаго разнообразія; случайно высказанный упрекъ, что онъ *doenedier* (укралъ топъ, папѣвъ), считается худшимъ оскорбленіемъ, тогда какъ по отношенію къ литературному матеріалу еще вполнѣ отсутствуетъ стремленіе къ оригинальности; поэты для обозначенія тоновъ настроенія имѣютъ въ своемъ распоряженіи безконечно художественный языкъ. Это та же черта, которую мы замѣчаемъ и въ области скульптуры: понятіе объ обрисовкѣ предметовъ уже развилось, но еще нѣтъ силы, чтобы изобразить ихъ реально, соотвѣтственно ихъ настоящей сущности, чтобы овладѣть ими, какъ своей духовной собственностью.

Въ этомъ направленіи въ качествѣ лирика пошелъ дальше только одинъ Вальтеръ фонъ-Фогельвейде¹⁾. Вальтеръ родился около 1170 года, писать началъ, вѣроятно, въ концѣ восьмидесятихъ годовъ 12 вѣка; до 1198 года находился при Вѣнскомъ дворѣ и подъ вліяніемъ Реймара, потомъ велъ бродячую жизнь, постоянно мѣняя партіи въ измѣнчивой борьбѣ претендентовъ-королей, но оставаясь по-

---

¹⁾ Потому онъ и понятнѣе для нашихъ современниковъ.

стояннимъ въ національномъ направленіи своихъ воззрѣній, поселился въ 1220 году на небольшомъ ленѣ близъ Вюрцбурга, которымъ онъ былъ обязанъ милости императора Фридриха II и съ 1228 года исчезаетъ изъ историческаго преданія. Онъ происходилъ изъ рыцарскаго рода, но не имѣлъ наслѣдниковъ; въ актахъ онъ упоминается только одинъ разъ и сдѣлался безсмертнымъ благодаря только своимъ пѣснямъ.

По рожденію предназначенный къ рыцарской жизни и къ поэтической дѣятельности при дворѣ, онъ въ силу своей несостоятельности долженъ былъ сдѣлаться бродячимъ пѣвцомъ; только къ концу жизни отдохнулъ онъ у своего собственнаго очага:

ni enfurhte ich niht den hornung an die zehen! ⁴⁾.

(не боюсь я зимней стужи для своихъ усталыхъ ногъ)

Но такое двойственное положеніе и обуславливало его значеніе. Съ подвижнымъ, сангвиническимъ темпераментомъ, при этомъ многопытный и сильно воспримчивый, и однако оригинальный и самовластный до невыносимой охоты къ спору и раздорамъ, поэтъ дѣйствительности и энергіи, онъ вкладывалъ въ условную любовную пѣснь здоровую чувственность бродячихъ пѣвцовъ и возстановилъ утраченное равновѣсіе между непосредственнымъ любовнымъ опытомъ и посредствующей рефлексіей. Только первыя изъ его пѣсенъ указываютъ на вліяніе на него Реймаровской чувствительности; но скоро онъ отдѣлался отъ этихъ нездоровыхъ узъ и зазвучала его пѣсня, пѣсня челоуѣка, много любившаго и много любимаго, какъ награда любви, какъ высшей, такъ и низшей. Такимъ образомъ онъ превращаетъ жизнь въ поэзію и поэзію въ жизнь; непосредственность его настроенія и его выраженія остаются недостижимой для другихъ идеаловъ въ теченіи среднихъ вѣковъ.

Благодаря своему двойственному положенію бродячаго пѣвца и рыцаря онъ расширилъ кругъ матеріаловъ придворной поэзіи. *Ваганты* и бродячіе пѣвцы уже въ 12 вѣкѣ занимались дидактической поэзіей, частію въ видѣ простой гномики, а частію въ формѣ ругательныхъ или похвальныхъ пѣсенъ о людяхъ и дѣлахъ. Вальтеръ пытался создать политическую поэзію съ серьезнымъ значеніемъ и пытался при ея посредствѣ, грозя и убѣждая, руководить общественнымъ мнѣніемъ въ патріотическомъ направленіи. Вальтеръ, не смотря на то, что онъ былъ добрымъ, вѣрующимъ христіаниномъ, былъ яростнымъ борцомъ противъ папы, но онъ сознательно выступалъ также и противъ всѣхъ извращеній національнаго развитія и совѣтывалъ примѣнять противъ нихъ самыя смѣлыя и радикальныя мѣры.

---

¹⁾ Lachmann, 28, 32.

Какъ дидактическій поэтъ Вальтеръ имѣлъ только немногихъ и слабыхъ подражателей; потомъ гномика снова попала въ сферу бродячихъ поэтовъ, хотя и составляла еще существенную часть поэзіи въ концѣ 13 вѣка. Какъ лирику ему подражали всѣ послѣдующіе поэты отъ Отто Ботенлаубена, маркграфа Гогенбурга, и Гильтбольта Швангау до послѣднихъ миннезингеровъ конца 13 и начала 14 вѣковъ. Но приблизительно сравнялся съ нимъ только одинъ его современникъ Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ. Въ немногихъ своихъ стихотвореніяхъ Вольфрамъ былъ однимъ изъ величайшихъ нѣмецкихъ лириковъ; его пѣсни проистекаютъ изъ самой глубины внутренней жизни и субъективныя по своему тону гораздо болѣе, чѣмъ какое либо изъ стихотвореній эпохи Штауфеновъ, онѣ при этомъ столь образны, что даже фигуры Вальтера при сравненіи съ ними кажутся блѣдными. Всего лучше у Вольфрама, конечно, пѣсня, содержаніе которой разговоры и рассказъ; онъ по существу мастеръ въ поэзіи эпической.

Эпiku, особенно въ формѣ романа, можно признать настоящей модной поэзіей того времени. Рыцарское общество было неутомимо въ воспріятіи романическаго матеріала; какъ прежде племенная эпоха отъ 7 до 9 вѣка воспринимала орнаментику отъ римлянъ и восточныхъ народовъ, отъ ирландцевъ и англо-саксовъ, такъ рыцарская эпоха воспринимаетъ рассказы отовсюда и передѣлываетъ ихъ въ самомъ пестромъ разнообразіи.

Такая чрезвычайная способность къ воспріятію была главной причиною проникновенія французскихъ сагъ и стихотвореній, въ которыхъ былъ обработанъ этотъ матеріалъ.

Во Франціи эпическая поэзія въ срединѣ 12 вѣка давно уже не была народной; она давно уже черпала свой матеріалъ не изъ однихъ деревенскихъ пѣсенъ, *cantilenaе rusticae*. Французскіе эпики тогда начали уже обрабатывать древнія стихотворенія, латинскія хроники и заимствовали новые матеріалы изъ позднѣйшихъ классическихъ историческихъ книгъ и рассказовъ. Но въ особенности въ циклъ своихъ матеріаловъ они ввели бретонскія саги, традиціи, центромъ которыхъ была личность короля Артура, и которыя, можетъ быть, проникли въ сѣверную Францію изъ норманскаго двора Англіи и особенно изъ Бретани. Весь этотъ матеріалъ, фантастически богатый и жизне-способный благодаря безконечному количеству различныхъ возможныхъ комбинацій его отдѣльныхъ частей, былъ обработанъ французскими поэтами въ формѣ большихъ романовъ придворнаго общества, причемъ они внесли въ этотъ матеріалъ рыцарскую жизнь и рыцарскіе идеалы и на этой основѣ совершили различныя сопоставленія матеріала, сначала разрозненнаго. Самыя лучшія произведенія такого творчества перешли въ Англію, Норвегію, въ Италію и Нидерланды, и на югъ Германіи.

Здѣсь эту литературу приняли совершенно иначе, чѣмъ въ Нидерландахъ, гдѣ просто ограничивались переводами. Въ Германіи обрабатывающіе этотъ матеріаль рѣдко измѣняли самое содержаніе. Но за то только немногіе переводили буквально, большинство передѣлывало совершенно свободно, углублялось въ изображеніе движеній чувства, вообще въ лучшую мотивировку дѣйствія, а также въ большія подробности описаній придворныхъ праздниковъ и турнировъ, одеждъ и оружія. И то и другое было характернымъ для нѣмецкаго романа. Какъ нѣмецкая героическая пѣсня уже въ 10 вѣкѣ утратила быстрое теченіе разсказа и вмѣсто нея появилась сага съ своими болѣе анекдотическими подробными описаніями, такъ и теперь стремленіе къ образному, къ живописному сдѣлалось еще сильнѣе. Теперь уже были очень далеко отъ характерныхъ чертъ древняго эпоса: отъ возвышеннаго, грубо, но рѣзко характернаго, отъ орнаментальнаго въ поэзіи. Теперь въ поэзіи вѣтъ болѣе мягкимъ вѣтеркомъ, личности часто уступаютъ обстановкѣ; перо поэта прибѣгаетъ къ любимому въ то время широкому описанію среды.

Другую сторону того же развитія составляло то, что теперь на первый планъ иногда выступаетъ личность поэта, что личныя размышленія и сентенціи прерываютъ ходъ разсказа, что стиль нерѣдко становится самостоятельнымъ, что въ разсказѣ мѣняются тезы и антитезы. И въ этомъ тоже видно стремленіе къ предметному; форма эпическаго романа до извѣстной степени приближается къ господствующей въ то время рефлектирующей лирикѣ.

Самый древній изъ памятниковъ этой новой поэзіи Германіи,—на сколько эта послѣдняя представлялась не нѣкоторыми членами духовенства, боровшимися съ туземной поэзіей, а придворнымъ обществомъ — это сохранившійся только въ отрывкахъ эпосъ о Флорисѣ. Онъ появился около 1170 года въ Трирѣ и разсказываетъ о вѣрной, чистой, до смерти сохраняющейся любви Флориса и Бланшфлюрь. Вскорѣ послѣ этого въ Тристанѣ и Изольдѣ была обработана пѣснь о нечистой, все пожирающей, всѣ преграды права и нравственности ломающей демонической любви. Авторъ самой древней обработки этого сюжета Эйльгартъ фонъ-Оберге, слуга Генриха Льва. Стиль Эйльгарта еще формаленъ, его герой наполовину разбойникъ и поэтъ приводитъ еще сказочныя народныя черты въ направленіи поэзіи бродячихъ пѣвцовъ. Но при этомъ у него уже встрѣчаются придворныя слова: *amie* и *kimranie*, *raulin* и *gagzin*—и вмѣсто *ты* уже говорятъ *вы* ¹⁾; французское вліяніе уже несомнѣнно.

Первый великій поэтъ этого времени рецепціи французскихъ элементовъ есть Генрихъ Вельдеке, тотъ рыцарь съ нижняго Мааса, который послѣ нѣсколькихъ легендъ создалъ *Eneit*, романъ приключе-

1) Лихтенштейнъ—*Quellen und Forschungen*, 19, CL11.

ній, вѣроятно по роману объ Энеѣ Бенедикта С—тъ Мора. Онъ уже вполне придворный поэтъ, но еще довольно безпомощенъ; явившійся вскорѣ послѣ него Гартманъ фонъ - Ауе, слуга Швабскихъ господъ фонъ-Ауе, былъ уже настоящимъ типическимъ придворнымъ эпикомъ. Въ своихъ рыцарскихъ романахъ Ерекъ (Erec) и Ивейнъ, а также въ благочестивыхъ рассказахъ о Григоріи и бѣдномъ Генрихѣ онъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ по прелести изображенія, по ясности языка, чистотѣ формы; въ его прозрачномъ и ясномъ языкѣ видно благородное пониманіе рыцарскаго идеала. Онъ былъ классическимъ рассказчикомъ этаго періода, когда вообще умѣли рассказывать хорошо; онъ вполне овладѣлъ придворными формами въ этотъ вѣкъ условности.

Свойства творчества Гартмана, но въ большей степени, можно найти въ творествѣ Готтфрида Страсбургскаго. Его талантъ какъ стилиста доходитъ до замѣчательной виртуозности; онъ не только мастерски владѣетъ языкомъ, онъ кокетничаетъ имъ, какъ, напр., когда онъ описываетъ Изольду: *Smierende unde lachende, kallende unde kosende, smichende unde losende*¹⁾; (она улыбается, смѣется, зоветъ и ласкаетъ, льститъ и играетъ); онъ умѣетъ съ почти чувственной музыкой словъ маскировать поверхность чувствъ и ярко и горячо описывать настоящую страсть. Онъ еще болѣе Гартмана мастеръ въ дѣлѣ придворной вежливости (*Courtoisie*); онъ интересенъ и сладострастно современенъ; онъ управляетъ условнымъ съ нѣкоторымъ шикомъ. Но въ этомъ именно и состоитъ его существенное отличіе отъ Гартмана. Гартманъ въ своемъ *zucht* былъ вполне сыномъ своего времени; Готтфридъ же идетъ дальше — для него рыцарскій тонъ только орудіе ничѣмъ не связаннаго субъективизма. Въ сладострастной атмосферѣ большого города, въ которомъ онъ жилъ, недалеко отъ страстныхъ обитателей Прованса, онъ осмѣлился доводить свое міровоззрѣніе до легкомыслія, свою чувственность до похотливости, свое свободомысліе до насмѣшки надъ церковью и духовенствомъ; въ концѣ концовъ онъ оказывался лишеннымъ всякаго идеала даже до осмѣянія самаго рыцарства.

По силѣ таланта непосредственно рядомъ съ Готтфридомъ стоитъ Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ. Онъ также былъ по формѣ субъективистъ, онъ еще болѣе, чѣмъ Готтфридъ, подчинялъ поэзію и языкъ своему произволу. Но при этомъ онъ стремился не къ чувственному, не къ образности, а къ серьезному, значительному; его языкъ тяжелъ, солиденъ, сжатъ, въ немъ выражается полнота мысли. Онъ управляетъ рѣчью, какъ сильнымъ конемъ; уже въ старости онъ создаетъ національно нѣмецкій стихъ; мѣсто придворныхъ парныхъ рифмъ замѣняетъ строфа въ четыре строки, напоминающая о формахъ національной героической пѣсни; эти формальные стороны поэзіи Вольф-

¹⁾ Тристанъ, 19, 246.

рама привлекали къ ней и современниковъ и позднѣйшихъ поэтовъ; потому его всегда вспоминали въ Германіи, какъ самого великаго изъ всѣхъ великихъ поэтовъ, даже тогда, когда уже перестали понимать его.

Какъ личность Вольфрамъ выработалъ воззрѣнія, стоящія въ рѣзкомъ противорѣчьи съ легкомысленнымъ субъективизмомъ Готтфрида. Если намъ о жизни Готтфрида и неизвѣстно почти ничего, то изъ его произведеній мы можемъ вывести заключеніе, что онъ, подобно его Тристану, былъ воспитанъ во всѣхъ тонкостяхъ рыцарской жизни, выросъ среди всѣхъ удобствъ высшаго образованія. Колыбель Вольфрама, наоборотъ, стояла въ жалкомъ бургѣ баварскаго рыцарскаго рода, далеко отъ крупныхъ центровъ жизни того времени; онъ былъ послѣднимъ сыномъ дворянской семьи, всегда былъ бѣденъ землей и людьми, бѣденъ также и внѣшними средствами образованія—можетъ быть даже, что его не учили читать и писать. Бывъ нѣкоторое время бродячимъ человѣкомъ, посѣщавшимъ свою вѣрную жену только по зимамъ¹⁾, онъ всѣмъ своимъ образованіемъ, кажется, былъ обязанъ требованіямъ своего сословія и поученіямъ людей, съ которыми встрѣчался. Ему были одинаково знакомы и земледѣліе и военное дѣло, но онъ не достигъ ясности знанія, какъ Готтфридъ; онъ усвоилъ въ безпорядочномъ видѣ всю массу преданій *вагантовъ*; пребываніе же при княжескихъ дворахъ дало ему только поверхностное знаніе французскаго языка. Вѣчно жаждущій знанія человѣкъ долженъ былъ удовлетвориться только его крохами.

Но главная сущность его дѣятельности состояла не въ знаніи. Вольфрамъ въ противоположность Готтфриду прежде всего нравственная натура; онъ единственный человѣкъ въ эпоху Штауфеновъ, представляющійся намъ полной нравственной индивидуальностью. Соответственно этому своему свойству Вольфрамъ и занялъ извѣстное положеніе по отношенію къ условности своего времени, и это положеніе могло быть только критическимъ.

Никогда Вольфрамъ не писалъ игривыхъ любовныхъ пѣсенокъ; въ полнѣйшую противоположность идеаламъ его сословія сердце влекло его только къ глубокимъ радостямъ брачной любви. И это не потому, что онъ былъ неспособенъ къ страсти; въ старости онъ описывалъ любовныя желанія Сигунена къ странамъ Шюнату въ стихахъ, то текущихъ съ плавной томностью, то бурно страстныхъ:

Owe swenn ich enslafen bin, so kumt er mir vil dicke
Unde mich erweckent die vil süezen minneclichen schricke:
So wirt erniuwet aber min altez truren.
Uf min flinslichen sorge moht man für sturm eine bure muren²⁾.

(Когда я засыпаю, она приходитъ и будить меня сладкой любовной заботой, но старая скорбь моя просыпается. О, еслибъ отъ этой заботы запереться, какъ отъ бури, въ выскомъ замкѣ).

1) Ср. Domanig въ His. Jahrbuch., 3.

2) Titurel, 125 строфа.

Но Вольфрамъ презиралъ придворную условность любви. Потому-то его лирика берется противъ любовнаго служенія, а его этика противъ внѣшняго пониманія условнаго идеала героя.

И по мнѣнію Вольфрама рыцарство есть цѣль честнаго стремленія. Представитель такого стремленія Гаванъ въ Парсивалѣ. Вольфрамъ даетъ ему всѣ любезныя черты придворнаго и любовнаго служенія, а также и рыцарскую храбрость; на землѣ ему предстоитъ слава; онъ увозитъ королеву Оргейллюзу, чтобы наслаждаться съ ней сладкой любовной страстью, онъ получаетъ господство надъ Schastel marveil. (Чудеснымъ замкомъ).

Но возвышеннѣй и достойнѣе жребій Парсивала, который, воспитанный Гурнеманцомъ во всѣхъ придворныхъ искусствахъ (Courtoisie) при своемъ прибытіи въ Monsalväsche, не спрашиваетъ съ участіемъ о страданіяхъ Амфорта, такъ какъ его учили, что приличіе требуетъ неговорить слишкомъ много. Своими сомнѣніями въ Бога и въ свѣтъ приведенный отъ внѣшнихъ свѣтскихъ формъ къ изученію себя самого, онъ начинаетъ презирать свѣтскую рыцарскую славу, доставленную ему вездѣ его подвигами; онъ становится униженнымъ въ самопознаніи и въ раскаяніи.

Тогда при весеннемъ дыханіи посвященнаго Богу дня онъ съ удивленіемъ слышитъ о Граалѣ. Въ этотъ день возобновляется чудесная сила камня, посланнаго Богомъ на землю, какъ символомъ награды за идеальныя стремленія; въ этотъ день, какъ и каждый годъ, бѣлый голубь приноситъ ему съ неба новую силу, чтобы онъ далъ своимъ хранителямъ и поклонникамъ и внѣшнее богатство и внутреннюю правдивость. Приблизиться къ нему можетъ только тотъ, кто живетъ всегда съ благочестивымъ сердцемъ и въ чистомъ цѣломудріи; только тотъ можетъ быть хранителемъ храма, королемъ Monsalväsch'a, гдѣ хранится Грааль.

Тогда появляется Кундри, страшная посланница Грааля, и возвѣщаетъ, что огненное писаніе назначило Парсивала быть королемъ; онъ самопознаніемъ очистился отъ пороковъ времени и отдался-вполнѣ самъ себѣ, потому-то онъ и болѣе другихъ пригоденъ для власти. Его могущество будетъ простираться далеко и на вѣки, его сыномъ будетъ Лоенгринъ, спаситель Брабанта, а племянникомъ Іоаннъ, мифическій властелинъ востока.

Такъ кончается эпосъ Вольфрама. Это та же тема, какъ и въ Фаустѣ. Онъ изображаетъ стремленіе праведнаго сердца изъ формъ времени къ большому совершенству. Это пророчество о высшемъ, болѣе личномъ бытіи, осуществленномъ въ позднѣйшіе вѣка нѣмецкой исторіи посредствомъ побѣды надъ нравственной, эстетической и умственной условностью эпохи Штауфеновъ. Вольфрамъ также, какъ и Гете, былъ по существу своей природы сыномъ будущаго вѣка; онъ также, какъ и Гете, былъ пророкомъ.

Но при этомъ оба поэта пророчествовали, не отдѣляясь отъ глубокихъ основъ національной жизни. Вольфрамъ сосредоточиваетъ всѣ стремленія къ внутреннему усовершенствованію, къ правдивости въ чисто-нѣмецкомъ понятіи *staete*, вѣрности:

Der unstaete geselle
Hat die swarzen varwe gar
Unt wirt och nah der vinster var:
So habet sich an die blanken
Der mit staeten gedanken ¹⁾.

Тотъ же смыслъ, хотя и выраженный словами иного вѣка, и въ стихахъ Гете:

Wer immer strebend sich bemüht
Den können wir erlösen.

(Мы можемъ искупить того, кто, вѣчно стремясь, трудится).

V.

Многія изъ стихотвореній эпохи Штауфеновъ дошли до насъ въ иллюстрированныхъ рукописяхъ, такъ, напр., жизнь Маріи попа Вернера, жившаго въ семидесятыхъ годахъ 12 вѣка въ Аусбургъ, *Eneit*—Вельдеке, *wälsche Gast*—Томазина Циклера, не говоря о многихъ другихъ.

Рисунки перомъ въ этихъ рукописяхъ совершенно соотвѣтствуютъ тексту; въ фигурахъ есть что-то несказанно прелестное, изящно условное; они передаютъ самыя общія настроенія ненависти, презрѣнія, ужаса и любви; личная характеристика отсутствуетъ, не смотря на то, что техника выраженія передаваемыхъ настроеній замѣчательно развита. Объ изображеніи одеждъ можно сказать тоже, что и объ изображеніи тѣла; распредѣленіе складокъ одежды условно, подобно съ формами того времени; извѣстные мотивы повторяются даже тамъ, гдѣ не подходятъ; сильно оттѣнены округленіе колѣна, а также локтя и руки, нижняя линія округленія живота и углубленіе подъ грудью.

Были ли эти иллюстраціи плодомъ французскаго вліянія? Этотъ вопросъ также, какъ и вопросъ относительно иллюстрацій пѣсни о Роландѣ и другихъ родственныхъ произведеній, не можетъ быть положительно разрѣшенъ при настоящемъ положеніи историческаго изслѣдованія. Можно утверждать только то, что съ этого времени такіе рисунки перомъ имѣютъ чисто нѣмецкое развитіе, такъ что въ первой половинѣ 13 вѣка и позже появляются наиболѣе совершенныя произведенія въ этомъ родѣ.

Первый элементъ, присоединяющійся уже во второй половинѣ 12 вѣка къ этимъ рисункамъ перомъ, раньше состоявшимъ по большей

¹⁾ Персивиль, 1, 10.

части изъ простыхъ черныхъ контуровъ, — это цвѣтная окраска. Въ-мѣсто простыхъ одноцвѣтныхъ темныхъ контуровъ появляются красныя и зеленыя, голубыя и желтыя, сѣрыя и темныя линіи; цвѣта въ началѣ наложены очень пестро, вродѣ прежнихъ чисто орнаментальныхъ цвѣтовъ, причѣмъ очень мало обращается вниманія на естественное примѣненіе отдѣльныхъ цвѣтовъ. Но вскорѣ кромѣ простой окраски контуровъ отдѣльныя, находящіяся въ тѣни части, прежде всего неосвѣщенные складки одежды, покрываются красками, по большей части темной, но иногда и чисто орнаментально зеленой, голубой или красной. Это промежуточная ступень развитія, отъ которой очень быстро переходятъ къ правильному раскрашиванью, причѣмъ однако тѣни выделяются только сгущеніемъ оттѣнка известной краски.

Отъ этаго былъ только одинъ шагъ до развитія новой, чисто національной живописи тушью въ противоположность возрожденію старой христіанской техники живописи водяными красками въ 8 и 10 вѣкахъ. Вполнѣ развилась эта новая техника въ 13 вѣкѣ; какъ ея результатъ появилась новая миниатюрная живопись. Теперь уже развилось и пониманіе цвѣтовъ, каждый предметъ получаетъ естественную, свойственную ему окраску и только при моделированіи соблюдается еще условная схема перехода отъ краснаго въ зеленый, отъ темно-голубаго въ дополнительный желтый цвѣтъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ моделируютъ еще въ бѣломъ цвѣтѣ.

Такой прогрессъ отразился и въ измѣненіи національнаго вкуса въ цвѣтамъ. Въ-мѣсто прежнихъ непрерывныхъ тоновъ, соотвѣтствующихъ вкусу къ орнаментальному, въ срединѣ 13 вѣка появляются уже цѣлыя сотни тоновъ, особенно голубого и краснаго цвѣтовъ, тогда какъ прежде очень любимый ярко зеленый цвѣтъ исчезаетъ. Такое измѣненіе вкуса къ цвѣтамъ совсѣмъ не отдѣльно стоящее явленіе, оно есть симптомъ гораздо болѣе общаго измѣненія.

Ограниченная до сихъ поръ предѣлами орнаментальнаго фантазія окончательно сбрасываетъ съ себя оковы; она усвоиваетъ новое условное правило формъ. Старая растительная орнаментика вымираетъ, ея лучшія произведенія получаютъ формы травъ и натуральную окраску. Постоянно увеличивается стремленіе изображать человѣческую фигуру; создаются сцены уже чисто человѣчнаго, а не только религіознаго характера; въ предѣлахъ новаго стиля мастерски изображаютъ битвы и охоту; пробуютъ юмористическіе наброски изъ ежедневной жизни и какъ бы боязливо появляются первые зачатки комическаго, шутиватаго.

Новое искусство, развившееся сначала въ южной Германіи, особенно въ Эльзасѣ ¹⁾, а также на Мозелѣ, распространилось въ позднѣйшую

¹⁾ Въ Эльзасѣ появился *Hortus deliciarum* Геррада Ландсперга, одинъ изъ прелестнѣйшихъ, хотя отчасти несамостоятельныхъ, и отчасти еще невыработанныхъ памятниковъ искусства ранней эпохи (1165—1175 г.).

эпоху Штауфеновъ въ средней Германіи, во Франконіи, въ Тюрингіи и къ сѣверу отъ Гарца. Здѣсь въ особенности оно процвѣтало въ Бамбергѣ и Майнцѣ, при дворѣ любителя пѣсенъ Тюрингенскаго ландграфа и въ монастыряхъ Брауншвейга во времена императора Фридриха II; къ ея дальнѣйшему развитію присоединилось скоро развитіе стѣнной живописи, главнаго искусства второй половины средних вѣковъ.

Новое искусство своимъ развитіемъ устранило господство того гѣратическаго искусства, которое было создано и оставлено потомству прежними возрожденіями. Въ этомъ отношеніи важно было уже то обстоятельство, что художники новой техники по крайней мѣрѣ хотъ отчасти были свѣтскіе и во всякомъ случаѣ свѣтски - настроенные люди и что они работали вначалѣ, какъ дилеттанты. Еще важнѣе было то, что новое искусство было вообще первымъ искусствомъ изображенія національныхъ сценъ и народное эстетическое чувство въ немъ впервые проявило себя возвысившимся надъ орнаментальнымъ пониманіемъ; а этимъ у гѣратической живописи отнималась всякая почва.

Жертвой такого измѣненія пала старая миниатюрная живопись и ея мѣсто заняла новая національная миниатюра; къ ней перешло все, что было жизнеспособнымъ въ старой миниатюрѣ. Стѣнная живопись прежнихъ вѣковъ тоже подверглась сильному вліянію новаго искусства; она сохранялась почти неизмѣнной въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, подобной изображеніямъ въ священныя книги, представляя въ отдѣльныхъ, одно къ другому переходящихъ изображеніяхъ цѣлыя рассказы въ ихъ отдѣльныхъ положеніяхъ, цѣлыя догмы въ ихъ отдѣльныхъ частяхъ; разсматриваемъ ли мы мозаики 4—6 вѣковъ или мозаики Ахенскаго сбора, разсматриваемъ ли мы стѣнныя изображенія вымиравшаго древне-христіанскаго искусства или изображенія въ Рейхенау 10 вѣка, — мы вездѣ видимъ произведенія одного и того же характера. Но со времени появленія въ народѣ новаго условнаго вкуса къ сценичности, около середины 12 вѣка, все это измѣнилось. Съ этого времени въ обычныя установившіеся типы привходитъ жизнь; находятся новыя отношенія; появляются новыя попытки изображеній; измѣняются даже формы; вмѣсто тощихъ, точно набальзамированныхъ фигуръ прежняго времени появляются свободно движущіяся, весело смотрящія, окруженныя развѣвающимися складками одеждъ и хорошо моделированныя фигуры первой половины 13 вѣка.

Но и это новое искусство въ своемъ развитіи, какъ это доказывается многочисленными остатками въ храмахъ на нижнемъ Рейнѣ и въ Вестфалии, было условнымъ, даже болѣе условнымъ, чѣмъ миниатюрная живопись манускриптовъ; оно все еще подчинялось требованіямъ архитектуры, не любило слишкомъ большихъ сценъ и избѣгало развитія композиціи; это было характернымъ признакомъ вѣка, еще

не выходящаго за предѣлы эстетическаго разсмотрѣнія отдѣльной человѣческой фигуры.

Но именно такое эстетическое предрасположеніе можно считать предпосылкой крупной, хотя еще не натуралистической пластики.

Отъ 10 до 12 вѣка національная пластика не орнаментальнаго характера еще не была извѣстной. Правда, въ это время въ Баваріи, въ Швабіи и Франконіи, въ Вестфаліи и кое гдѣ на Рейнѣ дѣлались попытки выдти изъ границъ чисто орнаментальнаго творчества. Здѣсь изъ смѣшенія орнамента и свободной пластики создавали образы удивительно фантастическіе, странныя изображенія растений, животныхъ и человѣческихъ фигуръ—изображенія безъ всякаго порядка размѣщаемыя надъ порталами, капителями, даже колоннами и въ которыхъ еще разъ ожила, хотя и въ измѣненной формѣ, старая орнаментика. Объ этомъ мы уже упоминали выше.

Но такія произведенія искусства по самой своей сущности принадлежали къ вымирающему вѣку. Образованіе истинно національной, а не просто орнаментальной, пластики вытекло изъ совершенно иныхъ предпосылокъ. У всѣхъ племенъ, стоявшихъ внѣ романокельтскаго вліянія, и въ особенности, кажется, въ Саксоніи, въ теченіи многихъ вѣковъ сохранялась старая металлургическая техника, именно отливка бронзы; она создавала тысячи предметовъ мелкаго искусства. Но въ концѣ 10 и въ началѣ 11 вѣковъ отъ этого творчества она перешла къ болѣе крупнымъ задачамъ; это было время особаго процвѣтанія для церкви, время роскошныхъ построекъ. Страна къ сѣверу отъ Гарца, недалеко отъ вновь открытыхъ въ то время серебрянныхъ рудъ Рамельсберга, была очагомъ новаго развитія и епископъ Бернвардъ Гильдестейскій былъ его героемъ и руководителемъ. Подъ его руководствомъ были созданы первыя улучшенныя произведенія изъ бронзы, складни на столбахъ Бернварда (Bernwardssaule) и на Гельдестеймскихъ воротахъ, памятники еще совершенно наивнаго, но и совершенно безыскусственнаго натурализма ¹⁾. Черезъ нѣсколько поколѣній, въ концѣ 11 вѣка, дикій реализмъ этаго ранняго искусства былъ регулированъ; фигуры сдѣлались холодными и типичными, движенія суровыми и строгими, складки одеждъ правильными; въ нѣмецкомъ искусствѣ замѣчается вліяніе византійскихъ литыхъ изображеній; такъ это и оставалось, особенно въ Саксоніи, до середины 12 вѣка.

Но въ эту эпоху развитія столь многихъ зародышей пластика средней Германіи развилась въ прекрасный цвѣтокъ условнаго искусства. Романскій стиль, теперь вполне укренившійся и открывавшій дорогу для пластическихъ украшеній, ставилъ уже существующему искусству литыхъ изображеній болѣе крупныя задачи; онъ давалъ возмож-

---

¹⁾ Beissel—Stimmen aus Maria—Laach, 28—указываетъ, что Бернвардъ независимъ отъ вліянія византійскаго искусства.

ность перейти къ новымъ матеріаламъ: песчанику и граниту, не налагая на пластику слишкомъ суровыхъ тектоническихъ требованій; пластика должна была сдѣлаться не служанкой архитектуры, какъ это было въ послѣдствіи при господствѣ готическаго стиля, а свободной подругой стиля архитектуры, дѣлавшагося все болѣе живописнымъ. Такимъ образомъ въ Тюрингіи, центрѣ новаго развитія искусства, появился цѣлый рядъ прекрасныхъ памятниковъ условной пластики, которые можно признать за произведенія того времени только по модной одеждѣ рыцарскаго вѣка, да частію по неразумной улыбкѣ, свойственной всякому архаическому искусству; а рядомъ съ ними, и много выше ихъ, появилось множество изображеній, во всѣхъ отношеніяхъ стоящихъ выше средневѣковыхъ произведеній: приносящіе дары (Donatogen) въ Наумбургѣ, скульптурныя работы въ Вехсельбургѣ и три превосходныя скульптурныя изображенія въ Мейснеровскомъ соборѣ. Всѣ они отличаются старательнымъ изученіемъ природы, классическимъ спокойствіемъ и энергической жизненностью. Но всѣхъ ихъ выше Сивилла въ Бамбергѣ. Когда выйдешь изъ трапезы Бамбергскаго собора, отъ гробницы короля Конрада III въ южное крыло хора, то среди скульптурныхъ произведеній съ ихъ развѣвающимися одеждами выдѣляется благородное каменное изображеніе въ падающей богатыми складками одеждѣ римскаго фасона, съ полнымъ жизненности лицомъ, съ гордой сильной шеей—замѣчательное соединеніе уже натуралистическаго духа съ духовнымъ содержаніемъ эпохи Штауфеновъ.

Это уже было апогеемъ развитія, возможнымъ только благодаря особымъ обстоятельствамъ; долго это продолжаться не могло. Со второй половины 13 вѣка пластика падаетъ и только къ концу 15 вѣка, послѣ долгаго порабоженія готическому духу, она снова воскресла, какъ свободно творящее искусство.

VI.

Говоря о развитіи искусства мы перешли границы эпохи процвѣтанія поэзіи и дошли до середины 13 вѣка; вернемся же къ исторіи поэзіи. Теперь намъ придется говорить о ея паденіи.

Рыцарская лирика достигла высшей точки своего развитія съ Вальтеромъ фонъ Фогельвейде; послѣ него поэты уже эпигоны и основаніе для этого слѣдуетъ искать не въ одной только слабости поэтическихъ силъ его послѣдователей. Облетѣлъ пѣжный, нѣсколько искусственный цвѣтокъ служенія любви и пѣвцы этаго служенія были осмѣяны, какъ жеманники ¹⁾. Только на востокѣ, во вновь приобрѣтенныхъ колоніальныхъ областяхъ, умственное развитіе метрополіи

¹⁾ См. у Стейнмара: *est ein argez minnerlin*; ср. Burdach—Reimar, 127.

просуществовало еще некоторое время и только тамъ рыцарская лирика отличалась некоторымъ, достойнымъ вниманія развитіемъ, не имѣвшимъ чисто подражательнаго характера. Прежде всего князья продолжали служеніе любви и восхваляли его въ нѣжныхъ стихотвореніяхъ; таковы были маркграфъ Генрихъ III мейссенскій, герцогъ Генрихъ IV бреславскій, король Венцель II богемскій, маркграфъ Отто IV бранденбургскій; даже въ Рюгенѣ славянскій государь Вячеславъ III (1302—1325) пѣлъ любовныя пѣсни.

и На родинѣ нѣмецкой поэзіи, въ южной Германіи при дворѣ короля Генриха VII и въ особенности въ Австріи при герцогѣ Фридрихѣ, лирика пріобрѣла реалистическій народный или фривольный характеръ. Первый изъ поэтовъ этого новаго направленія Готтфридъ Нейфенъ. У него благородный народный тонъ Вальтера превращается въ пошлость; онъ смѣшиваетъ народное съ грязнымъ, грубымъ и похотливымъ. Но настоящій представитель новаго направленія—это Нейдгартъ Рейенталь, баварскій рыцарь, уже около 1215 года извѣстный какъ поэтъ и жившій при Вѣнскомъ дворѣ. Его произведенія по формѣ плясовыя пѣсни; для выраженія своихъ поэтическихъ замысловъ, даже въ прошеніяхъ и запискахъ къ Вѣнскому герцогу, онъ употреблялъ эту форму плясовой пѣсни. По отношенію къ внутреннему содержанию онъ далъ лирической поэзіи новую окраску, введя въ нее описанія крестьянской жизни съ ея любовнымъ счастьемъ и любовными страданіями. Но онъ вводилъ такія описанія не съ наивнымъ погруженіемъ въ народное, а съ некоторымъ введеніемъ крестьянской грубости (*dörreheit*) въ придворныя формы; это была сатира, пародія для того, чтобы позабавить блазированное рыцарство новой темой.

Такое новое направленіе, вызывавшее у крестьянъ довольно основательную ненависть къ этому поэту, нашло одобреніе и подражателей; въ томъ же родѣ писали Буркартъ Гогенфельсъ, Ульрихъ Винтерштеттенъ и многіе другіе. Понятно, что подобное искусственное направленіе не могло вполнѣ и надолго удовлетворить лирическому настроенію націи. Эта мужицкая лирическая поэзія пала также, какъ и высокая любовная поэзія рыцарства и со второй половины 13 вѣка выступаетъ на первый планъ настоящая народная пѣсня, нѣсколько грубая сравнительно съ изнѣженностью эпохи любовнаго служенія, но полная естественнаго чувства сравнительно съ прежней условностью, вообще полная чувства, а не рефлектирующая, съ замѣчательной простотой выраженія и никогда не искусственная. Это лирика деревни 14 и 15 вѣковъ; именно объ ней и говорится въ поговоркѣ, что нѣтъ ни одного, хотя бы и самаго грубаго, мужика, который не хотѣлъ бы быть пѣвцомъ.

Судьба рыцарскаго эпоса почти одинакова съ судьбой любовной рыцарской поэзіи; какъ исчезло любовное служеніе, такъ поблѣднѣлъ

и героическій идеаль рыцарства; теперь никто ни хотѣлъ уже ни читать; ни писать о приключеніяхъ рыцарей. Все меньше становилось число поэтовъ—эпигоновъ, которые, слѣдуя великимъ образцамъ: то Готфриду Страсбургскому, то Вольфраму Эшенбаху, старались удержать для стараго и новаго матеріала романа тотъ легкій тонъ разсказа, въ которомъ былъ такимъ мастеромъ Гартманъ фонъ Ауе. Всего менѣе для нихъ было возможно сохранить аристократическій тонъ и возвышенность эпохи процвѣтанія эпоса; изящество превратилось въ манерность, а умственная сила въ надутость. Если въ нижней Германіи и въ колониальныхъ земляхъ поэзія еще разъ расцвѣла позднимъ цвѣтомъ, то на прежней родинѣ поэзіи уже въ срединѣ 13 вѣка романъ рыцарскихъ приключеній исчезаетъ; по крайней мѣрѣ сама публика хотѣла слушать только о народномъ. Въ двадцатыхъ годахъ 13 вѣка любезный проповѣдникъ ордена Цистерціановъ Цезарій въ Гейстербахѣ въ Зибенбюргенѣ, авторъ прекрасныхъ духовныхъ новеллъ, могъ еще разбудить всѣхъ уснувшихъ во время его проповѣди только однимъ упоминаніемъ о королѣ Артурѣ и его кругломъ столѣ, а уже въ 1250 году Марнеръ тщетно создавалъ придворный эпосъ; публика слушала только о томъ, *wen Kriemhilt vergiet, Sigfrides ald hern Eggen tot.* (о предательствѣ Кримгильды, о Зигфридѣ, и смерти Еггена).

Такъ какъ рядомъ съ стремленіемъ къ народному въ лирикѣ появилась склонность къ пародіи, къ шуткѣ, то рядомъ съ придворнымъ эпосомъ появились шуточные рассказы, рассказы о веселыхъ случаяхъ и смѣшныхъ выходкахъ. Это было настоящей формой поэзіи странствующихъ поэтовъ; они теперь снова появляются на поверхности литературныхъ теченій и чѣмъ дальше, тѣмъ забавнѣе, даже тѣмъ болѣе грубо они обрабатываютъ это новое поле. Кромѣ туземныхъ источниковъ они пользуются французскими *Fabliaux* и латинскими преданіями; кое что выдумываютъ и сами; въ воздухѣ носятся множество сказокъ и анекдотовъ, изъ которыхъ болѣе серьезны исторіи о добромъ Гергартѣ и Мейерѣ Гельмбрехтѣ—описанія жизни сословія бюргеровъ и крестьянъ, а болѣе веселыя шутки попа Ами (Amis), рассказы объ императорѣ Отте съ бородой.

Въ то время, когда такимъ образомъ приобрѣталась склонность къ обыденному, пестрому широкому реализму, а эпосъ впервые приобрѣталъ пониманіе и традицію дѣйствительности, фактическаго, впервые въ народѣ пробуждалась охота къ исторіи своего времени. Именно этому историческому сознанію мы обязаны до извѣстной степени той замѣчательной правдивостью и вмѣстѣ съ тѣмъ поэзіей рыцарской жизни, которая замѣчается въ служеніи женщинѣ Ульриха Лихтенштейна; но главнымъ образомъ мы обязаны ему рифмованными хрониками второй половины 13 вѣка; пѣснью кельнскаго городского мѣщанина Готфрида Гагене о борьбѣ гражданъ противъ архіепископовъ,

исторіей Оттокара Штирійскаго, а позже хроникой нѣмецкаго ордена Николая Герошина.

Здѣсь эпосъ также, какъ и лирика, приходитъ къ народному; какъ раньше, въ срединѣ 12 вѣка, они вышли изъ богатой родной почвы національнаго, такъ теперь, въ срединѣ 13 вѣка, они снова погрузились въ эту почву. Какъ развитію лирики и эпоса предшествовалъ періодъ духовной поэзіи съ народнымъ направленіемъ, такъ и теперь упадокъ ихъ сопровождался и смягчался аналогичнымъ выступленіемъ на первый планъ духовенства или по крайней мѣрѣ духовныхъ стремленій.

Уже дидактическая поэзія, процвѣтавшая со временъ Вальтера въ теченіи всего 13 вѣка и даже позже, можетъ считаться переходомъ въ духовной поэзіи. Правда, почти всѣ крупные дидактическіе поэты 13 вѣка: братъ Вернеръ, Реймаръ Цветеръ, Тангузеръ, Марнеръ и позже Румелантъ, Фрауенлобъ и Регенбогенъ, преслѣдовали и мірскіе интересы и ихъ политическая поэзія пережила время Рудольфа Габсбургскаго и вымерла только при Людвигѣ баварскомъ, во время борьбы государства съ церковью. Но рядомъ съ этимъ почти съ самаго же начала замѣчается и религіозное направленіе. Такое направленіе становится все сильнѣе и все болѣе пріобрѣтаетъ спеціально-церковный характеръ. Такой характеръ имѣется въ Реннерѣ Бамергскаго школьнаго учителя Гюго фонъ-Тримберга; Гюго не хочетъ и знать о рыцарствѣ и любовной поэзіи; его привлекаетъ прежде всего понятное и плоское съ религіозной окраской. Еще одинъ шагъ и мы приходимъ къ религіозному поучительному стихотворенію; на сцену выступаетъ аллегорія; эротическій элементъ Стараго Завѣта перерабатывается въ плоскія нравственныя поученія и противопоставляется антитипическимъ рассказамъ о дѣяніяхъ Спасителя изъ Новаго Завѣта.

Другія роды поэзіи тоже подпадаютъ вліянію духовенства; вмѣсто шутки, повѣсти и стараго романа приключеній появляются духовныя рассказы и легенды и въ концѣ 13 вѣка появляется, какъ прямая противоположность рыцарской поэзіи, нѣмецкая переработка всѣхъ чудесныхъ рассказовъ Золотой легенды (*Legenda aurea*).

Въ этой новой поэзіи, которая, сохраняя старыя формы рыцарской поэзіи, могла творить только подражая, не было однако недостатка въ новыхъ, оригинальныхъ чертахъ, въ суровости и величіи. Возродилась нѣмецкая проповѣдь и кроткому униженному Давиду аусбургскому наследовалъ его ученикъ Бертольтъ регенбургскій, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ ораторовъ, когда-либо говорившихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Народный проповѣдникъ необыкновенной природной силы, онъ въ шестидесятихъ годахъ 13 вѣка ходилъ изъ мѣста въ мѣсто, убѣждая верхнюю Германію вернуться къ религіи; твердый боецъ за своего Бога, онъ проповѣдывалъ то кроткое ученіе Христа, то — еще болѣе горячо и страстно — ученіе о ветхозавѣтномъ.

Господѣ силѣ, наказующемъ до шестого и седьмого колѣна. Знакомый со всѣми духовными тайнами своего народа, умѣя сочувствовать всякому движенію народной души, онѣ умѣлъ трогать слушателей, пользуясь естественными явленіями для хвалы Бога, умѣлъ и потрясать ихъ эпически драматическими изображеніями дѣяній Спасителя для искупленія христіанъ. Этотъ религіозный герой своей родины, южной Германіи, умеръ въ 1272 году.

Духъ, проникавшій его проповѣди, не имѣлъ уже никакого отношенія къ рыцарскому обществу эпохи Штауфеновъ. Въ нихъ выражается уже нравственная серьезность, строгій образъ жизни бюргерства второй половины среднихъ вѣковъ; старая жизнь погибла безвозвратно и энергичные наследники стучались уже въ ворота вымиравшаго общества въ концѣ эпохи Штауфеновъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Распаденіе имперіи.

I.

Императоръ Фридрихъ I тщетно пытался укрѣпить основы имперіи на монархическихъ началахъ. Ограничиваемый въ своемъ королевствѣ все увеличивающейся силой князей, онъ уже создавалъ планы основанія могущества дома Штауфеновъ какъ внѣ Германіи, такъ и внутри ея. Можно полагать, что ему удалось бы достигнуть этой цѣли и ея слѣдствія, т. е. новаго укрѣпленія королевской власти, если бы ему не приходилось отвлекаться борьбой съ папой. Но при существующихъ условіяхъ ему пришлось отказаться отъ созданія Штауфеновской монархіи въ Ломбардіи; даже въ Германіи, не смотря на повторяемыя постоянно попытки, ему не удалось достигнуть полнаго господства хотя бы надъ однимъ юго-западомъ страны.

Положеніе нѣмецкихъ князей при Фридрихѣ было уже очень свободнымъ; императоръ для князей былъ властелиномъ только тогда, когда онъ пользовался несогласіями между свѣтскими и духовными князьями и возбуждалъ ихъ однихъ противъ другихъ — а такая политика вызывала постоянныя волненія въ Германіи. Фридриху не удалось также пріобрѣсти противовѣсъ этому могуществу князей въ все болѣе возвышавшемся сословіи министеріаловъ; сдѣлать это онъ могъ бы лишь въ томъ случаѣ, если бы ему удалось создать крупную силу для своего рода — а этого то ему и не удалось достигнуть.

Гораздо удачнѣе сложились обстоятельства при Генрихѣ VI. Генрихъ нашелъ въ Сициліи точку опоры, изъ которой онъ, не обращая вниманія на нѣмецкія отношенія, могъ сломить могущество князей, гдѣ онъ могъ открыть для военныхъ и административныхъ способностей нѣмецкихъ служащихъ поле широкой дѣятельности и сдѣлать ихъ исполнителями своей воли. Результаты этого въ Германіи проявились черезъ нѣсколько лѣтъ. Министеріалы, дѣйствительно, стали

сословіемъ, при посредствѣ котораго императоръ господствовалъ; князья были утрашены; духовные князья все болѣе неограничено подчинялись назначенію ихъ императоромъ; свѣтскіе же князья были почти вынуждены признать наслѣдственную монархію дома Штауфеновъ.

Но къ сожалѣнію не Германіи было суждено воспользоваться этими крупными успѣхами въ ихъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ; Генрихъ скончался преждевременно и далеко отъ родины, во время приготовленій къ крестовому походу. Его наслѣдники были и наслѣдниками его міровой политики, были ли они могущественны или безсильны; король Филиппъ именовался Филиппомъ II, какъ наслѣдникъ римскаго императора Филиппа; Фридрихъ II смотрѣлъ на себя, какъ на владетелина міра; онъ далъ въ ленъ Червонную Русь тюрингенскому ландграфу; онъ высказалъ свое одобреніе, когда французскій поэтъ просилъ его снова возстановить римское право въ *Summa juris Romani*; онъ съ большой охотой переписывался съ арабскими философами о безсмертіи души, чѣмъ вспоминалъ о преходящести нѣмецкой королевской власти.

Такой универсализмъ сдѣлалъ Штауфеновъ въ концѣ концовъ совершенно чужими для ихъ родины; они погибли для націи еще раньше, чѣмъ вымерли, а съ ними—такъ какъ они все-таки оставались носителями короны—исчезла и значительная доля правъ нѣмецкой монархіи.

Одновременно съ этимъ общественное развитіе руководящихъ сословій въ Германіи получило такое направленіе, которое должно было вести къ полному разрушенію королевства. Князья, столь униженные при Генрихѣ VI, при двойномъ королевствѣ Филиппа и Оттона естественно снова получили прежнее значеніе, такъ какъ каждый изъ королей искалъ ихъ поддержки. Въстѣ съ этимъ вліяніе королевской власти на духовныхъ князей было подорвано съ той минуты, когда Иннокентій III захватилъ право назначенія епископовъ и въ Германіи. Противъ такого усиленія княжеской власти въ антимонархическомъ направленіи короли въ теченіи двухъ десятилѣтій еще могли пользоваться опорой министеріаловъ, какъ зависимыхъ отъ нихъ людей. Но потомъ, около 1220 года, и этой опоры не было. Служащіе, когда то безусловные исполнители королевскихъ приказаній, сдѣлались теперь вассалами; они растворились въ классѣ низшаго дворянства; усвоивъ себѣ особую, по большей части чисто мѣстную и узкую точку зрѣнія этого сословія, они сошли съ политическаго поприща.

Снова королевская власть одиноко стояла лицомъ къ лицу съ князьями. Но уже не съ одними только князьями. Рядомъ съ ними, все болѣе энергично выдвигаясь и все болѣе сравниваясь съ ними въ могущество и въ успѣхахъ, стояло бюргерство большихъ горо-

родовъ; уже около 1225 года оно было крупной силой въ имперіи, а въ срединѣ 13 вѣка оно на время сдѣлалось господствующимъ въ исторіи нѣмецкаго развитія. Нѣмецкой королевской власти предстояла задача подчинить имперіи это совершенно новое и до тѣхъ поръ чуждое ей сословіе съ его денежно-хозяйственными интересами, воспользоваться имъ для королевства; опираясь на него снова стать во главѣ націи. Штауфены, занятые другими не нѣмецкими интересами, не рѣшили такой задачи; когда разрѣшить ее пытался Вильгельмъ голландскій, было, можетъ быть, уже слишкомъ поздно, да и во всякомъ случаѣ онъ умеръ преждевременно—отъ того-то средневѣковая монархія нашего народа и погибла.

Уже первыя событія періода упадка, въ концѣ 12 и въ началѣ 13 вѣковъ, ясно указывали на растущее вліяніе бюргерства; оно благодаря англійскимъ симпатіямъ нижнерейнскихъ городовъ, возбужденнымъ политикой Филиппа Гейнсберга, наложило извѣстный отпечатокъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, на послѣднее десятилѣтіе правленія Фридриха I, а при Генрихѣ VI это вліяніе проявилось при возмущеніи нижнерейнскихъ князей.

Послѣ смерти Генриха VI именно англійскія симпатіи Кельна и привели къ несчастному двойному избранію 1198 года.

Генрихъ VI кромѣ своего двухлѣтняго сына Фридриха, избраннаго, но не вѣнчаннаго, нѣмецкаго короля, оставилъ еще четвертаго и пятаго братьевъ: пфальцграфа Бургундскаго Оттона и герцога Швабскаго Филиппа. Въ виду малолѣтства Фридриха въ Германіи возбудились опасенія по вопросу о престолонаслѣдіи; эти опасенія раздѣлялись и семьей Штауфеновъ и министеріалами имперіи. Но такъ какъ при избраніи Филиппа или Оттона распадалось соединеніе Германіи съ Сициліей, какъ безспорнымъ наслѣдіемъ Фридриха, и, стало бытъ, прежнее могущество Штауфеновъ дѣлилось, то и медлили сдѣлать рѣшительный шагъ.

Этимъ воспользовались ниже-рейнскіе и отчасти саксонскіе князья. Послѣ предложенія различныхъ кандидатовъ, которые въ концѣ концовъ отказались, они подъ вліяніемъ кельнскихъ бюргеровъ избрали 9 іюня 1198 года графа Оттона Пуату, младшаго сына Генриха Льва; смолоду находясь въ изгнаніи, онъ выросъ среди дикихъ битвъ англо-французскихъ войнъ на Сенѣ и Гароннѣ; саксонецъ по рожденію, племянникъ короля Ричарда англійскаго, по своему происхожденію и судьбѣ онъ являлся представителемъ англійскихъ и ниже-рейнскихъ интересовъ.

А въ это же время, наконецъ, рѣшилась и Штауфенская партія. 9 марта 1198 года она избрала королемъ герцога Филиппа Швабскаго.

Начавшаяся теперь въ Германіи борьба двухъ королей велась въ существенныхъ своихъ чертахъ на почвѣ стараго общественнаго

строю. Оказалось, что бюргерство южной Германіи, за исключеніемъ Страсбурга, не хотѣло слѣдовать партикуляристическимъ нижнерейнскимъ интересамъ; оно высказалось за Филиппа. Такъ какъ такимъ образомъ силы бюргерства уравновѣшивались, то вообще рѣшеніе оставалось въ рукахъ князей; Оттонъ имѣлъ за себя территоріи старыхъ земель противниковъ Штауфеновъ, Саксонію и нижній Рейнъ, а Филиппъ — свѣтскихъ князей южной Германіи, Богемію, Мейссенъ, министеріаловъ и большинство епископовъ.

Симпатіи духовныхъ князей къ Филиппу дали Оттону поводъ перенести борьбу въ церковную сферу; для того, чтобы привлечь на свою сторону епископовъ и курію, онъ отказался отъ права регалии и такимъ образомъ призналъ требованія куріи, въ которыхъ было отказано ей въ рейхстагѣ въ Гельнгаузенѣ еще въ 1186 году; вмѣстѣ съ этимъ онъ уступилъ папѣ такъ называемыя «рекупераціи» въ средней Италиі, т. е. территоріальныя пріобрѣтенія папы внѣ предѣловъ первоначальной патримоніи св. Петра: герцогство Сполето, мархію Анконскую и нѣкоторыя части Тосканы. Самое худшее въ этихъ уступкахъ было то, что онѣ отдавали начинавшуюся въ Германіи гражданскую войну вліянію куріи.

Со времени смерти императора могущество папы снова увеличилось. Въ Италиі немедленно послѣ кончины императора повсемѣстно начались сильныя замѣшательства; только въ одной Сициліи владычество Штауфеновъ оставалось непоколебленнымъ.

Въ это время папскій престолъ занялъ кардиналъ-діаконъ Лотарь Сеньи, въ возрастѣ всего тридцати семи лѣтъ, съ именемъ Иннокентія III. Друзья куріи ожидали отъ него многого и они не ошиблись. Полный фанатической набожности, подобно Григорію VII, при этомъ обладавшій энергической фантазіей и природной ловкостью въ мелочномъ дипломатическомъ искусствѣ, прекрасный юристъ и ученый теологъ — таковъ былъ молодой папа; онъ хотѣлъ сдѣлать папство міровой силой и быстро поднялъ его изъ того крайняго внѣшняго паденія, въ которомъ оно находилось со временъ Александра III. Римскаго городскаго префекта онъ снова превратилъ въ папскаго чиновника; онъ снова захватилъ всю власть въ патримоніи св. Петра, снова подчинилъ папскому престолу герцогство Сполето и заставилъ уйти оттуда имперскаго фогта Конрада Урслингена; у Маркварда Анвейлера онъ отнялъ Равенну, Анкону и Романью. Кромѣ того онъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ добивался наслѣдія Матильды и вошелъ въ близкія отношенія съ союзомъ тосканскихъ городовъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ властелиномъ средней Италиі, вскорѣ послѣ смерти императрицы Констанціи, въ ноябрѣ 1198 года, онъ объявилъ себя опекуномъ ея сына Фридриха II и его государства Сициліи, почти въ то время, когда нѣмецкій король изъ рода Вельфовъ призналъ его право на «рекупераціи».

Достигнувъ такихъ успѣховъ, Иннокентій не желалъ отвѣчать на предупредительность Оттона непосредственнымъ вмѣшательствомъ журіи въ борьбу за нѣмецкій престолъ. Для него было важно упрочить за собой пріобрѣтенія въ Италиі, а это было возможно только въ томъ случаѣ, если два нѣмецкіе короля, поддерживаемые папскимъ нейтралитетомъ въ Германіи, взаимно ослабятъ другъ друга.

Потому Иннокентій оставался нейтральнымъ и Германія подверглась ужасамъ гражданской войны, отъ которой особенно страдали цвѣтушія страны около Гарца и на Рейнѣ. Вражда казалась безконечной; конецъ ея могъ наступить только тогда, когда одинъ изъ королей совершенно истощитъ свои силы. При такихъ условіяхъ Штауфеновская партія задумала сдѣлать диверсію въ Италиі, чтобы поскорѣе кончить дѣло; на пятидесятницу 1200 года папѣ было объявлено о предстоящемъ походѣ Филиппа въ Римъ.

Это было неразумнымъ дѣломъ. Иннокентій былъ вынужденъ заняться дѣлами Германіи; ему пришлось объявить себя въ пользу Оттона. Онъ вошелъ съ нимъ въ переговоры; 1 марта 1201 года онъ призналъ его частнымъ образомъ королемъ, за что Оттонъ 8-го іюня 1201 года еще разъ обязался признать папскія «рекупераціи», обѣщалъ вести свою средне-итальянскую политику сообразно съ желаніями папы и наконецъ поклялся поддерживать папскую верховную власть надъ королевствомъ Сициліи. Наградой за это было публичное признаніе Оттона и отлученіе Филиппа; и то и другое было объявлено въ Кельнѣ папскимъ легатомъ Гвидо Палестрина 3 іюля 1201 года. Для Филиппа это было неблаприятнымъ обстоятельствомъ; нѣкоторые изъ епископовъ отпали отъ него; ему измѣнили также тюрингенскій ландграфъ Германъ и богемскій король Оттокаръ.

Но въ это время Оттонъ самъ положилъ начало своему низверженію на крайнемъ сѣверо-востокѣ Германіи. Здѣсь въ то время датское могущество при королѣ Кнутѣ направилось противъ колониальныхъ областей имперіи; вендскій берегъ сдѣлался датскимъ; въ 1201 году датскій король поразилъ энергическаго графа голштейнскаго Адольфа III. Оттонъ, какъ нѣмецкій король, долженъ бы былъ противодействовать этому, а онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Онъ заключилъ дружественный союзъ съ Кнутомъ, обручилъ своего младшаго брата Вильгельма съ дочерью датскаго короля и уступилъ ему владѣнія Вельфовъ на сѣверо-востокѣ. Вильгельмъ именовался уже герцогомъ саксонскимъ; казалось, что создастся вельфское государство на Эльбѣ и Сѣверномъ морѣ подъ защитой Даніи. Такое событіе смутило саксонскихъ князей и обезпокоило и архіепископа Кельнскаго; никогда князья, избиравшіе Оттона, не думали съ его возвышеніемъ создавать дѣйствительно сильную монархію на сѣверѣ. Противъ архіепископа Кельнскаго Оттонъ выставилъ городъ Кельнъ и сначала съ успѣхомъ; но уже весной 1204 года преданные ему рань-

ше князья начали отпадать отъ него. Первыми отпали саксонскіе князья, потомъ прежніе приверженцы Филиппа: тюрингенскій ландграфъ и богемскій король; но окончательно рѣшалъ дѣло переходъ на сторону Штауфеновъ архіепископа Кельнскаго и герцога Брабантскаго въ ноябрь 1204 года. Съ этихъ поръ Филиппъ могъ считать себя единымъ государемъ; для окончательной свободы дѣйствій ему нужно было только прогнать Оттона изъ Кельна, бюргерство котораго оставалось упорно вѣрнымъ антикоролю и примириться съ враждебной ему куріей.

Взять Кельнъ удалось только въ 1206 году; съ городомъ поступили очень мягко; онъ сохранилъ всѣ свои старыя привилегіи, даже получилъ нѣкоторыя облегченія при взиманіи пошлинъ на Рейнѣ. Оттонъ ушелъ въ свои Брауншвейгскія земли и оттуда чрезъ Данію въ Англію.

Согласиться съ куріей удалось Филиппу гораздо легче, чѣмъ можно было предполагать на основаніи положенія дѣлъ въ 1203 году. Иннокентій III въ то время встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія въ своихъ итальянскихъ дѣлахъ. Напрасно онъ пытался послѣ смерти императрицы Констанціи укрѣпить верховную власть папы въ королевствѣ Сициліи; нѣмецкіе министеріалы послѣ храбраго сопротивленія захватили власть въ пользу Фридриха II и признали опеку папы надъ королемъ только тогда, когда папа уменьшилъ свои притязанія. Въ средней Италиі угрожали еще большія опасности. Четвертый крестовый походъ, руководимый мудрыми Венеціанцами противъ Византіи, повелъ въ Константинополь къ возстановленію на престолѣ императора Исаака II Ангела и къ соимператорству Алексѣя IV; на Босфорѣ господствовали тестъ и шуринъ Филиппа: они могли теперь направить греческія войска въ Италію въ пользу нѣмецкаго короля — тѣмъ болѣе, что теперь, послѣ побѣды надъ Оттономъ, походъ короля Филиппа на Римъ сдѣлался очень вѣроятнымъ.

Иннокентій рѣшился стать въ дружескія отношенія съ Филиппомъ, — и ему это было тѣмъ болѣе возможнымъ, что онъ воспользовался временемъ двукоролевья, чтобы отнять у нѣмецкой церкви и у нѣмецкой имперіи большую часть еще сохраняемой ими самостоятельности какъ въ выборѣ епископовъ, такъ и во всѣхъ вообще церковныхъ спорахъ. Лѣтомъ 1207 года два кардинала-легата перешли Альпы и въ августѣ сняли отлученіе съ короля Филиппа. Обсужденія о регулированіи итальянскихъ отношеній привели къ плану женить одного изъ родственниковъ папы на дочери Филиппа и дать ему въ ленъ Тоскану, Сполето и мархію Анкону; путь въ Римъ для Филиппа былъ уроченъ.

Но раньше, чѣмъ успѣли исполнить этотъ планъ, веселый и любезный государь былъ убитъ въ Альтенбургѣ около Бамберга

графомъ Оттономъ Вительсбахомъ изъ частной мести 21 іюня 1208 года.

II.

Тотчасъ же послѣ смерти Филиппа король Оттонъ пытался снова укрѣпиться въ Германіи. Въ Саксоніи это удалось ему сразу; для того же, чтобы быть признаннымъ вездѣ, ему было необходимо привлечь на свою сторону штауфеновскую партію. Въ этой партіи теперь главной силой были имперскіе служащіе; чѣмъ болѣе колебались князья во время борьбы между Оттономъ и Филиппомъ, тѣмъ большую роль играли вѣрныя министеріалы. Оттону посчастливилось; ему удалось привлечь ихъ къ себѣ тѣмъ, что онъ оставилъ спеціально вельфскіе планы и рѣшился жениться на Беатрисѣ, дочери убитаго короля; такимъ образомъ онъ становился наслѣдникомъ дома Штауфеновъ въ Германіи и той штауфеновской политики, главными представителями которой послѣ смерти Генриха VI были имперскіе служащіе.

Всѣ эти новыя связи были уже почти составлены, когда Оттонъ 11 ноября 1208 года на придворномъ собраніи (Hoftag) во Франкфуртѣ добился общаго признанія со стороны князей и объявилъ Оттона Вительсбаха и его пособниковъ состоящими въ имперской опалѣ; его торжество сдѣлалось несомнѣннымъ, когда онъ отправился въ Швабію, устроилъ общія и личныя отношенія въ этой родовой странѣ Штауфеновъ и потомъ лѣтомъ 1209 года отправился въ Италію. Казалось, что король Филиппъ совсѣмъ и не умиралъ; Оттонъ въ своей политикѣ казался совершеннымъ двойникомъ своего прежняго соперника.

Оттонъ перешелъ Альпы съ сильнымъ войскомъ; вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, его встрѣтили съ молчаливой покорностью; ломбардскіе города уплатили налоги, которыхъ не платили со смерти императора Генриха VI. Изъ Ломбардіи Оттонъ двинулся въ Римъ.

По отношенію къ папѣ Оттонъ не былъ связанъ своими прежними обѣщаніями, данными имъ при его избраніи и признаніи его куріей, Иннокентій позже оставилъ его ради Филиппа. Но съ тѣхъ поръ Оттонъ заключилъ съ куріей новый договоръ въ Шпейерѣ 22 марта 1209 года; условія этого договора были существенно тѣ же, какъ и прежде, но недоставало необходимыхъ съ точки зрѣнія государственнаго права формальнаго сообщенія князьямъ и ихъ засвидѣтельствованія. Вѣроятно, на этомъ основаніи Оттонъ и не считалъ себя связаннымъ имъ; несомнѣнно то, что онъ его нарушилъ. Еще находясь въ Германіи, онъ поручилъ патриарху Аквилеи занять всѣ имперскія земли, забранныя папой (рекупераціи); въ Романьи, Анконѣ и Сполето онъ ввелъ теперь имперское управленіе—и 4 октября 1209 г.

Иннокентій III былъ вынужденъ возложить на него императорскую корону.

Но и это еще было не все. Распорядившись по примѣру Генриха VI самовластно патримоніей св. Петра, Оттонъ поздней осенью 1210 г. занялъ Капую, Неаполь и Салерно, въ тоже время онъ снарядилъ въ Пизѣ флотъ противъ Сициліи; сомнѣнія больше не было. Оттонъ считалъ штауфеновское наследственное королевство Сицилію *Avulsam imperii*; онъ мечталъ о всемірной монархіи Генриха VI, только въ рукахъ Вельфовъ.

Папа смотрѣлъ на эти событія съ ужасомъ; тщетно пытался онъ удержать Оттона переговорами и, наконецъ, 18 ноября 1210 года онъ отлучилъ императора.

Въ Германіи это отлученіе произвело неожиданно сильное дѣйствіе. Страхъ передъ церковнымъ осужденіемъ самъ по себѣ былъ не особенно великъ; но князья, уже давно поссорившіеся съ императорскими министеріалами, боявшіеся возобновленія политики Генриха, привѣтствовали поступокъ папы какъ искупленіе. Они немедленно начали составлять заговоры; уже весной 1211 года тюрингенскій ландграфъ и богемскій король, наиболѣе колеблющіеся изъ всѣхъ тогдашнихъ князей, начали переговоры съ саксонскими свѣтскими и духовными князьями о выборѣ новаго короля; вскорѣ послѣ этого Майнцскій архіепископъ отлучилъ императора и въ сентябрѣ 1211 года въ Нюренбергѣ былъ избранъ императоромъ Фридрихъ II, и этотъ король милостію Божіей и папской, какъ онъ самъ называлъ себя, былъ призванъ въ Германію.

Князья, папа и штауфеновская наследственная монархія въ Сициліи соединились и выступили противъ императорскаго универсализма министеріаловъ и Вельфовъ.

Въ это время Оттонъ добился нѣкоторыхъ успѣховъ въ Апуліи. Но извѣстія изъ Германіи заставили его вернуться на родину; весной 1212 года онъ держалъ многочисленное собраніе во Франкфуртѣ, его энергія, казалось, разбила партію недовольныхъ; онъ былъ въ состояніи направить свои силы противъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе ненадежныхъ князей, прежде всего противъ Германа тюрингскаго — съ іюля 1212 года онъ осадилъ Вейссензее.

Но Оттонъ нашелъ страшнаго противника во Фридрихѣ II. Юный Штауфенъ тогда былъ уже совершеннолѣтнимъ и проявилъ уже тѣ свойства своего ума, которыя съ особенной силой развились благодаря его блестящей даровитости въ международной атмосферѣ Сициліи: любезность характера, несмотря на нѣкоторую, напоминающую его отца Генриха VI и въ послѣдствіи увеличившуюся суровость, способность выждать медленно зрѣющихъ успѣховъ, необыкновенную проницательность при достиженіи возможныхъ цѣлей и неуклонную твердость при выборѣ средствъ, хотя бы и безнравственныхъ,

аристократическое спокойствіе въ поступкахъ, отвращеніе къ грубымъ и въ особенности военнымъ нападеніямъ раньше, чѣмъ не истощатся всѣ средства дипломатическаго воздѣйствія, громадное умѣнье составлять планы и умѣнье пользоваться всякими вспомогательными силами, повидимому совершенно чуждыми поставленной цѣли.

До совершеннолѣтія Иннокентій III, назначенный Генрихомъ VI опекуномъ юнаго короля, сохранилъ ему господство надъ Сициліей; только въ согласіи съ Иннокентіемъ могъ онъ сдѣлать первые шаги для возвращенія себѣ Штауфеновскаго достоянія на родинѣ. Когда Фридрихъ былъ призванъ папой и князьями на нѣмецкій престолъ, казалось, что онъ отрекается отъ соединенія Германіи съ Сицилійской короной, отъ соединенія, которое было невыносимо одинаково и для папы и для князей, такъ какъ онъ приказалъ короновать королемъ Сициліи своего годового сына и предоставилъ опеку своей супругѣ Констанціи, аррагонской принцессѣ. Потомъ онъ оставилъ Сицилію, съ благословенія папы отправился въ Геную и оттуда обходнымъ путемъ въ долину верхняго Рейна, гдѣ и былъ признанъ мѣстнымъ епископомъ королемъ.

Оттонъ получилъ извѣстіе о прибытіи молодаго Штауфена; онъ немедленно же снялъ осаду съ Вейссензее и спѣшилъ на югъ. Но Фридрихъ предупредилъ его, занявъ важный городъ Констанць, гдѣ его приняли очень дружественно. Вскорѣ онъ занялъ Базель, Шпейеръ и Майнць; весь верхній Рейнъ былъ такимъ образомъ въ рукахъ Штауфена.

Еще важнѣе было то, что Фридрихъ привлекъ на свою сторону князей матеріальными пожертвованіями. Пользуясь покровительствомъ папы, онъ въ ноябрѣ 1212 года оиъ заключилъ договоръ съ королемъ Франціи, Филиппомъ, который далъ ему двадцать тысячъ марокъ; эта сумма имѣла тѣмъ больше значенія, что король Филиппъ своими бессмысленными растратами императорскаго имущества очень ослабилъ финансовыя силы нѣмецкой короны. Черезъ посредство майнцакаго архіепископа князья получили деньги и успѣхъ оказался замѣчательнымъ; 5 декабря 1212 года Фридрихъ былъ еще разъ избранъ королемъ, а 9-го коронованъ; его побѣда была настолько несомнѣнной, что имперскіе министеріалы перешли на его сторону; Оттонъ былъ на половину забытъ.

То обстоятельство, что папа прежде всѣхъ получилъ награду за свою поддержку отъ князей и короля, указываетъ на характеръ этихъ событій. Въ Золотой Буллѣ отъ 12 іюля 1213 года король и князья сдѣлали папѣ уступки, которыя, правда, Оттонъ тоже обѣщалъ, но никогда не признавалъ; они признали уступку закупераций, свободу апелляцій въ Римъ на рѣшенія церковныхъ судовъ Германіи и право церкви на преслѣдованіе еретиковъ; они осудили право захвата и право регаліи, признали принципъ свободы каноническаго избра-

нія всѣхъ прелатовъ капитулами; они, однимъ словомъ, отреклись отъ принциповъ Вормскаго конкордата.

Такой успѣхъ куріи былъ необычайнымъ; онъ совпалъ къ тому же съ торжествомъ ея побѣды надъ альбигойцами юга Франціи и надъ безумнымъ англійскимъ королемъ Іоанномъ.

Паруса Петрова корабля гордо развѣвались теперь надъ міромъ. Папа давно уже желалъ устроить подъ своимъ руководствомъ новый великій крестовый походъ на востокъ. Этому до сихъ поръ мѣшали беспорядки въ Германіи и свирѣпствовавшая тогда борьба между Франціей и Англіей. Теперь въ Германіи царствовалъ король милостію папы; нужно было только рѣшить войну между Франціей и Англіей. И она была рѣшена страшной битвой при Бувенѣ 27 іюля 1214 года; Англія, а вмѣстѣ съ ней и дѣло императора Оттона, потерпѣли полное пораженіе. Такимъ образомъ для дружественныхъ папѣ государствъ Франціи и Германіи путь для крестоваго похода былъ открытъ и Фридрихъ II послѣ вторичнаго коронованія своего въ Ахенѣ 25 іюля 1215 года принялъ крестъ; а императоръ Оттонъ, оставленный всѣми кромѣ своего брата Генриха, ожидалъ одиноко кончины въ своемъ бургѣ Брауншвейгѣ.

Иннокентій III увѣнчалъ свои успѣхи большимъ латеранскимъ соборомъ 1215 года. Всѣ церковные сановники стремились въ Римъ: 71 архіепископовъ и патріарховъ, 412 епископовъ, больше 800 аббатовъ и пріоровъ внимали словамъ папы; почти всѣ государи запада, государи Византіи, Кипра и Іерусалима прислали посольства. Средневѣковое папство достигло апогея своего величія; кромѣ важныхъ церковныхъ рѣшеній былъ торжественно возвѣщенъ великій крестовый походъ на 1 іюля 1217 года.

III.

13 іюля 1216 года Иннокентій III скончался. Его наслѣдникъ, Гонорій III, былъ старикъ, выросшій въ рутинѣ церковнаго управленія, превосходный чиновникъ, но не политикъ и совершенно непригодный на то, чтобы воспользовался завѣщаннымъ ему Иннокентіемъ наслѣдіемъ.

Фридрихъ вздохнулъ свободно. Иннокентій оставлялъ для его честолюбія только одну цѣль: крестовый походъ подъ руководствомъ папы, а Фридрихъ хотѣлъ прежде всего позаботиться о себѣ и о своемъ домѣ. Важнѣйшая его задача была та же, что и при Генрихѣ и Оттонѣ, т. е. устройство правовыхъ отношеній между имперіей и Сициліей. Уже попытки его предшественниковъ ясно указывали, что было необходимо сдѣлать; Фридрихъ долженъ былъ стараться добиться одинаковой власти надъ Сициліей и надъ имперіей. До сихъ поръ этому противились и папа и князья; Иннокентій предъ смертію

заставилъ Фридриха обѣщать, что онъ Сицилію, какъ вполнѣ независимую отъ Германіи, передастъ своему сыну Генриху и этотъ послѣдній получитъ королевство какъ ленъ римской церкви. Но Фридрихъ послѣ смерти Иннокентія не желалъ буквально сдержать этого обѣщанія; во всякомъ случаѣ онъ принялъ такія мѣры, которыя противорѣчили обѣщанію, если не формально, то по существу и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворили желанія нѣмецкихъ князей и потому уничтожали ихъ союзъ съ куріей въ этомъ вопросѣ; онъ хотѣлъ самъ быть императоромъ и господствовать въ Сициліи, а его сынъ долженъ былъ подъ его руководствомъ управлять Германіей, какъ нѣмецкій король; такимъ образомъ избѣгалось непосредственное соединеніе обѣихъ странъ, но вся сила ихъ оставалась въ рукахъ Фридриха. Для достиженія такой цѣли Фридрихъ самымъ ловкимъ образомъ воспользовался своимъ обѣщаніемъ идти въ крестовый походъ; откладывая исполненіе этого обѣщанія отъ одного срока до другого, онъ въ концѣ концовъ добился отъ приходившаго въ нетерпѣніе папы его согласія.

Еще въ 1216 году онъ призвалъ свою супругу Констанцію и юнаго Генриха въ Германію и назначилъ Генриха герцогомъ Швабскимъ и правителемъ (ректоромъ) Бургундіи. Папа не протестовалъ. Потомъ Фридрихъ началъ вести переговоры съ князьями о выборѣ Генриха нѣмецкимъ королемъ. Курія выразила недовѣріе. Но Фридрихъ увѣрялъ, что нужно же во время крестоваго похода имѣть законнаго представителя въ Германіи, что именно это онъ и имѣетъ въ виду при избраніи Генриха. Между тѣмъ въ 1217 году былъ предпринятъ несчастный крестовый походъ въ Даміету безъ участія Фридриха. Даміета была взята только въ 1219 году; для дальнѣйшаго веденія предпріятія ожидали прибытія нѣмцевъ. Этимъ положеніемъ дѣлъ Фридрихъ воспользовался, чтобы добиться дальнѣйшихъ уступокъ отъ папы; Гонорій въ концѣ концовъ обѣщалъ короновать Фридриха императоромъ предъ крестовымъ походомъ и завязалъ переговоры, можетъ ли при этомъ Фридрихъ оставаться пожизненнымъ властелиномъ Сициліи. Эти переговоры дали Фридриху возможность провести въ Германіи избраніе Генриха безъ предварительнаго одобренія папы; въ апрѣлѣ 1220 года избраніе состоялось и папѣ ничего не оставалось, какъ признать его, короновать Фридриха императоромъ (22 ноября 1220 г.) и рѣшить соединеніе Сициліи съ императорскою короною; съ этихъ поръ Фридрихъ именуется *imperator et rex Siciliae*; такъ его называетъ и папа; такимъ образомъ было снова достигнуто необходимое условіе для міроваго господства, которое пріобрѣлъ Генрихъ VI и къ которому стремился Оттонъ.

Но съ какими потерями для нѣмецкой королевской власти была достигнута эта цѣль! Фридрихъ могъ склонить духовныхъ князей, составлявшихъ большинство при избраніи короля, къ избранію Генриха

только при посредствѣ «привилегіи» (отъ 26 апрѣля 1220 года), создавшей почти самостоятельную власть духовныхъ князей въ Германіи.

Было важно не то, что епископства на основаніи этой привилегіи гарантировались отъ вмѣшательства ихъ свѣтскихъ фогтовъ, часто угнетавшихъ ихъ; было важно и не то, что епископскія помѣстья получали защиту противъ бѣгства ихъ крѣпостныхъ въ города. Дѣло было важнѣе, когда опредѣлялось, что никто на епископскихъ земляхъ не можетъ устраивать таможни и монетные дворы, а также города, деревни и бурги безъ позволенія епископа, что большіе города, бывшіе мѣстомъ жительства епископовъ, лишались всякаго воздѣйствія на нихъ королевской администраціи. А это обозначало полную финансовую и военную самостоятельность территорій духовныхъ князей; это обозначало кромѣ того, что королевская власть должна стоять вполнѣ на сторонѣ князей при предстоящихъ столкновеніяхъ бюргерства съ территоріальными властями.

Но за то такія уступки гарантировали торжество Штауфеновской міровой политики. Эта политика теперь, когда ей была расчищена дорога, получила направленіе, которое намѣчалось уже при Генрихѣ VI, даже можетъ быть при Фридрихѣ I. Фридрихъ II совсѣмъ не намѣревался пойти въ крестовый походъ, какъ вѣрный слуга папы; онъ хотѣлъ появиться на востокѣ какъ властелинъ запада, онъ хотѣлъ подчинить востокъ своей собственной власти. Но для этого ему было необходимо собрать всѣ свои силы, а стало быть была необходима и новая отсрочка крестоваго похода; такія соображенія и управляли императорской политикой всѣ послѣдующіе годы.

Фридрихъ началъ съ реорганизаціи королевства Сициліи; онъ подчинилъ сарацинъ, устроилъ финансы Апуліи и положилъ, съ собственнымъ ему организаторскимъ талантомъ, первыя основанія административной юстиціи и бюрократическаго управленія.

Между тѣмъ крестовый походъ въ Даміету потерпѣлъ полное фіаско. Лѣтомъ 1221 года войско изъ Даміеты по совѣту папскихъ легатовъ двинулось на Каиръ. Походъ не удался, несчастіе слѣдовало за несчастьемъ, христіане были оттѣснены и 8 сентября 1221 г. Египетскій султанъ Камель вступилъ въ Даміету.

А въ это время Фридрихъ при свиданіи съ папой въ Ферентино въ 1223 г. добился отъ него новой отсрочки крестоваго похода на два года; онъ отлично понималъ, что съ каждымъ годомъ отсрочки крестовый походъ, котораго ожидалъ стъ него весь міръ, все болѣе и болѣе будетъ дѣлаться чисто императорскимъ предпріятіемъ. И дѣйствительно скоро произошло событіе, еще болѣе придававшее такой именно характеръ будущей дѣятельности Фридриха; 9 ноябра 1225 года императоръ женился на Іолантѣ, дочери Іоанна Бриення, титулярнаго короля Іерусалимскаго, причемъ раньше брака Іоланта короновалась въ Іерусалимѣ.

А между тѣмъ Фридрихъ по договору съ папой, заключенному въ Санъ Жермано, еще разъ выговорилъ себѣ новую отсрочку своего крестоваго похода на два года, но на этотъ разъ уже подъ угрозой отлученія въ случаѣ новой отсрочки; онъ хотѣлъ раньше крестоваго похода обезпечить свое господство не въ одной Сицили, а и въ Ломбардіи.

Но здѣсь онъ встрѣтилъ сопротивленіе. Союзъ ломбардскихъ городовъ подъ руководствомъ Милана возсталъ и помѣшалъ переходу нѣмецкихъ войскъ черезъ Альпы. Фридрихъ опасался дальнѣйшаго сопротивленія; не обращая вниманія на условія Констанцскаго мира, онъ объявилъ города опальными. Для плановъ курии это было большимъ ударомъ; съ большимъ трудомъ папѣ удалось въ 1227 г. уладить дѣло.

Вскорѣ послѣ этого 18 марта 1227 года Гонорій III скончался. Его наслѣдникъ Григорій IX, гнѣвный, упорный старикъ, не намѣревался относиться къ императору столь примирительно, какъ его предшественникъ. Фридрихъ прекрасно понялъ различіе между двумя этими папами и не смотря на все свое могущество не чувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы противиться папѣ. Ему ничего не оставалось, какъ пойти наконецъ въ крестовый походъ, хотя для его плановъ это и было преждевременно; только крупные результаты самого похода могли дать ему то могущество, къ которому онъ стремился. Потому онъ началъ снаряжаться. По его призыву больше пятидесяти тысячъ нѣмецкихъ воиновъ собрались лѣтомъ 1227 г. въ Апуліи, приготавливаясь къ переправѣ за море; ихъ медленно перевозили на императорскихъ корабляхъ. Но ничего не было приготовлено для такой массы людей; дѣло дошло до голодовки, причинявшей заразные болѣзни; самъ императоръ, отправившійся 8 сентября изъ Бриндизи, заболѣлъ и потому онъ былъ вынужденъ на нѣсколько дней остановиться въ Отранто; въ его свитѣ умеръ ландграфъ Людвигъ тюрингенскій, молодой супругъ св. Елизаветы.

Но Григорій IX не хотѣлъ ничего знать о затрудненіяхъ императора; онъ настаивалъ на договорѣ Санъ Жермано и отлучилъ 25 сентября 1227 г. императора за нарушеніе обѣта.

Императоръ не сталъ спорить противъ отлученія; весной 1228 года онъ отправился въ святую землю, хотя ему и пришлось теперь оставить свои планы о всемірномъ владычествѣ надъ востокомъ, такъ какъ исполненіе этихъ плановъ приходилось отложить въ долгій ящикъ въ виду необходимости раньше разрѣшить цѣлый рядъ вопросовъ о западной имперіи; для него теперь дѣло шло только о формальномъ исполненіи его обѣта. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ султаномъ Камель ему удалось, однако, добиться передачи Сидона, Іерусалима, Вифлеема и Назарета, а также всѣхъ лежащихъ между этими городами дорогъ и мѣстечекъ; въ самомъ Іерусалимѣ магометанамъ

позволено было сохранить двѣ мечети. Фридрихъ при проклятіяхъ папской партіи вступилъ 17 марта въ Іерусалимъ, въ храмъ св. Гроба возложилъ на себя корону святой земли и отправился домой, въ то время какъ патріархъ наложилъ интердиктъ на оскверненный его присутвіемъ храмъ.

Въ Италіи между тѣмъ курія устроила такое же бессмысленное сопротивленіе императору, какъ и въ Палестинѣ; папское наемное войско, сопровождаемое нищенствующими монахами, вторглось въ Апулію. Когда Фридрихъ 10 іюня 1229 года высадился въ Бриндизи, это войско, понятно, исчезло какъ призракъ. Григорій не могъ сопротивляться въ виду такихъ крупныхъ успѣховъ, какихъ добился императоръ, онъ снялъ съ него отлученіе 28 августа 1230 года.

Фридрихъ могъ съ улыбкой вспоминать о своемъ самовольномъ путешествіи въ святую землю, — о путешествіи, предпринятомъ на половину противъ желанія и однако несмотря на нелѣпое поведеніе куріи принесшемъ честь императору — и снова заняться болѣе прочной организаціей своихъ государствъ. Въ Сицилію ему нужно было только закончить уже начатое дѣло; въ августѣ 1231 года появились «конституціи Мельфи»; эти конституціи опредѣляли строй королевства, какъ абсолютнаго бюрократическаго и полицейскаго государства, до сихъ поръ еще не бывалаго въ Европѣ; такой государственный строй давалъ Фридриху неограниченное распоряженіе всѣми финансовыми силами страны.

Труднѣе было устроить дѣла въ Германіи. Тамъ императоръ съ самаго начала нашелъ запутанныя отношенія, а со времени его отъѣзда въ 1220 году затрудненія никоимъ образомъ не уменьшились.

IV.

Въ 1220 году Фридрихъ оставилъ Германію подъ управленіемъ только что избраннаго въ то время нѣмецкимъ королемъ своего сына, Генриха, герцога Швабскаго. Такъ какъ Генрихъ былъ еще несовершеннолѣтнимъ, то рядомъ съ нимъ поставлено было нѣсколько чиновниковъ съ различными обязанностями. Его личнымъ воспитаніемъ кромѣ двухъ имперскихъ министріаловъ руководилъ придворный канцлеръ Конрадъ, епископъ Шпейерскій; Швабіей управляли шенкъ Конрадъ Винтерштеттенъ и трукзесъ Эбергардъ Вальдбургъ, два выдающіеся имперскіе служащіе; имперскимъ правителемъ (губернаторомъ) былъ назначенъ энергичный архіепископъ кельпскій Ангельбертъ. Это была попытка отдать управленіе страной, рядомъ съ министріалами, духовнымъ князьямъ; вмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ Ангельберта рассчитывали привлечь на сторону Штауфеновъ нижній Рейнъ; все это было естественнымъ слѣдствіемъ прежней политики Фридриха, которую онъ велъ по соглашенію съ папой.

Могло ли сохраниться такое положеніе дѣлъ теперь, когда между

императоромъ и куріей начались недоразумѣнія, что, какъ мы сказали, произошло вскорѣ послѣ 1220 года? Могли ли сохранить вѣрность императору духовные князья, со времени Иннокентія III привязанные къ куріи и со времени привилегіи 1220 года почти независимые, какъ территоріальные государи? Могъ ли Энгельбертъ, нижнерейнскій духовный князь, отказаться на продолжительное время отъ англійскихъ симпатій своей страны ради императорской идеи Штауфеновъ — когда это не удалось Филиппу Гейнсбергу даже при Фридрихѣ I?

Всѣ эти затрудненія очень скоро сказались въ отношеніяхъ имперіи къ Даніи. Мы уже замѣтили и дальше расскажем подробнѣе, что Данія послѣ паденія Генриха Льва при короляхъ Кнутѣ и въ особенности Вальдемарѣ сдѣлала необыкновенные успѣхи на нѣмецкомъ сѣверовостокѣ. Нѣмцы, оставленные имперіей, въ концѣ концовъ прибѣгли къ насилію: въ маѣ 1223 года графъ Генрихъ Шверинскій взялъ въ плѣнъ на небольшомъ островѣ при Фюненѣ короля Вальдемара и его сына и увезъ ихъ въ свой укрѣпленный бургъ Данненбергъ.

Это событіе напоминало о плѣнѣ короля англійскаго Ричарда; императоръ хотѣлъ воспользоваться имъ также, какъ воспользовался его отецъ Генрихъ VI плѣномъ Ричарда. Онъ настоялъ на выдачѣ короля за уплату пятидесяти тысячъ марокъ и началъ, какъ представитель имперіи, переговоры съ плѣнникомъ.

Это происходило какъ разъ въ то время, когда императоръ одержалъ безспорную дипломатическую побѣду надъ Гоноріемъ III. Курія хотѣла противодѣйствовать Фридриху во всѣхъ его дѣлахъ, потому она вмѣшалась и въ отношеніи имперіи къ Даніи; ей удалось повліять на правителя Энгельберта, которому императоръ довѣрилъ веденіе переговоровъ съ Даніей. Переговоры затянулись; Энгельбертъ колебался; императору пришлось наконецъ назначить другихъ уполномоченныхъ, одинъ изъ которыхъ, гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена Германъ фонъ Зальца заключилъ 4 іюля 1224 года чрезвычайно выгодный для имперіи и для націи договоръ; Вальдемаръ долженъ былъ вернуть всѣ завоеванныя имъ нѣмецкія земли, остальную часть своего королевства получить какъ ленъ Германіи и заплатить 25000 марокъ¹⁾ или пойти на два года въ крестовый походъ. Но и послѣ заключенія этого договора поведеніе правителя оставалось сомнительнымъ; договоръ остался неисполненнымъ со стороны имперіи; въ концѣ концовъ нѣмцамъ приходилось самимъ защищать себя на Эльбѣ. Генрихъ Шверинскій разбилъ датчанъ при Мельнѣ, графъ Адольфъ IV Шауенбургъ возвратилъ себѣ Голштейнъ, Любекъ низвергъ датское иго. Только 17 ноября 1225 года былъ отпущенъ король Вальдемаръ, но уже не на основаніи договора, а на основаніи условій,

¹⁾ На наши деньги около 6 мил. марокъ.

выговоренныхъ графомъ Шверинскимъ: король заплатилъ 45000 марокъ, отказался отъ своихъ завоеваній въ имперскихъ областяхъ и подтвердилъ любекскимъ и гамбургскимъ купцамъ ихъ старыя привилегіи въ его государствѣ. Когда Вальдемаръ, освободившись, получилъ отъ папы разрѣшеніе отъ клятвы и не исполнилъ условій, князья, города и помѣщики сѣверовостока соединенными силами выступили противъ него при Борнгёведе и 22 іюля 1227 года разбили его на голову.

Казалось, что сѣверовостокъ Германіи совершенно отдѣлится теперь отъ имперіи и это прямо обуславливалось папскимъ вліяніемъ на архіепископа-правителя.

Если Энгельбертъ на сѣверовостокѣ руководился церковными соображеніями, то въ своей политикѣ на западѣ и сѣверозападѣ онъ преслѣдовалъ исключительно нижнерейнскіе интересы. Въ этихъ странахъ изстари политика Штауфеновъ была дружественной Франціи и враждебной Англіи; это вызвалось даже просто тѣмъ, что Вельфы находились въ близкихъ отношеніяхъ съ англійской королевской фамиліей. Эту традицію сохранилъ и Фридрихъ II; уже въ 1212 г. онъ заключилъ съ королемъ французскимъ Филиппомъ договоръ, направленный противъ Англіи; этотъ договоръ былъ вновь заключенъ и съ наследникомъ Филиппа Людовикомъ VIII—въ Катаніи въ ноябрѣ 1224 г.; Фридрихъ приказалъ и сыну Генриху вести подобныя же переговоры съ французскимъ королемъ.

Но такое приказаніе было совсѣмъ непріятно нижнерейнскому правителю; оно было непосредственно направлено противъ англійскихъ симпатій его земли и города Кельна. Онъ умѣлъ пріостановить нѣмецко-французскіе переговоры и вмѣсто нихъ работалъ для заключенія союза между Германіей и Англіей, союза, прочность котораго должна была гарантироваться бракомъ короля Генриха съ дочерью англійскаго короля. Разумѣется, императоръ не могъ согласиться въ этомъ съ правителемъ; онъ избралъ уже въ супруги своему сыну Маргариту, дочь герцога Австрійскаго Леопольда.

Недоразумѣнія между императоромъ и правителемъ были теперь очевидными: было ясно, что управленіе не можетъ оставаться въ рукахъ Энгельберта. Но раньше, чѣмъ Фридрихъ успѣлъ устранить Энгельберта, этотъ послѣдній былъ убитъ изъ личныхъ соображеній его родственникомъ, графомъ Фридрихомъ фонъ Альтена, 11 ноября 1225 года, у Швельма.

Необходимо было устроить новое императорское управленіе. Естественно, что Фридрихъ хотѣлъ теперь передать власть не духовнымъ, а свѣтскимъ князьямъ и перенести управленіе имперіей съ нижняго Рейна въ южную Германію; онъ назначилъ регентомъ имперіи сначала герцога Леопольда австрійскаго, а потомъ герцога баварскаго Людвигъ; министеріалы-совѣтники остались по-прежнему.

Но вскорѣ и это управленіе оказалось неудовлетворительнымъ. Большіе города, по большей части принадлежавшіе духовнымъ князьямъ и потому покорные до тѣхъ поръ, пока власть находилась въ рукахъ епископовъ, теперь, когда епископы были устранены, подняли голову; впервые устроился большой союзъ городовъ съ политической цѣлью между Майнцемъ, Бингеномъ, Шпейеромъ, Вормсомъ, Франкфуртомъ, Гельнгаузенемъ и Фридбергомъ противъ архіепископства Майнцаго; Любекъ и герцогъ саксонскій тоже заключили союзъ; во многихъ мѣстахъ началась борьба между епископами и городами и имперское правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. въ Вердюнѣ и Регенсбургѣ, стало, можетъ быть, даже и черезъ чуръ на сторону городовъ. Еслибы эта политика, на путь которой вступили свѣтскіе князья для того, чтобы оттѣснить духовныхъ, преслѣдовалась горячо, то несомнѣнно, что она повела бы къ общей междуусобной войнѣ. Но раньше, чѣмъ наступили такіа событія, управленіе Людвига было уже ниспровергнуто. Король Генрихъ, юноша, у котораго закружилась голова отъ высокаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ съ дѣтства, возмутился противъ своихъ совѣтниковъ; лѣтомъ 1229 года онъ устранилъ герцога.

Началась третья фаза имперскаго управленія: министеріалы и свободные дворяне (Freien Herren), до сихъ поръ бывшіе на второмъ планѣ, теперь получили власть, какъ кажется при нѣкоторомъ сочувствіи большихъ епископскихъ городовъ. Но такая политическая комбинація сама по себѣ была непрочной. Министеріалы были теперь непрежніе энергическіе воины и чиновники временъ Фридриха I, Генриха VI или даже короля Филиппа и императора Оттона; они уже давно не имѣли участія въ управленіи Италіей, гдѣ было создано новое чиновничество абсолютизма; они были теперь прикрѣплены къ нѣмецкой землѣ и какъ въ умственномъ, такъ и въ социальномъ отношеніи были близки къ низшему дворянству; интересы ихъ были партикуляристическими, ихъ энергія исчезла. Какимъ же образомъ Генрихъ могъ управлять, опираясь на нихъ, противъ все растущаго могущества князей?

Императоръ, уже въ теченіи девяти лѣтъ жившій въ Италиі, настолько ясно понималъ, однако, положеніе дѣлъ, что рѣшился и далѣе, несмотря на желанія Генриха, опираться на князей. Нѣмецкіе князья были посредниками при заключеніи имъ договора съ папой въ Санъ-Жермано (1229 г); только отъ князей могъ Фридрихъ ожидать военной помощи въ борьбѣ, начавшейся въ Италиі.

Такое различное отношеніе императора и короля Генриха къ нѣмецкимъ дѣламъ должно было повести въ концѣ концовъ къ столкновенію между ними и было очевидно, что это столкновеніе должно кончиться полнымъ пораженіемъ Генриха. Но при этомъ оно повело къ такимъ уступкамъ свѣтскимъ князьямъ, которыя по своему значенію да-

леко превосходили привилегію, полученную духовными князьями въ 1220 году.

Когда король Генрихъ понялъ, что его отецъ, опираясь на князей, легко побѣдитъ его, то онъ въ январѣ и маѣ 1231 года старался перетянуть ихъ на свою сторону рядомъ уступокъ насчетъ имперіи и городовъ. Король обязался не строить въ имперіи новыхъ городовъ во вредъ князьямъ, воспретилъ имперскимъ городамъ расширение ихъ юрисдикціи внѣ ихъ предѣловъ и принятіе приписныхъ гражданъ (*Pfahlbürger*); онъ объявилъ, что городскіе союзы и братства могутъ быть терпимы или вновь учреждаемы королемъ только при согласіи князей, а князьями при согласіи короля. Но для своихъ территорій князья сохраняли всѣ до сихъ поръ уступленныя имъ права, они сохранили также и право строить въ своихъ территоріяхъ крѣпости и право издавать законы съ согласія *maiores et meliores*, нотаблей.

Императоръ понялъ всю важность этаго нанесеннаго ему удара и отразилъ его, давъ князьямъ еще большія привилегіи. На рейхстагѣ въ Равеннѣ въ январѣ 1232 года онъ уничтожилъ всѣ городскія привилегіи, объявилъ автономію гражданъ не имѣющей силы, если они пользуются ей не съ согласія владыкъ городовъ и снова передалъ городскія регалии и городское управленіе властелинамъ городовъ. Противъ подобнаго радикальнаго измѣненія положенія дѣлъ Генрихъ, конечно, не могъ устоять, такъ какъ онъ все таки хотъ сколько нибудь заботился о поддержаніи нѣмецкой королевской власти; ему ничего не оставалось, какъ подчиняться въ 1232 году отцу на крайне унижительныхъ условіяхъ.

Для исторіи Германіи мѣры Генриха, подтвержденныя и Фридрихомъ и увѣнчанныя новыми привилегіями, дарованными князьямъ Фридрихомъ, обозначали наступленіе новаго вѣка, рокового для старой королевской власти. Было открыто высказано противорѣчіе между развитіемъ территоріальной власти, между противоположными полюсами бюргерства и княжеской власти; развитіе этого контраста было предоставлено будущимъ столѣтіямъ и королевская власть совершенно несомнѣнно стала на сторону консервативной власти, власти князей; она утратила свое прежнее положеніе власти, стоящей выше партій.

Ближайшимъ слѣдствіемъ вмѣшательства императора было новое довольно хорошо функционирующее управленіе имперіей князьями и король Генрихъ подчинялся ему около полутора года. Но все таки рядомъ съ князьями и городами стояли еще министеріалы, хотя они постепенно и утрачивали свое прежнее значеніе. Они подверглись общему съ королемъ Генрихомъ униженію и потому пользовались теперь исключительной милостью государя. Князья снова удалились отъ королевскаго двора, снова выступили служащіе и попытались,

сами не ясно понимая свои цѣли, создать новое управленіе, враждебное князьямъ и императору, съ помощью иностранныхъ государствъ,

Въ срединѣ ноября 1234 года министріаль Ансельмъ Юстингенъ отправился въ Ломбардію; онъ отъ лица короля Генриха заключилъ союзъ на десять лѣтъ съ враждебными императору городами. Вскорѣ послѣ этого въ февралѣ 1235 года Генрихъ завелъ переговоры съ королемъ Людовикомъ IX французскимъ; родственныя отношенія между королями должны были повести къ тѣсному политическому союзу.

Эти поступки Генриха побудили императора, давно уже питавшаго недовѣріе, къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Противъ ломбардской политики Генриха онъ началъ опираться на папу; противъ нѣмецко-французскаго союза на союзъ съ Англіей, началомъ котораго было его обрученіе съ англійской принцессой Изабеллой; такими дѣйствіями онъ привлекъ на свою сторону нѣмецкихъ епископовъ и нижній Рейнъ, свѣтскіе князья давно были на его сторонѣ, только министріалы стояли за Генриха.

Генрихъ погибъ, едва императоръ вступилъ на нѣмецкую землю. Мирно, съ неслыханнымъ дотолѣ въ Германіи блескомъ Фридрихъ прошелъ чрезъ южную Германію, чтобы праздновать въ Вормсѣ свой бракъ съ Изабеллой. Генрихъ былъ смѣненъ и увезенъ плѣннымъ въ Апулію, гдѣ онъ и скончался семь лѣтъ спустя въ 1242 году.

Судьба Генриха повлекла за собой и паденіе министріаловъ. Они вышли окончательно изъ службы нѣмецкаго короля и слились съ низшимъ дворянствомъ. Центральная власть утратила и послѣднюю, хотя уже изуродованную, административную корпорацію; тщетно Фридрихъ пытался еще разъ создать въ имперскихъ фогтахъ и имперскихъ шультгейсахъ новую администрацію, по крайней мѣрѣ хотъ въ тѣхъ частяхъ имперіи, гдѣ король былъ и территоріальнымъ княземъ; имперія была лишена всякаго, сколько нибудь значительнаго вліянія на націю. Это было уже началомъ конца.

Дѣйствительно для центральной власти теперь ничего больше не оставалось, какъ попытаться, пользуясь остающимся еще у ней нравственнымъ авторитетомъ, по крайней мѣрѣ хотъ обезпечить миръ въ имперіи общимъ соглашеніемъ между князьями и учрежденіемъ верховнаго имперскаго мирового суда.

Императоръ Фридрихъ во время этаго послѣдняго продолжительнаго пребыванія своего въ Германіи и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи. На рейстагѣ въ Майнцѣ 15 августа 1235 года онъ провозгласилъ общій земскій миръ; онъ реформировалъ высшія судебныя инстанціи, обезпечилъ миръ между князьями, признавъ Вельфовъ имперскими князьями. Кромѣ того, при помощи главнымъ образомъ духовныхъ князей, онъ провелъ избраніе нѣмецкимъ королемъ своего сына Конрада въ февралѣ 1237 г.—далѣе же судьбы, какъ его самого, такъ и его дома, совершились въ Италіи.

Имперскій миръ 1235 года около середины 13 вѣка еще разъ послужилъ городамъ къ энергической попыткѣ новаго преобразованія имперіи; онъ поддерживался бюргерствомъ и въ послѣдующія столѣтія среднихъ вѣковъ и имя императора Фридриха, какъ великаго миротворца, сохранилось въ памяти націи и въ народной сагѣ ¹⁾.

У.

Принятые Фридрихомъ въ Германіи мѣры имѣли цѣлью въ концѣ концовъ созданіе абсолютизма въ Сициліи и усиленіе его власти въ Бургундіи; онѣ были, стало быть, средствомъ для укрѣпленія императорской власти въ виду великихъ плановъ всемірнаго владычества. Онъ теперь царствовалъ въ трехъ государствахъ, хотя и не съ одинаковой властью, но, однако, такъ, что всѣ они давали ему силы для созданія всемірной имперіи. Италія и Бургундія давали силы финансовыя, а Германія военныя. Теперь онъ для увѣнчанія своего владычества хотѣлъ подчинить себѣ и Ломбардію, которая въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ была побѣждена только на половину.

Города верхней Италіи съ проницательностью ненависти поняли, что ихъ ожидаетъ; уже въ 1231 году они отказались пропустить нѣмецкихъ князей, призванныхъ императоромъ на рейхстагъ въ Равенну, черезъ Альпійскіе проходы; такой поступокъ былъ выраженіемъ открытой вражды. Фридрихъ отвѣтилъ на него изданіемъ страшныхъ законовъ о еретикахъ (въ Равеннѣ марта 1232 г.); онъ зналъ, что исполненіе этихъ законовъ коснется прежде всего ломбардскихъ городовъ, переполненныхъ еретиками, и что тутъ папа не будетъ имѣть возможности помочь имъ. Потомъ онъ припомнилъ о средствѣ, употребленномъ его дѣдомъ; онъ потребовалъ регалии и воспретилъ союзъ городовъ. Это значило, что рѣшить дѣло долженъ былъ мечъ. Ломбардія начала готовиться къ войнѣ. Фридрихъ собралъ огромное войско, состоящее изъ нѣмцевъ и сицилійскихъ сарацинъ; 27 ноября 1237 года онъ нанесъ городамъ пораженіе при Кортенуово; въ 1238 году онъ сдѣлался властелиномъ Ломбардіи до Александріи, Милана, Бресчии и Піаченны и приступилъ къ организаціи Ломбардіи по образцу сицилійскаго полицейскаго государства.

Вскорѣ оказалось, что Фридрихъ, сдѣлавшись властелиномъ въ Ломбардіи, сдѣлался властелиномъ и средней Италіи и намѣревается держать себя, какъ таковой. Въ папскихъ «рекупераціяхъ» онъ поставилъ своихъ намѣстниковъ и генераловъ; своему незаконному сыну, красивому юношѣ Енціо онъ отдалъ Сардинію, на которую курія всегда имѣла притязанія.

¹⁾ См. 138 изрѣченіе Рейнмара Цветера о Фридрихѣ, какъ мирномъ государѣ.

Каждый изъ этихъ поступковъ наносилъ ударъ папѣ; казалось, что возобновились тяжелыя времена Генриха VI. Но Фридрихъ не обезсильялъ, какъ когда то Генрихъ VI, съверную Италию взаимной враждой князей и городовъ, потому въ ней Григорій IX, какъ когда то Александръ III, искалъ политической опоры. Венеція и Генуя заключили 30 ноября 1238 года союзъ съ Римомъ противъ императора срокомъ на девять лѣтъ и обѣщались не заключать съ императоромъ никакого договора безъ согласія куріи; такимъ образомъ противъ Фридриха приготовлялись бури изъ Рима и съ крайняго запада и съ крайняго востока Италиі; 24 марта 1239 года Григорій IX отлучилъ Фридриха.

Отлученіе сначала не имѣло никакого вліянія въ Германіи, несмотря на фанатическую агитацію нассаусскаго соборнаго каноника Альберта. А въ Италиі Фридрихъ немедленно завладѣлъ патримоніей св. Петра. Въ іюль 1239 года онъ назначилъ короля Енціо генераль-легатомъ Италиі, а въ началѣ 1240 года самъ вступилъ въ папскія владѣнія; только благодаря личному вмѣшательству папы онъ не завладѣлъ самимъ Римомъ. Папа казался погибшимъ.

При такихъ обстоятельствахъ спасеніе явилось столь же неожиданно, какъ и спасеніе папства въ концѣ 11 вѣка первымъ крестовымъ походомъ.

Темучинъ въ Азіи основалъ громадное государство и ниспровергъ царствующую въ Китаѣ династію. Послѣ его смерти его дѣти и внуки продолжали дѣло завоеванія; страны къ сѣверу отъ Чернаго моря были подчинены ими, взяты Московія и Кіевъ, сожженъ Краковъ; венгры разбиты и наконецъ въ апрѣлѣ 1241 года нѣмецкое войско подъ предводительствомъ герцога нижней Силезіи Генриха потерпѣло пораженіе при Лигницѣ; казалось, предстояло общее наводненіе всей христіанской западной Европы толпами этихъ страшныхъ язычниковъ.

Григорій IX созвалъ соборъ на пасху 1241 года, чтобы предупредить приближеніе опасности; курія хотѣла снова стать во главѣ великаго движенія Европы и принудить императора къ унижительному бездѣлью въ какомъ нибудь уголкѣ Европы. Фридрихъ понялъ грозившую ему опасность и съ громадной энергіей предупредилъ ее. Съ большими потерями онъ взялъ Фаенцу, въ осадѣ которой сосредоточивалась возобновившаяся борьба съ Ломбардіей; король Енціо на высотахъ Мелоріа захватилъ больше ста прелатовъ, намѣревавшихся отправиться моремъ на соборъ. Потомъ въ теченіи 1241 года онъ завоевалъ почти всю Кампанью; Тиволи, Альбано и другіе города подчинились ему; папа въ отчаяніи предлагалъ одному изъ французскихъ принцовъ корону Штауфеновъ, но вскорѣ 21 августа 1241 года онъ умеръ. Послѣ его смерти и непродолжительнаго понтификата Целестина IV почти въ теченіе двухъ лѣтъ папскій престолъ оставался вакантнымъ — папство казалось побѣжденнымъ; притомъ опасность нашествія монголовъ вскорѣ послѣ битвы при Лигницѣ

оказалась воображаемой; казалось, что наконецъ то создано великое государство въ срединѣ Европы, вѣрный базисъ великой Штауфеновской всемірной имперіи.

Но и на этотъ разъ такіе планы встрѣтили непреодолимые препятствія. Въ Германіи съ всевозрастающимъ удивленіемъ слѣдили за императорской политикой въ Италіи. Казалось, наступало такое время, когда между церковью и монархіей не будетъ болѣе стоять папа; духовные князья съ ужасомъ видѣли приближеніе такого времени. Приближался вѣкъ императорскаго всемогущества и что могли противуставить ему свѣтскіе князья? Тогда то, уже послѣ смерти папы начали дѣйствовать тайныя интриги Григорія IX, отлученіе Фридриха, горькія жалобы куріи на злодѣянія императора. Уже 10 сентября 1241 года архіепископъ Майнцскій, Зигфридъ, губернаторъ (правитель) имперіи при молодомъ королѣ Конрадѣ и архіепископъ Кельнскій Конрадъ заключили союзъ, на основаніи котораго обязывались взаимно поддерживать другъ друга и держаться вмѣстѣ въ борьбѣ императора съ папой; это былъ первый протестъ противъ Штауфеновскаго универсализма.

Фридрихъ такъ это и понялъ; онъ понялъ рѣшительное значеніе этого союза и по возможности скоро явился въ Германію, чтобы уничтожить сопротивленіе въ самомъ началѣ. На рейхстагѣ во Франкфуртѣ онъ передалъ намѣстничество имперіи Венцеславу Богемскому и Генриху Тюрингенскому; одновременно даровалъ онъ многимъ епископскимъ и королевскимъ городамъ широкія привилегіи; противъ духовныхъ князей онъ выдвинулъ бюргерство и свѣтскихъ князей, хотя и не довѣрялъ этимъ послѣднимъ. Это была послѣдняя крупная правительственная мѣра Фридриха въ Германіи и она имѣла успѣхъ. На нижнемъ Рейнѣ Кельнскій архіепископъ попалъ въ плѣнъ къ дружественному городамъ графу Юлихскому, на среднемъ Рейнѣ король Конрадъ въ союзѣ съ горожанами Вормса по крайней мѣрѣ удерживалъ Майнцскаго архіепископа. Но непреодолимое сопротивленіе всемірная монархія встрѣтила не въ Германіи, а въ пробудившемся національномъ стремленіи къ независимости романскихъ народовъ. Курія, соединившись съ ними, какъ когда то она соединилась съ романской церковной реформой 10 и 11 вѣковъ, нанесла поражение нѣмецкой имперіи среднихъ вѣковъ, единственной возможной всемірной монархіи современнаго западноевропейскаго развитія.

Короли Франціи и Англіи до сихъ поръ оставались нейтральными по отношенію къ Фридриху; въ политическомъ отношеніи они и позже держались той же точки зрѣнія. Но Людовикъ IX французскій находилъ, что полное уничтоженіе папства слишкомъ страшное дѣло и съ угрозами настаивалъ, чтобы коллегія кардиналовъ избрала новаго папу. Кардиналы съ трепетомъ рѣшились на избраніе; они, впрочемъ, совсѣмъ не хотѣли сопротивляться императору и избрали 25 іюня

1243 года его друга, генуезца Синибальда Фіеско, графа Лаванья, принявшаго имя Иннокентія IV. Иннокентій сначала заботился только о томъ, чтобы честнымъ соглашеніемъ съ императоромъ вообще гарантировать существованіе папства; въ этомъ именно смыслъ и былъ заключенъ миръ 31 марта 1244 года.

Но при исполненіи мирныхъ условій произошли недоразумѣнія; историческое значеніе папской власти все болѣе и болѣе вліяло и на новаго папу, тѣмъ болѣе, что въ это время могущество императора нѣсколько уменьшилось; папа началъ раскаиваться въ своей торопливости, съ которой онъ пошелъ на соглашеніе, началъ искать поводовъ отказаться отъ него, и въ концѣ концовъ убѣжалъ во Францію.

Сдѣлавшись теперь лично свободнымъ онъ созвалъ соборъ въ Ліонѣ и провелъ на немъ, вполне сознавая свои принципиальныя разногласія съ императоромъ, низложеніе Фридриха, несмотря на опасенія англійскихъ прелатовъ, на нѣкоторыя сомнѣнія королей Англии и Франціи, не смотря, наконецъ, на то, что по мнѣнію собора слѣдовало бы сначала спросить императора. Это рѣшеніе состоялось 17 іюля 1245 г. Это было рѣшительнымъ ударомъ. Вопреки еще не вполне созрѣвшему національному сознанію Франціи, старый врагъ имперіи, врагъ вполне сознательный въ своихъ идеяхъ и въ своихъ поступкахъ, папство предприняло руководство въ борьбѣ; за нимъ вскорѣ пошла и нѣмецкая церковь. Папскія деньги дали духовнымъ князьямъ рѣшимость выступить открыто; 22 марта 1246 года три рейнскіе архіепископа и пять епископовъ, а также нѣкоторые недовольные дворяне и служащіе избрали королемъ Генриха тюрингенскаго.

Фридрихъ съ жаромъ взялся за то, чтобы наказать папу въ Ліонѣ и мятежныхъ нѣмцевъ; лѣтомъ 1247 года онъ уже былъ готовъ къ войнѣ, но тутъ отъ него отпалъ важный городъ Парма, что вынудило его остаться въ Италіи.

Съ этихъ поръ несчастье преслѣдовало его. Осада Пармы затянулась; средства Сициліи были истощены; Германія уже съ 1239 года не доставляла войскъ. Въ Сициліи пришлось прибѣгнуть къ принудительнымъ займамъ у чиновниковъ, въ средней Италіи Аццо Есте, а въ верхней Еппелино да Романо устроили терроръ для поддержанія власти Штауфена и императоръ, вынужденный опираться на разнужданное дворянство, долженъ былъ допустить это; да и собственныя его мѣры становились все болѣе кровавыми.

Но Фридрихъ все таки оставался непреклоннымъ. Его любимецъ Енціо послѣ несчастной битвы при Фоссальта (май 1249 г.) попалъ въ вѣчный плѣнъ къ Болонцамъ, было открыто нѣсколько покушеній на жизнь Фридриха; но онъ былъ непреклоненъ и полонъ надеждъ. Такъ онъ и умеръ 13 декабря 1250 года въ Фіорептино при Фоджіи, непобѣжденнымъ и приготовляющимся вести новое войско изъ Апуліи противъ гидры ломбардскаго союза.

Императоръ назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего сына, нѣмецкаго короля Конрада и ему же онъ оставилъ и королевство Сицилію; онъ, какъ король Сициліи, долженъ былъ отдать въ ленъ княжество Тарентское Манфреду, незаконному сыну Фридриха.

Конрада также, какъ и весь его родъ, влекло на югъ. Съ трудомъ собравъ въ Германіи небольшое войско, для чего ему пришлось заложить послѣднія верховныя финансовыя права королевства, онъ въ октябрѣ 1251 года перешелъ Альпы, пробился въ нижнюю Италію, завоевалъ Неаполь; предъ нимъ открывалась дорога къ великимъ подвигамъ, но 20 мая 1254 года онъ умеръ, пораженный южной лихорадкой.

Манфредъ принялъ руководство Штауфеновской партіей въ нижней Италіи и въ Сициліи, и то борясь, то мирясь съ папами, онъ снова укрѣпилъ власть Штауфеновъ въ Сициліи; для измученной страны снова настала эпоха процвѣтанія; 11 августа 1258 года онъ короновался въ Палермо; женившись на Еленѣ, греческой принцессѣ, онъ снова сдѣлалъ прекрасную столицу Сициліи столицей музъ.

Между тѣмъ въ верхней и средней Италіи продолжалась ужасная борьба между Штауфеновской партіей и ея врагами, и въ этой борьбѣ скоро утратилось сознание о прежнемъ контрастѣ Вельфовъ и Штауфеновъ; это была борьба чисто анархическая, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Въ концѣ концовъ и Манфредъ былъ вовлеченъ въ эту борьбу; съ его помощью тосканскіе Гибеллины побѣдили Вельфовъ при Монтаперта въ сентябрѣ 1260 года.

Торжество Штауфеновъ снова испугало курію. Папа Урбанъ IV призвалъ графа Карла Анжуйскаго, брата короля французскаго Людовика IX, въ качествѣ папскаго короля Сициліи. Съ замѣчательной смѣлостью Карлъ отвѣтилъ на этотъ призывъ; 26 февраля 1266 г. онъ разбилъ Манфреда на «полѣ розъ» при Беневентѣ. Манфредъ палъ въ этой битвѣ. Карлъ сдѣлался властелиномъ всей страны и онъ позаботился о томъ, чтобы ни одинъ изъ членовъ рода Штауфеновъ не могъ оспаривать у него власти; дочь Манфреда восемнадцать лѣтъ томилась въ заключеніи въ крѣпости въ Неаполѣ, три сына короля никогда больше не видали солнца свободы.

Но въ Германіи росъ послѣдній отпрыскъ рода Штауфеновъ. Послѣ отъѣзда короля Конрада его супруга родила ему сына Конрадина; ему достались герцогство Швабія и остатки родового имущества.

Гибеллины Сициліи призвали его и онъ оказался человѣкомъ, достойнымъ его предковъ. Съ немногими вѣрными онъ въ 1267 году оставилъ родину; съ небольшимъ войскомъ нобѣдоносно прошелъ Ломбардію; въ Римѣ его встрѣтили проклятія папы и горячія привѣтствія народа. Но онъ стремился дальше, къ своему Сицилійскому наслѣдію. Съ небольшимъ войскомъ перешелъ онъ границы Неаполитанской области; при Альбѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Въ

октябрѣ 1268 года этотъ послѣдній Штауфенъ умеръ въ Неаполѣ на площади кармелитовъ отъ руки палача.

VI.

Въ Германіи, какъ мы сказали, 22 мая 1246 года былъ избранъ король тюрингенскій ландграфъ Генрихъ; это былъ «поповскій король», потому что кромѣ нѣсколькихъ дворянъ и министріаловъ въ избраніи участвовали только духовные князья; свѣтскіе же князья уже тогда не проявляли особаго вниманія къ имперскимъ дѣламъ, они почти исключительно заботились объ укрѣпленіи своей власти въ своихъ земляхъ. Но поддерживать новаго короля духовнымъ князьямъ мѣшало Штауфеновское настроеніе ихъ главныхъ городовъ, настроеніе, которое своими благоразумными мѣрами поддерживалъ король Конрадъ. Слѣдствіемъ этаго было то, что Генрихъ нашелъ помощь только у рыцарства; онъ находился въ такомъ же положеніи, въ которомъ раньше былъ король Генрихъ VII. Потому съ нимъ повторилась исторія этаго сына Фридриха II; онъ отправился было въ Швабію, бывшую тогда центромъ рыцарства, но и тамъ потерпѣлъ неудачу; 17 февраля 1247 г. онъ умеръ въ Вартбургѣ.

Осенью 1247 года нашли новаго короля. Это былъ Вильгельмъ, графъ голландскій, человекъ даже не княжескаго происхожденія; его поддерживали на нижнемъ Рейнѣ, этой странѣ претендентовъ со временъ Генриха VI, какъ раньше такой страной была Саксонія, и онъ былъ избранъ на соборѣ въ Кельнѣ подъ вліяніемъ папскаго легата Петра Капуцціа¹⁾; по избранію и по происхожденію это былъ король переходнаго времени, предшественникъ господства чужестранцевъ, въ родѣ Ричарда Корнваллискаго или Альфонса Кастильскаго. Сначала онъ былъ чисто нижнерейнскимъ королемъ; послѣ напрасныхъ попытокъ привлечь на свою сторону города онъ также, какъ и Генрихъ тюрингенскій, опирался на дворянство. Въ 1251 году король Конрадъ отправился въ Италію, а въ 1254 г. умеръ и Вильгельмъ остался единственнымъ королемъ въ Германіи.

Онъ теперь воспользовался такимъ измѣненіемъ положенія дѣлъ, чтобы выдти изъ узкаго круга дѣятельности и началъ преслѣдовать свой прежній неудавшійся планъ опираться на города, до сихъ поръ стоявшіе на сторонѣ Штауфеновъ; впервые бюргерство сдѣлалось опорой королевской власти.

---

¹⁾ По поводу его избранія мейстеръ Сигегеръ (Sigeher—MS. 11,134) говоритъ о роли папы по отношенію къ нѣмецкимъ королямъ: er sezzet si uf, er sezzet si abe nach der habe wirfet er sie hin und her, als einen bal. (Онъ ихъ сажаетъ и смѣщаетъ; онъ бросаетъ ихъ туда и сюда, точно мячъ).

Дѣйствительно, въ это время только одни города руководились идеей о государствѣ; для своихъ торговыхъ дѣлъ они нуждались въ защитѣ центральной власти. И такъ какъ распадающееся государство не могло удовлетворить даже такому первоначальному требованію общественной жизни, то они рѣшились добиться общественнаго мира своими силами. Лѣтомъ 1251 года вестфальскіе города Мюнстеръ, Сестъ, Дортмундъ и Липштадтъ заключили союзъ для защиты торговли и въ особенности для охраны безопасности по дорогамъ. Это было началомъ великаго союзнаго движенія, представителями котораго съ февраля 1254 года являются главнымъ образомъ города Майнцъ и Вормсъ, съ давнихъ поръ бывшіе дружественными и уже въ 1226 году бывшіе центромъ объединенія городовъ. Творцомъ новаго союза былъ майнцскій гражданинъ Арнольдъ Вальподе; онъ былъ богатымъ человѣкомъ; намъ извѣстно, что онъ въ 1251 г. устроилъ для монаховъ проповѣдниковъ гостинницу въ Майнцѣ. Цѣль союза состояла въ исполненіи императорскаго земскаго мира 1235 года и въ подавленіи его нарушеній сначала репрессаліями, а потомъ и предупредительными мѣрами, и въ особенности по Рейну; онъ стремился также и къ устраненію несогласій между отдѣльными членами. Такія цѣли могли быть достигнуты только при учрежденіи постоянной союзной администраціи; была учреждена общая коллегія двѣнадцати—вообще на этотъ союзъ можно было смотрѣть, какъ на начало союзнаго государства городскихъ республикъ.

Союзъ все болѣе расширялся; 13 іюля 1254 года былъ провозглашенъ десятилѣтній миръ, заключенный между большими городами рейнской торговой области и духовными князьями этихъ мѣстъ, а также многими изъ дворянъ; въ февралѣ 1255 года къ союзу пристали еще нѣкоторые князья и дворяне; за этимъ послѣдовало присоединеніе различныхъ, но большей части вестфальскихъ, городовъ и прежде всего Кельна; 29 іюня 1255 года въ союзъ вступилъ даже герцогъ баварскій, какъ рейнскій пфальцграфъ; въ концѣ концовъ изъ городовъ къ союзу примкнули даже столь отдаленные, какъ Любекъ, Гамбургъ, Варцбургъ, Нюренбергъ, Регенсбургъ, а изъ князей епископъ Вюрцбургскій; казалось, что первоначальное объединеніе западныхъ городовъ должно превратиться въ общій союзъ всѣхъ сословій и странъ Германіи.

Король Вильгельмъ хотѣлъ опираться на этотъ союзъ; съ февраля 1255 года онъ могъ считаться его защитникомъ и формальнымъ главой. Это было важнымъ шагомъ; если бы королевской власти удалось сначала удержать хотя бы только почетное положеніе въ союзѣ, то она могла бы попытаться чрезъ посредство союзной администраціи уладить постоянно увеличивающіяся противорѣчія между бюргерствомъ и князьями, между городами и деревней; было возможно, что такимъ образомъ она снова сдѣлается регуляторомъ, а потомъ и направи-

телемъ общественнаго движенія. Король Вильгельмъ, еще молодой, но кроткій и благоразумный человѣкъ, притомъ же привыкшій на своей родинѣ уравнивать городскіе и княжескіе интересы, хорошо понималъ такую возможность.

29 іюня 1255 года въ первый разъ подъ предсѣдательствомъ короля открылось союзное собраніе; оно занялось примиреніемъ существующихъ соціальныхъ противорѣчій. Города во многихъ отношеніяхъ сдѣлали уступки князьямъ, въ особенности въ вопросѣ о приписномъ гражданствѣ (Pfahlbürgertum), развитіе котораго угрожало лишить территоріи всѣхъ классовъ населенія, способныхъ нести повинности; права гражданства съ этихъ поръ не должны были даваться людямъ, проводившимъ большую часть года внѣ города, въ деревнѣ. Князья и дворяне-землевладѣльцы объявили себя съ своей стороны готовыми позволить крестьянамъ свободный доступъ въ города съ тѣмъ условіемъ, чтобы крѣпостные крестьяне исполняли существующія обязанности; крестьянамъ было также предоставлено право присоединяться къ союзу, если они будутъ платить ренты въ такомъ размѣрѣ, какъ платили пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Это было превосходнымъ началомъ для уничтоженія того противорѣчія между городомъ и деревней, которое позже развилось и было столь роковымъ для судебъ нѣмецкаго народа; король Вильгельмъ торжественно призналъ это рѣшеніе 10 ноября 1255 года на союзномъ собраніи въ Оппенгеймѣ.

Далѣе король попытался стать въ такое положеніе, которое дѣлало бы его судьей между городами и князьями. Съ согласія союза онъ опредѣлилъ, что всѣ члены союза, въ томъ числѣ и дворяне, въ случаѣ, если они считаютъ себя обиженными, для улаживанія своихъ несогласій должны обращаться къ королевскому придворному судѣ или къ созданнымъ Фридрихомъ II новымъ чиновникамъ королевства, къ имперскимъ шультгейсамъ, раньше, чѣмъ прибѣгать къ самопомощи. Цѣль была очевидна: союзу хотѣли предоставить договорное устраненіе общихъ общественныхъ золъ, а государству снова гарантировать завѣдываніе нарушеній права отдѣльными лицами. Королю, казалось, удалось достигнуть его цѣли, хотя на слѣдующемъ же союзномъ собраніи въ Кельнѣ 6 января 1256 года встрѣтились нѣкоторыя затрудненія; но вдругъ получилось извѣстіе, что молодой король 28 января 1256 года убитъ во время похода противъ Фризовъ.

Для Германіи это было тяжелой потерей, невознаградимой особенно въ эту минуту.

При новыхъ выборахъ согласіе городовъ и князей подвергалось сильной опасности и было невѣроятно, чтобы попытка примирить интересы князей и городовъ, если она не удастся, будетъ повторена еще разъ.

Союзъ послѣ смерти Вильгельма поступилъ благоразумно и честно;

онъ рѣшилъ защищать королевскія права и на всякой случай предписалъ своимъ членамъ снарядиться къ бою; онъ предоставилъ избраніе короля сословнымъ властямъ, объявилъ себя нейтральнымъ, но въ то же время пытался воспрепятствовать двойному избранію, объявивъ, что онъ подчинится всякому выбору, если будетъ избранъ одинъ король, но будетъ сопротивляться всякому королю, если выберутъ двухъ.

Князьямъ предоставлялось отвѣтить на довѣріе союза удачнымъ выборомъ. Но именно для этаго и не было необходимыхъ условій. Старая конституція королевства настолько уже подверглась разложению, что никто не зналъ, кто собственно имѣетъ право быть избирателемъ; участіе князей въ судьбѣ націи было столь незначительнымъ, что на этотъ разъ не было даже сколько нибудь серьезной избирательной агитаціи. Многихъ называли какъ кандидатовъ: Оттокара Богемскаго, Конрадина, Оттона Бранденбургскаго; но никто серьезно не выступалъ за кого нибудь изъ нихъ. Иностранцы выставили своихъ кандидатовъ. Дѣло дошло до того, что титулъ нѣмецкаго короля и императора сдѣлался предметомъ тщеславія иностранцевъ, какъ теперь, напр., сомнительный титулъ графа. Кандидатомъ выступилъ Альфонсъ X кастильскій, родственникъ Штауфеновъ, любимый герой своей страны; уже въ мартѣ 1256 года Пизанцы признали его императоромъ. Кандидатомъ явился и Ричардъ Корнуаллскій, второй сынъ англійскаго короля Іоанна, шуринъ императора Фридриха II; онъ былъ чрезмѣрно тщеславенъ; онъ былъ кандидатомъ Англій, а также и куріи, которая намѣревалась предложить ему Сицилію, такъ какъ Французы сдѣлались ей непріятными.

Въ Германіи побѣдилъ Ричардъ; за него было нѣмецкое духовенство, зависимое отъ папы; за него были англійскія симпатіи нижняго Рейна: за него къ сожалѣнію были также и преувеличенныя представленія, которыя имѣли князья-избиратели о его богатствѣ и о его щедрости въ дѣлѣ подкупа. Онъ былъ избранъ и англійскій король Генрихъ III заплатилъ папѣ около 2½ милліоновъ марокъ на наши деньги. Не обидѣли и нѣмецкихъ князей, но они оказались дешевле; герцогъ баварскій получилъ 270,000 марокъ, кельнскій архіепископъ 180,000 мар. Майнцскій 120,000, герцогъ брауншвейгскій 75,000 марокъ, не говоря уже о другихъ.

Альфонсъ тоже былъ избранъ Трирскимъ архіепископомъ, маркграфомъ Бранденбургскимъ, епископомъ Шпейерскимъ и другими; но онъ никогда не появлялся въ Германіи; его единственная дѣятельность состояла въ томъ, что онъ велъ предъ куріей процессъ о своемъ королевскомъ санѣ, изъ чего папы впоследствии и вывели главнымъ образомъ свои притязанія на право формально одобрять выборы нѣмецкихъ королей.

Ричардъ, напротивъ, пріѣхалъ въ Германію. Этотъ лѣнтяй, на ко-

тораго въ Англіи никто не смотрѣлъ серьезно, былъ торжественно коронованъ въ Кельнѣ, причѣмъ онъ, конечно, долженъ былъ отказаться отъ императорской короны, такъ какъ путешествіе въ Римъ въ теченіе всей его жизни казалось ему черезъ чуръ смѣлымъ дѣломъ. Въ своей нѣмецкой политикѣ онъ подражалъ Вильгельму голландскому; но у него не было ни энергіи, ни выдержки. Города при немъ еще разъ въ 1269 году появились на рейхстагѣ въ Вормсѣ, но Рейнскій союзъ распался.

Затрудненія начались для союза съ двойнымъ избраніемъ. Въ концѣ концовъ ему ничего не оставалось дѣлать, какъ признать Ричарда; ему пришлось такимъ образомъ отказаться отъ своего нейтралитета. Потому симпатіи князей къ нему раздѣлились; постепенно изъ него вышли всѣ территоріальные владѣльцы. Что же могли сдѣлать одни города при такомъ королѣ, какъ Ричардъ, при обломкахъ конституціи, вообще еще не признававшей политическаго значенія бюргерства? Союзъ распался и его мѣсто заняли зачатки мирныхъ союзовъ позднѣйшихъ среднихъ вѣковъ.

При такихъ обстоятельствахъ Ричардъ умеръ 12 апрѣля 1272 года; ни одинъ нѣмецкій историкъ не сообщаетъ о днѣ его смерти; нѣкоторыя современныя нѣмецкія хроники упорно называютъ его Rex Angliae. Послѣ его смерти никто въ Германіи не заботился объ избраніи новаго короля; никто не думалъ также о нѣмецкомъ королѣ Альфонсѣ, нѣмецкая конституція исчезла съ лица земли. Только одинъ папа желалъ новаго нѣмецкаго государя — странная иронія исторіи! Курія поняла, что для борьбы противъ Франціи ей нуженъ какой нибудь сильный нѣмецкій король.

Но въ самой Германіи національная жизнь давно уже пошла по иному пути, не заботясь о королевской центральной власти и объ ея конституціи; въ то время, какъ короли стремились къ югу, народъ обращалъ свои взоры, свои силы, свое юношеское вдохновеніе къ востоку и здѣсь, въ некультурныхъ странахъ западныхъ славянъ, создалъ новую, колониальную Германію. Не постоянно неудающаяся и сама по себѣ безнадежная попытка создать всемірное государство, а колонизація нѣмецкаго востока за Эльбой, Богемскимъ лѣсомъ и Эннсомъ есть величайшее событіе въ судьбахъ нашей націи въ 12 и 13 вѣкахъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Обособленіе нѣмецкой народности во Фландріи и въ Голландіи отъ десятаго до тринадцатаго вѣковъ.

I.

Исторія большинства большихъ европейскихъ народовъ всегда имѣла неизмѣняющееся географическое средоточіе. Соединенная Италія всегда имѣла только одну столицу — Римъ. Средоточіемъ жизни Англии всегда былъ Лондонъ, а средоточіемъ Франціи Парижъ, по крайней мѣрѣ съ 11 вѣка; даже испанскій и балканскій полуострова всегда тяготѣли къ Мадриту и Константинополю. Потому почти вездѣ въ цивилизованной Европѣ экономическія блага, дороги и каналы, а также и переходъ отъ экстензивной къ интенсивной культурѣ создавались на почвѣ вполне установившихся національно-географическихъ отношеній; потому повсюду создались неизмѣнные очаги умственной жизни и національныхъ обычаевъ — потому культурныя пріобрѣтенія могли скапливаться въ извѣстныхъ раіонахъ; Парижъ, а также и Лондонъ и Римъ, какъ въ исторіи, такъ и въ наше время, представляютъ микрокосмы французской, англійской и итальянской народностей.

Только одни Нѣмцы находились не въ столь благопріятныхъ условіяхъ. Нашъ народъ, замкнутый съ юга горнымъ хребтомъ Альпъ, ограничиваемый къ сѣверу двумя морями, долго бывшими столь негостепримными, къ западу и востоку никогда не обладалъ постоянными географическими границами. Составныя части націи всегда колебались между Вислой и Маасомъ, заходили даже за Маасъ, до пролива, наполняли то одни, то другія границы, то приливали, то отливали; такія колебанія препятствовали даже до новаго времени окончательному локализованію нѣмецкой культуры, устроенію ея въ неизмѣнныхъ географическихъ условіяхъ. Потому-то современныя столицы нѣмецкой культуры — города новые; но за то нѣмецкая культура распространена равномернѣе по всѣмъ частямъ страны, чѣмъ

въ какой-либо другой изъ европейскихъ странъ; географическія перемѣщенія центровъ національной жизни давали почти каждой мѣстности Германіи руководящее положеніе, хотя бы одинъ разъ въ теченіе всей исторіи.

Въ доисторическія времена наши предки жили между Вислой и Эльбой; центромъ ихъ жизни были остзейскіе берега; и именно тотъ юговосточный уголъ морскаго залива, гдѣ находятся Любекъ и Киль, былъ, кажется, центромъ тогдашней нѣмецкой культуры.

Наступила эпоха перваго великаго переселенія народовъ. Германцы сохранили всѣ страны между Вислой и Эльбой, но они цѣлыми толпами двинулись къ Рейну, даже къ Маасу и въ отдѣльныхъ походахъ проникли даже въ южную Германію, между Богемскимъ лѣсомъ и Вогезами, пока не остановилъ ихъ Цезарь. Въ то время, какъ на Рейнѣ и Дунаѣ германская народность въ теченіе многихъ столѣтій разбивалась о военную плотину, противопоставленную ей имперіей, на востокъ началось второе переселеніе народовъ. Старая родина германцевъ опустѣла; народы между Вислой и Эльбой двинулись къ югу и образовали тамъ зерно романскихъ націй, а въ оставленныхъ ими земляхъ медленно поселялись славяне; отъ 6 до 8 вѣковъ они изъ Эльбы проникли до Заалы и до средняго Майна.

Германцы въ это время пробились на западъ чрезъ плохо защищенныя границы римской имперіи; бургунды заселили Савойю и долину Роны; алеманны заняли Эльзасъ и на сѣверъ отъ Вогезовъ страны до Меца и Люксембурга; а на нижнемъ Рейнѣ франки пробились въ Ейфель и Арденны, въ область Шельды и Лиса, Соммы и Сены, даже Луары. Теперь здѣсь былъ центръ нѣмецкихъ движеній. Изъ городовъ южной Бельгіи и сѣверной Франціи Хлодовикъ создавалъ всемірную имперію франковъ; народное переселеніе унесло германцевъ до береговъ пролива.

Великое движеніе къ западу было закончено; со временъ послѣднихъ меровинговъ и особенно со времени Карла великаго начинается обратное движеніе къ востоку. Центръ государства франковъ, сначала въ Нейстріи, а позже въ Австразіи, при Карлѣ Великомъ снова перемѣщается въ страны между Маасомъ и Рейномъ; въ Ейфель находился семейный монастырь Каролинговъ, а въ Ахенѣ жилъ императоръ. На востокъ всемірнаго государства во всѣхъ маркахъ поселяются нѣмецкія племена; на сѣверѣ границей становится Эльба, а на югѣ линія, включающая и славянскіе народы, что открывало возможность для распространенія нѣмецкаго вліянія на славянскій востокъ.

Распаденіе государства каролинговъ повело къ новому перемѣщенію нѣмецкой народности къ востоку; такъ что крайній западъ, фландрскій берегъ былъ отдѣленъ отъ восточно-франко-нѣмецкаго государства и присоединенный къ западно-франкскому государству, былъ

утраченъ для Германіи, если не по народности, то по національнымъ симпатіямъ. Стремленіе къ востоку должно было сдѣлаться тѣмъ опредѣленнѣе, что руководство новымъ нѣмецкимъ королевствомъ перешло скоро къ саксонскому племени и къ его царственному роду Ліудольфинговъ. Оттоны вели энергичную политику завоеванія славянъ, которая въ концѣ концовъ, однако, неудалась только благодаря ихъ универсальнымъ планамъ, ихъ стремленію къ югу, въ Италію. Но центръ нѣмецкой культуры при Оттонахъ и еще болѣе при франконскихъ императорахъ перемѣстился изъ странъ между Маасомъ и Рейномъ на самый Рейнъ и еще болѣе къ востоку. Западной границей королевства сдѣлались теперь Маасъ и нижнее теченіе Шельды; на Рейнѣ процвѣли Майнцъ и Кельнъ, Ворсмъ и Страсбургъ и сдѣлались самыми большими городами въ государствѣ; города же на Гарцѣ на сѣверѣ и Регенсбургъ и Аусбургъ на югѣ указывали на то направленіе къ востоку, которое приняла теперь жизнь націи.

Но вполне рѣшительно выступило это направленіе только въ колонизаціонныхъ попыткахъ 12—14 вѣковъ, въ этомъ крупномъ подвигѣ пашей націи, благодаря которому почти три пятыхъ теперешней нѣмецкой земли сдѣлались нѣмецкими. Нѣмецкіе крестьяне и бюргеры, нѣмецкіе клерики и рыцари подъ защитой недавно созданныхъ территоріальныхъ властей переселялись за Эльбу; они снова привѣтствовали Остзее, какъ нѣмецкое море, снова поили своихъ коней, какъ ихъ предки тридцать поколѣній тому назадъ, мутной водой Вислы. По давно забытымъ слѣдамъ Марбода шли они въ Богемію и Силезію; мирно, сохой и лопатой, завоевывали они мѣста внизъ по Дунаю до сказочной стѣны Аваровъ, разрушенной войскомъ Карла, и даже дальше, до Зибенбюргена.

Это были блаженные дни національной жизни въ средніе вѣка. Силы, медленно накоплявшіяся дома въ экономической и умственной работѣ, сдѣлались теперь свободными, и значеніе мирнаго развитія въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ вѣковъ сдѣлалось теперь очевиднымъ.

Конечнымъ результатомъ было теперешнее распространеніе нѣмцевъ въ средней Европѣ. Позже, какъ когда-то послѣ великаго переселенія народовъ въ пятомъ и шестомъ вѣкахъ, происходили нѣкоторыя измѣненія, но уже въ концѣ 14 и началѣ 15 вѣковъ нѣмцы жили тамъ, гдѣ живутъ и теперь; и уже въ слѣдующіе вѣка произошли тѣ слѣдствія всѣхъ этихъ перемѣщеній, которыя дѣйствуютъ и въ настоящее время.

Рядомъ съ Германіей—метрополіей—создалась колониальная Германія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ настолько же отличная отъ своей метрополіи, какъ характеръ янки отличается отъ характера британцевъ. Въ новыхъ земляхъ на востокѣ всѣ импульсы метрополіи повторялись быстрѣе, дѣйствовали энергичнѣе; вопросы о новыхъ об-

ществленныхъ и политическихъ формахъ разрѣшались систематичнѣе; въ началѣ въ этихъ новыхъ странахъ господствовало большее общественное равенство, замѣчались сильныя демократическія стремленія. Все это разнуздывало тотъ особый эгоизмъ, вначалѣ не умѣряемый умственной культурой, который составляетъ такую характерную черту всякой колониальной жизни; личность не ограничивалась ни какими консервативными узами нравовъ, образа жизни и законовъ. Этотъ эгоизмъ впоследствии при борьбѣ съ славянами доходилъ иногда до грубости и въ силу этого социальныя отличія въ колоніяхъ развились съ большей рѣзкостью, чѣмъ въ метрополіи.

Вообще говоря, это развитіе породило особый типъ сѣвернаго германца, типъ настоящаго колониста, пограничнаго жителя. Этотъ типъ былъ созданіемъ всѣхъ нѣмецкихъ племенъ, южнонѣмецкихъ не менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ. Потому что вся метрополія участвовала въ этомъ стремленіи на востокъ, — на сѣверъ шли главнымъ образомъ изъ нижней Франконіи, Саксоніи и Вестфалии; въ Богемію и Силезію изъ средней Германіи, а на Дунай съ Рейна и съ юга Германіи. Вся Германія имѣла своихъ представителей на востокъ, потому понятно, что рядомъ съ крупными ниже и верхнегерманскими группами поселеній вездѣ, и на сѣверѣ и на югѣ, даже въ далекой Пруссіи, говорили на среднегерманскомъ діалектѣ, такъ что въ колониальной области уже тогда существовали предварительныя условія для пониманія новаго верхненѣмецкаго языка, созданнаго Лютеромъ изъ зачатковъ канцелярскаго языка и сдѣлавшагося потомъ самой прочной духовной связью всей націи.

Но задолго до того, какъ развился колониальный нѣмецкій характеръ, уже начали проявляться политическія слѣдствія колонизаціи. Центръ тяжести нѣмецкой исторіи перемѣщался все далѣе на востокъ. Кельнъ и Майнцъ, Вормсъ и Базель все болѣе уступали по значенію своему Любеку, Нюренбергу и Вѣнѣ, и въ скоромъ времени на дальнемъ востокѣ расцвѣли, какъ средоточія нѣмецкой жизни, Данцигъ и Торнъ, Прага и Бреславль, Прессбургъ и Германштадтъ.

Вмѣстѣ съ этимъ появляется политическій дуализмъ между метрополіей и колоніей, и при постепенномъ сглаживаніи этого дуализма колоніи одерживаютъ побѣду надъ метрополіей. Уже борьба между Штауфеномъ Фридрихомъ I и Генрихомъ Львомъ отчасти основывалась на контрастѣ старой силы императоровъ и молодой силы колониальнаго княжества; имперія боролась и побѣдила пока легальными средствами, имперской опалой. Но менѣе благоприятно было уже отношеніе силъ въ борьбѣ между Оттономъ и Филиппомъ Швабскимъ; колониальные князья Саксоніи, Брандербурга и Богеміи рѣшили борьбу въ пользу Филиппа Швабскаго. Во второй же половинѣ 13 вѣка отношеніе силъ совершенно измѣнилось; Оттокаръ Богемскій основалъ въ колониальной области большое королевство и король Рудольфъ

вначалѣ стремился лишь къ тому, чтобы унижить богемскаго короля; потомъ онъ завоевалъ нѣмецкіе части Чешскаго королевства и сдѣлалъ ихъ основаніемъ могущества своего дома. Власть нѣмецкихъ королей нашла себѣ очагъ въ колоніи и метрополія отступила на задній планъ.

Это было рѣшительнымъ поворотомъ въ исторіи Германіи; съ 14 вѣка всѣ государства, получавшія императорскую корону, стремятся къ востоку и всѣхъ побѣждаетъ въ этомъ стремленіи домъ Люксембургскій. Стремясь завладѣть всѣмъ колониальнымъ востокомъ, онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ Габсбургами; только то обстоятельство, что Габсбургъ въ концѣ концовъ унаслѣдовалъ Люксембургъ, устранило катастрофу. Но въ то время, какъ на югѣ колониальной области Габсбургскій домъ сдѣлался міровой силой, безъ всякаго труда пріобрѣтшей корону нѣмецкой имперіи, на сѣверѣ медленно росла сила Бранденбурга; здѣсь тоже колониальный востокъ становился руководителемъ судебъ Германіи. Политическое соперничество, существовавшее когда то между метрополіей и колоніей, превращается въ соперничество двухъ великихъ государствъ колониальнаго востока; нѣмецкая исторія есть исторія ихъ борьбы.

Когда въ наши уже дни корона новой имперіи въ концѣ концовъ была пріобрѣтена Пруссіей, повидимому сдѣлалось возможнымъ соглашеніе и примиреніе между метрополіей и колоніей. Государство, родиной котораго сначала былъ колониальный сѣверъ, не могло господствовать одинаково на сѣверѣ и на югѣ метрополіи. Пруссія тоже была бы неспособна къ этому, если бы она благодаря военнымъ событіямъ 19 вѣка не присоединила къ себѣ значительныхъ частей метрополіи: Рейнскую область и Вестфалію, а потомъ завоеванія 1866 года. Теперь она уже не настоящее колониальное государство; охватывая старыя земли и колоніи, она по праву сдѣлалась посредницей между старѣйшимъ и позднѣйшимъ нѣмецкимъ развитіемъ.

Такимъ образомъ судьбы нашего государства связаны непосредственно съ колонизаторскими попытками 12—14 вѣковъ и эти судьбы всего лучше доказываютъ громадное историческое значеніе этихъ событій. Но еще больше вліяніе этихъ событій на судьбы нѣмецкаго отечества, границы котораго шире границъ имперіи, потому что во времена Штауфеновъ происходила не одна только колонизація востока; параллельно съ ней, раньше и позже, шла внутренняя колонизація крайняго запада, который уже былъ вполне готовымъ къ отдѣленію отъ нѣмецкой имперіи среднихъ вѣковъ, въ особенности колонизація Фландріи и Голландіи и она для Германіи вообще и для пріобрѣтенія ею странъ на востокѣ имѣла громадное значеніе.

II.

Въ герцогствѣ нижней Лотарингіи, съ 959 года самостоятельной части до тѣхъ поръ существовавшаго лотарингскаго герцогства и охватывавшей всѣ Нидерланды на Рейнѣ и Маасѣ за исключеніемъ Фландріи, образовался нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ территорій на Маасѣ и за этой рѣкой: графство Намюръ и епископство Люттихъ, герцогство Лимбургъ, графство Лоосъ и графство Гельдернъ, лежащее къ западу отъ нихъ между Шельдой и Маасомъ графство Геннегау, соединенное съ середины 11 вѣка съ Фландріей и герцогство Брабантъ. Всѣ эти территоріи при постоянно увеличивающейся слабости имперской власти враждовали другъ съ другомъ, пока, наконецъ, герцоги Брабантскіе, происшедшіе отъ стараго рода графовъ Лёвенъ, въ теченіе 12 вѣка не сдѣлались вліятельнѣйшими изъ князей и представителями старой власти нижне-лотарингскихъ герцоговъ. Самымъ рѣшительнымъ событіемъ было отреченіе герцоговъ Лимбургскихъ отъ продолжавшагося въ теченіе почти трехъ поколѣній соперничества изъ за герцогскихъ правъ, такъ какъ герцогъ Лимбургскій въ 1191 году призналъ большую часть своего герцогства леномъ Брабанта. Черезъ сто лѣтъ послѣ этого герцогство Лимбургъ совершенно присоединилось къ Брабанту послѣ страшной борьбы за наслѣдство, законченной знаменитой битвой при Воррингенѣ на Рейнѣ.

Во время всѣхъ этихъ событій въ теченіе 12 и 13 вѣковъ герцоги Брабантскіе поддерживали по крайней мѣрѣ формально, а не рѣдко и фактически, старыя связи съ имперіей. Они часто показывались на рейхстагахъ, охотно вступали въ родственныя отношенія съ княжескими домами нѣмецкихъ центральныхъ земель; одна отрасль этого рода послѣ прекращенія дома старыхъ тюрингенскихъ ландграфовъ наслѣдовала ихъ гессенскія владѣнія и сохранилась до настоящаго времени въ теперешнемъ гессенскомъ княжескомъ родѣ.

Только къ концу 13 вѣка герцоги Брабантскіе, а съ ними и большинство нижнелотарингскихъ князей отвернулись отъ имперіи. Вънѣшнимъ поводомъ было междуцарствіе въ Германіи. Но дѣло по существу состояло въ томъ, что развитіе Брабанта и нижней Лотарингіи вообще начало принимать иной характеръ, чѣмъ развитіе другихъ частей имперіи. Борьба между дворянствомъ и бюргерствомъ здѣсь получила болѣе рѣзкій характеръ; князья, сумѣвшіе держаться выше этой борьбы партіи, создавали особую внутреннюю политику и добились положенія фактическихъ государей. Въ особенности это можно сказать о Брабантѣ. Здѣсь удалось подавить страшныя внутреннія замѣшательства 1306 года и слѣдующихъ лѣтъ; законы Кортенберга (1312 г.) положили начало взаимному соглашенію между обществен-

ными и политическими властями, что повело скоро къ созданію въ высшей степени оригинальной сословной конституціи.

Но Брабантъ и другія территоріи нижней Лотарингіи этимъ оригинальнымъ общественнымъ и политическимъ развитіемъ были обязаны не только себѣ, но и вліянію западной, подчиненной французской коронѣ, сосѣдней территоріи Фландріи.

Фландрія уже на основаніи Вердюнскаго договора принадлежала къ западно-франкскому королевству. Оттонъ Великій въ 941 году снова присоединилъ къ имперіи часть страны къ сѣверу отъ Гента съ этой стороны Шельды; при аббатствѣ Синтъ Баафсъ (Sint Baafs) у Гента онъ построилъ бургъ и отдалъ этотъ округъ графамъ изъ дома Биллунговъ. Но эта часть, также какъ и нѣкоторыя области нижней Лотарингіи вправо отъ Шельды и Зееландъ, послѣ упорной борьбы между императоромъ Генрихомъ III и графами Фландрскими въ срединѣ 11 вѣка снова сдѣлались леномъ послѣднихъ; теперь рядомъ съ старымъ французскимъ леномъ (Flandre sous la couronne) появились *Rijksvlanden*; графы сумѣли воспользоваться своей отдаленностью отъ центровъ какъ французскаго, такъ и нѣмецкаго королевствъ для созданія себѣ независимаго положенія вродѣ того, какъ Венеція, колебавшаяся долгое время между западной и восточной имперіей, добилась почти независимаго положенія.

Это была политика торговаго государства, добывающагося для себя вездѣ свободы торговли. Дѣйствительно во Фландріи вступили на путь такой политики какъ разъ въ то время, когда здѣсь, на крайнемъ западѣ, развилось первое промышленное и торговое государство сѣверной Европы.

Въ сѣверной, болѣе значительной части Фландріи со временъ переселенія народовъ жило германское населеніе. Таково населеніе тамъ и въ настоящее время и такимъ описываетъ его въ началѣ 13 вѣка Вильгельмъ Бритъ въ его *Philippicus*; съ блестяще-бѣлокурыми волосами, съ красными лицами и бѣлой кожей, склонные къ внутреннимъ раздорамъ, но единые, когда нужно драться съ французомъ. Конечно, трудно сказать, къ какому именно племени принадлежатъ жители; *Vlaming* значитъ бѣглець; въ образованіи этаго населенія участвовали франки и фризы, и въ особенности саксы; фландрскій берегъ уже во времена Феодосія назывался *Litus saxonicum* и гавань Гульстъ до конца 14 вѣка называлась Саксонской гаванью.

Страна, занятая фламандцами, съ давнихъ поръ не представляла ничего привлекательнаго и, дѣйствительно, тысячу лѣтъ назадъ она была страной нищихъ; даже Гентъ въ житіи св. Аманда называется *locus juxta Scaldim, qui propter ferocitatem gentis et terrae infocunditatem proedonibus relictus est* и еще въ 16 вѣкѣ въ окрестностяхъ города было много болотъ и пустырей. Теперь вся страна отличается плодороднѣйшей почвой, по рѣчнымъ и морскому берегамъ тянутся

жирныя нивы, каждый кусокъ полей, каждая дорога обсажены роскошными деревьями и нѣтъ почти ни одного сплошнаго лѣса; во времена же Каролинговъ вмѣсто такой высокой культуры вездѣ были болота въ перемежку съ небольшими озерами; вся страна состояла изъ пастбищъ (Woestynen) и огромныхъ лѣсовъ; не даромъ сказочная исторія Фландріи начинается разсказомъ о первобытномъ лѣсѣ, въ которомъ хозяйничалъ исполинъ Финаертъ (Phinaert); древнѣйшіе изъ историческихъ государей Фландріи имѣли титулъ *Forestarii Flandriae*.

Такимъ образомъ страна до конца перваго тысячелѣтія никоимъ образомъ не была высоко культурной; римскіе города, разсѣянные довольно рѣдко среди пустынныхъ и безплодныхъ болотъ, давно уже сдѣлались ничтожными деревушками; въ странѣ не было ни одного епископства, она управлялась духовно изъ Люттиха, Камбре, Дорника и Теруана. Въ то время, какъ эта страна бѣглецовъ стояла далеко отъ южной культуры, въ нее съ сѣвера проникало германское язычество. Уже въ началѣ 9 вѣка у береговъ Фландріи появляются на своихъ летучихъ корабляхъ норманы, въ послѣдній разъ ихъ видѣли въ 944 году.

При подобныхъ условіяхъ германцы устраивались здѣсь очень медленно. Вначалѣ они заняли уже расчищенные поля кельтовъ и римлянъ; но при ихъ бѣдности и при увеличеніи населенія они не могли приступить къ культивированію болотъ и болотистыхъ лѣсовъ; для этого были необходимы капиталы и рабочія силы. Жителямъ не оставалось иного исхода, какъ переходъ къ промысламъ.

Первымъ поводомъ къ этому были, кажется, особенности самого земледѣльческаго хозяйства. На пастбищахъ паслись многочисленныя стада овецъ; они доставляли матеріалы для приготовленія сыровъ, для выдѣлки кожъ, для начатковъ ткачества. Требованіе на всѣ такіе матеріалы шло изъ Артуа и южной валлонской Фландріи. Въ Аррасѣ, древнѣйшей столицѣ фландрскихъ графовъ, уже во времена римлянъ были фабрики прядильныя и ткацкія, какъ льна, такъ и шерсти, и довольно вѣроятно, что остатки такой промышленности сохранились до десятаго вѣка. Въ десятомъ же вѣкѣ при графѣ Балдуинѣ II (958—961) ткачество процвѣтало въ Іенеренѣ, Гентѣ и Брюгге, самыхъ большихъ городахъ страны; уже тогда населеніе начало переходить отъ земледѣлія къ промышленности.

Такое измѣненіе безъ перехода чрезъ предварительную стадію высоко организованнаго натурального хозяйства было поводомъ появленія чрезвычайнаго и ранняго развитія городской жизни. Какъ въ Саксоніи повсемѣстно появились бурги для защиты страны противъ нападений Магьяръ, такъ и Фландрія во времена нормановъ была покрыта укрѣпленными мѣстечками; въ особенности монастыри превратились въ бурги; аббатство св. Баафа часто называется *castrum* сое-

novium Gandense. Это и въ Саксоніи повело къ начаткамъ развитія городовъ, а во Фландріи такое развитіе было еще большимъ; здѣсь почти каждая постройка бурга и монастыря въ теченіе 10 и 11 вѣковъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и почвой для созданія городской жизни; скоро приступили и къ постройкѣ настоящихъ городовъ рядомъ съ бургами, какъ, напр., въ Геераардсбергенѣ (Грамонтъ) въ 1068 году.

Такое движеніе происходило на почвѣ развитія промышленности; обмѣнъ продуктовъ ея еще не доходилъ до моря; крупные рынки были еще не портовые города, а центры континента; самая знаменитая ярмарка того времени есть ярмарка въ Торгоутѣ, въ мѣстности между Остенде и Іеперенъ. Но скоро развитіе ткачества повело къ развитію вывозной торговли; она направлялась на ярмарки Шампани, вообще въ центральную Францію; она проникала по Рейну до Кобленца и съ ней соединялся уже, кажется, ввозъ сырья, шерсти изъ Англіи. Но вообще то торговля чужими продуктами развивается только въ началѣ 12 вѣка; только съ этого времени торговля становится рядомъ и даже выше промышленности и для Фландріи наступаетъ эпоха процвѣтанія.

Въ первой и второй четверти 12 вѣка въ Іеперенѣ появились первые итальянцы, вскорѣ къ нимъ присоединились англичане и французы, испанцы и португальцы. Въ то время, какъ завязывались такимъ образомъ сношенія на далекой чужбинѣ, богатые купцы большихъ фландрскихъ городовъ старались монополизировать ближайшую выгодную торговлю съ Англіей и французскимъ сѣверомъ; Брюгге сталъ во главѣ фландрской ганзы; мѣстная торговля соединяется съ международными отношеніями на средиземномъ морѣ съ южными странами.

Въ это время, въ третьей четверти 12 вѣка, владыки Фландріи, графы, сильно помогали развитію фландрскихъ городовъ. Они признали принципъ полной свободы торговли для всѣхъ націй въ гаваняхъ Фландріи; имъ удалось также добиться свободы передвиженія для фламандскихъ купцовъ въ нѣмецкомъ королевствѣ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ договоровъ, причемъ была разрѣшена такая же свобода передвиженія и для нѣмецкихъ купцовъ во Фландріи. Съ этихъ поръ во фландрскихъ городахъ появляются массами не только купцы съ Рейна и изъ Вестфаліи, но и съ востока Германіи и они безпрепятственно, не стѣсняемые никакими формальностями факторій, ведутъ тутъ торговлю; Бременъ и Гамбургъ, Стаде и Люнебургъ, Кведлинбургъ и Госларъ, Гальберштадтъ, Гильдесгеймъ и Брауншвейгъ вступили въ непосредственныя торговыя отношенія съ Фландріей.

Эти сношенія были рѣшающимъ моментомъ для развитія Фландріи. Нѣмцы господствовали на восточныхъ рынкахъ; теперь чрезъ Любекъ они проникли въ Висби и Новгородъ; они сдѣлались господами въ

остзейскихъ областяхъ, гдѣ раньше не бывали Европейцы. Привозя произведенія востока во Фландрію, главный складъ Англии, они сдѣлали эту страну главнымъ мѣстомъ торговли на сѣверѣ Европы между востокомъ и западомъ; привозя продукты Скандинавіи и Германіи къ устьямъ Рейна, они создавали для Фландріи возможность господства надъ торговлей между сѣверомъ и югомъ Европы, и вообще торговли между западомъ и востокомъ.

Фландрія благодаря этимъ условіямъ сдѣлалась первымъ торговымъ государствомъ западной Европы; для фламандскаго бюргерства настали счастливыя времена. Старые города достигли небывалаго процвѣтанія; почти всѣ они, особенно Іеперенъ и Гентъ, Брюгге и Уденардъ, въ 1170 — 1190 годахъ получили новую, болѣе свободную конституцію. Поднялись и вновь основанные города: Гульстъ и Дамме, Ніепортъ и Дюнкирхенъ; всѣ эти города приморскіе. Но и континентъ въ это время впервые прорѣзывается большими торговыми каналами, старые шлюзы (*Overdrachten*) которыхъ открываются для пропуска многочисленныхъ торговыхъ судовъ; но главное все таки въ томъ, что теперь начинается морская торговля. Брюгге, лежащій на судоходномъ еще въ то время морскомъ заливѣ Цвинъ, старомъ *Sinſala* фризовъ, единственный изъ старыхъ большимъ городовъ въ странѣ, башни котораго видно съ моря, сдѣлался необыкновенно богатымъ городомъ. Когда дюны и плотины, замыкавшія Цвинъ между Кадзандомъ и Брюгге были разрушены страшнымъ наводненіемъ 1180 года, это событіе не только не привело жителей въ отчаяніе, а наоборотъ сдѣлало возможнымъ улучшение судоходства до Брюгге. Были наняты тысячи фризскихъ и голландскихъ рабочихъ, чтобы возобновить береговыя укрѣпленія:

Tra Gazzantee Bruggia
Temendo il fiotto che inver lo s'avventa
Fanno lo schermo, perchè'l mar si fuggia.

(*Данте—Inferno, XV*).

Не далеко къ сѣверу отъ Брюгге, гдѣ Цвинъ былъ очень узокъ, былъ основанъ городъ Дамме, гавань большого города, вскорѣ сдѣлавшаяся самымъ оживленнымъ торговымъ мѣстомъ Фландріи, даже всей сѣверной Европы. Эта гавань была столь обширна и безопасна, говоритъ Вильгельмъ Бритъ около 1213 г., что она могла вмѣстить въ себѣ всѣ корабли. Надъ ней возвышался прекрасный бургъ, отражавшійся въ тихихъ водахъ ведущаго къ Брюгге канала. Сюда стекались несмѣтные богатства со всего свѣта: золото и серебро, ткани изъ Сиріи, Китая и Цикладскихъ острововъ; разные мѣха изъ Венгріи, вина изъ Гаскони и изъ Рошели, желѣзо и другіе металлы, привозимыя сюда изъ Фландріи и Англии для вывоза. Теперь эта Дамме скромная деревня; печально смотрять на окрестную страну плохо

сохранившіеся остатки неоконченнаго собора; въ огромныхъ залахъ старой ратуши курицы ищутъ зеренъ, такъ какъ эти залы послѣ были превращены въ хлѣбные амбары; каналъ, ведущій къ Брюгге, зарастаетъ водорослями и только статуя великаго фламандскаго поэта Маарланта, созерцающая пустую площадь, напоминаетъ современнымъ фламандцамъ объ ихъ прежнемъ величіи.

Все начатое въ 12 вѣкѣ развилось вполнѣ въ слѣдующемъ столѣтіи. Фламандскіе бюргеры внесли культуру во всѣ территоріи Нидерландъ; въ особенности въ Брабантъ развились ткачество и торговля сукнами и города этой страны процвѣли, хотя Лёвенъ и Брюссель, Тиененъ и Атрехтъ апогея своего развитія въ средніе вѣка достигли только въ 14 вѣкѣ.

Но въ самой Фландріи 13 и 14 вѣка были блестящей эпохой сначала аристократическаго, а потомъ народно-бюргерскаго величія. Еще и теперь сохраняются свидѣтельства объ этой эпохѣ: огромная ратуша и биржи, самая большая изъ которыхъ въ Іеперенѣ, въ 140 метровъ длины по фасаду, была начата уже въ 1201 г., высокія колокольни по большей части при ратушахъ, на вершинѣ которыхъ висѣли колокола, призывавшіе общину на совѣтъ и на судъ, а въ нижнихъ этажахъ которыхъ были архивы города, гдѣ хранилась большая городская печать, цехгаузы съ большими запасами луковъ и стрѣлъ, наконецъ, обширные храмы съ пятью придѣлами, вмѣщавшіе громадныя толпы народа.

Это была культура, быстро идущая впередъ, такъ сказать, расталкивающая всѣхъ локтями и нетерпѣливая въ своемъ величіи; она, локализованная въ большихъ городахъ, неизбѣжно должна была разорвать узы, связывающія ее съ страной.

Первоначально могущество графовъ Фландрскихъ было довольно значительно. Возвысившіеся какъ маркграфы, защищавшіе страну противъ нападений Нормановъ, они подобно маркграфамъ на славянской и мадьярской восточныхъ границахъ имперіи соединяли въ своихъ рукахъ военную и судебную власти, создали при быстромъ упадкѣ стараго окружнаго управленія новое управленіе по военнымъ округамъ. Страна распадалась теперь на помѣщичьи буртграфства (*Cha-tellenien, Kastelrijen*) и когда эти буртграфы начали дѣлаться наследственными, то графы въ скоромъ времени (уже при Балдуинѣ VI, 1067 — 1070 г.) отдѣлили отъ ихъ полномочій судебную дѣятельность и передали ее новымъ чиновникамъ *Stiekhouders* или *Баллы*; это было первымъ примѣромъ отдѣленія судебной власти, происшедшаго подобнымъ же путемъ во всей Англии и Франціи, въ Испаніи и Италіи, а также и въ Голландіи. Такимъ образомъ судебная власть была сохранена графами; они сумѣли также въ 12 вѣкѣ укрѣпить военное и общее управленіе страной.

Могущество, которымъ обладали графы въ 10 - 12 вѣкахъ, они

прежде всего употребили на служеніе бюргерскимъ интересамъ, что было чрезвычайно выгодно для нихъ самихъ въ финансовомъ отношеніи. Почти нигдѣ въ Германіи не издавалось въ такую раннюю эпоху законовъ объ общественномъ мирѣ и о воспрещеніи ношенія оружія, какъ во Фландріи; со времени собранія въ Уденардѣ (1030 г.) непрерывно въ теченіе многихъ вѣковъ происходятъ мирныя собранія и послѣдній государь изъ стараго рода фландрскихъ графовъ получилъ за свою кровавую любовь къ справедливости и за свою заботливость объ общественномъ мирѣ прозвище *Balduinus Securicula*.

Но послѣ его смерти въ 1119 году впервые проявились вмѣстѣ съ неувѣренностью въ порядкѣ престолонаслѣдія общественные контрасты внутренняго развитія; дворянство начинаетъ пугаться быстрого роста городскихъ интересовъ. Жертвой этого движенія дворянства сдѣлался графъ Карлъ добрый, другъ бюргеровъ. Онъ умеръ въ 1126 году въ соборѣ св. Сальватора въ Брюгге, убитый дворянами заговорщиками; онъ былъ мученикомъ городского развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ святымъ церкви; еще и теперь его останки показываются въ соборѣ Брюгге; до конца прошлаго столѣтія ежегодно городскіе священники торжественно провозглашали анафему его убійцамъ, а послѣ его смерти жертвой ярости бюргеровъ пало больше полуроста дворянъ.

При выборѣ его наслѣдника города въ первый разъ выступаютъ на политическое поприще и выступаютъ съ поразительнымъ успѣхомъ; родъ графовъ Эльзаскихъ, наслѣдовавшій послѣ краткаго междуцарствія Карлу доброму, обязанъ своей властью вполне бюргерамъ.

Было совершенно естественно, что графы Дитрихъ и Филиппъ (1128—1168—1191) во всѣхъ отношеніяхъ благопріятствовали городскому развитію. Въ это время къ промышленности присоединяется торговля, появляются богатая патриціанскія фамиліи «Поортеровъ», судебныя функціи въ городахъ переходятъ къ бюргерамъ и мѣсто стараго совѣта присяжныхъ вездѣ заступаетъ избираемая пожизненно и самоизбирающаяся коллегія шоффовъ, въ качествѣ суда и аристократическаго правительственнаго городского совѣта.

Прошло нѣсколько поколѣній и рядомъ съ аристократическими кругами старыхъ бюргеровъ начинаютъ подниматься въ большихъ городахъ низшіе городскіе классы. Гентъ, въ противоположность торговому Брюгге бывшій городомъ преимущественно промышленнымъ, явился руководителемъ въ этомъ новомъ движеніи; уже въ 1164 году ткачи льна и шерсти, рыбаки и мясники возстали противъ шоффовъ и возстаніе повторилось въ 1192 году. Спасти порядокъ можно было только благоразумнымъ ограниченіемъ родоваго управленія «поортеровъ». Слава исполненія этой задачи пала на долю двумъ женщинамъ: графинямъ Юганнѣ (1211—1244) и Маргаритѣ (1244—1278). Съ одной стороны онѣ своими благоразумными мѣрами снова

укрѣпили графскую власть и устроили прочную и твердую администрацію, а съ другой онѣ провели ежегодную смѣну членовъ коллегіи шоффовъ и такимъ образомъ создали противовѣсъ одностороннему господству «поортеровъ». Такую политику графы преслѣдуютъ въ теченіи всего 13 вѣка; но въ большихъ городахъ, въ Іеперенѣ, Гентѣ и Брюгге, каждагодно измѣняющаяся коллегія шоффовъ удержалась до половины 13 вѣка. Сенатъ шоффовъ въ этой новой формѣ сдѣлался основой для судебного устройства всей страны; съ 1240 года образовался судъ Фландріи изъ соединенія шоффовъ городовъ Брюгге, Гента, Іеперена, Лилля и Дуэ въ общую коллегію высшихъ шоффовъ всей страны. Это было также и началомъ сословнаго движенія; впоследствии сословное представительство Фландріи состояло только изъ городовъ и духовенства.

Въ то время какъ внутреннее развитіе шло такимъ образомъ чрезвычайно благопріятно, благодаря блестящему автономному развитію городовъ ¹⁾, стало быть при ослабленіи государственной власти графовъ, внѣшняя политика все болѣе и болѣе запутывалась въ вихрѣ несчастныхъ отношеній.

Графы давно уже держали себя самостоятельно. Бывши первоначально вассалами Франціи, они стали въ 11 вѣкѣ въ ленныя отношенія къ Германіи и Англійи и умѣли въ теченіе многихъ поколѣній проводить корабль государства мимо скалъ политики этихъ трехъ большихъ государствъ въ мирную гавань. Такое поведеніе дѣлалось все болѣе труднымъ по мѣрѣ того, какъ три великія державы вступали другъ съ другомъ въ разностороннія отношенія, какъ враждебныя, такъ и дружескія. Уже въ концѣ 12 и началѣ 13 вѣковъ такой политики было невозможно держаться. Фландрія должна была принимать участіе въ великой борьбѣ этого времени между тремя державами, закончившейся битвой при Бувенѣ (1214); она была противъ Франціи. Но при Бувенѣ побѣдила Франція; само собой разумѣется, что Фландрія должна была заплатить за свою измѣну. Графы потеряли Артуа и стали въ большую, чѣмъ прежде, зависимость отъ Франціи; на основаніи Мелюнскаго договора (1227) каждый новый графъ при вступленіи на престолъ долженъ былъ клясться въ вѣрности сюзерену, за поручительствомъ Фландрскихъ городовъ.

Это было началомъ упадка владычества графовъ, что и дѣлалось все болѣе очевиднымъ въ теченіе 13 вѣка. Графы становились все болѣе зависимыми отъ Франціи; при графинѣ Маргаритѣ замѣчается уже все болѣе частое употребленіе французскаго языка въ правительственныхъ актахъ.

---

¹⁾ Доходы и расходы Брюгге составляли въ 1285 г. почти 55000 фун. ст. Борикёнигъ — Hist. de la Flandre, 2. Относительно позднѣйшаго періода см. De Pauw en Vuylsteke, Rekeningen der stad Gent, 1336—1349. (Счеты Гента начинаются въ 1314 г., а Іеперена и Брюгге въ 1280 г.).

Но увеличивающаяся зависимость графской власти отъ Франціи дѣлается полной при графѣ Гюи Дампьерѣ (1275—1305). Гюи, государь столь же слабый, какъ и честолюбивый и воинственный, благодаря своему французскому происхожденію плохо знакомый съ упорнымъ характеромъ своихъ фламандскихъ подданныхъ, старался съ одной стороны уничтожить аристократическую свободу большихъ городовъ, возбуждая противъ «поортеровъ» низшее бюргерство, а съ другой стороны освободить графство отъ увеличивающагося гнета Франціи.

Но у фландрскихъ графовъ, особенно при неловкости Гюи, не было силъ для достиженія такихъ цѣлей. Поортеры и соединенное съ ними деревенское дворянство благодаря покровительству, оказываемому Гюи низшему бюргерскому классу, перешли на сторону Франціи; они образовали большую партію *Lelijaarts* («друзей лиліи»). Графъ пытался бороться съ Франціей, заключивъ союзъ съ Германіей, съ герцогами Бара и Брабанта и графами Юлиха и Голландіи. Напрасная попытка! Филиппъ красивый разбилъ коалицію при Беурнѣ, завоевалъ Фландрію, засадилъ Гюи въ Компъень и посѣтивъ лично графство въ 1301 году, вступилъ во владѣніе имъ.

Если бы французы умѣли щадить свободолюбіе бюргеровъ, можетъ быть свобода страны погибла бы навсегда. Но они не понимали германской автономности городовъ. Потому поортеры оставили партію Лилии; но въ особенности рѣшительно поднялись противъ чужестраннаго ига рядовые граждане.

Въ 1301 году возстаніе вспыхнуло въ Брюгге, а въ мартѣ 1302 года въ Гентѣ. Германская страстность ужасно отвѣтила на суровое подавленіе этихъ возстаній; 18 мая 1302 года началась бойня, сицилианская вечерня противъ всѣхъ французовъ въ Брюгге. Началось общее возстаніе; народъ возсталъ подъ предводительствомъ благороднаго старшины ткачей Питера Конинка и главы мясниковъ Яна Брейделя, двухъ гражданъ города Брюгге, давнишнихъ защитниковъ общей свободы; тщетно выступила противъ нихъ рыцарская Франція; въ «битвѣ шпоръ» при Кортрійкѣ (11 іюля 1302 г.) фламандцы побѣдили французскихъ рыцарей; труны семидесяти пяти принцевъ и герцоговъ, графовъ и бароновъ покрыли поле битвы.

Это событіе напоминаетъ объ современномъ событіи въ Швейцаріи; на обѣихъ границахъ нѣмецкой народности демократія защищала свою старую, или вновь созидающуюся свободу противъ притязаній князей.

Но фламандцы при могуществѣ Франціи не могли вполнѣ воспользоваться своей побѣдой, да при томъ они не были солидарными между собой. Германское настроеніе и экономическіе выгоды заставляли цехи, увѣренные теперь въ своемъ полномъ властии, стать на сторону Англіи, а поортеры, видя приближеніе эпохи демократическаго управ-

ления, уже изъ одной вражды къ цехамъ снова стали на сторону аристократической Франціи. Послѣ долгихъ переговоровъ удалось, наконецъ, въ 1320 году придти къ окончательному соглашенію съ Франціей: французская Фландрія должна была отойти къ королю Франціи, а нѣмецкую Фландрію получилъ графъ Робертъ Бетюнъ, сынъ графа Гюи. Но для внутренняго умиротворенія ничего не было сдѣлано. Страна шла навстрѣчу страшной революціи, и эта революція въ концѣ концовъ перешла въ міровую столѣтнюю борьбу за французскую корону, начавшуюся съ вступленіемъ на престолъ короля Филиппа IV. Валуа въ 1328 году между домами французскихъ и англійскихъ королей. Въ этой войнѣ Франція одержала побѣду надъ демократической и стоящей на сторонѣ Англии Фландріей съ той минуты, когда Англія по миру въ Бретиньи въ 1360 году отказалась отъ короны Франціи; съ тѣхъ поръ присоединеніе Фландріи къ французскому королевству или къ французскому Бургундскому королевству было вопросомъ не многихъ лѣтъ. Но уже въ это время великіе заслуги фламандцевъ, оказанныя ими германскому народу въ дѣлѣ колонизаціи какъ метрополіи, такъ и сѣверо-востока, были давно совершены и давно уже въ этомъ дѣлѣ къ нимъ присоединились голландцы.

III.

Древняя исторія Голландіи еще болѣе, чѣмъ исторія Фландріи, находилась подъ вліяніемъ отдаленности страны отъ центровъ государствъ, къ которымъ она принадлежала. Путь по Рейну до Флевозее и дальше имѣлъ для римлянъ интересъ только какъ путь къ сѣверному морю; здѣсь они искали точки опоры для вѣрной побѣды надъ германцами; кромѣ того они обращали вниманіе на югозападный край страны, какъ на средство защиты и нападенія на Англію; они культивировали островъ Вальхеренъ и теперешнее морское купанье Домбургъ было римской гаванью.

При Каролингахъ страна была также запущена. Даже почти повсемѣстно распространенный институтъ коллегіи шоффеновъ не былъ принятъ при нихъ въ судебномъ строѣ Фризовъ; только въ 13 вѣкѣ онъ проникъ въ сѣверную Голландію, а въ 16 вѣкѣ въ южную; причемъ нѣмецкое королевство, наслѣдникъ всемірной монархіи каролинговъ, не имѣло тутъ никакого вліянія. Когда имперія каролинговъ распалась, въ Голландіи норманы свирѣпствовали больше, чѣмъ гдѣ нибудь, и даже въ концѣ концовъ устроились тутъ на долгое время.

При подобныхъ условіяхъ въ этой омываемой моремъ и прорѣзываемой рѣками странѣ должно было создаться самостоятельное государство. И оно создано въ странѣ Кеннемеръ, лежащей между

Зюдерзее и моремъ. Отсюда, изъ окрестностей аббатства Эгмондъ, богатыхъ лугами и лѣсами, водой и шлюзами, родъ позднѣйшихъ графовъ голландскихъ проникъ къ югу, до рейнской дельты; кажется, что уже въ 10 вѣкѣ онъ упрочилъ свое владычество и за дельтой до самаго гентскаго округа. Намѣренія его были очевидны. До этого времени Війкъ-бій-Дурстеде (Wijk bij Durstede) при развѣтвленіи Рейна и Леека и Тиль на Ваалъ были самыми западными изъ большихъ торговыхъ городовъ на дорогахъ по Рейну и Маасу; здѣсь находились послѣднія таможи королевства. Государство, завладѣвшее мѣстностями за этими городами, на рейнской дельтѣ, могло, не обращая вниманія на нѣмецкую имперію, господствовать политически и экономически надъ торговлей на Рейнѣ и Маасѣ.

Въ началѣ 11 вѣка графъ Диркъ III двинулся дальше въ этомъ направленіи; онъ укрѣпился въ обросшемъ кустами болотѣ Мервидо («морской лѣсъ»), между теперешней рѣкой Мерведе и Маасомъ и основалъ на этомъ чрезвычайно удобномъ мѣстѣ бургъ и таможию, позднѣйшій Дордрехтъ, такъ что отсюда господствовалъ надъ всей торговлей Тилля. Торговлю же Війка Диркъ повидимому еще раньше забралъ въ свои руки занятіемъ Флаардингена на истокѣ Леека.

«Морской лѣсъ» на основаніи древняго дара императоровъ принадлежалъ епископамъ Люттиха и Утрехта; они жаловались королю; это дало поводъ королю Генриху II вмѣшаться въ дѣло. Онъ лично и чрезъ своихъ нидерландскихъ подчиненныхъ, герцоговъ нижней Лотарингіи, приступилъ къ изгнанію узурпатора графа. Но у королевства не было силъ, чтобы воспрепятствовать образованію новаго государства на важнѣйшемъ въ то время торговомъ пути. Диркъ удержалъ Дордрехтъ, по «морскому лѣсу», тянувшемуся отъ Мерведе до Леека онъ и его наслѣдники получили названіе графовъ голландскихъ (Holland).

Одновременно Диркъ со своей родины Зюдерзее распространилъ свои владѣнія къ сѣверу. Цѣлью его было здѣсь завоеваніе западной Фрисландіи, въ будущемъ даже господство надъ округомъ отъ истока Зюдерзее до лѣваго берега Эмса. При этомъ завоеваніе тоже преслѣдовало торговыя цѣли; голландскіе графы пытались овладѣть торговлей на Рейнѣ и Маасѣ посредствомъ торговой блокады Тилля и Війка бій Дурстеде; а теперь они старались завладѣть посредствомъ захвата Флиса, главнаго истока Зюдерзее въ море, Ставореномъ, третьимъ большимъ торговымъ городомъ фризовъ. Диркъ III, умершій въ 1041 году, можетъ быть, безсознательно положилъ основаніе такой политикѣ. Его наслѣдникамъ въ теченіе болѣе пяти поколѣній пришлось бороться за сохраненіе уже приобрѣтеннаго. Ни императоры изъ салійскаго дома, ни тѣмъ болѣе епископы Утрехта не признали приобрѣтеній Дирка III, этого истиннаго основателя Голландіи. До конца 11 вѣка они дѣлали попытки прогнать голландскихъ гра-

фовъ съ рейнской дельты; если они и не достигли этой цѣли, то все же Утрехтское епископство при воинственномъ и ловкомъ епископѣ Вильгельмѣ (1054—1075) усилилось настолько, что съ 12 вѣка оно по могуществу равнялось графству Голландіи, охватывающему только западъ теперешняго королевства Голландіи.

Но главная то цѣль, преслѣдуемая императорами въ ихъ борьбѣ противъ голландскихъ графовъ, свобода устьевъ Рейна и Мааса, была не смотря на пораженія императоровъ достигнута, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени. Занятіе Диркомъ III рейнской дельты повело уже при Диркѣ IV (1041—1049) къ яростной борьбѣ съ графами фландрскими, которые тоже не могли выносить голландскаго вліянія на дельтѣ Рейна, вліянія, простиравшагося даже на устья Шельды. Эта борьба при почти одинаковыхъ силахъ обѣихъ сторонъ и тогда, какъ и впослѣдствіи, не повела къ сколько нибудь прочному завладѣнію одной изъ сторонъ устьями великихъ западнонѣмецкихъ рѣкъ; борьба продолжалась почти четыре вѣка и привела къ почти постоянной свободѣ устьевъ, по крайней мѣрѣ устьевъ Мааса и Шельды, а въ то же время отчасти и устьевъ Рейна.

Но къ сѣверу отъ дельты голландскіе графы, въ особенности при императорѣ Лотарѣ, добились значительныхъ успѣховъ, такъ какъ Лотарь относился къ нимъ дружелюбно, какъ и всѣ саксонскіе князья въ противоположность франконскимъ императорамъ. Они обезпечили за собой западную Фрисландію и удержали фризскій Вестеръ — и Остеръ-го (западный и восточный округъ) къ сѣверу и сѣверовостоку отъ Зюдерзее, до тѣхъ поръ принадлежавшіе Утрехтскому графству. Задачей слѣдующихъ графовъ было обезпеченіе этихъ владѣній противъ сопротивленія жителей; Вильгельмъ, голландскій графъ и нѣмецкій король, погибъ въ 1255 году, исполняя эту задачу и только его наслѣднику Флорису V удалось успокоить надолго западную Фрисландію.

Вильгельмъ въ Гагѣ, въ срединѣ между рейнской дельтой и родной своего дома, построилъ Ритерзааль («рыцарскую залу»), сохранившійся еще и до нашихъ дней, какъ самая древняя часть королевской резиденціи. Эта постройка была какъ бы символомъ того, что правительство Вильгельма и еще болѣе правительство его наслѣдника Флориса гораздо болѣе заботится о внутреннемъ устроеніи страны, чѣмъ о славѣ внѣшнихъ завоеваній. Флориса можно признать создателемъ замкнутой голландской территоріи. Другъ искусствъ, онъ покровительствовалъ поэту Маерланту и далъ должность продолжателю рифмованной Эгмондской хроники, Мелису Стоке. Такимъ образомъ онъ проложилъ дорогу созданію особой голландской культуры, медленно развивавшейся съ 14 вѣка. Враждебный дворянству, онъ подчинилъ его своей феодальной власти, заставилъ его слушаться своихъ приказаній, побудилъ къ записыванію обычнаго права страны

и поддерживалъ развитіе крестьянства и еще болѣе бюргерства; онъ по праву получилъ прозвище *der keeren got* (мужицкій богъ).

Но въ концѣ концовъ онъ заплатилъ жизни за такое направленіе своей дѣятельности; въ 1296 году онъ былъ убитъ заговорщиками дворянами. Ему наследовалъ его тупоумный сынъ Іоганъ I, а со смертию этого графа угасъ домъ старыхъ голландскихъ графовъ.

Убийство графа Флориса представляетъ параллельное явленіе съ мученической смертію Карла Добраго фландрскаго въ 1126 году. Флорисъ V стремился къ тому же, къ чему стремился въ свое время Карлъ во Фландріи, т. е. къ эмансипаціи бюргерства: культура Фландріи опередила голландскую въ 12 и 13 вѣкахъ на цѣлыхъ пять поколѣній.

И однако въ Голландіи торговля существовала искони. Но она ограничивалась Нимвегеномъ, Тилемъ, Війкомъ бій Дурстеде, Утрехтомъ и Ставореномъ, городами на Рейнѣ и Ваалѣ и на истокѣ Зюдерзее; ни одинъ изъ этихъ городовъ, за исключеніемъ только Утрехта, не находился на западѣ страны, настоящимъ представителѣ теперешней голландской культуры; но Утрехтъ, бывшій сначала простымъ епископскимъ бургомъ, сдѣлался торговымъ городомъ только послѣ норманскихъ войнъ.

Позднѣйшіе большіе торговые города Голландіи на западѣ страны устроились только въ 11 вѣкѣ, выросли изъ ничтожныхъ поселеній вокругъ бурговъ и таможенъ, на развѣтвленіяхъ рѣкъ и на каналахъ. Таковы: Гаарлемъ, Лейденъ, Флаардингенъ и Дордрехтъ въ 11 вѣкѣ, Амстердамъ въ 12-мъ, Шидамъ и Гоуда въ 13-мъ; Роттердамъ и Гоорнъ сдѣлались значительными городами только въ 14 вѣкѣ. Вообще первой эпохой крупнаго развитія городовъ были послѣднія десятилѣтія 13 вѣка; это періодъ необыкновенно сильнаго развитія городского права; тогда Лейденъ и Гаарлемъ, Дельфтъ и Гоуда, Шидамъ и Амстердамъ получили новыя конституціи.

Это явленіе объясняется тѣмъ, что потокъ международной торговли, такъ рано протекавшій чрезъ Фландрію, только въ это время впервые коснулся Голландіи. До тѣхъ поръ голландская торговля была такой же какъ фландрская въ концѣ 11 вѣка; она состояла въ вывозѣ продуктовъ туземнаго земледѣльческаго хозяйства, въ особенности сыровъ; параллельно же фландрскому ткачеству процвѣтала ловля сельдей, которая и доставляла голландской торговлѣ ея главную статью вывоза.

Этому характеру торговли соответствовало и то, что въ странѣ вообще господствовало еще натуральное хозяйство. Земледѣліе было еще главнымъ хозяйственнымъ занятіемъ и средства его были еще натурально-хозяйственными. Во Фландріи дѣло обстояло иначе; тамъ этотъ періодъ давно уже, съ начала 12 вѣка, былъ законченъ; но съ тѣхъ поръ земледѣліе не отставало отъ промышленности и раз-

ввивавшейся торговли; оно только измѣнилось по своимъ приѣмамъ. До сихъ поръ пользованіе болотами и пастбищами было невозможно по недостатку капиталовъ, а теперь благодаря городскимъ промысламъ капиталовъ было довольно, потому началось развитіе техники въ обработкѣ болотъ и пустырей. Такимъ образомъ во Фландріи достигли ступени развитія земледѣлія, уже достигнутой въ Голландіи раньше, хотя по совершенно инымъ причинамъ. Въ Голландіи, странѣ болотъ и дикорастущаго болотистаго лѣса, въ странѣ, которую св. Бонифацій называлъ *aquosa Frisonum agva*, съ самаго начала жители были вынуждены осушать небольшія озера и болота; приходилось бороться съ некультурностью страны безъ большихъ капиталовъ, посредствомъ свободнаго труда. Потому то здѣсь очень рано развились свободныя формы землепользованія; уже въ 11 вѣкѣ встрѣчается свободная аренда за деньги или изъ за части продукта; очень рано также хозяйства крѣпостныхъ крестьянъ въ своей земледѣльческой дѣятельности были предоставлены себѣ самимъ и обязывались только къ уплатѣ небольшого оброка. Это—формы земледѣлія высшей денежно-хозяйственной культурной ступени, которыя здѣсь, на этой суровой почвѣ, создались въ эпоху настоящаго натурального хозяйства. Такія формы во Фландріи при лучшей, хотя и столь же трудно воздѣлываемой, почвѣ развились позднѣе, при переходѣ страны къ промышленности и торговлѣ. Такимъ образомъ, несмотря на различное экономическое развитіе этихъ двухъ странъ, уже во второй половинѣ 11 вѣка, если не раньше, въ обѣихъ нихъ развились въ высшей степени своеобразныя, совершенно свободныя аграрныя формы.

Эти условія позволили фламандцамъ и голландцамъ не только приступить къ энергичному заселенію болотъ и пустырей на ихъ родинѣ, но и достигнуть еще большаго: а именно воздѣлыванія болотъ въ сѣверно-нѣмецкой котловинѣ Везера и Эльбы. перехода отъ этого воздѣлыванія къ культивированію болотъ между рѣками и тяжелой почвы сѣверно-нѣмецкихъ равнинъ, вообще руководства всей нѣмецкой колонизаціей востока общинами фламандскаго и голландскаго происхожденія.

IV.

Не легко опредѣлить, каковы именно были правовыя и экономическія формы, при которыхъ производилось воздѣлываніе голландскихъ и фландрскихъ болотъ. По отношенію къ Фландріи у насъ не имѣется для этого никакихъ непосредственно дошедшихъ до насъ актовъ ¹⁾, да и относительно Голландіи источники даютъ только слу-

¹⁾ Ср. *Miraeus*. 1, 188, 1172; *De St. Genois* S. 698, 1242. Также Дювивье:—*Hospites: defrichements en Europe et specialement dans nos contrées aux XI, XII, et XIII s.* Van de Putte—*Esquisse sur la mise en culture de la Flandre occidentale*, а также р. *Errera* въ его книгѣ о *Masvirs passim*.

чайныя указанія ¹⁾). Только древнѣйшія изъ общинъ, поселившихся съ запада въ болотахъ Бремена и близъ Гамбурга, даютъ возможность систематически изучить явленія фламандской и голландской колонизаціи, такъ какъ эти общины были привлечены поселиться тутъ общественными властями и акты объ условіяхъ ихъ поселенія еще сохранились.

Прежде всего очевидно, что новыя поселенія были совершенно свободны. Въ Голландіи только свободный трудъ могъ справиться съ враждебными силами болотъ; во Фландріи же капиталъ, необходимый для поселенцевъ для добыванія торфа и продажи его, какъ необходимыхъ побочныхъ промысловъ при колонизаціи, дѣлалъ необходимымъ условіемъ почти полную свободу колонистовъ.

Поселенцы никогда не вступали одинокими на страшный путь, ведущій къ болотамъ, въ которыхъ по народному повѣрью жили эльфы, исполины и разныя другія чудища и въ глубинѣ которыхъ въ Даніи, напр., жилъ Грендель, мрачный духъ пѣсни о Беовульфѣ. Къ осушенію болотъ приступали общинами; въ самомъ началѣ работъ, даже раньше, чѣмъ приступали къ постройкѣ общей плотины и проведенію канавъ, всѣ отцы семей, домохозяева будущаго поселенія, избирали изъ своей среды присяжныхъ или тайный совѣтъ, который долженъ былъ регулировать общія дѣла новой общины и войти въ необходимыя соглашенія съ владѣльцами болотъ.

На сколько можно судить по сохранившимся источникамъ, основанія такихъ договоровъ были довольно однообразны. Болота уступались большими кусками, повидимому всегда въ количествѣ около 50 гектаровъ; такой кусокъ составлялъ гуфу (дворъ), при этомъ было правило, что такіе куски доходили до середины болота и примыкали къ другимъ гуфамъ, уже культивированнымъ или которыя должны были подвергнуться культурѣ и начинавшимся съ другой стороны болота. Отдѣльные домохозяева получали эти участки, какъ вольное владѣніе, находящееся въ верховной собственности владѣльца болота и формальнымъ выраженіемъ такого права собственности экономически совершенно не связывающимъ владѣльца въ его хозяйственныхъ распоряженіяхъ, былъ небольшой годичный оброкъ, обыкновенно четыре пфеннига. Во всемъ остальномъ земледѣлецъ вполне свободно распоряжался своей гуфой; онъ могъ отчуждать ее и оставлять по наслѣдству; участки наслѣдовались потомками первыхъ колонистовъ на основаніи особенно благопріятнаго для хозяйства франкскаго права наслѣдованія.

При подобныхъ условіяхъ выгода для собственника болотъ состояла совсѣмъ не въ арендѣ; она могла состоять только въ тѣхъ до-

¹⁾ Bergh O. B. 1 № 91, 1085, № 132, 1155. Cloet. O. B. 1 № 262, 1132, № 278, 1143 и Lacomblet U. B. 1, № 285, 1117.

ходахъ по суду и управленію, которые принадлежали ему въ колоніяхъ.

Слѣдствія такого хозяйственнаго строя были необыкновенно благоприятны. Собственникъ долженъ былъ думать о томъ, чтобы дать колоніи особое судоустройство и особое церковное устройство; онъ могъ надѣяться только на доходы отъ судебныхъ пошлинъ и на церковную десятину. Потому то прежде всего было необходимо сдѣлать колонію вполне самостоятельной въ этихъ двухъ отношеніяхъ; она должна была образовать отдѣльный судебный округъ и отдѣльный приходъ. Такимъ образомъ избѣгались всѣ недоразумѣнія, которыя произошли бы при присоединеніи колоніи къ сосѣднимъ маркамъ, судебнымъ округамъ и приходамъ; новыя поселенія съ самаго перваго дня своего существованія обладали всѣми орудіями и средствами общественной жизни.

Имъ удалось достигнуть даже большаго. Тамъ, гдѣ колонисты поселялись въ самой срединѣ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстъ, ихъ жизни часто угрожали враждебныя силы. Въ то время не существовало еще какого либо центрального управленія, вродѣ теперешняго голландскаго управленія водами, которое регулируетъ теченіе приморскихъ рѣчекъ, не было плотинъ, соединенныхъ съ естественными дюнами морского берега и защищающихъ землю, часто лежащую ниже морского уровня, отъ внезапныхъ наводненій. Еще въ 1164 году море докатывало свои бурныя волны до стѣнъ Утрехта; живущій въ болотахъ крестьянинъ ни на одну минуту не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности: *quasi mors cotidiana per assiduas aquarum inundationes imminerebat* ¹⁾).

Было необходимо бороться съ этимъ неумолимымъ врагомъ — моремъ, сообща, противопоставлять ему плотины, отбивать его нападенія. А это было возможно только при правильной полувоенной организации; было даже необходимо прибѣгать къ наказующей власти, подобной военной власти; по обычному праву фризовъ тотъ, кто разрушалъ или запустилъ плотину, вталкивался въ прорванное водой отверстіе и платился за свою вину жизнью.

Понятно само собой, что людей, ведущихъ у себя дома такую борьбу съ страшнымъ врагомъ, нельзя было привлекать къ военной службѣ внѣ страны, какъ всѣхъ другихъ свободныхъ людей. Потому обитатели болотъ обыкновенно были освобождены отъ повинности поступать въ войска графа и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ платежа графскихъ налоговъ; но за то они были обязаны подавать немедленную помощь въ случаѣ прорыва плотины и наводненій.

Такъ какъ государственная служба свободныхъ людей въ 11 и 12 вѣкахъ рѣдко состояла въ другихъ обязанностяхъ, кромѣ обязан-

¹⁾ Слова одного акта императора Фридриха I. Cloet. O. V. 1, 313, 1165.

ности военной службы и налога, то благодаря изъятію обитателей болотъ отъ этихъ обязанностей они пользовались необычайной свободой; подобно гетевскому Фаусту въ послѣднюю эпоху его жизни они свободно и независимо жили на своихъ благопріобрѣтенныхъ земляхъ.

Понятно, какія свойства характера должны были развиться при такихъ условіяхъ въ народѣ этихъ болотистыхъ мѣстностей. Чувство личной независимости, только очень медленно смягчаемое растущимъ богатствомъ колоній, чувство увѣренности въ личныхъ силахъ вмѣстѣ съ осторожностью, которая одна только и могла сохранить все пріобрѣтенное общими усиліями, твердость и рѣшительность, сознание долга вслѣдствіе счастливаго воспитанія простой системой экономическаго, судебнаго и церковнаго управленія — таковы были дары, приносимые мрачными чудищами стараго болота, превратившимися въ благодѣтельныхъ фей, грубымъ людямъ, поселившимся въ этихъ мрачныхъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ тутъ развилась высокая энергія дѣятельности и чистота скромной жизни, ничего не боящаяся, ничего не признающая, на все надѣяющаяся и все испытующая; народъ пріобрѣталъ склонность къ крупнымъ колонизаторскимъ предпріятіямъ. Увлекаемые этой склонностью фламандцы и голландцы направились съ западной границы нѣмецкой народности на восточныя границы; они составляли закваску для массы колонистовъ изъ центра Германіи, которые шли за ними и признавали ихъ своими руководителями. Среди многихъ подвиговъ нашихъ западныхъ братьевъ эта услуга, оказанная ими въ дѣлѣ колонизаціи нѣмецкаго востока, одна изъ самыхъ важныхъ; она должна оставаться незабвенной въ нѣмецкой исторіи и они сами съ радостью вспоминаютъ о ней. Еще и теперь сыны фламандцевъ поютъ:

Naer Oostland willen wij rijden
Naer Oostland willen wij mée
Al over de groene heiden
Al over de heiden
Daer isser en betere stee.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Германизация страны между Эльбой и Одеромъ.

I.

Славяне незамѣтнымъ образомъ заселили страну «Маурунга», какъ называли Германцы оставленные ими земли между Вислой и Эльбой. Отъ географа Птолемея до временъ Карла Великаго не имѣется почти никакихъ извѣстій объ этой странѣ, исторической родинѣ нашего народа. Когда она въ 9 и 10 вѣкахъ снова, по крайней мѣрѣ мѣстность близъ Эльбы, появляется въ исторіи, она уже вся заселена славянами; медленно и боязливо, небольшими кучками, сохранявшими еще родовой строй, славяне идутъ по пятамъ двигающихся къ югу Германцевъ, совершенно также, какъ они съ 7 вѣка заняли мѣстности Балканскаго полуострова, опустошенные нашествіями Аваровъ. Уже въ 6 вѣкѣ они достигли Заалы и Эльбы, даже перешли эти границы въ Тюрингіи и на высотахъ Альтмарка, послѣднимъ крупнымъ ихъ приобрѣтеніемъ былъ восточный Голштейнъ; здѣсь они окончательно поселились при Карлѣ Великомъ послѣ насильственнаго изгнанія имъ саксонцевъ.

Но вездѣ въ другихъ мѣстахъ Карлъ энергично противодѣйствовалъ имъ. Западные ихъ племена онъ вынудилъ къ почти полному подчиненію и создалъ укрѣпленную границу, идущую отъ Ейдера чрезъ Эльбу, Заалу, Богемскій лѣсъ и Эннсъ до Раабѣ и такимъ образомъ опредѣлилъ отношенія между славянами и германцами на многія поколѣнія. Славяне, однако, сидѣли и внутри мархій Карла Великаго, какъ, напр., Дравены, Майнвенды и Словѣнцы въ Каринтіи и Панноніи; но они не играли никакой роли въ славянствѣ и за то благодаря своему положенію внутри предѣловъ имперіи остались неприкосновенными отъ германизации, такъ что Словенцы и теперь сохранились, какъ славянская народность.

Внѣ предѣловъ имперіи славянскіе народы послѣ смерти Карла Великаго, въ срединѣ 9 вѣка, создали великое Моравское государство. Это было первое большое на чисто славянскихъ основахъ созданное государство, о которомъ намъ извѣстно; но и при этомъ можно предполагать, что созданіе такого государства было возможно только подъ вліяніемъ германскаго мірового государства, въ томъ родѣ, какъ раньше Марбодъ создалъ германское деспотическое государство въ подражаніе римской имперіи. Это государство, начатки котораго положилъ Ростиславъ (846 — 870) и которое было завершено Святополкомъ (870 — 894), во времена своего процвѣтанія включало въ себѣ всѣ славянскіе народы отъ Богемскаго лѣса до Дравы и Тиса; восточныя и сѣверныя его границы, намъ неизвѣстныя, терялись въ Карпатахъ и въ далекихъ равнинахъ верхняго теченія Вислы. Его государи уже тогда пытались дать ему славянское, т. е. враждебное нѣмцамъ, направленіе. Узы зависимости отъ франкскаго государства были разорваны; миссіонерская дѣятельность епископствъ Регенсбургскаго, Пассаускаго и Зальцбургскаго была стѣснена, вообще связи съ западной церковью прерваны. Въмѣсто нѣмецкихъ миссіонеровъ появляются апостолы славянства, Мефодій и Константинъ (Кириллъ); они вводятъ славянскій переводъ библіи и славянскую литургію; было создано архіепископство Папноніи и Моравіи съ двумя викарными епископствами. Славянское государство съ своей собственной культурой, казалось, должно было раздѣлить восточно-славянскіе и западные германскіе народы. Но въ концѣ 9 и въ началѣ 10 вѣковъ появился тюрко-финскій народъ Мадыяры, разрушилъ моравское государство и опустошительнымъ нашествіемъ навсегда раздѣлилъ славянъ на восточныхъ границахъ Германіи на двѣ половины: южную и сѣверную. Это было важное условіе для преобладанія германства надъ славянствомъ; еще и теперь національное существованіе мадыяръ составляетъ существенное препятствіе для осуществленія мысли о славянскомъ міровомъ государствѣ.

Противъ славянъ, живущихъ къ югу отъ мадыяръ, германцы, представителями которыхъ здѣсь было племя Баварцевъ, никогда не проявляли особыхъ прогрессивныхъ силъ. Совсѣмъ иное дѣло на сѣверѣ. Здѣсь въ теченіе четырехъ вѣковъ германцы постоянными, сопровождаемыми переменнымъ счастьемъ, движеніями снова вернули себѣ всю древне-нѣмецкую землю до Вислы; здѣсь создалась новая Германія, колониальная культура которой только въ настоящее время начинаетъ становиться одинаковой по обычаямъ и образу жизни съ культурой своей западной метрополи.

Славяне, обитавшіе за Эльбой, Заалой и Богемскимъ лѣсомъ, въ странахъ, гдѣ теперь нѣмцы и славяне смѣшиваются, распались на четыре крупныя группы: чеховъ и моравовъ, поляковъ, балканскихъ славянъ и сорбовъ (Sorben).

Изъ нихъ наиболѣе постоянное мѣсто жительства и со временъ созданія общей монархіи съ конца 9 вѣка наиболѣе обезпеченныя политическія границы имѣли чехи. Среди громадныхъ первобытныхъ лѣсовъ, горные склоны которыхъ расчистили въ послѣдствіи уже германцы, сидѣли они въ богемской котловинѣ. Прага ископи составляла центральнѣйшій пунктъ ихъ страны; ихъ древнѣйшая исторія, сказочная и выдуманная, связана съ золотымъ городомъ на Молдавѣ; ихъ національное святилище находится въ Вышеградѣ. Къ востоку отъ чеховъ жили также, какъ и теперь, моравы; по языку принадлежащія къ чехамъ, къ концу эпохи каролинговъ они еще распространялись къ югу до Дуная и въ теперешней Венгріи; ихъ главными бургаміи были Нейтра и Тебенъ при Пресбургѣ (Neutra и Theben).

Отъ Карпатовъ до пустырей Варты и Неце, а также къ границамъ Пруссіи и къ западу отъ Исполинскихъ горъ (Ризенгебирге) по Квейссу и Одеру до русской и литовской границъ сидѣли поляки, народъ, первоначальное политическое объединеніе котораго покрыто мракомъ неизвѣстности; саги рассказываютъ, что Пясты изъ Гнезно возстановили ихъ единство и при герцогѣ Мѣшко (Miesko) во второй половинѣ 10 вѣка ихъ государство является уже вполне единымъ.

Гораздо раньше, чѣмъ эти большія славянскія срединныя земли, была культивирована Поммеранія, балтійско-славянская земля, лежащая къ сѣверу отъ береговъ Варты и Неце, хотя обитавшія тутъ народцы только позже и повидимому подъ непосредственнымъ вліяніемъ нѣмцевъ слились въ большія княжества. Уже самое названіе Поммераніи указываетъ на море ¹⁾; она ограничивалась двумя большими рѣками, Одеромъ и Вислой; самыя географическія ея условія указывали, что она должна сдѣлаться торговой страной. При устьяхъ Вислы развился торговый городъ Данцигъ; еще ранѣе его на истокѣ Одерѣ легендарный Воллинъ, Іомсбургъ норманновъ, Винета нашихъ дней, который уже въ началѣ 12 вѣка, кажется, уступилъ свое мѣсто Штеттину.

Къ балтійскимъ же славянамъ причисляются лютичи (велеты) и Абодриты; они сидѣли между Одеромъ, Остзее и Эльбой; къ югу линія, проведенная отъ устьевъ Оре (Ohre) чрезъ Бранденбургъ, Кёпеникъ и Лебусъ отдѣляла ихъ отъ Сорбовъ. Юговосточную и восточную части этой области занимали лютичи, самое выносливое и самое храброе изъ балтійско-славянскихъ племенъ. Къ нимъ принадлежали, вѣроятно, Спреване съ бургомъ Кёпеникомъ — Берлинъ еще не существовалъ тогда — и навѣрное Гевеллы или Стодоране около Бранденбурга и въ особенности народцы на Пинѣ (Peene) до берега Остзее: Киссины, Цирципаны, Толензаны, Редарін и др. Въ ихъ

1) Слав. Поморье.

области въ Ретрѣ, въ теперешнемъ Мекленбургъ-Стрелицѣ, находился храмъ Радигоста, союзное святилище племени, средоточіе неустрашаемаго и постояннаго сопротивленія нѣмцамъ и христіанству, резиденція жрецовъ, которые постоянно возбуждали народъ къ борьбѣ противъ нѣмцевъ до самаго уничтоженія своего и ихъ народа. Это гордое поведеніе нравственно поддерживалось близостью Рюгена, гдѣ въ Арконѣ, защищаемый племенемъ морскихъ разбойниковъ Рановъ или Руяновъ, стоялъ на высокой скалѣ у моря храмъ четырехголоваго Свантовита, послѣднее святилище славянскаго язычества. Въ сѣверозападномъ углу балтійско-славянской области обитало племя Абодритовъ; главная сила этой народности была въ странѣ крѣпостей Шверина и Мекленбурга. Въ согласіи съ Карломъ Великимъ воюя съ датчанами и саксонцами, они удержали за собой страну Угрю (Вагрю) въ восточномъ Голштейнѣ; они давно уже распространили свое вліяніе и за Эльбу; теперешняя ганноверская Вендская земля около Люхова и Вустрова и большая часть Альтмарка была занята ими.

Наконецъ, Сорбы сидѣли къ югу отъ балтійскихъ славянъ отъ Унструта и Заалы, если не отъ Ильма, въ теперешнемъ королевствѣ Саксоніи и Прусскомъ Лаузицѣ до Квейсса и Бобера въ Силезіи. Остатки ихъ, Венды, около Шпре и Бауцена и теперь еще называютъ себя Сорбами. Это племя состояло изъ нѣсколькихъ мелкихъ племенъ съ большими укрѣпленными городами для каждаго изъ нихъ; назовемъ изъ нихъ Далеминцевъ ¹⁾ съ укрѣпленіемъ Яной у Мейссена, Милькановъ или Мильценовъ около Бауцена, Лузицевъ съ главнымъ бургомъ Лебуза при Шлибенѣ.

Сорбы имѣютъ то общее съ Лютичами и Абодритами, что они еще дольше, чѣмъ чехи, моравы и поляки, даже дольше, чѣмъ померанцы, распадались на мелкія народности, сохраняя родовой строй; только позже по примѣру нѣмцевъ отдѣльныя семьи начали стремиться къ власти совершенно также, какъ раньше сосѣдство римлянъ способствовало у первобытныхъ германцевъ образованію племенныхъ герцогствъ.

Занятіе германской земли славянами, кажется, повсемѣстно происходило при существенно одинаковыхъ условіяхъ. Они заселяли только легко обрабатываемую землю; своей деревянной сохой, запрягаемой быками и коровами, они умѣли вспахивать только песчанныя земли; болота, кустарники, лѣса, столь распространенные на склонахъ средней возвышенности и въ широкихъ рѣчныхъ долинахъ востока, оставались нетронутыми и незаселенными. Потому они вездѣ сидѣли отдѣльными группами, отдѣленными другъ отъ друга лѣсной чащей и болотами; отсутствіе дорогъ составляло для нихъ защиту. Болота

¹⁾ Слав. „Гломачи“ сохранилась въ теперешнемъ Ломмачъ.

можно было переходить только зимой—потому то нападенія нѣмцевъ очень часто и происходили въ это время года — а лѣса дѣлались особенно недоступными посредствомъ укрѣпленій; дѣлали просѣки, оставляя срубленные деревья и по нимъ оставляли расти поросль (чешск. *préseka, zatés*); пройти по лѣсамъ можно было только въ немногихъ мѣстахъ просѣками.

Поселеніе происходило семьями и родами. Каждая семья или родъ образовали съ родовымъ старшиной (старостой) во главѣ особую деревню, дворы которой по большей части строились кольцомъ, съ окнами внутрь. Жители деревень сначала жили въ полномъ коммунизмѣ съ общей работой и общими продуктами труда; только правнуки, потомки въ третьемъ поколѣніи первоначальныхъ поселенцевъ, дѣлились и по числу дѣдовъ основывали новыя меньшія дворовыя общины (сербскія задруги), которыя потомъ въ будущихъ поколѣніяхъ снова дѣлились. Это была жизнь, тѣсно связанная съ естественными условіями происхожденія и родства; всѣ общественные интересы были связаны съ родомъ; единство поддерживалось абсолютной и патриархальной властью родовыхъ главъ, старостъ. Измѣненіе въ такомъ строѣ наступало только тогда, когда какой нибудь изъ домовъ старость добивался княжеской власти внѣ родовыхъ связей отдѣльныхъ поселеній. Именно это и дало нѣсколько иную окраску славянской культурѣ, особенно поляковъ и чеховъ, начиная съ десятаго вѣка. Когда княжеская власть распространялась на многіе родовые союзы, она стала получать право распоряжаться пограничными лѣсами, раньше отдѣлявшими роды другъ отъ друга, а теперь препятствующими ихъ соединенію—они начинаютъ расчищаться, какъ общинныя, какъ *ges nullius*.

Въ эти обширныя области—въ одной Богеміи ихъ считали больше 500 квадратныхъ миль ¹⁾—идутъ младшіе сыновья, искатели приключеній и, наконецъ, нѣмецкіе поселенцы. Въ первые вѣка они поступаютъ вполнѣ во власть старостъ и дѣлаются княжескими крѣпостными; рядомъ съ древнесвободными людьми родовыхъ деревень появляется многочисленное сословіе полусвободныхъ людей. Это было уже въ то время, когда ближележащія славянскія земли подвергались первымъ воздѣйствіемъ торговли, особенно страны на Одерѣ и Богеміи; одновременно съ тѣмъ вслѣдствіе излишковъ продуктовъ земледѣлія начинается переходъ къ занятію ремеслами.

Эти зачатки торговли и промышленности подъ вліяніемъ уже существовавшихъ тогда княжескихъ властей приняли довольно оригинальныя формы. Основаніе городовъ, вродѣ нѣмецкихъ, оказалось невозможнымъ; такъ какъ княжеская власть не была достаточно прочной, она не могла создать постояннаго мира и порядка, этого основ-

¹⁾ Peisker—Knechtschaft.

ного условія для горожанъ, собирающихъ капиталы. Славяне также не могли создавать настоящей городской жизни, которую можно бы было сравнить съ нѣмецкой, какъ не могли создавать городской жизни, подобной греческой, восточныхъ государствъ. Но все таки княжеская власть, хотя и не способная къ всесторонней дѣятельности, но вполне абсолютная во всѣхъ случаяхъ, гдѣ могла выказываться личная воля князя, давала защиту промысламъ новыхъ крѣпостныхъ людей государства. Потому въ странѣ скоро появились цѣлыя колоніи крѣпостныхъ ремесленниковъ, появились деревни, населенныя сотнями крѣпостныхъ, занимающихся одинаковымъ ремесломъ; еще и теперь существуютъ въ Богеміи такія названія мѣстечекъ, какъ «Зерносѣки» (приготавлиющіе мельничные камни), «колодеи» (колесники), «мыдловары» (мыловары); а въ Силезіи колесники живутъ въ Шиквицѣ, сѣдельники въ Яровицѣ, въ другихъ мѣстахъ сапожники, башмачники, кузнецы. Продукты этихъ колоній распространялись въ странѣ агентами князя, такимъ образомъ въ его рукахъ находилась вся торговля.

Таково было положеніе во времена позднѣйшей нѣмецкой имперіи и въ особенности таково было положеніе въ большихъ славянскихъ княжествахъ, въ Богеміи, Силезіи, въ Польшѣ, а также и въ Помераніи. Славяне на Эльбѣ, напротивъ, остались при чисто земледѣльческой культурѣ; у нихъ князей не было и они распадалась на мелкія, отдѣляемыя другъ отъ друга лѣсами и болотами племена. Въ то время, какъ нашествіе мадьяръ навсегда отдѣлило сѣверныхъ славянъ отъ южныхъ, они еще медленно двигались къ западу чрезъ Заалу и Эльбу. Они теперь не имѣли противъ себя противодѣйствія всей силы каролингской міровой имперіи, даже силы соединенныхъ восточныхъ франковъ. Противъ нихъ боролись только одни саксонцы и тюрингенцы; между этими послѣдними и сорбами, лютичами и абодритами велась свирѣпая, полная кровавыхъ столкновеній пограничная война.

Для этнографическихъ отношеній на Заалѣ и Эльбѣ было до чрезвычайности важно то обстоятельство, что императорскую корону получилъ родъ Оттоновъ, герцоговъ Тюрингіи и Саксоніи. Положеніе дѣлъ сразу измѣнилось. Уже Генрихъ I энергично поддерживалъ нѣмцевъ въ ихъ свирѣпой пограничной борьбѣ съ славянами; онъ подчинилъ гевелловъ, принадлежащихъ къ племени лютичей и завоевалъ Бранденбургъ; онъ побѣдилъ и далеминцевъ, принадлежащихъ къ племени сорбовъ, и близъ ихъ крѣпости Яны основалъ нѣмецкій Мейсенъ. Эльба по всему ея теченію сдѣлалась нѣмецкой границей; нѣмецкое вліяніе распространилось и за Эльбу до Одера, особенно среди западныхъ лютичей; чехи сдѣлались вассалами нѣмецкаго королевства и такимъ образомъ былъ обезпеченъ правый флангъ нападенія противъ живущихъ на Эльбѣ славянъ.

Успѣхи Оттона Великаго были еще значительнѣе; его пограничные герцоги, Германъ Биллунгъ и Геро, вели беспощадныя войны съ славянами и распространили нѣмецкое владычество отъ Эльбы до Одера; самъ Оттонъ держалъ въ подчиненіи королевству богемскаго герцога Болеслава Свирѣпаго. Нѣмецкое дѣло только выиграло отъ того, что Болеславъ сдѣлалъ монархическую власть въ Чехіи гораздо болѣе сильной, чѣмъ она была раньше, и распространилъ вліяніе чеховъ на востокъ чрезъ Моравію и Польшу до Ваага и до Буга; такимъ образомъ польское государство, тогда только что развивающееся, было отодвинуто къ сѣверо-востоку, къ Вартѣ, и Оттону удалось и его заставить признать главенство нѣмецкаго королевства. Рядомъ съ военными успѣхами Оттона шли и успѣхи цивилизаціи. Среди славянъ на Эльбѣ было основано нѣсколько епископствъ; самостоятельное, хотя и подъ вліяніе нѣмцевъ принятое, христіанство чеховъ и поляковъ было присоединено къ нѣмецкой церкви посредствомъ основанія епископствъ въ Прагѣ и Познани. Такимъ образомъ политическая и духовная зависимость сѣверно-славянскихъ народовъ отъ нѣмецкаго королевства казалась обезпеченной; можно было ожидать, что славянство вправо отъ Эльбы и Богемскаго лѣса разовьетъ самостоятельную культуру и самостоятельную государственную жизнь подъ вліяніемъ нѣмцевъ.

Такое развитіе, въ началѣ благопріятное для нашей націи, а потомъ могущее принести ей много несчастій, послѣ смерти Оттона I было рѣзко прервано. Благодаря несчастной итальянской политикѣ Оттона II и Оттона III абодриты и лютичи прорвались за Эльбу, опустошили большую часть Саксоніи и составили союзъ для защиты своей народности. Тщетно пытался Оттонъ III разрушить этотъ союзъ; подъ главенствомъ жрецовъ Радигоста онъ сохранялся до временъ короля Генриха II.

Одновременно въ Польшѣ росла сила, опасная для всего нѣмецкаго королевства. Болеславъ I Храбрый (992—1025) уничтожилъ преобладаніе чеховъ, завоевалъ Поммеранію и создалъ государство, которое около 1000 года кромѣ Эльбскихъ славянъ, чеховъ и моравовъ охватывало все сѣверное славянство отъ береговъ Балтійскаго моря до Карпатовъ. Императоръ Оттонъ III, руководясь точкой зрѣнія своей универсальной политики, усилилъ это государство. Онъ почтилъ его своимъ императорскимъ утвержденіемъ и сдѣлалъ его еще болѣе самостоятельнымъ, учредивъ въ Гнезно польское архіепископство, кафедру котораго занялъ чехъ Радимъ, братъ св. Адалъберта — и все это въ то время, когда на юго-востокѣ имперіи создались самостоятельное государство св. Стефана и мадьярское архіепископство въ Гранѣ. Генрихъ II, наслѣдникъ такой политики, въ силу внутреннихъ движеній, происходившихъ при его восшествіи на престолъ, нашелъ положеніе дѣлъ въ извѣстномъ смыслѣ уяснившимся. Боле-

славъ въ это время захватилъ марку Мейссенъ и большую часть восточной марки, т. е. нѣмецкую область въ странѣ сорбовъ и лютичей; вскорѣ послѣ этого онъ занялъ Богемію; его отношеніе къ нѣмецкому королевству было теперь вполне опредѣленнымъ. Генриху ничего не оставалось, какъ вести борьбу за гегемонію въ средней Европѣ и онъ велъ ее всѣми зависящими отъ него средствами; онъ вступалъ въ союзы съ язычниками лютичами и абодритами, даже съ русскими, которые также, какъ и нѣмцы, боролись противъ всемогущества польскаго государя. Но результатъ борьбы, не смотря на всѣ усилія, былъ довольно печаленъ; по миру въ Бауценѣ (1018) Болеславъ удержалъ всѣ свои владѣнія, за исключеніемъ уже раньше потерянной имъ Чехіи; благодаря этому договору у Болеслава были даже развязаны руки для борьбы противъ Русскихъ; въ августѣ 1018 г. онъ взялъ Кіевъ. Не смотря на всѣ усилія Германіи пріобрѣсти снова страну за Эльбой, эта рѣка снова сдѣлалась ея сѣверо-восточной границей. На другомъ берегу рѣки абодриты и лютичи снова жили свободно въ своемъ язычествѣ, презирая нѣмцевъ, въ то время, какъ области сорбовъ составили теперь небольшую часть могущественнаго польскаго герцогства, съ 1024 г. сдѣлавшагося королевствомъ.

Позднѣйшая императорская полтика уже не могла вернуть утраченное въ 10 вѣкѣ. Конрадъ II пытался уступкой Шлезвига изолировать Эльбскихъ славянъ и разрушить могущество поляковъ. Это ему удалось; области сорбовъ и лютичей и повидимому вся страна абодритовъ должны были снова платить нѣмцамъ дань. Но Конрадъ этимъ и удовольствовался; ни онъ, ни его сынъ Генрихъ III не продолжали прежней политики Оттоновъ, преслѣдовавшей цѣли обращенія страны въ христіанство и введенія въ нее культуры. Съ этого времени единственной обязанностью нѣмецкихъ государей признается поддержаніе равновѣсія между славянскими государствами въ ихъ взаимной борьбѣ, такъ чтобы они не угрожали болѣе господствующему положенію нѣмцевъ въ средней Европѣ. Эту задачу съ большимъ успѣхомъ исполнилъ Генрихъ III.

Слѣдствіемъ измѣнившейся имперской политики было то, что Эльбскіе славяне, по крайней мѣрѣ ихъ сѣверныя племена, абодриты и лютичи, не принадлежащіе непосредственно къ имперіи, получили свободу въ своемъ развитіи. Потому со временъ Генриха III у абодритовъ появилось особое государство князя Готтшалька съ почти королевскими правами; оно имѣетъ извѣстное значеніе и во всякомъ случаѣ историческій интересъ въ томъ отношеніи, что Готтшалькъ сдѣлалъ попытку самостоятельно распространить христіанство среди своихъ народовъ. Этому, конечно, воспротивился союзъ лютичей, бывшихъ язычниками. И тогда то оказалось, насколько бесполезно разсматривать отношенія къ славянамъ, и въ особенности къ Эльбскимъ славянамъ, съ чисто политической точки зрѣнія, какъ раз-

сма тривали ихъ императоры изъ салійскаго дома. Въ 1066 г. язычники лютичи напали на христіанъ абодритовъ; Готтшалькъ былъ убитъ, епископъ Іоганъ Мекленбургскій принесенъ въ жертву Радигосту; потомъ славяне прорвались чрезъ нѣмецкую границу и разрушили Гамбургъ и Шлезвигъ. Тогда абодриты посадили у себя снова языческаго князя Круто; онъ сильно преслѣдовалъ христіанъ и нѣмцевъ и царствовалъ въ Буку, теперешнемъ Любекѣ, до 1093 года.

Въ то время, какъ императорская политика во второй половинѣ II вѣка потерпѣла окончательное крушеніе въ своихъ отношеніяхъ съ славянами, за ея спиной поднимались уже территоріальные князья, какъ лучшіе защитники нѣмецкихъ интересовъ противъ славянъ. Саксонскіе князья, въ теченіе десятилѣтней ужасной борьбы при Генрихѣ IV лишившіеся всякихъ симпатій къ имперіи, теперь берутъ на себя самостоятельное руководство славянской политикой; они въ своихъ рѣшеніяхъ руководятся не точкой зрѣнія отношенія силъ въ средней Европѣ, а той простой мыслью, чтобы собирать съ подчиненныхъ славянъ богатая дань, а впослѣдствіи намѣреніемъ основать въ славянскихъ земляхъ нѣмецкія княжества съ нѣмецкими же, приносящими доходы, подданными. Такая политика и повела къ начаткамъ германизации славянскаго востока.

II.

Уже раньше саксонскіе герцоги изъ дома Биллунговъ поддерживали домъ убитаго, дружественнаго христіанамъ, абодритскаго князя Готтшалька. Когда въ 1090 г. сынъ Готтшалька, Генрихъ, устранилъ его наслѣдника и убійцу, язычника Круто и сдѣлался самъ государемъ своихъ земляковъ, сѣверные саксонцы постоянно поддерживали его за ежегодную дань.

Благодаря такой помощи Генриху удалось удержаться въ старомъ Любекѣ больше тридцати лѣтъ; тѣмъ не менѣе, не смотря на то, что онъ платилъ дань саксонцамъ, покровительствовалъ нѣмецкимъ купцамъ при ихъ поѣздкахъ къ Балтійскому морю, что онъ и самъ былъ христіаниномъ, онъ не боролся съ язычествомъ своего племени. Только экономическіе и политическіе интересы связывали государя славянъ съ саксонскими князьями; саксонскія войска даже расширили государство Генриха своими крестовыми походами противъ восточныхъ славянъ. Подобныя же отношенія, кажется, установились въ это же время и съ западными лютичами. Въ Гавельбергѣ около 1125 года господствовалъ христіанскій славянскій глава Виттекиндъ въ зависимости отъ саксонскихъ герцоговъ, причемъ поклоненіе славянскому богу Геровиту не прекращалось; въ Бранденбургѣ въ это же время княжилъ христіанинъ, не воспрещавшій, однако, поклоняться Триглаву.

Въ то время, какъ абодриты и лютичи, жившія на Эльбѣ и не подчиненныя еще нѣмцамъ славянскія племена, поддерживали съ саксонцами такія оригинальныя отношенія, съ востока на нихъ надвигалось снова усилившееся польское государство. Съ 1120 года Болеславъ III подчинилъ себѣ Поммераніе, гдѣ подъ покровительствомъ поляковъ нѣмецкій епископъ Оттонъ Бамбергскій распространялъ христіанство; около 1125 года польское государство распространялось отъ Вислы до Пина, озера Мюрицъ и верхняго Гавеля; большая часть области лютичей была присоединена къ нему; даже старый союзъ лютичей началъ распадаться ¹⁾; только на Рюгенѣ теократическое государство морскихъ разбойниковъ оставалось независимымъ отъ польскаго господства. При такихъ условіяхъ шансы для нападенія саксонцевъ на земли Эльбскихъ славянъ были благопріятны; такъ какъ такія нападенія должны были сопровождаться вліяніемъ нѣмцевъ на польское государство. Къ счастью въ это время саксонскій герцогъ Лотарь сдѣлался нѣмецкимъ королемъ; онъ подчинилъ и Эльбскихъ славянъ и поляковъ верховной власти нѣмецкаго королевства. Онъ разрушилъ Ретру, священное мѣсто лютичей, — подчинилъ абодритовъ и обложилъ ихъ данью; въ концѣ своего царствованія (1137) онъ заключилъ съ Болеславомъ миръ, въ силу котораго этотъ послѣдній принесъ имперіи ленную присягу за Поммеранію и Рюгенъ и въ качествѣ маршала несъ предъ императоромъ мечъ. Послѣ смерти Болеслава въ 1138 году въ польскомъ государствѣ началась анархія и оно начало распадаться. Лотарь въ его славянской политикѣ, которая въ концѣ концовъ имѣла цѣлью только полученіе дани съ туземныхъ князей, былъ просто предшественникомъ позднѣйшихъ поколѣній князей, побѣдоносно перешедшихъ Эльбу и основавшихъ въ славянскихъ земляхъ нѣмецкія государства. Наиболѣе видными изъ такихъ князей были маркграфъ Альбрехтъ Медвѣдь, основатель бранденбургско-прусскаго государства (1134—1170) и саксонскій герцогъ Генрихъ Левъ (1139—1180).

Альбрехтъ происходилъ изъ одного стараго рода того швабскаго округа, который образовался, вѣроятно, изъ послѣднихъ остатковъ жреческаго племени Семноновъ на восточномъ склонѣ Гарца; онъ былъ швабъ, какъ и теперешніе князья Бранденбурга, Гогенцолерны, какъ и Геро, могучій пограничный герцогъ времени Оттоновъ. Когда онъ, имѣвшій владѣнія въ теперешнемъ Ангальтѣ, гдѣ царствуютъ и теперь его потомки, получилъ отъ императора Лотаря въ ленъ съверную марку въ 1134 году, то эта марка фактически состояла только изъ теперешней Альтмарки и куска земли между Эльбой и

¹⁾ Даже изъ числа земель сорбовъ, мирно подчинившихся нѣмецкому владѣтельству, Нижній Лаузицъ къ востоку отъ Шпре былъ въ то время польскимъ. Ср. Wendt-Germanisierung, 11.

Гавелемъ. Въ Альтмаркѣ нѣмцы занимали только западный ея край, остальная часть была пустынной. Но именно эта бесплодная область и сдѣлалась центромъ собранія во едино всѣхъ земель абодритовъ и лютичей.

Альбрехтъ поставилъ себѣ задачей присоединить къ своей области славянскія государства Гавельбергъ и Бранденбургъ. Въ Гавельбергѣ онъ захватилъ наслѣдіе дѣтей умершаго славянскаго князя Виттекинда и подчинилъ лежащій къ сѣверу отъ области Виттекинда Пригницъ. Потомъ онъ принялъ мѣры, чтобы обезпечить за собою постоянное владѣніе этой областью; множество саксонскихъ родовъ было привлечено въ новыя марки; въ Гавельбергѣ снова было учреждено епископство, въ 1144 году Ансельмъ, дѣятельный государственный человекъ короля Конрада III, вернулся на свою прежнюю кафедру. Въ Бранденбургѣ Альбрехтъ счумѣлъ въ первые же годы своего маркграфства сдѣлаться необходимымъ для славянскаго князя Прибыслава-Генриха; онъ вынудилъ его воспретить языческое поклоненіе Триглаву на сосѣдней Гарлунгенской горѣ и заключилъ съ нимъ договоръ, на основаніи котораго члены дома Асканіевъ были объявлены верховными владыками и наслѣдниками послѣ смерти бранденбургскаго князя.

Такимъ образомъ уже въ первые годы новаго царствованія была открыта дорога для новой, преслѣдующей широкія цѣли политики. Но Альбрехту не удалось пожать плодовъ ея. Вскорѣ, во время царствованія короля Конрада III, онъ былъ вовлеченъ въ борьбу между вельфами и штауфенами; за свою вѣрность королю былъ награжденъ званіемъ саксонскаго герцога и на нѣкоторое время получилъ владѣніе герцогствомъ; но въ концѣ концовъ по Франкфуртскому миру долженъ былъ отказаться отъ Саксоніи, остался при прежнихъ владѣніяхъ и только потерялъ драгоценные годы для плодотворной дѣятельности въ славянскихъ земляхъ.

За годами занятій имперскими дѣлами послѣдовало время безумнаго крестоваго похода противъ вендовъ въ 1147 году. Въ то время, какъ Бернардъ Клервоскій въ южной Германіи проповѣдывалъ крестовый походъ въ Палестину, саксонцы хотѣли удовлетворить религіозному стремленію эпохи походомъ противъ язычниковъ вендовъ и получили на это согласіе папы. Также думали датчане, поляки и моравы; датчане также, какъ и саксонцы, имѣли въ виду Эльбскихъ славянъ, а поляки—Поммеранію и Пруссію.

И дѣйствительно, удалось возбудить народныя массы идеей о сѣверномъ крестовомъ походѣ. Но въ особенности въ этомъ дѣлѣ приняли участіе князья; изъ нѣмецкихъ князей прежде всего два соперника Альбрехтъ Медвѣдь и Генрихъ Левъ, представитель саксонскаго дома. Уже самая противоположность намѣреній народовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, заставляла предвидѣть разныя затрудненія. И

дѣйствительно, хотя и вторглись въ Поммеранію и Пруссію, но этотъ походъ не имѣлъ дальнѣйшихъ слѣдствій, кромѣ страшнаго опустошенія страны—чѣмъ, впрочемъ, помогли во всякомъ случаѣ начавшемуся въ то время переселенію въ эти страны нѣмцевъ—и возбужденія страстнаго противодѣйствія со стороны славянъ язычниковъ. Еще раньше вторженія нѣмцевъ абодритскій князь Никлотъ, предокъ теперешняго Мекленбургскаго дома, огнемъ и мечемъ разорилъ сѣверную часть страны при Эльбѣ; послѣ же крестоваго похода датчане къ великой радости саксонцевъ были приведены въ ужасъ немолыми пиратскими набѣгами славянъ.

Для развитія сѣверной марки Альбрехта гораздо важнѣе было то событіе, что вскорѣ послѣ этого похода, въ 1150 году, умеръ Прибыславъ-Генрихъ бренденбургскій. Въ теченіе трехъ дней его супруга Петрисса скрывала его смерть, пока не прибылъ маркграфъ Альбрехтъ и вооруженной рукой не занялъ Бранденбургъ. Это новое владѣніе Альбрехта было оспариваемо у него во время похода императора Фридриха I противъ поляковъ въ 1157 году. Такъ какъ этотъ походъ имѣлъ слѣдствіемъ отдѣленіе Силезіи отъ Польши, то онъ, кажется, и былъ поводомъ уничтоженія небольшого польскаго вассальскаго княжества на Шпре, столицей котораго былъ городъ Кѣпелникъ. Государь этого княжества пытался нападеніемъ на Бранденбургъ сдѣлать диверсію въ пользу своего сюзерена, польскаго короля на котораго напалъ императоръ. Но эта диверсія не удалась. Въ соединеніи съ энергичнымъ архіепископомъ Вихманомъ Магдебургскимъ, героемъ нѣмецкой колонизаціи востока, Альбрехтъ прогналъ князя не только изъ Бранденбурга, но и изъ его собственной земли; сѣверныя части его владѣній достались лютичамъ, а западныя и южныя сѣверной маркѣ и магдебургскому архіепископству. Теперь сѣверная марка простиралась отъ Эльбы до Гавеля и Нуте, эта пограничная линія была укрѣплена рядомъ бурговъ и она въ теченіе двухъ поколѣній оставалась границей между Бранденбургомъ и славянами.

Если Альбрехтъ, старый, но все еще дѣятельный и энергичный человекъ, въ послѣдніе годы своего царствованія не сдѣлалъ дальнѣйшихъ завоеваній, то причиной этого было чрезвычайно увеличившееся въ это время могущество Генриха Льва. Сначала притязанія сѣверной марки на земли лютичей и на большую часть земель абодритовъ были безспорны; но Генрихъ Левъ давно уже старался пріобрѣсти новыя богатства въ формѣ даней съ земель, лежащихъ въ мѣстности отъ низменности Эльбы до Даніи и Рюгена, что давало бы ему возможность открыть для его саксонскихъ владѣній выгодную торговлю на Балтійскомъ морѣ.

И въ этихъ мѣстахъ Альбрехтъ положилъ основаніе владычеству нѣмцевъ. Во время своего непродолжительнаго господства въ Саксоніи (1138—1142) онъ отдалъ въ качествѣ лена графство Голштейнъ

энергичному Генриху Бадевиде; при немъ голштинцы вторглись въ славянскую землю Вагрію и почти совершенно истребили славявъ; восточный Голштейнъ снова могъ сдѣлаться нѣмецкимъ, какъ раньше, прежде того времени, когда Карлъ Великій отдалъ его аборитамъ. Графъ Адольфъ II голштинскій, наследникъ Генриха Бадевиде, посаженный Генрихомъ Львомъ, получившимъ въ 1142 году званіе герцога саксонскаго, продолжалъ политику Альбрехта. Онъ прежде всего вызвалъ въ эту славянскую землю колонистовъ фламандцевъ, голландцевъ, вестфальцевъ и фризовъ и уже въ 1143 году началъ строить Любекъ на мѣстѣ стараго городъ Буку; онъ основалъ первый нѣмецкій городъ на Балтійскомъ морѣ.

Все это происходило еще въ ту пору, когда Генрихъ Левъ не думалъ о распространеніи германской колонизаціи, о созданіи нѣмецкаго владычества и о христіанскомъ вліяніи за Эльбой. Генрихъ въ то время еще поддерживалъ языческаго князя аборитовъ Никлота, даже помогалъ ему расширять его владѣнія для того, чтобы брать съ него побольше дани.

Но въ концѣ концовъ именно экономическія соображенія заставили Генриха идти дальше. Его городъ Бардовикъ сильно страдалъ отъ быстро развивавшейся торговли Любека, потому онъ и отнялъ Любекъ у графа. Датчане, измученные междоусобіями, въ теченіи многихъ лѣтъ страдали отъ славянскихъ морскихъ разбойниковъ; наконецъ, они начали мстить имъ и грабить берега Балтійскаго моря. Генрихъ боялся, что они могутъ погубить торговлю Любека и рѣшился завоевать страну аборитовъ. Обладая значительными военными и финансовыми средствами, въ 1160 году онъ двинулся противъ того самого Никлота, съ котораго до сихъ поръ онъ бралъ дань. Дѣло дошло до битвы, полной героическихъ подробностей; Никлотъ, послѣдній національный герой балтійскихъ славянъ, палъ окруженный врагами. Съ завоеванной землей Генрихъ поступилъ также, какъ Альбрехтъ Медвѣдь съ Бранденбургомъ; онъ роздалъ отдѣльные округа въ качествѣ ленновъ своимъ помощникамъ изъ саксонскаго дворянства; онъ восстановилъ также старыя епископства; но три епископа Ольденбургъ-Любекскій, Ранебургскій и Мекленбургъ-Стрелицкій должны были признать его сюзереномъ, тогда какъ епископы Гавельберга и Бранденбурга до 14 вѣка оставались имперскими князьями, также какъ и епископы старой Германіи; сдѣлать это Генриху удалось благодаря согласію своего друга, императора Фридриха I.

Такимъ образомъ Генрихъ господствовалъ до границъ Помераніи и сдѣлался гораздо могущественнѣе своего бранденбургскаго сосѣда и соперника. Но и ему пришлось выдержать сопротивленіе славянъ. Въ 1164 году Прибыславъ, храбрый сынъ Никлота, побилъ нѣмцевъ на голову. Генрихъ, угрожаемый заговоромъ саксонскихъ князей, былъ вынужденъ чрезъ два года послѣ этого передать ему управленіе стра-

ной абодритовъ, за исключеніемъ графства Шверина. Прибыславъ призвалъ снова на родину разбѣжавшіеся остатки своего племени; онъ царствовалъ надъ нимъ, какъ вѣрный вассалъ Генриха и былъ родоначальникомъ теперешняго дома обоихъ Мекленбургскихъ герцогствъ.

Генрихъ, умиротворивъ такимъ образомъ землю абодритовъ, началъ снова вести свою прежнюю борьбу противъ послѣдняго убѣжища славянъ на Балтійскомъ морѣ противъ Рюгена и Поммераніи. Тутъ ему пришлось считаться съ соперничествомъ Датчанъ. Они уже давно нападали на берега Балтійскаго моря; въ 1160 году они, соединившись снова подъ властью короля Вальдемара, сдѣлали Рюгенъ своимъ данникомъ. Они очень хорошо понимали планы Генриха, хотя герцогъ и старался скрыть ихъ подъ формами предупредительности и дружбы, и старались по крайней мѣрѣ предупредить нѣмцевъ въ завоеваніи Рюгена. Въ маѣ 1168 года они высадились на мѣловыхъ скалахъ этого острова и осадили святилище сѣверныхъ славянъ, окруженную земляными валами Аркону; 15 іюня 1168 года Аркона была взята. Они испровергли всемогущее до этихъ поръ жречество этого храма и освободили отъ его вліянія мѣстныхъ князей, которыхъ и обложили большою данью; тщетно протестовалъ Генрихъ, котораго представителями въ этомъ походѣ были шверинскій епископъ и его славянскіе вассалы. Датчане удержали свое завоеваніе; организованный или по крайней мѣрѣ поощряемый Генрихомъ грабительскій набѣгъ на ихъ берега заставилъ ихъ только выдать половину храмовыхъ сокровищъ Арконы и половину дани; но они не отдали завоеваннаго; до реформациі Рюгенъ принадлежалъ къ епископству Рёскильде.

Нѣмецкое дѣло имѣло большой успѣхъ въ Поммераніи. Послѣ различныхъ столкновеній съ датчанами и съ поляками Генриху въ 1177 году удалось съ помощью Оттона бранденбургскаго, наслѣдника Альбрехта Медвѣдя, принудить поммеранскаго князя признать главенство Германіи. Это было послѣднимъ дѣломъ Генриха предъ его низверженіемъ; это дѣло, совершенное въ соединеніи съ государемъ соперничающаго Бранденбурга, доказывало, что могли бы сдѣлать соединенныя силы новыхъ колониальныхъ государствъ между Одеромъ и Эльбой въ началѣ послѣдней четверти 12 вѣка.

Но что соединяло эти новыя государства вопреки даже личному соперничеству ихъ государей, что создавало общіе и постоянные интересы—такъ это то, что въ обоихъ государствахъ населеніе было теперь нѣмецкимъ. Страна между Эльбой и Одеромъ была не только завоевана въ концѣ царствованія императора Фридриха I; она была уже и германизирована.

III.

Германизация славянскихъ земель въ 12 и 13 вѣкахъ явленіе гораздо болѣе важное, чѣмъ ихъ завоеваніе; это настоящій великій подвигъ нашего народа въ теченіи среднихъ вѣковъ. Куда только не приходили эти неутомимыя толпы нѣмецкихъ поселенцевъ, непрерывнымъ потокомъ идущія въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ въ восточныя страны, въ то время, какъ нѣмецкіе солдаты переполняли войска какъ своихъ императоровъ, такъ и иностранныхъ государей, такъ какъ города Германіи благодаря выселенію въ нихъ деревенскаго населенія разрослись до чрезвычайности? Въ позднѣйшее время мы находимъ саксонцевъ въ Бранденбургѣ, Мекленбургѣ и Поммераніи, вестфальцевъ на берегахъ Балтійскаго моря въ Пруссіи и Лифляндіи, тюрингенцевъ и франконцевъ въ Мейссенѣ, Лаузицѣ, Силезіи и сѣверной Богеміи, баварцевъ въ южной Богеміи и Моравіи, въ горахъ Силезіи и на восточныхъ склонахъ Альпъ, нѣмцевъ съ Мозеля и Рейна въ Венгріи и Зибенбюргенѣ, поселенцевъ изъ верхней Германіи въ далекой Пруссіи — и среди всѣхъ этихъ поселенцевъ были разсѣяны люди съ нижняго Рейна, изъ Голландіи, Брабанта и въ особенности изъ Фландріи; это были тѣ самые энергичные нидерландцы, которые еще при Карлѣ Великомъ поселились въ странѣ Корве, а въ 11 вѣкѣ случайно проникали въ Венгрію и массами въ Англію.

Такое явленіе могло быть вызвано только глубокими измѣненіями въ жизни на родинѣ; поселенцы должны были тѣмъ болѣе стремиться къ далекимъ странамъ, къ завладѣнію неизвѣстными землями, чѣмъ тѣснѣе имъ было жить дома. И дѣйствительно социальныя и экономическія причины, вызвавшія переселеніе на востокъ и послужившія опорой для княжескихъ завоеваній 12 и 13 вѣковъ, во всей Германіи, не говоря уже о Фландріи и Голландіи, восходятъ за нѣсколько вѣковъ назадъ, къ эпохѣ франконскихъ и саксонскихъ, даже каролингскихъ императоровъ.

Старый деревенскій строй первобытнаго времени и племенной эпохи, сохранившійся и въ 12 и 13 вѣкахъ, и остатки котораго сохранились еще кое гдѣ и до настоящаго времени въ почти неизмѣненномъ видѣ, былъ запущеннымъ, пустошнымъ; каждый дворъ, гуфа, въ каждой первоначальной общей пустоши имѣлъ одинаковый участокъ и такъ какъ въ древнихъ общинахъ бывало по нѣскольку сотенъ пустошей, то участки, принадлежавшіе отдѣльнымъ дворамъ, были раскиданы по всей общинѣ. Такое распредѣленіе полей сильно затрудняло обработку, а кромѣ того оно вредило хозяйству отдѣльных домохозяевъ и въ другомъ отношеніи; отдѣльныя пустоши не были

соединены дорогами; домохозяину нельзя было проѣхать на большую часть своихъ участковъ безъ того, чтобы не проѣхать по полямъ другихъ домохозяевъ, своихъ однодеревенцевъ или принадлежавшихъ къ одной съ нимъ общинѣ-маркѣ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого было то, что всѣ хозяева, чтобы не мѣшать другъ другу, должны были одновременно пахать, сѣять и жать, что было возможно только при посѣвѣ одинаковыхъ хлѣбовъ; система обработки земли была принудительной; ни одинъ хозяинъ не могъ самъ, по своей волѣ, вести хозяйство и пахать какъ, когда и гдѣ ему угодно. Система подчиняла хозяйственную индивидуальность своимъ суровымъ и неизмѣннымъ требованіямъ; она препятствовала хозяйственному прогрессу. Было неизбежно, что неудобства ея сдѣлались чувствительными, когда развитіе матеріальной, политической и умственной культуры сдѣлали личность болѣе самостоятельной.

Съ 8 и 9 вѣковъ, во время перваго крупнаго заселенія еще не расчищенныхъ первобытныхъ лѣсовъ, нѣмецкій крестьянинъ впервые началъ смутно сознавать, что старый хозяйственный строй устарѣлъ и при основаніи новыхъ деревень онъ началъ уже пытаться ввести новый строй. Самое простое средство состояло въ томъ, чтобы уничтожить прежнюю дробность участковъ, необходимую при трудности обработки въ старое время, а теперь при лучшихъ средствахъ воздѣлыванія уже непригодную. Уже во времена каролинговъ во вновь построенныхъ деревняхъ участки становятся крупнѣе и расположены въ одномъ мѣстѣ; не рѣдко каждый домохозяинъ въ каждой пустоши владѣлъ участкомъ отъ четырехъ до десяти моргеновъ. При такомъ порядкѣ было уже возможно между отдѣльными пустошами, которыхъ было теперь меньше, проложить дорожки, такъ что каждый домохозяинъ могъ проѣхать къ своему участку, не задѣвая чужихъ. Отъ 8 до 11 вѣка, и даже позже, въ лѣсахъ Германіи, и особенно въ прирейнскихъ странахъ, были устроены безчисленныя деревни по такой улучшенной системѣ.

Но и при этомъ все таки оставались неудобства; все же земли одного двора были раскиданы по разнымъ мѣстамъ, все же терялось много времени на переѣздъ съ одного участка на другой совершенно бесполезно для хозяйства, все же было не легко отступать отъ общаго хозяйственнаго плана другихъ сосѣднихъ домохозяевъ. Потому въ верхней и въ средней Германіи, и особенно въ Нидерландахъ, установилась третья система, совершенно отличная отъ обѣихъ прежнихъ. Дворы стали устраиваться совершенно отдѣльно, занимая отдѣльныя поля въ одномъ мѣстѣ. Такая система отдѣльныхъ дворовъ въ особенности установилась въ долинахъ нѣмецкой центральной возвышенности и въ обширныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ сѣверо-запада. Вдоль ручья или опушки лѣса проводили дорогу и на ней въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга строили дворы, каждому

изъ которыхъ нарѣзывался отъ дороги участокъ земли, окружавшій дворъ и граничившій съ сосѣдными дворами. Такимъ образомъ образовались довольно длинные участки земли, по большей части идущіе прямо перпендикулярно къ дорогѣ и отъ нее къ лѣсу или къ болоту. Каждый изъ этихъ участковъ былъ настолько великъ, что составлялъ цѣлую гуфу; задача нарѣзать гуфу въ одномъ мѣстѣ была разрѣшена. Такимъ именно образомъ и появились тѣ деревни, которыя называютъ вытянутыми по ниткѣ (Fadendörfer); въ одну улицу при одинаковомъ разстояніи между дворами, они тянутся на десятки верстъ въ долинахъ средней Германіи, въ лѣсистыхъ когда то равнинахъ Бельгіи, Голландіи и въ нижней Саксоніи, съ прекрасными окрестными лугами, съ массивными хлѣбными амбарами вдоль дороги и съ выгономъ и лѣсомъ на противоположной дорогѣ границѣ деревенской земли.

Былъ достигнутъ идеаль индивидуалистическаго земледѣльческаго хозяйства; новая система, въ началѣ не совсѣмъ удобно устроенная въ хозяйственномъ отношеніи, какъ напр. въ Оденвальдѣ, вскорѣ была усовершенствована; каждый хорошій хозяинъ долженъ былъ желать ея введенія; она сдѣлалась однимъ изъ лучшихъ средствъ для развитія хозяйственной самостоятельности и инициативы, для колонизаціи, для культивированія дикихъ мѣстностей. Она освобождала личность, какъ хозяйственную единицу, освобождала ее изъ черезъ чуръ тѣсныхъ узъ первобытной общины, и параллельно съ такимъ освобожденіемъ шло освобожденіе и въ правовой сферѣ. Крестьянинъ по большей части былъ крѣпостнымъ; онъ былъ связанъ съ правовыми порядками дворовой общины, къ которой онъ принадлежалъ, ея ненарушимыми нормами. Но эти нормы происходили изъ эпохи натурального хозяйства. Крестьянинъ былъ связанъ съ поземельнымъ собственникомъ, какъ рабочая сила; нормальнымъ явленіемъ этихъ отношеній была барщина и эта барщинная повинность связывала личность крѣпостного-общинника. Для крестьянина было необходимо достигнуть такого положенія, при которомъ онъ, хотя бы и безземельный, былъ обязанъ доставлять помѣщику извѣстные продукты земли въ формѣ оброка или арендной платы, причемъ правовая личная зависимость уничтожалась. Такое положеніе естественно прежде всего было достигнуто не въ деревняхъ, а въ настоящихъ центрахъ денежнаго хозяйства, въ городахъ. Здѣсь развилась поземельная аренда, которая обыкновенно была наследственной, съ настоящей арендной платой, бывшей не просто только символомъ признанія права собственности владѣльца, въ которой исчезли уже всѣ признаки прежней личной зависимости. Нѣкоторыя изъ существенныхъ чертъ такого развитія не остались, повидимому, безъ вліянія и на деревенскую жизнь. И въ деревнѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ появляются подобныя же правовыя отношенія. Поводомъ къ этому

также, какъ и къ измѣненію хозяйственнаго строя, было увеличеніе пространства воздѣлываемой земли и измѣненіе ея обработки съ 8 и 9 вѣковъ. Помѣщики хотѣли воспользоваться плодами такого увеличенія. А это было возможно при привлеченіи большихъ или особенно пригодныхъ техническихъ рабочихъ силъ, какъ напр. при воздѣлываніи виноградниковъ; если не хотѣли употребить собственнаго капитала для первичной трудной обработки, приходилось ставить такія рабочія силы въ особенныя, благопріятныя условія, чтобы побудить ихъ къ самостоятельнымъ попыткамъ первоначальной обработки земли. Потому по отношенію къ нимъ часто отступали отъ прежнихъ суровыхъ условій крѣпостнаго землепользованія, давали имъ нѣкоторую свободу; такъ что изъ разнообразныхъ попытокъ въ этомъ направленіи въ послѣдней четверти II вѣка развилась новая, юридически довольно точно опредѣленная форма поземельной аренды, такъ называемая *Landsiedelleihe*. Конечно, и въ этой формѣ аренды сохранялись многіе слѣды крѣпостныхъ отношеній. Отдаваемая въ аренду земля, составлявшая отдѣльный самостоятельный дворъ, отдѣльный участокъ, подлежащій воздѣлыванію, считалась крѣпостнымъ имуществомъ, не подлежащимъ свободному мобилизованію, неотчуждаемымъ участкомъ, переходящимъ по наслѣдству въ семействѣ арендатора; кромѣ того она считалась недѣлимой, такъ какъ отдающій землю помѣщикъ хотѣлъ обезпечить себя въ полученіи оброка. Рядомъ съ такими обязанностями, юридически связывающими только самое имущество, а не личность арендатора, существовали и реминисценціи о существующихъ или раньше существовавшихъ крѣпостныхъ отношеніяхъ; практически о правѣ собственности помѣщика тутъ уже нѣтъ и рѣчи; у него, собственно говоря, остается только право верховной собственности; наслѣдственность арендныхъ отношеній признается, какъ само по себѣ понятное дѣло, при разѣ навсегда опредѣленномъ оброкѣ, очень небольшомъ, если принять во вниманіе постоянный ростъ поземельной ренты. Вообще говоря, устанавливается юридическое отношеніе, которое для арендатора, нерѣдко, даже обыкновенно, бывшаго раньше крѣпостнымъ крестьяниномъ, было очень существеннымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія его правовой личности, и которое при уничтоженіи нѣкоторыхъ еще сохранившихся остатковъ крѣпостнаго права должно было повести къ свободной арендѣ зажиточныхъ крестьянъ. Съ начала II вѣка при помощи такой системы колонизируется вся Германія, то отдѣльными дворами, то даже и цѣлыми деревнями; особенно широко она примѣнялась въ средней Германіи и на нижнемъ Рейнѣ. Когда она соединялась съ улучшенной системой стараго деревенскаго строя, съ системой отдѣльныхъ, не разбросанныхъ дворовъ, она являлась наиболѣе пригодной для созданія необыкновенно энергичнаго и сильнаго крестьянскаго сословія.

Съ такими выгодами новаго заселенія Германіи отъ 11 до 13 вѣковъ соединялась часто еще одна не менѣе важная выгода. Почти всѣ новые гуфы больше старыхъ; это общій законъ всякой колонизаціи. Новыя гуфы, при экстензивной системѣ хозяйства въ пустыряхъ и въ чашѣ первобытнаго лѣса, при залужавшей и неочищенной отъ камней почвѣ, при существованіи старыхъ гуфъ съ расчищенной землей, могли быть выгодны только въ томъ случаѣ, если онѣ были больше; такая необходимость существуетъ только при началѣ заселенія и позже, при увеличеніи интензивности обработки, уничтожается; но и тогда большая величина дворовъ естественно сохраняется и даетъ новымъ поселеніямъ все болѣе увеличивающійся экономическій перевѣсъ надъ старыми.

Въ Германіи новыя гуфы были особенно велики благодаря существованію королевской регалии въ пустошахъ и первобытныхъ лѣсахъ. Въ то время, какъ члены племенъ селились марками по общему праву и регулировали пользованіе землей въ старыхъ гуфахъ сообразно съ прежде существовавшими потребностями, такъ что гуфа, по величинѣ очень неодинаковая, во всякомъ случаѣ соответствовала прежде существовавшимъ жизненнымъ потребностямъ деревенскихъ жителей, король, свободные люди и дворяне, владѣвшіе огромными пустыми помѣстьями, раздавали земли гораздо большими участками. Королевская гуфа, которую измѣряли посредствомъ *virga regalis*, — королевскаго жезла, достигала 47—50 гектаровъ: необыкновенная, чисто королевская мѣра для потребностей одной семьи, превосходящая обыкновенную мѣру народной гуфы втрое или вчетверо.

Наши короли давно уже начали раздавать много земли такими королевскими гуфами за вѣрную службу; уже въ девятомъ вѣкѣ такіе раздачи бывали въ Гессенѣ и въ Вестфалии, въ Зальцбургѣ, на Савѣ и въ Венгріи, въ Арденнахъ, а потомъ и въ славянскихъ колонизаціонныхъ областяхъ сѣверовостока. И кто же изъ переселенцевъ эпохи нѣмецкой имперіи не желалъ, чтобы королевская гуфа была общей мѣрой для всей заселяемой земли? Помѣщики не могли противиться этому общему стремленію переселенцевъ и раздаваемые ими гуфы были тоже очень большими.

Такимъ образомъ соединились всѣ благопріятныя условія для заселенія прежде всего самой родины: хозяйственное условіе — большая величина гуфы, юридическое — увеличеніе свободы и социальное — меньшая зависимость отъ общины; все движеніе вело къ тому, чтобы приучить крестьянина къ воздѣлыванію новыхъ земель, чтобы создать для него свободное владѣніе. Такимъ образомъ прежде всего вся метрополія была вполне культивирована въ 12 и 13 вѣкахъ.

Такая хозяйственная дѣятельность была только приготовленіемъ для колонизаціи востока. Нѣмецкіе переселенцы шли въ славянскія и мадьярскія земли уже опытными земледѣльцами. Они выучились тя-

желой работой дома расчищать первобытные лѣса и заселять необитаемые долины; благодаря благодѣтельной соціальной и правовой эмансипации у себя на родинѣ они приобрѣли способность надѣяться только на себя однихъ, не желать ничьей защиты, ни защиты общины, ни защиты властелина. Ихъ одушевляло мужество выселяющихся, а не отчаяніе изгнанныхъ нищетой; они охотно уходили съ родины; будущее, хотя и не свободное отъ тяжелаго труда, представлялось имъ привлекательнымъ; они никогда не теряли надежды добиться лучшей участи. Такое нравственное настроеніе должно отличать настоящаго переселенца, если онъ хочетъ имѣть успѣхъ; и такое нравственное настроеніе отличало въ особенности фламандцевъ и голландцевъ; это настроеніе, простое въ своихъ основаніяхъ, но важное по своимъ послѣдствіямъ, замѣчалось и у всѣхъ другихъ нѣмецкихъ племенъ; для исторіи нашей націи это настроеніе было чрезвычайно важнымъ.

IV.

Начатки свободнаго и систематическаго заселенія востока исходили изъ Фландріи и Голландіи и съ нижняго Рейна, какъ наиболѣе густо заселенныхъ странъ имперіи; отсюда, начиная съ конца 11 вѣка, въ теченіи почти двухъ вѣковъ все большія массы нѣмцевъ шли на востокъ; ихъ любовь къ свободѣ, ихъ аграрный строй помогли имъ создать типъ правильнаго переселенія.

Фландрія, кажется, съ самаго начала заселялась отдѣльными дворами значительныхъ размѣровъ; фландрскій *буннаръ* равнялся тремъ или четыремъ гектарамъ ¹⁾; гуфа состояла изъ 12 буннаровъ, такъ что ея величина отъ 36 до 48 гектаровъ напоминаетъ королевскую гуфу. Первоначально голландскія гуфы были такой же величины. Но общей для обѣихъ странъ была въ особенности колонизація болотъ; уже во второй половинѣ 11 вѣка голландцы были знакомы съ методами ихъ осушенія.

Нѣмецкіе князья фризскаго и нижнесаксонскаго береговъ сѣвернаго моря воспользовались этимъ опытомъ колонизаціи. Въ то время, какъ рейнскіе и южногерманскіе князья получали значительные доходы отъ таможенныхъ пошлинъ и сборовъ за проѣздъ, отъ основанія городовъ и проложенія дорогъ, князья сѣверногерманской низменности не могли имѣть доходовъ изъ такихъ источниковъ, такъ какъ въ этой странѣ еще не было сильно развитой внутренней торговли, потому имъ приходилось искать другихъ источниковъ доходовъ, чтобы не уступать первенства дворянству юга. И такимъ источникомъ была для нихъ колонизація болотистыхъ мѣстностей.

---

¹⁾ Meitzen—въ Festschrift für Hanssen.

Первымъ изъ князей, думавшимъ о такой колонизаци, былъ, кажется, архіепископъ Бременскій Адальбертъ. Не даромъ же онъ въ 1062 г. приписалъ къ своему архіепископству бременскія болота влѣво отъ Везера, какъ даръ императора¹⁾. Но исполнена была эта мысль, повидимому, только въ концѣ 11 и въ началѣ 12 вѣковъ. Тогда въ Бременѣ появились люди изъ Нидерландъ и чрезъ посредство своихъ священниковъ и присяжныхъ представителей заключили съ архіепископомъ договоръ о культивированіи болота къ юго-востоку отъ песчаного мыса, на которомъ стоитъ городъ Бременъ, въ мѣстности, которая и теперь еще называется «Голлерландъ». Они хотѣли составить отдѣльную большую общину — сотню, которая должна была быть и отдѣльнымъ приходомъ и отдѣльнымъ судебнымъ округомъ; въ выстроенныхъ ими храмахъ они хотѣли имѣть и своихъ собственныхъ священниковъ; они хотѣли пользоваться церковными правами по обычаямъ своей родной епархіи Утрехта и судиться то же хотѣли по своему, — только въ томъ случаѣ, если бы у нихъ не было согласія, въ ихъ дѣла могъ вмѣшаться самъ архіепископъ. Они раздѣлили между собой землю отъ края болота, тамъ, гдѣ отводный каналъ и высокая плотина граничили съ ихъ дворами; отъ этаго мѣста до болотъ ихъ гуфы тянулись длинными полосами и при нарѣзкѣ участковъ была принята мѣра королевской гуфы. Земля и дворы были наследственными; за нее они должны были платить небольшой оброкъ, какъ символъ признанія права верховной собственности архіепископа; они обязывались уплачивать въ видѣ выкупа за право суда по двѣ марки съ каждой сотни ежегодно, а для продажи торфа, который они добывали при воздѣлываньи своихъ гуфъ, они выговаривали себѣ²⁾, также какъ и вообще для своей торговли, освобожденіе отъ архіепископскихъ пошлинъ.

Такимъ образомъ была основана колонія, ведущая самостоятельную жизнь и пользующаяся особыми правами; архіепископъ имѣлъ отъ нея выгоды не столько, какъ собственникъ, сколько какъ государь. Не всѣ позднѣйшія колоніи въ томъ же родѣ, основанныя около Бремена на обоихъ берегахъ Везера до конца 12 вѣка, и поселенія, устроившіяся въ то же время и для тѣхъ же цѣлей культивированія болотъ въ окрестностяхъ Гамбурга, были поставлены въ столь благопріятныя условія. Если было умѣстно и справедливо ставить въ такія свободныя условія людей, подвергавшихся первымъ опасностямъ неизвѣстныхъ до этого времени занятій, то позднѣйшіе поселенцы уже не подвергались такимъ опасностямъ и потому условія были болѣе благопріятными для собственниковъ земли. Но принципъ оставался неприкосновеннымъ: новая переселенческая община была

1) Brem. IB. 1, № 87.

2) По крайней мѣрѣ таковы были позже условія ихъ сосѣдей въ 1181 г.

свободной оброчной общиной; при ея устройствѣ избранная изъ ея членовъ комиссія—или, какъ это было обыкновенно впоследствии, предприниматель, собиравшій или желавшій собрать переселенцевъ,—вела за нее переговоры и въ контрактѣ съ владѣльцемъ земли опредѣляла будущія права общины въ направленіи широкой общественной свободы. Сохранялись также отдѣльность и большія размѣры гуфъ; такія гуфы вездѣ на сѣверѣ такъ и назывались фламандскими или нидерландскими.

Эти общія черты права фламандскихъ и нидерландскихъ колоній въ болотистыхъ странахъ перенесены были и въ другія, не болотистыя области; изъ этой особой формы культуры развилась вся колонизація востока. Такой переходъ легко понятенъ, если мы припомнимъ, какія огромныя пространства восточной Саксоніи и въ особенности славянскихъ земель были заняты кустарникомъ и болотами; культивированіе ихъ было во всякомъ случаѣ похоже на культивированіе болотъ. Славяне и не приступали къ воздѣлыванію тяжелыхъ черноземныхъ почвъ; ихъ мелкая, едва царапающая землю обработка не годилась для такихъ земель. На такихъ земляхъ также селились нидерландцы. Но чѣмъ болѣе ихъ колонизаціонная техника приближалась къ простому распаханію тяжелыхъ почвъ, тѣмъ большее количество конкурентовъ изъ другихъ нѣмецкихъ племенъ присоединялось къ нимъ. Къ распашкѣ и обработкѣ такой земли былъ способенъ каждый изъ нѣмцевъ съ своимъ плугомъ; саксонцы смотрѣли съ завистью на новую свободу голландскихъ крестьянъ, пріобрѣтенную ими въ болотистыхъ странахъ; они тоже захотѣли пользоваться выгодами новаго права. *Swa gebure ein nuewe dorf besezen von vilder wurzelen, den mac der dorfes herre wol geben erbzinsesrecht an deme gute* (кто заселяетъ новую деревню въ пустошахъ, тотъ долженъ владѣльцу платить наследственный оброкъ за его землю),—говорится въ саксонскомъ зеркалѣ; около 1230 г. привилегіи голландцевъ сдѣлались уже общимъ правомъ для новыхъ поселеній. Въ этой колонизаціи принимали участіе половники, чернорабочіе всей Германіи, часто бывшіе на родинѣ крѣпостными и убѣжавшіе изъ своихъ мѣстъ, чтобы сдѣлаться свободными въ новыхъ земляхъ; постоянно растущій излишекъ населенія, особенно младшіе сыновья крестьянъ, стремились на востокъ; нижпесаксонцы отъ крѣпостныхъ, теперь устарѣлыхъ отношеній переходили къ новой культурѣ въ своей странѣ. Предъ такимъ натискомъ нѣмцевъ исчезла некультурность странъ по лѣвому берегу Эльбы, исчезли пустыри и лѣса славянскихъ земель, а въ концѣ концовъ исчезли и сами славяне, крайней мѣрѣ въ центральныхъ областяхъ своихъ поселеній за Эльбой.

Менѣе успѣшна была новая колонизація на почвѣ старыхъ нѣмецкихъ завоеваній, въ старыхъ маркахъ Тюрингіи, въ Мейссенѣ, въ странѣ сорбовъ—и это понятно: здѣсь уже съ десятаго вѣка обра-

зовались очень прочныя, для остатка славянскаго населенія благоприятныя отношенія; не говоря уже о томъ, что старая область Мильциніевъ, теперешній саксонскій верхній Лаузицъ, съ незначительнымъ перерывомъ до семнадцатаго вѣка принадлежала не къ тюрингенско-мейссенской области, а къ королевству Богеміи. Еще и теперь здѣсь, въ странѣ Бауценъ (Будиссинъ) также, какъ и въ со-сѣдномъ прусскомъ округѣ на рѣкѣ Шпре, живутъ остатки славянскаго племени.

Но и въ областяхъ, давно уже подчиненныхъ нѣмецкому владѣтельству, отъ Тюрингенскаго лѣса до Эльбы, еще долго сохранялась славянская народность. Здѣсь нѣмцы, какъ завоеватели аристократы, проникли въ безлѣсныя рѣчныя равнины, которыя только и занимали славяне. Нѣмцы оставили старыхъ поселянъ въ ихъ деревняхъ, какъ болѣе или менѣе крѣпостную массу; они ввели здѣсь строй управленія старой марки и только немногіе изъ славянъ достигали высшихъ общественныхъ званій, т. е. участія въ воинскихъ обязанностяхъ стражи бурговъ. Всѣ же земли, бывшія незаселенными, общинными, раздавались приходившимъ нѣмецкимъ воинамъ—но и эти земли заселялись гораздо больше славянами, чѣмъ нѣмцами; такимъ образомъ съ десятаго вѣка распространилось гораздо болѣе славянское, чѣмъ нѣмецкое земледѣліе по равнинамъ рѣкъ до высотъ Рудныхъ горъ (Эрцгебирге).

Настоящимъ факторомъ германизациі сорбовъ въ эту эпоху была и осталась до 12 вѣка церковь. Тутъ появилось нѣмецкое духовенство; вокругъ рѣдкихъ церквей ¹⁾ на разстояніи многихъ миль построились въ лѣсахъ и поляхъ часовни; при алтаряхъ всѣхъ церквей служили нѣмецкіе священники; въ городахъ же страны кромѣ военной нѣмецкой культуры при посредствѣ церкви развилась и духовная культура; въ Мейссенѣ романскіе остатки нѣмецкой архитектуры стоятъ рядомъ съ превосходнымъ соборомъ готической эпохи—ни въ одномъ колониальномъ городѣ нѣмецкаго востока нѣтъ такого соединенія древне-нѣмецкихъ художественныхъ произведеній различнаго стиля.

При подобномъ положеніи дѣлъ, которое, не смотря на нѣкоторыя детали, указывающія на высшую культуру, наврядъ ли могло повести къ полной германизациі страны, въ 12 вѣкѣ началось новое колонизаціонное движеніе. Уже въ 1104 г. графъ Випрехтъ Гроицшъ (Groitzsch) поселилъ въ своихъ обширныхъ лѣсахъ около Лаузига ²⁾ (Lausigk) франконскихъ крестьянъ; за ними скоро послѣдовали фламандцы, призванные сюда епископомъ мейссенскимъ Герунгомъ ³⁾; при

1) Такъ, напр., въ Плауэнѣ сначала была одна церковь на все фогство.

2) Ann. Pegau. 16, 247.

3) 1154, Cod. dipl. Sax. 11, 1, 50.

увеличеніи площади обрабатываемой земли монастыремъ Цистерціановъ сюда двинулись массы нидерландцевъ и другихъ колонистовъ. Въ одномъ мѣстечкѣ Биттерфельдъ даже чеканили фламандскую монету; въ теченіи многихъ вѣковъ здѣсь существовало особое нидерландское товарищество подъ названіемъ фламандскаго общества.

Но рѣшительнымъ для германизированія частей страны близъ Рудныхъ горъ было другое событіе. Еще при маркграфѣ Конрадѣ (1123—1157) въ теперешнемъ королевствѣ Саксоніи не было совсѣмъ городовъ. Около 1160 г. были открыты въ Фрейбергѣ серебряныя руды, вскорѣ потомъ, въ 1169 г., началась ихъ разработка. Производить ее можно было только руками нѣмецкихъ горнорабочихъ; потому сюда массами двинулось нѣмецкое населеніе; это было нѣчто въ родѣ теперешняго заселенія мѣстностей, гдѣ есть золотыя россыпи. Уже въ 1225 г. въ городѣ Фрейбергѣ было пять приходскихъ церквей, въ концѣ среднихъ вѣковъ онъ былъ самымъ большимъ городскимъ поселеніемъ въ этой мѣстности. Съ разработкой фрейбергскихъ рудниковъ увеличилась разработка свинцовыхъ и мѣдныхъ рудъ, начавшаяся еще въ началѣ 12 вѣка; вездѣ появились новыя поселенія горнорабочихъ, т. е. нѣмецкія мѣстечки. Городская, промышленная жизнь въ старой тюрингенско-мейссенской маркѣ сдѣлалась нѣмецкой; но было необходимо второе стеченіе сюда промышленниковъ нѣмцевъ при открытіи серебрянныхъ рудниковъ въ Шнеебергѣ, въ западной части Рудныхъ горъ (около 1460 года), чтобы вполнѣ обезпечена была германизация страны. Еще и теперь королевство Саксонія напоминаетъ объ этихъ событіяхъ. Еще и теперь вершины и склоны Рудныхъ горъ заселены нѣмецкимъ промышленнымъ народомъ, тогда какъ въ сѣверной равнинѣ, въ мѣстности, культивированной до прихода нѣмцевъ, среди до сихъ поръ сохранившихся лѣсовъ, рядомъ съ нѣмцами болѣе или менѣе ясно сохраняются славянскіе элементы народной жизни.

Колонизация въ центрѣ и на сѣверѣ славянской области при рѣкѣ Эльбѣ, въ особенности въ Бранденбургѣ, шла инымъ путемъ. Здѣсь славяне искоренялись немилосердно; было создано почти совершенно нѣмецкое населеніе. Всѣ славянскія преданія въ сферѣ какъ матеріальной, такъ и духовной, здѣсь совершенно исчезли; саги теперешняго бранденбургскаго, а отчасти и мекленбургскаго народа по большей части нѣмецкія, специфически нижнесаксонскія. Такимъ образомъ эти страны, и въ особенности Бранденбургъ, царствующій домъ котораго тоже чисто нѣмецкаго происхожденія, казались предназначенными быть руководителями колониальнаго востока; не одна реформація и ея послѣдствія устранили временный перевѣсъ Саксоніи надъ Бранденбургомъ.

V.

Нѣмецкая колонизація середины и сѣвера Эльбской области началась съ крайняго сѣвера, что соотвѣтствовало и политическимъ событіямъ завоеванія; здѣсь впервые графъ Адольфъ II Голштейнскій основалъ небольшое колониальное государство въ славянской области Вагріи. Войны и грабежи около 1139 года отчасти уничтожили славянъ въ этой области; страна была безлюдной. Потому графъ Адольфъ разослалъ повсюду, во Фландрію и Голландію, въ Утрехтъ, Вестфалію и Фрисландію, пословъ и призывалъ всѣхъ, кому нужна была земля, придти въ Вагрію вмѣстѣ съ семействами; тамъ они получаютъ хорошую землю; тамъ рыбы и мяса въ изобиліи, тамъ превосходныя пастбища.

На такой призывъ поднялись безчисленныя толпы изъ разныхъ племенъ и они съ женами и дѣтьми пришли въ страну Вагрію, къ графу Адольфу, чтобы занять обѣщанную землю.

Такъ рассказываетъ Гельмольдъ въ своей славянской хроникѣ; въ первый разъ средневѣковый писатель упоминаетъ о новыхъ поселеніяхъ въ сѣверной Германіи; хроникеры начинаютъ упоминать о колонизаціи только съ того времени, когда она получаетъ не только экономическое, но и національное значеніе.

Въ Вагрію, какъ рассказываетъ далѣе Гельмольдъ, пришли, кромѣ сосѣднихъ голштинцевъ, также и вестфальцы, земляки графа, происходившаго изъ Шауенбургскаго дома; пришли также и нидерландцы, подъ общимъ именемъ Голландцевъ. Маленькими деревнями, дюжина которыхъ составляла одинъ приходъ, они заселили всю страну, за исключеніемъ крайняго востока, оставшагося славянскимъ; первая нѣмецкая колонизація славянскихъ земель имѣла блестящій успѣхъ. Одновременно съ германизаціей деревень графъ Адольфъ построилъ на мѣстѣ славянскаго города Буку Любекъ, первый нѣмецкій городъ на Балтійскомъ морѣ какъ по времени основанія, такъ и по своему значенію въ средніе вѣка, гавань тѣхъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, которые чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ выселились въ Лифляндію и Пруссію, центръ нѣмецкой торговли съ Новгородомъ и Висби. Рядомъ съ культивираніемъ земли сразу появилась городская централизація, рядомъ съ земледѣліемъ торговля. Одновременно страна развилась въ аграрномъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи, что и соотвѣтствовало требованіямъ нѣмецкой культуры; нѣмецкій крестьянинъ колоній всегда имѣлъ рынокъ для своихъ продуктовъ, бюргеръ всегда пользовался воинской и экономической защитой; съ самаго же начала на германскомъ востокѣ были обеспечены жизненныя условія развитія.

Альбрехтъ Медвѣдь воспользовался опытомъ графа Адольфа. Впро-

чемъ кажется, что маркграфъ въ дѣлѣ колонизаціи сѣверной марки имѣлъ предшественника въ лицѣ много испытавшаго и ловкаго государственнаго челоѣка Ансельма, епископа Гавельберга; по крайней мѣрѣ именно во время возвращенія Ансельма въ епископство Гавельбергъ (около 1144 г.) въ округѣ Гавельберга впервые замѣчаются ясныя слѣды нѣмецкой колонизаціи и монастырь канониковъ епископства Іериховъ лежитъ среди голландскихъ дворовъ. Систематическая же, массовая колонизація марки началась еще до 1160 года. Послѣ отпаденія славянъ въ 1157 году и побѣды надъ ними, повидимому, въ принципѣ уже не признавалось право собственности славянскихъ обитателей марки на ихъ земли; только самъ маркграфъ и одаренная имъ церковь, а также дворянство, составившееся изъ прибывшихъ въ марку министеріаловъ и изъ свободныхъ людей Алт-марки, признавались владѣльцами страны. Они то и вызвали въ страну нѣмцевъ, въ особенности саксонцевъ, а также нидерландцевъ, даже швабовъ, гессенцевъ и баварцевъ.

Германизація страны уже въ то время ведется систематически, какъ правильное предпріятіе. «Локатору» (садчику), берущему на себя дѣло поселенія, отрѣзывалась новая земля для устройства деревни опредѣленной величины, или передавалась славянская деревня для заселенія ее нѣмцами при изгнаніи (ejectio) славянъ. Вся площадь рассчитывалась на извѣстное число дворовъ, отъ тридцати моргеновъ до половины гектара на дворъ; садчикъ получалъ отъ двухъ до четырехъ гуфъ, приходскій священникъ тоже двѣ гуфы; остальные гуфы раздавались переселенцамъ крестьянамъ, которыхъ приводилъ садчикъ. Если поселеніе устраивалось, то садчикъ дѣлался наследственнымъ шульцомъ деревни и, какъ таковой, чиновникомъ маркграфа и коннымъ воиномъ; крестьяне составляли общину; они платили оброкъ и пользовались правомъ свободнаго выхода, если ставили за себя замѣстителя; послѣ извѣстнаго количества лѣтъ, льготныхъ отъ уплаты повинностей, они платили церкви десятину, а землевладѣльцу умѣренный оброкъ ¹⁾. Ихъ положеніе было несравненно лучше, чѣмъ на родинѣ, хотя и менѣе благопріятно сравнительно съ положеніемъ первыхъ богатыхъ переселенцевъ въ болотистыя мѣстности, прибывшихъ изъ Голландіи.

Благодаря такимъ поселеніямъ уже въ концѣ 12 и началѣ 13 вѣковъ вся марка дѣ Шпандау была нѣмецкой; позже такими же сдѣлались и восточныя ея части. Славяне, лишенные своихъ земель, лишенные родины, безъ пристанища, ушли въ лѣсныя чащи; тамъ они расчистили себѣ кое какъ новыя земли. Но и туда пришли нѣмцы; большинство «вендскихъ полей» сдѣлались нѣмецкими. Такимъ образомъ у славянъ ничего не оставалось, кромѣ издавна зна-

¹⁾ По большей части 1—4 шиллинга.

комыхъ имъ водъ. Остатки прежнихъ владѣльцевъ страны сдѣлались рыбаками и жили въ маленькихъ и грязныхъ деревушкахъ, и наконецъ совсѣмъ утратили національные свои обычаи и языкъ. Когда Гогенцолерны получили господство надъ маркой, на правомъ берегу Эльбы очень рѣдко слышалась славянская рѣчь; остатки славянскаго населенія сохранились только на лѣвомъ берегу Эльбы въ старой маркѣ (Альтмаркѣ), т. е. въ не колониальной области, а также въ тюрингенской маркѣ. Въ Люховѣ, въ ганноверской вендской землѣ, до 1752 года проповѣдники говорили на Славянскомъ языкѣ.

Въ самой же маркѣ за германизацией деревни послѣдовала эпоха основанія городовъ. До конца 12 вѣка въ Бранденбургѣ было только три города: Гавельбергъ и Старый и Новый города Бранденбургъ; но уже тогда имѣлись всѣ условія для городского развитія. Эльба, эта дорога національной торговли, протекала теперь среди нѣмецкихъ поселеній; на правомъ ея берегу у населенія было достаточно средствъ, чтобы быть покупателями продуктовъ городской промышленности; въ Магдебургѣ, крупномъ торговомъ центрѣ этихъ странъ, было создано въ 1188 году городское право, бывшее кодификацией древнихъ купеческихъ и бюргерскихъ обычаевъ.

Нужно было воспользоваться такими условіями. И дѣйствительно начиная съ 1225 года постройка городовъ идетъ очень быстро; не только маркграфы Юганъ I и Оттонъ II, но и дворяне, вродѣ владѣльцевъ Путлица или Фризака, строятъ города. Въ теченіе какихъ нибудь двухъ поколѣній въ странѣ появилось около сотни городовъ и мѣстечекъ.

Для основанія городовъ тоже создался опредѣленный типъ. Рискъ основанія тоже брали на себя локаторы или товарищества локаторовъ; предприниматель получалъ званіе фогта города; кромѣ свободныхъ гуфъ (дворовъ) и освобожденія отъ налога на дома, онъ получалъ третью часть доходовъ отъ суда и отъ рынка, третью часть доходовъ отъ «купеческаго дома» и другихъ сборовъ отъ промысловъ и торговли; его положеніе было подобно положенію деревенскаго шульца. Какъ деревня дѣлилась на гуфы систематически, причемъ обращалось особое вниманіе на то, чтобы всѣ участки были одинаковыми, всѣмъ было удобно хозяйствовать, такъ и для постройки городовъ создалась опредѣленная схема, чтобы было можно размѣстить на возможно меньшемъ пространствѣ, защищенномъ городскими стѣнами, возможно большее количество дворовыхъ участковъ. Обращая вниманіе на всѣ потребности торговли и промышленности, устраивали прежде всего рынокъ, въ срединѣ котораго стояла ратуша (домъ совѣта, купеческій домъ); рынокъ окружали дворовыя мѣста бюргеровъ, очень небольшія, въ длину не больше, какъ въ четыре окна; вообще участки до ближайшей параллельной улицы были рѣдко больше 120 шаговъ. Такимъ образомъ устроились маленькія бюр-

герскія поселенія, двѣ дюжины которыхъ заняли бы дворное мѣсто средняго крестьянина. Узкія прямолинейныя улицы всѣ направлялись къ рыночной площади и были окружены городской стѣной, протяженіе которой обыкновенно рассчитывалось такимъ образомъ, чтобы все же было мѣсто для небольшихъ хозяйствъ и огородовъ.

Таковъ былъ типъ сѣверно-нѣмецкаго колоніальнаго города, впервые также, какъ и типъ колоніальной деревни, созданный въ Бранденбургѣ; этотъ типъ еще не былъ вполне законченнымъ; онъ не былъ закаменѣлымъ въ своей правильности; онъ обладалъ способностью къ дальнѣйшему развитію при перенесеніи его въ другія страны, колонизированныя впоследствии. Окончательное свое развитіе онъ получилъ только въ Силезіи и отчасти въ Пруссіи въ 13 вѣкѣ; частію онъ параллельно развивался въ странахъ къ сѣверо-востоку отъ марки, отъ Эльбы до береговъ Шверинскаго озера, въ теперешнемъ Мекленбургѣ.

Въ то время, какъ славянскій князь Никлотъ около 1167 года далъ пристанище на востокѣ Мекленбурга остаткамъ славянскаго населенія, выдержавшаго такія ужасныя напасти въ началѣ шестидесятихъ годовъ, на западѣ благодаря основанію города Шверина и продолжительнымъ колонизационнымъ работамъ голштинскихъ графовъ процвѣтало нѣмецкое населеніе. Съ безпощадной суровостью пробивало оно себѣ дорогу; нѣмецкіе завоеватели преслѣдовали даже убѣжавшихъ въ лѣса славянъ; въ графствѣ Шверинѣ около 1170 года было повелѣно, чтобы въ случаѣ захвата ихъ въ лѣсу привязывали къ ближайшему дереву. Такъ что уже раньше 1230 года западный Мекленбургъ и пограничная область до Эльбы была вполне нѣмецкой; тамъ поселились нидерландцы и въ особенности саксонцы и вестфальцы; еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мекленбурга названія мѣстечекъ, постройка домовъ, одежда и домашнія орудія указываютъ на саксонско-вестфальское происхожденіе жителей, особенно они напоминаютъ графства Маркъ и Равенсбергъ; уже въ концѣ 1171 года Гельмольдъ заканчиваетъ свою хронику слѣдующими словами торжества: *omnis Slavogum regio incipiens ab Egdora (Ейдеръ) usque Zverin, — olim insidiis horrida et pene deserta, nunc dante Deo tota reducta est veluti in unam Saxonum coloniam.*

Въ то время, какъ Гельмольдъ писалъ эти слова, въ нѣмецкомъ движеніи на востокъ особенно энергично выступаетъ новый элементъ, имѣвшій очень большое значеніе для распространенія нѣмецкой народности вообще, а въ особенности въ государствахъ дальняго востока, оставшихся пока славянскими; этотъ элементъ — монашескіе ордена. Славянскіе князья въ Мекленбургѣ, въ Поммераніи, въ Силезіи и Польшѣ, въ Богеміи и Моравіи не рѣдко и сами вызывали къ себѣ нѣмцевъ въ качествѣ поселенцевъ; они очень хорошо понимали, что нѣмецкое прилежаніе дастъ имъ большіе доходы съ ихъ

земель, чѣмъ работа славянъ. При этомъ борьбу между нѣмцами и славянами во время великой эпохи колонизаціи не слѣдуетъ считать рѣзко національной въ современномъ смыслѣ этого слова; только въ послѣднія десятилѣтія 14 вѣка пробудились національныя антипатіи славянъ противъ нѣмцевъ у наиболѣе прогрессивныхъ изъ славянскихъ народовъ, у чеховъ и поляковъ; еще въ срединѣ 13 вѣка епископъ Богуфаль познанскій говорилъ, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ двухъ столь дружественныхъ народовъ, какъ нѣмцы и славяне. Но съ другой стороны только распространеніе христіанства и въ особенности вліяніе монашескихъ орденовъ и ихъ примѣръ открыли нѣмцамъ доступъ массами въ славянскія земли, въ которыхъ царствовали національныя ихъ князья.

Съ давнихъ поръ такая германизація готовилась браками славянскихъ князей съ дочерьми высшаго нѣмецкаго дворянства. Въ Богеміи герцогини обыкновенно были нѣмки; жена Оттокара I, Адельгейда, дочь маркграфа Мейссенскаго, была первой изъ нѣмецкихъ принцессъ, въ теченіи двухъ вѣковъ сидѣвшихъ на богемскомъ престолѣ¹⁾. Въ Силезіи герцогини нѣмки тоже были обычнымъ явленіемъ; наиболѣе видной изъ нихъ была святая Гедвига. Всѣ онѣ были преданы до глубины души дѣлу христіанства; будучи кроткими миссіонерками кроткаго ученія Христова, онѣ вели жизнь полную благочестивыхъ дѣлъ и терпѣливой любви рядомъ съ своими часто грубыми супругами.

Понятно, что онѣ въ силу образа своей жизни и въ силу своей судьбы были доступны для аскетизма и потому поддерживали монастыри. Германизаторскія попытки монаховъ соединились такимъ образомъ съ христіанско-нѣмецкимъ вліяніемъ государынь.

Первый орденъ, устроившійся на славянскихъ земляхъ, сначала для цѣлей миссіонерскихъ, былъ орденъ Премонстрантовъ. Его основатель св. Норбертъ отъ 1126 до 1134 года былъ архіепископомъ Магдебургскимъ; для миссіонерскихъ цѣлей онъ призвалъ на Эльбу своихъ сочленовъ по ордену. Такимъ образомъ устроились монастыри Лейцау не далеко отъ Мекленбурга (въ 1139 г.) и Іериховъ (въ 1144 г.); соборный монастырь Гавельбергъ (въ 1144 г.); Браденбургъ (въ 1149 г.); Рацебургъ (въ 1158 г.); а за предѣлами нѣмецкаго вліянія, въ Поммераніи были основаны въ 1150 г. Гробе на островѣ Узедомѣ, въ 1170 г. Брода противъ Новаго Бранденбурга.

Дальнѣйшаго, имѣющаго значенія для дѣла германизаціи, распространенія этотъ орденъ не имѣлъ и вообще съ 1170 г. онъ былъ замѣненъ Цистерціанами.

Орденъ св. Бернарда Клервосскаго, преданный земледѣлію, возобновившій *ora et labora* св. Бенедикта въ первоначальномъ смыслѣ

¹⁾ Береймъ-Шварцбахъ—Besiedelung von Ostdeutschland.

этихъ словъ, повсюду былъ орденомъ заселенія и культуры. Такою его дѣятельность была и въ западной Германіи; нѣмецкій монастырь Альтенкампъ, основанный въ 1122 г., превратилъ окрестности Гельдерна въ цвѣтущую страну. Орденъ, устроившись сначала въ нѣмецкихъ Нидерландахъ, при своемъ хозяйственномъ направленіи долженъ былъ сразу обратить вниманіе на толпы колонистовъ, двигавшихся изъ этихъ странъ къ дальнему востоку; онъ и пользовался ими для своихъ дальнѣйшихъ предпріятій; вскорѣ и онъ самъ вслѣдъ за ними устроился на востокъ. Изъ Альтенкампа въ 1127 г. былъ основанъ монастырь Валькенридь на южномъ склонѣ Гарца; еще и теперь прекрасныя развалины напоминаютъ объ этомъ орденомъ; подъ руководствомъ монаховъ голландцы по крайней мѣрѣ отчасти разпахали этотъ склонъ Гарца. Изъ Валькенрида основался Пфорте при Кёзенѣ въ тюрингенскихъ горахъ, извѣстная теперь прусская земледѣльческая школа; названіе сосѣдняго мѣстечка Флеммингенъ еще и теперь указываетъ на соединеніе дѣятельности ордена съ дѣятельностью фламандскихъ переселенцевъ. Изъ Пфорте въ 1170 г. былъ основанъ Лейбусъ, первый силезскій монастырь цистерціановъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первый очагъ нѣмецкой колонизации на Одерѣ; уже въ концѣ 12 и началѣ 13 вѣка въ мѣстности между верхнимъ теченіемъ Кацбаха и Нейссе была создана первая вполне нѣмецкая колонизационная область.

А между тѣмъ цистерціане устроились и въ тюрингенско-мейссенской маркѣ и въ Бранденбургѣ. Въ Рудныхъ горахъ они построили монастыри и основами нѣмецкія поселенія, въ Лаузицѣ заложили Добрилугъ (Dobrilugk). — Въ Бранденбургѣ въ 1171 г. на песчанномъ холмѣ, лежащемъ среди болотъ, недалеко отъ Ютфбока, былъ выстроенъ монастырь Цинна; затѣмъ въ 1183 г. уже за предѣлами тогдашней колонизационной нѣмецкой области, въ лѣсной мѣстности, окруженной озерами, Ленинъ.

Какъ въ этихъ мѣстахъ, такъ и въ восточномъ Мекленбургѣ христіанство и нѣмецкое населеніе распространились одновременно; вокругъ Доберау, основаннаго въ 1171 г. выросли скоро совершенно нѣмецкія поселенія. Далѣе къ востоку датскіе цистерціане распространили, если не нѣмецкую, то христіанскую культуру; въ 1172 г. въ сѣверномъ Зееландѣ изъ монастыря Эзромъ былъ основанъ Даргунъ; въ то же время къ юговостоку отъ Штетина былъ построенъ Кольбацъ, а въ 1186 г. Олива при Данцигѣ. Эти монастыри, первоначально построенные датчанами, очень скоро призвали нѣмецкихъ переселенцевъ и только такимъ путемъ они и могли выростить посѣянные ими сѣмена культуры.

Такимъ образомъ эти смѣлые монахи уже къ началу 13 вѣка распространили свое вліяніе далеко за предѣлами нѣмецкаго политическаго владычества, даже далеко за предѣлами нѣмецкой народнои колонизации; они протянули свои нити чрезъ Поммеранію до границъ

Пруссіи; въ центрѣ нѣмецкаго движенія они почти достигли до Одера; на среднемъ теченіи этой еще тогда совершенно славянской рѣки, въ Силезіи, они основали особенно цвѣтушія колоніи. Это было явленіе, подобное явленію 10 вѣка, когда сходящіяся въ Магдебургѣ нити церковной организаціи доходили далеко за предѣлы политическаго вліянія Оттоновъ, до Одера, даже за этой рѣкой до самаго центра польскаго государства. Политика императоровъ 11 вѣка не могла слѣдовать по стопамъ церкви; уже въ послѣднія десятилѣтія 10 вѣка цѣль, господство саксонцевъ надъ славянами, была упущена изъ виду.

Должно ли было тоже самое повториться и въ 13 вѣкѣ? Полный успѣхъ нѣмецкаго движенія на востокъ зависѣлъ теперь отъ энергіи народныхъ стремленій, отъ дѣятельнаго участія князей и отъ помощи, или по крайней мѣрѣ отъ разумной терпимости императоровъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Успѣхи нѣмцевъ на юговостокѣ и на сѣверовостокѣ вправо отъ Одера; исторія колонизаціи до начала четырнадцатаго вѣка.

I.

Для полнаго пониманія общаго хода германизации въ 13 и 14 вѣкахъ необходимо войти въ нѣкоторыя подробности. Движенія 12 вѣка расширяются въ слѣдующемъ вѣкѣ и занимаютъ обширную площадь; весь востокъ отъ Адриатики до Балтійскаго моря наводняется нѣмецкими переселенцами. Вліяніе переселенцевъ, двигавшихся внизъ по Дунаю, связывается съ вліяніемъ сѣверной колонизаціи, идущей съ Эльбы и Одера; склоны Моравскихъ хребтовъ и Карпаты заселяются какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. Политическія отношенія двухъ большихъ восточныхъ государствъ, Венгрии и Польши, стремленія всѣхъ восточныхъ, еще необъединенныхъ государственно, племенъ, Кумановъ и Печенеговъ, Литовцевъ и Пруссовъ, получаютъ извѣстное значеніе для распространенія германскихъ элементовъ. Въ сферу исторіи Германіи вступаютъ страны, до сихъ поръ нѣмцамъ совершенно неизвѣстныя.

Разсказавъ о судьбахъ нѣмецкой колонизаціи на сѣверовостокѣ отъ 10 до 12 вѣковъ, намъ необходимо прежде всего познакомить читателя съ одновременными и аналогичными движеніями на юго-востокѣ, на Дунаѣ.

Здѣсь въ концѣ девятаго и началѣ десятаго вѣковъ во время нашествія Венгровъ исчезла большая восточная марка, ведущая свое начало со временъ Карла Великаго. Нѣмецкое вліяніе снова началось въ сороковыхъ годахъ десятаго вѣка, благодаря борьбѣ съ венграми баварскихъ герцоговъ и побѣдѣ Оттона Великаго при Лехфельдѣ (955 г.); здѣсь также, какъ и на Эльбской границѣ, для проникновенія нѣмецкой народности на востокъ работали какъ имперія, такъ

и отдѣльныя племена. Правда, побѣдой при Лехфельдѣ не воспользовались для достиженія сколько нибудь прочныхъ результатовъ въ этомъ направленіи. Ни Оттонъ Великій, ни баварскіе герцоги не дѣйствовали достаточно систематически. Дворяне и духовенство получили большіе куски земли въ пограничныхъ нѣмецко-мадьярскихъ областяхъ и такимъ образомъ было положено основаніе колонизаціи австрійскихъ земель, колонизаціи, совершенно отличной отъ колонизаціи странъ по Эльбѣ, не крестьянской, а помѣщичьей. Но при этомъ государственныя учрежденія появляются тутъ только къ концу правленія Оттона Великаго; не раньше 970 г. упоминается о маркграфѣ Муръ въ странѣ позднѣйшей Каринтійской марки, теперешней Штирії и еще позже Ліутпольдъ изъ рода Бабенберговъ является въ качествѣ маркграфа въ Австріи¹⁾, и притомъ его область внизъ по Дунаю простирается только до страны между Мелкъ и Маутернъ. Именно на такое пространство марки указываетъ первый латинскій переводъ пѣсни о Нибелунгахъ при епископѣ Пилигриммѣ Пассаускомъ.

Но уже при Ліутпольдѣ (994) была приобрѣтена страна до Вѣнскаго лѣса (Wienerwald), а при его наслѣдникѣ Генрихѣ началось заселеніе нѣмцами восточнаго склона горъ, если только нѣмцы уже не жили тамъ во времена каролинговъ. Нѣмецкіе короли щедро раздавали права на владѣніе землей; одинъ только маркграфъ Генрихъ получилъ область въ восемнадцать квадратныхъ миль и большое количество баварскихъ земледѣльцевъ поселились самовольно въ дѣвственныхъ лѣсахъ по склонамъ горъ.

Такимъ путемъ отодвинулась дальше и политическая граница; при маркграфѣ Адальбертѣ (1018—1055 г.) она достигала уже Лейты.

Это была эпоха величайшаго вліянія нѣмецкаго королевства въ Венгріи. Съ середины 11 вѣка положеніе дѣлъ измѣнилось; королевство, волнуемое внутренними раздорами, съ трудомъ могло отстаивать свои марки; границы восточной марки въ это время расширяются только въ сторону Богеміи и Моравіи до тѣхъ поръ, пока здѣсь въ большихъ пограничныхъ лѣсахъ не столкнулись колонисты съ сѣвера и съ юга и не опредѣлилась граница между владѣніями богемскихъ и австрійскихъ князей. Это произошло около 1175 года, въ то время, когда австрійское маркграфство пользовалось уже большимъ значеніемъ въ королевствѣ, когда одинъ изъ маркграфовъ былъ кандидатомъ на тронъ, когда страна сдѣлалась герцогствомъ и получила извѣстныя привилегіи относительно управленія и престолонаслѣдія (1156 г.).

Но въ это время усилились и южныя страны Каринтіи въ верхнихъ областяхъ Савы, Дуная и Моравы. Каринтія, сначала охватывающая и Крайну и Штирію, въ концѣ 10 вѣка сдѣлалась особымъ

---

¹⁾ Ostarrichi только въ 996 г.; см. Meiller-Regg. der Bebenberger, № 2.

герцогствомъ; но ни одинъ изъ княжескихъ родовъ не могъ утвердиться въ ней; населеніе было почти все славянскимъ, особенно на восточной границѣ, такъ что герцогская власть имѣла характеръ власти маркграфа.

Это положеніе дѣлъ въ теченіе 11 вѣка измѣнилось, такъ какъ восточныя земли, Крайна и Штирія, въ то время называемыя еще каринтійской маркой, отдѣлились отъ Каринтіи. Тогда въ этой послѣдней развилась настоящая герцогская власть, хотя и сильно ограничиваемая владѣніями духовныхъ учрежденій; а въ Крайнѣ и Штирії также, какъ и въ Истріи, появились особые маркграфскіе роды. Въ теченіе 12 вѣка самымъ энергичнымъ изъ нихъ былъ родъ маркграфовъ Штирійскихъ. Посредствомъ военныхъ дѣйствій и мирныхъ переговоровъ они расширили свою марку до предѣловъ теперешней Штирії, такъ что ихъ владѣнія шли почти вдоль всей южной границы австрійской марки и доходили до Альповъ по сосѣдству съ герцогствомъ баварскимъ. Эта марка была одной изъ самыхъ значительныхъ территорій юго-востока, когда въ 1180 году императоръ Фридрихъ I сдѣлалъ ее герцогствомъ.

Въ это время герцогомъ Штирійскимъ былъ Отокаръ IV (съ 1164 г.). У него не было наслѣдниковъ и потому онъ завѣщалъ свою землю рыцарственному герцогу австрійскому Леопольду V; въ 1186 году на Георгенбергѣ у Энса онъ торжественно передалъ ему министеріаловъ и несвободныхъ рыцарей страны; послѣ его смерти (въ 1192 г.) Леопольдъ получилъ Штирію отъ императора какъ ленъ имперіи.

Это было началомъ созданія великой державы Австріи; чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ была приобрѣтена и Крайна; весь восточный склонъ Альповъ отъ Дуная до Адриатики находился теперь въ рукахъ австрійскихъ герцоговъ. Уже въ 1245 г. была сдѣлана попытка всѣ эти земли сдѣлать единымъ королевствомъ подъ нѣкоторымъ главенствомъ имперіи и только вліяніе церкви въ послѣднюю минуту помѣшало исполненію этаго плана.

Фактически во всякомъ случаѣ герцогъ Австріи и Штирії былъ почти независимымъ властелиномъ въ своихъ земляхъ. Императоры очень рѣдко посѣщали этотъ уголокъ имперіи, имперская политика шла своей колеей далеко отъ этихъ странъ, въ прирейскихъ областяхъ. Герцогъ безъ всякихъ препятствій извнѣ пользовался своими маркграфскими, т. е. очень широкими, основанными на исключительно воинской командѣ, полномочіями. Онъ пользовался большою властью и надъ церковью; финансы его были богаты и благоустроены; такъ какъ онъ часто собиралъ для пограничной войны министеріаловъ, очень многочисленныхъ, и несвободныхъ рыцарей, то онъ распоряжался всей общественной жизнью населенія.

Такимъ образомъ очень рано появились здѣсь условія разносторонняго и оригинальнаго развитія. Послѣ того, какъ шесть поколѣ-

ній помѣщиковъ и крестьянъ организовали и устроили землю, съ середины 12 вѣка она получаетъ особое значеніе. Здѣсь появляются зачатки великаго средневѣкового литературнаго періода въ формѣ первыхъ любовныхъ пѣсень; народный эпосъ того вѣка находитъ именно здѣсь свое выраженіе въ стихахъ; на берегахъ Дуная особенно пышно разрастаются національные зародыши духовной жизни. Когда въ послѣдствіи туземная лирика и народный эпосъ замѣнились подражаніями французскимъ любовнымъ пѣснямъ и романамъ, когда такіа подражанія угрожали задуть родную поэзію, поэты Австріи подняли свой голосъ противъ новаго искусства. Вальтеръ Фогельвейде, утонченный поэтъ, возродившій народную лирику, жилъ при австрійскомъ дворѣ; рѣзко чувственный Тангейзеръ изъ Зальцбурга осмѣиваетъ изнѣженную придворную любовную поэзію и Ульрихъ Лихтенштенъ, этотъ безсознательный разрушитель, этотъ нѣмецкій донъ Кихоть, на Дунаѣ всей своей жизненной дѣятельностью доводитъ до смѣшного заимствованную съ чужбины манерную любовь къ женщинѣ и поклоненіе ей.

Но въ то время, когда при послѣднихъ герцогахъ изъ дома Бабенберговъ, угасшаго въ 1246 г. со смертью послѣдняго его представителя Фридриха, развилась такая оригинальная, чисто нѣмецкая культура; въ то время, какъ этотъ домъ преслѣдовалъ мысль объ объединеніи всѣхъ нѣмецкихъ областей на восточномъ склонѣ Альпъ въ одно большое королевство; въ то время, какъ здѣсь пышнымъ цвѣтомъ распустилась чисто нѣмецкая жизнь — забыли о тяжелой задачѣ нѣмецкой пропаганды за восточными и сѣверными границами; и здѣсь, въ Венгріи и Богеміи, нѣмецкая народность добилась вліянія только въ силу своего внутренняго превосходства, оставаясь при этомъ подъ чуждымъ владычествомъ.

Въ Венгріи послѣ основанія единаго государства святымъ Стефаномъ (около 1000 г.) восточная граница, открытая для враждебныхъ воздѣйствій съ юго-востока до самой дунайской долины, на долгое время оставалась незащищенной и подвергалась дикимъ нападѣніямъ народовъ, жившихъ къ югу и востоку. Для того, чтобы сдѣлать безопасной страну съ этой стороны, было необходимо занять и удержать за собой восточный бастионъ теперешней Австріи, Зибенбюргенъ, страну за первобытнымъ лѣсомъ, лежащимъ къ востоку отъ долины Тиссы. Мадыары сначала пытались достигнуть этого путемъ колонизаціи. Въ концѣ 11 и началѣ 12 вѣковъ при королѣ Владиславѣ, патронѣ Зибенбюргена, и при его наслѣдникахъ здѣсь поселились воинственные мадыары подъ властію своего графа; это позднѣйшіе Чеклеры (Szekler). — Но они годились только для защиты страны противъ нападѣній враговъ, а не для культивированія ея. Для этого были нужны нѣмецкіе земледѣльцы.

Со временъ Гейзы II (1141—1161) нѣмцы выселялись изъ Фланд-

ри и съ нижняго Рейна, въ особенноти съ лѣсистыхъ высотъ Ейфеля и Вестервальда въ далекія страны; они начали воздѣлывать землю въ пустыняхъ и лѣсахъ около Зибинбурга (Sibinburg) ¹⁾—это и было началомъ колонизаціи нѣмецкаго Зибенбюргена. Одновременно нѣмцы приходили и въ Ципсъ (Zips), въ сѣверо-западный уголъ Венгріи; здѣсь въ теченіи одного вѣка они основали множество нѣмецкихъ городовъ, въ томъ числѣ Кёсмаркъ и Лейтшау; въ 1271 году они получили отъ короля Стефаиа V грамоту на привилегіи. Еще болѣе усилился нѣмецкій элементъ въ Зибенбюргенѣ; уже въ концѣ 12 вѣка нѣмцы были важной составной частью венгерскихъ войскъ и особенно цѣпной для короля съ финансовой стороны частью населенія.

Въ началѣ 13 вѣка казалось, что предъ нѣмцами открывается здѣсь необыкновенное будущее. Король Андрей венгерскій, послѣ продолжавшихся въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ споровъ о престолонаслѣдіи первый безспорный властелинъ страны, но получившій королевство, ослабленное дворянствомъ и церковью, призвалъ въ свое королевство нѣмецкій орденъ для защиты Зибенбюргена и мадьярской равнины на Дунаѣ и Тиссѣ; въ 1211 г. онъ передалъ ордену Бурценландъ (Burzenland) въ юго-восточномъ Зибенбюргенѣ съ порученіемъ защищать границу противъ грабителей Кумановъ. Орденъ приступилъ къ дѣйствіямъ очень энергично; онъ вызвалъ нѣмецкихъ поселенцевъ; онъ перешелъ чрезъ Снѣжныя горы (Schneeberge) въ долины Валахіи, присвоилъ себѣ сосѣдніе пустынные королевскіе лѣса; онъ стремился, однимъ словомъ, къ самостоятельности. Но его стремленія были ужъ черезъ чуръ откровенны, черезъ чуръ рѣзки. Послѣ четырнадцати лѣтъ блестящей дѣятельности орденъ былъ изгнанъ королемъ и съ тѣхъ поръ онъ преслѣдуетъ свою всемірно-историческую задачу въ Пруссіи.

Нѣмцы въ Зибенбюргенѣ, населеніе преимущественно земледѣльческое, были теперь предоставлены себѣ самимъ; грамота 1224 г., въ которой король Андрей утвердилъ за ними ихъ древнюю автономію, могла спасти ихъ права въ теченіи многихъ вѣковъ, но она не могла устранить ихъ отчужденія отъ ихъ народности. Однако они храбро держались во время нашествія монголовъ (въ 1240 году), когда страна мадьяръ стояла на краю полной гибели и совершеннаго запустѣнія, и послѣ этого времени они были въ состояніи поддерживать хоть какое нибудь едіненіе съ нѣмцами, которые теперь, занимаясь столь же усердно земледѣліемъ, какъ и горной промышленностью, начали заселять сѣверо-западную горную часть Венгрии и богатые южные склоны Карпатовъ.

Одновременно нѣмецкое вліяніе въ Венгріи распространилось и въ другомъ, еще болѣе важномъ направленіи. Король Бела IV (1235—

1) Бургъ на рѣкѣ Чебенъ (Czeben)—позднѣйшій Германштадтъ.

1270), разумный и энергичный государь, был истинным основателем городовъ въ Венгріи. Правда, въ Венгріи уже давно процвѣтала нѣкоторая торговля, обмѣнивающая животные продукты, особенно мѣха и кожи, на шерстяныя матеріи Фландріи и нижняго Рейна и на ввозимыя Венеціей пряности; въ Пештѣ были латинскіе, валлонскіе и въ особенности нѣмецкіе купцы. Но раньше 13 вѣка наврядъ-ли существовали настоящіе города, а не простыя факторіи чужестранцевъ. Послѣ же нашествія монголовъ, указавшаго на значеніе укрѣпленныхъ мѣстъ, начали строить города по образцу нѣмецкихъ; Прессбургъ и Офенъ получили магдебургское право; за ними послѣдовали и другіе торговые города; были построены и новые города.

Это извѣстнымъ образомъ закончило аграрное завоеваніе нѣмцами большей части Венгріи. Отдѣльныя колоніи были теперь связаны городской торговлей въ великое цѣлое, что до значительной степени повліяло на привлеченіе Венгріи въ кругъ западно-европейскихъ государствъ, послѣдовавшее въ 14 вѣкѣ.

Нѣмецкое вліяніе въ Богеміи и Моравіи развивалось почти обратнымъ путемъ. Эти страны изстари и нерушимо примыкали къ нѣмецкому королевству. Богемія была нѣмецкимъ леномъ съ 929 года; съ 1028 года такимъ же леномъ была и Моравія, сначала какъ страна, принадлежащая Богеміи, а съ 1182 года какъ непосредственное имперское княжество. Такому положенію соотвѣтствовали близкія отношенія обѣихъ странъ къ западной культурѣ, какъ духовной, такъ и матеріальной. Епископы Праги и Ольмюца были викаріями Майнцаго архіепископа и со временъ герцога Вратислава (1061—1092) въ Прагѣ жило много нѣмецкихъ купцовъ баварскаго происхожденія; они въ своемъ предмѣстьи образовали особое гражданство съ нѣмецкимъ правомъ и особымъ церковнымъ приходомъ; они составляли ядро позднѣйшей городской общины.

Князья и господствующіе слои чешскаго народа прежде всѣхъ безъ всякаго сопротивленія подчинились нѣмецкому вліянію; они женились на нѣмкахъ, заимствовали у нѣмцевъ воинскую дисциплину, устраивали государство и общество по нѣмецкому образцу. Въ 13 вѣкѣ короли почти всѣ безъ исключенія родились отъ нѣмецкихъ матерей, говорили по нѣмецки и поддерживали нѣмецкое образованіе. Въ послѣднее тридцатилѣтіе 13 вѣка при дворѣ Венцеслава I жилъ поэтъ Реймаръ; Тангейзеръ также, какъ и Ульрихъ фонъ Тюрлинъ, жили при дворѣ Отокара II; а сынъ его Венцеславъ II самъ писалъ нѣмецкія любовныя стихотворенія.

Понятно, что въ первой половинѣ 13 вѣка, въ эпоху расцвѣта бюргерства и основанія въ Германіи многочисленныхъ городовъ, короли Богеміи ради увеличенія своихъ доходовъ открыли нѣмецкому бюргерству доступъ въ свое государство. Съ Венцеслава I начи-

нается періодъ основанія нѣмецкихъ городовъ, а при Отокарѣ I этотъ періодъ достигаетъ высшаго развитія. Начиная съ небольшого городка Фрейденталь въ Моравіи, привиллегіи котораго отъ 1213 года самыя древнія изъ всѣхъ, идетъ почти непрерывный рядъ городскихъ грамотъ до конца 13 вѣка, даже до болѣе поздняго времени; таковы грамоты Ольмюца, Брюнна, Кладрау, Кёниггреца, Комотау и Лейтмерица; уже при Отокарѣ II королевскихъ городовъ было больше двадцати. Нѣмецкіе города въ Богеміи и получили необыкновенное развитіе еще и потому, что въ теченіи 13 вѣка кромѣ покровительства королей развилась горнопромышленность; она была особенно значительной близъ Иглау въ богатыхъ рудами горахъ восточной Богеміи (Куттенбергъ, Нѣмецкій бродъ — Deutschbrod).

Благодаря развитію городовъ земледѣльческія мѣстности центральной Богеміи сдѣлались открытыми нѣмецкому вліянію и нѣмецкому заселенію. Кромѣ короля, монастырей и нѣкоторыхъ чешскихъ дворянскихъ фамилій, какъ напр. владѣльцевъ Драколецъ (Drakoletz), и нѣмецкіе бюргеры въ качествѣ предпринимателей приводили въ страну нѣмецкихъ колонистовъ. Но нѣмецкая колонизація центральной Богеміи имѣла слѣдствіемъ не столько распространеніе нѣмецкой народности, сколько улучшеніе существовавшихъ общественныхъ отношеній. вмѣсто прежняго чешскаго землепользованія, формы котораго были болѣе или менѣе суровыми крѣпостными, нѣмцы принесли съ собой въ Богемію свое право наследственной аренды; чешскіе крестьяне жадно стремились добиться такихъ же правъ; потому въ теченіе 14 вѣка это нѣмецкое право пользованія землей распространилось и въ чешскихъ деревняхъ, такъ что положеніе крестьянъ значительно улучшилось.

Въ то время, какъ въ центрѣ Богеміи совершались такія измѣненія, причемъ нѣмецкая національность не получила перевѣса, такъ какъ дать ей такой перевѣсъ могло только интенсивное и независимое отъ городского развитія земледѣліе, нѣмцы проникли цѣлыми массами въ пограничныя между Богеміей и Германіей горы. Еще въ началѣ 12 вѣка майнскіе и редницкіе венды не были вполнѣ германизированы; теперь же, въ началѣ 13 вѣка, они давно уже отступили предъ движеніемъ нѣмцевъ въ лѣса богемскихъ пограничныхъ горъ. Отовсюду въ Богемію идутъ нѣмцы, съ сѣвера, съ запада и съ юга, чрезъ всѣ водораздѣлы; съ конца 12 вѣка все чаще появляются деревни съ нѣмецкими названіями¹⁾; такъ что въ концѣ концовъ новые поселенцы приблизились къ центральнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ чешская культура уже подверглась вліянію нѣмецкихъ городовъ.

¹⁾ Первое чисто нѣмецкое названіе деревни въ Богеміи Нейдорфъ (Новая деревня) на баварской границѣ въ 1196 г.; срав. Dudik-Allgem. Geschichte Mährens.

Въ эту то критическую минуту заселеніе Богеміи нѣмцами пріостановилось; со второй половины 14 вѣка началось національное противодѣйствіе чеховъ противъ угрожающаго преобладанія нѣмцевъ; во время гусситскихъ войнъ опасность полной германизаци Чехіи, по видимому, была устранена. Съ тѣхъ поръ въ Богеміи чехи и нѣмцы находились то въ состояніи скрытой ненависти, то въ состояніи открытой вражды.

Проѣзжая и теперь по Богеміи и Моравіи съ удивленіемъ замѣчаешь рѣзкое различіе между національно-чешскимъ и національно-нѣмецкимъ земледѣліемъ, различіе, замѣтное даже въ странахъ старой колонизаци. Въ центральныхъ частяхъ страны, въ особенности около Праги, неправильные участки земли, свойственные строю славянской дворовой общины, по большей части въ равнинѣ, иногда на вершинахъ холмовъ, точно плохо положенныя черепицы на покато́й крышѣ; наоборотъ въ горныхъ странахъ, и случайно и въ центрѣ страны, система нѣмецкихъ гуфъ; въ долинѣ вдоль рѣчки живописно расположенные дворы среди роскошныхъ луговъ, отъ нихъ по горнымъ склонамъ до лѣсистой вершины горы длинныя правильныя полосы нераздѣльнаго двороваго поля — это нѣмецкая земля; здѣсь нѣмцы конца эпохи Штауфеновъ построили себѣ новые дома среди лѣсовъ и пустырей.

II.

Первое свѣдѣніе о Силезіи послѣ тысячелѣтняго мрака ¹⁾ мы имѣемъ о 990 годѣ и это свѣдѣніе уже указываетъ на нѣмецкое вліяніе; въ этомъ году указывается на существованіе бурга Нимитша (Nimptsch) при подножіи Совиной горы (Eulengebirge), въ самомъ сердцѣ Силезіи; здѣсь, вѣроятно, сидѣли нѣмецкіе рыцари (Niemci), бывшіе на жалованьи у славянъ и они защищали страну къ югу отъ Цобтена (Zobten), той горы, которая составляла средоточіе языческаго культа и племенныхъ связей славянъ.

Политически Силезія была уже въ то время частью польскаго государства, хотя чешскіе государи Богеміи часто и оспаривали у поляковъ владычество надъ ней. Связь ея съ Польшей была особенно очевидна во времена Болеслава Храбраго и Болеслава III, тѣхъ польскихъ королей, которые въ первыя десятилѣтія 11 и 12 вѣковъ довели могущество своего королевства до высшей степени. И въ культурномъ отношеніи Силезія съ 11 вѣка ясно склоняется къ Польшѣ. Епископство Бреславское было подчинено архіепископству Гнѣзнен-

²⁾ Мы не касаемся здѣсь извѣстій древнихъ о германскихъ народахъ Силезіи въ первобытную эпоху; достаточно упомянуть, что страна получила, вѣроятно, названіе отъ племени Силинговъ.

скому и польское духовенство обѣихъ эпархій не имѣло отношеній съ Германіей и одно время не подвергалось даже сильному воздѣйствію Рима, а находилось подъ византійскимъ вліяніемъ. Когда въ Польшѣ начиная съ 11 вѣка замѣчается склонность къ романскимъ, въ особенности къ французскимъ, вліяніямъ, склонность, вопреки всѣмъ разочарованіямъ сохранившаяся и до нашихъ дней, населеніе Силезіи тоже раздѣляло эту склонность; августинцы изъ графства Артуа въ 1109 г. устроились въ Горкау на Цобтенѣ и распространили по всей странѣ свои филиаціи; въ Силезію приходили изъ своихъ французскихъ монастырей и премонстранты и цистерціане; епископъ Вальтеръ Бреславскій регулировалъ въ своемъ епископствѣ литургію и весь ритуаль по образцу епископства Лаонскаго.

Но уже въ это время, когда политическія-польскія и духовныя-французскія вліянія господствовали въ Силезіи, въ теченіе 12 вѣка со смерти короля Болеслава III (1138) приготовлялись событія, открывавшія нѣмецкому вліянію доступъ въ эту страну. Болеславъ оставилъ свое королевство нѣсколькимъ сыновьямъ съ соблюденіемъ права старшинства: таковъ былъ порядокъ престолонаслѣдія у славянъ; и это повело къ паденію королевства. Временно побѣдилъ одинъ изъ сыновей, Владиславъ, такъ что было создано снова единоедержавіе; но въ концѣ концовъ онъ былъ вынужденъ въ силу революціонныхъ движеній духовенства и дворянства уѣзжать въ Германію. Его близкія отношенія къ роду Штауфеновъ дали императору Фридриху I поводъ вмѣшаться въ польскія дѣла. Въ славнѣйшемъ изъ походовъ, когда либо предпринимаемыхъ нѣмецкими императорами противъ поляковъ, онъ въ 1157 г. дошелъ до Познани; этотъ походъ, сначала неимѣвшій результатовъ, повелъ потомъ къ тому, что дѣти умершаго въ 1163 г. Владислава выставили притязанія на Силезію въ объемѣ бреславской эпархіи. Эти сыновья Владислава были государи нѣмечившіеся; младшій изъ нихъ Конрадъ даже воспитывался въ нѣмецкомъ монастырѣ; а старшіе Болеславъ Долгій и Мѣшко съ юныхъ лѣтъ подверглись вліянію нѣмецкой культуры.

Верхняя Силезія досталась Мѣшко и осталась славянскою, а въ долину Одера до сѣверныхъ границъ Силезіи Болеславъ былъ основателемъ нѣмецкой Силезіи. Познакомившись въ Германіи съ формами лучшаго національнаго хозяйства, привыкшій къ болѣе роскошной жизни и нуждавшійся въ денежныхъ средствахъ, какихъ не могло ему доставить господство надъ его подданными славянами, онъ призвалъ въ страну нѣмцевъ и передалъ имъ обширные лѣса герцогскаго фиска за оброкъ и десятину; потомъ онъ основалъ города для нѣмецкихъ бюргеровъ и пригласилъ въ Силезію ордена цистерціанъ и премонстрантовъ. Около 1170 г. монахи изъ Лейбуса начали свою колонизаціонную дѣятельность; для своего монастыря они сохранили окружающіе его первобытные лѣса, но за то вездѣ вокругъ они осно-

вали множество новыхъ нѣмецкихъ деревень. Потому то въ странѣ Лигница, къ западу отъ Лейбуса въ 12 вѣкѣ нѣмцы подвинулись дальше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Но и около Кроссена, Яуера и Требница, около Бреславля и на Цобтенѣ нѣмецкое населеніе ведетъ свое происхожденіе отъ 12 вѣка. Но наибольшаго развитія нѣмецкая колонизація достигла только въ 13 вѣкѣ.

Въ 1201 г. Болеславъ умеръ и послѣ кровавой борьбы съ герцогами верхней Силезіи ему наслѣдовалъ Генрихъ I Бородатый (1202—1238), настоящій основатель могущественнаго герцогства Силезіи, государь съ стремленіями вполнѣ германскими, значительно расширившій свое государство внизъ по Одера до Лейбуса выше Кюстрина и до Поммераніи, а къ сѣверо-востоку на всю провинцію Познань, по крайней мѣрѣ до Калиша, къ юго-востоку до области Кракова и польской верхней Силезіи; въ концѣ концовъ онъ именовался герцогомъ Силезіи, Польши и Кракова; онъ соединилъ подъ своей властью почти три четверти стараго польскаго королевства. Генрихъ, родившійся отъ нѣмки, воспитанный въ Германіи, женатый на св. Гедвигѣ, дочери франконскаго графа Бертольда, герцога Мерана, окруженный нѣмецкими чиновниками, былъ настоящимъ нѣмцемъ; при его дворѣ господствовали нѣмецкій языкъ и нѣмецкіе обычаи. Онъ германизировалъ не одну только Силезію, онъ ввелъ нѣмецкую культуру и въ Польшу. При немъ цистерціане построили польскіе монастыри Лондъ и Приментъ; польскія имѣнія часто раздавались силезскимъ монастырямъ; въ Краковѣ появилась община нѣмецкихъ бюргеровъ, получавшая все большее значеніе. Въ самой Силезіи при Генрихѣ было основано множество новыхъ поселеній цистерціановъ, августиновъ и премонстрантовъ; они помогли заселить лѣвый берегъ Одера до горъ, въ особенности мѣстность между Бобромъ и Нейссе; было основано много городовъ съ магдебургскимъ правомъ: Неймарктъ, Гольдбергъ, Нейссе, Оглау, Оппельнъ, Ратиборъ и др. сдѣлались нѣмецкими современъ Генриха.

Послѣ смерти Генриха такое процвѣтаніе нѣмецкой культуры въ Силезіи было временно прервано нашествіемъ монголовъ (въ 1241 г.). На долю Силезіи досталась слава защиты Германіи отъ побѣды надъ ней некультурности восточныхъ степей. Самъ герцогъ Генрихъ II палъ въ битвѣ (9 апрѣля 1241 г.); монголы остались побѣдителями, но удалились чрезъ Моравію.

Послѣ смерти Генриха II силезско-польское герцогство было раздѣлено между его пятью сынами; при этомъ отъ Силезіи отдѣлились теперешняя прусская Польша и страна около Кракова, а позже былъ утраченъ и Лаузицъ. Силезія снова была введена въ предѣлы теперешней провинціи. При этомъ между братьями начались кровавые раздоры, вызванные старшимъ изъ нихъ Болеславомъ, необузданнымъ человѣкомъ, который временами бродилъ по странѣ бѣглецомъ

въ сопровожденіи только одного бродячаго скрипача: настоящая смѣсь нѣмецкой и славянской крови, въ которой изъ подъ оболочки германской культуры выглядывало славянское варварство.

Безсиліе герцогства и раздоръ съ Польшей, раздоръ, еще болѣе обострившійся благодаря спору польскихъ епископовъ съ епископомъ Бреславскимъ о нѣкоторыхъ очень сложныхъ и запутанныхъ въ силу нѣмецкой иммиграціи вопросахъ о десятинѣ, все болѣе и болѣе заставляли герцоговъ примыкать къ западнымъ государствамъ. Конечно, нѣмецкая имперія тутъ была ни при чемъ — это было время упадка Штауфеновъ. Напротивъ Богемія при Отокарѣ II сдѣлалась очень могущественной. Въ 1254 г. Отокаръ появляется въ Бреславлѣ въ качествѣ посредника между братьями-герцогами. Но чехи все таки не достигли своей цѣли и Силезія благодаря своему отвращенію отъ польской церкви и польскаго народа осталась въ колеблющемся, хотя и самостоятельномъ положеніи, причемъ германизація дѣлала дальнѣйшіе успѣхи.

Польское духовенство съ 1260 г. послѣ того, какъ уже устроилось 1500 нѣмецкихъ деревень и въ нихъ поселилось 150—180 тыс. нѣмцевъ, все успѣшнѣе препятствовало дальнѣйшему поселенію нѣмцевъ; таково было начало политики, которой оно держится и до сихъ поръ. Въ городахъ, напротивъ, это время было эпохой полного расцвѣта германизаціи. Бреславль сдѣлался совершенно нѣмецкимъ городомъ; такими же были, кромѣ множества другихъ мелкихъ городовъ, Ландсгутъ, Требницъ, Бригъ, Лигницъ, Глогау, Бейтенъ и Нейссе. Эти города начинаютъ уже вести самостоятельную жизнь; Бреславль въ 1261 г. заключаетъ съ силезскимъ герцогомъ договоръ, очень благопріятный для городской самостоятельности; въ другихъ городахъ задолго до конца 13 вѣка появляются автономные городскіе совѣты.

Изъ бюргерскихъ круговъ это движеніе передавалось и территориальной власти, и въ лицѣ Генриха IV, герцога изъ дома Пястовъ, страна получила государя, преисполненнаго нѣмецкими симпатіями. При дворѣ Генриха процвѣтала нѣмецкая любовная поэзія; въ его государствѣ жилъ Тангейзеръ; онъ самъ писалъ стихи, полные идеаловъ нѣмецкаго рыцарства. Онъ владѣлъ небольшою частью страны и сначала находился подъ сильнымъ вліяніемъ Отокара II богемскаго; также какъ и другіе силезскіе князья онъ помогалъ ему и участвовалъ въ битвѣ при Мархфельдѣ (1278). Но послѣ паденія Отокара онъ удивительно быстро сдѣлался самостоятельнымъ, получилъ нѣкоторое главенство надъ остальными силезскими князьями и старался примкнуть къ имперіи; онъ призналъ своимъ сюзереномъ короля Рудольфа.

Этотъ шагъ, имѣвшій значеніе полного разрыва старыхъ политическихъ отношеній съ Польшей, въ которой тогда шла междуусо-

бица, былъ завершёнъ ослабленіемъ церковныхъ связей. Уже давно герцогъ Генрихъ имѣлъ раздоры съ епископомъ бреславскимъ и съ польскою церковью, къ которой принадлежало епископство, и наконецъ эта борьба благодаря переходу большинства силезскихъ монастырей ордена миноритовъ изъ силезской церковной провинціи въ саксонскую получила національный характеръ. Это событіе послужило для польскихъ епископовъ поводомъ въ 1285 г. на синодѣ въ Ленчикѣ (Lenczyc) составить посланіе къ папѣ, въ которомъ они возобновляли всѣ старыя жалобы противъ нѣмцевъ въ Силезіи, особенно за ихъ отказъ платить польскому духовенству деньги св. Петра и десятину; курія должна была выступить противъ герцога Генриха. Генрихъ проявилъ при этомъ дѣлѣ замѣчательную энергію, онъ изгналъ изъ своихъ владѣній епископа Бреславскаго, преслѣдовалъ его даже за границей до тѣхъ поръ, пока тотъ не проявилъ склонности къ соглашенію. По этому соглашенію епископъ призналъ всѣ особенности Силезской церкви.

Генрихъ, поддерживавшій нѣмецкую народность въ Силезіи, приступилъ къ разрѣшенію задачи, въ то время еще не безнадежной, къ германизированію Польши. Въ Краковѣ уже издавна существовала нѣмецкая колонія, опиравшаяся на значительную торговлю и на развитые промыслы; нѣмецкія колоніи существовали также въ Аушвицѣ, Заторѣ, Сандомирѣ и Бохніи (Bochnia). Когда въ 1288 году герцогъ варшавскій Лешко Черный умеръ бездѣтнымъ, Генрихъ вторгся въ Польшу; краковскіе нѣмцы приняли его съ восторгомъ; они съ радостью привѣтствовали пожалованіе нѣмецкаго городского права городу Величкѣ; казалось, что наступаетъ блестящая эпоха германизированія страны къ сѣверу отъ Карпатовъ.

Но Генрихъ скончался въ Ивановъ день 1290 года и съ его смертью исчезли всѣ надежды. Въ самыя послѣднія минуты своей жизни самъ Генрихъ разрушилъ большую часть созданнаго имъ своимъ завѣщаніемъ, составленнымъ имъ подъ вліяніемъ духовенства; создать снова разрушенное и даже поддержать существующее было не въ силахъ его наслѣдниковъ. Герцогство Краковское было потеряно; Силезія распалась на отдѣльныя княжества; нѣмцы, особенно въ Бреславлѣ, ради спасенія своей національности и для обезпеченія своихъ торговыхъ отношеній на западъ и востокъ должны были прибѣгнуть къ защитѣ Богеміи. Королю богемскому Венцеславу удалось въ 1290 году добиться отъ Рудольфа Габсбургскаго возстановленія старыхъ наслѣдственныхъ правъ на Силезію и Бреславль, какъ имперскіе лены; въ 1292 году онъ завладѣлъ Краковомъ и заставилъ герцоговъ верхней Силезіи признать ихъ владѣнія ленами богемской короны; наконецъ, въ 1300 году онъ торжественно короновался въ Гнѣзно какъ король Польши.

Такимъ образомъ Силезія сдѣлалась составной частью великаго

полунѣмецкаго, полуславянскаго восточнаго государства, созданіе котораго было начато Отокаромъ II и завершено въ 14 вѣкѣ люксембургскимъ домомъ; съ 1337 года всѣ земли Селизіи были ленами короны св. Венцеслава. Такова была судьба нѣмецкой народности, привлеченной когда то въ страну славянскими государями, незащищаемой своими родными императорами и не могшей найти въ своихъ собственныхъ силахъ достаточной опоры для политической самостоятельности. Нѣмецкой народности удалось сохраниться въ качествѣ національной культурной силы въ Силезіи и подъ скипетромъ богемскихъ королей, скоро перешедшимъ въ руки нѣмецкаго рода; но она не могла продолжать и вести дальше на польскій востокъ нѣмецкую пропаганду. Отдѣльныя попытки колонизаціи, исходившія изъ Силезіи въ Познани и на сѣверныхъ склонахъ Карпатовъ, а также и въ верхней Венгріи, продолжались, но польско-нѣмецкіе города 13 вѣка скоро сдѣлались славянскими; а въ Краковѣ возстаніе противъ нѣмцевъ въ 1312 году на всегда уничтожило прежнее процвѣтаніе германской торговли и съ этихъ поръ городскія книги ведутся уже не на нѣмецкомъ языкѣ.

III.

Нѣмецкая народность въ Силезіи не имѣла прочныхъ устоевъ, которые могли бы обезпечить ей самостоятельное политическое положеніе среди имперскихъ территорій; наоборотъ нѣмецкая колонизація, начавшаяся на балтійскомъ сѣверовостокѣ одновременно съ германизированіемъ Силезіи, имѣла болѣе прочные и самобытные устои. Нѣмецкіе колоніи Силезіи были созданы преимущественно славянскими князьями и колонизаторами монахами, а въ остзейскія земли нѣмцы, завоеватели и колонисты, шли самостоятельно, на свой рискъ и все, чего они достигли, они достигали упорнымъ трудомъ, какъ свою собственность.

При развитіи могущества Генриха Льва тѣ отношенія, которыя издавна существовали на берегахъ Балтійскаго моря, впервые получаютъ важное значеніе въ средневѣковой исторіи нѣмецкаго народа; рядомъ съ старыми славянскими, сѣверогерманскими и русскими торговыми городами, Новгородомъ близъ озера Ильменя, Смоленскомъ и Полоцкомъ на Двинѣ, Бьёркё на Мёлерскомъ озерѣ и Висби на Готландѣ, Данцигомъ и Воллиномъ появляется Любекъ, какъ первый нѣмецкій городъ на Балтійскомъ морѣ, скоро сдѣлавшійся самымъ важнымъ изъ всѣхъ Балтійскихъ торговыхъ городовъ. Слѣдствіемъ новыхъ торговыхъ отношеній было возбужденіемъ въ нѣмцахъ глубокаго интереса къ южнымъ берегамъ Балтійскаго моря вообще; пріобрѣтеніе этихъ береговъ и ихъ германизированіе становится задачей, къ разрѣшенію которой одинаково стремятся самые разнообраз-

ные общественные классы народа, — представители церкви и религии, рыцарства и территориальные власти, переселенцы и торговцы; нигдѣ въ дѣлѣ колонизаціи не принимали такого живаго участія всѣ крупныя жизненныя направленія, всѣ племена народа; главныя страны на берегахъ Балтійскаго моря, и въ особенности Пруссія, сдѣлались микроkozмами развитія, происходившаго до тѣхъ поръ въ различныхъ частяхъ метрополіи.

До начала 12 вѣка владыками Балтійскаго моря были преимущественно датчане и славяне; въ то время нѣмецкіе купцы еще рѣдко пользовались великимъ морскимъ путемъ, ведущимъ, минуя нѣмецкіе теперь берега Шлезвига, къ берегамъ Даніи и Швеціи, въ Готландъ, а оттуда къ берегамъ Финскаго залива и къ Новгороду ¹⁾; даже въ Бардовикѣ, на лѣвомъ берегу Эльбы, славяне были посредниками при обмѣнѣ нѣмецкихъ и сѣверныхъ товаровъ.

Первые исторически совершенно несомнѣнные слѣды правильной нѣмецкой торговли на Балтійскомъ морѣ замѣчаются въ то время, когда въ сѣверозападномъ углу береговъ этого моря дѣлается прочнымъ нѣмецкое вліяніе Альбрехта Медвѣдя, графовъ Голштейнскихъ, и позже Генриха Льва; такимъ образомъ эти слѣды совпадаютъ по времени съ основаніемъ Любека. Когда Любекъ съ 1158 года сдѣлался городомъ Генриха Льва, слѣды нѣмецкой дѣятельности увеличиваются. Въ октябрѣ 1161 или 1163 года Генрихъ возстановилъ нарушенный миръ между нѣмецкой общиной въ Висби и Готландцами; нѣсколько недѣль спустя онъ пригласилъ русскихъ, готовъ, норманъ и принадлежащихъ къ другимъ народамъ востока вернуться въ Любекъ и освободилъ ихъ отъ таможенныхъ пошлинъ и налоговъ въ пользу ганзы. Къ концу восьмидесятихъ годовъ 12 вѣка нѣмецкіе купцы имѣли уже непосредственныя и очень живыя отношенія съ Россіей, въ особенности съ Новгородомъ, гдѣ князь Ярославъ съ согласія посадника въ 1199 году подтвердилъ старый миръ со всѣми нѣмцами, готами и всѣми латинянами (католиками) и гарантировалъ имъ совершенно свободную торговлю. Навѣрное уже въ то время въ Новгородѣ устроилась нѣмецкая факторія св. Петра; древнѣйшій изъ ея актовъ относится къ второй четверти 13 вѣка. Въ особенности въ этой новой торговлѣ въ это время принимаетъ участіе саксонскій сѣверо-западъ; Любекъ съ самаго начала пользовался правомъ города Зѣста; небольшой городъ Медебахъ въ Вестфалии уже въ 1165 году ведетъ

---

1) Единственное документальное доказательство относительно болѣе ранней торговли нѣмцевъ и даютъ *juris et raris decreta* короля Лотарготовъ (1130 г.). Многочисленныя находки нѣмецкихъ монетъ 10 и 11 вѣковъ въ Швеціи (см. Schäfer—Hansestädte und Waldemar) еще недоказываютъ прямо существованія торговли, которую вели сами нѣмцы. Напротивъ несомнѣнная связь Готландской архитектуры конца 12 вѣка и одновременныхъ нижнерейнскихъ и вестфальскихъ строеній доказываетъ, что съ середины 12 вѣка существовали живыя и непосредственныя сношенія.

самостоятельную торговлю съ Россіей; нѣмецкимъ дворомъ въ Новгородѣ управляютъ старшины изъ Готланда, Любека, Зѣста и Дортмунда; въ Висби нѣмецкая община состояла вначалѣ изъ уроженцевъ Любека и Вестфалии.

Въ этихъ восточныхъ странахъ, столь же отдаленныхъ отъ родины, какъ были отдалены отъ цѣли стремленій политики нашихъ императоровъ, отъ Вѣчнаго города, центральныя области Германіи, скоро проявились самостоятельность и энергія нѣмецкихъ купцовъ. Уже въ первыя десятилѣтія послѣ половины 12 вѣка поняли, что путь отъ Висби въ Новгородъ для торговли кружной путь, что для русско-континентальной торговли гораздо удобнѣе путь отъ большихъ торговыхъ городовъ на Двинѣ, отъ Полоцка и Смоленска, къ западу. Поэтому нѣмецкіе купцы начали изъ Висби плавать въ устьѣ Двины; за ними вскорѣ послѣдовали и нѣмецкіе миссіонеры; это было началомъ нѣмецкаго завоеванія и нѣмецкой колонизаціи въ Лифляндіи.

Уже въ 1186 году нѣмецкій миссіонеръ Мейнгардъ изъ монастыря Зегебергъ въ Угріи дѣйствовалъ здѣсь настолько удачно, что архіепископство Бременъ-Гамбургъ, этотъ старый патріархатъ на языческомъ сѣверѣ, призналъ его миссію епископствомъ. Особое развитіе эта новая епархія получила при бременскомъ каноникѣ Альбертѣ, посвященномъ въ 1198 году третьимъ епископомъ Лифляндіи. Энергичный человѣкъ, вполне раздѣлявшій идеалы великаго папы Иннокентія III, онъ добился отъ Рима привилегій, призывавшихъ саксонцевъ и вестфальцевъ къ крестному походу въ Лифляндію; при помощи многочисленныхъ воиновъ нѣмцевъ, пришедшихъ на его призывъ онъ построилъ городъ Ригу (1201) и изъ лучшихъ воиновъ основалъ духовный орденъ меченосцевъ, который подъ его главенствомъ значительно расширилъ границы нѣмецкаго и христіанскаго вліянія. Черезъ нѣсколько лѣтъ здѣсь, вдали отъ нѣмецкихъ береговъ Балтійскаго моря, создано новое германскаго государство; въ 1206 году Штауфенъ Филиппъ передалъ лифляндскому епископу всю страну, какъ княжество, какъ имперскій ленъ. А въ это время завоеватели перешли уже сѣверныя границы Лифляндіи и чрезъ Эстляндію дошли почти до южныхъ береговъ Финскаго залива; въ 1211 году Альбертъ поставилъ епископа въ Эстляндіи, а въ 1218 г. епископа Семигаліи; за пять лѣтъ ранѣе рижское епископство освободилось отъ главенства Бремена и было непосредственно подчиненно папѣ.

Такіе необыкновенно быстрые успѣхи въ странѣ, на которую до тѣхъ поръ имѣли притязаніе русскіе князья, объясняются прежде всего превосходствомъ и особенно энергичнымъ введеніемъ нѣмецкой культуры. Русская культура не вліяла на Балтійскомъ морѣ прогрессивно; «у русскихъ королей обычай не принуждать покоренные народы къ принятію христіанской вѣры, а только поработать ихъ налогами и даними» — говоритъ Генрихъ Летте ¹⁾).

¹⁾ XVI, 2.

Нѣмцы поступали совершенно иначе. Рядомъ съ острыми мечами завоевателей и заманчивыми предложеніями купцовъ дѣйствовали и священники, какъ представители искусствъ и просвѣщенія. Благодаря такому примѣненію духовныхъ орудій нѣмецкое господство быстро распространилось среди кроткихъ, неразвитыхъ въ общественномъ отношеніи леттовъ и эстовъ; но это господство могло быть удержано только благодаря необыкновенно сильному притоку нѣмецкаго населенія.

Но въ колонистахъ очень скоро почувствовался недостатокъ. Нашъ народъ проявилъ въ концѣ 12 и началѣ 13 вѣковъ необыкновенную способность къ распространенію. Вся восточная Германія была колонизована имъ въ эту эпоху; не удивительно, что гораздо меньше заботились о купеческо-священническо-рыцарской колоніи на Двинѣ, а кромѣ того въ это время нѣмцевъ начали оттѣснять отъ Балтійскаго моря; враги оружили Любекъ, эту гавань, откуда переселенцы направлялись на востокъ.

Послѣ низверженія Генриха Льва въ 1181 году на тогдашнемъ нѣмецкомъ сѣверовостокѣ, при устьяхъ Эльбы, въ теперешнемъ Голштейнѣ и Мекленбургѣ, силы нѣмцевъ значительно уменьшились. Причиной такого ослабленія были мѣры императора Фридриха I: онъ раздѣлилъ земли, принадлежавшія Генриху, и передалъ ихъ нѣсколькимъ болѣе слабымъ князьямъ. Любекъ онъ сдѣлалъ имперскимъ городомъ; Болеславъ II поммеранскій получилъ свою землю, какъ знаменосецъ имперіи ¹⁾. Такая императорская политика обѣщала богатую жатву на Балтійскомъ морѣ всякому сопернику нѣмецкаго вліянія, и этимъ прежде всего воспользовались датчане.

Съ 12 вѣка Данія вступила въ періодъ упадка послѣ того, какъ при Кнутѣ Великомъ, другѣ императора Конрада II, она пережила періодъ распространенія своего могущества въ Англии и Норвегии. Въ началѣ новаго столѣтія ей, правда, удалось обезпечить церковную самостоятельность противъ притязаній бременскаго патріархата; въ 1103 году Лундъ сдѣлался архіепископствомъ Даніи. Но это было послѣднимъ отзвукомъ прежняго величія; вскорѣ наступила эпоха внутренняго ослабленія; въ внутреннія дѣла страны все болѣе и болѣе вмѣшивались нѣмецкіе короли и въ концѣ концовъ Данія сдѣлалась леномъ имперіи.

Поводомъ такого упадка было гораздо меньше общественное и политическое разложеніе народа, чѣмъ вѣчные раздоры изъ за престолонаслѣдія между членами королевской фамиліи; старое германское наследственное право, по которому незаконные дѣти наследовали одинаково съ законными, по которому дядѣ должны были наследовать

---

¹⁾ Впервые Поммеранія сдѣлалась имперскимъ леномъ при Болеславѣ III польскомъ въ 1135 году; ея герцоги сдѣлались окончательно имперскими князьями только въ 1320 г., послѣ прекращенія Асканскаго рода маркграфовъ Бранденбурга.

сыновья сестеръ, боролось съ новыми христіанскими воззрѣніями. Страна страдала отъ междуусобныхъ войнъ и отъ грабежей славянскихъ пиратовъ континента. Эти безпорядки были, наконецъ прекращены королемъ Вальдемаромъ Великимъ (съ 1157 г.) и его не менѣе великимъ канцлеромъ Абсаломомъ, архіепископомъ Лунда. Вальдемару удалось регулировать престонаслѣдіе соотвѣтственно съ новыми воззрѣніями, хотя этимъ воззрѣніямъ сначала противилась часть его народа, какъ нѣмецкимъ; въ 1171 г. его восьмилѣтній сынъ Кнуть былъ избранъ наслѣдникомъ короля. Потомъ онъ двинулся противъ славянскихъ морскихъ разбойниковъ, отъ нападений которыхъ одни изъ острововъ Даніи опустѣли, а другіе платили имъ дань.

Въ борьбѣ съ пиратами Вальдемаръ сошелся съ Генрихомъ Львомъ. Въ началѣ они оба, преслѣдуя одинаковые интересы, направили свои силы противъ славянъ; но при дальнѣйшихъ успѣхахъ умиротворенія славянъ все болѣе выступало наружу противорѣчіе между ихъ стремленіями; они оба хотѣли не только защитить свои земли отъ славянъ, но и завоевать славянскія земли. Со времени завоеванія Рюгена датчанами (1168) ихъ соперничество сдѣлалось очевиднымъ; при нападении императора Фридриха на Генриха Вальдемаръ воздерживался отъ вмѣшательства въ борьбу до тѣхъ поръ, пока пораженіе его соперника не казалось несомнѣннымъ — а тогда онъ радостно привѣтствовалъ въ Любекѣ императора.

Съ этого времени начинается эпоха датскихъ завоеваній въ Балтійскихъ земляхъ. Въ Голштейнѣ послѣ низверженія Генриха начались раздоры между графами и дворянствомъ; дворянство въ концѣ концовъ удалилось въ Данію; въ 1200 г. датчане захватили страну. Уже раньше славянскіе князья востока: герцогъ Поммераніи и герцогъ Мекленбурга были вынуждены признать свои земли ленами Даніи; теперь Любекъ тоже былъ присоединенъ къ Даніи, наконецъ ей подчинились и графы Шверинскіе и въ 1214—1215 г. юный нѣмецкій король Фридрихъ II санкціонировалъ это бѣдствіе, утвердивъ за датскимъ государемъ всѣ его завоеванія за Эльбой и въ славянскихъ земляхъ на вѣчныя времена, — Германія снова была оттѣснена отъ Балтійскаго моря.

Этотъ ходъ событій повліялъ и на судьбы Лифляндіи. Съ 1206 г. король Вальдемаръ началъ наказывать эстовъ, иногда грабившихъ датскіе берега, тѣмъ, что началъ стремиться къ завоеванію ихъ страны, въ особенности острова Эзеля, лежащаго предъ нѣмецкой Лифляндіей. Эти попытки закончились въ 1220—1222 годы переходомъ большей части Лифляндіи, именно сѣверныхъ береговъ съ бургомъ и городомъ Ревелемъ подъ власть датскаго королевства и датской церкви; при этомъ торговля нѣмецкой колоніи съ метрополіей была почти совершенно прекращена и Любекъ попалъ подъ строжайшій надзоръ датскаго короля.

Въ это время, въ ночь съ 6 на 7 мая 1223 г., графъ Генрихъ Шверинскій смѣлымъ нападеніемъ на островъ Ліо на фюненскомъ берегу взялъ короля въ плѣнъ. Нѣмцы на берегахъ Балтійкаго моря вздохнули свободнѣе, а также и славяне, для которыхъ была тяжела власть датскаго короля. Послѣ долгихъ переговоровъ, въ которыхъ участвовала и имперія, король былъ наконецъ освобожденъ, но на очень тяжелыхъ условіяхъ. Вальдемару пришлось отречься отъ всего, достигнутаго имъ тридцатилѣтними усиліями; кромѣ уплаты огромнаго выкупа онъ потерялъ всѣ земли за Эйдеромъ, князья и народы которыхъ освободились немедленно же послѣ его плѣна; въ рукахъ датчанъ остался одинъ Рюгенъ.

Понятно, что Вальдемаръ послѣ своего освобожденія, получивъ отъ папы разрѣшеніе отъ вынужденныхъ у него обѣщаній, стремился снова завоевать утраченное. Но ужасная битва при Борнгёведе въ 1227 г. положила конецъ его планамъ; въ этой битвѣ еще разъ князья, дворяне, бюргеры и крестьяне сѣверной Германіи соединились для освобожденія отъ датскаго ига; завоеванія Генриха Льва въ славянскихъ областяхъ были теперь обезпечены и расширены руками самихъ нѣмцевъ, поселившихся въ завоеванныхъ странахъ. Началась великая эпоха для Любека; началось вообще распространеніе нѣмцевъ во всѣхъ балтійскихъ странахъ.

Прежде всего эти событія должны были повліять на уже существовавшую нѣмецкую колонію въ Лифляндіи. Здѣсь нѣмцы достигли нѣкоторыхъ выгодъ почти одновременно съ битвой при Борнгёведе; въ 1226 г. они подчинили себѣ дикихъ обитателей острова Эзеля, потомъ, поддерживаемые Любекомъ, они направились противъ Ревеля и завладѣли бургомъ; датскимъ рыцарямъ и епископамъ ничего болѣе не оставалось, какъ удалиться. Позднѣйшими переговорами королю Вальдемару, правда, удалось сохранить нѣкоторую часть Эстляндіи; датчане владычествовали на финскомъ заливѣ еще въ теченіи болѣе ста лѣтъ. Но предъ нѣмцами открывались теперь надежды на великое будущее; на устьяхъ Вислы, недалеко отъ лифляндскихъ нѣмцевъ, было уже заложено начало новаго нѣмецкаго государства, которое скоро должно было присоединить къ себѣ лифляндскую землю рыцарей меча, которое должно было завладѣть властью надъ всѣми иноязычными народами южныхъ береговъ Балтійскаго моря до самаго Одера—однимъ словомъ государства нѣмецкаго ордена.

IV.

Въ странѣ между Вислой и Мемелемъ, между песчанными берегами Фришгафа и Куришгафа и рядомъ озеръ и первобытныхъ лѣсовъ, и до сихъ поръ простирающихся въ формѣ полумѣсяца отъ Маріен-

вердера къ востоку до Мемеля, жили пруссы. Это былъ народъ, раздѣлявшійся на нѣсколько племенъ и народцевъ, стоявшій на культурной ступени германцевъ первобытнаго времени; только на окраинахъ, тамъ, гдѣ холмы между обоими берегами заливовъ были свободно доступны морскимъ волнамъ, жили племена, благодаря торговлѣ нѣсколько болѣе знакомыя съ высшей культурой, подобно старому германскому племени Убіевъ на берегахъ Рейна, въ кельнской равнинѣ.

Въ семейной жизни этихъ племенъ господствовало еще многоженство; государственныя связи ограничивались узкими предѣлами и еще находились въ борьбѣ съ остатками родового строя; среди нихъ еще дѣйствовали кровомщеніе и обязательное право наследованія. Кромѣ свободныхъ людей, племя распадалось только на помѣстное дворянство и крѣпостныхъ; господствовалъ, хотя уже и въ видѣ переживанія, коммунистическій идеалъ въ поземельной собственности; при отсутствіи непосредственныхъ потомковъ мужскаго пола земля переходила къ общинѣ.

Религіозныя воззрѣнія ограничивались простымъ поклоненіемъ естественнымъ силамъ; при этомъ все таки отдѣльныя племена имѣли религіозныя связи; въ Ромовѣ въ землѣ Надрау верховный жрецъ служилъ національнымъ богамъ, Кривамъ; онъ поддерживалъ вѣчный огонь, послѣ побѣды приносилъ богамъ жертвы; онъ убѣждалъ родственниковъ умершихъ, будто онъ видѣлъ дорогого имъ покойника въ часъ его кончины уходящимъ въ мѣсто райскаго блаженства. Прусы представляли загробную жизнь, какъ чувственную; потому они насколько возможно долѣе держали трупъ на холоду; потому они представляли различія въ загробной жизни такими же, какъ словныя различія на землѣ.

Земля пруссовъ задолго до исторической эпохи была открыта для торговыхъ отношеній; еще и теперь здѣсь находятъ большое количество англійскихъ монетъ 9 вѣка; къ самымъ древнимъ изъ торговыхъ мѣстъ въ балтійскихъ земляхъ, рядомъ съ Гедаби въ Шлезвигѣ, Юмне (Воллинъ) въ Поммераніи, Острогарда въ Россіи, и Бирка (Бьерко) въ Швеціи, принадлежалъ и Трузо на озерѣ Драузенъ, къ югу отъ Эльбинга.

Прусскіе берега издавна посѣщались Норманами; грабительскіе набѣги датчанъ продолжались до начала 13 вѣка. Но въ особенности для пруссовъ были страшны поляки; съ ними воевалъ уже Болеславъ Смѣлый, современникъ императоровъ Оттона III и Генриха II, подчинившій себѣ Поммеранію; можетъ быть, несомнѣнно польское население Кульмерланда, страны между Торномъ и Кульмомъ къ востоку отъ Вислы, ведетъ свое происхожденіе со времени его нападеній. Почти одновременно поляки поддерживали первыя попытки распространенія здѣсь христіанства; святой Адалъбергъ, другъ Оттона III, а также и святой Брунъ Кверфуртскій, родственникъ дома Оттоновъ,

отправились въ Пруссію подъ защитой поляковъ и нашли тамъ безполезный мученическій вѣнецъ. Всѣ эти попытки оказались преждевременными; въ теченіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ онѣ не имѣли никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Когда послѣ смерти короля Казимира (1194) начались страшные раздоры среди польской королевской фамиліи и среди польскаго народа, раздоры изъ за старшинства и княженій, поляки перестали быть нападающей стороною. Теперь пруссы, русскіе и литовцы напали на осиротѣвшую Польшу—и во всѣхъ европейскихъ земляхъ раздавался крикъ о помощи противъ язычниковъ и еретиковъ.

Тогда среди пруссовъ снова началась миссіонерская дѣятельность. Возбужденный успѣхами нѣмцевъ среди лифляндцевъ и латышей, аббатъ цистерціановъ Готфридъ изъ монастыря Лекно въ великой Польшѣ въ началѣ 13 вѣка отправился миссіонеромъ въ дикую страну; за нимъ послѣдовалъ Христіанъ, посвященный въ 1215 г. епископомъ Пруссіи; повидимому были достигнуты нѣкоторые успѣхи. Но необращенныя въ христіанство племена, раздраженные новшествами, возстали, опустошили Кульмерландъ и польскія земли Куявію и Мазовію; эти событія похожи на событія первыхъ лѣтъ обращенія Лифляндіи. Какъ въ Лифляндіи епископъ Альбертъ, такъ и въ Пруссіи епископъ Христіанъ прибѣгнулъ къ крестовому походу. Но проповѣдь крестоваго похода не имѣла успѣха ни въ Польшѣ, ни въ Германіи; только въ 1222—1223 годахъ собралось большое войско, но и оно никакой пользы не принесло. Было очевидно, что для защиты и для нападенія необходимъ постоянный военный, рыцарскій органъ. Создать такой органъ въ Польшѣ было невозможно. Такимъ образомъ былъ призванъ нѣмецкій орденъ.

Орденъ рыцарей госпиталя св. Маріи Іерусалимскихъ нѣмцевъ начался съ малаго. Утвержденный папой въ 1191 г., какъ госпитальный орденъ въ Анконѣ, преобразованный нѣмецкими князьями въ 1198 г. въ духовный рыцарскій орденъ по образцу Юганнитовъ, онъ быстро укоренился какъ въ Палестинѣ, такъ и въ нижней Италіи и въ Германіи, пользуясь милостями и папы и императора. Рыцари новаго ордена въ своихъ бѣлыхъ мантияхъ съ черными крестами съ 1211 г. появляются уже въ крайнемъ юго-восточномъ углу Зибенбургена, призванные венгерскимъ королемъ Андреемъ II для защиты нѣмецкихъ колонистовъ противъ язычниковъ кумановъ; это было для нихъ подготовительной школой для болѣе широкой дѣятельности, ожидавшей ихъ въ Пруссіи.

Прибыли они въ Пруссію при Германѣ Зальца, можетъ быть наиболѣе великомъ политикѣ изъ всѣхъ гроссмейстеровъ, когда либо управлявшихъ орденомъ. Одинаково дружный и съ императоромъ Фридрихомъ II и съ его противникомъ папой, онъ умѣлъ поставить орденъ въ Пруссіи въ совершенно независимое отъ польскаго государ-

ства и отъ польской церкви положеніе, обезпечилъ за нимъ обладаніе Кульмской землей и выхлопоталъ у императора привилегію, обезпечивавшую за орденомъ какъ эту землю, такъ и всѣ будущія завоеванія въ качествѣ княжества римской имперіи (1226 г.)

Это было началомъ самостоятельной нѣмецкой политики, началомъ германизированія земель крайняго востока. Орденъ теперь пошелъ дальше; не обращая вниманія на притязанія польскихъ королей и на жалобы прежнихъ польскихъ миссіонеровъ на нарушенія ихъ права вести самостоятельную пропаганду христіанства¹⁾, онъ приступилъ къ полному завоеванію страны. Германъ Балкъ въ качествѣ магистра Пруссіи сдѣлался руководителемъ въ орденскихъ войнахъ; папа приказалъ проповѣдывать крестовый походъ противъ пруссовъ въ сѣверной Германіи и въ славянскихъ странахъ востока. Весной 1231 г. семеро рыцарей переправились чрезъ Вислу въ вражескую страну Кульма, разбили свой лагерь подъ высокимъ дубомъ, на вершинѣ дерева, среди густыхъ вѣтвей, посадили караульнаго, а остальные рыцари выкопали ровъ и насыпали валъ — таково было начало города Торна и вообще территоріи ордена. Въ томъ же году удалось кромѣ Торна занять Кульмъ, старый бургъ пруссовъ; въ слѣдующемъ году было водворено спокойствіе на всемъ правомъ берегу Вислы между Торномъ и Кульмомъ до густыхъ лѣсовъ восточной окраины. Сразу же въ долину хлынули волны нѣмецкой колонизаціи; уже въ 1231—1232 году рядомъ съ бургами ордена Торномъ и Кульмомъ были построены нѣмецкіе города. Рыцари ордена двигались все дальше внизъ по рѣкѣ; въ 1233 г. былъ заложенъ Маріенвердеръ; язычники были разбиты въ кровавой битвѣ при Сиргунѣ къ югу отъ Драузенскаго озера; въ 1237 г. построенъ бургъ Эльбингъ; такимъ образомъ были достигнуты восточныя устья Вислы и Фришгафъ. Въ долинѣ Вислы уже слышалась нѣмецкая рѣчь; кромѣ крестьянъ и бюргеровъ, особенно изъ средней Германіи, въ страну пришли дворяне; въ 1236 г., напр., дворянину Дитриху Тифенау была отдана земля, пространствомъ почти въ квадратную миль (300 фламандскихъ гуфъ), къ востоку отъ Маріенвердера.

Орденъ долженъ былъ стремиться къ завоеванію всего морскаго берега, потому что только такимъ образомъ онъ могъ выйти изъ своего изолированнаго положенія среди чужеземцевъ, и войти въ соприкосновеніе съ христіанскими народами сѣверо-германскаго происхожденія, въ особенности онъ могъ только такимъ путемъ найти поддержку въ нѣмцахъ, такъ какъ онъ вступалъ въ извѣстныя отношенія съ нѣмецкими колоніями, съ Любекомъ на западѣ и съ Ригой

---

¹⁾ О вынужденномъ соглашеніи этихъ миссіонеровъ съ орденомъ (договоръ въ Леслау, 1230 г.) см. Эвальда — *Eroberung Preussens u. Lohmeyer-Geschichte von Ost-und Westpreussen.*

на востокъ. Въ то время, какъ выходцы изъ Любека заложили городъ при только что построенномъ бургѣ Эльбингѣ, орденъ двинулся дальше по Фришгафу; въ 1239 г. онъ завоевалъ находящійся въ восьми миляхъ отъ Эльбинга и стоящій на полуостровѣ бургъ Балга; вскорѣ его вліяніе распространилось до Прегеля, до самыхъ береговъ моря.

Съ окраинъ долины Вислы и съ береговъ Фришгафа начались одновременно постоянныя нападенія на центръ земли язычниковъ; вѣра и владычество пруссовъ въ странѣ Кульма, въ Помезаніи и въ странѣ Эрма были почти уничтожены.

Въ Лифляндіи, напротивъ, послѣ уступки Даніи части Эстляндіи дѣло нѣмцевъ не двигалось впередъ. Орденъ меченосцевъ чрезъ Курляндію двинулся на югъ, т. е. на встрѣчу нѣмецкому ордену. Но внутри страны господствовало недовольство изъ за раздѣленія власти между орденомъ и епископами; меченосцы, въ потѣ лица добывавшіе земли, были подданными духовныхъ владыкъ; они желали для себя такого же независимаго положенія, какимъ пользовался нѣмецкій орденъ въ Пруссіи. Кромѣ того въ это время болѣе, чѣмъ когда либо, ихъ тѣснили внѣшніе враги — съ востока русскіе, а съ юга литовцы, теперь впервые соединенные подъ властью одного князя. При такомъ положеніи дѣлъ естественно, что среди меченосцевъ появилась мысль о сліянніи съ нѣмецкимъ орденомъ. И дѣйствительно эта мысль была осуществлена, когда страшное пораженіе меченосцевъ при Баускѣ (1235) сдѣлало вмѣшательство нѣмецкаго ордена дѣломъ чести.

Прусскимъ рыцарямъ предстояло теперь рѣшить крупную задачу: было необходимо завладѣть всѣмъ берегомъ балтійскаго моря отъ финскаго залива до берега Поммерелленъ, т. е. пространствомъ, равнымъ почти половинѣ всего южнаго берега Балтійскаго моря.

Для этого прежде всего было необходимо соединеніе территорій обѣихъ существующихъ вѣтвей ордена, прусской и лифляндской. Среди возстаній отдѣльныхъ прусскихъ племенъ и враждебныхъ столкновений съ княжескимъ родомъ Поммерелленъ орденъ подготовился къ борьбѣ и около середины 13 вѣка приступилъ къ дѣлу; въ 1251 г. на дюнахъ противъ крайняго искривленія Куришгафа былъ построенъ бургъ Мемель, какъ пунктъ соединенія для лифляндскихъ и прусскихъ рыцарей. За этимъ послѣдовало полное подчиненіе береговой страны; въ 1254 г. на сѣверномъ берегу Прегеля, на холмѣ Тувангсте былъ построенъ Кенигсбергъ, крѣпость для защиты противъ сѣверныхъ народовъ, можетъ быть названный такъ въ честь короля богемскаго Отокара II, который въ это время также, какъ раньше многіе нѣмецкіе князья, поддерживалъ орденъ своими войсками. Въ то же время посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ ордену удалось приобрѣсти отъ Польши Галиндію, центральную землю озер-

ной равнины Мазуровъ; это была послѣдняя еще не недостающая ордену часть старой земли пруссовъ. Послѣ менѣе, чѣмъ двадцатипятилѣтней военной и дипломатической дѣятельности орденъ могъ считать себя владыкой Пруссіи, Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи.

Но еще многого не доставало, чтобы считать это владычество прочнымъ, даже только въ военномъ отношеніи. Пруссы возставали противъ чужеземнаго ига всякій разъ, когда при какомъ нибудь несчастіи или пораженіи ордена у нихъ возбуждались новыя надежды на освобожденіе. Всѣ шестидесятые и отчасти и семидесятые годы 13 вѣка прошли въ военныхъ походахъ, полныхъ крайней, дикой свирѣпости; начинались они всегда избіеніемъ всѣхъ христіанъ, а кончались полнымъ искорененіемъ, порабощеніемъ и изгнаніемъ пруссовъ изъ всѣхъ почти мѣстностей ихъ родины—не одинъ разъ орденъ въ эти годы находился на краю гибели.

Наконецъ въ срединѣ семидесятыхъ годовъ орденъ одержалъ полную побѣду. Послѣ потоковъ крови и отчаянія онъ приступилъ къ завоеванію окраинъ Пруссіи, мѣстностей Надрау, Шалау и Зюдау (Nadrauen, Schalauen, Sudauen), къ западу отъ рѣки Мемеля до границъ настоящей Пруссіи. Этотъ послѣдній шагъ былъ сдѣланъ около 1283 г.; все въ странѣ униженно преклонилось предъ орденомъ и римской церковью; всѣ земли были присоединены къ области ордена, причемъ во многихъ изъ нихъ прежнее ихъ населеніе исчезло; хроникеръ первой половины 14 вѣка говоритъ о Зюдау, какъ о совершенно пустынной мѣстности.

Теперь, когда орденъ сдѣлался господиномъ у себя дома, было необходимо установить благопріятныя для себя отношенія къ сосѣдямъ. Въ Польшѣ было нужно поддерживать партійную борьбу, въ Литвѣ распространять христіанство и такимъ образомъ положить основаніе извѣстной зависимости этой страны отъ лифляндско-прусскаго государства ордена, на западѣ нужно было пріобрѣсти Померелленъ, враждебный княжескій домъ которой былъ близокъ къ прекращенію; пріобрѣтеніе этой страны соединяло орденъ съ колониальными государствами Германіи. Таковы были задачи, разрѣшеніемъ которыхъ занимался орденъ въ послѣднюю четверть 13 вѣка. Въ Литвѣ онъ не имѣлъ успѣха, но въ Польшѣ и Померелленъ онъ дѣйствовалъ удачно. Ему удалось во время продолжительныхъ замѣшательствъ, начавшихся послѣ смерти послѣдняго князя восточной Поммераніи Мествина 11 (1294), захватить и удержать за собой Померелленъ, несмотря на притязанія польскихъ и бранденбургскихъ государей (1308 г.), удалось даже заставить маркграфа бранденбургскаго формально отречься отъ его притязаній.

Съ пріобрѣтеніемъ Помереллена нѣмецкій орденъ достигъ положенія, которое ему удалось удержать во все время его процвѣтанія въ 14 вѣкѣ; ему удалось превосходно организовать свои пріобрѣтенія. Это случилось какъ разъ въ то время, когда онъ съ паде-

ніемъ Акконы (1291) потерялъ послѣднія изъ своихъ владѣній на востокѣ. Послѣдній жившій на Средиземномъ морѣ гроссмейстеръ Зигфридъ Фейхтвангенъ могъ теперь съ спокойной совѣстью перенести мѣсто дѣятельности ордена во вновь пріобрѣтенныя земли; въ 1309 г. столицей ордена былъ избранъ Мариенбургъ около устьевъ Вислы, почти въ самомъ центрѣ новаго государства ордена.

Нѣкоторыя части страны были уже германизированы. Правда, были еще и такія мѣста, въ которыхъ не было ни одного нѣмецкаго крестьянина, ни одного нѣмецкаго бюргера: такова была береговая страна, а также страны на крайнемъ востокѣ и Мазурская озерная равнина; здѣсь, среди болотъ и первобытныхъ лѣсовъ, жили остатки стараго населенія, занимавшіеся охотой и рыбной ловлей. Нѣмецкіе же колонисты заселили долину Вислы вверхъ отъ устьевъ, — Вердеръ между Вислой и Ногатомъ былъ германизированъ только въ 14 вѣкѣ — и берега Фришгафа.

Въ этихъ мѣстностяхъ колонизація началась не столько съ заселенія деревень, сколько съ постройки большихъ торговыхъ городовъ. Здѣсь выступаетъ явленіе, очень частое въ культурныхъ странахъ съ уже организованной торговлей; нѣмецкіе колонисты, привыкшіе дома къ высшей культурѣ, нуждались въ большемъ привозѣ товаровъ; главными предметами ввоза, кромѣ сельдей и соли, были льняныя ткани, сукна, вино и перецъ; такимъ образомъ среди относительно рѣдко населенной страны очень рано появились довольно многолюдные города. Это явленіе было очень замѣтнымъ для всей нѣмецкой колониальной области къ востоку отъ Эльбы и въ особенности въ земляхъ ордена; только оно можетъ объяснить быстрое развитіе Ганзы на востокѣ.

Самые древніе изъ городовъ — Торнъ и Кульмъ; оба они стоятъ такъ высоко по теченію Вислы, что до нихъ могли доходить небольшія суда Нѣмецкаго моря; настоящими же морскими городами были Эльбингъ и Кенигсбергъ и позже померельскій Данцигъ; во всѣхъ этихъ городахъ, какъ принадлежавшихъ къ Пруссіи, за исключеніемъ Эльбинга, основаннаго выходцами изъ Любека, дѣйствовало Кульмское право (*Recht der Kulmer Handveste*) 1233 г. — это право происходило отъ магдебургскаго; они свободно избирали свои власти, а орденъ только утверждалъ ихъ; горожане обладали совершенно свободной собственностью на землю съ небольшою уплатой крѣпостныхъ пошлинъ въ пользу ордена; вообще орденъ оказывалъ ихъ торговлѣ и промысламъ поддержку, какъ разумный колонизаторъ.

Въ деревняхъ поляки Помезаніи и Кульмской земли были ужасно подавлены; но особенно печально послѣ многихъ попытокъ возстанія въ 13 вѣкѣ было положеніе первоначальнаго населенія страны. Орденъ съ желѣзной суровостью воина и священника рѣшилъ не обращать никакого вниманія на сословныя отношенія покоренныхъ племенъ.

Для него несвободнымъ былъ тотъ, кто оставался рабомъ языческихъ идоловъ, свободнымъ тотъ, кто подчинился христіанскому Богу, благороднымъ тотъ, кто служилъ ордену. Старое общественное расчлененіе пруссовъ совершенно исчезло; дворяне сдѣлались крѣпостными, даже рабами и бродягами, изгоняемыми изъ страны, гонимыми людьми, если они не подчинялись ордену; прежніе несвободные люди за услуги, оказываемые ими ордену, получали высшее положеніе. Ничто не могло больше способствовать уничтоженію старой прусской народности, какъ упорное проведеніе на практикѣ такихъ принциповъ, тѣмъ болѣе, что оно соединялось съ милосердіемъ и кротостью по отношенію къ добровольно подчинившимся.

Для нѣмецкихъ колонистовъ въ земляхъ ордена сначала дѣйствовали необыкновенно благопріятныя опредѣленія Кульмскаго права; позже они частію были замѣнены болѣе суровыми правилами. Большое количество младшихъ сыновей нѣмецкаго, въ особенности франконскаго, швабскаго и баварскаго дворянства переселилось въ новую страну, завоеванную для нихъ ихъ духовными сочленами по сословію. Они получали огромныя пространства земли въ сто, полтараста и болѣе фламандскихъ гуфовъ; они дѣлались помѣщиками надъ крѣпостными пруссаками по образцу помѣщиковъ ихъ родины; службу они относили на конѣ, въ тяжеломъ вооруженіи. Рядомъ съ ними жили свободные крестьяне вновь основанныхъ деревень, приведенные съ родины какимъ нибудь предприимчивымъ садчикомъ. Они селились по большей части на основаніи условій, дѣйствующихъ и въ другихъ мѣстахъ на востокѣ и относили службу, какъ вооруженные пѣхотинцы.

Изъ такихъ зачатковъ, бюргерскихъ и крестьянскихъ, создалось населеніе сильное, самонадѣянное, склонное къ воинскимъ воззрѣніямъ, населеніе, признававшее себя побѣдителемъ враждебныхъ силъ лѣса и болотъ, а также и варварства прежняго населенія страны. Такое настроеніе усиливалось и было доводимо до суровости внутренней политикой ордена. Орденъ, учрежденіе военное и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное, въ экономическихъ дѣлахъ всегда очень обдуманно дѣйствовавшій, въ политическихъ дѣлахъ очень осторожный, соединялъ въ себѣ всѣ условія для суроваго, детального и съ фискальной точки зрѣнія, почти всегда совпадавшей съ точкой зрѣнія чисто экономической, выгоднаго управленія страной. Ему не вредило и то обстоятельство, что третья часть страны находилась подъ властью четырехъ епископовъ и ихъ соборнаго капитула; его администраціи свободно или вынуждено подражала и администрація духовныхъ земель. Его дѣятельность облегчалась еще и тѣмъ, что онъ по образцу своихъ владѣній въ Палестинѣ ввелъ вездѣ одинаковое административное дѣленіе страны; вездѣ были округа, первоначально военные, центромъ которыхъ былъ бургъ; вездѣ начальствовалъ комтуръ и

помогающій ему совѣщательный конвентъ изъ рыцарей-монаховъ, членовъ ордена. И эти члены совѣта и комтуръ были не только членами ордена, но и его чиновниками, обязанными абсолютнымъ повиновеніемъ; ежегодно они должны были отдавать отчетъ въ своемъ управленіи и гроссмейстеръ съ согласія капитула ордена могъ назначать, смѣнять и перемѣщать ихъ, какъ ему вздумается.

Въ этомъ отношеніи орденъ, перенесшій въ сферу свѣтскаго управленія свое старое обученіе, полученное имъ въ школахъ церковной администраціи, былъ наиболѣе новымъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ 13-го и слѣдующихъ вѣковъ; одинъ онъ располагалъ въ столь раннюю эпоху въ предѣлахъ нѣмецкой народности дѣятельнымъ орудіемъ, абсолютно пригоднымъ для государственныхъ цѣлей, — чиновничествомъ. Именно это орудіе, а на абсолютистская конституція — въ Пруссіи начатки сословнаго представительства ведутъ свое происхожденіе издавна — создало въ 14 вѣкѣ ордену его величіе, дало ему его замѣчательное положеніе среди государствъ на нѣмецкомъ морѣ.

Но въ то время, какъ въ далекой странѣ на Вислѣ создавалось это замѣчательное государство, сильный сѣверный бастионъ нѣмецкой народности противъ востока, соотвѣтствующій положенію Силезіи по отношенію къ югу, страна между этими двумя бастионами оставалась еще въ рукахъ Славянъ; здѣсь, въ земляхъ теперешней провинціи Познань, польская область простиралась далеко на западъ. Центръ нѣмецкаго нападенія образовался только созданиемъ Бранденбурга между Одеромъ и Эльбой. Потому будущее нѣмецкой народности между Одеромъ и Вислой и за Вислой было связано съ его развитіемъ; уже въ то время судьба Бранденбурга и положеніе этой страны должны были быть типичными для судьбы и для положенія всего востока, заселеннаго нѣмцами.

У.

Ни одинъ изъ княжескихъ родовъ сѣверной Германіи не выигралъ такъ много отъ уничтоженія могущества Генриха Льва, какъ родъ Асканіевъ; младшая отрасль этаго рода, образовавшаяся изъ раздѣла наслѣдія Альбрехта Медвѣдя, получила герцогство Саксонію, состоявшее, впрочемъ, только изъ нѣсколькихъ мѣстностей на Эльбѣ, бывшихъ почти совсѣмъ не саксонскими; старшая отрасль, владѣвшая Альтмаркомъ, маркой Бранденбургъ и Пригницемъ, уже въ 1182 г. обладала званіемъ оберкамергеровъ (Erzkanzleramt) имперіи, съ которымъ впоследствии было соединено курфюршеское достоинство.

Второе поколѣніе рода послѣ Альбрехта Медвѣдя къ все болѣе увеличивающемуся вліянію въ имперіи присоединило и большую самостоятельность своего владѣнія, вопреки еще сохранявшемуся поня-

тію о маркграфствѣ, какъ объ имперской должности. Два брата Оттонъ II и Альбрехтъ II въ торжественномъ собраніи передали магдебургскому архіепископству полную собственность на свои наследственныя имущества въ маркграфствѣ, съ тѣмъ условіемъ, что они могли получить ихъ назадъ, какъ ленъ, наследственный въ женской линіи, не принимая въ уваженіе возможности притязаній со стороны имперской власти, какъ верховнаго сюзерена; императоръ подтвердилъ существенные пункты этаго соглашения¹⁾; въ 13 вѣкѣ марка Бранденбургъ являлась уже вполне династическимъ государствомъ.

Въ то же время возвысилась и Данія, какъ первая изъ всѣхъ державъ югозападнаго бассейна нѣмецкаго моря; въ теченіе почти трехъ десятилѣтій это затрудняло дальнѣйшее расширеніе бранденбургской территоріи на сѣверъ, такъ какъ Данія завладѣла всѣми береговыми странами Балтійскаго моря до Поммераніи и такимъ образомъ отрѣзывала отъ моря великое срединное государство нѣмецкой колонизаціи.

Только послѣ низверженія датскаго могущества битвой при Борн-гёведе (1227) началась великая эпоха для бранденбургскихъ Асканіевъ. Два брата Іоаннъ I (1221—1266) и Оттонъ III (1221—1267), сдѣлавшись совершеннолѣтними съ 1226 года, дѣйствуя всегда согласно, всегда готовые къ бою, вполне поняли миссію Бранденбурга, какъ срединнаго государства, которому было суждено распространять свои границы во всѣхъ направленіяхъ. Въ долголѣтнихъ раздорахъ съ духовными курфюрстрами Магдебурга и Гальберштадта и съ маркграфами Мейссена они не только сохранили всѣ свои владѣнія, но и освободились отъ ленной зависимости отъ Магдебурга, не отрѣкаясь отъ связанныхъ съ этою зависимостью выгодъ. Въ особенности они преслѣдовали цѣли Бранденбурга на сѣверѣ и на востокѣ. Оставаясь вѣрными императору Фридриху II, они въ награду получили отъ императора Поммеранію и сумѣли превратить этотъ, довольно фиктивный подарокъ въ фактическое владѣніе, по крайней мѣрѣ, страной Старгарда и Укермарка. На востокѣ они воспользовались упадкомъ польскаго государства, а также и распаденіемъ Силезіи на нѣсколько небольшихъ, отъ Польши почти независимыхъ областей. Они очень ловко вмѣшивались въ личныя стремленія славянскихъ князей и пользовались возбуждаемыми ими замѣшательствами; конечнымъ результатомъ для Бранденбурга было приобрѣтеніе земли Лебусъ (Lebus); границы марки простирались теперь до средняго Одера; имѣлись всѣ условія для распространенія владычества Бранденбурга на правый берегъ Одера, въ тогдашнюю Славію, теперешній Неймаркъ съ страной Стернбергъ. Здѣсь тамплеры (рыцари Храма) и Іоганниты, призванные въ страну съ мудрымъ раз-

1) О договорѣ 1197 года ср. Ранке — *Zwölf Bücher preuss. Geschichte.* в Дройзена—*Geschichte der. preuss. Politik.*

счетомъ еще Альбрехтомъ Медвѣдемъ, подчинили нѣмецкому вліянію значительные пространства страны; они тѣмъ охотнѣе признали теперь верховенство маркграфовъ, что эти послѣдніе защищали ихъ отъ нападений поляковъ.

Всѣ эти пріобрѣтенія были сдѣланы до того времени, когда въ императорской Германіи наступило страшное время междуцарствія. Оживленная торговля уже велась въ отдѣльныхъ частяхъ марки; были основаны Шпандау, Берлинъ-Кельнъ, Франкфуртъ на Одерѣ и Ландсбергъ. Страна была не только самымъ большимъ изъ небольшихъ княжествъ въ нѣмецко-славянской землѣ, но и самой большой территоріей во всей имперіи. Ея территорія увеличилась гораздо больше, чѣмъ вдвое; ея ленныя притязанія простирались на Поммеранію и Мекленбургъ; у Мейссенскихъ маркграфовъ вскорѣ были отняты земли на правомъ берегу Эльбы и значительныя земли лѣваго берега находились въ залогѣ у Бранденбуга; позже были пріобрѣтены и оба Лаузица ¹⁾. Центральная же область марки простиралась на всю почти страну, лежащую между Эльбой и Одеромъ отъ Мекленбургской равнины къ югу за озеро Гавель, и кромѣ того за Эльбой охватывала Альтмаркъ, а за Одеромъ страну Стернбергъ и часть Неймарка. Правда, что царствующій домъ со времени раздѣла обоихъ маркграфовъ распался на нѣсколько правящихъ домовъ; на основаніи одного стараго разсказа однажды на горѣ Ратеновъ собрались девятнадцать маркграфовъ и жаловались, что ихъ ужъ очень много и потому ни у одного нѣтъ надлежащихъ княжескихъ доходовъ.

Но такое раздѣленіе давало маркграфамъ поводъ дѣлать постоянныя попытки вознаградить себя за свои скудные внутренніе доходы насчетъ сосѣдей. Когда маркграфъ Вальдемаръ (1309—1319) снова соединилъ всѣ владѣнія въ однихъ рукахъ, то онъ безъ сомнѣнія былъ могущественнѣйшимъ княземъ на востокѣ и потому однимъ изъ важнѣйшихъ во всей имперіи; въ 1314 году онъ былъ кандидатомъ на императорскую корону, также какъ его предшественникъ Оттонъ еще въ 1308 году; къ концу своего царствованія онъ овладѣлъ Саганомъ и нѣкоторыми частями великой Польши; не смотря на его пораженіе при Гранзее (1317) онъ сумѣлъ удержаться противъ союза всѣхъ сѣверныхъ государствъ, Швеціи, Даніи, Польши и Рюгена, и добиться почетнаго мира.

Всѣ эти событія, даже принимая во вниманіе военныя способности маркграфовъ, можно объяснить только чрезвычайно быстрымъ развитіемъ самой страны. И дѣйствительно родъ Асканіевъ по своимъ главнымъ склонностямъ былъ родомъ миролюбивыхъ пріобрѣтателей, даровитыхъ организаторовъ, настоящихъ потомковъ Альбрехта Медвѣдя. Въ теченіе немногихъ поколѣній онъ создалъ государство, ко-

¹⁾ Бранденбургъ пріобрѣлъ покупкой мейссенскій нижній Лаузицъ въ 1303 г

торое въ концѣ 13 и началѣ 14 вѣковъ могло считаться наилучше организованнымъ изъ всѣхъ колониальныхъ государствъ востока, хотя въ это время уже появились начатки того оригинальнаго поворота въ общественномъ движеніи, который почти повсемѣстно на колонизированномъ нѣмцами востокѣ съ 14 и 15 вѣковъ повелъ къ преобладанію крупнаго дворянскаго землевладѣнія и къ упадку государственной жизни.

Бранденбургъ отъ другихъ большихъ территорій за Эльбой отличался вполне колониальнымъ происхожденіемъ. Территорія мейссенскихъ маркграфовъ отнюдь не могла считаться колониальной; въ плодородной равнинѣ здѣсь продолжали сидѣть славяне, нѣмцы поселились только на покрытыхъ лѣсомъ горахъ. Въ Мекленбургѣ, Поммераніи и Силезіи дѣло германизированія вели сами славянскіе князья, конечно съ пощадой своихъ земляковъ. Только среди рѣдкаго населенія луговъ марки, кажется, немилосердно гнали прежнихъ жителей; здѣсь эти прежніе жители перебивались кое-гдѣ въ маленькихъ деревушкахъ, ведя жизнь рыбаковъ и охотниковъ или селились въ отдѣльныхъ рыбацкихъ кварталахъ новыхъ германскихъ городовъ. Притомъ Бранденбургъ былъ единственной территоріей, въ которой старое свободное положеніе должности маркграфа повело къ почти полному освобожденію управленія отъ вліянія имперіи; маркграфъ пользовался полной верховной административной властью; онъ былъ верховнымъ военначальникомъ и главнымъ образомъ самостоятельнымъ верховнымъ судьей. Ни одинъ судья въ странѣ не судилъ по порученію короля, всѣ они, до послѣдняго деревенскаго старосты (шульца), судили по повелѣнію маркграфа. Духовенство, бывшее въ это время, какъ и раньше, повсемѣстно противникомъ и врагомъ государственной власти, было, за исключеніемъ епископовъ, вполне зависимо отъ маркграфовъ; принципиально маркграфъ обладалъ всѣми церковными фогствами; всѣ крѣпостные люди церкви были обязаны предъ нимъ службой. Даже и епископы, хотя вначалѣ они были непосредственными имперскими князьями, были все таки сильно зависимыми отъ маркграфовъ; напр., бранденбургскій епископъ долженъ былъ отдавать маркграфу десятину съ своей епархіи, какъ ленъ.

Такимъ образомъ создалась конституція, совершенно независимая отъ вліяній имперіи и церкви. На вершинѣ стояла личность маркграфа; маркграфы сначала раздѣлили страну, по крайней мѣрѣ частью, на военные округа—но только до тѣхъ поръ, пока дѣло шло о чисто военномъ занятіи страны. Позже они создали множество деревенскихъ и городскихъ административныхъ округовъ фогствъ, во главѣ которыхъ стояли назначаемые маркграфами по ихъ волѣ фогты, какъ судебные и военные чиновники, и казначеи, какъ финансовыя чиновники, (Kastner); здѣсь, также какъ и въ Пруссіи и вообще въ колоніяхъ, создалась идея о территориальномъ управленіи посредствомъ чиновни-

чества. Подъ властью фогтовъ въ городахъ были свободно избираемыя, но государствомъ утверждаемыя, власти, если только управление городовъ не передавалось просто княжескому городскому фогту или поставленному княземъ совѣту; въ деревняхъ властями были наследственные шульцы, должность которыхъ считалась леномъ маркграфа.

Въ началѣ къ такой организаціи не принадлежали только немногіе роды стараго нѣмецкаго и славянскаго дворянства, именно въ Альтмаркѣ и Пригницѣ, а позже только храбрымъ родамъ дворянъ Неймарка, которому постоянно угрожали опасности, было предоставлено привилегированное положеніе въ ихъ многочисленныхъ бургахъ и окрестныхъ деревняхъ. Вообще же организація марки, несмотря на такое выдающееся положеніе нѣкоторыхъ фамилій, не допускала въ принципѣ никакого особеннаго вліянія высшихъ дворянскихъ классовъ. Одинъ только маркграфъ обладалъ всей полнотою власти и онъ въ своихъ рѣшеніяхъ только добровольно слѣдовалъ совѣту своихъ приближенныхъ и слугъ, сообразно обычаю, установившемуся во всей Германіи.

Но такая конституція была неудовлетворительна въ одномъ отношеніи, и это и было причиной ея уничтоженія: она не давала никакихъ регулярныхъ войскъ, въ которыхъ марка, однако, постоянно нуждалась.

Крестьяне и бюргеры были, правда, обязаны идти на призывъ маркграфа въ случаѣ опасности, а также нести сторожевую службу и службу въ бургахъ. Но въ эти вѣка конница была главнымъ родомъ оружія; новое государство должно было имѣть въ постоянной готовности всадниковъ. Маркграфы съ самаго начала должны были чувствовать давленіе этой потребности, потому что безъ удовлетворенія ея было невозможно ни завоевать, ни удержать страну. Поэтому немедленно же послѣ занятія страны было приступлено къ разрѣшенію этой задачи. Кромѣ крестьянъ, приходившихъ въ страну съ своими садчиками, будущими деревенскими шульцами, и устроившихъ деревни, раздавались участки земли, пространствомъ по меньшей мѣрѣ въ 4 или 6 гуфовъ, многимъ приходившимъ свободнымъ людямъ или министеріаламъ, знающимъ кавалерійскую службу, такъ что обыкновенно рядомъ съ вновь основанной деревней находилось особое, самостоятельное имѣніе *Кнаппа* (Кнаррен) или рыцаря¹⁾. На основаніи опредѣленій 1280 и 1283 годовъ²⁾ владѣльцы такихъ имѣній должны были выѣзжать, кнаппы съ двумя или тремя копѣйщиками каждый, а рыцари съ тремя или четырьмя конюхами—за это

1) Имѣніе въ 6 гуфовъ не могло кормить рыцаря; къ тому же присоединялись княжескіе десятины и оброкъ (ср. Дройзена): это была попытка хоть частію отдѣлаться отъ натурально-хозяйственнаго обложенія.

2) Ср. Grossmann—Gutsherrlich—häuerlich Rechtsverhältnisse. Относительно времени второго договора. См. Kühn-Gerichtsverfassung.

они пользовались своими землями и были освобождены отъ тяжестей крестьянскаго оброка и службы.

Кромѣ крестьянскаго населенія, состоявшаго подъ начальствомъ шульцевъ и фогтовъ, и платившаго маркграфу оброкъ, относящаго государственныя повинности, денежныя и натуральныя, появилась такимъ образомъ новая группа деревенскихъ обывателей. Эта группа составила изъ обыкновенно многочисленныхъ родовъ служащихъ метрополи и особенно изъ саксонцевъ; такимъ образомъ первоначально она происходила изъ сословія несвободныхъ и въ метрополи еще долго считалась несвободной; но въ колоніяхъ не особенно обращали вниманіе на прежнюю исторію и прежнее положеніе; во вниманіе принимались только крѣпость руки, воинская доблесть и помѣстье, превышающее размѣрами обыкновенное крестьянское владѣніе; конные владѣльцы имѣній величиной въ четыре или шесть гуфъ сразу сдѣлались руководящимъ общественнымъ классомъ, дворянствомъ деревни. Въ началѣ они, конечно, не имѣли никакихъ личныхъ привилегій, они были равноправны съ крестьянами и судились съ ними въ однихъ судахъ.

И однако въ сферѣ какъ правовыхъ, такъ и политическихъ отношеній уже имѣлись условія раздѣленія двухъ сословій. Крестьяне сидѣли на своихъ гуфахъ, верховная собственность на которыя принадлежала маркграфу, по праву наследственныхъ оброчныхъ людей, таково же было и положеніе ихъ шульца; только его должность, а не его имущество въ принципѣ считалась леномъ маркграфа. Рыцари, напротивъ, пользовались своими имѣніями, верховная собственность на которыя тоже принадлежала маркграфу, по ленному праву; потому въ вопросахъ о ленѣ они появлялись предъ судомъ вассаловъ страны, предъ придворнымъ судомъ, предъ маркграфомъ, какъ судьей. Въ этомъ отношеніи, не говоря уже о лучшемъ общественномъ положеніи рыцаря, его юридическое положеніе по отношенію къ маркграфу было привилегированнымъ по сравненію съ положеніемъ крестьянина. Въ политическомъ же отношеніи оно было привилегированнымъ относительно общественныхъ повинностей. Рыцарь, несшій съ своими всадниками обязанность защиты страны, кромѣ доходовъ въ своихъ шести гуфовъ пользовался и освобожденіемъ отъ прямыхъ налоговъ. Если это облегченіе вначалѣ было чисто финансовымъ, то вскорѣ оно получило значеніе политической привилегіи — свобода отъ налоговъ сдѣлалась привилегіей рыцарскаго сословія, какъ сословія.

Съ такихъ притязаній рыцарства, какъ сословія, начинается развитіе, которое, кромѣ другихъ причинъ, разрушило первоначальный строй государства маркграфовъ въ 14 вѣкѣ, хотя начало этого разрушенія идетъ уже съ конца 13 вѣка.

Рыцари не долго довольствовались своими имѣніями въ шесть гуфовъ, очень скудно вознаграждавшими ихъ за ихъ службу. Обладая

въ мирное время значительными, даже излишними рабочими силами, они начали разработывать излишнія, не отведенныя имъ земли и такимъ образомъ увеличивать свои владѣнія; уже во второй половинѣ 13 вѣка не рѣдки были рыцарскія имѣнія въ двадцать гуфовъ (600 моргеновъ); въ поземельной книгѣ Неймарка 1337 года встрѣчаются рыцарскія имѣнія въ тридцать гуфовъ. Рыцари уже тогда добивались освобожденія отъ налоговъ и этихъ земель, въ 14 вѣкѣ они повсемѣстно добились этого.

Возможно ли было при такомъ привилегированномъ положеніи рыцарскаго сословія удержать подсудность рыцарей обыкновеннымъ судомъ маркграфа; уже во второй половинѣ 13 вѣка ихъ особое положеніе предъ этимъ судомъ представлялось само по себѣ понятнымъ; они становятся классомъ, обладающимъ извѣстными судебными и правовыми привилегіями; новое сословное сознаніе находитъ корпоративныя формы, соотвѣтствующія общественнымъ представленіямъ 13 вѣка.

Рыцари сдѣлались настоящимъ поземельнымъ дворянствомъ, въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова. Но если въ качествѣ такового, они и могли пытаться болѣе или менѣе вліять на рѣшенія маркграфа, они все же не могли разрушить конституціи страны. Это могло произойти только въ силу финансовой нужды маркграфовъ при постоянныхъ раздѣлахъ страны и во время большихъ польскихъ походовъ во второй половинѣ 13 вѣка.

Для территоріальныхъ князей колоніальныхъ областей, за исключеніемъ развѣ нѣмецкаго ордена, также какъ и для территоріальныхъ князей метрополии, княжеская власть была просто комплексомъ выгодныхъ въ финансовомъ отношеніи правъ; идея современнаго государства была совершенно незнакома государямъ изъ рода Асканіевъ. Потому они въ случаяхъ денежной нужды также, какъ и князья по ту сторону Эльбы, приступали къ ликвидаціи этого комплекса государственныхъ правъ, не думая о томъ, что подобное поведеніе въ государствѣ вполнѣ колоніальномъ должно имѣть особенно вредныя слѣдствія. Приобрѣтающіе княжескія права, отчуждаемыя ими, были подъ рукой, въ самой странѣ — такими приобретателями были прежде всего рыцари. Рыцари покупали управленіе, т. е. финансовую эксплуатацію отдѣльныхъ округовъ фогтовъ на годъ или пожизненно; при этомъ было возможно появленіе небольшихъ отдѣльныхъ государствъ. Подобное положеніе дѣлъ установилось, однако, только во второй половинѣ 14 вѣка, уже послѣ Асканіевъ; собственно говоря, только тогда окончательно была разрушена государственная власть въ маркѣ. Но прежде всего рыцари скупали наиболѣе нужныя имъ права. Они покупали должности шульцевъ деревни, близкой къ ихъ рыцарскому имѣнію; они покупали государственную барщину крестьянъ и марк-

графскіе наследственные оброки. Они такимъ образомъ въ своей деревнѣ становились на мѣсто маркграфа; немедленно же государственная точка зрѣнія, на которой основывались обязанности крестьянъ, превращалась въ помѣщичью. Рыцари сдѣлались помѣщиками своей деревни, а крестьяне ихъ крѣпостными. Это не было крѣпостное право метрополиі въ позднѣйшее время, — крѣпостное право добродушное, доведенное въ разработкѣ мелочныхъ правъ и обязанностей часто до юмора. Въ колоніяхъ экономическіе контрасты обыкновенно выступаютъ болѣе рѣзко; все получаетъ значеніе, все дѣлается правомъ. Къ тому же новыя, переданныя рыцарямъ права были неопредѣленными; они первоначально были государственными и предѣломъ имъ могли служить только государственные интересы, общественное благо. Такихъ предѣловъ теперь больше не было. Какое юридическое понятіе могло теперь воспрепятствовать рыцарю превратить военную барщину, сдѣлавшуюся частной, въ неумѣренную земледѣльческую барщину? Какимъ образомъ право верховной собственности маркграфа, выражавшееся въ наследственномъ оброкѣ и перешедшее вмѣстѣ съ этимъ оброкомъ къ рыцарю, при болѣе сильномъ, обусловливаемомъ сосѣдствомъ, воздѣйствіи рыцаря на крестьянъ, могло не получить гораздо болѣе суровыхъ, до сихъ невиданныхъ формъ? Переходъ должности наследственнаго шульца къ рыцарю слишкомъ легко и естественно велъ къ развитію патримониальнаго суда.

Таково было положеніе дѣлъ въ Бранденбургѣ при окончаніи періода гоенодства рода Асканіевъ. Безспорно, что такое положеніе дѣлъ находилось въ полномъ противорѣчій съ первоначальнымъ характеромъ колониальной культуры востока. Въ теченіи двухъ вѣковъ разрушительно дѣйствовало то положеніе, что военную службу во время среднихъ вѣковъ награждать было можно не иначе, какъ пожалованіемъ земли. Такъ какъ заселеніе востока происходило на основѣ земледѣльской культуры, то оно въ себѣ самомъ таило зародыши развитія натурального хозяйства, тѣ самые зародыши, которые когда то, при своемъ развитіи, разрушили всемірную монархію каролинговъ, а потомъ имперію Штауфеновъ. Теперь въ послѣдній разъ натуральное хозяйство вліяло, даже властвовало надъ юнымъ нѣмецкимъ государствомъ; въ это же время торговое и военное государство ордена въ Пруссіи, а на западѣ нѣкоторыя изъ болѣе прогрессивныхъ территорій уже начали искать новыхъ путей государственной самостоятельности.

Бранденбургъ во время своего упадка въ первой половинѣ 14 вѣка для всего востока, за исключеніемъ Пруссіи, былъ примѣромъ развитія, совершавшагося и въ другихъ колонизированныхъ нѣмцами территорияхъ; всѣ эти страны, неустойчивыя и выбитыя изъ колеи, ожидали рѣшенія своей судьбы отъ другихъ; повсемѣстно великое коло-

низаціонное движеніе эпохи Штауфеновъ имѣло печальный конецъ. Съверовостокъ отъ Карпатовъ до Балтійскаго моря былъ готовъ сдѣлаться членомъ того великаго государства, которое создавалъ богемскій люксембургскій домъ и которое было временно, по крайней мѣрѣ, осуществленно въ восточной средне-европейской монархіи Карла IV. А юговостокъ, за исключеніемъ австрійскихъ земель и Зибенбюргена, политически погибъ для нѣмцевъ, благодаря самостоятельному развитію мадьярскихъ и славянскихъ государственныхъ формъ.

ИСТОРИЯ
ГЕРМАНСКАГО НАРОДА.

К. ЛАМПРЕХТА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

4

11

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возстановленіе національнаго королевства.

I.

Сущность всемірноисторическаго развитія по большей части состоитъ въ томъ, что типическія составныя части культуры высоко развитыхъ народовъ переходятъ къ народамъ молодымъ, продолжаютъ жить у нихъ и соединяются съ новыми пріобрѣтеніями воспринимающаго народа, образуя прекрасный цвѣтъ, обѣщающій болѣе богатые плоды. Всемірно историческій процессъ въ этомъ отношеніи похожъ на процессъ облагороживанія, къ которому прибѣгаютъ садовники посредствомъ прививокъ, вводя болѣе благородные соки въ менѣе развитое, но особенно сильное растеніе. Такимъ образомъ пріобрѣтенія восточныхъ народовъ были перенесены изъ Египта въ Грецію, изъ Греціи въ Римъ, а изъ Рима къ Германцамъ.

Но переходъ къ Германцамъ произошелъ совсѣмъ особеннымъ образомъ. Главнѣйшія изъ государствъ Эллады, а также и Римъ, были съ давнихъ поръ городами—государствами и почти съ самаго начала были ограничены извѣстными мѣстностями. Потому чужія пріобрѣтенія должны были приноситься къ нимъ; они перерабатывали ихъ на неизмѣнной основѣ своей государственной области. Германское государство, напротивъ, было военной организаціей членовъ племени, не обладавшаго еще опредѣленной областью. Потому было возможно, что оно само переходило въ области римской или греческой культуры и тутъ на чуждой географической основѣ воспринимало культуру древнихъ. Именно такъ и происходили событія послѣднихъ четырехъ вѣковъ до и послѣ начала христіанской эры, событія, которымъ дали общее названіе переселенія народовъ; въ большинствѣ случаевъ Германцы усвоили себѣ античную культуру посредствомъ поселенія въ предѣлахъ имперіи.

Для дальнѣйшаго существованія этой культуры это имѣло очень важное значеніе.

Греки по существу воспользовались только духовными и матеріальными приобрѣтеніями восточныхъ народовъ. Римъ точно также овладѣлъ только искусствомъ, литературой и техникой грековъ. Германцы же, въ силу своей низкой степени культуры менѣе восприимчивые къ этимъ сферамъ высоко развитой исторической жизни, прежде всего восприняли только внѣшнюю оболочку древней культуры, именно государство. Извѣстно, что первыя нѣмецкія государства на римской почвѣ были ничто иное, какъ части имперіи; позднѣйшія государственныя образованія рассматривались, какъ подражаніе и возрожденіе имперіи, а не какъ самостоятельная ея замѣна.

Потому то изъ всей римской культуры всего лучше сохранилась римская государственная идея и притомъ она сохранилась въ двойной формѣ: въ формѣ вѣрованія въ продолженіе міровой универсальной имперіи и въ строѣ церкви, бывшемъ созданіемъ государства въ эпоху Константина Великаго и одержавшей побѣду надъ хаосомъ переселенія народовъ. Очень рано появился человекъ, сѣумѣвшій слить обѣ эти идеи будущей христіанской теократіи; такова была основная идея *Civitas Dei* святого Августина.

Такое сохраненіе римской государственной идеи, въ двойной, стремящейся къ внѣшнему объединенію, формѣ, имѣло огромное значеніе для исторіи Германцевъ, и въ особенности нѣмцевъ. Въ такое время, когда нація еще не имѣла въ себѣ самой основъ будущаго политическаго единства, въ эпоху отдѣльныхъ народностей и племенъ она сохранила по крайней мѣрѣ внѣшнее единство, механическую связь, соединявшую упорно сопротивлявшіяся національныя составныя части. Подъ вліяніемъ такой идеи Карлъ Великій создалъ государство франковъ-лонгобардовъ и императорскую теократію послѣднихъ лѣтъ своего царствованія; этой идеѣ служила партія епископовъ и аббатовъ, удержавшая имперію отъ распаденія въ тяжелое время Людвига Благочестиваго; ей же служили епископы и папа въ послѣдніе годы царствованія Конрада I; исходя изъ этой идеи Оттонъ Великій снова создалъ имперію, а Генрихъ III еще разъ попытался дать ей теократическій характеръ.

Но со времени II столѣтія началось разложеніе политическихъ идей, переданныхъ древними и формулированныхъ Августиномъ. Универсальное государство и церковь подверглись внутреннимъ измѣненіямъ и ихъ пути разошлись. Это было неизбѣжнымъ и по своимъ слѣдствіямъ отнюдь не трагичнымъ событіемъ.

Политическая идея императорской власти должна была исчезнуть, если она не поддерживалась болѣе фактическимъ существованіемъ имперіи или, по крайней мѣрѣ, живой вѣрой въ ея недалекое будущее возрожденіе. Но римская міровая имперія фактически не возрож-

далась болѣе и вѣра въ ея возрожденіе, недостаточно поддерживаемая существовавшимъ положеніемъ дѣлъ, постепенно ослабѣвала въ силу все болѣе усиливавшагося забвенія всякаго античнаго преданія; напрасно пытались снова оживить ее въ эпохи каролингскаго и оттоновскаго возрожденія. За оттоновскимъ возрожденіемъ не послѣдовало возрожденіе политическое; древняя государственная идея императорской власти начинаетъ забываться въ началѣ одинадцатаго вѣка.

Такова же была судьба античной государственной идеи, сохранившейся въ церкви—хотя тутъ она имѣла совершенно иныя слѣдствія и породила совершенно иныя событія. Еще въ восьмомъ и девятомъ вѣкахъ удержался церковный строй епископальной эпохи—удержался, по крайней мѣрѣ, настолько, что римскія правительственныя традиціи и римское правосознаніе дѣйствовали подъ вліяніемъ положенія, что для ихъ сохраненія прежде всего необходимо воспрепятствовать распаденію великаго среднеевропейскаго государства каролингозъ.

Такое положеніе было спасеніемъ для единства нѣмецкихъ племенъ. Но оно исчезло въ теченіе десятаго и одинадцатаго вѣковъ. Въ то время, какъ съ одной стороны епископы сильно поддерживали императоровъ нѣмецкой націи въ дѣлѣ управленія нѣмецкимъ и итальянскимъ государствомъ, съ другой стороны среди европейскихъ народовъ появились, какъ слѣдствие дѣйствительно сердечнаго воспріятія христіанства, начатки новаго благочестія, которое должно было искать выраженія въ измѣненномъ церковномъ строѣ. Изъ монастырей Лотарингіи и изъ Ключни вышло ученіе объ отреченіи благочестивыхъ людей отъ міра и отъ господства надъ міромъ; это ученіе нашло откликъ и въ Римѣ, у гроба св. Петра, наслѣдники котораго давно уже добивались единой державы надъ церковью. Здѣсь ученіе получило внѣшній характеръ, не довольствующійся призваніемъ церкви какъ опоры и дополненія всемірной свѣтской власти, или идеей о духовномъ первенствѣ римскаго епископа, а стремившійся къ созданію свѣтской теократіи папы, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ. Такова была цѣль, поставленная Григоріемъ VII въ *Dictatus papae*; къ этой цѣли стремились всѣ великіе папы до Иннокентія III и послѣ него. Могло ли папство, стремясь къ достиженію такой цѣли, думать о сохраненіи прежняго церковнаго строя, который могъ служить поддержкой единства націи? Конечно, нѣтъ; папство игнорировало націи; его идеалы въ одинадцатомъ и въ слѣдующіе вѣка были космополитическими.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ пришли въ упадокъ всѣ тѣ переживанія римской государственной идеи, которыя до этихъ поръ были въ состояніи сохранять и внѣшнимъ образомъ поддерживать національное единство, не вытекавшее въ то время изъ внутренняго строя націи. Эти переживанія тѣмъ болѣе должны были отказаться отъ рѣшенія задачи, раньше нѣкоторымъ образомъ рѣшаемой ими, что ихъ двѣ

формы, свѣтская и церковная, находились теперь въ ожесточенной борьбѣ. Въ особенности для націи было не выгодно то обстоятельство, что въ этой борьбѣ въ теченіи 13 вѣка одержало побѣду папство, т.-е. тотъ изъ наслѣдниковъ античнаго преданія, который не опирался на идею національности. Въ то время, какъ пала имперія нѣмецкой націи, итальянскіе папы выставили теоріи, подкапывающія императорскую власть даже въ самой Германіи; такъ, напр., они выдумали басню, будто право нѣмецкихъ князей избирать императора дано имъ папой.

Во всякомъ случаѣ въ срединѣ 13 вѣка было уже несомнѣннымъ, что единство націи не можетъ быть сохраненно ни имперіей, ни церковью, какъ внѣшними властями. Появился грозный вопросъ: можетъ ли эта задача быть разрѣшена въ надлежащей мѣрѣ внутреннимъ національнымъ развитіемъ?

Тринадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ заканчивающагося натурального хозяйства и начинающихся денежно-хозяйственныхъ вліяній.

Въ первые періоды эпохи натурального хозяйства, отъ седьмого до девятого вѣка, создалась феодальная система; въ феодальномъ государствѣ Карла Великаго была создана энергическая исполнительная власть съ весьма сильно-развитой, получавшей плату продуктами натурального хозяйства и связанной съ представителемъ исполнительной власти особой клятвой въ вѣрности, бюрократіей. Въ позднѣйшіе періоды эпохи натурального хозяйства эта бюрократія видоизмѣнилась и въ концѣ концовъ распалась. Чиновники сдѣлались наслѣдственными; административные округа превратились въ территоріи, охватывавшія или цѣлый округъ, или часть его, или даже нѣсколько округовъ. Изъ высшаго чиновничества развилось сословіе князей, а изъ переданныхъ центральной властью отдѣльнымъ чиновникамъ полномочій создалась территоріальная власть. Отдѣльные владѣльцы территорій, князья, боролись другъ съ другомъ изъ-за земель, самостоятельности и вліянія; они почти совершенно не обращали вниманія на національную точку зрѣнія; ихъ стремленія очень рѣдко охватывали всю область племени и, хотя и создавали новые партикуляристическіе интересы, но за то разрушали старые партикуляристическіе племенные интересы. Притомъ же еще далеко было до той поры, когда эти владѣльцы территорій посредствомъ созданія почти повсемѣстно одинаковаго мѣстнаго чиновничества изъ среды рыцарскаго сословія, посредствомъ созданія ученой центральной администраціи изъ получившихъ юридическое образованіе членовъ дворянскаго и бюргерскаго сословія, создали первое наслоеніе, общее всей націи, профессиональнаго класса, т.-е. одно изъ самыхъ важныхъ связующихъ элементовъ будущаго, истинно органическаго единства націи.

Въ первые періоды эпохи натурального хозяйства существовала такая организація земледѣльческой промышленности, что рядомъ съ

многочисленнымъ классомъ крестьянъ, имѣвшихъ одинаковыя владѣнія, стояли помѣщики съ крупными земельными владѣніями и зависимые отъ этихъ помѣщиковъ люди. Такая организація земледѣльческаго промысла допускала накопленіе излишковъ, которые употреблялись прежде всего на дальнѣйшее колонизированіе страны. Это развило въ націи способности къ колонизированію, способности, передаваемые по наслѣдству изъ рода въ родъ; когда эти способности не находили болѣе примѣненія дома, онѣ подъ давленіемъ постоянного увеличенія населенія искали себѣ примѣненія на чужбинѣ. Зазвучалъ призывъ къ движенію на востокъ; въ то время уже начиналось движеніе, въ концѣ концовъ поведшее къ приобрѣтенію за Эльбой и на среднемъ теченіи Дуная трехъ пятыхъ теперешней нѣмецкой земли. Несомнѣнно, столь важное движеніе должно было служить могуществу и величію родины, а также и объединенію ея отдѣльныхъ частей. Но временно дѣйствіе этихъ событій было не таково. Страны метрополіи были лишены лучшей части своего населенія не въ одинаковой степени, и потому ихъ взаимныя отношенія значительно измѣнились; а кромѣ того рядомъ съ метрополіей появилась колониальная область съ инымъ нравами, съ видоизмѣненнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, съ инымъ строеніемъ государственной власти. Эпоха эндосмоса, взаимнаго проникновенія метрополіи и колоній, повела въ будущемъ къ развитію Ганзы, къ стремленіямъ создать самостоятельную территориальную власть Габсбурговъ, Адольфа Нассаускаго, Люксембургскаго дома, которые съ запада, съ родины стремились на колониальный востокъ—но всѣ эти событія были дѣломъ близкаго будущаго.

Наконецъ за эпохой зрѣлаго натурального хозяйства, послѣднимъ дѣломъ котораго была колонизація востока, настала эпоха денежнаго хозяйства городовъ. Навѣрное ничто не соединило такъ націю, какъ незамѣтный и послѣдовательный ростъ денежно-хозяйственныхъ отношеній отъ основанія рейнскаго монетнаго союза въ 1386 году и отъ замѣчательнаго развитія торговыхъ отношеній въ 14 и 15 вѣкахъ до таможеннаго союза (Zollverein) 19 столѣтія. Но первыя крупныя денежно-хозяйственныя вліянія, казалось, имѣли совершенно противоположный характеръ. Они выдѣляли города, какъ обособленные центры новой хозяйственной формы, изъ стараго жизненнаго строя, основаннаго на системѣ натурального хозяйства; результатомъ ихъ вліяній была война съ территоріями и раздоры съ прежними владѣльцами городовъ, а безсердечное отношеніе городовъ къ окружающимъ деревнямъ въ дѣлѣ свободной передачи этимъ послѣднимъ приобрѣтеній денежно-хозяйственнаго развитія почти уничтожало тѣ заслуги, кокорые оказали города государству въ интересахъ общественнаго спокойствія и безопасности торговли и во времена междуцарствія.

При подобныхъ обстоятельствахъ было неудивительно, что въ 1270 году въ Германіи говорили о войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ.

Старыя механическія защитительныя силы націи, имперія и церковь, исчезли; новыя органически объединяющія силы не развились. Это было время не только междуцарствія, но и пріостановки національнаго развитія. Трудно было предсказать, каковы будутъ дальнѣйшія внѣшнія судьбы нашей родины.

Да и кто могъ вѣрно оцѣнить силу еще существовавшихъ объединяющихъ тенденцій? Кто въ это время могъ правильно опредѣлить политическое значеніе рыцарства и свободныхъ господъ, этихъ останковъ великой эпохи борьбы императоровъ и поэтического образованія, значеніе развивавшихся городовъ и энергично концентрировавшихся территорій? Только будущее могло показать, что съ этихъ поръ и до самаго 14 вѣка главнѣйшая сила націи, насколько эта сила была концентрированной, была въ территоріяхъ.

II.

Обзоръ всѣхъ территорій въ срединѣ 13 вѣка указываетъ, что одна изъ группъ, а именно духовныя территоріи, давно уже не играли въ это время той важной роли, какую они играли въ предшествующіе вѣка. Если въ послѣднее десятилѣтіе владычества Штауфеновъ духовные князья были еще очень самостоятельными, то они утратили это положеніе во время междуцарствія. И это было понятно. Территориальная власть даже важнѣйшихъ изъ духовныхъ князей, рейнскихъ архіепископовъ Майнца, Трира и Кельна, была сама по себѣ не велика; ихъ доходы далеко уступали доходамъ крупныхъ свѣтскихъ князей; маркграфъ Бранденбургскій, напр., былъ въ финансовомъ отношеніи могущественнѣе ихъ въ семь или въ пятнадцать разъ. Ихъ значеніе основывалось прежде всего на ихъ отношеніяхъ къ куріи; до тѣхъ поръ, пока они были естественными органами сильнаго вліянія папы въ Германіи, они стояли выше свѣтскихъ князей. Во время междуцарствія, когда это вліяніе въ силу отсутствія королевской власти не имѣло возможности примѣняться, объ нихъ было слышно меньше; напротивъ въ концѣ 13 вѣка и въ первыя десятилѣтія 14 вѣка, въ періодъ частыхъ королевскихъ выборовъ, и до окончательнаго разрыва между куріей и націей при Людвигѣ Баварскомъ и Карлѣ IV, они еще разъ выдвигаются на первый планъ.

Кромѣ того области духовныхъ князей, бывшія сами по себѣ въ качествѣ церковныхъ имуществъ гораздо постояннѣе по своимъ границамъ сравнительно съ областями свѣтскихъ князей, частію пользовались меньшимъ значеніемъ потому, что тѣ изъ нихъ, которыя находились въ колониальной области, были подчинены территориальной власти свѣтскихъ князей, а тѣ, которыя находились въ метрополи, не стояли въ центрѣ ея развитія на юго-западѣ. Вообще боль-

шія земли духовныхъ князей были сосредоточены только на юго-востокѣ (Аквилея, Тріентъ, Зальцбургъ) и на сѣверо-западѣ (Кельнъ, Утрехтъ, Мюнстеръ, Падеборнъ, Оснабрюкъ, Бременъ). При подобныхъ условіяхъ духовные князья могли развивать свое могущество, какъ обособленная политическая группа, только въ томъ случаѣ, еслибы у нихъ была новья опора въ особомъ, на національной почвѣ выросшемъ, сословномъ сознаніи. Но такого сознанія у нихъ не было. Со времени законовъ, изданныхъ Штауфенами въ ихъ пользу, они были такими же князьями, какъ и свѣтскіе князья; спеціально духовные интересы, универсальные или національные, отступали у нихъ на задній планъ предъ сознаніемъ своей территоріальной власти.

Области свѣтскихъ князей, какъ онѣ образовались со временъ привилегіи Фридриха II, по ихъ величинѣ и значенію были размѣщены очень разнообразно въ отдѣльныхъ частяхъ нѣмецкой земли.

Въ южномъ центрѣ Германіи, въ Швабіи и Франконіи, владѣнія были особенно дробными. Наоборотъ, на западной границѣ, гдѣ раньше и полнѣе развилась территоріальная власть, существовало множество территорій средней величины; здѣсь, прерываясь только изрѣдка миниатюрными территоріями, находились графства Габсбургское, герцогство Лотарингія, графство Люксембургъ, герцогство Брабантъ, графства Гельдернъ и Голландія; всѣ эти области были величиной почти въ половину какой-нибудь теперешней прусской провинціи. Настоящія же крупныя территоріи находились на восточной границѣ. Здѣсь, сто лѣтъ тому назадъ, Генрихъ Левъ владѣлъ государствомъ, величиной почти равнявшемся теперешней Пруссіи. Это государство Генриха Льва охватывало почти двѣ пятыхъ всего королевства; центромъ его были герцогства Саксонія и Баварія; почти вся восточная граница Германіи принадлежала ему; его сѣверныя и южныя части между Эйзенахомъ, Лейпцигомъ и Бамбергомъ отстояли другъ отъ друга почти на сто километровъ разстоянія. Но это государство, бывшее постоянной опасностью для всякаго, даже самого могущественнаго нѣмецкаго короля, распалось послѣ низверженія Генриха. Отдѣльные куски его на сѣверѣ, сдѣлавшіеся самостоятельными территоріями, были малы и незначительны; герцогство Брауншвейгъ-Люнебургъ, еще наиболѣе значительное изъ этихъ земель, величиной было въ половину меньше Бранденбурга или Богеміи. На югѣ раздробленность была не столь велика; но и здѣсь самая большая изъ всѣхъ территорій, Баварія, вышла изъ катастрофы сильно ослабленной. Хотя Виттельсбахи, со времени низверженія Генриха Льва сдѣлавшіеся владыками Баваріи, до 14 вѣка и даже позже играли одну изъ важнѣйшихъ ролей среди свѣтскихъ князей метрополіи, но это зависѣло отъ того, что они съ 1214 года владѣли рейпскимъ пфальцграфствомъ, которое въ то время, начавшись когда то богатымъ владѣніемъ около Ахена и въ Эйфель, начало консолидироваться въ

странахъ долины верхняго Рейна, въ теперешнемъ Пфальцѣ и около Гейдельберга. Во всякомъ случаѣ общее владѣніе Виттельсбаховъ въ 1255 году было раздѣлено на долгое время, такъ что нижняя Баварія и верхняя Баварія съ Пфальцемъ составляли отдѣльныя территории; тѣмъ не менѣе верхняя Баварія, за исключеніемъ государства, созданнаго Рудольфомъ Габсбургскимъ, оставалась до середины 14 вѣка одной изъ важнѣйшихъ территорій старой Германіи.

По сравненію со всѣми этими территориями, владѣнія, остававшіяся еще въ рукахъ короля, были незначительны. Правда, императоръ Фридрихъ I сдѣлалъ большія приобрѣтенія; къ своему крупному наслѣдственному имуществу, къ наслѣдію салійцевъ и вельфовъ онъ присоединилъ много церковныхъ леновъ и фогствъ; въ его власти были герцогство Швабія съ Эльзасомъ, восточнофранконское герцогство, графство Бургундія и временно рейнскій Пфальцъ; кромѣ того при немъ имперія владѣла значительными имѣніями въ Плейссенской странѣ; имѣнія эти получили особенное значеніе, когда Генрихъ VI прибрѣлъ для имперіи маркграфство Мейссенъ. Но такое собираніе земель прекратилось въ теченіи 13 вѣка. Уже Филиппъ Швабскій чрезмѣрно щедро раздавалъ имперскія земли; въ послѣдніе годы царствованія Фридриха II и при Конрадѣ IV происходило настоящее разграбленіе имперскихъ имѣній. Оставшіяся у имперіи земли составляли пространство въ три четверти марки Бранденбурга; эти земли лежали отдѣльными кусками при впаденіи Майна въ Рейнъ, между Некаромъ и Дунаемъ, между Дунаемъ и Лехомъ, а кромѣ того у имперіи оставались ландграфство нижній Эльзасъ, часть верхняго Пфальца и саксонская Фогтландъ съ бургграфствомъ Альтенбургъ. Таковы были несчастные остатки когда то крупныхъ владѣній; въ колониальной же области у имперіи земель почти совсѣмъ не было, а именно тутъ при энергической дѣятельности короля и было возможно снова создать имперскую территорию, что и доказали событія послѣдующей эпохи.

Колониальная область отличалась отъ метрополіи тѣмъ, что въ ней были особенно крупныя территории. Какъ гуфа фламандскихъ и франконскихъ крестьянъ была вдвое больше обыкновенной нѣмецкой народной гуфы въ силу закона экстенсивнаго измѣренія земли и экстенсивной культуры, свойственной всякой колоніи, такъ и территории на вновь прибрѣтенномъ востокѣ вообще были вдвое больше, чѣмъ въ метрополіи; миниатюрныхъ же территорій почти совсѣмъ не было. Эти составныя территории лежали рядомъ одна съ другой и занимали каждая отдѣльныя страны: Пруссія и Померанія, Бранденбургъ и Силезія, Богемія и Моравія, Австрія, Штирія, Каринтія и Крайна. Главнѣйшими изъ нихъ въ срединѣ и въ концѣ среднихъ вѣковъ были территории, находившіяся всего ближе къ метрополіи: Бранденбургъ, Австрія и Богемія.

Въ теченіи 13 вѣка самой важной изъ этихъ территорій была Богемія. Въ началѣ 12 вѣка она была скорѣе зависимымъ отъ имперіи государствомъ, чѣмъ ея составной частью и только Фридрихъ I тѣснѣе привязалъ ее къ имперіи; онъ ставилъ и низлагалъ герцоговъ, не обращая вниманія на старшинство членовъ царствующаго дома и на древнее избирательное право народа. Эта политика, въ соединеніи съ увеличивающимся благодаря колонизаціи значеніемъ востока, вводила во внутреннюю жизнь нѣмецкаго королевства чешскія народныя силы; герцогъ богемскій игралъ важную роль во время борьбы между Оттономъ IV и Филиппомъ Швабскимъ. Фридрихъ II окончательно призналъ это значеніе Богеміи. Богемскіе герцоги, и раньше временно пользовавшіеся королевскими почестями, въ Золотой Буллѣ Фридриха 12 сентября 1212 года были названы королями и получили въ ленъ королевство Богемію; для полнаго упроченія ихъ власти было необходимо только регулированіе престолонаслѣдія, и вскорѣ, въ 1216 году, Фридрихъ высказался въ пользу права перворожденныхъ. Обезпеченные такимъ образомъ въ своихъ отношеніяхъ къ нѣмецкому королевству и къ своей странѣ, богемскіе государи 13 вѣка приступили къ политической дѣятельности, которую можно сравнить только съ политикой бургундскихъ герцоговъ 15 вѣка.

Въ 1246 году со смертію Фридриха закончился старый родъ герцоговъ австрійскихъ; богемскій король Венцеславъ I немедленно началъ приготовляться къ завоеванію Австріи и Венгріи. То, что не удалось ему, удалось его сыну Отокару II, самому блестящему изъ богемскихъ королей, внуку короля Филиппа Швабскаго и потому наполовину Штауфену. Онъ также, какъ и его отецъ, былъ врагомъ Штауфеновъ и другомъ папы и уже въ 1251 году, чрезъ два года послѣ восшествія на престолъ, добился избранія австрійскимъ герцогомъ; среди радостныхъ привѣтствій духовенства и при поддержкѣ епископовъ Зальцбурга и Регенсбурга онъ вступилъ въ Вѣну и заставилъ молчать дворянство, недовольное его господствомъ. Послѣ фантастическаго крестоваго похода въ землю пруссовъ, который привелъ къ подчиненію нѣмецкому ордену береговой страны, въ 1257 году онъ приступилъ къ завоеванію Баваріи. Отраженный въ кровавой битвѣ при Мюльдорфѣ, онъ направился противъ Венгріи, которая во время борьбы за наслѣдство австрійскаго герцогскаго дома съ помощью папы завладѣла почти всею Штиріей; онъ разбилъ венгровъ въ страшной битвѣ на Мархфельдѣ и присоединилъ Штирію къ своимъ Австрійскимъ владѣніямъ. Послѣ этого онъ посадилъ бреславскаго каноника Петра на епископскую кафедру Пассау, а силезскаго герцога Владислава на кафедру архіепископства Зальцбургъ, обезпечилъ за собой власть фогта надъ архіепископствомъ, завладѣлъ послѣ смерти герцога Ульриха Каринтіей, прибрѣлъ Крайну и въ 1270 году былъ могущественнѣйшимъ государемъ на востокѣ; границы его государства про-

стирались отъ равнинъ верхней Итали и береговъ Адриатики до силезскихъ горъ.

Онъ не только съумѣлъ создать себѣ такое государство, но умѣлъ и править имъ. Отношенія съ своимъ сюзереномъ, нѣмецкимъ королемъ, онъ поддерживалъ не очень близкія; король Ричардъ въ 1262 году передалъ ему его государство въ качествѣ лена—но это одареніе касалось только австрійскихъ земель и Отокаръ не являлся къ нему лично и не приносилъ ему присяги. Но за то внутренняя политика была очень энергичной. Здѣсь прежде всего было необходимо создать по существующему уже въ то время у наиболѣе прогрессивныхъ націй европейскаго запада образцу королевскую администрацію, вполне свободную отъ феодальной системы и отъ ея децентралистическихъ вліяній и въ этой администраціи имѣть сильное орудіе для исполненія королевской воли. Въ самыхъ важныхъ изъ владѣній богемскаго короля, въ Богеміи и Моравіи, этой цѣли достигнуть было особенно легко ¹⁾. Правда, что и сюда проникли изъ Германіи нѣкоторыя черты феодальнаго строя; въ Моравіи, по крайней мѣрѣ, существовало нѣчто подобное нѣмецкому министеріалитету. Но вообще то благодаря тому, что здѣсь еще цѣликомъ сохранилась королевская земельная регалія, развитіе феодализма было задержано; въ 12 вѣкѣ имущество, отдаваемое какъ помѣстье, со смертью государя возвращалось коронѣ. Что касается до управленія, то еще сохранился старый строй управленія жупановъ, гдѣ управляли буртграфы въ качествѣ полномочныхъ чиновниковъ короля, подобно графамъ въ эпоху Мервинговъ. Не обращая вниманія на такой привычный строй управленія, Отокаръ создалъ болѣе интензивную систему управленія. Жупы оставались только какъ судебныя округа и притомъ надъ ними была поставлена высшая контролирующая инстанція, верховный судъ въ Прагѣ. Но для административныхъ цѣлей онѣ были раздѣлены на мелкіе округа, въ которые король назначалъ менѣ могущественныхъ и вполнѣ отъ него зависимыхъ буртграфовъ. Эта мѣра совершенно подчиняла ему землю и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимала у дворянъ ихъ прежнее положеніе, какъ намѣстниковъ очень большихъ округовъ.

Въ организованное такимъ образомъ чехо-моравское королевство король, вообще расположенный къ нѣмцамъ, какъ къ колонистамъ, призвалъ фламандцевъ, голландцевъ, франконцевъ и саксонцевъ. Устроилось множество городовъ магдебурскаго права; на королевской землѣ появилось множество нѣмецкихъ деревень; они были изъяты изъ вѣдѣнія чешской администраціи и стояли подъ непосредственнымъ управленіемъ камергера (*Unterkämmerer*) короля. Такая колонизаціонная

¹⁾ Въ другихъ земляхъ Отокаръ довольствовался менѣ радикальными мѣрами. О королевскомъ указѣ 1266 года объ административномъ устройствѣ страны (*Landrecht*) ср. Dopsch—Arch. für Ost. Geschichtsquellen.

политика должна была принести странѣ и королю особенную пользу потому, что въ то же время горнопромышленность, находившаяся тоже въ рукахъ нѣмцевъ, особенно въ Куттенбергѣ, давала все большіе и большіе доходы, что давало возможность королю завести пышный дворъ и привлечь въ страну изъ Германіи представителей умственной культуры.

Такимъ образомъ въ Чехіи создавалась постепенно новая Германія, опорой для которой служили богатые и чисто нѣмецкія земли по Дунаю и на восточныхъ склонахъ Альпъ; нѣмцы, современники Отокара, считали его могущественнѣйшимъ изъ князей ихъ нѣмецкаго королевства; нѣсколько позже на верхнемъ Рейнѣ доходы одной только Богеміи считали въ 15 мил. марокъ на наши деньги ¹⁾, и потому казалось естественнымъ, что при выборѣ новаго короля прежде всего подумали о немъ. Но Отокаръ оказался совсѣмъ неприготовленнымъ къ принятію короны. Въ этомъ отношеніи его политика еще и теперь представляется намъ неясной и загадочной. Былъ ли онъ предшественникомъ Карла IV въ этомъ вопросѣ и хотѣлъ оставаться отцомъ своей землѣ, а не вотчимомъ имперіи? Боялся ли онъ недоразумѣній съ западными государствами? Испугался ли онъ, наконецъ, угрожавшаго разрыва съ куріей?

III.

Въ Германіи послѣ смерти короля Ричарда князья, можетъ быть, отлично обошлись бы и безъ короля, многіе изъ нихъ, навѣрное, удовлетворились бы простымъ федеративнымъ единствомъ государства. Настроеніе городовъ и свободныхъ господъ было, конечно, инымъ; если дворянство боялось, что при угрожавшей борьбѣ между территоріями и городами оно будетъ раздавлено безъ защиты монарха, то бюргеры съ своей стороны то же желали спокойствія подъ защитой могущественной и въ финансовомъ отношеніи независимой королевской власти.

Курія, по крайнѣй мѣрѣ до значительной степени, раздѣляла такіа воззрѣнія. Папы въ концѣ шестидесятыхъ годовъ 13 вѣка отдали господство надъ нижней Италіей, соединеніе котораго съ властью надъ Германіей и имперіей было имъ такъ ненавистно во время послѣднихъ Штауфеновъ, французскому-анжуйскому дому. Но вскорѣ оказалось, что эта новая комбинація для папства была еще болѣе роковой, чѣмъ прежняя. Франція въ союзѣ съ королевствомъ обѣихъ Сицилій тѣснила Римъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ прежнее сициліанско-германское государство Штауфеновъ; притомъ не имѣя никакого

---

¹⁾ Ann. Colmar., 100000 марокъ. Марка содержала 180 гр. серебра, такъ что равнялась 144—150 м. на наши деньги. Годичный доходъ Баваріи считался въ 20000 м., а Бранденбурга въ 50000.

отношенія къ императорской коронѣ, право даровать которую признавали за собой папы, это государство было гораздо болѣе недоступнымъ для воздѣйствія папъ, чѣмъ римская имперія нѣмецкой націи. Курія съ какой нибудь надеждой на успѣхъ могла бороться противъ чрезмѣрно увеличивающейся силы французско-анжуйскаго вліянія въ Италіи только въ союзѣ съ не вполне безсильнымъ, нравственно усиленнымъ полученіемъ императорской короны и признаваемымъ и въ Италіи, нѣмецкимъ королемъ. Существованіе такой нѣмецкой монархіи очень скоро сдѣлалось жизненнымъ вопросомъ для куріи—таковъ былъ замѣчательный результатъ великой борьбы между имперіей и папствомъ, борьбы, тянувшейся отъ одинадцатаго до тринадцатаго вѣка.

Отъ такой необходимости не могъ уйти и мудрый и твердый папа Григорій X, избранный послѣ трехлѣтняго междуцарствія 27 мая 1272 г.; тѣмъ болѣе, что онъ, человѣкъ въ высшей степени преданный высокимъ задачамъ своего званія, хотѣлъ во что бы то ни стало устроить, въ виду значительныхъ успѣховъ ислама на востокъ, крестовый походъ въ святую землю; онъ въ своихъ мечтахъ видѣлъ себя предводителемъ великаго движенія, которому должны были помочь даже монголы. Необходимымъ условіемъ для осуществленія такихъ великихъ плановъ было участіе всѣхъ европейскихъ народовъ и, стало быть, умиротвореніе запада, а этого достигнуть было невозможно при отсутствіи въ Германіи верховнаго главы, при отсутствіи императора, защитника всемірной церкви.

Потому Григорій X старался, чтобы былъ избранъ общепризнанный всѣми нѣмецкій король. Для этаго прежде всего было необходимо устранить притязанія короля Альфонса, который продолжалъ возбуждать въ верхней Италіи интриги партій въ пользу своего признанія императоромъ. Вскорѣ послѣ смерти короля Ричарда папа началъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, опираясь сначала на вражду короля Неаполя и Сициліи Карла противъ альфонсистовъ верхней Италіи; его старанія, однако, повели къ нѣкоторымъ результатамъ, хотя повидимому и не къ совершенному отреченію кастильскаго короля, только въ сентябрѣ 1275 гда.

Папскіе планы вскорѣ встрѣтили, однако, препятствіе, угрожавшее особенными опасностями; король Сициліи Карлъ пытался доставить при помощи непосредственныхъ переговоровъ съ папой императорскую корону королю Франціи Филиппу, своему племяннику, человѣку незначительному, но вполне ему преданному; при этомъ онъ преслѣдовалъ задачу возстановленія имперіи Штауфеновъ, только съ основой французско-итальянской, и онъ зналъ, что въ такомъ предпріятіи его будетъ поддерживать довольно значительная партія въ коллегіи кардиналовъ.

Положеніе папы было очень труднымъ; онъ могъ выйти изъ него

только насильственными мѣрами; въ концѣ 1273 г. онъ объявилъ нѣмцамъ, что они должны немедленно избрать короля, иначе онъ самъ по совѣщаніи съ кардиналами назначить имъ короля по своей волѣ.

Но въ это же время началось нѣкоторое движеніе среди нѣмецкихъ князей; прежде всего архіепископъ майнцскій Вернеръ созвалъ на совѣщаніе трехъ рейнскихъ архіепископовъ; къ этому шагу духовные князья были вынуждены общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ средне-рейнскихъ городовъ. Такъ какъ архіепископъ Вернеръ, изъ рода Эппенштейновъ, владѣвшаго майнцскимъ архіепископствомъ въ теченіи всего 13 столѣтія за исключеніемъ только двѣнадцати лѣтъ, пользовался большимъ уваженіемъ и былъ друженъ съ важнѣйшимъ изъ свѣтскихъ князей Германіи, съ Виттельсбахомъ Людвигомъ, герцогомъ Баварскимъ и пфальцграфомъ рейнскимъ, то переговоры, особенно въ виду папской угрозы, пошли быстро. Сначала кандидатомъ являлся Людвигъ баварскій; въ юности человекъ бурный и страстный, теперь въ зрѣломъ возрастѣ онъ былъ твердымъ и мужественнымъ; онъ былъ близокъ къ угасшему императорскому роду Штауфеновъ благодаря заботливому исполненію своей обязанности опекуна надъ несчастнымъ Конрадиномъ; при этомъ, какъ человекъ сильный и одаренный крѣпкой волей, онъ былъ особенно пригоденъ для исполненія трудной задачи, предстоявшей будущему королю.

Но именно эти несомнѣнныя преимущества и достоинства и воспрепятствовали въ концѣ концовъ его избранію; ни князья, ни папа совсѣмъ не желали твердаго правительства въ Германіи. И въ концѣ концовъ на первый планъ выступилъ, поддерживаемый и самимъ Людвигомъ, незначительный приверженецъ штауфеновской партіи, графъ Рудольфъ Габсбургскій.

Не въ первый разъ простой графъ выступилъ кандидатомъ на королевскую корону; послѣ прекращенія со смертію Генриха V, въ 1125 г., рода салійскихъ императоровъ многіе считали графа Карла фландрскаго самымъ подходящимъ наслѣдникомъ Генриха ¹⁾. А въ 1270 г. Рудольфъ габсбургскій могъ помѣряться съ фландрскими графами въ могущество, а также и въ личныхъ свойствахъ. Онъ во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ числу могущественныхъ владѣльцевъ въ королевствѣ. Его родъ, происходившій можетъ быть также, какъ и домъ Церингенскихъ герцоговъ, отъ стараго рода герцоговъ Эльзаскихъ Этихонидовъ, могъ похвалиться славными предками въ 11 вѣкѣ; въ 1025 г. одинъ изъ членовъ этаго рода, Вернгеръ, епископъ страсбургскій, умеръ на дорогѣ въ Константинополь въ качествѣ посланника имперіи. Габсбургскія владѣнія были довольно значительны; они простирались отъ богатаго монастыря Отмарсгейма въ верхнемъ Эльзасѣ, гдѣ и теперь еще существуетъ старая замковая

1) Оттонъ Фрейзингъ.

капелла ихъ рода, построенная по образцу Ахенскаго собора Карла Великаго, далеко въ Швейцарію до Габсбурга и Мури, другого семейнаго монастыря рода. Правда, что въ 1232 г. родовое имущество было раздѣлено между двумя линіями рода; но Рудольфъ съумѣлъ необыкновенно увеличить доставшуюся ему часть, такъ что его имущество было даже больше прежняго цѣлаго имущества рода. Онъ приобрѣлъ владѣніе графа Кибурга, единственнаго, кромѣ Габсбурговъ, еще существовавшаго въ Швейцарскихъ долинахъ династическаго рода; отъ нѣмецкаго королевства онъ получилъ въ закладъ города Брейзахъ и Рейнфельденъ, а также фогство надъ монастыремъ св. Блазія въ Шварцвальдѣ и надъ свободными людьми въ Альбгау; онъ могъ проѣхать отъ альпійскихъ проходовъ почти до Кольмара, не оставляя своей области. И при всѣхъ этихъ приобѣтеніяхъ, въ которыхъ проявилась бережливость и дипломатическая мудрость графа, онъ всегда сохранялъ вѣрность своему королю; многочисленными, находившимися въ его рукахъ закладами онъ былъ обязанъ своей преданности къ Штауфенамъ. И дѣйствительно, съ самаго дѣтства онъ принадлежалъ къ партіи Штауфеновъ; его крестнымъ отцомъ былъ императоръ Фридрихъ II, котораго онъ сопровождалъ въ его итальянскихъ походахъ, еще не получивши посвященія въ рыцари; король Конрадъ IV относился къ нему милостиво, какъ къ разумному совѣтнику; онъ сопровождалъ до Вероны Конрадина въ его роковомъ походѣ за Альпы. Такимъ образомъ Рудольфъ былъ могущественнымъ главой штауфеновской партіи, когда князя по внушенію Цоллернскаго бургграфа Фридриха Нюренбергскаго, двоюроднаго брата Рудольфа, намѣтили его какъ кандидата на королевскій престолъ.

На собраніи въ Боппардѣ 11 сентября 1273 года избраніе Рудольфа было уже обезпеченнымъ; послѣ того, какъ получено было согласіе Рудольфа, выборы были назначены во Франкфуртѣ на 29 сентября. Произведены они были 1 октября, а на другой день новый король при радостныхъ привѣтствіяхъ многочисленной толпы собравшихся отовсюду бюргеровъ и дворянъ въѣхалъ въ городъ, привѣтствовалъ блестящее собраніе князей, принялъ ихъ присягу и подтвердилъ пожалованія королевскими ленами. Потомъ онъ двинулся внизъ по Рейну и 24 октября торжественно короновался въ Ахенѣ.

Это было счастливымъ для Германіи событіемъ, но съ нимъ связано воспоминаніе о важныхъ по своимъ послѣдствіямъ, частію уже совершившихся, а частію подготовлявшихся, измѣненіяхъ въ конституціи имперіи.

При избраніи Рудольфа впервые появляется вполне развитой коллегія курфюрстровъ, какъ единое избирательное собраніе. Мелкія подробности относительно ея состава были окончательно установлены во время царствованія Рудольфа.

Какимъ образомъ появилась эта коллегія курфюрстровъ? Для поло-

женія государства въ 13 вѣкѣ характерно то обстоятельство, что несмотря на историческія изслѣдованія этотъ вопросъ наврядъ-ли можетъ быть разъясненъ. Преданія, нѣкоторыя указанія серьезныхъ историческихъ источниковъ, догадки современниковъ противорѣчатъ одни другимъ; не можетъ быть и рѣчи о традиціи, о законномъ послѣдовательномъ развитіи этого учрежденія.

Вопросъ усложняется тѣмъ фактомъ, что въ старой нѣмецкой конституціи вообще не существовало избирательнаго права въ современномъ смыслѣ этого слова. Избирательное право сталкивалось съ наследственнымъ правомъ семьи, получившей власть; оно было только правомъ выбора изъ могущихъ быть избранными членовъ царствующей фамиліи. Такъ какъ этотъ выборъ по самому характеру нѣмецкой королевской власти, а также и благодаря соединенію этой власти съ императорской, могъ происходить только при жизни царствующаго члена фамиліи, то понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда царствующая семья не прекращалась болѣе или менѣе продолжительное время, выборъ въ концѣ концовъ превращался въ формальность; обыкновенно король съ согласія избирателей назначалъ еще при своей жизни наследникомъ одного изъ своихъ родственниковъ, по большей части старшаго сына. Таково было правило во времена Салійцевъ и Оттоновъ.

Такое правило не могло удержаться въ первую половину 12 вѣка когда послѣ прекращенія рода Салійцевъ въ 1125, 1138 и 1152 годахъ происходили свободные, не опредѣленные заранѣе назначеніемъ, выборы. На первый планъ тогда выступаетъ порядокъ избранія. Но давало ли прошлое какія нибудь указанія относительно этого порядка? Не былъ ли забытъ этотъ порядокъ также, какъ былъ забытъ въ теченіе столькихъ вѣковъ не приводимый въ исполненіе самый принципъ свободнаго избранія? И потомъ, если онъ и считался еще важнымъ и не былъ забытъ, то не нарушался ли онъ благодаря общественнымъ измѣненіямъ въ положеніи избирателей, такъ что онъ долженъ былъ представляться устарѣлымъ? Избирательныя собранія 1125 и 1152 года—выборы 1138 года были неправильными и потому не имѣютъ значенія для разбираемаго вопроса—натолкнувшись на эти вопросы, нашли, что изъ всего до тѣхъ поръ дѣйствующаго порядка выборовъ могутъ быть признаны дѣйствительными только такія детали, какъ торжественное возвѣщеніе имени избраннаго, въ концѣ всего порядка выборовъ, послѣ уже происшедшаго избранія, архіепископомъ Майнцскимъ, какъ канцлеромъ имперіи и присяга присутствующихъ избирателей новому королю. Что касается до матеріальной части выборовъ, то повидимому были приняты совершенно новыя положенія, былъ учрежденъ особый комитетъ для подготовленія соглашенія относительно личности избираемаго. Но въ обоихъ вышеупомянутыхъ случаяхъ составъ этого комитета былъ различнымъ.

Этимъ было сдѣлано все существенное для созданія новаго избирательнаго порядка, соотвѣтствующаго измѣнившимся отношеніямъ. По все таки при этихъ довольно неясныхъ или неопредѣленныхъ положеніяхъ не приняли во вниманіе возможности такого случая: что, если вообще не придуть къ соглашенію относительно той личности, избраніе которой долженъ торжественно возвѣстить Майнцскій архіепископъ? И въ первой половинѣ 12 столѣтія такого случая и предвидѣть не могли; случалось, что появлялись анти-короли, но никогда не случалось, чтобы одновременно избирали двухъ королей. Но именно такой случай произошелъ въ 1198 году; были одновременно избраны Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV; соглашеніе, которое еще въ 1152 году считали само по себѣ понятнымъ, не было достигнуто. Тогда снова должны были появиться на сцену нерѣшенные вопросы объ избирательномъ порядкѣ; можно ли было основывать право одного изъ избранныхъ королей на большинствѣ полученныхъ имъ голосовъ? А потомъ появился и другой вопросъ: кто вообще имѣетъ избирательное право? Если и были склонны отвѣчать утвердительно на первый изъ этихъ вопросовъ, то второй представлялъ тѣмъ большія затрудненія, а не рѣшивъ его было невозможно рѣшить и перваго. Слѣдовало ли на основаніи выборовъ 1125 и 1152 годовъ, а также и на основаніи развитія сословія имперскихъ князей съ 1180 года признавать рѣшеніе небольшого избирательнаго комитета? Имѣлъ ли этотъ комитетъ исключительное право избранія или онъ имѣлъ только преимущественное, сравнительно съ другими, право избранія, или только первый голосъ при избраніи? И какимъ образомъ опредѣлить права болѣе широкаго круга избирателей? Всѣ эти вопросы представлялись сначала менѣе затруднительными самимъ нѣмецкимъ избирателямъ, чѣмъ папѣ Иннокентію III, призванному рѣшить вопросъ о двойномъ выборѣ 1198 года. Но и папа не достаточно задумался надъ вопросомъ, поставленнымъ этимъ двойнымъ выборомъ. Но во всякомъ случаѣ было ясно слѣдующее: папа говорилъ только о небольшой избирательной корпораціи, которая и имѣетъ преимущественное право на избраніе короля и членами этой корпораціи онъ признавалъ только князей. Навѣрное, положеніе дѣлъ въ Германіи въ началѣ 13 вѣка при двойномъ выборѣ королей, а также и неоднократныя заявленія папъ по этому поводу заставили и нѣмцевъ обратить вниманіе на этотъ важный вопросъ имперской конституціи. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ обдумыванія этого вопроса можно считать мнѣніе, высказанное въ саксонскомъ зеркалѣ, составленномъ около 1230 года. Эйке фонъ Репгофъ въ своемъ учебникѣ права говоритъ только о преимущественныхъ избирательныхъ правахъ тѣснаго княжескаго комитета, причемъ указываетъ на совершенно опредѣленный составъ этого комитета: онъ состоитъ изъ трехъ рейнскихъ архіепископовъ, рейнскаго пфальцграфа, герцога саксонскаго, маркграфа бранденбург-

скаго и — что было нѣсколько сомнительно — изъ короля богемскаго. Почему Эйке называетъ именно этихъ князей? Это легко объяснить относительно рейнскихъ архіепископовъ, какъ сановниковъ, дѣйствующихъ при избраніи и коронаціи, какъ архіепископовъ франконской земли, съ обладаніемъ которой издавна считалось соединеннымъ и обладаніе королевскимъ достоинствомъ. То обстоятельство, что духовные князья названы раньше свѣтскихъ, также вполне соответствуетъ представленію того времени о рангахъ. Но какимъ образомъ объяснить признаніе курфюрстами четырехъ выше поименованныхъ свѣтскихъ князей? Понятно, что курфюрстомъ признается рейнскій пфальцграфъ, какъ бывший франконскимъ пфальцграфомъ Ахена; что же касается Саксоніи и Бранденбурга, то для ихъ привилегированнаго положенія возможно только одно объясненіе — а именно то, что Эйке, свободному человѣку изъ Реппихау при Дессау въ Ангальтѣ, эти князья представлялись особенно могущественными и близкими. Наконецъ богемскій государь былъ единственнымъ королемъ среди нѣмецкихъ князей. Какъ бы мы ни рассматривали этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ въ мнѣніи саксонскаго зеркала очевиденъ случайный и мѣстный элементъ. Тоже можно сказать и о всѣхъ другихъ мнѣніяхъ, которыя высказывались въ Германіи почти въ то же время ¹⁾).

Но все же около 1230 года вопросъ о составѣ избирательной коллегіи подвинулся къ своему рѣшенію настолько, что особая избирательная коллегія, состоящая изъ опредѣленныхъ личностей, считалась существеннымъ ядромъ избирателей. Но при этомъ сохранялось и старое воззрѣніе, что по крайней мѣрѣ всѣ князья имѣютъ одинаковое право быть избирателями — напр., императоръ Фридрихъ II рѣшительно высказывалъ такое воззрѣніе. Рѣшеніе этого вопроса всецѣло зависѣло отъ самаго хода будущихъ выборовъ.

Генрихъ Распе былъ избранъ въ 1246 году по приказанію папы почти одними только духовными князьями, въ числѣ которыхъ были и три рейнскіе архіепископа. Онъ былъ первымъ поповскимъ королемъ.

Вторымъ поповскимъ королемъ былъ Вильгельмъ голландскій. Онъ былъ избранъ одиннадцатью князьями; изъ нихъ только одинъ, герцогъ брабантскій, былъ свѣтскій, всѣ остальные были епископы и въ томъ числѣ всѣ рейнскіе архіепископы. Но послѣ Вильгельма заставилъ герцога саксонскаго и маркграфа бранденбургскаго признать свое избраніе, а потомъ его призналъ и король богемскій.

Событія двойного выбора Альфонса и Ричарда въ 1257 году извѣстны намъ не вполне достовѣрно. Ричардъ впоследствии утверждалъ, что онъ избранъ Майнцемъ, Кельномъ, Пфальцемъ и Богеміей, а Альфонсъ утверждалъ, что онъ избранъ Триромъ, Саксоніей, Бранденбургомъ и Богеміей; но по общему мнѣнію и другіе нѣмецкіе князья

¹⁾ См. Линднера — *Königswahlen*.

кромѣ вышепоименованныхъ, или дали согласіе или даже, по крайней мѣрѣ частію, участвовали въ выборахъ.

Во всякомъ случаѣ всѣ эти выборы довольно ясно указываютъ, что всеобщее избирательное право князей исчезло, что появилась опредѣленная избирательная коллегія, имѣющая почти исключительное избирательное право и что составъ этой коллегіи въ существенныхъ чертахъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ теоріи саксонскаго зеркала.

То, что не было еще вполне установленнымъ въ 1257 году, окончательно опредѣлилось при избраніи Рудольфа. Теперь избирали только одни курфюрстры, участіе всѣхъ другихъ лицъ было устранено и если вмѣсто враждебнаго Рудольфу Оттокара богемскаго была допущена къ избранію Баварія, то уже при Рудольфѣ Богемія была окончательно признана курфюршествомъ въ 1290 году ¹⁾.

Такимъ образомъ совершилось чрезвычайно важное измѣненіе нѣмецкой конституціи: изъ аристократическаго сословія князей выдѣлилась олигархія, представительство князей противъ королевской власти. Она создалась безсознательно; никто не хотѣлъ намѣренно создать ее, но она соотвѣтствовала самымъ элементарнымъ и необходимымъ потребностямъ развитія въ ту эпоху. Если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что въ 12 вѣкѣ, до созданія коллегіи курфюрстровъ, въ королевскихъ выборахъ участвовали всѣ князья, то появленіе этой коллегіи представится намъ какъ ограниченіе слишкомъ широкихъ правъ князей болѣе узкимъ кругомъ лицъ, могущественнѣйшихъ членовъ сословія князей. Это было несомнѣннымъ прогрессомъ съ національной точки зрѣнія; съ этихъ поръ избѣгли опасности, которую представляетъ многочисленность избирателей и двойные выборы сдѣлались почти невозможными. Для націи было также важно то обстоятельство, что въ небольшой избирательной коллегіи была довольно сильно представлена колониальная область Богеміей, Бранденбургомъ и отчасти Саксоніей. Такое представительство соотвѣтствовало факту существованія особенно большихъ территорій на востокѣ; кромѣ того оно прочнѣе связывало колониальную область съ метрополіей. Созданіе коллегіи курфюрстровъ, какъ состоящей изъ свѣтскихъ и духовныхъ элементовъ, также можетъ считаться національнымъ прогрессомъ. Послѣ окончательнаго установленія сословія князей въ первое десятилѣтіе царствованія императора Фридриха I духовные князья имѣли перевѣсъ надъ свѣтскими; являлся вопросъ: должны ли они навсегда сохранить за собой большинство при избраніи главы имперіи? Не грозила ли въ этомъ случаѣ опасность, что при

---

¹⁾ Трудно съ достовѣрностью рѣшить, было ли формально признано право Богеміи при избраніи Рудольфа. За признаніе высказывается главнымъ образомъ Zisterer и Redlich, а противъ Müller.

избраніи будетъ перевѣшивать не національно-нѣмецкая, а имперская точка зрѣнія, что король, какъ будущій императоръ, получающій корону отъ папы, и избираться будетъ папой, что раздоры между государствомъ и церковью будутъ вѣчными? Въ коллегіи курфюрстровъ большинство, наоборотъ, было за свѣтскими князьями, національный интересъ преобладалъ надъ универсально-церковнымъ. Такимъ образомъ коллегія курфюрстровъ дѣлалась важнымъ органомъ націонализированія императорской короны, а вмѣстѣ съ ней и нѣмецкой королевской власти; уже до Золотой Буллы въ этомъ отношеніи появились очень важныя условія для созданія чисто національной монархіи. Уже въ то время предчувствовали такое значеніе коллегіи курфюрстровъ. Совсѣмъ не случайность, что нѣмецкое бюргерство, со временъ упадка имперіи бывшее носителемъ идеи о будущемъ органическомъ, прочномъ единствѣ націи, съ радостью привѣтствовало созданіе и организацію коллегіи курфюрстровъ; съ ней создавался органъ хотя бы только фѣдеративнаго объединенія, а стало быть и возможность политической обособленности—этого необходимаго условія и выраженія процвѣтающаго денежнаго хозяйства.

Очень скоро оказалось, что коллегія курфюрстровъ не намѣрена ограничивать свою дѣятельность одними выборами. Тотчасъ же послѣ избранія и коронованія Рудольфа были приняты нѣкоторыя мѣры, о которыхъ навѣрное состоялось соглашеніе раньше, до выборовъ; подобныя соглашенія предъ выборами дѣлаются съ этихъ поръ важнымъ средствомъ для дальнѣйшаго развитія конституціи.

Было не особенно важно то, что Рудольфъ нѣкоторымъ курфюрстрамъ даровалъ имперскія имѣнія и другія милости, что онъ въ тотъ же вечеръ, когда короновался, обручилъ двухъ изъ своихъ дочерей съ герцогами баварскимъ и саксонскимъ — это было обѣщано избирателямъ и къ опубликованію такихъ милостей послѣ избранія давно уже привыкли. Важнѣе было то, что Рудольфъ согласился съ курфюрстрами относительно различныхъ финансовыхъ мѣръ для укрѣпленія королевской власти.

Нѣмецкое королевство послѣ прекращенія рода Штауфеновъ почти совершенно утратило свои финансовыя основы. Старые натурально хозяйственные взносы епископовъ, поставки имперскихъ аббатствъ и т. п. давно уже вышли изъ употребленія; мысль о прямомъ имперскомъ обложеніи, возбуждаемая неоднократно, не была осуществлена въ какомъ нибудь общемъ законѣ; непрямые доходы отъ таможенныхъ сборовъ, монетной регалии и пр. Фридрихъ II почти вполнѣ предоставилъ князьямъ; наконецъ, когда то бывшія громадными имперскія имущества при послѣднихъ Штауфеновъ были расточены; мы видѣли, какіе жалкіе остатки оставались у короля. Что же было дѣлать? Изъ всѣхъ финансовыхъ источниковъ можно было воспользоваться только одними имперскими имуществами. Было воз-

можно объявить бессмысленную раздачу ихъ послѣдними королями недѣйствительною. Таково и было намѣреніе Рудольфа и онъ убѣдилъ курфюрстровъ дать согласіе на такую мѣру, чтобы все розданное съ 1245 года, съ года изложенія Фридриха II на Лионскомъ соборѣ, имперское имущество было возвращено, какъ розданное незаконно. Тотчасъ же послѣ коронованія онъ и началъ дѣйствовать въ смыслѣ данныхъ ему полномочій и позднѣйшія имперскія рѣшенія 1274 и 1281 годовъ поддержали его въ этой дѣятельности.

Но курфюрстры поддерживали короля въ его финансовой политикѣ не даромъ. Они за свою поддержку потребовали значительнаго вліянія на королевское управленіе. Изстари было обычнымъ дѣломъ, чтобы король принималъ важныя административныя и правительственныя мѣры по совѣту вельможъ; уже въ актахъ временъ каролинговъ и Оттоновъ упоминается объ этомъ совѣтѣ. При императорахъ Салійскаго дома этотъ совѣтъ сдѣлался отвѣтственнымъ и со времени короля Лотаря его согласіе считалось необходимымъ. При послѣднихъ Штауфенахъ, хотя и не всегда, такое совѣщаніе короля съ совѣтомъ переходитъ уже въ право отдѣльныхъ князей обсуждать извѣстныя правительственныя мѣры. Кругъ князей, согласіе которыхъ долженъ былъ получить король, постепенно суживался, такъ что въ концѣ концовъ онъ совпадалъ съ будущей коллегіей курфюрстровъ.

Теперь курфюрстры опирались на этотъ обычай. Они ограничили право давать согласіе на правительственныя мѣры, право, образовавшееся въ силу обычая, своимъ кругомъ и признали это право ненарушимымъ; именно при рѣшеніи финансовыхъ вопросовъ король безусловно сдѣлался связаннымъ согласіемъ курфюрстровъ.

Вмѣстѣ съ правомъ требованія возврата имперскихъ имуществъ, пожалованныхъ съ 1245 года и съ признаніемъ за курфюрстрами права давать свое согласіе на финансовыя мѣры короля въ старой конституціи королевства были произведены значительныя измѣненія; финансовое возрожденіе королевства сдѣлалось возможнымъ, но только при федеративномъ ограниченіи исполнительной власти. Но возможно ли было осуществить возвращеніе пожалованныхъ съ 1245 года имперскихъ имуществъ? Если даже предположить, что можно было вернуть имперіи мелкія пожалованія, какъ бытъ съ штауфеновскимъ имуществомъ, попавшимъ въ руки Людвига баварскаго, и съ австрійскими землями, которыя присвоилъ король Оттокаръ? Король Рудольфъ предоставилъ штауфеновское имущество баварскому герцогу, своему зятю, но за то онъ приготовился къ насильственному требованію крупнаго наслѣдія австрійскихъ герцоговъ на Дунаѣ; онъ понималъ, что ему все равно не избѣжать, если только онъ хочетъ властвовать какъ настоящій король, борьбы съ Богеміей; онъ по-

нималъ, что только пріобрѣтеніе австрійскихъ земель можетъ дать ему настоящую власть и значеніе, какъ королю.

IV.

Король Оттокаръ, издавна бывший любимцемъ куріи, былъ увѣренъ въ поддержкѣ папы и послѣ избранія Рудольфа. Потому онъ и писалъ папѣ Григорію X, выражая свое презрѣніе къ личности новаго короля: могли бы выбрать и менѣе пригоднаго для короны графчика.

Рудольфъ съ своей стороны не сомнѣвался въ томъ, что отношеніе куріи будетъ имѣть очень большое значеніе для успѣха его борьбы съ Богеміей. Можетъ быть, онъ понималъ также и то, что для папы при существовавшемъ тогда положеніи дѣлъ очень важно, чтобы онъ, Рудольфъ, какъ законно избранный государь, безпрепятственно пользовался королевской властью. Во всякомъ случаѣ ему былъ извѣстенъ планъ папы о крестовомъ походѣ. Потому онъ далъ своему канцлеру, который долженъ былъ сдѣлать составленное въ достойномъ тонѣ сообщеніе объ его избраніи и просить о дарованіи ему императорской короны, полномочіе заявить устно, что король готовъ къ крестовому походу въ святую землю и притомъ намѣренъ подтвердить всѣ привилегіи куріи на ея владѣнія, дарованныя ей прежними императорами, въ особенности Фридрихомъ II.

Такія предложенія для Григорія были очень заманчивы. Тѣмъ не менѣе папа не сразу высказался за Рудольфа. Увлекаемый своимъ задушевнымъ стремленіемъ обезпечить миръ въ Германіи, также какъ и вездѣ, онъ сначала пытался примирить Оттокара съ Рудольфомъ. Только послѣ того, какъ Оттокаръ не смотря на неоднократныя попытки папы въ этомъ направленіи не пошелъ на соглашеніе, папа призналъ или, какъ онъ выразился, назначилъ короля Рудольфа (26 сентября 1274 г.).

Для Рудольфа это было сигналомъ для начала дѣйствій противъ Оттокара. На Нюренбергскомъ рейхстагѣ въ ноябрѣ 1274 года онъ потребовалъ примѣненія мѣръ о возвращеніи отчужденныхъ имуществъ къ Богеміи. Было рѣшено, что имперскій князь, который въ теченіи года и одного дня послѣ коронаванія не получитъ находящееся въ его рукахъ имперское имущество какъ лень, считается утратившимъ это имущество. Если же онъ откажется возвратить его, то король долженъ принести на него жалобу княжескому суду, состоящему подъ предсѣдательствомъ пфальцграфа. Всѣ эти мѣры были очевидно направлены противъ Оттокара, потому что онъ не обращался къ королю съ просьбой о пожалованіи леномъ. Для того, чтобы выступить противъ него при помощи или, по крайней мѣрѣ,

при симпатіи князей, Рудольфъ не усумнился признать пфальцграфа и княжескій судъ судьями въ своемъ дѣлѣ. Въ началѣ 1275 года онъ возбудилъ искъ противъ Оттокара. Такъ какъ Оттокаръ несмотря на неоднократные вызовы къ суду, не появился, то его лишили его лена, а такъ какъ онъ не возвращалъ его, то оставалось только одно рѣшеніе — война.

Рудольфъ превосходно подготовилъ въ смыслѣ дипломатіи свой походъ. Епископъ Тріента и патріархъ Аквилеи были оскорблены Оттокаромъ; Рудольфъ вступилъ съ ними въ сношенія, графъ Герцъ въ 1253 году получилъ богатое владѣніе графовъ Тироля; теперь въ Герцѣ царствовалъ графъ Альбертъ, а въ Тиролѣ его братъ, Мейнгардъ II; король Рудольфъ обручилъ своего сына Альбрехта съ Елизаветой, дочерью Мейнгарда; самому Мейнгарду въ случаѣ побѣды надъ Оттокаромъ было обѣщано управленіе Каринтіей. Въ Каринтіи и Штирії архіепископъ Зальцбурга, бывшій, какъ и всѣ почти юговосточныя епископы, приверженцемъ Рудольфа, возмущалъ противъ Оттокара духовенство и дворянство. Такимъ образомъ всѣ южныя части владѣній Оттокара были дипломатически обработаны и въ случаѣ войны бесполезны для него; королю приходилось имѣть дѣло только съ Богеміей, Моравіей и Австріей.

Рудольфъ съумѣлъ изолировать Богемію и на западѣ. Онъ разстроилъ враждебную королю коалицію рейнскихъ архіепископовъ и привлекъ на свою сторону единственнаго приверженца Оттокара, герцога Генриха баварскаго, обѣщавъ ему руку своей дочери Екатерины и, въ качествѣ приданнаго за ней, владычество надъ верхней Австріей.

24 іюня 1276 года онъ объявилъ короля Оттокара состоящимъ въ имперской опалѣ.

Немедленно же послѣ этого произошла ожидаемая катастрофа въ южныхъ земляхъ Оттокара; въ Штирії, Каринтіи и Крайнѣ начались возстанія. Самъ Рудольфъ двинулся изъ Эльзаса. Его войско было не велико, его сопровождали очень немногіе изъ имперскихъ князей, изъ дворянъ принимали въ походѣ участие только тѣ, кто были лично преданы Рудольфу или ожидали богатой добычи. Но при приближеніи Рудольфа къ владѣніямъ Оттокара и въ самой Богеміи отъ его суроваго противника начались отпаденія; нѣмецкое войско безпрепятственно дошло до Вѣны, гдѣ ожидало соединенія съ союзниками съ юга.

Оттокаръ былъ захваченъ въ расплохъ; ему было нужно время, чтобы собраться съ силами; чрезъ своего канцлера, епископа Ольмюцкаго Бруно онъ предложилъ мирныя переговоры, такъ какъ рассчитывалъ, что эти переговоры поведутъ къ необходимому для него продолжительному перемирію. Рудольфъ, не поддерживаемый королевствомъ, былъ вынужденъ согласиться; но предоставивъ спорные

между собой и богемскимъ королемъ вопросы рѣшенію нѣмецкихъ князей, онъ лишалъ переговоры ихъ временнаго характера и съумѣлъ дипломатическимъ путемъ обезпечить всѣ пріобрѣтенія только что начатаго похода. 21 ноября 1276 года былъ заключенъ въ Вѣнѣ миръ и Австрія съ принадлежащими ей землями была отнята у Оттокара, а Богемію и Моравію онъ получалъ отъ Рудольфа въ качествѣ лена при унизительномъ условіи просьбы съ колѣнопреклоненіемъ.

Разрушили ли эти необычайныя событія могущество Богеміи навсегда и окончательно? Оттокаръ смотрѣлъ на Вѣнскій миръ, какъ на перемиріе; онъ желалъ какъ можно скорѣе нарушить его. Рудольфу же было особенно необходимо выиграть время, что позволяло бы ему до наступленія неизбежнаго разрыва утвердить свою власть во вновь пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ. При подобномъ положеніи дѣлъ происходили неоднократныя соглашенія обоихъ противниковъ, которыми каждый разъ Рудольфъ умѣлъ пользоваться въ свою выгоду, несмотря на свое неблагопріятное положеніе, — что еще болѣе раздражало Оттокара. Хитрый Габсбургъ и въ другихъ отношеніяхъ заботился о будущихъ тяжелыхъ дняхъ: при личномъ свиданіи въ Гайнбургѣ съ венгерскимъ королемъ Владиславомъ онъ заключилъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Богеміи.

Оттокаръ съ не меньшей горячностью приготовлялся къ новой войнѣ. До сихъ поръ онъ покровительствовалъ въ своихъ владѣніяхъ нѣмцамъ, а теперь онъ совершенно отдался славянскому настроенію, исходившему изъ кружковъ стараго чешскаго дворянства; находясь подъ такими вліяніями, онъ призвалъ поляковъ къ борьбѣ противъ Рудольфа. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣлъ привязать къ себѣ герцоговъ Глогау, Опельна и Бреслава, мейссенскихъ и тюрингенскихъ князей, а также и курфюрстовъ Бранденбурга Іоанна и Оттона, привлечь на свою сторону непостояннаго герцога нижнебаварскаго Генриха и въ самой Австріи завязалъ сношенія, — въ особенности съ гражданами Вѣны, недовольными Рудольфомъ за обложеніе ихъ большими налогами.

Снарядившись такимъ образомъ, Оттокаръ въ 1278 г. двинулся противъ Рудольфа.

Это была война противъ короля и его союзниковъ Венгровъ близкаго къ Германіи славянства; въ Германіи къ Рудольфу никто почти не пришелъ на помощь, кромѣ базельскаго епископа и цоллернскаго бургграфа Нюренберга. Но первая же большая битва рѣшила дѣло въ пользу Рудольфа. 26 августа при Дюрнкрутѣ Оттокаръ потерялъ и царство и жизнь; онъ былъ взятъ въ плѣнъ и позорно заколотъ однимъ австрійскимъ дворяниномъ. Тѣло отвезли въ Вѣну и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Чехи увезли его въ Знаимъ для погребенія.

Впечатлѣніе, произведенное вездѣ этими событіями, было очень

сильнымъ; нѣмецкій король былъ теперь не просто графъ, а могущественный государь. Но Рудольфъ съ мудрой умѣренностью воспользовался своимъ военнымъ успѣхомъ. Венграмъ онъ отдалъ только одни коронныя сокровища Оттокара; онъ удовольствовался тѣмъ, что изолировалъ Богемію отъ ея нѣмецкихъ союзниковъ на сѣверѣ и востокѣ, отдавши землю Глацъ бреславскому герцогу и возвративъ имперіи Егерландъ, землю, лежащую между Тюрингіей и Богеміей. Богемію онъ оставилъ нераздробленной и вскорѣ къ ней снова была присоединена и Моравія. Сына и наследника Оттокара, Венцеслава II, еще мальчика, онъ окончательнo и торжественно обручилъ съ своей дочерью Гуттой; такимъ образомъ онъ создалъ первыя притязанія для своего дома на Богемію, хотя опека надъ Венцеславомъ и была вскорѣ передана на пять лѣтъ маркграфу бранденбургскому Оттону.

Слѣдующими мирными годами онъ воспользовался для устройства вновь прибрѣтенныхъ земель. Онъ устроилъ также свои внѣшнія отношенія къ сосѣднимъ странамъ Италіи и Венгріи, создалъ внутри страны спокойствіе и правосудіе и привлекъ этимъ на свою сторону и послѣдній оставшійся ему враждебнымъ классъ населенія, бюргеровъ, и въ то же время сумѣлъ подавить стремленіе къ самостоятельности въ средѣ рыцарства, вообще ему преданнаго, до известной ограниченной степени признавъ ихъ права — именно право строить бургы. Все это давало ему возможность ввести въ странѣ администрацію и военный строй, позволявшіе ему во всякое время располагать войскомъ въ 2,500 человекъ; онъ завязалъ отношенія съ Каринтіей, поведшія въ концѣ концовъ въ 1335 г. къ присоединенію этой страны къ владѣніямъ его дома. Обезпечивъ такимъ образомъ у себя дома спокойствіе, Рудольфъ спустя три года имѣлъ возможность возвратиться въ королевство, чтобы добиться отъ курфирстровъ согласія на передачу новыхъ владѣній своему роду. Согласіе было дано, и на многочисленномъ собраніи князей въ Аусбургѣ на пасхѣ 1281 г. король пожаловалъ своимъ сыновьямъ Альбрехту и Рудольфу Штирію и Австрію въ нераздѣльное владѣніе, какъ ленъ имперіи. Но вскорѣ владѣнія были отданы одному Альбрехту, для Рудольфа отецъ надѣялся прибрѣсти землю въ другихъ мѣстахъ.

Замѣчательное рѣшеніе, доказывающее, что идея о прибрѣтеніи родовой территоріи была главной идеей всей политики Рудольфа. Это вызывалось одинаково какъ соображеніями имперской политики, такъ и заботой о своемъ родѣ. При финансовомъ безсиліи имперіи было несомнѣннымъ, что король безъ сильной территоріальной власти будетъ только тѣнью государя. Это сознавали уже Штауфены. Тѣмъ болѣе долженъ былъ быть проникнутъ такой мыслию Рудольфъ. Она не была его личнымъ достояніемъ; его наследники также руководились ей. Теперь Рудольфъ прибрѣлъ для себя владѣнія тамъ, гдѣ находились большія и имѣющія блестящее будущее территоріи имперіи,

на востокъ, въ коллоніальной области. И его новое владѣніе было наиболѣе развитымъ и наиболѣе нѣмецкимъ изъ всѣхъ коллоніальныхъ земель. Но для имперіи не было ли оно, какъ мы можемъ судить объ этомъ изъ опыта послѣдующихъ вѣковъ, черезъ чуръ далекимъ, черезъ чуръ пограничнымъ? Штауфены пытались пріобрѣсти для своего рода и дѣйствительно пріобрѣли владѣнія сперва въ Бургундіи, потомъ въ верхней Италіи и наконецъ въ Сициліи. Такими стремленіями, въ такихъ попыткахъ они сдѣлались чужими для нѣмецкаго королевства. Люксембургскій домъ въ концѣ концовъ былъ вытѣсненъ изъ Богеміи въ Венгрію и былъ почти утраченъ для королевства. Даже Габсбурги утратили въ 19 вѣкѣ свое положеніе въ Германіи, когда при уничтоженіи старой имперіи потеряли Бельгію и владѣнія на верхнемъ Рейнѣ. Пруссія не могла бы имѣть того положенія въ Германіи, которое она занимаетъ, если бы у ней не было рейнскихъ провинцій, Вестфалии и Гессена-Нассау. Не сознавалъ ли смутно Рудольфъ что онъ, какъ нѣмецкій король, сдѣлавшійся крупнымъ владѣльцемъ на юго-востокѣ, обязанъ дѣйствовать и въ центрѣ имперіи, какъ территоріальный государь? Какія бы ни были его соображенія, но онъ началъ стремиться къ увеличенію своего стараго графства въ направленіи Швабіи.

Съ верхняго Рейна онъ расширилъ владѣнія своего дома въ южномъ Шварцвальдѣ; въ Швабіи же въ лицѣ графа Альбрехта Гогенберга онъ посадилъ энергичнаго королевскаго ландфогта и озаботился составленіемъ подробнаго инвентаря имперскихъ имуществъ, отчужденныхъ съ 1245 г. За такими приготовленіями Рудольфа съ большимъ опасеніемъ слѣдили мелкіе владѣльцы Швабіи, и въ особенности графъ Эбергардъ Вюртембергскій. Когда потомъ Рудольфъ прибылъ лично и началъ приготовляться къ возстановленію герцогства, всѣ возстали противъ него столь энергично, что старый король оставилъ свои намѣренія.

Что оказалось невозможнымъ въ Швабіи, того Рудольфъ пытался достигнуть на юго-западной границѣ своихъ наследственныхъ владѣній, къ западу отъ нихъ, въ Бургундіи. Онъ неоднократно и раньше поддерживалъ или даже самъ составлялъ фантастическіе планы возстановленія наследственнаго государства Габсбурговъ, Арелата; но не смотря на то, что эти планы поддерживались куріей, такъ какъ она въ успѣхѣ Рудольфа на берегахъ Роны нашла бы оружіе противъ угрожающаго ей сициліанско-французскаго могущества, они постоянно не удавались. Рудольфу пришлось ограничиться планами расширенія своихъ владѣній на границахъ Бургундіи. Теперь онъ выбралъ средній путь: онъ хотѣлъ пріобрѣсти часть сѣверной Бургундіи. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, онъ въ шестьдесятъ шесть лѣтъ женился въ 1284 г. на веселой и хорошенькой сестрѣ умершаго герцога бургундскаго Гуго; во время брака въ Ремиремонть не-

вѣстѣ было всего четырнадцать лѣтъ. Такой поступокъ Рудольфа казался страннымъ даже его современникамъ; народъ говорилъ, что король на старости впалъ въ меланхолю и женился на тѣхъ же основаніяхъ, какъ когда то Соломонъ. Но для самаго Рудольфа его поступокъ былъ просто продолженіемъ политики браковъ, которой онъ слѣдовалъ и раньше.

Но въ этомъ случаѣ Рудольфъ не достигъ своей цѣли. Въ этомъ ему воспрепятствовалъ могущественный графъ Савойскій Петръ, имѣвшій тоже виды на Бургундію, а къ тому же на границахъ Бургундіи города швейцарской возвышенности, Бернъ Фрейбургъ, и др., достигли въ то время опасной для Габсбурговъ самостоятельности.

Въ особенности же ему помѣшала Франція. Молодой Филиппъ, сдѣлавшійся королемъ съ 1285 г., человекъ красивый и холодный, мастеръ въ дипломатическомъ искусствѣ, привлекъ на свою сторону бургундскихъ герцоговъ и предпринялъ нападеніе по всему протяженію бургундско-французской границы; онъ пытался удержать власть надъ Вердюномъ, былъ посредникомъ въ великой борьбѣ на нижнемъ Рейнѣ изъ за владѣнія герцогствомъ Лимбургомъ, борьбѣ, главнымъ событіемъ которой была воспѣтая многими поэтами битва при Воррингенѣ въ 1288 г.; въ концѣ концовъ онъ вынудилъ Рудольфа отказаться отъ пріобрѣтенія Бургундіи, не смотря на нѣкоторые успѣхи его въ этой странѣ, не смотря даже на то, что по королевской инициативѣ и приказанію въ Арелатѣ былъ введенъ въ 1291 г. королевскій миръ.

Такимъ образомъ политика Рудольфа потерпѣла крушеніе въ ея попыткахъ создать на западѣ территорію для его дома; король не могъ добиться тутъ созданія крупной территоріальной власти, которая могла бы защитить Германію отъ покушеній Франціи.

Только эти отношенія къ Бургундіи заставляли Рудольфа вести иностранную политику. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ держалъ себя по возможности далеко, въ особенности отъ опаснаго могущества папы; онъ понималъ, что ему, какъ и его великому предку, королю Генриху I, прежде всего было необходимо внутреннее устроеніе распадавшагося государства.

Такая задача требовала посвященія ей цѣлой жизни. Анархія все еще продолжалась; разнузданная масса частныхъ силъ въ королевствѣ, — князья, добивавшіеся всячески земель, дворянство, старавшееся защитить свою самостоятельность, города, съ довѣріемъ взиравшіе на будущее и увѣренные въ неизбѣжномъ финансовомъ разореніи старыхъ властей провинціи — не сдерживалась никакой матеріальной или моральной принудительной властью; всѣ они смотрѣли врозь; церковь, также какъ королевство, находилась въ упадкѣ.

Въ народѣ было броженіе; всѣ труждающіеся и угнетенные вспоминали о лучшихъ, покрываемыхъ въ воображеніи блескомъ славы,

временахъ послѣдняго великаго Штауфена. Сколько времени уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ услышали объ его загадочной смерти тамъ, далеко на югѣ? Да и умеръ ли онъ, этотъ проклятый папой, этотъ ненавистный всѣмъ врагамъ государства государь? Задать такой вопросъ—значило отвѣчать на него отрицательно. Едва прошло одно поколѣніе и императоръ Фридрихъ II воскресъ въ воображеніи своего замученнаго народа. Съ вѣрой въ его возвращеніе связывались самыя удивительныя легенды.

Въ первобытной церкви императоры часто представлялись антихристами; въ особенности въ церкви съ чертами антрихриста сохранилось воспоминаніе о Неронѣ, свирѣпомъ преслѣдователѣ первыхъ исповѣдниковъ христіанства; онъ долженъ былъ вернуться въ качествѣ антихриста, предтечи тысячелѣтняго царства. Такое вѣрованіе появилось среди утопическихъ сектъ нижней Италіи, духовнымъ вождемъ которыхъ былъ Іокимъ Флорисъ, въ 12 вѣкѣ, какъ разъ въ эпоху полного торжества средневѣковаго папства; въ то время, какъ папство становилось свѣтской теократіей, аскеты оплакивали упадокъ церкви и ожидали будущаго наказанія ея посредствомъ имѣющаго явиться антихриста. Удивительно ли, что духовные потомки этихъ аскетовъ въ 13 вѣкѣ видѣли въ дѣяніяхъ Фридриха II духъ грѣшнаго противника церкви, а въ самомъ Фридрихѣ антихриста?

Другой порядокъ идей, идущихъ съ востока, распространился среди народовъ запада. Судьба христіанскаго міра послѣ энергичнаго отраженія ислама Карломъ Мартеломъ казалась надолго связаной съ вѣрной стражей византійскихъ императоровъ на востокѣ. Не было ли очевидно, что съ побѣдой восточно-римскаго императора надъ язычниками востока должно исполниться обѣтованіе Господа? И какой же добрый христіанинъ не надѣялся на эту конечную побѣду? Восточно-римскій императоръ, торжественно вступившій въ Іерусалимъ, будетъ и послѣднимъ императоромъ; онъ повѣситъ свой щитъ на сухомъ дубѣ Мамврійскаго лѣса и этотъ дубъ зазеленѣетъ; онъ на Голгофѣ вручитъ свое царство вмѣстѣ съ короной и скиптромъ Господу Богу.

Послѣ него можетъ появиться, свирѣпствуя надъ людьми, антихристъ, но послѣ него царствовать будетъ только одинъ Богъ.

Теперь имперія, повидимому, прекратила свое существованіе. Народу византійскій императоръ былъ совершенно неизвѣстенъ. А Рудольфъ, казалось, не будетъ и не хочетъ быть императоромъ. Развѣ послѣдній императоръ, Фридрихъ Штауфенъ, не пошелъ съ войскомъ для того, чтобы дать міру миръ, который долженъ предшествовать воцаренію антихриста, для того, чтобы дать утѣшеніе сиротамъ и богатство угнетеннымъ, чтобы осушить слезы вдовъ, чтобы дать счастье труждающимся; развѣ онъ не вступилъ въ святой городъ и не положилъ свою корону тамъ, гдѣ страдалъ Господь?

Повсюду, гдѣ царилъ анархія, страстно ожидали возвращенія императора. Появлялись лже-Фридрихи; на верхнемъ Рейнѣ пустынный, на среднемъ кузнецъ, въ Любекѣ и въ Швабіи другіе тому подобные безумцы. Одинъ изъ нихъ, Дитрихъ Деревянный башмакъ, получилъ даже политическое значеніе. Въ большомъ городѣ, Кельнѣ, его свирѣпо осмѣяли и закидали грязью и онъ вернулся въ Нейссъ, гдѣ и нашелъ вѣрующихъ приверженцевъ. Рудольфъ обложилъ рейнскіе города большей имперской податью, а новый Фридрихъ не облагалъ налогами бюргеровъ, потому къ нему и пристали. Взявъ подъ свою защиту фризовъ противъ нападений графа голландскаго и архіепископа Бременскаго, онъ приобрѣлъ симпатіи деревенскаго населенія. Такимъ образомъ росло его могущество; онъ двинулся во Франкфуртъ, чтобы тамъ занять тронъ. Рудольфъ былъ вынужденъ пойти противъ него съ войскомъ; ему пришлось осадить Вецларъ, гдѣ находился новый императоръ. Только послѣ продолжительныхъ переговоровъ жители Вецлара рѣшились выдать королю самозванца; 7 іюля 1285 года новый Фридрихъ заплатилъ за свое безуміе смертью на кострѣ.

Но вѣра въ возвращеніе Фридриха не умерла съ нимъ. Такъ какъ въ золѣ Вецларскаго костра тщетно искали костей, то эта вѣра, какъ фениксъ, возродилась изъ пламени и все росла, такъ что она пережила даже средніе вѣка. Послѣдній лже-Фридрихъ появился въ Лангензальца вблизи Киффгейзера. Измѣнилось только представленіе объ ожидаемомъ императорѣ. Въ 14 и 15 вѣкахъ онъ сдѣлался будущимъ утѣшителемъ во всѣхъ общественныхъ бѣдствіяхъ, грядущимъ съ востока возстановителемъ имперіи, при этомъ онъ получилъ мифическія черты: рыжую бороду Тора, ворона Вотана, подобно старымъ богамъ онъ живетъ въ пещерахъ и горахъ; только локализованіе его пребыванія въ мѣстности, гдѣ жили и дѣйствовали старые императоры, въ Кайзерлаутернѣ или на Киффгейзерѣ, высокой горѣ Оттоновскихъ владѣній на Унструтѣ, напоминало о связи этой мифической фигуры съ государями нѣмецкаго королевства. Это вѣрованіе въ такой формѣ дошло и до нашихъ дней, сдѣлалось сагой и въ стихотвореніи Рюккерта перенесено на Фридриха I, самого блестящаго изъ всѣхъ Штауфеновъ; оно сдѣлалось выраженіемъ только недавно и отчасти осуществленнаго политическаго идеала народа.

Идеи важнѣе фактовъ; онѣ побѣждаютъ міръ исторической матеріи. То обстоятельство, что мысль объ паденіи и полномъ униженіи націи могла выражаться въ такихъ образахъ, что она выразилась въ появленіи лже-Фридриховъ, доказываетъ, какъ пала королевская власть во времена короля Рудольфа.

Король былъ совершенно безсиленъ противъ такого положенія дѣлъ, насколько оно существовало въ цѣлой Германіи. Онъ даже и

не пытался воздѣйствовать на сѣверъ и сѣверо-западъ Германіи; онъ долженъ былъ рекомендовать защиту города Любека королю Норвегіи Магнусу, такъ какъ нѣмецкое королевство не могло защитить его. Тамъ же, гдѣ онъ имѣлъ вліяніе, онъ пытался помочь бѣдѣ политикой устройства земскаго мира и этой политикѣ онъ слѣдовалъ съ послѣдовательностью и энергіей.

Въ 7 и 8 вѣкахъ старое сакральное уголовное право первобытной эпохи исчезло, главнымъ образомъ благодаря введенію христіанства. Государство не имѣло силы, чтобы создать вмѣсто него новое уголовное право. Въ силу этого одичаніе и отсутствіе общественнаго порядка свирѣпствовали отъ 8 до 11 вѣковъ. Церковь пыталась исправить то зло, которое она сдѣлала; въ концѣ 10 столѣтія изъ ея права убѣжища развилось требованіе особаго церковнаго мира на извѣстное время и для извѣстныхъ личностей. Таковы были зачатки божьяго мира, появившагося сначала во Франціи; съ 11 вѣка эти зачатки распространились и въ Германіи. Но какимъ образомъ церковь могла создать въ Германіи сколько нибудь прочный миръ, когда она находилась въ постоянной борьбѣ съ государствомъ, причемъ сама постоянно затѣвала безпокойства? Притомъ нація все еще признавала въ принципѣ, что государство есть творецъ мира, что вообще призваніе государя состоитъ въ охраненіи спокойствія.

Братъ Берхтольтъ говорилъ господамъ и князьямъ: Богъ далъ вамъ судъ и власть на землѣ затѣмъ, *daz ir verrichtet und versüenet allez daz, da von vientschaft unde krieg kümet, unde urligde unde brant und ungenade von komeu mac.*

Рудольфъ признавалъ эту обязанность государя. Но вначалѣ онъ не имѣлъ возможности ввести миръ для всего королевства, какъ это сдѣлалъ въ 1235 году Фридрихъ II въ своей знаменитой конституціи. Эта конституція казалась забытой; вмѣсто нее въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ 13 столѣтія были объявляемы земскіе миры въ отдѣльныхъ частяхъ королевства. Но и это движеніе было закончено съ послѣднимъ мѣстнымъ миромъ на среднемъ Рейнѣ въ 1280 году; Германіи угрожалъ хаосъ.

Тогда Рудольфъ, сдѣлавшись владыкой австрійскихъ земель, рѣшилъ прежде всего дѣйствовать по сосѣдству съ своими личными владѣніями. Въ 1280—1282 годахъ онъ устроилъ земскій миръ въ Баваріи, Франконіи и Швабіи. При этомъ онъ частію ссылался на общій миръ Фридриха II 1235 года, но воздерживался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣйствія и организацію мѣстныхъ властей. Только въ декабрѣ 1282 года при устройствѣ среднерейнскаго мира онъ назначилъ исполнительную власть, фогта и судью, отъ имперіи. Потомъ въ слѣдующее пятилѣтіе онъ началъ распространять миръ на болѣе широкія области и заботиться объ учрежденіи исполнительныхъ органовъ. Но именно при такой дѣятельности онъ убѣдился,

что королевская власть слишком слаба для того, чтобы взять въ свои руки наказаніе нарушителей общественнаго спокойствія и вообще регулировать это дѣло. Потому онъ сдѣлалъ попытку помимо территоріальныхъ властей усилить королевскую администрацію посредствомъ церкви. На рейхстагѣ и соборѣ въ Вюрцбургѣ въ 1274 г. былъ возобновленъ миръ 1235 года для всего королевства; его нарушители подвергались церковному проклятію и имперской опалѣ. Такая задача была исполнима только при искреннемъ согласіи властей, церковной и свѣтской, и при сильномъ моральномъ значеніи церкви. Вскорѣ оказалось, что именно этого то второго условія и не имѣется. Уже на самомъ соборѣ папскій легатъ Іоаннъ Тускулумскій чуть не былъ убитъ возмущеннымъ собраніемъ, такъ какъ онъ безстыдно требовалъ денегъ; несмотря на королевскую защиту, онъ долженъ былъ убѣжать изъ города и тайкомъ скрыться въ Вормсѣ, откуда и уѣхалъ въ Римъ.

Королю оставалось только одно—самому попытаться быть и устройтеlemъ и исполнителемъ земскаго мира, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ королевства. Онъ избралъ на первый разъ Тюрингію, измученную княжескими раздорами и дворянами грабителями. Послѣ того, какъ вѣрный его помощникъ архіепископъ Майнцскій Генрихъ, сынъ пекаря изъ Исни, искусно подготовилъ ему дорогу, онъ самъ въ срединѣ декабря 1289 года пріѣхалъ въ Эрфуртъ и приказалъ обезглавить 29 дворянъ грабителей. Такому началу соответствовала и вся дѣятельность Рудольфа въ теченіи года, который онъ провелъ въ Эрфуртѣ; разбойничьи бургы разрушались дюжинами, порабощенная земля пользовалась спокойствіемъ и блестящія придворныя собранія доказывали, что прошли страшныя времена безкоролевья.

Рудольфъ въ Эрфуртѣ надѣлалъ долговъ, которые впоследствии заплатилъ городъ Цюрихъ—и все таки это было лучшее время его царствованія. Наконецъ онъ былъ властелиномъ на землѣ королевства, наконецъ онъ могъ говорить о *status renascens imperii*. Но конецъ его уже близился. Онъ родился въ 1216 году, значитъ, ему теперь было больше семидесяти лѣтъ; было необходимо подумать объ устройеніи королевства и своего рода.

Ему конечно хотѣлось, чтобы ему въ королевскомъ званіи наследовалъ его сынъ, Альбрехтъ. Уже давно онъ заботился объ этомъ, устраивая его въ Австріи и убѣждая курфюрстовъ избрать его королемъ.

Альбрехтъ управлялъ на Дунаѣ съ 1281 года. Страна почувствовала его твердую власть; онъ пригласилъ на востокъ даже швабскихъ чиновниковъ, чтобы управлять страной, какъ неограниченный монархъ; извнѣ не грозила опасность отъ какихъ либо нападеній. Альбрехтъ сумѣлъ защитить южныя границы; въ Венгріи онъ занялъ

область до Нейзидлерскаго и Платтенскаго озера; послѣ смерти короля Владислава IV онъ выставилъ свою кандидатуру на престолъ всей страны, и его отецъ на основаніи довольно сомнительнаго прецедента при Фридрихѣ II даровалъ ему Венгрію, какъ имперскій ленъ. Однимъ словомъ, онъ имѣлъ успѣхъ вездѣ, только по отношенію къ Богеміи онъ держался сдержанно.

И это было понятно. Король Рудольфъ старался, опираясь на Богемію, пріобрѣсти голоса курфюрстровъ въ пользу избранія Албрехта. Потому король Венцеславъ II въ 1289 году получилъ лены маркграфа мейссенскаго, потому былъ подтвержденъ договоръ о наслѣдствѣ, въ силу котораго послѣ прекращенія рода силезскихъ герцоговъ въ Бреславлѣ онъ долженъ былъ получить эту землю. Потому же король Рудольфъ прежде всего старался уже съ 1285 года обезпечить за собой сомнительный голосъ Богеміи въ коллегіи курфюрстровъ. Это ему удалось. Въ 1290 году онъ имѣлъ возможность еще разъ грамотой передать Богеміи курфюршество и должность оберъ-шенка. Саксонія и Бранденбургъ, находившіеся въ близкомъ родствѣ съ богемскимъ королевскимъ родомъ, были тоже на его сторонѣ. Ему были нужны только голоса рейнскихъ курфюрстровъ.

Но тутъ именно Рудольфъ и встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Оно тѣмъ болѣе должно было раздражить его, что, повидимому, основывалось на эгоистическихъ мотивахъ, въ особенности на надеждѣ послѣ смерти Рудольфа выторговать у какого нибудь не столь сильнаго кандидата на престолъ большія суммы денегъ, чѣмъ можно было получить отъ извѣстнаго своей скупостью государя и его сына. Рудольфъ, навѣрное, догадывался объ этихъ мотивахъ; старчески слабый и близившійся къ могилѣ, онъ видѣлъ, что о нихъ разбиваются всѣ его планы; тщетно онъ на придворномъ собраніи во Франкфуртѣ въ 1291 году, сидя на тронѣ въ пурпурной мантии, съ скипетромъ въ рукахъ и съ короной на головѣ, еще разъ попытатся довести до конца переговоры. Изъ Франкфурта король поѣхалъ въ Страсбургъ; но едва онъ прибылъ въ среду вѣрныхъ гражданъ этого города, какъ почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ желалъ покоиться въ Шпейерѣ, въ склепѣ нѣмецкихъ государей, рядомъ съ Филиппомъ Швабскимъ, единственнымъ изъ Штауфеновъ, лежащимъ тутъ возлѣ героевъ Салійскаго рода. Потому онъ и отправился туда и совершилъ, окруженный благочестивыми священниками и слушая ихъ разговоры, свое послѣднее путешествіе по Рейну. Черезъ день послѣ своего прибытія въ Шпейеръ, 15 іюля 1291 года, онъ скончался.

Преданіе сообщаетъ, что во время поѣздки короля къ своему гробу люди всѣхъ слоевъ народа, изъ городовъ и деревень, сбѣгались, чтобы еще разъ увидать его. Въ высшемъ историческомъ смыслѣ такое сообщеніе несомнѣнно вѣрно. Рудольфъ былъ любимъ не только при жизни, потому что онъ обладалъ истинно человѣчными свойствами гу-

манности, но и послѣ его смерти память о немъ оставалась дорогой для націи. Не говоря объ его заслугахъ предъ государствомъ, онъ былъ типичнымъ представителемъ своего времени и потому, какъ выраженіе своего вѣка, онъ имѣетъ право на вѣчную память.

Не смотря на свою храбрость, Рудольфъ не былъ героемъ, не смотря на свое благочестіе, онъ не былъ и святымъ, какими бывали героическіе фігуры Оттоновъ и Салійцевъ. Хотя онъ и обладалъ нѣкоторыми свойствами тѣхъ благородныхъ жизнерадостныхъ натуръ, которыя чувствуютъ себя болѣе дома на сѣдлѣ, чѣмъ на тронѣ, которыя случайно составляютъ великіе планы и чувствуютъ себя отлично среди царственного блеска, все таки онъ не принадлежалъ уже къ Штауфеновской эпохѣ, особенно благопріятствовавшей появленію такихъ натуръ и потому онъ былъ далекъ отъ рыцарственного типа своихъ великихъ предшественниковъ. Онъ былъ строенъ и высокъ, съ маленькой головой; на покрытомъ морщинами лицѣ его выдѣлялись умные и проницательные глаза, онъ не носилъ бороды и имѣлъ прямые, длинные, на концахъ завивающіеся волосы; у него были изящныя руки и небольшія ноги—это былъ рыцарь и на половину крупный торговецъ. Таковы же были и его душевныя качества: въ своихъ отношеніяхъ съ людьми высшихъ сословій онъ былъ дипломатомъ и рассчитывающимъ человѣкомъ; онъ былъ ловокъ, бережливъ, умѣренъ, при удачѣ веселъ, игривъ, но даже при выраженіи высочайшаго довольства остороженъ и уравновѣшенъ въ своихъ настроеніяхъ. Это ему не мѣшало быть добрымъ товарищемъ даже для людей низкаго происхожденія; онъ любилъ лагерныя шутки—въ немъ играла кровь его предковъ.

У.

Послѣ смерти Рудольфа всѣ ожидали избранія его сына Альбрехта. Несомнѣнно, что это было бы очень счастливо для государства. Въ виду наследственного теперь званія курфюрстовъ, принадлежащаго немногимъ домамъ, необходимо было поддержать единство и силу государства; въ виду возможности полнаго произвола избирателей было необходимо по крайней мѣрѣ то смѣшеніе избирательныхъ и наследственныхъ правъ, какое существовало въ началѣ среднихъ вѣковъ. Но этого не случилось. Принципъ наследственности разъ созданнаго королевскаго дома былъ оставленъ; съ удивительнымъ легкомысліемъ, съ которымъ вообще въ 13 вѣкѣ извращались завѣты прошлаго, утверждали, будто старый обычай исключаетъ право сына наследовать отцу. вмѣсто Альбрехта былъ избранъ графъ Адольфъ Нассаускій.

Любопытна исторія этого выбора, такъ какъ она болѣе, чѣмъ всѣ другія событія, указываетъ, каково было настроеніе руководящихъ

князей королевства. Кандидатура Адольфа была делом рейнских архіепископовъ; они надѣялись, что при немъ имъ будетъ возможно разграбить королевство. Но исполнить свое намѣреніе они могли только съ помощью короля богемскаго.

Король Венцеславъ былъ непостояннымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, нервнымъ, раздражительнымъ человѣкомъ. Естественно, что его согласіе съ такимъ рѣзкимъ и характернымъ человѣкомъ, какимъ былъ Альбрехтъ австрійскій, не могло быть прочнымъ. Притомъ онъ давно уже сердился на Альбрехта, потому что тотъ не отдавалъ ему сѣверной части Австріи, обѣщанной его супругѣ Гуттѣ въ качествѣ приданого; свиданіе шурина и зятя въ Знаймѣ не только не примирило ихъ, а еще больше разсорило, хотя Венцеславъ и сумѣлъ скрыть свое недовольство. При такомъ настроеніи Венцеславъ не могъ желать сдержать свое обѣщаніе, данное имъ королю Рудольфу въ пользу избранія Альбрехта. Рейнскіе архіепископы сошлись съ нимъ и привлекли его на свою сторону почти невѣроятнымъ обѣщаніемъ: его дочь Агнеса будетъ обручена съ Рупрехтомъ, сыномъ будущаго короля, съ передачей Богемской коронѣ крупной вдовьей части и залога страны Егеръ и Плейсѣ, а кромѣ того Венцеслава обнадежили возвращеніемъ австрійскихъ земель Богеміи. На такихъ для будущаго государства роковыхъ условіяхъ Венцеславъ согласился на избраніе Адольфа, а вмѣстѣ съ нимъ и зависимые отъ него курфюрстры саксонскій и бранденбургскій.

Адольфъ былъ избранъ 5 мая 1292 года; 24 іюня онъ былъ коронованъ въ Ахенѣ. Въ это время всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, на какихъ условіяхъ рейнскіе архіепископы сдѣлали графа королемъ. Трирскій архіепископъ, какъ старый другъ габсбургскаго дома, оставался теперь въ тѣни; но за то Кельнъ получилъ многія изъ имперскихъ имуществъ, передача которыхъ давала архіепископству огромное политическое преимущество почти надъ всѣми его сосѣдями: Брабантомъ, Юлихомъ, Бергомъ и др.; притомъ огромную сумму денегъ, 25 тысячъ марокъ. Но хуже всего были тѣ условія, при которыхъ Адольфъ взялъ на себя всѣ эти обязательства; для исполненія ихъ онъ заложилъ свои владѣнія, въ теченіи четырнадцати дней онъ обязался представить пятьдесятъ заложниковъ въ исполненіи своихъ обязательствъ и въ числѣ ихъ сначала себя самого, а потомъ своего сына Рупрехта; въ концѣ концовъ онъ даже обѣщалъ, что короноваться будетъ только тогда, когда Кельнъ получитъ всѣ обѣщанныя ему владѣнія и въ томъ случаѣ, если нѣкоторыя условія, исполнить которыя онъ обѣщался въ послѣдствіи, не будутъ имъ исполнены, то онъ признаетъ себя лишившимся короны.

Даже въ такое время, когда были разрушены всѣ аристократическія учрежденія начала среднихъ вѣковъ, подобныя соглашенія каза-

лись позорными. Когда честный тюрингенскій хроникеръ ¹⁾ говоритъ, что Майнцскій архіепископъ Гергардъ, помогавшій сдѣлать Адольфа королемъ, долженъ бы умереть раньше такихъ выборовъ, такъ какъ онъ сказалъ, что у него въ карманѣ имѣются еще три короля, онъ этимъ доказываетъ, что онъ гораздо болѣе понималъ достоинство королевской власти, чѣмъ Адольфъ, рѣшившійся получить господство такимъ путемъ.

Понятно, что и майнцскій архіепископъ получилъ изрядно за «избирательныя издержки», такъ какъ Адольфъ обязался уплатить всѣ его долги. Важнѣе было то обстоятельство, что онъ вынудилъ въ Тюрингии уступки, ясно доказывающія его намѣреніе пріобрѣсти эту землю для своего архіепископства и что онъ сдѣлалъ — и притомъ успѣшно — первый опытъ поставить въ зависимость отъ майнцакаго архіепископства имперское канцлерство, воспользовавшись своимъ правомъ назначенія канцлера.

Довольно, однако, объ этомъ. Если подобныя позорныя сдѣлки и не повторялись больше, все же онѣ не были вполне одиночнымъ явленіемъ, если сравнить ихъ съ прежними и позднѣйшими выборами. Онѣ соответствовали нравственному уровню курфюрстровъ и упадку государственныхъ интересовъ; только гораздо позже онѣ были устранены тѣмъ, что курфюрстры начали дѣйствовать единодушнѣе, благодаря предварительнымъ совѣщаніямъ до выборовъ. Тогда настало время настоящихъ избирательныхъ капитуляцій; это время начинается съ избранія Рупрехта въ 1400 году и кончается избраніемъ Карла V въ 1519 году. Но избирательныя капитуляціи непомѣшали тому, чтобы давались и позже позорныя отдѣльныя обѣщанія. Общей чертой обоихъ этихъ избирательныхъ маневровъ было то, что государственное право въ его важнѣйшихъ опредѣленіяхъ создавалось и развивалось посредствомъ отдѣльныхъ личныхъ стремленій и такимъ образомъ утрачивало характеръ самостоятельнаго и органическаго развитія.

Вновь избранный король самъ по себѣ не былъ недостойной личностью. Правда, его владѣнія были незначительны, онъ дѣйствительно былъ «графчикомъ», какъ называютъ его негодующіе современники; для того, чтобы жить прилично своему званію, ему приходилось поступать на службу, ѣсть чужой хлѣбъ. Но при этомъ онъ былъ извѣстенъ какъ храбрый, даже безумно смѣлый рубака, какъ честный рыцарь; его образованіе было выше обычнаго для рыцаря; онъ говорилъ немного по латинѣ и по французски и умѣлъ читать и писать.

Первыя дѣйствія новаго государя тоже были очень удачны. Какъ и всѣ короли такого сорта, сначала онъ жилъ подъ вліяніями многочисленныхъ отдѣльныхъ интересовъ, которые подлежали удовлетворенію. Ему удалось устроить дѣло съ Альбрехтомъ австрійскимъ,

---

¹⁾ Свящ. Зифридъ Бальнгаузенъ.

угрожавшимъ ему изъ Эльзаса; потомъ онъ водворилъ спокойствіе и миръ на Рейнѣ и въ Швабіи. При этомъ уже проявились зачатки его отношенія къ общественнымъ силамъ государства; Адольфъ пытался удержаться противъ князей и отчасти противъ городовъ при помощи военныхъ силъ дворянства.

Но было ли это возможно безъ большой территоріальной власти короля? Гдѣ было создать такую власть? Если было естественнымъ, что кандидаты на престолъ выбирались главнымъ образомъ изъ менѣе могущественныхъ князей запада Германіи, то также естественнымъ было и то, что они искали усиленія своего могущества въ колониальной области, въ странѣ крупныхъ торриторій, тамъ, гдѣ судьба князей была особенно измѣнчива. Такъ Габсбурги пріобрѣли юго-востокъ. Для Адольфа страной будущаго были Тюрингія и теперешнее королевство Саксонія. Мы знаемъ, каково было положеніе княжескихъ домовъ въ этихъ странахъ во времена короля Рудольфа. Можетъ быть, и самъ Рудольфъ думалъ найти здѣсь вторую родовую территорію, какой онъ тщетно искалъ въ Швабіи и Бургундіи?

Въ особенноти Тюрингія, гдѣ Альбрехтъ находился въ постоянныхъ раздорахъ съ своими сыновьями, Фридрихомъ и Дицманомъ, вызывала вмѣшательство королевской власти, тѣмъ болѣе, что 16 августа 1291 года умеръ маркграфъ Мейссена и Остерланда Фридрихъ Гута и оставилъ свое владѣніе своимъ двоюроднымъ братьямъ, Фридриху и Дицману. Король могъ теперь захватить Мейссенъ и Остерландъ, какъ освободившіеся имперскіе лены и попытаться въ борьбѣ за нихъ завоевать и Тюрингію. Для этой цѣли Адольфъ соединился съ Альбрехтомъ Тюрингенскимъ.

Это было несчастнымъ шагомъ со стороны короля. Онъ вмѣшался въ неестественную борьбу преступнаго отца противъ сыновей. Верховный охранитель мира государства повелъ въ Тюрингію войско, состоящее изъ сволочи; народная пѣсня называла его палачемъ, войско котораго грабитъ и насильничаетъ.

Въ политическомъ отношеніи этотъ шагъ былъ еще губительнѣе для Адольфа, такъ какъ его Тюрингенскіе планы, которые въ 1294 году, повидимому, могли ему удасться, сталкивались съ планами майнцаго архіепископа. Не даромъ этотъ послѣдній заставилъ назначить себя имперскимъ намѣстникомъ Тюрингіи. Такъ какъ теперь эта страна была потеряна для него, то что могло ему помѣшать составлять заговоры съ своими собратьями архіепископами и съ Альбрехтомъ австрійскимъ противъ помазанника Божія? Какъ разъ въ это же время Адольфъ занутился въ затрудненія международныя. Въ такое время, когда Германія почти совсѣмъ неучаствовала въ международной политикѣ, было естественнымъ, что на первый планъ выдвинулись западныя державы, Франція и Англія. И какъ разъ въ это время ихъ вѣковая вражда была возобновлена двумя энергичными госу-

дарями, Эдуардомъ I и Филиппомъ IV. Эдуардъ повелъ борьбу противъ Франціи на широкую ногу, онъ вовлекъ въ нее Фландрію и привлекъ на свою сторону Брабантъ и Голландію, Гельдернъ и Кёльнъ. Онъ обратился за помощью и къ королю Адольфу.

Адольфъ имѣлъ основанія быть раздраженнымъ противъ Франціи; французскіе государи во времена Рудольфа и раньше совершенно безнаказанно захватывали земли во Фландріи, въ Бургундіи и въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Было естественно, что Адольфъ 21 августа 1294 года заключилъ съ Эдуардомъ договоръ, чтобы совокупными силами отвоевать у Франціи захваченныя ею земли.

Но какъ печально и для Германіи позорно было исполненіе этого договора. Въ то время, какъ Англія уплачивала Адольфу субсидіи, онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ удовольствовался тѣмъ, что послалъ Франціи громкозвучное объявленіе войны, даже не приступивъ къ приготовленіямъ къ ней. Только когда Филиппъ французскій насмѣшливо спросилъ, не поддѣльно ли это объявленіе, началось нѣчто въ родѣ похода въ Эльзасъ. Адольфъ позволилъ безъ всякаго сопротивленія, чтобы папа Бонифаций VIII въ 1296 году своимъ посредничествомъ добился нейтралитета, на томъ основаніи, что онъ, какъ глава церкви, можетъ приказать соблюдать миръ, хотя Филиппъ заставилъ въ это время фландрскіе города присягнуть ему и побѣдилъ графа фландрскаго; онъ не протестовалъ, когда въ 1298 году Франція и Англія заключили миръ, даже не упомянувъ о Германіи.

Дѣло въ томъ, что Адольфу со времени его успѣховъ въ Тюрингіи угрожала гибель; какимъ образомъ онъ могъ дѣйствовать рѣшительно за границей, когда его избиратели соединились противъ него? Онъ колебался и дѣйствовалъ нерѣшительно, такъ какъ предчувствовалъ свою судьбу, предчувствовалъ, что его низвергнуть тѣ, по постыдной игрѣ которыхъ онъ былъ обязанъ своею короной.

Альбрехтъ австрійскій тѣмъ менѣе могъ простить новому королю, что тотъ раздражалъ его разными мелкими мѣрами, тѣмъ болѣе, что онъ узналъ, при помощи какихъ обязательствъ предъ Богеміей онъ получилъ престолъ. Альбрехтъ, навѣрное, былъ искрененъ, когда онъ впоследствии утверждалъ, что Адольфъ намѣревался отнять у него его владѣнія. Потому онъ радовался всякой неудачѣ Адольфа; онъ рѣшительно намѣревался низвергнуть его. Во время англо-французской войны онъ соединился съ Франціей, и вступилъ въ соглашеніе съ недовольнымъ архіепископомъ майнцскимъ. Потомъ на его сторону стали курфюрстры Саксоніи и Бранденбурга и въ особенности король богемскій; всѣ они боялись стремленій Адольфа пріобрѣсти себѣ территорію въ ихъ сосѣдствѣ. Въ февралѣ 1298 года не оставалось болѣе никакихъ сомнѣній: заговоръ для низверженія короля былъ составленъ. Архіепископъ майнцскій скоро выступилъ открыто. Онъ пригласилъ Альбрехта и Адольфа на имперское собраніе въ Франк-

фуртѣ къ 1 маю 1298 года—неизвѣстно на основаніи какого права. Альбрехтъ отправился на это собраніе, но съ вооруженной силой.

Адольфъ давно уже понялъ, о чемъ идетъ дѣло. Онъ собралъ всѣхъ остававшихся ему вѣрными приверженцевъ, воиновъ Кур-Пфальца, солдатъ городовъ, мелкое дворянство; съ ними онъ выступилъ противъ Альбрехта. Послѣ стратегическихъ движеній въ верхней Германіи, въ которыхъ Альбрехтъ доказалъ свое мастерство какъ руководитель военными движеніями, 2 іюля 1298 года при Гелльгеймѣ у Доннерсберга произошла рѣшительная битва. Альбрехтъ занялъ превосходную позицію на Газенбюгелѣ, а Адольфъ произвелъ на него бурное нападеніе; оглушенный паденіемъ съ лошади, неспособный надѣть шлемъ, онъ лично напалъ на своего врага и бросился на него съ копьемъ. Альбрехтъ уклонился отъ удара и отвѣчалъ на нападеніе ударомъ сабли въ лицо. Потомъ ихъ раздѣлила толпа. Вскорѣ Адольфъ нашелъ рѣшеніе своей судьбы, котораго онъ искалъ. Онъ палъ какъ мужъ и герой и честной смертью заплатилъ за грѣхи своего вступленія на престолъ.

VI.

Между тѣмъ уже 23 іюня на основаніи незаконнаго совѣщанія курфюрстровъ и другихъ «мудрыхъ людей», происходившаго подъ открытымъ небомъ въ Майнцѣ, было рѣшено низложеніе Адольфа и въ еще болѣе незаконномъ манифестѣ майнцаго архіепископа объявлено во всеобщее свѣдѣніе.—Это означало избраніе Альбрехта, да и кто рѣшился бы оспаривать добычу у побѣдителя? На другой день послѣ низложенія Адольфа, Альбрехта незаконно провозгласили королемъ и торжественно привѣтствовали въ его лагерь въблизи Алцеи.

Но послѣ смерти Адольфа онъ нашелъ нужнымъ заставить избрать себя еще разъ сообразно обычному порядку. Онъ понималъ, что рейнскіе архіепископы будутъ настаивать на новыхъ выборахъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить, по обыкновенію, свою жадность. Выборы произошли 27 или 28 іюля и, дѣйствительно, архіепископы получили матеріальныя выгоды и, кромѣ того, майнцкому архіепископу было окончательно предоставлено право назначать королевскаго вице-канцлера.

Но Альбрехтъ совсѣмъ не имѣлъ намѣренія позволить архіепископамъ водить себя на помочахъ. Сильный, суровый, непреклонный и бережливый человекъ, онъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы противиться имъ. Всѣ его склонности невольно влекли его къ имперской политикѣ, хотя онъ съ крайнимъ упорствомъ преслѣдовалъ широкіе планы увеличенія владѣній Габсбурговъ въ Богеміи, Моравіи и Мейссенѣ, въ Венгріи, въ Голландіи и въ Бургундіи.

На рейхстагѣ въ Нюренбергѣ, въ ноябрѣ 1298 года, онъ держалъ

себя, какъ повелитель государства въ старомъ смыслѣ этого слова. Толпа князей, графовъ и рыцарей окружала его, курфюрстры по старому исполняли свои придворныя обязанности, самъ богемскій король лично служилъ ему. Это было символическимъ выраженіемъ положенія, которое сумѣлъ занять въ королевствѣ Албрехтъ. Князья подчинялись ему, города, бывшіе до тѣхъ поръ горячими приверженцами Адольфа, послѣ паденія его перешли тотчасъ же на сторону короля, вѣрные своему неизмѣнному принципу молчаливаго признанія всякой способной создать порядокъ власти, принципу, наивно выраженному въ лозунгъ Ганзы: «въ надеждѣ и молчаніи крѣпость наша» (*in spe et silentia fortitudo nostra*). Албрехтъ могъ теперь попытаться сдѣлаться посредникомъ между партіями; въ опредѣленіяхъ, принятыхъ на Нюрнбергскомъ рейхстагѣ о приписныхъ гражданахъ, онъ старался найти компромиссъ въ этомъ важномъ вопросѣ между интересами князей и городовъ. Въ то же время онъ, не скрываясь, проявлялъ истинно королевскую гордость. Уже въ избирательномъ посланіи курфюрстровъ онъ заставилъ ихъ назвать себя происходящимъ изъ королевскаго рода; теперь же оказывалось, что онъ считаетъ царствованіе Адольфа чѣмъ то вродѣ междуцарствованія, что онъ признаетъ королевскую власть наследственной въ своемъ домѣ.

Церковныя дѣлатели королей на Рейнѣ начинали роптать, тѣмъ болѣе, что король упорствовалъ въ своей дружественной французамъ политикѣ, что вредило ихъ отдѣльнымъ интересамъ.

Мы уже говорили, что въ теченіи многихъ десятилѣтій взиманіе пошлинъ и устройство таможенъ находилось въ рукахъ князей. Рейнскіе курфюрстры воспользовались этимъ, чтобы чрезмѣрно увеличить количество таможенъ на Рейнѣ и возвысить пошлины и при этомъ они вышли изъ предѣловъ предоставленныхъ имъ правъ. Среднее теченіе Рейна отъ Бингена до Кобленца, тамъ, гдѣ было совершенно невозможно провести торговую дорогу обходнымъ путемъ чрезъ горы, они обложили почти невѣроятными пошлинами. ¹⁾ И всѣ эти таможи, за исключеніемъ таможи Каубъ, принадлежащей курфюрстру Пфальцскому, до послѣдней минуты остававшемуся вѣрнымъ королю Адольфу, находились въ управленіи рейнскихъ архіепископовъ.

Уже король Рудольфъ на Вюрцбургскомъ рейхстагѣ 1287 года всѣ пошлины, неправильно введенныя или возвышенныя съ 1245 года, объявилъ уничтоженными на основаніи закона ревиндикаціи. Но это рѣшеніе оставалось неисполненнымъ. Теперь Албрехтъ вмѣшался въ это дѣло; при этомъ не было никакого сомнѣнія, что принятые рѣшенія онъ прежде всего примѣнитъ противъ рейнскихъ курфюр-

1) Въ 1358 г. между Бингеномъ и Кобленцемъ пошлины достигали 66,72% облагаемой цѣнности; ср. Лампрехта - *Wirtschaftsleben* 11.

стровъ и свое положеніе онъ обезпечилъ тѣснымъ союзомъ съ Франціей.

Рейнскіе курфюрстры, у которыхъ, такимъ образомъ, подвергались опасности самыя дорогіе изъ ихъ интересовъ, которыхъ, особенно, подзадаривалъ архіепископъ трирскій Дитгеръ, братъ короля Адольфа, сангвиническій миноритъ, составили 14 октября 1300 года заговоръ въ Геймбахѣ противъ герцога Албрехта, называющаго себя — какъ они выражались — Тевтонскимъ королемъ (*qui rex nunc dicitur Teutonie*). Такъ какъ Албрехтъ былъ друженъ съ Франціей, то они искали поддержки у яростнаго врага короля Филиппа, у папы Бонифація VIII. Бонифацій, этотъ фанатикъ теоріи о папскомъ всемогуществѣ, охотно отозвался на ихъ призывъ; 13 апрѣля 1301 года онъ издалъ посланіе къ тремъ духовнымъ курфюрстрамъ, которое гласило, что ему принадлежитъ право и власть изслѣдовать, помазать, короновать и благословлять избраннаго римскаго короля. Албрехтъ, не утвержденный имъ, ведетъ себя какъ король; потому онъ обязанъ въ теченіе шести недѣль оправдать себя предъ нимъ, а иначе онъ прикажетъ курфюрстрамъ не повиноваться ему.

Албрехтъ возбудилъ всѣ классы націи противъ папы и архіепископовъ. Онъ призвалъ рейнскіе города къ борьбѣ противъ пошлинъ, онъ издалъ приказъ фризамъ, чтобы они помогали графамъ и свободнымъ дворянамъ нижняго Рейна, а также и городу Кельцу противъ незаконно завладѣвшихъ имперскими таможенями. И дѣйствительно, дворянство и бюргеры возстали за Албрехта; казалось, что королевская власть должна была побѣдить на Рейнѣ.

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное. Не смотря на все случившееся, дворяне и бюргеры обратились сами къ папѣ; они считали необходимымъ защищать предъ нимъ королевскую власть Албрехта противъ архіепископовъ, они даже просили, чтобы папа и кардиналы помогли имъ противъ беззаконій архіепископовъ.

Албрехту пришлось теперь узнать, на какого рода союзниковъ онъ думалъ опереться. Ему ничего не оставалось, какъ полагаться только на свои собственныя силы. Въ концѣ 1301 года онъ занялъ Пфальцъ, потомъ завоевалъ Бингенъ и бургъ Клонпъ выше этого города. И тотчасъ же оказалось, что рейнскіе архіепископы всегда подчинятся силѣ; въ мартѣ 1302 года покорился майнцскій архіепископъ, въ октябрѣ кельнскій, и, наконецъ, и Дитгеръ трирскій.

Но замѣчательно было то, что Албрехтъ очень мягко отнесся къ мятежникамъ. Только немногіе изъ пошлинъ были уничтожены и скоро снова все пошло по старому. Почему это? Потому что и самъ Албрехтъ боялся папы. Уже въ мартѣ 1302 года онъ послалъ ему униженный отчетъ о происшествіяхъ на Рейнѣ и просилъ объ своемъ утвержденіи. И въ какой унижительной формѣ далъ его въ концѣ концовъ папа 30 апрѣля 1303 года. Албрехтъ плохой христіанинъ,

но такъ какъ онъ въ послѣднее время исправился, то папа намѣревается быть кротокъ съ нимъ и въ виду этаго, а также и ради памяти отца Албрехта, добраго короля Рудольфа, папа намѣренъ сжалиться надъ нимъ. Но папѣ было мало этого униженія; Албрехтъ долженъ былъ, чтобы добиться отъ него утвержденія, сдѣлать уступки куріи въ Италіи. Прошли тѣ времена, когда даже папа Григорій VII, преисполненный сознанія своего права, объявлялъ, что онъ довольствуется правомъ на формальное утвержденіе избраннаго нѣмецкаго короля. Съ тѣхъ поръ Иннокентій III выставилъ притязаніе на право осужденія, а Александръ IV на право рѣшенія въ случаѣ двойного выбора; Бонифацію VIII удалось присвоить себѣ право рѣшительнаго утвержденія и притомъ при одномъ изъ самыхъ энергичныхъ нѣмецкихъ королей.

Кромѣ куріи у Албрехта, послѣ того какъ онъ началъ болѣе энергично пользоваться правами королевской власти, оказался другой и болѣе могущественный врагъ, Франція. Албрехтъ получилъ корону какъ другъ и союзникъ короля Филиппа; еще въ концѣ 1299 года онъ согласился съ нимъ о заключеніи договора, исполненіе котораго повело бы къ родству обоихъ королевскихъ домовъ и къ значительнымъ уступкамъ нѣмецкой земли Франціи. Но уже чрезъ нѣсколькочасовъ выяснилась полная несогласимость твердой королевской власти въ Германіи съ дружбой къ Франціи. Когда умеръ Іоаннъ, графъ Голландіи и Зееланда, и король Албрехтъ намѣревался присоединить его владѣнія къ королевству, какъ имперскіе лены, Франція начала поддерживать претендента изъ Геннегау, котораго покойный графъ призналъ своимъ наслѣдникомъ и Албрехтъ ничего не могъ сдѣлать. Когда потомъ послѣ смерти Бонифація VIII папство съ избраніемъ французскаго папы Климента V (іюнь 1305 года) на долгое время попало въ руки французскихъ королей, это измѣненіе положенія дѣлъ, это соединеніе двухъ наиболѣе могущественныхъ изъ иностранныхъ враговъ Германіи, немедленно же произвело роковое вліяніе на дѣла на западѣ. Теперь государи Фландріи, Геннегау и Люксембурга получали свои земли какъ лены и отъ имперіи и отъ Франціи, и епископъ Вердюнскій также, какъ и архіепископъ Кельнскій начали сознательно стремиться къ такому же положенію.

Албрехтъ былъ почти совершенно безсиленъ въ виду такихъ событій. Большимъ счастьемъ для него было то, что скоро его вниманіе было отвлечено положеніемъ дѣлъ на востокѣ.

Въ Богеміи и Венгріи съ началомъ новаго столѣтія произошли нѣкоторыя катастрофы, возможныя только въ такую эпоху, когда образованіе государствъ возможно только на основѣ родовыхъ княжескихъ владѣній.

14 января 1301 года умеръ венгерскій король Андрей; съ нимъ прекратилось мужеское колѣно дома Арпада. На наслѣдство сразу

явились двое претендентовъ: Карлъ Робертъ анжуйскій, изъ французско неаполитанскаго королевскаго рода, какъ внукъ Маріи, сестры убитаго въ 1290 году венгерскаго короля Владислава, и Венцеславъ III, двѣнадцатилѣтній сынъ богемскаго короля Венцеслава II, какъ женихъ единственной дочери покойнаго короля Андрея.

За Карла Роберта стоялъ папа; онъ тѣмъ болѣе считалъ себя въ правѣ на вмѣшательство, что признавалъ Венгрію собственностью св. Петра. На чью сторону должны были стать нѣмецкіе князья и король Албрехтъ? Ихъ выборъ былъ рѣшительнымъ для будущаго Венгріи. Любопытно то, что они согласились съ папой. Ими руководило, однако, не одно только уваженіе къ куріи. Нѣмецкіе князья уже давно считали богемскаго короля Венцеслава, отца претендента, черезъ чуръ могущественнымъ; съ 1300 года онъ къ Чехіи присоединилъ и корону Польши. Албрехтъ же отлично зналъ, что Венцеславъ въ глубинѣ души все еще не признаетъ габсбургское государство въ Австріи за законное ¹⁾. Потому то нѣмецкіе государи воспользовались замѣшательствами въ Венгріи, чтобы дѣйствовать противъ Богеміи. Король Албрехтъ потребовалъ отъ Венцеслава отреченія отъ Венгріи, Кракова и Польши; онъ взялъ у него Мейссенъ, Остерландъ и Плейссъ, бывшіе у него въ закладѣ. Когда Венцеславъ сдѣлалъ возраженія, онъ двинулся съ войскомъ въ Богемію. Среди этихъ замѣшательствъ Венцеславъ скончался не достигши сорока трехлѣтняго возраста, истощенный неумѣренностью, а вскорѣ послѣ него, 4 августа 1306 года, былъ убитъ и его сынъ, венгерскій претендентъ. Такимъ образомъ прекратился и родъ Пшемислидовъ и къ вопросу о венгерскомъ наслѣдствѣ присоединился вопросъ о богемскомъ.

На богемское наслѣдство явилось тоже два претендента: Генрихъ каринтійскій, сынъ графа Мейнгарда II тирольскаго, какъ супругъ сестры послѣдняго Венцеслава и король Албрехтъ, желавшій присоединить страну къ нѣмецкому королевству, разумѣется въ пользу своего дома. Посчастливилось Албрехту. Послѣ удачнаго похода уже въ октябрѣ 1306 г. его сынъ Рудольфъ былъ признанъ богемскимъ королемъ, а 14 января 1307 г. онъ совершилъ одареніе своего дома новой короной. Ему и всему его роду казалось обезпеченнымъ необыкновенное въ Германіи положеніе, тѣмъ болѣе, что Рудольфъ оказался превосходнымъ правителемъ. Но онъ умеръ молодымъ 4 июля 1307 г.; Генрихъ каринтійскій снова выступилъ претендентомъ и вопросъ о престолонаслѣдіи былъ поднятъ снова.

А въ это время къ нему присоединились затрудненія на западѣ. Генрихъ каринтійскій привлекъ на свою сторону тюрингенскихъ князей и графа вюртембергскаго.

---

¹⁾ Ср. Линднера, 1 и Hovedissen (Diss. Erl. 1891).

На Рейнѣ, гдѣ старые, недавно униженные архіепископы всѣ перемерли, новые архіепископы роптали противъ короля; архіепископы Вельнскій и Майнцскій, Генрихъ Бирнебургъ и Петръ Аспельтъ, начали снова собирать запрещенныя пошлины и испросили на это разрѣшенія куріи, отъ папы, живущаго подъ французской защитой и подъ французскимъ вліяніемъ въ Авиньонѣ.

Альбрехтъ видѣлъ, что коалиція его враговъ на востокѣ и западѣ, а также и внѣшнихъ враговъ, получаетъ необычайную силу и могущество; онъ намѣревался вести противъ нея энергичную борьбу. Но среди приготовленій къ этой послѣдней борьбѣ его жизни онъ былъ убитъ 1 мая 1308 года.

Убіенство Альбрехта объясняется ничтожными, по весьма понятными мотивами разочарованія и родственной ненависти; оскорбленные члены габсбургскаго дома, въ особенности женщины, страшно отомстили за него. Іоаннъ Паррицида нашелъ, наконецъ, безопасность на чужбинѣ; одинъ изъ его сообщниковъ, котораго удалось захватить, былъ живымъ растянутъ на колесѣ, на которомъ онъ прожилъ трое сутокъ; а рядомъ съ нимъ его лишившаяся отъ горя слезъ жена. Въ нѣмецкомъ королевствѣ наступило время анархіи, начались безпорядки и раздоры; только теперь поняли, какое значеніе имѣла при Альбрехтѣ королевская власть.

При Альбрехтѣ также, какъ отчасти и при Рудольфѣ и Адольфѣ, выяснилось, какія затрудненія предстоитъ преодолѣть всякому энергичному нѣмецкому королю; главное значеніе царствованія Альбрехта и состоитъ въ томъ, что оно вполне ясно указывало на эти затрудненія. Скипетръ находился въ рукахъ государя съ твердой волей; королевская власть второй половины среднихъ вѣковъ, насколько она вообще существовала, была, собственно говоря, создана первыми Габсбургами. Но могла ли она, опираясь на свою территорію на юго-востокѣ, имѣя въ виду только южную и среднюю Германію, вполне господствовать даже въ этихъ странахъ, не будя воспоминаній о старой имперіи и о ея борьбѣ съ великой духовной силой Рима? Когда Альбрехтъ хотѣлъ съ помощью дворянства и бюргеровъ подчинить себѣ духовныхъ князей, въ концѣ концовъ обѣ стороны, нападающая и защищающаяся, апелировали къ папѣ. Когда онъ хотѣлъ разрѣшить въ свою пользу вопросъ о богемскомъ наследствѣ и когда этотъ вопросъ осложнился затрудненіями на Рейнѣ, на заднемъ планѣ появился снова папа, готовый къ новому нападенію. А папство со временъ Климента V и вавилонскаго плѣненія церкви означало на долгое время Францію.

Было очевидно, что для будущаго Германіи безъ освобожденія отъ политическаго авторитета папы немыслимы ни спокойствіе внутри государства, ни независимость отъ Франціи. Королевская власть была возстановлена; она была готова къ сознанію своего національнаго

призванія—но достигнуть этого она могла только посредством освобожденія отъ французскаго папства. Предстояла новая борьба между государствомъ и церковью. Могла ли королевская власть выдержать ее и выдти изъ нея побѣдительницей, не покидая своей олигархической основы, курфюршества?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣдняя великая борьба между папствомъ и имперіей. Золотая булла.

I.

Въ противоположность восточной церкви, которой высокая степень цивилизаціи принадлежащихъ къ ней народовъ позволила довольно рано развить полную догматическую систему, западная церковь даже въ 13 вѣкѣ не закончила выработку своихъ ученій. Правда, она обладала сокровищемъ тринитарныхъ и христологическихъ догмъ, но эти догмы передавались главнымъ образомъ посредствомъ символовъ. Имѣлось кромѣ того извѣстное количество мнѣній отцовъ церкви, главнымъ образомъ Августина, а также нѣкоторыя церковныя постановленія, въ числѣ ихъ особенно папскія декреталіи, имѣвшія догматическое значеніе — но все это не было ни точно формулированнымъ, ни объединеннымъ въ систему.

Очень понятно поэтому, что мыслительныя способности молодыхъ народовъ, принадлежавшихъ къ западной церкви, не получили еще надлежащей самостоятельности для того, чтобы быть въ состояніи самостоятельно, своими собственными силами кодифицировать некоординированную массу христіанско-античныхъ идей, какъ свой собственный, въ теченіи вѣковъ накапливаемый капиталъ религіознаго мышленія. Въ то время, когда появилась возможность сдѣлать это благодаря самостоятельному развитію прогрессивнѣйшихъ изъ народовъ запада, Итальянцевъ и Французовъ, они познакомились съ гораздо болѣе развитой системой мышленія стараго міра, съ теоріей познанія Аристотеля. У нихъ, какъ у энтузіастическихъ и жаждущихъ знанія учениковъ, эта система немедленно же получила вліяніе на церковную традицію при болѣе или менѣе полномъ забвеніи своего собственнаго, менѣе законченнаго мышленія. Слѣдствіемъ этого было

то, что при примѣненіи формальнаго метода мышленія, далеко превосходящаго собственныя способности къ мышленію, преданія западной церкви обрабатывались не какъ трансцендентальная догматика, а какъ подлежащая доказательствамъ и доказанная метафизическая система. Такимъ путемъ вѣра въ авторитетъ и наука слились во едино; въ концѣ концовъ начали даже вѣрить, что существуютъ рациональныя истины, которыя познаются только посредствомъ откровенія и которыя человѣческій разумъ не можетъ вывести самъ изъ себя. Понятно, что такимъ путемъ авторитетъ церкви приходилъ въ молодое, только что пробуждавшееся мышленіе западныхъ народовъ; границы вѣры и знанія передвигались въ пользу вѣры; всякое новое пріобрѣтеніе развивавшихся умственныхъ силъ сначала шло на служеніе церкви и господству ея системы.

Главный матеріалъ, подлежащій обработкѣ схоластическаго мышленія и полученный изъ преданія послѣднихъ вѣковъ западной церкви, состоялъ изъ чисто чувственнаго пониманія таинства; люди отъ пятого до двѣнадцатаго вѣка истолковывали дѣйствіе христіанскихъ истинъ чувственно, въ формѣ магическаго изліянія божественной милости — и именно потому и приняли и усвоили христіанство. Схоластикъ ничего болѣе не оставалось, какъ обработать эту область вѣры, вполне недоступную для рациональнаго мышленія, по методу теоріи познанія Аристотеля. При этомъ она установила такое количество таинствъ, что они сопровождали человѣка во все время его жизни; даже бракъ былъ признанъ таинствомъ, хотя и трудно было доказать его мистическую связь съ Христомъ. Но въ особенности разработали таинство причащенія, какъ настоящей и ежедневно повторяемой жертвы тѣла Христова, приносимой священникомъ; эта разработка повела къ обожанію Гостіи и введенію праздника Тѣла Христова (1264 и 1311); священникъ дѣлался необходимымъ и видимымъ посредникомъ между мірянами и Христомъ.

Понятно, какую власть должна была получить церковь благодаря развитію такихъ ученій и связанной съ ними христіанской морали. Она была единственной обладательницей божественныхъ таинствъ, а стало быть и всякой милости; она господствовала надъ чувствомъ также, какъ и надъ умомъ; она соединяла, вдохновляла, утѣшала; вообще она была жизненной силой; цѣлыя поколѣнія жили и умирали съ успокоительнымъ сознаніемъ, что въ церкви воплотилось совершенное царство Божіе на землѣ.

Тогда церковь, какъ учрежденіе, закончила сооруженіе своего зданія, гордая вершина коего существуетъ еще и доселѣ. Какое замѣчательное развитіе церковнаго права съ появленія сборника Граціана, который поддѣлки лже-Изидора и Григорія въ срединѣ 12 вѣка приспособили къ учепію о церковномъ строѣ. Сама церковь была теперь ничѣмъ инымъ, какъ правовымъ институтомъ, въ которомъ са-

кральныя и юридическія дѣйствія священника по своему вліянію считались независимыми отъ достоинства его, какъ личности; ибо, если устраняли возможность личнаго воздѣйствія священника, то что же и оставалось, кромѣ фактическаго, замкнутаго въ опредѣленныя правовыя нормы дѣйствія церкви, какъ сакраментальнаго учрежденія? Потому то Иннокентій III, Иннокентій IV и Бонифацій VIII были на престолѣ св. Петра не столько теологами, сколько юристами; потому то юриспруденція была любимой наукой всѣхъ выдающихся церковниковъ 13 вѣка.

Потому же основнымъ стремленіемъ церкви было стремленіе дѣйствовать на мірянъ какъ учрежденіе. Такое воздѣйствіе со времени *Dictatus papae* Григорія VII могло быть только въ направленіи созданія теократіи. Церковь, какъ учрежденіе, выше всѣхъ государствъ; она несетъ въ себѣ обѣтованіе притчи о горшечномъ сѣмени, изъ коего выростетъ древо, вѣтви котораго покроютъ всѣ страны земного шара; она владычица надъ еретиками и язычниками и ея главѣ, папѣ, долженъ подчиняться всякій, кому дорого спасеніе его души. Уже св. Тома Аквинскій, завершившій теологическую и юридическую систему средневѣковой церкви, училъ, что подчиненіе римскому первосвященнику необходимо для спасенія (*subesse Romano pontifici est de necessitate salutis*) ¹⁾. То, что Тома писалъ въ тиши монастыря, Папа Бонифацій VIII въ своей буллѣ *Unam Sanctam* отъ 18 ноября 1302 г., этомъ кодексѣ папскихъ полномочій, возвѣстилъ *ex cathedra: Subesse Romano pontifici omni humanae naturae declaramus, dicimus, definimus et pronuntiamus omnino esse de necessitate salutis*. И онъ прибавлялъ къ этому, что оба меча, духовный и свѣтскій, принадлежатъ церкви и потому духовная власть имѣетъ право ставить и судить свѣтскую. Мыслимы ли были еще болѣе высокія притязанія? Теоретикамъ папскаго всемогущества въ 14 вѣкѣ, Августину Триумфу († 1328 г.) и Альвару Пелагію († 1340 г.) ничего болѣе не оставалось, кромѣ утвержденія, что папа отличается отъ Бога только тѣмъ, что молиться земному *Deus* папа можно только *ministerialiter* ²⁾.

Такимъ образомъ средневѣковая религіозная система была завершена; церковный строй разработанъ и продуманъ до самыхъ крайнихъ послѣдствій: папа былъ церковью. Но не должно ли было соотвѣтствовать такимъ притязаніямъ фактическое владычество папы надъ міромъ? Но именно въ это время, послѣ полной побѣды папъ надъ свѣтской универсальной властью Штауфеновъ, надъ этимъ столь часто проклинаемымъ змѣинымъ отродьемъ, произошелъ переворотъ.

Мы видѣли, что папы Урбанъ IV и Климентъ IV (1261—1268), оба француза, въ послѣдней борьбѣ противъ Штауфеновъ опирались

1) *Opus s. c. err. Graec* — ср. Гарнакъ. — *Dogmengeschichte*.

2) Гарнакъ — *Dogmengesch.*

на Францію; результатомъ ихъ политики было то, что Карль анжуйскій сдѣлался королемъ обѣихъ Сицилій.

Но вскорѣ оказалось, что такое измѣненіе въ положеніи Италіи отнюдь не сдѣлало папство безопаснѣе и не способствовало его стремленіямъ къ теократіи.

Франція, бывшая настоящей опорой папскихъ стремленій, во всякомъ случаѣ представляла то удобство, что именно въ ней совершилось схоластическое развитіе основъ средневѣковой церкви. Иорданъ изъ Оснабрюка около 1285 г. не безъ основанія называлъ римлянъ историческими представителями церкви, нѣмцевъ представителями имперіи, а французовъ представителями науки. Германія почти совсѣмъ не участвовала въ разработкѣ схоластики и всѣ первые великіе ученые нашего народа: Куссъ, Везель, Вессель, Эразмъ были анти-схоластиками. Потому папы конца 13 и начала 14 вѣковъ во многихъ отношеніяхъ были зависимы отъ Франціи, какъ отъ основы церковной системы. Но къ ихъ несчастію именно Франція во второй половинѣ 13 вѣка въ политическомъ отношеніи не подавала никакихъ надеждъ, благопріятныхъ для папской теократіи; даже такой благочестивый король, какъ Людовикъ святой, въ прагматической санкціи 1269 г. старался дать французской церкви правовые устои церкви національной.

Еще хуже для папъ было то, что французы въ 1282 году были изгнаны изъ Сициліи страшнымъ народнымъ возстаніемъ (Сицилійская вечерня) и что на островъ было создано гибеллинско-арагонское королевство. Папа Мартинъ IV отлучилъ арагонскаго короля, но населеніе острова, очень смѣшанное и доступное всякому прогрессивному движенію, поддерживало выбранную имъ королевскую власть въ его двадцатилѣтней борьбѣ противъ папъ и анжуйцевъ. Такимъ образомъ та политическая опора, которую папа хотѣлъ создать въ Италіи посредствомъ французской власти надъ нижней Италіей, была разрушена противодѣйствіемъ гибеллиновъ, и анжуйцы находились въ такомъ положеніи, что были вынуждены ради своихъ собственныхъ интересовъ дѣйствовать въ Италіи не какъ друзья куріи.

Если притязанія папъ на всемірную власть потерпѣли крушеніе даже въ Италіи, старой родинѣ папства, то еще болѣе они терпѣли крушеніе въ сферѣ, на которую папы издавна возлагали особыя надежды, въ проповѣди крестовыхъ походовъ. Прошли тѣ времена, когда нѣмецкіе, да и всѣ западные государи вообще, по папскому повелѣнію шли въ святую землю. Послѣ похода императора Фридриха II одна только Франція еще дѣйствовала въ этомъ направленіи, но уже послѣдній походъ святого Людовика въ Тунисъ въ 1270 г. въ значительной степеніи обусловливался чисто французскими интересами. Съ тѣхъ же поръ, какъ пала Аккона (1291) никто не хотѣлъ и слышать постоянныхъ призывовъ куріи къ крестовому походу.

Но все это было бы еще сносно, если бы Франція была готова поддерживать теократическія притязанія курии. Но случилось какъ разъ обратное. Франція хотѣла господствовать посредствомъ курии; въ умственномъ отношеніи наиболѣе важная изъ всѣхъ странъ запада и однако не призванная къ обладанію императорской властью, она могла получить руководящее положеніе среди западныхъ народовъ, къ которому она стремилась, только обходнымъ путемъ, посредствомъ злоупотребленія папской властью.

Это положеніе дѣлъ сдѣлалось очевиднымъ при Бонифаціи VIII и его ближайшихъ наслѣдникахъ. Бонифацій VIII, итальянецъ, былъ избранъ папой 14 декабря 1294 г. Восьмидесятилѣтній старикъ, много путешествовавшій и знающій свѣтъ и людей, знатокъ въ дѣлахъ, стоящій на самой вершинѣ церковнаго и свѣтскаго опыта, онъ рѣшился осуществить папскую систему во всей ея полнотѣ, не откладывая до будущаго, что легко могло бы соблазнить челоуѣка болѣе молодого. Въ юридической разработкѣ церковнаго строя онъ дѣлалъ крайніе выводы изъ идеи теократіи, въ теоретической части своихъ буллъ онъ былъ неисчерпаемъ въ выраженіяхъ о всемогуществѣ курии, онъ изображалъ всемірное священство въ невиданномъ блескѣ, какъ образъ, полный строгаго достоинства и царственной возвышенности; съ короной Константина на головѣ, онъ садился на тронъ и провозглашалъ на весь міръ: да, я императоръ! ¹⁾.

Противъ этаго страстнаго старика, когда онъ вздумалъ осуществлять свою систему, во Франціи выступилъ молодой, но холодный и разсудительный челоуѣкъ, король Филиппъ IV. Онъ вынудилъ Бонифація къ уступчивости, когда тотъ воспретилъ ему обложеніе духовенства налогами безъ позволенія папы. Онъ воспретилъ французскому духовенству отправиться на соборъ, созываемый папой въ Римъ. Въ концѣ концовъ онъ выступилъ лично противъ папы, угрожавшаго ему церковными наказаніями. Онъ выставилъ противъ папы неслыханныя обвиненія и сдѣлалъ попытку напасть на него въ его дворцѣ въ Ананьи и захватить его въ плѣнъ. Это удалось ему только на одинъ день, но Бонифацій былъ вынужденъ бѣжать и притомъ въ Римъ, въ такомъ положеніи, которое дѣлало его игрушкой разнуданныхъ дворянскихъ партій. Это несчастіе поразило папу до глубины сердца и 11 октября 1303 г. его нашли мертвымъ въ его постели.

Что это была за таинственная сила, благодаря которой король Филиппъ побѣдилъ папу? За его королевской властью стояла нація—она инстинктивно поняла, что папская теократія опасна не только ей государямъ, но и ей самой. Тутъ случилось тоже, что и въ Сициліи; противъ курии возсталъ народъ. Всѣ эти явленія были пред-

¹⁾ Muratori SS. rer. it. IX. Pipinus I V.

дѣятельными болѣе общими и сильными движеніями въ 14 вѣкѣ; мы увидимъ, что и въ Германіи папство было побѣждено только паціей, народомъ, постепенно дошедшимъ до самосознанія.

Наслѣдникъ Бонифація Бенедиктъ XII былъ спокойный, благородный человѣкъ; онъ понималъ, что ему предстоитъ печальная задача ликвидировать политическое банкротство своего друга и предшественника: исполняя эту задачу, онъ и умеръ въ іюль 1304 года.

Слѣдующій папа, Климентъ V, не могъ уже и думать о томъ, чтобы занять такое же положеніе, какое занимали его предшественники, папы до Бонифація, не говоря уже о такомъ положеніи, какое занялъ этотъ послѣдній. Онъ былъ французъ и избранникъ французской партіи въ коллегіи кардиналовъ; раньше онъ былъ архіепископомъ въ Бордо. Человѣкъ нерѣшительный, притомъ часто болѣвшій, способный только къ временному возбужденію, свойственному нервнымъ натурамъ, онъ попытался, хотя и жилъ съ 1309 года постоянно въ Авиньонѣ и никогда не появлялся за Альпами, играть самостоятельную роль возлѣ Филиппа. Но это ему удавалось только въ неважныхъ вопросахъ; вообще же, хотя и противъ воли, онъ былъ орудіемъ въ рукахъ французскаго короля.

Могло ли быть иначе при его наслѣдникахъ? Климентъ V считалъ еще свое пребываніе въ Авиньонѣ временнымъ, онъ жилъ въ монастырѣ доминиканцевъ простымъ гостемъ. Наоборотъ, его наслѣдникъ Іоаннъ XXII началъ строиться въ Авиньонѣ; онъ пользовался тѣми средствами, которыя вымогалъ насиліемъ у церкви, для того, чтобы устроить папскую резиденцію; при новомъ дворѣ появилось духовенство запада, сходились поэты и художники, царило вполне развитая церковная и свѣтская жизнь. Могло ли папство, привязанное на долго къ Авиньону, избѣжать французскаго вліянія? Анжуйцы въ качествѣ королей Неаполя были ленниками папы, а въ качествѣ графовъ Прованса защитниками и владыками Авиньона; естественно появлялась мысль, столь ненавистная папству во времена Штауфеновъ, о соединеніи сициліанскихъ вассальныхъ отношеній съ фогтствомъ папъ. Анжуйцы были ближайшими родственниками и довѣренными лицами французскихъ королей, власть которыхъ все болѣе и болѣе приближалась къ Авиньону и интересы которыхъ господствовали въ долинѣ Роны.

Въ первыя десятилѣтія 14 вѣка кругъ французскаго вліянія замыкается вокругъ куріи, папы становятся французскими придворными епископами, и одинъ изъ членовъ французскаго королевскаго дома имѣлъ возможность отдѣлаться отъ исполненія церковнаго отлученія простымъ замѣчаніемъ: святому отцу не зачѣмъ вмѣшиваться въ это и мы такого вмѣшательства не допустимъ (*ne le Saint-Pere ne s'en a de riens a mesler, ni nous ne le souffrerions*)¹⁾.

¹⁾ Messag. des sciences hist. 1877.

II.

Какое влияние на Германию имело уже в начале 14 века отношение папства к его защитнице Франции, это оказалось немедленно после смерти короля Альбрехта I.

Французы даже не сомневались в том, что наследником Альбрехта должен быть французский принц; уже в 1298 году они серьезно ставили французскую кандидатуру. Теперь Пьерр Дюбуа, один из замечательнейших людей среди многочисленных французских авторов политических трактатов того времени, убеждал короля Филиппа, чтобы он сам получил корону римского короля, заставил папу уничтожить избирательное право немецких князей и вознаградил их признанием их стремлений к самостоятельности их территорий. Филипп, хотя и не ослепленный такими политическими мечтаниями, начал все таки серьезно действовать в пользу кандидатуры своего брата, Карла анжуйского и Валуа.

Это поставило папу Климента в очень затруднительное положение. Мог ли он открыто протестовать против таких планов? Еще менее он мог одобрить их. Потому его политика — вообще, впрочем, мастерская — была колеблющейся — и в конце концов он рекомендовал немцам Карла только тогда, когда они уже нашли кандидата.

На пятидесятницу 1308 года в Трир приехал молодой, двадцатилетний архиепископ Балдуин, из рода графов Люксембургских. Живой, стройный, с маленьким, но мускулистым и приученным ко всем рыцарским упражнениям, телом, притом честный и благочестивый, осторожный и скромный, он имел все шансы для того, чтобы играть важную роль в имперской политике. Он начал с того, что выставил кандидатом на вакантный королевский престол своего брата Генриха, который был старше его на двадцать лет.

В первый раз со времени выбора Генриха VI из среды рейнских архиепископов, этих старых дельцов королей, выдвигается на первый план Трирский архиепископ. Два другие архиепископа подчинились ему не сразу. Майнцский стоял за Фридриха тюрингенского, а Кельнский склонялся на сторону Франции. Сначала такое положение дел, составлявшее контраст с согласием рейнских курфюрстов при других выборах, произвело некоторое замешательство.

Но Балдуин умел ловко распутывать завязанные узлы. Невроятно широкими уступками пасчет государства он привлек на свою сторону майнцского курфюрства; на кельнского же архиепископа, которому в это время передали свои голоса Бранденбург и Саксо-

нія, онъ подѣйствовалъ обходнымъ путемъ, чрезъ курію. Такъ какъ въ Богеміи въ то время еще не было коронованнаго и потому пользующагося правомъ голоса короля, то ему было необходимо еще согласіе только одного Пфальца. Курфюрстъ Фридрихъ пфальцскій сначала думалъ быть избраннымъ самъ, — какъ это бывало часто съ пфальцграфами, но всегда, за исключеніемъ Рупрехта въ 1400 году, безуспѣшно — теперь же онъ въ силу двусмысленнаго договора съ Саксоніей и Бранденбургомъ рѣшился подать голосъ за Люксембурга.

Въ саду Рензе, тамъ, гдѣ теперь старые орѣховыя деревья осѣняютъ устроенный между 1376 и 1398 годами королевскій престолъ, простую каменную скамью, въ самомъ центрѣ рейнскихъ курфюршествъ, почти у самого Рейна, въ концѣ октября 1308 года Генрихъ былъ единогласно избранъ на предварительныхъ выборахъ; за ними безъ всякихъ инцидентовъ произошли торжественные выборы во Франкфуртѣ и коронованіе въ Ахенѣ въ день трехъ волхвовъ 1309 года.

Снова къ королевскому достоинству былъ призванъ новый родъ, также, какъ Габсбурги и Насаусскій домъ, происхожденіемъ съ запада Германіи. Люксембургскіе графы происходили изъ стараго рода графовъ Лимбургскихъ, которые въ 1101 году получили герцогство Нижнюю Лотарингію, но не сохранили его; ихъ родовой бургъ находился къ западу отъ Ахена при Дольгайнѣ, на нѣмецко валлонской границѣ также, какъ когда то родовое жилище каролинговъ; теперь еще развалины этого бурга возвышаются надъ равниной, полной трудовой, оживленной дѣятельности. Въ 1214 году этотъ родъ пріобрѣлъ Люксембургъ и графъ Генрихъ Бѣлокурый расширилъ границы своихъ новыхъ владѣній покупкой и усердной хозяйственной дѣятельностью. Теперь графство занимало 150 кв. миль и имѣло около сотни бурговъ; доходы его были очень значительны и наврядъ ли уступали доходамъ графства Габсбургъ. Большинство населенія были валлонцы, между ними сидѣли нѣмцы изъ Франконіи и Аллеманіи, административный языкъ былъ смѣшанный, но по большей части французскій. Какова была страна, таковы и государи. Генрихъ, по происхожденію нѣмецъ, но воспитавшійся при французскомъ дворѣ, посвященный въ рыцари королемъ Филиппомъ IV, бывшій вассаломъ и нѣмецкаго короля и Франціи, былъ настоящимъ типомъ его среды. По внѣшности, впрочемъ, онъ былъ настоящимъ германцемъ. Онъ былъ бѣлокуръ, съ розовымъ лицомъ, съ красивымъ, но не очень длиннымъ оваломъ головы; въ его глубокихъ, какъ у всѣхъ почти Люксембурговъ близорукихъ глазахъ видны были откровенность и умъ. Вообще же онъ былъ сдержанной натурой; люди знали его за честнаго, набожнаго и добродушнаго человѣка; онъ очень обязательно и охотно выслушивалъ чужіе совѣты. Но въ важныхъ дѣлахъ у него не было недостатка въ *furore teutonico*; въ сущности онъ былъ глу-

боко страстнымъ человекомъ и въ гнѣвѣ онъ бывалъ непреклоненъ. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей онъ всего болѣе напоминалъ великаго Штауфена Фридриха I и въ политикѣ этихъ двухъ императоровъ имѣются пѣкоторые родственныя черты.

Для вновь избраннаго короля было только одно средство упрочить свое положеніе — приобрести родовую территорію. Габсбурги создали такую на юговостокѣ колониальной области, Адольфъ нассаускій искалъ такой въ Тюрингіи и сосѣднихъ восточныхъ странахъ, Генрихъ нашелъ ее для себя въ Богеміи.

Послѣ паденія Отокара Богемія сдѣлалась очень могущественной при его сынѣ Венцеславѣ. Не говоря уже о его заботливомъ управленіи, серебряныя рудники и особенно Куттенбергскіе приносили такіе большіе доходы, какіе позже приносили только роду Веттиновъ рудники Рудныхъ горъ. Въ обоихъ случаяхъ результаты были одинаковы: страна процвѣтала не смотря на роскошную жизнь двора и рядомъ съ грубыми заботами о существованіи пробудились и духовныя интересы; тогда уже появилась мысль основать въ Прагѣ университетъ. вмѣстѣ съ этимъ повысилось и внѣшнее значеніе Богеміи; къ ней было присоединено наслѣдство герцога бреславскаго Генриха, къ которому тогда принадлежали и польскія герцогства: Краковъ и Сандоміръ; съ 1300 года Венцеславъ сдѣлался и польскимъ королемъ. Кромѣ того казались возможными приобретения въ самомъ нѣмецкомъ королевствѣ: Эгеръ, Плейссъ и маркграфство Мейссенъ. Чешскіе источники говорятъ даже, что послѣ смерти Рудольфа Венцеславъ легко могъ бы получить корону Германіи, если бы онъ серьезно захотѣлъ этого.

Родъ Пшемыслидовъ, какъ мы видѣли, прекратился и страна пѣкоторое время находилась подъ властью Габсбурговъ. Но будущее было неизвѣстнымъ. Во время междуцарствія въ Богеміи устроился было Генрихъ каринтійскій, зять послѣдняго Пшемыслида Венцеслава III; но въ странѣ не любили его, какъ расточительнаго человека и исключительнаго друга городовъ; вмѣстѣ съ дворянами противъ него дѣйствовалъ и могущественный орденъ Цистерціановъ. Притязанія на Богемію имѣли еще Габсбургскій домъ, нѣмецкое королевство и Елизавета, незамужняя сестра Венцеслава III.

При такомъ положеніи дѣлъ было ясно, какой политики слѣдовало держаться Генриху. Онъ уладилъ дѣло съ Габсбургами, заложивъ имъ Моравію за пятьдесятъ тысячъ марокъ. Онъ благосклонно принялъ просьбы чеховъ, стоявшихъ за Елизавету; при этомъ онъ соединилъ свои интересы съ ихними, выдавъ замужъ Елизавету, наврядъ ли противъ ея воли, за своего четырнадцатилѣтняго сына, Іоанна и передавъ послѣднему Богемію, какъ имперскій ленъ. Все это совершилось безпрепятственно и очень быстро; на блестящемъ рейхстагѣ въ Шпейерѣ 30 августа 1310 года произошли и бракъ и.

одареніе Іоанна Богеміей. Устроить молодого государя въ его новомъ королевствѣ тоже удалось безъ всякихъ затрудненій; 7 февраля 1311 года онъ былъ коронованъ въ Прагѣ. Если къ этому прибавить, что опытнымъ представителямъ короля въ Богеміи, архіепископу майнцскому Петру и графу Бертольдѣ Геннебергъ, удалось устранить замѣшательства въ Тюрингіи, признавъ это ландграфство непосредственнымъ леномъ имперіи и такимъ образомъ обезпечить Богемію съ сѣвера, то можно утверждать, что наврядъ ли хоть одно приобрѣтеніе въ 14 вѣкѣ совершилось такъ счастливо, какъ это. Люксембургскій домъ сразу сдѣлался однимъ изъ могущественнѣйшихъ въ Германіи. И если Іоаннъ, безпокойный человѣкъ, и дурно управлялъ страной, то все таки она осталась во владѣніи дома и наконецъ Карлъ IV, уже въ 1334 году бывшій на время ея правителемъ, сумѣлъ сдѣлать ее превосходнымъ владѣніемъ.

Для самого короля Генриха приобрѣтеніе Богеміи было, однако, только эпизодомъ. Воспитанный во Франціи, привыкшій къ иностранной политикѣ, онъ началъ немедленно же стремиться къ великимъ международнымъ задачамъ нѣмецкихъ королей; уже 2 іюня 1310 года онъ просилъ папу о возложеніи на него императорской короны.

Для папы такая просьба была не непріятной. Хотя онъ и отложилъ исполненіе ея до 2 февраля 1312 года, но ему все таки было желательно опираться на Генриха—будетъ ли онъ императоромъ или еще лучше просителемъ объ императорской коронѣ—для сохраненія своей самостоятельности противъ Франціи. Даже созданіе новаго нѣмецкаго государства въ верхней Италіи—лишь бы только это государство не было слишкомъ сильнымъ,—казалось ему, какъ противоявіе противъ успѣховъ Франціи въ долинѣ Роны, вполне желательнымъ. Сначала и Франція не противилась желанію Генриха. Король Филиппъ не вѣрилъ въ возможность успѣховъ Генриха въ Италіи. Кромѣ того въ виду своихъ итальянскихъ плановъ Генрихъ сдѣлалъ уступки Франціи на нѣмецкой границѣ, и притомъ уступки особенно пріятныя Филиппу; онъ отдалъ, напр., сыну Филиппа свободное графство Бургундію безъ обязательства принести присягу; такимъ образомъ Франція получила вознагражденіе за походъ въ Римъ еще раньше, чѣмъ онъ начался.

Положеніе дѣлъ въ Италіи не было особенно благопріятнымъ для нѣмецкаго похода. Въ нижней Италіи, правда, еще можно было воспользоваться продолжавшимся раздоромъ между сицилійскими королями и анжуйскимъ домомъ въ Неаполѣ; въ средней Италіи крупныхъ затрудненій можно было ожидать только отъ Тосканы, находившейся во власти вельфской партіи. Но гораздо менѣе счастливымъ и менѣе яснымъ было положеніе дѣлъ въ верхней Италіи. Здѣсь съ временъ Штауфеновъ свирѣпствовала дикая, не пренебрегающая никакими средствами хитрости и насилія борьба партій, которая, несдерживае-

мая никакой высшей властью и нерегулируемая ни какими общими социальными интересами, выродилась въ войны отдѣльныхъ городовъ одной и той же страны, въ личныя и партійныя споры въ этихъ городахъ. Въ этой борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ очень медленно выработывались новыя общественныя силы. Противъ старыхъ патриціанскихъ домовъ въ городахъ возставали ремесленники и мелкіе горожане и требовали и потомъ получили участіе въ управленіи. Не рѣдко въ этой демократической средѣ захватывали власть отдѣльные выдающіеся роды; они или боролись одинъ съ другимъ, или создавали тиранію надъ всѣми. Всѣ эти волненія около 1300 года получили свое завершеніе; въ верхней Италиі въ это время было уже четырнадцать большихъ городовъ съ синьоріями и нѣкоторые изъ нихъ весьма значительные, какъ, напр., Верона подъ тираніей Скалигеровъ. Въ другихъ мѣстахъ еще шла борьба между синьоріями и народомъ, въ Миланѣ, напр., боролись Висконти и Торреани. Во всякомъ случаѣ и побѣдителей и побѣжденныхъ еще называли старыми именами Гвельфовъ и Гибеллиновъ.

Для приближавшагося нѣмецкаго короля такое положеніе дѣлъ представляло затрудненія. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ онъ легко могъ бы стать во главѣ народа и устроить имперскія фогства тамъ, гдѣ въ 1310 году существовали синьоріи. Теперь же онъ долженъ былъ стать выше партій и городскихъ властей. Единственное благопріятное для этого условіе состояло въ общемъ настроеніи страны. Мирные и проникательные люди желали окончанія этихъ ужасныхъ и однообразныхъ войнъ. Въ приближавшемся императорѣ они видѣли спасителя отъ этихъ бѣдствій, всеобщаго миротворца. У благородныхъ энтузіастовъ къ этому присоединялось ожиданіе, что сѣверный государь опять возстановитъ имперію въ прежнемъ ея блескѣ и объемѣ, что при немъ Римъ снова сдѣлается столицей и пастыремъ народовъ. Такія идеи были особенно распространены въ юныхъ кружкахъ начинавшагося тогда гуманизма; никто лучше Данте не выразилъ ихъ. Для него король Генрихъ былъ левъ изъ племени Іудина, сжалившійся надъ стонами общаго плѣненія, второй Моисей, который избавитъ свой народъ изъ рабства египетскаго. Онъ видѣлъ, какъ кроткій Генрихъ, божественный Августъ и Цезарь, грядетъ какъ женихъ Италиі, какъ утѣшеніе міра.

У Генриха были подобныя же мысли, когда онъ осенью 1310 года переправлялся чрезъ Монъ Сенисъ въ Италию. Онъ высоко цѣнилъ свое королевское званіе, онъ хотѣлъ господствовать не съ партіями Италиі, а надъ ними. Сначала это ему удивительно удалось; сила идея поставила на время и народъ и государя выше обыденныхъ интересовъ. Но это продолжалось не долго. Генрихъ не могъ удержать своего высокаго положенія надъ Гвельфами и Гибеллинами; какъ бы безпристрастно онъ ни дѣйствовалъ, его все таки считали Гибе-

линомъ. Старая вражда пробудилась, нѣмцы должны были мечемъ возстановить спокойствіе въ Миланѣ, Кремонѣ и Лоди; Бресція выдержала четырехмѣсячную ожесточенную осаду. А Генрихъ былъ строгимъ государемъ, онъ наказывалъ сурово, а нѣмецкіе варвары грабили.

Вмѣстѣ съ тѣмъ омрачилось и международное положеніе. Франція и раньше только терпѣла походъ. Папа, находившійся подъ вліяніемъ Франціи, находилъ, что Генрихъ прочнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, устраивается въ Италиі; 7 октября 1310 года онъ назначилъ неаполитанскаго короля Карла Роберта намѣстникомъ Романьи, стараго папскаго экзархата около Равенны; самый худшій изъ враговъ нѣмецкаго короля въ Италиі стоялъ теперь противъ него.

Но Генрихъ не испугался. Въ концѣ 1311 года онъ двинулся чрезъ Геную и Пизу, гдѣ Гибеллины сдѣлали ему блестящій пріемъ, въ Римъ. Его противники, ожидавшіе его отступленія, изумились. Что было дѣлать? Папѣ ничего не оставалось, какъ сдѣлать попытку отстрочить рѣшеніе дѣла посредствомъ переговоровъ между Генрихомъ и королемъ Неаполя. Король Робертъ занялъ нѣкоторыя части Рима, какъ будто затѣмъ, чтобы имѣть достойное представительство при будущемъ коронованіи императора.

Это не страшило Генриха; онъ занялъ квартиры въ другихъ частяхъ Рима и 29 іюня 1312 года былъ увѣнчанъ императорскою короною. Теперь онъ не могъ имѣть иной цѣли, кромѣ борьбы съ Неаполемъ: вставала кровавая тѣнь Штауфена Конрадина и требовала мщенія.

Тогда папа снова попытался предотвратить неизбѣжное; онъ повелѣлъ Роберту и Генриху въ теченіе года сохранять миръ. Но императоръ проникъ его умыселъ и отвѣчалъ прямымъ отказомъ. Папство чисто духовная сила, говорилъ онъ въ своемъ отзывѣ, въ свѣтскихъ дѣлахъ оно подчинено императору также, какъ епископъ государю территоріи. Собственность Петра и его наслѣдниковъ — сѣти и евангеліе, власть принадлежитъ императору и столица его Римъ. Вмѣстѣ съ этимъ Генрихъ заключилъ съ королемъ Сициліи Фридрихомъ III оборонительный и наступательный союзъ противъ Неаполя; въ маѣ 1313 года онъ объявилъ Анжуйскаго лишеннымъ его государства, состоящимъ въ имперской опалѣ и приговорилъ его къ смерти. На это папа отвѣчалъ угрозою проклятія за нападеніе на Неаполь, какъ папскій лень. Борьба принциповъ ясно высказалась теперь въ политическихъ дѣйствіяхъ; Фридрихъ и Генрихъ не смотря на угрозу папы двинулись противъ Анжуйскаго; теперь все зависѣло отъ меча. Но 24 августа 1313 года императоръ Генрихъ скончался въ Буонконвенто.

III.

Въ первую минуту послѣ полученія извѣстія о смерти Генриха въ Германіи гаворили, что она лишилась государя, какого не было у ней въ теченіе послѣднихъ пятисотъ лѣтъ. Но иностранная политика Генриха и въ особенности его успѣхи въ Италіи были его личнымъ дѣломъ, съ его смертію они были утрачены. Теперь некогда было заниматься отношеніями къ куріи или къ Франціи, прежде всего надо было найти новаго короля.

Сначала кандидатомъ являлся Іоаннъ, сынъ скончавшагося императора. Но онъ не былъ еще совершеннолѣтнимъ и потому за него стояли только его дядя, архіепископъ трирскій Балдуинъ, и архіепископъ майносскій Петръ, старый другъ Люксембурговъ. Потомъ имѣли въ виду Фридриха, красиваго и благороднаго, но недаровитаго представителя австрійскаго дома; Габсбурги, если бы они въ это время получили престолъ, легко могли бы соединить свои владѣнія на Рейнѣ и Дунаѣ, создать объединенную южную Германію. Наконецъ, кромѣ Іоанна и Фридриха, какъ всегда, явился кандидатомъ курфюрстръ пфальцскій.

Для быстраго и единодушнаго выбора прежде всего было бы необходимо, чтобы архіепископъ кельнскій Генрихъ согласился съ двумя другими рейнскими архіепископами. Но въ этомъ то и было затрудненіе. Генрихъ пока держался въ сторонѣ и по старому кельнскому обычаю старался, чтобы ему были переданы голоса Саксоніи и Бранденбурга. Только позже на собраніи въ Рензе въ іюнѣ 1314 года положеніе уяснилось настолько, что Пфальцъ, Кельнъ и Бранденбургъ стояли, повидимому, на сторонѣ Фридриха, а архіепископъ майнцскій и Трирскій продолжали стоять за Іоанна. Сдѣлалось, такимъ образомъ, очевиднымъ, что провести кандидатуру Іоанна будетъ очень трудно; большинство курфюрстровъ не хотѣло Люксембурга. Тогда, наконецъ, Майнцъ и Триръ рѣшились отказаться отъ Іоанна и вмѣсто его выдвинуть кандидатуру кого-нибудь, только не Габсбурга. Всего подходящѣе казался герцогъ баварскій Людвигъ; онъ уже раньше выборовъ разбилъ кандидата противной партіи Фридриха въ кровавой битвѣ при Гаммельсдорфѣ (17 апрѣля 1314 года), такъ что его воинская слава распространилась во всей Германіи; кромѣ того онъ былъ братъ курфюрстра пфальцскаго и могъ рассчитывать на его голосъ. Людвигъ сначала былъ удивленъ предложеніемъ архіепископовъ, но, въ концѣ концовъ, согласился, хотя Фридрихъ считался его близкимъ другомъ и товарищемъ юности.

Необходимо должно было случиться, что выберутъ обоихъ кандидатовъ. Такъ какъ Богемія представлялась Іоанномъ и Генрихомъ каринтійскимъ, т. е. имѣла два голоса, то каждый изъ кан-

пидатовъ получилъ по четыре голоса. Было очевидно, что дѣло могло рѣшиться только Божиимъ судомъ, посредствомъ борьбы между двумя королями; и хорошо еще, что представлялся только такой исходъ. Иначе оба избранные могли бы обратиться за рѣшеніемъ своего дѣла къ папѣ. Но папскій престолъ послѣ смерти Климента V на долгое время оставился викантнымъ; только 7 августа 1316 года по требованію Франціи былъ избранъ Іоаннъ XII и нѣмецкимъ партіямъ ничего не оставалось, какъ составить формальное извѣщеніе о выборахъ для будущаго папы.

Въ теченіе восьми лѣтъ однообразно и вяло тянулася борьба между двумя королями, Виттельсбахомъ и Габсбургомъ; королевство участвовало въ ней мало и она сопровождалась грабежами, пожарами, и опустошеніемъ; ея единственнымъ результатомъ было финансовое и военное истощеніе обѣихъ борющихся сторонъ, что должно было послужить на пользу Люксембургскому дому. Наконецъ, 28 сентября 1322 года произошла рѣшительная битва; въ этой битвѣ при Мюльдорфѣ король Фридрихъ былъ взятъ въ плѣнъ; съ габсбургскимъ королемъ было покончено.

Для Германіи это событіе имѣло результатомъ появленіе новаго, виттельсбахскаго королевскаго дома. Людвигъ дѣйствовалъ беспощаднѣе, чѣмъ кто-либо изъ прежнихъ королей. Уже со времени Мюнхенскаго договора, заключеннаго имъ въ 1317 году съ своимъ братомъ Рудольфомъ пфальцскимъ, онъ имѣлъ въ виду постепенно соединить подъ своей властью всѣ владѣнія своего рода, а теперь онъ воспользовался случаемъ, чтобы завладѣть имперскими имуществами. Когда въ 1320 году со смертью Генриха младшаго прекратился бренденбургскій домъ Асканіевъ, онъ передалъ Бранденбургъ, какъ ленъ, своему восьмилѣтнему сыну Людвигу, причемъ предъ нимъ открывались новыя перспективы, такъ какъ онъ женился на датской принцессѣ. Самъ король женился на Маргаритѣ, наслѣдницѣ Голландіи. Очевидно техника пріобрѣтенія родовыхъ территорій сдѣлала значительные успѣхи; благодаря избирательнымъ интригамъ рейнскихъ архіепископовъ въ теченіе двухъ поколѣній уже четвертый царствующій домъ волновалъ Германію и передѣлывалъ ради пріобрѣтенія себѣ земель исторически сложившее распредѣленіе территорій.

Но равнѣе, чѣмъ Людвигъ вступилъ на этотъ путь эгоистической родовой политики, ему было необходимо принять политическое наслѣдіе старой имперіи и своего непосредственнаго предшественника; большая часть его царствованія была посвящена исполненію этой задачи. Дѣло шло о папствѣ и объ установившихся при Генрихѣ VII отношеніяхъ куріи къ королевству, о правахъ куріи и имперіи въ Италіи.

Папство въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ значительную часть своихъ заботъ посвятило тому, чтобы создать церковное государство,

папскую область; благочестивый пармскій монах Салимбене говорилъ: «когда новый императоръ получаетъ корону, папа что нибудь да утягиваетъ у имперіи». Такимъ путемъ при каролингахъ были пріобрѣтены настоящая патримонія св. Петра, части Кампаньи и Тосканы, а также экзархатъ Равеннскій и Пентаполисъ (позднѣйшая Романья). Послѣ временной потери Романьи при Генрихѣ III была присоединена область Беневентъ. Далѣе въ 1077 г. маркграфиня Матильда тосканская подарила куріи свои владѣнія, хотя совсѣмъ присоединить ихъ къ папской области не удалось. Потомъ очень энергично дѣйствовалъ въ этомъ направленіи Иннокентій III; онъ выставилъ свои притязанія на Романью, на Сполето и Анконскую марку. Во всякомъ случаѣ онъ получилъ Сполето и Анкону, а Романья была уступлена папамъ королемъ Рудольфомъ въ 1279 г. Такимъ образомъ въ началѣ 14 вѣка кромѣ королевства обѣихъ Сицилій, на которое папы съ 11 вѣка выставляли на основаніи поддѣльныхъ актовъ свои ленныя притязанія, папскія владѣнія занимали всю среднюю Италію до Ломбардіи; для полного ихъ округленія недоставало только Тосканы, о которой шли постоянные споры.

Но теперь папство переселилось въ Авиньонъ. Могло ли оно удержать свои итальянскія земли? Въ то время, когда папство было лишено фактическаго обладанія ими, папы, какъ бы въ силу реакціи въ интеллектуальной сферѣ, создали теорію, на основаніи которой имъ принадлежало не только господство надъ церковнымъ государствомъ, но и управленіе всей Италіей при вакантномъ императорскомъ престолѣ. Уже Иннокентій III выставилъ положеніе, что свобода церкви всего лучше обеспечивается тамъ, гдѣ она кромѣ духовной обладаетъ и свѣтской властью. Какже было не примѣнить этого положенія въ Италиі, въ странѣ, гдѣ уже фактически существовала свѣтская власть папы, въ такой странѣ, императоры которой появлялись въ ней только для полученія императорской короны? Кромѣ того уже издавна была въ ходу басня, будто имперія была перенесена отъ грековъ къ нѣмцамъ именно папой; потому и представлялось естественнымъ, чтобы имперія при отсутствіи императора управлялась куріей. Уже Климентъ V послѣ смерти Генриха VIII утверждалъ, что онъ имѣетъ право господства надъ Италіей и поставилъ ея намѣстникомъ короля неополитанскаго Роберта. Юаннъ XXII въ притязательной буллѣ отъ 30 марта 1317 г. съ своей стороны сдѣлалъ такое же утвержденіе; въ 1320 г. онъ даже кромѣ имперскаго викарія назначилъ ему помощника, графа Филиппа Валуа, сдѣлавшагося впоследствии французскимъ королемъ.

Нѣмецкій король, бывшій, въ качествѣ римскаго короля, и государемъ соединенной съ Германіей Италиі, не намѣренъ былъ отказаться отъ своихъ старыхъ и несомнѣнныхъ правъ. Онъ тоже назначилъ своего намѣстника; 4 января 1315 г. Бельмонтъ, братъ графа

голландскаго, былъ назначенъ королевскимъ генеральнымъ викаріемъ, а въ 1323 г. въ Италію прибылъ назначенный Людвигомъ намѣстникъ рыцарь Бертольдъ Нейффенъ.

Конечно, что такое двойственное управленіе, поддерживаемое и Людвигомъ и папой военными силами, производило невѣроятныя замѣшательства.

Наконецъ, папа не выдержалъ. Іоаннъ ХХІІ получилъ папскую тіару, когда ему было уже больше семидесяти лѣтъ; это былъ маленькій, лысый, сгорбленный, постоянно бормотавшій себѣ подъ носъ, дряхлый старичекъ съ слабыми мускулами. Но въ этомъ слабомъ тѣлѣ была огневая душа. Папа почти не спалъ, онъ не зналъ никакихъ развлеченій, наслажденіе онъ находилъ только въ работѣ. Настоящій французъ и притомъ человѣкъ рѣзкій по самому своему происхожденію изъ семьи Кагорскаго сапожника, онъ держалъ себя безцеремонно по отношенію особенно къ нѣмцамъ и къ Людовику.

8 октября 1323 г. онъ приказалъ вывѣситъ на дверяхъ Авіньонскаго собора обширное папское посланіе и обратился къ нѣмецкимъ князьямъ и епископамъ, не удостоивъ сдѣлать Людовику даже сообщенія. Въ посланіи говорилось, что при двойственныхъ королевскихъ выборахъ изслѣдованіе, одобреніе или отверженіе избраннаго принадлежитъ папѣ. Людвигомъ не просилъ объ этомъ изслѣдованіи; хотя онъ только избранный, онъ называетъ себя королемъ, присвоиваетъ себѣ королевскія права и даже вздумалъ пользоваться въ Италіи императорскими правами. Подъ страхомъ наказанія отлученіемъ онъ долженъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ сложить съ себя власть до тѣхъ поръ, пока не будетъ утвержденъ папой.

Это было чѣмъ то неслыханнымъ. Тѣмъ не менѣе Людвигомъ сначала хотѣлъ пойти на мировую, но немедленно же одумался. По совѣщаніи съ нѣмецкими юристами и клериками 16 декабря 1323 г. онъ приказалъ составить въ Нюренбергѣ мемуаръ, въ которомъ, послѣ апелляціи къ всеобщему собору, на основаніи государственнаго права говорилось слѣдующее: избранный законно на основаніи нѣмецкаго королевскаго права есть король, онъ не нуждается въ утвержденіи кого бы то ни было, изслѣдованіе выбора папой можетъ происходить развѣ только въ томъ случаѣ, когда къ нему обращаются съ просьбой объ этомъ и съ жалобой; нѣмецкій же король съ самаго своего избранія, даже до полученія императорской короны, имѣетъ право на управленіе имперіей.

Но еще раньше, чѣмъ этотъ мемуаръ могъ оказать вліяніе на ходъ событій, со стороны папы послѣдовалъ второй ударъ. Іоаннъ ХХІІ 23 марта 1324 г. объявилъ Людвига отлученнымъ и потребовалъ отъ него, чтобы онъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ оставилъ титулъ и управленіе, *Regnum et Imperium* и прежде всего удалился изъ Италіи. Только

въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ это, онъ можетъ рассчитывать на милость папы.

На это Людвигъ отвѣчалъ страстными обвиненіями и апелляціей, оффициально составленными и принятыми въ домашней капеллѣ Нѣмецкаго Ордена въ Саксенгаузенѣ, вѣроятно 22 мая 1324 г. Людвигъ повторялъ положенія нюренбергскаго мемуара и прибавлялъ къ нимъ, что по старому праву королевства въ случаѣ двойного выбора дѣло рѣшается битвой. Онъ упрекалъ папу, что его дѣянія не дѣянія намѣстника Христа, а свирѣпаго тирана, погрязшаго въ бездну зла и стремящагося къ гибели государства. Далѣе къ этому присоединилось открытое признаніе ученія о бѣдности Христа и объявленіе, что папа, противящійся этому ученію, есть еретикъ.

Почему король Людвигъ допустилъ или по крайней мѣрѣ просмотрѣлъ такое добавленіе? И что вообще оно означало?

Ученіе, что Христосъ и его Апостолы жили въ полной бѣдности, очень древнее ученіе; оно было извѣстно британскому анониму первой половины пятаго вѣка¹⁾. Но особое значеніе оно получило съ того времени, когда свѣтская теократія, введенная въ церковь папствомъ, начала вызывать противодѣйствіе.

Сначала такое противодѣйствіе исходило отъ безспорныхъ святыхъ церкви, вродѣ Бернарда Клервосскаго и со второй половины 12 вѣка оно становится предметомъ все болѣе и болѣе рѣзкой оппозиціи со стороны церкви. «Бѣдняки» верхней Италіи, происшедшіе отъ «гумиліатовъ», проповѣдывали идеалъ апостольской бѣдности и въ 1184 году были отлучены отъ церкви папой Люціемъ III. Одновременно Петръ Вальденскій проповѣдывалъ благочестивымъ жителямъ Ронской долины подобное же ученіе: вы не должны имѣть въ своихъ поясахъ ни золота, ни серебра, ни мѣди; не нужно брать сумы на дорогу, ни двухъ рубахъ, ни башмаковъ²⁾. Вальденцы жили въ добровольной бѣдности, ходя съ своей проповѣдью, какъ апостолы, ибо Сынъ Человѣческій не имѣлъ, гдѣ преклонить голову. Грозилъ опасность, что это ученіе, этотъ культъ бѣдности, бывшій сначала только живымъ упрекомъ противъ учрежденій церкви, поведетъ и къ критикѣ церковнаго ученія. Такъ и случилось потомъ въ концѣ 12 и началѣ 13 вѣковъ; было необходимо, чтобы церковь присоединила къ себѣ это теченіе, становившееся все болѣе сильнымъ и стремившееся къ одухотворенію обміршенной церкви, а иначе это теченіе могло затопить и разрушить всѣ противопоставляемыя ему препятствія.

Св. Францискъ Ассизскій и св. Доминикъ Гуцманъ вырвали у ере-

¹⁾ Каспари—Abh. und. Predigten aus den letzten zwei Jahrhunderten des Kirch. Alter. (1890).

²⁾ Матвѣя 10. Таковы же были идеалы и позднѣйшихъ утопистовъ.

тиковъ ихъ оружіе, чтобы, подобно искусному врачу, употребить его на спасеніе церкви. Оба нищенствующіе ордена въ первое время своего процвѣтанія основывались на принципѣ неимѣнія никакой собственности. Такимъ изобразилъ Жіотто св. Франциска въ Ассизской церкви; онъ стоитъ предъ Христомъ и обмѣнивается кольцами съ бѣдностью, женщиной въ разорванномъ и опоясанномъ веревкой платьѣ. Это новое ученіе объ уничтоженіи привлекло всѣхъ недовольныхъ іерархической церковью; въ одномъ стихотвореніи 13 вѣка свѣтъ жалуется, что благодаря распространенію нищенствующихъ орденовъ у него отнять цвѣтъ юности ¹⁾).

Но этотъ идеаль скоро поблекъ. Ордена сдѣлались вялыми, а Доминиканцы даже богатыми; минориты для того, чтобы соблюсти принципъ по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, предложили свои значительныя владѣнія папѣ. Но у миноритовъ, по крайней мѣрѣ у меньшинства, еще сохранялась старая идея и протестъ противъ обміршенія церкви; смѣшавшись съ пророчествами и съ идеями хиліастовъ, эта идея нашла выраженіе въ отдѣльной группѣ спиритуаловъ и фратичелли. Эта группа въ первыя десятилѣтія 14 вѣка навязала всему ордену ученіе о бѣдности Христа, какъ правовѣрный догматъ.

Это было несомнѣнно покушеніемъ на стремленія куріа къ всемірному владычеству и вмѣстѣ съ тѣмъ покушеніемъ на право папы создавать догмы. Іоаннъ XII былъ не такой человѣкъ, чтобы потерпѣть это. Чтобы опровергнуть миноритовъ фактически, онъ отказался отъ права собственности на ихъ владѣнія, а потомъ въ ноябрѣ 1323 года онъ объявилъ ученіе о бѣдности Христа еретическимъ.

Это было началомъ борьбы съ тѣми церковными теченіями, которыя противились теократическому идеалу папства, обміршенію церкви.

Такимъ образомъ связь между борьбой Людвига противъ куріи и споромъ о бѣдности была очевидной; къ чему Людвигъ, наслѣдникъ старыхъ императоровъ, стремился въ области государственнаго права, того спиритуалы ордена миноритовъ, послѣдователи идей Бернарда Клервосскаго и Арнольда Бресчанскаго добивались въ церковной области; и тотъ и другіе боролись противъ обмірщенной церкви. Поэтому спиритуалы искали союза съ Людвигомъ и за государственно правовыми положеніями Саксенгаузенской аппеляціи совершенно послѣдовательно было поставить обвиненія папы, какъ противника христіанской бѣдности, въ ереси.

Возможно ли было предположить, чтобы папа уступилъ этому двойному нападенію? Противъ спиритуаловъ онъ давно уже дѣйствовалъ тѣмъ орудіемъ, которое давалъ ему его санъ, а теперь, 11 іюля

1) Naureau— Bibl. de l'ec. des Chartes.

1324 года, онъ объявилъ Людвига лишеннымъ всѣхъ императорскихъ и королевскихъ правъ.

Дѣло теперь шло о томъ, послушаютъ ли нѣмцы рѣшенія папы. И здѣсь впервые оказалось, какое громадное измѣненіе произошло въ нѣмецкомъ народѣ въ теченіе 13 вѣка; онъ становился политическимъ цѣлымъ, націей, обладавшей собственнымъ, самостоятельнымъ развитіемъ. Выраженіе ярости папы произвели такъ же мало впечатлѣнія, какъ какія либо дѣйствія иностранной державы и даже въ тѣхъ сферахъ, гдѣ на нихъ пришлось обратить вниманіе, къ нимъ отнеслись уклончиво. Такъ, напр., курфюрстры, находившіеся подъ вліяніемъ миноритовъ, боялись вмѣшательства папы въ ихъ избирательныя права; они увлекли за собой князей, даже и духовныхъ, и опубликовали рѣшенія папы или очень неохотно, или совсѣмъ неопубликовали. Городское населеніе все, за малыми исключеніями, объявило себя за Людвига; не даромъ Саксенгаузенская аппеляція была переведена на нѣмецкій языкъ.

Папа встрѣтилъ поддержку только въ одномъ мѣстѣ, у Габсбургскаго дома. Герцогъ Леопольдъ, братъ плѣннаго короля Фридриха, страстно ненавидѣвшій Людвига, былъ вполне на сторонѣ куріи. Онъ готовъ былъ на самыя крайнія мѣры; былъ готовъ вести переговоры съ Франціей, даже пожертвовать французскому королю королевской властью своего брата, лишь бы отомстить Виттельсбаху. 27 іюля 1324 года онъ заключилъ союзъ съ Карломъ IV и обѣщалъ ему поддержать его избраніе; если же курфюрстры будутъ противиться этому выбору, то онъ соглашался, чтобы папа самъ, своимъ папскимъ постановленіемъ, назначилъ Карла нѣмецкимъ королемъ и обѣщалъ поддерживать его, какъ такового. Совершенно безумное условіе, которое приносило выгоды только папѣ и Франціи; когда о немъ узнали въ Германіи, то оно возбудило недовѣріе и ужасъ; ничего не могло быть болѣе благопріятнымъ для дѣла Людвига.

Еслибы только Людвигу везло счастье въ вооруженной, все еще продолжавшейся борьбѣ съ Австріей! Но онъ послѣ продолжительной осады Бургауса (между Ульмомъ и Аусбургомъ) былъ разбитъ въ декабрѣ 1324 года. Онъ былъ вынужденъ войти въ соглашеніе съ Габсбургскимъ домомъ. Это было достигнуто по договорамъ въ Траусницѣ, Мюнхенѣ и Ульмѣ (13 марта и 15 сентября 1325 года и 7 января 1326 года). Въ нихъ было условлено, чтобы король Фридрихъ, бывший до тѣхъ поръ плѣнникомъ Людвига, жилъ у него свободно, сначала какъ другъ, а потомъ какъ полноправный король, такой же, какъ и самъ Людвигъ; оригинальное соглашеніе, принятое въ Германіи съ нескрываемымъ удивленіемъ и наврядъ ли могшее быть сохраненнымъ на долгое время. Во всякомъ случаѣ оно, къ счастью,

не подверглось такому испытанію; 28 февраля умеръ герцогъ Леопольдъ, еще въ молодыхъ годахъ, пораженный горемъ отъ неудачи своихъ политическихъ плановъ. Съ нимъ окончилась и борьба со стороны Габсбурговъ; не имѣвшій никакого значенія Фридрихъ, предоставленный теперь своимъ собственнымъ силамъ, тщетно дѣлалъ Людвигу въ Инсбрукѣ предложенія о разумномъ раздѣленіи королевской власти на основаніи Мюнхенскаго договора. Людвигъ не согласился; онъ понималъ, что теперь Фридрихъ только австрійскій герцогъ съ королевскимъ титуломъ; онъ сознавалъ, что настоящій король только онъ одинъ. И тогда, казалось, настало время отвѣчать папѣ.

Для предстоявшей ему великой борьбы въ его распоряженіи были теперь и богатые умственные силы. Кромѣ спиритуаловъ, на его сторонѣ стояли всѣ крупные представители въ то время развивавшейся науки государственнаго права; отрицательная критика обмирщенной церкви дополнялась положительнымъ ученіемъ о самодержавіи и независимости христіанскаго государства.

Государственные теории начала среднихъ вѣковъ вели свое происхожденіе почти всѣ отъ *Civitas Dei* св. Августина; христіанство побѣждало античное государство, вводя церковную организацію и ея теории и въ свѣтскую сферу развитія государства и общества. Такое пониманіе дѣла могло и даже должно было существовать до тѣхъ поръ, пока крупныя средневѣковыя государства были проникнуты натурально хозяйственными элементами феодальной системы. Но когда при появленіи зачатковъ денежнаго хозяйства въ 12 и 13 вѣкахъ феодальное государство начало колебаться и появились первые зачатки новаго государства, наврядъ ли могла сразу создаться и теорія этой созидающейся государственной формы; теорія по большей части обнимаетъ только вполне развитую государственную форму. Но въ это время, благодаря особой формѣ рецепціи, было возможно при помощи мудрости когда то высоко развитой культуры древнихъ понять основныя черты будущаго. Въ 13 вѣкѣ на основаніи недавно открытой политики Аристотеля были созданы весьма оригинальныя государственныя теории съ раціоналистическимъ направленіемъ.

Сначала по самой своей сущности онѣ наврядъ ли могли имѣть какое нибудь отношеніе къ политической практикѣ той эпохи. Но все же въ одномъ отношеніи онѣ были силой. Всякая средневѣковая теорія государства прежде всего должна была имѣть въ виду отношенія между государствомъ и церковью. Аристотель въ этомъ вопросѣ не давалъ никакихъ указаній, приходилось думать самимъ. И начали думать въ связи съ общими теоретическими основаніями въ свободномъ направленіи всей системы Аристотеля, исходя изъ положенія объ основанномъ на себѣ самомъ полноправіи и самодержавіи государства. И пришли къ такому пониманію объ отношеніяхъ церкви и государства,

которое во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчило требованіямъ папской системы, которое не хотѣло ничего знать о теократіи и свѣтской всемірной власти папы, которое основывалось на существованіи націи, какъ естественнаго фундамента автономнаго государства.

Эти ученія были могущественнымъ орудіемъ въ борьбѣ королей и народовъ противъ чрезмѣрныхъ притязаній куріи. Уже Филиппъ Красивый французскій пользовался ими въ своемъ спорѣ съ Бонифаціемъ VIII; тогда уже Пьерръ Дюбуа и Іоаннъ Парижскій, хотя и отрывочно и безъ особенно глубокаго обоснованія, вывели слѣдствія изъ ученія Аристотеля противъ папства.

Вскорѣ всѣ эти отрывочныя замѣчанія развились въ полную систему. Уже Данте въ своей книгѣ о монархіи (1317—1320) мыслилъ въ этомъ направленіи; но при этомъ онъ все еще опирался на старыя представленія о необходимости всемірной монархіи и былъ настолько же вдохновеннымъ панегиристомъ исчезнувшаго государства, какъ и ясновидящимъ пророкомъ будущаго. Гораздо послѣдовательнѣе въ своемъ мышленіи былъ другой итальянецъ, Марсилій. Онъ происходилъ изъ падуанской семьи Майнардینی, былъ медикомъ и позже священникомъ, и послѣ довольно бурной молодости поселился въ Парижѣ. Здѣсь онъ сдѣлался профессоромъ въ Сорбонѣ и ознакомился съ идеями французскихъ писателей о государственномъ правѣ при Филиппѣ Красивомъ. Въ это время вмѣстѣ съ своимъ другомъ Іоанномъ изъ Яндуна (близь Мезьера) онъ написалъ свое главное сочиненіе: *Defensor pacis*. Въ этомъ сочиненіи излагается общее ученіе о рациональномъ государствѣ, оно защищаетъ главную задачу государства, обезпеченіе общественнаго спокойствія, какъ совершенно независимую отъ церкви. При этомъ, подъ общественнымъ спокойствіемъ понимается не механическое безсодержательное представленіе объ обезпеченіи права, единственное извѣстное средневѣковому государству, а скорѣе государственное благоденствіе, которое позволяло бы каждой части государства и каждому гражданину разумно исполнять падающія на его долю обязанности и разумно пользоваться своими правами. Тутъ очевидно уже вліяніе Аристотеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе о цѣлесообразности новаго государства. Изъ этого общаго положенія Марсилій дѣлаетъ дальнѣйшіе выводы: для него народъ, органически развившійся и состоящій изъ личностей, семей, сосѣдствъ и общинъ—самодержецъ; онъ осуществляетъ свое право законодателя чрезъ избранное представительство, а право самоуправленія чрезъ выборъ исполнительной власти. При этомъ исполнительная власть есть вмѣстѣ съ тѣмъ органъ законодательный, ея представители отвѣтственны и могутъ быть смѣщены. Это было провиденіемъ конституціонныхъ положеній будущихъ вѣковъ. Для современниковъ же Марсилія было конечно гораздо важнѣе его соображенія объ отношеніяхъ государства и церкви. Въ его государствѣ содер-

жаніе вѣрованія — дѣло свободнаго убѣжденія каждаго, еретика наказуемы въ этой жизни только въ томъ случаѣ, если ихъ образъ жизни и ученіе противны правовому порядку. Священство не должно преслѣдовать никакихъ свѣтскихъ задачъ и не должно имѣть никакой свѣтской власти, его задачи чисто душеспасительныя. Эти задачи одинаковы для всѣхъ священниковъ, епископы не обладаютъ никакой высшей властью сравнительно съ другими священниками; приматство папы можно объяснить только врученіемъ его ему соборами для извѣстныхъ практическихъ цѣлей и не имѣетъ основаній ни въ божественномъ правѣ, ни въ библии.

Для папства это было настоящимъ смертельнымъ ударомъ. И онъ былъ панесенъ со всей ученостью той эпохи, при примѣненіи научныхъ схоластическихъ формъ доказательства, хотя чрезъ обычные силлогизмы часто звучали благородные взрывы гнѣва. Такое сочиненіе, не говоря уже о томъ, что оно содержало въ себѣ первое до Макіавелли ученіе новаго времени о государствѣ и потому вліяло въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, должно было сильно подѣйствовать на современниковъ и поощрить всѣхъ враговъ папы къ политической дѣятельности. Такъ какъ для Марсилія и его друга Іоанна изъ Яндуна пребываніе въ Парижѣ при набожномъ королѣ Карлѣ IV было неудобно, то они знали, куда имъ обратиться. Они убѣжали ко двору Людвига и прибыли туда какъ разъ во время, чтобы въ соединеніи съ миноритами, сочиненія которыхъ давно уже уравнили дорогу къ положеніямъ новыхъ теорій о государствѣ, вліять на политическую дѣятельность короля въ его борьбѣ съ Іоанномъ XII.

Людвигомъ напасть на папу могъ только въ Италіи; новая борьба принциповъ между церковью и государствомъ началась политической борьбой изъ за Италіи.

Въ началѣ 1327 года Людвигомъ, призываемый гибеллинами, двинулся чрезъ Триестъ въ Италію. На новое требованіе папы отъ 1 октября 1327 года онъ отвѣчалъ только насмѣшкой. Марсилій при немъ проповѣдывалъ противъ папы, а королевскіе теологи называли его просто священникомъ Іоанномъ. Пріемъ Людвига въ верхней Италіи былъ почти вездѣ дружественный, а кое гдѣ и восторженный: вспоминали о счастливыхъ дняхъ императора Генриха люксембургскаго; Людвигомъ короновался въ Миланѣ и нѣмцы быстро двинулись, минуя Флоренцію, къ вѣчному городу.

Римъ, городъ пилигримовъ и иностранныхъ клериковъ, опустѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ его оставилъ папа, тамъ должны были желать его возвращенія. Но Іоаннъ, не смотря на частыя приглашенія римлянъ воротиться, отказывался. Потому противъ него были очень раздражены; весной 1327 года противъ папскаго управленія вспыхнуло возстаніе и Сциарра Колонна, одинъ изъ руководителей при нападе-

ніи на Бонифація VIII въ Ананьи, господствовалъ теперь въ Римѣ какъ республиканскій сенаторъ.

Людвигъ, котораго между тѣмъ папа Іоаннъ XII объявилъ лишеннымъ всѣхъ правъ и всѣхъ владѣній, какъ собственныхъ, такъ и вассальныхъ, приблизился къ городу 7 января 1328 года; его приняли съ радостью; казалось, настала время осуществленія идеала автора *Defensor pacis*; 11 января народное собраніе въ Капитоліи признало Людвига императоромъ, 17 января онъ былъ помазанъ на царство двумя отлученными епископами, а потомъ Колонна возложилъ на него императорскую корону; 14 апрѣля народное собраніе на площади св. Петра въ присутствіи императора, появившагося въ торжественномъ императорскомъ одѣяніи, признало Іоанна XII еретикомъ, 18 апрѣля Людовикъ объявилъ папу за оскорбленіе величества и разныя ереси, особенно по вопросу о бѣдности Христа, лишеннымъ его сана; декретъ этотъ, составленный Марсиліемъ, называетъ папу всадникомъ на красномъ конѣ апокалипсиса; 12 мая по настоянію Людвига папой былъ избранъ честный миноритъ, Пьетро Райнальдучи, изъ Корвара въ Аbruццахъ. Людвигъ утвердилъ выборъ, провозгласилъ и короновалъ новаго папу подъ именемъ Николая V; 22 мая императоръ и папа взаимно короновали другъ друга.

Неужели міръ измѣнился столь радикально? Неужели должны были одержать побѣду энтузіасты теоретики, окружавшіе Людвига, опиравшіеся на враждебнаго папѣ генерала ордена миноритовъ Михаэля Цезена и на ученыхъ проповѣдниковъ бѣдности, миноритовъ Оккама и Бонагратио? Виллани, благочестивый историкъ Флоренціи, полагаетъ, что успѣхъ Людвига могъ бы быть прочнымъ, если бы онъ въ это время воспользовался имъ для энергическаго похода противъ неаполитанскаго короля Роберта.

Но Людвигъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, позволилъ народной энергіи римлянъ, возбужденныхъ революціонными движеніями и необычайностью событій, растратиться въ пустомъ фейерверкѣ фразъ на народныхъ сходкахъ. Скоро выступила обратная сторона дѣла. Римъ хмурился, въ Ломбардіи отъ императора отпали важныя синьоріи; въ войскѣ солдаты изъ верхней и нижней Германіи ссорились. 4 августа 1328 года императоръ и папа должны были удалиться изъ Рима, провожаемые народомъ бросаемыми въ нихъ камнями; вскорѣ городомъ завладѣлъ король Робертъ.

Удержаться въ Италіи больше было невозможно, не смотря на всѣ проклятія противъ Іоанна, не смотря на сожженіе его изображеній. Въ февралѣ 1330 года Людвигъ былъ снова въ Германіи; итальянское приключеніе было закончено и отъ него, какъ отъ какой нибудь фантазмагоріи, ничего не осталось, кромѣ насмѣшки надъ всѣмъ нѣмецкимъ, которое вздумало бы показаться въ Италіи.

IV.

Въ Германіи исходъ итальянскаго предпріятія нисколько не повредилъ императору; 13 января 1330 года умеръ Фридрихъ австрійскій и Людвигъ былъ теперь безспорнымъ государемъ. Теоріи Марсилія могли при существовавшихъ въ Германіи отношеніяхъ найти примѣненіе развѣ только въ городскихъ конституціонныхъ движеніяхъ; онѣ были настолько далеки отъ развитія территоріи и королевства, что князья едвали и понимали ихъ и навѣрное не боялись, причемъ они не понимали и своеобразности ихъ примѣненія въ Италиі. Для нѣмцевъ было довольно и того, что Людвигъ вернулся съ императорскимъ титуломъ и что государство освободилось отъ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій противъ Италиі.

Такимъ образомъ императоръ могъ бы считать свое положеніе достаточно прочнымъ, чтобы спокойно ожидать соглашенія съ папой, если бы такое воспослѣдовало. Онъ тѣмъ болѣе могъ рассчитывать на это, что нація, въ особенности бюргеры большихъ городовъ, начали дѣлать папѣ трогательныя представленія въ пользу императора, Но безпокойство о своемъ душевномъ спасеніи заставило императора утратить всякое сдержку въ отношеніяхъ къ куріи.

Король Іоаннъ богемскій предложилъ свое посредничество между Людвигомъ и папой. Полубезумный, полугеніальный Люксембургъ, въ родѣ того, какимъ впослѣдствіи былъ императоръ Сигизмундъ, красивый, необычайно здоровый и необычно жизнерадостный, но въ высшей степени непостоянный, склонный проституировать свою личность, странствующій рыцарь, игрокъ какъ въ кости, такъ и въ политикѣ, вѣчно составляющій планы и вѣчно не имѣвшій средствъ для ихъ осуществленія, развѣзжавшій по Европѣ отъ одного двора къ другому и изъ одной страны въ другую, въ то время онъ составилъ одинъ изъ своихъ замѣчательныхъ проектовъ возвеличенія своего дома. Въ то время, какъ онъ на востокѣ добивался польской короны и дѣйствительно пріобрѣлъ Селизію, онъ одновременно пытался создать государство и на югѣ, примирившись съ прежнимъ претендентомъ на корону Богеміи, Генрихомъ каринтійскимъ, и пріобрѣтая притязанія на Каринтію посредствомъ брака своего сына Генриха и дочери Генриха каринтійскаго, Маргариты Маульташъ. Теперь онъ старался расширить эти планы, намѣреваясь послѣ возвращенія Людвигъ изъ Италиі завоевать Ломбардію. И въ началѣ онъ имѣлъ безспорный успѣхъ именно въ большихъ городахъ сѣверной Италиі. Іоаннъ назначилъ даже своего сына, будущаго императора Карла IV, намѣстникомъ верхней Италиі.

Въ это то время для упроченія своихъ итальянскихъ пріобрѣтеній онъ нуждался въ согласіи императора. Людвигъ и далъ его въ іюлѣ

1331 года въ такой формѣ, что Іоаннъ получилъ пріобрѣтенныя имъ итальянскія синьоріи въ залогъ отъ имперіи. Въ видѣ вознагражденія Іоаннъ обѣщался примирить императора съ куріей.

Въ ноябрѣ 1332 года Іоаннъ появился въ Авиньонѣ. Сначала по своему обыкновенію онъ надѣлалъ долговъ. А притомъ онъ велъ и переговоры съ папой, который въ то время находился вполнѣ во власти Франціи. Окончательный результатъ этихъ переговоровъ былъ повидимому довольно ничтожнымъ: папа остался при своемъ требованіи, чтобы Людвигъ сначала сложилъ съ себя корону, а тогда ему будетъ оказана предупредительность. Но Іоанна такой результатъ вполнѣ удовлетворилъ, ибо онъ думалъ соединить его съ новыми планами въ пользу своего дома. Не согласится ли Людвигъ отречься въ пользу Генриха нижнебаварскаго, тоже Виттельсбаха, тестя Іоанна? Людвигъ дѣйствительно пошелъ на это предложеніе, все было уже устроено, чтобы обеспечить корону Генриху; король французскій по соглашенію съ папой хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для новыхъ пріобрѣтеній. Генрихъ долженъ былъ заложить ему имперскія права на королевство Бургундію и епископство Камбре за триста тысячъ марокъ — и понятно, навсегда, безъ выкупа.

Трудно сказать, были ли дѣйствительно серьезны такія намѣренія у Людвигъ; когда они сдѣлались извѣстными въ Германіи, то повсемѣстно, особенно въ городахъ, возбудили крайнее удивленіе. Нація, уже давно находившаяся въ возбужденіи, заняла теперь опредѣленное положеніе противъ папы и за императора. Это подѣйствовало на Людвигъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ писалъ городу Вормсу; онъ не хочетъ отречься и никогда не хотѣлъ; кто утверждаетъ это, тотъ лжетъ. А если кто нибудь вздумаетъ доказывать существованіе такихъ намѣреній документально, пусть имъ не вѣрятъ, ибо свѣтъ полонъ лжи.

Въ то время, когда такимъ удивительнымъ образомъ были закончены переговоры короля Іоанна съ куріей, положеніе папы было довольно благопріятно для императора. Іоаннъ XII, довольно неосторожный въ своихъ теологическихъ утвержденіяхъ, въ день всѣхъ святыхъ 1331 года высказалъ положеніе, что справедливые достигнутъ полнаго блаженства прець лицомъ Божиимъ только послѣ страшнаго суда, а не раньше. Для того времени это было грубой ересью; началась ужаснѣйшая схоластическая война, снова Іоанна называли еретикомъ. И это въ такое время, когда значительная партія въ коллегіи кардиналовъ, руководимая Наполеономъ Орсини, стремилась возвратиться въ столь ненавистный Іоанну Римъ. Людвигъ могъ бы отлично воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлать; враждебные папѣ кардиналы уже начали искать соглашенія съ императоромъ; но тутъ, 4 декабря 1334 года, Іоаннъ скончался на девяностомъ году, успѣвъ на своемъ смертномъ ложѣ отречься отъ своихъ ересей.

Іоанну XXII наслѣдовалъ Бенедиктъ XII, сынъ французскаго ремесленника; онъ сидѣлъ на папскомъ престолѣ до 1342 года. Набожный и честный, но глупый и непокладливый, сначала онъ имѣлъ наилучшія намѣренія; онъ хотѣлъ вернуться въ Римъ и примириться съ Людвигомъ. Но скоро и онъ попалъ въ сѣти французской политики, а въ интересахъ Франціи было ослабить нѣмецкое королевство и не разрѣшать Людвига отъ наложеннаго на него отлученія.

Людвигъ понялъ эти умыслы Франціи только послѣ ряда печальныхъ опытовъ. Онъ отправлялъ къ куріи посольство за посольствомъ съ все болѣе и болѣе унижительными предложеніями; его послѣдніе послы весной 1336 года не были даже допущены до папы до тѣхъ поръ, пока онъ не сговорился заранѣе съ королемъ Филиппомъ, а послѣ этого папа отвѣчалъ рѣзко и оскорбительно. Людвигъ вмѣсто того, чтобы теперь отказаться отъ переговоровъ, думалъ, что выиграетъ свое дѣло при помощи французскаго посредничества. Потому онъ обѣщалъ Франціи свою помощь въ свирѣпствовавшей въ то время войнѣ ея съ Англіей и отправилъ папѣ новое посланіе; онъ боролся съ куріей, гласило это посланіе, какъ рыцарь, не знакомый съ книжной мудростью (*ein ritter, der unwizzent ist der buchstaben und der geschrift subtilitet*); онъ проклинаетъ теперь *Defensor pacis*; онъ будетъ искоренять еретиковъ, если они не обратятся къ милосердію папскаго престола; онъ очень сожалѣетъ, что имѣлъ съ ними сношенія, но онъ готовъ принять всякое покаяніе и наказаніе, наложенное на него папой. Онъ готовъ также еще разъ быть коронованнымъ, ручается папѣ за его итальянскія владѣнія и кассируетъ приговоръ императора Генриха VII надъ королемъ неаполитанскимъ Робертомъ.

Чего могъ ожидать Людвигъ отъ этого унижительнаго шага? Вмѣсто всякаго отвѣта папа въ торжественномъ засѣданіи консисторіи 11 апрѣля 1337 года въ сильныхъ выраженіяхъ обвинилъ его въ лицемеріи; онъ долженъ прямо отказаться отъ императорскаго и королевскаго сана, иначе онъ великій драконъ апокалипсиса.

Только тогда Людвигъ понялъ, какъ ему слѣдуетъ держаться. Онъ принялъ теперь другой тонъ съ куріей, прервалъ отношенія съ Франціей и сталъ на сторону Англіи; 23 іюля 1337 года былъ заключенъ имъ союзъ съ Эдуардомъ III.

Въ Германіи же давно пробудившееся національное сознаніе давало себя знать.

Со временъ междуцарствія не могло быть и рѣчи о настоящихъ монархическихъ интересахъ въ народѣ. Королевская власть, правда, была еще принципомъ, уничтоженіе котораго было бы чувствительнымъ для націи, даже высшимъ элементомъ, пронизающимъ незамѣтнымъ образомъ всю національную жизнь, но она не была уже способной къ дѣйствию силой. Силами въ этомъ смыслѣ были только высшіе соціальные интересы, въ особенности династическіе интересы

князей и господъ и торговые интересы городовъ. Но со времени появленія денежнаго хозяйства всѣ эти интересы сходились въ признаніи необходимости національной связи. Потому то въ случаяхъ крайней необходимости, когда королевская власть или отсутствовала или была не въ состояніи руководить дѣлами націи, руководителями ея являлись князья, дворянство и города.

Курфюрстры были раздражены противъ папы за его постоянное недовѣріе и сомнѣніе въ ихъ правѣ избирать короля, они были не менѣе императора унижены такими нападеніями папы. Князья видѣли, что нація возмущена церковными наказаніями, да и сами они находились въ постоянной опасности быть отлученными отъ церкви, а ихъ земли въ опасности подвергнуться интердикту; давно уже они были настроены противъ папы. Такое же настроеніе господствовало и въ городахъ. Страсбургскій хроникеръ Фриче Клозенеръ рассказываетъ: «въ это время была написана книга, называемая *Defensor pacis*; она справедливыми изрѣченіями священнаго писанія доказываетъ, что папа долженъ быть подъ властью императора и не долженъ имѣть никакой свѣтской власти. Она доказываетъ также, что папы и кардиналы виновны въ грѣхѣ придворной жизни и въ грѣхѣ симоніи, въ коихъ они обыкновенно пребываетъ и которые оправдываютъ ложными текстами» (*in den ziten wart daz buch gemacht, das do heisset Defensor pacis. Das bewiset mit redlichen sprüchen der h. geschrift, das ein bobest under eime kaiser sol sin und das er kein veltlich herschaft sol han. Es bewiset ouch des bobestes und der cardinel grit und ire hofart und ire simonie, die sü gewonlich tribent und sich des beschonent mit falschen glosen*). Гордость ученіемъ о независимости императора и націи и ненависть противъ папства — таковы были чувства горожанъ того времени, а пищенствующіе ордена, минориты и проповѣдники укрѣпляли въ нихъ такое настроеніе.

Людвигъ принялъ во вниманіе всѣ эти условія. Послѣ послѣдней тщетной попытки высшаго духовенства Германіи на посредничество между государствомъ и церковью, къ которому примкнули и другія имперскія сословія, онъ созвалъ курфюрстровъ и сословія въ Рензе къ іюлю 1338 года. Здѣсь прежде всего произошло примиреніе враждующихъ членовъ королевства, архіепископы трирскій и майнцскій заключили миръ. Потомъ курфюрстры сошлись отдѣльно у Оберланштейна 15 іюля; въ первый разъ у нихъ пробудилось ясное сознаніе, что ихъ коллегія при опасныхъ нападеніяхъ на королевскую власть является естественной защитницей и представительницей національнаго единства. Они соединились для защиты и поддержанія правъ, нападеніе на которыя угрожало этому единству. На слѣдующій день подъ тѣнью орѣшниковъ Рензе, тамъ гдѣ обыкновенно происходили королевскіе выборы, было торжественно принято рѣшеніе, гласившее,

что избранный большинствомъ курфюрстровъ король немедленно получаетъ всѣ права на управленіе королевствомъ.

Это принципиальное постановленіе Людвигъ подробно и съ нѣкоторыми прибавленіями провозгласилъ въ рѣшеніяхъ собраннаго во Франкфуртѣ рейстага, которыя онъ приказалъ торжественно прочитать 6 августа 1338 года въ домѣ нѣмецкаго ордена въ Саксенгаузенѣ. Эти постановленія гласили, что императорское достоинство непосредственно отъ Бога, а не отъ папы и что избранный курфюрстрами король есть вмѣстѣ съ тѣмъ и императоръ и имѣетъ право принять также и императорскій титулъ.

За этими конституціонными постановленіями послѣдовалъ рядъ энергичныхъ распоряженій исполнительной королевской власти. Было воспрещено обращать вниманіе на отлученіе Людвига отъ церкви. Подъ страхомъ наказанія имперской опалой было приказано вездѣ снова начать церковныя службы; во время слѣдующаго особенно блестящаго рейхстага въ Кобленцѣ, на которомъ присутствовалъ и англійскій король Эдуардъ III, были приняты новыя постановленія о сохраненіи внутренняго мира и объ участіи королевства въ войнѣ съ Франціей.

Приготовлялись уже къ систематической разработкѣ новаго окончательнаго конституціоннаго права нѣмецкаго королевства. Появились сочиненія миноритовъ Оккама и Бонаграціи относительно этого вопроса. Но въ особенности истолкователемъ національной конституціи являлся теперь нѣмецъ, Лейпольдъ Бебенбургъ, соборный каноникъ въ Вюрцбургѣ. Онъ былъ патриотомъ безъ радикальнаго оттѣнка, обычнаго у миноритовъ, виднымъ членомъ дворянства и серьезнымъ юристомъ; его книга *De juribus regni et imperii* положила основаніе изученію нѣмецкаго государственнаго права.

У.

Германія имѣла теперь право ожидать отъ Людвига многого. Онъ, поддерживаемый англичанами, долженъ былъ разбить французовъ и возстановить на западѣ старыя границы имперіи. Онъ долженъ былъ унижить папу также, какъ и Францію.

Эти ожиданія были обмануты. Людвигъ едва началъ военныя дѣйствія, когда король Эдуардъ въ блестящей битвѣ при Слюи 24 іюня 1340 года уже уничтожилъ французскій флотъ. Людвигъ не хотѣлъ драться, онъ хотѣлъ мира съ куріей.

Онъ пытался заключить съ Франціей позорное отдѣльное соглашеніе съ тѣмъ условіемъ, чтобы король Филиппъ выхлопоталъ для него милость папы. Понятно, что Филиппъ согласился на такое предложеніе. Онъ добился отъ Германіи мира, а Бенедиктъ XII отказалъ Людвигу въ прощеніи.

Послѣ смерти Бенедикта ему 25 апрѣля 1342 года наследовалъ Климентъ VI, южный французъ, любящій роскошь, веселый дворянинъ, дружный съ Люксембургскимъ домомъ и находящійся совершенно въ рукахъ Франціи. Тѣмъ не менѣе и къ нему Людвигъ обратился съ просьбой о примиреніи. Не смотря на то, что новый папа возобновилъ большую часть наказаній, наложенныхъ на Людвигу Іоанномъ XII, Людвигъ все таки писалъ ему, что его душа жаждетъ папскаго милосердія и дѣлалъ ему предложенія еще болѣе унижительныя, чѣмъ предложенія 1336 года. Папа по неволѣ пришелъ въ нѣкоторое смущеніе; онъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ помиловать императора и однако ему было очень трудно поставить условія, еще болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, которыя были предложены Людвигомъ. Ему ничего не оставалось больше, какъ прямо потребовать у Людвигу, чтобы онъ отрекся отъ своего королевскаго достоинства и т. д. Только послѣ такого униженія Людвигъ, наконецъ, понялъ, насколько было недостойно его положеніе. Онъ созвалъ во Франкфуртъ рейхстагъ на 9 сентября 1344 года и представилъ сословіямъ новыя постановленія папы. Естественно, что ихъ нашли несогласными съ королевскимъ достоинствомъ. Но теперь сословія были настроены не столько противъ папы, сколько противъ Людвигу. А кромѣ того противъ него были и нѣкоторыя другія, болѣе матеріальныя соображенія и расчеты.

Людвигъ съ самаго начала проявилъ необычайную жадность при увеличеніи своей родовой территоріи. Но въ послѣдніе годы эта жадность вышла изъ всякихъ границъ.

Мы говорили выше, что король Іоаннъ богемскій чрезъ бракъ своего сына Іоанна съ Маргаритой Маульташъ, наследницею Генриха каринтійскаго, пріобрѣлъ притязанія на Каринтію, Крайну, Виндскую марку и Тироль. Старый герцогъ умеръ 2 апрѣля 1335 года и сословія его страны были готовы присягнуть Люксембургу.

Но тутъ оказалось, что между императоромъ Людвигомъ и Габсбургами существуетъ тайный договоръ о такомъ раздѣлѣ наследства герцога Генриха, что Людвигъ получаетъ долину Инна и Эча, а Габсбурги все остальное; въ силу этого договора Людвигъ 2 мая 1335 года отдалъ Габсбургамъ ихъ часть наследства, какъ лень.

Но Іоаннъ тоже не хотѣлъ отказаться отъ наследства безъ борьбы. Соединясь съ поляками и венграми онъ началъ войну противъ грабителей и въ концѣ концовъ эта война кончилась тѣмъ, что Австрія примирилась съ Іоанномъ одна и на счетъ Людвигу. Каринтія, Крайна и Виндская марка были окончательо присоединены къ владѣніямъ габсбургскаго дома; сынъ Іоанна, Генрихъ, получилъ Тироль—а Людвигъ вышелъ съ пустыми руками.

Но бракъ Іоанна Генриха съ Маргаритой Маульташъ былъ несчастнымъ. Маргарита, чувственная и безстыдная женщина, публично

жаловалась сословіямъ Тироля на импотенцію своего супруга и сословія приняли эту жалобу, такъ какъ они были раздражены на Іоанна Генриха за его расточительность. Императоръ Людвигъ недостойнымъ своего званія образомъ вмѣшался въ это печальное дѣло. Онъ довелъ дѣло до того, что послѣ выпущеннаго бѣгства Іоанна Генриха, сынъ императора Людвигъ женился на Маргаритѣ Маульташъ — это было двумужествомъ, допущеннымъ и совершеннымъ изъ жадности къ пріобрѣтенію земель. Понятно, что такое поведеніе разсорило Люксембургскій домъ съ императоромъ, даже габсбургскій домъ долженъ былъ выступить противъ него, такъ какъ Маргарита не оставила своихъ притязаній на наслѣдство Каринтіи, Крайны и Виндской марки.

Одновременно и послѣ этого Людвигъ въ дѣлахъ своей родовой политики встрѣтилъ другія, не менѣе опасныя для него затрудненія. Въ южной Германіи онъ лишилъ пфальцскую линію Виттельсбаховъ ея наслѣдственныхъ притязаній на нижнюю Баварію; на сѣверѣ же послѣ смерти графа Вильгельма († 1345) онъ безъ всякаго права захватилъ себѣ Голландію, Фрисландію, Зееландъ и Геннегау.

При подобныхъ условіяхъ совершенно понятно, что постепенно національныя антипатіи противъ Людвига сдѣлались такъ сильны, что вездѣ говорили, будто Баварецъ губитъ королевство, и что враждебныя Людвигу князья искали союза съ куріей, чтобы низвергнуть императора.

Такое положеніе дѣлъ было выгодно прежде всего Люксембургамъ. Они были самыми яркими и открытыми представителями ненависти князей къ Людвигу; они имѣли наилучшія отношенія къ Франціи, а стало быть и къ папѣ. Старшій изъ ихъ рода, трирскій архіепископъ Балдуинъ, съ 1346 года началъ открыто дѣйствовать въ пользу кандидатуры на королевскій престолъ Карла, сына богемскаго короля Іоанна. Своихъ цѣлей онъ достигъ путешествіемъ въ Авиньонъ. Важнѣйшимъ результатомъ этого путешествія было то, что папа потребовалъ у курфюрстровъ выбора новаго короля, а иначе онъ угрожалъ назначить новаго короля своимъ опредѣленіемъ. Такимъ образомъ курфюрстръ былъ виной осуществленія того, что раньше считалось постыдной случайностью, вызванной угрозой нападенія французовъ: папа выставилъ притязаніе на право назначенія нѣмецкаго короля. Какое же послѣ этого значеніе имѣли постановленія въ Рензе и въ Франкфуртѣ?

Іоаннъ богемскій съ своимъ сыномъ Карломъ тоже появился въ Авиньонѣ, чтобы узнать объ условіяхъ, на которыхъ папа согласится признать Карла королемъ и императоромъ. Эти условія были очень просты: Карлъ долженъ былъ принять всѣ пункты, въ которыхъ въ послѣдній разъ хотѣлъ присягнуть Людвигъ; далѣе онъ долженъ былъ объявить недѣйствительными всѣ распоряженія и назначенія Людвига и его намѣстниковъ въ Италиіи и обѣщать пробыть

въ Римѣ для коронованія только одинъ день и послѣ никогда не появляться въ Римѣ безъ позволенія папы. Карлъ, не стѣсняясь, отказался отъ всѣхъ славныхъ правъ старой имперіи; одинъ изъ нашихъ старыхъ имперскихъ публицистовъ прошлаго вѣка былъ вполне правъ, утверждая, что Карлъ подобными уступками осквернилъ королевскій скипетръ.

Такому началу дѣла соответствовали и самые выборы. Мы не будемъ останавливаться на нихъ. Достаточно одной подробности: архіепископъ кельнскій долженъ былъ получить 100000 марокъ — въ награду за заслуги прежнихъ кельнскихъ архіепископовъ предъ имперіей. 11 іюня 1346 года Карлъ былъ избранъ въ Рензе. Въ городахъ къ нему относились съ презрѣніемъ, ни Ахенъ, ни Кельнъ не допустили его коронованія; онъ долженъ былъ короноваться въ маленькомъ Боннѣ. Потомъ онъ уѣхалъ. Значеніе онъ получилъ только тогда, когда императоръ Людвигъ, 11 октября 1347 года, во время охоты на медвѣдей близъ Фюрстенфельда, умеръ отъ удара.

Мы отказываемся отъ характеристики императора Людвига. Его изображаютъ то легкомысленнымъ и слабымъ человѣкомъ, то упорнымъ и коварнымъ дипломатомъ. Акты его времени еще недостаточно изслѣдованы; его образъ черезъ чуръ неясенъ благодаря тому, что слишкомъ расхваливаютъ то, что можетъ быть сдѣлано и говорили за него другіе, такъ что наврядъ ли возможно составить совершенно правильное представленіе объ его личности. Несомнѣнно, наружность его была очень симпатичной: онъ былъ высокъ и строенъ, темные его глаза смотрѣли свободно, у него была эластическая походка настоящаго сангвиника. Если онъ и представлялся иногда двусмысленнымъ, льстивымъ, неправдивымъ, уничижающимся, даже склоннымъ къ тому, чтобы изъ самоуниженія создать себѣ вліяніе, то слѣдуетъ помнить, что онъ жилъ въ эпоху полного нравственнаго упадка высшаго дворянства, обусловливаемаго разрушеніемъ всѣхъ экономическихъ жизненныхъ основаній аристократіи.

Наоборотъ источники совершенно ясно и опредѣленно рисуютъ образъ его наследника Карла IV. Карлъ совсѣмъ не обладалъ тѣми аристократически-геройскими особенностями, которыя до тѣхъ поръ отличали всѣхъ нѣмецкихъ государей. Это былъ настоящій купецъ на тронѣ. Средняго роста, изяшно сложенный, очень рано сгорбившійся и облысѣвшій, одѣвавшійся всегда очень просто, какъ дѣловой человѣкъ, онъ съ большей охотой торговался и прибѣгалъ къ подкупу, чѣмъ сражался. При переговорахъ у него была обязательная улыбочка торговца, также какъ и значительное знаніе подробностей, пріобрѣтаемое только дѣльцовскимъ опытомъ. И дѣйствительно, онъ былъ чуть не съ дѣтства посвященъ во всѣ тонкости политики своего времени. Онъ родился 14 мая 1316 года въ Прагѣ, съ восьми лѣтъ воспитывался при французскомъ дворѣ, въ шест-

надцать лѣтъ уже управлялъ столь быстро завоеванной его отцомъ Ломбардіей, съ семнадцати лѣтъ вступилъ въ управление Богеміей, финансы которой его отецъ окончательно разстроилъ. Такія павшія на его долю трудныя задачи должны были выработать трудолюбіе и благоразуміе. Карлъ благодаря имъ пріобрѣлъ очень раннюю зрѣлость характера, тѣмъ болѣе, что и по натурѣ онъ былъ не импульсивнымъ, а размышляющимъ человѣкомъ. Эта склонность къ размышленію нашла пищу въ особенности въ религіозной сферѣ. Карлъ былъ суевѣренъ и потому набоженъ въ смыслѣ сакраментальной церкви своей эпохи; въ 14 вѣкѣ трудно было встрѣтить такого почитателя св. мощей, какимъ былъ Карлъ. У него даже имѣлась особая склонность къ теологической мистикѣ. Конечно, у него этотъ мистицизмъ не исходилъ, какъ у массы нѣмецкихъ бюргеровъ, изъ самой глубины души, изъ глубины пониманія основныхъ религіозныхъ вопросовъ; онъ былъ внѣшнимъ, даже съ политической окраской; онъ основывался на фаталистической вѣрѣ въ особую милость Божію къ нему лично и къ его сану. Такимъ же внѣшнимъ было и его отношеніе къ искусству и наукѣ. Онъ поддерживалъ ихъ и они до извѣстной степени даже доставляли ему нѣкоторое наслажденіе. Но они прежде всего должны были служить его значенію, какъ государя. Прага, съ эстетической точки зрѣнія, еще и теперь настоящій городъ Карла IV. Если подробно разсмотрѣть всѣ детали этого каролинскаго искусства, напр., капеллу св. Венцеслава при соборѣ въ Градчинѣ со всей ея варварской роскошью, съ ея стѣнами, состоящими до высоты человѣческаго роста изъ богемскихъ благородныхъ камней, съ ея фресками нѣмецкихъ орловъ и богемскихъ львовъ на золоченномъ фонѣ, съ ея изображеніями Карла, которыя имѣются даже въ алтарѣ—то мы сразу видимъ, что тутъ искусство не самостоятелно, что оно обречено на служеніе. Вся эта культура проникнута идеей о королевской власти Божіей милостью, она была и выраженіемъ и орудіемъ полугуманистической, полуабсолютической, по купечески благоразумно расчетливой королевской воли.

Карлъ былъ прежде всего богемскимъ королемъ. Однажды онъ на основаніи двадцатилѣтняго опыта управленія нѣмецкимъ королевствомъ заявилъ, что для него было бы пріятнѣе, если бы князья оставили его въ покоѣ въ Богеміи, что онъ никогда бы самъ не стремился получить нѣмецкую корону. И дѣйствительно онъ съ самаго начала требовалъ отъ Германіи только одного — покоя. Потому то своей главнѣйшей задачей онъ считалъ, насколько возможно, болѣе быструю ликвидацію имперской политики 14 вѣка, причемъ онъ стремился пользоваться сохранившимися еще остатками государственныхъ правъ такимъ образомъ, чтобы это не особенно его беспокоило.

Прежде всего было необходимо примириться съ Виттельсбахами. Они пытались выставить анти-королями сначала короля Англіи, Эду-

арда III, а потомъ маркграфа Фридриха мейссенскаго. Карлъ устранилъ одного посредствомъ переговоровъ, а другого значительной суммой денегъ. Когда потомъ Виттельсбахи нашли третьяго кандидата, графа Гюнтера Шварцбурга, и дѣйствительно выставили его кандидатуру, Карлъ снова и не подумалъ прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ ожидали всѣ. Онъ просто значительно ослабилъ положеніе Виттельсбаховъ въ Бранденбургѣ, признавъ отъ имени королевства одного странника, появившагося въ 1348 году въ Бранденбургѣ и выдававшего себя за умершаго тридцать лѣтъ тому назадъ Вальдемара изъ рода Асканіевъ. А когда это средство и попытки его дѣда Балдуина трирскаго подкупить курфюрстровъ кельнскаго и саксонскаго не помогли, тогда Карлъ рѣшился дѣйствовать лично; 4 марта 1349 года онъ женился на виттельсбахской принцессѣ Аннѣ, дочери рейнскаго пфальцграфа—Гюнтеръ такимъ образомъ былъ изолированъ; послѣ послѣдняго и славнаго сопротивленія при Эльтвиллѣ въ Рейнгау онъ скончался во Франкфуртѣ 14 іюня 1349 года; оставалось только урегулировать отношенія Виттельсбаховъ къ королевству. Карлъ оставилъ лже-Вальдемара; но Бранденбургъ не остался за баварской линіей Виттельсбаховъ, его получила боковая линія, а кромѣ того Карлъ отобралъ Лаузицъ для себя. Такимъ дружественнымъ соглашеніемъ было уничтожено могущество Виттельсбаховъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и едипственная нѣмецкая держава, которая могла бы быть опасной для Люксембурговъ.

Потомъ было необходимо урегулировать общія отношенія въ королевствѣ. Такъ какъ очень многіе не признавали коронованія Карла, совершившагося въ Боннѣ, то Карлъ не постѣснился короноваться еще разъ 25 іюля 1349 года, на этотъ разъ уже въ Ахенѣ; его удовлетворило и то, что онъ время своего царствованія считалъ отъ перваго коронованія. Потомъ онъ назначилъ своего дѣда Балдуина, въ особенноти для запада королевства, имперскимъ намѣстникомъ съ чрезвычайными полномочіями и позаботился о томъ, чтобы мѣсто майнцакаго архіепископа было занято преданнымъ ему человѣкомъ; въ качествѣ нѣмецкаго короля онъ довольствовался этимъ, высшаго честолюбія у него не было.

И все таки надо же было приобрѣсти императорскую корону. И какъ горячо призывали Карла изъ Рима для ея полученія!

Римъ, предоставленный папамъ самому себѣ, со времени Людвига баварскаго жилъ гордыми воспоминаніями о прошломъ величіи. Тогда представители города возложили на Людвига императорскую корону, какъ нѣкогда сенаторы возлагали ее на римскихъ императоровъ. Казалось, что вмѣстѣ съ возрожденіемъ науки Дантомъ, Боккаччіо и Петраркой для Италіи и даже для всей Европы возвратятся старыя времена. Петрарка въ 1341 году былъ почтенъ въ Капитоліи отъ сенаторовъ Рима вѣнцомъ поэта. Стало быть, Римъ, не смотря на

отсутствующую курію, не смотря на отсутствующую или далекую имперію, былъ столицей міра. Кола Ріензи мечталъ сдѣлать такое представленіе дѣйствительностью. Сдѣлавшись въ Римѣ повелителемъ въ качествѣ трибуна, потомъ прогнанный въ абруцское уединеніе, теперь онъ хотѣлъ сблизиться съ Карломъ; король долженъ былъ взойти на императорскій престолъ подъ его покровительствомъ.

Карлъ спокойно выслушалъ страннаго мечтателя — и въ концѣ концовъ отправилъ его къ папѣ. Онъ хотѣлъ сдѣлаться императоромъ, но совершенно инымъ путемъ. Въ полномъ согласіи съ куріей, которой онъ, согласно своимъ прежнимъ обѣщаніямъ, предоставилъ всѣ права на Италію, сопровождаемый только тремя сотнями всадниковъ, онъ двинулся къ югу. Это было веселое путешествіе, оно походило на поѣздку купца на ярмарку. Въ Миланѣ король за разныя обѣщанія получилъ изрядную сумму денегъ и былъ коронованъ короной Ломбардіи. Флорентійцы поступили какъ разъ въ его духъ, упросивъ его избавить ихъ отъ его посѣщенія за вознагражденіе въ 100,000 золотыхъ гульденовъ; онъ взялъ деньги и прошелъ мимо. Такъ онъ дошелъ до Рима и на пасхѣ 1355 года получилъ корону. Римляне такъ плохо знали его, что предложили ему господство надъ ними, но онъ сообразно раньше принятой программѣ въ самый же день коронаванія выѣхалъ изъ вѣчнаго города и чрезъ нѣкоторое время благополучно прибылъ въ Аусбургъ. «Храбрость не наследуется» — воскликнулъ Петрарка, вспоминая объ императорѣ Генрихѣ VII.

Но цѣль, поставленная себѣ Карломъ, была достигнута. Правда, итальянцы смѣялись надъ нимъ, но развѣ фактически нѣмецкое господство надъ Италіей не было давно погибшимъ дѣломъ? Карлъ не обращалъ вниманія на насмѣшки и бросалъ то, что все равно приходилось бросить. Довольно и того, что онъ оказывался упорнымъ и способнымъ къ сопротивленію въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о дѣйствительно важныхъ національныхъ вопросахъ. А разрѣшить и регулировать эти вопросы на почвѣ конституціи королевства онъ былъ готовъ немедленно же по возвращеніи своемъ изъ Италіи.

На рейхстагахъ въ Нюренбергѣ и Мецѣ въ 1356 году была провозглашена Золотая Булла; въ своихъ тридцати раздѣлахъ она кодифицировала и систематизировала все то, что со времени междуцарствія при царствовавшихъ послѣ него короляхъ медленно и при различныхъ исключеніяхъ и противорѣчіяхъ сдѣлалось государственнымъ правомъ Германіи или по крайней мѣрѣ было уже на пути къ своему развитію. Совершилось это въ духъ Карла: безпристрастно по отношенію къ князьямъ, щедро въ ничего не стоящихъ правахъ и титулахъ, въ политическомъ и финансовомъ отношеніи совершенно незначительно и благоразумно въ расчетѣ на возможное будущее дѣйствіе.

Прежде всего въ Золотой Буллѣ регулируются отношенія королевской и императорской власти къ папству. Но какъ регулируются! О всѣхъ притязаніяхъ папъ: о намѣстничествѣ ихъ въ случаѣ вакантности королевскаго и императорскаго престола, объ ихъ правѣ утверждать выборъ короля курфюрстрами, она просто умалчиваетъ. Это была самая мягкая форма изложенія въ смыслѣ событій 1338 года. Курія протестовала, но очень мудро было нападать на положенія Золотой Буллы, такъ какъ они были облечены въ отрицательную форму; а кромѣ того Карлъ заткнулъ ротъ папамъ предоставляемыми имъ финансовыми выгодами. Когда потомъ Иннокентій VI все таки сдѣлалъ возраженія, Карлъ сказалъ нѣсколько словъ о крайне необходимой реформѣ духовенства. Тогда курія наконецъ замолчала. Это было очень крупнымъ, хотя и молчаливо достигнутымъ, успѣхомъ.

Но прежде всего необходимо было на очищенной отъ ползучихъ растеній почвѣ государственной конституціи упорядочить избирательное право. Если появленіе коллегіи курфюрстровъ и было во многихъ отношеніяхъ прогрессомъ, то опытъ показалъ, что ея устройство отнюдь еще не закончено и что двойныхъ выборовъ или контръ-выборовъ она отнюдь не устраняетъ. Слѣдовало устранить этотъ недостатокъ. Прежде всего было признано до сихъ поръ не признаваемое право большинства голосовъ. Потомъ курфюршескіе голоса были окончательно признаны за слѣдующими территоріями: Майнцемъ, Кельномъ, Триромъ, Богеміей, Пфальцемъ, Саксенъ-Виттенбергомъ и Бранденбургомъ. Чтобы сдѣлать недѣлимыми голоса, сами эти территоріи были объявлены нераздѣльными, причемъ признано въ нихъ право первородства въ тѣхъ родахъ, которые управляли ими.

Это было громадной, но неизбежной привилегіей въ пользу курфюршескихъ родовъ; среди общаго наследственнаго права остальныхъ княжескихъ родовъ они являлись майоратамя. Къ такому привилегированному положенію курфюршествъ присоединялись и другія государственно правовыя преимущества. Личность курфюрстровъ получила права величествъ, подобныя королевскимъ, въ Золотой Буллѣ множество опредѣленій о суровомъ наказаніи за покушенія противъ курфюршескаго достоинства. Важнѣе было то, что земли курфюрстровъ получали горную регалію, право убѣжища для евреевъ, и почти совершенно самостоятельную юрисдикцію; они оставались соединенными съ королевствомъ только ленными отношеніями.

Въ Золотой буллѣ были, однако, уже и зачатки иного государственнаго строя. На основаніи ея опредѣленій ежегодно въ первыя четыре недѣли послѣ пасхи должны были въ одномъ изъ имперскихъ городовъ происходить, собранія курфюрстровъ. Несомнѣнно, что при этомъ имѣлось въ виду расширеніе правъ курфюрстровъ на контроль и содѣйствіе ихъ по отношенію къ королевской исполнительной власти, насколько такія права уже существовали на прак-

тикѣ. Это представляло попытку развить зачатки федералистическаго государственнаго строя, начало которому было положено образованіемъ коллегіи курфюрстовъ. Дни Оберланштейна и Рензе были еще недалеки. Но эти попытки во всякомъ случаѣ не удались; вѣроятно, что Карлъ сѣумѣлъ устранить всѣ стремленія въ этомъ направленіи. Только случайныя возобновленія союза курфюрстовъ, заключеннаго въ 1338 году, выражали федеративный характеръ коллегіи курфюрстовъ и всего королевства до великихъ реформъ конца 15 и начала 16 вѣковъ.

Еще болѣе консервативнымъ, чѣмъ въ этой сферѣ, было поведеніе Карла тамъ, гдѣ дѣло шло о конституціонномъ опредѣленіи взаимныхъ отношеній крупнѣйшихъ общественныхъ силъ государства. Такое опредѣленіе было возможно при посредствѣ соглашенія и компромисса между борящимся общественными группами князей, дворянства и городовъ. Золотая Булла воспрещала приписное бюргерство (Pfalzbürgerthum) и этимъ она воспрещала притокъ свѣжихъ и энергичныхъ слоевъ деревенскаго населенія въ города; она воспрещала также отдѣльные союзы, чѣмъ она нарушала интересы главнымъ образомъ городовъ, а также и дворянъ, которые въ особенности нуждались въ такихъ союзахъ для отстаиванія своихъ правъ. Опредѣленія Золотой Буллы вообще были благопріятны только князьямъ и, можетъ быть, отчасти дворянству; они отличались болѣе сдержанностью по отношенію къ все болѣе развивавшемуся значенію городовъ.

Таково было общее значеніе Золотой Буллы. Карлъ IV не хотѣлъ реформъ; онъ хотѣлъ только упрочить тѣ государственныя права, которыя еще сохранились и это онъ исполнилъ въ консервативномъ духѣ. Золотая Булла была ретроспективнымъ закономъ, завершеніемъ и суммированіемъ конституціонныхъ результатовъ послѣднихъ столѣтій. Потому мы всего лучше оцѣнимъ ея значеніе, если припомнимъ, какіе результаты были достигнуты въ политической и общественной жизни Германіи около середины 14 столѣтія.

VI.

Окончаніе Штауфеновской эпохи было полной побѣдой папства надъ имперіей. Но папы не могли никоимъ образомъ воспользоваться этой побѣдой, они подпали подъ вліяніе Франціи. Предвидя эту опасность, они сами заботились о возстановленіи сильной нѣмецкой королевской власти.

Политика Рудольфа Габсбургскаго въ существенныхъ своихъ чертахъ соотвѣтствовала тому международному положенію, котораго желали папы для нѣмецкаго королевства. Король относился къ куріи дружественно, въ случаѣ надобности онъ могъ, какъ казалось куріи, постоять за нее.

Альбрехтъ вышелъ изъ предѣловъ стремленій своего отца къ создавію родовой территоріи и изъ его идеаловъ о королевской власти; цѣлью его было сильное королевство, находящееся во власти его семьи. Въ своемъ стремленіи къ достиженію этой цѣли, въ особенности въ борьбѣ противъ рейнскихъ архіепископовъ изъ за пошлинъ онъ встрѣтилъ сопротивленіе куріи, которая въ это время почти всѣмъ уже попала въ руки Франціи. Это сопротивленіе сначала проявилось во внутренней нѣмецкой политикѣ, причемъ оказалось, что нравственная сила папства въ Германіи у государя также, какъ и у народа, осталась неприкосновенной и непобѣдимой.

Генрихъ VII отступилъ отъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Албрехтомъ, и стремился къ имперскому идеалу. Сначала это было неприятно куріи. Подчиненная теперь вполне вліянію французскихъ королей, она желала, чтобы въ верхней Италиі существовалъ противовѣсъ этому вліянію въ лицѣ нѣмецкаго императора. Но Генрихъ VII иначе понималъ свою задачу: лихъ былъ энергичнымъ и дѣятельнымъ утопистомъ императорской власти и такимъ пошелъ онъ въ Римъ; конечной цѣлью его политики было независимое ни отъ кого владычество надъ Италией. Вскорѣ дѣло пошло до открытой войны съ папой и съ анжуйскимъ королемъ Неаполя.

Король Людвигъ сначала пошелъ по стопамъ Генриха. Курія видѣла въ немъ наслѣдника всѣхъ стремленій его предшественника. Она немедленно же раздула итальянскія несогласія въ старую великую борьбу принциповъ между государствомъ и церковью.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ папство побѣдило въ этой борьбѣ, потому что имѣло за себя церковь. Для него даже предпринять эту борьбу было возможно только благодаря развитію религіозныхъ стремленій мірянъ въ 10 вѣкѣ. Теперь же положеніе дѣлъ было инымъ. Міряне, оставшіеся религіозными, теперь не сочувствовали папству, демократическая часть самой церкви протестовала противъ внѣшнихъ стремленій папства къ свѣтской власти.

Но и имперія не была теперь такой силой, какъ въ старину. Въ началѣ среднихъ вѣковъ представленіе объ ея всеобщности еще могло удерживаться на основаніи фактической власти нѣмецкихъ государей; но теперь съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что имперія есть ничто иное, какъ сумма далеко не вполне осуществленныхъ притязаній на власть, перешедшихъ къ нѣмецкой націи. Универсальная окраска власти нѣмецкихъ государей поблѣднѣла, на первый планъ выступилъ національный ея характеръ. Папство имѣло въ виду бороться съ имперской властью, и встрѣтило націю.

Опираясь на національное возбужденіе, на антипапскія стремленія въ церкви, сильная нѣмецкая королевская власть могла бы въ первой половинѣ 14 вѣка достойно и съ успѣхомъ противиться притязаніямъ куріи. Если этого не произошло при королѣ Людвигѣ

трудно дѣлать отвѣтственнымъ за это его одного. Оказалось, что королевская власть, какъ учрежденіе, не пригодна для этой послѣдней, при такихъ выгодныхъ для нея условіяхъ начавшейся борьбы съ куріей. Только тогда, когда въ борьбѣ приняли участіе курфюрстры и рейхстагъ, были пріобрѣтены прочные результаты, которые потомъ упрочила и сдѣлала закономъ Золотая Булла; нація теперь стояла уже не за короля, а скорѣе за государственныя сословія.

Такимъ образомъ однимъ изъ главныхъ симптоматическихъ событій исторіи германскаго народа отъ Рудольфа I до Карла IV было прежде всего паденіе королевской власти, не смотря на все достоинство государей. И дѣйствительно какимъ образомъ могла удержаться сильная королевская власть, когда у ней не имѣлось почти никакихъ правильныхъ исполнительныхъ органовъ, когда финансовыя ея основы были безнадежными? Всѣ нѣмецкіе короли искали противодѣйствія этому злу въ созданіи для себя территоріальной власти. И это было, дѣйствительно, цѣлительнымъ средствомъ, если бы только королю удалось отъ начальнаго періода созданія территоріальной власти, которое необходимо должно было имѣть слѣдствіемъ равенство королевской власти съ подобными же и весьма многочисленными территоріальными властями князей, перейти къ прочному владычеству надъ территоріей, значительно большей, чѣмъ сумма княжескихъ территорій. Но именно этого то никогда и не случалось; этому мѣшало то, что короли избирались изъ разныхъ родовъ, причемъ каждому изъ нихъ приходилось начинать съ труднаго дѣла созданія новой территоріальной власти. Только Карлу IV и его наслѣдникамъ удалось выйти изъ этого рокового положенія, но при этомъ королевская территоріальная власть была создана не въ Германіи, а въ Богеміи; потому она сдѣлалась основой не національной, а международной всемірной власти Люксембурговъ.

Такъ какъ королевская власть отъ Рудольфа до Карла въ сущности оставалась безсиьной, то она была вынуждена бросить и послѣднія свои задачи, выпадавшія на ея долю на основаніи конституціи. Такой задачей въ особенноти было умиротвореніе страны. Рудольфъ, правда, созданіемъ майнцскаго земскаго мира въ 1235 году проявилъ послѣднія признаки жизненности и силы стараго государства. Но ему удалось утвердить его въ Вюрцбургѣ въ 1287 году только на три года и то по согласію и совѣту высокихъ господъ, князей и господъ, духовныхъ и свѣтскихъ (*mit gunst und rate der erberen herren... der fürsten und der herren geistlicher und weltlicher*). *Constitutiones novae* Албрехта 1298 года были послѣднимъ общимъ земскимъ миромъ, потому ихъ опредѣленія долго сохранились въ памяти людей 14 столѣтія.

Мѣсто королевской власти въ дѣлѣ мѣстнаго умиротворенія государства заняла усиленная дѣятельность князей и городовъ. При

этомъ сначала еще имѣлось въ виду общее государственное законодательство, отдѣльный земскій миръ понимался какъ часть и исполненіе общаго государственнаго мира, король еще утверждалъ такой мѣстный земскій миръ и получалъ при его организациі извѣстныя привиллегіи. Но его почетныя права постепенно исчезали и мѣстные миры постепенно начали вырабатывать отдѣльныя постановленія, которыхъ не имѣлось въ общемъ государственномъ правѣ, объ организациі, постановленія уголовного и залогового права и т. п. Исполнительная власть тоже постепенно переходила къ мѣстнымъ властямъ.

Что же еще оставалось королевской власти? Почти ничего, кромѣ довольно ограниченнаго почетнаго вліянія, да и то только въ области настоящаго пребыванія короля, на югѣ.

Но за то отдѣльныя власти князей и городовъ начали теперь пользоваться фактически предоставленнымъ имъ правомъ образованія свободныхъ коалицій для обезпеченія мира въ государствѣ для своихъ политическихъ цѣлей; съ мѣстнымъ миромъ связывались союзы для другихъ цѣлей, при случаѣ даже съ цѣлью объединенія противъ королевской власти. Такимъ союзомъ былъ большой, часто возобновляемый земскій миръ, въ которомъ Люксембурги со времени короля Іоанна и архіепископа Балдуина въ 1333 году объединили весь западъ Германіи. Это учрежденіе можно считать предшественникомъ позднѣйшаго бургундскаго королевства. Особенно частымъ такое пользованіе идеей земскаго мира становится съ тѣхъ поръ, какъ Золотая Булла возвратила сословіямъ право составлять всякіе союзы за исключеніемъ союзовъ для земскаго мира. Понятно, что съ тѣхъ поръ этими союзами пользуются для созданія отдѣльныхъ союзовъ съ политическими цѣлями, такъ что успѣхъ опредѣленія Золотой Буллы совершенно противорѣчилъ вызвавшимъ его намѣреніямъ.

Во всякомъ случаѣ было очевидно, что королевская власть въ теченіи всѣхъ этихъ событій утратила свою послѣднюю и наиболее возвышенную цѣль, завѣщанную ей первымъ періодомъ среднихъ вѣковъ—сохраненіе мира. Какимъ образомъ при подобныхъ условіяхъ она могла воздѣйствовать на націю и на совершавшіяся событія? Даже при Оттонахъ, Салійцахъ и Штауфенахъ королевская власть не господствовала надъ націей въ социальномъ отношеніи, а въ концѣ среднихъ вѣковъ она едва ли даже и вліяла на націю въ этомъ отношеніи.

Первые короли этого періода старались по крайней мѣрѣ опираться на дворянство противъ князей и городовъ и потому поддерживали его. Особенно очевидно это стремленіе было у короля Адольфа, но еще Рудольфъ пытался воспрепятствовать распаденію сословія дворянъ, воспретивъ раздѣлъ и отчужденіе графскихъ владѣній. Но всѣ такія попытки не имѣли успѣха.

Законодательнымъ путемъ наврядъ ли и было возможно помочь дворянству; опираться на него продолжительное время было бы губительной политикой. Возможно ли было возмѣстить ему тѣ утраты, которыя оно понесло благодаря экономическому движенію 12 и 13 вѣковъ? Экономическія основы аристократіи были по большей части отняты у дворянства. Теперь оно не рѣдко искало родственныхъ связей съ благородными городскими родами и повидимому многіе изъ дворянскихъ родовъ, особенно въ южной Германіи, снова упрочили свое положеніе браками съ горожанками. Но и городскіе патриціи тоже погибли. Мы скоро увидимъ, что противъ нихъ было направлено политическое движеніе ремесленниковъ, что со второй четверти 14 вѣка вездѣ демократическія возстанія, особенно въ южной Германіи, устранили правленіе патриціевъ.

При такихъ условіяхъ дворянство могло найти спасеніе только въ чрезвычайной воинской дѣятельности. А для такой дѣятельности поводовъ въ первую половину 14 вѣка было достаточно. Воиновъ было нужно вездѣ. Въ Германіи города вербовали дворянъ въ свою конницу на время войны. На западѣ свирѣпствовала война между Англійей и Франціей; на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Данія и Нѣмецкій орденъ были постоянными сборными пунктами для благородныхъ воиновъ; наконецъ, на югѣ императоръ Генрихъ VІІ своимъ походомъ въ Римъ открылъ нѣмецкому дворянству верхнюю Италію съ ея шайками кондотьеровъ. Такимъ образомъ рыцарство расцвѣло снова и въ послѣдній разъ. Роскошь снова парила кое гдѣ въ бургахъ, писались новые рыцарскіе романы, турниры праздновались также торжественно, какъ когда то въ дни Штауфеновъ.

Но этотъ блескъ былъ обманчивымъ. Въ срединѣ 14 вѣка всѣ эти источники дворянскаго военнаго промысла изсякли. Войны частію прекратились, а частію измѣнились самые методы войны. Войны вскорѣ сдѣлались не дворянскими предпріятіями, а современіи пробужденія кое гдѣ.— во Фландріи, въ Швейцаріи,— національнаго и свободнаго мышленія народной борьбой на жизнь и смерть. Тактика сдѣлалась тактикой пѣхоты. Такимъ образомъ дворянинъ— всадникъ, устранный массовыми движеніями, долженъ былъ ограничиваться небольшими походами, а если такихъ походовъ на чужой службѣ не представлялось, онъ выступалъ въ походъ на свой рискъ для грабежа и насилія. Уже Бертольдъ называлъ грабежъ, поджоги, турниры и другія придворныя занятія рыцарскими занятіями; теперь же соединеніе всѣхъ такихъ занятій для части дворянства было типичнымъ.

Понятно, что при этомъ дворянство, какъ сословіе, утрачивало всякое національное значеніе; въ скоромъ времени оно утратило и свой высокій рангъ рядомъ съ князьями и городами. Нѣкоторая часть дворянства сначала сохранила свое непосредственное отношеніе къ королевству и мы увидимъ, что во второй половинѣ 14 вѣка оно

еще разъ играло значительную политическую роль. Но большинство стало въ зависимыя отношенія къ князьямъ и городамъ. Города все еще продолжали требовать для своихъ войнъ всадниковъ, но они занимали уже подчиненное положеніе. Территоріальные владѣльцы постепенно уничтожили старыя ленныя отношенія мелкаго дворянства въ своихъ территоріяхъ, но за то они брали изъ него персоналъ для своего территоріальнаго управленія, которое въ то время только что создавалось. Такимъ образомъ для мѣстнаго дворянства открылись новыя жизненныя пѣли, но эти цѣли уже не совпадали съ національными движеніями государства.

Теперь кромѣ ослабленной королевской власти въ Германіи существовали только двѣ общественныхъ силы: бюргерство и князья, города и территоріи. Уже во второй половинѣ 14 вѣка господствующую роль играютъ ихъ судьбы и ихъ борьба.

Такъ какъ королевская власть не была въ состояніи защищать развитіе націи, проистекавшее изъ однихъ только контрастовъ общественныхъ силъ, такъ какъ она не могла сдѣлать это развитіе послѣдовательнымъ и равномернымъ, то и совершилось роковое распаденіе націи. Королевская власть все болѣе и болѣе ограничивала свою дѣятельность центромъ государства; только тамъ, гдѣ господствовали Салійцы и Штауфены, и кромѣ того въ своихъ территоріяхъ она имѣла значеніе, была жизненной силой. Остальныя части національной области были лишены ея воздѣйствія; въ особенности были заброшены пограничныя земли. Несомнѣнно, что такое положеніе дѣлъ должно было вести къ роковымъ послѣдствіямъ; пограничныя земли, не принимая участія въ національной жизни, должны были отпадать. Такой процессъ замѣчается уже въ срединѣ 14 вѣка. Мы должны прослѣдить его, если хотимъ получить полное понятіе о судьбѣ германскаго народа въ концѣ среднихъ вѣковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отдѣльныя государственныя образованія на границахъ нѣмецкаго королевства.

I.

Части Германіи, не принадлежащія къ центру народной области, раздѣлялись на двѣ большія половины, имѣющія совершенно различное развитіе: съ одной стороны сѣверъ и востокъ, а съ другой юго-западъ и западъ.

На востокъ и на сѣверъ нѣмецкая народность несомнѣнно прогрессировала и по крайней мѣрѣ упрочивала свое положеніе. Юго-востокъ много выигралъ созданіемъ габсбургскаго государства и расширеніемъ его предѣловъ на Каринтію, Крайну и Виндскую марку. Будущее средне-нѣмецкаго востока, гдѣ прочно устроился вышедшій съ западныхъ границъ королевства домъ Люксембурговъ и гдѣ онъ присоединилъ къ Богеміи Силезію, было полно блестящихъ надеждъ. Нѣмецкое вліяніе могло въ будущемъ распространиться и на Польшу, и эти надежды были уничтожены только во второй половинѣ 14 вѣка благодаря развитію польскаго государства. При этомъ территоріи, какъ Габсбурговъ, такъ и Люксембурговъ, благодаря положенію своихъ царствующихъ домовъ оставались соединенными съ центромъ нѣмецкаго движенія.

Иное было положеніе сѣверовостока. Самая предѣльная здѣсь, занятая германскимъ народомъ земля, Пруссія имѣла, правда, извѣстныя земляческія отношенія къ старымъ средоточіямъ нѣмецкой культуры, къ Франконіи, Швабіи и Баваріи; дворяне этихъ земель переселились въ далекую область на Вислѣ, ихъ потомки съ середины 14 вѣка составляли тотъ классъ, члены котораго занимали всѣ высшія мѣста въ управленіи, языкъ страны былъ верхненѣмецкій. Но именно благодаря этимъ условіямъ отношенія къ ближе лежащимъ землямъ

метрополіи, къ средней Германіи, были далекими. Также и менѣе отдаленныя отъ метрополіи колоніи имѣли съ ней и въ особенности съ государствомъ очень ничтожныя отношенія. Старыя торговыя отношенія вестфальскихъ купцовъ во многихъ мѣстностяхъ береговъ Нѣмецкаго моря были ослаблены и даже уничтожены благодаря развитію туземнаго купеческаго сословія колониальныхъ областей; торговля по Эльбѣ, какъ связующее звено между метрополіей и колоніей, была еще мало развита. Пирна была послѣднимъ большимъ городомъ выше Магдебурга и только съ середины 14 вѣка началось правильное сообщеніе отъ устья Молдавы до Гамбурга.

Такимъ образомъ сѣверная Германія составляла особую, имѣвшую свои собственные интересы, культурную область. Эти интересы не ограничивались теперь одной колонизаціей и германизированіемъ. Большая часть Силезіи, восточная половина марки Бранденбургъ, весь Мекленбургъ были уже нѣмецкими; въ Помераніи и Рюгенѣ вездѣ появились чисто нѣмецкія мѣстечки съ окончаніемъ на —гагенъ; въ 1404 году по показанію Канцова на Ясмундѣ умерла послѣдняя старуха, умѣвшая говорить по славянски. Было время подумать и о высшихъ нѣмецкихъ интересахъ. Дворянство, которое массами переселялось сюда, слѣдуя за монастырями, вело рыцарскую жизнь; въ средѣ его развилась даже рыцарская поэзія; церковь создала тотъ готическій стиль, произведенія котораго своими красными тонами такъ прелестно выдѣляются на зелени бузовыхъ лѣсовъ сѣверной Германіи и среди ея луговыхъ ландшафтовъ. При этомъ развилось и самостоятельное право; опредѣленія Любекскаго и Магдебургскаго права проникли далеко въ глубь страны.

Общественная жизнь колониальной области имѣла нѣсколько иной характеръ, чѣмъ общественная жизнь метрополіи. Конечно, новая культура была, какъ и культура метрополіи, основана на отличіяхъ княжества, крестьянства и бюргерства. Но очень скоро оказалось, что одна изъ составныхъ частей родной культуры, именно города, въ колоніяхъ имѣютъ совсѣмъ не то значеніе, какъ въ метрополіи. Они были младшей и наиболѣе блестящей отраслью стараго развитія. Это давало имъ въ такой странѣ, гдѣ было еще необходимо положить основы родной культуры, такое же преимущество надъ другими составными частями этой культуры, какое теперь имѣютъ надъ деревней города Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки. Эти быстро создавшіеся и быстро процвѣтшіе города связали всѣ завоеванныя земли узами оживленнаго торговаго оборота гораздо раньше, чѣмъ деревни были въ состояніи развить такую торговлю самостоятельно, какъ результатъ самостоятельнаго процвѣтанія. Потому города должны были играть иную политическую роль, чѣмъ та, которую они играли до метрополіи; за особымъ экономическимъ и социальнымъ развитіемъ

слѣдовала и отличная отъ метрополиі исторія. Это и проявилось въ блестящихъ дѣяніяхъ средне-вѣковой Ганзы.

Но въ то время, когда процвѣтала Ганза, сѣверная Германія составляла уже совершенно самостоятельную область; замѣчательно то обстоятельство, что уже въ 1295 году города сѣверной Германіи заключили съ графомъ фландрскимъ договоръ, условія котораго договаривающіяся стороны обязались соблюдать даже въ томъ случаѣ, если нѣмецкое королевство будетъ въ войнѣ съ Фландріей, и что въ 14 вѣкѣ Саксонское Зеркало признавалось въ сѣверной Германіи привилегіей, данной Карломъ Великимъ специально саксонцамъ. Этому соответствовало и то, что въ началѣ 13 вѣка оба важнѣйшіе швабскіе историки, Оттонъ изъ монастыря св. Власія и хроникеръ Урсперга, рассказываютъ очень многое о Италіи, кое что о Константинополѣ и Іерусалимѣ, и не знакомы съ событіями борьбы между нѣмцами и славянами. Развитие сѣверной Германіи съ конца эпохи Штауфеновъ было обращено къ сѣверу, западу и востоку, а не къ югу, не къ нѣмецкому королевству.

Болѣе прочныя связи съ нѣмецкимъ королевствомъ удерживали страны на его западной границѣ, отъ швейцарскихъ Альпъ до устья Рейна. И это обуславливалось уже тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь единственный опасный врагъ королевства, Франція, постоянно отрѣзывалъ у него владѣнія. Въ то время еще не было живой національной вражды между французами и нѣмцами. Конечно, инстинктивно такая вражда уже чувствовалась; сознательной она не могла еще сдѣлаться, этому препятствовало сохраненіе универсальной, императорской идеи. Но отсутствіе такой вражды не мѣшало Франціи постоянно нападать на Германію и отбирать у ней земли. Такія нападенія Франціи должны были дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на нѣмецкое королевство и поддерживать его какъ цѣлое.

Мы уже знаемъ, что такое сознаніе цѣлостности королевства не было успѣшнымъ и въ рассказѣ о дальнѣйшихъ судьбахъ нѣмецкаго государства будемъ убѣждаться въ этомъ все больше и больше. Бургундія принадлежала къ нѣмецкому королевству только номинально. На югѣ графства Провансъ и Форкалькье сдѣлались владѣніями анжуйскаго неаполитанскаго королевскаго дома; ихъ вассальная зависимость отъ Германіи выражалась только въ пустыхъ формальностяхъ. Къ сѣверу западная часть діоцезы Ліонской была вполне присоединена къ Франціи уже раньше середины 13 столѣтія, въ 1271 году бюргерство города Ліона находилось уже подъ защитой французскихъ королей. Пограничныя же области королевства, лежащія далѣе къ сѣверу, на Рейнѣ, Мозелѣ и Маасѣ, находились то подъ нѣмецкимъ, то подъ все болѣе распространявшимся французскимъ вліяніемъ; въ этихъ областяхъ создались государства, владѣльцы которыхъ, бывшіе первоначально вассалами Германіи, посте-

пенно подпадали подъ вліяніе французской политики и французскихъ денегъ.

Но въ особенной опасности даже въ томъ случаѣ, еслибы политическое могущество Германіи снова увеличилось, была западная граница только въ двухъ мѣстахъ: на крайнемъ югѣ и на крайнемъ сѣверѣ, въ Швейцаріи и во Фландріи. Здѣсь кромѣ все болѣе увеличивающагося политическаго отчужденія существовали еще и экономическія и соціальныя причины для такого отчужденія. То обстоятельство, что именно эти страны съ конца 13 столѣтія сдѣлались центромъ особенно энергичнаго правообразованія, не было случайностью. Въ Швейцаріи развитіе, экономическое и соціальное, отставало отъ общенѣмецкаго; здѣсь въ равнинахъ центральной альпійской области сидѣло сильное крестьянское населеніе, воспрепятствовавшее образованію княжеской власти. Наоборотъ, во Фландріи, въ самой западной изъ странъ нѣмецкаго сѣверозапада, экономическое и общественное развитіе опередило развитіе Германіи. Здѣсь особенно рано и особенно самостоятельно развились города, что повело къ оригинальному ослабленію княжеской власти и къ оттѣсненію на задній планъ крестьянскаго сословія, что придавало фламандской культурѣ нѣкоторое сходство съ культурой ломбардской равнины. Въ обоихъ случаяхъ связь съ общимъ ходомъ нѣмецкой исторіи была утрачена и уже въ теченіи 14 вѣка начинается отдѣленіе этихъ областей отъ нѣмецкаго королевства, какъ отъ политическаго цѣлага, идущаго по пути особаго національнаго развитія.

II.

Въ Швейцарскихъ долинахъ во времена Штауфеновъ руководящей силой были Церингены и послѣ прекращенія этого дома въ 1218 году графы Кибурги. Послѣ прекращенія рода Кибурговъ началась борьба между домами Савойскимъ и Габсбургами, въ которой наконецъ одержали побѣду послѣдніе, представителемъ которыхъ въ то время былъ графъ Рудольфъ, позднѣе сдѣлавшійся королемъ.

Въ измѣненіяхъ, связанныхъ съ этими событіями, принимали нѣкоторое участіе жители горъ близъ Фирвальдштадскаго озера.

Три лѣсные штата: Ури, Швицъ и Унтервальденъ первоначально принадлежали къ Тургау, за исключеніемъ небольшой части Унтервальдена, принадлежавшей къ Ааргау. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ къ Тургау, Церингены обладали графской властью и потомъ эта власть отъ нихъ перешла къ Габсбургамъ. Но Габсбурги обладали графской властью и въ ааргауской части Унтервальдена. Такъ какъ этотъ домъ кромѣ того имѣлъ кое гдѣ и въ самихъ штатахъ помѣщичьи права и права фогтовъ, то по обычному по-

ряду вещей слѣдовало бы ожидать, что всѣ эти власти, принадлежавшія одному дому, въ теченіе 13 вѣка разовьются въ полную територіальную власть.

Но вышло иначе. Въ Ури, въ долину Рейсса, одна большая рыночная и судебная община, занимавшая всю долину, добилась въ 1231 году отъ короля Генриха, чтобы онъ присоединилъ графство къ королевству. Съ этихъ поръ Габсбурги были только фогтами королевства съ особыми полномочіями и съ правомъ суда въ Ури, но вообще то долина была самостоятельной и стоящей въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ королевству; община имѣла собственную печать и избирала предсѣдателя суда, ландаммана. Понятно, что это не исключало существованія въ долину крѣпостныхъ крестьянъ, такъ напр. цюрихскій женскій монастырь имѣлъ кое гдѣ помѣщичьи права и въ деревняхъ тоже были роды дворянъ — помѣщиковъ, напр. Рапперсвилли и Аттингаузены. Менѣе просто и послѣдовательно развились непосредственныя отношенія къ нѣмецкому королевству страны Швицъ. Стремленіе боковой линіи Габсбурговъ — Лауфенбурговъ — чрезмѣрно пользоваться своими графскими правами соединилось здѣсь съ участіемъ этаго рода въ борьбѣ между императоромъ Фридрихомъ II и куріей. Лауфенбурги стояли на сторонѣ папы; жители Швица, тѣснимые графами и кромѣ того оскорбленные въ своей преданности императору, обратились за помощью къ главѣ государства; Фридрихъ II освободилъ ихъ отъ графской власти Габсбурговъ, но не уничтожилъ эту власть. Жители Швица пытались посредствомъ образованія автономной, непосредственно отъ королевства зависимой общины во время междуцарствія положить конецъ такому двусмысленному положенію. Королю Рудольфу позже не удалось вполне помѣшать имъ въ этомъ. Послѣ же смерти Рудольфа вмѣсто назначаемыхъ габсбургскимъ домомъ четырехъ амтмановъ они избрали своего собственнаго ландаммана; они не имѣли сомнѣній въ своей непосредственной зависимости отъ королевства.

Наконецъ, въ Унтервальденѣ права Габсбурговъ были еще безспорными въ то время, когда Ури былъ уже давно свободенъ, а Швицъ по крайней мѣрѣ стоялъ на пути къ свободѣ; здѣсь Габсбурги обладали графской властью, а надъ отдѣлившимися отъ ихъ графства монастырскими людьми Энгельберга, Мури, Беромюнстера и другими духовными крѣпостными помѣстьями они обладали правами фогтовъ, почти равными графскимъ правамъ. Но уже въ 1304 году въ Унтервальденѣ былъ одинъ общій ландамманъ, что было признакомъ пріобрѣтенной свободы и непосредственной зависимости отъ королевства.

Подобное развитіе на основаніи однихъ внутреннихъ событій, о которыхъ мы рассказали, едва-ли бы было мыслимо. Тутъ присоединились общія соціальныя и политическія причины. Соціальная

причина состояла въ особой крестьянской культурѣ лѣсныхъ штатовъ. То, чего добились пастухи и охотники Ури, казалось справедливымъ и ихъ сотоварищамъ въ Швицѣ и Унтервальденѣ; они стремились къ такому же положенію и инстинктивно были убѣждены, что имъ слѣдуетъ для этого держаться сообща. Кромѣ того тутъ вліяла и политическая причина, которую мы указали выше по отношенію къ Швицу. Если въ 1244 или въ 1245 году, почти одновременно съ первымъ большимъ союзомъ рейнскихъ городовъ и болѣе ранними волненіями въ Ганзѣ, Люцернѣ, Сарненѣ, Швицѣ и даже Ури соединились противъ графа Рудольфа II Габсбургъ-Лауфенбурга, то они поступили такъ, потому что хотѣли быть приверженцами Штауфеновъ противъ папы и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ враждебнаго Штауфенамъ графа. Созданное такимъ образомъ положеніе было признано или по крайней мѣрѣ не разрушено въ существенныхъ его чертахъ наслѣдникомъ Лауфенбурговъ, послѣдующимъ королемъ, графомъ Рудольфомъ Габсбургскимъ тоже потому, что онъ въ теченіи всей своей жизни стоялъ на сторонѣ Штауфеновъ.

Послѣ смерти Рудольфа всѣ вышеупомянутые мотивы развитія союза пріобрѣли необычайную силу. Габсбурги теперь были уже не простыми графами, а потомками короля и императора. Ихъ стремленіе къ коронѣ, когда оно не осуществлялось и ставило ихъ во враждебныя отношенія къ королевской власти государей изъ другихъ домовъ, должно было сдѣлать нѣмецкихъ королей особенно благорасположенными къ жителямъ лѣсныхъ штатовъ и къ ихъ стремленію находиться въ зависимости непосредственно отъ королевства. То обстоятельство, что габсбургскія владѣнія въ южной Германіи были теперь раздѣлены на двѣ половины на Дунаѣ и на верхнемъ Рейнѣ, соединить которыя всего легче было посредствомъ завоеванія рейнской долины между Брегенцемъ и Хуромъ и лѣсныхъ штатовъ, должно было заставлятъ Габсбурговъ дѣлать постоянныя попытки къ расширенію своихъ владѣній именно здѣсь, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было поощрять лѣсные штаты къ энергичному и единодушному отпору. Такъ какъ лѣсные штаты должны были для этой борьбы искать союзниковъ, то для нихъ важно было все болѣе укрѣплять свой союзъ, увеличивать количество его членовъ, привлекать къ себѣ всѣ элементы, которые по какой бы то ни было причинѣ хотѣли противиться соединенію и упроченію габсбургскихъ владѣній. Къ такимъ элементамъ принадлежали не только крестьянство, но и города восточной Швейцаріи, въ особенности Цюрихъ. Такимъ образомъ на крайнемъ югѣ германской земли произошло то, чего не было ни въ одной изъ другихъ германскихъ странъ, т. е. то, что крестьяне и бюргеры держались сообща, соединяемые механически тѣснившей ихъ извнѣ силой; этотъ внѣшній гнетъ повелъ потомъ къ внутреннему объединенію и въ концѣ среднихъ вѣковъ создалось

политическое тѣло крестьянско-бюргерской фѣдаративной республики съ весьма оригинальнымъ строемъ.

Почти всѣ вышеупомянутые мотивы нашли выраженіе уже въ первыхъ договорахъ послѣ смерти Рудольфа, на основаніи которыхъ сначала Швицъ, Ури и Унтервальденъ, а потомъ Швицъ, Ури и Цюрихъ соединились для взаимной помощи противъ всѣхъ враговъ. Это произошло въ 1291 году; за договорами послѣдовала, повидимому, несчастная война съ герцогомъ Альбрехтомъ австрійскимъ. Но тутъ въ пользу лѣсныхъ штатовъ вмѣшались враждебные габсбургскому дому короли; въ 1297 и въ 1309 годахъ ихъ привилегіи были подтверждены Адольфомъ и Генрихомъ VII. Генрихъ назначилъ Вернера Гогенберга императорскимъ фогтомъ всѣхъ штатовъ; теперь не было болѣе никакихъ сомнѣній въ ихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ королевству.

Габсбурги попытались пріобрѣсти то положеніе, котораго они добивались и на которое имѣли притязанія, насиліемъ. Но смѣлый герцогъ Леопольдъ и съ нимъ цвѣтъ австрійскаго рыцарства пали въ битвѣ при Моргартенѣ 15 ноября 1315 года; Габсбурги послѣ этого отказались отъ своихъ притязаній на территоріальную власть надъ штатами, а король Людвигъ отнялъ у нихъ въ 1324 году даже права помѣщиковъ и фогтовъ; 9 декабря 1315 года штаты заключили вѣчный союзъ; теперь существующій Швейцарскій союзъ былъ созданъ въ этотъ день.

Дальнѣйшія событія въ среднія вѣка кромѣ соединенія этихъ трехъ первоначальныхъ кантоновъ повели къ присоединенію къ нимъ самыхъ важныхъ частей теперешней Швейцаріи. Послѣ Люцерна около 1350 года присоединились Цюрихъ, Гларусъ, Цугъ и Бернъ; образовался союзъ восьми кантоновъ. Союзъ образовался въ такое время, когда Ганза только что достигла вершины своей славы, когда Германія готова была распасться на союзы рыцарей, городовъ и князей. Онъ своимъ строемъ закрѣпилъ амальгамированіе крестьянскихъ и бюргерскихъ элементовъ. Цюрихъ, въ то время находившійся подъ тираніей демократа Рудольфа Бруна, присоединился къ союзу изъ вражды къ Габсбургамъ, Бернъ изъ страха предъ Габсбургами и Савоей, — вражда къ князьямъ была очевидной и главной причиной образованія союза.

Союзъ въ теченіи 14 и 15 вѣковъ еще два раза отстаивалъ свою самостоятельность противъ князей: противъ Габсбурговъ въ битвахъ при Земпахѣ и Рефельсѣ (1386 и 1388), противъ Бургундіи въ битвахъ при монастырѣ св. Іакова на Бирсѣ, при Грансонѣ, при Муртенѣ и при Нанси. (1444, 1476 и 1477). Это были почетные дни для союза; не удивительно, что они принесли ему новыя присоединенія. Уже раньше къ нему присоединились Мюльгаузенъ въ Эльзасѣ, Роттвейль въ Швабіи, аббатство Энгельбергъ, три союза

въ Реци, Валлисъ и Женева; послѣ послѣдней союзной войны за ними послѣдовали Фрейбургъ и Золотурнъ (1481) Базель и Шаффгаузенъ (1501) и Аппенцель (1513). Одновременно былъ устраненъ внутренній кризисъ, вызываемый противорѣчіемъ интересовъ крестьянъ и горожанъ; мирное устраненіе этого кризиса повело Швейцарію на путь развитія современнаго государства.

Возможно ли было для Швейцаріи при внутреннемъ развитіи, все болѣе и болѣе уклонявшемся отъ типа общегерманскаго развитія, удержать старую политическую связь съ нѣмецкимъ королевствомъ? Не должна ли была зависимость отъ королевства превратиться въ отчужденіе отъ него? Уже въ 1452 и 1453 годахъ союзъ заключилъ съ Франціей договоръ о «вѣчной доброй дружбѣ», съ этихъ поръ въ Швейцаріи господствуетъ французское вліяніе; со времени Карла VIII (1483—1498) союзники играютъ активную роль въ итальянской, враждебной нѣмецкому королевству, политикѣ Франціи. Потому было невозможно избѣжать открытаго разрыва съ королевствомъ. Такой разрывъ и произошелъ при королѣ Максимилианѣ I; послѣ несчастной войны Максимилианъ по Базельскому миру 22 сентября 1499 года призналъ свободу союзниковъ отъ имперскихъ налоговъ и суда; они оставались въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ «родственниковъ», а Вестфальскій миръ уничтожилъ и эту непрочную связь ихъ съ Германіей.

Политическое отдѣленіе не уничтожило, однако, духовнаго родства и единства въ высшемъ національномъ значеніи этого слова. Пѣвецъ швейцарской свободы Шиллеръ былъ швабъ и подданный князя; сага о Теллѣ нѣмецкаго происхожденія и она ожила въ горахъ Швейцаріи какъ разъ въ то время, когда союзники оставили падающее зданіе нѣмецкаго королевства.

Было бы благодарной задачей показать въ подробностяхъ, чѣмъ нѣмецкая нація обязана въ духовномъ отношеніи Швейцаріи, отъ Цвингли, потомъ Бодмера и Лафатера, до Келлера и Фердинанда Мейера; какъ Фландрія и Голландія оплодотворяли центральную Германію въ сферѣ живописи и пластическихъ искусствъ, такъ Швейцарія оплодотворяла ее въ сферѣ поэзіи. Во главѣ такого вліянія на Германію слѣдовало бы поставить Швейцарскую сагу. Теперь намъ извѣстно ея происхожденіе; мы знаемъ, что въ ней соединены смутныя историческія представленія объ угнетеніи жителей лѣсныхъ кантоновъ Габсбургами и объ ихъ освобожденіи посредствомъ союза — представленія, которыя могли образоваться только во второй половинѣ 12 вѣка — съ новымъ, только черезъ сто лѣтъ появившимся и вѣроятно заимствованнымъ какимъ либо путемъ у Сакса Грамматика рассказомъ о Теллѣ; этотъ дуализмъ происхожденія замѣчается и въ раздвоеніи главнаго мотива въ драмѣ Шиллера. Изъ двухъ сагъ о союзѣ въ Рютли и о Теллѣ первая исторически гораздо важ-

нѣе. Она указываетъ, какъ низшая культура нѣмецкаго крестьянства воссоздавала въ поэтическихъ воспоминаніяхъ тѣ великія событія, которыя оно пережило. При этомъ сохранилась только сущность дѣйствительно случившагося: стремленіе сохранить старую самостоятельность деревенскаго строя натурально-хозяйственной ленной системы въ формѣ имперской непосредственности и достиженіе этой цѣли тоже старымъ средствомъ образованія союза.

Но дѣйствительно ли такъ далека отъ искусства современной исторіографіи, такъ принципиально отлична отъ него сага по методу своего образованія и своего изображенія фактовъ? Конечно, теперь намъ извѣстно о событіяхъ образованія союза гораздо больше и гораздо точнѣе, чѣмъ могла знать о нихъ создавшая сагу фантазія швейцарскихъ бюргеровъ и крестьянъ 14—15 вѣка. Но получили ли мы эти болѣе точныя свѣдѣнія принципиально отличными средствами? Народная память изъ поверхностныхъ воспоминаній о прошломъ грубо эмпирически создала ткань, у которой оказывается истинно-исторической только основа; мы съ нашимъ болѣе утонченнымъ зрѣніемъ и съ болѣе интенсивнымъ вниманіемъ созерцаемъ останки прошлаго, чтобы при ихъ посредствѣ воссоздать цѣлое когда то происходившее событіе. Но въ сущности методъ одинъ и тотъ же; въ обоихъ случаяхъ работаетъ фантазія для того, чтобы воссоздать цѣлую картину прошлаго; настоящее отличается отъ прошлаго только употребленіемъ болѣе утонченныхъ методовъ работы. И теперь ни одному историку не удастся вполнѣ отрѣшиться отъ себя самаго и заставить говорить одни только событія. Такой переворотъ въ исторіографіи могъ бы произойти лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось на столько же сдѣлать основой историческаго изслѣдованія психологию, насколько механика сдѣлалась основой естественно научныхъ изслѣдованій.

Но даже и въ этомъ случаѣ исторіографія, занимающаяся изображеніемъ когда то совершившихся событій, и въ особенности политическая исторіографія, не возвысится до ранга такъ называемой точной науки. Потому что психологія, какъ механика общественныхъ наукъ, можетъ создать типъ политическо-психическихъ явленій только при посредствѣ множества подробно изученныхъ случаевъ такихъ явленій. Политическія же событія не представляются въ такомъ количествѣ, а кромѣ того они никогда не бываютъ столь ясными, чтобы можно было понять мотивы и стремленія дѣйствующихъ лицъ иначе, какъ гадательно, посредствомъ воссозданія. Потому то въ политической исторіографіи, по крайней мѣрѣ при разработкѣ подробностей, всегда останется нѣчто романическое; она всегда будетъ внучкой саги. Для культурной исторіи, напротивъ, можно представить себѣ такое будущее, что посредствомъ психологически индуктивной разработки огромнаго и по существу однообразнаго матеріала она придетъ къ

достиженію полной научной истины и такое преобразование культурной исторіи будетъ новой эпохой въ исторической наукѣ.

III.

Въ Швейцаріи событія, сначала совершавшіяся въ узкомъ кругу исторической жизни, въ концѣ концовъ повели къ образованію новаго и оригинальнаго государства. Развитие общества на нижнемъ теченіи Рейна было до извѣстной степени совершенно противоположнымъ. Здѣсь во второй половинѣ 13 вѣка это развитие было очень бурнымъ. Князья боролись другъ съ другомъ; мира не было почти нигдѣ отъ устьевъ Рейна до вестфальскихъ горъ. Во Фландріи боролись сыновья графини Маргариты отъ перваго и отъ втораго брака. Далѣе къ востоку борьба о лимбургскомъ наследствѣ охватила почти всѣ земли по Маасу и Рейну; претенденты, графъ Рейнальдъ Гельдернскій и графъ Адольфъ Бергскій, прежде всего привлекли на свою сторону наиболѣе сильныхъ изъ князей: архіепископа Кельнскаго и герцога Брабантскаго и только послѣ долголѣтней борьбы между ними и союзниками 6 іюня 1286 года произошла битва при Воррингенѣ на Рейнѣ, въ которой побѣдила берго-брабантская партія. Но рѣшеніе лимбургскаго вопроса было окончательно дано королемъ Франціи Филиппомъ. Это было многознаменательнымъ введеніемъ въ исторію самой западной изъ нѣмецкихъ территорій въ 14 вѣкѣ.

На первый планъ здѣсь выступаетъ Фландрія.

Нѣмецкія земли, граничащія съ землями, заселенными валлонцами и простиравшіяся отъ возвышенности Эйфель и Арденнскихъ горъ по Маасу, Фландрія и Брабантъ, были заселены, за исключеніемъ береговъ, гдѣ поселились фризы и англосаксонцы, франко-салийскимъ племенемъ; ихъ языкъ и теперь еще представляется потомкомъ нарѣчія мальбергскаго глосса и въ жилахъ населенія течетъ бурная и страстная кровь франковъ. Но судьба обѣихъ территорій, раздѣлившихся со времени Вердюнскаго договора, была неодинакова. Брабантъ очень рано искалъ близкихъ отношеній къ югу; вывозъ его фабрикатовъ шелъ главнымъ образомъ во Францію. Потому здѣсь очень рано проникъ французскій духъ; даже и теперь онъ здѣсь сильнѣе, чѣмъ во Фландріи; Брюссель гораздо болѣе офранцуженный городъ, чѣмъ Гентъ или Брюгге. вмѣстѣ съ французскимъ вліяніемъ образовались и болѣе сильная територіальная централизація и болѣе энергичное противодѣйствіе большимъ городскимъ общинамъ.

Иначе шло развитие Фландріи. Фландрія, за исключеніемъ небольшой ея части, принадлежала къ Франціи. Но вскорѣ она вступила въ близкія отношенія къ Англіи; къ этому влекли ее общность гер-

манскаго происхожденія, вывозная ея торговля и потребности фландрской промышленности, наиболѣе значительная отрасль которой, суконная промышленность, обрабатывала преимущественно тонкую английскую шерсть. Въ силу такихъ условій Фландрія оставалась болѣе германской страной сравнительно съ Брабантомъ; какъ рано развившееся торговое и промышленное государство, лежащее между двумя большими, еще натурально хозяйственными королевствами, она должна была до извѣстной степени сохранить свою самостоятельность. Но такое независимое положеніе, обусловливаемое главнымъ образомъ промышленной дѣятельностью, вело къ росту значенія городовъ; старая власть графовъ могла удержаться только благодаря ихъ заботамъ о городахъ.

По отношенію къ сѣверовостоку и къ востоку, къ сосѣднимъ нѣмецкимъ областямъ, Фландрія въ теченіе 14 вѣка занимала часто болѣе чѣмъ равноправное, временами даже господствующее положеніе. Въ первую половину 14 вѣка Брабантъ былъ политически зависимъ отъ нее; въ 1356 году онъ былъ настолько обезсиленъ внезапнымъ нападеніемъ Фландріи, что долженъ былъ уступить ей Мехельнъ и Антверпенъ.

Голландія тоже подчинялась вліянію Фландріи. Въ продолжавшейся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ борьбѣ, которую вели между собой Голландія и Фландрія изъ за Зееландіи, важнѣйшей области устья Рейна, и за Ваасландъ, прекрасную страну, лежащую между Антверпеномъ и Гентомъ, Фландрія начиная съ 1303 года получила значительныя выгоды. Фландрскій графъ завоевалъ почти всю Голландію и хотя фламандцы и были разбиты въ 1304 году при Зирикзее и остатки ихъ войска были прогнаны въ дюны, все таки послѣ заключенія мира въ 1323 году Фландрія получила значительныя выгоды и прежде всего безспорное обладаніе Ваасландомъ. Въ Голландіи послѣ счастливой эпохи Вильгельма III и Вильгельма IV (1304 — 1345) въ теченіи болѣе ста лѣтъ продолжалась несчастная борьба дворянства и бюргеровъ (Ноекс и Kabeljaus), двухъ общественныхъ партій почти одинаково сильныхъ, такъ что страна была почти безпомощной противъ бургундскаго королевства.

При такихъ условіяхъ Фландрія по своему политическому положенію въ 14 вѣкѣ была самой крѣпкой защитой нѣмецкой народности на западѣ, но при этомъ ея южныя части тоже начали подпадать подъ вліяніе Франціи.

Культура Фландріи до 12 даже 13 вѣка была еще несомнѣнно нѣмецкой. Такой она была по своей естественной основѣ, а также и по вліянію на нее внѣшнихъ воздѣйствій. Соборъ въ Доорникѣ изъ временъ Штауфеновъ указываетъ на связь съ нижнерейнской, въ особености съ кельнской архитектурой; по тому же образцу построены и соборы въ Камбре и Нойонѣ. Но самый ранній готическій

стиль заимствованъ уже изъ Франціи. Въ теченіе 13 вѣка вліяніе французской культуры дѣлается болѣе сильнымъ. Въ особенности такому вліянію подлежатъ дворъ и патриціанскіе бюргерскіе роды Фландріи; къ счастью оффиціальнымъ языкомъ остается еще фламандскій. Но этотъ фламандскій языкъ уже воспринялъ множество французскихъ словъ. Одинъ актъ 1476 года, указывающій на закончаніе этого процесса усвоенія, содержитъ въ себѣ такіе обороты: *gode souf- fisante ende notable persoonen; omme de cohertie van dien usance; clercken, die ten religioene ydoine bevonden zijn zullen.*

Проникновеніе французской культуры было подготовлено вліяніемъ французской политики и она эксплуатировала въ свою пользу эту культуру. Когда Англія должна была уступить французскимъ королямъ Нормандію, стремленіе французовъ къ завоеваніямъ направилось на сѣверныя области устья Рейна и стало быть противъ Фландріи. Уже при Филиппѣ 11 Августѣ (1180—1223) фландрскій графъ долженъ былъ уступить Франціи часть Фландріи, которая съ этихъ поръ называется Артуа, съ городами Аррасомъ и Ст. Омеръ; позже были уступлены ей города Лилль и Дуэ. Остальную чисто фламандскую Фландрію французскіе короли старались поставить въ строго вассальныя къ себѣ отношенія. Когда же это имъ удалось, Фландрія была лишена политической помощи самыхъ значительныхъ изъ своихъ германскихъ сосѣдей; при королѣ Филиппѣ Красивомъ герцогъ брабантскій, епископъ люттихскій и архіепископъ кельнскій сдѣлались французскими пенсіонаріями и вассалами. Послѣ этого Франція непосредственно ринулась на графство; въ 1301 году въ него вторглось французское войско и было съ радостью принято приверженцами Лилли (*Leliaarts*), крупными бюргерскими родами.

Но тутъ возстало среднее сословіе бюргеровъ, чисто нѣмецкое. Въ Брюгге началось возстаніе подъ предводительствомъ ткача Питера Конишка и мясника Яна Брейделя; фламандцы одержали побѣду при Кортрійкѣ (*Kortrijk*). Миръ, заключенный наконецъ Филиппомъ послѣ побѣды при Монсъ-енъ-Пуэль въ 1305 году принесъ Франціи только полное истощеніе и окончательное присоединеніе Лилля и Дуэ.

Во Фландріи народныя элементы населенія, ремесленники, торжествовали; значеніе большихъ городовъ сильно поднялось; въ 1317 году Брюгге, Гентъ и Иперенъ, три наиболѣе значительные города, приносили 40% всѣхъ доходовъ страны. Деревня стала въ непосредственную зависимость отъ городовъ; земледѣліе близъ нихъ все болѣе превращалось въ садоводство, огородничество и воздѣлываніе идущихъ въ торговлю растений; вокругъ городскихъ стѣнъ была самая плодородная земля; фламандецъ не менѣе голландца могъ похвалиться, что онъ создалъ свою воздѣланную землю. Это развитіе культуры не было прервано, и тѣмъ менѣе уничтожено, крупными безпорядками 1324 года, противъ которыхъ въ концѣ концовъ

фландрскій графъ призывалъ на помощь Францію, хотя война и террористическое управленіе графа страшно свирѣпствовали противъ населенія.

Существенное измѣненіе политическаго положенія наступило только тогда, когда между Франціей и Англіей начались продолжительныя войны. При восшествіи на престолъ Франціи дома Валуа въ 1328 году король Англій Эдуардъ III, какъ сынъ дочери Филиппа Красиваго, предъявилъ притязанія на тронъ Франціи; съ середины тридцатыхъ годовъ онъ привлекъ на свою сторону и Германію при императорѣ Людвигѣ. Могла ли Фландрія оставаться нейтральной при этой великой борьбѣ двухъ западноевропейскихъ государствъ?

Въ Гентѣ въ 1337 году началось новое возстаніе противъ совершенно офранцузившагося и происходившаго отъ французскихъ предковъ графскаго рода Дампьеровъ; и это возстаніе скоро распространилось и въ другихъ городахъ. Во главѣ возстанія сталъ одинъ изъ величайшихъ государственнхъ людей Фландріи, обыватель Гента Якобъ Артевельде. Сначала въ 1338 году онъ попытался объявить страну нейтральной въ этой борьбѣ между Англіей и Франціей. Но не значило ли это, что Фландрія возстаетъ такимъ образомъ противъ своего сюзерена, французскаго короля? Въ 1340 году фламандцы присягнули Эдуарду III какъ французскому королю; они съ этихъ поръ дерутся вмѣстѣ съ англичанами противъ французовъ и своихъ графовъ. Въ самой странѣ Якобъ Артевельде создалъ чрезвычайно оригинальную конституцію; Фландрія была раздѣлена на три округа подъ главенствомъ трехъ большихъ городовъ Гента, Брюгге и Леперена. Каждый изъ нихъ въ своемъ округѣ имѣлъ верховное начальствованіе войсками, назначалъ, или по крайней мѣрѣ пытался назначать, въ меньшихъ городахъ шофферовъ, а въ подозрительныхъ городахъ назначалъ намѣстниковъ (Ruvarts или Beleeders). Во главѣ ихъ въ качествѣ намѣстника (Руварта) Фландріи стоялъ Якобъ, совершенно подобно президенту республики; не обращая никакого вниманія на права графовъ, онъ пытался распространить дѣйствіе новой конституціи и на всѣ города Артуа и Брабанта.

Такіе широкіе планы могли бы имѣть успѣхъ только при полномъ согласіи союзныхъ городскихъ республикъ. Но такого согласія не было. Тщетно Якобъ старался внушить городамъ ту широту воззрѣній, которая отличала его самого; даже такіе города, какъ Гентъ и Леперенъ, вскорѣ разсорились изъ за коммерческихъ и промышленныхъ соображеній. Потому фландрская автономія просуществовала при Якобѣ только нѣсколько лѣтъ, хотя три главные города и позже сохранили основы созданной имъ конституціи; эта конституція съ небольшими измѣненіями просуществовала до 1793 года. Якобъ Артевельде былъ убитъ въ 1345 году.

При подобныхъ условіяхъ, при внутреннихъ раздорахъ во Флан-

дрии, помощь ея Англии въ борьбѣ противъ Франціи утрачивала свое значеніе. Потому сначала очень близкія отношенія англійскаго короля къ городамъ начали охладѣвать и наконецъ онъ заключилъ миръ въ Бретиньи (1360), не особенно заботясь объ ихъ участи. Мало того, онъ началъ теперь противодѣйствовать фландрской промышленности, призвавъ для созданія промысловъ въ своей собственной странѣ изгнанныхъ фландрскихъ ремесленниковъ и уничтоживъ въ Брюгге складъ англійской шерсти, главнаго сырья фламандской промышленности.

Всѣ эти событія должны были отдать Фландрію въ руки Франціи. Король французскій Карлъ V (1364—1380) умѣлъ превосходно воспользоваться ими. Онъ обручилъ наслѣдницу послѣдняго фландрскаго графа Людвигъ съ своимъ братомъ Филиппомъ Смѣлымъ, основателемъ новаго бургундскаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всячески старался привязать къ себѣ большія городскія общины Фландріи и снова присоединилъ къ ней города Лилль и Дуэ. Такимъ образомъ казалось, что присоединеніе Фландріи къ вновь создающемуся государству Бургундіи было только вопросомъ времени, когда возстаніе городовъ противъ графа Людвигъ снова разрушило всѣ эти планы. По поводу требованія денегъ для празднованія туркира Людвигъ былъ изгнанъ изъ страны и Филиппъ Артевельде, сынъ Якоба, изъ Гента попытался возобновить созданіе своего отца. И дѣйствительно ему удалось побѣдить графа при Бевергоутѣ 2 мая 1382 года и возстановить союзъ всѣхъ фландрскихъ городовъ; онъ также, какъ и его отецъ, сдѣлался рувартомъ Фландріи.

Но тутъ вмѣшался Филиппъ Смѣлый, зять графа и наслѣдникъ его правъ. Онъ побѣдилъ 27 ноября 1382 года фламандцевъ при Розебеке (Roosbeke) вблизи Иперена; Филиппъ Артевельде палъ на полѣ битвы.

Не смотря на всѣ попытки Гента продолжать возстаніе, это было концомъ фландрской свободы. Когда Филиппъ въ 1385 году послѣ смерти своего тестя заключилъ миръ, онъ былъ уже властелиномъ Фландріи. Правда, онъ далъ городамъ новыя привилегіи и его права господства надъ ними были не больше правъ нѣмецкаго короля надъ имперскими городами. Но старая автономія городовъ исчезла.

Въ скоромъ времени страна перестала быть нѣмецкой. Правда, уже и раньше фландрскіе графы часто жили во Франціи; только съ помощью Франціи, поддерживаемые кромѣ того интердиктами папъ, бывшихъ въ рукахъ Франціи, они удержали въ 14 вѣкѣ свою власть. Но страна все-таки была сама по себѣ и въ особенности несомнѣненъ былъ германскій характеръ ея промышленныхъ классовъ. Теперь же Фландрія принадлежала Бургундіи, т. е. вполне французскому государству. Въ политическомъ отношеніи она была потеряна для Германіи.

Конечно, въ національномъ отношеніи, не смотря на все это, не

смотря на всѣ позднѣйшія событія, Фландрія не была вполне потеряна для нѣмцевъ. Не даромъ и теперь еще памятники Якоба Артевельде въ Гентѣ и Япа Брейделя и Питера Кониинка въ Брюгге напоминаютъ намъ о старинѣ. Какъ въ Швейцаріи нѣмцы были цементомъ союза, такъ и теперь еще очевидно, что фламандцы вмѣсто того, чтобы превратиться въ валлонцевъ, составляютъ прочную германскую основу Бельгіи. Но политически они далеко отошли отъ центра націи. И они находятся теперь въ такомъ положеніи потому, что ихъ экономическое и общественное развитіе уже съ 11 и 12 столѣтій отклонилось отъ общегерманскаго; а такое уклоненіе было возможно потому, что Фландрія была почти совершенно недостижима для центральной власти стараго нѣмецкаго королевства, что эта послѣдняя совсѣмъ не заботилась о ней.

Въ среднія вѣка фламандцы въ то время, когда они подпали подъ власть французскаго государства, уже закончили то великое движеніе, которое еще разъ снова вполне объединило ихъ съ націей. Они помогали колонизировать сѣверозападную Германію до Везера, и въ особенности сѣверную Германію отъ Эльбы до Одера и Вислы. Развѣ такое блестящее проявленіе національной силы не должно было повести къ реакціи? Но эта реакція могла послѣдовать только посредствомъ постоянно увеличивающагося торговаго оборота между западомъ и востокомъ Германіи. Такъ оно и случилось. И это непосредственно приводитъ насъ къ исторіи Ганзы.

IV.

Нѣмецкая торговля на сѣверѣ еще въ то время, когда на нѣмецкомъ морѣ не было никакихъ нѣмецкихъ колоній и потому ни одной нѣмецкой гавани, распространилась сначала на сѣверномъ морѣ, а потомъ и въ Англій. Устья Рейна и Мааса, этихъ двухъ величайшихъ путей нѣмецкой торговли, и устья Темзы, Лондонскаго торговаго пути, находятся другъ противъ друга.

Англія до открытія Новаго Свѣта и до перехода крупной торговли на океаны находилась внѣ путей международной торговли; только съ 16 вѣка она получаетъ преобладающее значеніе въ сферѣ торговли. Слѣдствіемъ этаго было то, что она до конца среднихъ вѣковъ почти не имѣла собственной торговли; купеческія и ремесленные гильдіи, *Craft guilds* и *Merchant guilds*, въ Англій долго оставались нераздѣльными. Но за то у Англій были важные предметы вывоза: соль, минералы—какъ то: серебро, свинецъ и олово изъ копей Корнваллиса, и въ особенности шерсть; влажный климатъ, богатая пастбища и возможность держать большія стада благопріятствовали полученію такой тонкой шерсти, какой нельзя было получить нигдѣ

въ другой странѣ. Но вывозомъ этихъ продуктовъ занимались не англичане, а итальянцы, французы и нѣмцы. Между нѣмцами отличались въ особенности фламандцы, которые нуждались въ шерсти непосредственно для своей прядильной промышленности, потомъ жители рейнскихъ провинцій и вестфальцы.

Эта торговля очень рано повела къ созданію въ Англіи для нѣмецкихъ купцовъ особаго права чужестранцевъ; на основаніи королевскихъ привилегій они получали защиту противъ опасностей береговаго разбоя и насилій на дорогахъ; вообще были созданы благоприятныя внѣшнія условія торговли. При этомъ образовалась извѣстная общность между нѣмецкими купцами, тѣмъ болѣе, что уже морской переѣздъ вызывалъ общность ихъ интересовъ; въ организаціи морскаго плаванія остатки старыхъ товарищескихъ связей сохранились до 16 вѣка; таковы напр., участіе матросовъ въ доходахъ отъ перевоза, участіе въ барышахъ кораблестроителей, право моряковъ, кромѣ полученія платы, провозить извѣстную долю товаровъ на свой страхъ.

Такимъ образомъ и въ самой Англіи появилась постепенно община нѣмецкихъ купцовъ, которые обычно пріѣзжали туда; въ исторически достовѣрныя времена мы встрѣчаемъ эту общину какъ самостоятельное и привилегированное торговое общество, какъ ганзу, владѣющую общей факторіей, въ которой живутъ всѣ торгующіе въ Англіи нѣмцы, гильдейскимъ домомъ на берегу Темзы въ Лондонѣ, и во главѣ этой ганзы стоятъ купцы Кельна, какъ самаго большаго въ то время торговаго города на сѣверозападѣ Германіи.

Потомъ такая же торговля началась и на сѣверовостокѣ Германіи, на Балтійскомъ морѣ, хотя пація еще не колонизировала этихъ мѣстъ и нѣмецкая колонизація едва доходила до нѣмецкаго моря. Такая торговля шла изъ нижней Саксоніи и въ особенности изъ Вестфалии; еще въ 13 и даже въ 14 вѣкѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи, на Готландѣ и въ торговыхъ городахъ Швеціи умирали богатые купцы, ближайшіе наслѣдники которыхъ владѣли небольшимъ кускомъ земли въ маленькихъ мѣстечкахъ Вестфалии или рейнскихъ провинцій.

Объ этихъ торговыхъ отношеніяхъ мы имѣемъ очень мало извѣстій, когда они выходили за предѣлы сѣверогерманскаго торговаго города Шлезвига или славянскаго центра Вагрии Стаграда, теперешняго Ольденбурга. Дороги, по которымъ шла эта торговля въ Балтійскомъ море, забыты. Море, этотъ первоначальный элементъ, въ отличіе отъ обитаемой земли, скрываетъ судьбу людей въ своей глубинѣ, тамъ, гдѣ растутъ только цѣломудренныя перлы. Но тамъ, гдѣ на Готландѣ стоялъ городъ Висби, въ мѣстности, которая уже на картѣ Олава Магнуса обозначена какъ находящаяся почти по срединѣ моря, можно указать слѣды нѣмцевъ въ очень раннюю эпоху. Надъ раз-

нообразнѣйшими останками культуры прежнихъ эпохъ изъ 5000 римскихъ монетъ, найденныхъ въ Швеціи, 3400 приходится на Готландъ—здѣсь въ 12 вѣкѣ развилась оживленная нѣмецкая торговля. Извѣстковыя террасы Висби и теперь среди своихъ обросшихъ шиповникомъ стѣнъ скрываютъ болѣе дюжины нѣмецкихъ церквей; онѣ опредѣляютъ фізіономію мѣстности; и теперешніе жители, говорящіе на шведскомъ языкѣ съ значительной примѣсью нѣмецкихъ словъ, живутъ среди этихъ обломковъ, полные смиренія, которое всегда порождается созерцаніемъ развалинъ прошлаго величія. Развалины по своей архитектурѣ и пластикѣ принадлежатъ къ вестфальскому искусству 12 вѣка; этотъ стиль можно прослѣдить не только въ Висби, но и во многихъ другихъ церквахъ острова, который находится къ городу въ такомъ же отношеніи, какъ пригороды Брюгге къ этому городу. Несомнѣнно поэтому, что нѣмецкое населеніе было распространено на Готландъ; въ самомъ Висби, этомъ садѣ Готланда, съ его мягкимъ климатомъ и его защищеннымъ положеніемъ существовала нѣмецкая община.

Потому здѣсь для всей области Балтійскаго моря также, какъ въ Лондонѣ для всей Англій, образовалась община для торговыхъ цѣлей всѣхъ временно проживающихъ нѣмецкихъ купцовъ; она существовала уже во второй половинѣ 12 вѣка. Но здѣсь ей было удобнѣе и легче защищать нѣмецкую торговлю на Балтійскомъ морѣ, чѣмъ гильдіи въ Лондонѣ; ей не приходилось имѣть дѣла съ единой королевской властью и притомъ нѣмецкая торговля начала все болѣе вытѣснять торговлю другихъ націй, чего не было въ Англій. Проникновеніе нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородъ во второй половинѣ 12 вѣка произошло подъ ея защитой; тамошняя факторія, дворъ св. Петра, Петерсгофъ, первоначально была филиальнымъ отдѣленіемъ купеческой общины въ Висби. Въ то время, какъ нѣмецкая торговля на Балтійскомъ морѣ нашла себѣ опору на далекомъ островѣ сѣверовостока, на родинѣ и притомъ при значительномъ участіи западныхъ нѣмецкихъ племенъ началась колонизація областей по берегамъ этого моря. Это событіе должно было подѣйствовать сильно на торговые отношенія на Балтійскомъ морѣ и слѣдствія ихъ всего очевиднѣе выразились въ развитіи Любека.

Тамъ, гдѣ море своимъ югозападнымъ заливомъ наиболѣе приближается къ нѣмецкой землѣ, въ такой мѣстности, которая, однако, не исключаетъ возможности господства надъ всѣми берегами Балтійскаго моря, былъ основанъ Любекъ, какъ конкурентъ Старграда и Шлезвига. Благоразумно дѣйствуя въ своихъ политическихъ отношеніяхъ съ Даніей въ концѣ 12 и началѣ 13 вѣковъ, съ 1226 года сдѣлавшись имперскимъ городомъ, онъ очень скоро переросъ старыя иностранныя городскія центры и сдѣлался руководителемъ младшихъ нѣмецкихъ городовъ въ славянской землѣ, такъ называемыхъ венд-

скихъ городовъ: Роштока, Штральзунда, Висмара и Грейфсвальда; въ срединѣ 13 вѣка онъ несомнѣнно былъ первымъ торговымъ городомъ на Балтійскомъ морѣ. И онъ остался такимъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, потому что онъ жилъ свободной жизнью, строй которой во многихъ отношеніяхъ былъ свободенъ отъ товарищеско-общественныхъ узъ метрополіи; население Любека постоянно обновлялось живыми, свободными отъ предрасудковъ, энергичными элементами націи; въ Любекѣ до послѣдней четверти 14 вѣка не было настоящаго патриціата и его население оставалось молодымъ, полнымъ мужественныхъ силъ.

Могло ли созданіе такого города остаться безъ вліянія на организацию торговыхъ интересовъ въ Балтійскомъ морѣ? Чѣмъ болѣе Любекъ и ганзеатическіе города на нѣмецко-балтійскихъ берегахъ захватывали въ свои руки торговлю, тѣмъ болѣе должно было выступать на первый планъ руководство Любека дѣлами нѣмецкаго купечества въ Висбѣи—такъ что наконецъ эта община сдѣлалась только выраженіемъ отечественно-колониальныхъ любекскихъ интересовъ и потому должна была быть въ концѣ концовъ замѣнена организаціей на самой родинѣ подъ руководствомъ Любека. Когда произошла такая замѣна, были положены зачатки великой нѣмецкой Ганзы. Но эта цѣль была достигнута не скоро, только въ концѣ 13 вѣка. По берегамъ Балтійскаго моря кромѣ торговыхъ городовъ появились и нѣмецкія береговья прибрежныя государства, Голштейнъ, Мекленбургъ и отчасти Померанія. Противницей нѣмецкаго преобладанія въ западной части Балтійскаго моря была главнымъ образомъ Данія. На югѣ добился вліятельнаго положенія на берегахъ этого моря Бранденбургъ. До шестидесятихъ годовъ 13 вѣка маркграфы расширяли свои владѣнія главнымъ образомъ на юго-западѣ и на востокѣ, теперь они добились сюзеренитета надъ Помераніей и Померелленъ, присоединили къ своимъ владѣніямъ Укермаркъ, боролись съ находившимся подъ властью многихъ князей Мекленбургомъ и хотѣли придти на помощь герцогу шлезвигскому противъ Даніи—очевидно, что слѣдствіемъ такой политики должно было быть господство надъ Балтійскимъ моремъ.

Любекъ, нѣмецкіе и славянскіе города и владѣльцы береговыхъ странъ заключили въ Роштокѣ мѣстный миръ 14 мая 1283 года, т. е. союзъ для взаимной защиты отъ грозящей со стороны Бранденбурга опасности. Любекъ долженъ былъ дать этому союзу направленіе вообще непріятное для князей прибрежныхъ странъ; продолженіе союза, а также и наказаніе всѣхъ государствъ, признанныхъ на основаніи его опредѣленій нарушителями мира, должно было происходить не по рѣшенію князей, а по приговору городскихъ обывателей и дворянъ отдѣльныхъ земель. Такимъ образомъ городъ шелъ въ соединеніи съ князьями противъ Бранденбурга, и въ тоже время противъ этихъ самыхъ князей.

Это было смѣлой политикой. Но она удалась. Бранденбургъ былъ оттѣсненъ отъ моря — это была первая изъ его неудачныхъ попытокъ въ этотъ направленіи, за которой до великаго курфюрстра слѣдовали другія подобныя же попытки. Въ интересахъ умиротворенія на морѣ были увеличены норвежскія торговыя привилегіи вслѣдствіе угрозы торговой блокадой; въ особенности же важно было то, что удалось прогнать фламандцевъ и фризовъ съ Балтійскаго моря, а голландцевъ съ сѣвернаго; такимъ образомъ монополія плаванія по этимъ морямъ понадала въ руки городовъ на берегахъ Балтійскаго моря и въ особенности Любека. Любекъ становился теперь важнѣйшимъ изъ средоточій всей западно восточной торговли.

Въ октябрѣ 1293 года Любекъ возобновилъ свой союзъ съ городами, приступившими къ договору въ Роштокѣ и потребовалъ, опираясь на силы этого союза, отъ Висби торжественнаго перенесенія высшаго суда для Новгорода, принадлежавшаго до тѣхъ поръ общинѣ нѣмецкихъ купцовъ на Висби, въ Любекъ. Это означало, что Любекъ становится на мѣсто Висби, какъ центръ нѣмецкой торговли на Балтійскомъ морѣ; это означало также уничтоженіе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ личнаго объединенія нѣмецкаго купечества, связаннаго съ Висби, и замѣну его соединеніемъ торговыхъ городовъ подъ руководствомъ Любека.

Этотъ смѣлый шагъ удался. Уже въ 1293 году купцы городовъ Саксоніи и Славіи, т. е. мекленбургской и померанской колоніальной области съ согласія Кельна, Киля, Эльбинга, Данцига и Ревеля рѣшили дѣло сообразно требованіямъ Любека; въ 1299 году была уничтожена печать купеческой общины (*gemeinen Kaufmanns*) на Готландѣ. Любекъ и союзные съ нимъ города сдѣлались господами Балтійскаго моря.

Но торговля Любека и балтійскихъ городовъ теперь не ограничивалась однимъ только Балтійскимъ моремъ. Купцы колоніальной области давно уже были извѣстны на западѣ подъ именемъ «Остерлинговъ». Если до сихъ поръ благодаря своимъ старымъ отношеніямъ къ Вестфалии, ихъ предшественницѣ на Балтійскомъ морѣ, они тяготѣли къ этому морю, то послѣ распространенія въ странахъ за Эльбой фландрскаго и голландскаго населенія и благодаря особому значенію Фландріи въ міровомъ обмѣнѣ въ эту эпоху они еще болѣе начали тяготѣть къ нему.

Мы выше говорили, что уже въ 12 вѣкѣ Брюгге и другіе фандрскіе города, какъ главные центры восточной торговли, сдѣлались и центрами всей міровой торговли. Одновременно съ этимъ торговля другихъ западно-нѣмецкихъ большихъ городовъ начала падать. Въ 10 и 11 вѣкахъ Майнцъ былъ еще самымъ большимъ нѣмецкимъ торговымъ городомъ, потомъ такимъ сдѣлался Кельнъ; теперь ихъ замѣнили города Фландріи и отчасти Голландіи, а позже и они были

въ свою очередь замѣнены Антверпеномъ и Амстердамомъ. Романскія церкви Гента или Брюгге далеко не такъ богаты и красивы, какъ храмы Майнца и Кельна; но всѣ эти церкви плохого стиля превосходятъ рейнскія церкви блестящими внутренними украшеніями, произведеніемъ конца среднихъ вѣковъ. Это совершенно тотъ же процессъ, посредствомъ котораго въ Швеціи континентальная Упсала была замѣнена Сигтуной на внутренней части Мелара, а Сигтуна Стоггольмомъ на томъ мѣстѣ Мелара, гдѣ смѣшиваются прѣсныя и соленныя воды. Торговля всегда ищетъ моря и, все болѣе и болѣе зависимая отъ большихъ кораблей, перемѣщается ближе къ устьямъ крупныхъ водяныхъ путей страны.

На основаніи этого неизмѣннаго закона развитія торговли Кельнъ и сосѣдніе съ нимъ города съ 12 вѣка все болѣе и болѣе отступаютъ предъ Брюгге и Гентомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше появляется «Остерлинговъ», любекцевъ во Фландріи, такъ какъ рейнскія земли и въ самой Германіи и по сравненію съ фландрскими торговыми городами все болѣе и болѣе утрачиваютъ свое прежнее значеніе. Они прѣзжали чрезъ Голландію и епископство Утрехтъ, гдѣ очень давно пользовались привилегіями; вскорѣ и во Фландріи, торговлю которой они сильно подняли, они подкопались подъ особенно привилегированное положеніе Кельна и другихъ городовъ; въ 1252 году обычныя торговыя преимущества всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ становятся одинаковыми; во Фландріи появляется общее торговое поселеніе всѣхъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ и Остерлинговъ, общіе склады и общіе дома собраній: таковы были зачатки нѣмецкой ганзеатической конторы въ Брюгге.

Въ то же время Остерлинги, конкурируя съ вестфальцами, жителями рейнскихъ странъ и фламандцами проникаютъ въ Англію; уже около 1220 года Любекъ искалъ защиты императора противъ препятствій, ставимыхъ его купцамъ въ Англіи со стороны кельнцевъ. Кельнцы, какъ руководители гильдіи нѣмцевъ въ Лондонѣ, могли вредить имъ во многомъ. Потому для Остерлинговъ было важно устроить свою гильдію рядомъ съ нѣмецкой, руководимой кельнцами. И дѣйствительно Любекъ и Гамбургъ въ шестидесятыхъ годахъ 13 вѣка добились права имѣть собственныя факторіи. Но скоро оказалось, что здѣсь, какъ и вездѣ, интересы нѣмецкой торговли требуютъ одинаго представительства, а потому и единой факторіи. Потому уже въ 1282 году всѣ три гильдіи кельнцевъ, любекцевъ и гамбургцевъ слились въ одну. Въ сущности, это было побѣдой для Остерлинговъ, потому что если въ организаціи и управленіи новой общей гильдіи сначала и преобладали западные интересы, то уже въ концѣ 13 и началѣ 14 вѣковъ торговыя обороты Остерлинговъ и особенно вывозъ ими шерсти почти равнялись оборотамъ нижнерейнскихъ купцовъ; потому по крайней мѣрѣ равное представительство ихъ въ

большой единственной гильдии было только вопросом времени, такъ какъ въ теченіе всего 14 вѣка положеніе нѣмецкой торговли въ Англіи не только было просто благопріятнымъ, но даже особенно упрочилось.

V.

Какія блестящія перспективы открывались предъ Остерлингами и въ особенности предъ городомъ Любекомъ въ началѣ 14 вѣка! Концентрированіе въ ихъ рукахъ не только торговли на Балтійскомъ морѣ, но и всей крупной западно-восточной торговли нѣмецкаго сѣвера отъ Англіи до Лифляндіи и дальше, казалось неизбежнымъ.

Но для этого было необходимо одно условіе: чтобы нѣмецкіе князья на берегахъ Балтійскаго моря, а также и сѣверныя государства пребывали по прежнему бездѣтельными. Но въ концѣ 13 и началѣ 14 вѣковъ именно въ этомъ отношеніи произошли роковыя измѣненія.

Исторія сѣверной и въ особенности сѣверовосточной Германіи начиная съ 13 вѣка будетъ непонятной, если не имѣть въ виду исторію по крайней мѣрѣ всѣхъ германскихъ государствъ на Балтійскомъ морѣ. Какъ существуетъ одинъ и тотъ же остзейскій ландшафтъ, сохраняющій свои типическія черты на всей германской сторонѣ моря отъ гранитныхъ горъ Мелара чрезъ утесы Швеции и буковые лѣса Даніи до холмовъ Голштейна и Мекленбурга, — хотя эти типическія черты и проявляются въ разнообразнѣйшихъ подробностяхъ, отъ героическаго на сѣверѣ до идиллическаго на Келлерзее и Углейзее, — такъ и политическія тѣла этой западной стороны при всемъ своемъ разнообразіи по существу одинаковы. Не говоря уже объ одинаковой родственной національной основѣ ихъ, они всѣ находятся въ зависимости отъ одинаковыхъ условій существованія, отъ торговли на Балтійскомъ морѣ. Мекленбургъ и Бранденбургъ также, какъ и Швеція, устремляютъ все свое вниманіе на это море; историческія судьбы Даніи и Голштейна также направляются въ эту сторону, потому что ихъ западные берега лишены гаваней и еще теперь сѣверное море пустынно между Гельголандомъ и тѣмъ путемъ, по которому плаваютъ заходящіе въ Скагеракъ голландскіе и англійскіе мореходы.

Могли ли князья странъ, лежащихъ по берегамъ Балтійскаго моря, позволить, чтобы торговое развитіе колониальныхъ городовъ постепенно перешло въ политическое? Это было тѣмъ болѣе невозможно, что въ самой княжеской власти въ концѣ 13 и въ началѣ 14 вѣковъ произошли значительныя измѣненія въ смыслѣ ея развитія.

Государства скандинавскаго полуострова сначала мало участвовали въ общемъ развитіи. Но этого нельзя сказать о Даніи. Уже эпоха Вальдемара Великаго показывала, что могла совершить не-

большая страна при энергичномъ паправленіи всѣхъ своихъ силъ въ одну сторону; около 1220 года произошло первое изъ тѣхъ внезапныхъ нападений сѣверныхъ государствъ на югъ, которыя до времени Гостава Адольфа и даже позже играли такую важную роль въ исторіи Германіи.

Правда, послѣ смерти Вальдемара вулканъ потухъ. За чрезвычайными политическими и военными усиліями послѣдовали внутреннія замѣшательства; развившееся по нѣмецкому образцу феодальное дворянство разбило старыя формы скандинавскаго королевства; крестьяне роптали; ни одинъ изъ сыновей и внуковъ Вальдемара, сидѣвшихъ на тронѣ, не умеръ естественной смертью. Шлезвигъ, первоначально бывшій по своему населенію скандинавскимъ, но теперь уже двуязычный, пачаль отдѣляться отъ датскаго королевства. Но такой упадокъ длился въ Даніи только въ продолженіи двухъ поколѣній; при королѣ Эрхѣ Менведе (съ 1286 г.) началось новое развитие; въ то время, какъ нѣмецкіе города съ Любекомъ во главѣ могли поставить своей цѣлью господство надъ Балтійскимъ моремъ, Данія была снова готова къ дѣйствию. На основаніи опыта прошлаго это дѣйствіе могло касаться только нѣмецкихъ береговъ, а стало быть дѣло шло о господствѣ въ западной части Балтійскаго моря, а Рюгенъ еще принадлежалъ въ то время Даніи.

Но въ это же время на югѣ отъ Даніи появилось государство, которое могло сдѣлаться очень опаснымъ для датчанъ—государство графа голштейнскаго.

Къ сѣверу отъ Эльбы изстари врѣзывались въ сѣверногерманскія страны земли трехъ нѣмецкихъ племенъ: стормарновъ, дитмаршей и голштинцевъ; культура этихъ сѣверныхъ народовъ сохранялась въ 12 вѣкѣ свободной отъ вліянія развитія центра Германіи; во главѣ ихъ стоялъ *Овербоде*, соотвѣтствующій эльдорману англосаксовъ, совершенно независимо отъ королевской и графской власти; крестьяне сохраняли родовую строй первобытной эпохи и законы кровомщенія; народное дворянство посѣщало засѣданія общины на равныхъ правахъ съ крестьянами. Настоящую власть надъ этими племенами получилъ только Генрихъ Левъ. Такимъ образомъ былъ подготовленъ путь для власти его вассаловъ, голштейнъ-шауенбургскихъ графовъ, которые послѣ низверженія Генриха сдѣлались самостоятельными. Графъ Адольфъ III, надменный государь, пользовался княжескими почестями при дворѣ императора Генриха VI, основалъ городъ Гамбургъ, будущій богатый торговый городъ на сѣверномъ морѣ, благодаря своимъ связямъ съ бременскимъ рыцарствомъ держалъ въ страхѣ бременскаго архіепископа; при его дворѣ была богатая свита министеріаловъ; если кого нибудь можно было признать наслѣдникомъ Генриха Льва на крайнемъ сѣверѣ Германіи, такъ именно его. Послѣ того, какъ внезапное проявленіе могущества Да-

ни при Вальдемарѣ Великомъ было закончено битвой при Борнгеведе (1227), Адольфъ сумѣлъ сохранить и упрочить достигнутое имъ положеніе. Правда, ему не удалось подчинить дитмаршей, но весь остальной Голштейнъ повиновался ему и господство надъ грубымъ, но воинственнымъ дворянствомъ позволяло ему направить свои силы на приобрѣтеніе господства надъ Балтійскимъ моремъ. Такое стремленіе должно было повести къ борьбѣ съ городами, въ особенности съ сосѣднимъ Любекомъ. Когда Любекъ попытался предупредить грозившую ему опасность нападенія соглашеніемъ съ недовольными дворянами Голштейна, одинъ изъ наслѣдниковъ Адольфа графъ Гергардъ II нанесъ Любеку особенно чувствительный для него ударъ; онъ построилъ въ Травемюнде башню, чтобы помѣшать Любекцамъ выплывать въ море и позволилъ своимъ подданнымъ, дворянамъ и крестьянамъ, завладѣть въ 1306 году мѣстностью между Гамбургомъ и Любекомъ, а стало быть до значительной степени и господствомъ надъ любекской торговлей съ западомъ.

Но что значили всѣ такіе мелкіе раздоры по сравненію съ великой борьбой, начавшейся въ это время между Даніей и Бранденбургомъ изъ-за господства надъ западнымъ бассейномъ Балтійскаго моря!

Въ то время, какъ датскій король Эрихъ Менведъ подготовлялся къ нападенію на югъ, Бранденбургъ снова выставилъ свое притязаніе на ленное верховенство надъ Помераніей, началъ борьбу съ княземъ Николаемъ, властелиномъ Роштока, конечной цѣлью которой было приобрѣтеніе этой гавани и маркграфы Оттонъ и Германъ въ 1299 году добились отъ нѣмецкаго короля Албрехта, чтобы онъ назначилъ ихъ посредниками въ спорѣ между совѣтомъ и епископомъ любекскими. Очевидно, что цѣлью всѣхъ этихъ дѣйствій было приобрѣтеніе господства надъ нѣмецкими и полунѣмецкими берегами Балтійскаго моря.

Князь Роштока, которому грозила первая опасность, избѣжалъ ея тѣмъ, что въ 1300 году сдѣлался вассаломъ короля Эриха датскаго. Что было теперь дѣлать главѣ городовъ, Любеку? Были ли онъ и его союзники настолько сильны, чтобы сохранять нейтралитетъ между Даніей и Бранденбургомъ? Находясь въ такомъ же положеніи, въ какомъ паходилась Фландрія въ 1328 году во время борьбы между Англійей и Франціей, онъ послѣдовалъ примѣру роштокскаго князя; 4 іюля 1307 года онъ отдался подъ защиту короля Эриха на десять лѣтъ. Несмотря на честное сопротивленіе другихъ городовъ, удержаться было невозможно. Эрихъ присоединилъ Роштокъ къ датскому королевству и принудилъ Генриха мекленбургскаго къ ленной присягѣ; Штральзундъ и Грейфсвальдъ должны были купить у него миръ деньгами и утратой важныхъ судебныхъ правъ; въ 1312 году была снова создана гегемонія Даніи. И она вскорѣ сдѣлалась сильнѣе, чѣмъ когда либо. Въ Бранденбургѣ въ 1320 году прекратился родъ

Асканіевъ послѣ того, какъ незадолго до того послѣдній маркграфъ Вальдемаръ былъ оттѣсненъ отъ Балтійскаго моря и датчапе проникли уже въ самую марку, въ сердце страны; герцоги Помераніи признавали датскаго короля своимъ сюзереномъ и города Укермарка искали защиты и опеки у Христофа, наследника умершаго въ 1319 г. короля Эриха. Когда король Людвигъ баварскій послѣ ряда замѣшательствъ въ 1324 году отдалъ Бранденбургъ, какъ имперскій ленъ, своему восьмилѣтнему сыну Людвигу, то первой его заботой было обручить его съ дочерью короля Христофа. Уступчивость по отношенію къ Даніи казалась ему необходимымъ условіемъ господства Виттельсбаховъ въ Бранденбургѣ. И дѣйствительно съ этого времени до соединенія съ государствомъ Карла IV (29 іюня 1374 года) Бранденбургъ отказывается отъ всякихъ притязаній на господство надъ Балтійскимъ моремъ; лишенный береговой страны, опустошаемый чужестранными полчищами, померанцами и поляками, при Виттельсбахъ онъ такъ и не видалъ лучшихъ дней.

При подобныхъ обстоятельствахъ противъ гегемоніи Даніи могъ выступить только Голштейнъ, а кромѣ того у нѣмцевъ могла быть еще и та надежда, что могущество Даніи уничтожится само собой. И дѣйствительно случилось такъ.

Самъ король Эрихъ разрушилъ нѣкоторыя изъ основаній могущества своего королевства. Онъ былъ рыцарственнымъ и щедрымъ человекомъ и любилъ роскошь; при его дворѣ жилъ самый цвѣтъ тогда только что развивавшагося сѣвернаго рыцарства, послѣ того какъ прекратилась веселая жизнь при дворѣ маркграфа Оттона, Миннезингера (1266—1308). Это было мирнымъ нашествіемъ нѣмцевъ въ датскую военную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ это повело къ финансовому разоренію и безъ того небогатой страны. Большая часть королевскихъ имуществъ была заложена нѣмецкому и датскому дворянству; надъ страной тяготѣла неподвижная, благодаря залогамъ особенно разорительная ленная система. Вассалы уже начинали пользоваться для своихъ выгодъ вѣчной нуждой короля въ деньгахъ и въ войскѣ; въ концѣ царствованія Эриха Роштокъ съ принадлежавшими къ нему землями былъ уступленъ герцогу Генриху мекленбургскому; отдали городъ, съ пріобрѣтеніемъ котораго началось увеличеніе могущества Даніи. Король Христофъ, послѣдующій государь Даніи, былъ совсѣмъ не такимъ государемъ, чтобы остановить начинавшееся паденіе; насильственный и легкомысленный искатель приключеній, онъ призвалъ въ страну новыя толпы рыцарей и въ избирательныхъ капитуляціяхъ въ Выборгѣ раздавалъ дворянству королевскія права.

Между тѣмъ власть голштейнскихъ графовъ развивалась совсѣмъ инымъ путемъ. Для нее уже было выигранъ то, что въ 1316 году число царствующихъ линій графскаго рода уменьшилось до двухъ. Въ Плөнѣ господствовалъ графъ Іоаниъ, а въ Рендсбургѣ графъ

Гергардъ. Этотъ послѣдній, Великій Гергардъ, de grote Ghere, былъ человѣкомъ съ героическими стремленіями, котораго должно было привлекать все великое въ такое время, когда на сѣверо-востокѣ цвѣтъ рыцарства еще не поблекъ. Съ того момента, когда онъ молодымъ бѣднякомъ, окруженный своими сѣрыми охотничьими собаками, дѣлалъ приемы при своемъ дворѣ въ Рендсбургѣ, онъ сдѣлался героемъ голштинцевъ и сага и поэзія сдѣлали его фигуру мифической.

Гергардъ сразу началъ стремиться отнять у Даніи ея гегемонію. Еще король Эрихъ заложилъ ему и его двоюродному брату Іоанну за оказанные ими военныя услуги островъ Фюнень въ 1317 году; потомъ Христофъ сдѣлался королемъ при помощи Голштейна и за обѣщаніе уступить ему Фегмарнъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ воцаренія Христофа умеръ герцогъ Шлезвига Эрихъ; онъ оставилъ сына, которому было только одиннадцать лѣтъ; Гергардъ кровавой борьбой добился права быть опекуномъ мальчика.

Такимъ образомъ Гергардъ сдѣлался непосредственнымъ сосѣдомъ Даніи; онъ теперь могъ достигнуть цѣли, къ которой давно уже стремился. Онъ прогналъ короля Эриха и съ 1326 года господствовалъ въ датскомъ королевствѣ отъ имени находившагося подъ его опекой малолѣтняго герцога голштейнскаго. Его господство было равнозначуще полному завоеванію страны нѣмцами; нѣмцы, въ особенности рыцари и дворяне, толпами приходили въ Данію. Не только Голштейнъ воспользовался этой побѣдой нѣмцевъ, но и давно разоренные нижнесаксонскіе и вестфальскіе дворяне неудержимымъ потокомъ стремились въ страну. Казалось, что Данія сдѣлается настолько же нѣмецкой по крови, насколько она сдѣлалась пѣмецкой по духу въ 17 и 18 вѣкахъ—и это тѣмъ болѣе, что Гергардъ пытался удерживать въ уздѣ грабежи дворянъ на морѣ и на сушѣ и сдѣлать государственную власть сильной. Но его попытка добиться этого кончилась насиліемъ; 1 апрѣля 1340 года графъ Гергардъ былъ убитъ благороднымъ ютландцемъ Нильсомъ Эббезономъ.

Съ завоеваніемъ Даніи, идеаль, а до извѣстной степени и дѣйствительность, господства надъ Балтійскимъ моремъ перешли къ дому голштейнскихъ графовъ; въ 1339 году голштейнско-датскій флотъ въ соединеніи съ городскими кораблями занялся дѣломъ умиротворенія западнаго его бассейна. Могло ли подобное рѣшеніе вопроса быть пріятно для городовъ? Графы голштейнскіе были непосредственными сосѣдами Любека; въ самомъ городѣ существовали голштейнскія ворота, эта Porta nigra востока; осуществимъ ли былъ надписанный на нихъ лозунгъ: Concordia domi foris pax (согласіе дома есть миръ внѣ его), если ближайшій сосѣдъ—князь обладалъ властью надъ моремъ? Если невозможна была гегемонія города, то не выгоднѣе ли для него была гегемонія Даніи, чѣмъ голштейнская?

Уже въ послѣдніе годы царствованія Гергарда Великаго города противодѣйствовали его власти въ Даніи. Потомъ послѣ его убійства они всѣми мѣрами благопріятствовали возвращенію законнаго наслѣдника Вальдемара, сына короля Христофа, проведшаго свою молодость въ изгнаніи при дворѣ своего зятя Людвига бренденбургскаго. Вальдемаръ, безстрашный человекъ и очень способный дипломатъ, въ 1340 году вернулся въ Данію; съ помощью Любека и вендскихъ городовъ онъ выгналъ изъ страны голштейнскихъ дворянъ; при поддержкѣ маркграфа Людвига и даже при участіи имперскихъ войскъ, посланныхъ отцемъ Людвига, императоромъ Людвигомъ, онъ ограничилъ голштейнскихъ графовъ ихъ первоначальными владѣніями, граничащими съ Эльбой и Эйдеромъ.

Равновѣсіе силъ на Балтійскомъ морѣ было снова восстановлено, тѣмъ болѣе, что Бренденбургъ былъ безсиленъ, а Вальдемаръ датскій въ 1346 году продалъ датскія владѣнія на крайнемъ востокѣ, Эстландію, Нѣмецкому Ордену; всякое энергическое стремленіе какой либо княжеской власти къ гегемоніи на Балтійскомъ морѣ, казалось, сдѣлалось невозможнымъ на долгое время; казалось, что восстановлено было благопріятное положеніе, существовавшее во второй половинѣ 13 вѣка, при которомъ города сдѣлали такіе большіе успѣхи.

Но скоро оказалось, что всѣ надежды въ этомъ родѣ ошибочны. Новый король Вальдемаръ Аттердагъ былъ вполне достоинъ своего великаго предка и тезки, царствовавшаго въ Даніи въ первые десятилѣтія 13 вѣка; онъ еще разъ доказалъ, что можно сдѣлать съ силами Даніи, если умѣло и энергично воспользоваться ими. Осторожный финансистъ и хозяинъ въ родѣ своихъ современниковъ Карла IV, Казимира польскаго и Винриха Книпроде, онъ умѣлъ добыть значительныя суммы денегъ и употреблялъ ихъ на наемъ войскъ и для расширенія датскихъ владѣній.

Также какъ и его предки, онъ прежде всего стремился къ господству на нѣмецкихъ берегахъ Балтійскаго моря. Но это ему не удалось, потому что на этомъ поприщѣ онъ встрѣтился съ достойнымъ соперникомъ въ лицѣ Карла IV. Карль уже съ конца сороковыхъ годовъ стремился къ завладѣнію маркой Бренденбургъ; въ іюлѣ 1348 года онъ сдѣлалъ мекленбургскихъ князей герцогами и непосредственными вассалами нѣмецкаго королевства; точно также герцогъ Штеттина Барнимъ III получилъ отъ него въ ленъ Рюгенъ, на который датскіе короли со временъ Генриха Льва имѣли притязанія, какъ на ленъ Даніи. Было очевидно, что если Карль IV завладѣетъ Бренденбургомъ, то домъ Люксембурговъ будетъ преслѣдовать высокую цѣль обладанія Балтійскимъ моремъ.

Вальдемаръ не могъ потерпѣть этого; лѣтомъ 1349 года онъ двинулся съ войскомъ чрезъ прибрежныя страны къ Бренденбургу и принудилъ Карла временно отказаться отъ его плановъ. Онъ снова

поставилъ мекленбургскихъ герцоговъ въ вассальныя отношенія къ своему королевству и заключилъ союзъ съ Польшей. Но при этомъ Вальдемаръ убѣдился, что дальнѣйшая политика завоеваній на югъ запутаетъ его въ трудную и по своему исходу невѣрную борьбу съ люксембургскимъ домомъ.

Потому онъ устремилъ свои взоры къ сѣверу. Здѣсь, на скандинавскомъ полуостровѣ въ послѣднія десятилѣтія создалось опасное для Даніи государство. Въ 1332 году Шоненъ, бывшій до тѣхъ поръ датскимъ, былъ присоединенъ къ Швеціи; въ 1334 году король Магнусъ снова впервые послѣ смерти Канута Великаго соединилъ оба скандинавскія государства, Швецію и Норвегію. Такое положеніе дѣлъ было невыносимымъ для Даніи. Вальдемаръ частію устранилъ опасность тѣмъ, что, опираясь на силы нѣмецкаго дворянства въ своемъ королевствѣ и на помощь герцоговъ Эриха саксонскаго и Альбрехта мекленбургскаго, въ 1359—1360 годахъ вмѣшался въ распрю между королемъ Магнусомъ и его сыновьями, и потомъ, пользуясь пріобрѣтеннымъ имъ вліяніемъ, вернулъ Даніи Шоненъ. Еще болѣе онъ ослабилъ шведовъ, когда совершенно неожиданно для всѣхъ въ 1361 году завоевалъ шведскіе острова Ойландъ и Готландъ съ Висби.

Но именно это-то и было страшно для городовъ. Данія, завладѣвъ важнѣйшими скандинавскими островами и берегами, снова фактически пріобрѣтала господство надъ Балтійскимъ моремъ и это господство, распространявшееся теперь чрезъ Висби и на восточный бассейнъ моря, было обширнѣе, чѣмъ прежде.

Нѣмецкіе князья и еще болѣе города не могли позволить безъ сопротивленія произойти такому перемѣщенію отношеній политическихъ силъ.

VI.

Около этого времени скандинавскій полуостровъ до самыхъ сѣверныхъ его частей былъ ареной значительной нѣмецкой торговли. Бергенъ былъ большимъ складочнымъ мѣстомъ въ особенности для торговли треской; часть города, называемая Тидскебриггенъ, старая ганзеатическая факторія, съ своими островерхними конторами и теперь еще осталась памятникомъ когда то всемогущаго вліянія здѣсь нѣмцевъ. Изъ Швеціи нѣмцы давно уже вывозили мѣдь и желѣзную руду (осмундъ), получаемую посредствомъ простѣйшей обработки въ домашнихъ горнахъ мѣстныхъ кузнецовъ; рудники мѣдной горы Атвида въ южной части восточной Готландіи были частію во владѣніи Любека.

Съ 1347 года начали разрабатываться богатства Фалуна и его окрестностей. Такимъ образомъ отношенія городовъ съ сѣверными королевствами были сами по себѣ не маловажными.

Въ особенности это можно сказать о Швеціи. Центромъ стараго шведскаго королевства первоначально были богатая страна Упланда, поля которыхъ, перемежающіяся съ обросшими лѣсомъ горными возвышенностями, напоминаетъ страну на среднемъ теченіи Везера; тутъ жили чисто земледѣльческой жизнью, какъ въ то доисторическое время, когда Свитіодъ побѣдилъ Гаутіодъ и отнялъ у короля третью часть общаго поля (Almende) Готарика. Тогда столицей королевства была Упсала; этотъ городъ лежитъ среди плодоносныхъ полей Упланда, при притокѣ Мелара, вдали отъ крупной морской торговли съ чужестранцами. Но въ одиннадцатомъ вѣкѣ короли передвинулись изъ Упсалы ближе къ морю до Сигтуны на верхней части Мелара; отсюда на легкихъ судахъ уже можно было проникнуть въ море. Но такія первыя сношенія съ внѣшнимъ міромъ послужили имъ во вредъ; въ 1187 году Эсты разрушили Сигтуну и теперь еще эта шведская Висби лежитъ въ развалинахъ. Но при ростѣ культуры было невозможно болѣе удержать стремленія къ морю; вскорѣ былъ основанъ Стокгольмъ на Меларѣ ближе къ морю. Въ срединѣ 13 вѣка, когда нѣмецкая торговля сдѣлалась значительнѣе, нѣмцы появились и здѣсь; не насильственно, какъ когда то Эсты, а путемъ мирнаго завоеванія они завладѣли столицей Швеціи; городской совѣтъ до самаго 15 вѣка былъ нѣмецкимъ, и еще и теперь въ старомъ городѣ Стокгольма одна изъ самыхъ большихъ улицъ, Тиска-бринкенъ, съ ея нѣмецкой киркой напоминаетъ о прежнемъ вліятельномъ положеніи нѣмцевъ въ Стокгольмѣ.

Могли ли нѣмецкіе города, столь близкіе къ Швеціи оставить безъ сопротивленія насильственныя дѣйствія датскаго короля Вальдемара противъ Швеціи? А Вальдемаръ отнялъ у Швеціи очень важныя для нѣмецкихъ городовъ земли.

Висби все еще былъ самымъ важнымъ торговымъ городомъ всего восточнаго бассейна нѣмецкаго моря; не даромъ народная пѣсня рассказываетъ о его необыкновенномъ богатствѣ:

Готы вѣсятъ золото центнерами,
Они играютъ драгоценными камнями,
Женщины прядутъ на золотыхъ прядкахъ,
А свиней кормятъ изъ серебрянныхъ корытъ.

Шоненъ тоже былъ золотымъ дномъ для нѣмецкихъ городовъ. Нѣмецкое вліяніе тамъ было очень давнимъ; соборъ въ Лундѣ послѣ его возобновленія послѣ пожара 1072 года былъ построенъ въ нижнерейнскомъ стилѣ; когда смотришь на башни или на хоръ этого роскошнаго храма, представляешь себя перенесеннымъ въ Кельнъ; одновременно съ постройкой храмовъ на Готландѣ нѣмецкіе мастера работали и въ Шоненѣ. Но въ особенности для нѣмецкихъ городовъ въ 14 вѣкѣ Шоненъ былъ важенъ какъ мѣсто ловли сельдей. Въ

то время, какъ Рёскильде, бывший тогда еще датской столицей, состоялъ только изъ бурга и церковнаго прихода, въ то время, какъ Копенгагенъ былъ только маленькой нѣмецкой гаванью, Мальмье и въ особенности Сканоръ и Фальстербо на берегахъ Шонена, теперь несчастныя занесенныя пескомъ деревушки, считались большими городами. Здѣсь осенью происходилъ оживленный торгъ; тысячи рыбачьихъ лодокъ сновали взадъ и впередъ; бочары усердно работали надъ бочками для соленья рыбы; соль привозилась издалека изъ Кольберга, изъ Люнебурга, изъ варницъ Вестстранда. Въ это время тутъ происходила ярмарка; на ней сходились купцы сѣвера и юга для обмѣна мануфактурныхъ произведеній на произведенія страны. И вся эта торговая и промышленная дѣятельность была по преимуществу нѣмецкой; въ 1327 году Любекъ даже получилъ право на Шоненъ чрезъ своего фогта приговаривать къ смертной казни.

Понятно, какое огорченіе должно было причинить городамъ завоеваніе Шонена, лучшаго изъ ихъ рынковъ, насильственнымъ, нуждающимся въ деньгахъ Вальдемаромъ. Только съ трудомъ добились они отъ него въ 1361 году утвержденія ихъ старыхъ привиллегій за уплату 4000 марокъ вмѣсто тысячи, которую они предлагали. Но нарушеніе ихъ привиллегій въ Шоненѣ было только признакомъ общаго положенія дѣлъ, особенно яснымъ выраженіемъ того неприятнаго для городовъ факта, что Данія пользуется такой властью на морѣ, какой раньше она никогда не имѣла.

Дѣло должно было дойти до борьбы городовъ съ Даніей и имъ приходилось задавать себѣ вопросъ, достаточно ли у нихъ силъ, чтобы выдержать ее.

Постепенное объединеніе нѣмецкихъ купцовъ въ областяхъ какъ Сѣвернаго, такъ и Балтійскаго морей вначалѣ, и въ теченіи долгого времени и послѣ, происходило внѣ родной страны: въ Лондонѣ, въ Висби, въ Бергенѣ, въ Новгородѣ. Здѣсь общія цѣли и общія опасности необходимо обуславливали общую дѣятельность. Но вскорѣ рядомъ съ этими личными связями нѣмецкихъ купцовъ на чужбинѣ образовались и союзы городовъ на родинѣ. Подобные союзы совсѣмъ не были какой либо особенностью сѣвернонѣмецкихъ странъ. Такъ какъ обычныя цѣли этихъ союзовъ: забота о равномѣрномъ и единообразномъ развитіи торговаго права, объ одинаковомъ отношеніи и взаимномъ преслѣдованіи преступниковъ и должниковъ, о поддержаніи торговаго мира, были общаго для всѣхъ характера, то города во всѣхъ частяхъ Германіи составляли такіе союзы.

Но все таки особенно тѣсными союзы городовъ были на Балтійскомъ морѣ. Колоніальная культура вообще была однообразнѣе культуры метрополіи. И теперь еще объѣзжая торговые города нѣмецкихъ береговъ моря, мы удивляемся одинаковымъ храмамъ св. Маріи, одинаковымъ рѣзнымъ алтарямъ въ этихъ храмахъ, одинаковымъ

ратушамъ, состоящимъ собственно говоря изъ рядомъ постренныхъ домовъ, одинаковымъ укрѣпленіямъ городовъ, одинаковому расположенію рынковъ, одинаковымъ улицамъ во всѣхъ городахъ. Такое однообразіе, однако, вовсе не удивительно; оно какъ и во всякой колониальной культурѣ производилось одинаковостью культурныхъ условій. заносимыхъ одновременно изъ метрополіи во всѣ поселенія въ новыхъ земляхъ. Потому то это однообразіе не ограничивается одной внѣшностью. Оно отражается и въ одинаковомъ образѣ жизни и въ мышленіи. И какое удобство представляетъ это для общей дѣятельности! Это замѣчается и въ исторіи нѣмецкихъ городовъ на нѣмецкомъ морѣ. Любекъ, хотя онъ и былъ могущественнѣе своихъ сосѣдей, Роштока, Висмара, Штральзунда и Грейфсвальда, и иногда притѣснялъ ихъ, могъ быть всегда увѣренъ въ ихъ помощи во всякомъ общемъ дѣлѣ; обыкновенно съ конца 13 вѣка онъ состоялъ съ ними въ союзѣ. Къ этому союзу приставали обыкновенно и остальные города нѣмецкаго побережья, лифляндскіе и прусскіе города Данцигъ, Диршау, Эльбингъ, Мемель и др. Большинство изъ нихъ были городами любекскаго права и чтили Любекъ, какъ свой высшій судъ.

Такая же политика городскихъ союзовъ была обычной и въ сѣверо-западной Германіи; здѣсь обычнымъ центромъ городскихъ союзовъ былъ Кельнъ и кромѣ городовъ, примыкавшихъ къ нему, въ Голландіи существовалъ особый союзъ фризскихъ, зюдерзейскихъ городовъ.

Эти союзы были связаны взаимнообщими интересами заграничной торговли; въ этомъ отношеніи на туземныя связи городовъ вліяли болѣе древнія заграничныя личныя связи нѣмецкаго купечества. Это частію обуславливалось вліаніемъ все еще частыхъ взаимныхъ отношеній торговли на Сѣверномъ и на Балтійскомъ моряхъ, въ которыхъ цѣли и задачи всѣхъ городовъ были болѣе или менѣе тождественными, а главнымъ образомъ вліаніемъ отношеній во Фландріи. Во Фландріи, какъ въ крайнемъ исходномъ пунктѣ крупной международной торговли, всѣ большіе города имѣли одинаково оживленныя сношенія, здѣсь интересы ихъ были болѣе общими, чѣмъ гдѣ либо и потому общее представительство было необходимѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Потому то здѣсь прежде всего пришли къ сознанію о необходимости объединенія всѣхъ городовъ и къ попыткамъ организациі этаго объединенія. Это было замѣтно уже въ сороковыхъ годахъ 14 вѣка и еще очевиднѣе въ пятидесятыхъ, т. е. какъ разъ въ то время, когда король Вальдемаръ проникъ въ сѣверныя области Балтійскаго моря, какъ разъ во время для того, чтобы была возможной общая и успѣшная дѣятельность городовъ противъ датскаго короля.

Черезъ четыре дня послѣ взятія Висби Вальдемаромъ, 1 августа 1360 года случайно собравшіеся въ Грейфсвальдѣ уполномоченные

вендскихъ и прусскихъ городовъ постановили устроить противъ Даніи блокаду, а вскорѣ послѣ этаго рѣшили собирать общую пошлину для военныхъ цѣлей; было очевидно, что они признавали дѣйствія Вальдемара нарушеніемъ мира. При этомъ они могли быть увѣрены въ помощи Швеціи и Норвегіи, гдѣ въ это время получилъ власть Гаконъ, сынъ шведскаго короля Магнуса; на ихъ сторону сталъ также и Голштейнъ, а Мекленбургъ оставался нейтральнымъ. Во всякомъ случаѣ города, и въ особенности вендскіе, оставались центромъ этой коалиціи, начавшей войну противъ Вальдемара. Весной 1362 года ганзеатическіе корабли направились къ Даніи. Но имъ не посчастливилось. Въ то время, какъ флотъ подъ начальствомъ любекскаго бургомистра Юганна Виттенборга осаждалъ Гельсингборгъ на Шоненѣ, датчане въ іюлѣ 1362 года разбили его раньше, чѣмъ успѣлъ придти къ нему на помощь шведско-норвежскій флотъ.

Этотъ ударъ былъ тѣмъ болѣе убійственнымъ для городовъ, что ихъ союзники князя не думали помочь имъ. Они сначала заключили перемиріе, а потомъ въ 1365 году и окончательный миръ съ Вальдемаромъ въ Вордингборгѣ.

Но и на этотъ миръ Вальдемаръ согласился только потому, что положеніе дѣлъ въ Скандинавіи начало складываться для него очень неблагопріятно. Сначала король съумѣлъ превосходно воспользоваться пораженіемъ городовъ для своихъ отношеній съ Швеціей и Норвегіей. Онъ отдѣлилъ отъ Ганзы и короля Магнуса и короля Гакона; 9 апрѣля 1363 года Гаконъ, сынъ и наследникъ короля Магнуса, женился на одиннадцатилѣтней дочери Вальдемара, Маргаритѣ; это послужило основаніемъ для позднѣйшей кальмарской уніи въ 1397 году, для соединенія трехъ сѣверныхъ королевствъ подъ властью Маргариты. Но такой благопріятный для Вальдемара оборотъ дѣлъ былъ въ 1364 году уничтоженъ замѣчательнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла Швеціи одного нѣмецкаго княжества.

Въ Мекленбургѣ Альбрехтъ II Великій въ 1329 году наследовалъ своему отцу Генриху, храброму рубакѣ, опытному въ сѣверныхъ отношеніяхъ дипломату. Достигнувъ въ 1336 году совершеннолѣтія, онъ пріобрѣлъ могущество, совсѣмъ несоотвѣтствующее значенію его герцогства. Въ союзѣ съ Рюштоккомъ, и вообще благорасположенный къ городамъ, онъ также, какъ и многіе другіе сѣверногерманскіе государи того времени, сокрушилъ могущество-территориальнаго дворянства; эта эпоха была концемъ процвѣтанія нѣмецкаго рыцарства въ колониальныхъ областяхъ; въ 1359 году онъ пріобрѣлъ графство Шверинъ, а императоръ пожаловалъ ему герцогскій титулъ. Но главное было въ томъ, что онъ началъ стремиться къ господству надъ моремъ, что вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ его странѣ были превосходныя гавани. Въ 1336 году онъ женился на Евфеміи, дочери шведскаго короля Магнуса; это было

вступленіемъ въ сферу сѣверной политики. Когда позже его сынъ Генрихъ женился на Ингеборгѣ, дочери датскаго короля Вальдемара, Альбрехтъ былъ зятемъ короля Магнуса и отцомъ зятя короля Вальдемара и шурина короля норвежскаго Гакона; очевидно, что теперь онъ былъ назначенъ къ извѣстной роли въ сѣверной политикѣ.

И дѣйствительно онъ началъ играть такую роль уже въ пятидесятихъ годахъ 14 вѣка. Но въ особенности значительной она сдѣлалась послѣ пораженія Ганзы въ 1362 году. Шведы, недовольные королемъ Магнусомъ, который даже при помощи нѣмецкихъ городовъ не сумѣлъ вернуть себѣ Шоненъ, Аландъ и Готландъ, 17 февраля 1364 года рѣшили низложить его и въ торжественномъ собраніи въ Упсалѣ по настоянію дворянской партіи и при полномъ согласіи герцога Альбрехта избрали шведскимъ королемъ его второго сына Альбрехта.

Юный Альбрехтъ съ пышной свитой нѣмецкихъ рыцарей и князей подъ предводительствомъ его отца появился въ Швеціи; онъ былъ хорошо принятъ; весь народъ, за исключеніемъ финляндцевъ, присталъ къ нему; попытка королей Гакона и Магнуса низвергнуть его кончилась ихъ полнымъ пораженіемъ при Енкопингѣ на Меларѣ и плѣномъ низложеннаго короля. Альбрехтъ достигъ апогея своего величія.

Но было ли это величіе прочнымъ? Въ монастырской церкви въ Доберанѣ есть портретъ герцога Альбрехта и деревянная статуя его сына, короля. Какъ сильно отличается филистерски-незначительная фигура сына отъ царственной фигуры отца! Король Альбрехтъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые создаютъ монархіи. Правда, ему помогалъ его отецъ; но и онъ противъ постоянныхъ нападеній короля Гакона, съ которымъ въ союзѣ былъ теперь и король Вальдемаръ, могъ поддержать владычество нѣмцевъ только при посредствѣ значительныхъ уступокъ земель. Въ самой же странѣ нѣмецкое дворянство, массаи стремившееся въ Швецію, скоро сдѣлалось настолько же ненавистнымъ, насколько оно было ненавистно въ Даніи при управленіи голштейнскаго графа Гергарда; оно получило множество имуществъ и Шведы спрашивали себя: неужели и въ деревняхъ у нихъ будетъ властвовать нѣмецкая аристократія также, какъ въ городахъ господствовали нѣмецкіе бюргеры?

Въ то время, когда нѣмецкое владычество въ Швеціи было столь непрочнымъ, въ то время, какъ король Вальдемаръ послѣ Вордингборгскаго мира не подвергавшійся опасности нападенія со стороны Ганзы, въ соединеніи съ королемъ Гакономъ все энергичнѣе дѣйствовалъ противъ Швеціи, города должны были понять наконецъ, что для нихъ невозможно болѣе выносить подобнаго положенія дѣлъ. Развѣ не было совершенно очевидно, что оно должно повести къ

полной гегемоніи Даніи на Балтійскомъ морѣ и Норвегіи въ сѣверо-восточной части Сѣвернаго моря?

Города въ это время отдѣлались отъ своихъ разногласій и отъ слѣдствій разныхъ взаимныхъ упрековъ; на собраніи въ Любекѣ въ 1366 году по крайней мѣрѣ вендскіе, прусскіе и другіе города на Балтійскомъ морѣ снова пришли къ общимъ рѣшеніямъ. Западные города тоже вскорѣ возобновили свои связи съ этими городами, такъ какъ участіе въ борьбѣ Норвегіи угрожало и ихъ сѣверной торговлѣ. Такимъ образомъ всѣ соединились; потому что всѣ были раздражены. Всѣ понимали, что только общія и рѣшительныя дѣйствія противъ короля Вальдемара могутъ обезпечить господство нѣмцевъ надъ сѣверной торговлей.

19 ноября 1367 года всѣ города востока и запада заключили въ той залѣ кельнской ратуши, которая теперь извѣстна подъ названіемъ ганзеатической залы, союзъ для борьбы противъ королей Норвегіи и Даніи. Это было важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи Ганзы; въ концѣ концовъ въ союзѣ приняли участіе пятьдесятъ семь городовъ, онъ сдѣлался основой позднѣйшихъ ганзеатическихъ союзовъ.

Вскорѣ къ городскому союзу присоединился союзъ князей; мекленбурцы Швеціи и Германіи соединились съ графомъ Генрихомъ Голштейнскимъ и съ ютландскимъ дворянствомъ, а также и съ герцогомъ Генрихомъ шлезвигскимъ; теперь произошло то соединеніе всѣхъ противниковъ Вальдемара, какъ городовъ, такъ и князей, которое онъ считалъ невозможнымъ; датская гегемонія была всѣмъ одинаково страшна; формально это соединеніе выразилось въ договорѣ 1368 года, на основаніи котораго войска князей и флоты городовъ должны были двинуться противъ Даніи и Норвегіи.

Тщетно пытался Вальдемаръ отвлечь князей отъ союза тѣмъ, что онъ самъ появился въ Германіи и возбудилъ противъ союзныхъ князей герцога Магнуса брауншвейгъ-люнебургскаго, маркграфа Оттона бранденбургскаго и другихъ князей; владѣльцы прибрежныхъ территорій съумѣли храбро защищаться противъ нихъ, и все же двинулись противъ Даніи; въ скоромъ времени вся Ютландія была въ рукахъ голштинцевъ.

Между тѣмъ флотъ Ганзы подплылъ къ Копенгагену, взялъ городъ, завоевалъ потомъ на Шоненскомъ берегу съ помощью мекленбургскаго короля Швеціи Фальстербо, Сканоръ, даже Лундъ и другіе города; только укрѣпленный Гельсингборгъ, съ ганзеатической башни котораго и теперь видны всѣ тѣ мѣста въ Зундѣ, которыя находились когда то во власти нѣмцевъ, держался до слѣдующаго года. Изъ Шонена войско Ганзы вмѣстѣ съ мекленбургцами и голштинцами прошли Мёенъ, Фальстеръ и Лааландъ; вся Данія была въ рукахъ нѣмцевъ.

Одновременно ганзеатическій флотъ плавалъ у береговъ Норвегіи

и разграбилъ и сжегъ королевскій дворъ въ Бергенѣ; походъ удался блестящимъ образомъ; Данія и Норвегія лежали у ногъ побѣдителя.

Теперь было необходимо пожать плоды побѣды. И въ этомъ отношеніи города сыиграли оригинальную роль. Они примирились съ королями самостоятельно, безъ соглашенія съ князьями. Въ Норвегіи они обезпечили себѣ существованіе своихъ старыхъ привилегій, т. е. почти полной торговой монополіи. Того же добились они по заключенному въ Штральзундѣ 24 мая 1370 года миру и отъ Даніи; но кромѣ того въ видѣ военнаго вознагражденія они получили двѣ трети доходовъ городовъ Сканоръ, Фальстербо, Мальмье и Гельсингборгъ на пятнадцать лѣтъ и въ залогъ исполненія условій мира заняли замокъ Варбергъ на Галландѣ.

Подобныя условія по отношенію къ энергичному Вальдемару датскому, а также и по отношенію къ Гакону норвежскому были осуществимы только въ томъ случаѣ, если эти государи, теперь совершенно связанные въ вопросѣ о власти надъ моремъ, получаютъ полную свободу дѣйствій на сушѣ. Ганза такъ именно и понимала дѣло. Города и не подумали позаботиться о своихъ союзникахъ, князьяхъ; напротивъ они направляли на нихъ всѣ силы Гакона и Вальдемара.

Гаконъ прежде всего ринулся на мекленбургскаго короля Швеціи; лѣтомъ 1371 года онъ появился съ войскомъ предъ Стовгольмомъ и Альбрехтъ могъ удержаться противъ него только тѣмъ, что онъ почти цѣликомъ предоставилъ пользованіе королевской властью государственному совѣту. Этимъ онъ совершенно подорвалъ всякое уваженіе къ нему; въ 1390 году положеніе мекленбургскаго дома въ Швеціи было окончательно поколебленнымъ; къ концу столѣтія Альбрехтъ безславно уступилъ свой тронъ королевѣ трехъ соединенныхъ государствъ Маргаритѣ, дочери Вальдемара.

Такимъ образомъ мекленбургскому дому оставалась только надежда на наслѣдство въ Даніи; Генрихъ, второй сынъ герцога Альбрехта, былъ зятемъ короля Вальдемара. Но и эта надежда оказалась напрасной; наслѣдникомъ Вальдемара былъ въ концѣ концовъ его внукъ Олавъ, сынъ короля Гакона и Маргариты.

Королю Вальдемару въ послѣдніе годы его жизни удалось прогнать голштинцевъ, устроившихся было въ западной части его королевства и пріобрѣсти рѣшительное вліяніе въ Шлезвигѣ; онъ умеръ 24 октября 1375 года снова полнымъ властелиномъ своей страны и полный надеждъ на счастливое будущее для своего дома въ Скандинавіи.

Такимъ образомъ нѣмецкіе князья не получили никакихъ выгодъ отъ своей борьбы противъ Даніи; неоднократные походы графовъ голштейнскихъ въ Данію, смѣлая попытка мекленбургскихъ герцоговъ завладѣть Швеціей были безуспѣшными. Побѣдителями были только одни города; они одни пожали плоды побѣды и потому и теперь еще имъ однимъ приписываютъ и славу побѣды; они были теперь господами на Балтійскомъ и даже на Сѣверномъ моряхъ.

И они доказали, что достойны приобътеннаго. Они поняли, что ихъ успѣхъ обуславливался взаимностью и общностью дѣйствій; не было и рѣчи о томъ, чтобы уничтожить ихъ тѣсный союзъ; наоборотъ, онъ увеличился присоединеніемъ другихъ городовъ; наступила блестящая эпоха Ганзы; когда императоръ Карлъ IV въ 1375 году посетилъ Любекъ, главный городъ союза, онъ называлъ бургомистровъ «господами» и на ихъ скромныя замѣчанія объявилъ: «вы господа; изъ старыхъ императорскихъ регистровъ видно, что Любекъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, которымъ императоры и ихъ совѣтники давали имя господъ». (Gi sint heren; de olden registra der keiser Wisen dat ut, dat Lübeke is en der vif stede, de van keiseren unde ereme rade is de name der heroscor ghegheven, dat se mogen gan in des keisers raat, wor se sin, da der keiser ist). И рассказывающій объ этомъ любекскій хроникеръ Детмаръ прибавляетъ такой комментарий: такіе города суть Римъ, Венеція, Пиза, Флоренція и Любекъ (De vif stede sint Roma, Venedie, Pisa, Florentie unde Lubeke).

Но такого высокаго положенія, предполагавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣду надъ туземными княжескими властями, сѣверогерманскіе города достигли почти въ то время, когда фламандскіе города переживали послѣдній періодъ своей свободы при Филиппѣ Артевельде, когда въ южной Германіи образовался союзъ швабскихъ городовъ, какъ оплотъ свободы противъ князей. Бюргеры инстинктивно сознавали эту связь всѣхъ городскихъ движеній. Детмаръ, вообще мало рассказывающій о югѣ Германіи, сообщаетъ однако, что швабскій союзъ былъ устроенъ однимъ мудрымъ бургомистромъ города Ульма (en wys burgermester in der stad to Ulmen, de da ys dat hoved von den steden und van den landen).

Дѣйствительно, городской бюргерскій элементъ во все время исторіи Германіи никогда ни игралъ такой оригинальной и самостоятельной политической роли, какъ въ третьей и въ послѣдней четвертяхъ 14 вѣка; только въ то время Германіи имѣла кой какіе шансы превратиться въ республику. До этого, правда, дѣло не дошло.

Въ суровой борьбѣ, происходившей въ южной Германіи главнымъ образомъ во второй половинѣ 14 вѣка, но затянувшейся до половины 15 вѣка, князья одержали побѣду надъ городскими республиками. Съ этихъ поръ уже не было сомнѣнія въ томъ, что въ теченіи слѣдующихъ вѣковъ политическій строй націи будетъ монархическимъ. Но князья не уничтожили и по самому существу дѣла не могли уничтожить гражданскую, бюргерскую, т. е. первоначальную денежнохозяйственную культуру той эпохи. Она господствовала прочно во всѣхъ сферахъ, которые были руководящими сферами общества того времени, какъ бюргерскихъ, такъ и иныхъ; она была также и культурой князей и ихъ дворовъ, и потому объ ней можно сказать, что и побѣжденные иногда даютъ законы побѣдителямъ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общественное и политическое развитіе бюргерскаго сословія до второй половины четырнадцатаго вѣка.

I.

Въ общественной исторіи 14 и 15 вѣковъ болѣе, чѣмъ въ какой либо изъ другихъ періодовъ, отсутствуетъ единое средоточіе. Королевская власть въ этой сферѣ не имѣла никакого значенія; уже во времена Штауфеновъ она не признавала, какія требованія ставить разившійся денежно хозяйственный общественный строй; со времени Рудольфа габсбургскаго не она являлась руководительницей, а сама была руководимой автономнымъ развитіемъ націи и потому была ослаблена.

Одно изъ наиболѣе важныхъ слѣдствій такого ослабленія центральной королевской власти состояло въ томъ фактѣ, что денежное хозяйство въ эпоху Штауфеновъ и позже не было введено въ странѣ равномерно при посредствѣ верховной, повсемѣстно дѣйствующей власти, но послужило сначала на пользу только обособленнымъ центрамъ торговаго и промышленнаго развитія, городамъ. Это одно изъ самыхъ важныхъ явленій нашего національнаго развитія вообще. Именно этому явленію слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что въ 14 и 15 вѣкахъ князья и города находились въ рѣзко определенной борьбѣ, что 16 вѣкъ весь прошелъ въ тяжелой общественной борьбѣ отдѣльныхъ частей народа и національной власти и закончился общимъ утомленіемъ, предавшимъ родину въ жертву всѣмъ ужасамъ тридцатилѣтней войны, что, наконецъ, и теперь еще контрастъ между городомъ и деревней въ Германіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, и часто весьма роковымъ образомъ, опредѣляетъ все наше внутреннее развитіе.

Сначала то обстоятельство, что выгодами новой денежно хозяй-

ственной эпохи воспользовались почти только одни города, повело къ чрезвычайно блестящему, хотя и гипертрофическому развитію этихъ послѣднихъ; именно это и составляло характерную черту развитія Германіи въ 14 и 15 вѣкахъ. Потому Гервинусъ совершенно вѣрно называетъ эти вѣка аристофановскими вѣками нашей исторіи, а Ранке плебейскими; они и въ дурномъ и въ хорошемъ смыслѣ были вѣками общественнаго развитія бюргерскаго сословія.

Мы говорили раньше, какимъ образомъ въ 12 и 13 вѣкахъ въ городахъ, имѣвшихъ очень различное происхожденіе, образовались городскіе совѣты. Образование совѣта, этого республиканскаго верховнаго городского управленія, было классическимъ выраженіемъ политическаго освобожденія торговаго, бюргерскаго сословія; вездѣ, отъ Карфагена и Рима до конституцій средневѣковыхъ итальянскихъ городовъ, до развитія голландской республики и даже до временъ образованія Соединенныхъ Штатовъ Америки, замѣчается близкая связь между торговлей и республиканской государственной формой.

Но нѣмецкіе городскіе совѣты 12 и 13 вѣковъ не были новымъ конституціоннымъ учрежденіемъ. Они образовались на почвѣ давно уже развивавшейся конституціонной организаціи городовъ, находившихся въ рукахъ короля и тѣхъ изъ князей, которымъ были переданы королевскія права надъ отдѣльными городами; надъ начинавшимся развитіемъ автономныхъ городскихъ совѣтовъ стояла монархическая власть надъ городами.

Могли ли властелины городовъ уступить безъ борьбы поле дѣйствія новому, несомнѣнно революціонному управленію? Даже съ психологической точки зрѣнія были ли они въ состояніи примириться съ новымъ элементомъ бюргерскаго купеческаго сословія, воплотившагося въ городскихъ совѣтахъ? На сторонѣ ихъ управленія городами стояла ихъ успѣшная правительственная дѣятельность, продолжавшаяся болѣе шести поколѣній; она проявлялась уже такъ долго въ формѣ министеріальной, полувоенной бюрократіи. Преданія такой системы управленія не могли повести къ скорому примиренію съ демократическимъ бюргерскимъ элементомъ. Кромѣ того, такъ какъ формы этого управленія удерживались вопреки начинавшемуся развитію бюргерскаго сословія, то управленіе само по себѣ дѣлалось нецѣлесообразнымъ, если оно ограничивалось только охраненіемъ интересовъ властелина города и тѣмъ самымъ вредило будущему развитію города. Потому въ 12 вѣкѣ власть князей въ городахъ основывалась не столько на заботѣ о дальнѣйшемъ развитіи городовъ, сколько на охраненіи финансовыхъ интересовъ, на собираніи обычныхъ доходовъ.

При подобныхъ условіяхъ дни старыхъ городскихъ властей были сочтены. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, очень немногочисленныхъ, властелины надъ городами нашли въ себѣ рѣшимость оспаривать у

совѣтовъ управленіе городами серьезно, посредствомъ упорной борьбы. Такъ было въ теченіи всего 13 столѣтія въ Кельнѣ и Страсбургѣ. Исторія этихъ городовъ была бурной и полной драматическаго интереса; еще и теперь въ старыхъ пѣсняхъ отражаются любовь и страданіе, вѣрность и измѣна—однимъ словомъ всѣ великіе нравственные мотивы средневѣковой жизни. Этотъ героическій вѣкъ наступавшаго городского развитія такъ рѣзко отличался отъ прежняго натурально хозяйственнаго періода. Тогда были дни героевъ стараго эпоса, Гагена или златокудраго Зигфрида; а теперь поэзія рифмованныхъ хроникъ рассказываетъ намъ только о непрерывныхъ бюргерскихъ войнахъ. Но эта борьба была все же потрясающей, потому что она была типичной; если въ теченіе ея мы не встрѣчаемъ фактическаго столкновенія правъ, въ которомъ рѣшительную роль играютъ писанные акты, а не дѣятельность личности, тѣмъ не менѣе руководители этой борьбы являются настоящими представителями, настоящимъ воплощеніемъ старыхъ правовыхъ обычаевъ и новыхъ притязаній; дѣйствія наиболее значительныхъ личностей суть наивное и вполне опредѣленное выраженіе общихъ воззрѣній и желаній.

Но въ большинствѣ городовъ переходъ городского управленія къ совѣту произошелъ не насильственно, а путемъ медленныхъ реформъ. И въ этомъ переходѣ дѣятельную роль играетъ совершенно новая сила, настоящее бюргерское орудіе борьбы, деньги. Именно въ 13 вѣкѣ чрезвычайно увеличивается образованіе капиталовъ среди бюргерскаго сословія; это было время развитія торговли на Рейнѣ и Дунаѣ, время основанія Ганзы. И вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣли экономически и морально всѣ старые аристократическіе элементы націи въ концѣ Штауфеновскаго періода. Было естественно, что владѣльцы городовъ рассматривали теперь свои верховныя права въ городахъ прежде всего съ экономической точки зрѣнія, какъ права существенно полезныя въ финансовомъ отношеніи и что совѣты сообразно съ этимъ начали дѣлать попытки выкупить ихъ. Такимъ образомъ совѣтъ пріобрѣлъ въ городѣ высшую судебную власть, сначала можетъ быть въ такой формѣ, что рядомъ съ судьей, назначеннымъ властелиномъ города, становились бюргеры, или такимъ образомъ, что судья на будущее время долженъ былъ избираться изъ «родовъ» бюргеровъ, т. е. изъ родовъ членовъ совѣта, а потомъ и безъ всякихъ такихъ ограниченій вполне и открыто; совѣтъ выкупилъ не одну только судебную власть, а и не менѣе важныя права собранія разныхъ пошлинъ на торговлю и промышленность. Таможенная пошлина могла увеличиваться или уменьшаться властелиномъ города—для бюргеровъ это, конечно, было до чрезвычайности неудобно. Потому иѣкоторые изъ наиболее богатыхъ бюргеровъ брали пошлину на откупъ; они платили значительныя суммы, совѣтъ наблюдалъ, чтобы назна

чаемый ими тарифъ и самые способы собиранія пошлыны не были вредны для города, и гороцъ, если и не прямо, то отъ нихъ пріобрѣталъ въ концѣ концовъ право собиранія пошлынь. Для бюргеровъ была не менѣе тяжела монетная регалія властелина города. И въ этомъ отношеніи имѣ тоже помогли деньги. Они выкупили монетную регалію и соединенное съ ней право денежнаго обмѣна и эта отрасль народнаго хозяйства сдѣлалась въ городахъ достояніемъ общественной городской власти.

Тотъ же способъ дѣйствія былъ перенесенъ и въ другую сферу верховныхъ правъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ медленнымъ и незамѣтнымъ процессомъ чрезъ нѣсколько поколѣній городской совѣтъ замѣнилъ властелина города; городъ сдѣлался свободнымъ и независимымъ. А если еще при этомъ удавалось получить отъ короля милостивую грамоту, на основаніи которой только одному совѣту позволялось пріобрѣтать въ кругѣ города имперскія права и имперскія имущества, и удавалось осуществить такую привиллегію, то полная самостоятельность города обезпечивалась и слѣдствіемъ этого было образованіе замкнутаго городского государства.

При подобныхъ условіяхъ значеніе городского совѣта должно было увеличиться. Бывшій въ началѣ только конкурентомъ и представителемъ управленія властелина города, особенно въ такихъ сферахъ, на которыя это управленіе не обращало особаго вниманія, какъ напр., въ торговой и промышленной полиціи и т. п., онъ теперь становится правительственнымъ органомъ городской общины; его задачей становится забота о благосостояніи горожанъ. Судебная его власть развивается далеко за предѣлы стараго господскаго суда, такъ какъ всякое нарушеніе полицейскихъ правилъ, исходящихъ отъ совѣта и постоянно охватывающихъ все большую и большую сферу дѣятельности горожанъ, судится или старымъ судомъ, или новыми отдѣльными судами, или наконецъ самимъ совѣтомъ въ качествѣ судебного учрежденія. Далѣе вполне развиваются верховныя финансовыя права совѣта; совѣтъ переходитъ отъ захвата въ свои руки налоговъ на торговлю къ праву обложенія горожанъ налогами, сначала косвенными, а потомъ и прямыми. Къ налогамъ потомъ присоединяется и воинская часть; въ скоромъ времени военная власть совѣта надъ жителями становится безспорной. Кромѣ всего этого совѣтъ захватываетъ и функціи стараго собранія всей городской общины, онъ рѣшаетъ вопросы объ общинной землѣ, онъ регулируетъ отношенія города къ духовенству городскихъ приходовъ. Во внѣшнихъ отношеніяхъ онъ становится единственнымъ законнымъ представителемъ города, потому онъ вырабатываетъ самостоятельную торговую политику, занимаетъ извѣстное положеніе по отношенію къ вопросамъ территоріальной и имперской политики и при этомъ дѣлаетъ попытки распространить вліяніе города и на деревни или посредствомъ при-

влеченія къ себѣ военныхъ силъ дворянства или посредствомъ созданія особой городской территоріи ¹⁾).

Въ счастливое для городовъ время 13 вѣка члены совѣта преслѣдовали всѣ эти задачи и въ этомъ ихъ поддерживало безраздѣльное участіе всѣхъ наиболее важныхъ составныхъ частей городского населенія. Совѣтъ той эпохи былъ самопополняющейся коллегіей, въ которую избирались представители всѣхъ семей, имѣвшихъ большую поземельную собственность, крупную торговлю, или изстари выдающихся среди бюргеровъ.

Потому совѣтъ былъ исполнительнымъ органомъ городской аристократіи «родовъ», какъ называли тогда аристократическія семьи; подъ его начальствомъ стояли чиновники старыхъ низшихъ общинъ—кварталовъ города, выбираемые тоже изъ родовъ. Такъ, напр., въ Кельнѣ рядомъ съ городскимъ совѣтомъ стояли оффиціалы, а въ Страсбургѣ констофели ²⁾ отдѣльныхъ городскихъ общинъ; они исполняли главнымъ образомъ военныя и финансовыя порученія совѣта. Тогда были счастливые годы для городовъ, освѣщенные притомъ послѣднимъ потухавшимъ блескомъ исчезающаго рыцарства, съ которымъ въ родственныхъ связяхъ состояли лучшіе изъ бюргерскихъ родовъ. *In dussen tiden*—разсказывается о Магдебургѣ ³⁾ *wegen hir noch kunstabeln. Dat weren der rikesten borger kinder; de plegen dat spel vor to stande in den pingsten, als den Roland, den schildenkenborn, tabelrunde und ander spel... Do was ein kunstabel, de heit Brun von Sconenbeke, dat was ein gelart man. Den beden sine gesellen, de kunstabeln, dat he on dichte unde bedechte ein vroeidich spel. Des makede he einen gral und dichte hoveche breve.* Такими письмами на турниръ въ Магдебургѣ приглашалась рыцарская молодежь изъ Гослара и Гильдесгейма, изъ Брауншвейга, Кведлинбурга и другихъ мѣстъ—да, тогда были счастливые дни для городовъ.

Но въ большинствѣ городовъ эти счастливые дни продолжались только нѣсколько десятилѣтій; въ пышный цвѣтокъ забрался губительный червь. Торговля аристократіи обыкновенно живутъ не долго; надменность, порождаемая богатствомъ, развращаетъ; постоянное устремленіе духовныхъ силъ на цѣли пріобрѣтенія разнуздываетъ эгоизмъ; не даромъ и теперь еще основатели крупныхъ торговыхъ и банкирскихъ домовъ боятся такъ называемаго третьяго поколѣнія, разрушенія всего созданнаго ими ихъ недостойными внуками. Въ 13 вѣкѣ это имѣло особое значеніе, потому что вліяніе капитала было гораздо болѣе могущественнымъ, чѣмъ въ позднѣйшее время. Капиталъ былъ новымъ, массѣ націи еще неизвѣстнымъ, экономическимъ

¹⁾ Политика, начало которой было положено во времена господства аристовъ, была окончательно выработана въ эпоху цеховъ.

²⁾ Констабли, *Constabularii*—отъ ихъ конной службы.

³⁾ *Ianike*.

орудіемъ могущества, потому онъ дѣйствовалъ, какъ нѣчто неслыханое и невиданное, гораздо энергичнѣе. При этомъ пользованіе имъ, какъ не вошедшее еще въ сознаніе націи, считалось нравственно неодобрительнымъ; одинъ сынъ кельнзкаго патриціа, цистерціанскій монахъ Цезарій Гейстербахъ въ первой половинѣ 13 вѣка говорилъ отъ лица церкви: *Mercator sine pессamine vix esse potest*. Потому то занимая такое положеніе, которое съ точки зрѣнія большинства современниковъ казалось безнравственнымъ, роды 13 вѣка подвергались особенно губительному дѣйствию богатства; они стаповились надменными и безсовѣстными.

Этотъ нравственный упадокъ вліялъ и на общественное и на политическое положеніе родовъ. Свободное образованіе болѣе или менѣе широкихъ круговъ патриціанскихъ родовъ прекратилось, они строго замыкались въ своей средѣ и потому составляли господство клики, а вмѣстѣ съ этимъ появились и всѣ дурныя слѣдствія исключительныхъ и слишкомъ узкихъ родственныхъ отношеній. При такомъ положеніи дѣлъ городская аристократія должна была раздѣлить судьбу разлагавшагося рыцарскаго сословія; кутежи и турниры, нравственная проституція публичнаго шутовства и безнравственныхъ зрѣлищъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ и въ концѣ концовъ выросла золотая молодежь, видѣвшая цѣль своего существованія въ безумныхъ ночныхъ кутежахъ, въ азартной игрѣ и въ насиліяхъ надъ женщинами.

Такое развращенное общество не могло, конечно, служить опорой власти совѣта въ городѣ. До сихъ поръ совѣтъ управлялъ городомъ довольно патріархально; онъ мало заботился о мнѣніи общины, находившейся подъ его властью и властью родовъ — и ему незачѣмъ было заботиться объ этомъ мнѣніи до тѣхъ поръ, пока его управленіе было хорошо — поддерживаемый родовыми властями подчиненныхъ ему низшихъ городскихъ общинъ, онъ не заботился и объ устройствѣ прочной низшей администраціи; такимъ образомъ не было введено какой либо опредѣленной отвѣтственности низшихъ городскихъ чиновниковъ, никакого контроля надъ управленіемъ города; онъ не обращалъ никакого вниманія на опасность почти полного смѣшенія политически-административныхъ и судебныхъ властей и ничѣмъ не смягчилъ этой опасности; основой его власти, его жизненности было просто общее сознаніе строгаго чувства долга.

Такого чувства долга болѣе не было. Суды сдѣлались запутанными, неакуратными, продажными. Финансы никогда и раньше не были вполне упорядочены, а теперь они служили средствомъ обогащенія и подкупа; при постоянно увеличивавшихся расходахъ были вынуждены вводить новые налоги, которые почти исключительно были непрямыми и потому падали не на городскую аристократію, а на общину. Аристократія, освобождая себя отъ финансовыхъ пожертво-

ваній, начала освобождать себя и отъ военной службы. Аристократы появлялись на турнирахъ въ непригодномъ для войны снаряженіи рыцаря-спортсмена, но серьезную часть военного дѣла они предоставляли копьямъ пѣхотинцевъ изъ народа общины.

Такимъ образомъ роды были уже не владыками, а просто эксплуататорами города и они сами совсѣмъ не скрывали этого. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они даже открыто старались непосредственно вредить общинѣ и слабѣйшихъ сдѣлать особаго рода рабами, опекаемыми людьми, кліентами.

Возможно ли было, чтобы удержался долго такой порядокъ вещей? Это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы община была простымъ конгломератомъ несамостоятельныхъ и не имѣющихъ никакихъ связей личностей, учрежденіемъ, не обладающимъ жизненными силами и не имѣющимъ въ себѣ элементовъ развитія. Но дѣло было какъ разъ наоборотъ; уже появлялся на сцену другой слой населенія; цехи были готовы принять наслѣдіе городской аристократіи, имъ принадлежало будущее.

II.

Обработка сырыхъ матеріаловъ существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ только началась человѣческая культура; вообще она производится тогда домашнимъ трудомъ, при чемъ естественное дифференцированіе людей находитъ выраженіе въ родѣ и семьѣ. Она скоро становится важнѣйшимъ проявленіемъ увеличивающейся культуры, почти всегда она находится въ неразрывной связи съ первыми проявленіями эстетическаго чувства, художественнаго вкуса. Такимъ образомъ появляется то прилежаніе въ домашнихъ работахъ, которое сохраняется еще отчасти и въ наше время въ формѣ древней, первобытной домашней промышленности, въ пряденіи и ткачествѣ, въ плетеніи и рѣзьбѣ.

Но рядомъ съ такимъ занятіемъ домашними промыслами въ Германіи очепь рано, навѣрное уже въ доисторическую эпоху, появились отхожіе промыслы. Какъ купцы первобытной эпохи, такъ и нѣкоторые ремесленники бродили изъ одного мѣста въ другое, занимаясь своимъ дѣломъ, въ особенности ковкой оружія и выдѣлкой золотыхъ вещей. Въ историческую эпоху къ этимъ древнимъ національнымъ отхожимъ промысламъ присоединились и нѣкоторые другіе полуиностраннаго происхожденія, какъ напр., промыселъ каменьщиковъ для постройки каменныхъ церквей, домовъ и бурговъ, первоначально чуждыхъ германской культурѣ! Такіе промышленники приходили по большей части съ юга, изъ Ломбардіи. въ особенности изъ окрестностей озера Комо, они ввели въ Германію постройки романскаго стиля.

Но и въ самой Германіи давно уже существовали основанія для дальнѣйшаго промышленнаго развитія. Строй крупныхъ помѣстій отъ 7 до 12 вѣка имѣлъ характеръ домашняго и семейнаго хозяйства въ увеличенномъ масштабѣ и въ нихъ домашніе ремесла имѣли своихъ представителей, такъ что появились группы крѣпостныхъ ремесленниковъ. Эти новые представители промысловъ вмѣстѣ съ старыми національными преданіями восприняли и техническія традиціи классической древности; особенно въ духовныхъ помѣстьяхъ занимались заимствованными съ чужбины промыслами: строительнымъ дѣломъ, литьемъ колоколовъ, живописью, вышиваніемъ, выдѣлкой пергамента и нѣкоторыми до тѣхъ поръ неизвѣстными промыслами по выдѣлкѣ благородныхъ металловъ, однимъ словомъ всѣми ремеслами, необходимыми для религіознаго культа и для церковной профессіи.

Такое развитіе промысловъ вполне соответствовало существовавшему строю крупныхъ помѣстій; ремесленники или отдѣльныя группы ремесленниковъ составляли особыя товарищества подъ руководствомъ помѣщичьяго мастера—совершенно также, какъ подъ начальствомъ управляющаго стояли товарищества барщинныхъ дворовъ. Своего апогея такое развитіе достигло въ устройствѣ имѣній Карла Великаго; въ нихъ существовало множество отдѣльныхъ, обладавшихъ значительными рабочими силами промышленныхъ, ремесленныхъ министерій: пивоварни и водочные заводы, стеклянные заводы и мыловарни, а для производства тканей существовало много рабочихъ домовъ для крѣпостныхъ и несвободныхъ женщинъ. Такая же организація ремеслъ, хотя и не въ такомъ крупномъ масштабѣ, существовала и позже во всѣхъ помѣстьяхъ, такъ напр., еще въ 1146 году монастырь Св. Стефана у Фрейзинга владѣлъ однимъ пивоваромъ, однимъ кузнецомъ, кожевникомъ, ножовщикомъ, ткачемъ, башмачникомъ, бочаромъ, красильщикомъ, пекаремъ, а также и кабачкомъ¹⁾.

Понятно, что эти крѣпостные ремесленники сначала работали только на своего господина, и во все время процвѣтанія помѣстной системы принципиально эта связь ремесленниковъ съ помѣстьемъ не разрывалась, потому что сначала обрабатывалось только сырье, производимое въ самомъ помѣстьи, и обработанные продукты употреблялись въ томъ же помѣстьи. Но къ концу эпохи развитія помѣстной системы помѣщики начали обыкновенно продавать произведенія своихъ ремесленниковъ и внѣ помѣстья, потому то среди монастырскихъ людей Св. Стефана въ срединѣ 12 вѣка были лавочники и виноторговцы. И уже тогда ремесленники получали отъ

1) Ф. Бюхеръ — ст. „Ремесла“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften; въ этой статьѣ вообще много новыхъ взглядовъ и подробностей относительно этого вопроса.

своихъ господъ разрѣшеніе работать на другихъ; они могли даже въ благопріятномъ случаѣ создать себѣ рынокъ для правильной продажи своихъ продуктовъ; такимъ образомъ они одной ногой стояли уже на дорогѣ къ свободѣ. Въ особенности таково положеніе дѣлъ было тамъ, гдѣ помѣщики жили въ большихъ городахъ; потому то ремесленники епископскихъ дворовъ очень рано получаютъ самостоятельность.

Но главнѣйшимъ основаніемъ для такого развитія въ направленіи свободы состояло въ томъ, что началъ образовываться рынокъ, хотя еще и въ очень первобытной формѣ. Только появленіе рынка, только созданіе болѣе обширной торговли, производитъ въ народномъ хозяйствѣ раздѣленіе труда, отличное отъ однообразнаго занятія земледѣліемъ прежнихъ вѣковъ; торговля развивается раньше промышленности, она порождаетъ свободныя ремесла. Но торговля, какъ постоянная и непрерывно продолжающаяся, профессиональная отрасль народнаго хозяйства появляется только съ созданіемъ правильныхъ еженедѣльныхъ базаровъ, т. е. съ конца 10 вѣка, а вполне выдѣляется, какъ самостоятельный промыселъ, въ концѣ 11 и въ началѣ 12 вѣковъ ¹⁾.

Но разъ появляется такая общедѣйствующая причина промышленнаго прогресса, уже невозможно, чтобы ея вліяніе ограничивалось помѣстьями и ихъ крѣпостными ремесленниками. Все городское населеніе, а не только крѣпостная составная часть его, подвергается ея вліянію. Правда, издревле свободные бюргеры, какъ это впрочемъ достовѣрно доказать можно только относительно городовъ Трира, Кельна и Магдебурга, обыкновенно сливались съ сословіемъ крупнаго купечества 11 и 12 вѣковъ, и это послѣднее всосало въ себя, можетъ быть, и нѣкоторые другіе, менѣе свободные элементы городскаго населенія. Но рядомъ съ ними существовали элементы населенія, бывшаго когда то крѣпостнымъ, которые именно въ это время, при Оттонахъ и Салійцахъ, начинали подниматься вверхъ на общественной лѣстницѣ; въ Вормсѣ, въ Шпейерѣ, въ Майнцѣ старая несвобода исчезаетъ около середины 11 вѣка. Эти слои населенія, эти піонеры начинавшаго освобождаться средневѣковаго крѣпостнаго класса, должны были съ жадностью устремляться къ новымъ ремесленнымъ профессіямъ, дававшимъ работу для отдѣльныхъ закащиковъ, даже дававшимъ возможность производства для начинавшихъ создаваться рынковъ.

Не одни только низшіе слои городскаго населенія занимались ремесленной дѣятельностью; кромѣ нихъ ей же занимались и крѣпостные ремесленники изъ деревень. Въ помѣстьяхъ было много такихъ крѣпостныхъ, которые добывали себѣ пропитаніе на поло-

¹⁾ Rathgen Cp. Schulte—Zeitsch. für die Gesch. des Oberrheins.

вину земледѣліемъ, а на половину домашними промыслами, приготовляя льняныя и шерстяныя ткани, замки, котлы и плуги. Всѣ они при увеличеніи городской торговли стремились къ свободной жизни въ городахъ; они оставляли свою землю, разрывали свои крѣпостныя узы и бѣжали въ города. Здѣсь они жили тихо и скромно, пока не пройдетъ годъ послѣ ихъ бѣгства и пока они не почувствовали, что новая свободная среда города защищаетъ ихъ отъ преслѣдованій помѣщиковъ; тогда они выныривали на свѣтъ Божій и начинали заниматься своими ремеслами. Въ такихъ переселеніяхъ въ города принимали участіе и крѣпостные земледѣльцы; какъ всякая добровольно вселявшаяся рабочая сила, они увеличивали значеніе и могущество города. Потому ихъ, какъ пришельцевъ, принимали охотно, хотя они по большей части приходили безъ всякихъ средствъ; даже въ позднѣйшее время въ Страсбургѣ они не платили никакихъ налоговъ, которыми были обложены горожане; они находились какъ бы на испытаніи; къ нимъ примѣнялась гуманная формула: если тебѣ улыбнется счастье—заплатишь (*Si fortuna sibi arridebit, pagabit*).

Большинству изъ нихъ счастье, дѣйствительно, улыбалось. Ремесло считалось тогда еще искусствомъ, оно отдѣляло челоуѣка отъ массы неискусныхъ рабочихъ, ремесленники владѣли какой нибудь досчатой хижиной на чиншевомъ правѣ; они считались болѣе или менѣе свободными; рядомъ съ старыми крѣпостными ремеслами появились уже зачатки новыхъ самостоятельныхъ ремеселъ.

Въ это время существованія рядомъ и крѣпостныхъ и свободныхъ ремеселъ появляются во многихъ отрасляхъ ремесленной жизни цехи. Какимъ образомъ они образовались? Конкретныя событія ихъ образованія настолько же покрыты мракомъ неизвѣстности, какъ и первые организованные начатки крупнаго купечества. Здѣсь мы стоимъ предъ однимъ изъ тѣхъ таинственныхъ явленій первоначальной исторической жизни, проникнуть въ тайну которыхъ историкъ обыкновенно также мало удается, какъ мало удается естествоиспытателю проникнуть въ тайны жизненныхъ принциповъ первоначальнаго бытія.

Несомнѣнно то, что само время для прогресса ремеселъ требовало товарищескихъ формъ; принципъ образованія общественныхъ классовъ и группъ въ средніе вѣка долженъ былъ быть товарищескимъ, такъ какъ онъ основывался на идеѣ равенства людей одного происхожденія. И потому повсемѣстно въ 12 и 13 вѣкахъ мы видимъ появленіе новыхъ объединеній и корпорацій, соответствующихъ новымъ жизненнымъ отношеніямъ: товарищества арендаторовъ, дворовые, ленные союзы, товарищества слугителей, общины въ бургахъ; къ такого же рода явленіямъ принадлежали и цехи.

Но какъ вообще, такъ и въ многихъ отдѣльныхъ случаяхъ, остается неизвѣстнымъ, при какихъ условіяхъ произошло выдѣленіе новыхъ ремесленныхъ товариществъ изъ существовавшихъ раньше обществен-

ныхъ формъ. Были-ли цехи продолженіемъ, хотя и въ видоизмѣненной формѣ, старыхъ товариществъ? Лежали-ли въ основѣ ихъ сначала духовныя братства ремесленниковъ одинаковой профессіи? Или они были новыми свободными формами, — или какъ заимствованіе принципа торговыхъ товариществъ, гильдій, или какъ части ихъ, потомъ выдержавшія въ теченіе 12 вѣка борьбу за освобожденіе отъ нихъ и получившія полную самостоятельность? Всѣ такія возможности, дѣйствительно, могли существовать въ той или другой мѣстности, или многія изъ этихъ формъ развитія соединялись въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ для образованія цеховыхъ товариществъ.

Какъ бы то ни было, въ теченіе 12 вѣка въ различныхъ мѣстностяхъ цехъ является существенно однообразнымъ, особымъ союзомъ. Для цеховъ характерно то, что занимавшіеся однимъ ремесломъ обыкновенно соединялись въ одну общину, которая въ сферѣ идеального была посвящена культу общаго святого, а въ сферѣ матеріальной имѣла цѣлью регулировать соперничество между членами цеха ради полученія ими возможно болѣе равнаго заработка, обезпечить всѣмъ заказы мѣстныхъ заказчиковъ и въ случаѣ необходимости въ особенно дорогихъ орудіяхъ ремесла, какъ, напр., для бѣлильщиковъ, для красильщиковъ и т. д., позаботиться о покупкѣ ихъ на общій счетъ. Притомъ связи сами по себѣ были довольно слабыми и растяжимыми. Отдѣльные цехи не были еще рѣзко разграничены по родамъ работы, не предписывалось еще опредѣленнаго времени обученія для усвоенія ремесленной техники; въ каждомъ цехѣ еще были люди, вообще далекіе отъ ремесла; каждую новую рабочую силу еще принимали съ охотой; различіе между бѣдными и богатыми еще не было сильно развито; все основывалось на оцѣнкѣ личной рабочей силы. При этомъ цехи были еще совершенно чужды стремленій къ соединенію труда, которое требовало бы разложенія отдѣльныхъ манипуляцій труда на отдѣльныя части и передачи этихъ частей отдѣльнымъ членамъ цеховъ; цехъ отнюдь не былъ организаціей технического труда; онъ былъ далекъ отъ индивидуализированнаго раздѣленія труда современной фабрики и отъ идеаловъ современнаго коммунизма; онъ предоставлялъ каждому изъ его членовъ цѣлую работу. Но за то съ другой стороны онъ связывалъ съ союзомъ весь жизненный укладъ отдѣльнаго члена; человекъ поглощался цехомъ со всѣми его интересами, а не одними только ремесленными; это былъ союзъ на жизнь и на смерть. Такимъ образомъ хотя цехъ, также какъ и гильдія и рыночное товарищество, и былъ экономическимъ товариществомъ, но онъ, очевидно, преслѣдовалъ цѣль заботиться объ общемъ благосостояніи всѣхъ принадлежавшихъ къ нему лицъ.

Изъ всѣхъ этихъ общественныхъ формъ принципиально только одно рыночное товарищество по своему распространенію охватывало все населеніе; это товарищество было продуктомъ вѣка, въ которомъ ка-

питаловъ было мало, въ который индивидуумъ не только не могъ самъ обезпечить свое будущее посредствомъ сбереженій или раздачи денегъ въ займы, но и нуждался въ защитѣ другихъ; потому эта форма общенія была принудительной, государственной. Гильдія и цехъ, напротивъ, были продуктами вѣка, когда если и не знали еще, то все же уже предчувствовали возможность накопленія капиталовъ и стало быть возможность самообезпеченія. Потому по своему происхожденію они были автономными формами, союзами, которые въ виду еще существовавшего тогда недостатка капитала если и не дѣлали возможнымъ полное благосостояніе, то облегчали его достиженіе; въ нихъ рядомъ съ старымъ абсолютнымъ принудительнымъ элементомъ развивалась уже нѣкоторая свобода индивидуума.

Но конечно при этомъ все таки оказалось, что абсолютно свободное соединеніе ремесленниковъ въ цехи еще не достаточно могущественно, чтобы обезпечить членамъ цеховъ полную безопасность; очень скоро почувствовалась необходимость въ государственной защитѣ, въ защитѣ города. Сначала движеніе ремесленниковъ потому исходило изъ желанія, чтобы цеховыя товарищества были офиціально признаны; только тогда вполнѣ обезпечивалась прочность существованія цеховъ и исполненіе въ ихъ средѣ правилъ товарищества.

Почти вездѣ городское управленіе, — находилось ли оно въ рукахъ старыхъ владѣльцевъ города, князей или въ рукахъ новаго учрежденія, автономнаго городского совѣта, — предупредительно отнеслось къ такому желанію ремесленниковъ. Трудъ ремесленниковъ все еще считался чѣмъ то вродѣ службы; по мнѣнію городскихъ владыкъ свободное служеніе ремесленниковъ публикѣ, состоящей изъ бюргеровъ, теперь замѣняло старыя земледѣльческія крѣпостныя отношенія къ помѣщику, и потому слѣдовало охранять интересы этой публики, т. е. бюргеровъ. А охранять ихъ было всего удобнѣе такимъ образомъ, чтобы даровать цехамъ извѣстныя права въ замѣнъ ихъ обязанности исполнять требованія господъ относительно разныхъ ремесленныхъ работъ.

Такимъ образомъ цехи добились утвержденія своихъ статутовъ городскими властями, а также и привилегіи общественной принудительной власти для полицейскаго и судебнаго исполненія этихъ статутовъ; они получили возможность дѣйствовать какъ ремесленная полиція и ремесленный судъ въ сферѣ своихъ ремеслъ; потому то въ Бременской хроникѣ 1273 году совершенно основательно говорится: въ это время совѣтъ далъ цехамъ собственный судъ (*in der selven tyt wart den amten von dem rate geven ere eghene gherichte*).

Подобная реформа, подобное облеченіе цеховъ общественной властью, преобразование ихъ въ офиціозныя корпораціи, были невозможны безъ того, чтобы каждому цеху не были подчинены всѣ работники, занимающіеся извѣстнымъ ремесломъ; потому что на основаніи средне-

вѣковыхъ представленій ремесленному суду не могли быть подсудны люди, не бывшіе членами судебной общины. Такимъ образомъ изъ врученія цеху судебной власти, какъ ремесленной судебной общинѣ, сама собою вытекала принудительная власть цеха, необходимость, чтобы всѣ ремесленники, занимающіеся въ извѣстномъ городѣ извѣстнымъ ремесломъ, принадлежали къ цеху.

Какія же видоизмѣненія должны были произойти, какъ слѣдствіе такой принудительности? Теперь ремесленное товарищество дѣлалось, если не общимъ для всѣхъ, какъ старое рыночное товарищество, то все же общимъ, обязательнымъ для всѣхъ людей одинаковой профессіи; оно получало такимъ образомъ возможность, кромѣ ремесленнаго суда, взять на себя рѣшеніе и другихъ общественныхъ задачъ. Это указывало на то, что цехи рано или поздно должны будутъ играть извѣстную роль въ дальнѣйшемъ развитіи городской конституціи — и притомъ тѣмъ большую роль, чѣмъ больше увеличивалось число ихъ членовъ ¹⁾, и тѣмъ раньше, чѣмъ болѣе уже въ концѣ 13 и въ началѣ 14 вѣковъ патриціанскіе роды оказывались неспособными руководить дѣлами города и обезпечить городскіе интересы.

III.

Если цехи желали всецѣло воспользоваться важными врученными имъ правами власти, имъ было необходимо упрочить и возвысить свои экономическія и общественныя основы. Въ наиболѣе развитыхъ городахъ это произошло въ началѣ, а повсемѣстно въ срединѣ 13 вѣка. Для этого прежде всего было необходимо, чтобы члены цеховъ, до сихъ поръ бывшіе бѣдными людьми, зависимыми только отъ труда рукъ своихъ, приобрѣли рабочій капиталъ, который бы позволилъ имъ свободно и самостоятельно заниматься ихъ ремесломъ.

Экономическое развитіе націи благопріятствовало этому. Цѣны на продукты земледѣлія въ 13 и 14 вѣкахъ были вообще очень низкими; это были вѣка колонизаціи и послѣдней крупной распашки пустошей. Съ другой стороны заработная плата ремесленниковъ была очень высокая, такъ какъ ихъ работа была особенная, искусная, соответствующая теперешней художественной работѣ. Потому то, вообще говоря, половины дневной заработной платы ремесленника было достаточно для полученія полнаго дневнаго пропитанія, включая мясо

---

¹⁾ Мы имѣемъ точныя цифровыя данныя, конечно, только для позднѣйшаго времени. Во Франкфуртѣ по счету Бюхера изъ 1000 мужчинъ занимались ремеслами въ 1387 г. — 514, въ 1875 — 367. Въ Гентѣ, Брюгге, Брюселѣ, Кельнѣ число членовъ въ 14 вѣка было 50 — 60. Въ Леперенѣ въ 14 вѣкѣ красилось до 89 т. штукъ сукна въ годъ.

и вино; ремесленникъ легко могъ копить деньги. Естественно, что его сбереженія шли на пріобрѣтеніе лучшихъ орудій производства. На взятыхъ въ аренду участкахъ земли, гдѣ сначала ремесленникъ строилъ себѣ жалкую досчатую хижину, построены были небольшіе домики; вскорѣ такой домикъ становится главной и существенной частью всей недвижимой собственности и отношеніе работника къ владѣльцу земли, бывшее до тѣхъ поръ личной связью, превращается въ чисто вещную связь наследственной аренды. Вскорѣ потомъ, по большей части во второй половинѣ 13 вѣка, происходитъ дальнѣйшее измѣненіе въ пользу ремесленника: онъ становится собственникомъ и дома и земли, и старая арендная плата превращается въ ренту, которую платитъ его собственность. Такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ вольную мастерскую.

Трудъ и экономически и социальнo становится болѣе свободнымъ.

Первоначальные члены цеховъ были простыми рабочими безъ всякаго капитала. Они обладали только ничтожными орудіями труда; они не были въ состояніи обрабатывать купленное ими сырье на свой рискъ, они работали только на счетъ заказчика и изъ того матеріала, который онъ давалъ имъ. Заказчики для приготовленія разныхъ домашнихъ вещей давали кузнецу желѣзо, свѣчелюю воскъ, столяру дерево, стеклянныхъ дѣлъ мастеру стекло, печнику изразцы, черепицу, глину и т. д. Потому кромѣ настоящихъ ремесленниковъ въ цехи сначала соединялись носильщики и вообще всякіе подденьщики; они были такими же ремесленниками. людьми, работающими своими руками, какъ и настоящіе ремесленники.

Но уже очень рано кромѣ работы на заказчиковъ цехи начали, хотя и въ незначительномъ количествѣ, производить товары и для рынка. Такимъ образомъ отдѣльные члены цеховъ становились предпринимателями; они рѣшались дѣлать небольшія затраты на обработку сырья. При увеличеніи суммы сбереженій такая дѣятельность ремесленниковъ въ теченіе 13 вѣка становится все значительнѣе; въ 14 вѣкѣ она становится уже отличительнымъ признакомъ лучшихъ изъ цеховыхъ; простой ремесленный работникъ все болѣе и болѣе превращается въ подмастерье; а если онъ остается самостоятельнымъ, то его презираютъ, какъ пролетаріа.

Пріобрѣтя рабочій капиталъ, собственные дома и собственные мастерскія, а также и возможность покупать сырье, члены цеховъ получили наконецъ извѣстную самостоятельность, образовали отдѣльное сословіе; появился новый общественный классъ ремесленниковъ.

Этотъ классъ долженъ былъ теперь стремиться играть извѣстную общественную роль. Его собственность, скопленная изъ излишковъ заработной платы, бывшая результатомъ работы въ потѣ лица, составляла извѣстнаго рода контрастъ съ прежней поземельной собственностью, которая держала подъ своей властью употребляемую

на обработку рабочую силу, дѣлала ее такъ сказать, вещной, безличной, крѣпостной; собственность же, созданная накопленіемъ излишковъ заработной платы, должна была открыть цехамъ благодѣянiя свободы, заставляя ихъ дѣлать попытки для достиженiя и обезпеченiя личной самостоятельности. А это было возможно въ предѣлахъ товарищеской жизни при посредствѣ развитiя особыхъ понятiй о профессиональной чести, при посредствѣ притязанiй на уваженiе другихъ, при посредствѣ исключенiя изъ цеховъ недостойныхъ людей и при посредствѣ строгой нравственности членовъ цеха.

И дѣйствительно всѣ эти данныя соединились для дальнѣйшаго развитiя цеха; только въ такомъ развитiи цеховыхъ институтовъ можно было найти социальное выраженiе вновь прiобрѣтеннаго ими экономического значенiя.

Прежде всего этими условiями окончательно опредѣлился личный составъ цеховъ. Если рыночное товарищество существовало безъ всякой прочной организаціи, даже безъ опредѣленныхъ главъ и безъ регулярныхъ финансовыхъ основанiй, если порядокъ его рѣшенiй былъ настолько колеблющимся, что даже право большинства голосовъ долго оставалось сомнительнымъ, если формы старой нѣмецкой товарищеской жизни и оказали нѣкоторое влiяніе на развитiе первоначальнаго строя цеховъ, то теперь въ цехахъ мы повсемѣстно встрѣчаемъ правильную власть, избираемую изъ членовъ цеха, общую кассу и собственное устроенное хозяйство, также какъ и господство принципа большинства. Это были первыя чисто дѣловыя формы товарищескаго самоуправленiя въ Германіи; это было прогрессомъ, имѣвшимъ общее значенiе.

Соотвѣтственно такимъ началамъ цеховаго строя и въ семьяхъ членовъ цеховъ, а также и въ общественной средѣ, которая была въ нѣкоторомъ отношенiи социалью, экономически или умственно зависима отъ цеховъ, появился новый, болѣе опредѣленный порядокъ существованiя. Ученики и подмастерья принимались въ семьи мастеровъ, они дѣлались членами этихъ семей, мастеръ былъ для нихъ опекуномъ и отцомъ. Потому и для подмастерьевъ, хотя они въ управленiи цеха были почти равноправны съ мастерами, были обязательны извѣстныя домашнія правила; ихъ наказывали, если они дурно вели себя, они не должны были играть въ публичныхъ мѣстахъ, они были обязаны раздѣлять съ мастеромъ его вечерніе часы досуга. Но за то и въ смыслѣ обезпеченiя ихъ существованiя они являлись домочадцами мастера, онъ поддерживалъ и ухаживалъ за ними въ случаѣ нищеты и болѣзни. Въ этомъ отношенiи самъ цехъ вмѣшивался въ судьбу семьи; онъ имѣлъ больницу или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько больничныхъ кроватей для своихъ больныхъ, онъ заботился о вдовахъ мастеровъ, давая имъ возможность продолжать заниматься ремесломъ умершаго. Всѣ такія бла-

годѣтельныя слѣдствія строгаго цеховаго порядка должны были давать членамъ цеховъ извѣстное положеніе въ общественной жизни. Дѣлалось все возможное, чтобы поддержать старое равенство отдѣльныхъ членовъ цеха вопреки различію въ величинѣ ихъ рабочаго капитала; былъ установленъ нормальный рабочій день, начало и конецъ котораго возвѣщались ударомъ городского колокола, ночная работа была воспрещена, плата несамостоятельнымъ членамъ цеха опредѣлялась таксой, количество производства нормировалось, даже реклама регулировалась. Настолько же, насколько заботились о внутреннемъ строѣ цеха, заботились и о чести цеха посредствомъ точнѣйшихъ опредѣленій относительно качества продуктовъ. Потому мастерскія должны были устраиваться окнами на улицу для удобства общественнаго контроля надъ работой, потому воспрещалось смѣшивать различные сорта сырья и начинать новую работу, пока не была готова прежде начатая.

Цехъ, заботясь такимъ образомъ о своей чести, вмѣстѣ съ тѣмъ охранялъ общественные интересы и потому пользовался для исполненія своихъ правилъ помощью общественной принудительной власти. Становясь на такую высоту въ сферѣ общественной дѣятельности, онъ самъ собой приближался къ участию въ рѣшеніи и другихъ общественныхъ задачъ. Какъ раньше низшія городскія общины и ихъ власти, такъ теперь цехи были привлечены къ городскому управленію не только въ качествѣ ремесленной полиціи, но и для финансовыхъ цѣлей и прежде всего въ сферѣ городской обороны. Давно уже прошло то время, когда патриціанскіе всадники были единственнымъ военнымъ классомъ городского населенія, уже въ началѣ 14 вѣка городское рыцарство было болѣе общественнымъ, чѣмъ военнымъ учрежденіемъ; въ битвахъ при Гаусбергенѣ, при Ворригенѣ и при Кортрійкѣ копье бюргера—пѣхотинца оказалось равнымъ въ боевомъ отношеніи мечу дворянства. Цеховые ремесленники были пригоднѣе въ качествѣ пѣхотинцевъ, чѣмъ члены какого либо другаго товарищества; они знали одинъ другаго, они въ битвѣ держались крѣпко одинъ за другаго, они привыкли повиноваться и жили по большей части въ однихъ кварталахъ, такъ что звономъ колокола можно было вызвать ихъ всѣхъ сразу на городскія стѣны. Даже то обстоятельство, что они были менѣе пригодны при передвиженіяхъ войскъ, въ военныхъ предпріятіяхъ вдали отъ домовъ и мастерскихъ, говорило въ ихъ пользу, потому что еще въ теченіи многихъ поколѣній, до полнаго примѣненія въ военномъ дѣлѣ недавно изобрѣтеннаго пороха, защита городскихъ стѣнъ была предпочтительнѣе нападенія на врага въ открытомъ полѣ.

Цехи не могли не замѣчать своего растущаго экономическаго значенія, своего повышающагося положенія въ обществѣ, своего превосходства въ военномъ дѣлѣ сравнительно съ падавшей уже го-

родской аристократіей. При постоянномъ увеличеніи сферы своего самоуправленія они выучились вѣрно понимать дѣйствительность, для нихъ не было тайной нравственное и административное паденіе городской власти и они довѣряли своимъ силамъ въ рѣшеніи задачи замѣнить эту власть лучшей.

Само общественное развитіе въ 13 вѣкѣ, и еще болѣе въ 14-мъ, требовало полнаго разрыва со всѣмъ прошлымъ. Въ политической сферѣ медленное паденіе королевской власти при Штауфенахъ, потомъ тяжелое и не совсѣмъ удачное возстановленіе ея могущества при Рудольфѣ габсбургскомъ и его наслѣдникахъ; въ соціальной и экономической сферѣ, особенно въ городахъ, появленіе лже-Фридриховъ; извнѣ грустныя смутныя извѣстія о страшныхъ общественныхъ неурядицахъ въ Италіи и широко распространенная французско-соціалистическая пропаганда — таковы были условія общественнаго развитія въ 14 вѣкѣ. Въ то время, какъ въ Италіи развитіе общества опредѣлялось горячей борьбой между бѣдными и богатыми (*popolo minuto* и *popolo grasso*), во Франціи «романъ Розы» лишалъ королевскую власть ореола божественнаго происхожденія и подкапывался подъ правовыя основы собственности. Такія ученія находили приверженцевъ по крайней мѣрѣ на крайнемъ западѣ Германіи ¹⁾.

И однако въ 13 вѣкѣ еще не было настоящаго городского пролетаріата; наиболѣе выдающіеся изъ ремесленниковъ могли переходить въ совѣтъ, т. е. въ ряды городской аристократіи.

Совсѣмъ иное было положеніе дѣль въ 14 вѣкѣ, когда почти во всѣхъ городахъ старой нѣмецкой культурной области аристократія была уже вполне замкнутымъ сословіемъ, когда тысячи несчастныхъ случайностей: голодъ, чума, землетресенія и пожары увеличили классъ неимущихъ. Распространилось общее недовольство и цехи стали тогда на чисто политическую почву. Въ городахъ они были преимущественными представителями національныхъ воззрѣній; именно ихъ вліянію слѣдуетъ приписать ужасъ, возбужденный въ средѣ бюргеровъ убійствомъ Альбрехта, антипатію городовъ къ поповскому королю Фридриху Красивому, преданность ихъ императору Людвигу и мрачную ненависть къ папамъ. Они отдавались всей душой этимъ настроеніямъ; въ ихъ сердцахъ еще сохранились первобытныя страсти предковъ.

Такое настроеніе цеховъ и ихъ энергія должны были ускорить низверженіе власти гнилой городской аристократіи. А она сгнила почти во всей старой Германіи, за исключеніемъ немногихъ позже основанныхъ, или особенно медленно увеличивавшихся городовъ. Ко-

---

1) Vanderkindere—Le siecle des Artevelde.

лоніальная ганзеатическая область, напротивъ, еще оставалась нѣ которое время обезпеченной отъ такихъ общественныхъ потрясеній; здѣсь, за исключеніемъ можетъ быть одного города Люнебурга, нигдѣ не было еще замкнутаго патриціата; въ Любекѣ въ особенности еще въ теченіе долгаго времени разбогатѣвшіе люди пропикали въ среду родовъ, имѣвшихъ право на мѣсто въ городскомъ совѣтѣ. Кромѣ того, здѣсь по крайней мѣрѣ въ приморскихъ городахъ, ремесленники занимали иное положеніе, чѣмъ въ метрополіи; море манило ихъ не меньше, чѣмъ купца; оно было и для нихъ свободной ареной для пріобрѣтенія богатства; любекскіе и другіе ремесленники на цѣлыя сотни лѣтъ заковали весь сѣверъ въ цѣпи зависимости отъ промышленности Германіи. Потому въ этихъ областяхъ цеховое движеніе началось позднѣе и на периферіи области; можно указать въ этомъ отношеніи только на движеніе въ Магдебургѣ и въ Брауншвейгѣ; удавшіяся частію движенія въ Любекѣ въ началѣ 15 вѣка не имѣли особаго цехового характера.

Начало цеховыхъ движеній почти исключительно происходили на Рейнѣ и вообще на крайнемъ западѣ. Здѣсь ремесленники прежде всего зашевелились въ наиболѣе прогрессивномъ городѣ Кельнѣ, около 1220 года, при архіепископѣ Энгельгардѣ Святомъ, побѣдили они однако значительно позже, около 1260 года; но въ то же время уже начались безпокойства на верхнемъ Рейнѣ, именно въ Вормсѣ и они продолжались въ теченіи цѣлыхъ ста лѣтъ, въ особенности въ Кольмарѣ и до самаго Ульма; одновременно, около 1280 года, поднялись цехи и во Фландріи; здѣсь произошли движенія Моерлемайевъ (Moerlemaeye) въ Брюгге и Кокеруллей (Cokerulle) въ Иперенѣ.

Въ большинствѣ случаевъ, однако, всѣ эти событія не имѣли никакихъ результатовъ. Ремесленниковъ усмирили, цеховая принудительность была уничтожена, цехи были поставлены подъ строгій надзоръ, право собраній было ограничено или даже уничтожено, оружіе отнято и военная организація цеховъ уничтожена. Но городская аристократія достигла такого успѣха только при помощи еще существующей и въ этой борьбѣ достигшей новаго значенія княжеской власти надъ городами. Едва аристократія подавила движеніе ремесленниковъ, ей предстояла уже борьба съ усилившейся княжеской властью. Въ этой новой борьбѣ аристократія рѣдко была побѣдительницей, какъ напр. въ Кельнѣ; въ большинствѣ же случаевъ она должна была уступить стремленіямъ цеховъ и эти послѣдніе восторжествовали и надъ нею и надъ князьями. Такъ, напр., неоднократно случалось во Фландріи.

Всѣ эти событія относятся уже ко второй стадіи цеховыхъ движеній, происходившихъ по большей части уже въ 14 вѣкѣ. Въ это время цехи уже достаточно усилились, такъ что въ большинствѣ случаевъ, сначала въ чисто городскихъ дѣлахъ, а позже, съ 1325

года, въ связи съ событіями имперской и территоріальной политики, они одержали побѣду. Эту побѣду они одержали раньше всего, уже въ концѣ 13 и въ началѣ 14 вѣковъ, въ Ульмѣ, Шпейерѣ, Вормсѣ и Люттихѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ 14 вѣка въ Майнцѣ и Страсбургѣ, во второй половинѣ этаго вѣка въ Гентѣ и Левенѣ, а также временно въ Брюгге и въ Іеперенѣ. далѣе въ Кельнѣ и Аусбургѣ, не говоря уже о другихъ городахъ.

Результатъ, достигнутый въ концѣ концовъ въ этихъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, былъ очень различнымъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончательный результатъ выяснился очень поздно, какъ напр., въ Страсбургѣ только послѣ почти столѣтней борьбы въ 1419 году, даже въ 1482 году. Борьба, приведшая къ этому результату, была то умѣренной, то дикой и свирѣпой; раздраженіе всѣхъ борящихся партій иногда требовало страшныхъ жертвъ. Въ 1302 году въ Магдебургѣ десять старшинъ цеховъ были сожжены живыми; въ 1380 году въ Іеперенѣ сожгли 400 человекъ, 700 человекъ казнили въ самомъ городѣ, а 1400 человекъ увели въ Брюгге и тамъ обезглавили; въ Брюсселѣ въ 1305 году многихъ предводителей возстанія погребли живыми. Но вообще то движеніе протекало довольно спокойно, въ немъ мы напрасно искали бы безконечныхъ ужасовъ, отличившихъ родственное движеніе въ Италіи

Политическіе успѣхи цеховъ тоже не переходили извѣстныхъ границъ; цехи почти повсемѣстно были одинаково далеки и отъ крайней демократіи итальянскихъ городовъ и отъ перехода ее въ городскую тиранию. Вообще можно отличить три типа рѣшенія борьбы между старой аристократической конституціей и требованіями цеховъ. соотвѣтственно большому или меньшему устраненію вліянія патриціевъ.

Самое совершенное изъ этихъ типическихъ рѣшеній повело къ созданію чисто цеховаго строя. Въ этомъ случаѣ вліяніе «родовъ» городской аристократіи было совершенно уничтожено и совѣтъ сталъ избираться изъ среды цеховъ. Аристократія могла еще до нѣкоторой, незначительной, степени удержать свое политическое вліяніе только тѣмъ, что она вступила въ какой нибудь цехъ. Это рѣшеніе вопроса было между прочимъ основнымъ принципомъ новыхъ конституцій Гента и Люттиха, Брауншвейга, Аусбурга и Констанца. Менѣе определенными были смѣшанныя конституціи, къ которымъ принадлежали конституціи въ Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ и Левенѣ; здѣсь остался старый патриціанскій совѣтъ, но онъ болѣе или менѣе пополнялся новыми совѣтниками, избираемыми изъ среды цеховъ. Наконецъ, до извѣстной степени внѣ настоящихъ цеховыхъ движеній было третье рѣшеніе: цехи и роды исчезли, какъ самостоятельныя политическія корпораціи; такими политическими корпораціями становятся избираемые собранія, къ которымъ принадлежали всѣ бюргеры. Таково было рѣшеніе вопроса въ Кельнѣ, достигнутое въ 1396 году. Но

такъ какъ это рѣшеніе давало политическія права всѣмъ бюргерамъ, т. е. всѣмъ городскимъ обывателямъ, обладавшимъ извѣстнымъ цензомъ, то оно уже имѣло характеръ тимократическій и до извѣстной степени было предтечей цѣлей городскихъ движеній 15 вѣка. Но съ другой стороны избирательныя корпораціи именовались все еще по главнѣйшимъ цехамъ и были составлены преимущественно изъ нихъ; въ этомъ отношеніи такія конституціи принадлежали все таки къ цеховымъ учрежденіямъ 14 вѣка.

Но какова бы ни была внѣшняя форма новыхъ конституцій, во всякомъ случаѣ цехи теперь превратились въ преимущественно политическія корпораціи; потому что повсемѣстно цѣль цеховъ, т. е. участіе въ дѣятельности политическихъ властей, была, хотя бы и до извѣстной только степени, достигнута. Было ясно, что это обстоятельство должно было имѣть важное значеніе для промыслового характера цеховъ—совпадали они или не совпадали съ новыми избирательными корпораціями,—потому что во всякомъ случаѣ у нихъ теперь появлялась новая и притомъ главная цѣль, совершенно чуждая ихъ первоначальнымъ задачамъ. Движеніе въ этомъ отношеніи пошло дальше его цѣли. Но съ другой стороны оно ввело въ политическую жизнь почти всѣ составныя части городского населенія, сдѣлавшееся болѣе не пригоднымъ господство аристократіи было устранено простѣйшими и наиболѣе дѣйствительными средствами и открытъ путь для дальнѣйшаго политическаго и административнаго развитія нѣмецкихъ городовъ въ 14 столѣтіи.

IV.

Городское управленіе во времена господства цеховъ въ началѣ очень мало по своей организаціи отличалось отъ управленія городской аристократіи; принципы этого послѣдняго сохранились въ неприкосновенности; не произошло никакого вреднаго разрыва съ прошлымъ. Правительственнымъ органомъ оставался совѣтъ, который какъ въ 13. такъ и въ 14 вѣкахъ почти всецѣло замѣщалъ разныя городскія должности своими членами; этотъ совѣтъ, какъ правительственная корпорація, оставался одинаковымъ, былъ ли онъ патриціанскимъ или имѣлъ въ себѣ большую или меньшую примѣсь цеховыхъ.

Первоначально совѣтъ вѣдалъ все управленіе какъ коллегіальное учрежденіе. Но вскорѣ оказалось необходимымъ для извѣстныхъ отраслей администраціи, какъ то для финансовъ, уличной полиціи, высшаго промыслового полицейскаго надзора и т. п., прибѣгнуть къ личной отвѣтственности. Тогда одному или нѣсколькимъ совѣтникамъ

поручали завѣдываніе этими отраслями. Такимъ образомъ появился цѣлый рядъ почетныхъ совѣтскихъ должностей; занимавшіе эти должности совѣтники періодически мѣнялись вмѣстѣ съ измѣненіемъ личнаго состава совѣта, и во время своей службы дѣйствовали, какъ уполномоченные всего совѣта. Кромѣ нихъ было очень немного состоящихъ на жалованьи чиновниковъ, главнымъ образомъ для завѣдыванія письмоводствомъ; но вообще всѣ дѣла велись лично совѣтниками и притомъ устно.

Поэтому почти вездѣ старые ратуши состояли главнымъ образомъ изъ совѣщательныхъ и пріемныхъ залъ; въ Любекѣ кромѣ большихъ залъ и комнатъ совѣтниковъ для канцеляріи долго довольствовались небольшою пристройкой къ ратушѣ, расширенной только въ 1614 году.

Система такого управленія какъ нельзя лучше была приспособлена къ условіямъ жизни городовъ въ 14 вѣкѣ. Если количество дѣлъ быстро увеличивалось, если на долю совѣта падали все новыя и новыя обязанности, онъ быстро удовлетворялъ новымъ потребностямъ, выдѣляя изъ себя новыя почетныя должности. Широта и гибкость были отличительными свойствами такой системы управленія. Но съ другой стороны въ большинствѣ городовъ не было недостатка въ необходимомъ для всякаго управленія условіи постоянства и правительственныхъ традицій; эти условія достигались тѣмъ, что всѣ важнѣйшія мѣста замѣщались по крайней мѣрѣ двумя совѣтниками, назначаемыми каждый на годъ, но занимающими должность по полугодіямъ, такъ что дѣловыя традиціи не смотря на постоянную смѣну лицъ никогда не прерывались.

Такая правительственная система кромѣ того давала возможность быстро справляться съ измѣнявшимися задачами управленія, вызываемыми быстрымъ ростомъ городской жизни. Для такихъ временныхъ цѣлей составлялись временныя комиссіи изъ совѣтниковъ, такъ называемыя «свѣдующихъ людей» («Geshickte» или «Geschickte Freunde»); они по большей части получали порученіе уяснить извѣстные вопросы, вродѣ современныхъ парламентскихъ комитетскихъ излѣдованій (enquete) и рѣшить эти вопросы послѣ ихъ уясненія. Очень часто въ такой формѣ велись и дѣла иностранной политики, посольства городовъ состояли по большей части изъ такихъ Geschickte.

При такомъ развитіи совѣтскихъ полномочій совѣтъ былъ и органомъ власти и органомъ управленія; все управленіе было, такъ сказать, домашнимъ дѣломъ совѣта, оно было и оставалось канцелярскою тайной, для него не существовало никакого контроля, потому не было и публичнаго бюджета и никакого обязательнаго отчета предъ общиной.

Продолжительное существованіе такого административнаго устройства было возможно только въ томъ случаѣ, если ему сопутствовало полнѣйшее довѣріе, даже нѣчто вродѣ чувства подданческаго долга

со стороны общины. И въ 14 вѣкѣ такое чувство несомнѣнно существовало, потому что городское населеніе того времени сознавало себя единой большой бюргерской товарищеской корпораціей, а не случайно собравшейся въ извѣстномъ городѣ массой обывателей; потому то могли существовать бюргеры какого нибудь города и внѣ района его владѣній, такъ, напр., многіе франкфуртскіе бюргеры жили въ Майнцѣ. Потому развилось необыкновенно сильное чувство взаимной отвѣтственности въ средѣ всѣхъ бюргеровъ, а также и чувство отвѣтственности правящаго совѣта предъ каждымъ изъ членовъ общины; потому городъ защищалъ каждого изъ отдѣльныхъ гражданъ противъ нападений другихъ и силой и судомъ; потому совѣтъ выкупалъ на городскія средства всѣхъ плѣнныхъ гражданъ города; потому съ другой стороны и каждый гражданинъ отвѣчалъ своей личностью и своимъ имуществомъ за дѣйствія и долги всего города. При подобной точкѣ зрѣнія вся дѣятельность гражданина, даже его профессія представлялась просто частію дѣятельности связанной узами товарищества городской корпораціи, службой этой корпораціи, обязанностью, извѣстнаго рода исполненіемъ должности. Вся жизнь вытекала изъ такого настроенія; всякое дѣйствіе человека было въ нѣкоторомъ родѣ частью самоуправленія; потому то внѣ административной дѣятельности совѣта и не требовалось никакого иного, спеціального управленія.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ цеховыя конституціи нѣмецкихъ городовъ стояли еще на почвѣ вполне средневѣковыхъ товарищескихъ воззрѣній; онѣ были еще далеки отъ современныхъ государственныхъ идей. Но съ другой стороны въ этомъ бюргерскомъ управленіи уже замѣчаются начатки современныхъ государственныхъ и правовыхъ воззрѣній благодаря вліянію растущаго денежнаго хозяйства.

Прежде всего современное государственное воззрѣніе вызывалось необходимостью упорядоченія финансоваго дѣла. Кромѣ старыхъ непрямыхъ налоговъ, потребительныхъ пошлинъ на вино, муку, соль, товары и другіе предметы, все чаще прибѣгали къ прямымъ налогамъ, личнымъ и имущественнымъ; одновременно начинаютъ систематически прибѣгать и къ общественному кредиту. Этимъ вызывалось и то, что въ концѣ концовъ было создано государственное хозяйство, основывающееся на законахъ, и оно было отдано въ завѣдываніе особыхъ финансовыхъ чиновниковъ; развилось понятіе о государственномъ хозяйствѣ вообще, такъ что городское государство соотвѣтственно этому начало, наконецъ, признавать себя уже не средневѣковой корпораціей, а скорѣе современной, на налоговой системѣ основывающейся, принудительной общиной.

Одновременно и судоустройство и правообразование приспособлялись къ растущимъ потребностямъ денежнаго хозяйства. Препрежнее залоговое право на движимости въ городахъ примѣнялось и къ не-

движимымъ имуществамъ; далѣе сдѣлалось возможнымъ закладывать и вообще обременять долгами городскую землю, брать съ нея ренту, существованіе которой нисколько не умаляло общественнаго положенія владѣльца.

Потомъ появились уже основныя положенія современнаго конкурснаго права и были сдѣланы первые шаги къ установленію принциповъ современнаго торговаго права, къ признанію равенства всѣхъ личностей, способныхъ къ заключенію договоровъ, къ признанію свободныхъ процессуальныхъ формъ, безформенности и обязательной силы неформальныхъ договоровъ, а также и устныхъ соглашеній, къ расширенію права судей на приговоръ по совѣсти.

Всѣ эти отдѣльныя черты городского строя ставили города, несмотря на ихъ въ сущности еще товарищескія конституціи, выше средневѣковаго государства, а стало быть и выше сосѣднихъ территоріальныхъ государствъ. Потому въ нихъ должно было развиться чувство политической исключительности, также какъ раньше уже развилось чувство экономической и соціальной особенности; они должны были считать себя изолированными отъ общаго для всей страны конституціоннаго развитія, но взаимно сообщавшимися корпораціями, которымъ приличествовать держаться общей политики по отношенію къ другимъ государственнымъ формамъ Германіи.

Въ Германіи вообще въ то время совершенно ясно сознавали различіе территоріальнаго и городского правового развитія. Въ 1438 году авторъ «реформациі» императора Сигизмунда говоритъ объ имперскихъ городахъ: *si stant geschriben hailig, wann in ward empfolhen alle gerecht sälligkeit, und ward die cristenhait durch si gesterket und wurden in gaitliche und weltliche recht empfolhen, als den kaiser das reich.*

Но особенно очевиднымъ выраженіемъ различія правообразованія въ городахъ и въ территоріяхъ служило тяготѣніе въ судебной сферѣ большинства мелкихъ городовъ къ высшему суду большого города, какаго нибудь Ахена или Дортмунда, Магдебурга или Любека, Фрейбурга или Вьны; такимъ образомъ даже неолшіе города избѣгали въ этой важнѣйшей сферѣ государственной жизни формальнаго подчиненія государственной власти владѣльцевъ территорій, въ это время достигавшей полнаго своего развитія.

Большіе города подчинялись королевству тоже только во внѣшнихъ отношеніяхъ. Всѣ имперскіе города со времени второй половины 13 вѣка можно считать по крайней мѣрѣ полусуверенными; всѣ регалии, дорожныя и другія, а также и различныя права верховной власти находились въ рукахъ бюргеровъ; они выставляли притязаніе и на право заключенія союзовъ и объявленія войны и признавали себя повинными по отношенію къ королю только присягой и доставленіемъ ему войска и налоговъ. Подобныя же права въ 14 вѣкѣ получили и выдающіеся изъ ганзеатическихъ городовъ, а также

большіе, сдѣлавшіеся имперскими, епископскіе города, такъ называемые вольные города: Магдебургъ, Регенсбургъ и Аусбургъ, Кельнъ, Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ, Страсбургъ, Базель и Констанцъ. Имъ недоставало только безусловнаго признанія ихъ имперской непосредственности, чтобы въ государственномъ правовомъ отношеніи совершенно сравняться съ территориями.

Города давно уже въ своихъ предѣлахъ образовали особую экономическую область, которая благодаря заключенію цѣлаго ряда договоровъ между отдѣльными городами имѣла приблизительно одинаково свободное развитіе.

Средневѣковой городъ первоначально составлялъ совершенно замкнутую экономическую корпорацію, которая старалась по возможности удовлетворить всѣ свои потребности своимъ собственнымъ производствомъ и по отношенію къ внѣшнему міру склонялась къ покровительственной таможенной политикѣ, насколько это допускалось торговыми требованіями. Упорное преслѣдованіе такой политики повело бы, конечно, къ полному изолированію отдѣльныхъ городовъ и къ ихъ разоренію. Такой ходъ развитія, подобный тому, какой былъ, напр., въ Англии, въ Германіи устранялся тѣмъ обстоятельствомъ, что города при полномъ упадкѣ королевской власти очень рано были вынуждены прибѣгать къ политическимъ союзамъ; такіе политическіе союзы городовъ были обычнымъ дѣломъ уже въ первой половинѣ 13 вѣка. Благодаря такимъ, сначала только политическимъ и военнымъ, связямъ видоизмѣнялись и экономическія интересы; если и раньше случайно торговля сношенія между отдѣльными городами облегчались, то теперь это сдѣлалось правиломъ; цѣлый рядъ болѣе или менѣе связанныхъ одинъ съ другимъ договоровъ ввелъ окончательно относительную свободу торговли между большими городами. Таково вообще было развитіе городовъ въ метрополіи; въ нижней же Германіи и въ колониальныхъ областяхъ таже цѣль еще полнѣе и систематичнѣе была достигнута Ганзой.

Достигнутое такимъ путемъ положеніе городовъ позволило имъ держаться одинаковой политики по отношенію къ королевству и къ территориямъ. Блестящимъ доказательствомъ превосходства бюргерской политики служить то, что имъ въ теченіи 14 вѣка постепенно удалось принудить важнѣйшія изъ территорій къ политикѣ, благоприятной для интересовъ городовъ. Давно уже добились того, что князья помогали странствующимъ купцамъ, часто значительными суммами денегъ покупались у князей свободные пропуски и безопасность отъ нападений на большихъ дорогахъ и отъ берегового права (Strandrecht). Теперь дѣло шло о болѣе широкихъ правахъ; было необходимо вообще облегчить провозъ товаровъ, поднять торговлю на княжескихъ рынкахъ и въ особенности понизить таможенное обложеніе и создать большую область одинаковаго и постояннаго монетнаго

обращенія. Все это до известной степени удалось городамъ, хотя и въ 14 вѣкѣ еще продолжалась та *furiosa Teutonicorum insania* (яростное безуміе нѣмцевъ) относительно рейнскихъ таможенъ, на которую горько жаловался англичанинъ Томасъ Уиксъ въ 1270 году, и хотя на Эльбѣ на 12 или 15 миляхъ выше Гамбурга все еще было девять таможенъ. Прежде всего оказалось возможнымъ, отчасти въ связи съ стремленіями королей ввести въ Германіи мѣстный земскій миръ, все болѣе и болѣе обезпечивать свободный пропускъ товаровъ и проѣздъ людей и создать во второй половинѣ 14 вѣка большую область съ лучшей и достаточно солидной охраной, а въ 1386 году и монетный союзъ четырехъ рейнскихъ курфюрствъ съ рейнскимъ гульденомъ, какъ первой широко распространенной золотой монетой. Къ концу 14 вѣка и позже монетные союзы и договоры о свободномъ пропускѣ вообще служили дѣлу примиренія городскихъ и территориальныхъ интересовъ также, какъ таможенные союзы въ 19 вѣкѣ послужили политическому объединенію отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ подъ руководствомъ Пруссіи.

Все это было тѣмъ болѣе важнымъ, что около этого времени начала падать та мѣстная территориальная политика, которую преслѣдовали раньше большіе города въ 13 вѣкѣ по отношенію къ окружающимъ ихъ деревнямъ.

Съ самаго начала первоначальный, чисто личный товарищескій характеръ городской корпораціи, въ принципѣ не имѣвшей связи съ какой либо замкнутой областью, долженъ былъ повести къ близкимъ отношеніямъ съ жителями районовъ, находившихся внѣ самого города. Раньше всего такія отношенія завязывались при посредствѣ такъ называемыхъ «внѣшнихъ гражданъ» (*Ausbürger*), т. е. гражданъ, которые принадлежали къ городской общинѣ и были ея полноправными членами, но въ теченіи долгаго времени жили внѣ ея стѣнъ. Въ 13 вѣкѣ къ числу такихъ гражданъ принадлежали многіе изъ числа родовъ, т. е. городской аристократіи и ихъ положеніе какъ «внѣшнихъ гражданъ» помогало имъ покупать внѣ города земли, заниматься на нихъ хозяйствомъ и при этомъ вступать въ родство съ поземельнымъ дворянствомъ и вліять на него во вредъ интересамъ территориальнаго князя и въ пользу интересовъ родного города.

Въ противоположность такимъ «внѣшнимъ гражданамъ» значительное количество дворянъ: князей, аббатовъ, графовъ и господъ владѣло въ городѣ дворами, то въ качествѣ простыхъ временныхъ квартиръ, то большими постройками для складовъ и продажи излишковъ продуктовъ своихъ помѣстій. Было естественно, что такіе дворяне во многихъ отношеніяхъ раздѣляли интересы горожанъ и городъ очень ловко пользовался этимъ. Совѣтъ, взаменъ дарованія имъ правъ гражданъ, обезпечивалъ себѣ военную помощь этого класса людей, которыхъ называли благородными гражданами; потомъ онъ

распространялъ чрезъ нихъ свое вліяніе и на другихъ, неимѣвшихъ въ городѣ дворовъ, членовъ сосѣдняго дворянства и получалъ военную помощь и отъ нихъ, взаменъ уплаты имъ отъ города пенсій.

Но этимъ не ограничивались личныя сношенія, даже сліяніе городскихъ и высшихъ деревенскихъ классовъ населенія. Въ безпкойное военное время 13 и 14 вѣковъ всѣ наиболѣе выдающіеся обыватели деревень кромѣ высшаго дворянства, какъ то: деревенскіе старосты, приходскіе священники, деревенскіе ремесленники, богатые крестьяне сознавали недостаточности защиты княжеской власти. Поэтому они отдавались подъ защиту города и дѣлались его «приписными гражданами» (Pfahlbürger). Это движеніе было чрезвычайно сильнымъ; въ концѣ концовъ оно охватило цѣлыя деревни, фогтства, дворовыя товарищества и ихъ обывателей; казалось, что цѣлыя страны подпадутъ подъ власть городовъ въ формѣ защиты. Все это какъ нельзя больше соотвѣтствовало политическимъ интересамъ городовъ. Городъ, вѣдь, могъ вооружить всѣхъ своихъ приписныхъ гражданъ. Кто могъ ручаться, что въ концѣ концовъ города не будутъ воевать съ владѣльцами территорій при помощи ихъ собственныхъ подданныхъ?

Эта опасность была значительной уже въ 13 вѣкѣ, потому уже въ это время имперское законодательство подъ давленіемъ князей пыталось бороться съ институтомъ приписного гражданства. Но все таки это движеніе не было подавлено; оно играло очень большую роль въ борьбѣ князей противъ городовъ во вторую половину 14 вѣка. Правда, что въ 15 вѣкѣ приписное гражданство было уничтожено; тогда города должны были болѣе замкнуться; теперь въ виду того, что корпоративный характеръ городского строя исчезъ и городская община ограничивалась своими стѣнами, было достаточно и того, что городъ вокругъ своихъ стѣнъ владѣлъ небольшой областью, какъ бы своимъ предмѣстьемъ, какъ бы переходной ступенью отъ города къ территоріи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Городская жизнь и бюргерское общество.

I.

Путешественнику, приближавшемуся въ цвѣтущее время средневѣкового бюргерства, во второй половинѣ 14 вѣка, къ большому городу, представлялся видъ, сразу указывающій на значеніе этого города. Гордо, почти нагло выдѣлялся на горизонтѣ силуэтъ города съ его башнями и башенками, съ его часовнями и церквами; уже въ то время общій видъ городовъ былъ такимъ, какимъ изображаютъ его въ нѣсколько, правда, идеализированномъ видѣ большія гравюры на деревѣ 16 вѣка.

Прежде всего поражаетъ сильное укрѣпленіе города. Небольшая городская территорія, городъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, обыкновенно занимавшій старый городскій рынокъ, а чисто и гораздо большее пространство, былъ сильно укрѣпленъ; его окружалъ валъ и передъ нимъ ровъ, причемъ онъ часто укрѣплялся еще рогатками (Knicke или Gebüske), прерываемыми на опредѣленныхъ разстояніяхъ сторожевыми башнями. Тамъ, гдѣ эти укрѣпленія были не особенно сильны, по крайней мѣрѣ не было недостатка въ сторожевомъ возвышеніи, въ каланчѣ, съ которой городской сторожъ осматривалъ окрестности и сообщалъ свои наблюденія посредствомъ разныхъ знаковъ городскому гарнизону. Не рѣдко такія сторожевыя башни бывали очень большими и очень красивыми постройками; еще и теперь существуютъ нѣкоторыя изъ нихъ, очень украшающія ландшафтъ, вродѣ, напр., высокой сторожевой башни въ Андернахѣ. Въ большихъ городахъ сторожъ на башнѣ былъ начальникомъ настоящей сигнальной службы, которая то въ формѣ простыхъ развѣдчиковъ, то въ формѣ тайныхъ агентовъ, далеко переходила за предѣлы городской территоріи.

Когда чужестранецъ проходилъ чрезъ шлагбаумъ пограничной стражи и подходилъ ближе къ городу, то даже въ небольшихъ городахъ ему приходилось удивляться обширности укрѣпленій и массѣ башенъ, которыя окружали со всѣхъ сторонъ городъ и были расположены особенно при городскихъ воротахъ. До 12 вѣка стѣны даже большихъ городовъ были еще довольно простаго устройства; сначала, по крайней мѣрѣ на Рейнѣ, защитой городовъ могли служить римскія стѣны, пока они не пали жертвой вражескихъ нападений и домашней потребности въ строительномъ матеріалѣ или уничтожились и вслѣдствіе расширенія площади города; потомъ довольствовались простымъ землянымъ валомъ съ палисадомъ и съ укрѣпленіемъ воротъ. Но съ 12 вѣка большіе города, а съ 13-го и малые начали укрѣпляться больше. Вездѣ основали кассы для постройки городскихъ укрѣпленій, вездѣ испрашивали у владѣльцевъ городовъ разрѣшенія на сборъ особыхъ акцизовъ для строительныхъ цѣлей; иногда оказывали помощь и городскіе монастыри. Такимъ образомъ съ небольшими средствами, часто при помощи одной городской аристократіи, но всегда съ упорной энергіей, строили укрѣпленія.

На старомъ земляномъ валу насыпались новые и стѣны на этихъ валахъ доходили до значительной высоты, до 25—30 футовъ. Возвышая стѣны, вмѣстѣ съ этимъ углубляли и ровъ и изъ вынутой земли строили glacisы. Часто, большей частію на главныхъ улицахъ, стѣны прерывались воротами; они считались наиболѣе опасными мѣстами и потому особенно сильно укрѣплялись. По обѣ стороны островерхихъ воротъ возвышались высокія башни; не рѣдко всѣ эти укрѣпленія окружались вторыми укрѣпленіями, лежащими за городомъ; не было недостатка и въ подъемныхъ мостахъ и въ опускаемыхъ рѣшеткахъ за обитыми желѣзомъ воротами; такимъ образомъ получалась настоящая крѣпость. Потому то начальники стражи при отдѣльныхъ воротахъ назывались въ большинствѣ городовъ бургграфами. Это были нанятые совѣтомъ воины, часто дворяне изъ окрестностей, вообще же опытные въ военномъ дѣлѣ люди, занимавшіеся войной, какъ ремесломъ. Подъ ихъ начальствомъ состоялъ небольшой гарнизонъ: сторожа, которые стояли на свинцовыхъ крышахъ башни и въ случаѣ опасности трубили въ рогъ, заставные сторожа, простые солдаты, постоянно присутствующіе у воротъ, наблюдавшіе за движеніемъ и въ случаѣ надобности помогавшіе чиновникамъ, поставленнымъ для сбора заставныхъ пошлинъ и называемымъ по большей части заставными писцами, наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда при городскихъ воротахъ состояла тюрьма, тюремные сторожа для арестантовъ, сажаемыхъ совѣтомъ въ башни.

Кромѣ такого довольно слабого постояннаго гарнизона въ мирное время существовали еще контрольные посты вдоль городскихъ стѣнъ, замѣщаемые гражданами по наряду; ихъ обязанность состояла въ

правильномъ обходѣ стѣнъ, особенно во время ночи; для этого на внутренней сторонѣ городскихъ стѣнъ были проложены тропинки. Но вскорѣ оказалось, насколько неудовлетворительно такое устройство; проложеніе тропинки въ каменной стѣнѣ требовало дорогихъ работъ и посты съ нее почти ничего не видѣли, что происходитъ за стѣнами. Разумѣется, появилась мысль перенести посты на самыя стѣны; для этой цѣли или настолько утолщали стѣны, что получалась дорожка за зубцами, увѣнчивающими стѣны, или дѣлали дорожку изъ досокъ на верху стѣны, на одномъ уровнѣ съ зубцами.

Такимъ образомъ сторожевая служба была устроена удовлетворительно и были приняты мѣры для сбора всѣхъ гражданъ. Большинство городовъ для военныхъ цѣлей раздѣлялось на кварталы съ особыми сборными площадями; здѣсь собирались граждане и отсюда спѣшили для защиты стѣнъ. На самыхъ стѣнахъ находили доспѣхи и оружіе. На каждахъ 120 шагахъ по старому обычаю городскія стѣны прерывались маленькими башенками, которыя были открыты къ городской сторонѣ, часто даже не имѣли крышъ и были устроены на уровнѣ съ дорожкой для постовъ; подъ сводами этихъ башенокъ хранился полный арсеналъ метательныхъ снарядовъ, луковъ и стрѣлъ, а также находилась и лѣстница, ведущая на стѣны. Здѣсь милиція, назначаемая на отдѣльные участки стѣны, забирала оружіе и внезапно появлялась предъ нападающими между зубцами стѣны.

Наблюдателю, смотрѣвшему въ поля изъ за этихъ зубцовъ въ мирное время, представлялась пріятная картина. Предъ городскими стѣнами, совершенно обросшими плющемъ, разстилались превосходно обработанныя поля. Въ то время, какъ въ деревняхъ все еще велось трехпольное хозяйство съ скуднымъ скотоводствомъ, здѣсь процвѣтала уже культура огородныхъ растеній съ обработкой заступомъ, замѣнявшей грубую работу плугомъ. Правда, и около большихъ городовъ не вполнѣ исчезли слѣды прежней экстенсивной культуры; все еще существовали городскіе общественные лѣса, общіе выгоны, на которые каждое утро выгонялся скотъ горожанъ; существовали городскіе пастухи и полевые сторожа господъ совѣтниковъ. Но когда земля попадала въ отдѣльную собственность гражданъ, тотчасъ же на ней устраивалась интенсивная культура, обработка заступомъ. На ней разводились виноградники, фруктовые и цвѣточные сады и воздѣлывались конопля и овощи. Что въ особенности было замѣчательно, такъ это то, что во многихъ мѣстностяхъ и особенно въ самыхъ могущественныхъ и наиболѣе процвѣтающихъ городахъ, быстро расширявшихъ свою площадь, внутренность города вблизи городскихъ стѣнъ представляла тотъ же видъ. И здѣсь тоже были виноградники, вишенные сады, цвѣточные сады и огороды; потому улицы были широки, грязны и по бокамъ ихъ стояли маленькіе домики, а предъ

ними большія кучи навоза точно въ деревняхъ, населенныхъ земледѣльцами.

Это явленіе объясняется тѣмъ, что города не совсѣмъ еще разрушили раньше единственную систему натуральнаго хозяйства; въ нихъ еще оставались слѣды ихъ прежней формы существованія, какъ привилегированной большой деревни. Большинство городовъ были еще до значительной степени земледѣльческими; въ Кобленцѣ во второй половинѣ 13 вѣка во время жатвы оставляли работу на городскихъ стѣнахъ въ виду недостатка рабочихъ рукъ; во Франкфуртѣ еще въ 1387 году было четверо пастуховъ и шестеро полевыхъ сторожей; даже въ 15 столѣтіи было издано строгое распоряженіе о невыпускѣ на городскія улицы свиней. Доказательствъ существованія многочисленнаго земледѣльческаго населенія даже въ большихъ городахъ очень много; скотоводство и садоводство были еще сильно развиты рядомъ съ промышленностью и торговлей; они имѣли свои особые кварталы, какъ предъ городскими воротами, такъ и въ частяхъ города, лежащихъ вблизи городскихъ стѣнъ.

Промышленность и торговля, напротивъ, свили себѣ гнѣздо въ центрѣ города. Здѣсь цехи жили въ узкихъ улицахъ съ мастерскими, выходящими на улицу; здѣсь по берегамъ рѣки или по сторонамъ торговой дороги стояли товарные склады купцовъ; здѣсь въ каждомъ уголкѣ ютились мелкія лавочки. Проходя по этимъ частямъ города, въ самомъ центрѣ его, около ратуши и рынка, наталкивались на улицы, запиравшіяся деревянными воротами съ немногими выходами и замкнутыми жилищами—это были еврейскіе кварталы. Здѣсь среди общины возвышалась еврейская школа, синагога, бывшая до середины 14 вѣка великолѣпной постройкой въ романскомъ или древнеготическомъ стилѣ, смѣшанномъ съ оригинальными реминисценціями восточнаго стиля; здѣсь царилъ еврейскій раввинъ съ старѣйшинами; у него хранился одинъ изъ тѣхъ ключей, которыми запирались ворота квартала во время ночи, для защиты экономически и національно чужаго для нѣмецкихъ гражданъ народа отъ ярости черни.

Такое размѣщеніе гражданской дѣятельности въ средневѣковыхъ городахъ не было простой случайностью; въ томъ обстоятельстве, что бюргерскіе промыслы, торговля и ремесла сосредоточивались въ срединѣ городской площади, а земледѣльческое населеніе распредѣлялось по окраинамъ, легко усмотрѣть, такъ сказать, осадокъ историческаго развитія. Даже въ 13 вѣкѣ города занимали незначительное пространство; на западѣ они часто замыкались стѣнами прежняго, выросшаго изъ лагеря, римскаго города, на востокѣ они строились на очень ограниченномъ пространствѣ и вообще были просто большими бургами. Это небольшое пространство и было ареной промышленной дѣятельности и широкой торговой дѣятельности. Вокругъ этого центра, впоследствии называемаго старымъ городомъ, уже въ древности рас-

положены были владѣнія религіозныхъ обществъ; не рѣдко тутъ было больше полдюжины аббатствъ и монастырей, иногда даже епископскій дворъ; эти владѣнія окружали, а иногда и перерѣзывали центръ города. Когда въ 12 и 13 вѣкахъ началось развитіе городской жизни, старые стѣны были разрушены; началось расширение городской площади и за границами этихъ церковныхъ земель выросли по большей части новыя укрѣпленія.

Такимъ образомъ деревенское населеніе оказывалось въ предѣлахъ города; оно не скоро отказывалось отъ своего привычнаго образа жизни и отъ своего прежняго занятія; оно даже было настолько многочисленнымъ, что около новыхъ городскихъ стѣнъ развело новые сады и огороды. Конечно, въ концѣ концовъ и это когда то покрытое садами пространство между городскими стѣнами и центромъ города покрывалось новыми улицами и снова начиналось воздѣлываніе земли уже за стѣнами. Но такимъ воздѣлываніемъ занимались теперь уже не духовные землевладѣльцы; ихъ помѣстья давно уже находились въ упадкѣ; теперь торговые интересы города привлекли сюда новое населеніе. Предъ городскими воротами, у мостовъ, гдѣ движеніе было особенно сильно, располагались теперь предмѣстья, въ видѣ длинныхъ улицъ съ низкими домиками, съ населеніемъ переходнымъ, занимавшимся частію земледѣльческимъ, а частію городскими промыслами, что повело къ образованію отдѣльных мѣстныхъ общинъ, каждая изъ которыхъ имѣла свой особый строй. Это были во всякомъ случаѣ не лучшія части городского поселенія; здѣсь ютилась мелкая торговля въ самой низшей ея формѣ и жили закладчики; здѣсь кишѣли гадалки и сомнительныя женщины, сюда же ушли изгнанные изъ старыхъ лачугъ при расширеніи города носильщики, извозчики, разные подеищики; въ городахъ съ большими суконными мануфактурами здѣсь же жила и масса ткачей пролетаріевъ.

Вообще здѣсь скопились полонки городского населенія; выдѣленіе этихъ поддонковъ въ теченіе 14 вѣка указываетъ на то, что съ этого времени заканчивается извѣстный періодъ развитія городского населенія.

II.

Когда мы рассматриваемъ размѣщеніе въ городѣ отдѣльных профессиональныхъ слоевъ его населенія въ ихъ историческомъ развитіи, то очень понятно, какъ трудно при недостаткѣ точныхъ статистическихъ данныхъ составить сколько нибудь ясное представленіе о количествѣ средневѣковаго городского населенія.

Притомъ населеніе, по крайней мѣрѣ въ первое время конца среднихъ вѣковъ, было еще очень непостояннымъ и переходнымъ. Смертность была необыкновенно велика даже и въ томъ случаѣ, если не было частыхъ эпидемій; населеніе нуждалось въ постоянномъ попол-

неніи извнѣ; во Франкфуртѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ ежегодный приростъ населенія посредствомъ приселенія былъ вдвое больше прироста посредствомъ рожденій. Крупное купечество тоже изстари бывало настолько же вселившимся, насколько и туземнымъ; самое раннее изъ перечисленій кельнской купеческой гильдіи заключаетъ въ себѣ имена купцовъ изъ всѣхъ почти тогдашнихъ большихъ городовъ. Такое значительное вселеніе, продолжавшееся втеченіе всего 14-го вѣка, должно было производить сильныя колебанія въ численности городского населенія; подобныя же явленія въ современныхъ большихъ городахъ дѣлаютъ это, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятнымъ. Далѣе взаимное отношеніе половъ въ средневѣковыхъ городахъ, — если, конечно, мы оставимъ въ сторонѣ духовенство — было инымъ, чѣмъ въ настоящее время; почти вездѣ женщинъ было значительно больше; никогда женскій вопросъ не былъ болѣе жгучимъ, какъ въ 14 и 15 вѣкахъ въ городахъ. Тогда существовали женскіе цехи; широкое поле христіанской заботы о бѣдныхъ и больныхъ было открыто почти исключительно женскимъ союзамъ, опиравшимся на церковь; существовали женскія учрежденія для взаимопомощи, даже падшимъ женщинамъ помогали особыя организаціи, дѣйствовавшія въ духѣ христіанской любви. Такое очень прогрессивное практическое разрѣшеніе женскаго вопроса доказываетъ, что численное отношеніе половъ было значительно отличнымъ отъ существующаго теперь.

Какъ расселялось это населеніе, составъ и приростъ котораго до сихъ поръ намъ очень мало извѣстны? Въ этомъ отношеніи мы также имѣемъ очень немного данныхъ. Въ первой половинѣ 14 вѣка господствовалъ еще обычай жить семейными домами; но долго ли сохранялся этотъ обычай? Распредѣлялись ли дома болѣе или менѣе равномерно на существующей площади городского поселенія? Насколько значительно колебалось число жителей дома смотря по времени и мѣсту? ¹⁾ Очевидно, что вычисленіе населенія средневѣковыхъ городовъ по числу домовъ можетъ дать намъ только очень недостоверныя числа, также какъ и вычисленіе по какой нибудь одной изъ цифръ, напр., по цифрамъ числа рожденій. Кажется, что всего достовернѣе будетъ разработка податныхъ листовъ, гдѣ сохранились таковыя; но и тутъ является вопросъ: какому числу душъ соотвѣтствовалъ одинъ плательщикъ налоговъ? Если при вычисленіи цифры населенія принять во вниманіе всѣ эти и другія затруднительные вопросы, то можно приблизительно полагать, что населеніе средняго города не превышало десяти тысячъ; въ позднѣйшее время

¹⁾ Въ Кельнѣ въ 1752 г. приходилось по 6 человекъ на домъ, стало быть одинъ на 50 к. м., въ 1883 г. 14 человекъ на 27 к. м. См. Köln und seine Bauten (1888 г.).

въ Базелѣ считали самое большее 15 тысячъ, въ Нюренбергѣ 20, въ Страсбургѣ—очень высокая оцѣнка—50 тысячъ душъ ¹⁾.

Кромѣ того всѣ эти цифры относятся къ концу среднихъ вѣковъ, а какъ всегда бываетъ въ эпохи быстрого развитія, отношенія населенія отдѣльныхъ городовъ не были постоянными. Такъ въ 12 вѣкѣ Майнцъ, средоточіе верхнерейнской торговли, отдѣленной отъ нижняго Рейна, благодаря опасному переходу Биндеръ Лохъ, считался главнымъ городомъ королевства, золотымъ, величайшимъ городомъ; но уже въ 14 вѣкѣ Страсбургъ догналъ его, а въ 15-мъ съ ними рядомъ сталъ и вскорѣ перегналъ ихъ Франкфуртъ. Въ Нидерландахъ въ 12 вѣкѣ было только три большіе города; Гентъ, Брюгге и Леперенъ; въ 13 развились брабантскіе промышленные города, а потомъ въ 14 вѣкѣ фландрійскіе города превышали ихъ по числу жителей. Наконецъ, въ этомъ же вѣкѣ по богатству начали выдѣляться особенно восточные города: Гамбургъ, Любекъ, Данцигъ и другіе; здѣсь привозъ облегчался существованіемъ моря и большой рѣки, территоріальные князья меньше вредили торговлѣ и живая торговля Ганзы обуславливала совершенную свободу передвиженія населенія.

Но каково бы ни было количество населенія средневѣковыхъ городовъ, во всякомъ случаѣ было бы ошибочно на основаніи относительно небольшой цифры населенія считать политическое значеніе этихъ тогдашнихъ центровъ ничтожнымъ. Исторія нѣмецкаго королевства въ 14 вѣкѣ не позволяетъ сдѣлать подобнаго предположенія; она была бы непонятной, если бы мы не приняли во вниманіе вліянія городовъ. А такое вліяніе предполагаетъ значительныя матеріальныя средства, имѣть которыя при относительно небольшомъ населеніи могли только люди, въ среднемъ очень зажиточные. И дѣйствительно среднее благосостояніе нѣмецкаго бюргерства въ это время—на сколько этотъ вопросъ вообще можно считать изслѣдованнымъ—было таково, что вызываетъ въ насъ тѣ представленія, которыя мы обыкновенно связываемъ съ цвѣтущими эпохами какой-либо изъ извѣстныхъ намъ культуръ. Изъ пятнадцати тысячъ жителей города Базеля 30% имѣли состояніе отъ 2500 до 36000 марокъ, считая на наши деньги, 20% отъ 200 до 2500 м. и только 10% ниже. Состоянія въ 200.000 марокъ были, напротивъ, рѣдки, а состоянія въ 300.000 м. составляли исключеніе.—Такое распредѣленіе богатства было необыкновенно благопріятнымъ и оно находило свое

¹⁾ Въ Страсбургѣ въ 1580 г. было 195 улицъ и 3618 домовъ; ср. Шмидтъ — Strassburger Gassen—und Häusernamen. Тоже количество по Шмидту было и въ 15 вѣкѣ. Въ Антверпена въ концѣ 14 вѣка считалось 20 т. жителей, также и въ Левенѣ; въ Брюсселѣ 40 т. (?); см. Vanderkindere. Прекрасный примѣръ чрезмѣрно высокой оцѣнки числа населенія въ 16 вѣкѣ представляетъ Лютеръ.

Выраженіе въ необыкновенно высокой по нашимъ понятіямъ платежной способности. Подобныя отношенія, какъ въ Базелѣ, не были исключительными. Они основывались на общераспространенныхъ взглядахъ и одинаковости положенія, на оригинальной полусоціалистической организаціи городовъ, на большихъ, доходящихъ до 25 процентовъ, налогахъ на наслѣдства, которые вели къ уравненію личныхъ состояній. Другіе города слѣдовали такой же энергической финансовой политикѣ, какъ и Базель; на сѣверѣ Любекъ кромѣ расходовъ на свою великую ганзеатическую политику въ 1276—1310 годахъ могъ истратить значительныя суммы на постройку величественнаго храма Маріи.

Къ этому присоединялось другое обстоятельство, позволявшее городамъ прибѣгать къ платежнымъ силамъ своихъ гражданъ въ обыкновенныхъ случаяхъ непрямымъ путемъ и только въ особыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ прямымъ. Нѣмецкое право со времени расселенія нѣмецкихъ племенъ, отъ четвертаго до шестого вѣковъ, и долго послѣ было почти исключительно деревенскимъ и потому изъ всѣхъ формъ перехода имущества въ особенности были развиты формы перехода поземельной собственности; гораздо позднѣе развившіяся формы перехода движимой собственности развились до значительной степени по этому образцу. Это въ особенности можно сказать о наслѣдственномъ правѣ; исходнымъ пунктомъ для правообразованія въ этомъ отношеніи было наслѣдованіе земель. Во время натуральнохозяйственной эпохи въ началѣ среднихъ вѣковъ къ землѣ предъявлялись особыя требованія только въ видѣ исключеній при переходѣ ея по наслѣдству. Потому нѣмецкое право выработало принципъ, что наслѣдникъ съ правовой точки зрѣнія совершенно отдѣльная отъ наслѣдодателя личность, что долги наслѣдодателя для него столь же необязательны, какъ они не накладываютъ никакихъ обязательствъ и на постороннее лицо. Такой принципъ, перенесенный и на наслѣдованіе движимостей, дѣлалъ всякій личный кредитъ недопустимымъ; кромѣ другихъ обстоятельствъ это было главнымъ поводомъ того, что въ средніе вѣка гораздо раньше развился ипотечный кредитъ въ формѣ покупки ренты на поземельное владѣніе, чѣмъ личный кредитъ. Но растущая торговля все настоятельнѣе требовала выработки формъ личнаго кредита. И дѣйствительно существовали юридическія, вѣчныя личности, относительно которыхъ не могло быть и рѣчи о прекращеніи обязательствъ вслѣдствіе смерти наслѣдодателя, таковы были церковныя учрежденія и городскія управленія. Но церкви на основаніи каноническаго права было воспрещено брать ростъ на деньги. Потому оставалось одно только городское управленіе; оно сдѣлалось крупнымъ банкиромъ населенія и ростъ на раздаваемые деньги былъ однимъ изъ главныхъ доходовъ городской кассы; въ Базелѣ отъ 1361 до 1483 года каждый годъ,

за исключеніемъ только трехъ лѣтъ въ семидесятихъ годахъ 14 вѣка, городъ прибѣгалъ къ общественному кредиту. По самой сущности существовавшихъ тогда отношеній проценты на деньги, помѣщаемыя наиболѣе вѣрнымъ образомъ, были монополіей городского управленія гораздо больше, чѣмъ это можно сказать теперь о государственныхъ бумагахъ; только выпуски рентъ во Франціи въ началѣ настоящаго столѣтія, соединенныя съ привычкой французовъ помѣщать свои сбереженія именно въ ренты, напоминаетъ о финансовой политикѣ большинства средневѣковыхъ городовъ.

Такая финансовая политика, а также соотвѣтствующее платежнымъ силамъ бюргеровъ, хотя по нашему мнѣнію и чрезвычайно высокое, косвенное обложеніе, давали городамъ сравнительно съ князьями и нѣмецкимъ королевствомъ такія средства, о которыхъ нельзя составить себѣ представленія, судя по небольшой цифрѣ ихъ населенія. Большіе города, вродѣ Базеля, могли содержать собственное войско. Если мы при этомъ примемъ въ соображеніе, что и новѣйшія экономическія средства могущества въ политической сферѣ постоянно ведутъ къ успѣху, даже превышающему ихъ дѣйствительное значеніе, именно, благодаря своей новизнѣ, то мы поймемъ, что города конца среднихъ вѣковъ, представители новыхъ экономическихъ формъ, которымъ принадлежало будущее, могли въ политическихъ сферахъ пользоваться вліяніемъ, совершенно равнымъ съ вліяніемъ цѣлыхъ территорій.

III.

Такому высокому внѣшнему положенію соотвѣтствовали и высокія, сравнительно съ прошлымъ, проявленія жизни въ самомъ городѣ. Такъ особенно было въ концѣ 14 вѣка. Современники конца среднихъ вѣковъ не могли до сыта наглядѣться на роскошь домовъ, на шумную уличную жизнь, на высокія башни, на изобиліе товаровъ въ гавани и складахъ. Едва ли найдется хоть одинъ городъ, котораго бы не восхваляли, по большей части въ стихахъ; одинъ изъ первыхъ великихъ представителей гуманизма въ Германіи Эней Сильвій начинаетъ свое стихотвореніе горячей похвалою Кельна. Для насъ, потомковъ, конечно, городская жизнь въ среднія вѣка на основаніи изученія источниковъ представляется далеко не столь прелестной; многое, въ особенности въ 14 вѣкѣ, представляется намъ простымъ зачаткомъ и въ особенности мы видимъ отсутствіе какихъ либо слѣдовъ утонченной духовной жизни.

Переходя изъ предмѣстьевъ или изъ лежащихъ вблизи городскихъ стѣпъ кварталовъ въ центръ города, мы прежде всего видимъ необыкновенно узкія, извилистыя, часто безъ всякаго плана расположенныя улицы. Правда, существовали и немногія прямыя улицы, ко-

торыя напоминали о направленіи старыхъ военныхъ дорогъ, перекрещивавшихся внутри города: но кромѣ этихъ улицъ все расположеніе города было предоставлено случаю и необходимости болѣе тѣснаго сожительства ради удобствъ болѣе легкой обороны. Строительно-полицейскія опредѣленія существовали по болѣшей части только относительно ширины улицъ, и эти опредѣленія отличались своей старозавѣтной формой и указаніями на прежнюю власть короля надъ всѣми военными дорогами. Еще долго надзоръ за опредѣленной закономъ шириной военныхъ дорогъ даже въ городахъ находился, какъ это требовалось еще старымъ народнымъ правомъ нѣмецкой племенной эпохи, въ рукахъ представителя королевскихъ правъ, бургграфа или владѣльца того графства, къ которому когда то принадлежалъ городъ; онъ надзиралъ за неправильно построенными крыльцами или навѣсами, за слишкомъ далеко выдававшимися въ улицу пристройками лавокъ и погребовъ, вообще за всякимъ стѣсненіемъ уличнаго движенія. Еще долго выраженіемъ этаго права надзора считалось такъ называемое «право копья», на основаніи котораго или самъ владѣлецъ королевскимъ правъ или его представитель проѣзжалъ по улицамъ верхомъ съ копьемъ, протянутымъ поперекъ улицы и бралъ штрафы съ тѣхъ домовъ, до которыхъ дотрогивалось конье.

Эта старая полиція военныхъ дорогъ такимъ образомъ заботилась только о законной ширинѣ улицъ, до состоянія построекъ ей не было никакого дѣла; и только очень не скоро само городское управленіе занялось техническо-строительной стороною дѣла. До конца среднихъ вѣковъ улицы по болѣшей части были немощеными; шоссированныя дороги, такъ называемыя каменные улицы или каменные дороги, составляли особую привиллегію наиболѣе оживленныхъ частей города. Правда, мостить города начали уже съ 13 вѣка — въ Страсбургѣ, Франкфуртѣ и Регенсбургѣ только съ 14-го — нерѣдко для этого города держали своего собственнаго мастера-мостовщика съ рабочими; но такъ бывало гораздо чаще во вновь основанныхъ колониальныхъ городахъ восточной Германіи, чѣмъ въ центрахъ старой культуры запада. Вѣроятно, это различіе обуславливалось вопросомъ о канализаціи. Большіе города на Рейнѣ, на Дунаѣ и на многихъ изъ ихъ притоковъ стояли на обломкахъ тысячалѣтняго, доходящаго до римской эпохи прошлаго; какъ часто въ теченіе этого времени они разрушались и горѣли; здѣсь обломки лежали на обломкахъ на нѣсколько метровъ въ вышину. Эти нижніе слои почвы вбирали въ свои поры всѣ нечистоты новаго города, не рѣдко нечистая вода просачивалась въ старыя каналы (*aduchten*—*aquaeductus*); такимъ образомъ постройки легионовъ послужили на пользу среднимъ вѣкамъ. Совсѣмъ иное дѣло на востокѣ; тамъ строились на дѣвственной почвѣ и вопросъ о канализаціи сразу же сдѣлался насущнымъ; его рѣшеніе нашли въ улучшеніи мостовыхъ.

Но вообще-то улицы въ средніе вѣка слѣдуетъ признать очень грязными; никто не выходилъ изъ дому безъ верхнихъ башмаковъ съ деревянными подошвами, на картинахъ старѣйшихъ нѣмецкихъ школъ мы видимъ даже святыхъ въ такихъ башмакахъ и обычай носить сапоги съ длинными и острыми приподнятыми носками не въ малой мѣрѣ обуславливался заботой предохранять себя отъ опасности, при длинныхъ носкахъ во всякомъ случаѣ меньшей, погрузиться въ уличную грязь. Обычай при узкихъ улицахъ ставить колодцы посрединѣ дороги былъ очень вредны въ этомъ отношеніи; притомъ къ этому надо прибавить корыта для питья скота, обычные до конца среднихъ вѣковъ колодцы съ окружавшей ихъ грязью и, въ особенности, крайнюю нечистоту обывателей. На улицу выбрасывали всякій мусоръ, остатки пици, даже мертвыхъ животныхъ; потому въ нѣкоторыхъ городахъ было прямо необходимо вести оффиціальную статистику грязныхъ мѣстъ и въ чрезвычайныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ пріѣзда короля, процессіи, чистить улицы, какъ теперь чистятъ пруды. Если къ этому прибавить, что въ большинствѣ улицъ было нѣсколько незастроенныхъ дворовыхъ мѣстъ, а разрушавшіеся дома дѣлались складами всякихъ нечистотъ, что проходившіе чрезъ городъ ручейки и рѣчки по большей части были безъ набережныхъ и безъ мостовъ, то само по себѣ будетъ понятно, насколько необходимо было создать санитарную уличную полицію. Но въ средніе вѣка къ этому приступали неохотно; даже большая смертность въ 14 вѣкѣ, результатъ низкаго уровня медицины и суевѣрнаго объясненія происхожденія морозовой язвы, принесла въ этомъ отношеніи мало пользы. Правда, городское управленіе назначало иногда особыя комиссіи для санитарной полиціи: господъ дорогъ и рѣчекъ, дрекмейстеровъ и абухтмейстеровъ (смотрителей за грязью и каналами) и т. п., но въ существѣ дѣло все оставалось по старому и то было уже большимъ прогрессомъ, что въ семидесятыхъ годахъ 15 столѣтія въ Кельнѣ очистка города была передана особому предпринимателю, тогда какъ въ Мехельнѣ, напр., въ 1348 году обывателямъ предписывалось очищать улицы разъ въ четырнадцать дней.

Въ средневѣковыхъ домахъ также, какъ и на улицахъ, тоже не было той чистоты и удобствъ, которыя въ настоящее время отличаютъ дома нѣмецкихъ горожанъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ большинство домовъ были деревянными, крытыми тесомъ, такъ что на каждое поколѣніе, а потомъ, по крайней мѣрѣ, на каждыя пятьдесятъ лѣтъ приходился въ каждомъ городѣ одинъ большой, все пожирившій пожаръ; и такое устройство городовъ очень долго оставалось неизмѣннымъ. Въ 12, даже въ 13 вѣкахъ каменные дома были чрезвычайно рѣдки, старѣйшіе изъ сохранившихся каменныхъ домовъ какъ напр. великолѣпный Overstolzenhaus въ Кельнѣ, принадлежатъ времени романскаго переходнаго стиля; такія постройки по большей

части трехэтажныя и красиво отдѣланныя, были въ 13 вѣкѣ дворцами богатыхъ горожанъ. Существенное улучшение произошло въ 13 вѣкѣ, когда деревянныя постройки, въ особенности въ городахъ къ сѣверу отъ Гарца, начали превосходно, чисто художественно украшаться. Но все таки въ пожарномъ отношеніи постройка была не хороша; все еще продолжали крыть дома тесомъ, дранью и соломой; императоръ Людвигъ въ 1342 году приказалъ, чтобы въ Мюнхенѣ покрайней мѣрѣ жилия строенія покрывались черепицей. Въ колониальныхъ областяхъ развитіе строительнаго дѣла была тоже очень медленнымъ; еще и теперь въ этой области, даже въ большихъ городахъ, только главныя улицы и площади остались застроенными старыми домами съ островерхими готическими крышами, тогда какъ боковыя улицы, раньше застроенныя деревянными домами и часто сгоравшія, застроены болѣе новыми домами. Въ Любекѣ, однако, современи большого пожара 1276 года было воспрещено строить иные дома, кромѣ кирпичныхъ съ безопасными отъ огня кровлями.

Особенно плохо было то, что при долго сохранявшемся типѣ постройки домовъ для одной семьи на большихъ мѣстахъ по большей части строились множество маленькихъ домиковъ, при чемъ между ними не только не было брандмауеровъ, но, напротивъ, всѣ они подводились подъ одну крышу; попадались до двадцати такихъ домиковъ подъ одной крышей и не видно, чтобы пожарная часть городского управленія воспрещала такой обычай.

Но за то пожарная часть очень рано была устроена удовлетворительно. Она нашла для себя готовую форму въ раздѣленіи города на военные кварталы и быстро приспособилась къ этой формѣ. Было очень легко соединить наблюденіе за пожарами съ сторожевымъ постомъ на городскихъ воротахъ, и кромѣ того въ центрѣ часто былъ отдѣльный пожарный сторожъ. Когда онъ трубилъ въ рогъ или звонилъ въ набатный колоколъ, всѣ горожане или особые раньше назначенные пожарные подъ начальствомъ брандмейстера собирались на сборныхъ площадяхъ; такимъ образомъ помощь давалась быстро, она была по большей части вполне достаточной; а кромѣ того каждый горожанинъ былъ обязанъ въ случаѣ надобности подносить ведрами воду.

Но дѣятельность такой благоустроенной системы тушенія пожаровъ затруднялась до значительной степени чрезвычайнымъ разнообразіемъ средневѣковыхъ построекъ. Въ современныхъ городахъ постройки всѣ болѣе или менѣе одного типа, въ существенныхъ своихъ чертахъ сохраняющагося не смотря на различіе цѣли построекъ; средневѣковые же дома отличались одинъ отъ другого и по общественному положенію домовладѣльцевъ и по особенностямъ торговли или ремесла, производимыхъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ. Въ городскихъ кварталахъ на окраинахъ рядомъ съ будками какой нибудь труппы

уличныхъ актеровъ или разной воровской сволочи и рядомъ съ скромными жилищами огородниковъ, такъ называемыми садовыми домиками, возвышались величественныя строенія старыхъ совѣтскихъ родовъ, дома съ зубцами на крышахъ и башенками, съ большими постройками для скота и для слугъ, съ увеселительными и фруктовыми садами, съ виноградниками и огородами, съ амбарами для привозимаго изъ деревень хлѣба. Даже въ концѣ среднихъ вѣковъ такіе дома отдѣлялись одинъ отъ другого большими промежутками; часто входъ туда былъ только откуда нибудь сбоку, а высокія стѣны, отдѣлявшія такое барское жилище отъ улицы, закрывали со всѣхъ сторонъ видъ построекъ. Даже теперь въ нѣкоторыхъ старыхъ городахъ кварталы съ прямыми улицами, проведенными послѣ новой расчлапировки города, представляютъ замѣчательный контрастъ съ тѣсно застроенными переулками и шумомъ такъ называемыхъ старыхъ городовъ (Altstadt). Въ настоящемъ старомъ городѣ характеръ улицъ измѣнялся. Правда, и здѣсь кое гдѣ встрѣчались замкнутые дворы, въ которыхъ скрывалась отъ уличнаго шума какая нибудь религіозная корпорація, иногда при церквахъ и монастыряхъ оставались небольшія площади для какой нибудь спеціальной ярмарки, для продажи масла или рыбы; но вообще же улицы были тѣсными и онѣ застраивались по большей части высокими домами.

Здѣсь въ особенности поражаютъ постройки, въ которыхъ велась средневѣковая мелкая торговля. Эти торговыя мѣста были очень разнообразны: отъ простаго мѣста на площади, скамейки, шкапчика, будки до хижины и лавки; они отдавались городомъ торговцамъ за извѣстную плату на время рынка съ той минуты, когда выкинуть городской флагъ или ударятъ въ базарный колоколь; иногда же они отдавались на болѣе продолжительное время, часто даже находились въ наслѣдственной арендѣ. Изъ всѣхъ такихъ торговыхъ помѣщеній только обыкновенныя лавки стояли на одномъ уровнѣ съ домами улицы; это были маленькіе, иногда двухъэтажные домики, нижній этажъ которыхъ весь занимался лавкой, а верхній, выдвигавшійся надъ лавкой иногда на нѣсколько футовъ, служилъ конторой или семейнымъ помѣщеніемъ торговца. Часто эта выдававшаяся впередъ надъ лавкой пристройка верхняго этажа поддерживалась столбами; потомъ предъ рядами лавокъ появились крытые корридоры, тѣ самые ряды, которые въ позднѣйшее время стали строиться сводчатыми и съ острыми дугами и которые теперь еще составляютъ оригинальное украшеніе многихъ южнонѣмецкихъ и нѣкоторыхъ сѣвернонѣмецкихъ городовъ, напр. Мюнстера. Гораздо проще строились торговыя будки; это были просто амбарчики, пристраиваемые къ уже существующимъ постройкамъ вездѣ, гдѣ только были шансы на оживленную торговлю. На площадяхъ, около мостовъ, на рынкѣ, при церквахъ съ особенно почитаемыми реликвіями, къ которымъ сходилось много богомольцевъ,

онѣ быстро, точно грибы, выросли изъ земли; онѣ гнѣздились между папертями и хорами соборовъ; онѣ замкнутыми рядами окружали ратуши; иногда онѣ строились даже посреди широкихъ улицъ, какъ напр. на улицѣ Максимилиана въ Аусбургѣ; пристроенныя одна къ другой задними своими сторонами, онѣ составляли цѣлые ряды новыхъ маленькихъ городковъ, которые были уничтожены только въ новѣйшее время. Для того изъ мелкихъ торговцевъ, который не имѣлъ возможности заплатить аренду и за такую будку, всегда оставалась возможность на время главнаго ярмарочнаго торга за умѣренную рыночную плату разбить палатку или построить балаганъ рядомъ съ постоянными мясными палатками, со скамьями, на которыхъ продавалось желѣзо и т. п., съ рыбными столами и хлѣбными ларями цеховъ.

Живая картина средневѣковой уличной торговли, встающая предъ нами при этомъ перечисленіи торговыхъ помѣщеній, получить еще болѣе яркую окраску, если мы припомнимъ объ обычаѣ средневѣковыхъ торговцевъ выкрикивать названія продаваемыхъ товаровъ. Правда, нѣкоторые цехи воспрещали своимъ членамъ вступать въ соперничество съ менѣе голосистыми изъ сотоварищей и слишкомъ часто выкрикивать свои товары, точно также какъ они препятствовали выставять товары на окнахъ и вести разносную торговлю; но вопреки этому средневѣковой городъ въ рыночное время переполнялся страшнымъ шумомъ, быстро пульсирующей торговлей и крикливыми зазываньями покупателей. Выкрикивали не одни только лавочники; въ винныхъ лавкахъ и пивныхъ тоже были свои зазывальщики, которые, стоя предъ дверями подъ водруженнымъ шестомъ, увитымъ соломой, издревле обычнымъ указателемъ винной торговли, расхваливали достоинства продаваемыхъ напитковъ.

Понятно, что при такой развитой уличной жизни было необходимо устроить энергичный полицейскій надзоръ. Уже давно вся городская полиція сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ; въ нѣкоторыхъ городахъ начальникомъ ея былъ шультгейсъ, въ другихъ членъ совѣта. Этотъ главный начальникъ полиціи имѣлъ въ своемъ распоряженіи большое количество полицейскихъ служителей, а въ особенныхъ случаяхъ: во время турнировъ, совѣтскихъ танцевъ, пріѣзда иностранныхъ гостей, эта стража пополнялась еще волонтерами изъ гражданъ. Тогда было также извѣстно и закрытіе проѣздовъ по извѣстнымъ улицамъ, чтобы господъ не тѣснилъ народъ. Особенно усиленнымъ былъ полицейскій надзоръ ночью. Нерѣдко сыновья городскихъ патриціевъ на коняхъ служили какъ ночные сторожа; была введена особая патрульная служба. Понятно, что прибѣгали къ такимъ мѣрамъ, такъ какъ ночью были особенно многочисленны преступленія, о чемъ сообщаютъ намъ источники, и такъ какъ въ ночной темнотѣ — въ то время только на мостахъ бывали фонари, да и то построенные на счетъ благотворителей — и при тѣснотѣ городской жизни

каждое ночное приключеніе могло принять характеръ бунта. Потому всячески старались препятствовать сходкамъ и собраніямъ во тьмѣ ночи. При наступленіи сумерекъ наиболѣе оживленныя улицы запирались цѣпами и для охраны ихъ ставились особыя посты въ караулькахъ; уже около девяти часовъ начинались обходы полиціи; всякаго, кто послѣ этого часа выходилъ на улицу безъ фонаря, арестовывали и отправляли въ башню господъ совѣтниковъ. Очень строго поступали также со всѣми бродягами; въ особенности старались прекратить наполненіе рядовъ городской черни деревенскими бродягами; каждого чужого нищаго выпроваживали за городскія ворота, не безъ того, конечно, чтобы не много не помучить и не поколотить его.

Но какъ ни были строги эти мѣры, онѣ не могли, — да и не стремились къ этому — задавить бурную жизнь городского населенія въ средніе вѣка. При аристократическомъ управленіи совѣта молодымъ сыновьямъ городскихъ патриціевъ предоставлялась очень большая свобода, которой они пользовались очень дурно — напр., въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ сажали подъ арестъ не въ тюрьму, а въ подвалъ совѣта — не рѣдко и цеховые въ своихъ цехахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ орали до поздней ночи. Въ особенности легко относились къ полиціи нравовъ. И то уже было значительнымъ прогрессомъ, что появились устроенные дома для падшихъ женщинъ, на которые нерѣдко смотрѣли какъ на источникъ городского дохода и къ обитательницамъ которыхъ относились довольно гуманно: такъ, напр., въ женскомъ монастырѣ въ Ульмѣ каждое воскресенье въ честь дѣвы Маріи и на утѣшеніе всѣмъ вѣрующимъ жгли свѣчу отъ всѣхъ публичныхъ женщинъ. Но часто вмѣсто такихъ домовъ терпѣли распутство въ тайныхъ притонахъ, въ игорныхъ домахъ и баняхъ. Въ дѣла игорныхъ домовъ полиція тоже вмѣшивалась только въ тѣхъ случаяхъ, когда слишкомъ сильно проигрывался какой нибудь изъ патриціанскихъ молодыхъ людей, а вообще то даже шулерамъ позволяли заниматься ихъ профессіей на время или пожизненно взамѣнъ извѣстныхъ взносовъ въ городскую кассу. Въ такихъ мѣрахъ и въ подобныхъ имъ проявлялась то широта морали, которая обыкновенно существуетъ при только — что складывающихся общественныхъ отношеніяхъ и подъ вліяніемъ значительныхъ колебаній въ составѣ населенія.

Дѣйствительно, жизнерадостность, оптимизмъ, вытекающій изъ увѣренности въ великомъ, полномъ надеждъ будущемъ, составляли отличительные признаки жизни средневѣкового города; и ни въ чемъ эта черта не выражалась такъ ярко, какъ въ большихъ постройкахъ городского управленія, имѣвшихъ монументальный характеръ и въ которыхъ новый готическій стиль употреблялся для свѣтскихъ цѣлей, для удовлетворенія потребностей, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстныхъ. Въ тѣ времена уже одинъ городской рынокъ производилъ

импонирующее впечатлѣніе. Бывшій часто единственной большой площадью внутри стараго города, находившійся почти всегда въ центрѣ его, онъ самъ по себѣ былъ какъ бы воплощеніемъ городскихъ промысловъ и гражданской самостоятельности. Не рѣдко его украшалъ особый знакъ недавно пріобрѣтенной свободы и своего особаго права, Роландъ, ландскнехтъ съ поднятымъ мечемъ, которому на другой сторонѣ рынка соотвѣтствовалъ публичный позорный столбъ, Качъ или Кэксъ. (Katsch или Kāx). Но въ особенности на рынкѣ привлекала вниманіе ратуша, самый характеръ постройки которой не рѣдко повѣствовалъ созерцателю о прошломъ, о незначительныхъ зачаткахъ гражданской свободы, о борьбѣ и страданіяхъ предковъ за охрапеніе этой свободы. По большей части ратуша первоначально была небольшимъ домомъ, въ которомъ засѣдалъ судъ, въ которомъ хранились городская печать и зеркало съ городскими привилегіями; потомъ для удовлетворенія постоянно растущихъ потребностей городского управленія дѣлались все болѣе обширныя пристройки, такъ что въ концѣ концовъ образовался цѣлый комплексъ построекъ, надъ которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышалась высокая башня съ судейскимъ и набатнымъ колоколомъ; эта башня была какъ бы знакомъ самостоятельности города. Въ ратушѣ находилась прежде всего зала засѣданія совѣта съ скамьями вокругъ и съ баллюстрадой, надъ которой возвышался балдахинъ для бургомистра въ срединѣ, съ старыми изрѣченіями на стѣнахъ, рекомендовавшими совѣту мудрость и умѣренность въ ихъ приговорахъ и сужденіяхъ и съ картинами, на которыхъ лучшіе мастера въ то время повсемѣстно появлявшихся школъ обыкновенно изображали страшный судъ или какіе либо выдающіеся примѣры безпристрастнаго правосудія; вообще это была серьезная зала, но по старому обычаю она нерѣдко посвящалась и разнузданному юмору и доброму пиру и веселымъ праздникамъ¹⁾. Рядомъ съ залой засѣданій находились отдѣльныя комнаты для комиссій свѣдущихъ людей господъ совѣтниковъ (*geschickten Freunde unserer Herren vom Rat*); къ нимъ примыкали слѣдующія комнаты для городского казначества, для специальныхъ отраслей управленія, для городской канцеляріи. Въ нижнихъ комнатахъ обыкновенно помещался городской арсеналъ, въ особенности драгоцѣнныя, недавно изобрѣтенныя пищали, пули и порохъ; тутъ находились также городскія знамена и разныя конфискованныя вещи особенно важныхъ преступниковъ. А рядомъ, въ нижнихъ сводахъ башни, хранились драгоцѣнныя пергаменты, давшіе городу судъ и свободу, дарованные

1) Въ украшеніяхъ залы не боялись прибѣгать къ шутовскому юмору. Въ Гамбургѣ въ 1340 г. совѣтъ приказалъ нарисовать въ залѣ собраній Страшный Судъ, и въ этой картинѣ соборный капитуль увидалъ клевету на его членовъ; въ концѣ концовъ дѣло дошло до крупнаго процесса предъ куріей — Schäfer, König Waldemar.

старыми императорами и добытые предками, приведенные въ порядокъ и занесенные въ реестры; они находились подъ наблюдениемъ господъ сводовъ (Gewolbeherren) или совѣтской комиссіи, завѣдывавшей городскимъ архивомъ.

Выходя изъ комнатъ ратуши перваго или втораго этажей, вступаешь на террасу, съ которой по большей части можно было видѣть весь рынокъ; это была терраса совѣта, съ которой время отъ времени поутру возвѣщали гражданамъ распоряженія совѣта, съ которой провозглашали миръ и право, опалу и заточеніе и объявляли въ день ежегоднаго измѣненія состава совѣта новый составъ городской коллегіи. Менѣе важное значеніе имѣлъ нѣсколько ниже помѣщавшійся входъ въ ратушу; онъ велъ въ совѣтскій погребъ съ запасами городского вина и въ комнаты, гдѣ помѣщались совѣтскіе погребщики и совѣтскіе повара; это были довольно видные чиновники съ хорошимъ по большей части жалованьемъ и обязанные носить ливрею города, вродѣ теперешняго мундира. Совѣтъ былъ представителемъ города предъ всѣми знатными гостями, для достойнаго приема которыхъ по средневѣковымъ понятіямъ о роскоши не маловажную роль играли хорошій обѣдъ и добрыя вина. Для этого городъ держалъ собственную кухню и собственный погребъ и могъ похвастаться массивными художественно разукрашенными серебрянными сервизами. Современемъ во всѣхъ большихъ городахъ были устроены приемныя залы для пріятія чужестранцевъ, а также и для праздниковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для этого приспособляли залу совѣта или большую залу купеческаго дома или пристраивали къ ратушѣ особую парадную залу, какъ напр. въ Любекѣ въ 1308 году; а въ другихъ мѣстахъ приступали къ большимъ самостоятельнымъ постройкамъ для цѣлей общественныхъ городскихъ празднествъ; появились танцевальныя дома совѣта съ блестящими парадными залами; самымъ большимъ изъ нихъ была кельнская Gürzenich.

Но строительныя стремленія горожанъ проявлялись не въ одномъ этомъ направленіи. Кромѣ построекъ зданій для городского представительства горожане хотѣли соперничать съ представителями церкви. Рядомъ съ старымъ готическимъ стилемъ соборныхъ и монастырскихъ церквей появляется новый бюргерско-готическій стиль: къ этому стилю относятся такіе замѣчательные памятники строительнаго искусства, какъ соборъ въ Ульмѣ и высокія, чуть не до облаковъ доходящія церкви св. Маріи въ ганзеатическихъ городахъ сѣвера, а также многія частныя капеллы бюргерскихъ родовъ и бюргерскихъ монастырей, построенныя во всѣхъ почти городахъ въ 14 вѣкѣ.

Церкви тогда никоимъ образомъ не служили однимъ только цѣлямъ богослуженія, по крайней мѣрѣ на востокѣ, въ колоніяхъ. Церковь св. Маріи въ Любекѣ была вмѣстѣ съ тѣмъ и средоточіемъ городской торговли; здѣсь купцы заканчивали свои дѣла, здѣсь ремеслен-

ники искали заказовъ, здѣсь бургомистры въ особой капеллѣ въ верхнемъ этажѣ которой хранился городской архивъ и городская казна, давали торжественныя аудіенціи; даже въ началѣ 19 вѣка здѣсь на хорахъ собирался совѣтъ, чтобы отсюда въ торжественномъ шествіи двинуться на засѣданіе въ ратушу. Потому церкви на сѣверо-востокѣ имѣли особый характеръ; если на дверяхъ церкви св. Маріи въ Данцигѣ была вырѣзана молитва: Царица небесная, помилуй насъ (*Königinne der himmele, bidde vor uns*), то эта молитва въ душѣ входящаго возбуждала не одни только религіозныя помыслы, а и чисто дѣловыя желанія.

Вообще въ средніе вѣка при церквяхъ издавна существовали особыя мѣста для собраній и особыя постройки для потребностей торговли, именно въ этомъ отношеніи и заботливость города достигала своего апогея, что вполне соответствовало тому нераздѣльному и неослабному вниманію, которое въ то время вообще посвящали регулированію торговли и ремеслъ.

IV.

Города издавна устраивали промышленныя и фабричныя заведенія, для устройства которыхъ было недостаточно индивидуальныхъ средствъ. Таковы были, напр., постройки для снабженія обывателей водой; особенно въ Нидерландахъ одной изъ главнѣйшихъ заботъ совѣта было прорытіе каналовъ для промышленныхъ цѣлей. Въ Аусбургѣ тоже вода рѣки Леха была проведена тысячами каналовъ въ промышленные кварталы. Кромѣ того существовали городскіе мельницы, клоаки, колодцы, прессы, бѣлильни, рамы для крашенья суконъ и сушильни. Но особенно крупными были городскія заведенія для торговыхъ цѣлей.

Въ этомъ отношеніи казалось особенно умѣстнымъ представительство отдѣльныхъ интересовъ городской общиной, потому что въ этой сферѣ городъ, какъ замкнутая община, встрѣчался съ другими подобными же замкнутыми общинами и долженъ былъ создать надежныя основы для междугородской торговли и разныя удобства и выгоды, которыми воспользовались бы его отдѣльные члены. Крупный торговецъ съ начала среднихъ вѣковъ выѣзжалъ изъ города караваномъ, вооруженный для борьбы противъ всякаго нападенія; мореплаватели соединялись въ эскадры для преодоленія опасностей морского плаванія и для общей обороны отъ морскихъ разбойниковъ, и тоже направленію сохранялось и въ торговыхъ городахъ конца среднихъ вѣковъ. Еще продолжали эгоистически заботиться только о благѣ своихъ согражданъ, къ свободѣ торговли стремились еще лишь постольку, поскольку она была полезна для торговли родного города. Старые королевскіе рынки отъ 10 до 12 вѣковъ были представителями свободной торговли, а города отъ 13 до 15 вѣковъ представителями про-

тектонизма. Только очень медленно развивалась мысль о предоставлении свободной торговли на родной землѣ и чужимъ купцамъ; правиломъ же были торговля ограниченія въ пользу туземныхъ купцовъ. Очень рано противъ излишняго притока товаровъ былъ принятъ связанный съ этимъ, хотя повидимому и противорѣчащій, принципъ. Если не хотѣли большой иностранной торговли, то съ другой стороны должны были заботиться о томъ, чтобы доставить туземному производству все сырье, а туземной торговлѣ всѣ чужія произведенія промышленности въ возможно большемъ изобиліи и возможно лучшаго качества. Обѣ эти потребности обусловливали энергическое организаторское вмѣшательство городского управленія въ дѣла торговли; оно должно было повести къ широкому контролю надъ всѣми торгующими чужестранцами и къ ограниченію международной торговли въ городахъ. И дѣйствительно для этой цѣли всѣ большіе города давно уже добились особой привилегіи, права складовъ (Stapelrecht); и въ силу такой привилегіи повсемѣстно появились верфи и склады для пріема и храненія купеческихъ имуществъ, подчиненныхъ праву склада; вездѣ появился многочисленный персоналъ надзирателей и служащихъ на рынкѣ, товарныхъ писцовъ и ревизоровъ, и по большей части также и совѣтская комиссія для надзора за продажей изъ складовъ.

Но если контроль надъ товарнымъ обращеніемъ сырья и полуфабрикатовъ, но большей части появляющихся на рынкѣ цѣлыми тюками и преимущественно подлежащихъ праву складовъ, и былъ сравнительно легкимъ, то по отношенію къ персоналу чужихъ торговцевъ приходилось прибѣгать къ болѣе сложной организаціи. Основанія этой организаціи были слѣдующія: возможно большія затрудненія и даже прямое воспрещеніе торговли между двумя чужестранцами безъ посредничества и, стало быть, безъ барыша для туземнаго купца; далѣе обложеніе всѣхъ договоровъ чужестранныхъ купцовъ налогомъ въ пользу города; наконецъ, упорядоченіе торговыхъ отношеній между чужимъ купцомъ и туземнымъ, по возможности съ большей выгодой для послѣдняго. Для этихъ цѣлей сначала въ большинствѣ городовъ служило оригинальное положеніе гостинницъ. Чужой кунецъ получалъ въ нихъ только помѣщеніе для себя и иногда для своихъ товаровъ и очень рѣдко содержаніе. Хозяинъ гостинницы не замѣнялъ друга, дававшего чужому мирное и удобное помѣщеніе; онъ скорѣе было чѣмъ то вродѣ городского шпиона; онъ долженъ былъ наблюдать за всѣми дѣйствіями чужого кунца и присутствовать въ качествѣ свидѣтеля при всякой сдѣлкѣ, а нерѣдко даже и взимать приходящійся въ пользу города налогъ. Такимъ образомъ хозяинъ былъ для иностранной торговли настоящимъ контрольнымъ чиновникомъ, а смотрителя торговли получали порученіе служить посредниками для торговыхъ сношеній чужестранца съ туземными промыш-

ленниками и купцами. Первоначально бывшіе только надзирателями за продажей, они вскорѣ благодаря своему знанію товаровъ и въ силу многократныхъ личныхъ сношеній въ самомъ городѣ и внѣ его сдѣлались чѣмъ то вродѣ теперешнихъ маклеровъ; какъ таковыя они присягали предъ совѣтомъ и вели книги о всѣхъ проходившихъ чрезъ ихъ руки дѣлахъ. Нерѣдко каждому изъ нихъ, соотвѣтственно ихъ спеціальному знакомству съ той или другой отраслью торговаго дѣла, поручилась отдѣльная отрасль промысловъ и тогда они были посредниками при закупѣ соотвѣтствующими цехами всего необходимаго для нихъ сырья.

Кромѣ заботы объ оптовой торговлѣ между туземными и чужими купцами, которая происходила на верфяхъ и въ большихъ складахъ на берегу рѣки или моря, городское управленіе преимущественно заботилось о торговлѣ на площади, особенно о передачѣ достаточнаго количества товаровъ мелочной торговлѣ. Для этой цѣли почти всегда имѣлся особый домъ, такъ называемый купеческій домъ (Kaufhaus); это было великолѣпно устроенное монументальное зданіе въ два или въ три этажа, которое обыкновенно занимало широкую сторону большой площади или какого нибудь спеціального рынка. Здѣсь въ обширныхъ погребахъ и амбарахъ хранились предназначаемые для городского потребленія товары, пробы въ отдѣльныхъ камерахъ, изящные товары, какъ напр. ткапи, въ верхнемъ этажѣ, болѣе грубые предметы потребленія, какъ напр. сельди, въ нижнемъ. Въ среднемъ же этажѣ обыкновенно находилась большая зала, въ которой происходили празднества и дѣловыя собранія оптовыхъ торговцевъ; въ этомъ учрежденіи мы видимъ зачатки современной биржи.

Такъ какъ въ этомъ домѣ, собственно говоря, и производились всѣ главнѣйшіе обороты внутренней городской торговли, то, понятное дѣло, съ нимъ связаны были и дальнѣйшія попытки городского управленія организовать торговые интересы. Что бы понять сущность такой организаціи, необходимо помнить, что бюргеры среднихъ вѣковъ были еще очень далеки отъ современныхъ понятій о международныхъ торговыхъ интересахъ. Для такого пониманія торговля еще не была достаточно созрѣвшей; созданію международныхъ отношеній еще сильно мѣшали неудовлетворительность средствъ общенія, сравнительная рѣдкость населенія, недостаточное потребленіе въ силу отсутствія капиталовъ и наконецъ все еще очень большая ограниченность умственныхъ горизонтовъ населенія. Торговля велась въ узкомъ районѣ и только немногіе роды товаровъ имѣли болѣе широкое распространеніе; потому то идеаломъ торговыхъ оборотовъ и всего народнаго хозяйства вообще считали не столько широкое распространеніе товаровъ, сколько ихъ высокое качество. Такъ какъ эта точка зрѣнія примѣнялась въ особенности къ ремесламъ, то въ концѣ среднихъ вѣковъ произведенія ремеслъ достигали удивитель-

ной степени художественнаго совершенства; примѣняя ту же точку зрѣнія и къ торговой полиціи, создавали широкія контрольныя учрежденія для всѣхъ товаровъ, по отношенію къ ихъ качествамъ и вѣсу, по отношенію къ надлежащей мѣрѣ и цѣнѣ. По большей части эти контрольныя учрежденія были связаны съ купеческимъ домомъ; здѣсь изслѣдовали лигатуру металлическихъ, въ особенности золотыхъ издѣлій; здѣсь осматривали чужестранныя и туземныя сукна, прочность ихъ красокъ и добротность ткани; здѣсь вырабатывалась обширная казуистика всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ товаръ признавался «истипно хорошимъ», «настоящимъ купеческимъ добромъ». Если находили какіе нибудь недостатки, то поступали съ товарами безъ всякаго милосердія; сосуды съ плохой лигатурой сплавляли, а кромѣ того, если такіе сосуды приготавливалъ туземный мастеръ, то публично для примѣра другимъ разламывали его ремесленные орудія; дурное сукно рѣзали, другіе товары бросали въ воду. Такая чрезвычайная заботливость о качествѣ товаровъ въ сферѣ продуктовъ потребленія понятнымъ образомъ развилась до утонченности. Существовали подробнѣйшія опредѣленія о продажѣ хлѣба, мяса и рыбы; эти опредѣленія доходили до самыхъ мелочныхъ подробностей, вродѣ опредѣленія австрійскихъ городовъ, что рыбакъ, продававшій свѣжую рыбу, не долженъ носить шапки или шляпы и вообще какого бы то ни было головного убора, онъ долженъ стоять на рынкѣ съ обнаженной головой, и на солнцѣ и въ дождь, и зимой и лѣтомъ,—и это для того, чтобы ему хотѣлось поскорѣй убраться съ рынка и чтобы онъ торопился продать свой товаръ. Эта забота о потребителяхъ въ сферѣ торговли съѣстными припасами развилась потомъ въ предупредительныя мѣры, сохранившіяся и до сихъ поръ въ формѣ таксы на эти припасы; опредѣлялись величина и достоинство, цѣна и вѣсъ, въ особенности хлѣба и мяса, для того «чтобы народъ лучше питался».

Если созданіе городской рыночной полиціи основывалось вообще на примѣненіи принудительныхъ мѣръ, приспособленныхъ къ существовавшему въ то время отношеніямъ, и указывающихъ на здравое пониманіе фактическаго положенія дѣлъ, то установленіе таксъ на жизненные припасы не рѣдко переходило эти разумные предѣлы; обычный ходъ правительственной организаціи дѣлался иногда препятствіемъ для торговли.

Съ другой стороны въ строѣ рыночной полиціи сохранялись еще нѣкоторые остатки болѣе раннихъ экономическихъ воззрѣній, въ которыхъ разумное давно уже сдѣлалось бессмыслицей, а добро зломъ. Это въ особенности можно сказать объ обязательномъ контролѣ всякаго вѣса и всякой мѣры на официальныхъ вѣсахъ и официальной мѣрой предъ особыми совѣтскими чиновниками, которыхъ было черезъ чуръ ужъ много (Ratswieger, Ratsmüddern, Ratsvirgulieren и т. д.)

Въ прежнее, экономически мало развитое время дѣйствительно было необходимо для каждой крупной торговой сдѣлки пользоваться общественными вѣсомъ и мѣрой; было очень немного общераспространенныхъ мѣръ и очень большое разнообразіе ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ; отношенія этихъ мѣстныхъ мѣръ одна къ другой часто были вовсе неизвѣстны чужестраннымъ торговцамъ и потому за нихъ должна была ручаться общественная власть. Потому въ первую половину среднихъ вѣковъ городскія власти устраивали общественныя вѣсы и мѣры за извѣстные сборы. Съ исчезновеніемъ старыхъ городскихъ властей эти вѣсы и мѣры по большей части перешли къ новому бюргерскому управленію; при увеличивающейся торговлѣ ими пользовалось все большее число лицъ и они приносили все большіе доходы. Скоро въ этомъ дѣлѣ начала преобладать исключительно финансовая точка зрѣнія; городское управленіе настолько открыто держалось ее, что вопреки всему удерживало устарѣвшія, затруднявшія теперь торговлю учрежденія.

Если въ сохраненіи нѣкоторыхъ устарѣлыхъ учреждений и въ установленіи нѣкоторыхъ новыхъ препятствій для торговли и проявлялись уже первые слѣды направленія, вообще не соотвѣтствовавшаго энергическому, даже безумно смѣлому прогрессу 14 вѣка, то все таки общій приговоръ о городскомъ хозяйствѣ этого времени можетъ быть только благопріятнымъ. Новая гражданская жизнь была построена на прочной основѣ и проявленія ея были здоровыми и разумными. Правда, всѣ эти проявленія указывали на стремленіе духа того времени преимущественно къ реальному, даже къ матеріальному; но тогда, вѣдь, было прежде всего необходимо заложить впѣшнія основанія гражданского общества. Эти основанія представляются намъ нѣсколько странными, не рѣдко отдѣльныя ихъ подробности сначала представляются намъ даже непонятными; но вѣрное пониманіе событій, происходившихъ по большей части въ очень ограниченной сферѣ отношеній, на небольшомъ пространствѣ, среди населенія отдѣльныхъ городовъ, по нашимъ понятіямъ довольно малочисленнаго, доказываетъ твердость стремленій, равномерность въ основныхъ принципахъ всѣхъ учреждений, непрерывность прогрессивнаго развитія, которыя можно объяснить себѣ только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ здравый смыслъ населенія и свободный отъ всякихъ предразсудковъ оптимизмъ управленія въ виду вновь появившихся потребностей.

У.

Конечно, такая энергическая дѣятельность въ сферѣ преимущественно экономической еще никоимъ образомъ не создаетъ гражданского общества въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ его;

старые нѣмецкіе, а также и голландскіе живописцы до самаго 17 столѣтія не даютъ намъ въ своихъ столь высоко стоящихъ въ художественномъ отношеніи картинахъ бюргерскихъ нравовъ изображенія высоко развитаго въ умственномъ отношеніи общества.

Въ 14 вѣкѣ обыкновенный бюргерскій домъ не представлялъ удобной арены для свободной общественной жизни. Это былъ, какъ на западѣ, трехъоконный домъ съ маленькими комнатками, такой, какіе строили уже во время господства романскаго стиля, или, какъ на востокѣ, домъ, напоминавшій своей передней съ очагомъ по срединѣ, избу саксонскаго крестьянина — и во всякомъ случаѣ онъ былъ не только жилищемъ семьи, но и товарнымъ помещеніемъ, рабочей мастерской и лавкой; въ немъ всегда была замѣтна особая матеріальная окраска всей жизни бюргера.

Во внутреннемъ устройствѣ домовъ тоже было мало комфорта. Готическій стиль—это прежде всего стиль монументальной архитектуры; по самой своей сущности онъ дѣйствуетъ на человѣка вдохновляющимъ образомъ; онъ не пригоденъ, какъ выраженіе будничнаго комфорта. Мотивы, заимствованные ремеслами у готики, были мотивами величественнаго; они замѣчательно отражались и въ маломъ видѣ, въ домашней мебели и вообще въ домашнемъ убранствѣ. Произведенія готическихъ ремеслъ были потому чѣмъ то неразумнымъ, неудобнымъ и неудовлетворяющимъ. Мебель того времени не богата своими формами; основными ея формами были только скамья, столъ и стулъ; украшенія даже наиболѣе художественно сработанныхъ экземпляровъ были по большей части однообразными. Такая не особенно привлекательная мебель стояла въ комнатѣ, въ которую едва пробивался дневной свѣтъ чрезъ замѣнявшіе стекло его суррогаты и въ которой очень холодный полъ не рѣдко покрывался коврами для тепла, а по большей части просто циновками. Такимъ образомъ въ домѣ не было ничего поэтическаго; поэзія жилища еще не была общимъ достояніемъ и только позже, въ эпоху возрожденія, она сдѣлалась привилегіей болѣе богатыхъ гражданъ.

По внѣшности дома, правда, были довольно живописны по наивности своихъ построекъ, отъ далеко выдавагося въ улицу навѣса надъ погребомъ до галлереекъ, корридорчиковъ и чердаковъ, до островерхихъ крышъ съ далеко выдававшимися краями; но въ то время еще мало придавали значенія украшенію фасада, этому выраженію лучшаго, удобнѣйшаго обихода жизни; каменная работа и рѣзьба еще были рѣдкостью и только Гейлеръ изъ Кайзерсберга первый жаловался на домъ въ Страсбургѣ, который и снаружи и внутри размаляванъ картинами (*gemalt ist ussen und innen mit nackenden bildern*).

Внутренняя жизнь семьи была также замкнута, какъ и ея внѣшняя обстановка.

Правда, старая родовая организація, какъ внѣшняя, все охватываю-

щая оболочка семьи и существовавшая въ первое тысячелѣтіе нѣмецкой исторіи, была почти совершенно забыта. Въ Саксонскомъ Зеркалѣ замѣтны послѣдніе слѣды признанія узкаго и широкаго круговъ родства. Къ концу среднихъ вѣковъ прежнія права рода какъ мужа, такъ и жены на семейное имущество давно уже исчезли и это имущество сдѣлалось самостоятельнымъ.

Первоначально супруги имѣли только общность управленія семейнымъ имуществомъ, но право собственности на имущества унаслѣдованныя сохранялись за каждымъ изъ нихъ, такъ что въ случаѣ бездѣтности брака имущество переходило въ родъ или мужа или жены. Эта система еще долго сохранялась въ саксонскомъ деревенскомъ правѣ, а также и въ очень широко распространенномъ Магдебургскомъ городскомъ правѣ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и во фризскомъ правѣ); потому то для Саксонскаго Зеркала наследованіе между супругами было явленіемъ неизвѣстнымъ.

Но увеличивающая городская торговля необходимо должна была разрушить такія юридическія воззрѣнія. Самое раннее движеніе для ихъ измѣненія, для созданія настоящаго семейнаго имущества, для созданія абсолютно вѣрной экономической основы семейной жизни, исходило потому изъ Вестфалии, очень рано сдѣлавшейся торговой страной. Здѣсь уже во времена каролинговъ кромѣ общности управленія семейнымъ имуществомъ, существовала общность владѣнія всѣмъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, и въ городахъ въ особенности это очень скоро, во времена Салійцевъ и Штауфеновъ, перешло въ полную общность имуществъ. Такая институція, получившая свое начало въ группѣ городовъ Сѣсть-Мюнстерскаго права, была потомъ изъ Сѣста перенесена въ Любекъ, и оттуда во всѣ города любекскаго права. Но и въ городахъ магдебурскаго права съ 14 вѣка развилось болѣе или менѣе широкое право общности имущества; къ концу среднихъ вѣковъ это право во всѣхъ городахъ востока и сѣвера было юридической системой будущаго.

Въ то же время южная Германія, исходя изъ франкскаго права, завершила ту же эволюцію, только болѣе быстро. И тамъ также все состояніе, какъ наследственное, такъ и благопріобрѣтенное, какъ постоянная матеріальная основа самостоятельнаго существованія семьи, находилось въ общемъ владѣніи супруговъ; экономическое освобожденіе семьи, выдѣленіе ея изъ рода было закончено.

Рядомъ съ этимъ освобожденіемъ, даже раньше его, совершилось и освобожденіе въ сферѣ личныхъ отношеній. Въ этомъ отношеніи старая общественная опека рода надъ всѣми нецелноправными его членами вездѣ, за исключеніемъ только фризскаго права, уничтожилась очень давно; она превратилась въ представительство въ нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлахъ. вмѣсто опеки родовой появилась постепенно общественная, государственная. Эта общественная опека вскорѣ огра-

ничла права прирoжденныхъ, обязательныхъ опекуновъ прежняго времени. Такъ уже около 1350 года базельскій совѣтъ устроилъ надзоръ властей надъ природными опекунами. Потомъ пошли и дальше въ этомъ отношеніи, сначала въ южной Германіи. Обязательная опека замѣнялась опекуномъ, назначаемымъ свободнымъ выборомъ отца, а иногда даже и назначаемымъ судомъ. Близилось время, когда въ противоположность старому праву опекуншей могла быть и мать; уже въ концѣ среднихъ вѣковъ она часто пользовалась неформальной личной опекой надъ малолѣтнимъ, тогда какъ опекунъ завѣдывалъ только имуществомъ его.

Съ этихъ поръ связь семьи съ родами супруговъ оставалась во многихъ отношеніяхъ только фактической связью образа жизни и обычаевъ; потому личности часто продолжали отличаться одни отъ другихъ названіями по родству и часто цѣлые роды изъ поколѣнія въ поколѣніе наследовали одинаковую профессію. Эти черты быта сохранялись еще долгое время; даже въ сферѣ художественной дѣятельности еще въ 16 и 17 вѣкахъ цѣлые роды занимались одинаковой профессіей; за Парлерами изъ Гемюнда и другими родами архитекторовъ въ 14 и 15 столѣтіяхъ слѣдовали роды живописцевъ: Гальсы, Брейгели, ванъ-деръ-Вельды и Сваненбурхи.

Въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ уже въ 14 вѣкѣ въ городахъ семья являлась настоящей носительницей естественнаго развитія. Это всего очевиднѣе доказывается тѣмъ, что экономическая основа семьи наследуется дальнѣйшими поколѣніями; вначалѣ дѣти наследуютъ отъ дѣдовъ, дѣды отъ прадѣдовъ, потомъ все болѣе наследованіе измѣняется въ пользу внуковъ и правнуковъ и въ 1498 году законъ уже признаетъ право представительства болѣе отдаленныхъ потомковъ ¹⁾. Но при этомъ наследственное право все еще остается совершенно обязательнымъ; одностороннія распоряженія о наследствѣ до конца среднихъ вѣковъ допускаются только относительно очень незначительной части всего наследства, главнымъ образомъ только на поминъ души; распоряженія при жизни объ отдѣльныхъ частяхъ наследства съ согласія законныхъ наследниковъ допускаются съ 13 вѣка, но они не часты. Семейное состояніе все еще считается не просто экономической основой существующей семьи, а всѣхъ слѣдующихъ одно за другимъ ея поколѣній. Потому оно еще не индивидуализировалось. Особыя имущественныя права и права пользования отца семейства, особыя права дѣтей, жены и родственниковъ на пищу и обезпеченіе, вообще были мало извѣстны; для семейнаго состоянія еще не существовало отдѣльныхъ принципиальныхъ опредѣленій по отношенію къ его члѣнамъ и потому оно не могло посредствомъ такихъ обязательныхъ для всѣхъ членовъ семьи опредѣленій

¹⁾ R. A. 1498. SS 37.

индивидуализировать отдѣльныхъ членовъ семьи и ихъ взаимныя отношенія. Во всякомъ случаѣ совершеннолѣтніе сыновья имѣли право требовать выдѣла имущества и имущество, принадлежавшее дѣтямъ, считалось неотчуждаемымъ (*eisernes Gut*), которымъ отецъ имѣлъ право только пользоваться; но вообще то вся масса семейнаго имущества была еще нераздѣльной и находилась въ распоряженіи супруга и отца.

Соотвѣтственно съ этимъ власть главы семейства была еще очень велика. Правда, отецъ не имѣлъ уже, какъ раньше, права убивать дѣтей, продавать ихъ и насильно женить и отдавать замужъ; но онъ еще пользовался правомъ наказанія даже взрослыхъ дѣтей; для женщинъ сохранялась полная опека надъ ними мужа, несмотря на право дѣвушки свободнаго выбора себѣ мужа, вмѣсто прежняго права опекуновъ выдавать ее замужъ, уничтоженнаго съ 13 вѣка.

Для существованія сильной отеческой власти и для основывавшагося на ней незначительнаго законнаго индивидуализированія семейнаго имущества было въ особенности важно то обстоятельство, что отдѣльныя семьи не просто состояли изъ супруговъ и ихъ дѣтей, а образовали совершенно замкнутыя производительныя и потребительныя общественныя ячейки, нѣчто вродѣ маленькихъ экономическихъ хозяйственныхъ монархій. Въ деревняхъ членами семьи считались всѣ, пользующіеся однимъ очагомъ — стало быть, супруги, дѣти и всѣ работники крестьянскаго двора; господиномъ былъ только тотъ, кто обладалъ своимъ очагомъ. Тоже самое было и въ городахъ; здѣсь личность кормильца-господина совпадала съ личностью главы семьи, жена и дѣти также, какъ и подмастерья и рабочіе, находились одинаково подъ властью кормильца. При такомъ общемъ семейномъ строѣ семья крупнаго купечества съ ея спекулятивнымъ капиталомъ, капиталомъ фирмы, отдѣльнымъ отъ настоящаго семейнаго имущества, съ своимъ свободнымъ наследственнымъ правомъ, еще только прокладывала себѣ дорогу; вообще „хозяйство“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. производительная и потребительная общественная ячейка, и семья еще совпадали. Но такъ какъ эта общественная ячейка была замкнутой, то для власти ея главы она создавала особую основу, отличную отъ основы власти главы семьи, и эта основа состояла въ обязанности главы продовольствовать членовъ ячейки и продавать на рынки производимые ими продукты; это уже современная семья, она уже давала членамъ семьи возможность совершенно индивидуальнаго развитія.

Если личности въ семьѣ благодаря правовому и экономическому строю жизни были вынуждены къ почти полному равенству въ развитіи, то и многія другія условія содѣйствовали увеличенію этой зависимости личности отъ общаго строя. Необычайно большая смертность отъ родовъ имѣла слѣдствіемъ то, что большинство мужчинъ имѣло послѣдовательно по нѣскольку женъ; это обстоятельство до

значительной степени увеличивало власть отца семейства. Къ этому присоединялось необыкновенно большое количество дѣтей, по крайней мѣрѣ въ патриціанскихъ семьяхъ ¹⁾; житель Нюрнберга Ульманъ Стромеръ рассказываетъ, что его отецъ оставилъ восемнадцать человѣкъ дѣтей, дѣдъ пятнадцать, а прадѣдъ тринадцать, у него самого было девять человѣкъ дѣтей, а его сестра, выданная замужъ на пятнадцатомъ году, имѣла восемь человѣкъ до двадцати пятилѣтняго возраста. Возможно ли было при такомъ количествѣ дѣтей и при напряженной экономической дѣятельности того времени думать объ умственно-сильномъ, индивидуализированномъ воспитаніи? Даже простая забота о томъ, чтобы выкормить дѣтей, была далеко не удовлетворительна. Даже знатные бюргеры 14 вѣка, если судить по миниатюрнымъ изображеніямъ того времени, были физически плохо развиты: тонкія ноги, большой животъ, узкая грудь и лицо, покрытое морщинами даже въ возрастѣ мужественной силы.

Неудивительно, что это поколѣніе не находило въ общеніи удовлетворенія своимъ интересамъ, какъ ни были ограничены эти интересы съ нашей современной точки зрѣнія. Въ обществѣ тоже царили правила и принужденіе, узость взглядовъ и стѣсненіе свободы дѣйствій. Общности совершенно свободно избираемой, обусловливаемой духовными мотивами, не существовало; форма общества была товарищеской и утонченность общественныхъ отношеній была службой.

Идея товарищества была издревле нѣмецкой идеей; даже міръ боговъ, великановъ и карликовъ германской мифологіи также, какъ мученики и исповѣдники нѣмецкой легенды, были организованы на основаніи принципа товарищества. Но никогда на такомъ незначительномъ пространствѣ не существовало столькихъ товариществъ рядомъ одно съ другими, какъ въ городѣ конца среднихъ вѣковъ; они были также безчислены, какъ теперешніе фрейны; они охватывали всѣ жизненные отправленія человѣка. Уже духовныя братства въ ихъ различныхъ формахъ включали большинство городскихъ обывателей. Движеніе, исходившее изъ Кюни и Гирсау, создало первыя братства мірянъ въ связи съ монастырями. Св. Францискъ потомъ нашелъ для этихъ отношеній болѣе свободную форму, включивъ свѣтскихъ братьевъ въ низшій орденъ тертіаріевъ миноритовъ. Тертіаріи оставались въ своихъ прежнихъ гражданскихъ отношеніяхъ къ окружающему міру и были обязаны только къ умѣренному аскетизму въ постѣ и молитвѣ и къ извѣстнымъ взносамъ денегъ; за это они принимали участіе въ житейскихъ дѣлахъ; эта форма была широко распространена; въ Брюсселѣ ткачи всей корпораціей присоединились къ третьему ордену св. Франциска. Вскорѣ по образцу этого созданія св. Франциска основался цѣлый рядъ другихъ духовныхъ братствъ,

¹⁾ См. Лампрехтъ въ Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik. 1.

все болѣе и болѣе независимыхъ отъ духовенства и церкви, до тѣхъ Kalandsbrüderschaften, которыя, будучи сначала чисто духовными, въ концѣ концовъ были посвящены свѣтскимъ удовольствіямъ.

Рядомъ съ духовными братствами существовали свѣтскія и общества, въ которыхъ были товарищески объединены тѣ бюргеры, которые стояли внѣ цеховъ и внѣ обществъ подмастерьевъ и учениковъ. Общества высшихъ слоевъ населенія, старыхъ патриціанскихъ родовъ, примыкали сначала къ рыцарству. Въ южной Германіи и на Рейнѣ очень рано образовались рыцарскія братства дружественныхъ между собою патриціанскихъ семействъ; на сѣверѣ и на востокѣ это движеніе продолжалось до 14 вѣка. Потомъ и здѣсь исчезла специально рыцарская окраска и остались только чистообщественныя товарищества аристократическихъ слоевъ населенія. Таково было, напр., *selschor unde broderschor* городскихъ юнкеровъ въ Любекѣ, которое въ 1374 году приобрѣло капелу въ францисканскомъ монастырѣ, или черноголовые (*Schwarzhäupter*) въ балтійскихъ городахъ и дворы Артура (*Artus-höfe*)—въ Торнѣ, Эльбингѣ и другихъ прусскихъ городахъ, первоначальная форма которыхъ была заимствована въ началѣ 14 вѣка изъ дружественной Англій.

Общественныя отношенія во всѣхъ этихъ товариществахъ, среди которыхъ протекала почти вся личная жизнь внѣ семьи, были чисто условными. Если въ условномъ общественномъ топѣ рыцарства при участіи женщинъ все же было множество идеальныхъ, стало быть благопріятствующихъ личному развитію, моментовъ, если при всей изысканности рыцарскаго общества все же было возможно освобожденіе фантазіи и индивидуализированіе наслажденій, то въ патриціанскихъ бюргерскихъ кружкахъ 14 вѣка, когда женщины снова были исключены изъ общества, условность выродилась въ педантизмъ, и несвобода обычаевъ въ формальный законъ.

Еще и теперь мы можемъ составить нѣкоторое представленіе объ общественной жизни той эпохи, осматривая сохранившіяся общественныя мѣста, указывающія на характерныя черты этой общественной жизни. Въ домѣ общества корабельщиковъ въ Любекѣ имѣется свѣтлая обширная зала, украшенная картинами библейскаго содержания по стѣнамъ, висящими люстрами и фонарями, моделями кораблей и рѣдкостями, привозимыми изъ далекихъ странъ. Въ ней стоятъ параллельныя ряды скамеекъ, прикрѣпленныхъ къ полу, ихъ высокія спинки и ручки на подобіе готическихъ церковныхъ скамеекъ образуютъ совершенно отдѣльныя другъ отъ друга пространства, такъ что сидящіе на одной скамьѣ не могутъ видѣть сидящихъ на другихъ скамьяхъ. Предъ скамьями стоятъ простые столы. Все расположеніе мебели указываетъ, что каждый изъ членовъ общества имѣлъ опредѣленное мѣсто, связывающее его съ извѣстными личностями; ни одинъ изъ членовъ, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, не могъ видѣть все-

то общества; только председатель, сидѣвшій за высокимъ столомъ впереди всѣхъ скамей, могъ видѣть всѣхъ и руководить всѣми.

Тутъ сходились для общей трапезы; заплативъ за общій обѣдъ получали лучшее мѣсто среди наиболѣе уважаемыхъ членовъ; всѣ пили по командѣ; однимъ словомъ, хотѣли быть вполнѣ самостоятельными и чувствовали себя хорошо, только находясь подъ властью точно опредѣленныхъ законовъ. Эти законы подъ страхомъ наложенія высокихъ штрафовъ хотятъ принудить людей къ соблюденію формъ общежитія; насколько ниже они даже правилъ современныхъ студенческихъ коммершей, съ которыми ихъ только и можно сравнивать изъ всѣхъ общественныхъ формъ современной жизни. Имъ подчинялся міръ юный, первобытный, грубый. Но при этомъ съ точки зрѣнія людей 14 вѣка этотъ міръ былъ міромъ людей, средства которыхъ все болѣе и болѣе увеличивались. Такимъ образомъ внутренняя грубость и внѣшній блескъ соединялись въ этихъ формахъ общенія; извѣстная условная утонченность богатства или зажиточности достигалась, не смотря на духовную грубость.

Тоже оригинальное соединеніе царило и въ условномъ вкусѣ и въ модахъ одеждъ, въ поведеніи, въ общественныхъ увеселеніяхъ. Когда-то пиры были очень скромны; довольствовались небольшимъ количествомъ винъ и пирожныхъ, пивомъ, хлѣбомъ, селедками и рѣдькой; теперь яства и напитки сдѣлались утонченными; на официальныхъ обѣдахъ число гостей было очень велико. Уже Бертольтъ регенсбургскій возставалъ противъ этой роскоши: *es wellent etiliche zwelf gevatern haben zuo einem Kinde, eteliche niune, eteliche sibene, eteliche fünfe. An eime hastu gar genuoc, an zwein gar vil, an drien gar unde gar ze vil* (одни хотятъ, чтобы у одного ребенка было двѣнадцать крестныхъ отцовъ, другіе девять, третьи семь, а четвертые— пять. И одного совершенно достаточно, двое уже нехорошо, а трое и совсѣмъ не ладно). Но ни въ чемъ такъ сильно не проявлялась эта грубая роскошь, какъ въ одеждѣ. Сдѣлалось обычаемъ часто мѣнять платье; даже слова: *Kleid, Gevand, Gewäte* измѣнили свое прежнее значеніе; моды сдѣлались капризными; къ концу 14 вѣка самыя невѣроятныя головные уборы и безстыдное утонченное выставленіе на показъ формъ тѣла въ бургундскихъ модахъ были предшественниками безумныхъ модъ 15 вѣка. Несомнѣнно, однако, что въ этомъ отношеніи какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, играла роль очень важная психологическая причина, значеніе которой далеко выходило за предѣлы простого модничанья. Эти шлейфы и длинные рукава, эти странные башмаки съ длинными острыми носками и странныя шляпы, это выставленіе впередъ округлости живота, это обнаженіе груди были несомнѣнно указателями перваго, довольно грубаго наслажденія своей собственной наружностью. Это было такъ

же и указателемъ того, что увеличеніе матеріальныхъ средствъ въ будущемъ поведетъ и къ освобожденію личности изъ узкихъ рамокъ средневѣковаго мышленія и средневѣковыхъ чувствъ.

Въ 14, а также отчасти и въ 15 вѣкахъ эти рамки, однако, еще продолжали существовать, хотя и находились уже въ послѣдней стадіи своего разложенія и духовная культура этаго вѣка все еще опредѣлялась условностью бюргерской семьи и бюргерскаго общества.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Умственная жизнь въ концѣ среднихъ вѣковъ.

I.

Для общаго направленія духовной жизни извѣстной эпохи всегда имѣетъ рѣшающее значеніе тотъ способъ, которымъ разрѣшаются вопросы образованія населенія.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ прежде всего замѣчается тотъ фактъ, что образованіе различныхъ слоевъ общества было различнымъ. До сихъ поръ образованіе въ его существенныхъ чертахъ было для всѣхъ одинаковымъ, національнымъ; упражненія въ воинскихъ занятіяхъ, традиціонная передача тайнъ національныхъ преданій въ формѣ саги и сказки, поговорки и шутки соединяли всѣхъ германцевъ, какъ крестьянъ, такъ и рыцарей. Теперь между ними появилось средостѣніе, сословіе бюргеровъ. Это широко распространенное сословіе усвоило элементы чужаго, латинскаго вліянія. Въ то время какъ въ деревняхъ старое образованіе передавалось устно, при постоянно увеличивающемся внутреннемъ упадкѣ его, въ городахъ почти повсемѣстно были основаны латинскія школы обыкновенно при духовныхъ учрежденіяхъ; даже въ маленькихъ городахъ существовали такія школы, въ Брюсселѣ число ихъ уже въ 14 вѣкѣ достигало до тринадцати. Даже средніе изъ бюргеровъ посылали своихъ дѣтей въ эти школы, и только теперь впервые, несмотря на то, что классическія вліянія существовали уже и въ началѣ среднихъ вѣковъ, значительная часть народа начала дѣлаться чуждой идеаламъ чисто національнаго образованія.

Этимъ повидимому достигалось не особенно многое. Въ то время еще не было надлежащаго учебнаго матеріала, не было раздѣленія учениковъ по классамъ, не было наконецъ того педагогическаго опыта, который создаетъ опредѣленный планъ обученія только послѣ

многихъ поколѣній однообразнаго образованія. Это были зачатки учебной системы, при которой обучали грамматикѣ по логическимъ системамъ, чтенію, письму и не много латинскому языку; съ дѣтьми читали по большей части совершенно не подходящія латинскія произведенія, какъ напр. *Agri armandi* Овидія.

Съ середины 14 вѣка кромѣ этихъ школъ создалось высшее образование въ туземныхъ университетахъ, главнымъ образомъ для духовныхъ и только въ исключительныхъ случаяхъ для свѣтскихъ людей. Это высшее образование также, какъ и вообще вліяніе университетовъ, въ теченіе всего 14 вѣка не проникало въ народъ особенно глубоко. Германская нація настоящимъ образомъ познакомилась съ образовавшимся во Франціи научнымъ методомъ схоластики, господствовавшимъ во всѣхъ научныхъ дисциплинахъ, только въ 15 вѣкѣ, въ то время, когда схоластика уже подверглась значительнымъ измѣненіямъ; а раньше этотъ схоластическій методъ былъ ей прямо таки противенъ. Въ этомъ смыслѣ еще до основанія университета въ Прагѣ, первой высшей школы въ Германіи, магистръ Николай де Утрикурія (*Nicolaus de Utricuria*) заявилъ: «о вещахъ, повидимому естественныхъ, почти невозможно имѣть какую либо увѣренность; но достигнуть таковой до извѣстной степени, однако, возможно и довольно быстро, если направить свой разумъ на самыя вещи, а не на толкованіе изрѣченій Аристотеля и его комментаторовъ»¹⁾.

Дѣйствительно, нація въ ея цѣломъ составѣ, а въ особенности руководящее сословіе бюргеровъ, при помощи незначительныхъ познаній, полученныхъ въ латинскихъ школахъ, направляла свои взоры только на внѣшность вещей. Образование было для нея главнымъ образомъ только средствомъ для матеріальнаго приобрѣтенія, она оставалась чуждой всѣмъ высшимъ литературнымъ интересамъ; замѣчательно то обстоятельство, что въ такое время, когда элементарныя знанія латинскаго языка проникали въ народъ глубже, чѣмъ когда либо раньше, заимствованіе латинскихъ словъ нѣмецкимъ языкомъ было гораздо меньше, чѣмъ въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ. Только въ дѣловыхъ книгахъ и въ балансахъ крупныхъ торговыхъ домовъ еще замѣчалось воздѣйствіе стараго образованія въ искаженномъ видѣ. И при этомъ однако оказывалось, что это старое образование даже и въ этой сферѣ не можетъ болѣе служить орудіемъ надлежащаго личнаго развитія. Сохранившіеся документы сословія бюргеровъ: торговыя книги, коротенькія замѣтки, домовые и фамиліальные акты, нигдѣ не доказываютъ существованія широкихъ взглядовъ, проникающихъ далеко за предѣлы обычной ближайшей

¹⁾ Ризлеръ—*Widersacher der Päpste*. Николай былъ мноритъ и состоялъ въ свитѣ Людвигъ Баварскаго.

среды; нигдѣ мы не находимъ также разнообразія торговыхъ книгъ² необходимаго для современнаго купца для цѣлей правильнаго счетоводства; ни въ чемъ не замѣчается пробужденія сознанія въ необходимости статистики, хотя все болѣе распространявшееся усвоеніе арабскихъ цифръ съ начала 14 вѣка и постоянно увеличивающееся внутреннее единообразіе отдѣльныхъ явленій и должны бы были по видимому пробудить такое сознаніе. Только въ одной сферѣ, въ сферѣ національнаго образованія и кодификаціи права, случайно достигали нѣсколько большей опредѣленности и господства надъ значительнымъ умственнымъ матеріаломъ, хотя и въ этой сферѣ случайность и не-систематичность оставались дѣломъ обычнымъ.

При подобныхъ условіяхъ значительныя сношенія съ иностранными народами были дѣломъ не особенно легкимъ. Сліяніе въ сферѣ языка произошло только на сѣверѣ, гдѣ чужимъ народностямъ прямо навязали нѣмецкій языкъ; нижненѣмецкій языкъ былъ языкомъ ганзы, гдѣ она ни появлялась; въ 14 вѣкѣ языкъ дипломатіи на сѣверѣ былъ нижненѣмецкимъ. Но въ сферѣ землевѣденія приходилось довольствоваться весьма неудовлетворительными пособіями; карты древнихъ, которые постоянно копировались какъ бы для нѣкоторой научной забавы въ началѣ среднихъ вѣковъ, были не пригодными для удовлетворенія новыхъ потребностей, особенно на сѣверѣ; тутъ только карта Упсальскаго архіепископа Олава Магнуса 1539 года впервые дала сколько нибудь вѣрное изображеніе трехъ большихъ заливовъ Балтійскаго моря.

Для опредѣленія интеллектуальнаго уровня эпохи наиболѣе значительнымъ фактомъ былъ, можетъ быть, ходъ развитія гражданской исторіографіи. Въ болѣе древнее время она была еще очень далека отъ самаго простѣйшаго пониманія гражданскихъ интересовъ. Она вполне была связана церковными традиціями; на печати города Кельна, старѣйшаго изъ большихъ городовъ, былъ изображенъ Св. Петръ съ начальными словами надписи: Sancta Colonia, а на печати позднѣе основаннаго Любека мы видимъ, напротивъ, изображеніе корабля. Героическое поведеніе бюргерскихъ родовъ въ ихъ борьбѣ съ владѣльцами городовъ внесло въ область исторіографіи нѣкоторое пониманіе и интересъ къ городскимъ событіямъ, но они проявлялись пока только въ поэтической формѣ, въ какой нибудь рифмованной хроникѣ Годефрида Гагена. Въ 14 вѣкѣ, въ эпоху борьбы цеховъ, сдѣлали въ этомъ направленіи дальнѣйшіе шаги. Въ это время развилось, начиная съ простыхъ замѣтокъ для памяти о выдающихся событіяхъ для пользы и поученія будущаго городского управленія, нѣчто вродѣ дѣловой исторіографіи, краткой, прозаической, занимающейся только фактами, съ довольно безсознательными еще, но энергически выраженными городскими тенденціями, исторіографіи оффиціальнаго происхожденія и иногда не свободной отъ партійныхъ точекъ зрѣнія гос-

подствующихъ классовъ. Вполнѣ развилась такая исторіографія съ второй половины 14 вѣка; тогда она проявилась въ значительномъ количествѣ произведеній, очень богатыхъ фактическимъ матеріаломъ. Но только въ одной мѣстности, въ Любекѣ, эта исторіографія отличалась широтой взглядовъ и она находитъ надлежащую форму только въ годы крупнаго международнаго напряженія, во время борьбы Ганзы съ датскимъ королемъ Вальдемаромъ. Но рядомъ съ этой простой, бюргерской, отмѣчающей только факты, исторіографіей въ теченіи всего 14 вѣка, даже въ теченіи 15-го, въ городахъ сохраняется и старая церковная исторіографія; она продолжаетъ жить въ пестрыхъ, наполненныхъ баснями всеобщихъ исторіяхъ городскихъ священниковъ; очень рѣдко произведенія такого рода, написанныя церковниками, обращаютъ какое нибудь вниманіе на настоящее, какъ, напр., прелестная лимбургская хроника Тилемана Эльгенса Вольфгагена. И при этомъ какъ далека такая исторіографія отъ болѣе глубокаго пониманія совершающихся событій! Насколько условно, насколько бюргески условно это пониманіе! Какъ мало еще понимали даже величайшихъ людей въ исторіи! Первые настоящія автобіографіи, за исключеніемъ автобіографіи императора Карла IV, относятся уже къ 15 вѣку и незначительныя зачатки литературы мемуаровъ, появившіяся уже въ 14 вѣкѣ, ограничиваются всецѣло рамками генеалогіи и семейной хроники.

Какимъ образомъ люди, неспособные къ объективному разсмотрѣнію своей собственной личности, могли быть зрѣлыми для того, чтобы надлежащимъ образомъ характеризировать чуждыя имъ личности? Даже лимбургская хроника описываетъ большое количество дѣйствующихъ личностей, извѣстныхъ ея автору, почти только посредствомъ описанія внѣшняго ихъ поведенія, посредствомъ указаній относительно ихъ фигуры и фізіономіи (*gestalt und phyzonomien*) или, самое большее, посредствомъ прибавленія какого нибудь сравненія: онъ былъ подобенъ льву (*der waz als ein lewe*)—или посредствомъ указанія на главную добродѣтель. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда авторъ дѣлаетъ попытку проникнуть поглубже въ натуру человѣка, ясно проявляется его неспособность къ такому проникновенію; только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ при средствѣ распредѣленія человѣческихъ дѣйствій по извѣстнымъ объективнымъ нормамъ сужденія удавалось наиболѣе даровитымъ людямъ 14 вѣка доходить до пониманія человѣка.

Ни въ чемъ это не проявляется столь очевидно, какъ въ исторіи ваянія. Правда, уже въ 13 вѣкѣ искусство было въ состояніи изобразить чисто внѣшній индивидуальный комплексъ частей человѣческаго лица; это доказывается такими превосходными произведеніями, какъ надгробный памятникъ графа Бертольда Церингенскаго († 1218 г.) въ соборѣ въ Фрейбургѣ или герцога Генриха IV силезскаго († 1290 г.) въ церкви Креста въ Бреславлѣ. Въ 14 вѣкѣ искусство изображать

головы немногими индивидуализированными штихами было уже высоко развитымъ. Но при этомъ художникамъ того времени совсѣмъ не удавалось внутренно оживить статую, дать ей опредѣленное лично духовное выраженіе; только къ концу 14 вѣка развились первые зачатки этого искусства во Фландріи и вообще въ Бургундіи, подъ двойнымъ покровительствомъ на половину модернизированныхъ уже государей и очень богатаго, полного сознанія собственного достоинства бюргерства. Вообще же какъ скульптурныя произведенія, такъ и историческія характеристики и автобіографіи ограничивались еще передачей профессиональныхъ и семейныхъ чертъ, а не настоящихъ личныхъ особенностей. Уже въ любви къ цѣлымъ рядамъ изображеній членовъ одной семьи или людей, занимавшихъ извѣстную должность, проявляється эта характерная черта скульптуры того времени —отъ старыхъ статуй гроттескитеровъ въ капеллѣ Маріенбурга до ряда бюстовъ на хорахъ собора въ Прагѣ времянь Карла IV и до ряда статуй австрійскихъ герцоговъ, о которыхъ рассказываетъ одна Вѣнская рукопись второй половины 14 вѣка.

Болѣе глубокія характеристики людей давались не прямымъ путемъ, а непрямо, посредствомъ передачи поступковъ, дѣйствій, движеній челоуѣка. Уже старая героическая сага оказалась способной давать такимъ путемъ характеристики великаго, даже чудовищнаго и мифическаго; теперь такой же методъ характеристики былъ примѣненъ къ интимной жизни челоуѣка. Анекдотъ и остроумная шутка сдѣлались любимыми формами изображеній личности. Уже девятый вѣкъ сохранилъ воспоминаніе о могучей личности Карла Великаго въ разсказахъ, сохраненныхъ для насъ Сенъ Галленскимъ монахомъ; въ концѣ 13 вѣка этотъ способъ становится обыкновеннымъ средствомъ для характеристики всѣхъ сколько нибудь выдающихся личностей; первый съ замѣчательнымъ искусствомъ пользовался этимъ средствомъ Отокаръ Штирійскій; въ 14 вѣкѣ появляются множество анекдотическихъ сборниковъ.

При рѣзкомъ, направленномъ главнымъ образомъ въ сторону матеріальныхъ интересовъ настроеніи той эпохи такая черта въ способѣ пониманія личности должна была повести къ созданію наклонности къ сильному и здоровому юмору. Почти всѣ сколько нибудь характерныя памятники бюргерской жизни въ 14 вѣкѣ, — какъ памятники искусства, такъ и памятники письменности, —отличаются этими свойствами. Юморъ примѣшивался даже къ серьезности судебнымъ приговоровъ; такъ во Фландріи нѣкто, пошутившій съ дѣвушкой, несшей пироги, долженъ былъ заказать ей семь пироговъ, а другой, оскорбившій кого то, долженъ былъ поставить ему столько пива, сколько тотъ можетъ выпить. Но главнымъ очагомъ этого здороваго юмора, кажется, очень рано сдѣлался колониальный востокъ, очень похожій въ этомъ отношеніи на современную сѣверную Америку, колониаль-

ная почва которой, несмотря на всю погоню за матеріальнымъ развитіемъ, породила въ послѣднее время величайшихъ юмористовъ англосаксонскаго племени. Здѣсь, на сѣверовостокѣ, родина юмористическихъ надгробныхъ надписей; здѣсь въ 15 вѣкѣ шутки Тилля Эйленшпигеля (Тилль—Совиное Зеркало) нашли восторженную оцѣнку; въ Штральзундѣ, не очень далеко отъ родины Фрица Рейтера, еще въ 1574 году богатая и знатная гильдія лавочниковъ украсила входъ въ ея прекрасный храмъ бросающимъ копье героемъ въ стилѣ возрожденія съ угрожающей надписью:

Dat ken kramer ist, de blief da buten
Oder ick schla em up de schnuten.

(кто не лавочникъ, пусть не ходитъ, а то я разобью ему башку).

Но вообще то въ 14 вѣкѣ юморъ, насколько онъ служилъ для характеристики внѣшней стороны личностей и событій, выражался въ прозвищахъ отдѣльныхъ личностей, а также въ особыхъ названіяхъ отдѣльныхъ домовъ; подъ вліяніемъ такого юмора по большей части образовались теперешнія фамиліи и вообще собственные имена. Какія указанія и намеки скрывались первоначально подъ названіями домовъ, вродѣ домъ саранчи (zur Heuschrecke), домъ сверчка (zum Heimchen), лежебока (zum Schlaraffen) или холодной вдовы (zur Kalten Witwe); какія сатирическія указанія внѣшности отдѣльныхъ лицъ скрываются подъ фамиліями: Зегенбартъ (козлиная борода), Крумфуссъ (кривоножка), Шенкинсглассъ (кабацкій стаканъ), Лееренкругъ (пустая кружка), Зухевинъ, Юденшписъ (жидовское копье), Дуфель и Сурмильхъ (кислое молоко)! Это все франкфуртскія фамиліи; повидимому здѣсь въ срединѣ 14 вѣка третья часть, а въ концѣ 14 вѣка болѣе двухъ третей всѣхъ горожанъ имѣли болѣе или менѣе юмористическія прозвища.

При подобныхъ условіяхъ поэтическая фантазія весьма скоро могла приступить къ созданію опредѣленныхъ условныхъ типовъ. И дѣйствительно уже въ концѣ 14 вѣка начинается эпоха общественной характеристики отдѣльныхъ профессій и сословій; въ это время въ поэзіи появляются типы ловкаго шутника, веселаго бродяги, трусливаго портного, дерзкаго содержателя увеселительнаго заведенія, цѣлыя группы типовъ приходскихъ поповъ и ихъ экономокъ, купца и хитраго пронырливаго земледѣльца, даже нѣкоторыя чисто характерныя типы—напр., типы скряги, ростовщика, ревнивца; всѣ эти типы очень скоро нашли себѣ мѣсто въ зачаточныхъ формахъ свѣтской драматической поэзіи.

Все это доказываетъ, что въ то время уже появляются извѣстныя семейственныя связи и семейныя профессіи; основы общества были еще условными; бюргеры, т. е. члены наиболѣе развитой изъ профессій въ 14 вѣкѣ, были еще очень далеки отъ умственнаго индивидуа-

лизма эпохи реформации. Ихъ стремленія и воззрѣнія были еще далеко не личными; съ юныхъ лѣтъ бюргеръ считался вполне развитымъ человекомъ, даже въ такихъ городахъ, какъ Базель и Франкфуртъ, для него совершеннолѣтіе наступало на четырнадцатомъ году; никогда онъ не интересовался самъ собою, какъ личностію, какъ микрокосмомъ, очень часто онъ не могъ съ увѣренностію сказать, сколько ему лѣтъ. Имъ управляли нерегулированныя влеченія; страсти были еще грубыми и разнузданными; по сравненію съ цвѣтущими днями рыцарства замѣчается даже регрессъ по отношенію къ соблюденію мудрой умѣренности въ настроеніи, поведеніи и рѣчи. Въ 13 вѣкѣ бюргерскій проповѣдникъ монахъ Бертгольдъ постоянно рекомендуетъ своимъ слушателямъ умѣренность и спокойствіе; въ первыхъ своихъ проповѣдяхъ онъ всѣ черты человѣческой мудрости объединяетъ въ трехъ правилахъ: *daz du niemer kein endehaft dinc getuon solt, dan mit rate; daz du kein dinc uf solt schieben, daz dir ze muote wirt; daz ir niemer kein dinc tuon sult, ir sult vor gar wohl betrahten, welich ende ez neme* (ты не долженъ ничего дѣлать окончательно не подумавъ, ты не долженъ ничего не отвергать, не разсудивъ; никогда не дѣлай ничего, не разсудивъ, что изъ этого выйдетъ); св. Тома учитъ, что добродѣтель состоитъ въ надлежащемъ регулированіи стремленій и влеченій при посредствѣ разума и въ сверхъестественномъ завершеніи этихъ стремленій посредствомъ милости Божіей.

Но жизнь рѣзко противорѣчитъ такимъ ученіямъ. Юганъ Гадлаубъ изъ Цюриха рассказываетъ, что когда онъ былъ ребенкомъ, онъ уже былъ влюбленъ, и когда дѣвочка отвергла его, онъ упалъ въ обморокъ. Но когда дѣвочка взяла его за руку, ему сдѣлалось лучше. Подобная непосредственность страстного чувства при дальнѣйшемъ развитіи должна была вести къ страшнымъ эксцессамъ. Въ Любекѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ ежегодно казнили среднимъ числомъ около пятидесяти человекъ; въ 1527 году судебный писецъ Лаврентій Шмитъ пересматривалъ судебныя книги и рассчиталъ, что съ тѣхъ поръ, какъ городъ получилъ право суда, было приговорено къ смертной казни и казнено 18489 мужчинъ и женщинъ. Эта страстность должна была имѣть особенное вліяніе на увеличеніе преступленій противъ нравственности, въ особенности благодаря скученности населенія въ узкихъ городскихъ улицахъ. Трудно недовѣрять показаніямъ современниковъ, когда намъ извѣстно, что незаконныя жены и незаконныя дѣти составляли постоянную группу бюргерскихъ семей, когда мы знаемъ, что епископъ Лютихскій Генрихъ графъ Гельдернскій, оставилъ 60 дѣтей и хвастался, что онъ въ 22 мѣсяца произвелъ на свѣтъ 14 мальчикувъ. По отношенію къ верхней Германіи въ „реформации“ императора Сигизмунда лаконически говорится: *niemand haltet die ee, als recht wär* (никто какъ слѣдуетъ не сохраняетъ брачной вѣрности). Но было бы совершенно ошибочно, еслибъ мы на основаніи такой

непосредственной страстности настроенія сдѣлали выводъ о существованіи въ средневѣковой жизни однихъ только дурныхъ сторонъ; таже страстность была причиной всего великаго, и въ особенности въ сферѣ религіи. Она была причиной перехода отъ чрезмѣрной напряженности религіознаго чувства въ прежніе вѣка къ благородной умѣренности современной намъ эпохи, и потому была причиной прогрессивнаго развитія.

II.

Религіозная жизнь массы населенія до конца первой половины среднихъ вѣковъ вообще была далеко не христіанской. На вершинахъ горныхъ хребтовъ также, какъ и въ равнинахъ сѣверогерманскихъ лѣсовъ, все еще царилъ старый германскій фатализмъ, только уже совершенно безсильный и пришедшій уже въ упадокъ, разукрашенный довольно любопытно отдѣльными блестками восточнаго фатализма, занесеннаго въ Германію вѣроятно во время крестовыхъ походовъ, а въ колоніальныхъ странахъ воспринявшій въ себя остатки славянской миѳологіи. Въ нижненѣмецкомъ требникѣ 15 вѣка встрѣчаются слѣдующіе вопросы: не имѣешь ли ты какихъ либо суевѣрій или слабости вѣры по отношенію къ заговорамъ (Besprechen), колдовству и предсказаніямъ насчетъ денегъ и имуществъ, насчетъ примѣтъ; не поклоняешься ли какому-нибудь созданію и не воздаешь ли ему божественныя почести и похвалу—какъ-то: солнцу, лунѣ и другимъ планетамъ; не совершилъ ли ты воровства, не нарушилъ ли цѣломудрія и не сдѣлалъ ли другихъ проступковъ, полагая, что человѣкъ не можетъ поступить иначе, что его влечетъ необходимость, такъ какъ онъ родился подъ такой планетой? Или не думаешь ли ты, что для начала извѣстнаго дѣла извѣстный часъ хуже другихъ? Конечно, сѣять, пахать или принимать лекарства можно соображаясь съ фазами луны; но не думаешь ли ты, что крикъ птицы можетъ причинить человѣку добро или зло? Вѣришь ли ты въ сны, или въ приговоры, или въ другія необычныя изрѣченія, которыя будто бы охраняютъ тебя отъ огня, воды и враговъ? Не давалъ ли ты заговаривать себя колдовскими словами—или какъ нибудь иначе—не имѣющими своей особой естественной силы? Вѣришь ли ты въ добрыхъ фей, или въ то, что ночью разъѣзжаетъ кошмаръ, или въ то, что ты самъ на кочергѣ ѣздишь на Блоксбергъ?

Все это остатки на половину исчезнувшей системы вѣрованій; въ началѣ новой исторіи, опиравшейся на эти остатки, преслѣдованіе колдуній страшно отомстило за отсутствіе христіанской миссіонерской дѣятельности среди низшихъ классовъ населенія.

Но то, чего не сдѣлала церковь въ деревняхъ, въ городахъ со-

вершилось само собой; низшіе слои городского населенія восприняли христіанство, по крайней мѣрѣ, хотъ внѣшнимъ образомъ, благодаря ихъ близкимъ отношеніямъ къ крупнымъ церковнымъ учрежденіямъ, существовавшимъ въ городахъ. Такимъ образомъ въ глубинѣ національной жизни повторились тѣ же явленія, которыя были вызваны раньше воспріятіемъ христіанства высшими классами націи. Христіанское ученіе было воспринято низшими классами, какъ ученіе о полномъ противорѣчій между добрымъ и злымъ началами, между Богомъ и дьяволомъ; страхъ предъ загробной жизнью, предъ наказаніями ада и предъ Страшнымъ Судомъ на столько же овладѣлъ совѣстью людей, на сколько надъ разумомъ господствовало оптимистическое вѣрованіе въ темныя естественныя силы и въ необходимость чудеснаго. При такихъ противорѣчіяхъ между добромъ и зломъ къ святому патрону прибѣгали съ большей охотой, чѣмъ къ Богу; святые казались естественными посредниками, въ особенности на первый планъ выступила св. Дѣва Марія, а у женщинъ замѣчается нѣкоторая чувственность въ ихъ поклоненіи Христу.

Когда низшіе классы народа были, такимъ образомъ, впервые и хотя бы только отчасти затронуты непосредственнымъ, хотя и сильно омраченнымъ, вліяніемъ христіанскаго міросозерцанія, ихъ охватило оригинальное религіозное волненіе. Мысль тѣмъ легче вызываетъ массовыя дѣйствія, чѣмъ меньше развита индивидуальность тѣхъ, на кого она дѣйствуетъ; и въ настоящее время наиболѣе доступны возбужденіямъ простые люди, женщины и дѣти. Именно, съ такими дѣтьми по вѣрованіямъ, по знаніямъ и по широтѣ возрѣній имѣла теперь дѣло высокоразвитая система ученія церкви съ ея небомъ, святыми, блаженными и исповѣдниками, съ ея свирѣпыми адскими мученіями; ея культъ былъ переполненъ аскетическими упражненіями и пилигримствами, безконечными праздниками и непонятными пиному возложеніями рукъ на главы новыхъ адептовъ въ торжественныя минуты ихъ жизни и произнесеніемъ таинственныхъ иностранныхъ словъ. Удивительно ли, что при такомъ характерѣ церковныхъ обрядовъ религіозная возбудимость сдѣлалась эпидимической?

Уже въ 13 столѣтіи въ романскихъ земляхъ начались процессіи дѣтей и странствованія бичующихся изъ мѣста до мѣста, что частію обусловливалось вѣрой въ толкованія апокалипсиса, въ толкованія, смѣло и ужасно соединявшія самые глубокіе религіозные вопросы съ событіями дня.

Въ Германіи такія явленія замѣчаются начиная съ середины 14 вѣка, и не смотря на всяческія противодѣйствія они усиливаются и доходятъ до эпохи реформаціи. Если основы этихъ явленій и были достаточно глубокими, то все же въ началѣ они часто вызывались и поддерживались страшными внѣшними явленіями, происходившими въ Германіи во второй половинѣ 14 вѣка: чумой и разбоями, голо-

домъ и наводненіями. «Я посылаю вамъ тяжелые, скудные годы — говорилось въ одномъ посланьи, которое читалось въ Страсбургѣ, какъ слово самого Христа — и дожди и наводненіе; я поразилъ землю, такъ что она сдѣлалась неплодной».

Наиболѣе любопытными и самыми ранними изъ явленій этого рода были странствованія бичующихся во время «черной смерти» въ срединѣ 14 столѣтія и вліяніе ихъ было ужаснымъ: *Wanne die geischelere sich geischeltent, so was das groste Zulaufen und daz groste weinen von andaht, daz ie kein man sol gesehen* ¹⁾. (Когда бичующіеся проходили, бичуя себя, было такое стеченіе народа и такой сильный плачь, какого никогда никто и не видывалъ). Бичующіеся въ количествѣ 200—400 человекъ ходили съ мѣста на мѣсто и странствованія ихъ продолжались по тридцати дней. Приближаясь къ церкви, они запѣвали гимны и бичевали себя, и падали на землю крестомъ и лежали столько времени, во сколько можно было прочесть пять разъ «Отче нашъ». Потомъ къ нимъ подходилъ ихъ руководитель (*meister*) и давалъ каждому ударъ бичомъ и говорилъ: встань, тебѣ прощаются всѣ твои грѣхи (*Stant uf, daz dir got alle dine sunde vurgebe*). Тогда они становились на колѣна. И мастеръ и пѣвцы начинали пѣть имъ:

*Nu recket uf di uwer hende,
Das got daz grosse sterben wende,
Nu recket uf di uwer arme
Dass got sich obir uns irbarme!*

(Прострите руки, чтобы Богъ помиловалъ насъ отъ смерти. Прострите руки, чтобы Богъ сжалился надъ нами).

И тогда они всѣ поднимали руки крестообразно, и каждый три или четыре раза ударялъ себя въ грудь и потомъ всѣ начинали пѣть (*Unde da rachten si uf alle ire arme cruzewis, unde iglich slug sich vur sin brost dri slege oder vir, unde huben aber an zu singen*).

*Nu slaget uch sere
Dorch Cristes ere!
Dorch got so lasset di hoffart faren
So wel sich got obir uns irbarmen.*

(Будемъ бить себя въ честь Христа, будемъ странствовать и молиться, чтобы Богъ сжалился надъ нами).

И они вставали и опять шли и били себя бичами ²⁾. (*So standen si uf unde gingen wider umb unde slugen sich mit den geiseln, daz man jamer an irme libe sach*).

Въ то самое время, когда христіанское благочестіе въ низшихъ слояхъ націи, именно среди городского населенія, приняло такія ори-

¹⁾ *Fritsche Klosener.*,—Городскія хроники, VIII.

²⁾ Лимбургская хроника, изд. *Wyss*.

гинальныя, напоминающія аскетизмъ высшихъ слоевъ общества 10 вѣка, но получившія демократически-эпидемическій характеръ формы, высшія бюргерскія сферы достигли уже болѣе высоко-развитаго благочестія. Въ концѣ 13-го и началѣ 14 вѣковъ въ этихъ сферахъ уже процвѣтала нѣмецкая мистика.

Первоначальное нѣмецко-христіанское благочестіе, проявившееся въ аскетизмѣ 10 вѣка, уничтожило само себя; оно выродилось въ вѣру въ чудесное и въ подвиги виѣшняго самоотреченія. Въ высшемъ своемъ развитіи оно все таки доходило до созерцанія, до умственного углубленія въ страданія Христа или переходило въ предписанія правилъ монашескаго ордена, но не доходило еще до восторженнаго созерцанія Божества.

Первымъ, перешедшимъ къ созерцанію, къ проникновенію чудеснымъ былъ св. Бернаръ Клервосскій. Благочестіе этого типа сначала сдѣлалось обычнымъ во Франціи, тамъ оно развилось въ цѣлую систему, особенно въ монастырѣ св. Виктора въ Парижѣ, гдѣ, кромѣ многихъ другихъ мыслителей, монахъ Ришаръ († 1173 г.) размышлялъ о средствахъ и путяхъ созерцанія и изображалъ цѣли созерцанія неясными библейскими аллегоріями. Но благочестіе этого типа проникло и въ Германію; уже въ срединѣ 12 вѣка къ нему примыкали лучшіе люди духовенства, позже на немъ основывались даже фантастическія пророчества аббатесы Гильдегарды изъ монастыря Рупертсбергъ при Бингенѣ, а также спокойное и просвѣщенное благочестіе монаха цистерціанскаго ордена Цезарія Гейстербаха, постоянно увѣщавшаго своихъ послушниковъ, что *credere in Deum est per dilectionem ire in Deum*.

Въ то время, когда такимъ образомъ въ благочестіи хотѣли найти и умственное убѣжденіе въ своемъ душевномъ спасеніи, необходимо было, что несмотря на преданность и твердую вѣру въ ученіе церкви образовались различія направленій. Какимъ образомъ отъ созерцанія перейти къ разумному пониманію догмы? Этотъ вопросъ былъ той подводной скалой, на который пришлось наткнуться романскимъ мыслителямъ въ 13 вѣкѣ. Имъ не удалось избѣжать этой скалы и создать новое систематическое христіанское міровоззрѣніе.

Они оставили неприкосновенными обѣ сферы личной религіозной жизни, умственную и созерцательную, и самые крупные изъ мыслителей, Бонавентура и Тома Аквинскій, отъ дѣлъ вѣры съ охотой переходили къ мистическому благочестію ¹⁾. Такимъ образомъ существовали двѣ независимыя сферы религіозно философской жизни, что вообще было совсѣмъ не рѣдкостью въ развитіи христіанства: такъ напр, англійскіе скептики отчасти раздѣляли ученія англиканской церкви, таково же отношеніе между піэтизмомъ и протестантствомъ, такъ южно нѣмецкая теологія Бека мирится съ ортодоксіей 19 вѣка.

¹⁾ Гарнакъ Dogmengeschichte.

Въ то время, какъ эти двѣ сфeры религіознаго міропониманія, сфера интеллектуальная и сфера мистическая, являлись такимъ образомъ predeterminedными и необходимыми, хотя и трудно соединимыми человѣческимъ мышленіемъ, половинами личной жизни, созерцанію была предоставлена полная свобода развиваться во всемъ его блескѣ независимо отъ догмы. Оно считалось самымъ вѣрнымъ и наиболее прямымъ средствомъ для души, удалившейся отъ Бога, вернуться къ нему; созерцаніе спасительныхъ фактовъ, переходящее въ чувственное участіе въ этихъ фактахъ, доходящее до религіознаго экстаза, позволяетъ душѣ отрѣшиться отъ своихъ темныхъ составныхъ частей, отдѣляющихъ ее отъ Бога; душа въ таинственномъ и напряженномъ созерцаніи чуда Троицности Бога просвѣтляется, познаетъ Бога-Христа, она въ порывѣ интуитивнаго восхищенія доходитъ до блаженнаго сліянія съ Богомъ, по существу соединяется съ Высшимъ.

Эта новая и высочайшая форма средневѣковаго благочестія, при которомъ душа, выйдя изъ предѣловъ простаго аскетизма и созерцанія, доходитъ до мистическаго обоготворенія себя, эмпирически была впервые создана орденомъ нищенствующихъ монаховъ; творцомъ ея можно считать св. Франциска Ассизскаго.

Но уже при самомъ процессѣ ея образованія въ этой новой формѣ благочестія замѣчается другая идея, имѣвшая особое значеніе для развитія религіозной жизни въ Германіи. Созерцаніе возможно только для того, кто оставилъ все темное, кто достигъ абсолютнаго самоуглубленія при христіанскомъ нищенствѣ духа и отрекся отъ всѣхъ интересовъ земной жизни. Но какимъ образомъ отказаться отъ всего земнаго тому, кто не погружается въ это земное съ чувствомъ самоотверженной любви? Безграничная преданность ближнему, дѣтская покорность и униженіе въ дѣлѣ христіанской миссіи, любовь ко всему живущему—*humilitas, caritas, oboedientia*— таковы основныя условія созерцательной жизни. Францискъ Ассизскій призналъ ихъ основными требованіями своего ордена, самъ онъ жилъ сообразно съ этими требованіями, вся его жизнь была христіанскимъ поэтическимъ произведеніемъ, онъ самъ былъ Парсивилемъ. И если минориты на столько же лично остались вѣрными идеалу, какъ и доминиканцы, все же они были первыми, проповѣдовавшими, исходя изъ мистическихъ основаній, демократическую, безпредѣльно дѣятельную христіанскую любовь: дѣятельное, альтруистическое христіанство замѣнило эгоистическій аскетизмъ 10 вѣка и умственное созерцаніе Бернара, оно признавалось теперь даже выше интуитивнаго экстаза; если бы восторгъ (экстазъ) былъ столь великъ, какъ восторгъ св. Павла, — учили минориты — то все таки отъ него слѣдуетъ отказаться, если мы можемъ помочь какому нибудь больному хоть бы тѣмъ, что сваримъ ему супъ ¹⁾.

¹⁾ Гарнакъ.

Съ такими воззрѣніями нищенствующіе монахи съ первыхъ десяти-лѣтій вѣка отправились по бѣлу свѣту. Въ Германіи они сдѣлались учителями и совѣтниками бюргерства; они служили въ городахъ обѣдни во время интердикта, они были представителями государственно-правовыхъ теорій эпохи императора Людвига въ свѣтскихъ сферахъ, они были и исторіографами бюргерства. Бѣлое духовенство отошло на второй планъ, хотя оно и пыталось отстоять свое положеніе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ южно-нѣмецкихъ городахъ; монахи сдѣлались проповѣдниками и духовниками городского населенія.

Съ ними въ Германію проникла и ихъ форма благочестія. Горожане не особенно беспокоились о теологическихъ тонкостяхъ, о догматической учености, которая даже въ монастыряхъ нищенствующихъ орденовъ доходила до созданія удивительныхъ схоластическихъ системъ. Великій мистикъ учитель (Meister) Эккартъ написалъ объемистый схоластическій трактатъ: *Opus tripartitum*, онъ былъ великимъ ученикомъ св. Томы, но его значеніе въ исторіи умственной жизни Германіи остается неопредѣленнымъ; книга оставалась въ пыли бібліотекъ неизвѣстной почти до послѣдняго времени. Но тотъ же Эккартъ игралъ совсѣмъ иную историческую роль, какъ пастырь душъ, въ дѣлѣ развитія тѣхъ мистическихъ свѣдѣній, которыя образовались изъ изрѣченій по поводу реорганизаціи женскихъ монастырей, особенно доминиканскаго ордена, въ концѣ 13 вѣка. Въ этомъ именно и состоитъ его историческое значеніе и это дѣло его жизни превзойдено имъ только систематическимъ изложеніемъ мистическихъ опытовъ его долгой жизни мыслителя, сдѣланнымъ въ качествѣ учителя провинціальной школы его ордена въ Страсбургѣ въ 1312—1320 годахъ.

Рядомъ съ нимъ стояли другіе представители спеціально нѣмецкой мистики: практической христіанскій дѣятель страсбургскій доминиканецъ Іоганъ Таулеръ († 1361), великій проповѣдникъ, богатый идеями, глубокой и полный гармоніи, менѣе преданный схоластикъ, чѣмъ нравственной борьбѣ противъ церковныхъ властей и Генрихъ Сузо († 1366), св. Іоаннъ мистики, душевный, чувствительный, полный фантазіи человѣкъ съ поэтическимъ дарованіемъ, способный къ созданію образовъ, пѣвецъ божественной мудрости. Эти крупные, каждый въ своемъ родѣ, люди были окружены цѣлымъ хоромъ не менѣе яркихъ типовъ, вродѣ Дитриха Фрейбургскаго, Рульмана Мерсвина, Генриха Нёрдлингена и Маргариты Эбнеръ. Въ мистической жизни женщины играли такую же роль, какъ и мужчины, въ ней впервые было снова признано то положеніе о равенствѣ святости обоихъ половъ, на которое указывалъ одинъ изъ Римскихъ писателей, и хотя это положеніе проявлялось пока въ непріятномъ чувственномъ преклоненіи предъ Небеснымъ Женихомъ и въ извѣст-

ныхъ патологическихъ тѣлесныхъ явленіяхъ, все же оно болѣе со-
отвѣтствовало натурѣ нѣмецкой женщины, чѣмъ безнравственное от-
ношеніе супруги рыцаря временъ Штауфеновъ къ пѣвцу ея красоты
и ея прелестей. Восторженныя женщины играли съ Іисусомъ, какъ
матери съ ребенкомъ; Онъ, такъ сказать, лежалъ въ люлькѣ около
ихъ постели, онѣ кормили Его, онѣ даже чувствовали Его пребы-
вающимъ въ ихъ чревѣ. Нѣкоторое чувственное влеченіе притяги-
ваетъ ихъ къ Распятому; онѣ хотѣли бы цѣловать и обнимать Его,
онѣ носили Его имя вырѣзаннымъ на сердцѣ и на персяхъ.

Такія явленія не были исключительными. Мистическое движеніе
съ первыхъ десятилѣтій 14 вѣка распространяется по всей Герма-
нани отъ Рейна, за исключеніемъ только колоніальныхъ областей;
средоточіемъ его были доминиканскіе монастыри, но въ ней при-
нимали также участіе и минориты. Помимо простыхъ личныхъ друже-
скихъ отношеній это движеніе поддерживалось и перепиской; въ пер-
вый разъ, если считать довольно рѣдкую любовную переписку ры-
царской эпохи, въ письмахъ появляются полныя изліянія сердечныхъ
чувствъ и чисто-нѣмецкая сантиментальность.

Уже въ тридцатыхъ годахъ 14 вѣка это движеніе возбудило вни-
маніе и подозрительность церковной власти. Допустимо ли оно съ
точки зрѣнія догмы? Оно во всякомъ случаѣ шло въ разрѣзъ съ
привилегіями духовенства по отношенію къ заботѣ о душевномъ спа-
сеніи паствы. Потому противъ Эккарта уже въ 1327 году было воз-
буждено преслѣдованіе, хотя только въ 1329 году, чрезъ два года
послѣ его смерти, нѣкоторыя изъ его положеній были осуждены
властію; Сузо тоже считался подозрительнымъ въ томъ, что онъ
распространяетъ еретическія ученія¹⁾. Въ срединѣ же 14 вѣка Карлъ
IV снова ввелъ инквизицію и она, энергично преслѣдуя нищенству-
ющихъ монаховъ, начала бороться противъ мистики, ея классической
литературы и ея представителей.

Движеніе, однако, уже успѣло оставить прочныя слѣды въ духов-
ной жизни націи. Оно создало умственное, а не одно только чув-
ственное, близкое отношеніе единомыслящихъ людей; это было пер-
вымъ, хотя и страннымъ; зачаткомъ новаго общества, построеннаго
на умственномъ общеніи и этотъ зачатокъ продолжалъ жить и раз-
виваться.

Вмѣстѣ съ этимъ благодаря такому какъ личному, такъ и пись-
менному общенію, а также благодаря вызываемымъ этимъ общеніемъ
разсужденіямъ о теологическихъ вопросахъ нашъ языкъ впервые дѣ-
лается орудіемъ мышленія. Въ то время впервые появляется раз-
витая философская и теологическая прозаическая литература и она
создала много цѣннаго въ области разработки понятій въ сферѣ пси-

---

¹⁾ Гарнаки.

психологіи. Благодаря постоянному самонаблюденію теперь впервые было открыто собственное я и было положено начало эмпирической психологіи. Въ сферѣ психологическихъ наблюдений и изслѣдованій жизнь чувства начинаетъ играть болѣе важную, сравнительно съ прежнимъ, роль. Создалось совершенно новое самочувствіе, человекъ созналъ себя свободнымъ и зависимымъ только отъ милости Божіей. Казалось, что благодаря такому движенію долженъ былъ одержать побѣду индивидуализмъ и средневѣковой міръ долженъ былъ распасться. Но это только казалось такъ. Вдохновенный мистикъ въ своемъ экстазѣ топилъ свою личность въ Божествѣ, если не въ космосѣ, понимаемомъ пантеистически; внѣ своихъ мистическихъ рамокъ личность уничтожалась въ строгомъ повиновеніи существующей догмѣ. Это движеніе было еще движеніемъ несвободнаго духа, хотя оно и ударило всей своей силой противъ стѣнъ старой церкви и средневѣковаго строя. Подавленное въ центрѣ нѣмецкаго умственного движенія, на Рейнѣ и на Дунаѣ, оно не исчезло вполнѣ, а было перенесено, какъ и многія другія сокровища нѣмецкаго развитія, въ периферію національной области. Впослѣдствіи Цвингли появляется въ Швейцаріи, а Лютеръ въ Саксоніи; сначала же развитіе религіознаго движенія идетъ главнымъ образомъ въ Нидерландахъ.

Фландрія, Брабантъ и Голландія благодаря своему благосостоянію и сильно развитому стремленію къ свободѣ начиная съ 12 вѣка принимаютъ особенно сильное участіе въ религіозномъ движеніи. Уже въ 11 вѣкѣ здѣсь появились формы религіозной дѣятельности, которыя, поддерживаемыя средствами частныхъ лицъ, уклонялись отъ дѣятельности и отъ поощренія церковныхъ властей. Сначала устроились свѣтскія женскія общежитія для общей религіозной жизни и для совершенія дѣлъ милосердія; народъ называлъ жившихъ въ этихъ общежитіяхъ женщинъ сестрами (Beghinen). Уже въ 13 вѣкѣ общежитія сестеръ распространились изъ Нидерландъ далѣе, съ 1240 года ихъ уже много и въ средней Германіи. Рядомъ съ нимъ появляются и вольныя мужскія общежитія (Беггарды); въ концѣ 13 вѣка они уже были настолько значительны, что могли выдѣлать особые союзы для ухода за больными и для погребенія мертвыхъ, братьевъ Алексіановъ или Лоллардовъ. Эти учрежденія усвоили себѣ задачу, которую поставили раньше францисканцы—терціаріи, въ 14 вѣкѣ они находились по большей части въ дружескихъ отношеніяхъ съ терціаріями и съ другими позднѣе развившимися формами монашескихъ свѣтскихъ братствъ.

Такимъ образомъ въ Нидерландахъ шло оживленное, естественнымъ путемъ развившееся религіозное движеніе, когда тамъ явился выдающійся представитель мистики, Іоганнъ Рюисбрюкъ († 1381), искавшій послѣ продолжительнаго служенія церкви спокойнаго убѣжища въ августинскомъ монастырѣ Грөнелдель близъ Брюсселя. Ми-

стика этого Рюисбрюка скоро получила чисто нидерландскій отпечатокъ. Она отдѣлалась отъ любовнаго благочестиваго безумія и сдѣлилась квіэтистической; она преслѣдовала практически—религіозныя задачи; она стремилась не столько къ рѣдкимъ моментамъ экстаза, сколько къ постоянному сліянію съ Божествомъ, къ вѣчному пребыванію Духа Божія въ человѣкѣ. Мистическій энтузіазмъ замѣнился энергическимъ воздѣйствіемъ на практическую жизнь; въ этой формѣ мистика сохранялись до 15 вѣка и продолжаетъ дѣйствовать еще и въ наше время оживляющимъ и освѣжающимъ образомъ своими выдающимися произведеніями.

Старая мистика энтузіазма сообщила мірянамъ свой монашескій аскетизмъ въ новой формѣ; дѣлая доступнымъ всѣмъ эзотерическое, аскетическое богопочитаніе начала среднихъ вѣковъ, она сдѣлала это богопочитаніе и болѣе глубокимъ. И это должно было усилиться при вліяніи новой мистики, квіэтистической и направленной на повседневную духовную жизнь народа.

Первымъ и величайшимъ представителемъ этаго направленія былъ, безспорно, Гергартъ Гроотъ († 1384). Гроотъ соединилъ новую нидерландскую мистику со старой, нидерландской же, идеей религіозныхъ мірскихъ общежитій. Раньше основанныя свѣтскія общежитія были посвящены смягченію внѣшнихъ, тѣлесныхъ нуждъ, а новыя созданныя имъ общежитія имѣли цѣлью помочь духовной нуждѣ; они сначала были союзами для поднятія уровня внутренней христіанской жизни на основѣ квіэтистической мистики. Цѣль ихъ состояла въ пробужденіи постоянного религіознаго настроенія; такое настроенія называли *devotio nova*. Для этой цѣли Гроотъ основалъ какъ женскія, такъ и мужскія общежитія; но процвѣтали только мужскія; вскорѣ изъ мѣста своей родины, изъ Девентера, они распространились по всей Голландіи до Дельфта и Гоуды, даже до Люттиха и Камбре и вмѣстѣ съ тѣмъ они проникли по Рейну до Кельна и чрезъ Вестфалію и Нижнюю Саксонію до Кульма и Роштока. Кромѣ пробужденія религіознаго настроенія они ставили себѣ задачей въ особенности воспитаніе юношества; это и составляло ихъ главную историческую заслугу, на этомъ поприщѣ они были сотрудниками и помощниками стараго гуманизма. Кромѣ братствъ это умственное и религіозное движеніе, возбужденное Гроотомъ и его другомъ Флоренцомъ, сыномъ Радевина, Утрехтскимъ каноникомъ, создало также и монастыри канониковъ (*Regularcanoniker*) св. Августина. Старѣйшій изъ нихъ былъ основанъ въ Виндесгеймѣ, деревнѣ близъ Цволле, въ 1386 году; въ 1392 году за нимъ были основаны два другіе монастыря; и эти три монастыря въ 1395 году образовали такъ называемую Виндесгеймскую конгрегацию, энергическая дѣятельность которой до извѣстной степени вызвала реформу монастырей въ 15 вѣкѣ. Въ этихъ монастыряхъ процвѣтали ученость и въ особенности

Филологическое изученіе текстовъ св. Отцевъ и Вульгаты; съ ними квіетистическая мистика развилась въ полную систему, въ специфическую форму нижненѣмецкаго благочестія.

Такъ какъ схоластики школы номиналистовъ въ концѣ концовъ пришли въ 15 вѣкѣ къ заключенію о невозможности доказательствъ для вѣрованій, то познаніе Бога разумомъ должно было представляться невысказаннымъ. Энтузіастическая же мистика, съ своимъ вдохновеніемъ въ дѣлѣ познанія Божества, искала Бога именно путемъ разума. Ей волей-неволей теперь приходилось оставить этотъ путь; монахи Виндесгеймскихъ монастырей въ 15 вѣкѣ считали блаженство достижимымъ только при единеніи человѣческой воли съ Богомъ. Цѣлью же ихъ религіозной жизни было исканіе непрерывнаго покоя въ Богѣ при посредствѣ преданности и униженія. Такова была мистика Томы Кемпійскаго, мистика «нѣмецкой теологіи» и Штаупица; нѣмецкая теологія сильно привлекала Лютера, онъ два раза издавалъ ее, а Штаупицъ былъ учитель и утѣшитель Лютера — стало быть, эта мистика непосредственно приводитъ насъ къ преддверію реформациі. И тѣмъ не менѣе ее отдѣляетъ отъ реформациі непроходимая бездна; это всего болѣе доказывается позднѣйшими отношеніями Лютера и Штаупица, несмотря на полное душевное сочувствіе между ними доходившія до абсолютной невозможности взаимнаго пониманія. Главнымъ представителемъ этой нѣмецкой квіетистической мистики былъ каноникъ Агнетенберге близъ Цволле Тома Кемпійскій († 1471), если только его можно считать авторомъ «Подражанія Христу». Въ этомъ сочиненіи царитъ кроткое благочестіе, полное самоотреченія, правдивости и спокойствія; оно отрекается спокойно отъ всѣхъ прелестей и соблазновъ средневѣковаго культа для того, чтобы предаться внутренней, духовной жизни; оно отрекается и отъ классическаго стиля, чтобы простымъ и сильнымъ языкомъ передать простыя сердечныя стремленія; въ немъ нѣтъ ни одного слова для выраженія образовъ чрезмѣрно развитой фантазіи и чрезмѣрно напряженнаго чувства, все оно есть выраженіе энергическаго воспитанія воли и просвѣщенной христіанской мудрости.

Эта книга о «Подражаніи Христу» много читалась со времени своего появленія, и въ послѣдующія вѣка ученія ея были въ ходу. Но было бы ошибочно судить о той эпохѣ на основаніи только этой одной книги. Чѣмъ душевнѣе и болѣе искреннимъ было благочестіе братіи монастырей, основанныхъ Гроотомъ, тѣмъ сильнѣе міряне смѣялись и возставали противъ церковнымъ учрежденій, противъ того, что въ концѣ 14 и въ началѣ 15 вѣковъ вообще называли христіанствомъ. Такое настроеніе развилось значительно раньше; какъ около 1150 года изъ духовнаго упадка вѣка борьбы за инвеституру развилось рыцарство, такъ и около 1330 года бюргерство старалось освободиться отъ специально религіознаго руководства.

Развитіе общества и временная нужда, вызванная чумой и голодомъ, при чемъ церковь не оказала никакой помощи и въ особенности ужасное, неслыханное распаденіе христіанскаго міра во времена Авиньонскаго плѣненія, а также и расколъ въ церкви способствовали распространенію и усиленію такого настроенія. Уже въ первой половинѣ 14-го вѣка Марсилій Падуанскій имѣлъ возможность утверждать, что по вопросу о необходимости священства не всѣ люди одинаковаго мнѣнія, что они далеко не такъ единодушны въ этомъ вопросѣ, какъ въ вопросѣ о необходимости другихъ отраслей государственнаго строя; такое мнѣніе, бывшее во время Марсилія только одиночнымъ, во второй половинѣ 14 вѣка было уже довольно распространенымъ. Правда, пало не столько религіозное настроеніе вообще, сколько уваженіе къ церковнымъ учрежденіямъ и къ персоналу церкви; несмотря на то, что церковь хвасталась *character indelebilis* священства, Боендаль при полномъ одобреніи современниковъ писалъ такіа стихи:

*Die cappe en maect niet den monc
Noch die mutse den canonc.*

(Клобукъ не дѣлаетъ монахомъ, а митра каноникомъ)

Тѣмъ не менѣе умственная жизнь вообще въ ея проявленіяхъ, въ искусствѣ и поэзіи, и весь строй жизни были еще вполне религіозными и христіанскими; во дворцѣ богатаго патриціанскаго рода *Gruthuis* въ Брюгге потолокъ банкетной залы украшенъ превосходными статуэтками четырехъ евангелистовъ, а большой кухонный каминъ, въ которомъ можно изжарить цѣлаго быка, украшенъ горельефами св. Іакова и св. Матвѣя.

III.

Въ нерелигіозной сферѣ умственная жизнь 14 вѣка и позднѣйшихъ поколѣній была направлена преимущественно къ художественнымъ, и гораздо менѣе къ литературнымъ идеаламъ. И это очень понятно. Жизнь бюргерства благодаря своему быстрому развитію оставляла человѣку мало досуга — поэтому не было времени и необходимыхъ условій для литературной производительности и литературнаго наслажденія. Притомъ отдѣльные привилегированные мужи изъ бюргерства обладали очень большими матеріальными средствами, да и вообще благосостояніе создалось доселѣ небывалое; должны были появиться покровители искусства изъ среды бюргеровъ, и во всѣхъ слояхъ городского населенія увеличивалось стремленіе къ эстетическимъ наслажденіямъ.

Такому спросу на произведенія скульптуры удовлетворяло ориги-

нальное развитіе бюргерскихъ ремеслъ. Такъ какъ при этомъ ремесленномъ производствѣ имѣлось въ виду не созданіе массы продуктовъ, а ихъ цѣнность, то это повело къ тому, что лучшіе рабочіе дѣлались художниками-ремесленниками. Изъ такихъ художественныхъ ремеслъ въ послѣдствіи развилось великое нѣмецкое искусство 15 и 16 вѣковъ; произведенія его были доступны не для однихъ только меценатовъ, а и для народа; Дюреръ писалъ картины для бюргерскихъ залъ, для городовъ и церквей, но онъ создалъ такое же, если не большее, количество гравюръ на мѣди и деревѣ и для небогатыхъ классовъ населенія.

Всѣ эти условія не были особенно благопріятными для архитектуры; она, развившаяся изъ ремесла и находившаяся къ рукамъ ремесленниковъ, ограничивалась мелкими постройками и въ лучшемъ случаѣ ея развитіе шло въ сторону украшенія зданій картинами и статуями. Тѣмъ не менѣе и архитектура процвѣтала съ 14 вѣка. Но это процвѣтаніе вызывалось прежнимъ ея развитіемъ.

Національно нѣмецкое строительное искусство въ 8, 9 и 10 вѣкахъ пользовалось, какъ своимъ матеріаломъ, преимущественно деревомъ, церкви были тоже деревянными. въ юговосточной колониальной области такими онѣ были всѣ безъ исключенія до второй половины 11 вѣка; въ сѣверовосточной колониальной области первымъ упоминаемымъ въ документахъ каменнымъ храмомъ была церковь въ Лейцау около Магдебурга въ 1114 году и еще въ 1193 году въ Любекѣ была построена деревянная церковь. Но уже во времена мервинговъ, а тѣмъ болѣе во времена каролинговъ и оттоновъ новыя культурныя потребности, которыхъ не могло удовлетворить старое строительное искусство, противодѣйствовали его стилю и его техническимъ приемамъ. Короли хотѣли уже жить въ каменныхъ дворцахъ, какъ жили императоры въ древнія времена; высшіе церковные сановники и учрежденія, епископы, аббаты и монастыри хотѣли имѣть жилища и церкви по обычному образцу базилики южныхъ частей имперіи. Такимъ образомъ въ Германіи отъ 8 до 10 вѣка появляется рядъ построекъ, стиль и расположеніе которыхъ можно понять только имѣя въ виду ихъ связь съ современнымъ имъ возрожденіемъ при дворѣ каролинговъ и оттоновъ, ихъ отношеніе къ церковнымъ постройкамъ при этихъ дворахъ. Основаніемъ для этаго стиля послужило подражаніе южнымъ, въ особенности итальянскимъ образцамъ, подражаніе не всегда непосредственное. Это не мѣшало, конечно, примѣненію новыхъ мотивовъ въ деталяхъ постройки и новыхъ строительныхъ матеріаловъ; такъ, напр., для того, чтобы стѣны казались болѣе красивыми, кирпичи клались въ перемежку съ камнемъ, — круглая арка замѣнила архитравъ, для подпоръ столбы чередовались съ стрѣлами и колоннами; не смотря на всѣ такія измѣненія, совершившіяся въ срединѣ 10 вѣка, все таки замѣчается главное стремленіе

сдѣлать постройки возможно болѣе похожими на античныя; любопытно при этомъ то, что всѣ орнаментальныя детали, т. е. художественныя проявленія въ той сферѣ, которая могла и должна была оставаться національной, были подражаніями древнимъ.

Измѣненіе въ этой области искусства произошло только въ 11 вѣкѣ. Съ упроченіемъ нѣмецкой королевской власти, съ прочнымъ развитіемъ помѣстій, въ распоряженіи владѣльцевъ которыхъ при развитой помѣстной системы находились даровыя рабочія силы, наступаетъ эпоха строительной горячки. Повсемѣстно приступаютъ къ каменнымъ постройкамъ и заимствованное строительное искусство замѣняется національнымъ. Въ особенности замѣчается это въ Саксоніи и на Рейнѣ, а также отчасти и въ Вестфаліи, этихъ главныхъ странахъ нѣмецкаго королевства въ 10 и 11 вѣкахъ: эти страны, особенно средній Рейнъ и нижній Рейнъ, бывшіе наиболѣе культурными странами, и въ слѣдующіе вѣка являются руководительницами въ области архитектуры, тогда какъ въ Швабіи и Баваріи не замѣтно самостоятельнаго развитія; тамъ продолжаютъ жить лучшія, избранныя архитектурныя формы, существовавшія раньше на сѣверѣ. Тутъ тоже явленіе передачи умственныхъ пріобрѣтеній съ сѣверо-запада на юго-востокъ, которое замѣчается и въ другихъ сферахъ общественной жизни.

Въ центрахъ общественнаго движенія отъ 8-го до 11 вѣка были тоже утрачены многіе изъ архитектурныхъ пріемовъ древняго міра. Каролингскія постройки доказываютъ еще ясное пониманіе правилъ Вегеція и Витрувія и своды въ капеллѣ Ахепскаго собора вызываютъ наше благоговѣніе. Наоборотъ, первый изъ большихъ храмовъ, построенный въ національномъ стилѣ 11 вѣка, Базилика св. Михаила въ Гильдесгеймѣ, освященная въ 1033 году, не могла уже быть закончена сводомъ, — техника такихъ построекъ была забыта. А какое значеніе имѣло такое забвеніе, уяснилось очень скоро; въ 1034 году базилика сгорѣла, благодаря деревянной крышѣ огонь распространился и внутрь храма. При частыхъ пожарахъ городовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ это было особенно важно и устранить этотъ недостатокъ можно было только посредствомъ сводовъ.

Такимъ образомъ главнымъ вопросомъ для дальнѣйшаго развитія архитектуры сдѣлался вопросъ о постройкѣ сводовъ. Умѣнье покрывать сводомъ небольшія квадратныя пространства никогда не было утраченнымъ; при этомъ клали камень противъ другого камня, такъ что тяжесть одного уравновѣшивалась другимъ; при такомъ способѣ класть сводъ не было надобности въ дугахъ свода, которыя въ то время были еще неизвѣстны. Въ началѣ 11 вѣка по такому способу умѣли покрывать сводами боковыя придѣлы храмовъ, обыкновенно квадратныя; такіе своды имѣются въ церкви аббатства Эхтернахъ

въ Люксембургѣ и въ церкви св. Маріи въ Капитоліи (St. Maria — im — Kapitol) въ Кельнѣ.

Но вопросъ былъ въ томъ, чтобы покрывать сводомъ среднее помѣщеніе храма. Въ этомъ отношеніи много сдѣлано при постройкѣ собора въ Майнцѣ въ 1181 году. Надъ квадратными пространствами средняго помѣщенія храма идутъ полукругомъ замкнутые своды и боковые придѣлы, каждый изъ которыхъ состоитъ изъ двухъ квадратныхъ помѣщеній на одно квадратное же помѣщеніе середины храма, тоже покрыты сводами. Такая система постройки была совершенно удовлетворительна и кромѣ того она давала возможность соединить художественную фантазію и удобства большаго пространства, такъ какъ на одинъ квадратный сводъ середины храма должны были непременно находиться по два квадратныхъ свода боковыхъ придѣловъ, что обуславливало отношеніе ширины середины храма къ придѣламъ какъ 1:2. Вообще эта система была необыкновеннымъ прогрессомъ въ архитектурномъ искусствѣ и ее примѣняли поэтому во всѣхъ постройкахъ большихъ храмовъ на Рейнѣ; начиная съ ея примѣненія развивается настоящій романскій стиль, какъ національный или по крайней мѣрѣ, какъ постепенно дѣлающійся народнымъ стилемъ.

Дальнѣйшее развитіе такого стиля при сохраненіи такой системы сводовъ могло происходить только въ направленіи разнообразныхъ деталей, въ увеличеніи пестроты украшеній и живописности зданій. Такой ходъ развитія и замѣчается прежде всего на среднемъ и нижнемъ Рейнѣ. Раньше внутреннія стѣны всѣ покрывались живописью, теперь начали уменьшать пространство, занятое живописью и пользовались этимъ пространствомъ для украшенія внутреннихъ стѣнъ столбиками, нишами, галлереями и корридорами; разнообразили также и внѣшнія стѣны, на нихъ устраивали башни и башенки и дѣлали выступы, какъ отдѣльные, такъ и расположенные группами. Такимъ образомъ было достигнуто то богатое расчлененіе стѣны, неподражаемымъ образцомъ котораго является церковь св. Апостоловъ въ Кельнѣ. Развитіе мелкихъ архитектурныхъ и орнаментальныхъ формъ тоже шло впередъ. Капителли становились все болѣе смѣлыми, оконныя отверстія, глубоко вдающіяся въ стѣны въ формѣ лилій вмѣсто прежнихъ полукруглыхъ отверстій, становятся все болѣе фантастическими, рельефы разрабатываются все разнообразнѣе для достиженія большаго эффекта въ распредѣленіи свѣта и тѣни. Это доказывало стремленіе къ произвольному, къ странному, оригинальному; самый лучшій, можетъ быть, образчикъ такого стиля—это церковь св. Квирина въ Нейссе. Новый стиль распространился далеко къ востоку отъ Рейна и Тюрингія стала средоточіемъ новаго, хотя и нѣсколько менѣе причудливаго стиля архитектуры.

Новыя украшенія такъ называемаго переходнаго стиля особенно внутри зданій производили сильный эффектъ, возбуждая благоговѣніе

и настраивая людей къ набожному поклоненію. Стремленіе сдѣлать корабль храма какъ можно выше все болѣе увеличивалось; отношеніе вышины середины храма къ ширинѣ было уже $2\frac{1}{2}$ или $2\frac{1}{3}$ къ 1 (позже въ готическомъ Кельнскомъ соборѣ 3 : 1). Такимъ образомъ тяжелые камни, казалось, утрачивали свою тяжесть, своды и окна удалялись отъ земли, окна дѣлались больше, чрезъ разрисованныя стекла лился магическій свѣтъ и игралъ тысячью цвѣтовъ на блестящихъ золотомъ стѣнныхъ картинахъ, на огромномъ лѣсѣ столбовъ и столбиковъ, на разнообразныхъ украшеніяхъ капителей, на фантастической рѣзбѣ алтаря. Въ храмѣ фантастическій полусумракъ, гармоническія линіи окутаны таинственнымъ свѣтомъ и таинственными тѣнями. Впечатленіе, получаемое въ храмѣ св. Мартина въ Кельнѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ Страсбургскаго собора, незабвенно.

Этотъ стиль, какъ сказано, могъ развиваться только въ одномъ направленіи—въ направленіи живописности. Со стороны архитектоники онъ былъ связанъ съ послѣдней системой квадратныхъ, покрытыхъ сводами помѣщеній, съ неизмѣннымъ отношеніемъ главнаго храма и придѣловъ и основанномъ на этомъ отношеніи распредѣленіемъ стѣнъ главнаго храма. Уничтоженіе этого отношенія было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы удалось покрывать сводами не квадратныя помѣщенія: въ этомъ случаѣ было бы возможно устроить такъ, чтобы на одно квадратное помѣщеніе главнаго храма приходилось не болѣе одного же квадратнаго помѣщенія придѣла; въ этомъ случаѣ старая система уничтожилась бы и было возможно иное распредѣленіе внутренняго пространства храма. А это было возможно только посредствомъ возведенія надъ прежними полукругомъ расположенными сводами такого свода, который замыкался острой дугой, а это вообще было достижимо было только введеніемъ въ своды реберъ, острыхъ краевъ (Rippen).

Всѣ эти измѣненія повели къ образованію готическаго стиля. При прежней кладкѣ сводовъ безъ реберъ, полукругомъ одинъ камень давить на другой и такимъ образомъ стѣны, надъ которыми лежитъ сводъ, выносятъ вездѣ одинаковую, равномерную тяжесть; при сводѣ же съ ребрами тяжесть концентрируется на тѣхъ частяхъ стѣнъ, на которыя давятъ ребра свода. Такимъ образомъ стѣна вообще выноситъ при этой послѣдней системѣ сводовъ меньшее давленіе; если стѣна достаточно толста въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ давятъ на нее ребра свода, то въ остальныхъ частяхъ ее можно дѣлать и тонкой. Такимъ образомъ уже нѣтъ надобности въ тяжелыхъ, толстыхъ стѣнахъ романскаго стиля, ихъ мѣсто занимаютъ тонкія стѣны съ большими отверстіями готическихъ, раздѣленныхъ на три, пять или семь частей, оконъ. Стѣна утолщена только тамъ, гдѣ на ней лежитъ ребро свода; она является здѣсь выступомъ, выдающимся изъ стѣны. Тамъ же, гдѣ къ главному кораблю храма примыкаютъ придѣлы, ребро свода

главнаго корабля переносится въ формѣ легкой дуги на столбы придѣловъ; такимъ образомъ созданъ стиль постройки храмовъ съ пятью и болѣе придѣлами, причемъ главный корабль храма представляется окруженнымъ какъ бы цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и поднимающихся къ небу древесныхъ стволовъ. Всѣ эти основныя архитектурныя черты готическаго стиля по закону необходимости развились изъ простой надстройки сводовъ, изъ устраненія старой системы квадратныхъ построекъ. Рядомъ съ ними появляется довольно неизмѣнная, безплодная и лишенная всякой фантазіи орнаментика. Свѣтлыя формы переходнаго стиля, полныя свѣжаго художественнаго произвола, исчезаютъ; даже капители утратили свои обычныя, старыя украшенія. Они замѣняются цвѣтами, листьями и вѣтвями, обвивающими стволъ капители и пустыя пространства на порталахъ; напротивъ постаментъ капители дѣлается широкимъ, вырѣзаннымъ математически точно по циркулю, а всѣ верхніе члены украшаются рѣзными листьями, такъ называемыми *Krabben*, соединеніе которыхъ на краяхъ карнизовъ образуетъ крестъ (*Kreuzblume*).

Такая бѣдность орнаментики, бывшая, повидимому, необходимымъ спутникомъ богатства архитектурныхъ формъ, принципиально отличаетъ готическій стиль отъ переходнаго и отъ его частью античныхъ, частью національныхъ формъ орнаментики; переходный стиль отжилъ свое время, а готическій развивался медленно и трудно. Въ сущности говоря, и готическій и переходный стили составляютъ только различныя формы развитія классическаго романскаго стиля; второй удержалъ характеръ постройки стѣнъ романскаго стиля и оживлялъ обширныя пространства стѣнъ большимъ разчлененіемъ ихъ, но въ сущности только орнаментальнымъ, а первый развилъ далѣе идею романскаго стиля и создалъ изъ нее нѣчто новое, соборный храмъ 13 и 14 вѣковъ.

Это преобразование стиля было испытано кое гдѣ въ Германіи ¹⁾; но впервые и вполне удалось оно на сѣверѣ Франціи, гдѣ легко обрабатываемый известнякъ Иль-де-Франса давалъ превосходный строительный матеріалъ. Уже отсюда новый стиль, устраняя всѣ туземныя попытки, проникъ и въ Германію совершенно также, какъ въ развитіи придворнаго общества и созерцательной мистики Франція опередила Германію и потому вліяла на ея развитіе.

¹⁾ Это настолько же твердо установлено, какъ и тотъ фактъ, что рейнскій переходный стиль вполне нѣмецкаго происхожденія. Что французское *travée* не было просто принято при постройкахъ переходнаго стиля, это доказывается попытками иначе отдѣлаться отъ старой системы построекъ, какъ напр. островерхими сводами бочкой (*tonnengewölbe*) церкви св. Севера въ Боппардѣ—или и тутъ заимствованіе изъ Оверня? Всего лучше можно изучить разрывъ между нѣмецкимъ развитіемъ и французскими традиціями на примѣрѣ церкви аббатства на майскомъ полѣ въ Мюнстерѣ (*Stiftskirche von Münster-maifeld*), если приписывать строителю этой церкви и постройку церкви въ Синцигѣ.

Первыя постройки готическаго стиля были возведены на западѣ, каковы церковь Либфрауенъ въ Трирѣ (1227), церкви на западныхъ притокахъ средняго Рейна и въ Нассау, церковь св. Елизаветы въ Марбургѣ (1233—1291) и наконецъ Кельнскій соборъ, закладка котораго происходила въ 1248 году. Отсюда уже рано начались отдѣльныя постройки до самаго Магдебурга и Гильдесгейма, наконецъ готическій стиль получилъ распространеніе и въ центрѣ Германіи во второй половинѣ 13 вѣка, а въ колониальной области только къ концу этаго вѣка; первыми крупными произведеніями этаго стиля были на сѣверѣ Хоринъ (Chorin) послѣ 1272 года и на югѣ Клостернейбургъ (между 1270 и 1294 г.).

Въ это время строительное искусство сообразовалось еще съ симпатіями и средствами высшаго духовенства и вообще клира; почти всѣ ранніе готическіе храмы и соборы обязаны своимъ происхожденіемъ духовенству. И ихъ общій планъ и ихъ детали указываютъ на свободное усвоеніе чуждаго стиля, а также и на полную склонность этихъ меценатовъ, развившихъ свой эстетическій вкусъ на разнообразныхъ зданіяхъ переходнаго стиля, къ новому французскому стилю.

Колокольни (башни), бывшія всегда гордостью нѣмецкихъ строителей церквей, строились иначе, чѣмъ во Франціи; нѣмцы не хотѣли незначительныхъ башенокъ, возвышающихся надъ однообразной массой зданія; они строили прямо съ уровня земли города высившіяся двойныя башни и очень скоро изъ соединенія такихъ башенъ образовался въ высшей степени оригинальный фасадъ Фрейбургскаго собора. Но при этомъ они, будучи знакомы съ тонкой скульптурой туземнаго переходнаго стиля, доводили подробности новаго стиля до излишества, почти до филигранной работы; классическимъ примѣромъ этого можетъ служить церковь св. Екатерины въ Оппенгеймѣ. Въ то время еще очень любили пестрыя башни и фіалы стараго стиля; ихъ наполняли статуями подъ балдахинами и масса зданія прерывалась уходящими въ верхъ дугами сводовъ; казалось, что стремились къ тому, чтобы скрыть отъ глазъ выдающійся въ срединѣ главный корабль храма.

Потому то въ концѣ 13-го и началѣ 14-го вѣка внутренность храма уже не производила того впечатлѣнія, какое обѣщала его внѣшность; только въ опредѣленныхъ исключительныхъ случаяхъ удавалось исправлять этотъ недостатокъ живописнымъ распредѣленіемъ внутренности храма, именно разнообразной группировкой осей отдѣльныхъ частей хора по отношенію къ главной части зданія, а также надлежащей пропорціей вышины корабля и его ширины. Тамъ, гдѣ этого удавалось достигнуть, этотъ столь логически размѣренный стиль дѣйствуетъ живописно, даже вдохновляюще, отрѣшая человѣка отъ мірскихъ заботъ; и намъ понятно, что онъ былъ выраженіемъ эпохи,

когда мистика и схоластика сильно вліяли на умы, когда казалось, что чрезъ пропасть между раціонализмомъ и энтузіазмомъ перекинуть мостъ.

Судьба великихъ храмовъ 13 и 14 вѣковъ имѣла почти символическое значеніе, она доказывала, что эта эпоха должна была закончиться въ силу таящагося въ ней внутренняго противорѣчія. Почти ни одинъ изъ этихъ храмовъ не былъ оконченъ — не былъ оконченъ и кельнскій соборъ, самое крупное и геніальное произведеніе той эпохи; работы въ немъ были почти вполнѣ пріостановлены съ 1322 года. Духовенство обѣднѣло, оно не могло болѣе строить такіа величественныя зданія, какія строили его предшественники.

Мѣсто строителей изъ духовныхъ лицъ заняли бюргеры; съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ они воздвигали все болѣе и болѣе грандіозныя зданія, отъ болѣе раннихъ церквей св. Маріи въ колоніяхъ до величайшаго памятника бюргерскаго строительства, Ульмскаго собора, воздвигнутаго въ 1377 году. Характеръ готическаго стиля при этомъ измѣнился.

Образцами для бюргеровъ-строителей послужили до извѣстной степени храмы дружественныхъ съ ними нищенствующихъ монаховъ, эти храмы уже издавна строились въ готическомъ стилѣ и ихъ простыя, цѣломудренныя формы отражали собой идеаль средневѣковаго храма, въ которомъ произносились проповѣди. Это были довольно безвкусныя огромныя помѣщенія, съ тонкими, далеко другъ отъ друга отстоящими колоннами, свѣтлыя и полныя воздуха, располагающія не къ мечтательности, а къ внимательному выслушиванію словъ проповѣдника.

По ихъ образцу строились и приходскія церкви и за исключеніемъ болѣе древнихъ храмовъ св. Маріи на берегахъ Балтійскаго моря, въ которыхъ видно еще французское вліяніе, и съ нѣкоторыми измѣненіями въ стилѣ постройки многочисленныя бюргерскіе храмы. Всѣ они отличались опредѣленнымъ, увѣреннымъ расположеніемъ фасадовъ, причемъ стремились не столько къ украшенію, сколько къ ясности стиля; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они строились изъ темнаго камня, производимое ими впечатлѣніе было веселымъ; они отличались тѣмъ же чувствомъ довѣряющей себѣ энергіи и дѣятельной силы, не рѣдко и той же колоссальностью замысла, которымъ мы удивляемся и въ предназначенныхъ для мірскихъ цѣлей зданіяхъ бюргерской культуры.

IV.

Понятно, какимъ путемъ должно было идти развитіе скульптуры и живописи при вліяніи этого стиля, хотя произведенія этихъ искусствъ были роскошны и великолѣпны въ церковныхъ зданіяхъ и просты

и изящно-веселы въ мірскихъ, бюргерскихъ домахъ. Тутъ вопросъ былъ не въ способѣ постройки, стѣны которой могли быть заполнены произведениями родственныхъ пластическихъ искусствъ; дѣло въ томъ, что характеръ готическаго стиля былъ опредѣленнымъ, нетерпимымъ и исключительнымъ. Въ этомъ стилѣ всѣ части постройки являлись абсолютно необходимыми, только большія окна съ своими разрисованными стеклами казались чуждымъ элементомъ среди этого лѣса поднимающихся къ небу колоннъ. Въ готикѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше стремятся къ небу; храмы по отношенію къ нхъ широтѣ становятся все выше и выше и въ концѣ концовъ формы дѣлаются въ большихъ соборахъ конца 14 и начало 15 вѣка чрезмѣрно колоссальными.

Но это не могло измѣнить характера архитектуры, также какъ и родственныхъ ей искусствъ—всѣ они должны были сообразоваться съ этимъ стремленіемъ къ вертикальному. Отъ простой домашней мебели до изображенія на алтарѣ, а также отъ тогдашняго моднаго платья до статуи святаго все было чрезмѣрно высокимъ; члены вытягиваются, складки выпрямляются и у шиколки заканчиваются цѣлой сѣтью маленькихъ узелковъ. Все это было общимъ признакомъ вліянія и безусловнаго господства архитектуры въ 14 и 15 вѣкахъ, ни одно изъ искусствъ не могло освободиться отъ этого преобладающаго вліянія.

Но наиболѣе сильно было это тираническое вліяніе архитектуры на самое близкое къ ней искусство, на пластику. Въ этомъ отношеніи многозначительно было уже то обстоятельство, что скульпторъ, по крайней мѣрѣ въ эпоху ранняго готическаго стиля, былъ не просто скульптуромъ, а обыкновенно и каменотесомъ. Понятно, что онъ не особенно заботился о художественныхъ задачахъ настоящей пластики. Онъ заимствовалъ изъ Франціи вмѣстѣ съ готическимъ стилемъ постройки также и готическій стиль скульптуры и скоро соединилъ этотъ заимствованный стиль съ стремленіями туземной нѣмецкой скульптуры, которая во второй половинѣ 13 вѣка уже достигла замѣчательнаго развитія, равнаго съ развитіемъ пластики конца римскаго періода. Такимъ образомъ скульптура сдѣлалась составной частью архитектуры и приспособленіемъ къ ея стилю; дѣло дошло до того, что обработка складокъ являлась самостоятельной задачей, отношеніе которой съ обработкой тѣла было только поверхностнымъ.

Спасенія отъ подобнаго полнаго порабоженія скульптуры архитектурой пришло съ двухъ сторонъ во второй половинѣ 14 вѣка. Во первыхъ художественный вкусъ прогрессировалъ отъ простыхъ изображеній отдѣльныхъ фигуръ до зачатковъ изображенія цѣлыхъ сценъ, послѣ того, какъ уже во времена Людвига Баварскаго по крайней мѣрѣ въ Швабіи и на верхнемъ Рейнѣ начали переносить въ изображенія святыхъ мотивы и формы бюргерской жизни и эти

статуи сдѣлались нѣсколько болѣе живыми. Изображеніе же цѣлыхъ сценъ при страстномъ настроеніи эпохи вело къ нѣкоторому, хотя въ деталяхъ и условному еще, драматизму движеній, эти движенія не приспособлялись уже настолько всецѣло, какъ раньше, къ схемѣ готическаго стиля. Но еще важнѣе было то обстоятельство, что повсемѣстно, а въ особенности въ Нидерландахъ, забросили ваяніе изъ камня. Старая національная скульптура изъ дерева нигдѣ не была окончательно заброшена; она процвѣтала даже и въ эпоху господства романскаго стиля, что доказывается существованіемъ большаго количества кустарныхъ издѣлій, особенно шкатулокъ изъ липоваго дерева и отдѣльныхъ превосходныхъ произведеній настоящаго искусства, вродѣ замѣчательныхъ скульптурныхъ произведеній изъ дерева тюрингенской школы эпохи процвѣтанія романскаго стиля въ Дрезденскомъ музеѣ и въ Fornsal въ Висби. Теперь повсемѣстно, за исключеніемъ Швабіи, болѣе или менѣе сильно развилась скульптура изъ дерева; она процвѣтала въ особенности на сѣверѣ. Въ Нидерландахъ кромѣ того все сильнѣе развивалась пластика изъ бронзы, сначала дѣлали только бронзовыя плиты для могилъ для вывоза, а потомъ и крупныя произведенія для мѣстнаго рынка; уже въ 1380 году эту технику заимствовали изъ Нидерландовъ колониальныя области на берегахъ нѣмецкаго моря, гдѣ было много городовъ, и въ особенности Любекъ.

Такимъ образомъ появились необходимыя техническія условія для освобожденія пластики отъ вліянія архитектуры. Процвѣтаніе литейнаго бронзоваго производства и рѣзьбы, послѣдовавшее съ середины 15 вѣка, указывало наиболѣе блестящими изъ своихъ произведеній на то, что возможно развитіе настоящей пластики; но самое развитіе пластики, соотвѣтственно замѣчательному измѣненію въ духовной жизни, происшедшему въ эту эпоху, находилось въ зависимости отъ требованій живописи.

Подобный переворотъ долженъ на первый взглядъ казаться тѣмъ болѣе удивительнымъ, что живопись въ 14 вѣкѣ находилась подъ столь же сильнымъ и единогоподствующимъ вліяніемъ готики, какъ и пластика. Та-же скульптурность, тѣ-же чрезмѣрно высокія фігуры, тѣ-же прямыя складки, такая же связанность жестикуляціи, тотъ же искусственный выгибъ на животѣ и бедрахъ для того, чтобы сообщить фигурѣ хотя какое нибудь движеніе. Но подъ такой неизмѣнной оболочкой къ концу этаго періода уже замѣчается постепенный переходъ къ болѣе свободнымъ движеніямъ.

Если мы истолковываемъ наши психологическія наблюденія не съ художественной точки зрѣнія, то уже само зрительное воспріятіе является заключеніемъ, выводомъ; выводъ совершается въ зрительномъ представленіи самъ собою, какъ въ другихъ случаяхъ онъ появляется въ формѣ выраженныхъ рѣчью понятій. Но всякое вос-

пріятіе даетъ намъ не абсолютную, а только относительную мѣру вещей; таково же и зрительное воспріятіе; оно, такъ сказать, отдѣляетъ отъ объекта внутренній его образъ и доводитъ его до нашего сознанія. А это не можетъ произойти и прежде всего никогда не происходитъ при эстетическомъ созерцаніи безъ того, чтобы внутренній образъ не былъ одностороннимъ, не концентрировался на опредѣленныхъ частяхъ чувственнаго воспріятія.

Художественному созерцанію представляются три различныя составныя части чувственнаго, видимаго, объективнаго міра—абрисъ, цвѣта и освѣщеніе. Оно должно воспринять ихъ и обработать субъективно. При этомъ цвѣта и свѣтъ, даже цвѣта, свѣтъ и контуръ далеко не представляютъ абсолютнаго контраста, а только относительный. Конечно, цвѣтъ немислимъ безъ свѣта, но онъ можетъ извѣстнымъ образомъ озаряться свѣтомъ, или наоборотъ оставаться въ тѣни, быть болѣе или менѣе яркимъ. Абрисъ тоже можетъ исчезнуть, въ краскахъ и свѣтѣ онъ можетъ сдѣлаться почти незамѣтнымъ, неразличимымъ и тѣмъ не менѣе для зрительнаго впечатлѣнія онъ представляется безусловно необходимымъ.

Въ настоящее время мы эстетически созерцаемъ контуры, цвѣта и освѣщеніе. Но въ различныхъ родахъ живописи, однако, въ различныхъ взаимоотношеніяхъ. Изображеніе лица, напр., гораздо менѣе позволяетъ устранять прочный контуръ, чѣмъ какая либо иная отрасль живописи; человѣческое лицо представляетъ столь незначительную поверхность, что обыкновенно человѣческой глазъ, находящейся въ достаточно близкомъ разстояніи, схватываетъ его во всѣхъ подробностяхъ. Потому въ изображеніи лица обыкновенно контуръ важнѣе освѣщенія и цвѣта, хотя и эти послѣдніе получаютъ все большее и большее значеніе дня передачи и характеристики лица. Въ ландшафтѣ напротивъ контуры расплываются и ландшафтъ, передающій совершенно опредѣленно каждый контуръ, представляется намъ въ настоящее не художественнымъ, а искусственнымъ произведеніемъ; такой ландшафтъ принадлежитъ къ прошлому времени и мы рассматриваемъ его только, какъ историческій памятникъ.

Какъ мы теперь различаемъ отношенія контура, цвѣта и освѣщенія для различныхъ родовъ живописи, такъ подобныя же различія и въ гораздо большей степени существуютъ и для отдѣльныхъ эпохъ развитія живописи. Въ самые древніе періоды художники усвоивали только контуръ, притомъ нѣсколько схематично и въ черзъ чуръ рѣзкихъ очертаніяхъ; только позже усвоивались эстетически цвѣта, а позже всего освѣщеніе.

Древнѣйшая германская живопись передавала только контуръ объектовъ. И притомъ передавала не вѣрно природѣ, а бессознательно типично; таковы періоды простой орнаментики до 8 вѣка, типической передачи контура отъ 8 до 11 вѣка, условнаго изображенія отъ 11

до 13 вѣка. Безсознательно типическій контуръ въ этихъ формахъ живописи все болѣе и болѣе приближался къ натурѣ, къ дѣйствительности.

Четырнадцатый и частію пятнадцатый вѣка, періоды бюргерской культуры, были началомъ эпохи, когда достигли способности дѣлать контуръ естественнымъ, когда въ этой самой важной сторонѣ живописи человѣческій глазъ выучился господствовать надъ природой, такъ какъ онъ выучился лучше понимать ее: знаніе и власть надъ природой взаимно обуславливаются.

Это уже было пачаломъ настоящей, близкой къ современной, живописи. Но полного господства, такъ сказать, личнаго обладанія контуромъ нѣмецкая живопись достигла только въ періодъ крупныхъ произведеній этого искусства въ тридцатыхъ годахъ 15 вѣка. Тогда контуръ дѣлается постепенно типическимъ сознательно на основаніи точныхъ познаній объ его естественныхъ пропорціяхъ т. е. онъ идеализируется; изъ поисковъ дѣйствительности отдѣльныхъ явленій искусства у Дюрера и Голбейна переходитъ къ идеальному изображенію внѣшняго міра, къ идеальному изображенію въ особенности контуровъ человѣческаго тѣла.

А въ это время цвѣтъ, окраска появляется въ живописи, какъ ея необходимыя элементы.

Въ 11 вѣкѣ, до конца періода типическихъ контуровъ, окраска является въ живописи индифферентнымъ элементомъ. Не въ томъ было дѣло, чтобы не умѣли наслаждаться цвѣтами; ростъ этаго наслажденія блестящей окраской легко прослѣдить на основаніи увеличенія количества словъ для выраженія отдѣльныхъ оттѣнковъ цвѣтовъ; въ эпоху каролинговъ чувствовали особое пристрастіе къ смѣси цвѣтовъ въ окрашенныхъ орнаментахъ. Но недоставало соединенія воспріятія цвѣтовъ съ представленіемъ о специфической окраскѣ, свойственной извѣстнымъ предметамъ, а также и пониманія непосредственной художественной передачи естественныхъ цвѣтовъ внѣшняго міра; въ С. Галленскомъ псалтырѣ конца 9 вѣка, а также и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ художественныхъ работахъ встрѣчаются красныя, зеленыя и желтыя лошади.

Пониманіе естественной окраски предметовъ было приобрѣтено въ слѣдующій періодъ, закончившійся въ первыя десятилѣтія 15 вѣка. Цвѣтъ, окраска сдѣлались теперь необходимыми элементами для изображенія внѣшняго міра. Но эта окраска была еще грубой, не пластической, и всего менѣе колоритной. Болѣе оттушировали, чѣмъ окрашивали; окраска была еще только условнымъ придаткомъ, въ ней еще не было настоящей жизненности; тѣмъ болѣе она не имѣла никакого отношенія къ сосѣднимъ съ ней цвѣтамъ и къ освѣщенію—она скорѣе покрывала предметъ, чѣмъ моделировала.

Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о 15 и 16 вѣкахъ, отъ ванъ-

Эйка до предшественниковъ великихъ голландскихъ и фламандскихъ художниковъ. Въ это время уже были знакомы съ сущностію отдѣльныхъ цвѣтовъ, моделированіе посредствомъ ихъ доходило до тонкостей, цвѣта стали натуральными — и соотвѣтственно этому развился и вкусъ къ цвѣтамъ. Недоставало только одного — пониманія отношенія цвѣтовъ къ освѣщенію. Еще не умѣли согласовать моделированіе съ свѣтовыми отраженіями, тѣмъ менѣе умѣли дать всей картинѣ опредѣленное освѣщеніе, опредѣленный тонъ; темно-золотой тонъ алтарнаго изображенія въ Гентскомъ алтарѣ ванъ-Эйка, представляющійся самъ по себѣ чудомъ въ первой половинѣ 15 вѣка, не долженъ вводить насъ въ заблужденіе въ этомъ отношеніи; онъ только даетъ гармонію цвѣтамъ, а не освѣщаетъ ихъ. Обыкновенно въ 15 и 16 вѣкахъ моделировали бѣлымъ, сѣрымъ, желтымъ цвѣтами или разными оттѣнками доминирующаго цвѣта, прерываемаго бѣлымъ или желтымъ — это только грубое приближеніе къ настоящему распредѣленію цвѣтовъ. Такъ работали Стефанъ Лохенеръ и Рожье ванъ-деръ-Вейденъ, Давидъ и Янъ Юстъ; скромнѣе, но въ томъ же родѣ, работали ванъ-Эйкъ и даже Дюреръ. Знаменательны для такого распредѣленія цвѣтовъ сѣрые оттѣнки, переходы отъ сѣровато бѣлаго къ сѣрому, или буро-желтовато-бѣлаго къ желтому, отъ зеленовато-бѣлаго къ зеленому, буровато-бѣлаго къ бурому, на стѣнной картинѣ Рожье ванъ-деръ-Вейдена въ музеѣ Штеделя въ Франкфуртѣ на Майнѣ; эти переходы едва замѣтны рядомъ съ картинами, окрашенными въ полные цвѣта, и позже въ произведеніяхъ фламандской школы они представляются архаическими и портятъ получаемое отъ цѣлой гаммы цвѣтовъ впечатлѣніе. И однако сѣроватые тоны составляли любимую манеру Дюрера и Гольбейна; къ такимъ произведеніямъ можно причислить картину «Passion» въ Альбертинѣ и многія превосходныя картины Гольбейна въ Пражскомъ музеѣ.

Даже послѣ эпохи первыхъ крупныхъ нѣмецкихъ живописцевъ въ первыя десятилѣтія 16 вѣка этотъ способъ моделированія не былъ забытъ. Но если раньше онъ былъ естественнымъ и неизбѣжнымъ, какъ результатъ прогрессивнаго развитія, то теперь подъ вліяніемъ итальянцевъ онъ выродился въ грубую манерность; не говоря о другихъ непосредственныхъ подражателяхъ итальянцевъ, Лука Лейденскій постоянно употреблялъ въ своихъ картинахъ исключительно бѣлые цвѣта. Только у послѣднихъ предшественниковъ великихъ нидерландскихъ колористовъ, особенно во Фландріи, почти совершенно исчезаетъ чисто бѣлое освѣщеніе, такъ напр. у Кокція (Coxen), Пурба (Pourbas), ванъ-Орлея и у другихъ; но все же въ контурахъ они удержали еще постоянное разграниченіе красокъ, т. е. рисовальную манеру Дюрера и Гольбейна, манеру, съ которой нераздѣльно механическое употребленіе освѣщенія.

Прогрессъ техники замѣчается частію у художниковъ, которые въ

первой половинѣ 16 вѣка менѣе вырисовывали контуры, и потому начали свободнѣе пользоваться красками, какъ напр. у Барнеля Бруйна и другихъ. Одновременно съ этимъ замѣчается и другая, еще болѣе важная черта техники—употребленіе переходныхъ тоновъ цвѣта. Такова была манера позднѣйшихъ кельнскихъ художниковъ, какъ напр. такъ называемаго «мастера алтаря св. Тины» и первыхъ предшественниковъ второй эпохи процвѣтанія фламандско-голландской школы; къ этой манерѣ принадлежитъ большая Лейденская картина Луки Лейденскаго и произведенія Квентина Массижъ (Massij). Въ Германіи таже раньше этихъ мастеровъ былъ уже колористъ Матвѣй Грюневальдъ, опередившій нидерландцевъ, и кромѣ его такіе живописцы, какъ Гансъ Леу, Бальдунгъ и Альтдѳеръ. Къ сожалѣнію этому прогрессу живописи много помѣшало вліяніе итальянцевъ. Тѣмъ не менѣе манера не была вполнѣ утрачена. Въ концѣ 16 вѣка, и въ особенности опять такъ въ Нидерландахъ, все болѣе и болѣе усвоивали непосредственно-художественное пониманіе колоритности; учителя Рубенса и Рембранта, Отто ванъ-Винъ (van Veen) и Питеръ Ластманъ, а также такіе мастера въ дѣлѣ ландшафта, какъ Рѳлантъ Саверижи (Roelant Saveryj) были уже не далеки отъ правильнаго рѣшенія этой задачи.

Окончательно рѣшена она была царями живописи фламандской и голландской школы 17 вѣка. У нихъ вы уже не встрѣчаете рисовки контуровъ; Дюреръ былъ мастеръ въ рѣзбѣ на мѣди, а Рембрантъ мастеръ въ гравюрѣ. Цвѣта получили, наконецъ, надлежащее имъ мѣсто; Францъ Гальсъ впоследствии рисовалъ просто посредствомъ наложенія цвѣтныхъ пятенъ. Благодаря такому развитію техники получилась возможность художественно передавать освѣщеніе. Конечно, это освѣщеніе сначала не было натуралистическимъ; оно безсознательно было типичнымъ (стильнымъ, stilisiert), такъ сказать, орнаментальнымъ; какъ сначала типичными были контуры, такъ теперь цвѣта. Мастеръ въ дѣлѣ такого типичнаго освѣщенія—это Рембрантъ. Но и Рубенсъ придерживался той же манеры—это замѣчается сразу, сравнивая ландшафты этихъ двухъ великихъ художниковъ. Брюссельскій ландшафтъ Рубенса полонъ такого же настроенія, такого же тона и такого же освѣщенія, какъ и «Еврейское кладбище» Рюисдала въ Дрезденской галлерей. Эта манера безсознательнаго типичнаго освѣщенія господствуетъ у всѣхъ художниковъ 17 вѣка, крупныхъ и мелкихъ, голландскихъ и фламандскихъ; эта манера опредѣляла развитіе живописи до настоящаго времени, когда появилось, благодаря свободному пользованію освѣщеніемъ, натуралистическое и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательно-типическое изображеніе освѣщенія (свѣта).

Вернемся, однако, къ состоянію живописи въ 14 вѣкѣ—на основаніи всего вышесказаннаго очевидно, что живопись этого вѣка имѣетъ значеніе не столько сама по себѣ, сколько какъ пріостановка стараго развитія искусства, и исходный пунктъ новаго. У ней, такъ

сказать, лицо Януса: съ одной стороны она еще бюргерски условна и связана готикой, а съ другой она доходитъ уже до полного натурализма въ контурѣ и до менѣе сухого и условнаго пользованія красками.

Всего менѣе эти прогрессивныя стороны живописи 14 вѣка замѣчаются въ той ея отрасли, которая имѣла за собой уже продолжительное и славное прошлое, въ миниатюрной живописи. Манера этаго времени, можетъ быть, ничто иное, какъ подраженіе французской живописи водяными красками, развившейся особенно со времени Людовика IX. Нѣмецкіе художники находились въ постоянныхъ отношеніяхъ съ Франціей и вѣрно подражали и даже соперничали съ французскими образцами и съ французскими модами; они рисовали такія же изящно-незначительныя, сладковаго тона, картинки, по большей части замѣчательно малыхъ размѣровъ, такія же пустячки, наконецъ такія же похожія по своему заднему плану на ковры картинки, съ особой склонностью къ расположенію цвѣтовъ отъ индиго голубого до кирпично-краснаго, какія мы видимъ въ французскихъ картинахъ стиля рокока (гдѣ преобладаютъ цвѣта сѣроголубой и свѣтлоокрасный), напр. въ картинахъ Буше. Характеръ этихъ миниатюръ остается существенно рыцарски-аристократическимъ; любовь къ этимъ миниатюрамъ была распространена только въ высшихъ сферахъ. Люксембургскіе государи, бывшіе сами полу-французскими, покровительствовали этому роду живописи начиная съ архіепископа Балдуина парижскаго до Карла IV и короля Венцеслава; она сдѣлалась туземной въ ихъ постоянной резиденціи, въ Прагѣ и въ восточной Германіи вообще. Потомъ техника этого рода живописи получила особенно сильное развитіе въ Вѣнѣ во второй половинѣ 14 вѣка; самыя крупныя произведенія этого рода были иллюстраціи къ нѣмецкому переводу «Rationale» Дюрана 1384 года. Совершенно иное развитіе имѣло національное искусство простого рисунка перомъ, появившееся въ эпоху Штауфеновъ одновременно съ живописью водяными красками, бывшей предшественницей вышеупомянутаго французскаго стиля. Этому искусству рисованья перомъ живопись главнымъ образомъ обязана прогрессомъ въ обрисовкѣ контуровъ, его поддерживала вся нація, его произведенія распространялись по всей Германіи. Оно стремилось только къ тому, чтобы иллюстрировать текстъ, оно примѣнялось къ текстамъ всѣхъ наиболее популярныхъ авторовъ, къ всемірной хроникѣ Рудольфа Эмскаго, къ Библии, къ юридическимъ сочиненіямъ или сочиненіямъ религіозно-нравственнаго содержанія. Темей для этого искусства былъ человѣкъ, оно изображало его во всей натуральности его контуровъ, типическое, стильное вліяніе на него готики было незначительно. Оно пользовалось уже и красками, въ рисункахъ на рукописныхъ произведеніяхъ встрѣчается

уже торопливое, поверхностное раскрашивание водяными красками, хотя по большей части сдѣланное совершенно по ремесленному.

И дѣйствительно произведенія этого рода издавались чисто ремесленнымъ путемъ. Намъ уже и теперь извѣстны многіе содержатели подобныхъ мастерскихъ иллюстрацій, напр. Дипольдъ Лоуберъ въ Гагенау; дальнѣйшія историческія изысканія откроютъ въ послѣдствіи и другихъ такихъ же хозяевъ мастерскихъ. Они были издателями какъ рукописей, такъ и иллюстрацій, они работали по заказу и для рынка, они открывали уже эпоху промышленнаго издательства, ихъ было много уже въ первой половинѣ 15 вѣка. Изъ этого промысла развилась цѣлая литература для наученія и образованія мірянъ-бюргеровъ, и послѣ изобрѣтенія книгопечатанія необыкновенно развитый промыселъ изданія иллюстрированныхъ печатныхъ произведеній во второй половинѣ 15 вѣка и въ реформаціонную эпоху; эта издательская дѣятельность имѣла громадное вліяніе на необыкновенно высокій уровень эстетическаго развитія массы въ 16 вѣкѣ.

Это популярное искусство вліяло и на крупную живопись, поскольку эта послѣдняя была національной. Въ иллюстраціяхъ «библии бѣдныхъ» во второй половинѣ 14 вѣка, также какъ и во фландрско-бургундскихъ миниатюрахъ съ 1380 года часто имѣются тѣ самыя характерныя черты, которыя отличаютъ стѣнную живопись 15 вѣка; въ нихъ уже имѣются и жанровое изображеніе библійскихъ сценъ и полное глубокого чувства измѣненіе устарѣлыхъ формъ движенія и настроенія; онѣ проложили путь тому полному натурализму, который чрезъ нѣсколько поколѣній нашелъ себѣ мѣсто въ стѣнныхъ картинахъ.

Во всякомъ случаѣ стѣнная живопись была позднѣйшей отраслью развитія искусства живописи. Правда, стѣнные картины писались и въ 9 и въ 11 вѣкахъ, но въ качествѣ благороднѣйшей формы искусства эта отрасль живописи является только съ 14 вѣка. Въ это время или нѣсколько позднѣе начинаютъ образоваться школы живописи, одновременно съ первыми начатками изящной ремесленной работы бюргеровъ. Кромѣ Рейна, главными центрами созданія этихъ школъ были преимущественно Регенсбургъ и Нюренбургъ; въ Нюренбергѣ въ теченіе 14 вѣка искусство было уже значительно развитымъ и въ началѣ 15 вѣка оно развилось уже настолько, чтобы создать такое произведеніе, какъ «алтарь Имгоффа», (Imhof-schen Altar), около 1420 года.

И въ этомъ отношеніи Прага стояла впереди всѣхъ другихъ городовъ. Здѣсь, при дворѣ Карла IV, нѣмецкія вліянія встрѣчались съ иностранными, съ французскимъ, авиньонскимъ и итальянскимъ. Но нѣмецкое вліяніе преобладало; строитель собора (Veitsdom), Парлеръ, происходилъ изъ швабскаго — Гмюнда; привилегированный придворный живописецъ Николай Вурмзеръ былъ гражданинъ города

Страсбурга. Но въ особенности нѣмецкой была живопись. Цехъ живописцевъ въ 1348 году изложилъ свои положенія на нѣмецкомъ языкѣ, для испытанія на званіе мастера требовалось знаніе нѣмецкихъ образцовъ. Величайшій живописецъ этой школы Теодорихъ (1348 — 1375), хотя и былъ по происхожденію чехъ, по образованію и вкусамъ нѣмецъ. Приписываемыя ему картины указываютъ на вліяніе верхнефранконской, нюренбергской манеры, въ нихъ мы видимъ энергическое изображеніе тѣла, смѣсь сильныхъ цвѣтовъ, но при этомъ замѣчается уже стремленіе къ реалистическому пониманію и вѣрное изображеніе національнаго типа. Правда, послѣ смерти Теодориха, при королѣ Венцеславѣ, школа сдѣлалась чешской; она процвѣтала въ южной Богеміи до 1430 года, но ея темныя картины съ тяжелой темноватой окраской мужскаго тѣла и съ нѣсколько болѣе свѣтлой окраской тѣла женскаго указываетъ уже на паденіе школы.

Дѣйствительно, центръ развитія стѣнной живописи былъ уже давно перенесенъ къ западу, въ Вестфалію, на Рейнъ. Здѣсь Кельнъ сдѣлался центромъ необычайно изобильнаго производства, выше всѣхъ кельнскихъ мастеровъ стоитъ мастеръ Вильгельмъ. Въ Лимбургской хроникѣ 1380 года о немъ говорится: онъ былъ лучшій живописецъ въ нѣмецкой землѣ и его уважали всѣ мастера, такъ какъ онъ рисовалъ всяческія фигуры людей, точно живыхъ (*der was der beste maler in Duschen landen, als he wart geachtet von den meistern, want he malte einen iglichen menschen von aller gestalt, als hette ez gelebet*). Впервые средневѣковый историкъ отзывается такимъ образомъ о великомъ живописцѣ. И онъ былъ правъ. Картины, приписываемыя мастеру Вильгельму, Мадонна съ цвѣткомъ въ Кельнскомъ музеѣ и другія, были необыкновеннымъ прогрессомъ въ живописи. Фигуры, правда, слабоваты и чрезмѣрно топки, и благодаря этой топинѣ почти схематичны, но они живыя, они наслаждаются природой и міромъ, хотя еще и не свободны отъ узъ благочестія, въ нихъ дышатъ юношеская прелесть и дѣвственная нѣжность; онѣ сводятъ небо на землю, надъ ними царитъ спокойствіе, еще чистое дѣтское, но уже отъ міра сего; онѣ воплощенный идеаль бюргерскаго радостнаго, хотя и благочестиваго, настроенія. Эпоха высочайшаго развитія бюргерства въ концѣ среднихъ вѣковъ не могла создать ничего, по цѣнности равнаго этимъ произведеніямъ искусства, они закончиваютъ періодъ также, какъ раньше «Приносящіе дары» (*Donatoren*) въ Наумбургѣ и произведенія Вехсельбурга закончили періодъ развитія рыцарства.

V.

Такимъ образомъ въ 14 вѣкѣ несмотря на всѣ противодѣйствующія причины, несмотря на жизненные стремленія бюргерства, на-

правленные преимущественно на дѣятельность чисто матеріальную, несмотря на тотъ особый отпечатокъ, который имѣли всѣ произведенія искусства въ силу всеохватывающаго вліянія готики, въ концѣ концовъ развилось бюргерски-условное пластическое искусство. Оно все же было очень важнымъ моментомъ въ общемъ умственномъ прогрессѣ, своими произведеніями оно приводило Германію къ преддверію индивидуалистической культуры, двери которой широко открылись уже въ 15 вѣкѣ.

Судьбы поэзіи были менѣе благопріятны. Литературные интересы только что развивавшагося бюргерства были незначительны; нравы правда, сдѣлались нѣсколько менѣе условными, чѣмъ въ рыцарскую эпоху Штауфеновъ, но за то они были гораздо менѣе утонченными, въ обществѣ царила грубость, и суровыя проявленія этой грубости заглушали мягкіе сердечные звуки поэзіи. Потому то поэтическія стремленія руководящихъ бюргерскихъ сферъ развились поздно, причемъ бюргерское общество никогда не было склонно къ нѣжнымъ родамъ поэзіи; лирика во всѣхъ почти ея развѣтвленіяхъ исчезла, процвѣтала только сатира, она смѣло бичевала и личности и положеніе дѣлъ, а также появились плебейскія, шутливыя, грубыя начатки драмы.

Но въ началѣ новой эпохи и отчасти во все время ея старыя формы поэзіи процвѣтали роскошно и сдѣлались даже разнузданными. Любовная пѣсня (*minnesanga*) эпохи Штауфеновъ развилась и сдѣлалась ремесленной въ мейстерзингерствѣ бюргерскихъ сферъ; изящество стиховъ замѣнялось ихъ количествомъ, искусство превратилось въ искусственность, грація въ манерность, чувство въ фразерство. Старый повѣствовательный матеріалъ рыцарскаго общества появился въ Германіи изъ Франціи какъ слутникъ гуманистически литературныхъ вліяній: Логеръ и Маллеръ, Ланселотъ, прекрасная Мелузина; въ прозаической формѣ, лишенные своего кокетливаго поэтическаго одѣянія, они нашли себѣ прибрѣжище въ лучшихъ кругахъ бюргерскаго сословія и низшаго дворянства. Но въ особенности рядомъ съ этими остатками эпохи Штауфеновъ изъ нѣдръ народа снова выросла старая лирическая поэзія; 14 вѣкѣ былъ временемъ перваго извѣстнаго намъ расцвѣта нашей народной пѣсни. Матеріалъ ея измѣнялся изъ году въ годъ и сообразно съ мѣстностью. Новыя пѣсни, безличныя, авторы которыхъ оставались неизвѣстными, внезапно появлялись и и внезапно исчезали и наконецъ въ срединѣ 15 вѣка онѣ были собраны въ пѣсенникахъ (*цвѣтникахъ*), что было уже признакомъ упадка. По своей манерѣ онѣ принадлежали еще первобытной эпохѣ, такъ какъ имѣли форму басни т. е. образъ почти непосредственно слѣдовалъ за чувствомъ:

Три листочка на липѣ, прекрасно цвѣтутъ;

Она дѣлаетъ тысячи прыжковъ, такъ полно радости ея сердце

(Drei Laub auf einer Linden, die blühen also wohl
Sie thät viel tausend Sprünge, ihr Herz war Freuden voll).

Кажется, что мы слышимъ послѣдніе звуки символической поэзіи. И снова, какъ и раньше, воспѣвается любовь къ дѣвушкамъ; рыцарскій идеалъ несказаннаго любовнаго томленія предъ замужней женщиной исчезаетъ, любовная пѣсня, цѣломудренная и свѣжая, ясная, понятная и образная уноситъ насъ въ деревню, соколъ символически обозначаетъ возлюбленнаго, а цвѣтокъ дѣвушку. При этомъ старая манера примѣняется и къ новому матеріалу; народная поэзія воспѣваетъ и веселитъ міръ городского населенія и его новыя отношенія, она сочувствуетъ общественнымъ заботамъ низшихъ классовъ, въ ней слышится вся грубость насмѣхающейся ненависти, когда она приступаетъ къ описанію церкви, жизни нищенствующихъ монаховъ и монахинь.

Въ этомъ и состояли ея точки соприкосновенія съ бюргерской поэзіей, съ драмой и сатирой, медленно развивавшимися въ 14 вѣкѣ и окончательно развившимися въ 15 вѣкѣ.

Сатира въ формѣ взаимныхъ шутокъ очень стара. Уже въ эпоху Штауфеновъ изъ нея при пособіи другихъ умственныхъ настроеній развились настоящія литературныя формы. Такъ проповѣдь уясняетъ появленіе Генриха Мелька, такъ сатира Нейгарда Рейенталя имѣетъ связь съ старыми плясовыми пѣснями, полными насмѣшливаго вызова; сатирически-дидактическія черты басни снова появляются въ шуткахъ 13 вѣка. Глубокимъ умственнымъ основаніемъ для сатиры послужилъ, однако, только условный характеръ бюргерскаго общества. Только теперь впервые выучились изображать общественные типы ихъ характерными чертами и выдѣлять самыя выдающіяся ихъ особенности то капризно-юмористически, то ядовито-злобно; только теперь впервые начали осмѣивать одни другихъ крестьяне и бюргеры, портные и сапожники и вообще ремесленники, а также и отдѣльные города. Такимъ образомъ условная карриатура передавала все особенное, характерное въ жизни; и бюргерскій реалистическій умъ пользовался этими особенностями для немилосердной инвективы. Во Фландріи появились произведенія Яна Боэндала, въ своемъ «Leken-speghele» онъ разработываетъ любимую тему проповѣдниковъ, изображеніе отдѣльныхъ сословій; еще болѣе ядовитъ Янъ Тистей (Teesteue), сатирическое направленіе проглядываетъ и у брабантца Іестена. Въ Германіи появились тысячи комическихъ рассказовъ о мудрости бюргеровъ отдѣльныхъ городовъ, и месть деревенскаго населенія за кусающееся остроуміе горожанъ вылились въ рассказахъ «Совинаго зеркала» (Eulenspiegel). Потомъ сатира процвѣтала въ высшихъ сферахъ до середины 15 вѣка; она проникла въ проповѣдь Гейлера Кайзерсберга, классическимъ ея произведеніемъ былъ «Корабль дураковъ» (Narrenschiff) Себастіана Бронта, а также сочиненія Мурнера.

Но въ особенности груба была сатира въ зачаточныхъ формахъ драмы.

Эти зачатки — не драматическія произведенія въ современномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ эти послѣднія были результатомъ уже индивидуалистической культуры новаго времени—появились сначала въ церковной сферѣ. Изъ литургическихъ подробностей и вопросовъ о Воскресеніи Христовомъ развились крайне драматическія положенія. *Quem queretis in sepulchro, o christicolae?* (Кого ищите въ гробу?)—*Iesum Nazarenum crucifixum, o celicolae!* (Распятаго Иисуса Назарянина).—*Non est hic; surrexit, ut predicaret; ite, nuntiate, quia surrexit* (Его нѣтъ здѣсь; Онъ воскресъ; идите, возвѣстите о Его Воскресеніи) — *Surrexit!* (Воскресъ!). И дальше шелъ діалогъ, прерываемый пѣніемъ. Эта форма богослуженія, какъ можно доказать документально, существовала уже въ 10 вѣкѣ. Изъ этой формы, вообще изъ речитатива, которымъ читалось Евангеліе, а также изъ нѣкоторыхъ символическихъ обрядовъ церкви развилось потомъ цѣлая сцена. Матеріалъ ихъ не ограничивался одними Страстями Господними, въ него вошли вся жизнь Господа, а также и другіе благочестивые рассказы. При этомъ пѣлись духовныя пѣсни, въ которыхъ на первый планъ выступали въ особенности Марія, мать Божія и Марія Магдалина, представительница грѣшнаго человѣческаго рода.

Вышній аппаратъ этихъ представленій, вполне образовавшійся, повидимому, въ 14 вѣкѣ, былъ довольно бѣднымъ; сцена замѣнялась простымъ возвышеніемъ, отдѣльныя дѣйствія ясно не раздѣлялись одно отъ другого, какъ въ миниатюрахъ начала среднихъ вѣковъ изображеніе отдѣльныхъ слѣдующихъ одна за другой сценъ дѣлалось въ одной картинкѣ. При этомъ вначалѣ не было и слѣда какого нибудь психологическаго обоснованія, дѣйствіе вообще работывалось не драматически, а эпически; дѣйствующія лица прямо говорили, что они такое, какія у нихъ намѣренія и потомъ исполняли свое намѣреніе. Это такой родъ искусства, который частымъ употребленіемъ музыки и необходимостью вводныхъ повѣствовательныхъ и объясняющихъ речитативовъ напоминалъ, хотя и отдаленнымъ только образомъ, современную ораторію.

Но вскорѣ вышли изъ предѣловъ этой вполне эпической формы. Начали мотивировать дѣйствіе посредствомъ введенія дьявола, какъ совѣтника злыхъ дѣлъ. Позже мотивы дѣйствія становятся уже внутренними, посредствомъ введенія отдѣльныхъ дѣйствій пытались указать, что Іуда предатель—это типическій скряга, что войны бывають обычно грубыми людьми, а евреи съ самаго начала были презрѣнными людишками. Такимъ образомъ условное пониманіе бюргерства получило на драму значительное вліяніе. Въ другомъ отношеніи пошли еще дальше. Въ Германіи, соотвѣтственно народному харак-

теру, переходы въ характеристикѣ цѣнять выше, чѣмъ простую гармонически-цѣлую характеристику, потому серьезныя сцены гроба Христа перемежаются шутливыми выходками, вродѣ спора апостоловъ Петра и Іоанна. Это было началомъ полного преобразованія духовной драмы. Шутливыя сцены получаютъ перевѣсъ, онѣ образуютъ широкую, странную, при этомъ крайне грубую рамку для картины священныхъ событій. При этомъ благодаря такому измѣненію міряне являются участниками представленія. Только библейскія личности изображаются духовными и Христосъ по крайней мѣрѣ даже въ позднѣйшее время говорилъ по латынѣ. Другія роли, и въ особенности роль хора, изображавшаго евреевъ и воиновъ, или торговцевъ благовоными маслами и продавцовъ въ Храмѣ—исполнялись мірянами; ихъ исполняли члены многочисленныхъ церковныхъ городскихъ братствъ. Это было демократизированіе и секуляризація старыхъ мистерій и поученій.

Вскорѣ рядомъ съ мистеріями стали и бюргерскія шутливыя представленія (водевили). Это, въ сущности говоря, было ничто иное, какъ выдѣленіе шутливаго изъ рамокъ церковныхъ мистерій. Задача и тутъ была не настоящей драматической въ нашемъ смыслѣ слова. Правда, были уже сцены, были и лица. Но лица были только типы, они соотвѣтствовали обычнымъ дѣйствующимъ лицамъ народнаго театра маріонетокъ. По большей части они представляли развитыя въ сатиру условныя представленія о различіи сословій и профессій или о превосходствѣ города надъ деревней; они были переполнены удивительными пошлостями. Тѣмъ не менѣе для своего времени они имѣли большее значеніе.

Дѣйствительно, они составляли самую высшую степень развитія эстетическаго-литературнаго пониманія бюргерства въ среднія вѣка; они рѣзко и безъ стѣсненія отражали возрѣнія его на общество и его строй; они въ откровенномъ и простодушномъ тонѣ говорятъ объ своей эпохѣ, которая была всецѣло предана матеріальнымъ интересамъ; они откровенны и честны. Не смотря на всю грязь и пошлость ихъ, они служатъ для насъ живыми свидѣтелями эпохи, когда бюргеры вступили на путь неожиданно быстрого политическаго и экономическаго прогресса и готовые къ борьбѣ и къ насмѣшкѣ смотрѣли на всѣхъ, кто посмѣлъ бы противиться имъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князья и территории въ концѣ среднихъ вѣковъ.

І.

Эпоха Штауфеновъ представляетъ переходный пунктъ въ исторіи развитія нѣмецкой конституціи. Въ теченіе шестисотъ лѣтъ до этой эпохи это была конституція Франкскаго государства, продолжавшая существовать въ нѣмецкомъ королевствѣ 10—13 вѣковъ; въ теченіе же шестисотъ лѣтъ послѣ нея это уже конституція территорій, установившихся все болѣе самостоятельными, конституція, высшимъ пунктомъ развитія которой былъ просвѣщенный абсолютизмъ прошлаго вѣка. До и послѣ этихъ двухъ великихъ періодовъ развитія конституція отличается болѣе демократическимъ характеромъ — это государство первобытной эпохи и конституціонная монархія 19 вѣка.

Переходъ отъ одного періода къ другому вызывался прежде всего экономическими и общественными явленіями. Племенное государство первобытной эпохи съ его аграрнымъ коммунизмомъ и съ его товарищеско-военнымъ представленіемъ о свободѣ соответствовало строю воинственныхъ номадовъ и временному владѣнію въ эпоху переселенія народовъ; ленное государство франкско-нѣмецкой монархіи было результатомъ натурального хозяйства; княжеское бюрократическое государство съ абсолютной центральной властью обуславливалось тѣмъ, что денежное хозяйство давало возможность создать какъ гражданскую, такъ и военную бюрократію; новое движеніе нашего вѣка получаетъ свои силы изъ увеличивающагося субъективизма отдѣльныхъ гражданъ государства, порождаемаго, такъ сказать, спеціальной оцѣнкой каждой личности въ эпоху начинающагося кредитнаго хозяйства.

Но отдѣльные періоды не отдѣляются одинъ отъ другого временемъ абсолютнаго перерыва въ развитіи. Новая жизнь вырастаетъ

изъ обломковъ прошлыхъ, отживающихъ организацій, общественныя силы законченнаго періода продолжаютъ дѣйствовать и въ послѣдующую эпоху и создаютъ неизвѣстныя раньше общественныя формы; ни что старое вполнѣ не утрачивается для новаго міра, оно получаетъ только другое мѣсто, соотвѣтствующее его теперешнему значенію; въ исторіи тоже дѣйствуетъ законъ сохраненія силы.

Въ созданіи государствъ отъ 14 до 18 вѣка дѣйствовали тѣ силы, которыя дѣйствовали созидающе и разрушительно и въ государствѣ отъ 6 до 13 вѣковъ.

Государство въ эти вѣка основывалось на господствѣ чисто натурально-хозяйственной культуры въ обширныхъ территоріяхъ. Но для такого господства въ то время не имѣлось почти никакихъ необходимыхъ предварительныхъ условій: не существовало развитыхъ средствъ общенія, начиная отъ почтовыхъ путей сообщенія до орудій денежнаго обращенія; потому не имѣлось и мѣстнаго управленія съ точно опредѣленными функціями, работающаго соотвѣтственно направленію дѣятельности центральной власти. Графы стараго королевства были намѣстниками, а не простыми чиновниками исполнительной власти; они получали вознагражденіе изъ доходовъ богатыхъ имѣній короля, надзоръ и даже управленіе которыми были предоставлены имъ самимъ. Таковы были типическія условія леннаго государства; потому королевство, если своевременно не появлялись противодѣйствующія причины, должно было подвергнуться судьбѣ всѣхъ вполнѣ развитыхъ феодальныхъ государствъ, т. е, мѣстные представители государственной власти должны были сдѣлаться самостоятельными и государство должно было распаться на самостоятельныя политическія единицы.

Нѣмецкое королевство довольно долго боролось противъ этой неизбежной судьбы. только въ теченіе восьмага столѣтія въ его государственномъ правѣ замѣчаются вполнѣ ясныя слѣды полного перехода къ ленному государству; до тѣхъ же поръ въ королевствѣ германскихъ варваровъ продолжали дѣйствовать учрежденія денежно-хозяйственной и централизованной міровой римской имперіи. Только къ концу 11 вѣка ленная система всецѣло охватываетъ государство; только въ это время королевство утрачиваетъ административную поддержку церкви, которая послѣ упадка свѣтской политической культуры древности оставалась наслѣдницей его правительственнаго искусства. Тогда то государственное развитіе, предоставленное самому себѣ, вполнѣ развиваетъ всѣ слѣдствія феодальной системы. Тогда то вполнѣ исчезаетъ раздѣленіе на округа (gauen)—эта основа управленія графовъ; государственная власть все болѣе и болѣе переходитъ къ ея мѣстнымъ представителямъ; отдѣльныя явленія въ этомъ направленіи кодифицируются и расширяются въ общіе законы при

императоръ Фридрихъ 11; королевство погибло, остались территориальные князья.

Все это произошло уже въ ту эпоху, когда замѣчаются слѣды приближавшагося денежно хозяйственнаго вѣка; нѣмецкое ленное государство погибло непосредственно предъ внутреннимъ разрушеніемъ тѣхъ условій, на которыхъ оно основывалось; во всякомъ случаѣ оно погибло раньше, чѣмъ государи могли найти спасеніе противъ уничтоженія соединеннаго съ нимъ политическаго единства націи.

Но именно это положеніе дѣла и принесло пользу территориямъ, сдѣлавшимся теперь основой для будущаго развитія нѣмецкаго государства. Ихъ исторія начинается почти какъ разъ въ тотъ моментъ, когда появленіе денежно-хозяйственнаго строя создало необходимыя условія для образованія новой конституціи, отличной отъ прежней и построенной на усиленіи центральной власти.

И какимъ инымъ путемъ, безъ этихъ объединяющихъ силъ, безконечно разнообразныя права и притязанія могли бы создать тотъ строй политической жизни, изъ котораго къ срединѣ 13 вѣка создался объемъ полномочій и власти князей? Тутъ вопросъ былъ не только о созданіи государственной власти, а и объ увеличивающемся значеніи помѣстной власти.

Помѣстную власть отдѣльныхъ князей можно считать настоящимъ ядромъ фактическаго развитія замкнутаго территориальнаго раіона; насколько простиралась эта власть въ ея отдѣльныхъ, раздробленныхъ развѣтвленіяхъ, съ ея дворами (гуфами) и съ ея дворами управляющихъ (Meierhöfen), настолько и князь стремился захватить въ свою власть всю землю, лежащую между этими владѣніями. Онъ то прикупалъ новыя земли, то пріобрѣталъ вблизи своихъ владѣній права господства (Hoheitsrechte) и право защиты (Vogteirecht), то пытался поставить сосѣднихъ дворянъ въ вассальныя къ себѣ отношенія и уничтожить среди нихъ всякое постороннее вліяніе, пріобрѣтая, напр., отъ императора исключительное право на покупку продававшихся имперскихъ имѣній. Увеличенное и округляемое подобнымъ путемъ помѣстье онъ превращалъ постепенно въ государство, право суда, связанное съ владѣніемъ имперскимъ имѣніемъ, онъ отнималъ у управляющихъ, у экономическихъ распорядителей барщинными дворами, которымъ было поручено и отправленіе правосудія и передавалъ ихъ особымъ служащимъ, функціи которыхъ были исключительно судебными.

При этомъ разнообразныя права защиты, въ теченіи многихъ вѣковъ пріобрѣтаемыя крупными землевладѣльцами во все увеличивающемся количествѣ, давали имъ возможность пользоваться далеко за предѣлами ихъ помѣстій такими правами, которыя въ скоромъ времени признавались болѣе или менѣе государственными правами. Таковы были права защиты надъ церковными имѣніями, отъ защи-

тительной власти надъ богатыми монастырями до простого права распоряженія церквями и приходами, защитительная власть надъ отдѣльными лицами и цѣлыми общинами, надъ деревнями и полями, лѣсами и лугами. Не рѣдко такая власть отдѣльнаго князя распространялась на очень большое пространство; если этимъ полномочіямъ княжеской власти и недоставало пространственной опредѣленности и замкнутости, то къ такой опредѣленности князя стремились всяческими средствами. Князь добивался верховной власти одинаково и надъ своимъ помѣстьемъ и надъ землями, состоящими подъ его защитой, потому очень скоро подданные его и находящіеся подъ его защитой люди начали смотрѣть на него не какъ на помѣщика или фогта, а какъ на владыку всей страны, какъ на государя.

Съ высшими классами такихъ территорій, а также и сосѣднихъ странъ, установились такія отношенія, которыя дѣлали возможнымъ въ будущемъ ихъ превращеніе въ территоріальную аристократію. Въ этомъ отношеніи связующимъ началомъ была ленная система. За одареніе княжескими имѣніями многіе свободные люди и низшее дворянство, проживающее въ предѣлахъ округа князя, становились его вассалами; другіе за какое либо иное вознагражденіе или услугу дѣлали свое имѣніе леномъ князя, въ особенности такими ленами сдѣлались многочисленные бурги, такъ что князь могъ пользоваться ими, какъ средствами защиты или нападенія. Такимъ образомъ уже въ теченіе 14 вѣка духовное и свѣтское дворянство, проживавшее и имѣвшее владѣнія въ предѣлахъ княжескаго округа, считалось находящимся въ вассальныхъ къ князю отношеніяхъ; это признавалось само по себѣ понятнымъ; тамъ, гдѣ еще существовали свободные дворяне, непосредственные пассалы имперіи, ихъ роды, — благодаря тому, что ихъ лены переходили по наслѣдству только по прямой линіи, — нерѣдко вымирали, а со временъ Золотой Буллы императоръ предоставилъ, по крайней мѣрѣ курфюрстамъ, безпрепятственное приобрѣтеніе такихъ выморочныхъ имперскихъ ленныхъ имуществъ. Такимъ образомъ въ зависимыя отношенія къ князю становились не только низшіе, а и высшіе классы; не хватало только высшей государственной власти, чтобы и тѣ и другіе превратились въ простыхъ подданныхъ.

Но и такая государственная власть давно уже находилась въ процессѣ своего развитія. Князья, въ качествѣ наслѣдниковъ старыхъ графскихъ родовъ, которые уже пользовались властью королевства какъ своимъ собственнымъ правомъ, сами часто принадлежащіе къ этимъ родамъ, въ старой графской землѣ пользовались всѣми государственными полномочіями и правами. Благодаря пожалованіямъ императора, благодаря истолкованію помѣстныхъ и защитительныхъ правъ, какъ правъ верховной власти, правъ суверенныхъ, а еще болѣе благодаря простой узупаціи они получали государ-

ственную власть надъ такими частями своей территоріи, въ которыхъ они не имѣли раньше и графскихъ правъ. И кто при общемъ паденіи королевской власти могъ воспрепятствовать имъ примѣнять и расширять объемъ этихъ правъ? Болѣе или менѣе постоянный отпоръ они встрѣчали только въ соперничествѣ другихъ князей, и такимъ образомъ при этой борьбѣ интересовъ отдѣльныхъ князей почти всѣ страны королевства оказались подчиненными вліянію территоріальныхъ властей.

Общей связью всѣхъ этихъ отдѣльныхъ явленій могла быть только личность князя, только въ этой одной личности сосредоточивались всѣ эти стремленія, всѣ эти права, территоріально-государственные, защитительныя и помѣстныя. Возможно ли было при этомъ созданіе прочныхъ новыхъ государственныхъ формъ? Въ то время, какъ князья, выходя за предѣлы своихъ, имѣвшихъ столь различное происхожденіе, правъ, пытались создать понятіе о верховной власти и примѣнить это понятіе къ опредѣленной, по возможности замкнутой области королевства, они нашли и основу для этихъ стремленій — именно саму территорію; только признавъ отдѣльныя права земли, территоріи, они становились настоящими князьями, настоящими государями. Въ среднія вѣка только очень немногія территоріи достигли того государственнаго объединенія, которое мы въ настоящее время признаемъ неизбежнымъ и необходимымъ; повсемѣстно были многочисленные исключенія изъ такого государственнаго единства (*Enklaven* и *Exklaven*); по отношенію къ значительному количеству частей территоріи оставалось сомнительнымъ, подчинены ли они вообще власти какого нибудь территоріальнаго государя и, если подчинены, то до какой именно степени. Но вообще то исходъ былъ найденъ, новая государственная форма создана. И этотъ исходъ не былъ просто результатомъ противодѣйствія нападеніямъ власти чуждыхъ земель, онъ былъ также продуктомъ внутреннихъ, органическихъ стремленій къ объединенію.

II.

При такомъ разнообразіи происхожденія княжескихъ правъ, князья первоначально въ предѣлахъ своего округа обладали только однимъ средствомъ для повсемѣстно равномернаго воздѣйствія, именно пользованіемъ военной властію, каково бы ни было происхожденіе этой послѣдней — получили ли они ее отъ главы государства или выводили ее изъ своихъ собственныхъ полномочій.

Но въ періодъ образованія территоріальной власти, съ 13 вѣка, было уже очевиднымъ, что старый ленный воинскій строй находится въ упадкѣ также, какъ и вообще ленная система; воинскія услуги министеріаловъ тоже были уже недостаточными, такъ какъ и онѣ

были построены на началахъ ленной системы. Такимъ образомъ всѣ силы для энергическаго нападенія были уничтожены, начала преобладать система защитной войны, уже во времена Штауфеновъ поведшая къ усиленному построенію бурговъ и до нѣкоторой степени начавшая исчезать только благодаря примѣненію въ войнѣ пороха и появленію въ 15 вѣкѣ наемныхъ войскъ. Въ силу этаго территориальные князья чувствовали необходимость прежде всего добиться исключительнаго права постройки бурговъ въ предѣлахъ своей территоріи. Этому они и добились уже въ 12 вѣкѣ, въ 13 вѣкѣ право постройки бурговъ считалось уже принадлежащимъ исключительно государю территоріи, только для основанія новыхъ городовъ требовалось еще согласіе короля. Территориальные государи могли считать свою территорію обезпеченной и безопасной только при посредствѣ постройки новыхъ и пріобрѣтенія уже существовавшихъ раньше бурговъ.

Въ этомъ направленіи территориальные государи начали дѣйствовать съ давнихъ поръ. На западѣ курфюрстръ Трирскій около 1340 года имѣлъ около сотни бурговъ, какъ собственно ему принадлежавшихъ, такъ и находившихся въ вассальной отъ него зависимости; не меньшимъ количествомъ бурговъ владѣлъ, вѣроятно, и Кельнскій архіепископъ, даже у гораздо менѣе его могущественнаго графа Марки (von der Mark) было около 25 бурговъ. Что на западѣ было исключеніемъ, то на востокѣ сдѣлалось правиломъ, все государственно-защитное устройство Саксоніи и Бранденбурга связано съ постройкой княжескихъ бурговъ.

Для бурговъ созданъ особый воинскій строй, съ внѣшней стороны напоминавшій о воинскомъ строѣ министеріаловъ. Начальниками бурговъ и его защитниками (гарнизонемъ) были по большей части служители территориальнаго государя, ихъ было обыкновенно около дюжины, гарнизоны большихъ бурговъ были втрое и вчетверо многочисленнѣе. Но эти служашіе не сидѣли, какъ прежніе министеріалы, въ бургахъ, ихъ одаряли особыми ленами, по большей части находившимися вблизи бурга и они жили доходами съ этихъ леновъ, въ натурѣ или въ деньгахъ. Они служили не на основаніи старой вассальной присяги, а на основаніи болѣе связывающей присяги, присяги *homines ligii*, ленниковъ, обязанныхъ людей (*Ledigleute*), которой они обязывались своему господяну воевать противъ всѣхъ его враговъ, за исключеніемъ только императора, ближайшихъ родственниковъ или своихъ ленныхъ владыкъ. Потому они находились въ распоряженіи господина постоянно, а не въ военное только время; они должны были жить въ бургѣ или вблизи его; еще и въ настоящее время при большихъ бургахъ съ значительными гарнизонами такъ называемыя *Burgsesse*, небольшіе дома подъ защитой стѣнъ, указываютъ на ихъ мѣстопробываніе. Всѣ они подъ начальствомъ своего коман-

дира, бургграфа или каштеляна, составляли особое, замкнутое товарищество съ особыми правами и особымъ судомъ.

Самая задача бурговъ, защита территоріи во время войны и полицейская защита подданныхъ территоріальнаго государя въ мирное время, соединяла ихъ съ окрестной страной. Сами военныя отношенія создавали извѣстныя связи; бургграфъ былъ начальникомъ всѣхъ министеріаловъ окрестной страны, вообще при вражескихъ нападеніяхъ онъ являлся предводителемъ и командиромъ территоріальной милиціи. Такимъ образомъ изъ непосредственныхъ военныхъ отношеній вокругъ бурга созданъ опредѣленный округъ съ властію бургграфа; и такъ какъ вся страна раздѣлялась на такіе округа и такъ какъ для полнаго пользованія военными силами территоріи было необходимо, чтобы эти округа граничили одинъ съ другимъ, то и появилось всеохватывающее раздѣленіе территоріи по округамъ бурговъ.

Было очевидно, что подобное раздѣленіе давало удобныя рамки для развитія мѣстнаго территоріальнаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ кто же могъ быть лучшимъ исполнителемъ приказаній князя и болѣе послушнымъ его орудіемъ, какъ не его воины? И какой пунктъ мѣстнаго княжескаго управленія былъ болѣе безопаснымъ, какъ не княжескій бургъ? Мѣстное территоріальное управленіе 14 и 15 вѣковъ развилося изъ воинскаго раздѣленія территоріи на округа бурговъ.

Но чѣмъ болѣе административная точка зрѣнія начинала преобладать надъ военной, тѣмъ болѣе измѣнялось и положеніе бургграфа. Въ этомъ отношеніи многозначительно было измѣненіе самаго титула. Названіе: бургграфъ, которое только въ странахъ болѣе ранняго развитія, въ Лотарингіи и во Фландріи, удержалось частью во французской его формѣ: *chatelain*, замѣнилось въ Вестфалии названіемъ *Drost*, въ колониально-саксонскихъ и колониально-тюрингенскихъ странахъ названіемъ *Vogt*, въ Баваріи названіемъ *Pflegger*, въ большинствѣ странъ франконскаго права названіемъ *Amtmann*. Всѣ эти названія указываютъ на переходъ къ административнымъ функціямъ. И дѣйствительно бургграфъ съ конца 13 и начала 14 вѣковъ былъ намѣстникомъ территоріальнаго государя и представителемъ его княжескихъ правъ въ своемъ округѣ.

Съ такимъ измѣненіемъ функцій измѣняется и отношеніе бургграфа къ территоріальному государю. Онъ теперь уже не столько воинъ государя, сколько его чиновникъ. Сообразно съ этимъ складываются и его служебныя отношенія, вмѣсто прежняго служебнаго лена онъ получаетъ жалованье. Правда, еще въ теченіе долгаго времени это послѣднее удерживаетъ и форму и названіе одаренія леномъ, пожалованія; въ должности назначаются почти исключительно рыцари, соотвѣтственно старому военному положенію бургграфовъ¹⁾; но са-

1) Изъ этого произошло и формальное привилегированное положеніе низшаго

мая сущность договора служащаго съ княземъ измѣняется. Теперь назначаютъ на мѣсто уже на время, амтманъ получаетъ определенное содержаніе. сначала по большей части еще въ формѣ отдѣльныхъ доходовъ, въ формѣ денежной ренты или натурой, но это скоро смѣняется стремленіемъ замѣнить всѣ эти отдѣльные доходы исключительно денежнымъ жалованьемъ и полученіемъ доходовъ по должности (штрафовъ, пеней и пошлинъ). Если такой договоръ уже самъ по себѣ отдавалъ амтмана вполнѣ въ распоряженіе территориальнаго владѣльца и дѣлалъ его похожимъ на современнаго чиновника, въ отличіе отъ обычной практики эпохи натурального хозяйства, то отдѣльныя определенія договора дѣлали амтмана еще болѣе зависимымъ. Каковы бы ни были условія относительно времени службы, территориальные владѣльцы постоянно удерживали за собой право на основаніи соображеній, излагаемыхъ обыкновенно въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, отпустить служащихъ или немедленно, или незадолго до отставки предупредивъ ихъ, и отпускаемый служащій не имѣлъ права на какое нибудь вознагражденіе или пенсію. Такимъ образомъ амтманъ дѣлался вполнѣ зависимымъ слугою своего господина, онъ обязывался предъ нимъ лично и вся его судьба зависѣла только отъ него. Потому то на амтмана нельзя смотрѣть какъ на государственнаго чиновника; его положеніе было положеніемъ служителя князя, только служителя не домашняго, не натурально-хозяйственнаго, а денежно-хозяйственнаго.

Такое представленіе о чиновничьей службѣ было необходимымъ въ эпоху, когда не утратилось еще представленіе о министеріалитетѣ, какъ о послѣднемъ остаткѣ понятія германцевъ о личной службѣ; оно было необходимо въ такой періодъ, когда центромъ территоріи была личность князя, а не какіе либо высшіе, фактическіе, государственные интересы. А кромѣ того оно было необходимо и какъ противовѣсъ чрезмѣрно большой самостоятельности служащихъ въ ихъ округахъ.

Воздѣйствіе княжескаго центральнаго управленія на управленіе мѣстное было все еще очень незначительнымъ; князья очень часто не имѣли даже постоянной резиденціи, стало быть не было необходимыхъ условій для быстро дѣйствующей канцеляріи. Амтманъ, наоборотъ, выходя на башню своего бурга, могъ видѣть границы своего округа, вся область его господства была у его ногъ; въ территоріяхъ, составившихся изъ отдѣльныхъ участковъ, онъ не рѣдко имѣлъ когда то свои собственныя владѣнія. Потому амтманъ часто считалъ себя самостоятельнымъ и лично отвѣтственнымъ за благо своихъ подначальныхъ и сообразно съ такимъ понятіемъ онъ и дѣй-

---

дворянства въ территориальномъ управленіи, совершенно понятное само по себѣ съ экономически матеріальной точки зрѣнія.

ствовалъ. Случалось, амтманы пограничныхъ округовъ самостоятельно воевали съ враждебными сосѣдями, а самостоятельные переговоры съ ними были обычнымъ явленіемъ. Даже и постоянныя, текущія дѣла амтманъ велъ почти вполнѣ самовластно. У него былъ небольшой отрядъ полиціа, при помощи котораго онъ заботился о спокойствіи и безопасности страны; онъ одинъ несъ отвѣтственность за безопасность бурга, а также и другихъ мелкихъ крѣпостей; онъ принималъ необходимыхъ для его управленія людей на жалованье, часто даже и на содержаніе. Онъ въ качествѣ представителя территоріальнаго владѣльца вмѣшивался, когда это ему казалось необходимымъ, въ отправленіе правосудія, причемъ онъ обладалъ высшей исполнительной судебной властью; къ нему все чаще и чаще обыватели его округа обращались съ просьбами разрѣшать ихъ споры какъ къ третейскому судѣ, съ обходомъ обыкновеннаго суда. Далѣе онъ надзиралъ надъ управленіемъ княжескими имѣніями, регаліями и монополіями, онъ получилъ вліяніе на образованіе и дѣятельность товарищескихъ и разныхъ другихъ самоуправляющихся корпорацій—однимъ словомъ онъ былъ земнымъ провидѣніемъ своего округа.

Для власти территоріальныхъ владѣльцевъ все это было тѣмъ опаснѣе, что въ большинствѣ территорій уже въ теченіе 14 вѣка оказалось, что административное устройство, само по себѣ вытекавшее органически изъ устройства бурговъ, требовало для себя, какъ необходимаго условія, развитія денежнаго хозяйства; а это условіе, раньше появившееся, впоследствии часто снова исчезало. Въ 12 и 13 вѣкахъ наступила новая денежно хозяйственная эра; кромѣ городовъ въ ея благодѣяніяхъ участвовали и территоріи при посредствѣ пользованія регаліями, при посредствѣ первыхъ крупныхъ поземельныхъ налоговъ, при посредствѣ созданія новыхъ рынковъ и новыхъ путей сообщенія. Но потомъ, начиная съ 14 вѣка, при увеличивающемся контрастѣ между территоріями и большими городами, вліяніе денежнаго хозяйства на деревню все болѣе и болѣе уменьшалось. Города притянули къ себѣ всю торговлю и уменьшали, на сколько возможно, доходность княжескихъ регалій; налоги были уже ранѣе опредѣлены разъ навсегда, хотя потребности управленія князей все возростали. Доходы территорій почти повсемѣстно, за исключеніемъ особенно благопріятствуемыхъ странъ, вродѣ, напр., горныхъ округовъ владѣнія Веттиновъ, были скудны; только очень медленно и съ большимъ трудомъ изыскивались новые источники налоговъ.

Могло ли при подобныхъ условіяхъ новое чиновничество, это настоящее порожденіе денежно-хозяйственнаго развитія, стать въ правильныя отношенія къ центральной власти, могло ли оно даже остаться хоть въ нѣкоторой зависимости отъ нея? Во многихъ тер-

риторіяхъ невозможно было избѣжать регресса въ этомъ отношеніи. Князья, нуждавшіеся въ деньгахъ, закладывали богатымъ людямъ доходы отдѣльныхъ должностей и кредиторы становились служащими; это могло быть началомъ новаго распадена страны на мелкія самостоятельныя владѣнія. И дѣйствительно кое гдѣ и произошло движеніе въ этомъ направленіи. За залогомъ слѣдовала пожизненная отдача, за ней одареніе леномъ, а потомъ наследственность этого лена. Такое несчастное развитіе пережилъ именно Бранденбургъ, гдѣ, какъ и во всѣхъ колониальныхъ областяхъ, очень рано, хотя и въ особенныхъ нормахъ, развился административный строй и только Гогенцолернамъ въ 15 вѣкѣ посредствомъ трудной борьбы удалось задержать это регрессивное развитіе. Но и въ другихъ странахъ, даже въ наилучше управляемыхъ территоріяхъ, такой ходъ развитія не былъ необычнымъ; онъ въ половинѣ 14 вѣка и даже въ 15 вѣкѣ повелъ къ значительному ослабленію княжеской власти. Полное измѣненіе къ лучшему наступило только въ 15 вѣкѣ; тогда сдѣлалось возможнымъ упрочить финансы князей, вполне развитъ понятіе о государствѣ и систематически разработать понятіе 13 и 14 вѣковъ о бюрократіи.

Въ этомъ отношеніи для развитія общества въ концѣ среднихъ вѣковъ было большимъ счастьемъ то обстоятельство, что не было достигнуто полнаго согласованія новаго бюрократическаго управленія и необходимыхъ для него условій съ старымъ, уже раньше существовавшимъ въ тѣхъ же территоріяхъ управленіемъ. Эти старыя формы управленія имѣли двойное происхожденіе: государственно-правовое и помѣстное. Королевство для отправления правосудія создало государственные судебные округа, а территоріальный владѣлецъ создавалъ для управленія своими помѣстьями помѣщичьи округа. Возможно ли было, чтобы округа этихъ управленій совершенно совпадали съ новыми округами бурговъ? Конечно, нѣтъ; въ большинствѣ случаевъ они не совпадали. Такимъ образомъ ставилась задача согласованія старыхъ округовъ съ новыми бюрократическими раздѣленіями страны; надъ этой задачей работали много вѣковъ и разрѣшена она была только въ 18 вѣкѣ.

То, что было достигнуто въ этомъ направленіи въ 14 и 15 вѣкахъ, было только однимъ шагомъ на долгомъ пути; но все же благодаря сдѣланному тогда шагу явилась возможность нѣсколько ограничить могущество амтмана, сохранивъ рядомъ съ нимъ и въ незначительной отъ него зависимости большое, даже, пожалуй, чрезмѣрно-большое, количество другихъ чиновниковъ, какъ представителей старой правительственной организаціи.

Въ особенности это имѣло значеніе для судоустройства. Правда, въ этомъ отношеніи ходъ развитія въ отдѣльныхъ частяхъ нѣмецкаго королевства былъ различнымъ; въ особенности былъ различенъ

ходъ развитія въ территоріяхъ метрополіи и колониальной области. О формахъ судебного устройства въ колоніяхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Но и въ территоріяхъ самой метрополіи замѣчаются очень значительныя различія, смотря потому, насколько при началѣ образованія территоріи были болѣе или менѣе разрушены первоначальныя, простыя основы судебного строя и судебного раздѣленія королевства. Въ странахъ, гдѣ упадокъ этого первоначальнаго судебного строя зашелъ уже очень далеко, какъ, на примѣръ, на западѣ нѣмецкаго королевства, было гораздо легче ввести новую организацію, которая примыкала къ служебнымъ, административнымъ округамъ и потому давала амтману болѣе или менѣе сильное вліяніе. Наоборотъ, тамъ, гдѣ лучше сохранилось старое судебное раздѣленіе, какъ напр. въ Гессенѣ, оно съ большимъ успѣхомъ и большой энергіей сопротивлялось подчиненію територіальному управленію.

Картина судоустройства въ территоріяхъ метрополіи была въ общихъ ея чертахъ слѣдующей. Для суда уголовнаго въ самыхъ важныхъ случаяхъ, а также и для суда о преступленіяхъ противъ територіальной власти, удалось административный округъ сдѣлать и судебнымъ округомъ. Это было понятно, такъ какъ амтманъ обладалъ и полицейской властью и военной. Такъ какъ амтманъ имѣлъ право сбора милиціи при посредствѣ набатнаго колокола («Landfolge» и «Glockenschlag»), такъ какъ онъ обучалъ общинную милицію, то онъ могъ выставлять свои притязанія на право председательствовать въ собираемыхъ для суда сходахъ этой общины. Это имѣло основаніе уже въ первоначальной связи военныхъ и судейскихъ обязанностей. И дѣйствительно, мы видимъ, что амтманы безпрепятственно председательствуютъ въ административномъ высшемъ судѣ; въ этомъ судѣ рѣшаются вопросы общественнаго административнаго права, опредѣляются границы административнаго округа, опредѣляются многія изъ общихъ нуждъ въ формѣ судебного рѣшенія и, наконецъ, произносятся уголовныя приговоры («über Hals, Haut und Haar»). Конечно, въ административномъ округѣ кромѣ такого высшаго административнаго суда могли существовать и другіе высшіе уголовныя суды; но во всякомъ случаѣ при новомъ направленіи въ развитіи судоустройства это было исключеніемъ; эти суды пришли въ упадокъ, они были только остатками старыхъ судебныхъ учрежденій.

Кромѣ такихъ высшихъ судовъ существовали еще и низшіе. Ихъ компетенція была очень различной, смотря по мѣсту и времени, такъ какъ они образовались изъ самыхъ разнообразныхъ комбинацій старыхъ общинныхъ, помѣщичьихъ и государственныхъ судебныхъ учреждений. Но вообще можно сказать, что ихъ вѣдѣнію подлежали всѣ вопросы добровольной, свободной подсудности, что они были первой инстанціей въ гражданскихъ искахъ, что по отношенію къ уголовной юрисдикціи они имѣли право производить предварительное до-

знание и слѣдствіе, а въ случаѣ необходимости могли постановлять и уголовные приговоры. Подобныхъ судовъ въ предѣлахъ административнаго округа могло существовать очень большое количество и во главѣ cadaго изъ нихъ могъ стоять отдѣльный судья. По отношенію къ этимъ судамъ задача территориальнаго владѣльца была понятна сама по себѣ. Онъ долженъ былъ заботиться объ объединеніи и упрощеніи всѣхъ этихъ судовъ. Конечной цѣлью для него должно было сдѣлаться сліяніе всѣхъ судовъ въ единый низшій судъ, причемъ въ качествѣ представителя территориальнаго государя его предсѣдателемъ былъ долженъ сдѣлаться амтманъ. Но такая цѣль достигалась очень рѣдко. Сначала развитіе остановилось на низшей ступени; самымъ обыкновеннымъ случаемъ былъ тотъ, когда постепенно достигалось уменьшеніе количества судовъ и когда во главѣ ихъ въ предѣлахъ административнаго округа становились или одинъ или нѣсколько шультгейссовъ или судей (Dinger) въ качествѣ назначаемыхъ государемъ предсѣдателей. Такимъ образомъ произведена была кое какая, довольно удобная, реформа судоустройства; причемъ амтманъ имѣлъ нѣкоторый противовѣсъ въ лицѣ одного или нѣсколькихъ судей, т. е. независимыхъ княжескихъ чиновниковъ. Это имѣло тѣмъ большее значеніе, что судьямъ въ большинствѣ случаевъ поручалось взиманіе доходовъ князя въ формѣ судебныхъ пошлинъ, налоговъ, и т. д., и они, стало быть, обладали и финансовыми функціями.

Вообще же чрезмѣрное могущество амтмановъ ослаблялось тѣмъ, что во многихъ территоріяхъ у нихъ отнята была всякая финансовая дѣятельность; именно благодаря раздѣленію финансовой и полицейско-административной властей князьямъ въ концѣ среднихъ вѣковъ удалось вопреки еще недостаточному развитію условій, необходимыхъ для существованія бюрократіи, удержать въ своихъ рукахъ распоряженіе мѣстнымъ управленіемъ въ своихъ земляхъ. Очень рано была понята особенная важность отдѣльнаго финансоваго управленія. Энгельбертъ Святой, бывшій архіепископомъ кельнскимъ отъ 1216 до 1225 г., однажды замѣтилъ аббату св. Тронда: 1) ему необходимы большіе денежные доходы, потому онъ намѣренъ поставить для собиранія доходовъ двѣнадцать чиновниковъ, которымъ должны давать отчетъ всѣ другіе правительственные чиновники; каждый изъ этихъ двѣнадцати чиновниковъ долженъ по очереди въ теченіи мѣсяца содержать архіепископскій дворъ. Въ этомъ заявленіи замѣчательнымъ образомъ смѣшиваются натурально хозяйственныя и денежно хозяйственныя финансовыя воззрѣнія. Въ немъ еще отражается идея старой финансовой практики, на основаніи которой всѣ сборы опредѣляются разъ навсегда и назначаются на опредѣленныя цѣли.

1) Caes Heisterb. v. Engelb. Böhmer-Fontes; Körnike.

такъ что бюджетъ остается навсегда неизмѣннымъ: каждый изъ двѣнадцати чиновниковъ долженъ въ теченіи мѣсяца содержать дворъ. Но съ другой стороны появляется уже идея объ единствѣ и централизациі финансоваго управленія, идея будущаго.

Дѣйствительно, уже въ теченіе 13 вѣка князья стремились къ тому, чтобы поставить надъ старыми помѣстными баршинными округами, и не только надъ одними помѣстными, а и надъ находящимися подъ ихъ защитой, отдѣльныя финансовыя управленія. Съ первой половины 14 вѣка эта цѣль были почти повсемѣстно достигнута. Управляющіе, владѣльцы старыхъ баршинныхъ дворовъ, теперь сдѣлались самостоятельными министеріалами, а потомъ членами низшаго дворянства; такимъ образомъ они были утрачены для стараго помѣстнаго управленія; отъ ихъ службы пришлось отказаться и поручить взиманіе помѣщичьихъ доходовъ съ нѣсколькихъ баршинныхъ дворовъ одному казначею, рентмейстеру, кельнеру или кастнеру. Этому чиновнику было предоставлено и собираніе другихъ налоговъ для территоріальнаго владѣльца: аренды и ленныхъ сборовъ, податей съ крѣпостныхъ людей и съ находящихся подъ защитой, а иногда и сборъ акцизовъ и пошлинъ въ цѣломъ округѣ,

Въ какихъ отношеніяхъ находился казначей и его финансовый округъ къ амтману? Амтманъ принадлежалъ къ сословію рыцарей, а казначей по большей части къ сословію бюргерскому, иногда налоги собирали даже приходскіе священники и учителя. Такимъ образомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда финансовый округъ совпадалъ съ административнымъ, существовала общественное различіе между исполнительнымъ чиновникомъ князя и его финансовымъ чиновникомъ. Но не рѣдко ихъ округа не совпадали; кажется, что даже намѣренно избѣгали такого совпаденія. Да и тамъ, гдѣ такое совпаденіе существовало, амтманъ по большей части не имѣлъ особенно большого вліянія на финансовое управленіе. Правда, онъ долженъ былъ ежегодно представлять княжескому центральному управленію отчеты казначея, но обыкновенно это было простой формальностью; отвѣтственность лежала на одномъ только казначеѣ. Обыкновенно территоріальное финансовое управленіе и княжеская мѣстная исполнительная власть были раздѣлены.

Такое примѣненіе принципа: *divide et impera* было тѣмъ необходимымъ, что въ большинствѣ территорій между мѣстнымъ управленіемъ и центральной властью еще не существовало никакихъ промежуточныхъ, контролирующихъ учрежденій. Только въ самыхъ крупныхъ территоріяхъ существовали Вицтумы или ландфогты (начальники земли), которымъ вмѣстѣ съ управленіемъ большимъ административнымъ округомъ поручался и надзоръ за нѣсколькими другими округами; но по большей части положеніе такихъ ландфогтовъ не было постояннымъ и прочнымъ. Во всякомъ случаѣ такое контролирующее учреж-

деніе замѣнялось, по крайней мѣрѣ въ 14 вѣкѣ, тѣмъ, что князья не имѣли какой нибудь опредѣленной резиденціи и, переѣзжая по всей странѣ изъ одного бурга въ другой, сами имѣли возможность и случай контролировать дѣятельность мѣстныхъ чиновниковъ. Но въ началѣ 15 вѣка такіе порядки уничтожились, по крайней мѣрѣ при всѣхъ большихъ княжескихъ дворахъ; центральныя управленія и самъ князь поселялись теперь въ большихъ замкахъ по близости или, по крайней мѣрѣ, въ округѣ величайшаго изъ городовъ территоріи; потому теперь было болѣе необходимымъ, чѣмъ когда нибудь, создать промежуточныя инстанціи.

Тѣмъ не менѣе во многихъ территоріяхъ, по большей части благодаря недостатку средствъ, этого сдѣлано не было и потому центральное управленіе не обладало силами, необходимыми для того, чтобы вполнѣ господствовать въ территоріи.

Отъ десятаго до двѣнадцатаго вѣка будущіе князья просили совѣта у вельможъ своей территоріи; съ двѣнадцатаго же вѣка сдѣлалось обычаемъ выслушивать совѣтъ служащихъ. Потомъ канцелярія, состоявшая изъ княжескихъ капелановъ и нотаріусовъ, давала княжескому рѣшенію соответственное письменное выраженіе. Такимъ образомъ въ то время канцелярія была единственнымъ техническимъ учрежденіемъ при дворѣ.

Право князя требовать у вельможъ совѣта очень скоро превратилось въ право вельможъ подавать совѣты; тѣмъ же путемъ шло развитіе обязанности министріаловъ. Потому князья не имѣли возможности изъ этихъ двухъ группъ совѣтниковъ создать постоянный, техническій, находящійся вполнѣ въ ихъ распоряженіи бюрократическій совѣтъ. И однако съ середины 13 вѣка при все большемъ усложненіи и увеличеніи количества функций управленія они нуждались въ такомъ совѣщательномъ учрежденіи. Князья положили начало такому учрежденію, ставя выдающихся членовъ дворянства и ученыхъ клериковъ въ личныя отношенія въ себѣ и своему двору. Эти послѣдніе приносили князю особую служебную присягу, похожую вообще на присягу амтмановъ и получали плату деньгами или продуктами и содержаніемъ и обязывались за это помогать ему совѣтомъ и дѣломъ, какъ «это дѣлается между друзьями». Такимъ образомъ они и жили при дворѣ князя, какъ его *Consiliarii*, «совѣтники», «друзья», занимаясь всяческими дѣлами по волѣ князя или порознь, или небольшими коллегіями и комитетами, безъ правильной чиновничьей іерархіи и безъ всякихъ формальностей до конца 14 вѣка.

Рядомъ съ этими совѣтниками начинаютъ создаваться и нѣкоторыя бюрократическія учрежденія, мѣста въ которыхъ отчасти замѣщались совѣтниками князя. Было неизбѣжнымъ дѣломъ, что при увеличеніи количества дѣлъ и въ особенности при установленіи правильной переписки князя съ мѣстными управленіями, начавшейся въ

Большинствѣ территорій по крайней мѣрѣ съ первой половины 14 вѣка, канцелярія должна была увеличиться и получить особенное значеніе. Число занимающихся въ ней лицъ дѣлалось все большимъ; кромѣ архива являлась необходимымъ и регистратура текущихъ дѣлъ, учрежденіе курьеровъ развилось въ настоящее почтовое отдѣленіе. Соотвѣтственно съ этимъ значеніе и рангъ канцлера повысились; онъ въ качествѣ представителя оставшейся духовной половины центрального управленія уравнивалъ своимъ вліяніемъ значеніе свѣтскихъ совѣтниковъ, пока наконецъ въ срединѣ 15 вѣка кое гдѣ не появились свѣтскіе канцлеры.

Кромѣ канцеляріи двѣ другія отрасли территоріального центрального управленія получили вполне бюрократическое устройство; это были тѣ отрасли управленія, которыя въ мѣстномъ управленіи были болѣе или менѣе изъяты изъ подъ вліянія амтмана: судъ и финансы.

Совершенно понятно, что всѣ княжескіе дворы обращали особое вниманіе на отправленіе правосудія; въ средніе вѣка судить значило управлять; королевская власть въ теченіе 14 и 15 вѣковъ находила самое высшее свое выраженіе въ томъ, что ея обладатели считались верховными судьями въ королевствѣ. Имѣлось большое количество поводовъ для того, чтобы создать при дворѣ подъ предсѣдательствомъ князя верховный судъ страны. Въ герцогствахъ издавна лантаги вельможъ были судами земскаго мира, во всѣхъ территоріяхъ существовали ленные суды вассаловъ территоріального князя, а также суды для его служащихъ, въ которыхъ судьей былъ князь. Такъ какъ ленные и министеріальные суды съ того времени, какъ служащіе превратились въ вассаловъ своего государя, слились въ единый судъ, то въ очень скоромъ времени появилось такое представленіе, что этому суду подсудны всѣ дворяне и другіе привилегированныя личности, духовныя и городскія корпораціи; старый ленный судъ совершенно внезапно превратился въ особый привилегированный судъ страны. Было естественно, что онъ при нѣкоторой реформѣ его, относившейся главнымъ образомъ къ болѣе свободному замѣщенію судебного персонала, долженъ былъ превратиться въ высшій судъ страны и въ послѣднюю судебную инстанцію для мѣстныхъ судовъ. Именно это и произошло почти повсемѣстно въ теченіи 15 вѣка; при дворѣ князя созданъ верховный территоріальный судъ.

Еще раньше почти повсемѣстно была создана высшая инстанція финансоваго управленія. И это понятно. Денежное хозяйство приводило до сихъ поръ столь разнообразныя сборы территоріального владѣльца, состоявшіе раньше изъ услугъ и взносовъ различныхъ продуктовъ натурой, къ одному общему денежному мѣрилу; только теперь впервые сдѣлалось возможнымъ точно спредѣлить общую сумму доходовъ. Когда же появилась такая возможность, появилась вмѣстѣ

съ тѣмъ и потребность въ общемъ центрѣ финансоваго управленія. Въ эпоху натурального хозяйства дѣло велось такимъ образомъ, что для опредѣленныхъ регулярныхъ расходовъ впередъ назначались извѣстные регулярные же доходы и эти доходы расходывались на мѣстѣ, не проходя чрезъ центральную кассу. Такъ, напр., сборы, назначенные для какой нибудь церкви, какъ вкладъ на поминъ души умершаго князя, подлежали изъятію изъ доходовъ потомства князя и вносились плательщиками прямо въ церковную кассу помимо княжеской кассы, причемъ эти сборы уже не подлежали контролю какого либо изъ княжескихъ чиновниковъ. Подобныя назначенія, которыя были очень разнообразны, соотвѣтственно нашимъ теперешнимъ представленіямъ имѣли характеръ сборовъ на спеціальныя учрежденія; они децентрализовали финансовое управленіе и мѣшали общему контролю надъ финансами страны. Денежное хозяйство, наоборотъ, требовало централизаціи и контроля. Конечно средневѣковая техника управленія не могла удовлетворить вполне такому требованію. Все еще оставалась цѣлая масса такихъ сборовъ, которые ни реально, ни въ видѣ счетовъ не проходили чрезъ центральную кассу, а по старому обычаю назначались на извѣстныя опредѣленныя цѣли и на нихъ непосредственно и расходывались; все еще продолжали вводить новые сборы по такой устарѣвшей системѣ. Потому финансовыя мѣстныя управленія, казначейства, оставались чрезвычайно самостоятельными; они были не столько филиальными отдѣленіями центральной кассы, сколько самостоятельными, независимо поставленными финансовыми учрежденіями, отсчитывающимися съ центральной кассой, какъ съ постороннимъ вѣдомствомъ, посредствомъ отношеній и сообщеній. Но все таки было сдѣлано измѣненіе къ лучшему, все таки при дворѣ уже былъ главный казначей, ландрентмейстеръ; у него было довольно значительное бюро, хотя онъ и стоялъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ канцеляріей, подъ наблюденіемъ которой онъ и находился.

Во всякомъ случаѣ въ 15 вѣкѣ главной задачей было не столько созданіе центральныхъ финансовыхъ и судебныхъ учреждений, сколько поднятіе уровня общего управленія, находившагося въ рукахъ тайныхъ совѣтниковъ. Достигнуть этого было возможно только посредствомъ раздѣленія труда, посредствомъ выдѣленія отдѣльныхъ бюрократическихъ учреждений для опредѣленныхъ цѣлей.

Но въ этомъ отношеніи представлялись значительныя затрудненія. Совѣтники отнюдь не были вполне развитой бюрократіей. Не рѣдко князья назначали совѣтниками своихъ личныхъ друзей или вліятельныхъ политиковъ внѣ территоріи—вообще это званіе было чѣмъ-то похожимъ на современныя почетныя должности. Хотя обычное въ настоящее время пожалованіе титуломъ и было тогда совершенно неизвѣстнымъ, но такія лица, получившія званіе совѣтника не рѣдко вмѣшивались въ дѣла управленія и вносили этимъ значительную пу-

таницу въ дѣловыя отношенія настоящихъ служащихъ совѣтниковъ. Число совѣтниковъ въ отдѣльныхъ территоріяхъ было неопредѣленнымъ, оно колебалось по волѣ или по капризу князя. Понятно, что не существовало правильной бюрократической іерархіи. Правда, довольно рано, уже въ 14 вѣкѣ, существовалъ предсѣдатель этихъ совѣтниковъ. Канцлеръ былъ начальникомъ духовныхъ чиновниковъ, а гофмейстеръ начальникомъ совѣтниковъ, стало быть настоящимъ свѣтскимъ министромъ страны. Но онъ былъ органомъ не столько совѣтниковъ, сколько князя; даже тамъ, гдѣ какъ напр. въ Баваріи, онъ имѣлъ чисто политическія, а не только придворныя функціи, онъ все таки былъ сначала личнымъ представителемъ князя по отношенію къ совѣтникамъ. Могъ ли князь пожелать замѣнить такую простую систему управленія системой сношеній съ многочисленными центральными учрежденіями, если только его не вынуждала къ этому крайняя необходимость? Вѣдь было легко предвидѣть, что съ созданіемъ такихъ центральныхъ учрежденій его личная инициатива утратитъ многое въ ея непосредственности и энергіи. Безформенность княжескаго центрального управленія 14 вѣка могла уничтожиться только въ силу давленія условій.

Но такія именно условія и появились въ теченіе 15 вѣка; въ 16 вѣкѣ уже повсемѣстно развились высшія, часто коллегіальныя бюрократическія учрежденія. Основаніемъ этого явленія было то, что въ теченіе 15 вѣка верховныя права князей, бывшія первоначально очень простыми, до значительной степени дифференцировались.

III.

Верховныя права князей, насколько они не являлись автономнымъ развитіемъ изъ правъ помѣстныхъ и права защиты, первоначально вели свое происхожденіе изъ сокровищницы правъ королевства.

Посредствующимъ звеномъ въ такомъ переходѣ правъ отъ королевства къ территоріальнымъ князьямъ въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ была ленная система. Когда крупныя имперскіе сановники сдѣлались ленными обладателями и носителями своихъ чиновничьихъ правъ и своихъ чиновничьихъ обязанностей, когда они сдѣлались наследственными сановниками и потому самостоятельными, они получали въ свое полное владѣніе и тѣ верховныя права королевства, представителями которыхъ они были до сихъ поръ. Но воспоминаніе объ ихъ первоначальныхъ чиновничьихъ функціяхъ исчезло довольно поздно; даже послѣ того, какъ получившіе непосредственно отъ королевства свою власть сановники съ 1180 года сдѣлались князьями, въ теченіе цѣлыхъ трехъ поколѣній, до конца 13 вѣка, еще сохранялись разнообразныя слѣды ихъ прежней зависи-

мости. Но эти остатки зависимости были благодѣтельны для болѣе вѣрнаго и обеспеченнаго территоріальнаго развитія; въ особенности было для этого развитія выгодно то, что отдѣльныя земли на основаніи того, что съ ихъ владѣніемъ первоначально была соединена извѣстная должность, все еще считались недѣлимыми, такъ что раздробленіе ихъ было невозможно безъ спеціального разрѣшенія главы королевства.

Еще большее значеніе имѣлъ другой путь перехода верховныхъ правъ королевства къ территоріальнымъ князьямъ — путь привиллегій. Если и раньше привиллегія употреблялась для передачи королевскихъ полномочій подданнымъ, если по средневѣковымъ понятіямъ даже самое расточительное пользованіе этимъ средствомъ передачи власти представлялось законнымъ результатомъ королевской милости, то въ первой половинѣ 13 вѣка дѣйствіе привиллегій было тѣмъ плодотворнѣе, что результаты привиллегій, которыми до сихъ поръ пользовались только отдѣльные сановники, были кодифицированы и признаны правомъ всѣхъ территоріальныхъ владѣльцевъ. Таково было значеніе великихъ имперскихъ законовъ императора Фридриха II, 1220 и 1232 годовъ: *Confaederatio cum principibus ecclesiasticis* и *Statutum in favorem principum*. Со времени опубликованія этихъ законовъ было уже несомнѣннымъ, что всѣ территоріи одинаково во многихъ отношеніяхъ не подлежатъ больше вліянію королевской власти, особенно въ вопросахъ о королевскомъ правѣ опалы и суда, въ вопросахъ о правѣ строить укрѣпленія, о правѣ облагать налогами и о пользованіи регаліями; королевская власть отеклась во внутреннихъ дѣлахъ въ пользу князей раньше, чѣмъ настало паденіе ея внѣшняго могущества.

Если акты 1220 и 1232 годовъ можно признать днемъ порожденія почти одинаковыхъ верховныхъ правъ князей всѣхъ территорій, все же они не давали еще территоріямъ вполнѣ государственнаго характера. Государствомъ все таки считалось только нѣмецкое королевство; территоріи являлись только государственно-образными владѣніями нѣсколькихъ княжескихъ фамилій въ королевствѣ. Онѣ имѣли всѣ свойства владѣнія, принадлежавшаго только царствующей фамиліи и своимъ происхожденіемъ и существованіемъ обязаннаго исключительно дѣятельности этой фамиліи — какъ это было во Франціи Хлодовика и Меровинговъ — а при этомъ было неизбежно перенесеніе частнопровыхъ воззрѣній въ государственную жизнь. Территоріи съ этого времени признаются дѣлимыми, по отношенію къ нимъ часто примѣнялось общее германское наследственное право, т. е. равное право на наследство всѣхъ наследниковъ одной степени. Уже по одному только этому до тѣхъ поръ, пока сохранялось такое воззрѣніе, территоріи не могли считаться настоящими, вполнѣ развитыми государствами. Въ Золотой Буллѣ устанавливалось право старшаго

сына по крайней мѣрѣ для курфюршества; но это было сдѣлано, какъ мы видѣли, не ради государственныхъ потребностей территорій, а ради потребностей королевства. А кромѣ курфюршества стремленіе къ нераздѣльности увѣнчалось успѣхомъ въ 1442 году только въ Австріи (законнымъ утвержденіемъ поддѣльной привилегіи герцога Рудольфа IV отъ 1359 года); только въ это время въ важнѣйшей изъ маркъ нѣмецкаго королевства, всегда бывшей самой энергичной представительницей особаго политическаго развитія, признается самое необходимое изъ условій государственнаго характера территорій.

Это составляетъ очевидный признакъ того, что верховныя права князей въ 14 и 15 вѣкахъ, первоначально представлявшія конгломератъ разнообразныхъ пріобрѣтенныхъ правъ, не воздѣйствовали еще съ той энергіей, которая была бы необходима, чтобы дать территоріи несомнѣнный государственный характеръ.

И дѣйствительно въ 15 вѣкѣ права князей были еще несистематизированными отдѣльными правами, правительственная практика еще не систематизировала ихъ и не дала имъ какого либо общаго выраженія.

Особыми законченными группами правъ были права верховной военной власти и права судебныя. И это естественно: они были самыми понятными изъ всѣхъ правъ съ точки зрѣнія конституціи нѣмецкаго королевства. Кромѣ того, они всего лучше выразились въ территоріальныхъ учрежденіяхъ: верховное военное право въ устройствѣ бурговъ и въ вытекавшемъ изъ этого устройства мѣстномъ управленіи, а право суда въ созданіи высшаго придворнаго суда и въ новыхъ, хотя и не вполне законченныхъ формахъ территоріальнаго правосудія, въ высшихъ и низшихъ судовъ, въ формахъ, построенныхъ изъ обломкахъ старыхъ имперскихъ судовъ. Кромѣ того съ ними связывалась общая обязанность территоріальнаго князя заботиться о мирѣ и спокойствіи, а въ этой сферѣ управленія князья уже издавна сдѣлали очень многое; въ Баваріи, напр., съ 1205 года идетъ цѣлый рядъ распоряженій о земскомъ мирѣ, издаваемыхъ герцогами.

Гораздо менѣе, чѣмъ право суда и верховная военная власть, было развито верховенство въ сферѣ финансовой. Если королевству никоимъ образомъ не удавалось воспользоваться въ 12 и 13 вѣкахъ всѣми выгодами денежнаго хозяйства, что дало бы возможность создать сильную королевскую власть, то и территоріальные князья только съ трудомъ и далеко несовершенно выпутывались изъ сѣтей своей старой натурально-хозяйственной финансовой системы. И дѣйствительно, для нихъ при крайне медленномъ проникновеніи денежно-хозяйственной культуры въ территоріи, въ деревни дѣло шло только о томъ, чтобы насколько возможно перевести на деньги старыя повинности крестьянскаго населенія и такимъ образомъ объединить эти повин-

ности; главное же вниманіе должно было быть обращено на отысканіе новыхъ, чисто денежно-хозяйственныхъ доходовъ.

Прежде всего было необходимо устроить по возможности такъ, чтобы помѣстные и ленные сборы вносились въ нѣсколько определенныхъ сроковъ и не въ старой формѣ натуральныхъ доставокъ, а въ формѣ денежныхъ взносовъ. Это былъ задача почти непреодолимой трудности; она была вполнѣ разрѣшена только въ концѣ 18 вѣка. Гораздо выгоднѣе и легче было придать постепенно этимъ сборамъ характеръ не регулярныхъ, непрямыхъ налоговъ и такимъ образомъ по возможности отдѣлать ихъ отъ прежняго объекта обложенія, т. е. отъ помѣщичьей земли. Этимъ достигался значительный прогрессъ въ дѣлѣ финансовъ; кромѣ того княжескіе домены этимъ освобождались отъ узъ старой баршинной обработки, могли отдаваться въ вольную аренду, что обѣщало быть гораздо выгоднѣе, или могли быть разумно эксплуатируемы самимъ владѣльцемъ. И эта задача, конечно, не могла быть рѣшена немедленно; поскольку она была соединена съ освобожденіемъ крѣпостныхъ, она оставалась нерѣшенной въ 17 и въ 18 вѣкахъ.

Гораздо легче было разработать и развить дальше тѣ изъ финансовыхъ правъ, которыя сами по себѣ имѣли денежно-хозяйственные признаки—таковы были регалии и старое право прямого обложенія, *Bede*. Нужно было только систематически пользоваться регалиями, чтобы превратить ихъ въ выгодные непрямые налоги. Въ особенности это можно сказать о таможенныхъ и торговыхъ пошлинахъ. Въ этомъ отношеніи территоріальные владѣльцы по большей части дѣйствовали энергично. Не обращая вниманія на права городовъ и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, которые на основаніи своихъ полугосударственныхъ правъ частью узурпировали, а частью воспользовались привиллегіей создавать акцизы и таможи, они практически осуществили свое исключительное право на такіе сборы. Еще большее вниманіе обращали они на развитіе *Bede*, постоянного прямого налога, взимававшегося въ деревняхъ по большей части въ видѣ реального налога на землевладѣніе, а въ городахъ частью въ формѣ налога на состояніе (имущественнаго). Даваемые этимъ налогомъ доходы были уже довольно значительны. Въ особенности важно было то, что никто другой, кромѣ князей, не имѣлъ особыхъ притязаній на взиманіе этого налога. Правда, помѣщики и фогты требовали его съ своихъ подданныхъ ¹⁾. Императоры со временъ Генриха IV также постоянно думали объ имперскомъ прямомъ налогѣ.

Но право помѣщиковъ и фогтовъ облагать своихъ подданныхъ прямыми налогами очень скоро ступшевалося предъ притязаніями тер-

¹⁾ Baasch—Налоги въ герцогствѣ Баваріи. Лампрахтъ — *Wirtschaftsleben I.* Kruse—*Korrespondenzbl. der Vestd. Zeits.* 1893.

риториального князя, а империи только предъ воцареніемъ императора Сигизмунда удалось въ концѣ концовъ ввести разъ на всегда опредѣленный поголовный налогъ въ большинствѣ имперскихъ городовъ; для взиманія же поземельнаго налога у ней не доставало органовъ мѣстнаго управленія. Такимъ образомъ побѣдителями въ этомъ вопросѣ остались территориальные князья и сильное развитіе ихъ мѣстнаго управленія давало имъ возможность проводить на дѣлѣ обложеніе населенія прямымъ налогомъ. Потому такой налогъ съ 12 и 13 вѣковъ взимался ими обыкновенно два раза въ годъ, сначала часто натурой, а позже деньгами. Но скоро кромѣ обыкновеннаго поголовнаго налога собирались иногда и чрезвычайные: во время войны, при бракахъ князей, даже по поводу ихъ погребенія, такъ, напр., баварцы въ 1294 году возмѣстили расходы по погребенію герцога Людвига сборомъ особаго налога (Küchensteuer).

Но во всякомъ случаѣ съ пріобрѣтеніемъ князьями права взиманія поголовнаго налога они не получали еще абсолютной финансовой власти. Прежде всего князья не могли безусловно подчинить обязанности вносить новый налогъ духовныхъ, помѣщиковъ, рыцарей, министериаловъ, а также и города своихъ территорій; всѣ эти разряды лицъ, не бывшіе подданными въ томъ смыслѣ, въ какомъ были подданными остальное населеніе территоріи, по большей части добились освобожденія отъ налога, добились даже большаго—именно права взиманія поголовнаго налога съ своихъ подданныхъ; и частію благодаря именно этому праву получили то самостоятельное положеніе, какъ территориальныя сословія, въ которомъ они въ 14 и 15 вѣкахъ выступаютъ, какъ равноправная сила, противъ власти территориальныхъ князей.

IV.

Въ дѣйствительности территориальный князь 14 и 15 вѣковъ никоимъ образомъ не былъ самодержавнымъ государемъ. Рядомъ съ нимъ, обладая большей или меньшей силой, стояло представительство страны и это представительство, не смотря на нѣкоторыя особенности въ различныхъ территоріяхъ, повсемѣстно имѣло одинаковый, точно опредѣленный характеръ.

Количество территорій, въ которыхъ въ средѣ такого представительства сохранились остатки прежняго участія свободныхъ крестьянъ въ государственной жизни, было очень невелико. Да и гдѣ вообще, кромѣ пограничныхъ странъ Германіи, на нижнемъ Рейнѣ и въ восточной Фрисландіи, въ Гадельнѣ и у Дитмаршей, въ Швейцаріи и въ Тиролѣ, свободные крестьяне составляли компактную массу населенія и сохраняли преданіе о политическихъ правахъ прошлыхъ вѣковъ? Но и въ этихъ странахъ они привлекались къ обще-

ственнымъ дѣламъ не лично, какъ прежде, а посредствомъ представительства, развившагося въ эпоху каролинговъ по отношенію къ судебной дѣятельности свободныхъ людей, посредствомъ шоффовъ. Такимъ образомъ въ Юлихѣ и въ Бергѣ, а также и въ Тиролю шоффы являются политическими совѣтниками территоріальнаго князя. Но въ большинствѣ случаевъ и въ этихъ странахъ ихъ время уже прошло. Какое значеніе могло имѣть ихъ право, если оно не уравновѣшивалось и, такъ сказать, постоянно не обновлялось исполненіемъ государственныхъ обязанностей? Отправленіе правосудія, бывшее когда то главной общественной обязанностью свободныхъ людей, все болѣе и болѣе попадало въ руки княжескихъ чиновниковъ, военная служба давно сдѣлалась дѣломъ рыцарей, а скоро дѣломъ наемныхъ солдатъ, финансовыя же обязанности свободныхъ людей были слишкомъ незначительны, чтобы давать имъ право на извѣстную роль. Такимъ образомъ въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ еще сохранилось представительство свободныхъ крестьянъ, оно находилось подъ вліяніемъ территоріальнаго князя, какъ остатокъ давно прошедшихъ временъ; оно сохранилось только тамъ, гдѣ оно вытекало изъ государственныхъ обязанностей свободныхъ людей, а также изъ особенно благопріятныхъ условій крестьянскаго развитія. Такъ было, напр., въ Тиролю. Здѣсь съ середины 14 вѣка общественное развитіе деревень было особенно благопріятнымъ; крѣпостное право почти совершенно исчезло, свободный крестьянинъ дышалъ свободно и въ концѣ 15 вѣка было возможно снова ввести старую обязанность не только свободныхъ людей, но и всѣхъ подданныхъ, защищать свою родину; не только прелаты, дворяне и города, но и крестьянскія судебныя общины выходили на бой для защиты родины подъ начальствомъ своего старшины. Это было началомъ того развитія, которое дало возможность тирольскимъ крестьянамъ выдержать героическую борьбу въ 1809 году.

Кромѣ этихъ послѣднихъ обломковъ прежняго участія всего народа въ политической жизни территоріальнымъ князьямъ пришлось имѣть дѣло съ остатками того участія вельможъ въ политическихъ дѣлахъ, которое развилось въ государствѣ Франковъ изъ древняго германскаго строя. Признавалось принципомъ государственнаго права, что территоріальный князь безъ согласія лучшихъ людей страны (*maiores et meliores terrae*) не можетъ рѣшать вопроса о благѣ страны; этотъ вопросъ рѣшался лантагами, собираемыми княземъ. Эти лучшіе люди распадались на два разряда: прелатовъ и свѣтскихъ господъ. Понятно, что въ церковныхъ владѣніяхъ прелаты играли наиболѣе видную роль, хотя въ епископствахъ соборный капитулъ, которому было предоставлено исключительное право избранія князя-епископа, являлся совершенно обособленной силой. Но вообще то прелаты не были особенно усердными дѣятелями въ совѣтахъ князя, они не

очень заботились о специально свѣтскихъ дѣлахъ территоріи; только въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогивались интересы ихъ сословія, когда мѣры князя, напр., ставимыя имъ затрудненія для отчужденія земель духовному вѣдомству и пр., противорѣчили ихъ привилегіямъ, они серьезно напоминали о своемъ правѣ вліять на рѣшенія князя. Въ силу этого прелаты къ концу 14 вѣка иногда составляли отдѣльную корпорацію совѣтниковъ князя, какъ напр. въ Зальцбургѣ въ 1387 г., въ Баваріи въ 1394 и 1396 годахъ, и въ Бременѣ въ 1397 г.

Если прелаты почти повсемѣстно по крайней мѣрѣ удержали свои старыя права и даже развили ихъ, то свободные господа только въ исключительныхъ случаяхъ составляли особую совѣщательную корпорацію. Въ нѣкоторыхъ территоріяхъ они примыкали къ прелатамъ или къ рыцарскому сословію; въ центрѣ королевства и особенно въ южной Германіи они съ успѣхомъ стремились къ эксъ-территоріальности, т. е. къ непосредственной зависимости отъ имперіи. Кромѣ нѣкоторыхъ территорій сѣверозападной Германіи они образовали многочисленныя отдѣльныя совѣщательныя корпораціи въ колониальныхъ земляхъ средней и южной Германіи, въ Лаузицѣ и въ Силезіи, въ Богеміи и Моравіи, въ Австріи, Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ. Въ этихъ областяхъ благодаря помѣстной колонизаціи появилось экономически процвѣтавшее сословіе господъ, причемъ болѣе суровое развитіе территоріальной государственной власти препятствовало этому сословію сдѣлаться самостоятельнымъ имперскимъ сословіемъ.

Кромѣ этихъ свѣтскихъ лучшихъ людей съ 13 вѣка въ силу болѣе новаго общественнаго развитія появляется новая дворянская совѣщательная корпорація.

Изстари въ Германіи было обычаемъ, чтобы отвѣтственный руководитель въ важныхъ дѣлахъ совѣщался съ людьми, находившимися подъ его властью. Такъ глава семейства въ трудныхъ случаяхъ спрашивалъ дѣтей и домочадцевъ, а господинъ совѣщался съ своими людьми. Эта старая черта нѣмецкаго конституціоннаго права для владѣльцевъ только что создававшихся въ 12 и 13 вѣкахъ территорій получала особенное значеніе. Кромѣ родственниковъ, ихъ окружали министеріалы и вассалы. Такъ какъ эти классы людей начали составлять отдѣльныя товарищества и создавать для себя отдѣльный товарищескій судъ, то они обладали уже вполне выработанными формами для подаванія совѣта, если князь спрашивалъ у нихъ о чемънибудь. Потому то ихъ совѣщанія имѣли прочную и широкую основу. Совѣтъ и согласіе ихъ, по крайней мѣрѣ формально, считались необходимыми для всѣхъ важныхъ распоряженій князя относительно дѣлъ товарищества и относительно ихъ имущества; но вскорѣ они сдѣлались необходимыми и относительно распоряженій князя во всѣхъ дѣлахъ страны: отчужденіе части страны, дарованіе правъ городамъ, заключеніе союзовъ и объявленіе земскаго мира, повидимому, требо-

вали совѣта, если не согласія, товарищества вассаловъ и министериаловъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ низшее дворянство не сдѣлалось непосредственно зависимымъ отъ имперіи — а стремленія въ этомъ направленіи мы встрѣчаемъ въ Австріи до 15 вѣка, въ Бранденбургѣ до царствованія первыхъ Гогенцолерновъ, въ Баваріи во время дворянскаго союза Льва 1489 года—въ совѣтахъ князя кромѣ лучшихъ людей страны, прелатовъ и свободныхъ господъ, появляется еще и низшее дворянство, рыцарство.

Къ этимъ составнымъ элементамъ княжескаго совѣта присоединялось еще одно сословіе — города. Положеніе отдѣльныхъ городовъ относительно территоріальнаго князя было весьма различное. Въ то время, какъ территоріальные города сѣвера, принадлежавшіе къ Ганзѣ, были очень независимыми и были связаны съ территоріей только правомъ князя имѣть въ нихъ гарнизоны, другіе города сѣвера и юга имѣли болѣе прочныя отношенія съ территоріальными властями и обыкновенно тѣмъ болѣе прочныя, чѣмъ сами города были меньше. Но всѣ они пользовались однимъ общимъ имъ правомъ: правомъ особой юрисдикціи, своимъ собственнымъ судомъ, причемъ отправленіе правосудія нѣкоторымъ образомъ связывало ихъ съ территоріальнымъ княземъ. Такъ какъ право суда и право князя на взиманіе поголовнаго налога находились въ непосредственной связи, то города составляли отдѣльный финансовый округъ территоріи. Потому они издавна облагались князьями налогами и притомъ такимъ образомъ, что князья налагаемая на городъ подати взимали не съ отдѣльныхъ гражданъ, а облагали городъ какъ цѣлую общину, а городскимъ чиновникамъ было предоставлено право распределенія налога между гражданами. Такая система по своей простотѣ была очень удобна для территоріальнаго князя и понятно само по себѣ, что на этомъ основаніи обложеніе городовъ налогами становилось все болѣе тяжелымъ. Но города очень рано сумѣли отдѣлаться отъ этого посредствомъ полученія привилегій; они добивались отъ милости князя, чтобы сумма налоговъ была опредѣленной разъ навсегда и чтобы также опредѣленными были и сроки ихъ взиманія. Если же территоріальный князь кромѣ такихъ опредѣленныхъ сборовъ требовалъ еще дополнительныхъ, то онъ могъ этого добиться только путемъ переговоровъ. Если онъ пытался вступить на этотъ путь переговоровъ, то всѣ города территоріи часто держались вмѣстѣ въ этомъ общемъ для нихъ дѣлѣ; они стремились къ тому, чтобы въ вознагражденіе за новыя взятые на себя повинности получить вліяніе на управленіе страны, и такимъ образомъ встрѣчались съ такими же стремленіями и правами прелатовъ, господъ и рыцарей.

Всѣ эти условія, начавшія дѣйствовать съ середины 13 вѣка, почти вездѣ въ Германіи повели къ созданію земскихъ сословій нѣмецкихъ территорій, къ созданію корпорацій, являвшихся представи-

цами всей земли предъ княземъ и распадавшихся на отдѣльные куріи: прелатовъ, господъ, рыцарей и городовъ.

На общій характеръ этаго представительства и на его дальнѣйшую судьбу вліяли и другія общія и еще болѣе важныя, чѣмъ вышеупомянутыя, условія. Во всѣхъ территоріяхъ руководящими слоями населенія были прелаты, господа, рыцари и бюргеры. Но этого мало: они обладали такими политическими правами, что ихъ можно назвать полугосударственными властями. Прелаты, господа и рыцари были всѣ помѣщиками-землевладѣльцами. Какъ таковыя, они обладали извѣстной юрисдикціей—часто даже высшей судебной властью—надъ своими подданными; они обладали вообще всѣми государственными правами, пріобрѣтенными помѣстьями въ теченіе первой половины среднихъ вѣковъ. При этомъ сами они не подлежали юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ, судьей надъ ними былъ непосредственно самъ князь; они имѣли право войны; на основаніи своихъ привилегій, какъ духовныя лица, или на основаніи своей воинской службы они имѣли притязанія на личную свободу отъ налоговъ и повинностей. Бюргеры, какъ цѣлое сословіе, какъ города, пользовались такой же полугосударственной властью. Ихъ юрисдикція была мало ограничена, они пользовались правомъ судиться только у себя дома (*jus de non evocandi*), они участвовали въ правѣ назначенія судей и въ пользованіи судебными пошлинами; они имѣли право свободного избранія шоффеновъ. Они сами завѣдывали своими дѣлами и создали собственную полицію, хотя и подъ нѣкоторымъ надзоромъ территоріальнаго князя; они свободно избирали своихъ чиновниковъ и князь имѣлъ только право утверждать ихъ выборъ и получать отъ избранныхъ присягу. Они, наконецъ, пользовались правами самообложенія, хотя въ большинствѣ случаевъ территоріальный князь удерживалъ за собой право согласія на новые налоги.

Каковъ же былъ результатъ всего этого? Вслѣдствіе неполнаго развитія имперской конституціи въ такое время, когда территоріальные князья не могли еще воспользоваться всѣми своими новыми полномочіями, въ 12 и 13 вѣкахъ, руководящіе общественные классы націи уже добились полноты политическихъ правъ и сдѣлались полугосударственными властями. Какъ таковыя, они распоряжались своими подданными, самоуправлялись и вообще имѣли притязанія быть мелкими государственными властями. Произошло замѣчательное дифференцированіе и раздробленіе соціальныхъ и политическихъ правъ.

Со второй половины 13 вѣка стремленія территоріальныхъ князей быть единодержавцами въ своихъ территоріяхъ становятся все болѣе опредѣленными. Возможно ли было, чтобы уже существовавшія полугосударственныя власти уступили имъ безъ всякой борьбы? Конечно, нѣтъ. Сословія съ своей стороны выставили притязаніе на право самоуправления, стало быть на право управленія большей частью

страны. И дѣйствительно, развѣ власть территориальнаго князя не была такой же узурпаціей, какъ и ихъ собственная? Развѣ существовало какое либо принципиальное различіе между властью свободнаго господина, обладавшаго правами государственной власти, правами, проистекавшими въ сущности изъ его непосредственной зависимости отъ имперіи, и властью освободившагося отъ такой зависимости территориальнаго владѣльца, между компетенціей имперскаго города и компетенціей столь же автономнаго, но въ силу своего гораздо меньшаго внѣшняго могущества оставшагося только территориальнымъ, города? Въ этомъ случаѣ право однихъ уравнивалось правомъ другихъ.

При такомъ положеніи дѣль право полугосударственныхъ властей: прелатовъ, господъ, рыцарей и городовъ, подавать совѣты территориальному князю и давать свое согласіе на принимаемыя имъ мѣры, право, развившееся изъ различныхъ основаній, давало возможность придти къ разумному компромиссу. Полугосударственные власти, оставшіяся вполнѣ автономными по отношенію къ своимъ подданнымъ, къ крѣпостнымъ и къ городскимъ обывателямъ, являлись по отношенію къ территориальному князю соединенными, какъ равноправная съ общимъ управленіемъ территоріи сила, онѣ являлись вторымъ составнымъ элементомъ территориальной конституціи, сословіями страны, ея земствомъ.

Путь достиженія такого результата въ своихъ деталяхъ былъ весьма различенъ въ различныхъ территоріяхъ. Вообще же можно утверждать, что для сліянія отдѣльныхъ курій земскихъ сословій и для способа ихъ появленія въ государственномъ организмѣ территоріи существенное значеніе имѣла нужда территориальнаго князя въ денежныхъ средствахъ.

Съ 13 вѣка финансовыя потребности территориальныхъ князей постоянно увеличивались. Мы уже видѣли, что одинъ изъ ихъ главныхъ доходовъ, доходъ съ ихъ княжескихъ помѣстій, благодаря экономическому упадку всѣхъ вообще помѣстій съ 13 вѣка сильно уменьшился. Разумнѣйшіе изъ территориальныхъ князей въ замѣнъ этого дохода открыли довольно скоро новые денежно-хозяйственные источники доходовъ: таможенные пошлины, пошлины проѣздныя и поголовный налогъ. Но и тутъ была сдѣлана ошибка, обусловливаемая экономически-психологическимъ настроеніемъ неподвижной натурально-хозяйственной жизни: князья даровали отдѣльныя привилегіи и благодаря этому допустили, что эти сборы были опредѣлены разъ навсегда и въ силу этого лишились возможности увеличивать свои доходы, тѣмъ болѣе, что фиксированные такимъ образомъ доходы въ силу паденія цѣнности денегъ уменьшались въ своей цѣнности. И это въ такое время, когда слѣдовало увеличивать сферу правительственной дѣятельности въ предѣлахъ территоріи, когда при паденіи

и регрессъ рыцарскаго воинскаго строя было необходимо нести большія издержки на наемъ солдатъ для охраненія внутренней и внѣшней безопасности. Потому князьямъ не оставалось иного исхода, какъ просить у руководящихъ классовъ населенія, т. е. сословіи, добровольныхъ взносовъ на нужды управленія и предложить за это обезпечить ихъ привилегіи и допустить ихъ къ участию въ управленіи. Такимъ путемъ терриціальные князья кромѣ старыхъ ленныхъ взносовъ: въ случаѣ плѣна, на приданое дѣтямъ при ихъ бракахъ и т. д. а также кромѣ взноса опредѣленныхъ разъ навсегда налоговъ постепенно вводили новые общіе налоги; такіе налоги въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются уже въ 13 вѣкѣ. При этомъ права сословіи должны были увеличиваться и упрочиваться; уже въ половинѣ 14 вѣка въ большинствѣ терриціи они были несомнѣнными и ненарушимыми. Такъ какъ въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ совѣщанія и переговоры между терриціальнымъ княземъ и сословіями и ихъ отдѣльными куріями были непрерывными, то сословія вскорѣ сдѣлались единой корпораціей, которую можно уже считать представительницей страны. Послѣ того, какъ отдѣльныя сословія, сначала не бывшія совсѣмъ органами всей страны, а только представителями собственныхъ правъ и притязаній, поняли, что эти права и притязанія самыми тѣсными узами связаны съ процвѣтаніемъ всей страны, они начали заботиться и о всей странѣ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Такъ, напр., для нихъ было важно, чтобы страна не подлежала раздробленію, потому что въ этомъ случаѣ ихъ общая связь уничтожалась бы и отдѣльныя ихъ части не были бы настолько способны къ защитѣ и обладали бы меньшими экономическими и финансовыми силами. Руководясь такой точкой зрѣнія, многія сословія отстаивали нераздѣльность терриціи за долго до того времени, когда князья ввели этотъ принципъ и право перваго сына на престолонаслѣдіе; въ Баваріи именно сословія отстаивали нераздѣльность страны противъ стремленій князей и поддерживали послѣдовавшее наконецъ въ 1506 году признаніе права первородства. Въ другихъ мѣстахъ они тоже заботились объ объединеніи терриціи внутри и о расширеніи ея во внѣ; они понимали, что при этомъ они работаютъ для своихъ интересовъ. Такимъ путемъ ихъ интересы постепенно замѣняютъ интересы всей страны и они говорятъ о себѣ, какъ о цѣлой странѣ или, какъ гласитъ одинъ нижнебаварскій актъ отъ 1394 года, о «мнѣніи и рѣшеніи (*ainungund verpintnis*) графовъ, свободныхъ рыцарей и кнехтовъ, городовъ и рынковъ, бѣдныхъ и богатыхъ, благородныхъ и неблагородныхъ, всѣхъ епископовъ, аббатовъ, прелатовъ и всѣхъ духовныхъ орденовъ страны нижней Баваріи...» Такое общее рѣшеніе часто выражалось въ особомъ торжественномъ актѣ объединенія. Но важнѣе то обстоятельство, что изъ него вытекало

автономное устройство сословій, развивавшееся совершенно параллельно съ развитіемъ княжеской власти.

Такъ какъ сословія обладали извѣстной суммой правительственныхъ правъ, то должны были создаться и органы, давашіе имъ возможность пользоваться этими правами. Потому въ нѣкоторыхъ территорияхъ они получили нѣкотораго рода юрисдикцію для исправленія всѣхъ недостатковъ правосудія княжескихъ судовъ; къ ихъ суду обращались не только одни члены сословій, на основаніи принципа судебного строя среднихъ вѣковъ, но и вообще всѣ обиженные и потерпѣвшіе. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда юрисдикція сословій ограничивалась ихъ правомъ сужденія о спорахъ членовъ сословія, все же сословія принципиально сохраняли право собранія, союза и объединенія, право собиранія одобренныхъ ими сборовъ и распоряженія ими, въ томъ случаѣ, если территоріальный князь нарушалъ ихъ привилегіи, право вести противъ него войну, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право вести мирные переговоры.

Изъ всѣхъ этихъ правъ право собранія и право обложенія получили постоянное выраженіе въ учрежденіи особыхъ конституціонныхъ и правительственныхъ институтовъ. Собранія установили извѣстный порядокъ веденія дѣлъ, сдѣлавшійся потомъ самымъ существеннымъ пунктомъ при образованіи настоящей сословно-земской конституціи. Въ началѣ въ собраніяхъ отдѣльныхъ курій и даже въ совѣщаніяхъ всей сословной корпораціи каждый говорилъ за себя, какъ отдѣльный человекъ, имѣвшій право голоса. Но при частыхъ совѣщаніяхъ сословій и ихъ консолидаціи это было устранено; поняли, что прогрессивное движеніе дѣлъ возможно только въ томъ случаѣ, если отдѣльные члены сословій будутъ исходить изъ той точки зрѣнія, что они суть лишь члены коллективной личности. Потому *liberum veto* cadaго члена исчезло, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе рѣзкой его формѣ; его замѣняетъ принципъ большинства. Сначала такой принципъ примѣнялся только при совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ отдѣльныхъ курій, а для рѣшенія всего ландтага требовалось единогласіе всѣхъ курій; но къ концѣ концовъ принципъ большинства сдѣлалъ значительные успѣхи и при общемъ совѣщаніи всѣхъ курій, въ полномъ засѣданіи соединенныхъ сословій. Прежній руководитель коннаго дворянства, маршалъ, становится подъ названіемъ ландмаршала председателемъ такого общаго собранія и вмѣсто кровавой битвы руководить словесными преніями.

Сословное управленіе вытекало изъ права сословій на обложеніе, такъ какъ это право не ограничивалось только собираніемъ вотированныхъ налоговъ, но включало и право распоряженія ими. Для этаго было необходимо создать сословную кассу съ сословнымъ рентмейстеромъ и сословными низшими чиновниками, была необходима и ревизія этой кассы посредствомъ постояннаго сословнаго комитета. И

дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ такіе органы были созданы. Правда, взиманіе налоговъ, по крайней мѣрѣ частію, было предоставлено чиновникамъ территоріальнаго князя, но распредѣленіе ихъ было дѣломъ сословій; сумма же собранныхъ налоговъ оставалась настолько въ распоряженіи сословій, что даже военный налогъ выдавался войскамъ сословнымъ комитетомъ, а не княземъ; кромѣ того, сословія хранили ключи отъ арсеналовъ, въ которыхъ находилось купленное на земскія деньги оружіе и сословный комитетъ во время войны даже стоялъ рядомъ съ княземъ, какъ ограничивающій его власть военный совѣтъ.

Понятно, какія полномочія могли при извѣстныхъ условіяхъ развиться изъ такого равноправнаго съ территоріальной властью положенія сословій. Отношенія между княземъ и сословіями въ вопросахъ политическихъ опредѣлялись только отношеніемъ между ихъ фактическими силами.

Потому то отношеніе правъ сословій къ правамъ князя въ различныхъ территоріяхъ было весьма различнымъ. Случалось иногда, что сословія унижали власть князя и сильно ограничивали ее. Такъ это случилось, напр., въ Брауншвейгъ-Люнебургѣ, въ соглашеніи между князьями и сословіями въ 1392 году; это соглашеніе можно считать типичнымъ для полнаго развитія правъ сословій въ концѣ 14 и началѣ 15 вѣковъ. На основаніи его территоріальный князь за уплату сословіями 50000 марокъ его долговъ признавалъ всѣ права и привилегіи сословій и при этомъ ясно высказывалъ свое согласіе на то, что они въ случаѣ нарушенія ихъ правъ могутъ возстать противъ него. Кромѣ того учреждалась коллегія, сословный комитетъ, имѣвшій четыре засѣданія въ годъ; его суду подлежали какъ князь, такъ и подданные въ случаѣ преступленій противъ соглашенія и вообще въ случаѣ отказа въ правосудіи; онъ составлялъ также и мировое судилище для рѣшенія споровъ между сословіями; его приговоры смотря по обстоятельствамъ исполнялись сословіями или вооруженной рукой или отказомъ вносить княжескіе сѣборы.

Если далеко не всѣ территоріальныя сословія въ концѣ 14 и въ началѣ 15 вѣковъ обладали такимъ могуществомъ, все же сословныя корпораціи 15 вѣка составляли чрезвычайно дѣйствительный противовѣсъ чрезмѣрному развитію княжеской власти. Это въ особенности можно сказать относительно духовныхъ территорій; здѣсь сословія при отсутствіи личныхъ наследственныхъ правъ и семейныхъ традицій у территоріальной власти, имѣли полную возможность увеличить свое могущество; въ Мюнстерѣ уже съ 1309 года кормило правленія находилось въ ихъ рукахъ. Но и въ свѣтскихъ территоріяхъ, особенно въ болѣе крупныхъ, могущество сословій съ 14 вѣка было очень значительно. Лучшимъ примѣромъ такого могущества сословій въ концѣ среднихъ вѣковъ можетъ служить Баварія. Ея сословія съ

1302 и 1307 годовъ выступаютъ все болѣе самостоятельно; дворянство и города соединяются и съ конца 14 вѣка къ нимъ примыкаютъ и прелаты. Въ 15 вѣкѣ сословія являются уже настоящимъ правителемъ страны, въ 1430 году они получаютъ детально разработанную конституцію съ двумя сословными комитетами, собственнымъ финансовымъ управленіемъ и собственной кассой. И только въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ этого вѣка ихъ могущество нѣсколько падаетъ. Но послѣ этого благодаря соединенію «всего земства трехъ сословій верхней и нижней земли достохвальнаго дома и княжества Баваріи» въ 1514 году они добились того, что князь въ 1516 году еще разъ опредѣленно призналъ за ними право участія въ управленіи и право сопротивленія въ случаѣ нарушенія княземъ конституціи.

Даже въ колониальныхъ областяхъ, гдѣ сословнымъ учрежденіямъ было труднѣе бороться противъ правъ князей, опиравшихся на старыя права маркграфовъ, сословія въ 14 и 15 вѣкахъ имѣли не малое значеніе. Въ Австріи они усиливались очень медленно; послѣ перехода страны подъ власть Габсбурговъ въ теченіи долгаго времени не было крупныхъ войнъ, стало быть и крупныхъ расходовъ, которые могли бы дать поводъ сословіямъ вотировать налоги; кромѣ того герцоги имѣли очень большіе доходы съ регалій и помѣстій, а дворянство издревле несло повинность защиты страны. Но въ концѣ 14 вѣка положеніе дѣлъ измѣнилось. Настали времена войнъ, страна была раздѣлена. При этомъ у сословій пробудилось стремленіе къ сохраненію единства страны и въ вознагражденіе за вотированіе возвышенныхъ налоговъ они получили новыя привиллегіи. Въ нижней Австріи всѣ эти обстоятельства уже въ 1439 году повели къ дарованію особенно благопріятной для сословій конституціи, сохранившейся до паденія могущества сословій. При императорѣ Максимилианѣ I, благодаря постоянной нуждѣ этого государя въ деньгахъ, притязанія сословій всѣхъ частей страны сдѣлались чрезмѣрными; послѣ его смерти сословія завладѣли управленіемъ и Фердинандъ I только съ трудомъ могъ отстоять противъ нихъ свои права.

Иначе сложились обстоятельства въ Бранденбургѣ; уже въ то время обрисовываются различія въ развитіи этихъ двухъ важнѣйшихъ восточныхъ территорій Германіи, сдѣлавшихся впоследствии двумя великими нѣмецкими государствами. Въ Маркѣ привиллегія 1280 года создала могущество сословій; въ вознагражденіе за вотированіе чрезвычайныхъ суммъ маркграфы дали тогда обѣщаніе никогда не требовать поголовнаго налога и другихъ сборовъ противъ воли сословій и признали, что въ случаѣ нарушенія обѣщанія сословія имѣютъ право общаго сопротивленія. Не удивительно, что съ 14 вѣка наступаетъ періодъ расцвѣта могущества сословій. Когда въ странѣ появились первые изъ Гогеноллерновъ, сословія пользовались властью,

доходящей до произвола; Фридрихъ I энергично боролся противъ этой власти сословій, а его наслѣдники въ то время, какъ въ Австріи сословія позволяли себѣ все, съумѣли, если не вполнѣ сломить силу сословій, то по крайней мѣрѣ ограничить ее.

Вообще же относительно Бранденбурга, какъ и относительно всѣхъ нѣмецкихъ территорій въ концѣ 14 и началѣ 15 вѣковъ, можно сказать, что могущество сословій, развитое болѣе или менѣе, существовало какъ равноправная сила рядомъ съ властью князя. Именно такое уравниженіе силъ и замедлило побѣду территорій надъ большими городами и затрудняло пользованіе плодами этой побѣды. Для самой территорій подобное положеніе дѣлъ было тяжелымъ, такъ какъ оно вело къ одновременному существованію двухъ государственныхъ принциповъ, въ сущности взаимно исключających другъ друга, когда ставился вопросъ объ отношеніяхъ силъ.

Положеніе дѣлъ измѣнилось только въ 16-мъ вѣкѣ. Въ это время выше земли, выше земскаго князя и земскихъ сословій стала потребность общаго блага, территоріи становятся государствами. Такъ какъ для правительства руководящимъ принципомъ становятся идеи государственныйя, то и князья и сословія сходятся въ общей дѣятельности ради высшей цѣли. Это эпоха такъ называемаго патріархальнаго абсолютизма.

Но какъ и все въ исторіи, такое общее стремленіе князей и сословій къ общему благо страны, стремленіе, уравнивающее ихъ силы, не было вѣчнымъ. На основаніи причинъ, изложенію которыхъ будутъ посвящены слѣдующія части нашего сочиненія, съ 17 вѣка власть князя становится выше сословій. Начинается періодъ настоящаго абсолютизма. Сословныя корпораціи, насколько это возможно, превращаются въ частныя корпораціи и лишаются общественныхъ правъ. Княжеская власть стремится къ большему; она хочетъ устранить вообще полугосударственную власть, которую имѣли отдѣльные члены сословій надъ своими деревенскими и городскими обывателями, надъ крѣпостными и бюргерами. Такое стремленіе проявлялось все съ большимъ и большимъ успѣхомъ въ 18 вѣкѣ и одержало окончательную побѣду въ теченіе 19 вѣка; такимъ образомъ было уничтожено то основаніе, на которомъ покоилось развитіе старыхъ земскихъ сословій, т. е. ихъ полугосударственный характеръ. Тотъ оригинальный фактъ, что руководящіе общественные слои націи обладали лично политическими правами, прекратилъ свое существованіе; результатомъ въ политическомъ отношеніи было всеобщее стремленіе къ вполнѣ однообразному распаденію общества на составляющіе его атомы.

Было очевидно, что послѣдовательное развитіе такого стремленія должно было повести къ демократическимъ учрежденіямъ и стало быть къ уничтоженію абсолютистскаго государства прошлаго столѣтія. Не-

избѣжность такого результата признавалась наиболѣе проницательными государями эпохи такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма. Пытались избѣжать этаго результата, создавая государственную бюрократію и военную іерархію, т. е. новое политическое и притомъ связанное съ абсолютизмомъ и обусловливаемое имъ общественное разчлененіе. Но стремленіе къ созданію такихъ новыхъ общественныхъ слоевъ столкнулось съ совершенно противоположными демократическими тенденціями; тѣмъ не менѣе оно унаслѣдовано и современнымъ поколѣніемъ и борьба этихъ двухъ тенденцій до нѣкоторой степени опредѣляетъ современные событія.

Возвратимся, однако, къ положенію дѣлъ въ 14 и 15 вѣкахъ. Было очевидно, что во всеобщей угрожающей борьбѣ между территоріями и городами, между территоріями и дворянствомъ конечная побѣда территоріи должна была замедляться существованіемъ двухъ душъ въ одномъ тѣлѣ, существованіемъ власти князя и власти сословій. И дѣйствительно, вторая половина 14 вѣка составляетъ эпоху борьбы между князьями и городами и только съ середины 15 вѣка побѣда начинаетъ склоняться на сторону князей.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Королевская власть и борьба между князьями, дворянствомъ и городами во второй половинѣ 14 вѣка.

I.

Около середины 14 вѣка взаимныя отношенія территоріи и городовъ были очевидными. Если въ эти отношенія и приходили требованія дворянства, то они всетаки не могли затушевать основнаго дуализма нашей національной исторіи.

Дворянство получало значеніе, какъ это иногда случалось и позже до самаго времени его послѣдней самостоятельной дѣятельности въ двадцатыхъ годахъ 16 вѣка, только въ томъ случаѣ, когда оно дѣйствовало какъ замкнутая корпорація; болѣе чѣмъ какое нибудь другое сословіе въ концѣ среднихъ вѣковъ оно дѣйствовало политически какъ общественная масса; личность до такой степени мало выдвигалась, что даже современное историческое изслѣдованіе не въ состояніи выдѣлить ее изъ массы.

Въ этомъ отношеніи существуетъ большое различіе между дворянствомъ и другими соціальными группами: территоріальными князьями и бюргерами. Территоріи также какъ и большіе города — а только такіе города и достигли уже въ то время полнаго гражданскаго развитія — представляются по большей части замѣчательно индивидуализированными; при одинаковыхъ условіяхъ такіе города, какъ Базель или Франкфуртъ, дѣйствовали совершенно иначе, чѣмъ Кельнъ и Нюрнбергъ; баварскій домъ при одинаковыхъ общественныхъ условіяхъ, можетъ быть въ силу своего прошлаго и въ силу общественнаго строя своей земли, преслѣдовалъ политику, совершенно противоположную той, которую избрали бы дома габсбургскій или пфальцскій.

Такимъ образомъ великій общественный контрастъ, существовав-

шій во всей Германіи, контрастъ между городами и территоріями, часто затемнялся или ослаблялся отдѣльными стремленіями и потребностями отдѣльных князей и городскихъ корпорацій; случалось, что нѣкоторые территоріальные князья примыкали къ коалиціямъ городовъ, и наоборотъ. Это должно было происходить въ особенности тамъ, гдѣ рядомъ стояли крупныя территоріи и наиболѣе могущественные города; въ такихъ случаяхъ часто политическія потребности и политическія цѣли временно оттѣсняли на задній планъ общественные контрасты. Такъ было въ сѣверной Германіи; въ исторіи Ганзы вопросъ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ временами былъ важнѣе, чѣмъ вопросъ о борьбѣ съ князьями. Такъ было и на юго-востокѣ Германіи; тамъ всѣ вопросы сводились къ вопросу о развитіи могущества домовъ габсбургскаго и люксембургскаго. Такъ было, наконецъ, и на сѣверо-западѣ; здѣсь въ концѣ концовъ политическіе вопросы приводились къ вопросу о вліяніи Франціи и къ созданію бургундскаго государства. Напротивъ, въ центральной Германіи, въ областяхъ равномѣрно могущественныхъ городскихъ республикъ и относительно одинаково развитыхъ территорій, гдѣ не было иныхъ рѣшающихъ политическихъ вліяній и иныхъ цѣлей, на первый планъ должны были выступить общественно-политическія противорѣчія; здѣсь именно и проявился типическій ходъ развитія Германіи въ это время; здѣсь при соперничествѣ отдѣльныхъ городовъ особенно ярко вырисовывались контрасты между городами, князьями и дворянствомъ.

Единственная власть, которая могла бы властно и безпристрастно вмѣшаться въ дѣлавшійся все болѣе рѣзкимъ соціальный раздоръ, была власть королевская. Но мы знаемъ, что эта власть находилась въ рукахъ Карла IV и потому она не нашла того примѣненія, которое соотвѣтствовало бы обязанностямъ нѣмецкаго короля.

Карль въ своей Золотой Буллѣ рѣшилъ всѣ нѣмецкіе вопросы на основаніи принципа: *praeterita reformare, praesentia bene disponere* (т. е. реформировать старое и устроить настоящее). Онъ совсѣмъ не имѣлъ намѣренія идти дальше этаго принципа и энергично вмѣшаться въ существующія отношенія ради будущаго усиленія королевской власти. Правда, и послѣ 1356 г. онъ многократно разъѣзжалъ по Германіи и велъ переговоры съ князьями и городами, но мотивами этихъ переговоровъ почти исключительно были интересы Люксембургской домашней политики, а не забота о королевствѣ. Многознаменательно было то обстоятельство, что при Карлѣ, хорошемъ правителѣ, имперское управленіе слилось съ богемскимъ центральнымъ территоріальнымъ; для Карла имперія была чѣмъ то въ родѣ придатка къ его чешской собственности.

Императоръ чувствовалъ себя дома только въ Богеміи. Для него Богемія была основой, центромъ крупной Люксембургской политики, которая устремляла свои взоры до Балтійскаго моря и Альпъ и стре-

шилась вовлечь въ сферу своего вліянія Польшу и Венгрію. Для сильной державы восточной Европы былъ необходимъ центръ и столицей этой державы должна была сдѣлаться Прага. Потому Карлъ составилъ планъ города, который и теперь еще не весь заполненъ; потому епископскую кафедру Праги онъ сдѣлалъ архіепископской и основалъ въ епархіи монастырь Эмаусъ, какъ исходный пунктъ славянской миссіи; потому онъ основалъ и университетъ съ раздѣленіемъ его на баварскую, саксонскую, богемскую и польскую націи; всѣ тѣ, кто стремились къ свѣту науки и не хотѣли идти въ Парижъ и на западъ, должны были стекаться въ Прагу.

Въ чешской землѣ должно было быть создано централистическое и сильное управленіе. Карлъ, бывшій приверженцемъ римскаго права и канцелярскаго управленія, предложилъ богемскимъ сословіямъ *Majestas Carolina*, проэктъ упрощеннаго и упорядоченнаго судоустройства и политической конституціи съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ абсолютизма; когда его проэктъ не былъ принятъ, онъ началъ, насколько это было возможно, осуществлять его административнымъ путемъ.

Потомъ онъ привелъ въ порядокъ финансы, поднялъ горную промышленность и началъ получать значительные и регулярные государственные доходы. Наконецъ, онъ заботился объ увеличеніи торговли, покровительствовалъ городамъ, устраивалъ водныя пути сообщенія, заключалъ торговые договоры и тому подобное.

Такая политика преслѣдованія комерческихъ интересовъ должна была сама по себѣ увлечь его на путь международной политики. Въ томъ же направленіи вліяло и страстное стремленіе императора къ приобрѣтеніямъ. Не только на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, но и на западѣ до Рейна и даже въ Эльзасѣ онъ приобрѣталъ большіе лены для королевства; въ концѣ концовъ онъ могъ проѣхать до Нюрнберга, своего любимаго города, не выѣзжая изъ богемской области; онъ сдѣлалъ также попытку подчинить пражскому архіепископству епископства Регенсбургъ, Бамбергъ и Мейссенъ; кто знаетъ, не было ли у него намѣренія расширить свои владѣнія на западѣ до родовой земли его рода въ Эйфель и въ Арденнахъ?

Но все таки главная его забота была направлена на востокъ. Здѣсь послѣ пораженія Виттельсбаховъ у него былъ только одинъ соперникъ, австрійскій домъ. Карлъ примирился съ нимъ на основаніи заключеннаго 10 февраля 1364 года договора о наслѣдствѣ, по которому сохранившаяся вѣтвь одного изъ этихъ домовъ, люксембургскаго или габсбургскаго, должна была получить въ ленъ имперскія земли другого рода; на основаніи этого договора Габсбурги въ 15 вѣкѣ получили владѣнія прекратившагося люксембургскаго дома.

Карлъ обращалъ вниманіе и на сѣверъ. Онъ стремился къ приобрѣтенію Бранденбурга. При его приобрѣтеніи являлась возможность проникнуть до Балтійскаго моря, господствовать надъ судоходствомъ

по Эльбѣ и такимъ образомъ завладѣть и Сѣвернымъ моремъ. Карлъ понималъ, какое важное значеніе имѣетъ Марка для всей сѣверной Германіи. Потому онъ пользовался всякими средствами, чтобы завладѣть ей. Онъ добился отъ Виттельсбаховъ Людвигъ и Оттона обѣщанія наслѣдства Бранденбурга. Когда же послѣ смерти Людвигъ Оттонъ началъ раскаиваться въ заключеніи этого договора, и опираясь на союзъ съ Баваріей и Австріей, даже съ Венгріей, назначилъ своимъ наслѣдникомъ въ Бранденбургѣ герцога баварскаго Фридриха, то Карлъ рѣшился даже на войну; одиннадцать дней спустя послѣ пазначенія наслѣдникомъ Фридриха, 21 іюня 1371 года, онъ объявилъ войну. И дѣйствительно въ концѣ концовъ ему удалось, хотя цѣной значительныхъ денежныхъ пожертвованій, пріобрѣсти Марку; по договору въ Фюрстенвальде, 15 августа 1373 года, Оттонъ отрекся отъ своихъ правъ. Карлъ немедленно занялъ Бранденбургъ и, заботясь о внутреннемъ управленіи, онъ не упускалъ изъ виду и главной своей цѣли: расширять свои владѣнія за предѣлы вновь пріобрѣтенной имъ земли; посредствомъ очень ловкаго дипломатическаго вмѣшательства ему удалось уничтожить вліяніе датскаго короля Вальдемара на нѣмецкихъ князей, возстановить старыя ленныя права Бранденбурга на берегахъ Балтійскаго моря; а кромѣ этого онъ началъ въ Тангермюнде на Эльбѣ строить гавань, которая должна была господствовать надъ всей торговлей по этой рѣкѣ и великолѣпныя постройки которой сохранились до настоящаго времени. Карлу не удалось, однако, закончить начатое, онъ слишкомъ рано умеръ для этого.

Императоръ дѣлалъ пріобрѣтенія и на востокѣ. Благодаря своему браку съ племянницей герцога Болко Швейдницкаго онъ пріобрѣлъ послѣднія, не принадлежавшія еще Богеміи, части Силезіи и это пріобрѣтеніе прокладывало ему дорогу къ ненѣмецкому востоку, въ Польшу и Венгрію. Въ этихъ земляхъ съ 1370 года царствовалъ Людвигъ Великій, анжуйскій. Сначала онъ былъ соперникомъ Карла и противодѣйствовалъ ему въ Италіи, но потомъ въ силу той опасности, которая ему угрожала со стороны турокъ, все болѣе и болѣе долженъ былъ опираться на западъ. Карлу удалось въ 1373 году заключить съ нимъ договоръ, на основаніи котораго его второй сынъ Сигизмундъ, позднѣйшій императоръ, женился на наслѣдницѣ Венгріи Маріи и послѣ смерти Людвигъ долженъ было получить Польшу и Венгрію. Это было самымъ крупнымъ дѣломъ Карла—важнымъ и для всемірной исторіи; на основаніи этого договора люксембургскій домъ, а послѣ его прекращенія въ силу наслѣдственнаго договора 1364 года домъ габсбургскій, бралъ на себя обязанность защиты Европы отъ турокъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ подобный шагъ Карла ясно указывалъ, что его политика далеко выходила изъ предѣловъ подобныхъ же стре-

мленій прежнихъ нѣмецкихъ государей. Теперь дѣло шло не просто о пріобрѣтеніяхъ въ предѣлахъ нѣмецкаго королевства, какія дѣлали Габсбурги, Нассаускіе и Виттельсбахи и какими довольствовался и первый императоръ изъ люксембургскаго дома Генрихъ VII. Международное положеніе люксембургскаго дома, его союзы со всѣми иностранными государями, особенно съ Франціей, возбудили болѣе широкое честолюбіе уже въ Іоаннѣ, сынѣ Генрихѣ и отцѣ Карла; онъ пытался основать себѣ королевство въ Ломбарди, но благодаря его слабости эта попытка не удалась. Карлъ сдѣлалъ свою родовую политику политикой всемірной; для его цѣлей границы нѣмецкаго королевства не имѣли значенія, само это королевство являлось только составной частью въ его расчетахъ.

Но такъ какъ эта политика была основана только на связи пріобрѣтаемыхъ земель съ царствующимъ домомъ, она представляла извѣстную опасность, ибо подобное государство должно было быть слабымъ въ эпоху, когда еще были неизвѣстны государственнѣйшій характеръ монархической власти и право первородства въ наслѣдованіи престола. По смерти Карла его съ такимъ трудомъ пріобрѣтенному государству угрожало распаденіе и, дѣйствительно, впоследствии его первый сынъ Венцеславъ наслѣдовалъ Богемію и Силезію, вмѣстѣ съ правами на Люксембургъ, Сигизмундъ—Бранденбургъ, Іоаннъ—Гёрлицъ, а племянники Іустъ Прокопій и Собѣславъ—Моравію. Какимъ образомъ при подобныхъ условіяхъ сохранить единство цѣлаго? Такую задачу приходилось рѣшать Карлу Великому и его сыну пятьсотъ лѣтъ тому назадъ относительно имперіи франковъ. Карлъ VI пытался рѣшить ее по тому же методу, какъ и они. Венцеславъ долженъ былъ получить королевское достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ императорскій титулъ; такимъ образомъ онъ долженъ былъ стоять выше своихъ братьевъ и господствовать надъ всѣмъ наслѣдіемъ люксембурговъ по праву, такъ сказать, моральнаго первородства. Потому Карлъ изъ родовыхъ соображеній началъ усердно агитировать за выборъ своего сына нѣмецкимъ королемъ.

Венцеславъ родился 26 февраля 1361 года. Карлъ началъ вербовать приверженцевъ для его избранія, когда ему было только двѣнадцать лѣтъ. И дѣйствительно торопиться было необходимо, дѣло было труднымъ. Давно уже не избирали короля при жизни стараго короля и императора. А притомъ кандидатъ былъ еще такъ молодъ и общее мнѣніе въ то время было такое, что самый избирательный принципъ не позволяетъ, чтобы сынъ наслѣдовалъ отцу.

Тѣмъ не менѣе Карлъ добился своего. Онъ настроилъ города въ благопріятномъ для своей цѣли смыслѣ, онъ съумѣлъ посредствомъ денегъ и разныхъ уступокъ привлечь на свою сторону князей неизбирателей. Наконецъ, онъ привлекъ на свою сторону и курфюрстовъ, конечно посредствомъ раздачи имъ послѣднихъ значитель-

ныхъ имперскихъ имѣній. Венцеславъ въ концѣ концовъ былъ избранъ во Франкфуртѣ 10 іюня 1376 года; ему исполнилось тогда уже пятнадцать лѣтъ, стало быть онъ былъ уже совершеннолѣтнимъ. Выборъ былъ не блестящій, даже не добровольный, но однако единогласный. Вскорѣ, 6 іюля, послѣдовала коронація его въ Ахенѣ.

Карлъ зналъ, почему онъ такъ спѣшилъ. Курія протестовала; она ничего не хотѣла знать о томъ умолчаніи, которымъ въ Золотой Буллѣ былъ обойденъ вопросъ о мнимыхъ правахъ папы при выборахъ нѣмецкаго короля; она указывала на событія, происходившія при избраніи самого Карла; она потребовала, чтобы Карлъ и его сынъ лично явились въ Авиньонъ и просили у папы его согласія.

Карлъ противопоставилъ этимъ притязаніямъ свободное избраніе и коронованіе—права папы были обойдены. Но по своей благоразумной привычкѣ императоръ удовлетворилъ потомъ папу нѣкоторыми формальностями,—а въ 1378 году насталъ великій расколъ и оба папы, Климентъ VII въ Авиньонѣ и Урбанъ VI въ Римѣ, искали милости императора и отказались отъ дальнѣйшихъ протестовъ.

Такимъ образомъ Карлъ незадолго до своей смерти достигъ своей цѣли. Венцеславъ былъ формально и безъ всякаго протеста съ чьей либо стороны избранъ нѣмецкимъ королемъ и могъ безспорно наследовать отцу. По мнѣнію Карла это было, навѣрное, самымъ блестящимъ успѣхомъ его политики. Для достиженія этого успѣха были пожертвованы почти всѣ другія цѣли Карла въ королевствѣ, такъ что въ концѣ концовъ политика Карла имѣла въ виду исключительно интересы люксембургскаго дома. Но рядомъ съ достиженіемъ цѣлей Карла все болѣе разнузданно, дико и нерегулировано, но энергично и угрожая открытыми столкновеніями, вставали различные интересы князей, городовъ и дворянства.

II.

Развитіе политическаго противорѣчія между князьями и городами на основаніи различія въ ихъ экономическомъ и соціальномъ положеніи начинается по крайней мѣрѣ уже въ половинѣ 13 вѣка; уже въ имперскомъ законодательствѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ этого столѣтія оно получило извѣстное выраженіе. Но прошло цѣлыхъ четыре поколѣнія прежде, чѣмъ оно дошло до открытой, поведшей къ военнымъ дѣйствіямъ вражды.

Контрастъ между дворянствомъ и городами болѣе поздняго происхожденія. Въ 13 вѣкѣ, въ эпоху господства въ городахъ благородныхъ купеческихъ родовъ, его еще не было; эти роды признавали себя соціально связанными съ помѣстнымъ дворянствомъ, разнообразныя отношенія сватовства, дворянскаго бюргерства и приписного бюргерства еще долгое время поддерживали обычныя связи.

Соотвѣтственно такому положенію дѣлъ города, дворянство и даже князья при рѣшительныхъ событіяхъ имперской политики въ 13 вѣкѣ часто дѣйствовали сообща, такъ, напр., было въ Рейнскихъ союзахъ 1254 и 1273 годовъ и въ Роштокскомъ союзѣ 1283 года. Эти союзы, составляемые для высшихъ имперскихъ цѣлей, для восстановленія общаго мира или для проведенія единогласныхъ королевскихъ выборовъ, принимали обыкновенно обычную форму земскаго мира; центральная власть одобряла ихъ въ такой формѣ, или по крайней мѣрѣ терпѣла.

Положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи начало измѣняться во второмъ и третьемъ десятилѣтіяхъ 14 вѣка. Въ это время дворянство экономически и въ военномъ отношеніи отступаетъ на второй планъ; многіе изъ благородныхъ родовъ становятся подданными и чиновниками какого нибудь территоріальнаго князя. Остававшееся въ непосредственной зависимости отъ имперіи дворянство начинаетъ составлять особое сословіе, не имѣвшее съ бюргерами городовъ близкихъ отношеній. И это тѣмъ болѣе было неизбежнымъ, что въ это же время большіе города вступаютъ на путь развитія, дѣлавшій ихъ вообще чуждыми всѣмъ аристократическимъ интересамъ. Съ конца 13 вѣка въ большинствѣ такихъ городовъ господство благородныхъ родовъ падаетъ, въ Ульмѣ уже въ 1292 году, а въ Шпейерѣ въ 1304 году произошли цеховыя революціи; въ Аусбургѣ въ 1301 году избѣжали демократической тираніи только посредствомъ энергичной борьбы противъ сильнаго рода Штольцгиршей (Stolzhirsche). Слѣдующее десятилѣтіе представляетъ эпоху цеховыхъ движеній въ центральныхъ областяхъ королевства; въ сферѣ внѣшней политики городовъ это вело къ разрыву узъ, которыми раньше были связаны бюргеры съ дворянствомъ и къ болѣе рѣзкой оппозиціи противъ князей.

Нѣмецкіе короли до Людвига баварскаго относились къ этимъ событіямъ неодинаково, но вообще то они старались пользоваться тѣмъ временемъ, когда города въ силу внутреннихъ переворотовъ были менѣе способны къ внѣшней дѣятельности, для своихъ финансовыхъ цѣлей, сначала только посредствомъ обложенія городовъ налогами, а позже залогомъ насколько возможно болѣе возвышенныхъ имперскихъ налоговъ съ городовъ третьимъ лицамъ, главнымъ образомъ князьямъ. Понятно, что именно эта послѣдняя мѣра встрѣчала рѣшительное противодѣйствіе городовъ и что такія мѣры не могли установить добрыхъ отношеній между князьями и городами.

Такимъ образомъ съ каждымъ годомъ становилось болѣе несомнѣннымъ, что контрасты между крупными общественными группами будутъ увеличиваться и въ концѣ концовъ поведутъ къ столкновенію.

Измѣненіе, дѣйствовавшее нѣсколько сдерживающимъ образомъ, произошло во время борьбы императора Людвига съ куріей. Тогда

для всего королевства появилась еще разъ одна общая цѣль; государственно-правовая точка зрѣнія, изъ которой проистекали дѣйствія императора, его отношеніе къ ученіямъ Марсилія и Оккама сближало его съ цеховыми городами; въ 1339 году въ Донаувертѣ, въ 1340 году въ Линдау и Швабскомъ Галлѣ, Людвигъ лично вмѣшался въ пользу цеховыхъ движеній. Результатомъ такого поворота въ положеніи дѣлъ было послѣднее объединеніе князей, дворянства и городовъ, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ вопросахъ внутренней политики; оно повело къ земскому миру въ Ульмѣ 1331 года для Швабіи, а также къ рейнскому, швабскому и франконскому земскимъ мирамъ 1338 и 1340 годовъ и въ особенности къ эмансипаціи центральной власти отъ папской опеки въ рѣшеніяхъ въ Рензѣ и Франкфуртѣ.

Но съ концемъ борьбы противъ куріи уничтожалась и послѣдняя объединяющая цѣль, ради которой всѣ сословія еще разъ соединились подъ руководствомъ королевской власти. Въ то время, когда противъ императора Людвига выступилъ анти-король Карлъ IV, въ то время, когда руководство центральной власти временно совершенно прекратилось, въ Швабіи составилъ союзъ дворянства противъ городовъ и былъ уничтоженъ этими послѣдними.

Карлъ, избранный королемъ князьями и дворянствомъ противъ воли городовъ, пытался сначала идти по слѣдамъ императора Людвига, и дѣйствительно въ 1350 году онъ устроилъ швабскій земскій миръ, въ которомъ принимали одинаковое участіе города и дворянство. Потомъ въ Золотой Буллѣ онъ пытался удержать занятую имъ позицію, хотя и къ нѣкоторой невыгодѣ городовъ. Золотая Булла воспрещала отдѣльныя соглашенія, допущеніе которыхъ непременно повело бы къ борьбѣ соединенныхъ дворянъ, городовъ и князей; разрѣшались только союзы земскаго мира, бывшіе по самой своей сущности смѣшанными союзами разныхъ сословій для общихъ цѣлей. Король еще въ 1370 году сдѣлалъ попытку возобновленія швабскаго земскаго мира, а въ слѣдующіе годы основалъ вестфальскій и тюрингенскій земскіе миры.

Это были акты разумной имперской политики. Но для императора была гораздо важнѣе его родовая политика. Она то въ концѣ концовъ и повела къ началу давно уже грозившей Германіи общественной борьбы.

Въ 1370 году императору ради пріобрѣтенія Бранденбурга былъ необходимъ въ южной Германіи какой нибудь противовѣсъ противъ Виттельсбаховъ Баваріи и Пфальца, хотѣвшихъ оттѣснить его отъ Бранденбурга. Въ виду этого онъ содѣйствовалъ составленію въ Швабіи союза только однихъ городовъ, такимъ образомъ вопреки смысла рѣшеній Золотой Буллы онъ удовлетворялъ желаніямъ швабскихъ городовъ, которымъ въ началѣ своего царствованія онъ рѣзко и успѣшно противился. Этотъ союзъ привлеченіемъ къ нему не городскихъ

элементовъ долженъ былъ превратиться въ земскій миръ, но къ нему кромѣ городовъ присталъ только одинъ графъ Гельфенштейнъ. Вскорѣ составились чисто дворянскіе союзы: общество съ мечемъ, общество съ короной, а въ 1372 году большой союзъ дворянства въ Вейссенгорнѣ противъ всѣхъ, кромѣ императора, Виттельсбаховъ Баваріи и графа Вюртембергскаго. Немедленно же началась борьба; 7 апрѣля 1372 года города были разбиты при Альтгеймѣ къ сѣверу отъ Ульма.

Императоръ, которому въ то время были нужны деньги для покрытія суммъ, истраченныхъ имъ на приобрѣтеніе Бранденбурга, оригинальнымъ образомъ воспользовался финансовыми средствами городовъ, за которыхъ онъ до тѣхъ поръ заступался. Онъ повидимому сохранилъ свое высокое положеніе, какъ государь королевства; онъ воспретилъ соединенія и городовъ и дворянства. 27 мая 1373 года онъ снова провозгласилъ швабскій земскій миръ. Но главнымъ начальникомъ мирнаго союза онъ назначилъ графа Вюртембергскаго, бывшаго въ то время безспорнымъ вождемъ дворянства и воспользовался подчиненной ему организаціей союза земскаго мира для того, чтобы наложить на города значительные налоги въ пользу императорской кассы. При этомъ онъ даже употребилъ издавна ненавистное средство, залогъ имперскихъ городовъ, и кромѣ того заложилъ графу Вюртембергскому фогство нижней Швабіи, а герцогу Фридриху баварскому оба фогства верхней Швабіи, а обладаніе этими фогствами включало и значительную власть надъ имперскими городами Швабіи.

Такимъ образомъ императоръ вмѣсто того, чтобы остаться стоящимъ выше партій, воспользовался ихъ борьбой для своихъ цѣлей, эксплуатируя сначала города, а потомъ и дворянство; въ концѣ концовъ возбудивъ вражду между дворянствомъ и городами, онъ создалъ положеніе дѣлъ, благопріятное для князей; онъ въ то время хотѣлъ приобрѣсти ихъ расположеніе для избранія своего сына Венцеслава.

Наибольшее разочарованіе при этомъ потерпѣли города. Что теперь можетъ принести имъ избраніе Венцеслава? Несомнѣнно, новыя тяжести и, вѣроятно, новыя залого для уплаты избирательныхъ издержекъ; 4 іюля 1373 года, черезъ мѣсяць послѣ избранія Венцеслава, подъ руководствомъ Ульма Констанцъ, Уберлингенъ, Линдау, С. Галленъ, Рейтлингенъ, Роттвейнъ, Меммингенъ и другіе города составили союзъ противъ всякаго, который будетъ утѣснять ихъ оскорбленіями, грабежемъ и т. п. Карлъ очень скоро доказалъ имъ, что принятое ими рѣшеніе было необходимо. На первомъ же придворномъ собраніи (гофтагѣ) Венцеслава въ Нюренбергѣ онъ заложилъ Эбергарду Вюртембергскому въ награду за признаніе Венцеслава должности имперскихъ шультгейсстовъ Эслингена и Гмюнда и имперскій городъ Вейль.

Тогда Вейль съ нѣкоторыми другими имперскими городами присталъ къ союзу; союзъ отказался признать короля Венцеслава, если только

императоръ Карлъ не признаетъ законными существованіе союза и его цѣли.

Карлъ объявилъ подобное поведеніе городовъ государственной измѣной, двинулся съ войскомъ къ Ульму и послѣ нѣкотораго времени долженъ былъ отступить ничего не добившись. Ульмъ и союзъ послали ему насмѣшливый и надменный манифестъ. Карлъ, не особенно жаждавшій воинскихъ лавровъ, не желалъ больше заниматься дѣлами Швабіи. Онъ поручилъ баварскимъ герцогамъ и Эбергарду Вюртембергскому экзекуцію противъ союза, а лично удовольствовался дипломатическими мѣрами, чтобы поддержать нейтральными непринадлежащіе къ союзу имперскіе города нижней Германіи. Но въ то время, какъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, герцогъ баварскій Стефанъ устранился отъ борьбы, а Эбергардъ вюртембергскій былъ разбитъ городскими войсками при Рейтлингенѣ 14 мая 1377 года.

Карлу, если онъ не хотѣлъ воевать самъ лично, ничего не оставалось, какъ заключать съ городами миръ. Миръ и былъ заключенъ въ Ротенбургѣ на Тауберѣ—въ то время и франконскіе города уже примкнули къ союзу—въ маѣ 1377 года. Города добились признанія своего союза, на основаніи Золотой Буллы бывшаго, конечно, незаконнымъ и за это признали королемъ Венцеслава.

Несомнѣнно Карлъ не считалъ дѣло оконченнымъ. Болѣе, чѣмъ когда либо, онъ старался изолировать города и отвлечь отъ нихъ Франконію посредствомъ провозглашенія земскаго мира; потомъ онъ еще разъ послалъ въ битву вюртембергскаго графа, которому снова отдалъ въ залогъ нѣкоторые мелкіе города. Но тогда города соединились съ Габсбургами и тѣ послѣшили имъ на помощь; графъ Эбергардъ оказался въ трудномъ положеніи и ему ничего не оставалось, какъ просить помощи императора, а тотъ снова покинулъ его. Въ концѣ концовъ миръ заключенъ былъ въ Нюренбергѣ въ августѣ 1378 г. на счетъ Эбергарда, онъ подтвердилъ право городовъ на самопомощь, а стало быть призналъ и ихъ право составлять союзы; императоръ предоставилъ соціальнымъ и политическимъ силамъ Швабіи свободное развитіе; это было банкротство монархической власти въ ея руководящей роли по отношенію къ важнѣйшимъ соціальнымъ явленіямъ національной исторіи.

Вскорѣ послѣ этого, 29 ноября 1378 года, императоръ Карлъ скончался.

III.

Королю Венцеславу, избранному противъ воли, молодому, неопытному и вообще менѣе уважаемому, чѣмъ его мудрый отецъ, пришлось бороться съ планами князей, хотѣвшими создать новый порядокъ управ-

ленія государствомъ посредствомъ намѣстничества и даже низложить короля. Такое положеніе дѣлъ, не смотря на всѣ его симпатіи къ князьямъ, могло бы заставить его стать совершенно на сторону городовъ. Потому швабскіе города немедленно начали стараться сблизиться съ нимъ; на Франкфуртскомъ рейхстагѣ въ мартѣ 1379 года они предложили ему снова признать ихъ союзъ и за то обязывались бороться противъ всякаго анти-короля, который захотѣлъ бы его вытѣснить изъ королевства. Венцеславъ колебался принять такое соблазнительное предложеніе; въ концѣ концовъ старыя склонности, привлекавшіе его въ сторону князей, побѣдили. Единственнымъ результатомъ долго затянувшихся переговоровъ было то, что существующіе противорѣчія были яснѣе признаны всей страной и ея руководящими сословіями; раньше они проявлялись только въ Швабіи, а теперь по крайней мѣрѣ свѣдѣнія о нихъ проникли повсюду въ Германіи.

Это должно было побудить къ составленію союзовъ главнымъ образомъ дворянство, отдѣльные члены котораго не были способны ни къ какому сопротивленію; въ южной Германіи появились общества св. Вильгельма, Льва, Щита Георгія, въ Гессенѣ—Höfner, въ Вестфалии—Falkener, въ Веттерау—союзъ Рыкающаго Льва; всѣ эти союзы, къ которымъ пристали и князья, скоро распространились по всей южной Германіи до Альпъ. Это была мобилизація рыцарскаго дворянства тамъ, гдѣ оно имѣло еще какое либо значеніе.

Впечатлѣніе, произведенное на города этими событіями, было очень сильно. Союзъ швабскихъ городовъ первоначально былъ направленъ не столько противъ дворянства, сколько противъ императора; онъ былъ основанъ затѣмъ, чтобы противиться нарушеніямъ правъ городовъ со стороны Карла или Венцеслава. Было естественно поэтому, что къ союзу принадлежали только одни имперскіе города, которые только одни и подвергались опасности быть заложеными или отягощенными имперіей налогами. Наоборотъ, большіе епископскіе города, бывшіе не имперскими, а просто вольными городами, не подлежавшими залогу или обложенію: Аусбургъ, Базель, Страсбургъ, Вормсъ, Шпейеръ, Майнцъ, а также и другіе имперскіе города, до сихъ поръ стояли въ сторонѣ отъ союза. Правда, еще при жизни Карла противорѣчія между сословіями зашли уже такъ далеко, что появилось сознаніе, что Швабскій союзъ борется не только за свободу отъ налоговъ со стороны короля, но еще болѣе за свободу городовъ вообще. Но вполне уяснилось это только теперь. Въ виду угрожающаго положенія дворянства, отъ незаконныхъ требованій котораго таможенныхъ и заставныхъ пошлинъ, а также отъ грабительскихъ поплзновеній, страдала одинаково торговля всѣхъ городовъ, интересы городовъ были одинаковыми; тутъ не имѣло никакого значенія различное отношеніе городовъ къ королевству. Потому теперь

была необходима общая дѣятельность всѣхъ большихъ городовъ; воинственное настроеніе бюргеровъ, до сихъ поръ ограничивавшееся предѣлами Швабіи, распространилось во всѣхъ торговыхъ областяхъ центра Германіи.

Въ Эльзасѣ всѣ большіе города «священной имперіи» соединились «ради будущихъ опасностей» 14 августа 1379 года; вскорѣ появилась идея создать одинъ большой рейнскій союзъ, послѣ того какъ тщетно осаждали короля жалобами на рыцарскія общества; 20 марта 1381 года города Эльзаса и Веттерау, а также четыре вольные города: Майнцъ, Вормсъ, Шпейеръ и Страсбургъ составили союзъ, который не смотря на то, что онъ имѣлъ форму союза земскаго мира и допускалъ участіе князей и господъ, былъ въ сущности направленъ противъ рыцарей: это доказывалось уже тѣмъ, что вскорѣ вошли въ переговоры о коалиціи съ Швабскимъ союзомъ. Эти переговоры 17 іюня 1381 года привели къ цѣли; оба союза, оставаясь самостоятельными, обязались взаимно помогать другъ другу.

Такимъ образомъ объединенные города являлись крупной силой; ихъ союзы были готовы къ бою. Кто осмѣлится напасть на нихъ?

Дворянство немедленно же приняло вызовъ; рейнскіе курфюрсты заключили 23 іюня 1381 г. союзъ «противъ нѣкоторыхъ обществъ, городовъ и иныхъ людей» и воспретили своимъ подданнымъ вступать въ эти общества; король Венцеславъ пытался выступить въ качествѣ посредника.

Этотъ шагъ Венцеслава былъ очень важенъ. Онъ на рейхстагѣ во Франкфуртѣ въ сентябрѣ 1381 года предложилъ проэктъ земскаго мира, въ которомъ впервые выражалась систематически выработанная идея областного и частію федеративнаго раздѣленія королевства ради мирныхъ цѣлей; въ ту минуту, когда нѣмецкому королевству грозило распаденіе, общее совѣщаніе всѣхъ сословій должно было впервые обсудить основы будущаго конституціоннаго строя. Предложеніе не имѣло успѣха, оно было составлено въ интересахъ князей и внушено королю князьями; города отклонили проэктъ, хотя не могли провести своего контръ-проэкта. Такимъ образомъ противорѣчія могли развиваться безпрепятственно и они скоро привели къ военнымъ дѣйствіямъ.

Сначала дѣло шло о рыцарскихъ союзахъ и о городахъ. Осенью 1381 года между ними началась борьба. На Рейнѣ военное счастье было на сторонѣ городовъ; нѣкоторые изъ бурговъ были разрушены и уstraшенное дворянство присмирѣло. Еще удачнѣе шли дѣла городовъ въ Швабіи. Но въ рѣшительную минуту, когда можно было ожидать полнаго подчиненія дворянства, въ дѣло вмѣшался герцогъ австрійскій Леопольдъ, самый смѣлый изъ князей южной Германіи; вначалѣ изъ собственнаго побужденія, а потомъ въ качествѣ уполномоченнаго короля Венцеслава, онъ принудилъ города къ перемирію, а

потомъ въ Эгингенѣ къ покаянію въ формѣ земскаго мира; и это лишило города всѣхъ плодовъ одержанныхъ ими побѣдъ.

Случилось то, что можно было предвидѣть: въ рѣшительную минуту дворянство нашло сочувствіе у князей, за которымъ стояло до нѣкоторой степени и сочувствіе короля; демократическія власти городовъ, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ дворянской аристократіей, наткнулись въ концѣ концовъ на аристократическую власть князей и только отношеніе монархической власти къ такому, теперь упрощенному противорѣчію между аристократіей и демократіей было не вполне свободно отъ колебаній. Въ то время, какъ обѣ партіи, города и князья, снаряжались для будущей борьбы, королевская власть, сама по себѣ почти безсильная, но имѣвшая теперь возможность сдѣлаться регуляторомъ борьбы, могла бы получить нѣкоторое, и можетъ быть, временно даже большее, значеніе. Король Венцеславъ понималъ положеніе дѣлъ. Но какъ онъ имъ воспользовался?

Сначала онъ попытался еще разъ провести планъ земскаго мира въ родѣ предложеннаго имъ во Франкфуртѣ въ сентябрѣ 1381 года; это было односторонней поддержкой князей, на что города опять не согласились, и слѣдствіемъ всего проекта было только упроченіе организациі ихъ объединенія. Тѣмъ не менѣе Венцеславъ въ Нюренбергѣ въ мартѣ 1383 года еще разъ пытался провести неудачный планъ земскаго мира, теперь съ нѣкоторыми, хотя по большей части мнимыми, уступками городамъ. Для примиренія социальныхъ противорѣчій этотъ шагъ оказался столь же неудачнымъ, какъ и всѣ прежніе. Къ союзу присталъ только одинъ городъ Базель, да и то на короткое время; вообще же къ нему принадлежали одни князья и дворяне. Притомъ было сомнительно, что Венцеславъ сдѣлалъ эту послѣднюю попытку ради интересовъ королевства. Въ то время интересы его родовой политики заставляли его готовиться къ походу въ Римъ; для этого ему было необходимо прежде всего привлечь на свою сторону князей, потому то подъ видомъ плановъ общаго земскаго мира онъ хотѣлъ оказать имъ всяческую предупредительность. Правда, онъ не имѣлъ ожидаемаго имъ успѣха; не смотря на всѣ его усилія соединившіеся по Нюренбургскому земскому миру князья и господа смотрѣли на него, какъ на ненадежнаго человѣка; они рѣшили служить ему и впредь, но только по сю сторону Альпъ.

Король, видя, что всѣ его планы разрушены, началъ, наконецъ, быть серьезнымъ и честнымъ посредникомъ между городами и князьями. Да и пора было. Въ это время заканчивалось перемиріе, заключенное въ Эгингенѣ (Ehinger Sühne); въ Швабіи партіи стояли другъ противъ друга готовыми къ бою; вездѣ побѣжденные рыцари интриговали у князей, а въ городахъ дворяне-аббаты сѣяли недовольство и раздоры. Могла ли, однако, имѣть успѣхъ попытка посредничества, исходящаго отъ Венцеслава, эгоизмъ котораго такъ

очевидно проявился во всѣхъ до сихъ поръ веденныхъ переговорахъ? Князья тотчасъ же отпали отъ него, когда онъ нѣсколько сблизился съ городами; они снова начали подумывать о низложеніи, и только то обстоятельство, что города вскорѣ открыли ихъ планы королю, помѣшало имъ осуществить это намѣреніе. Такимъ образомъ король день отъ дня терялъ свое значеніе, онъ былъ безсиленъ среди борющихся сторонъ и единственное, чего ему удалось достигнуть, да и то въ значительной степени при помощи посредничества Пфальцграфа Рупрехта, состояло въ перемиріи, заключенномъ 26 іюля 1384 въ Гейдельбергѣ (такъ называемое Heidelbergger Stallung). Въ основаніи этого, составленнаго по образцу Эгингенскаго перемирія, очень плохо организованнаго земскаго мира князья и города должны были оставаться спокойными до 17 мая 1388 года; вмѣстѣ съ тѣмъ была сдѣлана попытка устранить нѣкоторые особенно спорные между князьями и городами вопросы, напр. вопросъ о приписныхъ бюргерахъ, посредствомъ конституціонныхъ опредѣленій. Но города, увѣренные въ своей будущей побѣдѣ, пріобрѣтавшіе себѣ все большее и большее количество приверженцевъ, приняли на себя только нравственные обязательства исполнять эти опредѣленія; они обязались, что по этому вопросу король не услышитъ ни отъ кого жалобы. Вообще же посредничество короля не имѣло никакого успѣха; все осталось невѣрнымъ и колеблющимся. Неудалось посредничество главнымъ образомъ потому, что король, по крайней мѣрѣ въ началѣ переговоровъ, позволилъ своей родовой политикѣ вліять на политику государственную. Какого же результата можно было и ожидать? Рѣшеніе давно назрѣвшихъ вопросовъ пришло оттуда, откуда его и не ожидали.

Евреи въ началѣ среднихъ вѣковъ были въ Германіи вполнѣ чужестранцами. Они не владѣли значительной поземельной собственностью, но играли большую роль въ торговлѣ. Ихъ положеніе ухудшилось въ то время, когда начала развиваться національная торговля и когда конкуренція нѣмецкихъ купцовъ разрушила ихъ прежнія торговые монополіи. Это произошло въ концѣ 11 вѣка; съ этого времени начинаются преслѣдованія евреевъ; въ Кельнѣ первое законодательное ограниченіе ихъ правъ относится къ 1150 году, въ 1180 году начинается особое отношеніе къ ихъ торговлѣ и вообще къ ихъ имуществу. Послѣ того, какъ евреи были устранены туземнымъ купечествомъ изъ сферы настоящаго торговаго обмѣна, они болѣе, чѣмъ когда либо и почти исключительно посвятили себя дѣлу кредита и закладамъ. Они получили, такъ сказать, законную привиллегію на ростовщичество; христіанамъ каноническое право воспрещало брать проценты и купцы, подчинявшіеся нѣмецкому праву, могли въ виду оригинальныхъ опредѣленій этого права по вопросу о кредитѣ заниматься кредитными операціями только съ очень большимъ рискомъ.

Потому бѣдный еврей начиналъ съ ручныхъ закладовъ, потомъ переходилъ къ кредиту подъ векселя и въ концѣ концовъ занимался кредитомъ подъ залогъ недвижимаго имущества. Такимъ путемъ при нѣкоторой бережливости и при чрезвычайно высокихъ процентахъ онъ легко дѣлался богачемъ.

Дѣйствительно, въ началѣ 14 вѣка повсемѣстно, въ городахъ и въ провинціяхъ, даже въ маленькихъ мѣстечкахъ и деревняхъ жили зажиточные евреи; нерѣдко они вели свои дѣла цѣлыми товариществами, главные члены которыхъ жили въ большихъ городахъ. Это было организованная эксплуатація всей страны.

Кое гдѣ територіальные князья, которые теперь въ дѣлѣ защиты евреевъ замѣнили императорскую власть, воспользовались этимъ положеніемъ, занимаясь время отъ времени основательнымъ грабежемъ евреевъ или привлекая ихъ къ финансовому управленію страны въ качествѣ кредиторовъ; такимъ образомъ они выжимали насыщенную соками народа губву въ свою пользу. Но такая система круто и ужасно измѣнилась въ срединѣ столѣтія. Эпоха «черной смерти» и бичующихся была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой избіенія евреевъ; съ ненавистными людьми поступали ужасно; ихъ деньги, по выраженію эльзасскаго хроникера, превратились въ убивающій ихъ ядъ.

Слѣдствіемъ этихъ гоненій было почти полное исчезновеніе евреевъ изъ деревень, всѣ оставшіеся въ живыхъ евреи скрылись за стѣнами большихъ городовъ, въ особенности имперскихъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ король еще имѣлъ право защиты евреевъ. Отсюда этотъ упорный народъ снова началъ эксплуатировать землю, черезъ двадцать лѣтъ положеніе населенія снова сдѣлалось невыносимымъ; даже такой спокойный человекъ, какъ Генрихъ Лангенштейнъ въ 1392 году признавалъ въ богатствѣ евреевъ вѣрнѣйшій признакъ близости пришествія антихриста.

Очень понятно, что при подобныхъ условіяхъ снова появилось желаніе произвести евреямъ новое кровопусканіе и такую задачу исполнить теперь должны были города, а вмѣстѣ съ ними и король.

Венцеславъ былъ не такимъ человекомъ, чтобы упустить подобный прекрасный поводъ для пріобрѣтенія денегъ, а къ тому же онъ съ 1383 г. очень нуждался въ нихъ для цѣлей своей родовой политики. Соответственно своимъ склонностямъ онъ обратился сначала къ князьямъ, они должны были дать ему десятую часть имущества евреевъ, жившихъ въ ихъ городахъ. Но они не обратили на него вниманія. Пришлось обратиться къ имперскимъ городамъ. Эти послѣдніе съ жадностью ухватились за предложеніе короля — это было лѣтомъ 1385 г., черезъ годъ послѣ Гейдельбергскаго умиротворенія — они такимъ путемъ привлекали его на свою сторону; 16 іюля 1385 г. въ Ульмѣ было рѣшено разграбить евреевъ въ богемскихъ земляхъ и въ области городскихъ союзовъ, въ особенности шваб-

скаго союза. И дѣствительно, такое разграбленіе было произведено въ Богеміи и въ сорока городахъ нѣмецкаго королевства. Въ Нюренбергѣ, о которомъ у насъ имѣются болѣе точныя свѣденія, городъ отнялъ у евреевъ долговыя акты и собралъ должныя имъ суммы—за послѣдній годъ капиталъ безъ процентовъ, а за прежніе годы три четверти капитала, включая сюда и проценты. По полученіи долговыхъ суммъ съ евреями велись переговоры, съ какой уступкой въ пользу города этотъ послѣдній возвратитъ каждому его часть въ собранной суммѣ.

Такимъ образомъ евреи были обобраны, при этомъ попользовались главнымъ образомъ города: одинъ только Нюренбергъ получилъ 80,000 гульденовъ, на нынѣшнія деньги около 2 милліоновъ марокъ, но и Венцеславъ получилъ отъ городовъ хорошенькій кушъ въ 40,000 гульденовъ.

Здѣсь не приходится обсуждать такое поведеніе съ нравственной точки зрѣнія, политическое же значеніе это событіе имѣло большое, такъ какъ король теперь сталъ на сторону городовъ; потому напряженное состояніе нѣмецкаго общества должно было теперь разрѣшиться военными дѣйствіями. Благодаря этому финансовому избіенію евреевъ средства городовъ для веденія будущей войны значительно возрасли. Побѣда ихъ казалась обезпеченной.

Борьба между князьями и городами началась прежде всего на югѣ, благодаря тѣмъ измѣненіямъ въ отношеніяхъ силъ, которыя произошли въ Швейцаріи.

Мы уже говорили о политикѣ Габсбурговъ по отношенію къ Швейцаріи; она стремилась къ завоеванію земель союза для того, чтобы возстановить связь австрійскихъ владѣній на швейцарской возвышенности, въ Шварцвальдѣ и на верхнемъ Рейнѣ, съ главными ихъ владѣніями въ восточныхъ Альпахъ и на Дунаѣ. Леопольдъ въ 1379 г. принудилъ своего старшаго брата Альбрехта III къ раздѣлу Габсбургскихъ земель, при этомъ онъ получилъ всѣ земли, кромѣ собственно Австріи, въ томъ числѣ Тироль и восточную Австрію; потому его больше всѣхъ интересовала борьба съ Швейцаріей. Швейцарцы очень хорошо понимали это положеніе, тѣмъ болѣе, что Леопольдъ искалъ пріобрѣтеній и въ другихъ мѣстахъ, онъ пытался пріобрѣсти Тревизо и купилъ графство Гогенбергъ.

Леопольдъ былъ также самымъ главнымъ противникомъ южно-нѣмецкихъ городовъ; именно онъ лишилъ швабскій союзъ плодовъ его побѣды надъ дворянствомъ.

При такомъ положеніи дѣлъ коалиція швабскаго и рейнскаго городскихъ союзовъ съ Швейцаріей составилаь, такъ сказать, сама собой; 21 февраля 1385 г. въ Констанцѣ былъ заключенъ договоръ, вскорѣ къ коалиціи присталъ городъ Мюльгаузенъ, тоже боявшійся

Австріи. По договору Швейцарцы и швабскіе города брали на себя обязанность взаимной помощи въ случаѣ войны.

Въ скоромъ времени Швейцарцамъ понадобилась помощь городовъ. Въ 1386 году герцогъ Леопольдъ съ блестящимъ войскомъ, состоявшимъ изъ князей и рыцарей, двинулся противъ Швейцаріи. Швейцарцы получили 165 письменныхъ объявленій войны, въ томъ числѣ отъ Бадена и Вюртемберга. Но результаты похода не соотвѣтствовали его началу и приготовленіямъ. Войско князей и дворянъ было почти совершенно уничтожено швейцарскими крестьянами при Земпахъ 9 іюля 1386 года, его вождь Леопольдъ палъ на полѣ битвы и потомъ въ концѣ войны Швейцарцы побѣдили при Нёфельсѣ 9 апрѣля 1388 года. Въ слѣдующемъ году былъ заключенъ миръ и Швейцарія получила полное признаніе своей самостоятельности отъ Габсбурговъ; попытка аристократическихъ властей юга подчинить себѣ крестьянскую и городскую демократію Альпъ не удалась. Но въ центрѣ Германіи положеніе дѣлъ сложилось совершенно иначе.

Во первыхъ швабскіе города не пришли на помощь Швейцаріи. Они были частью устрашены угрозами и притязаніями Леопольда и соединившихся съ нимъ князей, а частью ихъ войска, состоявшія по большей части изъ членовъ цеховъ, были непригодны для дальнихъ походовъ, они годились въ дѣло только вблизи родного города и притомъ во время крайней нужды, и наконецъ дипломатія городовъ была неспособна вести настоящую политику, свободную отъ узкихъ эгоистическихъ расчетовъ.

Такія условія, не смотря на все финансовое могущество городовъ, не обѣщали ничего добраго для исхода борьбы даже въ Швабіи, Франконіи и на Рейнѣ. Даже переходъ короля Венцеслава на сторону городовъ, открыто совершившійся весной 1387 года, не могъ уравновѣсить этаго превосходства князей надъ городами.

Борьба началась въ 1388 году незначительнымъ происшествіемъ. Герцоги Фридрихъ и Стефанъ баварскіе обманнымъ образомъ взяли въ плѣнъ въ Рейтенгаслахѣ архіепископа Пилигрима Зальцбургскаго, державшаго сторону городовъ. За это союзъ городовъ 17 января 1388 года объявилъ герцогамъ баварскимъ войну, вмѣстѣ съ этимъ въ борьбу вмѣшался и Венцеславъ. Это было сигналомъ къ общей, охватившей всю центральную Германію, войнѣ между князьями и городами. Вскорѣ же оказалось, что князья сильнѣе городовъ, не въ средствахъ, а по своей энергіи и опредѣленности цѣли. Города очень мало помогали другъ другу, ихъ нападенія на дворянскіе и княжескіе бургы часто не удавались, въ концѣ концовъ они потерпѣли чувствительное пораженіе 23 августа при Деффингенѣ и 6 ноябрю при Вормсѣ.

Таково было неожиданно быстрое окончаніе великой, столь долгогрозившей, борьбы. Быстрѣе, чѣмъ это можно было предполагать,

города подчинились горькой участи побѣжденныхъ. Это являлось и рѣшеніемъ вопроса: будетъ ли играть сколько нибудь значительную роль въ развитіи Германіи республиканскій принципъ. Вопросъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, хотя соперничество, а иногда и борьба между князьями и городами продолжались и въ 15 вѣкѣ, и даже въ первой его половинѣ были господствующимъ историческимъ явленіемъ.

Король Венцеславъ тотчасъ-же, какъ увидалъ, куда вѣтеръ дуетъ, покинулъ города и снова сдѣлалъ попытку занять положеніе выше партій. Но князья никогда не простили ему его вмѣшательства въ пользу городовъ.

Весной 1389 года Венцеславъ созвалъ Рейхстагъ въ Егеръ. Здѣсь были подведены итоги событіямъ 1388 года. Кромѣ множества отдѣльныхъ переговоровъ о возстановленіи мира между разными воюющими сторонами было возобновлено воспрещеніе приписнаго бюргерства и высказано общее положеніе, что всѣ союзы должны быть уничтожены; это было концемъ для могущества городовъ. Всѣ имперскія, теперь разъединенныя, сословія были объединены общимъ земскимъ миромъ съ довольно опредѣленнымъ федеративнымъ характеромъ. Королевство должно было быть раздѣлено на округа радицѣлей земскаго мира, о сохраненіи спокойствія должна была заботиться коллегія девяти, состоявшая изъ четырехъ представителей отъ князей, четырехъ представителей отъ городовъ подъ предсѣдательствомъ короля.

Понятно, что земскій миръ въ такой формѣ не былъ никогда осуществленъ; это было бы такимъ невыгоднымъ для монархической власти измѣненіемъ конституціи, которое казалось бы невозможнымъ въ самые худшіе годы царствованій Карла IV и Венцеслава. Только спустя много лѣтъ, при дальнѣйшемъ упадкѣ королевской власти развились зародыши истинно федеративной конституціи. Но многозначительно было то обстоятельство, что эти зародыши впервые появились на свѣтъ божій въ эпоху разнузданной, почти не регулируемой королевской властью борьбы руководящихъ общественныхъ силъ. Князья и города, свободные отъ вліянія сдерживавшей ихъ монархической власти, испробовали свои силы; но все же при взаимномъ соперничествѣ они совокупными силами стремились къ высшей власти, и поняли, что послѣ паденія королевской власти они не могутъ найти такую высшую власть иначе, какъ при посредствѣ федеративнаго объединенія. Въ этой борьбѣ уже виднѣлся идеалъ новаго государства, подъ руководствомъ котораго могутъ найти примиреніе и разрѣшеніе общественные контрасты.

Для такого государства королевская власть едва ли имѣла какое-либо значеніе. Да и была ли она настоящей дѣятельной силой въ государствахъ того времени?

IV.

Съ восшествіемъ на престолъ Венцеслава совпадаетъ начало великаго раскола церкви. 27 марта 1378 года въ Римѣ умеръ папа Григорій XI, ему по требованію римлянъ послѣ бурныхъ выборовъ наслѣдовалъ итальянецъ Урбанъ VI. Но его надменность, самовластіе и французскія вліянія скоро вызвали выборъ новаго папы, кардинала Роберта женевскаго, подъ именемъ Климента VII.

Карлъ IV не задолго до своей смерти воспользовался этими событіями для поддержанія интересовъ своего дома. Теперь являлся вопросъ, какъ поступитъ Венцеславъ.

Въ скоромъ времени оказалось, что для него и въ этомъ дѣлѣ, особенно важномъ для Германіи, какъ представительницы свѣтской всемірной власти, самое главное—интересы его родовой политики. Въ этомъ отношеніи имѣли особое значеніе слѣдующія обстоятельства:

Съ одной стороны Сигизмундъ, младшій братъ Венцеслава, былъ обрученъ съ Маріей, предполагаемой наслѣдницей Польши и Венгрии, дочерью короля Людвига Великаго. Потому люксембургскій домъ въ лицѣ Сигизмунда ожидалъ наслѣдства престола обоихъ королевствъ. Но былъ и другой претендентъ, Карлъ Дураццо. Онъ могъ также имѣть притязанія и на Неаполь. Люксембургскій домъ и Людвигъ тѣмъ болѣе старались направить его именно въ эту сторону, что королева неаполитанская Иоанна въ 1345 году казнила своего супруга, брата Людвига. Иоанна стояла за папу Климента; этого было достаточно, чтобы Людвигъ и Венцеславъ приняли сторону Урбана.

Съ другой стороны вторая дочь Людвига, Гедвига, была обручена съ Вильгельмомъ, сыномъ герцога австрійскаго Леопольда. Не могъ ли Вильгельмъ сдѣлаться соперникомъ Сигизмунда? Потому необходимо было дать дѣло Габсбургамъ на западѣ, и Венцеславъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ихъ вмѣшательство въ борьбу между князьями и городами и дворянствомъ и въ этой борьбѣ герцогъ Леопольдъ дѣйствовалъ прямо по его порученію. А кромѣ того Леопольдъ стоялъ на сторонѣ Климента—такимъ образомъ для Венцеслава было невозможно рѣзко выступить противъ этого папы, такъ какъ это повредило бы его добрымъ отношеніямъ къ Леопольду.

Вообще Венцеславу приходилось лавировать между обоими папами. Но было ли такое отношеніе Венцеслава въ интересахъ государства? Вліяніе раскола въ Германіи было сначала гораздо болѣе вреднымъ, чѣмъ даже слѣдствія послѣднихъ двойныхъ королевскихъ выборовъ. Во многихъ городахъ начались раздоры, такъ какъ бюргеры стояли за одного папу, а духовенство за другого; во многихъ епископствахъ, особенно на границахъ королевства, дѣло дошло до раскола въ миниатюрѣ, до двойныхъ выборовъ епископовъ. Но постепенно поло-

женіе дѣлъ выяснилось въ пользу Урбана, который вообще сдѣлался папой германской націи, тогда какъ Климентъ нашель приверженцевъ въ романскихъ націяхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ гибеллинскихъ областей верхней Италиі и Португаліи—это было первымъ предвѣстникомъ распаденія всемірной церкви на церкви національныя. Въ нѣмецкомъ королевствѣ въ концѣ концовъ на сторонѣ Климента остался только Леопольдъ австрійскій и колебались, не зная, на чью сторону стать, земли на западной границѣ: Люксембургъ, Мецъ, Туль, Вердюнь и кромѣ того насквозь проѣденный расколомъ Майнцъ, главнѣйшее епископство королевства, первое курфюршество. При подобныхъ условіяхъ отношеніе всей нѣмецкой націи къ важнѣйшему въ то время вопросу міровой политики было рѣшающимъ, если-бы удалось привлечь и Майнцъ на сторону Урбана; мѣры въ этомъ смыслѣ были самой настоятельной потребностью.

Король Венцеславъ хорошо понималъ это; на своемъ первомъ рейхстагѣ въ Нюренбергѣ 27 февраля 1379 года онъ вмѣстѣ съ рейнскими курфюрстами объявилъ себя на сторонѣ Людвигъ мейссенскаго, майнцскаго архіепископа, приверженца папы Урбана. Это по праву исключало власть Адольфа, майнцскаго же архіепископа, приверженца Климента и такъ какъ Адольфъ фактически владѣлъ архіепископствомъ, то обязанность короля состояла въ фактическомъ изгнаніи его. Но Венцеславъ и не думалъ дѣлать этого, онъ удовольствовался платоническимъ заявленіемъ противъ него и отказался отъ всякой энергической дѣятельности противъ приверженцевъ Климента.

Тогда всѣ рейнскіе архіепископы 11 января 1380 года заключили союзъ въ Обервезелѣ, они снова признали папой Урбана и рѣшили при этомъ настоять на томъ, чтобы онъ былъ признанъ и всѣмъ королевствомъ, въ случаѣ надобности даже путемъ оружія; этотъ шагъ былъ открытымъ нападеніемъ на Адольфа майнцскаго — епископы помимо короля брали въ свои руки дѣла церковной политики государства. При этомъ они писали королю въ Прагу тономъ горькаго упрека, что онъ не питаетъ любви къ королевству, что онъ долженъ появиться на Рейнѣ до 4 марта 1380 года; они поручили своимъ посламъ требовать у короля федеративнаго управленія государствомъ курфюрстами, если король самъ не возьметъ немедленно же управленія въ свои руки.

Венцеславу пришлось отправиться на Рейнъ; 15 апрѣля 1380 года онъ держалъ во Франкфуртѣ рейхстагъ. Но значительное число городовъ, въ томъ числѣ и Майнцъ, не ожидая рѣшенія короля, объявили себя за Урбана; даже архіепископъ Адольфъ, прежде бывшій приверженцемъ Климента, сбѣжалъ перейти на сторону Урбана, если за нимъ останется архіепископство. Сообразно съ этимъ и устроили дѣла. Бывшій кандидатъ Венцеслава, Людвигъ мейссенскій, былъ пе-

реведенъ въ Магдебургъ, и въ январѣ 1381 года Адольфъ, теперь стоявшій за Урбана, сдѣлался законнымъ архіепископомъ Майнца.

Такимъ образомъ расколъ церкви пересталъ имѣть какое либо вліяніе на внутреннее развитіе Германіи. Но это совершилось не по волѣ короля и не его дѣятельностью. Въ дѣйствительности то дѣло было сдѣлано курфюрстами. И однако король далеко не былъ въ то время такъ занятъ вопросами своей родовой политики, какъ онъ былъ занятъ ими начиная съ 1382 года.

11 сентября 1382 года умеръ Людвигъ, король Венгріи и Польши; близилось рѣшеніе вопроса, наслѣдуетъ ли Сигизмундъ, братъ Венцеслава, въ качествѣ супруга Маріи, старшей дочери Людвига, престолъ Польши и Венгріи. Раньше это должно было случиться въ Венгріи и дѣйствительно вскорѣ послѣ смерти Людвига Марія была избрана «королемъ». Въ Польшѣ, напротивъ, возбудились нѣкоторыя сомнѣнія. Не будетъ ли Сигизмундъ жить преимущественно въ Венгріи? Да и чего ожидать отъ государя, который, будучи возможнымъ наслѣдникомъ престола, въ 1381 году отнялъ у Польши Неймаркъ и присоединилъ его къ курфюршеству Бранденбургъ?

По настоянію вдовы Людвига Елизаветы, дикой боснячки, которая ненавидѣла Сигизмунда лично, какъ нѣмца, поляки избрали въ 1383 г. Гедвигу, младшую дочь Людвига.

Такъ какъ Гедвига была обручена съ Вильгельмомъ австрійскимъ, то польскій престолъ долженъ былъ потомъ достаться Габсбургамъ. Это было тяжелымъ ударомъ для Люксембурговъ. Но ударъ былъ отвращенъ измѣненіемъ положенія дѣлъ въ Польшѣ. Къ Гедвигѣ, коронованной въ Краковѣ осенью 1384 года, сватался языческій литовскій князь Ягелло; онъ обѣщалъ обратиться въ христіанство и присоединить свое княжество къ Польшѣ, если его сватовство будетъ имѣть успѣхъ. Поляки не смотря на отвращеніе королевы къ своему будущему супругу приняли это предложеніе; 4 февраля 1386 года Ягелло сдѣлался польскимъ королемъ, а 18 февраля онъ женился на Гедвигѣ.

Это событіе было роковымъ для Германіи. Польша сдѣлалась великой восточной державой, она угрожала владѣніямъ нѣмецкаго ордена, задерживала нѣмецкую колонизацію и препятствовала дальнѣйшему развитію Ганзы. Положеніе дѣлъ измѣнилось надолго, оно было однимъ изъ самыхъ крупныхъ историческихъ фактовъ 15 вѣка. И въ этомъ виновны были Венцеславъ и Люксембурги, которые изъ зависти къ Габсбургскому дому не вмѣшались въ дѣла Польши.

Да и Венгрія была пріобрѣтена Люксембургами не безъ вреда для общихъ интересовъ нѣмецкаго королевства. Власть Маріи и Сигизмунда оказалась далеко не прочной. Появилось нѣсколько претендентовъ и въ числѣ ихъ Карлъ Дураццо; они временно выгнали Сигизмунда изъ Венгріи и Венцеславъ долженъ былъ помогать своему брату

военными силами, пока наконецъ въ 1386 году онъ не былъ окончательно признанъ королемъ. Деньги для этого похода Венцеславъ взялъ изъ суммъ, награбленныхъ у нѣмецкихъ евреевъ, что принудило короля снова стать на сторону городовъ въ великой борьбѣ ихъ съ князьями; такимъ образомъ его положеніе въ самыхъ важныхъ изъ нѣмецкихъ вопросовъ опредѣлялось въ сущности ненѣмецкими потребностями люксембургской родовой политяки. Да и занятое Венцеславомъ положеніе не было выгоднымъ для королевской власти. Король сталъ на сторону партіи, которая въ концѣ концовъ потерпѣла поражение, а поражение городовъ рѣшало и его судьбу.

Венцеславъ, которому никакъ нельзя отказать въ политической проицательности, самъ отлично понималъ это; послѣ первой же побѣды князей надъ городами при Дѣффингенѣ онъ началъ думать объ отреченіи; онъ хотѣлъ предупредить этимъ князей, у которыхъ неоднократно поднимался вопросъ о его низложеніи. Если на этотъ разъ его рѣшеніе не осуществилось, то потому только, что онъ при этомъ пытался предложить въ качествѣ своего наследника одного изъ Люксембурговъ и потому, что чрезъ нѣкоторое время при заключеніи земскаго мира 1389 года онъ снова перешелъ въ лагерь князей. Во всякомъ случаѣ одно было совершенно очевиднымъ: его не боялись и не уважали, какъ короля, а только терпѣли.

И дѣйствительно, не говоря уже объ его нѣмецкой политикѣ, заслуживали ли уваженія его личность и его поведеніе въ Богеміи? Очень чувственный, но хорошо воспитанный и отъ природы общительный, сначала онъ пользовался симпатіями въ нѣмецкомъ королевствѣ. Но это было уже давно. Прежнія страсти: чрезмѣрная любовь въ охотѣ и постоянное пьянство разнуздались до невыносимости, склонность къ грубости и легкомыслію, всегда отличавшая короля, подъ вліяніемъ этихъ страстей сдѣлалась чрезмѣрной. Король въ любовныхъ интригахъ съ прачками, дѣвушками низкаго происхожденія и въ грубыхъ шуткахъ съ своей придворной челядью постепенно забывалъ о своемъ королевскомъ достоинствѣ, и только сохранялъ одно качество, общее ему съ многими членами его дома: бережливость, доводимую имъ до скупости. Такимъ образомъ въ его личности не было ничего привлекательнаго; нѣмцы сравнивали его поведеніе въ Богеміи съ поведеніемъ свиней въ хлѣву, да и чехамъ, дворянство которыхъ онъ грубо оскорблялъ, онъ тоже надобѣлъ.

Такимъ образомъ для Венцеслава вопросъ шелъ не только о коронѣ Германіи, а и о коронѣ Богеміи. И не одни только нѣмецкіе князья и чешское дворянство хотѣли отнять ихъ у него; его семейство тоже было противъ него, въ особенности его двоюродный братъ Юсть, грязный, скупой и коварный распутникъ. Юсть и чешскіе дворяне посадили его 9 мая 1394 года въ монастырь въ Бераунѣ

и хотѣли лишить его престола; нѣмецкіе князья были бы очень рады, еслибы имъ это удалось, только немногіе города въ Германіи жалѣли Венцеслава; но Венцеславъ 2 августа 1394 года освободился почти безъ всякой помощи, своими собственными силами, и въ свою очередь засадилъ Іоста въ Карлштейнъ.

Но этимъ Венцеславъ только отдалилъ свою судьбу въ нѣмецкомъ королевствѣ на нѣсколько лѣтъ. Едва онъ снова получилъ власть въ Богеміи, какъ въ Германіи, главнымъ образомъ у рейнскихъ курфюрстровъ, возродилась снова мысль объ его низложеніи. Венцеславъ пытался противодѣйствовать имъ, назначивъ 17 марта 1396 г. Сигизмунда королевскимъ намѣстникомъ; онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ удержать королевскую власть въ Германіи за своимъ родомъ. Напрасная попытка! Какая польза была передавать намѣстничество брату, занятому войной съ турками, когда онъ не могъ пользоваться своей властью? Князья посмотрѣли на это назначеніе, какъ на бессильный вызовъ и открыто выступили противъ Венцеслава; съ осени 1396 года въ ихъ средѣ не было больше сомнѣнія въ необходимости устраненія Венцеслава; между Майнцемъ и Пфальцемъ начались уже переговоры о кандидатурѣ пфальцграфа Рупрехта.

Венцеславъ противопоставилъ этимъ намѣреніямъ, откровенно сообщеннымъ его уполномоченнымъ на Майнцскомъ весеннемъ рейхстагѣ 1397 года, отчаянное средство. Онъ внезапно пріѣхалъ въ королевство и попытался по примѣру прежнихъ императоровъ вести политику земскаго мира. Такъ какъ это соотвѣтствовало желаніямъ городовъ, то онъ снова становится на путь политики, дружественной городомъ. Онъ помогъ городамъ Вюрцбургскаго епископства противъ угнетавшаго ихъ епископа и попытался привлечь имперскіе города, особенно западные, на сторону плановъ о земскомъ мирѣ, который долженъ былъ сохраняться въ теченіи необыкновенно долгаго, десятилѣтняго, срока.

Но онъ дѣйствовалъ неровно, нерѣшительно, внезапно мѣняя свои планы, и потому безуспѣшно. Князья, напротивъ, дѣйствовали противъ него систематически, шагъ за шагомъ. Когда Венцеславъ въ мартѣ 1398 года отправился по дѣламъ церковной политики во Францію, они поняли, что наступило ихъ время; собраніе 11 апрѣля 1399 года было началомъ событій, поведшихъ въ концѣ концовъ къ низложенію короля. Удалось объединить всѣхъ курфюрстровъ, не принадлежавшихъ къ люксембургскому дому, получить согласіе важнѣйшихъ изъ княжескихъ родовъ и устранить города, къ которымъ еще разъ обратился Венцеславъ, до такой степени, что они оставались бездѣтельными. На собраніяхъ 20 и 21 августа 1400 года въ Оберланштейнѣ совершилось низложеніе короля.

Читая статьи акта низложенія, мы едва ли уразумѣемъ основанія и значеніе этого событія. Мотивы по большей части слишкомъ общи

и неопредѣленны, а тамъ, гдѣ они изложены въ конкретной формѣ, совершенно неосновательны; короля упрекали въ преступленіяхъ частнаго характера, въ убійствѣ и т. п., но въ особенности въ пренебреженіи политическими дѣлами государства. И дѣйствительно было не легко ясно выразить, что именно вынудило князей къ низложенію короля. Конечно, каждый изъ курфюрстовъ, если бы они захотѣли высказаться откровенно, могъ бы указать на нарушеніе отдѣльныхъ интересовъ, на надежды на выгодное каждому лично будущее. Но могло ли все общество того времени понять, что основнымъ характеромъ всего управленія Венцеслава было систематическое подчиненіе интересовъ нѣмецкаго королевства интересамъ политики люксембургскаго дома и потому безсовѣстѣйшее забвеніе обязанностей нѣмецкаго короля? Мы не можемъ не произнести такого приговора; было полезнымъ и справедливымъ, чтобы поведеніе, которому не усомнились подражать многіе послѣдующіе нѣмецкіе короли, которымъ и въ нашемъ вѣкѣ Австрія отличалась относительно Германскаго союза, хотя разъ получило заслуженное наказаніе, хоть разъ повело къ низложенію. Мы при этомъ отнюдь не хотимъ оправдывать отдѣльныхъ, личныхъ мотивовъ князей. Съ точки зрѣнія государственнаго права низложеніе несомнѣнно было государственнымъ переворотомъ, и судьба впоследствии отомстила за это курфюрстамъ и королямъ.

У.

Немедленно же послѣ низложенія въ королевскомъ дворцѣ Рензе, построенномъ Карломъ IV съ такими радужными надеждами на блестящее будущее своего дома, былъ избранъ курфюрстръ пфальцскій Рупрехтъ.

Рупрехтъ былъ честнымъ человекомъ, превосходнымъ государемъ своего княжества, кроткимъ, справедливымъ, искренно благочестивымъ и склоннымъ къ наукамъ. Но его способности были недостаточны для крупныхъ задачъ; по мѣрѣ расширенія политическаго горизонта его взоръ ослабѣвалъ и затуманивался. Въ спокойное время его царствованіе было бы благословеннымъ. Но въ началѣ 15 вѣка оно было только смѣшнымъ и онъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ иностранцевъ и уличныхъ пѣвцовъ.

Рупрехту такъ и не удалось до самаго конца быть признаннымъ во всемъ королевствѣ. Многіе князья, особенно на востокѣ оставались на сторонѣ Венцеслава, какъ напр. герцогъ баварско-мюнхенскій Эрнстъ, герцогъ саксенъ-виттенберскій Рудольфъ III, Іостъ бранденбургскій и моравскій, а частію и герцоги австрійскіе; на западѣ, на нижнемъ Рейнѣ и на нижнемъ Маасѣ тоже не всѣ признавали новаго короля. Такъ что онъ, собственно говоря, былъ только королемъ

юго-запада; основаніемъ новой королевской власти сдѣлались теперь страны, которыя только въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій были аренной усиленной дѣятельности королевской власти. Да и въ этихъ странахъ признаніе Рупрехта совершилось очень медленно, а частію и совсѣмъ не состоялось; графство Вюртембергъ противилось Рупрехту все время его царствованіе, а изъ городовъ самые главные откладывали признаніе до 1401 года, а Мецъ даже до 1407 года.

Главнѣйшей задачей Рупрехта было какое либо соглашеніе съ Венцеславомъ. Онъ и приступилъ къ переговорамъ съ нимъ. Но когда Венцеславъ не согласился сразу на его предложенія, на первый планъ для Рупрехта выступилъ другой проектъ — блестящій призракъ похода въ Римъ. На немногочисленномъ рейхстагѣ, собранномъ имъ весной 1401 года въ Нюренбергѣ, и потомъ на рейхстагѣ въ Майнцѣ онъ сдѣлалъ сословіямъ соотвѣтственныя предложенія. Но что могли отвѣтить ему сословія? По поводу его выбора ему предлагали приобрести Миланъ, да и къ тому же имъ уже были недовольны; потому позволили ему отправиться, убѣдившись, что это предпріятіе будетъ стоить королевству не очень дорого.

Настроеніе въ Италиі было иное. Тамъ по старой памяти о могуществѣ, которымъ располагалъ когда-то Генрихъ VII и Людвигъ баварскій, еще продолжали вѣрить въ силы нѣмецкаго короля, и такъ какъ походъ былъ направленъ сначала противъ Висконти, гибеллинскаго государя Милана, то гвельфы Падуи и Флоренціи, а также и враждующая съ Миланомъ Венеція съ довѣріемъ смотрѣли на предпріятіе Рупрехта и даже нашелся одинъ поэтъ гвельфской партіи, воспѣвшій его въ подражаніе Данте въ напыщенныхъ стихахъ.

Рупрехтъ пошелъ въ Италию осенью 1401 года; такъ какъ Швейцарцы отказались пропустить его, то онъ перешелъ Бреннеръ. Войско его было очень немногочисленно, вопреки хвастливымъ сообщеніямъ хроникеровъ, рассказывающихъ о 32 тысячахъ конницы и пѣхоты; на основаніи документальныхъ данныхъ оно было едва ли больше тысячи человекъ. Тѣмъ не менѣе Рупрехтъ не терялъ мужества, онъ сразу двинулся на Миланъ. Даже когда его нѣсколько разъ побили при осадѣ Бресчии, онъ не могъ понять безнадежности своего предпріятія. Вмѣсто того, чтобы по добру, по здорову убраться въ Германію, онъ, сопровождаемый только четырьмястами всадниками и не обладая никакими средствами для военныхъ дѣйствій, отправился въ Падую, и оттуда въ Венецію. Онъ надѣялся на матеріальную поддержку республики также, какъ въ первое время своего похода онъ пользовался субсидіями отъ Флоренціи. Но Венеція не хотѣла повторить ошибки Флоренціи, она не дала королю ничего изъ своей государственной кассы; еще хуже было то, что и частные лица не хотѣли давать ему въ долгъ. Было извѣстно, что Рупрехтъ должникъ безнадежный, ему давали только подъ закладъ; пришлось за-

ложить серебро и корону—и въ концѣ концовъ, получивъ отъ республики подарокъ въ 4000 гульденовъ, вернуться домой подъ цѣлымъ градомъ насмѣшекъ.

Это было, вѣроятно, наиболее печальное и наиболее позорное изъ всѣхъ событій нашей исторіи; современники-нѣмцы, давно уже привыкшіе не особенно то надѣяться на подвиги своихъ королей, однако, краснѣли и король-фантазеръ тщетно искалъ у нихъ утѣшенія и состраданія.

Въ Германіи теперь, также какъ и въ послѣдніе годы 14 столѣтія, настало время безусловно свободнаго объединенія отдѣльныхъ городовъ. Никто не обращалъ вниманія на воспрещенія союзовъ Золотой Буллой иначе, какъ для цѣлей земнаго мира. Короля осмѣяли, когда онъ пытался поддержать это воспрещеніе хотя бы тѣмъ только, что рядомъ съ непозволенными закономъ союзами стремился ввести и общій земскій миръ; и когда онъ объявилъ слушникамъ королевскую опалу, никто не обращалъ на него вниманія.

При подобныхъ условіяхъ всякое объединяющее направленіе общественнаго движенія было невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ; князь боролся съ княземъ, одинъ городъ съ другимъ; распредѣленіе силъ на основаніи эгоистическихъ и временныхъ интересовъ сдѣлалось отличительной чертой, характерной для того времени.

Тогда Рупрехтъ попытался направлять политику сословій въ нѣкоторыхъ частяхъ королевства, но, конечно, это не послужило къ выгодѣ королевской власти. У Рупрехта было много долговъ—да и какимъ инымъ путемъ, какъ не при помощи займовъ, могъ онъ удовлетворять требованіямъ королевскаго достоинства при отсутствіи у него личнымъ и родовымъ богатымъ имѣній? При томъ онъ, какъ это ни кажется невѣроятнымъ, думалъ о новомъ походѣ въ Римъ. Потому онъ искалъ денегъ вездѣ, гдѣ могъ ихъ найти. У него появилась мысль о новомъ обложеніи и залогѣ имперскихъ городовъ. Этого было достаточно, чтобы города, какъ и раньше при Карлѣ IV и Венцеславѣ, начали думать о новомъ союзѣ городовъ. Съ другой стороны король Рупрехтъ разсорился съ майнскимъ курфюрстомъ Юганомъ, который больше всѣхъ поддерживалъ его избраніе. Поводомъ были разныя мелкія разногласія въ вопросахъ территоріальной политики; но для Юганна, одного изъ самыхъ презрѣнныхъ государей того времени, который не брезговалъ участіемъ въ шайкѣ разбойниковъ и грабителей и подчиненіемъ Франціи, этого было довольно, чтобы противиться Рупрехту во всѣхъ вопросахъ государственной политики. Всего удобнѣе для него было соединиться съ городами.

14 сентября 1405 года Юганнъ устроилъ Марбахскій союзъ, къ которому принадлежали, кромѣ его самого, Страсбургъ, швабскіе

имперскіе города, маркграфъ Баденскій и графъ Вюртембергскій; позже къ этому союзу примкнули благодаря стараніямъ Іоганна многіе князья и города юго-запада Германіи. Цѣлью союза была защита и нападеніе противъ всякаго, не исключая и короля, если онъ нарушитъ права и привиллегіи одного изъ членовъ государства.

Это было организованное возстаніе въ юго-западной Германіи, въ единственной области, гдѣ Рупрехтъ пользовался властью. Что было дѣлать королю? Онъ попытался уничтожить союзъ посредствомъ отдѣльныхъ переговоровъ съ его членами, попытка ему не удалась. Онъ старался примириться съ Іоганномъ, который на рейхстагахъ слѣдующихъ лѣтъ безпощадно натравливалъ на него союзъ—это повело только къ личному униженію короля предъ майнцскимъ архіепископомъ.

Общественное мнѣніе, насколько оно создавалось приличными и честными людьми, съ грустью вспоминало о счастливыхъ дняхъ короля Венцеслава. Насколько тогда дѣла шли лучше! Да и самъ Венцеславъ отнюдь не отрекся отъ мысли вернуть себѣ королевскую власть. Обладая теперь большой силой, благодаря удачнымъ соглашеніямъ съ богемскимъ дворянствомъ, онъ сидѣлъ въ своей Праги и ждалъ, когда наступитъ его время. Съ 1408 года онъ снова началъ пользоваться въ королевствѣ своими правами правителя, и именно въ сферѣ вліянія Рупрехта. Такъ напр. въ 1409 году онъ потребовалъ съ имперскихъ городовъ Швабіи и Веттерау имперскихъ налоговъ и назначилъ въ Тріентъ королевскаго помѣстника, въ 1410 году онъ назначилъ патріарха Аквилеи. Было очевидно, что для Рупрехта близится катастрофа. Но судьба пощадила его: онъ умеръ 13 мая 1410 года.

Послѣ смерти Рупрехта права Венцеслава для курфюрстовъ востока Германіи, государей Бранденбурга, Саксоніи и Богеміи, представлялись болѣе несомнѣнными, чѣмъ когда либо. Они не считали необходимыми новые выборы. Наоборотъ, четыре рейнскіе курфюрстра признавали тронъ вакантнымъ.

Но кого же выбрать королемъ? Настроеніе націи было очень похоже на то, которое было у ней къ концу междуцарствія. Королевство нуждалось въ государѣ, болѣе могущественнымъ, чѣмъ Рупрехтъ. Человѣкъ, не обладавшій ни личными достоинствами, ни значительнымъ родовымъ владѣніемъ, не былъ бы признанъ никѣмъ. Да и церковь также, какъ въ 1270 году, желала сильнаго нѣмецкаго короля. Со времени Пизанскаго собора было три папы; кто же иной, кромѣ защитника и опекуна церкви, кромѣ нѣмецкаго государя, получившаго императорскую корону, могъ возстановить единство церкви?

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній кандидатомъ на престолъ могъ быть только одинъ изъ членовъ люксембургскаго дома; только одинъ этотъ домъ обладалъ несомнѣннымъ могуществомъ. Такъ какъ

рейнскіе курфюрстры не хотѣли Венцеслава, то они могли избрать или его брата Сигизмунда Венгерскаго или Юста Бранденбургскаго.

Выборъ между ними былъ, не труденъ. Юстъ былъ человѣкъ безхарактерный, ему, повидимому, отъ природы было свойственно быть нечестнымъ, ему никто не довѣрялъ. Сигизмунда въ Германіи знали мало. Но его имя часто произносилось въ связи съ великими событіями и несмотря на то, что онъ не былъ еще старымъ человѣкомъ, онъ могъ уже считаться знаменитымъ. Въ качествѣ венгерскаго короля ему выпала задача защищать христіанство противъ турокъ, послѣ того какъ великосербское царство было уничтожено въ страшной битвѣ 17 іюня 1389 года. И дѣйствительно онъ сумѣлъ, хотя и на короткое время, возбудить въ Европѣ пылъ крестовыхъ походовъ; французы подъ предводительствомъ маршала Бусико (Boucicault), нѣмецкіе рыцари подъ начальствомъ гроссмейстера нѣмецкаго ордена, Фридриха Гогенцоллерна, пришли въ его землю, чтобы вмѣстѣ съ нимъ бороться съ язычниками. Все христіанское войско было уничтожено турками въ битвѣ при Никополѣ (28 сентября 1396 года) и самъ Сигизмундъ спасся отъ смерти или плѣна на венеціанской галерѣ, увезшей его въ Рагузу. Но такъ какъ побѣдители турки въ слѣдующіе годы направили свое оружіе противъ Греціи и Малой Азіи, а позже, послѣ смерти султана Баязета, страдали отъ внутренней неурядицы, то западная Европа на время и была избавлена отъ нихъ; и Сигизмунда европейскіе народы считали и въ 1410 году потерпѣвшимъ славное пораженіе спасителемъ отъ нашествія турокъ. Такая воинская и политическая слава должна была оказать ему не малыя услуги при избраніи его нѣмецкимъ королемъ.

Но существовало ли полное согласіе между самими рейнскими курфюрстрами, желавшими избранія Сигизмунда? Они продолжали принадлежать къ партіямъ, образовавшимся въ послѣдніе годы царствованія Рупрехта. Рупрехтъ, покинутый всѣми, въ концѣ концовъ искалъ помощи у Григорія XII; этого было достаточно, чтобы его главные противники Іоганнъ Майнцскій и Фридрихъ кельнскій пристали къ Александру V и его наслѣднику Іоанну XXIII, папамъ Пизанскаго собора. Оба они продолжали стоять за Іоанна, тогда какъ курфюршества Пфальцъ и Триръ были приверженцами Григорія XII. Могли-ли они при подобныхъ условіяхъ, въ виду того значенія, которое вообще имѣлъ церковный расколъ для всѣхъ важныхъ политическихъ вопросовъ того времени, дѣйствовать сообща въ дѣлѣ избранія Сигизмунда? Каждая изъ этихъ двухъ группъ курфюрстровъ старалась привлечь Сигизмунда на свою сторону и дипломатіи Сигизмунда почти уже удалось выработать общую для всѣхъ программу.

Но въ послѣднюю минуту вѣрными ему остались только Пфальцъ и Триръ, они и избрали его во Франкфуртѣ 20 сентября 1410 года. Напротивъ Майнцъ и Кельнъ не хотѣли больше знать Сигизмунда и

пришли къ очень оригинальному соглашенію съ восточными курфюрстрами: послѣ того, какъ Венцеславъ въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ отрекся отъ королевской власти, они 1 октября 1410 года избрали нѣмецкимъ королемъ Юста. Несомнѣнно, что этотъ выборъ былъ законнымъ; за Юста было пять голосовъ изъ семи, его имени нельзя вычеркнуть изъ ряда именъ нашихъ королей, хотя даже его избиратели сообщали королю Сигизмунду о сдѣланномъ имъ шагѣ въ выраженіяхъ извиненія. Къ счастью, Германія была избавлена отъ управленія Юста, 18 января 1411 года онъ умеръ.

Исходъ королевскаго кризиса былъ теперь несомнѣннымъ. Сигизмундъ былъ избранъ и тѣми курфюрстрами, которые до сихъ поръ противились его избранію; лѣтомъ 1411 года ему удалось войти въ соглашеніе съ Венцеславомъ, снова начавшимъ было пользоваться своей королевской властью.

Такимъ образомъ нѣмецкое королевство снова имѣло государя. Но Сигизмундъ пользовался своей королевской властью почти въ томъ же направленіи, какъ и Венцеславъ и Карлъ IV. Онъ даже не пріѣхалъ въ королевство; въ сущности говоря, королевская власть казалась уничтоженной. Только международные церковные вопросы, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ королевству, заставляли Сигизмунда энергично пользоваться его новымъ саномъ нѣмецкаго короля. Какъ во времена Людвига Баварскаго, такъ и теперь, послѣ цѣлаго столѣтія постепеннаго паденія центральной власти, монархическія основы нѣмецкаго королевства могли быть гальванизированы и приведены въ дѣйствіе только посредствомъ противопоставленія ихъ высшимъ церковнымъ интересамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Соборы. Вѣнскій конкордатъ 1448 года.

I.

Христіанство сдѣлало прочныя успѣхи въ средѣ нѣмецкаго народа только въ 12 и 13 вѣкахъ. Только съ этого времени церковь могла сдѣлаться истинно-народнымъ учрежденіемъ и утратить свои прежнія аристократическія свойства. Этому должно было соотвѣтствовать измѣненіе ея внѣшней оболочки, ея строя. Но такого измѣненія не произошло; церковный строй, связанный тѣсными узами съ центромъ христіанской власти въ Римѣ, не сдѣлался ни демократическимъ, ни національнымъ; космополитическіе ордена нищенствующихъ монаховъ 13 вѣка не могли перекинуть мостъ чрезъ пропасть, отдѣлявшую устарѣвшій, архаическій строй церкви отъ современныхъ религіозныхъ потребностей.

Слѣдствіемъ этого былъ упадокъ стараго церковнаго строя. Этотъ упадокъ прежде всего проявился въ сферѣ финансовой. До 13 вѣка церковь накопила громадныя, даримыя ей имущества; эти имущества состояли, главнымъ образомъ, изъ земель и на нихъ были устроены сотни связанныхъ съ старымъ церковнымъ строемъ учреждений, монастыри, аббатства, общины и братства. Всѣ эти учрежденія, сдѣлавшіяся далеко не такъ необходимыми при демократическомъ настроеніи вѣрующихъ, какъ прежде, при общемъ уменьшеніи и паденіи цѣнности натурально-хозяйственныхъ доходовъ обѣднѣли; къ утратѣ внутренняго значенія и правъ на существованіе присоединилось и внѣшнее раззореніе. Какъ имъ было спастись отъ этаго разоренія? Старые учрежденія искали новыхъ источниковъ дохода въ выставкѣ на показъ мощей, въ продажѣ отпущеній грѣховъ, при чемъ рассчитывалось на инстинкты толпы и на полученіе денегъ мелкими суммами; а если эти спекуляціи не удавались, то приступали къ соединенію

приходовъ. Когда такимъ образомъ въ первоначально вполнѣ товарищеское устройство церковныхъ общинъ проникли начала денежнаго хозяйства, въ общинахъ всегда, а часто и въ монастыряхъ, общинная жизнь была разрушена, доходы все болѣе и болѣе дѣлились между духовными лицами, занимавшими мѣста приходскихъ священниковъ, а при уменьшеніи доходовъ нѣсколько такихъ приходо́въ принадлежали одному лицу. Это представляло, такъ сказать, мобилизацію и равномерный раздѣлъ стараго достоянія церковныхъ общинъ; оно теперь распалось на приходы, пользование которыми, хотя бы они и принадлежали къ совершенно различнымъ учрежденіямъ, могло соединяться въ однѣхъ рукахъ. Такъ на примѣръ нѣкоторые каноники какого нибудь епископскаго епархіальнаго собора могли быть при этомъ и аббатами какихъ нибудь аббатствъ въ совершенно другой странѣ; такимъ образомъ въ однѣхъ рукахъ соединялись дюжины приходо́въ; въ позднѣйшее время, напр., Яковъ Абель, каноникъ св. Тѳомы въ Страсбургѣ, владѣлъ сотней приходо́въ и онъ выгодно торговалъ ими ¹⁾).

Естественно, что подобный порядокъ вещей болѣе или менѣе уничтожалъ первоначальную цѣль почти всѣхъ старыхъ религіозныхъ учрежденій и дѣлалъ владѣльцевъ приходо́въ придворными; въ сороковыхъ годахъ 15 вѣка о каноникахъ говорили: *si sind nun gots junkhern worden; si gant nur als die laien in weissen schuchen, in claidern von merdern* (они теперь сдѣлались божіими дворинами; какъ міряне одѣваются они въ бѣлыя и модныя одежды ²⁾).

Приходы разсматривались какъ имѣнія, которыя можно отдавать третьимъ лицамъ. Потому ихъ доходы попадали въ руки богатыхъ людей изъ духовнаго дворянства, а для общины вѣрующихъ исполняли службы наемные викаріи: *die hant nu das ewangeli nit kunden predigen, noch die Sacrament der kirchen ze trost und ze nutz dem glauben beschicken noch beordnen* (они ни умѣютъ ни проповѣдывать евангелія, ни исполнять церковныхъ таинствъ для утѣшенія и пользы вѣрующихъ ³⁾).

Слѣдствіемъ этого было то, что вѣрующіе забывали христіанское ученіе и что возникало множество сектъ, Вальденцы въ Швейцаріи и по Рейну, въ Швабіи и въ Тюрингіи, Винклеры отъ Страсбурга до верхняго Рейна и въ верхней Германіи, общины старшихъ (*Ge-meinden der Alten*) въ Штирії,—не говоря уже о многихъ другихъ. Церковь, правда, повидимому расправилась съ ними; онѣ должны были служить по своему Богу, сохраняя молчаніе и надѣясь на будущее; а если сектанты рѣшались говорить, они становились мучениками своей вѣры.

1) Röhrich—Geschichte der Reformation im Elsass.

2) Reform. Sigmund. изд. Бёма.

3) *ibid.*

Церковная аристократія, епископы, боролись со всякимъ проявленіемъ религіознаго разномыслія грубыми и чисто матеріальными орудіями. Епископы, находясь въ такой же денежной нуждѣ, какъ и подчиненное имъ низшее духовенство и церковныя общины, при томъ бывшіе территоріальными владѣльцами и склонными вести свою территоріальную политику огнемъ и мечемъ, привыкли добиваться чисто мірскихъ цѣлей посредствомъ церковнаго проклятія и отлученія отъ церкви; понятно, что они не задумывались примѣнять къ ерестикамъ мірскія наказанія. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, слова Эбергарда Виндека: *wo man poses horte oder krieg was, so hiess es: der bischof, der probst, der herrliche dechan, der pfaffe* (гдѣ слышны жалобы, гдѣ война, тамъ непременно епископъ, пробстъ, господинъ деканъ, попъ ¹⁾), — вполне примѣнимы къ нимъ и къ ихъ духовенству.

Понятно, что въ концѣ 14 вѣка всѣ, и вѣрующіе и не вѣрующіе, были одинаково согласны въ своихъ осужденіяхъ и обвиненіяхъ противъ церкви. Мнѣніе Рюисбрёка (Ruysbroek—1291—1381), что изъ ста священниковъ только одинъ хорошій человекъ, что для покупателей приходоу все духовнее пустяки, что епископы мало заботятся о служеніи церкви и что большее счастье, если среди нихъ найдешь благомыслящихъ людей— было очень скромнымъ и умѣреннымъ приговоромъ доброжелателя церкви. Во всей націи пробуждалась постепенно мрачная ненависть къ антирелигіозному поведенію духовнаго сословія; это настроеніе народа поддерживалось мятежными народными ораторами изъ духовнаго сословія; уже около 1437 года оно выразилось въ такихъ страшныхъ стихахъ графа Михеля Вертгейма ²⁾:

Ich hore manichen in der gemeinde claffen
 Uf der pfaffen übermut,
 die zit si hie, dass man sie sülle straffen:
 das ist die glut
 Von der ich dicht; got well uns friden schaffen!
 Der gemeine man ist worden inne
 der heimlichkeit der geistlichkeit,
 dass ir nit stellent wan uf zitlich gewinne;
 der messikeit
 ir achtent cleine und uf götlich gewinne.

(Я слышу, что многіе міряне жалуются на надмѣнность поповъ и говорятъ, что ихъ надо бы наказать; объ этой ярости я и пою: дай намъ, Господи, миръ!

Мірянинъ понялъ всю тайну духовенства, что оно заботится о мірскихъ выгодахъ, а на богослуженіе и на божье дѣло не обращаетъ вниманія).

Но что значилъ этотъ упадокъ нѣмецкой церкви по сравненію съ страшнымъ паденіемъ, до котораго дошелъ глава христіанства, папа!!

1) Aschbach, 4, 315.

2) ср. Liliencron, 1, 359.

Папство въ 11 вѣкѣ совершило, повидимому очень удачно, переходъ отъ отреченія отъ міра къ господству надъ нимъ; съ этихъ поръ идея о папской всемірной власти распространилась по всему міру. Даже въ послѣдующіе вѣка не вполне ясно понимали глубокій смыслъ легенды, рассказывающей, что когда императоръ Константинъ совершилъ свой мнимый даръ папѣ Сильвестру, ангелъ съ неба провозгласилъ: церковь отравлена. Уже св. Бернаръ смиренно жаловался, что у намѣстника Христа есть шталмейстеры и повара; но только въ теченіи 13 вѣка папа по своимъ привычкамъ и притязаніямъ превращается въ настоящую свѣтскую власть, становится даже всемогущей свѣтской силой.

Но имѣлись ли у папства соотвѣтственныя такому его положенію финансовыя средства? Въ концѣ 13 вѣка стародавніе доходы Римскаго престола почти совершенно изсякли, а между тѣмъ во времена Авиньонскаго плѣненія приходилось заботиться не только объ удовлетвореніи чрезмѣрныхъ претензій папства, но и о финансовыхъ нуждахъ французскаго королевства; отъ 1345 года до 1360 года французская корона заняла у куріи 3.517,000 гульденовъ ¹⁾.

Было необходимо привлечь къ взносамъ въ пользу куріи церковь и націи. Для этого существовало множество традиціонныхъ средствъ: деньги за посвященія, взносы за конфирмаціи, уплаты за освобожденія отъ исполненія обрядовъ, чрезвычайное обложеніе духовенства для опредѣленныхъ цѣлей и т. п. Всѣ эти средства получили дальнѣйшее развитіе, но доходовъ отъ нихъ было все таки недостаточно для куріи. Распаденіе стараго натурально хозяйственнаго церковнаго достоянія на отдѣльные, личные приходы, которые оставались, такъ сказать, на поверхности церковнаго финансового строя подобно отдѣльнымъ остаткамъ когда то прочнаго и единого ледянаго покрова и были вполне ненужны или служили цѣлямъ, давно уже устарѣвшимъ, давало возможность куріи обогатиться. Во время борьбы за инвеституру папы стремились главнымъ образомъ къ тому, чтобы снова воспользоваться для религіозныхъ и церковныхъ цѣлей тѣми финансовыми средствами, которыя все болѣе и болѣе переходили отъ церкви въ руки мірянъ; а теперь вопросъ былъ въ томъ, чтобы захватить въ пользу куріи все церковное достояніе — уже Иннокентій III утверждалъ, что принципиально все церковное достояніе принадлежитъ папѣ. И дѣйствительно, развѣ такое положеніе не было естественнымъ выводомъ въ сферѣ экономики изъ положенія о духовной верховной власти папы? А въ такую эпоху, когда образованіе отдѣльныхъ приходовъ было господствующимъ явленіемъ, это положеніе обозначало, что раздача приходовъ составляетъ право папы. Исходя изъ такого принципа папство уже

¹⁾ Faucou, въ *Bibliot. de l'ec. des Chartes*, 1879.

въ 13 вѣкѣ, но особенно въ 14-мъ, начало свой финансовый походъ. Только буллы Бонифація VIII, управлявшаго церковью девять лѣтъ, составляютъ одну толстую конторскую книгу, первый же папа въ Авиньонѣ въ теченіе шестнадцати лѣтъ довелъ число такихъ книгъ до 91, изъ которыхъ 21 книга относятся къ первому году его управленія¹⁾; и содержаніе буллъ касалось по большей части финансовыхъ дѣлъ куріи. Выработанная система присвоенія приходо-вовъ отъ ихъ владѣльцевъ для раздачи папскимъ чиновникамъ и фаворитамъ, процентные сборы при раздачѣ такихъ приходо-вовъ, соединеніе, инкорпорация и сложеніе приходо-вовъ ради ихъ увеличенія были великолѣпно разработаны чиновниками куріи; ловкія опредѣленія прикрывали симонію, лежавшую въ основѣ всѣхъ подобныхъ сдѣлокъ. Формальная наука о доказательствахъ для цѣлей такого финансоваго ограбленія церкви папствомъ развилась необыкновенно и съ особымъ усердіемъ и безстыдствомъ примѣнялась на практикѣ; уже въ 14 вѣкѣ въ Римѣ все было продажнымъ и слова Энея Сильвія: *Nihil est, quod absque pecunia Romana curia dedat; nam et ipsae manus impositiones et Spiritus sancti dona venduntur; nee peccatorum venia nisi nummis impenditur* (нѣтъ ничего такого, чего бы Римская курія не отдала за деньги; одни и тѣ же руки совершаютъ подлоги и продаютъ дары Духа Святаго; и этому не мѣшаетъ ни количество, ни сущность грѣховъ)²⁾—примѣнимы и къ періоду до Соборовъ.

Курія не остановилась на финансовомъ ограбленіи церкви; міряне тоже сдѣлались жертвами ея жадности къ деньгамъ. Если угнетеніе духовенства было ужаснымъ, то еще ужаснѣе и безстыднѣе было угнетеніе мірянъ. Тутъ мы видимъ уже не нарушеніе церковныхъ обѣтовъ, а прямое осмѣяніе религіозныхъ потребностей; къ чему иному могла повести продажа на деньги церковнаго разрѣшенія и церковныхъ привилегій и даже продажа прощенія грѣховъ? Внутренняя связь между ненасытнымъ стремленіемъ папъ ко всемірной власти и реформаціей Лютера, вытекавшей изъ душевныхъ религіозныхъ потребностей личности, очевидна. Но въ концѣ 14-го и въ началѣ 15-го вѣковъ финансовое эксплуатированіе мірянъ и связанное съ этимъ возмущеніе религіозныхъ людей противъ церкви только что начинались; пока только церковныя учрежденія выносили всю тяжесть папскихъ притязаній. И прежде всего церковь возстала противъ подобныхъ захватовъ куріи, она протестовала противъ положенія, будто церковь—это папа. И она совершила это въ періодъ Соборовъ 15 вѣка. Во всемъ этомъ движеніи дѣло шло не о вѣрѣ, а только о церкви, не о всѣхъ христіанахъ, а только о духовенствѣ; по самой своей сущности событія этого времени отличны отъ религіознаго движенія 16-го вѣка.

1) Wenck—Zeitschrift für Allgem. Gesch. 1.

2) 66 письмо къ Іоанну Перегаллу (Perregallus).

II.

Помимо общаго движенія, начавшагося въ церкви, папство 14 вѣка подвергалось нападеніямъ и съ другой стороны. Въ 1305 году началось «вавилонское плѣненіе» куріи; папы попали подъ власть французскихъ королей. Сначала это, повидимому, повело къ значительному увеличенію папской власти; національныя силы Франціи сдѣлались естественной основой для зданія папскихъ притязаній. Но противъ такого націонализированнаго папства возстало постоянно растущее національное сознаніе другихъ европейскихъ народовъ. Рѣшеніе въ этомъ вопросѣ зависѣло отъ германской націи, хотя бы только потому, что ея государи являлись носителями императорской короны. Германская же нація, въ лицѣ бюргеровъ, съ 1325 года была противъ папства; бюргеры въ 1338 году, не обращая вниманія на колебанія императора, примкнули къ враждебному папѣ союзу курфюрстровъ въ Рензе, и Золотая Булла 1356 года навсегда утвердила отношеніе этого союза курфюрстровъ по вопросу о папствѣ.

Въ это время папы должны были понять то неловкое положеніе, въ которое они стали благодаря своимъ отношеніямъ къ Франціи, они начали снова стремиться къ вѣчному городу, къ Риму. Въ Римѣ изъ дикой борьбы между гибеллинами Колонна и гвельфами Орсини въ 1347 году выросло управленіе Коло Ріензи. Два года существовала провозглашенная тираномъ римская республика, и наконецъ погибла отъ истощенія. Послѣдующее за ней анархическое состояніе было благопріятно для папъ; кардиналъ Альборноцъ въ 1353—1367 годахъ возстановилъ ихъ значеніе въ папскихъ владѣніяхъ. Потомъ Урбанъ V (1362—1370) отправился въ Римъ вопреки сопротивленію французскаго двора и кардиналовъ. Онъ надѣялся найти у императора Карла IV поддержку и постоянную защиту. Но это было заблужденіе; Карлъ возвратился изъ своего второго похода въ Италію, предпринятаго имъ будто бы ради выгодъ папы, въ Германію уже въ 1363 году, получивъ при этомъ много денегъ; въ Италиі же продолжалась неурядица и папѣ пришлось вернуться во Францію. Еще менѣе удачна была подобная же попытка его наслѣдника, Григорія XI (1370—1373). При слѣдующихъ папскихъ выборахъ кромѣ грозящей папству опасности націонализма и общаго упадка церкви проявились еще и недостатки того развитія учрежденій куріи, которое началось съ 13 вѣка.

Съ тѣхъ поръ, какъ папская власть сдѣлалась абсолютной, избраніе новаго папы было единственнымъ моментомъ, когда было возможно возрожденіе церкви. Потому значеніе избирательной корпораціи значительно увеличилось. Съ середины одиннадцатаго вѣка эта корпорація состояла только изъ кардиналовъ. Это было явленіемъ, аналогичнымъ

избранію императора коллегіей курфюрстовъ, и оно было не менѣе, а даже болѣе вреднымъ, чѣмъ это послѣднее. Коллегія кардиналовъ была подкупной, заговоры противъ царствующаго папы сдѣлались обычнымъ явленіемъ; а съ середины 14 вѣка кандидатамъ начали навязывать избирательныя капитуляціи. Кромѣ того съ 13 вѣка коллегія постоянно распадалась на двѣ діаметрально противоположныя партіи; въ 13 и 14 вѣка французскіе и итальянскіе кардиналы также враждовали другъ съ другомъ, какъ послѣ въ теченіи долгаго времени враждовали кардиналы французскаго и англійскаго направленій.

Коллегія кардиналовъ и ея партіи управляли папами по крайней мѣрѣ съ середины 14 вѣка, духовная всемірная власть также, какъ и свѣтская власть императоровъ, подвергалась опасности превратиться въ олигархію. ¹⁾ Это положеніе дѣлѣ особенно ясно выразилось въ событіяхъ 1378 года. Тогда римляне провели избраніе итальянскаго папы, Урбана VI (1378—1389). Но онъ не могъ справиться съ партіями кардинальской коллегіи; двѣнадцать кардиналовъ уѣхали въ Ананьи и избрали кардинала Роберта Женевскаго подъ именемъ Климента VII (1378—1394) и этотъ новый папа уѣхалъ во Францію. Къ итальянскому папѣ пристали Италія, Германія и Англія, а къ французскому — Франція, Испанія, Шотландія и Савоя; произошло неслыханное дотоѣ дѣло, Христова хламида была разодрана, начался расколъ. Онъ продолжался цѣлыхъ сорокъ лѣтъ.

Каждый изъ папъ окружилъ себя своей куріей, одинъ вмѣшивался въ сферу вліянія другого посредствомъ проклятій и интердиктовъ; началась формальная борьба интердиктами; за великимъ общимъ расколомъ послѣдовали тысячи мелкихъ, мѣстныхъ расколовъ. При этомъ каждый изъ папъ стремился получить столько же доходовъ, сколько получали прежніе папы при единствѣ церкви. Утонченная финансовая система періода до раскола выродилась въ систему грабежа и курія превратилась въ лавочку. Удивительно ли при этомъ, что церковная и религіозная жизнь мірянъ подверглась разложенію? Во многихъ мѣстностяхъ благодаря интердикту совсѣмъ не было богослуженія; выросли цѣлыя поколѣнія людей, совсѣмъ незнакомыхъ съ христіанскимъ культомъ и находившихъ его даже смѣшнымъ, когда онъ былъ снова введенъ.

Какимъ образомъ было возможно устранить это бѣдствіе? Всемірная церковь, имѣвшая двухъ представителей, была очевиднымъ противорѣчіемъ. Потому сначала хотѣли принудить обоихъ папъ отречься — таково было безуспѣшное желаніе университетовъ Праги, Парижа и Оксфорда. Потомъ появилась мысль лишить обоихъ папъ исполнительной власти. На парижскомъ національномъ соборѣ 1398 года эта мысль, повидимому, имѣла успѣхъ, но въ концѣ концовъ она была

---

¹⁾ ср. Wenck.

оставлена благодаря несогласію другъ съ другомъ отдѣльныхъ націй и благодаря также колебаніямъ французской партіи, сдѣлавшей это предложеніе. Наконецъ, было и третье предложеніе—подвергнуть обо ихъ папъ третейскому суду. Но какъ найти третейскаго судью? Кто могъ быть такимъ судьей? Слабый король Рупрехтъ, какъ будущій императоръ? Или впадавшій по временамъ въ безуміе Карлъ, король Франціи? Пришлось оставаться въ сферѣ чисто церковныхъ учрежденій.

Тогда появилось четвертое предложеніе: созвать всеобщій соборъ. Но къ этому плану приступили съ трепетомъ; было несомнѣнно, что онъ былъ революціоннымъ по отношенію къ строю церкви въ 14 вѣкѣ. При этомъ этотъ планъ можно было осуществить только при посредствѣ позже развившихся олигархическихъ церковныхъ учреждений. Коллегія кардиналовъ въ качествѣ избирательной корпораціи признавалась также и имѣющей право судить о папскихъ злоупотребленіяхъ, и такое признаніе было связано съ идеей о судѣ всей церкви смѣлымъ предположеніемъ, что коллегія кардиналовъ представляетъ собой идеальный избирательный комитетъ церкви. Впервые подобныя воззрѣнія были высказаны профессоромъ нѣмецкаго университета Генрихомъ Лангенштейномъ въ сочиненіи, написанномъ имъ въ 1381 году; въ началѣ 15 вѣка они были уже очень распространенными и Пизанскій соборъ былъ ихъ практическимъ осуществленіемъ.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ примиренію, сдѣланныхъ въ 1407 и 1408 годахъ, кардиналы обоихъ папъ созвали общее собраніе церкви въ Пизѣ; весной 1409 года тамъ кромѣ двойной кардинальской коллегіи собрались 4 патріарха, 200 епископовъ и ихъ представителей, 50 пріоровъ и генераловъ орденовъ, уполномоченные болѣе, чѣмъ отъ ста соборныхъ капитуловъ, и болѣе трехсотъ докторовъ и магистровъ римскаго и каноническаго права. Они старались доказать, что оба царствующіе папы еретики и потому подлежатъ низложенію, кардиналы согласились съ такимъ рѣшеніемъ и избрали новаго папу, Александра V.

Но прежніе папы не хотѣли отречься. Такимъ образомъ папъ было уже трое и настоящее было горше прежнаго.

Все таки Пизанскій Соборъ былъ выходомъ изъ затрудненій. Средневѣковая церковь явилась на этомъ соборѣ какъ нѣчто, фактически единое, коллегія кардиналовъ дѣйствовала въ качествѣ ея комитета и, наконецъ, рѣшили созвать новый соборъ на 1412 годъ. Папской системѣ 13 и 14 вѣковъ противопоставили епископальный строй церкви 3—8 вѣковъ и слѣдствіе этого строя—соборы. Церковь получила прочную точку опоры, и публицисты въ послѣдующіе годы не приминули сдѣлать изъ такого положенія дѣль неизбѣжные выводы.

Гораздо дальше такихъ выводовъ пошелъ Дитрихъ изъ Нима, одинъ изъ наиболѣе видныхъ патріотическихъ мыслителей того времени,

бывшій съ времянь Урбана V чиновникомъ куріи и скончавшійся въ Мاستрихтѣ въ 1418 году. Онъ соединилъ мысль о соборѣ съ идеями Марсилія Падуанскаго. Для него основой для будущаго собора были не одни духовныя лица, необходимо привлечь къ нему и мірянъ; онъ отвергалъ уже чисто іерархическія интересы. Руководясь такою точкой зрѣнія онъ придавалъ большее значеніе императору, этотъ послѣдній долженъ былъ созывать и защищать соборы и руководить ими. Такимъ образомъ возрождалась снова защита и опека императора надъ церковью, въ концѣ концовъ урѣзанная и почти уничтоженная папскою системою, появлялась идея новой епископальной церкви — и вмѣстѣ съ этимъ новый строй церкви получалъ прочное положеніе, такъ какъ былъ связанъ съ міромъ, съ житейскою дѣйствительностью.

Эта новая идея появилась какъ разъ въ то время, когда Сигизмундъ въ первый разъ рѣшился вмѣшаться въ дѣла церкви и Германіи. Сигизмундъ усвоилъ себѣ эту идею, началъ дѣйствовать соображаясь съ ней и этимъ еще разъ оживилъ исчезнувшій блескъ императорской короны.

III.

Король Сигизмундъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ живымъ воплощеніемъ наиболѣе яркихъ особенностей и свойствъ люксембургскаго дома. Онъ могъ доходить до крайняго, необыкновеннаго даже въ 15 вѣкѣ, личнаго униженія: *quoscumque veniat, semper mendicat et alieno aere vivit, testibus Italis, Hispanisque ac Francia et Anglia*—писалъ о немъ французскому королю одинъ изъ выдающихся людей того времени ¹⁾. Онъ до старости былъ расточительнымъ, былъ непостояненъ въ своихъ рѣшеніяхъ и часто увлекался до легкомыслія минутнымъ настроеніемъ. Но въ рѣшительную минуту онъ умѣлъ и дѣйствовать и тогда у него не было недостатка въ сознаніи величія своего положенія; когда онъ былъ на тронѣ, онъ умѣлъ отдѣлываться отъ житейскихъ слабостей. Когда онъ владѣлъ собой, у него были всѣ свойства, необходимыя для настоящаго государя. Онъ зналъ людей, онъ обладалъ богатой и однако сдержанной фантазіей, онъ былъ краснорѣчивъ и мудръ до тѣхъ поръ, пока разсудокъ не покидалъ его и онъ не погружался въ омутъ легкомысленныхъ любовныхъ интригъ. Сигизмундъ не посѣщалъ нѣмецкаго королевства въ первые годы своего царствованія и не интересовался имъ. Въ качествѣ венгерскаго короля онъ былъ весь поглощенъ войной съ Венеціей, которая закончилась только въ апрѣлѣ 1413 года перемиріемъ. Послѣ этого король направилъ свои силы противъ Милана, потому что онъ

¹⁾ Johannes de Monsteriolo, Ep. 70 ad Carol VI Franciae regem, Coll. Mart. 2, 1446. Cp. Stieda—Hans. Geschichtsbl. 1887 г.

обѣщаль снова присоединить его къ имперіи; завоевать Миланъ ему не удалось, но другіе князья и города верхней Италіи подчинились ему и онъ назначилъ намѣстникомъ имперіи въ Италіи Теодора Монферрата. Въ особенности благопріятно въ это время было положеніе короля по отношенію къ папству. Король неаполитанскій Владиславъ въ то время стремился къ завоеванію всей Италіи; онъ уже угрожалъ Риму; Іоаннъ XIII, наслѣдникъ Пизанскаго папы Александра V, долженъ былъ бѣжать отъ него къ сѣверу и попалъ въ руки Сигизмунда.

Сигизмундъ ловко воспользовался моментомъ, тотчасъ же изъявивъ притязанія на старыя права нѣмецкаго короля защищать и опекать всемірную церковь. Въ интересахъ церковной реформы, а также и ради усмиренія Гусситскаго движенія въ его наслѣдственномъ королевствѣ Богеміи онъ вынудилъ у папы обѣщаніе лично появиться на новомъ соборѣ въ Констанцѣ и 13 октября 1413 года опубликовалъ отъ своего имени, какъ *Reh Romanorum semper Augustus*, приглашеніе на этотъ соборъ, даже раньше, чѣмъ папа съ своей стороны опубликовалъ подобное же приглашеніе.

Вопросъ былъ въ томъ, какъ осуществить на дѣлѣ такое формальное признаніе правъ нѣмецкаго короля. Весной 1414 года Сигизмундъ старался прежде всего обезпечить согласіе нѣмцевъ. Онъ самъ пріѣхалъ въ Германію, дружился съ городами, и старался завязать отношенія съ князьями. Но успѣхъ былъ незначительный; нація оставалась если не противной его планамъ, то апатичной и блестящее зрѣлище коронаціи въ Ахенѣ не могло вывести ее изъ этой апатіи. Тѣмъ болѣе было необходимо обезпечить участіе въ соборѣ Англіи и Франціи. По отношенію къ Англіи это было дѣломъ не труднымъ, потому что уже съ 1411 года Сигизмундъ въ противность обычной политикѣ Люксембурговъ вступилъ въ союзъ съ этой страной. Король Генрихъ V очень скоро отозвался на приглашеніе Сигизмунда и англійское посольство, отправленное на соборъ, присутствовало уже при коронаваніи въ Ахенѣ. Труднѣе было уговорить Французовъ, постоянныхъ противниковъ Англіи въ эту эпоху и бывшихъ притомъ до сихъ поръ привилегированными представителями реформаціоннаго церковнаго направленія. Но Сигизмундъ въ концѣ концовъ добился успѣха и тутъ; договоръ обезпечивалъ признаніе и участіе Франціи на соборѣ.

Такимъ образомъ къ концу 1414 года состоялся великій констанцскій соборъ; онъ былъ необыкновенно многолюднымъ; на немъ присутствовали болѣе или менѣе продолжительное время 33 кардинала, 5 патріарховъ, около 300 архіепископовъ, епископовъ и викаріевъ, больше 500 духовныхъ князей, 2000 представителей тридцати семи университетовъ, 39 герцоговъ, 32 князей и графовъ съ княжескими правами, 141 графовъ, около 1600 вольныхъ господъ

и рыцарей; а кромѣ того многія посольства и безчисленное количество бродягъ и шутовъ, уличныхъ артистовъ и дѣвокъ. Это было въ нѣкоторомъ родѣ макрокозмъ всѣхъ западноевропейскихъ народовъ и ихъ средневѣковой культуры; констанцскій городской писецъ Ульрихъ Рихенталь оставилъ намъ въ своей хроникѣ вѣрное и простодушное описаніе этого макромозма.

28 октября 1414 года въ Констанць прибылъ Цизанскій папа Іоаннъ XXIII, полный мрачныхъ предчувствій, 24 декабря пріѣхалъ и король Сигизмундъ. Іоаннъ старался захватить въ свои руки руководство совѣщаніями собора, когда мнѣнія собравшихся по вопросу о гусситской и другихъ незначительныхъ ересьяхъ, по вопросу о церковной реформѣ и объ устраненіи раскола начали дѣлиться. Одинъ изъ этихъ вопросовъ, вопросъ о расколѣ, папа Іоаннъ не могъ допустить до обсужденія, такъ какъ онъ считалъ себя единственнымъ законнымъ папой; онъ избѣгалъ также и вопроса о реформѣ церкви, какъ очень щекотливаго—такъ что оставался только вопросъ объ ересьяхъ. Онъ и пытался выдвинуть на первый планъ этотъ вопросъ.

Но отцы собора думали иначе. Они хотѣли начать съ реформы и такъ прижали папу, что тотъ 7 декабря 1414 года предложилъ проектъ о реформѣ куріи. При этомъ отцы собора пришли въ великое изумленіе. Въ проектѣ шла рѣчь и томъ, когда папа долженъ служить обѣдню, ѣсть и пить, даже о томъ, когда онъ долженъ совершать свои естественныя отправленія—а о настоящей реформѣ церкви ни слова. Уже это одно привело отцовъ въ негодованіе, но еще болѣе возмутило ихъ то, что папа при подачѣ ими голосовъ попытался считать вдвое голоса своихъ креатуръ.

Отцы собора отвѣтили на эти происки папы такимъ образомъ, что между ними неминуемо долженъ былъ произойти разрывъ. Они распространили права голосованія съ прелатовъ на членовъ ученаго сословія, почти цѣликомъ настроеннаго въ пользу реформы церкви и ввели вмѣсто личнаго голосованія голосованіе по націямъ: нѣмецкая, англійская, французская, итальянская и испанская націи получили каждая по одному голосу. Это уничтожало перевѣсъ итальянскихъ голосовъ и отдавало перевѣсъ склоннымъ на реформы нѣмцамъ, англичанамъ и французамъ, кромѣ того это противопоставляло всемірному папству все западное христіанство и его зарождавшіяся національныя церкви. Этого мало: соборъ немедленно же занялся вопросомъ объ устраненіи раскола и потребовалъ отреченія всѣхъ трехъ папъ. Григорій XII согласился, если и другіе папы тоже отрекутся; Бенедиктъ XIII вступилъ въ переговоры, и Іоанну XXIII, находившемуся въ Констанць, ничего не оставалось, кромѣ отреченія.

Это было уже большимъ успѣхомъ, ободренный этимъ соборъ смѣло приступилъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. 26 марта 1415 года онъ

рѣшилъ, что такъ какъ онъ созванъ правильно и законно, то онъ не можетъ быть распущенъ или отложенъ безъ его согласія до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведена реформа церкви; и 6 апрѣля 1415 года въ декретѣ *Haec Sancta Synodus* было объявлено, что ему передана власть непосредственно отъ Христа и потому соборъ выше папы. Этотъ смѣлый планъ имѣлъ успѣхъ. Этотъ новый принципъ скоро повелъ къ блестящимъ изслѣдованіямъ и проектамъ реформированнаго строя церкви, принадлежащимъ главнымъ образомъ французамъ; Герсонъ и Пьерръ Д'Алли одновременно написали тогда свои классическія работы *De potestate ecclesiastica*. Григорій XII отрекся теперь окончательно; Іоаннъ XXIII, взявшій назадъ свое отреченіе, былъ низложенъ и Сигизмунду пришлось вести переговоры только съ однимъ Бенедиктомъ XIII.

А въ это время соборъ, частью по желанію короля Сигизмунда, хотѣвшаго какъ можно скорѣе возстановить церковь въ Богеміи, приступилъ не къ церковной реформѣ, а къ суду надъ ересями, въ особенности надъ Гусситами. 6 апрѣля 1415 года для этой цѣли былъ назначенъ отдѣльный комитетъ, 4 мая былъ осужденъ Виклифъ, а 7 іюня былъ сожженъ Гусъ, какъ послѣдователь Виклифа. Это рѣшеніе вызвало въ Богеміи громадное раздраженіе, оно далеко не имѣло того успокоительнаго дѣйствія, котораго ожидалъ Сигизмундъ, самъ совершенно чуждый всякаго глубокаго религіознаго чувства. Соборъ перешелъ къ обсужденію мелкихъ ересей и уклоненій отъ догмы. Это было роковымъ для цѣлей собора шагомъ. Цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы разсуждали о пустякахъ, скоро забыли о всякой принципиальной точкѣ зрѣнія, раздражались и ссорились другъ съ другомъ. Въ 16 и 17 вѣкахъ къ такимъ послѣдствіямъ вело обсужденіе религіозныхъ вопросовъ, а въ новѣйшее время къ такимъ же послѣдствіямъ обыкновенно ведетъ парламентское обсужденіе основныхъ политическихъ правъ, и зло всегда тѣмъ больше, чѣмъ болѣе отсутствуетъ парламентская школа.

Сигизмундъ старался спасти все, что только можно, отъ такой летаргіи, въ которую былъ погруженъ соборъ. Онъ все болѣе и болѣе выдвигался на первый планъ, какъ защитникъ и опекунъ (фогтъ) всемірной церкви. Онъ успѣшно велъ переговоры съ приверженцами Бенедикта; соборъ 26 іюня 1517 года имѣлъ возможность низложить и послѣдняго папу, не подвергая этимъ опасности единство церкви. Онъ попытался далѣе поддержать согласіе между Франціей и Англіей по вопросу о соборѣ, не смотря на то, что въ это время Англія 28 іюня 1515 года объявила Франціи войну и побѣдила ее при Азинкурфъ. Для дальнѣйшей дѣятельности собора эта попытка была абсолютной необходимостью, но, конечно, она не удалась. Съ Франціей Сигизмундъ сначала велъ переговоры очень миролюбиво, въ Парижѣ его приняли очень любезно, но на дѣлѣ во всемъ отказали. Тогда онъ

сдѣлалъ попытку сойтись съ Англіей. Онъ заключилъ съ ней 15 августа 1416 года союзъ, имѣвшій цѣлью завоеваніе обоими государствами отнятыхъ у нихъ Франціей территорій; Францію надо было заставить подчиниться. Но простая угроза, какую представлялъ этотъ договоръ, была бесполезна. Даже вышло хуже: на соборѣ французы перешли на сторону другихъ двухъ романскихъ націй. Сигизмунду не оставалось ничего больше, какъ объявить Франціи войну (въ апрѣль 1417 года). Это было вѣрной политикой, если бы она была осуществлена. Но вскорѣ оказалось, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Нѣмецкое королевство далеко не было въ такомъ положеніи, чтобы за объявленіемъ войны послѣдовали и военныя дѣйствія; въ военномъ отношеніи оно было совершенно жалкимъ и безпомощнымъ; не одни только пораженія въ Гусситской войнѣ доказали впервые его безсиліе въ военномъ отношеніи. Естественно, что банкротство Германіи во внѣшней политикѣ повело за собой и банкротство ея вліянія на соборѣ. Могущественная опека нѣмецкаго короля надъ церковью была дѣломъ прошлаго, пережитаго; сила принадлежала теперь тремъ романскимъ націямъ, дѣйствовавшимъ единодушно. А эти націи хотѣли избранія папы раньше церковной реформы и ихъ воля была исполнена; уже было довольно и того, что онѣ 19 іюня 1417 года согласились съ германскими націями на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ раньше избранія новаго папы обсудить вопросъ о реформѣ главы церкви.

Но и это не было совершено. Отцы собора утомились, они стремились разъѣхаться по домамъ; казалось, что они хотятъ, чтобы выборы произошли безъ всякихъ дальнѣйшихъ условій и обязательствъ со стороны будущаго папы. Англичанамъ и нѣмцамъ приходилось считать большимъ счастьемъ даже то, что имъ удалось не допустить выбора французскаго кандидата, Пьерра Д'Аллы, и что былъ выбранъ 11 ноября 1417 года итальянецъ, относящійся враждебно къ французамъ, Мартинъ V.

Было очевидно, что Мартинъ при извѣстной дозѣ благоразумной политики будетъ имѣть возможность избѣжать всякой церковной реформы. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, нѣкоторыя мелкія подробности реформы были обсуждаемы и приняты до его избранія; онѣ были уже давно приготовлены и соборъ принялъ ихъ еще въ октябрѣ 1417 года. Эти подробности касались вопросовъ о папскихъ выборахъ, о борьбѣ съ будущими ересями, о періодичности соборовъ и, что важнѣе, о двухъ пунктахъ папской финансовой политики. Къ нимъ присоединилась и программа дальнѣйшихъ реформъ, исполнить которую долженъ былъ обязаться папа. Но отношеніе папы Мартина къ этой программѣ доказало скоро, что онъ вообще думаетъ о церковной реформѣ и о соборахъ.

Мартинъ въ январѣ 1418 года дѣйствительно приступилъ къ со-

вѣщанію о программѣ реформъ совокупно съ назначеннымъ соборомъ комитетомъ реформъ. Но въ этихъ совѣщаніяхъ оказалось именно то, чего и слѣдовало ожидать: каждая нація, освободясь теперь отъ авторитета всеобщаго собора, требовала отдѣльнаго обсуждения своихъ нуждъ и заявленій; дифференцированіе западныхъ народовъ по націямъ побѣдило міровыя воззрѣнія старой церкви. И на этотъ разъ курія имѣла возможность воспользоваться для своихъ цѣлей національными стремленіями. Она обѣщала рѣшить тѣ вопросы, по поводу которыхъ проявились различія въ мнѣніяхъ, посредствомъ особыхъ конкордатовъ съ отдѣльными націями. Съ такой постановкой вопроса всѣ были согласны—и самые важные пункты программы были признаны подлежащими рѣшенію путемъ конкордатовъ. Послѣ подобнаго сокращенія программы, она была принята 21 марта 1418 года—причемъ ее свели къ семи декретамъ о реформѣ—и такъ какъ одновременно съ этимъ были заключены конкордаты или переговоры о нихъ близились къ окончанію, то церковная реформа была объявлена совершенной и папа освобождался отъ дальнѣйшихъ совѣщаній.

Чего же въ концѣ концовъ добились? Кое чего, представлявшагося современникамъ значительнымъ, и ничего, что могло бы повести къ настоящей и глубокой реформѣ церковнаго строя. Да и конкордаты, кромѣ англійскаго, почти не были осуществлены. Французскій конкордаты былъ отвергнутъ парламентомъ, какъ неудовлетворительный, церкви запада вступили открыто на путь, который повелъ къ галликанству. Нѣмецкій конкордаты былъ заключенъ только на пять лѣтъ, т. е. на такое время, въ которое при существовавшихъ въ Германіи условіяхъ онъ и не могъ быть исполненъ; и дѣйствительно, въ Германіи едва приступили къ началу исполненія реформы, принятой констанцскимъ соборомъ.

Папа Мартинъ V 16 мая 1418 года съ большимъ блескомъ выѣхалъ изъ Констанца; не связанный болѣе узами собора, онъ хотѣлъ снова пріобрѣсти папству Римъ и старую власть намѣстника Христова. Въ 1420 года онъ прибылъ въ Римъ; соборное движеніе онъ считалъ незаконнымъ и старался подавить всякія новыя его проявленія.

IV.

Власть нѣмецкаго короля послѣ констанцскаго собора оказалась униженной и ослабленной. Избраніе двухъ королей въ 1198 году повліяло на положеніе куріи совсѣмъ иначе, чѣмъ повліяло теперь на положеніе королевской власти избраніе двухъ папъ. Избраніе Филиппа и Оттона повело къ величію Иннокентія III и къ упадку имперіи; теперь курія вышла побѣдительницей изъ тяжелаго испы-

танія послѣднихъ десятилѣтій. Это различіе въ судьбѣ папства и королевской власти основывалось на различіи тѣхъ силъ, которыми располагало первое въ 13 вѣкѣ, а королевская власть въ 15 вѣкѣ. Королевство отказалось помогать Сигизмунду въ достиженіи его цѣлей; королевское достоинство было теперь только титуломъ, имѣвшимъ нѣкоторое значеніе только въ соединеніи съ какой нибудь внѣшней силой.

Это понималъ уже Карлъ IV. Потому-то онъ и стремился преимущественно къ созданію государства люксембургскаго дома, которое охватывало бы всю восточную Германію отъ Балтійскаго моря до Дуная, а также Венгрію и Польшу—это былъ тотъ же идеалъ, какъ у короля Оттокара, только въ большемъ масштабѣ. Послѣ смерти Карла, идея его соотвѣтственно понятіямъ того времени о наслѣдованіи подверглась видоизмѣненію; наслѣдникомъ его было не одно лицо, которое завершило бы начатое; создалось нѣчто въ родѣ владычества цѣлой семьи при нравственномъ преобладаніи Венцеслава, старшаго сына, соединившаго нѣмецкую корону съ центральной землей рода, съ Богеміей.

Но Венцеславъ не осуществилъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагалъ на него Карлъ. Онъ упустилъ изъ виду Польшу, онъ утратилъ нѣмецкую корону и лишился симпатій Богеміи, даже въ своей семьѣ онъ далеко не обладалъ нравственнымъ авторитетомъ. Послѣ того, какъ онъ сдѣлался невозможнымъ, его замѣнилъ второй сынъ Карла Сигизмундъ. Но удалось ли ему осуществить идеи Карла? Это было условіемъ для удачной дѣятельности въ нѣмецкомъ королевствѣ, и вообще необходимымъ условіемъ для жизнеспособности нѣмецкой королевской власти.

Король Сигизмундъ имѣлъ только одну дочь, послѣднюю отрасль дома Люксембурговъ и въ своемъ королевствѣ, въ Венгріи, поступалъ не менѣе легкомысленно, чѣмъ его братъ въ Богеміи. До тѣхъ поръ, пока Венцеславъ еще управлялъ Богеміей, Бранденбургъ находился внѣ сферы вліянія Сигизмунда, потому онъ уступилъ его своему двоюродному брату Іосту моравскому. Когда Іостъ 18 января 1411 года умеръ, онъ искалъ новаго правителя для этой страны, сильно угнетаемой дворянствомъ. Родственниковъ у него не было—и онъ передалъ Бранденбургъ своему вѣрному слугѣ, бургграфу Фридриху Гогенцоллерну; онъ обѣщалъ ему 100,000 гульденовъ за его хлопоты при избраніи его, Сигизмунда, королемъ и при своей расточительности уплатить свой долгъ могъ только посредствомъ дарованія кредитору какой нибудь территоріи съ княжескими правами. За собой онъ удержалъ только званіе курфюрстра. Фридрихъ въ іюнѣ 1412 года вступилъ въ Бранденбургъ и началъ дѣйствовать очень энергично. послѣ двухлѣтней борьбы съ дворянствомъ онъ овладѣлъ страной и сдѣлался ея государемъ. Въ концѣ концовъ

30 апрѣля 1415 года Сигизмундъ за 400,000 гульденовъ еще разъ отдалъ ему въ залогъ всю марку, даровавъ ему и званіе курфюрстра. Потомъ 18 апрѣля 1417 года въ Констанцѣ послѣдовало торжественное одареніе его леномъ Бранденбургомъ, что было доказательствомъ, что Сигизмундъ не думаетъ больше о выкупѣ. Такимъ образомъ Люксембурги потеряли самую важную изъ своихъ земель въ сѣверной Германіи, а курфюрстръ Гогенцоллернъ послѣ смерти своего старшаго брата Іоанна въ 1420 году соединилъ съ владѣніемъ вновь пріобрѣтенной земли франконскія владѣнія Гогенцоллерновъ.

Въ двадцатыхъ годахъ произошло дальнѣйшее ослабленіе вліянія Люксембурговъ въ средней Германіи. Послѣ смерти курфюрстра Саксонскаго Альбрехта изъ Виттенбергской линіи дома Асканіевъ, Сигизмундъ 6 января 1423 года отдалъ курфюршество Саксенъ-Виттенбергъ маркграфу Мейссенскому Фридриху; такимъ образомъ кромѣ Гогенцоллерновъ курфюршеское достоинство получилъ и домъ Веттиновъ; совершенно утрачивалось представленіе о томъ, что Мейссенъ и другія земли средней Германіи могли бы сдѣлаться когда нибудь ленами богемской короны.

Дома Гогенцоллерновъ и Веттиновъ постепенно сдѣлались самыми могущественными изъ княжескихъ родовъ на сѣверо-востокѣ; сначала усилился домъ Веттиновъ. Его линія, обладавшая курфюршескимъ достоинствомъ послѣ смерти ландграфа Фридриха 4 мая 1440 г. получила Тюрингенъ, кромѣ того она имѣла притязанія и на Люксембургъ; одинъ изъ ея членовъ получилъ епископскую кафедру въ Вюрцбургѣ, эта линія готовилась уже пріобрѣсти Лаузицъ, который Сигизмундъ по своему легкомыслію съ 1429 г. отдалъ въ залогъ рыцарю Гансу Поленцъ, какъ ландфогту.

Такимъ образомъ уже въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ 15 вѣка владѣнія Люксембургскаго дома ограничивались только юго-востокомъ; кромѣ Венгріи у нихъ оставались только притязанія на Богемію и Моравію. Сигизмундъ, правда, усердно работалъ для увеличенія своихъ владѣній въ этомъ направленіи. Уже 11 сентября 1411 г. онъ обручилъ свою двухлѣтнюю дочку Елизавету съ юнымъ принцемъ, Габсбургомъ Альбрехтомъ. Альбрехтъ, внослѣдствіи нѣмецкій король, кромѣ отдѣльныхъ кусковъ Габсбургскихъ владѣній, владѣлъ и главной землей Габсбурговъ, Австріей.

Этотъ шагъ Сигизмунда былъ вполнѣ въ направленіи заключеннаго когда-то Карломъ IV договора о взаимномъ наслѣдованіи Габсбургскаго и Люксембургскаго домовъ, договора, котораго послѣ многихъ колебаній рѣшился держаться и Сигизмундъ; въ 1422 г. Альбрехтъ женился на Елизаветѣ и получилъ управленіе Моравіей. Этотъ бракъ фактически обезпечилъ существованіе великой юго-восточной державы, благодаря ему нѣмецкая корона перешла въ родъ Габсбурговъ. Сначала эти ожиданія казались не особенно надежными; еще при

жизни Сигизмунда произошли событія, поведшія къ отпаденію отъ Габсбургско-Люксембургскихъ владѣній Богеміи и Венгріи.

Въ Богеміи чешскіе элементы населенія начали Гуситское возстаніе. Это возстаніе было враждебно нѣмцамъ и притомъ чисто національнымъ, чешскимъ, потому мы можемъ ограничиться только краткимъ рассказомъ о нихъ.

Въ Богеміи уже издавна существовали еретическіе, мистическо-апокалипсическіе элементы, Валденцы, ломбардскіе «бѣдняки», Іоакимиты, они то и были главными дѣятелями гуситскаго движенія. Потомъ въ Богеміи царствовалъ если не религіозно, то церковнически настроенный Карлъ IV, онъ былъ очень щедръ на дары церкви ¹⁾; въ 1344 г. онъ сдѣлалъ Прагу архіепископствомъ. Первый пражскій архіепископъ, Арнимъ Пардубицъ строго управлялъ новой территоріальной церковью, и его наслѣдникъ Іоаннъ Окко изъ Влашима вѣрно слѣдовалъ его примѣру. Почва для церковной реформы была подготовлена. Къ концу 14 вѣка на этотъ путь церковной реформы вступилъ цѣлый рядъ энергическихъ проповѣдниковъ и національно настроенныхъ теологовъ, монахъ августинскаго ордена Конрадъ изъ австрійскаго монастыря Вальдгаузена, съ 1360 г. сдѣлавшійся приходскимъ священникомъ пражской церкви (Teupkirche), стараго храма нѣмецкихъ купцевъ, скоро сдѣлавшагося центромъ аскетическаго реформаціоннаго движенія; потомъ послѣдователь Конрада, Миличъ изъ Кремьзера, безстрашный проповѣдникъ, какъ на своемъ родномъ, моравскомъ, такъ и на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, назвавшій однажды публично Карла IV антихристомъ; далѣе ученый Адалъбертъ Ранкони Ерициню, первый изъ чешскихъ руководителей этаго движенія, полный національнаго фанатизма, наконецъ кроткій Тома изъ Ститны, Матвѣй изъ Янова, Іоаннъ изъ Іенценштейна и другіе.

Эта группа проповѣдниковъ закончила свою дѣятельность въ концѣ 14 вѣка.

Въ слѣдующіе годы выступило другое поколѣніе, болѣе радикальное, воспитавшееся на изученіи сочиненій англійскаго реформатора Виллифа и передѣлавшее его ученіе на славянскій ладъ. Главными его представителями были Іеронимъ Пражскій, Гуттенъ Богеміи, и въ особенности Іоаннъ изъ Гуссинеца, прозванный Гусомъ, бывшій съ 1398 г. доцентомъ Пражскаго университета, а съ 1402 г. ректоромъ и проповѣдникомъ въ Вифлеемской капеллѣ. Онъ усвоилъ теологическую систему Виллифа, съ которой его познакомилъ въ первыя годы наступавшаго столѣтія Іеронима: это была оппозиція противъ отпущенія грѣховъ и тайной исповѣди, противъ поклоненія мощамъ,

¹⁾ Также какъ и его современники; ср. *Libri erectionum archidioec. Pragensis* изд. Вогоу. Прага 1875; отъ 1358—1397 г. 653 построекъ монастырей и др. церковныхъ зданій.

иконамъ и святымъ, отрицаніе іерархическаго подчиненія и верховной власти папы, требованіе идеала христіанской бѣдности и душевной, внутренней религіозности, возвращеніе церкви, сдѣлавшейся юридическимъ учрежденіемъ, къ первоначальнымъ ея нравственнымъ основамъ.

Это ученіе, пропагандируемое посредствомъ вдохновенной проповѣди, скоро получило спеціально чешскую окраску, такъ какъ руководители движенія участвовали въ борьбѣ національностей въ Пражскомъ университетѣ. Изъ тѣхъ землячествъ, на которыя распадалось Пражское студенчество, баварскаго, саксонскаго, чешскаго и польскаго, послѣ основанія университета въ Краковѣ польское землячество почти исчезло и замѣнилось нѣмецкимъ. Слѣдствіемъ этаго было то, что нѣмцы превысили численно и по вліянію чеховъ въ ихъ родномъ университетѣ. Это вело къ постояннымъ столкновеніямъ и наконецъ, когда король Венцеславъ въ 1409 г. предоставилъ Чехамъ три голоса и оставилъ нѣмцамъ только одинъ, къ выселенію послѣднихъ въ Эрфуртъ и во вновь основанный Лейпцигскій университетъ. Чехи остались полновластными хозяевами своего университета; движеніе въ пользу церковной реформы, представителями котораго въ университетѣ давно были Чехи, сдѣлалось теперь національнымъ и всемогущимъ.

Въ началѣ даже король Венцеславъ не избѣгъ вліянія этаго движенія. Но въ 1412 г. онъ, никогда благодаря своей деспотической натурѣ не понимавшій ясно значенія и права реформатскихъ требованій, выступалъ противъ Гуса; Гусъ долженъ былъ бѣжать изъ Праги. Начались годы разъяренія новаго ученія; Гусъ, подобно Лютеру во время пребыванія въ Вартбургѣ, во время своего изгнанія написалъ множество сочиненій, его ученіе быстро распространилось въ народѣ. Венцеславъ не умѣлъ бороться съ нимъ, Сигизмундъ съ ужасомъ видѣлъ, что движеніе идетъ по опасному для него пути и съ жаромъ схватился за тотъ исходъ, который повидимому давали ему совѣщанія Констанцскаго собора объ ереси Виклифа. Гусъ былъ вызванъ въ Констанць и былъ сожженъ на кострѣ 7 іюля 1415 г., а чрезъ годъ послѣ этаго былъ сожженъ и Іеронимъ.

Эти событія отнюдь не послужили къ успокоенію Богеміи. Наоборотъ, религіозный фанатизмъ, уже давно все болѣе увеличивающійся, вспыхнулъ яркимъ пламенемъ и въ то время, какъ религіозное сознаніе было возмущено до крайности и сошло до умственнаго уровня народной массы, все болѣе и болѣе развивалась склонность къ церковному и религіозному радикализму.

Это радикальное религіозное движеніе вылилось въ общественныхъ беспорядкахъ, почва для которыхъ подготовлялась уже давно. Уже въ теченіи цѣлыхъ ста лѣтъ положеніе крестьянства во многихъ частяхъ Богеміи было очень тяжелымъ. Свободные крестьяне тамъ, гдѣ

они еще существовали, превратились въ крестьянъ по нѣмецкому наследственному чиншевому праву. Но въ теченіе второй половины 14 вѣка это благопріятное положеніе было снова отнято у нихъ приказами королей и рѣшеніями ландтаговъ, они сдѣлались крѣпостными. Крѣпостные же люди, составлявшіе въ то время, вѣроятно, большинство населенія, подвергались самымъ возмутельнымъ насиліямъ со стороны дворянства; уже Карлъ IV долженъ былъ воспретить чешскимъ дворянамъ землевладѣльцамъ выкалывать у крестьянъ глаза и лишать ихъ носа, руки или ноги. Съ какимъ восторгомъ должна была эта порабощенная нація принять евангеліе церковной свободы, которая представлялась нераздѣльной отъ тѣхъ общественныхъ улучшеній, которыми Виклифъ хотѣлъ исцѣлить недуги своей родины! Знаменемъ движенія сдѣлалась не только церковная, но и свѣтская свобода—требовали неограниченной свободы и общности обычаевъ и обязанностей. Коммунистическія стремленія переполняли сердца обездоленныхъ и движеніе остановилось только тогда, когда оно выродилось въ ужасныя ученія Адамитовъ.

Вообще подъ вліяніемъ описанныхъ отношеній образовались двѣ партіи: партія умѣренныхъ каликстинцевъ или утраквистовъ, которая требовала значительнаго отклоненія отъ католицизма только въ вопросѣ о причащеніи, и радикальная партія, которая отвергала всякій внѣшній культъ и всякую догматику, и послѣдователи которой собирались на горѣ Градиштѣ—партія таборитовъ.

Вѣроятно, обѣ партіи истощили бы все свои силы въ взаимной борьбѣ, если бы ихъ не соединила общая опасность, которой имъ угрожали папа и императоръ, опасность инквизиціи и преслѣдованій. Въ Прагѣ 30 іюня 1419 года вспыхнуло кровавое возстаніе, и за нимъ скоро, 14 августа того же года, послѣдовала смерть короля Венцеслава.

Послѣ непродолжительнаго управленія королевы-вдовы кормило правленія взялъ Сигизмундъ. Обстоятельства были не особенно неблагопріятными для него; умѣренная партія на пасхѣ 1418 года искала въ Брюннѣ его защиты. Но Сигизмундъ совершенно не понималъ положенія дѣлъ. Онъ обошелся съ послами умѣренной партіи совсѣмъ не предупредительно, и оскорбилъ всѣхъ чеховъ жестокимъ подавленіемъ демократическаго гусситскаго движенія въ Бреславлѣ, наконецъ онъ настоялъ на изданіи буллы Мартина V о крестовомъ походѣ противъ богемскихъ еретиковъ.

Все это должно было повести къ войнѣ и война была свирѣпая. Въ теченіи тридцатыхъ годовъ 15 вѣка велась эта война нѣмцевъ и чеховъ, которая отчасти по винѣ нѣмцевъ часто превращалась въ немилосердное хозяйничанье дикихъ солдатскихъ шаекъ; уже въ 1421 году нѣмецкіе войска получили приказаніе убивать въ Богеміи всѣхъ, кромѣ неразумныхъ дѣтей. Успѣхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ боль-

ше, склонялся на сторону чеховъ. Они побѣдили при Прагѣ и при горѣ Шишко, при Заацѣ и Нѣмецкомъ Бродѣ, съ 1426 года они перешли границы своей земли въ Силезію и въ Лаузицъ, въ Мейссенъ, Саксонію и Франконію, а позже въ Австрію, Венгрію, Бранденбургъ и Тюрингенъ, причемъ вновь собранное нѣмецкое войско не могло справиться съ ними при Ауссигѣ и Мисѣ (Mies). Нѣмецкое королевство было вполне безсильнымъ; князья медлили или вносили ничтожныя суммы, простой народъ и многіе изъ дворянъ держали сторону чужестранцевъ, вожди которыхъ въ краснорѣчивыхъ манифестахъ восхваляли грядущую свободу.

Чехи воспользовались кровавыми войнами этого десятилѣтія для завершения начатыхъ реформъ. По отношенію къ догматическимъ вопросамъ уже четыре первыя Пражскія статьи 10 декабря 1420 года ввели первую форму соглашенія и объединенія партій, потомъ къ нимъ были прибавлены еще двѣ статьи. Для войны Шишка и оба Прокопія организовали огромную массу пѣхоты. Для созданія новой національной конституціи былъ учрежденъ комитетъ общественнаго благосостоянія, впоследствии избравшій государемъ польскаго принца Сигизмунда Корибута.

Но именно въ этой сферѣ конституціонной организациі всѣ попытки чеховъ добиться самостоятельности и потерпѣли неудачу. Постоянно останавливались на половинныхъ рѣшеніяхъ, постоянно возвращались къ законному наслѣднику, къ королю Сигизмунду. Такъ было особенно съ 1429 года. Разумѣется въ этомъ отношеніи соглашеніе было возможно только при одновременномъ соглашеніи относительно религіозныхъ вопросовъ. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ затрудненій очень своевременнымъ было созваніе новаго собора въ Базелѣ лѣтомъ 1431 года; можно было надѣяться, что здѣсь скорѣе, чѣмъ при переговорахъ съ папой, возможно будетъ добиться терпимости для отдѣльной гусситской церкви въ нѣдрахъ общаго западно-европейскаго христіанства. Таковы были возрѣнія умѣренной партіи, главой которой былъ Іоаннъ Рокитанскій; онъ отправилъ на соборъ посольство и получилъ отъ собора обезпеченіе цѣлаго ряда отдѣльныхъ правъ, извѣстное подъ названіемъ Пражскихъ компактовъ (30 ноября 1433 года).

Для чеховъ принятіе этихъ компактовъ умѣренной партіей было роковымъ. Радикалы не успокоились на этомъ; они возстали теперь противъ умиротворенныхъ и удовлетворенныхъ утраквистовъ; родные братья, дѣти одного народа, начали открытую междуусобную борьбу и радикалы были побѣждены въ страшной битвѣ при Богемскомъ Бродѣ, 30 мая 1434 года. Тогда нація впала въ апатію, и не противилась болѣе начатому раньше примиренію съ Сигизмундомъ. 14 февраля 1435 года согласились принять 14 статей, признанія которыхъ хотѣли потребовать отъ Сигизмунда раньше, чѣмъ онъ возъ-

метъ въ свои руки бразды правленія Богеміей. Сигизмундъ принялъ эти статьи въ Брюннѣ въ іюнѣ 1435 года, а 23 августа 1436 года прибылъ въ Прагу; власть Люксембурговъ въ ихъ богемскихъ владѣніяхъ казалась возстановленной.

Но это только казалось такъ. Религіозныя затрудненія отнюдь не были устранены; ихъ вліяніе еще долго, даже до настоящаго времени, мѣшали Богеміи сдѣлаться центромъ великой восточно-европейской державы. Кромѣ того Сигизмундъ раздражалъ чеховъ ложнымъ истолкованіемъ и прямымъ нарушеніемъ 14 статей; возстаніе угрожало ему предъ самой его смертью, произошедшей 9 декабря 1437 года. Ему долженъ былъ наследовать его зять Альбрехтъ, а послѣ преждевременной его смерти его сынъ, Владиславъ. Но оба они никогда не были полными владыками въ Богеміи, постепенно чешскій баронъ Георгъ Подѣбрадъ сдѣлался губернаторомъ, а потомъ и королемъ Богеміи. Послѣ его смерти въ 1471 году ему наследовалъ польскій принцъ Владиславъ, а потомъ Людвигъ II; только въ 1526 году Габсбурги снова получили Богемію.

Да и въ Венгріи, несмотря на свои наследственныя права, они не раньше этого времени получили власть.

Въ характеръ и темпераментъ короля Сигизмунда было не мало національныхъ мадьярскихъ чертъ; своей страной, Венгріей, онъ правилъ хорошо, его полиція сохраняла внутренній миръ и при немъ свобода сословій процвѣтала: подданные любили его. Совсѣмъ не то было съ его зятемъ и наследникомъ Альбрехтомъ. Тщетно онъ боролся противъ вѣчнаго врага Венгріи, турокъ и даже погибъ въ этой борьбѣ: въ концѣ концовъ корона Венгріи досталась не его сыну, а туземному геройскому роду Гуніади. Представитель этого рода Матвѣй Корвинъ деспотически, но со славой правилъ Венгріей въ теченіи больше тридцати лѣтъ, отъ 1458—1490 г.; ему наследовали богемскіе короли Владиславъ и Людвигъ. Людвигъ палъ въ бою съ турками при Могачѣ въ 1526 году; Богемія и Венгрія вмѣстѣ съ рукой его сестры Анны досталась Фердинанду, брату императора Карла V, т. е. наследнику люксембургскаго дома, дому Габсбурговъ.

Общій обзоръ всѣхъ этихъ событій на нѣмецкомъ востокѣ и въ пограничныхъ странахъ указываетъ на то, что люксембургское, а позже габсбургское могущество клонилось къ упадку уже со временъ короля Венцеслава. Уже въ восьмидесятихъ годахъ 14 столѣтія была утрачена Польша, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ 15 вѣка была оставлена позиція къ сѣверу отъ Богеміи, въ Тюрингіи и Саксоніи, въ Лаузицѣ и Бранденбургѣ, Богемія была почти потеряна съ 1420 года, а Венгрія съ 1437.

Было очевидно, что эти событія осуждали родовую политику короля Сигизмунда, и послѣ его, въ 15 вѣкѣ, и Габсбурговъ, въ ихъ качествѣ обладателей нѣмецкой короны, на полное безсиліе.

У.

Не удивительно поэтому, что Сигизмундъ посвящалъ свое вниманіе нѣмецкому королевству только въ первое десятилѣтіе своего царствованія. Да правду сказать, и положеніе королевства было не таково, чтобы оно могло возбуждать въ его государѣ особую энергію.

Сигизмундъ явился въ 1414 году въ Германію съ наилучшими намереніями. Онъ желалъ для нея величія и единства. И онъ былъ притомъ настолько благоразуменъ, что понялъ, что достигнуть этой цѣли при помощи князей можно не иначе, какъ на федеративныхъ началахъ. Но все таки города казались ему достаточно самостоятельными и богатыми, а королевская власть обладавшей если и не настоящимъ могуществомъ, то все же достаточными правами, чтобы при поддержкѣ бюргеровъ еще разъ рѣшиться на попытку произвести реформу въ централистическо-монархическомъ духѣ.

Въ началѣ 1416 года Сигизмундъ сдѣлалъ городамъ предложеніе образовать единый большой городской союзъ, во главѣ котораго стоялъ бы монархъ; онъ мечталъ о чемъ то въ родѣ республиканской городской республики, во главѣ которой стояла бы центральная власть. Но города отказались, они не хотѣли отказаться отъ своей частной и мѣстной самостоятельности, ихъ міровоззрѣніе ограничивалось границами прихода. Тогда Сигизмундъ обратился къ высшему дворянству; господа и города должны были образовать, сначала для непосредственныхъ государственныхъ цѣлей земскаго мира, четыре округа, во главѣ каждаго изъ которыхъ стоялъ бы королевскій военнo-начальникъ. Тогда города, хотя и не отказались прямо, но возбудили нѣкоторые вопросы, начали торговаться и ссылаться на свои туземныя инстанціи.

Для князей было достаточно времени, чтобы подготовиться къ дѣйствіямъ. Они поняли, какая опасность грозила имъ, если шагъ короля будетъ имѣть успѣхъ, они рѣзко протестовали противъ него. 7 марта 1417 года курфюрстры поклялись дѣйствовать сообща противъ всякихъ плановъ короля, 2 августа 1417 года особенно заинтересованные рейнскіе курфюрстры составили открытый союзъ противъ городовъ и ихъ защитника, короля. Тогда города струсили и отступили, планы короля были разрушены.

А тутъ подошли годы гусситской войны. Королевство въ военномъ отношеніи было совершенно неподготовлено къ нимъ, не смотря на то, что въ 1417 году была объявлена война Франціи. Но хуже всего было то, что даже очевидная опасность утраты самостоятельности не произвела никакого впечатлѣнія на сословія; никакихъ реформъ, ни военныхъ, ни финансовыхъ, не было сдѣлано.

Правда, очень много говорили о имперскомъ налогѣ въ формѣ со-

таго пфеннига, о сборѣ военныхъ контингентовъ и о тысячѣ другихъ вещей. Но города и имперское рыцарство дѣлали невозможнымъ всякое рѣшеніе, — и если не рѣшеніе, то исполненіе его; король и князья не умѣли сломать этаго пассивнаго сопротивленія даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они были согласны между собой. Сигизмундъ постепенно проникался отвращеніемъ къ нѣмецкимъ дѣламъ, ему надоѣло постоянно измѣнявшееся взаимное отношеніе частныхъ интересовъ и борьба каждаго противъ всѣхъ на рейхстагахъ. А притомъ его вниманіе всецѣло отвлекалось заботами родовой политики. Въ 1429 году онъ дошелъ до того, что созвалъ рейхстагъ въ Пресбургъ, внѣ предѣловъ Германіи. И что же услышали тамъ отъ него имперскія сословія въ отвѣтъ на ихъ жалобы, что онъ не ѣдетъ въ Германію? У него есть дѣла въ Венгріи и онъ не очень беспокоится о нѣмецкой коронѣ, онъ рѣшился удержать ее за собой только по просьбѣ папы. А венгерскія сословія прибавляли къ этому: королю не зачѣмъ ѣздить въ нѣмецкое королевство, у него есть дѣла, надо воевать съ турками. Нѣмецкіе князья должны были довольствоваться обѣщаніемъ, что Сигизмундъ не позоветъ ихъ на рейхстагъ дальше, какъ въ Нюренбергъ и съ своей стороны обязались, что послѣ окончанія дѣлъ они отпустятъ короля.

Дѣйствительно въ началѣ 1431 года состоялся блестящій и многочисленный рейхстагъ въ Нюренбергъ. Сангвиники все еще продолжали вѣрить въ возможность реформы, еще разъ рѣшили вести энергично войну противъ гусситовъ. И дѣйствительно войско подъ начальствомъ курфюрстра Бранденбургскаго вступило въ Богемію, но при первомъ же нападеніи Чеховъ при Тауссѣ, недалеко отъ Тильзита, оно позорно разсѣжалось. Вели переговоры объ ужасныхъ злоупотребленіяхъ въ королевствѣ, о вестфальскомъ тайномъ судилищѣ (Vemgerichte), о путаницѣ въ монетномъ дѣлѣ и въ дѣлѣ другихъ регалій, и результатомъ всего этаго было только заключеніе земскаго мира на одинъ годъ, до дня св. Мартина 1432 года.

Народъ требовалъ все болѣе и болѣе радикальныхъ реформъ, дальновидные государственные люди предлагали разработанные планы удобоисполнимыхъ государственныхъ реформъ, но уже Нюренбергскій рейхстагъ показалъ, чего можно ждать отъ представителей націи даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. При полномъ упадкѣ имперской власти, при одновременной уtratѣ родовыхъ владѣній король Сигизмундъ, ослабленный и безсильный, долженъ былъ бороться съ возобновившимся въ тридцатыхъ годахъ церковнымъ и религіознымъ движеніемъ.

Послѣ безплодныхъ совѣщаній собора въ Падуѣ и Сіенѣ папа Мартинъ V долженъ былъ созвать новый общій соборъ въ Базелѣ къ 1 февраля 1431 года. Онъ собрался лѣтомъ 1431 года, но только къ осени, послѣ того какъ мѣсто Мартина занялъ хитрый и суровый

Евгеній IV, настоящій куріалъ,начались настоящія совѣщанія подѣ председательствомъ благороднаго и склоннаго къ реформѣ кардинала Юліана Цезарини; соборъ напоминалъ по своему направленію добрыя времена констанцскаго собора. Главное вниманіе было направлено на то, чтобы избѣжать ошибокъ, сдѣланныхъ констанцскимъ соборомъ. Въ особенности такія ошибки были сдѣланы въ порядкѣ занятій. Голосованіе по націямъ давало куріи возможность безусловно вліять на рѣшенія, такъ какъ она вела отдѣльные переговоры съ націями и ихъ правительствами, и кромѣ того возбуждала національное соперничество и національную зависть. Ограниченіе правъ голосованія прелатами и высшими университетскими званіями также не соответствовало болѣе растущимъ стремленіямъ къ демократизаціи церкви.

Теперь право подачи голоса распространили на простыхъ священниковъ и на биккалавровъ права и теологіи; это было уже приближеніемъ къ будущему идеалу церкви мірянъ; это давало участіе въ рѣшеніяхъ собора почти всѣмъ образованнымъ людямъ. Подача голосовъ должна была происходить не по націямъ, а по комитетамъ, составленнымъ изъ представителей разныхъ національностей, по такъ называемымъ депутаціямъ, которыхъ было четыре: для вопросовъ о церковной реформѣ, о догмѣ, о устроеніи мира и для множества другихъ общихъ вопросовъ; эти четыре депутаціи должны были подготовить доклады для обсужденія въ общемъ засѣданіи собора. Устроивъ такимъ образомъ порядокъ веденія дѣла, соборъ приступилъ къ рѣшенію своей задачи.

Папа былъ лишенъ всѣхъ прежнихъ средствъ вліянія, онъ предвидѣлъ, что должно выдти изъ этого, потому уже 18 декабря 1431 года онъ объявилъ соборъ распущеннымъ и созвалъ новый соборъ въ Болоньи.

Эта неудачная мѣра возбудила общія симпатіи западной Европы къ собору; теперь онъ дѣйствительно сдѣлался вселенскимъ соборомъ. Сознавая свою силу, онъ продолжалъ свое дѣло. Онъ началъ процессъ противъ папы и его кардиналовъ и угрожалъ имъ низложеніемъ, если они не появятся на соборѣ.

И дѣйствительно папа долженъ былъ уступить. Послѣ долгихъ колебаній въ буллѣ *Dudum Sactum* 15 декабря 1433 года онъ объявилъ свое рѣшеніе о распущеніи собора недѣйствительнымъ, призналъ соборъ существовавшимъ по праву съ самаго его начала и обѣщалъ содѣйствовать ему совѣтомъ и дѣломъ. Это было полной побѣдой собора надъ куріей.

Какъ относился къ этимъ событіямъ король Сигизмундъ? Онъ сознавалъ, что онъ уже не можетъ играть своей прежней роли всемогущаго опекуна и защитника церкви, которую онъ игралъ столь успѣшно въ первые годы Констанцскаго собора: безсиліе нѣмецкаго королевства не допускало возможности подобныхъ плановъ. Потому

онъ пытался достигнуть прежняго вліятельнаго положенія инымъ путемъ.

Осенью 1431 года онъ отправился въ верхнюю Италію, 25 ноября того же года онъ короновался нѣмецкой ломбардской короной. Но все таки средствъ у него не было, его должны были кормить, — и очень неохотно — граждане Милана, Пьяченцы, Пармы, Сиенны. Въ Сиенѣ король прожилъ цѣлый годъ, отъ іюля 1432 г. до мая 1433 г., занятый глупой любовной интригой, подобный безсильному кондотьери, осаждаемый при этомъ, какъ онъ самъ выражался, точно дикій звѣрь въ клѣткѣ, Флорентинцами, позволявшими себѣ по отношенію къ нему невѣроятныя грубости и рѣзкости. И несмотря на все это онъ достигъ своей цѣли. Онъ упорно поддерживалъ соборъ и въ то же время давалъ папѣ понять, что за императорскую корону онъ не прочь и измѣнить собору и такимъ образомъ побудилъ папу къ давно желанному Сигизмундомъ рѣшенію. 31 мая 1433 года онъ получилъ императорскую корону, расходъ по коронаціи взялъ на себя папа.

Теперь Сигизмундъ началъ дѣйствовать открыто. Медленно и собираясь по дорогѣ, питаясь приношеніями, онъ двинулся чрезъ Феррару и Мантую въ Базель для того, чтобы тамъ воспользоваться своимъ званіемъ императора, силой старороманскихъ представленій для достиженія верховенства и надъ папой и надъ соборомъ

Но прибылъ онъ въ Базель въ неудачное для себя время. Въ первый мѣсяцъ 1434 года могущество Базельскаго собора достигло апогея. Было уже достигнуто соглашеніе съ гусситами при посредствѣ пражскихъ компактовъ, скоро послѣ этого папа Евгеній совершенно подчинился рѣшеніямъ собора. Могъ ли соборъ при подобныхъ условіяхъ признать защитникомъ и опекуномъ безсильнаго короля, призракъ — короля? Напротивъ соборъ хотѣлъ господствовать и надъ папой и надъ императоромъ, какъ высшее руководящее представительство всей западной Европы; онъ хотѣлъ уже превратиться изъ совѣщательной корпораціи въ исполнительную власть. Онъ не только очень быстро принялъ цѣлый рядъ важныхъ декретовъ о реформѣ; но и началъ разрѣшать недозволенные браки, улаживать раздоры между епископами, облагать христіанство налогами на крестовый походъ, собирать папскіе доходы къ себѣ въ Базель. Даже болѣе того: онъ сдѣлался посредникомъ при заключеніи мира между Бургундіей и Карлемъ VII французскимъ, заключилъ договоръ съ греками по вопросу о греческо-латинской уніи церквей, договоръ, въ которомъ дѣло шло и о свѣтскихъ вопросахъ, касавшихся непосредственно Сигизмунда, какъ короля Венгріи; онъ даже рѣшалъ копросы, касавшіеся чисто леннаго имперскаго права, когда противно рѣшенію Сигизмунда присудилъ саксонское курфюршество герцогу Саксенъ-Лауенбургскому.

Соборъ такимъ образомъ устранилъ императора Сигизмунда не ме-

нѣе, чѣмъ папу; Сигизмундъ только съ большимъ трудомъ могъ во препятствовать нарушенію его компетенціи со стороны отцевъ собора.

Спасеніе для Сигизмунда пришло съ другой стороны. Соборъ самъ погубилъ себя своей неумѣренностью. Его ученія и дѣйствія становились все болѣе радикальными, въ его средѣ все болѣе и болѣе проявлялись демократическіе инстинкты — и онъ утратилъ симпатіи умѣреннаго большинства. Онъ выставялъ все болѣе и болѣе широкія притязанія — и утратилъ уваженіе реальныхъ историческихъ силъ. Въ этомъ отношеніи рѣшающимъ былъ вопросъ, давно уже занимавшій мыслящихъ людей западнаго христіанства. Все болѣе угрожавшая Византійской имперіи опасность со стороны турокъ заставляли императоровъ все болѣе и болѣе обращаться къ защитѣ запада; казалось, что получить такую защиту будетъ легко, если она будетъ идти рука объ руку съ воссоединеніемъ восточной и западной церкви. Папы и вообще западная церковь уже въ теченіи многихъ вѣковъ стремились къ достиженію этой цѣли и теперь обрадовались въ виду возможности ея достиженія. Уже соборъ въ Павіи велъ переговоры съ греками, теперь греки хотѣли продолжать эти переговоры и обратились къ Базельскому собору. Но въ немъ они не встрѣтили сочувствія; большинствомъ голосовъ отцы собора 7 мая 1437 года отказали имъ начать съ ними переговоры въ какомъ нибудь удобномъ мѣстѣ на берегахъ Средиземнаго моря.

Грекамъ ничего болѣе не оставалось, какъ обратиться къ папѣ. Тогда папа Евгений IV опираясь на то, что его авторитетъ благодаря обращенію къ нему грековъ увеличился, сдѣлалъ 31 іюля 1437 года рѣшительный шагъ. Онъ снова распустилъ Базельскій соборъ и созвалъ новый соборъ въ Феррару на февраль 1438 года. Когда Базельскіе радикалы не признали этого собора, выдающіеся руководители собора, Юліанъ Цезарини, Николай Кусъ, оставили соборъ и перешли на сторону папы.

Побѣда куріи была рѣшительной. Соборъ въ Феррарѣ, на который собиралось все больше народу, 6 іюля 1439 г. совершилъ воссоединеніе съ греками и въ теченіи дальнѣйшихъ своихъ совѣщаній возстановилъ большую часть положеній папскаго церковнаго права. Базельскій соборъ все болѣе и болѣе принималъ характеръ незаконнаго сборища, хотя онъ низложилъ папу Евгенія и избралъ новымъ папой съ именемъ Феликса V герцога Амедея Савойскаго и призналъ вѣрованіе въ верховную власть собора необходимой для спасенія души. Постепенно, безслѣдно онъ уничтожался. Последнее его засѣданіе произошло въ Базелѣ 16 мая 1443 г., а закончилъ онъ свое существованіе въ 1449 г. въ Лозаннѣ.

Во время этихъ удивительныхъ событій нѣмецкая королевская власть оставалась безпомощной и ничтожной. Сигизмундъ пытался при посредствѣ своего новаго императорскаго титула возстановит

еще разъ кратковременный блескъ опеки надъ церковью, какъ было во времена Констанскаго собора—и вмѣсто этаго долженъ былъ увидать, какъ одновременно засѣдали два собора, одинъ изъ которыхъ былъ абсолютно папистскимъ, а другой былъ настолько же враждебно настроенъ противъ императора, какъ и противъ папы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Николай Кусъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи о церковно-государственномъ правѣ: *De concordantia catholica* давалъ императору самую важную роль въ государственной и церковной системѣ западно-европейскаго міра — а теперь ходъ событій устранилъ эти теоріи, повидимому навсегда.

Нѣмецкій король и нѣмецкіе князья должны были теперь позаботиться только о томъ, чтобы спасти для націи и для государственной власти изъ всего соборнаго движенія то, что еще можно было спасти.

VI.

Около 1437 г. обстоятельства въ этомъ отношеніи сложились необыкновенно благопріятно для энергичнаго и сознательнаго правительства. Базельскій соборъ шелъ все дальше и дальше въ разработкѣ вопросовъ о реформѣ, онъ указывалъ государственнымъ людямъ, къ какимъ цѣлямъ они должны стремиться. Съ другой стороны папа и его итальянскій соборъ нуждались въ признаніи и потому были склонны вести переговоры съ князьями по сю сторону Альпъ. Такимъ образомъ для здравомыслящихъ политиковъ было очевидно, что возможно было при посредствѣ переговоровъ съ папой превратить теоретическія требованія Базельскаго собора въ общепризнанные факты.

Франція и дѣйствовала на основаніи такихъ соображеній. Важнѣйшіе изъ базельскихъ декретовъ о реформѣ 7 іюня 1438 года были объявлены, какъ прагматическая санкція церкви Франціи и въ 1440 г. съ Евгеніемъ IV былъ заключенъ миръ. Курія согласилась терпимо относиться къ прагматической санкціи, и такимъ образомъ создавалась галликанская церковь.

Въ Германіи центральная власть наврядъ-ли имѣла возможность идти по этой дорогѣ. Императоръ Сигизмундъ въ послѣдніе годы своего царствованія имѣлъ слишкомъ малое значеніе по сравненію съ Карломъ VI французскимъ.

Да притомъ онъ скончался въ самый критическій моментъ, 9 декабря 1437 г. Его наслѣдникъ, Альбрехтъ II, былъ занятъ исключительно на востокѣ и скончался слишкомъ преждевременно, 27 окт. 1439 г. Когда 27 февраля 1440 г. королемъ избрали Фридриха III, то оказалось, что онъ совсѣмъ не такой человекъ, какого было нужно для Германіи въ то время.

Инициатива перешла поэтому къ князьямъ. Уже 17 марта 1438 г., въ день избранія Альбрехта, курфюрстры во Франкфуртѣ объявили, что до тѣхъ поръ, пока продолжаются раздоры въ церкви, они останутся нейтральными и предоставляютъ впредь до общаго имперскаго рѣшенія управленіе епархіями королевства епископамъ по обычной ихъ подсудности. Это было началомъ краткосрочнаго, позже часто возобновляемаго, временнаго положенія дѣлъ, составлявшаго сдѣланный въ надлежащемъ направленіи шагъ къ эмансипаціи отъ папской власти, и получавшій особенное значеніе въ виду того обстоятельства, что это рѣшеніе было проведено такими выдающимся политиками, какъ Іоаннъ Лизеръ, совѣтникъ курфюршества Трирскаго, и Григорій Геймбургъ, образованный гуманистъ и оригинальный передовой боецъ за нѣмецкую свободу и что съ нимъ соединялась аппеляція къ будущему новому свободному собору противъ мѣръ, которыя хотѣли принять папа и базельскій соборъ.

Но такое энергичное національное настроеніе князей, такое намѣреніе воспользоваться церковной политикой для великихъ національных цѣлей, исчезнуло очень скоро. Оказалось, что князья совсѣмъ не прочь онъ менѣе широкихъ отдѣльныхъ уступокъ, лишь бы только ихъ территоріальная власть была усилена насчетъ неисчерпаемыхъ средствъ церкви. Правда, что на Майнцскомъ рейхстагѣ 26 марта 1439 г. еще продолжали держаться за базельскіе декреты о реформѣ и двадцать шесть изъ этихъ декретовъ признали (посредствомъ *instrumentum asserationis*) дѣйствительными во всемъ нѣмецкомъ королевствѣ; но вскорѣ папской дипломатіи удалось привлечь нѣкоторыхъ изъ князей на сторону куріи, и притомъ политика князей возбудила недовѣріе въ имперскихъ рыцаряхъ и въ городахъ; другіе князья, изъ вражды къ папѣ, дружественно расположенному къ Бургундіи, оставались на сторонѣ Базельскаго собора, какъ, напр., Кельнскій курфюрстръ Дитрихъ Мёрсъ и хитрый интриганъ, курфюрстръ Трирскій Якобъ Зиркъ.

Но еще хуже отпаденія нѣкоторыхъ князей было то, что новый король Фридрихъ III въ противность интересамъ нѣмецкаго королевства началъ измѣнять нейтралитету въ пользу папы Евгенія. Поводомъ были мелочные личные и территоріальные интересы. Дружественно расположенные къ собору духовные рейнскіе курфюрстры были не очень склонны къ королю, для борьбы съ Швейцаріей ему была нужна помощь стоявшей за папу Бургундіи; канцлеръ короля, Каспаръ Шликъ ради милостей папы работалъ за курію также, какъ и приближенные къ Фридриху кардиналы Цезарини и Карвайяль и ловкій Эней Сильвій, бывший тогда тайнымъ совѣтникомъ короля, человекъ легкихъ нравовъ, совершенно безсовѣстный, но очень льстивый — всего этого было достаточно, чтобы Фридрихъ началъ склоняться на сторону Евгенія.

Вполнѣ на его сторону король перешелъ послѣ, получивъ отъ него много услугъ; въ сентябрѣ 1445 года въ качествѣ герцога австрійскаго онъ получилъ право пожизненно предлагать кандидатовъ на шесть епископскихъ кафедръ своего герцогства, потомъ постоянное право предлагать кандидатовъ на постъ ревизоровъ (визитаторовъ) австрійскихъ монастырей и право раздачи сотни церковныхъ бенефицій. На такихъ условіяхъ, столь же выгодныхъ для габсбургскаго дома, какъ и для папы, Фридрихъ окончательно былъ связанъ съ куріей; принявъ ихъ, король измѣнилъ своему королевству.

Въ качествѣ нѣмецкаго короля курія обнадеживала его еще новыми уступками, если только ему удастся добиться согласія на нихъ королевства: а именно ему обѣщали императорскую корону и 100.000 гульденовъ для похода въ Римъ, и десятину со всѣхъ приходовъ въ нѣмецкомъ королевствѣ. Такая папская милость дѣлала его соучастникомъ въ эксплуатаціяхъ куріи и признаніе ее дѣлало неисполнимымъ всякую церковную реформу и смыслъ рѣшеній Базельскаго собора.

Когда папа получилъ полную увѣренность въ согласіи короля на такую позорную торговлю, онъ 24 января 1446 г. низложилъ двухъ главнѣйшихъ изъ своихъ враговъ въ Германіи и приверженцевъ базельскаго собора, архіепископовъ Кельнскаго и Трирскаго, какъ еретиковъ и мятежниковъ противъ святого престола. Это было неслыханное дѣло: папа осмѣливался распорядиться двумя нѣмецкими курфюршествами. Но на этотъ разъ онъ ошибся въ своихъ расчетахъ.

Курфюрсты возстали единодушно, они возобновили оппозиціонный союзъ курфюрстровъ въ Рензе и рѣшили отправить къ королю и къ папѣ посольство, при чемъ Григорій Гейбургъ долженъ былъ потребовать отъ обоихъ отчета и отреченія отъ ихъ рѣшеній; оба курфюрстра должны быть снова назначены на свои кафедры, проведенныя раньше реформы должны быть одобрены, долженъ быть признанъ высшій авторитетъ соборовъ и до 1 мая 1447 года долженъ быть созванъ новый соборъ въ какомъ нибудь нѣмецкомъ городѣ.

Посольство сначала отправилось въ Вѣну, а оттуда въ сопровожденій Энея Сильвія въ Римъ. Въ Римѣ нѣмцы высказали папѣ нѣсколько непріятныхъ истицъ, хотя и на классическомъ латинскомъ языкѣ, но ничего не добились. Евгеній затягивалъ переговоры и въ концѣ концовъ обѣщалъ послать въ Германію для устройства примиренія Тому Сарцаискаго, будущаго папу Николая V, изящно образованнаго человѣка и благорасположеннаго знатока нѣмецкихъ отношеній. Дѣйствительно Тома и другіе уполномоченные папы явились на рейхстагъ во Франкфуртѣ въ сентябрѣ 1446 года; имъ удалось, послѣ энергической подготовки рейхстага со стороны королевской партіи, привлечь на сторону папы еще нѣсколькихъ князей. Въ Германіи настроеніе измѣнилось, рѣшили отправить въ Римъ новое посольство,

которое должно было передать папѣ желанія нѣмцевъ въ болѣе мягкой формѣ. Это посольство, въ инструкціяхъ которому Эней Сильвій утопилъ всѣ суровыя требованія въ цѣломъ потокѣ ловкихъ фразъ, съ большимъ торжествомъ выѣхало 7 января 1447 года въ Римъ. Курія къ нему была крайне предупредительна, но за то достигнутые имъ результаты были ничтожны. Правда, низложеніе обоихъ рейнскихъ курфюрстровъ было взято назадъ, мысль о будущемъ соборѣ тоже не была окончательно отвергнута. Но вообще папа не хотѣлъ ни открыто признать, ни открыто отринуть приведенныя въ Германіи въ исполненіе базельскія реформы; онѣ были изъ особой милости признаны для тѣхъ, кто въ теченіи полугода признаетъ Евгенія IV папой.

Было очевидно, что папа просто хотѣлъ затянуть переговоры; онъ надѣялся вѣрнѣе достигнуть цѣли посредствомъ переговоровъ непосредственно съ Фридрихомъ III. Имѣя такія намѣренія, сдержанно относясь къ нѣмецкому королевству, онъ и кончилъ свою жизнь, 23 февраля 1447 года. Его наслѣдникъ, Николай V, объявилъ всѣ сдѣланныя нѣмцамъ уступки чисто временными и личными, такимъ образомъ для него открывалась возможность новыхъ переговоровъ.

Эти переговоры начались на собраніи князей въ Ашаффенбургѣ въ іюль 1447 года и при постоянно увеличивавшемся правдивномъ давленіи короля Фридриха они скоро повели къ значительнымъ уступкамъ со стороны князей. Правда, нѣкоторыхъ очень значительныхъ князей не удалось такъ скоро привлечь на сторону куріи. Курфюрстръ Бранденбургскій отказался отъ своего протеста только тогда, когда въ сентябрѣ 1447 года получилъ право предлагать кандидатовъ на три епископскія кафедры Марки, добился уничтоженія почти вездѣ правъ постороннихъ епископовъ въ его странѣ и превращенія соборныхъ капитуловъ въ Гавельбергѣ и въ Бранденбургѣ въ свѣтскія учрежденія; это были такія же уступки, какихъ добился король Фридрихъ для Австріи; обѣ старыя Марки нѣмецкаго королевства, превратившіяся въ прочныя государственныя формы, первыя выиграли отъ новаго направленія государственной церковной политики. Другіе значительные територіальныя владѣльцы, курфюрстры пфальцскій, кельнскій, трирскій и саксонскій, еще долго сопротивлялись и въ концѣ концовъ они даже соединялись съ французскими королями въ требованіи новаго общаго собора.

Было необходимо еще одно послѣднее усиліе папы и короля. Фридрихъ III 21 августа 1447 года издалъ распоряженіе для нѣмецкаго королевства, повелѣвавшее, дабы всѣ признали Николая V. Папа разогналъ соборъ въ Базелѣ, преслѣдовалъ его въ Лозаннѣ и довелъ его до того, что соборъ отказался отъ своего папы Феликса V, послѣдняго изъ антипапъ и 25 апрѣля 1449 года предъ тѣмъ, какъ

закрѣтъ свои собранья, призналъ Николая V законнымъ Римскимъ папой.

Теперь настало время, чтобы придать Ашаффенбургскимъ соглашеніямъ, бывшихъ результатомъ одностороннихъ переговоровъ между папой и королемъ, общеобязательную для всѣхъ форму. 17 февраля 1448 года Фридрихъ и кардиналъ Іоаннъ Карвайяль заключили въ Вѣнѣ обязательный для всей націи конкордатъ, будто бы «съ согласія большинства курфюрстровъ и другихъ князей». Этотъ конкордатъ съ внѣшней стороны основывался на актѣ, признанномъ папой Мартиномъ V и нѣмецкой націей, съ внутренней же стороны его опредѣленія тоже не шли дальше этого акта; засѣданія базельскаго собора пропали даромъ для Германіи. Реформы, принятыя соборомъ и реформы конкордата были введены только отчасти, такъ что соборное движеніе имѣло вообще для церковной практики въ Германіи очень малое значеніе. Кромѣ того общее признаніе Вѣнскаго конкордата затянулось на многіе годы — сначала его даже не осмѣливались опубликовать — и въ концѣ концовъ вышло только то, что курія удовлетворяла частные интересы князей, что предполагавшійся реформаціонный соборъ не состоялся и старая система папской эксплуатаціи снова вошла въ силу.

Какой толкъ былъ въ томъ, что народъ и ученые продолжали держаться за идею собора, что духовные энтузіасты, вродѣ картезіанскаго монаха Якоба изъ Ютербока, отстаивали эту идею и словами и въ книгахъ? Въ высшихъ аристократическихъ кругахъ націи думали объ этомъ иначе. Имъ не нравилось демократическое направленіе Базельскаго собора, оно уничтожало бы захватъ приходовъ дворянствомъ, а теперь можно было опять заняться этимъ захватомъ. Князья тоже были окончательно удовлетворены. Соборное движеніе почти совершенно устранило власть нѣмецкаго короля и римскаго императора, какъ защитника церкви, оно отдавало представительство имперскихъ интересовъ въ руки князей. И такое представительство, даже при идеальномъ въ началѣ пониманіи его, должно было постепенно вести къ простому усиленію територіальныхъ государей, особенно въ виду позорнаго поведенія короля Фридриха, признававшаго себя просто австрійскимъ герцогомъ. Папа очень скоро понялъ, что онъ можетъ быть увѣренъ въ прочности своей старой системы, если только онъ согласится уступить територіальнымъ владѣльцамъ небольшую часть своихъ доходовъ и своего вліянія. Такимъ образомъ князья получили свою долю въ налогахъ духовенства, въ замѣщеніи приходовъ, въ визитаціяхъ монастырей; имъ было позволено ограничивать церковную юрисдикцію и пригонять дѣла церковнаго управленія къ рамкамъ свѣтскаго управленія. Такимъ образомъ они дѣлались соучастниками въ цѣлой системѣ неслыханныхъ злоупотребленій и ручались за ея прочность и постоянство. Для папства такой результатъ

движенія былъ очень выгоденъ. Оно вступало въ эпоху движенія разрозненнымъ вслѣдствіе раскола и вышло изъ нея единымъ. Цѣлью движенія было уменьшеніе неограниченныхъ правъ куріи, а теперь курія была сильнѣе, чѣмъ когда либо, она была абсолютной побѣдительницей послѣднихъ остатковъ епископальнаго церковнаго строя. Папы вступили теперь на путь полного церковнаго абсолютизма, значеніе коллегіи кардиналовъ все болѣе и болѣе ограничивалось, новыя разъясненія папъ отъ буллы «*Execrabilis*» Пія II до буллы «*Pastor aeternus*» Льва X, изображаютъ неописуемое могущество намѣстника Христова, и вымершая было съ 1330 года папистская публицистика, снова пачинаеть у Торквемады и въ теоріяхъ Каетана доходить до положенія, что церковь есть служанка папы.

Такимъ образомъ сильнѣйшее развитіе папской власти было важнѣйшимъ политическимъ результатомъ періода соборныхъ движеній. Оно омрачалось только одновременнымъ дифференцированіемъ всемірной церкви въ мѣстныя церкви и связаннымъ съ такимъ дифференцированіемъ усиленіемъ церковной власти територіальныхъ князей. Но кто могъ въ срединѣ 15 вѣка провидѣть эту опасность? И кто въ это время могъ предсказать, что церковно-религіозное броженіе при общемъ прогрессѣ умственнаго развитія въ началѣ 16 вѣка поведетъ къ религіозному индивидуализму и къ принципу церковной общины, принципу, являющемуся сильнымъ, страшнымъ врагомъ для папства и для государственной церкви?

ГЛАВА ТРЕТЯ.

Паденіе нѣмецкаго вліянія за границей; внутреннее разложеніе.

1.

Въ лицѣ Альбрехта II и Фридриха III нѣмецкую корону на нѣсколько вѣковъ получили Габсбурги. Можно ли было надѣяться, что они вернутъ ей ея прежній блескъ? Этотъ вопросъ главнымъ образомъ рѣшался исторіей развитія родоваго могущества Габсбургскаго дома. А въ теченіи 15 вѣка перспектива въ этомъ отношеніи была довольно печальной.

Въ 14 вѣкѣ послѣ того, какъ Габсбурги были устранены отъ управленія нѣмецкимъ королевствомъ, ихъ родовое могущество значительно увеличилось. При герцогѣ Альбрехтѣ II была приобрѣтена Каринтія, при герцогѣ Рудольфѣ IV (1358. - 1365) Тироль, а потомъ Фрейбургъ въ Брейсгау; это было значительнымъ увеличеніемъ и упроченіемъ какъ юговосточныхъ владѣній Габсбурговъ, такъ и той переднеавстрійской страны, которая охватывала швейцарскую возвышенность и теперешній верхній Эльзасъ. Притомъ управленіе Габсбурговъ было хорошимъ управленіемъ; Рудольфъ IV при всемъ своемъ тщеславіи былъ замѣчательнымъ правителемъ, хотя нѣсколько и деспотическимъ; онъ не былъ чуждъ и умственныхъ интересовъ и въ 1365 году основалъ Вѣнскій университетъ.

Послѣ смерти Рудольфа вопреки семейному закону короля Рудольфа отъ декабря 1282 года страна была раздѣлена. Австрійская линія дома получила главное владѣніе Габсбурговъ на Дунаѣ, а Штирійская линія переднюю Австрію, Тироль, Каринтію, Крайну и Штирію. Изъ этихъ двухъ линій Габсбургскаго дома раньше начала дѣлать приобрѣтенія Штирійская, она должна была попытаться возстановить связь между рейнско-швейцарской Австріей и Тиродемъ. Въ виду этого герцогъ Леопольдъ III отпаялъ у графа Верденберга большую

часть долины Рейна къ югу отъ Боденскаго озера и пошелъ войной противъ Швейцаріи, но при Земпахъ онъ заплатилъ за свои завоевательныя стремленія потерей рыцарства и жизни. Послѣ этого Штирійская линія раздѣлилась, страна была раздѣлена на четыре части и только въ тридцатыхъ годахъ 15 вѣка Фридрихъ IV Тирольскій, по прозвищу Фридель съ пустыми карманами, разбогатѣлъ благодаря увеличенію доходовъ съ Тирольской горной промышленности и снова соединилъ всѣ владѣнія Штирійской линіи, частію въ качествѣ самостоятельнаго государя, а частію въ качествѣ опекуна своихъ племянниковъ, Фридриха, будущаго императора и его брата Альбрехта.

Владѣнія Австрійской линіи Габсбургскаго дома оставались нераздѣльными, но за то ихъ разрывали внутреннія междуусобія при неспособномъ герцогѣ Альбрехтѣ IV (1395—1414). Сынъ его и наслѣдникъ герцогъ Альбрехтъ V съ 1437 года сдѣлался нѣмецкимъ королемъ (Альбрехтъ II); онъ былъ совершенной противоположностью своему отцу, съ высокой, стройной фигурой, съ круглой головой, обрамленной черными волосами, съ темнымъ цвѣтомъ кожи и огненными глазами, съ бѣлыми зубами, выдававшимися изъ подъ верхней губы — настоящій представитель смѣлости и силы. Альбрехтъ въ 1422 году женился на Елизаветѣ, единственной дочери короля Сигизмунда и такимъ образомъ дѣлался будущимъ представителемъ двухъ царствующихъ домовъ: люксембургскаго и габсбургскаго; казалось, что ему предстоитъ блестящая будущность. Но во время похода противъ турокъ 27 октября 1439 года онъ умеръ недалеко отъ Грана сорока двухъ лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ свою супругу беременной и она 22 февраля 1440 года родила въ Коморнѣ сына, наслѣдника притязаній двухъ соединенныхъ домовъ, Владислава Постума.

Почти въ одно время съ Альбрехтомъ умеръ и глава Штирійской линіи Габсбурговъ, Фридрихъ Тирольскій и онъ тоже оставилъ одного несовершеннолѣтняго сына Сигизмунда.

Судьба дома Габсбурговъ зависѣла теперь отъ двухъ взрослыхъ его представителей отъ Фридриха V и его брата Альбрехта. Старшій братъ, Фридрихъ, былъ естественнымъ опекуномъ Сигизмунда и Владислава, да и вообще онъ не обращалъ вниманія на своего надменнаго, расточительнаго и невѣрнаго брата Альбрехта и стремился къ единодержавію. Онъ хотѣлъ быть единымъ «старѣйшимъ и управителемъ княжества и всего дома Австріи».

Съ этой цѣлью онъ хотѣлъ приобрѣсти нѣмецкую корону; во всякомъ случаѣ онъ усердно хлопоталъ объ этомъ и 2 февраля 1440 г., дѣйствительно, былъ избранъ королемъ. Человѣкъ, вся сила котораго основывалась главнымъ образомъ на его правахъ опекуна, положеніе котораго оспаривалось его собственнымъ братомъ, сдѣлался нѣмецкимъ королемъ въ такое время, когда нѣмецкая королевская

власть могла заимствовать свой блескъ только отъ блестящаго положенія ея представителя. Чего добраго можно было ждать при этомъ? И что за человекъ былъ Фридрихъ? Фигура Гунна съ честнымъ лицомъ американскаго краснокожаго. Не даромъ его мать Еймбурга изъ Мазовіи кулакомъ вбивала гвозди въ толстую доску. Но вся физическая сила Фридриха ушла на заботу о долговѣчности, онъ боялся войны, любилъ покой и даже въ молодые годы былъ старчески боязливъ и умственно слабъ и растроенъ. Его интересы были мелочны, ненависть его упряма, онъ былъ мастеромъ только въ мелочномъ искусствѣ дипломатическихъ плутней. При томъ характеръ его былъ нерѣшительный, онъ часто самъ не зналъ, чего онъ хотѣлъ и при этомъ онъ не былъ настолько энергиченъ и честенъ, чтобы быть въ состояніи отдѣлаться отъ противуположности интересовъ своего дома съ интересами королевства—и въ концѣ концовъ интересы дома побѣждали. Фридрихъ былъ фаталистомъ и фанатикомъ будущаго величія своего рода.

Правда, настоящее не могло возбуждать особой гордости въ представителѣ Габсбурговъ. Въ то время, когда Фридрихъ былъ избранъ королемъ, во всѣхъ габсбургскихъ земляхъ было готово вспыхнуть возстаніе, раздуваемое Альбрехтомъ и графомъ Силли, большое владѣніе котораго на юго-востокѣ Крайны императоръ Сигизмундъ сдѣлалъ княжествомъ—это владѣніе было для Австріи настоящимъ бревномъ въ глазу. Но Фридрихъ не смущался, онъ избѣжалъ возстанія и уѣхалъ въ Германію. Для него это было типичнымъ поступкомъ. Уже Сигизмундъ часто избѣгалъ непріятныхъ положеній у себя дома поѣздками за границу, а у Фридриха это сдѣлалось системой; его поѣздки въ Германію были путешествіями для исцѣленія отъ домашнихъ недуговъ. Такимъ образомъ 15 іюня 1442 года онъ короновался въ Ахенѣ, а въ 1443 году снова былъ на Дунаѣ.

Но тамъ снова началось возстаніе. Альбрехтъ захватилъ переднюю Австрію. Тирольтцы бурно требовали выдачи имъ Сигизмунда, котораго Фридрихъ въ качествѣ опекаемаго держалъ въ плѣну. Фридриху пришлось передать ему 9 апрѣля 1446 года управленіе Тиролемъ; ему удалось спасти только абстрактный принципъ нераздѣльности всѣхъ владѣній Габсбургскаго дома. Въ Австріи, которой Фридрихъ управлялъ въ качествѣ опекуна маленькаго Владислава, свирѣствовала совершенная неурядица. Фрейгерръ Ульрихъ Эйцингъ, могущественный дворянинъ, организовалъ всеобщее возстаніе противъ Фридриха, 14 октября 1451 года устроился формальный союзъ помещельнаго дворянства противъ государя-опекуна; требовали выкупа Владислава и учрежденія регентства; самовластно созвали въ Вѣнѣ ландтагъ и назначили намѣстникомъ Эйцинга. Это было уже настоящимъ государственнымъ преступленіемъ.

Фридрихъ считалъ этотъ моментъ особенно благопріятнымъ для

путешествія въ Римъ и для полученія императорской короны. Такъ пріятно было отдохнуть отъ домашнихъ заботъ на старыхъ франкскихъ формахъ коронаціонной церемоніи. Въ 1452 году онъ отправился въ Италію, итальянцы слишкомъ хорошо знали его и потому безпрепятственно позволили ему проѣхать въ Римъ. 19 марта 1452 г. онъ былъ коронованъ; это было послѣднее коронованіе императора въ средневѣковомъ стилѣ.

И все же въ концѣ концовъ Фридриху надо было вернуться домой. Онъ проскользнулъ въ свое любимое мѣстопробываніе, въ Новый Городъ Вѣны. Мятежники тутъ чуть его не захватили въ плѣнъ. Наконецъ ему пришлось согласиться на то, въ чемъ онъ долго отказывалъ; 4 сентября 1452 года онъ передалъ управленіе Австріей Владиславу.

А между тѣмъ притязанія Владислава повліяли и на судьбы Богеміи и Венгріи.

Въ Богеміи отсутствіе Владислава и почти полная бездѣтельность Фридриха повели сначала къ анархіи. Но постепенно изъ этого хаоса выдѣлилось могущество умѣренной партіи Утраквистовъ, а во главѣ этой партіи съ 1445 года стоялъ Георгъ Подѣбрадъ, простой чешскій баронъ, безъ всякаго образованія, но смѣлый и рѣшительный. даже способный къ романтическимъ планамъ, ловкій, хотя и не способный оцѣнивать высшія. моральныя силы историческаго созиданія. Въ 1448 году онъ укрѣпился въ Прагѣ и сдѣлалъ этотъ городъ главнымъ центромъ умѣренныхъ гусситовъ; потомъ въ октябрѣ 1451 года онъ съ согласія короля Фридриха былъ назначенъ правителемъ страны. Могло ли измѣнить что либо въ положеніи дѣлъ позднее освобожденіе Владислава въ 1452 году? Подѣбрадъ остался правителемъ, и когда Владиславъ въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ умеръ 23 ноября 1457 года, Чехи избрали Георга своимъ королемъ. Мало того: ему настолько удалось преодолѣть затрудненія, ставимыя папствомъ, никогда не признававшимъ Пражскихъ компактовъ, что онъ добился 7 мая 1458 года своего коронованія католическими епископами Вайцена и Рааба.

Безпомощный императоръ не могъ ничего подѣлать въ виду такихъ успѣховъ Георга; 31 іюля 1459 года онъ призналъ Подѣбрада королемъ и торжественно даровалъ ему Богемію, какъ ленъ. Нѣмецкіе князья, сначала косо смотрѣвшіе на короля «выскачку», вскорѣ начали искать поддержки Богеміи въ своихъ вѣчныхъ раздорахъ, чрезъ нѣкоторое время Георгъ занялъ среди нихъ положеніе третейскаго судьи, какъ было, напр., на конгрессѣ въ Егерѣ 1459 г.; онъ даже замѣнялъ императора, не заботившагося о нѣмецкомъ королевствѣ, и могъ серьезно думать объ избраніи въ нѣмецкіе короли. Въ своей странѣ онъ управлялъ превосходно и его власть казалась очень прочной.

Но погибель ему грозила со стороны церкви. Георгъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ велъ переговоры съ папой о признаніи Пражскихъ компактовъ, Курія, могущество которой все увеличивалось, въ концѣ концовъ не желала терпѣть ихъ; въ 1464 году ея положеніе казалось ей столь благопріятнымъ, что она рѣшилась дѣйствовать противъ ненавистныхъ гусситовъ. Она пригласила Георга на судъ папы, составила въ Богеміи партію измѣнниковъ и 23 декабря 1466 года отлучила короля отъ церкви.

Но Георгъ съумѣлъ удержаться. Куріи не оставалось ничего больше, какъ искать помощи у внѣшнихъ враговъ Богеміи. И эту помощь она нашла у до сихъ поръ столь презираемаго ею императора Фридриха и у короля венгерскаго.

Въ первой половинѣ 15 вѣка Венгрія имѣла совсѣмъ иное, отличное отъ прежняго значеніе. Она была теперь сосѣдкой тѣхъ земель, царствующіе дома которыхъ обладали нѣмецкой короной, потому она играла видную роль въ судьбахъ Германіи. Но съ другой стороны ей угрожали турки и она сдѣлалась защитницей европейской культуры отъ нападений съ востока. Сначала вторая изъ этихъ особенностей ея положенія имѣла особое значеніе, а потомъ на первый планъ выступила и первая.

Сербы тщетно противились нашествію турокъ въ легендарной битвѣ при Коссовѣ (1389), а венгры въ битвѣ при Никополѣ (1396). Султанъ Баязедъ изъ Адрианополя, столицы Мурада I, присоединилъ къ своему царству Боснію и началъ осаду Константинополя. Это движеніе было задержано только на время нападеніемъ монгольскаго хана Тимура; Мурадъ II (1421—1451) снова стремится къ тѣмъ же цѣлямъ, какъ и его предки. Прежде всего онъ хотѣлъ уничтожить Византійскую имперію, ограничивавшуюся въ то время почти предѣлами ея столицы. Въ виду этой опасности произошло соединеніе восточной и западной церковей (1439) и появилась надежда на военную помощь запада.

Помощь была настоятельно необходима, потому что съ 1433 года Мурадъ II пошелъ снова къ Дунаю и въ лицѣ нѣмецкаго короля Альбрехта II умеръ единственный противникъ Мурада, который могъ бы помѣряться съ нимъ. Владиславъ Постумъ, родившійся послѣ его смерти сынъ, которому было всего три мѣсяца отъ роду, получилъ корону св. Стефана въ Штульвейссенбургѣ. Какой толкъ для королевства былъ въ немъ и въ его уныломъ опекунѣ король Фридрихъ? Большинство венгерскихъ магнатовъ желали помощи Польши и получили ее, призвавъ 17 іюля 1440 года на венгерскій престолъ пятнадцатилѣтняго польскаго короля Владислава. Король Фридрихъ въ качествѣ опекуна Владислава Постума долженъ бы былъ противодействовать, но онъ вмѣсто этаго заключилъ съ Владиславомъ польскимъ перемиріе на два года.

Владиславъ съ большимъ войскомъ и въ сопровожденіи папскаго легата, кардинала Цезарини двинулся противъ турокъ; онъ побѣдилъ ихъ при Ниссѣ (3 ноября 1443 года), проникъ чрезъ Пиротъ до Софіи и разбилъ Беглербега Касима при Куновицѣ. Онъ не успокоился на этомъ. Не смотря на заключеніе съ турками перемирія на десять лѣтъ, онъ въ 1444 году снова пошелъ въ походъ противъ нихъ; изъ Бѣлграда онъ двинулся чрезъ Виддинъ, Никополь, Шумлу, Правади до береговъ Чернаго моря. Но тутъ 10 ноября 1444 года онъ былъ разбитъ при Варнѣ. Онъ палъ, пали и войско и кардиналъ; спасся одинъ только Іоаннъ Гуніади, герой венгро-турецкихъ пограничныхъ войнъ, создатель будущаго величія этого рода.

Послѣ смерти Владислава венгерскій рейхстагъ тщетно требовалъ у короля Фридриха выдачи Владислава Постума, какъ законнаго наследника престола. Пришлось назначить намѣстника. Назначили Іоанна Гуніади и онъ въ качествѣ намѣстника заключилъ съ королемъ Фридрихомъ 22 октября 1450 года договоръ въ Пресбургѣ, на основаніи котораго Фридрихъ удерживалъ за собой опеку надъ Владиславомъ до февраля 1458 года, а Гуніади мѣсто намѣстника.

Но Владиславъ Постумъ умеръ за три мѣсяца до этаго срока, 23 ноября 1457 года. Іоаннъ Гуніадъ не хотѣлъ признать Фридриха, отдаленнаго родственника Владислава, его наследникомъ; королемъ былъ избранъ его сынъ, шестнадцатилѣтній Матвѣй Корвинъ. Противъ этого, правда, возстала недовольная партія мадьярскихъ дворянъ, Гара, Уйлаки, Банфи и другіе и Фридрихъ велѣлъ короновать себя въ Бѣнскомъ Новомъ Городѣ венгерскимъ королемъ. Но возобновившіяся въ Австріи возстанія скоро усмирили его, а Матвѣй справился съ дворянствомъ и папа явился 24 іюля 1463 года посредникомъ договора между Фридрихомъ и Матвѣемъ, на основаніи котораго Фридрихъ, уже раньше утратившій Богемію, теперь потерялъ и Венгрію. Онъ долженъ былъ признать Матвѣя, какъ пріемнаго сына и предоставить ему управленіе Венгріей; въ вознагражденіе онъ получилъ только титулъ короля и надежду для своего дома на наследіе венгерскаго престола послѣ смерти царствующаго короля.

Матвѣй, теперь свободный отъ соперничества Фридриха, помимо внутреннихъ реформъ обратилъ свое вниманіе на Богемію; папа уговорилъ его дѣйствовать сообща съ императоромъ противъ еретика-короля. Но Георгъ былъ готовъ къ борьбѣ; Матвѣю удалось только сдѣлаться антикоролемъ католическаго дворянства. Но послѣ смерти Георга (22 марта 1471 года) чешскимъ государемъ сдѣлался польскій принцъ Владиславъ и императоръ Фридрихъ, давно уже гнѣвавшійся на чрезмѣрно могущественнаго Матвѣя, отдалъ Владиславу королевство и званіе курфюрстра. Такимъ образомъ Матвѣю приходилось бороться и противъ богемскаго короля и противъ императора. Но венгры не могли понять подобной политики—они желали герои-

ческой борьбы съ своимъ вѣчнымъ врагомъ на востокъ. Въ виду этаго Матвѣй заключилъ миръ въ Офенѣ 30 сентября 1478 года. Этотъ договоръ давалъ ему не корону Богеміи, а только титулъ короля Богеміи; Владиславъ удержалъ за собой чешскую землю, но Венгрія пріобрѣла другія богемскія владѣнія, Моравію, Силезію и Лаузиць. А Фридриху ничего не досталось.

Во всякомъ случаѣ въ 15 вѣкѣ Богемія, какъ великая держава, была уничтожена. Правда, уже и раньше этого замѣчается духовный упадокъ Богеміи. Пражскій университетъ съ тридцатыхъ годовъ 15 вѣка опустѣлъ, главное содержаніе ученія Виклефа превратилось въ простую, чисто виѣшнюю теорію о Чашѣ; прошелъ періодъ появленія талантовъ, способныхъ покрайней мѣрѣ къ воспроизведенію чужихъ идей, священники были невѣжественны, писатели скучны и блѣдны, искусство изсякло, даже историческое изображеніе судьбы чеховъ опять перешло въ руки нѣмцевъ.

Слѣдующія десятилѣтія были поѣтому періодомъ венгерскаго вліянія. Венгрія и присоединенныя къ ней владѣнія простирались теперь до средняго теченія Одера; они доходили до Бранденбурга и Мейссена, и силезскія и моравскія владѣнія Венгрии отдѣляли одну отъ другой славянскія земли, Польшу и Богемію. Значительная часть пріобрѣтеній нѣмецкой колонизаціи отъ 12-го до 14-го вѣка была утрачена для нѣмцевъ; Венгрія угрожала Австріи и Вѣнѣ, она сдѣлалась сильнѣйшимъ государствомъ юго-востока.

Императоръ былъ выгнанъ изъ его собственныхъ доменовъ; какъ же онъ могъ господствовать въ центрѣ имперіи, какъ онъ могъ защищать ея западныя границы?

II.

На западѣ нѣмецкаго королевства въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній произошли замѣчательнѣйшія измѣненія. Въ то время, какъ Франція была занята войной съ Англіей и направляла всѣ свои силы къ западу и къ сѣверо-западу, въ то время, какъ нѣмецкое королевское достоинство перешло къ государствамъ юго-востока, на нѣмецко-французской границѣ, такъ сказать контрбандой, выросло новое великое государство, королевство Бургундія.

Въ то время, какъ Франція по миру въ Бретиньи (8 мая 1360 года) должна была отказаться отъ большей части своихъ западныхъ владѣній въ пользу Англіи, умеръ Филиппъ, послѣдній потомокъ капетинга Роберта, владѣльца Бургундіи, страны, столицей которой былъ Дижонъ и которая простиралась отъ Саоны до Іонны. Король Іоаннъ французскій призналъ эту страну выморочнымъ леномъ и отдалъ ее своему третьему сыну, Филиппу Смѣлому. Филиппъ присоединилъ къ Бургундіи графства Неверъ и Шароле, и свободное граф-

тво Бургундію съ городами Доль и Безансонъ, ленъ римской имперіи, восточными границами непосредственно примыкающее къ габсбургскимъ владѣніямъ въ верхнемъ Эльзасѣ.

Къ такимъ крупнымъ владѣніямъ между верхнимъ Рейномъ и средней Луарой Филиппъ посредствомъ брака съ графиней Маргаритой присоединилъ графство Фландрію, графство Артуа и Ретель, земли французской короны между Шельдой и берегомъ моря; такимъ образомъ къ землямъ, лежащимъ между центральными областями Франціи и Германіи были присоединены тѣ земли на берегахъ моря, владѣя которыми Франки при Клодвигѣ создали свое всемірное господство.

Филиппъ пока старался присоединять къ уже пріобрѣтеннымъ владѣніямъ новыя земли посредствомъ семейныхъ связей. Не обращая вниманія на протестъ короля Рупрехта, онъ заставилъ герцогиню Брабанта и Лимбурга Иоанну признать наследникомъ этихъ имперскихъ земель его и его родъ; онъ выдалъ своихъ дочерей за графа Голландіи Вильгельма IV и за Габсбурга Леопольда IV, владѣльца территоріей передней Австріи. Его наследникъ Иоаннъ Неустрашимый (1404—1419) продолжалъ эту политику пріобрѣтеній. Для того, чтобы обезпечить за Фландріей и Бургундіей сосѣднія земли, онъ завязалъ близкія отношенія съ нѣмецкими князьями къ востоку отъ этихъ странъ, съ герцогами Клеве и Марки, съ графами Вюрттембергомъ и въ особенности съ герцогами передней Австріи и Лотарингіи. При этомъ онъ благоразумно оставался вѣрнымъ вассаломъ имперіи за ту часть своихъ владѣній, которая находилась въ предѣлахъ имперіи.

Филиппъ Добрый (1419—1467) во время своего продолжительнаго царствованія пожиналъ плоды дѣятельности своихъ предшественниковъ и даже увеличилъ свои владѣнія новыми пріобрѣтеніями. Въ 1429 году онъ купилъ графство Намюръ для округленія Брабанта, который онъ получилъ въ 1430 году вмѣстѣ съ Лимбургомъ. Въ 1425 году онъ добился отъ Иоанна, принадлежавшаго къ Виттельсбахскому дому голландскихъ графовъ, завѣщанія, обезпечивавшаго за нимъ графства Геннегау, Голландію и Зееландію, онъ успѣшно отстаивалъ это богатое наследство противъ всѣхъ протестовъ короля Сигизмунда и даже противъ угрозы войной со стороны законной наследницы Якобы баварской (1427—1433). Такимъ образомъ онъ владѣлъ всѣми Нидерландами и Бельгіей къ сѣверу отъ теперешней французской границы, за исключеніемъ владѣній епископовъ Люттихскаго и Утрехтскаго; онъ сдѣлался непосредственнымъ сосѣдомъ Рейнскихъ владѣній Гельдернъ, Клеве и Юлихъ.

Оставалось только соединить эту чрезвычайно богатую и процвѣтавшую страну съ Бургонью и съ вольнымъ графствомъ Бургундіей на югѣ. Для этого было необходимо еще пріобрѣсти герцогство Люксембургъ и герцогство Лотарингію, двѣ земли, потеря которыхъ, если бы онъ даже и остались подъ верховной властію нѣмецкаго королев-

, передвигала стратегическую западную границу нѣмецкаго королевства отъ теченія Мааса далеко на западъ къ линіи Саары и средняго Эйфеля—что представляло бы вѣчную угрозу для южной Германіи, все еще остававшейся центромъ королевства.

Филиппъ сначала занялся пріобрѣтеніемъ Люксембурга. Это удалось послѣ разнообразныхъ случайностей въ 1427 г. временно, окончательно же по договору въ Гездинѣ 4 октября 1441 г.; 22 ноября 1443 г. герцогъ торжественно вступилъ въ столицу страны.

Филиппъ уже во время переговоровъ о Люксембургѣ имѣлъ въ виду пріобрѣтеніе Лотарингіи. Онъ сознавалъ, что онъ встрѣтитъ на этомъ пути соперничество Франціи и что это соперничество опасно для него, чѣмъ бессильные протесты нѣмецкаго королевства. Потому онъ сначала попытался пріобрѣсти въ этомъ послѣднемъ прочную стратегическую позицію. Въ 1429 году Габсбурги отдали ему верхній Эльзасъ, теперь эта нѣмецкая земля была враждебнымъ форпостомъ въ западной Германіи, равно опаснымъ и для нѣмецкаго королевства и для Франціи.

Король Сигизмундъ съ понятнымъ недовѣріемъ наблюдалъ за этими дѣйствіями Филиппа и пытался, на сколько было для него возможно, парализировать ихъ. Посредствомъ многочисленныхъ актовъ императорской исполнительной власти онъ поддерживалъ въ Лотарингіи имперскую идею, онъ заботился объ укрѣпленіи маркграфства Понтъ-а-Муссонъ, находившагося въ непосредственной зависимости отъ имперіи, онъ сдѣлалъ сосѣднія съ Бургундіей земли, которымъ грозила наибольшая опасность отъ нападений Филиппа, Юлихъ-Бергъ и Савойю герцогствами, онъ отказалъ Филиппу въ одареніи леномъ новыми его пріобрѣтеніями въ Нидерландахъ, наконецъ онъ хотѣлъ возстановить старыя права имперіи въ самой Бургундіи. Слѣдствіемъ этого было то, что отношенія между Филиппомъ и имперіей годъ отъ году становились все болѣе натянутыми; въ 1433 году дѣло дошло бы до войны, если бы въ концѣ концовъ нѣмецкое королевство не струсило.

Послѣ Сигизмунда нѣмецкую корону получили Габсбурги. Они давно уже вели переговоры съ Филиппомъ, отъ нихъ нельзя было ожидать особаго сопротивленія стремленіямъ Бургундской политики. Въ скоромъ времени было очевиднымъ, что они не будутъ очень заботиться о двухъ особенно подвергавшихся опасности нѣмецкихъ земляхъ, объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Во Франціи графъ Арманьякъ, въ качествѣ вассала короля, во время борьбы съ Англіей изъ разной бродячей сволочи, сошедшейся отовсюду, составилъ хорошо организованное войско. Когда потомъ по договору въ Аррасѣ въ 1435 году Франція получила, наконецъ, давно желанный миръ съ Англіей, арманьяки—такъ называли это войско по имени его вождя—стали ненужными. Но Карлъ IV не умѣлъ распустить его. Оно осталось въ сборѣ и само посредствомъ насилій заботилось о своемъ существованіи, арманьяки сдѣлались *écogheurs*, грабителями страны. Ихъ направили

изъ Франціи на востокъ въ имперскія земли, въ Лотарингію и Эльзасъ. Имперіи предстояла новая задача прогнать ихъ изъ своихъ предѣловъ. Но объ этомъ никто и не думалъ. Они свирѣпствовали въ странѣ безпрепятственно и только въ мартѣ 1439 года снова ушли къ Ронѣ.

Было ясно, что Фридрихъ не можетъ и не хочетъ защищать имперію даже отъ самыхъ ничтожныхъ враговъ. Гдѣ же ему было спасать Лотарингію отъ захватовъ Бургундскаго государя? Во Франціи хорошо понимали положеніе дѣлъ и произошло нѣчто невѣроятное: во Франціи появилась мысль защитить имперскую землю отъ вражескихъ нападений. Но понятно, что тутъ былъ очень легокъ переходъ къ другой мысли—къ мысли пріобрѣсти эту землю въ собственность французской короны. Это, вѣдь, было бы для нее самой прочной защитой.

Король Фридрихъ самъ далъ основательный поводъ для осуществленія французской политикой такого плана.

Со время героическаго отраженія послѣдняго нападенія Габсбурговъ при Земпахъ (1386) Швейцарія начала дѣлать территоріальныя пріобрѣтенія.

Къ союзу присоединились Аппенцель и С-тъ Галленъ, старались укрѣпиться и за горами, въ Беллинцонѣ, распространили свои владѣнія къ Боденскому озеру и отняли у Австріи Ааргау (1418). Но вскорѣ въ Швейцаріи начались междуусобицы. Въ 1436 году умеръ послѣдній графъ Тоггенбургъ и былъ похороненъ по старому обычаю въ шлемѣ и со щитомъ. Изъ за его богатаго наслѣдства, страны отъ Цюрихскаго озера до Претигау, загорѣлась вражда между Цюрихомъ и Швицомъ; послѣдняго поддерживала большая часть кантоновъ и Цюрихъ (1439 г.) былъ побѣжденъ. Но этотъ богатый городъ не успокоился; 14 іюня 1442 года онъ заключилъ союзъ съ Габсбургомъ, королемъ Фридрихомъ, на условіи, чтобы ему достались земли Тоггенбурга, а Австрійскій домъ возвратилъ себѣ отнятый у него Ааргау; при этомъ долженъ былъ составиться большой союзъ сѣверной Швейцаріи, Реціи, Форальберга и Швабіи подъ предводительствомъ Цюриха и Австріи. Тогда Швицъ снова объявилъ войну Цюриху и одержалъ побѣду—Габсбурги не помогли Цюриху.

При такомъ положеніи дѣлъ, которое легко могло повести къ паденію Швейцаріи на Габсбургскій домъ, королю Фридриху пришла въ голову позорная мысль. Онъ выпросилъ у французскаго короля для своей защиты Арманьяковъ. Карлъ VІІ съ охотой позволилъ Арманьякамъ идти на его призывъ. Не опредѣляя точно ихъ отношеній къ нѣмецкому королю и королевству, Арманьяки лѣтомъ 1444 года подъ предводительствомъ молодаго дофина двинулись въ Эльзасъ. Ихъ было 40000 подъ начальствомъ 140 вождей (капитановъ)—это было самое большое войско, какое только бывало въ Европѣ въ то время. Когда они направились противъ Швейцаріи, къ нимъ необдуманно присоединилось и швабское дворянство: дѣло, вѣдь, шло

о легкой побѣдѣ надъ ненавистными пастухами. Но дофинъ вскорѣ пересталъ говорить объ обезпеченіи Лотарингіи противъ Бургундіи и о защитѣ Австріи противъ Швейцаріи; онъ открыто призналъ конечной цѣлью своего похода переходъ Швейцаріи, Эльзаса и Лотарингіи подъ власть Франціи.

Но Швейцарія спасла и себя и западныя нѣмецкія границы. Въ страшной битвѣ при домѣ прокаженныхъ св. Іакова при Бирсѣ, не далеко отъ Базеля, швейцарцы доказали Арманьякамъ, что значитъ крестьянское мужество. Они боролись отъ четырехъ часовъ утра до заката солнца; ихъ войско было уничтожено, осталось только 200 человекъ. Эта битва по величію и по мужеству бойцевъ превосходитъ подвигъ трехсотъ при Термопилахъ. Результаты были блестящіе. Крестьяне были побѣждены, но Арманьяки отступили. 24 октября 1444 года дофинъ заключилъ въ Элизгеймѣ миръ съ Швейцаріей и бросился на безоружный Эльзасъ.

Теперь была окончательно оставлена мысль о всякихъ геройскихъ подвигахъ съ Швейцаріею и о планахъ и задачахъ короля Фридриха, Французы хотѣли только одного: получить Эльзасъ и Лотарингію. Для этой цѣли дофинъ остался на Рейнѣ, а Карлъ VII двинулъ второе войско противъ Лотарингіи.

Въ нѣмецкомъ королевствѣ народъ пришелъ въ отчаяніе. Уличные пѣвцы пѣли королю:

Ты долженъ противиться грабителямъ
И выгнать ихъ изъ страны;
Ты самъ распустилъ ихъ.
Берегись-же великаго сраму!

(Du sollest wehren Räuberei
Und treiben aus dem Lande
So hast du selbst gemacht sie frei:
Schäm' dich der grossen Schande).

Спасеніе отъ французовъ и на этотъ разъ, какъ бывало часто и раньше, пришло не отъ самихъ нѣмцевъ, а отъ угрозъ Англіи и Бургундіи противъ Франціи. Весной 1445 года Арманьяки очистили страну, преслѣдуемые проклятіями и уничтожаемы нападеніями населенія. Тѣмъ не менѣе за Франціей остался Эпиналь, и Туль и Вердюнь, не измѣняя своего отношенія къ имперіи, должны были стать подъ защиту французской короны; Мець заплатилъ за свою энергично защищаемую независимость взносомъ 100000 гульденовъ французскому и лотарингскому государю.

Если мы припомнимъ, что первоначальной цѣлью Фридриха была борьба съ Швейцаріей, то очевидно, что король не имѣлъ никакого успѣха. Австрійцы были разбиты 5 марта 1446 года при Рагацѣ, потомъ начались переговоры и въ результатъ Австрія почти вполнѣ утратила всякое вліяніе на возвышенностяхъ Швейцаріи; Цюрихъ

снова присоединился къ союзу, къ нему же впервые присоединился и Шаффгаузенъ.

Все это было довольно благопріятно для Бургундіи; такъ какъ теперь намѣренія Франціи относительно Эльзаса и Лотарингіи сдѣлались вполне ясными, то послѣдовало желательное для Бургундіи сближеніе между герцогомъ Филиппомъ и королемъ Фридрихомъ. Но все же это событіе указывало на то, что соединеніе нидерландскихъ и южно-бургундскихъ владѣній возможно только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ и прежде всего только въ случаѣ пораженія Франціи на западѣ. А такъ какъ всѣхъ этихъ условій тогда не существовало, то Филиппъ обратилъ особое вниманіе на Нидерланды, тѣмъ болѣе, что тамъ въ это время появились опасныя для него усложненія.

На нижнемъ Рейнѣ въ концѣ 12 вѣка, со времени полученія кельнскимъ архіепископомъ герцогства Вестфалии, свѣтскіе территоріальные государи боролись энергично противъ могущества архіепископства. Въ началѣ борьбу велъ Юлихъ въ соединеніи съ городомъ Кельномъ, позже на первый планъ выступаютъ графы Марки. Борьба сдѣлалась болѣе оживленной въ то время, когда Адольфъ II пытался соединить въ своихъ рукахъ Марку и Клеве (1398) и когда онъ при этомъ вошелъ въ родство съ герцогомъ бургундскимъ. Это увеличеніе могущества свѣтскаго княжества уравнивалось новымъ увеличеніемъ могущества Кельна. Съ 1414 года архіепископскую кафедру Кельна занималъ Дитрихъ, изъ дома графовъ Мёрзъ, сосѣдей герцоговъ Клеве. Дитрихъ задумалъ соединить въ своихъ рукахъ или по крайней мѣрѣ въ рукахъ своего рода Кельнъ и другія владѣнія, какъ это дѣлали или пытались дѣлать другія графскія фамиліи, какъ напр. Гойя въ нижней Саксоніи. И онъ достигъ своей цѣли. Самъ онъ 1415 года сдѣлался администраторомъ епископства Падеборнъ, братъ его Генрихъ въ 1424 года былъ епископомъ Мюнстера, другой братъ Вальрамъ съ 1425 года епископомъ Утрехта.

Такимъ образомъ Клеве-Марка была совершенно сдавлена, какъ въ тискахъ, духовными владѣніями, находившимися подъ властью рода графовъ Мёрзъ. Оно, казалось, должно было подчиниться этому роду.

Но вскорѣ у Кельна оказалось одно слабое мѣсто, благодаря которому было возможно избавиться отъ его вліянія. Зѣсть, старый центръ вестфальской торговли, былъ Кельнскимъ городомъ. Давно уже онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ къ территоріальнымъ владѣльцамъ. Около 1437 года эти отношенія начали обостряться, — слишкомъ уже очевидны были противорѣчія между городской республикой и притязаніями князей. Слѣдствіемъ этого было то, что Зѣсть задумалъ отложиться отъ Кельна и началъ искать поддержки для осуществленія своей цѣли.

Естественно, что этой поддержки Зѣсть искалъ прежде всего у

Клеве. А за Клеве стояли и большія силы. Архіепископъ Дитрихъ въ борьбѣ между базельскимъ соборомъ и папой Евгеніемъ IV стоялъ на сторонѣ собора. Герцогъ Клеве, наоборотъ, былъ за папу. Дитрихъ былъ очень неудобнымъ сосѣдомъ для Бургундіи, а Адольфъ, герцогъ Клеве, былъ шуриномъ герцога бургундскаго Филиппа, тоже стоявшаго на сторонѣ папы Евгенія.

Клеве благосклонно принялъ просьбу Зѣста о помощи; Адольфъ 16 іюня, а Зѣсть 25 іюня 1444 года объявили войну Кельнскому архіепископу и Зѣсть призналъ герцога Клеве своимъ сюзереномъ. Началась дикая и опустошительная война изъ за Зѣста; и въ нее постепенно были вовлечены всѣ большіе города и дворяне Вестфалии; рѣшеніе запутаннаго вопроса казалось безнадежнымъ. То обстоятельство, что папа Евгеній наконецъ вышелъ изъ своего нейтральнаго положенія и отлучилъ, а потомъ низложилъ архіепископа Дитриха, нисколько не улучшило положенія дѣлъ; мы знаемъ, что папѣ по настоянію курфюрстровъ пришлось взять назадъ низложеніе архіепископа.

Въ концѣ концовъ Дитрихъ сдѣлалъ отчаянную попытку рѣшить дѣло въ свою пользу. Подружившись съ Саксоніей, онъ просилъ у ней военной помощи противъ Зѣста. И дѣйствительно лѣтомъ 1447 г. изъ Саксоніи двинулось войско, состоявшее изъ 15 тысячъ чело-вѣкъ, въ числѣ которыхъ было много грабительскаго сброда изъ Чехіи. Ночью съ 20 по 21 іюля оно попробовало взять городъ штурмомъ — но безъ успѣха. Войско въ полномъ безпорядкѣ вернулось домой, Кельнъ послѣ громадныхъ финансовыхъ потерь проигралъ дѣло и въ послѣдующихъ за войной рѣшеніяхъ третейскихъ судей ему пришлось оставить притязанія на Зѣсть, хотя формально и опредѣленно онъ отъ нихъ и не отказался.

Важнѣе всѣхъ этихъ мелкихъ событій былъ тотъ фактъ, что Кельнъ потерпѣлъ полное пораженіе, какъ великая держава нижняго Рейна. Естественно, что главный выигрышъ достался не столько мелкимъ территоріальнымъ государствамъ на Рейнѣ, сколько Бургундіи; у этой послѣдней теперь не было на сѣверѣ ни одного противника съ равными ей силами. Герцогъ Филиппъ, даже къ невыгодѣ дружественнаго съ нимъ Клеве, немедленно воспользовался этимъ положеніемъ дѣлъ.

Уже торговля верхней Германіи въ Швейцаріи, Эльзасѣ и Лотарингіи сближала его съ королемъ Фридрихомъ; онъ попытался получить отъ короля въ ленъ свои области, находившіяся въ предѣлахъ нѣмецкаго королевства т. е. признанія того революціоннымъ путемъ создавшагося государства, въ которомъ ему всегда отказывали императоръ Сигизмундъ. Но теперь, весной и лѣтомъ 1447 г., онъ возымѣлъ болѣе честолюбивые планы. Онъ уговорилъ короля Фридриха дать ему въ ленъ всѣ эти области, какъ единое королевство, находящееся въ предѣлахъ нѣмецкаго королевства и при этомъ онъ

требовалъ, чтобы къ этимъ областямъ были присоединены въ качествѣ зависимыхъ отъ новаго королевства леновъ, герцогства Гельдерне, Клеве, Юлихъ, Марка и Мёрзъ, графства Водемонъ, герцогства Баръ и Лотарингія: однимъ словомъ все, что когда-то принадлежало къ государству Лотаря I, внука Карла Великаго.

Это было неслыханнымъ требованіемъ, исполненіе котораго сразу создало бы большое королевство между Германіей и Франціей и притомъ на счетъ Германіи; даже Фридрихъ III возсталъ противъ такого плана. Потому переговоры были прерваны, тѣмъ не менѣе Филиппу дозволили принести прямую и непрямую ленную присягу за его владѣнія въ нѣмецкомъ королевствѣ и, стало быть, съ этихъ поръ онъ сдѣлался совершенно законнымъ владѣльцемъ этихъ земель.

Въ срединѣ 15 вѣка это было уже установившимся фактомъ. Для національнаго развитія Германіи этотъ фактъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Въ 1457 г. Дофине было совершенно утрачено для имперіи и присоединено къ Франціи, хотя императоры, въ особенности Сигизмундъ, продолжали отстаивать права верховной власти на эту землю, — и ни Фридрихъ III, ни сама нація не сожалѣли объ этой уtratѣ. Бургонь и вольное графство Бургундія, хотя и принадлежали имперіи, но никогда не были нѣмецкими; съ національной точки зрѣнія потеря ихъ не были тяжелой.

Совсѣмъ иное дѣло Нидерланды. Чрезъ Ганзу и чрезъ рейнскую торговлю они находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ со всѣми областями южной, сѣверной и средней Германіи, по національности они были нѣмецкими и ихъ энергичное бюргерство признавало себя нѣмцами въ противоположность съ жителями Лилля и Дуэ, Валансьена и Намюра. Власть Бургундіи распространилась именно здѣсь, въ странѣ большихъ фламандскихъ городовъ. И къ несчастію это произошло какъ разъ во время упадка германской культуры 14 вѣка. Потому ей было сравнительно легко получить господство. Это господство не могло быть старой ленной монархіей, потому что въ этихъ земляхъ кромѣ городовъ другихъ крупныхъ вассаловъ не было; но не могло быть и настоящей абсолютной монархіей — этому противодействовала городская свобода. Въ концѣ концовъ создавалось совершенно своеобразное государство, которое всего лучше можно сравнить съ итальянскими тираніями 14 и 15 вѣка; оно основывалось на подчиненіи важнѣйшихъ политическихъ интересовъ большихъ городовъ герцогу. Это достигалось уменьшеніемъ власти городскихъ старѣйшинъ (шоффеновъ) и уничтоженіемъ свободы коалицій цеховъ и гильдій; многое достигалось изолированіемъ отдѣльныхъ городовъ.

Понятно, что всѣ подобныя мѣры должны были уничтожить лучшее достояніе страны, старую нѣмецкую самостоятельность городовъ. И онѣ, дѣйствительно, уничтожили ее, замѣнивъ французской культурой и французскимъ политическимъ строемъ. Всѣ мѣры бур-

гундскихъ государей были подраженіемъ французскимъ; французскіе короли издавна назначали Prévôts для ограниченія и уничтоженія городского самоуправления, отнимали у горожанъ оружіе, повысили налоги и создали централистическое финансовое и судебное управленія. Такимъ образомъ господствовала французская культура, тѣмъ болѣе, что герцоги были вполне французами и гордились тѣмъ, что они принадлежатъ къ дому Валуа, происходившему будто бы отъ Карла Великаго, тоже француза.

Такимъ образомъ уже издавна началось извращеніе и уничтоженіе національнаго прошлаго страны, причемъ однако не удалось уничтожить основныхъ національныхъ особенностей: процвѣтающая страна была заражена зломъ двуязычія и борьбой совершенно различныхъ по національности міровоззрѣній; даже въ настоящее время она не отдѣлалась отъ этой двойственности, созданной ея исторіей. Всѣ мыслящіе люди уже во время первыхъ десятилѣтій 15 вѣка предвидѣли будущее; въ 1416 году король Сигизмундъ съ упрекомъ спрашивалъ у бургундско-пастроенаго посла Брабанта: *Vultis ita esse Francigenae?* (Вы хотите, стало быть, быть французами?) ¹⁾. Вина Фридрихъ III состояла въ томъ, что онъ, не смотря на полную очевидность будущихъ бѣдствій и совсѣмъ не вынуждаемый крайней необходимостью, отдалъ Нидерланды Бургундіи.

III.

Такимъ образомъ положеніе дѣлъ на западной границѣ Германіи въ срединѣ 15 вѣка было почти отчаяннымъ, и мы уже видѣли, что положеніе дѣла на юго-востокѣ было едва ли менѣе отчаяннымъ. Поэтому всѣ, кто еще не утратилъ вѣры въ будущность нѣмецкаго королевства, должны были въ виду отдаленности сѣверныхъ нѣмецкихъ земель полагаться на силы земель средины Германіи, въ особенности ея юга.

Но и здѣсь положеніе дѣла въ срединѣ 15 вѣка было то же запутаннымъ и чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ сдѣлалось почти безнадежнымъ.

Города послѣ своего пораженія были въ 1389 году на основаніи земскаго мира въ Егерѣ оттѣснены на задній планъ, но не вполне подавлены. Позднѣйшія событія, какъ напр. неудавшіяся попытки реформъ короля Сигизмунда, тоже не были для нихъ полнымъ пораженіемъ. Самый характеръ городскихъ союзовъ, ихъ трусливость при каждой опасности, ихъ уступчивость при каждомъ нападеніи, ихъ медлительность при каждомъ рѣшеніи спасали ихъ и отъ быстрой

¹⁾ Galesloot въ Bull. de comm. hist. de Belgique, V.

погибели и отъ смѣлыхъ подвиговъ. Потому политическое значеніе городовъ въ Германіи не было уничтожено какой нибудь катастрофой, оно падало медленно и безславно.

Въ то время, какъ города боязливо медлили и постоянно подвергались вліянію княжескихъ и королевскихъ рѣшеній, князья устроивали свои земли и свою администрацію; уже послѣ смерти Сигизмунда они зашли въ этомъ направленіи столь далеко, что имѣли возможность въ отсутствіе Альбрехта II захватить въ свои руки управленіе королевствомъ и фактически удержать за собой это управленіе при слабости королѣ Фридрихѣ.

А это должно было повести къ дальнѣйшему устраненію вліянія городовъ. Города боялись—и не безъ основанія—что при возобновленіи капитуляцій по поводу выборовъ Альбрехта и Фридриха они потеряютъ свои вольности; на второй годъ царствованія Фридриха 22 швабскихъ имперскихъ городовъ подъ руководствомъ Ульма составили союзъ для защиты своей самостоятельности и возобновили этотъ договоръ 22 марта 1446 года, при чемъ къ союзу присоединились пять швабскихъ и четыре франконскихъ имперскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Нюренбергъ.

Естественно, что при этомъ еще болѣе обострилась вражда между городами и князьями. Но это было уже не то, что въ 14 вѣкѣ. Дѣло шло уже не о политическомъ и государственномъ равенствѣ городовъ съ князьями. Вопросъ былъ только о возможности отдѣльнаго политическаго существованія городовъ. Территоріи теперь являлись упроченными государственными формами, онѣ также стремились выйти изъ своихъ старыхъ границъ, онѣ начали создавать основы самостоятельной экономической и торговой политики, которая перерѣзывала жизненные нервы старой системы городовъ и должны были въ концѣ концовъ раздавить ее. Города пытались избѣжать своей судьбы, они вели теперь борьбу не о политическомъ могуществѣ, а только о пассивномъ существованіи.

Эта борьба началась въ 1449 и 1450 годахъ. Она велась повсемѣстно, все опустошая; но главнымъ ея очагомъ сдѣлалась южная Германія отъ Баденскаго озера до Майна; здѣсь Эслингенъ, Роттвейль, Ульмъ, Галль и другіе швабскіе имперскіе города сдѣлались центрами для нападений князей. Поводъ и исходъ борьбы исходили изъ верхней Франконіи. Здѣсь противниками были Нюренбергъ и Альбрехтъ Ахилль Бранденбургъ-Ансбахскій; они были типичными представителями сопротивленія городовъ и воинственныхъ стремлений князей. Альбрехтъ дѣйствовалъ противъ города при помощи всяческихъ дипломатическихъ плутней, онъ на дѣлѣ осуществлялъ свое изрѣченіе: что грабежъ украшаетъ войну, какъ *Magnificat* вечерню,—постояннымъ грабежемъ Нюренбергскихъ владѣній. Но жители Нюренберга подъ начальствомъ своего бургомистра Шурштаба держались стойко и хра-

бро, и самая большая битва этой опустошительной борьбы, битва при женскомъ монастырѣ Пилленрейтѣ (11 марта 1450 года) рѣшена была въ пользу дѣла бюргеровъ, также какъ и одновременная борьба на сѣверо-западѣ Германіи изъ за Зѣста. Тоже самое, что съ Нюренбергомъ, произошло и съ остальными имперскими городами южной Германіи; они ограничивались только защитой и побѣдоносно выдержали нападенія князей.

Но это никоимъ образомъ не значило, что вся эта фаза борьбы кончилась къ выгодѣ городовъ. Наоборотъ, они только съ трудомъ удержались на высотѣ своего прежняго положенія; да и самъ Нюренбергъ по своему окончательному соглашенію съ Альбрехтомъ (27 апрѣля 1453 года) не выигралъ ничего большого. Status quo—въ этомъ случаѣ было регрессомъ и поводомъ къ новымъ нападеніямъ со стороны князей. Они не успокоились и во многихъ мѣстахъ побѣдили. Не говоря о сѣверной Германіи, въ 1458 году имперскій городъ Донаувертъ попалъ въ руки Людвига герцога Баваріи—Ландегутъ; а Майнцъ подчинился архіепископу. Въ обоихъ случаяхъ ни одинъ городъ не двинулся на помощь—сознаніе общности интересовъ было утрачено.

Это, конечно, не значило, что политическая роль городовъ была вообще кончена. Когда князья въ восьмидесятыхъ годахъ 15 вѣка почти совершенно освободились изъ подъ власти императора и пытались создать сами чисто союзно-государственныя національныя отношенія, города въ концѣ концовъ должны были быть признаны соединительнымъ звеномъ федеративнаго государства; при безконечной междуусобной борьбѣ князей они временно даже были сдерживающимъ элементомъ въ имперской политикѣ. Но все это было второстепенной и преходящей политической комбинаціей и она была возможна только послѣ полной побѣды князей надъ главой государства.

Князья теперь, съ 1453 года, выступаютъ окончательно на первый планъ въ исторіи нѣмецкаго королевства. Они были достаточно сильны теперь въ своихъ замкахъ, чтобы играть руководящую роль и на благодарной почвѣ политики насилія, прямого отрицанія права и справедливости и противуестественной вражды даже между ближайшими родственниками въ ихъ рядахъ появляется цѣлый рядъ энергическихъ и рѣзко опредѣленныхъ характеровъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ со времени его борьбы съ Нюренбергомъ, маркграфъ Альбрехтъ Ансбахскій, *Vulpes Germaniae* («германская лисица»)

mit seinen subtilen fünden,
die niemand kann ergründen¹⁾.

(съ его тонкими штуками, которыхъ никто не могъ понять).

У него была очень небольшая земля, но за то очень большія притязанія; его идеаломъ было герцогство Франконія, и такъ какъ до-

стигнуть этого идеала онъ могъ только расширеніемъ юрисдикціи имперскаго земскаго суда, который находился въ его владѣніи, то онъ и стоялъ на сторонѣ императора. Съ другой стороны его терри-торіальныя стремленія ставили его непосредственно во враждебныя отношенія съ Баваріей. Въ Баваріи же послѣ смерти императора Людвига (1347 г.) вслѣдствіе постоянныхъ раздѣловъ владѣній могущество Виттельсбаховъ подверглось разложенію; Бранденбургъ, Тироль и голландскія владѣнія были утрачены. Стефанъ I († 1375 г.) снова соединилъ подъ своей властью по крайней мѣрѣ остальные, старыя владѣнія дома Виттельсбаховъ, но при его сыновьяхъ несогласія и раздоры начались снова. Появилось множество линій и вѣтвей дома, изъ которыхъ къ 1450 году оставались только двѣ линіи: Баварско-Мюнхенская и Баварско-Ландсгутская. Изъ нихъ болѣе сильной была вторая, Ландсгутская; Ландсгутомъ управлялъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ государей того времени, Людвигъ Богатый, превосходный правитель и любящій роскошь государь, обладавшій стремленіями ко всему великому и расположенный къ наукамъ; онъ основалъ университетъ въ Ингольштадтѣ (1472). Людвигъ первый и началъ борьбу противъ Альбрехта Ахилла. Непосредственно рядомъ съ нимъ можно поставить только курфюрстра Пфальцскаго, Фридриха III Побѣдоноснаго. Въ 1449 году онъ сдѣлался правителемъ и опекуномъ своего племянника Филиппа; это былъ красивый мужчина и даровитый полководецъ, любившій науки, но суровый, беспощадный и надменный. Онъ не довольствовался своей ролью опекуна и временнаго правителя, съ согласія сословій на основаніи такъ называемой *аррогаціи* 1451 года онъ объявилъ себя курфюрстромъ и усыновилъ Филиппа. Филиппъ, другъ гуманистовъ, наследовалъ ему на основаніи опредѣленій *аррогаціи* (1476—1508) и всѣ князья постепенно признали его. Но легитимистъ императоръ все время до самаго конца оставался его противникомъ. Потому Фридрихъ находился въ постоянной враждѣ съ императоромъ и съ его приверженцемъ Альбрехтомъ Ахилломъ, и въ дружбѣ съ Людвигомъ Ландсгутскимъ. Къ этимъ основнымъ отношеніямъ примыкалъ цѣлый рядъ менѣе важныхъ симпатій и антипатій среди князей. Напр., архіепископъ Яковъ Трирскій всегда былъ противъ императора, такое же положеніе послѣ него занялъ и архіепископъ Дитрихъ Майнцскій, потому оба они держались заодно съ Пфальцемъ и Баваріей.

Всѣ эти отношенія направлялись и видоизмѣнялись соотвѣтственно измѣненіямъ въ общей имперской политикѣ; такъ какъ императоръ Фридрихъ не заботился о дѣлахъ королевства, то имперскія интересы должны были сдѣлаться предметомъ заботъ князей. Князья должны были доказать, что они несмотря на существующіе раздоры

1) Бахманъ.—Reichsgeschichte, I.

способны заботиться о благѣ цѣлаго, они должны были доказать, возможно ли для нихъ не только простое принципиальное стремленіе къ улучшенію положенія государства, но и осуществленіе такого стремленія. Событія произошедшія отъ 1450-го до 1463 года рѣшали эти вопросы.

Важнѣйшими задачами имперской политики около 1450 года были: церковная реформа, борьба съ турками и реформа конституціи. Церковная реформа послѣ несчастнаго исхода соборнаго движенія отступила до нѣкоторой степени на задній планъ; о борьбѣ съ турками шли безконечныя и бесплодныя разсужденія; одинъ рейхстагъ слѣдовалъ за другимъ, а въ это время турки взяли Константинополь (1453). Даже одно удачное осуществленіе своевременныхъ конституціонныхъ реформъ могло бы дать князьямъ въ срединѣ 15 вѣка право на вѣчную славу и благодарность потомства.

Задача эта была нелегкой. При Сигизмундѣ и Альбрехтѣ всѣ попытки въ этомъ направленіи были неудачными. Если короли хотѣли реформы и князья расположены къ ней, то города противились ей и наоборотъ. Трудно бываетъ бороться и съ личными противорѣчіями, и почти невозможно съ противорѣчіями социальными. Между тѣмъ вопросы о томъ, каковы именно права государства, становились все болѣе запутанными: имперская конституція производила впечатлѣніе кучи обломковъ, среди которыхъ въ теченіи пятисотъ лѣтъ при таинственномъ полумракѣ сумерекъ разрослись плевела и ядовитыя растенія. Такое положеніе дѣлъ прямо давало поводъ энергическимъ государямъ ловить рыбу въ мутной водѣ и избавиться отъ этого мрака хотѣли среди князей только одни слабые люди и идеалисты.

Тѣмъ не менѣе князья приступили къ реформѣ; они знали, что только одно это и могло обезпечить за ними гегемонію въ нѣмецкомъ королевствѣ, такъ сказать, узаконить ее. Естественно, что первыя энергическія настоянія исходили не отъ крупныхъ эгоистическихъ территоріальныхъ владѣльцевъ, но отъ одного изъ курфюрстровъ, власть котораго подвергалась опасности со стороны другихъ князей, отъ архіепископа Трирскаго Якоба. Якобъ въ 1453 году представилъ докладъ о реформѣ конституціи. Вскорѣ эта попытка была оттѣснена на задній планъ раздорами князей. Тогда за дѣло взялся пфальцскій курфюрстръ, при этомъ онъ желалъ низложенія враждебнаго ему императора. Такъ какъ теперь съ вопросомъ о реформѣ былъ соединенъ вопросъ о низложеніи императора, то предстояла опасность, что императоръ отдастся вполнѣ въ руки Альбрехта Ахилла вмѣсто того, что бы занять самостоятельное положеніе выше интересовъ князей и дѣйствовать въ пользу реформы.

Въ дѣйствительности это и произошло. Трирская программа была поддержана пятью курфюрстрами на рейхстагѣ въ Вѣнѣ въ февралѣ

1455 года. Но императоръ не принялъ ее и сошелся съ Альбрехтомъ Ахилломъ. Вскорѣ послѣ этого, 28 мая 1456 года, умеръ Якобъ Трирскій, всегда державшійся нейтрально среди раздоровъ князей и во главѣ друзей реформы сталъ черезъ-чуръ затянувшійся въ борьбу партій курфюрстръ пфальцскій. Это являлось значительнымъ ухудшеніемъ положенія дѣлъ; крупные и мелкіе государи составили двѣ партіи: пфальць-баварскую и императорско-ансбахскую; открывая борьба между ними была, казалось, только вопросомъ времени. Но тутъ предстояла возможность миролюбиваго исхода — но какого рода былъ этотъ исходъ! Король Подѣбрадъ богемскій въ 1460 году особенно энергично вмѣшивался въ дѣла Германіи, онъ сталъ на сторону Виттельсбаховъ, онъ серьезно выставилъ свою кандидатуру по званію римскаго короля, при чемъ императоръ долженъ былъ сохранить только свой титулъ безъ всякой дѣйствительной исполнительной власти, уже въ октябрѣ 1460 года онъ говорилъ о Фридрихѣ III, какъ о государѣ Фридрихѣ, герцогѣ Австрійскомъ, называющемъ себя римскимъ императоромъ. Подобныя притязанія Богемскаго короля могло дать другой оборотъ судьбамъ Германіи.

Но прежде, чѣмъ произошолъ такой поворотъ въ положеніи дѣлъ, началась война между обѣими партіями нѣмецкихъ князей. Враждебныя столкновенія произошли на Рейнѣ и въ верхней Франконіи, и тамъ и тутъ побѣдили Виттельсбахи, но побѣда ихъ не была рѣшительной; они должны были даже признать короля богемскаго Георга третейскимъ судьей для улаженія раздоровъ въ верхней Франконіи. При подобныхъ условіяхъ у нихъ, конечно, не было на столько силы, чтобы осуществить реформу конституціи, даже если бы они и хотѣли этого. Потому мысль о реформѣ отошла на задній планъ, тѣмъ болѣе, что императоръ былъ самъ вооруженъ противъ нея.

Общественное мнѣніе со времени вступленія на папскій престолъ Пія II (1458 — 1464) вѣрило снова въ возможность церковной реформы. Піи II, называвшійся раньше Энеемъ Сильвіемъ, считался просвѣщеннымъ гуманистомъ, онъ дасть — такъ думали — тѣ уступки, которыхъ требовало время. Но скоро разочаровались въ этомъ. Піи зналъ только одно стремленіе — стремленіе къ могуществу; сообразно съ этимъ онъ и дѣйствовалъ. Онъ желалъ не реформъ, но только увеличенія власти папы; руководясь такими стремленіями 18 января 1460 года онъ издалъ буллу *Execrabilis*, воспрещавшую всякую апелляцію отъ римскаго престола къ всемірному собору, какъ еретическую.

Успѣхъ буллы и другихъ подобныхъ мѣръ куріи въ Германіи былъ неожиданный; уже начало проявляться то религіозно-революціонное настроеніе, которое послѣ ряда разочарованій въ реформѣ должно было въ концѣ концовъ повести къ реформации Лютера. Рейхстагъ въ Нюренбергѣ повелъ къ возобновленію союза курфюрстровъ, къ

угрозѣ созвать новый соборъ, къ надеждѣ на органическій статутъ въ родѣ французской прагматической санкціи; почти всѣ курфюрстры были согласны между собой; казалось, что должна произойти крупная реформа церкви.

Но это только казалось. И въ этомъ отношеніи княжескіе раздоры испортили все дѣло. Пій II рассчитывалъ на нихъ, когда онъ 21 августа 1461 года отлучилъ отъ церкви и низложилъ главу друзей реформы, архіепископа Майнцаго Дитгера. Этотъ поступокъ папы нашель поддержку въ императорско-ансбахской парти; такъ какъ Дитгеръ стоялъ на сторонѣ Виттельсбаховъ, то эта партія воспользовалась рѣшеніемъ папы для того, чтобы снова начать борьбу. И на этотъ разъ она побѣдила на Рейнѣ, Дитгера прогнали и свита Адольфа Нассаускаго, другою майнцаго архіепископа, 28 октября 1462 года взяла приступомъ городъ Майнцъ и удерживала его до смерти Адольфа (1475). Въ верхней Франконіи Виттельсбахи удержали за собой позицію, но они еще меньше, чѣмъ прежде, могли теперь противиться вмѣшательству Георга Подѣбрада и въ концѣ концовъ подчинились приговору его третейскаго суда въ Прагѣ 24 августа 1463 года.

Эти событія доказали, что князья не только не способны къ реформѣ конституціи, но неспособны даже поддержать попытки реформы церковной; и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось очевиднымъ, гдѣ слѣдовало въ это время искать владыкъ судебъ Германіи. Не даромъ Петръ Эшенлоеръ, городской писецъ Бреславля, говорилъ о королѣ богемскомъ: сегодня онъ благопріятствуетъ одному князю, а завтра другому; всѣ они ждутъ у него помощи, онъ можетъ оказать эту помощь и отлично умѣетъ обѣщать ее, отказать въ ней, зажечь вражду, и погасить ее; если онъ вступится за какую партію, другая должна подчиниться ¹⁾. Но понятно, что и онъ не былъ въ состояніи навязать всему нѣмецкому королевству реформу конституціи; попытка, которую онъ сдѣлалъ въ 1463 году въ пользу особыхъ привилегій для королевской короны Богеміи и для княжескихъ шапокъ Пфальца, Ландсгута и Ансбаха совершенно неудалась благодаря сопротивленію императора, слабой поддержкѣ князей, а также и взаимному недовѣрію всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.

Вообще объ общей реформѣ не могло быть и рѣчи; кто могъ взяться за нее, кто долженъ былъ осуществить ее? Было очевидно, что могли бы быть произведены частныя реформы въ родѣ союзовъ земскаго мира, которые возстановили бы безопасность и законность въ королевствѣ, и что такіе союзы могли бы дать государю, рѣшившемуся создать ихъ, значительное вліяніе въ предѣлахъ его территоріи. Это было тоже, что политика таможеннаго союза въ 19 вѣкѣ, только тутъ идея была направлена на возстановленіе общаго спокойствія и мира.

¹⁾ Geschichte der Stadt Breslau, I.

Первый воспринялъ эту идею Людвигъ, герцогъ Баваріи—Ландсгутъ, но осуществить ее ему воспрепятствовала императорско-ансбахская партія. Потомъ отъ имени императора идею воспринялъ Альбрехтъ Ахиллъ; но ему помѣшали Виттельсбахи.

Въ эту минуту, когда интересы государства совершенно отошли на задній планъ и оставалась только эгоистическая политика князей, императоръ еще разъ попытался прибѣгнуть къ личному рѣшенію; онъ былъ теперь въ такомъ положеніи, что могъ хоть немного отдохнуть отъ бѣдствій, преслѣдовавшихъ его въ Австріи, за работой для нѣмецкаго королевства. Его планы соотвѣтственно вышеупомянутой идеѣ тоже были направлены на достиженіе общаго земскаго мира, но только въ стилѣ 14 вѣка, въ направленіи регулированія и сдерживанія въ извѣстныхъ предѣлахъ стародавняго права междуусобныхъ войнъ; онъ хотѣлъ опять возстановить непрочное государственное единство 14 вѣка въ совершенно отжившихъ свое время старо-франкскихъ формахъ. Этого для него было достаточно; онъ не понималъ, что въ силу измѣненія взаимныхъ отношеній между городами и князьями, въ силу разложенія въ средѣ дворянства, въ силу развитія территоріальныхъ властей характеръ и связи отдѣльныхъ частей королевства стала совершенно иными и что высшая культура дѣлаетъ необходимымъ болѣе сильныя и рѣшительныя средства мирнаго сожителства.

Сначала онъ примѣнилъ свой планъ въ ограниченномъ районѣ, въ Швабіи, потомъ въ началѣ 1466 года онъ распространилъ его на всю южную Германію. Начиная съ лѣта 1467 года онъ попытался примѣнить его въ болѣе обширномъ районѣ. Князья поддержали его. Они понимали, что опредѣленія императорскаго земскаго мира, какими они были въ 14 вѣкѣ, наврядъ ли будутъ примѣнимы къ ихъ территоріямъ. Эти опредѣленія прежде всего регулировали мелкія столкновенія, пытались противодѣйствовать грабежу, поджогамъ и убійству, но въ 15 вѣкѣ полиція большихъ территорій давно уже заботилась о томъ, чтобы наказывать подобныя преступленія въ предѣлахъ территоріи. Въ 15 вѣкѣ пользу принести могли только воспрещеніе крупныхъ войнъ между князьями, возстановленіе національнаго судебного строя съ высшимъ императорскимъ судомъ во главѣ, созданіе общихъ финансовъ для цѣлей защиты государства отъ внѣшнихъ нападеній и для обезпеченія общаго спокойствія внутри. Въ этомъ именно и состояли требованія времени, и противъ нихъ были только незаконныя и эгоистическія стремленія князей; императоръ былъ обязанъ исполнить эти требованія. Такъ какъ онъ вмѣсто этаго возвращался къ опредѣленіямъ земскаго мира стараго времени, то князья поняли, что подобная политика будетъ касаться только мелкихъ территорій и городовъ и потому даже будетъ полезна для ихъ партикуляристическихъ стремленій. Потому они согласились съ императо-

ромъ и на всѣхъ рейхстагахъ за 1471 года дѣлали съ своей стороны разныя мелкія уступки, чтобы удовлетворить мелкія имперскія сословія, которыя одни только подлежали правиламъ императорскаго земскаго мира.

Но вскорѣ оказалось, что и такая цѣль недостижима. Города поняли намѣренія князей и не желали поддерживать реакціонныя планы императора. Они протестовали и чувствовали себя еще достаточно сильными для пассивнаго сопротивленія. Они отказались платить налогъ на войну съ турками въ указанномъ рейхстагами размѣрѣ, они противились имперской экзекуціи, назначенной императоромъ. Въ 1475 году было уже очевидно, что они не подчинятся императорскому земскому миру. Тогда императоръ оставилъ свою программу реформы— это былъ первый и послѣдній его самостоятельный планъ.

И ему пришлось бросить этотъ планъ потому еще, что въ это время произошло ухудшеніе и безъ того очень печальнаго положенія внѣшнихъ дѣлъ.

Мы уже говорили, что курія при Піѣ II начала дѣйствовать противъ короля Богеміи, Георга, какъ противъ еретика-утраквиста и что императоръ примкнулъ въ этомъ къ куріи. Во время вызванной этимъ борьбы король Георгъ скончался (22 марта 1471 года), венгры вторглись въ Богемію, король Матвѣй, который и раньше уже отнялъ у императора почти всякую власть на юго-востокѣ, еще болѣе усилился. Почти одновременно императоръ и Габсбургскій домъ потеряли всякое значеніе въ Швейцаріи. Союзники, опираясь на свои успѣхи послѣ войны съ Арманьяками, напали на послѣднія владѣнія Габсбургскаго дома къ югу отъ Баденскаго озера и верхняго Рейна. Въ 1458 году они взяли Рапперсвилль, въ 1460 Тургау, въ 1467 г. былъ имъ заложенъ Винтертуръ. Слѣдствіемъ этого былъ то, что Сигизмундъ Тирольскій, габсбургскій владѣлецъ территоріи передней Австріи, былъ вынужденъ заложить эту территорію Бургундіи за обѣщаніе постоянной защиты. Это значило уничтожить значеніе Габсбургскаго дома на юго-западѣ Германіи и отдать самому опасному врагу тогдашнихъ германскихъ интересовъ ключъ къ верхней Бургундіи, къ Швейцаріи и южной Германіи: казалось, что вскорѣ въ Альпійской области Германіи Мадьяры и Бургундцы подадутъ другъ другу руки и соединятся для борьбы противъ Германіи.

Въ виду этихъ угрозъ и въ виду равнодушнаго или даже враждебнаго отношенія центральныхъ областей Германіи императоръ Фридрихъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ отдаться въ руки Бургундіи. Онъ снова началъ переговоры съ старымъ герцогомъ Филиппомъ, но безуспѣшно. Но теперь холодному и благоразумному герцогу 15 іюня 1467 года наследовалъ его сынъ, Карлъ Смѣлый. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ—съ орлинымъ взоромъ, съ выдающимся подбородкомъ—настоящій образецъ энергіи, какъ его часто рисовалъ

Рожеръ Вейденъ. Онъ и раньше часто возставалъ противъ расчетливаго и благоразумнаго отца, теперь онъ былъ воленъ въ своихъ рѣшеніяхъ и стремился къ высшей цѣли, къ императорской коронѣ.

Ему было очень на руку то обстоятельство, что Фридрихъ нуждался въ поддержкѣ. Но какую цѣну потребовалъ бургундецъ за свою поддержку! Переходъ къ нему императорской власти, которой онъ требовалъ, означалъ для Фридриха полное отступленіе отъ его политическихъ идей, хотя бы молодой Максимилианъ, сынъ Фридриха, въ качествѣ супруга Маріи, единственной дочери Карла, и могъ послѣ смерти тестя сдѣлаться римскимъ королемъ и императоромъ; этотъ переходъ былъ также смертельнымъ ударомъ для конституціи имперіи, такъ какъ его наврядъ ли можно было осуществить когда нибудь съ согласія конституціонныхъ факторовъ. Фридрихъ былъ только равнодушенъ по отношенію къ этому послѣднему пункту, но за то онъ далеко не былъ равнодушенъ по отношенію къ первому — всякая фибра его натуры легитимиста протестовала противъ этого. Слѣдствіемъ этого было то, что переговоры между Фридрихомъ и Бургундіей затянулись, при чемъ обѣ стороны дѣлали недостаточныя уступки; наконецъ рѣшили, что личное свиданіе поведетъ къ полному соглашенію. Свиданіе происходило осенью 1473 г. въ Трирѣ. Но результатъ его былъ противоположенъ ожидаемому, 25 ноября императоръ, недовѣряя бургундскому герцогу и разсерженный имъ, поплылъ внизъ по Мозелю, даже не простившись съ нимъ. Неизвѣстно, что именно послужило поводомъ для разрыва — полная ли противоположность обоихъ этихъ государей, вмѣшательство ли испуганныхъ переговорами князей, или, быть можетъ, французскія интриги и другія тому подобныя событія; несомнѣнно было только то, что Фридрихъ пріобрѣлъ въ Бургундіи вмѣсто союзника новаго страшнаго врага, угрожавшаго всей западной половинѣ государства.

А въ это время уже готовлялись для него новыя тяжелыя униженія на юго-востокѣ, въ Австріи. Уже начиная съ шестидесятыхъ годовъ турецкія банды временами появлялись въ земляхъ габсбургскаго дома, въ 1477 году, ему объявилъ войну болѣе близкій врагъ, король Венгріи Матвѣй Корвинъ.

Послѣ этой войны, прерываемой на короткое время перемиріями, онъ съ 1479 года занялъ почти всю Австрію; завоеваніе ея казалось законченнымъ, когда въ 1483 году ему удалось заключить перемиріе съ турками. Онъ поселился въ Вѣнѣ, признавшей его королемъ въ 1485 г.; казалось несомнѣннымъ, что онъ хочетъ снова осуществить планы Отокара и императора Карла IV Венгерскаго и Австрійскаго, и только сопротивленіе Венеціи помѣшало ему завоевать и берега Адриатическаго моря.

А императоръ, какъ бѣглець, бродилъ изъ одной части Германіи

въ другую; а Германія, колеблясь въ вопросѣ, какъ ему помочь, принимая то то, то другое рѣшеніе и не прибѣгая ни къ какой рѣшительной мѣрѣ, даже не вознаградила его своимъ состраданіемъ. Казалось, что погибель римской имперіи нѣмецкой націи была дѣломъ рѣшенымъ, что средневѣковая имперія отжила свое время. Рядомъ съ Германіей, какъ представительницей имперіи, появлялись равноправныя съ ней сосѣднія націи и государства; уваженіе къ таинственной власти старыхъ традицій и Богомъ данной власти исчезло благодаря личному ничтожеству императора и очевидному разложенію давно уже начавшаго разлагаться государственнаго строя.

IV.

Полная погибель имперіи въ теченіи 15 вѣка должна была въ концѣ концовъ повлечь за собой и погибель ея отдѣльныхъ частей. Нигдѣ эта горькая истина не проявлялась въ такомъ ужасномъ видѣ, какъ на сѣверо-востокѣ Германіи, въ тѣхъ колониальныхъ областяхъ, значеніе которыхъ при энергичномъ развитіи Ганзы расширилось до вліянія на весь сѣверъ и сѣверо востокъ Европы.

Въ 1370 году Ганза достигла высшаго пункта своего развитія; послѣ славной войны она заключила съ датскимъ королемъ Вальдемаромъ Аттердагомъ миръ, который, казалось, на долго отдавалъ ея власти всѣ сѣверныя державы. Но вскорѣ послѣ этого политика Любека и Ганзы ослабѣваетъ. Патриціатъ въ городахъ становится изнѣженнымъ, преданнымъ роскоши, и съ юга къ этимъ торговымъ аристократическимъ областямъ близится движеніе цеховъ. Въ 1374 г. свирѣпствуютъ возстанія въ Брауншвейгѣ, за ними идутъ возстанія въ городахъ Стаде, Гамбургѣ, Анкламѣ; въ 1384 году въ Любекѣ былъ открытъ заговоръ цеховъ предъ самымъ началомъ приготавливаемаго возстанія. Въ 1408 году, дѣйствительно, и произошло возстаніе; результатомъ его было введеніе демократической конституціи съ подачей голосовъ по приходамъ. Но вообще въ Любекѣ, какъ и въ другихъ ганзеатическихъ городахъ, побѣдилъ городской совѣтъ, слѣдствіемъ чего были замкнутость аристократическихъ родовъ и постоянное революціонное настроеніе общины.

Такое положеніе дѣлъ было благопріятнымъ для сѣверныхъ государствъ. Въ Даніи послѣ смерти короля Вальдемара (1375) королемъ былъ избранъ пятилѣтній Олавъ Норвежскій, чему помогла и Ганза; бразды управленія за него держала его мать Маргарита, сѣверная Семирамида, настоящая дочь Вальдемара по благоразумію и энергіи. Маргарита пріобрѣла симпатіи Ганзы, потомъ направила свои силы противъ Швеціи, гдѣ господствовалъ нѣмецкій король Альбрехтъ, сынъ великаго мекленбургскаго герцога Альбрехта, окруженный много-

численнымъ нѣмецкимъ дворянствомъ. Маргарита завоевала страну, и послѣ смерти своего сына неограниченно господствовала во всѣхъ трехъ сѣверныхъ королевствахъ; Кальмарская Унія 1397 года, сохранявшаяся въ силѣ до 1524 года, хотя и нарушенная Швеціей, была результатомъ ея политики. Для Ганзы такое положеніе дѣль было бы смертельнымъ ударомъ, если бы къ счастью для нея сѣверныя королевства въ силу внутреннихъ неурядицъ не были обречены въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій на бездѣйствіе. Только теперь впервые въ нихъ водворилась ленная система и вполне окрѣпло могущество духовенства; тамъ появились тѣ же проблемы внутренняго развитія, попытки разрѣшенія которыхъ губили нѣмецкое королевство отъ 10—13 вѣковъ.

Эти внутреннія неурядицы, отъ которыхъ страдали Ганза и скандинавскія государства, принесли пользу нѣмецкимъ территоріальнымъ властямъ на берегахъ Балтійскаго моря. Графы Голштейнскіе завоевали Шлезвигъ, на основаніи мира въ Ниборгѣ (1386) онъ сдѣлался ихъ наследственнымъ леномъ; оба герцогства, казалось, соединились навсегда. Но главную пользу изъ вышеупомянутыхъ неурядицъ извлекъ нѣмецкій орденъ.

Завоеваніе Пруссіи и пріобрѣтеніе Лифляндіи было доведено орденомъ до конца въ концѣ 13 и началѣ 14 вѣковъ; въ 1309 г. резиденція гроссъ-мейстера была перенесена въ Маріенбургъ. Теперь прежде всего дѣло шло о сохраненіи этихъ владѣній противъ враждебныхъ стремленій Польши, это было достигнуто битвами въ тридцатыхъ годахъ 14 вѣка, закончившимися миромъ въ Калишѣ (1343). Но вскорѣ послѣ этаго ордену почти противъ его воли достались другія владѣнія: береговья земли Эстляндіи отъ Нарвы до Ревеля, находившіяся до тѣхъ поръ во власти датчанъ, въ виду нападений Шведовъ изъ Або и въ виду угрожающихъ насилій со стороны крестьянъ - эстовъ прибѣгли къ защитѣ Ордена и онъ въ 1346 г. купилъ у Даніи эту землю. Такое приращеніе владѣній еще болѣе, чѣмъ прежде, дѣлало Орденъ силой на берегахъ Балтійскаго моря, при чемъ ему почти въ то же время удалось подавить враждебное могущество Рижскаго архіепископа и подчинить владѣнію Ордена городъ Ригу, какъ уже раньше ему были подчинены прусскіе города.

Въ началѣ второй половины 14 вѣка для ордена начинается эпоха процвѣтанія, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго было управленіе гроссмейстера Винриха Книпроде (1351—1382), уроженца Рейнскихъ провинцій изъ страны Кельна.

Всѣ страны Ордена пользовались спокойствіемъ и безопасностью; военныя стремленія членовъ ордена находили себѣ исходъ только въ неопасныхъ походахъ противъ литовцевъ по обѣимъ большимъ до рогамъ къ Ковно и Гродно; въ битвѣ при Рудау была одержана ими

крупная побѣда. Эта битва происходила въ 1370 г., одновременно съ заключеніемъ мира между Ганзой и Даніей въ Штральзундѣ; оба эти событія были проявленіемъ высочайшаго развитія могущества нѣмцевъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ.

Прусскія земли были не только завоеваны, онѣ начали онѣмечиваться. Нѣмецкій крестьянинъ проникъ въ чащу первобытнаго лѣса далеко за предѣлы прежнихъ своихъ областей къ югу и востоку; среди обработанныхъ полей появились бурги ордена, построенные уже не изъ глины, не изъ плетня и жердей, а изъ камня—и больше всѣхъ былъ замокъ Маріенбургъ. Въ одной только главной землѣ ордена къ востоку отъ Вислы были вновь основаны тридцать городовъ; высокія каменные церкви, видныя издали, указывали на ихъ мѣста. Въ замкѣ Маріенбургѣ процвѣтало и умственное образованіе; священникъ ордена Николай изъ Іерошина переложилъ хронику своего собрата по ордену Петра изъ Дусбурга нѣмецкими стихами и самъ гроссъ-мейстеръ, Лутеръ Брауншвейгъ, пыталъ свои силы въ сочиненіи легендъ. Такимъ образомъ національно-нѣмецкіе элементы выростали на подпочвѣ туземнаго населенія; нѣмецъ, суровый и разумный, чувствовалъ себя господиномъ въ завоеванной землѣ.

Въ особенности бюргерство большихъ городовъ сдѣлалось крупной силой. Притомъ Кульмъ, Торнъ, Эльбингъ, Данцигъ, Кенигсбергъ и Браунсбергъ, шесть самыхъ большихъ городовъ страны, принадлежали къ Ганзѣ. Орденъ тоже велъ торговлю — онъ и раньше на востокѣ занимался ей. Теперь же, при увеличившейся силѣ государства, въ виду близкаго окончанія борьбы по границамъ, доходы ордена увеличивались съ каждымъ годомъ; они состояли по большей части изъ вывозимыхъ товаровъ, хлѣба, янтаря и т. д. и въ меньшей части изъ денежныхъ капиталовъ (около 5¹/₂ мил. марокъ ежегодно отъ процентовъ), въ обоихъ случаяхъ эти доходы могли реализоваться только путемъ торговли. Такимъ образомъ ордену была необходима цѣлая сѣть торговыхъ отношеній, паралельныхъ торговлѣ его городовъ. До конца 14 вѣка это было очень выгодно для городовъ, настоящей конкуренціи между гроссъ-мейстерами ордена и бюргерами еще не существовало, наоборотъ, они взаимно поддерживали другъ друга. Гроссъ-мейстера энергично заботились о торговлѣ съ Англійей, куда съ самаго начала направлялась прусская торговля съ ея вывозомъ хлѣбовъ, соды и дерева для луковъ англійскихъ стрѣлковъ; уже въ 1381 г. они независимо отъ Ганзы защищали нѣмецкихъ купцовъ въ Англии и съумѣли въ 1386, 1398 и 1404 годахъ сохранить достигнутыя выгоды, заперевъ отъ Англичанъ прусскія гавани. Орденъ покровительствовалъ также прусской торговлѣ и въ Швеціи и послѣ мира 1380 г. съ Литовцами открыли ей дорогу въ Ковно, гдѣ торговля нѣмцевъ вскорѣ замѣнила старую

ихъ торговлю съ Россіей; Ковно скоро сдѣлался конторой простого нѣмецкаго купца и опаснымъ конкурентомъ для достопочтеннаго «Петрова двора» въ Новгородѣ.

Таково было положеніе дѣлъ къ юго-востоку отъ Балтійскаго моря, когда образовался союзъ Скандинавскихъ государствъ. Вендскіе города Ганзы, главный центръ городскаго политическаго развитія, безусловно относились къ политикѣ королевы Маргариты. Иное было отношеніе прусскихъ городовъ и нѣмецкаго ордена. Они хотѣли во что бы то ни стало предупредить угрожавшую опасность господства Скандинавіи на Балтійскомъ морѣ.

Они энергично вмѣшались въ дѣло; гротъ-мейстеръ нѣмецкаго ордена въ 1398 г. взялъ Висби и островъ Готландъ и уничтожилъ морское разбойничество датскихъ и нѣмецкихъ дворянъ, которые, будучи вынуждены въ сѣверныхъ государствахъ и въ Балтійской Германіи соблюдать миръ, въ теченіе многихъ десятилѣтій занималась грубыми и опустошительными грабежами на морѣ.

Казалось, что могущество нѣмецкаго ордена на Балтійскомъ морѣ было дѣломъ рѣшеннымъ; ему повиновались на всемъ восточномъ берегу, въ его рукахъ находился Висби, стратегическій ключъ важнѣйшей въ то время морской торговой дороги. Но дѣло вышло иначе. Въ 1407 г. Орденъ снова возвратилъ Швеціи Готландъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ даже въ Пруссіи стоялъ на краю гибели.

Внѣшнимъ поводомъ къ этимъ событіямъ были отношенія къ Пруссіи и Литвѣ, а внутреннимъ ихъ основаніемъ то обстоятельство, что господство ордена въ странѣ начало разлагаться само по себѣ. Если та особенность, что территоріальная власть принадлежала корпорации, и была въ началѣ особенно выгодна для надлежащаго и правильнаго развитія страны, то уже къ концу 14 вѣка оказалось, что эта корпорация, не занятая больше внѣшними войнами, начала застывать въ рутинѣ, тѣмъ болѣе, что она не допускала въ свою среду членовъ прусскаго поземельнаго дворянства. При этомъ взаимное довѣріе между властію и бюргерами поколебалось. Въ началѣ они поддерживали другъ друга въ ихъ торговыхъ цѣляхъ, но теперь вмѣсто взаимной поддержки началась яростная конкуренція, и гротъ-мейстеры начали стремиться къ тому, чтобы отдѣлить большіе города отъ Ганзеатическаго союза и сдѣлать ихъ своими территоріальными городами. Крестьяне тоже были недовольны, они были обязаны тяжелой военной службой и притомъ совершенно лишены всякаго участія въ мѣстномъ управленіи.

При подобномъ положеніи дѣлъ внѣшнія затрудненія были роковыми для ордена. Литва въ 13 вѣкѣ состояла изъ множества мелкихъ племенныхъ государствъ. Постоянныя нападенія на нихъ ордена имѣли на нихъ такое-же вліяніе, какъ нападенія нѣмцевъ въ 10 и 11 вѣкахъ на Славянъ праваго берега Эльбы—съ первой половины

14 вѣка они начали объединяться. Во второй половинѣ этаго вѣка надъ всей землей властвовалъ уже одинъ великій князь Ягелло, какъ единственный наслѣдникъ своего отца, не смотря на то, что у него было много братьевъ. Это представляло серьезную опасность для ордена, но она сдѣлалась еще большей, когда Ягелло въ 1386 году получилъ и корону Польши, а въ 1401 году соединеніе Польши и Литвы сдѣлалось постояннымъ и прочнымъ. Такимъ образомъ земля нѣмецкаго ордена со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ небольшой части границы съ Поммераніей, была окружена единымъ государствомъ; польскіе магнаты съ жадностью смотрѣли на большую нѣмецкую землю и на принадлежавшее этой землѣ Балтійское море. Въ самой Польши вліяніе нѣмецкой культуры было почти совершенно уничтожено. Прошли тѣ времена, когда польскіе герцоги въ качествѣ нѣмецкихъ вассаловъ посѣщали рейхстаги, когда императоръ Фридрихъ II называлъ Конрада мазовецкаго *devotus noster* (преданный нашъ). Въ послѣдній разъ отстаивалъ верховную власть императора надъ Польшей Людвигъ Баварскій; съ тѣхъ поръ имперія заботилась о крайнемъ сѣверо-востокѣ только въ томъ случаѣ, когда она нуждалась въ немъ, а не тогда, когда онъ нуждался въ ней. Въ Польшѣ исчезло даже и естественное вліяніе нѣмцевъ. Польское дворянство и польскіе монастыри не ввозили больше нѣмецкихъ крестьянъ, какъ было когда то въ земляхъ аббатствъ Ленда и Вонгровицъ или въ староствахъ Мезерицъ, Копницъ и Рогазенъ; нѣмецкое право, бывшее раньше побѣдоноснымъ врагомъ права славянскаго, въ отдѣльныхъ случаяхъ воспринималось и подвергалось переработкѣ до 14 вѣка, но уже въ срединѣ 14 вѣка городамъ было воспрещено переносить свои иски въ высшій судъ Магдебурга, а въ 15 вѣкѣ повсемѣстно боролись противъ особаго нѣмецкаго права городского бюргерства. Правда, воспріятіе нѣмецкихъ вліяній славянскими народностями никогда не было особенно глубокимъ; они подчинялись этимъ вліяніямъ также, какъ позже вліяніямъ итальянскаго гуманизма и возроженія, легко и охотно, но при этомъ только временно и поверхностно. И именно лежащее въ основѣ этого явленія психологическое настроеніе было опаснымъ. Славяне, которымъ постоянно угрожали номады востока, сами заимствовали у нихъ нѣчто непостоянное, неувѣренное, —однимъ словомъ свойства, затруднявшія воспріятіе ими западно-европейской культуры и это всего болѣе замѣтно у руководящаго въ среднія вѣка славянскаго народа, у поляковъ.

Нѣмецкій орденъ долженъ былъ остерегаться поляковъ; приготовляясь къ трудной борьбѣ съ ними, онъ разсудительно оставилъ свои виды на господство надъ Балтійскимъ моремъ и старался найти поддержку въ своей нѣмецкой метрополіи. Когда ему не удалось привлечь къ себѣ при посредствѣ денегъ поммеранскихъ герцоговъ, онъ купилъ у Люксембурговъ Марку Брауденбургъ. Это приобрѣтеніе воз-

становляло сношенія ордена съ нѣмецкимъ западомъ, и притомъ отрѣзывало Польшу отъ Балтійскаго моря. Такимъ образомъ то, что должно бы было спасти орденъ отъ Польши, было поводомъ для войны. Послѣ разныхъ споровъ о пограничной крѣпости Стризенъ дѣло дошло до открытой войны; въ битвѣ при Танненбергѣ 15 іюня 1410 года орденъ потерпѣлъ полное пораженіе.

Правда, орденъ удержалъ почти неприкосновенными свои старыя границы, уступлена имъ была только Самогитія. Но пораженіе ордена повело къ вскрытію давно назрѣвшихъ внутреннихъ противорѣчій, къ возмущенію подданныхъ ордена противъ тяготѣвшаго на немъ гнета. При подобныхъ условіяхъ уже въ 1412 году Орденъ долженъ былъ уступить Польшѣ Неймаркъ, соединеніе съ Германіей было уничтожено. А внутри страны продолжалась борьба партій. Гроссмейстеръ Генрихъ Плауэнъ, хотѣвшій прекратить неурядицы созданіемъ свободной сословной конституціи, сталъ этимъ въ непримиримое противѣріе съ орденомъ; 14 октября 1413 года его лишили его сана и даже посадили въ тюрьму за тайныя соглашенія съ поляками.

Эти событія были печальнымъ предзнаменованіемъ будущихъ неурядицъ въ Пруссіи, продолжавшихся въ теченіи пятидесяти лѣтъ. Съ одной стороны страна, все болѣе и болѣе освобождаясь отъ ордена, объединялась противъ территоріальной власти при посредствѣ отдѣльныхъ союзовъ городовъ и дворянства, а съ другой стороны орденъ, упорно державшійся старыхъ принциповъ своей власти, и обѣ стороны, всегда готовыя воспользоваться противъ противниковъ помощью поляковъ — таково было положеніе дѣлъ.

Результатомъ было господство Польши. Оно сдѣлалось очевиднымъ при заключеніи мира въ Торнѣ 1466 года; Польша присоединила къ себѣ страну Кульма и нѣкоторыя другія земли къ востоку отъ Вислы, и къ западу отъ этой рѣки всю страну, включая Вердеръ; Польша достигла морскаго берега; Данцигъ, бывшій тогда главнымъ торговымъ городомъ Балтійскаго моря, съ этихъ поръ принадлежитъ королевству Бѣлаго Орла. Остальныя земли ордена сдѣлались вассальнымъ государствомъ Польши, а гроссмейстеръ ордена польскимъ княземъ. На много вѣковъ было устранено нѣмецкое вліяніе къ восточной половинѣ Балтійскихъ провинцій, большая часть пріобрѣтенной колонизаціи 13 и 14 вѣковъ была потеряна, Германія ограничена линіей Одера и Бранденбургъ сдѣлался сѣверо-восточнымъ пограничнымъ государствомъ.

Могло ли при подобныхъ условіяхъ сохраниться господство Ганзы по крайней мѣрѣ въ западной половинѣ Балтійскихъ провинцій? Вообще было ли возможно существованіе стараго Ганзеатическаго союза съ его лифляндскими, готскими и прусскими частями?

Ганза безучастно смотрѣла на начинавшуюся борьбу между Польшей и Нѣмецкимъ орденомъ. Эта борьба освобождала ее отъ угро-

жавшаго ей господства ордена надъ моремъ, къ тому же она запуталась въ дѣлахъ сѣвера. Въ сѣверныхъ королевствахъ великой королевѣ Маргаритѣ наследовалъ ея двоюродный братъ, Эрихъ Поммеранскій. Безнадежно погрязшій въ предразсудкахъ, привитыхъ ему его воспитаніемъ мелкаго нѣмецкаго князька, въ теченіи всего своего долгаго царствованія овъ стремился только къ одной цѣли: къ приобрѣтенію Шлезвига, отъ котораго Маргарита отказалась въ пользу Гольштинскаго дома. Этимъ стремленіямъ Эриха противились Вендскіе города, которымъ, конечно, не помогали города лифляндскіе и прусскіе. Началась продолжительная война, которая кончилась не въ пользу Ганзы, несмотря на то, что въ Швеціи Эриха недолюбливали, и на то, что тамъ не обращали особаго вниманія на эту специально датско-нѣмецкую войну. Эрихъ по Вордсбургскому миру въ 1435 году, правда, долженъ былъ подтвердить старыя привилегіи Ганзы во всѣхъ трехъ сѣверныхъ королевствахъ; но унія сохранилась и королю ни что не помѣшало послѣ заключенія мира пропускать чрезъ Зундъ Англичанъ и Голландцевъ, что онъ дѣлалъ во время войны для уменьшенія значенія ганзеатической торговли на Балтійскомъ морѣ. Въ самой же Ганзѣ во время войны впервые выступили на первый планъ противорѣчія интересовъ вендскихъ, прусскихъ и лифляндскихъ городовъ; уже въ 1431 году въ Ганзѣ боялись, что ихъ союзъ распадется ¹⁾. При этихъ условіяхъ вскорѣ оказалось, что борьба Ганзы съ королемъ Эрихомъ фактически повела къ уtratѣ ей власти надъ Балтійскомъ моремъ.

Прежде всего Англичане и Голландцы начали все болѣе и болѣе заниматься торговлей съ востокомъ во вредъ торговымъ интересамъ Ганзы.

Въ области теперешняго королевства Голландіи до послѣдней четверти 14 вѣка главнѣйшими городами были города Гельдерна и епископства Утрехтъ и въ особеннѣости старые торговые города Зюдерзее—Ставоренъ и Кампенъ. Они оставались вѣрными Ганзѣ. Но съ тѣхъ поръ центръ развитія Голландіи передвинулся съ востока къ западу—начинають выдвигаться на первый планъ города теперешнихъ провинцій Голландіи и Зееландіи, Роттердамъ и Амстердамъ. Развитіе этихъ городовъ представляло полную аналогію съ развитіемъ Фландріи; голландцы этой западной половины Голландіи также, какъ и фламандцы, сами по себѣ, своими собственными силами добивались моря—они не вступали въ Ганзеатическій союзъ. Прежде всего ихъ корабли направлялись въ Балтійское море, отсюда они

¹⁾ Dat id darto komen wolde, dat een islich sin egene beste soken unde proven moste, darmede de erlike bund unser hense welde geloset unde verstowet werden (дѣло дойдетъ до того, что каждый городъ будетъ заботиться о своемъ интересѣ, отчего нашъ ганзеатической союзъ распадется)—ср. Ropp, Recesses I. № 11.

привозили нужные имъ хлѣба. Скандинавскія королевства поддерживали ихъ въ этихъ плаваніяхъ, а дома они находили защиту у своихъ графовъ, потомъ у могущественнаго герцога бургундскаго, которому они подчинились съ 1428 года; такъ что Ганза ничего не могла сдѣлать противъ нихъ, они были ея упорными конкурентами на Балтійскомъ морѣ.

Еще хуже было то, что на берегахъ Балтійскаго моря появились и англичане. Въ главныхъ торговыхъ городахъ Англій отъ 12—14 вѣка купеческія гильдіи были полными монополистами. Слѣдствіемъ этаго было то, что англійская торговля прозябала и была оттѣснена въ маленькія мѣстечки. Именно этимъ обстоятельствомъ и воспользовалась Ганза, чтобы сдѣлать въ Англій преобладающей вполнѣ чужую, нѣмецкую торговлю. Но Англичане начиная съ 14 вѣка вышли изъ этой стадіи развитія. вмѣсто старыхъ мѣстныхъ гильдій появились теперь вольныя торговыя общества, особенно для морской торговли, напр. Staplers, доставлявшіе за границу сырье и Merchant adventurers, вывозившіе ткани, въ особенности въ Нидерланды. Такимъ образомъ появилась крупная англійская морская торговля, и она старалась захватить въ свои руки изстари существовавшую довольно оживленную англійскую торговлю съ Пруссіей. Уже въ 1391 году въ Данцигѣ была учреждена корпорація англійскихъ кушцовъ, но въ 1392 году по настоянію Ганзы гроссъмейстеры уничтожили ее. Но когда подъ давленіемъ войны съ Польшей торговыя интересы нѣмецкаго ордена были устранены и когда прусскіе города оставались нейтральными въ девятилѣтней войнѣ вендскихъ городовъ противъ короля Эриха, англичане еще разъ попробовали счастья; въ 1428 году была учреждена въ Данцигѣ новая англійская торговая компанія.

Въ то время, когда такимъ образомъ въ областяхъ Балтійскаго моря, до тѣхъ поръ доступныхъ почти исключительно только кушцамъ Ганзы, появились враги съ запада, одновременно все болѣе и болѣе устранялось вліяніе ганзеатическихъ городовъ, лежащихъ на берегахъ Балтійскаго моря и на Сѣверномъ морѣ. Пока удавалось удержать за собой только одну Норвегію. Но дальше къ юго-западу на ганзеатическіе корабли, не смотря на ихъ нейтральный флагъ во время войны, которую вела съ 1415 года противъ Франціи Англія въ союзѣ съ Бургундіей, нападали со всѣхъ сторонъ; было извѣстно, что нѣмецкое королевство не въ состояніи защитить нѣмецкій флагъ.

Хуже всего было то, что въ Англій начиналось все болѣе сильное движеніе противъ привиллегій Ганзы, потому что это движеніе окончательно выяснило основное противорѣчіе между торговыми интересами рейнскихъ ганзеатическихъ городовъ и интересами Остерлинговъ въ Англій.

Англичане, можетъ быть, и были бы готовы еще больше увеличить привиллегіи Ганзы въ ихъ странѣ на условіи допущенія ихъ

кораблей въ Балтійское море; это условіе было столь же пріятно западнымъ нѣмецкимъ городамъ, насколько оно было непріятно Остерлингамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Любекъ; англичане успѣшно пользовались этимъ раздоромъ во вражескомъ лагерѣ.

Столь же опаснымъ для всей Ганзы было и положеніе дѣла во Фландріи. Здѣсь Остерлинги старались изо всѣхъ силъ сохранить до-толѣ существовавшій, устарѣвшій, но выгодный для нихъ порядокъ торговли, тогда какъ западные города, во главѣ которыхъ стоялъ Кельнъ, стоявшіе ближе къ фландрской торговлѣ и самыми крѣпкими узами связанные съ процвѣтавшей голландской торговлей, старались ввести иной порядокъ. Это противорѣчіе существовавшее издавна, въ шестидесятихъ годахъ 15 вѣка дошло до того, что Кельнъ какъ одинъ изъ верховныхъ городовъ Ганзы, пытался самовластно закрыть старую контору въ Брюгге, а Любекъ въ распоряженіи 1466 года приказалъ членамъ Ганзы считать купцовъ Кельна въ земляхъ герцога Бургундскаго не принадлежащими къ Ганзѣ.

Окончательный разрывъ былъ неизбеженъ. Онъ произошелъ въ Англіи—что было очень невыгодно для Кельна и для западныхъ городовъ. Въ 1468 году въ Зундѣ были разграблены англійскіе корабли, будто бы по наученію Ганзы. Король Эдуардъ III посадилъ въ тюрьму всѣхъ проживавшихъ въ Англіи нѣмецкихъ купцовъ и воспретилъ нѣмецкую торговлю. Но Кельнъ завязалъ отдѣльные переговоры и его купцы были освобождены. Было совсѣмъ неразумно отдѣляться отъ Ганзы именно въ такомъ дѣлѣ: Кельнъ былъ теперь изолированъ отъ другихъ западныхъ городовъ. Любекъ тотчасъ же воспользовался этимъ положеніемъ для исключенія Кельна изъ Ганзы и вскорѣ Ганза, еще разъ соединенная вся, кромѣ Кельна, начала войну противъ Англіи. Въ 1472 году противъ Англіи двинулся большой флотъ и это имѣло успѣхъ. Утрехтскій миръ отъ 18 февраля 1474 года еще разъ востановлялъ старыя привилегіи Ганзы въ Англіи и открылъ надежду на вознагражденіе въ 10000 фунтовъ. Кельнъ долженъ былъ подчиниться и въ 1478 году снова присоединился къ Ганзѣ.

Но старое единеніе не было возстановлено. Торговля противорѣчія между западными и восточными городами не только продолжали существовать, но даже увеличились, и теперь не могло уже быть и рѣчи о власти надъ Балтійскимъ моремъ, не говоря уже о Сѣверномъ морѣ, несмотря на временный успѣхъ въ Англіи. Голландцы и Англичане все болѣе и болѣе появлялись въ Балтійскомъ морѣ, торговля на восточномъ берегу его дѣлалась все болѣе и болѣе зависимой отъ враждебнаго государства Польши и Литвы и чѣмъ болѣе спеціализировались торговля отношенія лифляндскихъ, прусскихъ и вендскихъ городовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они преобладали, тѣмъ болѣе эти города дѣлались враждебными другъ другу. Лифляндскіе

города захватили торговлю съ Россіей, они имѣли притязаніе издавать новыя распоряженія для «Петрова двора» въ Новгородѣ. Прусскіе города крѣпко держались за англійскую торговлю, они боялись всякаго разногласія, которое могло повредить ей. Кромѣ того они въ послѣдніе дни самостоятельности ордена все болѣе и болѣе становились территоріальными городами; когда потомъ земля ордена стала польскою или по крайней мѣрѣ подчинилась верховной власти Польши, польскіе интересы становятся самымъ важнымъ факторомъ политики на Балтійскомъ морѣ. Такимъ образомъ вендскіе города дѣлались все болѣе одинокими, Ганза теперь вся свелась къ этимъ городамъ. Какимъ образомъ она могла сопротивляться могуществу Скандинавскаго королевства?. Стремленія князей въ Германіи около середины 15 вѣка наполняли ихъ ужасомъ. Такимъ образомъ теперь они занимали въ областяхъ Балтійскаго моря тоже самое политическое положеніе, какое они занимали въ концѣ 13 и началѣ 14 вѣковъ; имъ пришлось безучастно смотрѣть, какъ датскій король въ 1469 году завоевалъ Шлезвигъ-Голштейнъ, они должны были оставить безъ протеста то, что этотъ же король въ своихъ переговорахъ съ иностранными государями, напр. съ Франціей, выдавалъ себя за ихъ патрона.

Но все же по крайней мѣрѣ вендскіе города и нѣкоторые континентальные города въ Нижней Саксоніи и Вестфалии оставались еще въ теченіи нѣкотораго времени объединенными. Въ узкой сферѣ дѣятельности они и послѣ 1460 года были способными къ энергичнымъ дѣйствіямъ, они съ успѣхомъ поддерживали свободу торговыхъ путей въ нѣмецкихъ княжествахъ, хотя эти княжества годъ отъ году становились все болѣе замкнутыми. Это единство въ сферѣ торговли давало городамъ все еще такое значительное вліяніе, что имъ удавалось на долгое время спасти ганзеатическіе города Вестфалии и нижней Саксоніи отъ поглощенія ихъ территоріальной властью. Ихъ удалось такимъ образомъ защитить Кведлинбургъ и Гальберштадтъ отъ саксонскихъ герцоговъ, Магдебургъ отъ архіепископа, Эймбекъ и Гёттингенъ отъ Брауншвейга, и въ особенности Роштокъ отъ герцоговъ Мекленбургскихъ. Но съ 1490 года интересы саксонскихъ и вендскихъ городовъ, включительно до Бремена, Гамбурга и Люненбурга, раздѣлились. Никто болѣе не противился нападеніямъ территоріальныхъ князей на ганзеатическіе города Гильдесгеймъ, Госларъ и Ганноверъ; Брауншвейгъ долженъ былъ подчиниться въ 1492 году Вельфу. Бременъ въ 1498 году сдѣлалъ попытку на общемъ собраніи Ганзы навязать ей въ патроны своего архіепископа: тутъ было столь же очевиднымъ внутреннее разложеніе Ганзы, насколько было очевидно уже и раньше превосходство силъ сѣверогерманскихъ княжествъ.

Такимъ образомъ къ концу 15 вѣка Ганза регрессировала во всѣхъ направленіяхъ. Ганзеатическая торговля, благодаря росту культуръ

и увеличенію потребительной способности населенія береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей, могла, можетъ быть, абсолютно расти: но политически-комерческое преобладаніе на сушѣ и власть надъ моремъ исчезли и въ самомъ союзѣ царила вражда; отъ 1476 года до 1494-го было только одно общее собраніе Ганзы; полное ея паденіе было только вопросомъ времени.

У.

Шестнадцатый вѣкъ и часть семнадцатаго составляютъ періодъ медленнаго умиранія Ганзы. Въ то время, какъ крупные торговцы юга Германіи создавали нѣмецкую міровую торговлю, торговые дома сѣвера оказались неспособнымъ къ прогрессу даже въ сферѣ комерческой. Они продолжали идти въ своей торговлѣ обычнымъ путемъ, у нихъ не было надлежащей гибкости, чтобы приспособиться къ требованіямъ новыхъ путей сообщенія, другихъ средствъ торговли и къ измѣнившимся потребностямъ. Они упорно отстаивали за границей призракъ своихъ старыхъ привилегій, они совсѣмъ не хотѣли принимать въ расчетъ вполне законныя стремленія народовъ сѣвера и запада къ экономическому освобожденію.

Такое поведеніе, не поддерживаемое притомъ политической силой на родинѣ, повело прежде всего къ упадку торговли Ганзы на болѣе развитомъ экономически западѣ. Ганза старалась сохранить старую торговлю изъ своего склада въ конторѣ въ Брюгге среди потока міровой торговли Фландріи и Брабанта, только въ 1502 году она уничтожила эту торговлю. Но было уже поздно; давно уже торговля избрала другіе пути, давно уже Антверпенъ соперничалъ съ Брюгге и перегналъ его, уничтоженіе склада было не развитіемъ ганзеатической торговли, а ея паденіемъ.

Утрехтскій миръ (1474 г.) сначала возстановилъ до нѣкорой степени значеніе Ганзы въ Англій, хотя раздоръ между Кельномъ и Остерлингами продолжался. Но растущая собственная торговая Англія все новелительнѣе требовала уничтоженія привилегій Ганзы. Общественное мнѣніе и парламентъ хотѣли прогресса въ торговлѣ, и Ганза съ большимъ трудомъ спасла свои привилегіи до 16 вѣка. Но ея торговля падала. Несогласія между городами дѣлали лондонскую факторію, старую Гильдію, столь же самостоятельной, какъ она была въ 12 и 13 вѣкахъ; она, а не большой туземный союзъ, Ганза, вела переговоры, была представительницей нѣмецкой торговли въ Англій. Понятно, что на Ганзу мало обращали вниманія. Все меньше и меньше прислушивались къ убѣжденіямъ и жалобамъ этаго устарѣвшаго учрежденія и королева Елизавета воспользовалась неосторожностью императора, издавшаго приказъ, воспрещавшій поселеніе англійскихъ

купцовъ въ ганзеатическихъ городахъ, чтобы уничтожить привиллегіи Ганзы въ Англии. Это было послѣднимъ камнемъ на гробницѣ когда то столь близкихъ и выгодныхъ отношеній Ганзы съ Англіей.

На крайнемъ востокѣ Ганзѣ угрожали не менѣе страшныя бѣдствія. Первые раздоры въ Новгородѣ начались въ 1468 году; но пока нѣмецкіе купцы побѣдили, такъ какъ новгородцы нуждались въ помощи нѣмецкаго ордена противъ московскихъ князей. Но нѣмцы не сумѣли спасти городъ отъ завоеванія его москвичами, въ 1478 году Новгородъ, а вмѣстѣ съ нимъ и торговля нѣмецкой факторіи, «Петрова двора», подчинился власти великаго князя. Начались годы ужаснаго утѣсненія нѣмцевъ, не щадили даже личности ихъ и съ 1494 года факторія могла считаться уничтоженной. Правда, что уже раньше этаго времени торговля съ Россіей шла главнымъ образомъ не чрезъ Новгородъ, а по пути чрезъ Дерптъ, Ревель и Нарву; но тѣмъ не менѣе то равнодушіе, съ которымъ Ганза приняла утрату своей старой факторіи, производитъ удручающее впечатлѣніе. Торговые пути въ теченіи 16 вѣка попали подъ контроль и власть Шведовъ; ганзеатическій флотъ, состоявшій изъ 40 кораблей и появившійся въ 1562 году въ водахъ Нарвы, былъ по просту захваченъ Шведами. По миру въ Штетинѣ (1570) Швеція, правда, ручалась за свободный проѣздъ въ Россію и обѣщала Любеку дать удовлетворительное вознагражденіе за его потери, но вознагражденія этаго не заплатила, а проѣздъ оставался свободнымъ только до 1572 года.

Такимъ образомъ уже во второй половинѣ 16 вѣка Швеція сдѣлалась великой силой на Балтійскомъ морѣ. И дѣйствительно, всѣ остатки политическаго вліянія и торговаго значенія Ганзы были уничтожены сѣверными королевствами.

Соединеніе этихъ королевствъ со времени Кальмарскаго собранія 17 іюля 1397 года въ теченіи многихъ лѣтъ мало вредило Ганзѣ, потому что самостоятельность королевствъ, сохранившаяся и при ихъ союзѣ, часто давала поводъ къ враждебнымъ между ними столкновеніямъ, потому что въ Даніи и Швеціи создавалась ленная система разнузданнаго дворянства и потому, наконецъ, что короли союзаго государства были ничтожными личностями. Потому нѣмцы, согласные другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ относительно своихъ торговыхъ интересовъ въ Скандинавіи, имѣли въ городахъ сѣвера во второй половинѣ 15 вѣка рѣшительное преобладаніе; Бергенъ и Стокгольмъ оставались пока чисто нѣмецкими городами.

Но къ концу 15 вѣка такое положеніе дѣлъ измѣнилось. Народы сѣвера сдѣлались нѣсколько самостоятельнѣе въ своей культурѣ; союзъ королевства, обновленный во многихъ важныхъ отношеніяхъ еще при королѣ Гансѣ (1481—1513), сдѣлался тѣснѣе, чѣмъ когда либо раньше, при даровитомъ и страстномъ государѣ, Христіанѣ II. Король воспользовался соединенными силами трехъ королевствъ для

того, чтобы поддерживать нидерландскую торговлю во вредъ торговлѣ Ганзы; нѣмецкимъ купцамъ приходилось плохо. Но безумная свирѣпость короля снова измѣнила все положеніе дѣлъ. Стокгольмская «кровавая баня» 20 ноября 1520 года отдѣлила Швецію отъ союза; въ іюнь 1523 года шведскимъ королемъ былъ избранъ Густавъ Ваза.

Это было послѣднимъ крупнымъ событіемъ, которымъ Ганза могла бы воспользоваться для возстановленія своего прежняго политическаго могущества. И дѣйствительно Любекъ, стоявшій во главѣ ганзеатическихъ городовъ, и вскорѣ составлявшій одинъ почти всю Ганзу, смѣло и энергично воспользовался этимъ поводомъ. Онъ немедленно началъ поддерживать Густава Вазу и сталъ въ дружескія отношенія съ королемъ Фридрихомъ I, наслѣдникомъ изгнаннаго изъ Даніи и Норвегіи Христіана. Такимъ образомъ онъ являлся силой рядомъ съ раздѣленными теперь сѣверными королевствами; будущее должно было показать, можетъ ли онъ стать выше ихъ.

Въ это время произошло, однако, значительное измѣненіе положенія дѣлъ. Во второмъ и третьемъ десятилѣтіяхъ 15 вѣка въ городахъ юга и запада Германіи началось и все болѣе росло конституціонное движеніе съ демократическими цѣлями; въ восьмидесятихъ годахъ оно начинается въ Брауншвейгѣ, Роштокѣ и другихъ городахъ. Одновременно съ стремленіями къ церковной реформѣ оно проникло и въ Любекъ, и частію одержало побѣду въ 1529 году и окончательно побѣдило въ 1533 году; въ этомъ году бургомистромъ Любека сдѣлался Юргенъ Вулленвеверъ, протестантъ и вождь демократіи. Являлся вопросъ, какимъ образомъ новое правительство будетъ относиться къ старымъ политическимъ цѣлямъ торговой аристократіи. Тутъ являлось значительное осложненіе. Реформація и демократическія стремленія проникли и на сѣверъ; они были оппозиціонны по отношенію къ королевской власти и центрами ихъ были большіе города Скандинавіи. Было почти неизбежнымъ, что Вулленвеверъ въ союзѣ съ ними будетъ стремиться къ возстановленію стараго величія Любека и къ уничтоженію самостоятельной королевской власти на сѣверѣ. И дѣйствительно, онъ завязалъ отношенія съ радикальными бургомистрами Копенгагена и Мальмoe и послѣ смерти Фридриха I, выставилъ нѣмецкаго кандидата на тронъ Даніи; его генераль, графъ Христіанъ Ольденбургскій лѣтомъ 1534 года завоевалъ всю Данію; крестьяне повсемѣстно возстали противъ ненавистнаго дворянства; дѣло Любека и дѣло радикаловъ казалось обезпеченнымъ.

Но датское дворянство вскорѣ оправилось отъ своего пораженія, оно въ іюнь 1534 года избрало королемъ герцога Христіана Голштейнскаго; уже въ сентябрѣ дворянскій военначальникъ, Іоаннъ Ранцау, безпокоилъ Любекъ. Въ 1535 году приверженцы Любека были разбиты при Ассенѣ на Фюненѣ, вскорѣ во владѣніи Любека

оставались только Копенгагенъ и Мальмье и осенью 1535 года ганзеатическій флотъ тщетно старался придти на помощь городамъ. Въ самомъ Любекѣ всѣ консервативные элементы возстали противъ радикализма Вулленвевера. Нѣмецкое королевство требовало восстановления старой конституціи и къ нему въ этомъ требованіи присоединились и ганзеатическіе города. 15 августа 1535 года въ Любекѣ произошла контръ-революція, и Вулленвеверъ въ 1537 году умеръ отъ руки палача въ Волфенбюттелѣ.

Все это естественно повело къ утратѣ Любекомъ власти на морѣ; формально эта утрата засвидѣтельствована по миру съ Даніей 14 февраля 1536 года. И тогда сѣверныя государства, въ особенности Швеція, начинаютъ стремиться къ господству надъ Балтійскимъ моремъ: уже Густавъ Ваза уничтожилъ въ Швеціи привиллегіи Ганзы. Въ виду этихъ событій то обстоятельство, что еще въ 1554 году къ Ганзѣ принадлежали шестьдесятъ пять городовъ и что въ 1557 году былъ принятъ почти всѣми городами новый союзный актъ, не имѣло особаго значенія ¹⁾. Ганзеатическіе города были мелкими территориальными городами и на основаніи договорнаго акта въ случаѣ войны противъ котораго либо изъ городовъ другіе обязывались бороться противъ нападающаго только посредствомъ закрытія рынковъ для его торговли и посредствомъ привиллегій для торговли города, подвергшагося нападенію—это было только тѣнью прежняго союза.

Въ большихъ городахъ бывшей Ганзы, конечно, сохранялась еще нѣкоторая торговля и накопленное раньше богатство еще во времена тридцатилѣтней войны давало городамъ возможность устраивать блестящіе празднества и производить роскошныя постройки. Въ 1570 году въ Любекѣ была начата постройка красивой залы въ стилѣ ренессансъ, пристроенной къ ратушѣ со стороны рынка, въ 1594 году былъ построенъ величественный домъ съ террасами у другого флигеля ратуши со стороны, противоположной рынку. Даже въ Стокгольмѣ въ 1636—1642 была перестроена *tyska kyrkan* (нѣмецкая кирка) и въ основанномъ въ 1619 году нѣмецкими колонистами Готенбургѣ, сдѣлавшемся теперь соперникомъ Стокгольма, была воздвигнута нѣмецкая церковь.

Но такіе признаки еще продолжавшейся жизни не должны обманывать насъ: политическое вліяніе нѣмцевъ въ Скандинавіи исчезло, торговля прозябала и даже умственное вліяніе начинало падать. Въ Даніи, Швеціи, и въ нѣкоторыхъ частяхъ Норвегіи уже въ 13 вѣкѣ сѣверно-германское искусство погибло, его мѣсто заняли ввозъ нѣмецкихъ продуктовъ и подражаніе имъ. Во всѣхъ большихъ храмахъ въ прибрежныхъ странахъ Балтійскаго моря до далекой Лап-

---

1) Риттеръ -- Deutsche Geschichte, 1.

ландіи имѣлись алтари съ нѣмецкой рѣзбой; въ Стокгольмскомъ музеѣ одна зала полна остатковъ этого искусства. Еще въ началѣ 16 вѣка рѣзные алтари привозились въ Данію изъ Любека, еще въ 1520 году нѣмецкіе художники работали въ соборѣ въ Лундѣ и даже рѣзба замка Кронсборгъ на Зундѣ (1577—1585) нѣмецкаго происхожденія.

Но если ввозъ мелкихъ художественныхъ произведеній Германіи продолжался до 17 вѣка и былъ вытѣсненъ ввозомъ французскихъ произведеній только во времена Людовика XIV, то въ сферѣ крупнаго искусства пораженіе нѣмцевъ было рѣшительнымъ уже въ срединѣ 16 вѣка; уже ратуша въ Малмoe (1543 г.) голландскаго стиля. Къ концу 16 вѣка къ стилю датско-голландскаго ренесанса относятся такія великолѣпныя зданія, какъ замки Розенборгъ (1604) и Фредериксборгъ (1602—1620) и рядомъ съ ними стоятъ зданія стиля шведско-французскаго, какъ напр. Riddarhus въ Стокгольмѣ (1648—1670) а о германскомъ стилѣ уже нѣтъ и рѣчи.
